Островитянин
Черные щиты
Отравленные земли

Джон Уэйлон

Рубеж

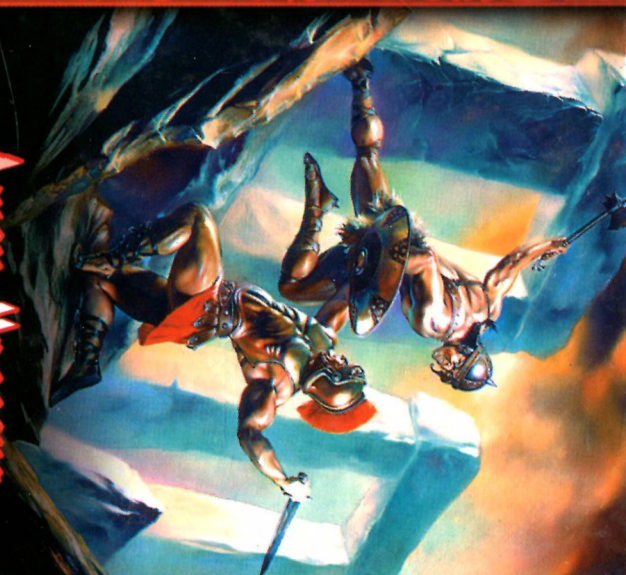
Островитянин
Черные щиты
Отравленные земли

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Джон Уэйлон

Рубеж

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

JON MADDOX

ROBERTS

The Islander

The Black Shields

The Poisoned Lands

ДЖОН МЭДДОКС
РОБЕРТС

Островитянин

Черные щиты

Отравленные земли

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)
Р58

Серия основана в 1999 году

John Maddox Roberts
THE ISLANDER
1990
THE BLACK SHIELDS
1991
THE POISONED LANDS
1992

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Перевод с английского Натальи Баулиной («Островитянин», «Черные щиты»), Надежды Смирновой («Отравленные земли»)

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum и Nova Littera Ltd.

**Подписано в печать 22.11.02. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 9000 экз. Заказ № 2370.**

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»

Робертс Дж. М.

Р58 Островитянин. Черные щиты. Отравленные земли: Фантаст. Романы: Пер. с англ. / М.Дж. Робертс. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 765, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

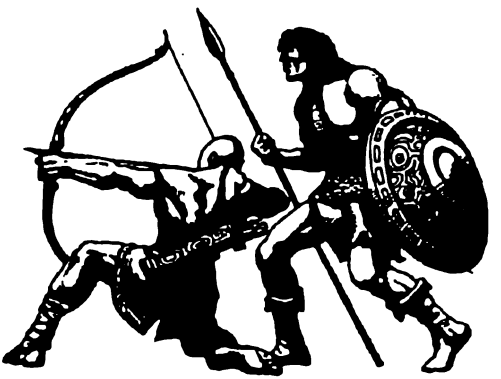
ISBN 5-17-016615-X

Мир, лишенный металлов, где достижения цивилизации граничат с самым жестоким варварством, мир луны, раненной Огненными Копьями, и безумных всадников-завоевателей на четырехгрогих скакунах... Это Земля Бурь, созданная великолепной фантазией Дж.М. Робертса, мир, где предстоит совершить восхождение от безвестности к вершинам славы и королевской власти пастуху-островитянину Гейлу.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)

© J.M. Roberts, 1990, 1991, 1992
© Перевод. Н. Баулина, 2003
© Перевод. Н. Смирнова, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Островитянин

Глава первая

При рождении мальчику было дано имя Гейл, — хотя сам он перестал считать себя ребенком с того самого дня, как прошел обряд посвящения, обрел право носить оружие и смог переселиться из родного дома в общинный лагерь воинов. Об этом мечтали все юноши племени шессинов, но добиться цели было не так просто, и далеко не всякий удостаивался такой чести.

Сейчас Гейл, правой рукой опираясь на длинное, украшенное лентами копье, безмолвно и недвижимо, словно изваяние, стоял на вершине холма, в привычной позе пастухов: поджав правую ногу и пяткой упираясь в колено левой. Он не сводил взора со стада кагг, принадлежащих племени Ночного кота, — его племени. Эти красивые массивные животные, пятнистые и одноцветные, — белоснежные, бурые, рыжие или черные, — с головой, увенчанной четырьмя витыми рогами, были основным достояние общины, ее богатством и гордостью; их берегли пуще всего прочего. Старейшина пастухов каждого животного помнил по имени и мог перечислить всю из родословную. Более всего в каггах шессины ценили шерсть и молоко; мясо же употребляли в пищу лишь в ходе самых священных обрядов, или если животное погибало от старости — либо случайной раны.

Стройный, жилистый и гибкий, широкоскулый и синеглазый, как все шессины, даже по меркам соплеменников, Гейл был весьма хорош собой. Конечно, с возрастом он еще возмужает и окрепнет, но даже сейчас, благодаря постоянным упражнениям и занятиям борьбой, юноша был сильным и мускулистым. Кожа у него была смуглая; темные, с бронзовым отливом волосы — коротко острижены во время обряда посвящения. Гейл не мог дождаться, чтобы волосы как следует отросли: тогда он наконец сможет заплести их в мелкие косички, как носят мужчины, и не будет стричься еще лет десять, пока наконец не войдет в возраст старшего воина и не обзаведется женой и собственными каггами.

Но пока он не владел ничем иным, кроме копья, полученного в наследство от старшего воина, ныне ушедшего на покой, а также одежды и украшений. И набедренная повязка, скрывавшая наготу юноши, и пушистые ленты на

щиколотках, запястьях и на голове, были пошиты из меха пестрого ночного кота, считавшегося в их племени священным животным. Именно на этого хищника отправляли охотиться в лес юного воина на последнем этапе посвящения... и не всем удавалось уцелеть во время этого поединка. Шессины были мирным племенем скотоводов и убивали животных очень редко: только во время особых церемоний, или когда хищники нападали на их стада.

Знаком посвящения у Гейла было также ожерелье из кошачьих когтей и клыков, а через плечо у него, скрепленные узким кожаным ремешком, висели мех для воды и заплечный мешок. Но ничто из этого не было так дорого молодому охотнику, не вызывало у него такой гордости и восхищения, как копье. Оружие было снабжено мощным, почти в треть длины древка, бронзовым листовидным наконечником с острыми стальными краями, прикрытыми накладками из более мягкого блестящего металла красновато-золотистого цвета. Само древко, отполированное множеством рук — ибо копье это сменило уже немало владельцев, — приобрело цвет темного золота. С противоположной от лезвия стороны красовалась упругая заостренная спираль, позволявшая втыкать оружие в землю для опоры.

Помимо Гейла, сейчас за стадом приглядывали еще не меньше дюжины соплеменников. Младшие несли дозор вокруг, на холмах и возвышенностях, охраняя подступы от хищников, а старшие сопровождали кагг, ласково трепали их по загривкам, что-то нашептывали, напевали древние пастушьи песни, одновременно высматривая, не появилось ли в стаде больных животных, не близится ли отел самок, не страдают ли они от слепней и клещей.

Повсюду вокруг, на холмах и за их пределами, высился густой лес, где, помимо птиц, животных, насекомых и лесовиков, обитали также племена охотников, которые славились мастерством своих лучников, а порой не брезговали использовать и стрелы с наконечниками, смазанными ядом. Чуть дальше, если взглянуть с самой высокой горы, можно было узреть побережье и хижины рыбаков. Хотя шессины никогда не признались бы в этом даже самим себе, но огромные лодки рыболовов составляли предмет их величайшей зависти... Кроме того, в долинах обитали еще какие-то племена, где люди ковыряли землю кривыми палками и растили какие-то семена, — но о таком истинному воину недостойно даже упоминать, и Гейл не думал о них.

На востоке, очень далеко отсюда, виднелась серая изогнутая полоса моря, отделявшего Облачный архипе-

лаг от материка. Самый большой из островов, где проживало племя Гейла, а также множество других общин, именовался Хаолом, — и для всех них он был огромным миром; происходящим за пределами острова его обитатели нимало не интересовались. Что до Гейла, то сам материк он воображал неким подобием длинного острова, где-то там, за бескрайним пространством воды, ничуть не представляя себе его подлинных размеров.

Время от времени, обычно пару раз в год, на побережье Хаола высаживались мореходы с материка. Их называли Мохнолицыми Людьми — и у них были огромные лодки, раз в двадцать больше, чем у Рыбаков. У островитян они брали мясо, сыр, выделанные шкуры, вяленую рыбу, перья птиц и жемчуг, а взамен оставляли металл, одежду и множество других замечательных вещей. Еще они запросто могли похитить зазевавшегося ребенка или красивую девушку, но со взрослыми мужчинами связываться опасались, — любой островитянин заставил бы их горько пожалеть о своей дерзости. Конечно, землекопатели и рыболовы в воинском мастерстве уступали племенам пастухов, но все же были неплохими бойцами. И уж тем более мохнолицые пришельцы никогда не рискнули бы сунуться вглубь острова и повстречаться с Охотниками.

Впрочем, сейчас все мысли Гейла занимали не чужаки с материка, а совсем иная диковина: вот уже который вечер подряд над западными скалами у него за спиной клубились огромные облака. Но сейчас юноша никак не мог выпустить из поля зрения кагг и обернуться в ту сторону, хотя поразительное зрелище очень привлекало его.

Но вот потускнели сполохи заката, и над водой на востоке показалось бледное пятно луны. С трудом, точно что-то тянуло ее вниз, она всползала над линией горизонта, серебристым светом освещая небо, которое постепенно из бирюзового сделалось пурпурным. Вид у луны был какой-то болезненный: на девственно-белой поверхности явственно проступали глубокие рытвины и грязные пятна.

Впервые за все это время юноша переменил позу: поднес руку ко лбу и склонил голову. пришло время ритуальной молитвы.

— Даруй прощение неразумным детям твоим, о Луна! — нараспев произнес он. — Мы оскорбили тебя, по недомыслию своему, и раскаиваемся в этом. Даруй же нам дождь, и приливы, что приносят рыбу, даруй плодов земле и чреву кагг и жен наших...

Помолившись, Гейл перевел взгляд вниз, с холма, где в точно таких же позах, склонив головы, стояли сей-

час его собратья. Все шессины молились луне в это время, — хотя лично Гейлу всегда казалось удивительным, что они просят светило о рыбе, которую никогда не ловили и не употребляли в пищу. Впрочем, на земле обитает множество племен, и у всех у них свои обычаи, так что, должно быть, рыбаки, вознося положенные утренние хвалы солнцу, точно так же не забывают о пастухах и их каггах...

Молодость не ведает усталости, — и все же Гейл был рад увидеть, что к нему на холм наконец поднимается Данут, которому надлежало отстоять ночную стражу.

— Повезло тебе, Гейл! — вместо приветствия, задыхаясь, воскликнул Данут. — Можешь наконец спуститься в лагерь и погреться у огня. Счастливый! А у меня еще вся ночь впереди!..

Впрочем, за Данута беспокоиться не стоило: прихватил он с собой и накидку из каггьей шерсти, чтобы уберечься от холода, и объемистый узелок с едой.

— Как же я смогу спокойно спать, зная, что ты тут один-одинешенек, под звездным небом?! — возразил Гейл. — А сменить тебя я смогу, лишь когда луна пойдет на новый круг.

Хотя было еще совсем не холодно, Данут зябко натянул на плечи накидку.

— Ты взгляни на эти тучи! Какое там звездное небо?! Еще бы ливень не хлынул!..

— Не будет дождя — не будет и травы, и наши кагги останутся голодными, — засмеялся Гейл. За брата он не слишком тревожился: шерсть кагг, подобно перьям водоплавающих птиц, не пропускала влагу, и накидка надежно защитит Данута.

Они не были детьми одной матери — но их связывали даже более тесные узы. Вообще, все молодые воины общины считались *фарстанами*, то есть братьями, но существовали также *чебас-фарстаны*, братья по плоти, и именно этот обряд совершили Гейл с Данутом, в последнюю ночь посвящения неумело, тупым кремневым ножом, сделав друг другу ритуальное обрезание. В племени Ночного кота такая связь считалась пожизненной и была сильнее всех прочих. Если один из *чебас-фарстанов* дежурил при стаде ночью, другой заступал на его место днем; они выхаживали друг друга в болезни, или если один был ранен, а в любой схватке всегда сражались спиной к спине. Если одного отправляли куда-нибудь с поручением, другой оставался присматривать за стадом. А когда молодые воины наконец взрослели, женились и заводили детей, то воспитывали их совместно, не разделяя на своих и чужих; и если одного из *чебас-фарстанов* уносила смерть, что среди шессинов считалось величайшим несчастьем, то второй

воспитывал сирот как родной отец. Потерять брата по плоти было худшим, что только может вообразить человек, а Гейл, который к тому же был сиротой, и вовсе страшился даже подумать о том, что может остаться без Данута.

— Не боишься, что еды не хватит? — осведомился Гейл, оценивающе глядя на объемистый мешок с припасами. — А то вдруг приду завтра на смену — а от тебя один иссохший скелет остался!

— Давай-давай, беги прочь, бездельник. Ночная стража — это только для настоящих мужчин. А пока я тут страдаю, как последний раб, ты можешь набить брюхо и поискать себе женщину для утех!

— Придумал тоже! — возмутился Гейл. — Забыл что ли о Празднестве Телят? Женщин четыре ночи не будет в лагере — а когда они вернутся, тут уж будет не до развлечений!

Данут вздохнул:

— О таком разве забудешь?! Но и ты не забывай держать копье готовым к бою — ты же мужчина!.. Ладно, ступай, а то скоро совсем темно станет, заплутаешь по дороге к лагерю и еще, чего доброго, оступишься и сломаешь ногу. Придется тогда тебе, как увечной кагге, проткнуть глотку копьем...

Смеясь над этой шуткой Данута, Гейл двинулся вниз по скалистому склону, не забывая, однако, соблюдать осторожность: ведь спуск, и правда, был небезопасным. Но он ходил здесь каждый день и знал дорогу наизусть, так что вскоре юноша уже благополучно вступил в пределы лагеря.

Еще на подходах молодой воин ощутил запах жареного мяса, исходивший от костров, что горели внутри круга хижин. Для празднества время, вроде бы, еще не пришло, — а значит, погибли чьи-то кагги... Топливом для костров, помимо веток, служил еще сушеный помет, который приносили в лагерь женщины. В обязанности же мужчин входило таскать от реки тяжелые кувшины с водой. Разумеется, это вызывало немало ворчания и недовольства, но на самом деле, юноши проявляли в этом деле немалое усердие, дабы с наилучшей стороны выставить себя перед женщинами. Первое время, дальше шуточных ухаживаний, разумеется, дело не шло, но когда воины взрослели, их намерения делались куда более серьезными.

Перед их с Данутом хижиной уже горел костер, и, приблизившись, Гейл первым делом воткнул в землю свое копье, а затем принял у одного из сидящих рядом мальчиков чашу с каггьим молоком. Сделав пару глотков, он передал чашу соседу. Молоко было с последней дойки и еще не успело остыть, но сегодня в него не стали добавлять кровь из

яремной вены теленка, потому что в лагере жарили свежее мясо.

— И кто сегодня стал нашим кормильцем? — поинтересовался Гейл, косясь на вертел, где исходили соком и ароматным жирком розоватые ломти.

— Мохнатые Змеи, — отозвался Ребья, точивший свой бронзовый кинжал, которым немало гордился. Когда он улыбался, становилась заметна широкая щель между передними зубами. — Во время вчерашней бури у них молнией убило двух кагг-однолеток. Тем хуже для них... и тем лучше для нас.

Когда гибли кагги, то их мясо делили между всеми членами общины, причем лучшие куски, конечно же, доставались старшим воинам и старейшинам. Ничего не получало лишь то племя, которое и понесло утрату. Они принимали трехдневный траур, пили одну только воду и мазали лица сажей.

Приподняв вертел, Гейл понюхал мясо, но есть пока не решился: хотя пастухи и пили свежую каггью кровь, но непрожаренное мясо есть опасались, полагая, что в таком куске могла задержаться душа животного. Душа может обидеться, если ее съедят, и жестоко отомстить. Хорошо еще, если человек отделается несварением желудка, но ведь может и до смерти довести!

Тем временем, небо потемнело, лишь далеко на западе озаряясь яркими зарницами. Близилась гроза, все сильнее слышались громовые раскаты, все чаще сверкали молнии. Если буря выдавалась особенно жестокой, то порой гром грохотал, как барабаны в праздник. Когда наступало время дождей, длившееся порой по полгода, то ливни с запада накатывали каждую ночь и несли с собой ветры чудовищной силы. Не зря же архипелаг и ближнюю часть материка порой именовали Грозовыми Землями...

Вскинув голову, Гейл втянул в себя напитанный дождевой влагой воздух.

— Думаю, еще добрых две луны будет дуть западный ветер. Значит, раньше нам не стоит ждать кораблей Мохнолицых.

Люо со смехом швырнул в приятеля пригоршней земли.

— Нет, ну вы послушайте! Наш Гейл может говорить с духами. Он предсказывает будущее, точно шаман! Как будто никто, кроме него, неспособен почуять, когда придет восточный ветер... Да мы впитали это с материнским молоком, брат! Может, духи открыли тебе какую-нибудь тайну поинтереснее?

Гейл сделал вид, будто веселится вместе со всеми, хотя, на деле, ему было не до смеха. Он всегда отличался от сверстников слишком серьезным отношением ко всему на

свете, и те не уставали этому поражаться. Воину подобное не пристало!.. Что же касается Гейла, то порой он жалел, что оказался сиротой — ведь из-за этого его не взял бы в ученики ни один из Говорящих с Духами. Иначе, кто знает...

— Я лично плевать хотел на мохнолицых, и на всех прочих чужаков, если они не пасут скот, — воскликнул Ребья. — Только Гейлу они и интересны. Вообразите, как-то раз я видел, что он запросто, по-свойски болтает с каким-то парнем из племени землепашцев... словно с обычным человеком!

Юнцы у костра изумленно загомонили.

— Быть не может! — сквозь смех выкрикнул Пенда. — Даже Гейл не мог бы пасть так низко! Разве что у землепашца оказалась смазливая дочурка?!

— Я хочу знать как можно больше о других племенах, — пояснил друзьям Гейл. — рано или поздно я сделаюсь верховным вождем и стану править всеми вами. К тому времени вы постареете и обрюзгнете, а копья свои отдадите молодым недоумкам... таким же, как вы сейчас. Как же мне тогда позаботиться о никчемных старцах, если не помогут соседи?!

Молодые люди добродушно расхохотались.

— Острое копье — острый язык, — провозгласил Люо, знавший несметное множество присказок и поговорок и вечно вставлявший их к месту и не к месту. Затем, ухватив вертел, он понюхал мясо и с утробным стоном впился в него зубами. Приятели тут же последовали его примеру.

Члены племени шессинов всегда отличались умеренностью в еде, презирали людей тучных и могли подолгу обходиться без пищи. Отправляясь в дальние походы, они не брали с собой ничего, кроме твердого сыра и жесткого вяленого мяса, нарезанного полосками, и запивали все это ключевой водой. Жадность и поспешность в еде была поводом для насмешек, и над Данутом подшучивали за его чревоугодие.

Доев свою порцию мяса, Гейл отошел от костра и взглянул на небо. Кое-где сквозь завесу облаков виднелись звезды. Подобно всем пастухам, юноша знал название каждой из них. Имена созвездиям были даны в глубокой древности, а потому некоторые из них назывались в честь животных и существ, которых не видывал никто из ныне живущих. Конечно, всякий знает, как выглядит рыба, рак или скорпион, но вот на что могут быть похожи Козерог, Овен, Лев или Телец? Иные утверждали, будто Телец похож на самца каггa, только с двумя, а не с четырьмя рогами, а Овен — на горного козла, но без острых клыков, способных грызть даже дерево. Лев напоминал ночного кота, только куда крупнее. Вероятно, он походил на тех кошек, что водятся в южных джунглях,

и кроме того у него была грива, как у морских котов, которые во время отлива выбираются из воды на скалы, чтобы погреться на солнце. Все эти диковинные звери исчезли в Эпоху Зла. Это было в те далекие дни, когда люди силились колдовством уничтожить друг друга. В гордыне своей они посмели напасть даже на луну. Сородичи Гейла о давно прошедших временах, или вообще о чем-то древнем и почти позабытом, говорили: «это случилось, когда Луна была еще белой».

Оказавшись у своей хижины, первым делом Гейл воткнул копье справа от входа, под навесом: чтобы не пострадало от дождя стальное лезвие и деревянное древко. Лишь темной бронзе влага была не страшна... Когда Гейл с Данутом построили себе это жилище, то бросили кости, прежде чем войти сюда в первый раз, и Гейл выиграл это место, наиболее удобное: копье само ложилось в правую руку, когда он выбирался из хижины наружу.

Ливень хлынул в тот самый миг, когда Гейл уже хотел забраться в дом. он тут же стянул с себя набедренную повязку, вместе с заплечным мешком забросил в хижину и встал прямо под теплым проливным дождем, чтобы бьющие с неба струи смыли налипшую за день грязь. Водяные капли с шипением гасили угли костров, и младшие воины торопились со смехом и радостными воплями собрать уголь в глиняные горшки, чтобы отнести в Хижину Огня. Назавтра поутру они получат горшки обратно, и не будет нужды добывать огонь заново, стирая в кровь пальцы об огненную палочку. Мало кто из людей владел магией огня. Как-то раз Гейл был свидетелем, как добывают огонь охотники, живущие в горах. У них это получалось так быстро, что за это время человек бы даже не успел пройти по лагерю из конца в конец. При этом охотники чуть слышно что-то напевали, но разобрать слова песни Гейл так и не сумел, — а в этих чарах, наверняка, и крылась главная тайна

Опустившись на четвереньки, Гейл забрался в хижину через низкий лаз. Древесный уголь, что тлел у самого входа в небольшом глиняном горшочке тлел, еще не успел погаснуть, — его дым обладал целебными свойствами и отгонял докучливых насекомых. Рядом на стене, на крючке висел мешочек, и оттуда Гейл достал еще пару мелких блестящих кусочков угля, чтобы подбросить их в плошку. Затем он улегся на каггью шкуру, брошенную поверх тюфяка, набитого ароматными травами, и перевернулся на спину, закинув руки за голову и прислушиваясь, как барабанит по крыше дождь. Шессины строили свои жилища куполообразными, покрывая каркас из выгнутых стволов молодых деревьев слоем сши-

тых друг с другом полосок коры, но проводили в своих хижинах очень мало времени, предпочитая жить на открытом воздухе. В хижинах пастухи лишь прятались от непогоды, спали, да еще занимались любовью.

С холмов, из леса, послышался яростный трубный рев: должно быть, это какой-то крупный зверь жаловался, что дождь испортил ему охоту. Звонкими голосами откликнулись ночные птицы. Но вот наконец веки Гейла сомкнулись, и он погрузился в тревожный сон. Порой ему снилось что-то знакомое, но иногда и совсем чужое. Однако если правы те, кто утверждает, будто в грезах человек способен прозревать будущее, юноша боялся и подумать, чтобы когда-то пережить то, что он видит в своих снах.

Его разбудил свиста летучих мышей-рыболовов, которые возвращались с ночной охоты к себе в пещеры.

Не тратя времени на одевание, Гейл выбрался из хижины и направился к большому чану с холодной водой, который стоял за сараем, где хранились обшитые кожей щиты, барабаны, копья, палки и мишени для тренировок, а также горшки с маслом и красками. Побрызгав водой в лицо, юноша затем прополоскал рот. Небо на востоке понемногу светлело и приобретало серовато-жемчужный оттенок.

— Эй, Гейл!

Юноша обернулся — по пятам за ним следовал Гассем. Хотя в общине все братья считались равными, но Гассем был чуть постарше, а потому поставил себя главным над прочими мальчиками. Они с Гейлом были молочными братьями, однако с детства недолюбливали друг друга, хотя и старались не показывать этого: ведь обычаи племени требовали вести себя дружелюбно. В годами, из мальчика Гассем превратился в статного, сильного мужчину. Ему нравилось увешивать себя украшениями из меди и бронзы и раскрашивать лицо в боевые цвета. Кроме того, у Гассема был превосходный меч, — кроме него, такое оружие было лишь еще у двоих воинов.

— Нынче утром останешься при женщинах водоносом, — заявил Гассем. — К стаду вернешься вечером. — Внешне он говорил вежливо, но даже не пытался скрыть неприязнь.

— Но почему опять я? — умело изобразил недовольство Гейл. На самом же деле, его сердце пело от радости: пять дней назад он помогал женщинам у реки и теперь надеялся, что снова встретит Лерису. — Воинам надлежит сражаться и охранять скот, а вовсе не таскать воду!

— Это только настоящим воинам так положено, — отрезал Гассем. В набегах он участвовал не чаще, чем прочие младшие воины, но при этом он почему-то мнил себя

сведущим в воинском искусстве. Старшие воины, вынужденные присматривать за мальчишками, никогда сами не выполняли грязную работу, а лишь следили, чтоб она была сделана. — На восходе солнца вместе с остальными отыщешь Кампу у Духова Шеста.

Гейл подошел к хижине, где жили Люо и Ребья. Мальчики еще только проснулись, и теперь стояли, зевая, потягиваясь и почесываясь. Люо первым заметил Гейла.

— Можешь зря не тратить слов, мы уже все знаем. Нынче утром мы носим воду. Гассем, величайший из воителей, уже успел осчастливить нас этой вестью.

— А ты, стало быть, пришел попросить, чтобы я хоть немного украсил тебя, дабы женщины не пришли в ужас от одного твоего вида, — вмешался Ребья. — По правде сказать, ты на редкость уродлив, но я все же попробую хоть что-то подправить. — Пригнувшись, он сунулся обратно в хижину и вскоре выбрался обратно, держа в руках плоскую деревянную коробку, где хранились плошки с красками и пара небольших гребешков. Ребья принялся колдовать над лицом Гейла: искусно подвел глаза черным, нанес несколько синих линий на щеки, кончиком пальца поставил вдоль скул ряд красных точек и завершил работу вертикальной желтой полосой на подбородке. Затем, отступив на шаг, он полюбовался на плоды своих усилий. — Ну, вот. Может, теперь они испугаются не так сильно.

— Спасибо, Ребья, что бы я без тебя делал?! Пожалуй, за это я не стану рассказывать женщинам, чем ты намедни занимался с каггой-двухлеткой!

Вернувшись в хижину, Гейл надел набедренную повязку и меховые украшения, затем повязал на лоб ленту, мечтая о том дне, когда волосы наконец снова отрастут, и он сможет заплести их в косички. После этого юноша снял с копья чехол, спрятал его в сумку и пошел к сараю, где уже собрались младшие воины. Они оглушительно хохотали и брызгались водой.

У сарая, рядом со стойкой для копий и грудой метательных палок, стоял горшок с маслом, выжатым из кулачного ореха. Ореховыми деревьями порос весь берег, их плоды очень напоминали человеческий кулак. В пищу они не годились, но из них выжимали пахучее масло, которым смазывали металл от ржавчины и наносили на кору, чтоб не пропускала влагу. Гейл смазал копье, потом натер руки, плечи и грудь, чтобы кожа стала золотистой, а затем легкой походкой направился к Шесту Духов. Шест этот, толщиной с бедро взрослого мужчины, был сделан из бронзового дерева, с вырезанными символами Духа, и считался защитным тотемом стойби-

ща. Его венчал череп ночного кота. Когда племя перебиралось на другое пастбище и приходилось вновь разбивать лагерь, шест непременно брали с собой и нести его было отнюдь не легкой задачей. Это дерево называли бронзовым отнюдь не за цвет — на самом деле, оно было почти черным, — а за то что тяжестью и прочностью оно почти не уступало металлу.

Солнце еще не успело подняться над горизонтом даже на два пальца, а водоноши уже были все в сборе. Здесь было девять младших воинов, и старший над ними — добродушный лентяй Кампо. Мужчины племени шессинов отличались красотой, но Кампо выделялся даже среди них. На шее он носил целые связки ярких бус, а также ожерелье из кованого серебра, которое выменял у чужеземцев, — предмет его особой гордости. Увидев, что все наконец собрались, Кампо махнул копьем, и группа рысцой двинулась вперед. Это была их обычная манера передвигаться, если требовалось пройти более десятка шагов; бежать так шессины могли часами, даже обремененные поклажей и оружием.

В двух лигах от лагеря, в излучине мелководной речушки Бинды, стояла деревня, состоявшая из разбросанных в беспорядке полусотни хижин и нескольких вытянутых в длину домов собраний. Чуть дальше находились загоны для скота. Деревню окружал высокой вал, с вершиной, обсаженной колючим кустарником. Такая ограда защищала людей и скот от ночных хищников. Что же касается людей, то с ними шессины всегда выходили сражаться в открытом поле, считая для себя позором укрываться за стенами.

Заходить в деревню юноши не стали, а вместо того свернули к запруде, у самого берега реки. Ее дно было выложено широкими плоскими камнями, чтобы грязь и ил не мутили воду.

Одновременно с юношами, из деревни вышли несколько женщин и тоже направились к запруде. Вскоре они встретились.

Одевались шессинки, особенно замужние, весьма целомудренно: их пестрые наряды тщательно прикрывали тело от локтей до коленей. Незамужним были позволены небольшие вольности: они оборачивали себя длинными полосами ткани, завязывая концы через плечо. Самые смелые умудрялись сделать это так, что сбоку, от плеча до бедра, оставался разрез. Носить такое одеяние считалось большим искусством: приходилось внимательно следить, чтобы разрез распахивался лишь настолько, чтобы возбудить интерес мужчин, но не позволить им увидеть слишком многое.

 Женщин к реке проводили старшие воины, и тут же

вернулись в деревню. Мальчишки не сомневались, что старики с завистью вспоминают те времена, когда сами были молодыми и не знали иных забот, кроме борцовских схваток и пастушеского труда. Юным воинам трудно было вообразить, что когда-нибудь им самим захочется обзавестись женой, детьми, имуществом и занять достойное положение в племени.

Со смехом и шутками женщины зашли в воду и принялись наполнять узкогорлые высокие кувшины. Мужчины перехватывали их на берегу и ставили на землю, усиленно делая вид, будто не прилагают к этому ни малейших усилий, и громоздкие тяжелые кувшины для них легче перышка, — женщин эти уловки весьма забавляли.

Гейл благоговел перед женщинами — они казались ему настолько же прекрасными, насколько мужественными он считал старших воинов. Юноша не подозревал, что чужеземцы полагали шессинов самым красивым из всех известных им народов, но его бы ничуть не удивило подобное мнение. В отличие от мужчин, женщины тщательно берегли лицо и руки от солнца, закрывались от палящих лучей платками и накидками, а также пользовались отварами из трав, отчего кожа их делалась золотистой. Фигуры шессинок были стройными и грациозными, глаза — ярко-синими, а волосы поражали многообразием оттенков: от темной меди до серебристого.

Чуть ниже по реке ребятишки загоняли в воду небольшое стадо квилов, — спокойных упитанных животных, величиной с каггу. Квилам требовался особый уход: их следовало каждый день не меньше часа купать в проточной воде. Животные эти не отличались сообразительностью, а потому для любого хищника могли стать легкой добычей, и охранять их приходилось пуще глаза. Дважды в год, в брачный период, квилы обрастали невероятно длинной красивой, почти невесомой шерстью, которую затем остригали и продавали мохнолицым людям с материка, и те пряли ее в своих мастерских.

С громкими криками обнаженные ребятишки резвились в воде, скребли спины квилам, а заодно мылись и сами, — под бдительным надзором воинов из общины Травяного Кота.

Подумав о мохнолицых людях, Гейл невольно провел пальцами по щекам, стараясь не размазать тщательно наложенные краски, — по счастью, кожа была гладкой. Растительность на лицах островитян была не столь обильной, как у обитателей материка, но когда приходила пора возмужания, у отроков на подбородке и верхней губе появлялись редкие тонкие волоски. Их нужно было старательно выдергивать, и после того как подобную процедуру повторяли в течение пары лет, волосы на лице вообще переставали расти.

Сейчас Гейла особенно заботила его внешность, потому что рядом была Лериса. Девушка отличалась красотой, непохожей на прочих скуластых, широколобых шессинок. У нее были тонкие черты лица и очень светлые волосы, которые контрастировали с темными, почти черными бровями. Когда она была маленькой, девочка считалась некрасивой и ей пришлось выслушать немало насмешек, пусть и не слишком обидных, — как-никак ее отец был старейшиной племени, а мать — главной повитухой. Но теперь Лериса повзрослела и превратилась в настоящую красавицу.

Сколько Гейл себя помнил, они всегда дружили с Лерисой, детьми вместе играли, купали квилов и занимались всем, чем положено заниматься детям шессинов. Они были очень близки в ту пору: Лерису прочие дети не принимали в свой круг из-за необычной внешности, а Гейла — по причине сиротства. Мать мальчика умерла родами, а отца через пару месяцев убили в схватке с воинами враждебного племени. Гейла взяли на воспитание сестра отца и ее муж, но они сделали это лишь по обязанности. В племени приемные родители мальчика занимали высокое положение, но в отличие от их родного сына Гассема, который был на семь лет старше, никакие привилегии на приемыша не распространялись. Наоборот, Гейл был почти изгоем, несмотря на то что шессины всегда отличались сплоченностью и взаимовыручкой.

Впрочем, это время отверженности давно миновало. Юноша прошел обряд посвящения и был принят в общину младших воинов. Теперь у него появилась надежда на то, что рано или поздно он станет достойным избранником для Лерисы. В племени она считалась одной из первых красавиц, и добрая половина молодых воинов слагали песни и стихи, прославлявшие ее изящество и красоту и прочившие ей в будущем место жены вождя всех шессинов.

Сегодня Лериса была в клетчатой из красно-белой накидке, на запястьях звенели браслеты из бронзы и серебра, а в ушах сверкали золотые кольца. Эти драгоценности — ее приданое — стоили дороже небольшого стадо кагг. Незаметно оттесняя приятелей, Гейл норовил сам принимать кувшины с водой из рук девушки. Заметив это, Лериса одарила юношу белозубой улыбкой, и его сердце тут же забилось еще сильнее.

Когда все кувшины были наконец наполнены, воины взяли их за большие ручки-петли, водрузив себе на голову, зашагали к деревне. Женщины, как обычно, не упустили случая позлословить насчет молодых людей.

— Люо вечно расплескивает воду, — захихикала одна.

— Видно, у него голова кривая.

— Он так часто ударялся об землю, когда мы боролись, — подтвердил Пенда, — что мог пострадать... и не только головой!

— А мне лично нравится глядеть на задницу Кампо, когда он несет кувшин, — заметила Биналла, предпочитавшая юношей постарше. — Он ею так соблазнительно покачивает!

Молодые люди, смеясь, тут же принялись поздравлять Кампо с тем, что его зад вызывает такой восторг у женщин.

— Радуйтесь, пока они молоды, — заявила Тината. Она была уже в возрасте, с лицом, изборожденным морщинами, но пока не ушла на покой, как положено матери семейства. — Как только они станут старшими воинами, от них уже никакого проку не добьешься. Только и будут знать, что пересчитывать свой скот, напиваться допьяна, да соблазнять чужих жен. — Ее слова вызвали одобрительное хихиканье замужних женщин.

Лериса тем временем оказалась рядом с Гейлом, и он судорожно думал, какую бы отпустить шутку, чтобы привлечь внимание девушки. Он никогда себе не простит, если так и не скажет ничего подходящего. От девушки сладко пахло маслом кулачного ореха, к этому аромату примешивался запах цветочных лепестков.

— Как красиво у тебя сегодня раскрашено лицо, Гейл, — вдруг заметила Лериса со вздохом. — Жаль, что женщинам утром не позволяют наносить на лицо краску.

Таким удачным поводом нельзя было не воспользоваться

— Тебе, Лериса, краска не нужна ни утром, ни вечером! — воскликнул Гейл. — Твоя красота и так совершенна!

Девушка заулыбалась и на ее щеках появились прелестные ямочки.

— Какой же ты льстец! Впрочем, меня об этом предупреждали. — Она сделала вид, будто ищет кого-то среди младших воинов. — А почему же с вами нет Гассема?

Гейл вспыхнул от гнева и обиды, хотя прекрасно понимал, что Лериса спросила о Гассеме нарочно, чтоб поддразнить его.

— Он остался в лагере. Мнит себя великим воином, который не опустится до того, чтобы таскать воду. А ты что же, теперь как Биналла, предпочитаешь тех, кто постарше?

Девушка засияла от удовольствия: ей явно удалось уязвить юношу.

— Тебя это удивляет? Гассем хорош собой, к тому же он вождь Ночных Котов, а со временем станет одним из главных среди старших воинов.

— У нас нет вождей! — возразил Гейл. — Он просто

старше нас, вот и все. Ему не повезло: он был слишком молод во время последнего посвящения в старшие воины.

Лериса натянуто засмеялась и отошла к подругам. Гейл не сомневался, что сейчас она рассказывает им, как ловко поставила глупого юнца на место.

— Если бы мужчинам можно было бороться с женщинами, — заметил Ребья, — то ты, брат, сейчас валялся бы на земле.

— Кто поймет, что у женщин на уме? — вздохнул Люо. — По всему видать, наш могучий Гассем, славнейший из воинов, вышел победителем в состязании, на котором даже не присутствовал.

Гейл промолчал. Они подошли к воротам, где стоял деревянный Шест Духа. Каждый год этот древний, покрытый замысловатой резьбой столб украшали хвостами жертвенных кагг. На скамье перед Шестом сидел Говорящий с Духами, шаман Тейто Мол, и приветственно кивал проходящим мимо. Морщинистое лицо старика прикрывала от солнца соломенная шляпа.

Сейчас Тейто Мола не сводил взгляда с Гейла. Судьба жестоко обошлась с юношей, сделав его сиротой, — ведь во всем племени никто, кроме Гейла, не был достоин стать новым Говорящим с Духами. Однажды, на ежегодном совете Говорящих с Духами, Тейто Мол попросил сделать для Гейла исключение и позволить ему взять мальчика в ученики. Однако после длительных споров и обсуждений решили, что древнее правило нарушить нельзя. Кто знает, что может случится, если искусством Говорящих с Духами овладеет сирота?

Тейто Мол досадовал, что ему никак не удается найти себе подходящего ученика: нынешний мальчик, которого старику все-таки пришлось взять к себе, большими способностями не обладал. Сам Тейто Мол не сомневался, что духам нужен именно Гейл — возможно, именно поэтому юношу преследовал злой рок: гибель родителей, равнодушие опекунов, издевательства молочного брата Гассема... Гейла никак нельзя было назвать счастливчиком!

О Гассеме Тейто Мол думать вспоминать. Он чувствовал, что этот юноша способен на недобрые поступки, хотя до сих пор это проявлялось лишь в том, как он третировал младших. Обряд посвящения в воины устраивался далеко не каждый год, и потому всегда находилось несколько юношей, которые не могли его пройти из-за того, что были моложе определенного возраста — порой таким неудачникам приходилось ждать чуть ли не до двадцати лет, чтобы сделаться хотя бы младшим воином. Большинство из них принимали свою судьбу стоически — как, например, Кампо, который все еще

считался мальчиком, хотя многие его ровесники уже собирались жениться. Однако это было лишь данью традиции — так или иначе, ни один мужчина не занимал высокого положения в племени, пока не достигал истинной зрелости. К тому же, когда эти юноши наконец проходили посвящение, за долгое ожидание наградой им было множество привилегий: они считались вождями у младших воинов, по ночам они не стояли на страже, а днем могли вволю совершенствоваться в боевом искусстве или осматривать стада. Позже, став наконец старшими воинами, они считались самыми опытными мужчинами, были предводителями в набегах и битвах и самыми завидными мужьями.

Однако некоторым столь долгое ожидание шло не на пользу, и Гассем, несомненно, был из их числа. Много лет, бритоголовым мальчишкой, он тщетно мечтал заплести волосы в косички воина; носил посох квильего пастуха, тоскуя от невозможности носить копье; сгорал от зависти, слушая как юноши, старше его всего на пару месяцев, с гордостью рассказывают о битвах, бахвалятся окровавленными копьями и стадами кагг, угнанными у врагов.

Несомненно, Тейто Мол чувствовал, что в Гассеме таится зло. Старик размышлял об этом, почесывая колено и поглядывая на небольшую ямку в земле в нескольких шагах от себя. Вот из норки показалась мохнатая головка рогача-землеройки — вертя ею по сторонам, зверек внимательно оглядел окрестность. Гладкая безухая головка с любопытными глазками-бусинками украшена коротким раздвоенным рогом. Вслед за головой появились могучие когти, которыми рогач, не переставая, рыл землю. Наконец он весь вылез на поверхность, в сопровождении своего семейства. Зверьки тотчас принялось раскапывать почву в поисках орехов и семян.

— Ну, рогачи-землеройки, может, хоть вы мне что-нибудь поведаете? — обратился к ним Тейто Мол. — Почему же я ощущаю зло? Сдается мне, вы могли бы поговорить об этом с подземными духами.

Рогачи-землеройки ничего не ответили старику, — впрочем, он и не ждал ответа. Люди вообще не представляли для этих зверьков интереса: огромные, неуклюжие создания, от которых не было особой опасности, в отличие от хищных птиц и дневных летучих мышей, а также змей, ящериц и прочих плотоядных тварей.

Тейто Мол лениво погремел ожерельем из костей, болтающимся на иссохшей шее. Он был очень стар, волосы его стали совершенно седыми, а глаза утратили прежнюю зоркость, но он не испытывал особого сожаления от мысли, что

вскоре придется покинуть этот мир. Напротив, он радовался при мысли, что он не доживет до того дня, когда ощущаемое им зло наконец вырвется на свободу.

После того, как мужчины поставили кувшины под навес посреди деревни, к ним подошла женщина средних лет и хлопнула в ладоши, требуя внимания. Это была Амарра, главная повитуха деревни, мать Лерисы.

— Едва лишь солнце перевалит за полдень, — объявила она, — мы, женщины, удалимся в женские дома для трехдневного очищения перед Празднеством Телят. Молодым мужчинам следует держаться от нас подальше, пока не закончится ритуал. Старшие воины и старейшины в эти дни могут есть то, что сумеют сами приготовить, или же голодать — как пожелают. — Затем, по традиции, она добавила: — Всякого, кто нарушит эти запреты, ждет кара, слишком ужасная, чтобы говорить о ней вслух. Теперь ступайте. Вы должны подготовиться: вас ждет много бессонных ночей. Отел начнется еще до середины нынешней луны.

— Это будут тяжелые деньки, — заметил Ребья, когда юноши направились к воротам.

Время, проведенное в уединении, позволяло женщинам ритуально очиститься, чтобы затем присутствовать при отеле самок каггов, тогда как мужчинам это было запрещено. В течение двадцати дней и ночей или даже дольше женщинам надлежало находиться в стаде, а мужчинам стоять на страже, поскольку при отеле звуки и запахи привлекали хищников со всей округи.

— Зато будет возможность отличиться, — возразил Люо. — Можно, не нарушая табу, прямо на глазах у всего племени убить большую кошку или даже длинношея, а потом до конца жизни красоваться в его шкуре.

Гейл похлопал приятеля по плечу:

— Скажи на милость, и часто ли такое случается? Вот в прошлом году община Клыков убила огромного кота, что выбрался из джунглей во время отела. Тогда многие бросили копья — и что же? Каждому досталось лишь по меховому браслету на запястье!

— Гейл как всегда говорит о мрачном, — взвыл Ребья, призывая в свидетели небо. — Не может дать человеку помечтать, не полив огни славы своей мочой.

— Перед тобой такие огни пока не горят, — возразил Гейл. — Разве что угли тлеют...

У самых ворот юношу окликнул Тейто Мол:

— Задержись ненадолго, Гейл, побудь со мной.

Юноша подошел к старику, а его друзья поспешили

к лагерю. Бежавший впереди Кампо затянул боевую песню, и ее тут же слаженно подхватили остальные. Гейл уселся на корточки рядом с Говорящим с Духами, обеими руками держа перед собой копье и почтительно ожидая, чтобы старик заговорил первым.

— Тебе ведь нравится жизнь воина, Гейл?

— Конечно. Кому она может не понравиться? — удивился юноша.

— Раз уж тебе не суждено стать Говорящим с Духами, хорошо, что ты находишь терпимой жизнь, которая тебе предстоит. Похоже, ты неплохо ладишь с братьями по общине?

— Да, почти со всеми, — помедлив, отозвался Гейл.

— Но только не с Гассемом.

— Едва ли это кого-нибудь может удивить. Он никогда не предлагал мне дружбу, а теперь его неприязнь сдерживают только обычаи. — Гейлу явно не хотелось говорить об этом. Разговор о Гассеме возвращал его к реальности, которую он предпочел бы не замечать.

— Гассем, как и ты, стал воином совсем недавно. Скоро он почувствует себя более уверенно, и вот тогда тебе придется как следует за ним приглядывать. Считается, что все младшие воины равны между собой, но это не так. Гассем может причинить тебе немало вреда, и при удобном случае он это сделает.

— Я сумею за себя постоять, — уверенно воскликнул Гейл.

— Не думаю, что бой будет честный, — вздохнул Тейто Мол. — Он не станет нападать в открытую. У Гассема было больше времени, чтобы изучить людские нравы. Он сможет настроить против тебя других — да так, что они и сами того не заметят. Он может навредить тебе здесь, в деревне, пока ты будешь оставаться в лагере.

Гейл недоверчиво покосился на старика.

— Но зачем? — спросил он очень серьезно. — Да, мы никогда не любили друг друга, но ведь я ни разу не угрожал ему. Если он сможет пережить годы воина, то станет уважаемым старейшиной, у него будет много жен и большое стадо. Мне же вполне достаточно одной жены и пары кагг. Какой смысл ему унижать меня?

— Он видит в тебе нечто особенное — я тоже это вижу, но в отличие от меня, Гассему это не по душе. В тебе есть то, чего недостает прочим юношам. Ты серьезен и уравновешен, как старший воин, хоть ты и моложе большинства собратьев. Сейчас тебя пока еще поддразнивают, но скоро начнут уважать и будут обращаться к тебе за советом, предлагать стать военным вождем. Гассем не сможет с этим смириться.

Гейл поднял глаза к небу: там ветер гнал облака. Не-

вдалеке паслось стадо многорогов, с виду безмятежных, но на самом деле беспокойных и настороженных животных. Стоит показаться хищнику, как стройные ноги тотчас унесут их прочь.

— Я не могу сразиться с ним биться: правила общины запрещают. Когда мы станем старшими воинами, я смогу вызвать Гассема на поединок, но до этого еще далеко.

— Ты прав. А пока не спуская с него глаз. Будь бдителен и не стесняйся обращаться ко мне за советом.

— Благодарю тебя, Говорящий с Духами.

— Это мой долг. И один совет я готов дать тебе прямо сейчас, хотя, не думаю, что он придется тебе по душе. Молодые люди часто заигрывают с женщинами и ухаживают за ними — это совершенно естественно. Они должны узнать характер и привычки друг друга, и к тому же ухаживание доставляет и тем, и другим большое удовольствие. Но я не советую тебе отдавать свое сердце единственной женщине. Особенно сверстнице, такой, как Лериса.

Гейл почувствовал, как неудержимо краснеет.

— Но ведь мы с ней знаем друг друга с детства! Она единственная в деревне не напоминала мне то и дело, что я сирота. Как будто я в этом виноват!

— Лериса была одиноким ребенком, но теперь она стала женщиной, прекрасной и желанной. Дай-ка я подсчитаю... — Старик задумчиво поскреб подбородок. — В следующее полнолуние тебе ведь исполнится шестнадцать?

— Да.

— И ей примерно столько же. Для женщины это уже брачный возраст. А ты не сможешь жениться до следующего посвящения, и произойдет это не раньше, чем через семь лет. А возможно, что и через десять, если не наберется нужного числа мальчиков, готовых принять посвящение. Неужто ты думаешь, она будет ждать тебя так долго?

— Нет, — отозвался Гейл. Он совсем пал духом и чувствовал себя очень несчастным. Вообще-то подобные мысли приходили ему в голову, но он старался гнать их от себя.

— Гейл, сейчас я скажу тебе одну вещь, которую должен понимать каждый мужчина, хотя немногие задумывается об этом в дни юности. Почему у нас такие обычаи? Почему мы отделяем молодых мужчин от племени, отправляем их жить в лагеря и не позволяем возвращаться в деревню, обзаводиться имуществом и жениться до достижения зрелого возраста?

— Хм-м... — задумчиво протянул юноша. — Но ведь кто-то должен охранять кагг, защищать деревню от нападения и участвовать в набегах...

— Другие племена тоже занимаются этим, но прекрасно обходятся без воинских общин. Через год или два Лериса выйдет замуж за старшего воина или даже старейшину — только потому, что больше ей будет выйти не за кого. Молодых женщин всегда берут в жены зрелые мужчины. У старших больше кагг и другого скота, они могут поднести богатые свадебные дары. Скажи, Гейл, что происходит, когда вы пригоняете из набега стадо кагг?

— В деревне устраивают пир, — ответил юноша, уже начиная понимать, чего добивается от него старик. Обычаи существовали исстари, им следовали, не раздумывая, и Гейлу прежде даже в голову не приходило размышлять о справедливости испокон веков установленного порядка.

— Совершенно верно. Нескольких животных вы убиваете, устраиваете пир для всей деревни, а кровь проливаете на землю, в благодарность духам. Потом несколько голов скота получают ваши отцы, а остальных кагг делят между собой старейшины. Ты понимаешь? Старших воинов всегда много меньше, чем младших, а до возраста старейшин доживают лишь единицы. Большая часть наших обычаев рассчитаны на то, чтобы держать вас, юных сорвиголов, подальше от деревни. Потому что почти все добытое вами, и самые желанные женщины достаются не вам, а старшим — тем, в чьих руках власть и закон.

— Прежде я никогда не задумывался над этим, — признал Гейл. — Я всегда полагал, что мы выполняем свои обязанности, потому что... ну, потому что должны их выполнять. Потому что так заведено у шессинов.

Достав из кожаного мешочка гадальные кости, Тейто Мол бросил их себе под ноги, внимательно посмотрел, как они легли, подобрал кости и кинул вновь. Удовлетворенный увиденным, старик собрал их и вновь убрал в мешочек.

— Наши обычаи не так уж плохи, — продолжил он. — Люди должны придерживаться устоев и запретов, иначе жизнь превратится в хаос. Однако вряд ли наши обычаи подойдут землепашцам, охотникам или рыбакам, и уж тем более никто не знает, как живут люди за морем. Наши традиции делают нас независимыми и даже богатыми. Да и в том, что мальчишек в самом буйном возрасте выгоняют из деревни, тоже нет ничего плохого.

Гейл внимательно слушал Говорящего с Духами. За рекой пастухи, дождавшись, чтобы закончили пастись многороги, погнали их на запад. Зоркие глаза юноши могли разглядеть даже охотящихся птиц-убийц на вершине горы. Крылья этих созданий напоминали короткие обрубки, зато огром-

ные когтистые лапы давали им возможность бегать по земле почти так же быстр, как многороги, а длинные кривые клювы разрывали мясо не хуже, чем клыки лесного кота.

— Запомни хорошенько, — продолжил Тейто Мол. — Люди в этой жизни добиваются не только воинской славы или уважения товарищей. Они хотят получить богатства, женщин, положение в племени, и, конечно, власть. Ради этого они могут замышлять недоброе и вступать в тайные сговоры. Чем старше становится юноша — посмотри на Гассема, — тем больше он начинает ценить все это. Помни, Гейл, Гассем только и ждет, когда наконец станет старшим воином. Он хитер и найдет способ настроить против тебя старейшин. Будь осторожен и никогда не забывай, что даже самый доблестный воин со спины уязвим, как у любой человек.

— Об этом тебе поведали духи? — спросил Гейл.

— Нет, мой мальчик. Духи — это создания природы. Они могут влиять на плодовитость кагг и даровать удачу на охоте, вызвать дождь и предотвратить бурю, или даже уберечь от пожара. Но они редко вмешиваются в дела людей. Я очень стар и многое повидал на своем веку, поэтому мне понятны помыслы людей, даже когда они сами еще ни о чем не догадываются. К тому же мне, Говорящему с Духами, многое видно со стороны. Я не могу участвовать в сражениях и не имею права владеть каким-либо имуществом, кроме принадлежностей своего ремесла. Моя жена умерла много лет назад, а Говорящий с Духами может жениться только один раз, ему запрещено брать вторую жену или присоединяться к чьему-либо брачному союзу. Я никогда не смогу стать вождем или занять место в совете племени. Я знаю: все это для меня недостижимо, и даже не мечтаю об этом. Вот почему я способен беспристрастно наблюдать за своими собратьями.

Похоже, теперь, старик сказал ему все, что хотел. Гейл поднялся на ноги

— Благодарю тебя за добрые советы, — почтительно произнес юноша. — Теперь мне будет о чем подумать.

Тейто Мол усмехнулся.

— Сегодня выдался славный денек, Гейл. Пусть то, что я сказал, не слишком печалит тебя. В твоем возрасте надо наслаждаться жизнью. Однако не забывай, что на свете существуют опасности посерьезнее, чем дикие звери и недруги, нападающие на племя.

— Я запомню это, — сказал Гейл, а затем развернулся и побежал в деревню.

Тейто Мол проводил взглядом удаляющегося юношу. Он знал, что сделал все возможное, чтобы предупре-

дить Гейла, однако на сердце у старика все равно было тревожно. Он слегка покривил душой, когда сказал, что духи не вмешиваются в дела людей, — хотя в большинстве случаев так оно и было. Однако Тейто Мол не сомневался, что самим Гейлом духи весьма сильно интересуются. Но юноше он об этом сказать не мог. Старик и сам не все до конца понимал. Он вновь вынул кости, кинул их на землю и принялся гадать, что же судьба готовит Гейлу.

А Гейл тем временем вприпрыжку бежал по мягкой траве. Вокруг царили мир и покой, ярко светило солнце, однако слова Говорящего с Духами вселили тревогу в сердце юноши. Жизнь стала казаться ему далеко не такой безоблачной, как прежде. Впрочем денек нынче и впрямь выдался на славу, и даже удалось поболтать с Лерисой. Хотя о самом разговоре вспоминать не хотелось...

Внезапно юноша заметил какое-то шевеление в траве и замер, взяв копье наизготовку. Там мог затаиться кто угодно — даже травяной кот. Этот некрупный хищник способен с легкостью расправиться с жертвой, если застигнет ее врасплох. Травяные коты обладали поразительной способностью оставаться незамеченными до самого последнего момента, — когда прыжком набрасывались на добычу. А все благодаря цвету шерсти, желтовато-бурой во время засухи, и слегка зеленоватой в сезон дождей...

Но сейчас Гейл вздохнул с облегчением, завидев большое неуклюжее животное: это была туна — дикий родич квила. Морду ее украшали два кривых бивня длиной в локоть. С тунами следовало всегда держаться настороже, поскольку они не отличались мирным нравом и могли взъяриться от любого пустяка. Туна подняла на Гейла маленькие, глубоко посаженные глазки, затем потрясла головой и с громким фырканьем исчезла в траве. Должно быть, где-то неподалеку притаились ее детеныши.

А Гейл спокойно двинулся дальше.

Глава вторая

И вот наконец наступил долгожданный День Телят. Женщинам предстоял длительный очистительный ритуал, и потому всех мужчин племени изгнали из деревни. Под недовольным ворчанием скрывая праздничное настроение, те разбрелись по пастушеским лагерям, волоча за собой фляги с хмельным хойлем и мешки со снедью. Оглушительно забили барабаны, возвещая начало обряда очищения у женщин.

Тем временем юноши в своих лагерях отдыхали от тяжелой работы: сражались между собой, соревновались в метании копий, танцевали, — пока старшие воины и старейшины сетовали на то, какой невыносимой и скучной может быть жизнь под пятой у жены. Фляги с хойлем быстро пустели. Хоть младшим воинам пить спиртное и не дозволялось, этот обычай не имел силы запрета, на его нарушение смотрели сквозь пальцы, но лишь до тех пор, пока кто-нибудь из юношей не напивался до полного неприличия. Чтобы приготовить хойль, мякоть плодов смешивали с медом и водой и несколько месяцев держали в больших кувшинах, чтобы напиток забродил. Потом его процеживали и около года, а иногда и дольше, хранили в особых флягах. Следили за хойлем особо обученные женщины, которые знали все необходимые заклинания и ритуальные песни, без которых хорошего напитка не получится. Духи также были большими охотниками до свежего хойля, но стоило им забраться в кувшин, чтобы его попробовать, как напиток тотчас скисал.

Большинству старших воинов была свойственна надменностью и самоуверенностью, что, в общем-то, и неудивительно для людей, сумевших пережить полные опасности годы юности. Теперь они уже не участвовали в набегах за каггами, но оставались главной ударной силой в сражениях с враждебными племенами. Отряд младших воинов, выстроенный клином, именовался «копьем», а группа старших воинов преграждавшая неприятелю путь к деревне, носила название «щит». В больших битвах, когда сражались сразу несколько деревень — такое случалось один раз в десять-двадцать лет, не чаще, — старшие воины стояли в центре защитной линии, тогда как младшие держались на изогнутых полумесяцем

флангах, окружали врага и уничтожали его, прижимая к несокрушимому центру обороны.

Свои длинные волосы старшие воины заплетали в косу на затылке или же в две косицы за ушами. Они носили набедренные повязки или яркие короткие холщовые накидки. Самые тщеславные красной краской обводили шрамы на лице и на теле.

Что касается старейшин, то они вечно кутались в длинные широкие плащи и опирались на тяжелые посохи, которые при случае могли также служить им оружием. Они коротко стригли седые волосы и презирали украшения. Все они были богаты, имели множество жен, детей и обширные стада. Старейшины селились в небольших семейных хуторах за пределами деревни — там они ставили отдельные хижины для каждой жены и загоны для скота. Чем больше было хижин, тем богаче считался старейшина. Дети помогали родителям пасти скот. Хотя для присмотра за стадами держали пленников-рабов, но этот обычай появился недавно и до сих пор вызывал споры среди старейшин и Говорящих с Духами. Вообще, старейшиной становился, в лучшем случае, один мужчина из десяти: остальных гибли в набегах, от когтей хищников и от болезней. Участь женщин была немногим лучше, и мало кто доживал до старости, умирая при родах или попадая в плен к другим племенам.

Под надзором удобно расположившихся в тени стариков, юнцы упражнялись в воинском искусстве. Одни боролись друг с дружкой, поднимая облака пыли, другие тренировались в метании палок из бронзового дерева. В бою каждый воин в руке, защищенной щитом держал пять-шесть таких палок длиной в локоть и мог бросать их с невероятной точностью и силой. Во время тренировки молодые люди по очереди метали палки друг в друга, причем тот, в кого бросали, должен был либо увернуться, либо отбить удар щитом, — и стук при ударе метательной палки о крепкий щит из сыромятной кожи доносился за сотню шагов. Самым ловким удавалось перехватить жердь прямо в полете и швырнуть обратно, однако это было весьма опасно, так как брошенная с большой скоростью и силой палка могла запросто пробить руку. Что касается острых копий, то их метали в мишени, представлявшие собой сплетенные из прутьев и набитые травой цилиндры в человеческий рост высотой.

Сейчас Гейл и еще несколько юношей метали копья, а рядом старшие воины со знанием дела обсуждали каждый бросок. В руках у молодых людей были копья длиной в пять локтей и весом раза в три меньше, чем у боевого оружия.

Эти копья из крепкого дерева с литыми бронзовыми наконечниками доставлялись с материка и были весьма долговечными.

Юноша по имени Соун взял в руку копье, взвесил на ладони и направился к линии в пятидесяти локтях от мишени. Оружие устремилось к цели. Бросок был неплохой, но Соун забыл в нужный момент затаить дыхание, и наконечник только зацепил мишень, а затем соскользнул и воткнулся в землю. Подвыпившие старшие воины встретили оплошность юнца насмешками и гневными возгласами.

— Если бы мы так плохо владели оружием, то не видать бы нам победы над асаса! — закричал один из них. Многочисленные шрамы свидетельствовали о том, что этому воину пришлось участвовать не в одном сражении. Асаса, обитавшие на юге, также пасли скот и, подобно всем островитянам, говорили на языке, похожем на язык шессинов, но обычаи у них были совсем другие. Молодой воин отошел в сторону, побагровев от стыда. Но юношам было никуда не деться от насмешек, ведь они еще не успели показать себя в бою... или погибнуть.

— Ничего, зато Гейл нам сейчас покажет, как метать копье!

Гейл вскинул голову — даже не оборачиваясь, он узнал голос Гассема. Тот держался рядом со старшими, будто был одним из них. Теперь, когда Тайта Мол поведал Гейлу, чего можно ожидать от Гассема, тот был готов к любой подлости со стороны названного брата.

— Давай, покажи нам настоящий бросок, Гейл, — продолжал подначивать его Гассем, — а то наши доблестные мужчины подумают, будто воины из общины Ночного Кота не смогут постоять за себя в бою. — Он с едкой ухмылкой повернулся к старшим. — Вот увидите — Гейл может попасть не только в ближайшую, но и в самую дальнюю мишень.

— Ну, вперед, Гейл! — икая от выпитого хойля, крикнул воин с длинными, падающими на грудь косами.

Ни слова не сказав в ответ, молодой воин подошел к стойке с копьями. Гассем все рассчитал верно. Он не стал вызывать Гейла на рукопашный бой или на поединок на мечах, потому что знал, что его соперник превосходно владеет этим оружием. А вот в метании копья Гейл был пока еще не слишком силен, поскольку еще не достиг зрелости и продолжал расти, а стало быть, соотношение между длиной его рук и расстоянием между глазом и ладонями постоянно менялось, мешая точности броска. Гейл принялся тщательно выбирать метательное копье, чтобы древко его было идеально прямым, а наконечник сидел достаточно плотно. Наконец

он нашел оружие, показавшееся ему вполне подходящим, и шагнул к линии. На сей раз притихли даже старшие, чувствуя, что юноше брошен серьезный вызов.

Дальняя мишень находилась в пятидесяти шагах от линии броска — пустяковое расстояние для стрелы, но далековато для точного броска копьем. Другие племена соревновались в метании копий просто на дальность, однако шессины считали, что оружие, не способное поразить цель, — это просто детская игрушка, и упражнялись, метая копья лишь на такое расстояние, на котором можно нанести противнику смертельный удар.

Нагнувшись, Гейл взял горсть земли и, подбросив в воздух, по падению комочков постарался определить скорость и направление ветра. Заметив, как ложится трава возле мишени, он понял, что ветер там меняется. Наконец, повернувшись, юноша не спеша зашагал от линии метания и, отойдя шагов на двадцать, вскинул копье.

Сперва молодой воин сделал мощный прыжок; затем шаги его сделались более короткими и стремительными. Он отвел руку с копьем назад и сделал последний короткий скачок. Едва лишь левая нога Гейла коснулась земли, как, в полной гармонии мышц плеча, груди и торса, почти прямая рука рванулась вперед и достигла верхней точки своего движения. Древко скользнуло сквозь пальцы, и Гейл сделал заключительное резкое движение запястьем, чтобы придать летящему снаряду вращательное движение.

Копье взмыло вверх по пологой дуге и, дойдя до верхней точки, замедлило полет. На гранях бронзового наконечника играли солнечные блики. Вот он нырнул, — и снаряд начал движение вниз, влекомый неумолимой силой земного притяжения.

Зрители затаили дыхание. Преодолев последние тридцать шагов, копье вонзилось точно в центр мишени, примерно на уровне человеческой груди. Если бы такой бросок последовал в бою и противник вовремя не заметил бы летящее к него оружие, — он не сумел бы ни уклониться, ни отбить удар щитом.

Старшие воины, не сводившие с Гейла глаз, одобрительно засвистели и застучали по земле копьями. Его собраться из общины Ночного Кота ликовали.

— Я же вам говорил, — криво усмехнулся Гассем.

Такой прекрасный бросок требовал новой порции выпивки — и старшие воины отправились за флягами. Один из них походя хлопнул Гейла по плечу.

— Молодец, парень! Когда сумеешь повторить такой

бросок со щитом в руке, можешь считать себя готовым к настоящей битве.

Другой со смехом возразил:

— Не слушай глупой болтовни, мальчик. Сам он в жизни не сумел бы так бросить копье... даже будь он трезвый и без всякого щита!

Гассем, который поплелся следом за старшими воинами, не сказал ни слова и даже не попытался скрыть выражение враждебности.

К Гейлу подошли его приятели. Люо изумленно воскликнул:

— И когда это ты успел так натренироваться, Гейл? Может, занимался тайком в другом лагере? Такой великолепный бросок — это на тебя не похоже.

— А помнишь, он пару дней назад шептался о чем-то с Говорящим с Духами? — заметил Пенда. — Должно быть, выпросил у Тайта Мола заклинание, которое заставляет копье лететь точно в цель.

— Не болтай чепухи, — буркнул в ответ Ребья. — Всем известно, что в воинском искусстве заклинания бесполезно? Если бы все было так просто, тогда пара-тройка Говорящих с Духами могла бы совладать с целым войском!.

— Никаких заклинаний я не использовал, — невозмутимо отозвался Гейл. — Мне они ни к чему. Я не мог промахнуться.

Наконец, завершился женский ритуал очищения. Как только в серой предрассветной дымке смолкли удары барабанов, самки кагг застонали в предродовых муках. Уставшие женщины, у которых глаза постарели от бессонницы, вышли к общинному стаду. Здесь уже собралась вся деревня. Не было лишь старейшин и их отпрысков, которым приходилось заботиться о собственных стадах.

На заранее отведенном пастбище с припасенным кормом собрали всех кагг. Каждой воинской общине выделили участок для охраны, а старшие воины, рассыпавшись цепью, окружили все стадо. По большей это делалось для охраны от диких зверей, потому что прочие племена скотоводов во время отела кагг избегали нападения. Такой обычай существовал испокон веков, а кроме того, сейчас у соседей и у самих хватало забот с отелом. Однако, не все племена придерживались добрых традиций, поэтому старшие воины вооружены были не только копьями, но и щитами.

Мало сна и много работы — таковы были будни отела, и все же ощущение праздника не покидало шессинов. Дети, за которыми бдительно присматривали воины, собирали топливо для костров, горевших вокруг стада, чтобы жен-

щинам было светлее работать, а также дабы отпугивать хищников. На запах свежей крови громкое мычание самок и тонкое блеяние новорожденных телят отовсюду стекались множество хищников и пожирателей падали.

Время от времени разносилось шипение копьезубов или рык больших котов. Окружали стадо птицы-убийцы, не сводившие взгляда с животных, однако они не представляли большой опасности, так как не воспринимали ни запахов, ни звуков. Земноводные гады, никогда не забиравшиеся так далеко от воды, также не представляли особой опасности.

На случай появления диких зверей, или если возникала нужда пригласить на помощь женщин, особо искусных в принятии родов, из деревни в деревню рассылались гонцы. Также свои ритуалы исполняли говорящие с духами, бродившие среди животных. Они убеждали духов помочь самкам кагг разрешиться от бремени и отгоняли злых демонов, насылавших болезни, днем и ночью, перекрывая неумолчный шум над стадами животных, звучало пение женщин и воинов.

— Не знаю, что хуже, — пробормотал Люо, устало обмахиваясь хвостом кагги, — мухи или полосатики, которые таятся в траве.

Полосатики были небольшими зверьками с крепкими острыми зубами и мощными челюстями. Они сбивались стаями и обычно питались падалью, но не отказывались напасть и на теленка или заболевшее животное. Мухи также досаждали охотникам постоянно. На пятый день отела они огромными тучами вились вокруг стада.

— Мне лично милее полосатики, — отозвался Гейл. — Ясное дело, где скот, там и мухи, но от этого не легче. Скорей бы уж разделили стада, и мы могли бы погнать кагг на новое пастбище, а то здесь уже нечем дышать.

Молодые воины числом около десятка охраняли стадо с южной стороны. Здесь повсюду рос дикий кустарник, где могли укрываться хищники, как двуногие, так и четвероногие. Сейчас юноши собрались у костра, рядом с которым стояли кувшины с молоком, перемешанным с кровью, а также горшки с медом и протертым зерном. Неподалеку на земле грудами лежали плоды.

Растительная пища была не в почете у молодых воинов, и потому они торопливо припали к кувшинам с медом, разбавленным молоком и кровью.

С наступлением ночи мухи исчезли, однако на смену им пришли ночные насекомые. То и дело люди обмахивались метелками из хвостов кагг, в отблесках костра напоминая каких-то диковинных животных.

Неожиданно к их огню приблизились воины в одеждах из темного меха мохнатой змеи.

— Котов не видели? — поинтересовался один из них.

— Нет, — ответил Гейл. — А вы?

— В восточной стороне нам попалось место, где мочился большой травяной кот. Совсем рядом.

— Ну, коты особой опасности не представляют, если, конечно, заметить их вовремя, — промолвил второй из вновь прибывших. — Два-три воина, вооруженных копьями, справятся с любым котом. Хорошо еще, что в это время года мохнатые змеи впадают в спячку.

Воины, принадлежавшие к общине мохнатых змей, никогда не упускали возможности напомнить, насколько опасно их животное-тотем, поскольку встречались мохнатые змеи крайне редко, но это и впрямь были очень опасные твари толщиной с ногу взрослого мужчины и длиной в три человеческих роста, с узкой пастью и острыми загнутыми внутрь зубами. Обычно они скрывались в норах, вырытых подземными животными, высовывая наружу лишь чувствительный нос. Затем мохнатые змеи могли одним молниеносным броском сбить с ног, а затем утащить под землю зазевавшегося зверька или даже человека.

— Ну, если уж тебе удалось убить хоть одну змею, значит, не так уж они и опасны, — возразил Ребья. — А вот ночные коты...

Появление гонца прервало его речь. Тот, задыхаясь и с трудом переводя дух, опустился на колени у костра. Похоже, человек бежал очень долго, со всей возможной скоростью. Все молча ждали, пока он придет в себя. Когда гонец все же поднялся на ноги, юноша из общины мохнатых змей протянул ему флягу с водой. Тот прополоскал рот, сплюнул, затем сделал пару небольших глотков, после чего, задыхаясь, проговорил:

— Мое имя Тьюс. Я родом из общины птиц-убийц. — У молодого человека в волосах красовались темные перья этих птиц. — Мы заметили след длинношея. Он движется в этом направлении.

— Я позову старейшин, — воскликнул Люо и стремительно бросился в сторону деревни.

Похватавшись за копья, молодые воины принялись напряженно вглядываться в темноту. Они старались не подать виду, что испуганы до полусмерти.

Длинношей по праву считался самым опасным из всех хищников. Это животное было раз в пять крупнее человека, но, благодаря коротким ногам, могло скрываться в траве, оставаясь незамеченным, покуда не подбиралось со-

всем близко. Треугольная голова с огромной пастью возвышалась на длинной гибкой шее. Толстым, похожим на хлыст, хвостом тварь была способна наносить смертельные удары, способные переломить хребет крупной кагге. В этой округе длинношеи появлялись довольно редко, примерно раз в десять лет, но тогда они наносили непоправимый ущерб стадам и близлежащим деревням. Но хуже всего то, что длинношеев считали священными животными, и убивать их было запрещено, и, поскольку ни одному охотнику до сих пор эту тварь прикончить не удавалось, то не существовало и общины длинношеев.

Четверо встревоженных старейшин в сопровождении старших воинов приблизились к костру. Среди них был и Тейто Мол.

Минда, глава совета вождей, тронул Тьюса за плечо.

— Расскажи нам, что вы видели?

— Нынче днем, когда солнце прошло полпути от зенита, наши стражи заметили, что трава как-то странно колышется, словно в ней крадется какой-то крупный зверь. Но это был не дикий кот, потому что из травы он не выглядывал. И не полосатик или землеед, ведь они не охотятся поодиночке, а только стаями. Наши стражи пошли по следу и вскоре наткнулись на помет, какого никто из нас никогда прежде не видел. Кроме того они ощутили очень едкий запах мочи, а следы были необычайно большие, с глубокими отметинами от когтей: стало быть, зверь не способен втягивать их в подушечки лап. Наши воины сразу смекнули, что это может быть за чудище, но все же позвали старика, что прежде принадлежал племени охотников, а теперь живет в нашей деревне, занимается огненной магией и делает наконечники для копий. Охотник подтвердил, что это следы длинношея. Мы послали самых быстрых гонцов в ближайшие деревни, чтобы предупредить соседей, а поскольку я в нашей общине самый быстрый, то меня отправили именно сюда, ведь длинношей идет в вашу сторону.

Тьюс по-прежнему дышал через силу, а по лицу струйками тек пот.

— Тотем моей общины даровал мне особую легкость шага, и все равно всю дорогу я боялся, как бы не попасть в лапы к чудовищу.

— Ты отважный парень, — с этими словами Минда повернулся к воинам из общины ночного кота.

— Кто из вас бегает быстрее всех? Ты, Люо? Тогда поспеши на север и предупреди соседей. Их пастбища совсем близко. Ты увидишь их костры прежде, чем потеряешь из виду наши огни. Лети же подобно ветру!

Без единого слова Люо устремился прочь.

Вождь был явно встревожен.

— Что скажешь, Тейто Мол? Удастся ли нам справиться с длинношеем? Боюсь, зверь взбесится от запаха крови и начнет крушить и убивать всех вокруг.

— А женщины уже завершили свой ритуал, Минда, но отел продолжается. В это время нет священных животных. Табу не защитит никакого зверя, если тот попытается напасть на стадо или на людей, и даже длинношей не исключение.

В любое другое время одна лишь мысль о том, чтобы прикончить длинношея даже ради спасения собственной жизни была бы кощунством. После такого убийства обрядовое очищение могло бы длиться много лет.

— Если длинношей нападет на нас, пока не закончился отел, будь то сегодня или в любой другой день, — его необходимо убить. И тот, кто это сделает, обретет заслуженную славу.

— Вот и отлично! — воскликнул Минда. — Таково и мое мнение, однако я хотел, чтобы все услышали эти слова именно из твоих уст. Воины, — обратился он к собравшимся. Мужчины в ответ заколотили по щитам кулаками с зажатыми в них копьями. — Ступайте и предупредите людей об опасности. И проследите, чтобы охранники внешнего круга были начеку. Если нападет длинношей, все должны тотчас устремиться на подмогу, только пусть смотрят в оба и не поднимают ложной тревоги, ибо сегодня любая тень им покажется длинношеем. И предостерегите охотников за славой, в одиночку никому не под силу справиться с таким чудовищем. Когда я был еще совсем молод, воины из общины травяного кота прикончили длинношея, который напал на женщин у запруды. Воинов было пятеро, и каждый из них нанес меткий удар. Однако, прежде чем издохнуть, длинношей ухитрился прикончить двоих из них. Что касается оставшихся в живых, то их на целый год отправили в изгнание, чтобы они очистились от кощунственного убийства.

— Они еще могли считать, что им повезло, — добавил Тейто Мол. — Говорящие с духами сошлись во мнении, что большую часть вины можно возложить на погибших, иначе уцелевших ожидало бы наказание куда страшнее, чем годичное изгнание.

Исполняя наказ главы совета, старшие воины разошлись по сторонам, а старейшины продолжали негромко переговариваться между собой. Гонец из соседней деревни уселся на землю, и голый мальчишка с благоговением протянул ему кувшин молока, смешанного с кровью, и, несмотря

на то, что Тьюс очень устал, у него все же хватило сил улыбнуться в ответ на восхищенный взгляд ребенка. Гейл подал знак своим собратьям, и все они торопливо направились в сторону своего участка границы.

— Подумать только, длинношей! — воскликнул Пенда. — Пусть даже понадобится пять наших копий, чтобы его прикончить, все равно каждому достанется изрядный кусок шкуры на накидку!

— Смотри, глупец, как бы, скорее, с тебя не сняла шкуру эта тварь, — возразил Рейбо без тени насмешки в голосе. — Верно говорил Минда: не то, что в одиночку, но и впятером против длинношея выстоять нелегко. Человек двадцать, вот сколько понадобится, чтобы его одолеть. По мне, так если чудище окажется рядом, я брошу в него копье, а затем кинусь наутек и остановлюсь лишь когда буду уверен, что тварь давно мертва. Что ты об этом думаешь, Гейл?

— Согласен. Осторожность — это самое главное при встрече с такой тварью. Конечно, мы убивали ночных котов, которые тоже охотятся на людей, но по сравнению с длинношеем, ночной кот — это безобидная тварь навроде маленького кота-древолаза, который способен лишь разорять птичьи гнезда. Что до меня, то слава, конечно, вещь хорошая, но лучше обойтись без безрассудства. Если человек, заметив длинношея, вместо того, чтобы поднять тревогу, попытается сразиться с ним в одиночку, то его заслуженно ждет печальная участь.

— Хорошо еще то, что сняли табу, — заметил Ребья. — Досадно было бы отправиться в изгнание только за то, что защищал свое племя.

Разумеется, такой порядок вещей был несправедлив, но сетовать на это юношам и в голову не приходило. В обычаях и не могло быть никакой справедливости, ведь это чисто человеческое понятие, а табу и прочие священные законы относились к миру духов. Древние обычаи считались неизменными, и их нарушение сурово наказывались.

Гейл предложил, когда они дошли до своего участка:

— Давайте растянемся цепью, чтобы длинношей не сумел проскочить между нами. Каждый должен встать так, чтобы видеть соседа слева и справа.

Спорить никому и в голову не пришло: все признавали главенство Гейла. К тому же сейчас было не до соперничества. Возможность столкнуться с большим котом или каким-либо иным хищником обычно вызывала азарт у охотников, однако при одной мысли о длинношее их охватывал страх.

Стараясь двигаться бесшумно, юноши расходились в стороны. Костры остались далеко позади, но израненная

луна проливала на траву достаточно серебристого света. Порывы ветра доносили от стойбища слабые отголоски песен и мычания кагг. Достигнув границы своего участка, юноши развернулись и пошли назад, затем, через несколько минут, они, не сговариваясь, застыли на месте.

— Света недостаточно, чтобы можно было хоть что-то толком разглядеть, но своему носу даже в полной темноте я могу довериться, — заметил один из них. — Чувствуете эту вонь?

Вместо привычного запаха дыма и каггьего помета дуновение ветра принесло едкий незнакомый запах.

Гейл откликнулся достаточно громко, чтобы все братья могли слышать его:

— Никому из нас не знаком этот запах, так что можно догадаться, кому он принадлежит. Держитесь лицом к ветру, и если кто-то заметит что-нибудь подозрительное, — сразу кричите.

Судорожно стиснув копья и отчаянно напрягая слух и зрение юноши ждали, когда перед ними появится это ужасное существо, которое некоторые из них прежде считали порождением легенд. Запах то пропадал совсем, то внезапно усиливался, словно тварь удалялась и приближалась, никак не решаясь напасть на них.

Сделав над собой усилие Гейл расслабился, как часто это делал, когда стоял на страже у стада кагг. На несколько мгновений юноша словно бы сделался частью луга, ощутил движение всех созданий, мельтешащих вокруг него в вихре короткой бездумной жизни. Это помогло ему избавиться от беспомощных догадок и ложных ожиданий.

Теперь он чувствовал, что сегодня ночью поблизости почти не осталось животных: как видно, ощутив приближение хищника, они поспешили укрыться прочь.

Затем Гейл ощутил *его*. Длинношей оказался совсем неподалеку — в полусотне шагов впереди и чуть левее. Юноша не улавливал никакого движения, ни единого звука, однако ясно ощущал, что к их шеренге подкрадывается нечто большое и ужасное. С левого края шел Пенду, стало быть, сейчас он совсем рядом с чудовищем. Гейл негромко свистнул. Этот сигнал часто использовался в походах и набегах. Молодой воин с опаской двинулся вперед, туда, где, как он знал, притаился длинношей. Движением копья он подал Пенду знак стоять на месте, а своим собратьям, остававшимся от него по правую руку, условным свистом велел вытянуться широкой дугой. В ответ издалека также донеслось посвистывание: это молодые воины передавали его команду дальше. Наконец, Гейл подал знак остановиться тем, кто стоял слева от Пенду,

и теперь их строй стал похож на огромную рогатину, причем Пенду находился в ее основании, а длинношей оказался где-то между остриями рогов. Очевидно, осознав, что его заметили, тварь замерла, и Гейл невольно преисполнился благоговением перед этим священным животным, которое, похоже, обладало способностью читать мысли человека. Юноша чувствовал, что зверь где-то поблизости, но не мог определить, где именно. Он также понятия не имел, попытается длинношей напасть или предпочтет скрыться. Внезапно в ноздри ему ударило резкое зловоние. Зверь испражнялся, а, стало быть, готовился к нападению.

— Будьте настороже! — закричал Гейл, уже не таясь. — Он идет на нас!

Гейл не успел даже договорить, как внезапно трава рядом с ним вздыбилась и огромная тень выросла прямо перед юношей. «Этого не может быть! — подумал воин при виде тянущейся к нему головы чудовища. — Как могла такая огромная тварь подкрасться столь близко, не выдав себя ни единым шорохом!»

Гейл ловко уклонился вправо, и в тот же самый миг нанес удар копьем. Он целился в глотку, но наконечник угодил в твердую кость челюсти, и оружие едва не вырвалось из рук юноши. Тварь навалилась на него всей тяжестью, и Гейл отчаянно пытался удержать копье, сознавая, что если выпустит древко или упадет, то его ждет неминуемая гибель.

Его собратья подоспели как раз вовремя. С пронзительными воплями они били чудище копьями, и тут же отскакивали назад, чтобы избежать ударов острых клыков и длинных когтей. Даже в этот миг невероятного ужаса и напряжения Гейл ощущал гордость за своих собратьев: ни один из них не бросил оружия и не уклонился от смертельной схватки.

Длинношей вновь метнулся к Гейлу. У юноши не было пространства для замаха, поэтому, перехватив копье точно посох, он попытался ударить тварь в глаз, однако бронзовый наконечник соскользнул по непробиваемой чешуе. Тогда лезвием юноша полоснул по морде твари. Этот удар оказался более удачным... И, наконец, отовсюду послышались громкие крики: это воины спешили к месту сражения.

Юнец по имени Гото бросился к длинношею сзади, чтобы ударить его по ногам и лишить возможности двигаться, однако он позабыл о том, какую опасность может представлять смертоносный хвост твари. До Гейла донесся отчаянный крик собрата и треск ломающихся костей. Хвост длинношея взметнулся и ударил, словно огромный хлыст. Затем чудище развернулось, вытягивая шею, чтобы достать упав-

шего воина клыками. Гейл бросился наперерез, целя копьем в голову зверя. Но монстр оказался проворнее и успел мотнуть головой, отводя удар от незащищенного горла. Острие копья впилось в тяжелую челюстную кость.

Длинношей вскинул тяжелую лапу с длинными острыми когтями. Он едва коснулся бедра юноши, но этот оказалось достаточно, чтобы тот, перевернувшись в воздухе, отлетел в сторону. Оглушенный, Гейл упал на спину и от удара об землю у него перехватило дух. Оскаленная пасть длинношея надвигалась все ближе и ближе, и юноша понял, что пришел его смертный час, но в этот миг в бока твари вонзились копья, и та отступила с оглушительным недовольным ревом.

К месту сражения, наконец, добрались воины из общины ночного кота и из соседних общин. Для Гейла время текло очень странно: ему казалось, что ужасная схватка длилась целую вечность, хотя он прекрасно понимал, что с того мига, как перед ними появился монстр, прошло не больше нескольких минут. В этот миг какая-то фигура склонилась над ним. Гассем с недоброй усмешкой взглянул на лежащего на земле юношу, а затем развернулся и двинулся прочь.

«Похоже, он надеется, что я умру, — невольно подумал Гейл. — Ну уж нет, не выйдет! Постараюсь выжить, чтобы Гассем не мог взять надо мной верх!»

Сделав над собой отчаянное усилие, юноша приподнялся на локте, пытаясь разглядеть, чем же закончится схватка с монстром. Теперь уже длинношея окружало по меньшей мере четыре десятка молодых воинов, и все они были полны решимости как можно скорее прикончить монстра, однако близко подходить они не решались, поскольку опасность исходила и от смертоносного хвоста, и от зубастой пасти, и от когтистых лап. Гассем с уверенным видом выкрикивал какие-то команды, но Гейл заметил, что тот и сам старается держаться от чудовища как можно дальше, чтобы то не зацепило его ненароком.

Внезапно издалека донеслись раскаты грома. «Гроза? Удивительно, — подумал Гейл, — ведь ночь была ясной...»

Но тут он догадался, что это приближаются к полю боя старшие воины, а рокот, который он принял за гром, — это они стучали по щитам копьями в такт шагам.

У Гейла потемнело в глазах, он потряс головой, чтобы отогнать дурноту, и тут же зажмурился от ослепительно-яркого света: воины несли с собой факелы, чтобы осветить место сражения.

С пронзительными воплями длинношей вертелся на месте, факелы слепили его, а удары копий, сыпавшиеся

со всех сторон, причиняли немалую боль. Зверь был разъярен и сбит с толку, и мечтал лишь о том, чтобы убраться прочь. Внезапно зверь заметил, что окружившая его цепь людей стала чуть реже с одной стороны, и мгновенно метнулся туда. Более проворные младшие воины успели отскочить, но троих старших, обремененных тяжелыми щитами, длинношей все же сбил с ног. Будучи опытными воинами, те успели упасть, прижав к животу колени и накрываясь щитом: это было в обычае охоты на котов, когда кто-то один подманивал зверя на себя, тот бросался на щит, а остальные охотники забивали хищника копьями.

Когда, наконец, старшие воины поднялись с земли, то длинношея уже нигде не было видно. Он исчез так же внезапно, как и появился.

Несколько охотников все же метнули копья вслед убегавшему зверю, однако Минда удержал тех, кто порывался броситься в погоню.

— Остановитесь! И думать забудьте о том, чтобы гоняться за тварью в темноте. Попробуем разыскать его при свете дня. А сейчас отнесите раненых к кострам.

В ночи зазвучали радостные вопли и победные песни воинов. В такт ей застучали копья по щитам, а младшие воины, ликуя, запрыгали в танце. Внезапно вспыхнувшее веселье прервал недовольный голос одной из женщин:

— Если вы не забыли, то отел еще не завершился, а пока вы здесь скачете, как последние болваны, всех нас запросто могут сожрать коты или полосатики! Если уж участь женщин вас не тревожит, то позаботьтесь хоть о стадах!

Разгоряченные схваткой мужчины с довольным смехом вернулись на свои сторожевые посты. Вместе с одним из старших воинов Ребья поднял Гейла на ноги. Сперва тот из-за шока не чувствовал боли, но сейчас, когда возбуждение спало, он едва удерживался от крика. Хуже всего досталось правому бедру. Боль терзала так сильно, что пока они добрались до костра, юноша несколько раз едва не лишился чувств. Когда Гейла усадили возле огня, он с облегчением вздохнул: несмотря на то, что ночь была теплая, юноша весь дрожал от усталости и большой потери крови.

Мальчишки, в чью обязанность входило поддерживать огонь, набили травой кожаные мешки, чтобы раненым было удобно сидеть. Пенду воткнул в землю копье.

— Это чтобы завтра было легче опознать твое тело, — заявил он. — Скажу честно, на тебя и сейчас страшно смотреть, боюсь подумать, что будет завтра.

— Об этом не беспокойся, я еще успею поразвлечься

с твоими вдовами у тебя на могиле, — едва слышно отозвался Гейл.

— Ну, раз шутит, значит, будет жить! — и Пенду со смехом двинулся прочь.

Сам Гейл не был в этом так уверен. В свете костра он мог разглядеть, что его бедро располосовано четырьмя глубокими параллельными ранами — это были следы когтей длинношея. Кровь шла не сильно, но юноша пока не знал, хорошо это или плохо. Пусть даже он не умрет от потери крови, однако, рана вполне может загноиться.

Примерно через час перед ним возник Тейто Мол с учеником. Шаман успел сходить в деревню и приволок целый мешок снадобий для лечения раненых. Говорящий с духами внимательно осмотрел бедро Гейла и заявил, что сперва должен заняться другими ранеными.

В большинстве своем воины отделались лишь ссадинами и царапинами. Им Тейто Мол дал выпить какую-то настойку и отправил их на свои посты. Однако, с Готой пришлось повозиться подольше: у него была сломана нога. Двое крепких мужчин держали юношу, а Тейто Мол дергал его за колено, покуда концы сломанной кости, наконец, не сошлись с глухим треском. Гото морщился, кусал губы, однако даже не охнул.

Чтобы чем-то помочь, утешить и подбодрить раненых, к костру направились две женщины: это оказались Лерисса с матерью. Когда женщины остановились возле Гейла, юноша бросил на них быстрый взгляд, но тут же отвел глаза. Обе шессинки были совершенно обнажены и в крови с головы до ног. Считалось неразумным портить одежду, когда занимаешься таким грязным делом, как принятие родов у кагг. В подобную ночь было не принято глазеть на женщин, и мужчины вели себя с ними так, как будто те были полностью одеты.

— Говорят, нынче ты вел себя как герой, — заметил Лерисса.

— Нынче героями были все, — возразил юноша и мысленно добавил про себя: «Кроме Гассема». — Драка была славная, и всем нам здорово повезло, что мы остались живы. — Гейл осекся, ведь его могли подслушать злые духи — и поспешил добавить: — По крайней мере, пока.

— Верно, — подтвердила Амарра, — и все же тебе удалось обнаружить зверя до того, как он напал на вас, и именно твой удар копьем спас Готу. Если бы не ты, то длинношей убил бы его.

Гейла всегда поражало то, с какой скоростью женщины узнавали все слухи.

— И если рана не причиняет тебе чрезмерных страданий, то расскажи нам, как все это произошло, — попросила Лерисса.

Услышав подобную просьбу, юноша не мог и подумать о том, чтобы отказаться. Воинская гордость не позволяла Гейлу признать, что болезненная — а, возможно, даже смертельная рана — способна помешать ему вести разговор или заставить голос прерываться. Стараясь быть как можно более кратким, молодой воин описал события прошедшей ночи. Он объяснил, каким образом сумел определить, где скрывается длинношей. Гейл чувствовал себя смущенным. Ему казалось недостойным мужчины хвастаться, ведь в схватке участвовало немало воинов, все они наравне подвергались опасности, и никто не попытался уклониться от драки, чтобы спасти свою жизнь. Свой рассказ Гейл завершил на том, как он свалился от удара длинношея и заявил, что после этого почти ничего не мог разглядеть. Но на самом деле юноша не хотел упоминать о малодушии Гассема.

Женщин его рассказ привел в восторг, и они поспешили обратно к стаду, чтобы поделиться с измученными тяжелой работой подругами новыми подробностями ночного происшествия. Гейла по-прежнему бил озноб. Тейто Мол вернулся к нему лишь на рассвете, когда розовая полоска уже появилась над восточным горизонтом. Старик дал юноше выпить какой-то отвар, а затем занялся его бедром.

— Тебе повезло, Гейл, легко отделался, — заявил он. — Видишь, раны идут вдоль мышцы. Пройди они поперек, и ты бы остался на всю жизнь калекой. — С этими словами старик присыпал раны порошком из трав, и на Гейла накатила новая волна боли. Рядом стояли два старших воина, наблюдавших за действиями говорящего с духами.

— Красивые у тебя раны, паренек, — заявил один из них. — Если выживешь, то шрамы будут просто отменными. А уж если обвести их красной краской, так вообще глаз не оторвешь. Это ничем не хуже шрамов от настоящего боя.

— А мне кажется, что синий цвет на ноге будет смотреться лучше, — возразил его товарищ.

— Почему бы вам самим не пойти и не заработать пару отличных шрамов, поохотившись на длинношея, — предложил им Тейто Мол.

— Уверен, он давным-давно издох, — возразил первый. — А если и нет, то давным-давно сбежал отсюда подальше. И тем более, если мы его убьем, то нарушим табу.

Шаман с раздражением покосился на него.

— Не болтайте чепухи, — проворчал он. — Даже если

сейчас зверь очень далеко, он представляет опасность и для кагг, и для людей, а время отела еще не закончилось.

Воины, смущенные строгой отповедью, сочли за лучшее удалиться.

— Каждый глупец уверен, будто все на свете знает о запретах и обрядовых табу, — пробурчал старик. — Занимались бы лучше своим делом, а толкование законов предоставили мне.

Приложив к ранам Гейла комки паутины, Тейто Мол осторожно перевязал ногу холщовой тканью, а сверху примотал полоски тонкой кожи.

— Повязку нельзя делать плотной, — пояснил он. — Можешь еще ослабить ее, если нога начнет распухать, но смотри, чтобы под повязку не могли забраться мухи. Ни в коем случае нельзя позволять им коснуться открытой раны: ведь на крыльях мух живут болезнетворные духи.

Когда рассвело, то мужчины собрались продолжить охоту на длинношея. Им на помощь подоспел и старый охотник из соседней деревни. Пока он разглядывал место схватки, воины беседовали между собой, а к Гейлу подошел Люо, искренне сокрушавшийся тем, что пропустил самое интересное.

— Так я и знал: все, кроме меня, добыли славу! Нет в мире справедливости! А ты еще умудрился заполучить такие великолепные раны!

— Если хочешь, я с удовольствием уступлю их тебе, — возразил на это Гейл.

Данут подошел к ним поближе.

— Я так и знал, что ты найдешь ловкий способ, чтобы увильнуть от обязанностей сторожить кагг. Успеешь отдохнуть на славу, пока закончится отел, а мне придется работать за двоих.

— И не только работать. Кроме того, тебе придется помогать мне умываться и менять одежду, — засмеялся Гейл. Затем он обернулся к Ребье. — Я видел, как ты проткнул этой твари бок. Как ты думаешь, мог ли этот удар оказаться смертельным?

Ребья покачал головой.

— У этого чудища ребра крепкие что твоя бронза. Вот, посмотри... — Юноша протянул свое копье Гейлу — наконечник был заметно погнут. — То же самое и у остальных. Никто не рискнет утверждать, что своим ударом мог нанести зверю серьезную рану. Так, все больше царапины...

— И не забывайте о том, что эти животные обладают немалой магической силой, — заметил Тейто Мол, укладывая в мешок лекарственные снадобья.

По знаку Минды часть воинов поспешили присоединиться к отряду охотников, остальные оставались ох-

ранять стадо. Гейл пребывал в полузабытьи. Он то проваливался в темноту, то вновь приходил в сознание. Однако, когда днем мужчины вернулись, юноша уже чувствовал себя гораздо лучше. А вот охотникам, похоже, не сопутствовала удача.

— Неужто ты еще жив? — воскликнул Ребья, завидев Гейла.

— Неужели вы не нашли зверя? — в свою очередь поинтересовался раненый.

— Разумеется, нашли, — вздохнул Люо. — Но впереди нас шли старшие воины. Они так и не рискнули напасть на него.

— Хотя тварь выглядела ослабевшей, — заметил Пенду, — совсем не то, что ночью. И все равно старшие нѐ стали подходить ближе. Похоже, они все же не решаются нарушить табу, что бы там им не твердил говорящий с духами.

— Вот болваны! — воскликнул Тейто Мол. — Ну, а что длинношей?

— Мы гнались за ним больше часа, — отозвался Люо, — покуда он не забрался в болото. Там мы слышали, как он шлепает по воде, а затем все стихло. Старый охотник заявил, что там его искать бесполезно, и мы повернули восвояси.

— Эта тварь принесет нам еще немало горя, — с мрачным видом предрек Тейто Мол.

Старый охотник из соседней деревни остался у них в лагере, чтобы наточить копья, затупившиеся во время схватки. Гейл с любопытством наблюдал за ним. Охотник, подобно всем своим соплеменникам, был невысок, смуглолиц и морщинист. У него были темные волосы, карие глаза, одежда из выделанной кожи и костяные украшения.

— А что будет делать длинношей теперь?

— Будет прятаться, пока не залечит раны. — Обычно шессины почти не понимали гортанную речь охотников, однако этот человек достаточно долго жил среди них, чтобы выучиться их наречию — И ему здорово досталось, так что длинношей будет отлеживаться не один круг луны, и все же он не издохнет.

— А что же он будет есть?

— Как только длинношей слегка оправится, то по ночам начнет выходить и искать падаль. А потом и охотиться.

— Он останется в наших краях или поищет себе иные угодья?

Старик пожал плечами.

— Понятия не имею. — Сидя на корточках, охотник камнем выглаживал стальные края копья. — Лишь одно могу сказать — беда не за горами.

Но этих слов Гейл уже не слышал, он вновь лишился чувств.

Глава третья

Гейл с Данутом, как обычно весело перешучиваясь, гнали стадо кагг вместе с двумя десятками младших воинов, которым поручили доставить животных для продажи на побережье.

Трое старейшин и полдюжины старших воинов сопровождали отряд. На продажу шли одни лишь самцы: старые, больные либо увечные. Всех их заблаговременно охолостили, дабы животные могли набрать вес, но потеряли способность к размножению.

За прошедшее время у Гейла успели отрасти волосы, и теперь он заплетал их в множество тонких косичек, которые собирал в узел на затылке. Юноша почти не хромал, от ужасных ран на бедре остались только розоватые шрамы. Гейл весьма гордился тем, что его выбрали в этот отряд: ведь это означало, что теперь в племени к нему относятся с уважением и считают одним из самых достойных молодых воинов. Разумеется, Гассема это выводило из себя, но он не мог с этим ничего поделать.

Чтобы добраться до побережья воинам понадобилось целых три дня из-за того, что кагги шли очень медленно. Постепенно на смену равнинным лугам пришли холмы, которые позже у моря сменились песчаными низинами. Когда шессины шли мимо поселений земледельцев, дети провожали их испуганными взглядами, ведь среди оседлых народов издавна ходили легенды о свирепых воителях с далеких равнин.

Чем ближе отряд подходил к морю, тем сильнее менялась растительность, и все чаще им начали попадаться на пути раскидистые пальмы и колючий кустарник. Привычные поля со злаками и огороды уступили место фруктовым садам, а также зарослям пахучей травы, которая после измельчения использовалась как пряность.

Главный торговый порт острова, Шемна, располагалась на берегу просторного залива. Это была большая рыбацкая деревня с причалом, якорной стоянкой, складами и множеством круглых, крытых пальмовыми листьями хижин, установленных на низких сваях. Здесь повсюду шессинов преследовал неприятный запах вяленой рыбы, и они невольно морщились. Лодок на берегу почти не было, ведь все рыба-

ки ушли в море, но вечером, когда они вернутся, на берег вытащат десяток утлых суденышек. Несмотря на неприятный запах, деревня оказалась чистой, а стены хижин были недавно побелены. Откуда-то с берега доносилось мелодичное пение женщин и мерный рокот прибоя.

После того, как пастухи отвели своих кагг в загоны, животные больше не нуждались в охране, и Гейл с Данутом оказались предоставлены сами себе до тех пор, покуда старейшины не завершат торги, — на что могло уйти несколько дней. Воспользовавшись этим, юноши направились к причалам, чтобы поглазеть на лодки и корабли.

Повсюду молодых воинов сопровождали лукавые женские взгляды и кокетливые улыбки. Женщины шессинам показались вполне хорошенькими, хотя и полноватыми на вид, однако у них у всех были грубые руки, исколотые рыбьими плавниками, и гнилые зубы.

— Женщины здесь славные, — заявил Данут. — По крайней мере те, что помоложе. Я бы с удовольствием познакомился с ними поближе, но не уверен, смогу ли притерпеться к запаху рыбы. Разит от них просто ужасно!

— Кстати, — возразил на это Гейл, — они тоже морщили носы, когда мы проходили мимо.

Данут хмыкнул.

— Не вижу ничего плохого, если от мужчины пахнет каггами и потом. И для женщин это самый нормальный запах. Рыба куда хуже! Должно быть, духи этого племени совсем слабосильные, если позволяют своим людям питаться рыбой, гоняясь за ней целыми днями вместо того, чтобы растить скот.

В ответ Гейл ткнул копьем в сторону загона:

— Ты же видел, у них есть и квиллы, и грязетопы.

— Смешно говорить! — презрительно воскликнул Данут. — За этими жалкими тварями не нужно никакого ухода, и подбирают они с земли все, что придется. Должно быть, рыбаки их держат только ради того, чтобы не захлебнуться в отбросах. Да и как может быть иначе, если они никуда не двигаются с места?

В гавани молодые люди обнаружили два судна, прибывшие с материка. Одно стояло на якоре вдали от берега, а другое — у пирса. Матросы перетаскивали какие-то тюки с палубы к одному из складов. Стараясь держаться с присущей шессинам независимостью, юноши считали для себя унизительным проявлять слишком большой интерес к жизни других народов, но все же они не могли оторвать взгляда от удивительных огромных, по их меркам, судов, которые в длину превышали двадцать шагов, а в ширину — семь-восемь. На корме и на носу у каждого из них красовались головы птиц и жи-

вотных, вырезанных из дерева, а у самой воды на форштевне были нарисованы глаза. Юноши были не в силах поверить, что эти большие лодки, которые могут перевозить на себе людей с острова на остров и даже на материк, созданы человеческими руками.

— Может, зайдем? — спросил Данут, указывая на дверь небольшой таверны.

— Нет, нам ведь запретили пить спиртное, — возразил Гейл. — И к тому же у нас нет денег. — У шессинов деньгами пользовались только старейшины, когда заключали сделки с другими племенами, а остальные просто обменивались товарами. — Давай лучше сходим на пирс.

Доски пирса скрипели и трещали у них под ногами. Молодые воины шагали, гордо вскинув голову, заставляя уступать дорогу всякого, кто попадался им на пути. Встречные провожали их недовольными взглядами, однако, даже не пытались задираться: все знали, какие шессины искусные воины.

Помимо местных рыбаков на причале обнаружились и мореходы с материка.

Появление стройных красивых юношей в набедренных повязках вызвало у них законный интерес, и на шессинов они пялились во все глаза, в то время как рыбаки лишь отводили взгляды. Тем временем и молодые воины украдкой приглядывались к чужеземцам, делая вид, будто интересуются лишь судами и их оснасткой.

Иноземцы все были разными: одни стройные и рослые, как шессины, другие — дородные коротышки. У многих были бороды: именно поэтому шессины и именовали их мохнолицыми, — однако, некоторые брили подбородки, а у других лица были гладкими от природы. Свои тела моряки украшали искусными татуировками, рисунками и умело раскрашивали шрамы. Одежда иноземцев, даже несмотря на жару, поражала разнообразием и непривычным видом.

Что касается больших лодок, то, как оказалось, они были сделаны из широких досок, которые прибивали к каркасу деревянными гвоздями. В палубе стоявшей у берега лодки обнаружилось отверстие, и Гейл изумился, углядев на дне большие отесанные камни. Неужели в тех странах, куда плавали эти люди, не хватало своих камней?

У моряков не было иного оружия, кроме ножей, однако на корме Гейл увидел стойки с короткими копьями, дубинками и изогнутыми мечами. Поблизости груды были свалены большие камни, а рядом лежали круглые маленькие щиты, сплетенные из веток и обтянутые кожей.

 Второе судно, что стояло в гавани на якоре, выглядe-

ло почти так же, только было выкрашено не в желтый и черный цвет, а в красно-синий. На обоих лодках паруса были серовато-коричневыми, цвета домотканого полотна, и повсюду валялись канаты и веревки, сплетенные из травы или шкур морских котов.

— Вы, похоже, из племени шессинов? — поинтересовался у юношей невысокий мускулистый иноземец в зеленом килте с золотой бахромой. Он улыбнулся им с палубы корабля.

— Да, — кивнул Гейл. — А что, тебе раньше доводилось встречать шессинов?

— Доводилось, — и здесь, и на других островах. Обычно в эту гавань приходят ваши старики, чтобы продавать своих кагг. Мое имя Молк, и я хозяин «Разрезающего волны». — С этими словами чужеземец похлопал ладонью по борту, чтобы никто не сомневался, какой именно корабль он имеет в виду. В речи его звучал сильный акцент, но юноши без труда понимали его, ведь даже племя охотников, жившее с шессинами по соседству, коверкало их язык куда сильнее.

— Вы что, даете своим лодкам имена? — изумился Гейл. Красота корабля настолько поразила юношу, что он и думать забыл о том, чтобы сохранять высокомерное презрительное выражение лица, подобающее воину.

— Ты назвал мое судно лодкой?! — Молк захохотал. — «Разрезающий волны» — корабль!

Это слово шессины услышали впервые.

— А в чем разница? — полюбопытствовал Данут.

Молк легко спрыгнул на пирс.

— Лодки, — пояснил он, — это такие суденышки, на которых ходят в море рыбаки. Они гораздо меньше, и у них нет киля. Киль — это хребет корабля.

— Выходит, корабль — он как животное? — воскликнул Гейл. — Ты только что сказал, что у него имеется хребет, а я вижу, что есть и ребра, и даже глаза.

— Совершенно верно, — с самодовольным видом расплылся в улыбке Молк. — А еще есть паруса-крылья и весла-ноги. А если ты вздумаешь на него напасть, то корабль еще покажет зубы и когти.

— Не возьму в толк, как могут люди жить на спине у огромной деревянной твари, — промолвил Данут. — Мы, шессины, признаем лишь такую воду, которую способны перейти вброд.

— Тогда вам стоило бы хоть раз выйти в море матросами, — расхохотался Молк. — Вы бы смогли повстречаться с шессинами, что обитают на всех больших островах Грозовых Земель.

Гейл задумался.

— Я слышал легенду, что некогда все эти острова были частью одного большого материка, а затем земля начала медленно опускаться в воду, море затопило долины, а возвышенности превратились в архипелаг.

Молк, который окликнул юношей просто от нечего делать, теперь по-настоящему заинтересовался разговором.

— Так у вас тоже рассказывают эту историю? Я слышал ее почти на каждом острове. Мне всегда казалось, что если разные племена рассказывают одну и ту же легенду, значит, в ней есть зерно истины. — Он покосился на солнце, высоко висевшее в небе. — Я устал надзирать за этой деревенщиной. Они еле возятся, и следить за ними я вполне могу и из окна вон той жалкой таверны. Если пожелаете составить мне компанию, мы можем продолжить разговор за кружкой хойла.

— Нам спиртное пить не разрешают, — смущенно пробормотал Данут.

— Вот как? — Молк приподнял косматые брови. — А я много раз видел, как ваши старейшины хлещут хойл не хуже моих матросов, так что, полагаю, в этом не будет большого греха. Но ведь у вас, верно, нет денег? Я и забыл, что воины никогда не держат монет. Ладно, приглашаю вас посидеть в таверне за мой счет, а взамен расскажете мне о легендах и обычаях своего народа. Люблю послушать рассказы других людей. Среди моих соплеменников от такого приглашения отказываться считается неприличным, а я всегда слышал, что шессины славятся отменными манерами.

— Ты прав, — отозвался Гейл, которому предложение нового знакомого пришлось по душе. — Мы люди любезные и всегда рады показать это тем, кто прибыл издалека. Данут, полагаю, мы окажем нашему племени скверную услугу, если отвергнем радушное приглашение этого иноземца.

Данут, делая вид, будто предается непосильным раздумьям, принялся, глядя себе под ноги, ковырять землю тупым концом копья.

— Я младший воин и покорно чту обычаи своего племени, — промолвил он, наконец. — Разумеется, при иных обстоятельствах нам не следовало бы пить хойл в чужой деревне, но, полагаю, что ты прав. Сохранить добрую репутацию нашего племени гораздо важнее, и это перевешивает не столь уж серьезный проступок, который мы совершим, если отведаем немного спиртного.

Молк ухмыльнулся в бороду.

— Неужели вы всегда произносите такие длинные речи, если собираетесь нарушить какой-нибудь закон?

— Так ведь это куда забавнее! — расхохотался Данут, и они двинулись на берег.

Таверна, в которой устроились новые приятели, оказалась чуть больше обычного сарая. На высоком деревянном настиле под крышей из пальмовых листьев были установлены столы и скамейки. Три стены были сплетены из пальмового лыка, а вместо четвертой открывался вид на гавань. Крытый задний двор одновременно служил и кладовой, и кухней.

Когда Гейл уселся за стол, ему это показалось необычайно странным: ведь за столом он оказался впервые. Удивительно, как удобно расположены под рукой все предметы на ровной поверхности!

Молк подозвал добродушную толстуху, оказавшуюся хозяйкой таверны. Из-за жары посетителей было немного, но это ничуть не ухудшило ее настроения. Женщина поставила перед ними кувшин и кружки, сделанные из скорлупы ореха турра.

— Зря ты привел сюда этих мальчиков, Молк, — укоризненно заметила она, расставляя посуду. — Их старейшины тебе голову оторвут и прихватят с собой на память о путешествии к морю.

— Об этом тебе не стоит тревожиться, женщина, — с серьезным видом возразил Гейл. — Шессины не карают чужеземцев за нарушение племенных обычаев.

Хозяйка широко улыбнулась.

— Какие вежливые пареньки! Таких мне еще встречать не доводилось. Готова биться об заклад, что мужья из них выйдут куда лучше, чем из тех деревенщин, за которых нам приходится выходить замуж!

Гейл с Данутом зарделись. Завидев их смущение, Молк расхохотался и попросил хозяйку подать побольше еды.

— Очень глупо пить днем без закуски, — пояснил он.

— Нам неловко злоупотреблять твоей щедростью, — возразил Гейл. — Ведь мы не можем достойно отблагодарить тебя.

— Ну почему же? Все морские торговцы очень любопытны. Ведь наши доходы зависят от того, насколько хорошо мы будем знать, чего хотят люди, что им нужно, и за что они готовы платить. Правда, я отличаюсь от большинства: мне, вдобавок ко всему, интересны также обычаи чужеземцев, их сказания и легенды.

Взяв кувшин, Молк разлил по кружкам напиток. Когда юноши пригубили янтарную жидкость, то обнаружили, что она куда вкуснее обычного хойля.

— Вот это да! — воскликнул Данут. — Что это такое?

— Вино, — пояснил Молк. — Оно бывает разным, но

чаще всего его делают из ягод и плодов. — Он дружески улыбнулся юношам. — Вот видите, я и заговорил, как обычный морской торговец. И все же хорошее вино получается лишь у тех народов, у которых имеются большие бочонки или кувшины: ведь его нужно выдерживать в течение многих лун. Скажите, у вас ведь принято хранить хойль в кожаных бурдюках? — Юноши согласно кивнули. — В этом вся разница. Однако, я что-то разговорился. Пора и вам утолить мое любопытство и рассказать о своем народе. Каким богам вы поклоняетесь?

Это слово оказалось незнакомо молодым воинам.

— Богам? — переспросил Данут.

— Неужели у вас всего один бог? — изумился Молк. — Впрочем, у других племен я тоже встречался с чем-то подобным.

— Нет, не в этом дело. Мы просто не понимаем, что означает это слово, — пояснил Гейл.

— Неужели правда, что у вас вовсе нет богов? Я слышал об этом и прежде, но не мог заставить себя в это поверить. — У Молка в этот миг был вид человека, который отыскал сокровище, существование которого прежде считал легендой. — Тогда, возможно, вы верите в каких-нибудь сверхъестественных созданий?

— Что значит «сверхъестественных»? — снова не понял Данут. Это слово также оказалось незнакомо шессинам.

— Хм... — Молк задумался, пытаясь объяснить, что он имел в виду.

— Сверхъестественные — это что-то вроде невидимых. Невидимые существа, незримый мир...

— Ага! — догадался, наконец, Гейл. — Так ты говоришь про духов? Мы не знаем такого слова, как «сверхъестественный». Наши духи и впрямь невидимы, однако они столь же естественны, как и все вокруг. Ведь и ветер тоже нельзя увидеть обычным глазом, но разве от этого он становится менее настоящим?

— Как моряк не могу с тобой не согласиться, — кивнул Молк. — И все же никак не могу понять: неужто вы и впрямь обходитесь без богов?

Данут вновь наполнил свою кружку.

— Должен сказать, почтенный Молк, что ты удачно выбрал собеседников, — заметил он. — Порой мне кажется, что общение с духами — это истинное призвание моего чабес-фастена. Лично мне все это представляется необычайно скучным. Однако, если пожелаешь больше узнать о нашем оружии, об искусстве борьбы или, к примеру, о женщинах, тогда можешь смело обращаться ко мне.

— А вот теперь я от вас услышал незнакомое слово, — заметил Молк. — Что такое чабес-фастен?

Поскольку, в отличие от многих прочих обрядов, этот не был защищен никакими табу, то Гейл постарался объяснить как можно понятнее для иноземца.

— Вот это да! — Молк не мог скрыть своего изумления. — Стало быть, вы обрезаете друг другу крайнюю плоть осколком кремния? Да, разумеется, такие узы должны быть очень прочными! У многих народов в ходу обрезание, однако обычно этот обряд проходят мальчики еще во младенчестве, и совершает его либо жрец, либо старейшина, пользуясь при этом остро наточенным ножом... Ладно, теперь попробую ответить и на твой вопрос. Бог — это тот же дух, только гораздо более могущественный. Между ними такая же разница, как, к примеру, между человеком и каким-нибудь грызуном. Чаще всего боги напоминают обычных мужчин и женщин, и подобно людям, имеют свои причуды. Они заправляют всеми людскими делами. Одни народы поклоняются множеству богов, другие — лишь двум или трем. А бывают и такие, у кого в ходу единобожие. Люди молятся богам, дабы те ниспослали им удачу, а если согрешат, то просят прощения. Но, насколько я понимаю, вы ничего такого не делаете? — Молку так не терпелось услышать ответ Гейла, что он даже перегнулся через стол.

Гейл заговорил подчеркнуто размеренно, демонстрируя уважение к серьезному собеседнику.

— Ничего подобного у нас не существует. Конечно, возможно, что Говорящие с духами что-то знают об этих твоих богах, но они не всегда делятся своими тайнами с простыми смертными. Мы верим в духов, которые населяют весь мир вокруг нас и бывают добрыми или злыми. Порознь они не обладают большой силой, но если укус одного шершня может вызвать лишь небольшую боль, то если на тебя нападет целый рой, это может привести к гибели. Духи влияют на всю нашу жизнь и имеют свои потребности. Нам они не всегда ясны, но до этого духам нет никакого дела. Мы должны быть верны духам, угождать им или, хотя бы, умиротворять их. Таков наш обычай. Мы никогда не молимся, по крайней мере в том смысле, как ты это объяснил. Едва ли можно считать молитвой ночные заклинания, которые мы возносим луне. Мы просим у нее прощения за раны, нанесенные людьми, хотя, насколько мне известно, Луна никогда не показывала, что гневается на нас за это. Однако, от Луны зависит дождь, приливы и плодородие скота, а потому мы обращаемся к ней и молим о прощении, дабы жизнь наша и впредь текла неизменно.

— Ты весьма необычный юноша, — заметил Молк. —

Приятно общаться с молодым человеком, наделенным столь проницательным умом.

Толстуха хозяйка опустила на стол перед ними два плоских широких блюда. На одном оказались какие-то плоды, лепешки, соленые овощи, печеные яйца и три куска мяса. На второе блюдо сверху была накинута белая тряпица. Убрав ткань, женщина заметила:

— Здесь соленая рыба, Молк. Но если ты не желаешь до времени лишиться общества этих славных пареньков, то лучше, когда будешь есть, отодвинься от них подальше, иначе их может ненароком стошнить.

Молодые люди рассмеялись.

— Постараемся удержаться, — пообещал Данут. — Разумеется, рыба для нас табу, и нам неприятен ее запах, но ведь я охотно верю, что кому-то могут показаться отвратительными кровь и молоко наших кагг, хотя, признаться, в это я верю с трудом. Разве можно сравнить жизненные соки животных с какой-то падалью? — С этими словами он взял небольшой кусок мяса и, сунув его в рот, сосредоточенно принялся за еду.

— Однако, мясо он падалью не считает, — заметил Гейл.

— Меня всегда удивляло то, как много значения люди придают чистой и нечистой пище, — промолвил Молк, укладывая поверх лепешки куски рыбы и мяса. — Подобное разделение существует почти у всех племен, однако моряки вроде меня со временем становятся куда менее притязательными в пище.

— Взгляните! — воскликнул Данут. — Там морской кот!

Из воды неподалеку от берега торчала плоская скала, на которую сейчас с трудом карабкалось существо, похожее на огромного слизняка. Бесформенная серая туша подтягивалась на ластообразных передних лапах с перепонками и длинными костистыми пальцами.

Вскоре на скале устроилось уже не меньше дюжины котов, лениво вертевших островерхими гладкими головами на жирных шеях.

— Я вижу, эти твари приводят вас в восхищение, — заметила хозяйка. — Но для нас это настоящее бедствие. Они невероятно прожорливы и успевают сожрать почти всю рыбу, когда наши мужчины ставят сети. И даже пойманный улов они порой ухитряются сожрать. Но и этого мало, они путают и рвут сети. Когда мужчины вытаскивают невод, то вытягивают на борт и этих мерзких зверюг. Еще повезет, если те всего лишь отхватят моряку пару пальцев, но других они перетягивают за борт вместе с сетями, и бедняги рыбаки и идут на дно.

 — Ого, да их уже добрых два десятка! — воскликнул

Молк, указывая на стаю, собравшуюся на скале. — Но если они настолько вам досаждают, то почему бы вашим мужчинам не собраться и не заколоть их копьями? Они ведь такие неповоротливые... К тому же наверняка из них можно что-нибудь сделать. Вы неплохо заработали бы на этом!

Женщина засмеялась, и на ее пышной груди затряслось костяное ожерелье.

— Что за глупости ты несешь, Молк? Если кто осмелится убить морского кота на священной скале, то его ждет ужасная судьба, а мы, рыбаки, тогда не сможем больше поймать ни единой рыбы... Взгляните-ка, какой большой бык!

Этим диковинным словом Гейл привык именовать одно из созвездий, и никогда не встречал подобных животных в действительности, так что сейчас приготовился увидеть какую-то двурогую тварь. Однако, сперва из воды показалась роскошная золотистая грива. Извиваясь всем телом, животное вперевалку добралось до гребня скалы, а там застыло и издало столь ужасающий рев, будто желало бросить вызов всему миру.

— Как он великолепен! — воскликнул Данут. — Я и не думал, что бывают подобные твари...

Толстуха ласково потрепала юношу по макушке.

— Тебе должно быть совестно! Ты восхищаешься тварью, которая приносит массу бед тем людям, у кого ты в гостях! Того и гляди, тебе по душе придутся пираты, что приплывают сюда на своих длинных кораблях, грабят нас и похищают молодых женщин.

Дануту было любопытно, смогли бы пиратские корабли взять на борт столь дородную женщину, но он не решился задать такой вопрос, а вместо этого бросил весьма красноречивый взгляд на хозяйку таверны.

— Мы, шессины, всегда восхищаемся необычными существами, и не имеет значения, что именно в них такого необычного, будь то когти, перья или шерсть. А уж если речь зайдет о женщинах...

Засмеявшись, хозяйка таверны потянула юношу со скамьи.

— Вы, двое, можете и дальше вести свои заумные беседы, — промолвила она. — А нам найдется о чем потолковать на заднем дворе. Еды и вина вам хватит, так что не скучайте.

С этими словами толстуха потащила за собой глупо ухмыляющегося Данута.

— Если меня не будет слишком долго, спеши на выручку! — выкрикнул юноша названному брату.

— Данут предпочитает понятные развлечения: хоро-

шую еду, выпивку, женщин, — заметил Гейл. — Серьезные разговоры его не привлекают.

— Такое времяпрепровождение вообще мало кому по нраву, — отозвался Молк. — В большинстве своем мои собратья моряки скорее похожи на твоего брата, чем на тебя, но лично мне беседовать с тобой гораздо интереснее. Я немало странствовал по миру, и давно понял, что в большинстве своем люди — рабы своей похоти и страстей, а голова им почти без надобности... Кстати сказать, у моряков также есть свои духи и божества, и их немало.

— А к каким богам и духам вы обращаетесь со своими молитвами? — заинтересовался Гейл.

— Богов моря и ветра мы молим о хорошей погоде, попутном ветре и о защите от морских тварей, — пояснил мореход. — Есть также боги помельче, для насущных дел — к примеру, для успешной торговли или защиты от пиратов. А по пустякам мы стараемся задобрить злобных духов с помощью заклинаний, пения, амулетов и небольших жертвоприношений. Если духи, которые сопровождают корабль, разозлятся, то они могут наслать болезнь или какую-нибудь поломку. Еще они любят портить еду и заставляют скисать вино.

Тут Гейл припомнил, что Молк называл корабль большим животным.

— Стало быть, у корабля есть собственный дух? — поинтересовался молодой воин. — Должно быть, он смотрит глазами, нарисованными на носу.

— Разумеется, у каждого судна есть свой дух. Именно его изображает фигура, установленная на носу корабля. А обитает дух в киле судна. Видел то утолщение, где крепится мачта? — Гейл кивнул. — Именно там и живут эти духи. Кстати, корабельные духи всегда женского пола.

— А пользуетесь ли вы колдовством? — спросилГейл.

Молк сдвинул брови.

— В цивилизованных краях волшбой занимаются лишь те люди, которые в этом что-то смыслят... Чаще всего, колдуны или жрецы. А что, пастухи часто пользуются магией?

Гейл не сводил взора с перекатывающихся бирюзовых волн.

— Нет, это я полагал, что моряки пользуются магией воды и ветра. Что касается шессинов, то нам колдовство почти неведомо, и то немногое, что мы знаем, относится лишь к заботе о стадах. В горах охотникам помогает охотничья магия и чары огня, тогда как землепашцы знают колдовство земли.

— На самом деле чаще всего никакого колдовства здесь нет, — возразил Молк. — Это просто искусное уме-

ние, хотя способности одного человека зачастую другому представляются волшебством, если сам он их лишен.

— Не столь давно ты употребил еще одно незнакомое слово — цивилизованный. Что оно означает?

В очередной раз Молк наполнил кружки. Теперь в кувшине вина осталось совсем немного.

— Сложный вопрос. Как бы тебе лучше объяснить... На материке многие люди живут в городах. Город — это нечто вроде огромной деревни, но даже самый маленький город превосходит по размерам все деревни, которые ты когда-либо видел, вместе взятые. В городах дома строят из дерева, камня или кирпича, и горожане не обрабатывают землю, не пасут стада и не ловят рыбу. Некоторые из них вообще ничего не делают: только рисуют картины или играют на музыкальных инструментах, или покупают и продают какие-то вещи. В городах есть строители и ремесленники, вроде того кузнеца, который выковал наконечник для твоего копья. Для одних главное дело — это носить оружие, другие занимаются магией, а третьи управляют всеми окрестными землями. Кроме того, в городах обитают люди, умеющие записывать знания с помощью особых значков и крючочков. Эти знания они сохраняют подобно тому, как землепашцы хранят собранное зерно. Все вместе это и называется цивилизацией.

Гейл попытался вообразить себе все то, о чем говорил ему Молк, но не слишком в этом преуспел. Ему попросту было не с чем сравнивать.

— Мне было бы любопытно взглянуть на такой город, но ведь мы, шессины, никогда не путешествуем, если только не считать перехода на новые пастбища.

— Кто знает, как обернется жизнь. Возможно, и тебе доведется пострансствовать. Бывают и куда более невероятные вещи. К примеру, один из моих матросов родом с гор. Его деревню снесло лавиной.. Знаешь, что такое лавина? Это огромное море снега, которое падает с горы. Лавины очень опасны, но мой матрос сумел уцелеть. Он покинул горы и сделался мореходом, хотя до того воду видел лишь в небольших горных озерцах. Но теперь он ни в чем не уступает морякам, родившимся на побережье...

В этот момент с заднего двора вернулся Данут. На лице его блуждала все та же глуповатая ухмылка.

— Надеюсь, я не опозорил племя шессинов, — объявил он, жадно накинувшись на еду.

— Пора нам двинуться восвояси, покуда не появились наши старейшины, — заметил Гейл.

— Но прежде, чем мы попрощаемся, я хотел задать

еще один вопрос, — сказал Молк. — Что говорят в вашем народе о Великой Катастрофе?

Гейл глубоко задумался, припоминая сказки, которые слышал в детстве.

— В моем племени говорят, что в прежние времена духи были гораздо более могущественными. Возможно, такими, как те боги, о которых ты рассказывал. Они взяли власть над нашими предками и лишили их разума. В те годы люди владели огненной магией и с ее помощью были способны убивать друг друга. В конце концов дошло до того, что они принялись метать огненные копья в луну и нанесли ей такие раны, что шрамы видны до сих пор. Когда же почти все люди погибли, то и духи утратили свое могущество, а люди с тех пор сделались гораздо благоразумнее.

Молк кивнул.

— Мне доводилось слышать немало легенд о Великой Катастрофе, и огненные копья упоминаются почти во всех из них. В сказаниях также говорится о наступлении Великого Мора и Большого Зноя, а также о гигантских горах, что валились с неба. Не думаю, что все эти истории правдивы, но, должно быть, зерно истины есть во многих из них. Мудрецы повествуют нам о том, что Время Зла продолжалось очень долго, и тогда на мир одно за другим валились ужасающие несчастья. Полагаю, что так оно и было. На юге в легендах говорится о чуме, а народ Клахомов из поколения в поколение передает рассказы о страшной засухе. Эти люди давным-давно переселились в королевство Невва из далеких внутренних земель. Кроме того, есть немало рассказов о богатейшей Затонувшей Земле и ее жестокосердных обитателях. Легенды утверждают, будто острова — это горы и бывшие плоскогорья Затонувшей Земли. Тогда становится понятным, как могли шессины расселиться по разным островам архипелага.

От выпитого вина и обилия новых впечатлений у Гейла гудело в голове.

— Мы благодарны тебе за гостеприимство, — заявил он, — но теперь нам пора идти. Возможно, ты пожелаешь заглянуть к нам в лагерь нынче вечером, и тогда мы могли бы продолжить беседу. Я буду рад еще увидеться с тобой.

— Обещаю, что мы не станем заставлять тебя пить молоко пополам с кровью, — добавил Данут, которого немного качало из стороны в сторону.

— Может статься, что и приду. Хотя, если удастся быстро загрузиться, то скорее всего, я отчалю с вечерним приливом. Но все равно, даже если сегодня наша встреча не состоится, рано или поздно мы увидимся. «Рассекающий

волны» заходит в этот порт почти каждый месяц... А теперь, перед тем, как вы отправитесь к старейшинам, советую дойти до берега и как следует прополоскать рот морской водой.

Поблагодарив Молка за гостеприимство и добрый совет, молодые воины покинули таверну. Солнце стояло еще довольно высоко, и, последовав совету нового знакомого, они вышли на морской берег.

Там было на что полюбоваться. Морские коты по-прежнему нежились на нагретой солнцем скале, но, кроме этого, юноши увидели диковинную рыбу-звезду, а в лужах, оставленных отливом, странных животных, похожих на причудливые растения.

Повсюду валялись дурно пахнущие кучи гниющих морских водорослей, над которыми тучами роились мухи. На песке под лучами солнца грелись морские черепахи, которые размерами в два раза превосходили самцов кагг: их панцири достигали человеческого роста. В южной части гавани молодые воины обнаружили побелевший от солнца скелет огромной морской змеи, не меньше шестидесяти шагов в длину. Голова змеи шести локтей в длину и трех в ширину была украшена шестью короткими наростами, похожими на рога. У твари были тонкие загибающиеся внутрь зубы, — такими удобно удерживать в пасти рвбу.

Заметив поодаль женщину, чинившую сети, юноши расспросили ее о морской змее. Как оказалось, эти существа были очень редкими, живыми их почти никто не видел, хотя мертвых во время шторма порой выбрасывало на берег. Считалось плохой приметой тревожить останки морских змей, поэтому скелеты оставались на берегу до тех пор, пока сами собой не рассыпались в прах.

К вечеру, когда небо пересекли красные закатные полосы, лодки рыбаков стали возвращаться в гавань.

Гейл с Данутом вернулись в лагерь последними. Как оказалось, старейшины уже успели продать кагг, а теперь вознамерились двинуться в обратный путь. Гейла огорчило эта весть: ведь теперь он уже не сможет поболтать с Молком.

Конечно, оставалась надежда, что они еще когда-нибудь встретятся, но юноша не особенно в это верил. Разумеется, его могут вновь послать в Шемну со стадом кагг, но это совсем не обязательно совпадет с тем днем, когда в гавань придет «Рассекающий волны»!

По возвращении в родную деревню Гейл отыскал Тейто Мола и пересказал ему разговор с Молком в Шемне.

— Боги? — заметил Говорящий с духами. — Я слышал о чем-то подобном. У жителей материка много божеств.

— А они существуют в действительности? — поинтересовался юноша. Они беседовали в хижине старика, которая была загромождена предметами, необходимыми для ритуалов Говорящих с духами.

— В действительности? — Тейто Мол пожал плечами. — Кто может знать, что в этом мире существует по-настоящему, а что нет? Если боги желают существовать, то так оно и есть. Я ничуть не сомневаюсь, что в далеком прошлом люди вели торговлю с великими духами, иначе как они смогли бы получить огненные копья, которыми поразили Луну?

— Но куда же они подевались потом? Как могли духи утратить свою власть?

— Может статься, они и до сих пор существуют рядом с нами. А может, прежнее могущественные духи сделались божествами для жителей материка. Для нас это безразлично. У каждого народа свои духи. Мы, шессины, научились жить в мире с нашими, и так живем уже много поколений. До чужих духов нам нет никакого дела.

Гейл не скрывал разочарования.

— Но я хотел бы узнать о них побольше. И мне по душе пришелся этот иноземец, хозяин корабля. Любопытно, что думают о мире духов другие люди?

— Хотел бы я, чтобы ты мог сделаться Говорящим с духами! — вздохнул Тейто Мол. — Ты как никто другой подходишь для такой жизни. Однако, это невозможно, и если ты станешь грезить о недоступном для тебя призвании, то лишь призовешь горечь в свою душу. — Вытянув больную ногу, старик потер негнущееся колено. — Ты не единственный, кто ведет бесполезные разговоры с иноземцами, хотя в твоем случае до настоящей беды еще не дошло.

— О какой беде ты говоришь? — Гейл помахал перед собой метелкой из хвоста кагги, отгоняя мух.

— Должно быть, ты помнишь, что за пару дней до того, как вы отправились в Шемну, другое стадо кагг погнали в большой речной порт на юге?

— Конечно, помню. Я и сам хотел пойти с ними, но, кажется, Гассем убедил Минду, чтобы тот не пускал меня на юг, а отправил с тем стадом, что поменьше.

— Вот именно о Гассеме я и хотел тебе сказать. Он общался с купцами с материка, и можешь быть уверен, что они говорили отнюдь не о мире духов. Гассем интересовался, как они ведут войны, какие у них войска... Еще купцы поведали ему о тех правителях, что владеют материком.

— Кажется, Молк тоже говорил о чем-то подобном, когда рассказывал о цивилизации. Он говорил, что есть

люди, которые управляют остальными. А еще такие, главное занятие которых — носить оружие. Он употребил также слово королевство, но что это значит, я не успел расспросить.

— Насколько мне известно, так называют эти народы свои страны, где правят короли. Но их правители не похожи на наших старейшин, которые достигают своего положения благодаря возрасту и мудрости, пришедшей с годами. Человек рождается, чтобы быть королем и становится им после смерти своего отца, и правит он в одиночку.

— Как в одиночку? — изумился Гейл. — А как же совет старейшин?

— Разумеется, у короля могут быть советники, но его слово закон для всех. Король управляет войском, которое может отправить на битву с армиями других правителей, или против тех народов, у которых, как у шессинов, к примеру, нет единого владыки. Цель их набегов — это не захватить чужие стада или обратить в рабство детей и женщин. Для них основное — это навязать свою волю иным народам.

— Не вижу в этом смысла, — откровенно признался Гейл. — Обычаи чужеземцев показались мне странными, хотя, уверен, что если бы я смог подольше пообщаться с этим Молком, хозяином корабля, то лучше разобрался бы во всем. Он явно был человеком разумным и дружелюбным.

— Зато Гассем узнал все, что его интересовало. Он вернулся два дня назад, и теперь только и твердит о том, что нам, шессинам, тоже нужен свой король, и что мы величайшие в мире воины, и если создадим свое войско, то станем самыми сильными в мире.

Гейл хмыкнул недоверчиво.

— Неужто он надеется, что с ним кто-нибудь согласится? Если все наши воины уйдут в королевскую армию, то кто же тогда будет ухаживать за каггами и охранять стада от набегов?

— Я и не утверждал, что его речи разумны... — Старик подбросил в огонь пару кусочков древесины криса, дым которого отпугивал мух. — Правда, Гассем считает, что нашел лучшее решение. Он утверждает, что мы могли бы обратить в рабство более слабые племена. Рабы станут делать за нас всю работу. Шессинам останется только сражаться и управлять миром.

— Да он свихнулся! — рассмеялся Гейл. — Никогда не будет такого, чтобы шессины согласились подчиниться единому правителю. К тому же наши кагги слишком дороги нам, чтобы позволить ухаживать за ними кому попало.

— Возможно, Гассем и сошел с ума, но от этого он стал еще более опасным, — негромко промолвил Говорящий с Духами.

Глава четвертая

До чего же здорово вновь отправиться в дорогу! Те пастбища, где прежде пасли скот шессины, уже полностью истощились, и Совет решил, что племени пора перебраться на южную часть острова. Здесь же пройдет еще не менее пяти лет, прежде чем скот можно будет вновь выпустить на эти земли.

Гейл смотрел вниз с вершины холма. Отрадное зрелище! Жители двух десятков деревень вместе со всем домашним скотом снимались с места. Насколько хватало глаз, по равнине растянулись кагги. Они были разделены на небольшие стада, чтобы легче было перегонять скот, и каждое окружали воины, женщины и дети. В основном, свои пожитки люди несли за спиной, а все прочее погрузили на насков, огромных вьючных животных, длинношерстных, медлительных и очень сильных. Шессины не держали их у себя все время, а использовали лишь для переходов, после чего продавали землепашцам, обитавшим вблизи новых пастбищных земель. Затем, спустя несколько лет, вновь снимаясь с места, выкупали насков обратно. На следующей стоянке шессины вновь продавали местным жителям этих огромных животных, чтобы те могли использовать их как вьючный скот.

Вооруженные отряды, охранявшие племя, шли по флангам и с тыла. Вот уже третий день, как они были в пути, и еще оставалось десять раз по столько же, прежде чем они прибудут на новое место. Редко когда за день удавалось пройти более четырех-пяти миль: ведь кагги шли чрезвычайно медленно, и к тому же на острове было полно ручьев и небольших речушек. Водные преграды замедляли передвижение не столько сами по себе, сколько из-за того, что каг приходилось долгое время уговаривать покинуть приятную прохладную воду, где им так нравилось плескаться.

На новой стоянке, когда племя, наконец, добралось до места, возникла масса новых хлопот: нужно было выделить места под пастбища, построить деревни, разбить лагеря для воинов. Шессины никогда не строили разборных домов, оставляя свои прежние жилища на месте и всякий раз строились заново из подручного материала. Обустройство шло

медленно и не без труда, и все же люди находились в приподнятом настроении.

Самое сложное было заново подружиться с племенами, обитающими окрест. Порой в этих местах шессины не появлялись по нескольку десятков лет. Порой прочие скотоводы пытались отобрать пастбища, считавшиеся исконной принадлежностью шессинов, и тогда восстанавливать порядок приходилось силой.

Все как один молодые воины уповали на то, что сейчас произойдет именно так. Хорошая драка была бы для них возможностью проявить себя: в последнее время серьезных дел им явно не доставало. Еще перед тем, как покинуть прежнее пастбище, они просили Минду дозволить им сходить в набег за каггами, однако старик отказал наотрез.

— Набеги нам ни к чему, — решительно заявил он. — Вот уже три года не было мора у животных, и трава растет хорошо, так что нам и без того приходится продавать излишки. И если увеличить стадо, это окончательно истощит пастбища. Все равно скоро надо будет двигаться на новое место, и скот в пути окажется помехой. Конечно, об этом вы все и думать не желаете, а лишь хотите показать себя, — с этими словами Минда рассмеялся, снисходительно косясь на юношей. — И все же вам придется подождать. Если нападут враги, случится мор или засуха, стада поредеют, и дети наши начнут страдать от нехватки молока, — вот тогда мы и поговорим о набеге.

Таким решением вождя воины были разочарованы и утешились лишь мыслью о переходе на новые пастбища.

Все они с облегчением покидали прежнее стойбище, где было полно пыли и мух. Однако, стоило им отойти даже на небольшое расстояние, как травы вокруг сразу сделались более сочными, вода в реках — чистой, а главное — исчезли все те паразиты, которые в огромных количествах непременно появлялись в тех местах, где селились люди. Пропали не только насекомые, но даже мыши и прочие грызуны, а также безволосые слепые зверьки, выходившие кормиться по ночам.

Что еще всем нравилось в походах, так это возможность по-другому питаться. Считалось, что в пути неразумно выдаивать у самок кагг больше молока, чем нужно для питания малышей, а также не стоит их ослаблять, пуская кровь. Зато не проходило дня, чтобы какой-нибудь кагг не оступился и не сломал ногу, шагнув в яму, вырытую рогачом, либо случалась еще какая-нибудь напасть, — и тогда животное приходилось забить. Так что свежего мяса было в достатке. Чтобы не пропадать добру понапрасну, мясо отдавали молодым воинам. Огромная движущаяся масса людей и скота отпуги-

вала крупных хищников, и лишь старые или увечные большие коты, уже не способные охотиться, пытались поживиться случайно отбившимся от стада теленком. Однако, их с легкостью убивали или прогоняли прочь. Куда больше шессинам досаждали стаи полосатиков и падальщиков, следовавшие неотступно за стадами. То, что возможная добыча в столь огромном количестве навсегда уходит от них, приводило животных в исступление, и они оглашали окрестности отвратительным тявканьем и воем. Чуть поодаль следовали более мелкие пожиратели падали, а сверху над стадами кружили стаями птицы, надеявшиеся поживиться мертвечиной, ночью же со свистом рассекали воздух черными крыльями гигантские летучие мыши.

Испуганные стада травоядных разбегались с пути кочующего племени. Гейл, причисленный к одному из фланговых отрядов, легко мог насчитать не меньше двух десятков разновидностей животных: одни держались большими стадами, другие паслись в одиночку; у иных были рога самой разнообразной формы, другие были лишены такого украшения. Шкуры их представляли собой все доступные воображению сочетания пятен, крапинок и полос.

Именно там, вблизи одного такого стада юноша заметил, как крадется в зарослях травяной кот, почти незаметный среди высокой травы.

Навстречу Гейлу на холм поднялись еще двое воинов, и издалека по рисунку на щитах тот узнал в них Люо и Рейбу. Щиты шессины носили во время перехода, поскольку в любой момент можно было ожидать нападения. Овальные, размером почти в рост человека, из прочной кожи, щиты разрисовывались яркими красками, насколько воину хватало способностей и воображения. Некоторые изображали картины, явившиеся во сне или силуэты животных, но большинство ограничивалось отвлеченными, ничего не выражающими узорами. Так, Гейл разрисовал свой щит вертикальными белыми и зелеными полосами, а Рейбо украсил свой пятнами, похожими на цветы, используя все доступные ему краски. Что касается Люо, то свой щит он разрисовал наподобие шкуры троерога: косыми черно-белыми линиями.

— Красота-то какая! — воскликнул Рейбо, приблизившись к Гейлу. — Что может быть красивее этого? — Юноши поставили щиты на землю и облокотились на них, пяткой одной ноги упираясь в колено другой, в привычной позе пастухов.

— Да, и впрямь красиво, — отозвался Гейл. — И все же мне жаль уходить на юг. Еще много лет пройдет, прежде чем мы сможем сюда вернуться.

Некоторое время молодые люди молча наблюдали за кочевьем своего племени. Молчание нарушил Люо.

— Скажите, а вы заметили, как странно ведет себя Гассем?

— Он сам вызвался сопровождать тыловой отряд, — заметил Рейбо. — А ведь вполне мог выбрать местечко получше, не среди пыли и навоза. Старейшины расположены к нему, они не стали бы возражать.

— А что говорит Торбо? — полюбопытствовал Гейл.

Торбо был чабес-фастеном его молочного брата и лучше прочих мог объяснить непонятное поведение Гассема.

— Он признал, что они с Гассемом стали совсем чужими друг другу. Можешь представить себе нечто подобное? — Люо не скрывал недоумения. — Якобы Гассем заявил ему, что говорит с духами.

— И даже не просто с духами, — дополнил Рейбо, — а будто бы с каким-то одним, особым духом, имени которого не желает называть. Гассем утверждает, будто этот дух куда более могуществен, чем все известные нам.

— А о чем они с ним говорят? — встревожился Гейл.

— Неизвестно, — ответил Люо. — Он утверждает, что для этого еще не пришло время. Нынче утром я успел поболтать у костра с несколькими воинами, идущими в тыловых отрядах. Они подтвердили, что Гассем ведет себя странно: то и дело он оставляет свой пост и уходит куда-то назад. Такое впечатление, будто он пытается что-то разыскать в болотах на востоке. Может, его дух живет именно там?

— Он проводил немало времени на болотах еще задолго до того, как мы отправились в путь, — заметил Гейл. Это было совершенно несвойственно шессинам, которые больше всего на свете предпочитали луга и равнины. Конечно, порой странствия приводили их в горы и на морское побережье, и там они чувствовали себя вполне нормально, однако все шессины без исключения испытывали ненависть к болотистым землям, где было полно ядовитых гадов и злобно жалящих насекомых, а также смертельных ловушек, как для человека, так и для скота. Вне всякого сомнения, лишь злобные духи могли обитать в этих скверных местах.

— Говорящим с духами все это очень не по душе, — заявил Люо. — Но Гассем утверждает, что они просто ему завидуют и боятся утратить власть, потому что не верят, будто кто-то кроме них способен общаться с духами.

— Думаю, тебе стоит посоветоваться с Тейто Молом, — обратился Рейбо к Гейлу. — Боюсь, это мало что даст, но все же лучше, чем ничего. Ведь ты не разговариваешь с Гассемом уже несколько месяцев, а нам самим едва ли удастся

проникнуть в его замыслы, да и с Тейто Молом мы не так близки, как ты.

— Честно говоря, мы с ним уже беседовали об этом... Еще прежде, чем Гассем начал пытаться строить из себя Говорящего с духами. А что, он по-прежнему твердит, будто шессинам необходимо войско и король?

— О, да, — ответил Рейбо, задумчиво тыча в землю тупым концом копья. — Хуже того, нашлись воины — по счастью, немного, — кому такие мысли пришлись по душе. Гассем собрал вокруг себя прихлебателей, которые, подобно ему самому, полагают, будто их недооценивают и лишают заслуженного высокого положения. Там нет почти никого из нашей общины, и все же даже кое-кто из старших воинов прислушивается к его речам. Более того, мне показалось, что Гассем пытается переманить на свою сторону даже старейшин. В последнее время он все чаще о чем-то беседует с Борленом.

Старейшина Борлен обладал средним достатком и был практически лишен каких-то особых способностей, если не считать умения красиво говорить. У него был звучный голос, он умел сопровождать свои речи выразительными жестами и выбирать для них самый удачный момент. Если требовалось послать человека для переговоров с другим племенем, обычно выбирали именно Борлена, хотя прочие старейшины были вынуждены подсказывать ему, какие именно слова произносить, ведь сам он никогда не отличался особым умом.

— Вот оно что? — задумчиво протянул Гейл. — Что ж, может, Гассем и лишился рассудка, но не утратил способность планировать свои действия. Борлен может стать для него ценным союзником. А если он получит способность влиять на людей...

— Возможно, ты прав, — подтвердил Люо. — Впрочем, подожди, пока не увидишь все своими глазами.

Расставшись с приятелями, Гейл продолжал размышлять о природе безумия. Случается так, что даже когда человек совершает поступки, которые кажутся окружающим противоестественными, он все равно продолжает пользоваться уважением некоторых из них. Способен ли кто-нибудь притворяться безумным? Если да, то зачем? Возможно ли, что Гассем вовсе не сошел с ума, а просто преследует некие тайные цели. Гейл по собственному опыту знал, как нелегко младшим воинам привлечь к себе внимание прочих членов племени. Большую часть времени они проводили вне общины, пасли кагг и пытались произвести впечатление на приятелей и девушек. Однако, для влиятельных членов племени юноши словно бы оставались невидимыми.

Лишь сейчас, впервые за все время, Гейл начал понимать, что Гассем не просто дерзкий и самолюбивый молодой воин: его замыслы и поступки таят в себе серьезную опасность. Он пытается привлечь к себе внимание, чтобы влиять на других людей. К чему он тратит время на общение с таким глупцом, как Борлен? Может, желает научиться произносить зажигательные речи? Если так, то едва ли подобную предусмотрительность можно отнести на счет безумия. Но как же тогда объяснить его слова о том, что он говорит с каким-то духом, или его прогулки по болотам? Ясно одно: при встречах с Гассемом Гейлу следует быть еще осторожнее, чем прежде.

Однако, в столь великолепный день нелегко было размышлять над серьезными проблемами. Кучевые облака неслись по ослепительно синему небу. Над пожирателями падали, что кружили вблизи стад, парили молотоглавы — крупные птицы размером с человека, с размахом крыльев в два человеческих роста с длинными тонкими ногами и веерообразным хвостом.

Чуть левее, над деревьями показались листоеды: птицы, питавшиеся листвой с узкими головами на тонких шеях и с перепончатым гребнем. С помощью вытянутого в трубочку клюва они умело обирали листья с ветвей. На вид эти существа казались милыми и безобидными, однако от любых хищников их обороняли когтистые лапы, а силой с листоедами мало кто мог сравниться.

В отряде, сопровождавшем стадо с фланга, было не меньше шестидесяти воинов из разных общин, а также несколько старших воинов, которые в случае нападения должны были взять на себя командование. Основная часть старших воинов шла впереди племени, и лишь единицы охраняли стада с тыла. При переходе боевой порядок не соблюдался, воины шли свободно, рассыпавшись по широкой территории, либо поодиночке, подобно Гейлу, либо парами или мелкими группами.

Внезапно в сторону Гейла направилась женщина, отошедшая от стада. В руках у нее был пастушеский посох, а через плечо перекинут сетчатый мешок с домашней утварью. Гейл узнал Лериссу, и у него забилось сердце.

— У тебя какой-то кислый вид, Гейл, — заметила девушка. — Неужели ты не рад, что мы перебираемся на новое место?

— Почему же? И с чего ты взяла, что у меня мрачный вид?

— Ты все время какой-то хмурый. Почему ты так долго не приходил повидаться со мной?

Тейто Мол предупреждал Гейла, что очень скоро Лериссу просватают за кого-то из старейшин, но ему не хотелось говорить об этом, все равно тут ничего не изменишь...

— Я ведь просто один из младших воинов, у меня множество обязанностей. Очень редко выпадает возможность покинуть лагерь и сходить в деревню.

Лерисса с усмешкой поглядела на него.

— А вот у Гассема, похоже, таких проблем не возникает. Он очень часто приходит повидать меня. Похоже, он вправе приходить и уходить, когда сочтет нужным.

— Я много чего странного слышал о Гассеме за последнее время! — выпалил Гейл. Лерисса умела вызывать его ревность, и все же он попытался унять свое раздражение. — Ты не единственная, кто обратил внимание, как странно он ведет себя в эти дни.

На устах девушки заиграла удовлетворенная улыбка. Она видела, что ее выпад угодил в цель.

— Ты прав. Я слышала, что старшие воины и даже старейшины говорят, будто Гассем — очень достойный молодой человек. Иные даже находят в нем задатки сильного вождя.

— Неужели? — Гейлу неприятно было думать об этом. Возможно, Лерисса все же преувеличивает? Однако, он слышал немало древних легенд о людях, над которыми в юности все насмехались, но потом они сделались знаменитыми героями, победителями чудовищ, мудрецами или кем-то в этом роде. Если Гассему действительно суждено стать вождем, то всем его нынешним странностям легко найдется объяснение.

— Конечно, я говорю чистую правду. Старейшины не слишком склонны хвататься за все новые идеи, однако Гассем говорит столь убедительно, что они волей-неволей задумываются над его речами.

— Так ты что, явилась сюда, чтобы поведать мне о том, как хорош Гассем? Об этом я достаточно слышал и от него самого. И еще я слышал, как он отзывался о тебе.

Развернувшись, Лерисса двинулась прочь, с трудом скрывая гнев, а Гейл ощутил горестное удовлетворение. Державшиеся поблизости молодые воины осыпали его насмешками за то, что Гейл вновь не смог проявить себя как пылкий любовник. На все эти глумливые выкрики молодой человек умело отшучивался, подумав про себя, что с друзьями все же куда проще иметь дело, нежели с женщинами.

Тем же вечером он отыскал у костра Тейто Мола и пересказал ему все, что услышал о Гассеме.

— Сплетни расползаются столь же стремительно, как огонь по сухостою, — заметил старец. — Гассем утверждает, будто обрел власть над духами. Лично я могу поклясться теми годами, которые прожил как Говорящий с духами, что в Гассеме таких способностей не больше, чем у камня, и многие

другие согласны со мной. И все же глупцы склонны ему верить. — Погрузившись в тягостные раздумья, Тейто Мол не сводил взгляда с костра. — Переход на новые пастбища всегда дается людям нелегко. У них ломается весь уклад жизни, они становятся дерганными, впечатлительными, воспринимают чужеродные идеи, которые в другое время отвергли бы с презрением. Я попробую поговорить с ним об этом. Гассем превосходно умеет нащупывать у людей слабые места. Он знает, что и как сказать, чтобы направить их страхи и тайные стремления в том направлении, что нужно ему. Он способен задеть в человеке скрытую слабость, внутреннее зло и обернуть их к своей выгоде.

Гейл кивнул.

— Так я и думал. Несомненно, он куда опаснее, чем простой безумец, и у него есть какая-то цель. Но какая? И зачем бродить по болотам, если хочешь завоевать доверие и уважение племени?

— Боюсь, что ответ на этот вопрос мы получим куда раньше, чем хотелось бы, — промолвил Тейто Мол. — И сомневаюсь, что этот ответ нам понравится.

Остаток пути до новых пастбищ прошел относительно спокойно, и младшие воины были бы рады, если бы путь никогда не закончился. Дни были насыщены радостными событиями. Они встречали новых людей, видели новые земли. Большинство из них бывали в этих местах только в раннем детстве.

По вечерам на берегу реки разбивали лагерь. Здесь юноши со смехом и любопытством наблюдали за летучими мышами-рыболовами, что появлялись над водой с наступлением сумерек. Маленькие зверьки парили на кожистых крыльях и время от времени ныряли, пытаясь ухватить рыбу длинной зубастой пастью.

В отличие от воинов, женщины стремились как можно скорее добраться до нового места, обустроиться в деревнях, заняться домашними хлопотами. У них было слишком много забот о детях и стариках, и потому бездумный восторг молодежи был им недоступен. Замечая чрезмерную, на их взгляд, радость юношей, женщины не стеснялись вслух выказывать недовольство.

Но рано или поздно всему приходит конец. Закончился и этот переход. На тридцать второй день после того, как шессины снялись с прежних насиженных мест, они, наконец, достигли южных пастбищ. Здесь всех катт собрали в одно огромное стадо, и люди принялись обсуждать, как распределить места и где построить деревню.

Тем временем Гейл прогуливался по широкому лугу, где собрали кагг. Трава здесь была ростом по пояс, при каждом шаге из-под ног разлетались тучи насекомых. Страна гор осталась далеко на севере, ее вершины, поднимаясь от низких холмов к высоким пикам, были едва видны отсюда. Южные земли хорошо орошались, неподалеку тянулись низменные болотистые местности. Гейл знал, что эта равнина простирается к западу и востоку на много дней пути и заканчивается обрывистым спуском к узкой прибрежной полосе. На юге берега соединялись в месте, названном моряками Мысом Отчаяния. Сами шессины никак его не называли, потому что вообще не интересовались морем.

Неожиданное появление Гассема прервало размышления Гейла. Они не виделись с тех пор, как покинули прежний лагерь, и Гейл сразу же понял, что хотел сказать своими загадочными словами Люо. Гассем выкрасил свой щит в черный цвет. Тому, кто привык к ярким орнаментам на щитах шессинов, сплошной черный цвет казался странным и даже пугающим. «Что это может означать? — недоумевал юноша. — И значит ли вообще что-нибудь? Может, это просто очередная уловка, чтобы помочь Гассему выделиться среди простых воинов? Что ж, если так, то он добился своего.»

Удивительное дело, но Гейлу показалось, что за те пару недель, что они не виделись, Гассем еще больше повзрослел. Он был на полголовы выше большинства воинов, и даже Гейла, считавшего одним из самых рослых в племени. Бронзовая кожа Гассема приобрела от загара коричневый оттенок, на смуглом лице ярко сверкали синие глаза. Он больше не носил любимых украшений и не красил лицо — его внешность и без того была запоминающейся и внушительной. Гассем держался бесстрастно, самоуверенно и строго.

— Привет тебе, Гейл, — Голос Гассема тоже звучал не как обычно: низкий от природы, теперь он казался еще весомее, словно тот тщательно взвешивал каждое слово. Явно сказывалось участие Борлена.

— И тебе тоже, — нарочито невозмутимо отозвался Гейл. — Мне по душе новые земли, которые я вижу вокруг. Как ты думаешь, возникнут ли какие-нибудь трудности с обустройством на новом месте?

— Вероятно, да. — Гассем взмахнул копьем: — Там, на юге, плотная стена джунглей, где водятся дикие коты. Еще там обитают изгои — разбойники, изгнанные из племен землепашцев и пастухов. А вот там, — его копье указало на запад, — деревни асаса. Думаю, этот народ не сможет удержаться от того, чтобы не напасть на наши стада. Нет, жизнь

здесь не будет мирной — пока мы не обустроимся как следует и не дадим соседям понять, что связываться с нами небезопасно.

— Может, это не так уж и плохо, — сказал Гейл. — Нам, младшим воинам, необходим боевой опыт, а старшие, по-моему, здорово разленились и только и делают, что хлещут хойль.

— Верно говоришь, — с достоинством кивнул Гассем. — Я думаю, что здесь мы сможем восстановить наш воинский дух. Ну ладно, мне пора выбирать место для лагеря Ночных Котов. Доброго дня тебе, Гейл!

Юноша в растерянности смотрел вслед удаляющемуся Гассема. Ни одним словом — или хотя бы жестом — тот не выказал прежней враждебности или обычной презрительной снисходительности. Любой другой поверил бы в его искренность, но Гейл не мог забыть выражения злобного торжества, что он заметил на лице склонившегося над ним Гассема, когда его ранил длинношей. Гейл был уверен, что изменились лишь манеры Гассема, а сам он столь же опасен, как и прежде.

Новый день выдался хлопотливым, так как все занимались обустройством поселков. За деревом для строительства домов и сараев ходили к близлежащим холмам. Эту работу старались возложить на людей, нанятых в соседних деревнях. Воины шессинов терпеть не могли тяжелой физической работы, считая ее для себя унизительной. Единственное исключение было когда в походе им приходилось по очереди тащить тяжелые Шесты Духов, так как эту обязанность могли выполнять только шессины. Это тоже был тяжкий труд, но никто не считал, что он может уронить достоинство воина.

Жилища строились из вертикальных столбов, расставленных по кругу и переплетенных, словно бока корзины, гибкими ветками и лозой, отверстия между которыми залеплялись глиной. Конусообразные крыши покрывали пальмовыми ветвями. На помещения для собрания и складские сараи уходило много строевого леса, поскольку в них делались дощатые полы.

Больше всего дерева требовалось для частоколов, которыми окружали поселения. Младшие воины могли приступить к строительству своих лагерей не раньше, чем будут завершены все эти постройки.

Гейл и еще несколько воинов отправились в лес, к невысоким холмам на западе, где им полагалось надзирать за наемными рабочими и, главное, охранять их от лесных хищников. Те трудились исправно, и воинам не приходилось их подгонять.

Дорога до холмов заняла полдня, и Гейл успел познакомиться с жителями близлежащих деревень. Они занимались большей частью земледелием, а также держали небольшие стада кагг, квиллов и насков. Это был приземистый народ с темной кожей и длинными черными, каштановыми или рыжеватыми волосами; глаза у них были карего цвета, хотя встречались и голубоглазые. Люди эти, веселые и общительные, радовались тому, что несколько дней смогут отдохнуть от привычной нудной работы и, возможно, получат в награду за труд отличных кагг — обычно шессины именно так расплачивались за работу.

Спутники Гейла держались довольно надменно, но деревенские жители, называвшие себя кана, не обижались. Вообще-то, молодой воин подозревал, что, как ни странно, кана считают горделивое высокомерие шессинских воинов просто смешным. Жители деревень были крепкими людьми, мускулистыми с широкими запястьями, руки их огрубели от работы с тяжелыми плугами. И при всей их мощи, они были лишены гибкости шессинов, их движения были сильными и уверенными, но совершенно лишенными изящества.

Гейл, как обычно, заинтересовался духами местного народа и колдовством. Обычаи кана не показались ему непривычными. У них были заклинания, чтобы подготовить землю к пахоте, и обряды, которые выполнялись после — от посевной, до сбора урожая. Главным в их жизни были плодородие земли и дождь. Гейл спросил, поклоняются ли они каким-либо богам. Кана рассказали ему про главного духа, управляющего силами природы. Но он находится очень далеко, и они предпочитают обращаться с просьбами к более близким духам. Юноша подумал, что все это весьма любопытно, но не совсем понятно. Похоже, настоящие боги обитали только на материке.

Вечером первого дня, когда лесорубы расселись у лагерного костра, Гейл спросил у кана об их способах ведения войны. К этому разговору прислушивались и прочие воины. Они не сомневались, что шессины — лучшие в мире, и каждый из них стоит десяти других воинов, но им, конечно, не помешает узнать, как сражаются менее искусные народы.

— У нас нет таких прекрасных больших копий, как у вас, — сказал молодой мужчина с пышной копной черных волос, на щеках которого красовалось несколько глубоких параллельных шрамов. — Но мы неплохо управляемся и со своими. — Он продемонстрировал свое оружие с крепким трехфутовым древком и шестидюймовым бронзовым наконечником шириной с ладонь. — Мы не используем их для метания,

а только наносим колющие удары. Наши щиты высокие и узкие, очень удобны для этого. Мы встаем в один ряд близко друг к другу, чтобы из-за щита можно было безопасно бить копьем.

— Они слишком короткие, — заметил один из шессинов. — На расстоянии больше вытянутой руки вы беспомощны.

— Это верно, — свирепо усмехнулся пожилой кана, — мы любим подходить к врагу поближе.

— И наконечники ваши мне не кажутся слишком опасными, — сказал Гота, пострадавший от тяжелой лапы длинношея. Воин все еще хромал из-за не вполне зажившей раны на бедра.

— Взгляни сам, — длинноволосый протянул ему копье. — Этот наконечник шириной с ладонь и длиной в кисть руки. А намного ли толще тело человека? Никто не сможет выжить после удара копьем в живот. Спроси хоть тех же асаса и лесных дикарей.

— А как насчет дротиками и прочего метательного оружия? — спросил Гейл.

— Мы бросаемся камнями, — ответил человек, один глаз которого был затянут молочно-белым бельмом. — Еще кое-кто из наших умеет пользоваться пращой и метать дротики.

— А луки?

— Мало кому хватает времени обучиться этому как следует. Но среди нас есть несколько человек, задача которого — отгонять хищников от скота и охотиться на холмах за животными, чьи шкуры и перья мы используем для обрядов. — Человек с бельмом задумчиво почесал затылок. — Иногда мы едим дичь, хотя многие этого боятся. По-моему, это глупо: конечно, нам запрещено есть мясо, но какая разница, если поблизости нет Говорящего с Духами?

Прочие кана рассмеялись, и один, совсем еще юнец, спросил:

— А правда, что шессины пьют молоко с кровью?

— Да, правда, — ответил Соун. — Кровь мы сосем, прокусывая шеи поверженных врагов, а молоко берем от их кагг — если, конечно, нам не хватает молока их кормящих женщин.

Мальчик в изумлении раскрыл рот, но пожилой мужчина хлопнул его по плечу, засмеявшись над наивностью паренька.

— Это обычная сказка шессинов, предназначенная для доверчивых желторотиков, — заявил мужчина с бельмом. — Много лет назад, когда я был такой же, как ты, они рассказали ее и мне — после этого, едва завидев вдали шессина, я убегал как можно дальше.

Гейл вернулся к прежней теме.

— Мы слышали, что недалеко отсюда обитает племя асаса. Они тревожат вас набегами?

— Еще бы, — отозвался человек со шрамами, — почти каждый месяц. Обычно они охотятся за нашими каггами — кроме этого, ничего особо ценного у нас нет.

— Мы асаса никогда прежде не видели, — заметил Соун.. — Когда наше племя останавливалось здесь в прошлый раз, мы были еще детьми. На кого они похожи?

— Они почти такие же рослые, как вы, — ответил седеющий кана. — Но кожа у них гораздо светлее, и у большинства черные волосы. Они наносят на тело раскраску и сражаются копьями, похожими на ваши. У многих есть длинные мечи, которыми можно рубить и колоть. Их щиты круглые, из невыделанных шкур насков. Асаса снимают скальпы с поверженных врагов и носят их у пояса как украшение. Они идут в бой, распевая боевые песни.

— Если они позарятся на наших кагг, то песня будет погребальной, — грозно пообещал Гота.

Следующие два дня Гейл следил за тем, как кана рубят лес, очень ловко управляясь с бронзовыми и каменными топорами. Он бродил среди деревьев, с интересом наблюдая за жизнью леса. Время от времени он видел охотников, которые исподтишка подглядывали за ним. Он крикнул одному из них:

— Мы не причиним вам вреда. Нам просто нужно нарубить древесины.

— Убирайтесь прочь! — выкрикнул тот в ответ. — Вы принесете нам несчастье! Вы тревожите духов леса!

Гейлу хотелось пообщаться с этими людьми, но никто из них не решался подойти ближе, — охотники славились своей робостью.

Юноше было очень интересно бродить по лесу. Не раз ему удавалось полюбоваться на древолазов, — крохотных, чем-то напоминающих людей созданий, лишенных дара речи, которые стремительно метались по веткам, цепляясь за них длинными пушистыми хвостами. Они скалили мордочки в яростных гримасах и громко вопили: люди, вырубали деревья, на которых они живут. Остальных шессинов это лишь забавляло, однако Гейл чувствовал, что маленькие существа имеют свои права на этот лес, бывший их домом.

Он всегда старался выбрать себе ночное дежурство. После того как все укладывались спать у костра, он сидел, опираясь спиной о ствол большого дерева, задумчиво смотрел на тусклый отсвет углей и слушал лесные голоса. Здесь было даже спокойнее, чем в долине, и лишь иногда тишину на-

рушал шепот ветра. В эти мгновения, когда его ничто не отвлекало, Гейлу казалось, что он может чувствовать душу леса.

Здесь все было иначе, чем на равнинах. Там в поле зрения всегда находились стада крупных животных, а более мелкие создания стремительно разбегались в стороны, подальше от их копыт. Лесные же обитатели были очень малы, и мир их казался четко разделен на ярусы: каждый жил на своем уровне. Множество мелких существ копошились под густой листвой, чуть более крупные, хотя и крошечные по сравнению с равнинными, обитали на поверхности земли, объедая низко растущие листья кустарников. В ветвях деревьев тоже роились бесчисленные твари. Все они были приспособлены к жизни только на своем уровне, а над ними днем реяли птицы, а по ночам — летучие мыши. Между ветвей мелькали летучие ящерицы с небольшими кожистыми крыльями, которые редко встречались в других местах. Их удивительной красоты шкурки сверкали в ярких солнечных лучах словно подброшенные в воздух самоцветы.

Среди всего этого изобилия жизни Гейл ощущал и присутствие духов. В лесу была своя жизнь, недоступная пониманию большинства смертных, хотя и человек мог ощутить ее присутствие. Духи леса казались чуждыми пониманию Гейла. Он знал, что охотники находятся с ними в куда более тесной связи. Ни он сам, ни его племя не были им приятны, но и не гневили их. Люди с их разрушениями представляли собой лишь мимолетную случайность, а духи и лес, который они населяют, равнозначны вечности. Они будут существовать и тогда, когда давным-давно истлеют кости тех, кто некогда тревожил их покой.

После ночи, проведенной в созерцании, Гейл понял, почему охотники, живущие убийством, остаются столь миролюбивыми и кроткими. Но путь созерцания ему не подходил. К счастью или к несчастью, он был рожден воином, и не желал для себя иного пути.

По пути из леса в долину, Гейл осознал, как мало было известно о новом месте их обитания. К племени кана он теперь относился с симпатией. Конечно, никто не мог сравниться с таким прекрасным народом, каким он считал шессинов, но и кана обладали своими достоинствами, включая несомненную воинскую доблесть.

Как только Гейл подошел к временному лагерю, разбитому воинами за деревней, Люо выскочил ему навстречу, потрясая копьем и чуть ли не пританцовывая от восторга.

— Ого, кто идет! — закричал он. — Это же Гейл, великий воин и в недалеком будущем Говорящий с Духами!

— Он подбежал к приятелю и сунул ему под нос свое копье. — Посмотри, что случилось с моим оружием!

Гейл перехватил копье за древко, чтобы Люо не выколол ему глаз, и внимательно оглядел длинное острие. На лезвии красовались безобразные бурые пятна.

— Неужто, ржавчина? Очень скверно, Люо. Ты владеешь прекрасным оружием, а до тебя оно служило настоящему воину. Бронза не ржавеет, но сталь требует ухода.

— Пенду, Ребья! — завопил Люо. — Идите поскорей сюда и расскажите этому недоумку, который бездельничал, надзирая за двуногими скотом, чем занимались в его отсутствие настоящие мужчины! — Он повернулся к Гейлу. — Что ты приволок из своего похода, Гейл? Дерево? А хочешь знать, что досталось нам?

— Ржавчина? — попытался угадать Гейл.

— Кровь, вот что! Вражья кровь! — К ним подошли, довольно ухмыляясь, двое их товарищей.

— Теперь ясно, — сказал Гейл. — На вас напал целый отряд асаса — вооруженные до зубов, размалеванные воины. И вы, конечно, обратили его в бегство голыми руками. Я потрясен, Люо! За это тебе даже можно простить ржавчину на копье.

Люо фыркнул и обернулся к товарищам.

— Нет, ну вы только взгляните на него! Неумелый и ни на что не годный неопытный воин пытается насмехаться над настоящими героями, участниками удачнейшего набега за каггами. Разве можно такое стерпеть?

— Пошли с нами, Гейл, — предложил Ребья. — Мы достали у этих деревенщин кана немного хойля. Давай посидим и хорошенько выпьем, а мы обо всем тебе расскажем. Конечно, великой битвы, как пытается убедить тебя этот пустозвон, не было, однако драка вышла неплохая. И вполне возможно, она — предвестие грядущих великих событий.

Воины вернулись в лагерь, и Гейл услышал о волнующем событии, участником которого ему не довелось стать. Вечером того самого дня, когда он уехал, шессины заметили небольшую группу дикарей-изгоев, подкрадывающихся к их стаду. На другую ночь они попытались вновь напасть на стадо, которое охраняли воины из общины Ночных Котов. Люо, Пенду и Ребья стояли в ту ночь на страже. Данута с ними не было.

Напавшие оказались родом из разных племен, голодные и отчаявшиеся людьми. Орудовали они грубыми копьями и дубинами. Люо разглядел идущего первым тощего жилистого мужчину с бритой головой, который попытался ударить каггу копьем. Когда Люо ринулся к нему с предостерегающим воплем, он повернулся и дико зарычал. Юноша

прикрылся от удара копья, и теперь с гордостью показывал глубокую вмятину на щите. Он успел нанести дикарю серьезную рану в бок, потом подоспели его товарищи и обнаружили незадачливых скотокрадов. Произошла короткая стычка. Убитых, судя по всему, не было ни с одной стороны, но раненых оказалось немало — на следующее утро на земле обнаружили много кровавых пятен. Юнцы, стоявшие на ночной страже, мнили теперь себя бывалыми бойцами, что немало потешало старших воинов.

Даже сам себе Гейл никогда бы в этом не признался, но он отчаянно завидовал своим товарищам, принявшим участие в битве с дикарями. Хотя он прекрасно понимал, что это была далеко не последняя возможность отличиться. Или же погибнуть — как повезет. Мысли о смерти, которая все равно неизбежна, мало беспокоили шессинов. Умрут в конце концов все люди. А вот способов расстаться с жизнью — огромное множество. И самый лучший из них — это скорая, славная смерть на поле боя.

В ближайшие дни кана помогали шессинам строить деревню, а младшие воины мастерили себе хижины на территории лагеря. Молодые деревца, которые использовались для каркаса жилищ, в изобилии росли в болотистой низине неподалеку. Крыши, сшитые из полосок коры, они прихватили из старого лагеря. Когда хижины были готовы, с соответствующей короткой церемонией старейшины установили общинный Шест Духов.

Повсюду их окружали враждебные племена — охрана выставлялась и днем, и ночью. Большей частью несение стражи входило в обязанности младших воинов. Они рысцой обходили границы вверенных им участков, выискивая на горизонте возможных врагов, а на земле — оставленные ими следы.

Однажды они обнаружили в мягкой почве отпечатки ног — узкие, как у шессинов, но вмятины рядом с ними от воткнутых в землю копий явно отличались от их оружия. С тех пор молодые люди жили в постоянном напряжении, страстно мечтая принять участие в настоящем бою.

Старшие воины, многие из которых помнили прежние схватки с асаса, пребывали в куда более мрачном настроении, ни на миг не теряя бдительности. По ночам их часто можно было видеть у частокола — они стояли, облокотившись на щиты, и вглядывались во мрак, шепотом переговариваясь друг с другом.

Однако стычка произошла, когда этого никто не ожидал. Через три часа после заката Гейл и его товарищи вернулись в лагерь. Их сменил следующий дозор. Сложив щи-

ты в сарай, они отправились к разожженному в центре лагеря костру — поболтать с приятелями и немного перекусить.

Холодный ветер гнал на северо-запад тяжелые горы облаков. Зловеще сверкали молнии. Дождь еще не начался, грозовые тучи находились слишком далеко, и грома не было слышно, но в свете молний лица сидящих у костра воинов казались мертвенно-бледными. Поскольку столкновение с асаса многим воинам казалось неминуемым, они постоянно поддерживали на теле боевую раскраску, чтобы в момент битвы выглядеть должным образом.

Как всегда, Гейл сидел рядом с Люо, Пенду и Ребьей. Гассем стоял в дозоре, вместе с Данутом, Соуном и Готой. Старшим среди двух десятков воинов, находящихся в лагере, был Кампо. Из некоторых хижин доносился храп, но почти все остальные бодрствовали. Гейл взял чашу со смесью крови и молока, но не успел сделать даже глотка, как вдруг издали послышались крики и отчаянное мычанье потревоженных кагг.

Воины тотчас вскочили на ноги и бросились к сараю разбирать свои щиты, отчаянно вопя, чтобы разбудить спящих. Они напряженно вглядывались в темноту, откуда доносились крики. Теперь можно было разобрать отдельные слова, вернее, одно слово: древний призыв шессинов к битве. «Щиты! Щиты!» — кричали находящиеся в дозоре воины.

— Сбора — у Шеста Духов, — пытаясь перекричать общий гомон, выкрикнул Кампо.

Заткнув за пояс три метательные копья, Гейл схватил дротик. Его сердце бешено стучало, он ощущал в теле необыкновенную легкость. Юноше казалось, что сейчас он может бежать со скоростью молнии и видеть врага даже в темноте. Прошло чуть больше минуты, когда полностью вооруженные воины собрались у Шеста Духов.

— Они вон там! — крикнул кто-то, указывая в ту сторону, где паслось самое большое стадо и мелькали зажженные факелы. Несколько молодых воинов рванулись с места.

— Стойте! — закричал Кампо. — Это обман! Какие же болваны пойдут в ночной набег с факелами в руках?! Они явно хотят ударить в другом месте. Все здесь? — Послышался нестройный хор голосов. — Тогда — вперед!

Кампо рысцой тронулся с места, остальные побежали за ним ровной колонной, с дистанцией в три шага. Кампо затянул боевую песнь, ее подхватили, сопровождая пение бряцанием щитов и оружия. Вспышки молний отражались в полированной бронзе и тусклой стали. Звуки пения, лязг оружия и призрачный свет мгновенно превратили группу беззаботных юнцов во внушающий ужас боевой отряд.

Гейл бежал вторым в колонне, следом за Кампо. Как и все остальные, он настороженно вглядывался в темноту, пытаясь понять, куда они бегут. Молнии освещали все вокруг на много миль, но за тот краткий миг, что они сверкали, глаз успевал выхватить лишь бесцветные волосы колышущейся травы, а затем снова наступала кромешная тьма.

Откуда-то спереди послышались крики и боевые вопли. Дозор подвергся нападению сразу после того, как вышел из лагеря. Кампо пронзительно завизжал, и все рванулись к тому месту, чтобы встретить врага, перестраиваясь на ходу в боевую шеренгу.

Насколько хватало глаз, Гейл видел лишь щиты шессинов, тускло мерцавшие в призрачном свете. Но где же нападавшие? Казалось, вокруг не было ничего, кроме моря травы. И вдруг асаса вынырнули совсем рядом — раньше, чем кого-либо из них заметили. В тот же миг появилось ощущение, что нападавшие окружают со всех сторон.

Внезапно перед Гейлом вырос силуэт человека — еще более темный, чем окружавшая его тьма. Юноша понял, почему они не заметили врагов раньше — нападавшие с ног до головы выкрасились черной краской. Круглый, покрытый мехом щит ним врага тоже был черным, и лишь сверкающие на черном лице зубы убедили Гейла, что перед ним человек, а не ночной дух.

Гейл вскинул щит, отражая удар копья и ударил нападавшего дротиком со всей силой, на какую был способен. Однако его оружию не хватило ни мощи, ни остроты, чтобы пробить подставленный под удар щит противника. Отпрыгнув назад, для большей свободы маневра, юноша отбросил дротик и переложил копье из левой руки в правую.

Вновь прикрываясь щитом от удара, он обругал себя за глупость: как он мог забыть, что и метательные палки, и дротики совершенно бесполезны в ночном бою? Здесь ничего не разглядеть даже на расстоянии вытянутой руки! Вокруг повсюду слышались боевые кличи, кто-то выкрикивал имя товарища, кто-то уже стонал от боли, но почти все звуки перекрывала боевая песня асаса. Оружие с грохотом ударяло в щиты или издавало жуткий лязг, сталкиваясь с оружием противника.

Нападавший асаса попытался ударить под левый край щита, но Гейл отскочил вправо и смог совершить обманное движение. Он завел левый край своего щита за щит врага и с силой дернул в сторону — так, что враг развернулся, подставив ему незащищенный бок. Не медля ни секунды, юноша нанес удар копьем и почувствовал, как оно вонзается в тело противника. Тот застонал и рухнул на землю.

На пару мгновений Гейл словно остолбенел, уставившись на поверженного врага, корчившегося в траве. Затем молодой воин подпрыгнул, оглашая воздух победным криком.

Слегка опомнившись, он понял, что бой далеко не закончен, и радоваться своей победе еще не время. Гейл обернулся в поисках новых соперников. Недостатка в них не было.

Почти тут же к нему, размахивая огромной палицей, подскочил еще один асаса. Гейл обменялся с ним ударами, но тут их разделили сцепившиеся воины. Юноша отступил, чтобы сообразить, как ему быть дальше, и увидел рядом стражу ночного дозора, которые сражались с грабителями, пытавшимися увести стадо. Судя по всему, его собственная группа наткнулась на отряд, прикрывающий отход противника.

Немного поодаль он увидел с длинноволосого воина, который выкрикивал какие-то слова, заглушаемые раскатами грома. Гейл бросился на него, и когда тот обернулся, заметил, что тело его противника разрисовано вертикальными черными полосами. Оскалив рот в страшном рычании, асаса двинулся навстречу юноше, размахивая оружием, — Гейл с удивлением осознал, что это очень длинный меч. Он никогда раньше не встречал такого оружия. Когда противник замахнулся, Гейл прикрылся щитом и нанес удар копьем, которое, пробив вражеский щит, застряло в нем. Асаса, злобно скалясь, пытался высвободить щит, дергая его к себе, что заставляло противников топтаться на месте. Резким рывком Гейлу удалось выдернуть наконечник копья, но противник атаковал его, и их щиты с грохотом столкнулись. Юноша, не удержав равновесия, упал навзничь. Пытаясь вновь подняться на ноги, он прикрывался щитом от бешеных ударов асаса.

При очередной вспышке молнии Гейл увидел, что противник в азарте схватки забыл о собственной защите. При новой вспышке он ударил копьем снизу вверх, целясь асаса в сердце. Удар достиг цели — воин на мгновение застыл и рухнул в траву.

Гейл вскочил с победным кличем, после чего прислушался к происходящему. Звуки боя стихали. Противник отступал, и поблизости уже не было сражающихся. Среди криков воинов и раскатов приближающейся грозы он услышал голос старейшины: «Воинам оставаться со стадом! С убитыми разберемся при свете дня! Раненых — в деревню!»

Лишь сейчас юноша заметил, что его бьет крупная дрожь. Он вогнал в землю копье и приставил к нему щит, затем наклонился, чтобы снять трофеи с поверженного врага. Он взял меч — его пришлось выкручивать из плотно сжатых пальцев; ножны свисали на длинном ремне с плеча асаса.

Стащив их вместе с поясом, Гейл надел на себя все вражеское снаряжение, для полноты картины вложив в ножны меч. На мертвом противнике оказалось множество украшений, судя по всему, серебряных, да еще длинный меч — скорее всего, то был один из вождей асаса. Гейл подумал, не найти ли труп своего первого врага, но потом вспомнил, что ему следует вернуться к стаду; к тому же, в кромешной тьме среди высокой травы невозможно отыскать мертвое тело. Что ж, сделать это можно будет и утром.

По пути к стаду, Гейл время от времени окликал товарищей, но никто не отозвался. Не успел он подойти к животным, как хлынул проливной дождь, поэтому ему не удалось обменяться подробностями боя с другими воинами, охранявшими стадо. Остаток ночи он провел, расхаживая среди кагг, которых ничуть не беспокоила вода, льющаяся с небес.

Юноши то и дело вспоминал все события прошедшего боя. Теперь он мог считаться настоящим воином: ведь на его счету двое убитых врагов. Надо будет поскорее разыскать Тейто Мола, чтобы тот дал ему защиту от мстительных духов. Хотя Гейлу вряд ли что-то угрожает, поскольку враги не знали его имени. Однако о защите все же следует позаботиться.

Когда, наконец, наступило утро, Гейл смог получше разглядеть свое новое оружие и поразился его богатству. Клинок оказался с широкими стальными краями, скрепленными по центру узкой полосой бронзы, украшенной причудливыми змеистыми узорами. У меча также была короткая гарда и массивная рукоять в форме какого-то неведомого зверя, обмотанная алым шнуром. Того же цвета были ножны и пояс, украшенные узорами такими же, как на клинке, а еще бронзовыми и серебряными заклепками.

Что касается украшений, то Гейл сразу заметил, что большинство из них серебряные, но обнаружилась там еще и цепь из золотых колец, а также браслет, украшенный нефритом, топазами и кораллами. Судя по всему и меч, и украшения были изготовлены на материке.

Утром старейшины в сопровождении отряда воинов подошли к ним, подсчитывая потери, как свои, так и врагов. Гейл был очень рад увидеть, что Люо и Данут остались невредимы. Последний же, отыскав побратима, радостно похлопал его по плечу.

— Я вижу, брат, что эту ночь ты провел не без пользы! — воскликнул он восхищенно.

Все прочие также были в восторге от добычи Гейла, и он поспешил показать им своего поверженного противника. Поблизости уже шныряли падальщики, но пока что не

осмеливались подойти ближе к телу. Удовлетворенно кивнув, один из старейшин сделал на счетной палочке новую зарубку.

— Теперь уже восемь, — объявил он.

— Я знаю, где лежит еще один, — отозвался Гейл, оглядываясь по сторонам, чтобы сориентироваться на местности. — По-моему, он где-то там... Я вижу, что рядом уже кто-то есть.

Все вместе они направились к фигуре, видневшейся вдали, и Гейл тем временем осведомился о потерях.

— У нас двое убитых, — ответил старейшина, — и трое или четверо тяжело раненых, и все же мы как следует проучили осасов. Не думаю, что они рискнут еще раз напасть на нас в ближайшее время.

Мрачное предчувствие внезапно охватило Гейла: ему показался знакомым черный щит, прислоненный к двум копьям. Гассем с торжествующим видом обернулся к приближавшимся соплеменникам.

— Это ты прикончил его, Гассем? — осведомился старейшина.

Гейл открыл было рот, чтобы возразить, но молочный брат опередил его:

— Да, это я его прикончил. Едва мы разделались со своими противниками, как я бросился сюда, на помощь отряду Кампо.

Гейла словно ледяной водой окатило. Ему нестерпимо хотелось пронзить Гассема копьем, и все же он сдержался и даже не сказал ни единого слова.

Ведь Гассем стоит над убитым врагом и уже успел забрать себе его оружие и украшения. Если даже Гейл сейчас посмеет обозвать его лжецом, то старейшины этому не поверят.

— Значит, ты прикончил двоих, — объявил старший воин. — Ведь я лично видел, как на южной стороне пастбища ты проткнул копьем одного из осасов. Не думаю, что кому-то еще из наших удалось разделаться с двумя врагами.

Чувствуя, что еще немного, и он уже не сможет сдержать себя, Гейл отвернулся и направился в деревню. Данут и Люо поспешили присоединиться к нему.

— В чем дело? — встревоженно спросил его Данут. — Что с тобой стряслось?

— Ничего, — тускло отозвался молодой воин.

— Неужто Гассем заявил права на твоего мертвеца? — изумился Люо. — Впрочем, меня это не удивляет. Разумеется, он пожелал стать единственным из воинов, кому удалось прикончить двоих врагов.

— Не будем больше об этом, — отрезал Гейл. — Мне хватит и того, что я получил. — Он любовно погладил

великолепный меч, висевший на боку. — Никто из наших братьев не погиб?

— Нет. — Данута явно не удовлетворил ответ Гейла, но пока он не решился продолжать расспросы. — Погиб Бунда из общины мохнатых змеев и кто-то из старших воинов. Еще Рендел серьезно ранен, и никто не знает, выживет ли он.

Хотя Рендел и принадлежал к общине ночных котов, но с Гейлом они были не слишком хорошо знакомы.

В лагере воины ликовали и веселились. Те, кто не должен был собирать отбившихся от стада кагг, громогласно хвастали своими подвигами. Не в обычае шессинов скорбеть, когда кто-то из соплеменников погибает на поле боя; их погребальные песни полны радости, а не печали.

Ребья оказался тяжело ранен в бок, и сейчас лекарь смазывал ему порез горячей смолой. Юный воин морщился от боли, но все же нашел в себе силы улыбнуться друзьям, а новый меч и прочие трофеи Гейла привели его в восторг.

— Вот так повезло тебе, парень! Надо же, попался тебе какой-то слабак, да еще и богач! А вот тот, что порезал меня, сбежал, но я готов биться об заклад, что далеко он не уйдет. Ему досталось куда хуже, чем мне.

Гейл уже сумел отчасти усмирить свою ярость, и теперь с удовольствием выслушивал истории других воинов. Чем меньше трофеев было у сражавшихся, тем громче они кричали о том, что сумели нанести смертельные раны одному или нескольким врагам.

— Если бы все это было правдой, — заявил Гейл своим друзьям, не скрывая усмешки, — то в деревне асаса не осталось бы ни одного не покалеченного воина.

Помимо дозорных, в ночном бою принимали участие в основном младшие воины из общин ночных котов и мохнатых змеев. Старшие подоспели к месту сражения уже ближе к концу. Все они были весьма раздосадованы, что не сумели принять участия в битве, и теперь потрясали оружием, грозя в следующий раз жестоко разделаться с противником.

Когда, наконец, собрали и пересчитали весь разбредшийся скот, то оказалось, что пропало не более двух десятков кагг. Дорого же асаса обошелся их набег! После совета вождей Минда велел устроить богатое пиршество для всего племени, дабы отпраздновать великую победу.

На следующий день мужчины блаженствовали: они отъедались, плясали вокруг костров... Хотя и старались не слишком злоупотреблять спиртным. Асаса вполне могло прийти в голову отомстить за своих погибших собратьев. Многие хвалили Гейла, одолевшего столь серьезного противника,

однако, куда больше славословий в свой адрес выслушал Гассем, который, по его утверждению, разделался с двумя врагами. Теперь прихвостней Гассема можно было отличить без труда. Гейл с немалой тревогой заметил, что те, в подражание своему вождю, также выкрасили в черный цвет свои щиты.

Однако, больше всего Гейла поразило то, что Гассем держался с ним как ни в чем ни бывало. А, может, тот и впрямь верит, будто это он убил двоих Асаса? Ведь как бы то ни было, Гассем отнюдь не праздновал труса в этой битве: были свидетели тому, как он разделался с первым из нападавших. И пусть со стороны могло показаться, что Гассем безумен... Едва ли этот вывод соответствовал действительности.

Глава пятая

Племя понемногу обживалось на новом месте. Прошло несколько месяцев, и шессины показали всем соседям, что способны защитить и себя, и свои стада. После первого злосчастного набега асаса больше не беспокоили их.

Однако, в окрестных джунглях имелись и иные любители легкой добычи. Дикари совершили несколько мелких набегов и краж, и даже убили исподтишка пару шессинов, после чего совет вождей объявил о своем решении покарать этих наглецов и разделаться с нависшей над племенем угрозой.

В походе против дикарей участвовала половина воинов из каждой деревни, а прочие оставались охранять стада. Велика была радость Гейла, когда ему сообщили, что он также должен отправляться в поход.

Местом сбора стала южная деревня, куда поутру выступили несколько сотен юных воинов, нетерпеливо рвущихся в бой. Распевая грозные боевые песни, все в боевой раскраске, шессины двинулись на юг. Два дня они шли почти без остановок, а на третий, наконец, остановились, достигнув края джунглей.

Величественное зрелище открывалось их глазам: между близко стоящими высокими деревьями с трудом пробивались лучи солнца. Из чащи то и дело слышались какие-то истошные вопли и рычание неведомых хищников. Для шессинов джунгли были неизведанной территорией, однако сейчас у них не было иного выхода, кроме как двинуться в гущу леса. Здесь Гейл не чувствовал ничего похожего на то единение с природой, какое ощущал в высокогорном лесу. Даже само время шло здесь совсем по-другому. Казалось, будто жизнь здесь летит слишком быстро: все живое нарождалось и плодилось, чтобы почти тут же погибнуть.

Джунгли простирались во все стороны, насколько хватало глаз, однако, шессины без труда обнаружили следы похищенных кагг. Именно по этой тропе направился передовой отряд, ведомый опытным воином. Довольно быстро они обнаружили дикарей, и завязался бой. Основные силы шессинов, подоспевшие к месту сражения, выстроились в дугу и начали постепенно сдвигать фланги, чтобы загнать дикарей в ко-

льцо и поднять на копья. Мало кто сумел уйти из окружения. Большинство дикарей были убиты.

Шессинам понадобилось еще три дня, чтобы закончить разгром противника. Они обнаружили среди дикарей представителей почти всех островных племен, а также жителей других островов и даже материка. Похоже, все это были изгои, которых из-за каких-то серьезных проступков и преступлений вынудили покинуть родные места. Разумеется, богатой добычи шессины не взяли, однако, они к этому и не стремились. Целью похода было избавиться от дальнейших набегов дикарей.

Пока воины продирались сквозь джунгли, им навстречу попался кот чудовищных размеров с густой белой гривой и желтой шкурой, рассеченный спереди черными полосами, а сзади усыпанный бурыми пятнами. Воинам повезло, что никто из них не попал хищнику в лапы. Оскалив клыки, тот с грозным рычанием удалился, а потрясенные воины еще долго не могли прийти в себя от страха.

В стойбище дикарей они обнаружили не меньше сотни женщин-пленниц, которых решили забрать с собой. Многие затем разойдутся по родным деревням, а те же, кто по каким-то причинам не сможет или не пожелает сделать это, останутся в шессинских деревнях.

Весьма довольные и гордые собой, воины двинулись восвояси, гоня перед собой небольшое стадо отбитых кагг. Этот поход можно было считать довольно успешным. Ведь потери в бою оказались невелики: едва ли дикари могли оказать достойный отпор умелым воинам-шессинам. К несчастью, сами джунгли оказались более серьезным противником: здесь свирепствовали неизвестные болезни; и вскоре нескольких ослабевших воинов уже пришлось нести на носилках. К тому же любая царапина, полученная в этих дебрях, быстро начинала гноиться. И все же это были мелочи. Основной своей цели воины достигли, и к тому же теперь они смогут тешить приятелей у костров самыми невероятными байками об этом походе.

Немаловажно еще и то, насколько война с дикарями укрепила воинскую славу шессинов в этих местах, ведь в последний раз они были здесь несколько десятков лет назад, и многие соседи успели забыть о том, с какими грозными воинами они имеют дело. Для тех же, кто, подобно шессинам, страдал от набегов асаса и дикарей, стало настоящим праздником избавление от этой угрозы. Не проходило дня, чтобы в деревню шессинов не явились представители соседских поселений, дабы выказать свое уважение и преклонение перед воинским искусством.

Шессины ничуть не возражали. Им нравилось, когда прочие народы восхваляли их мужество, отвагу и доблесть. Пусть даже в этих похвалах было слишком много лести, — от этого воины гордились лишь еще больше. Пусть соседи страшатся и благоговеют перед ними: только это и нужно шессинам.

У Гейла также было мало причин для беспокойства. Теперь все признавали в нем умелого воина и мало кто среди сверстников пользовался в племени большим уважением. Мало того, что он убил одного из захватчиков-асаса, но также и в походе в джунглях выказал себя отменным воином. Пожалуй, последнее, что ему оставалось, это доказать свою доблесть в кулачном бою против воина из другого племени. Подобные состязания случались нечасто, и могло пройти еще немало лет, прежде чем Гейлу удалось бы проявить свое искусство. Однако, это был необходимый этап взросления воина. Без этого он не мог считаться одним из старших и быть наставником нового поколения бойцов.

Однако на деле настроение Гейла было далеко не безоблачным. Его по-прежнему беспокоило поведение Гассема. Тот с каждым днем становился все более высокомерным и властным, постоянно выказывая честолюбие и тщеславие, упорно пытаясь присвоить себе то, что было сделано другими. Он продолжал втираться в доверие к влиятельным людям племени, а круг его сторонников постоянно ширился. Гейлу казалось, что куда бы он ни бросил взгляд, он повсюду видел черные щиты.

Воины из его общины не поддавались на уловки Гассема: Ночные Коты прекрасно знали цену этому человеку, и их было трудно обмануть показным величием. Однако Гейл стал замечать, что его братья уже не так часто насмехаются над притязаниями Гассема — кое-кто начинал испытывать перед ним страх. Назло Гассему, напустившему на себя аскетичный вид, Гейл демонстративно нацеплял на себя все побрякушки, снятые им с убитого вождя. Не расставался он и с длинным мечом, взятым у асаса, хотя так и не научился как следует с ним обращаться.

Искусство фехтования было неведомо шессинам. Их привычным оружием были копье, короткий меч, дротик, метательная палка, иногда — топор. Длинными мечами в сражении они не пользовались.

Когда-то очень давно это оружие завезли на Острова с материка. Считалось, что обладатель длинного меча, стоившего баснословно дорого, выглядит как знатный человек, а Гейл полагал, что это оружие может быть смертоносным, если только уметь им пользоваться.

Не найдя себе достойного противника , юноша пытался тренироваться с мечом на мишенях, но так и не мог метко направить удар клинка, тогда как наконечник копья бил точно в цель, словно сам знал, где она находится. Когда он упражнялся в режущих ударах, то не мог правильно рассчитать их силу — иногда меч почти застревал в мишени, а иногда едва лишь задевал ее. Не поддающееся его воле оружие сбивало Гейла с толку, но он снова и снова до седьмого пота тренировался в нанесении ударов — кроме всего прочего, это помогало ему хотя бы на время избавиться от тревожных мыслей... и почти все они были связаны с Лериссой.

Несмотря на все уговоры Тейто Мола, он так и не смог расстаться с мечтами о ней, особенно во время долгих ночных дежурств. Конечно, они были близки в детстве, но сейчас они уже не младенцы. С тех пор как поселился в военном лагере, Гейл редко видел ее. Он подозревал, что совсем не знает ту девушку, которой стала Лерисса, а мечтает о женщине, созданной исключительно его воображением.

И если даже они сталкивались случайно, она никогда не упускала возможности перевести разговор на Гассема. Юноша не слишком хорошо разбирался в женских уловках и не мог понять, на самом ли деле она сходит с ума по Гассему или всего лишь пытается вызвать его, Гейла, ревность. Как бы то ни было, последнего она добивалась с неизменным успехом. Хуже всего то, что Гейлу не с кем было поделиться своими горестями. Братья безжалостно бы его высмеяли, а Тайта Мол уже советовал ему забыть эту женщину. Мужская гордость не позволяла Гейлу искать совета у старших женщин, хотя это было бы разумнее всего. Так что ему приходилось страдать молча и в одиночку. Гей, разумеется, не подозревал, что мало кому из юношей удается избежать страданий, когда дело касается женщин.

Днем он был слишком занят, чтобы грустить: нужно было заботиться о каггах, совершенствовать воинское искусство... и, в конце концов, существовали еще пирушки и праздники. Несколько раз Гейл участвовал в торговых поездках. После длинного перехода у шессинов осталось больше телят, чем они рассчитывали. Этот излишек обменяли на товары или разные услуги у племен, населявших южную равнину. В двух днях пути на восток лежал порт Турва, в котором Гейл был дважды, сопровождая стадо кагг. Место это мало изменилось. Гейл справился о корабле, носившем имя «Рассекающий волны». Местные жители сказали, что судно регулярно появляется здесь во время навигации, но застать его так и не удалось. Скорее всего, «Пожиратель» зайдет в Турву в ближай-

шие несколько недель. Юноша не терял надежды еще раз встретиться с Молком. Ему хотелось бы еще поговорить с этим интересным человеком.

Понемногу племя обжилось на новом месте, и впереди, казалось, их ожидала мирная жизнь, как вдруг произошло совершенно невероятное событие.

Однажды вечером Гейл возвращался с дневного дежурства, оживленно болтая со своими братьями. Молодые люди уже не были такими смешливыми и беззаботными, как несколько месяцев назад. Они не только стали старше, но и гораздо серьезнее, приобретя бесценный опыт сражений. Когда они проходили мимо Шеста Духов, Гейл увидел стоявшую около него женщину, которая, похоже, дожидалась. Помахав рукой, она окликнула Гейла.

Смущенно извинившись, он покинул своих спутников, наслушавшись напоследок немало непристойных советов. Лерисса, а это была она, ласково улыбнулась.

— Доброго тебе вечера, Гейл! — сказала она. — Мы давно не виделись.

— Мы встречались бы куда чаще, будь на то моя воля. — Гейл недоумевал: Лерисса казалась взволнованной и какой-то не уверенной в себе, что было ей совсем не свойственно. Тщеславие юности заставило Гейла предположить, что причиной ее волнения был именно он.

— Через десять дней — Праздник Третьей Луны. Мне поручили собрать травы для церемонии. Некоторые из них растут только в низине, у болота; неплохо, если бы меня кто-нибудь туда проводил. Ты не сможешь сходить со мной завтра утром? Вы, воины, очистили эти места от асаса и разбойников, но там еще рыщут дикие звери.

— Ты хочешь, чтобы мы отправились на болота вдвоем? — озадаченно спросил Гейл. Обычно женщин туда сопровождали сразу несколько воинов.

— Я уже собрала почти все, что нужно, кроме нескольких трав на болоте. Я успею управиться за час. Впрочем, особых причин торопиться у нас не будет...

Будь Гейл чуть постарше или хоть не столь влюбленным, он попытался бы найти более разумное объяснение ее поведению.

Но сейчас он видел только одно: что Лерисса придумала предлог, чтобы побыть с ним наедине. Она хотела отправиться с ним на болота, и повода для спешки не будет...

— Да, конечно, — заплетающимся языком отозвался юноша. — Я с удовольствием провожу тебя. Данут не откажется постоять за меня дневную смену.

Разумеется, потом ему придется расплатиться за услугу, однако он готов был ко всему, лишь бы не упустить такую возможность.

— Вот и славно, встретимся на рассвете. — Лерисса повернулась и пошла к деревне. Гейл был слишком смущен и взволнован, чтобы попросить ее задержаться.

Он тотчас направился к Дануту, чтобы договориться с ним. Тот, конечно, принялся стенать, но это и неудивительно — Данут любил жаловаться по любому поводу. Гейл никому не сказал, куда именно он собрался, потому что сейчас ему не хотелось выслушивать все эти шуточки и намеки. Ночью юноше мешали заснуть странные видения. Проснулся он с тяжелой головой, но горящий от нетерпения и готовый на любые подвиги.

Лерисса встретила Гейла у Шеста Духов. У нее на плеча красовалась накидка в красно-зеленую клетку, светлые пепельные волосы развевал утренний ветерок. В руке девушка держала плетеную корзину, где лежали мех с водой и небольшой бронзовый серп. Она улыбнулась и пожелала ему доброго утра — Гейлу показалось, что голос ее звучит немного натянуто.

Дорога вела их под уклон, мимо пастбищ и воинских лагерей. Гейл пытался дружески поболтать с Лериссой, но та казалась невеселой и отвечала короткими фразами — если отвечала вообще. Гейл недоумевал, в чем дело, поскольку уже убедил себя в том, что девушка сама отыскала возможность для свидания. Однако Лерисса, похоже, была слишком занята собственными мыслями, и он вдруг с горечью почувствовал, что ей безразлично, здесь он или нет.

Через два часа они вышли к болоту. Оно почему-то напомнило Гейлу джунгли, в которых шессины разыскивали следы дикарей, хотя растительность вокруг была низкая, а в самом болоте он не видел ничего от таинственного величия огромного леса. Когда они подошли поближе, то почувствовали вонь гниющих растений и стоячей воды. И все же болото манило какой-то странной красотой. В густой траве, сочетающей в себе множество оттенков зеленого цвета, качались огромные головки ярких цветков. Голоса здешних птиц не были мелодичными, но их яркое оперение не могло не вызвать восхищения. Над болотом стояло неумолчное гуденье и стрекот многочисленных насекомых; время от времени раздавались пронзительные крики — скорее всего, очередное незадачливое создание попадало в пасть хищному собрату.

— Нам нужно вон туда. — Лерисса указала на дерево с крупными пурпурными цветами. — У этого дерева обломана ветка, а рядом —поляна, где растет голубика.

— Ты уже была здесь раньше? — спросил Гейл.

— Нет, — откликнулась девушка, — но мне описали это место. Пойдем.

Она двинулась к поляне. Гейл проводил ее недоуменным взглядом. Утром девушка казалась мрачной и угрюмой, потом явно была чем-то смущена, а теперь по напряжению ее выпрямленной спины и быстрым коротким шагам юноша ясно видел, что она чего-то опасается. Так в чем же дело?

Когда они приблизились к дереву со сломанной веткой, Гейл заметил, что земля возле него взрыта и истоптана — как будто здесь недавно резвилось целое стадо каких-то крупных животных.

— Мне не по душе это место, Лерисса, — сказал он, покрепче сжимая в пальцах древко копья. — И мне совсем не по душе эти следы. Может, поищем другую поляну?

Лерисса затрясла головой.

— Нет, здесь то, что нам нужно. — Она медленно ступила в воду на краю болота. Оглядевшись, Гейл пришел в еще большее недоумение. Конечно, он не особо разбирался в травах, но как выглядит голубика, знал хорошо. Этой ягоды на поляне не росло.

— Лерисса, тут нет... — начал было он, но тут его заставил умолкнуть раздавшийся из-за низкого кустарника громоподобный рев. Ветки раздвинулись, в стороны полетели листья, сучья, комья земли — можно было подумать, что происходит небольшое извержение вулкана. Из-за кустов протиснулось и нависло над ними страшное чудовище, чья туша была наполовину погружена в болотную трясину. Лерисса с истошным воплем отскочила назад.

— Длинношей! — закричал Гейл. Разумнее всего было бы без оглядки броситься прочь, но он метнулся вперед... чтобы встать между огромной тварью и Лериссой.

Чудище уперло в твердую почву огромную переднюю лапу, затем заскребло задними, силясь выбраться из трясины. Отчаянно визжа, Лерисса метнулась в сторону, но это не привлекло внимания длинношея. Он даже не смотрел в ее сторону — взгляд его маленьких глазок был прикован к Гейлу. Юноша знал, что животные не могут испытывать человеческих чувств, но мог бы поклясться, что глаза этого создания горят дикой ненавистью.

Почти не моргая, Гейл смотрел, как вздымается над водой огромная туша, с которой стекают потоки грязной воды. Он видел кожу с глубокими морщинами, отмеченную множеством шрамов, гноящихся болячек и язв. У него не возникало сомнений, откуда взялись эти отметины — он сам

нанес их несколько месяцев назад. Это была та самая тварь, с которой они сражались в День Телят.

Длинношей надвинулся на Гейла. Тот смог уклониться от удара лишь благодаря потому, что одна из передних лап монстра была повреждена. Молодой воин и громадное чудовище будто раскачивались в ритме медленного танца. Гейл метнул копье в шею животного, но оно не смогло пробить броню чудовищных мускулов. Резкое движение головы чудища отшвырнуло юношу назад, и он оступился, едва не выронив копье.

Даже напрягая все силы ради спасения их с Лериссой жизней, Гейла не мог не поразиться жуткому величию этого создания. Длинношей, несомненно, обладал памятью и, кроме того, казалось, что с этой тварью связано что-то непонятное, может быть сверхъестественное. Чудовище таилось в болоте у деревни, пока заживали полученные в схватке раны. Когда же шессины двинулись на юг, длинношей, скрываясь среди болот, последовал за ними, ведомый злобной местью.

И вдруг Гейл понял...

Он понял, зачем Гассем пропадал в те дни на болотах, якобы общаясь с неким духом. На самом деле, он искал следы длинношея, проверяя, идет ли животное за ними. Гассем хотел знать, где оно устроит свое логово, чтобы отомстить. Отомстить ему, Гейлу, за Лериссу. А девушка предала его... ради Гассема.

Однако время на раздумья истекло. Зверь подобрался ближе, и Гейл выгадал удобный момент для удара копьем. Длинношей был куда менее проворен, чем в их первую встречу, — видимо, он все же не успел полностью оправиться от полученных ран. К несчастью, юноша тоже не мог сражаться в полную силу — его сковывало ужасающее напряжение, какого он не испытывал еще никогда в жизни. Гейл знал, что исход этой схватки может решить одно мгновение. Он отскочил и отвел назад копье.

Длинношей помедлил словно в нерешительности, ожидая какого-то подвоха и пытаясь предугадать дальнейшие действия человека. Поскольку Гейл не шелохнулся, зверь изогнул шею, чтобы нанести последний смертельный удар. Его пасть широко раскрылась, и в этот момент Гейл метнул копье. Древко оружия мелькнуло между рядами острых зубов, и острие, пронзив небо, угодило точно в мозг животного.

Длинношей пару мгновений еще стоял неподвижно, сотрясаемый крупной дрожью. Затем глаза его закрылись, ноги подогнулись, и он рухнул наземь. Громадная туша перекатилась набок, голова ударилась о землю, переломив

древко копья. Бока чудовища тяжко вздымались, когти судорожно скребли по земле, словно монстр не желал расставаться с жизнью...

Через некоторое время все стихло.

Гейл был не в силах шевельнуться. Ему почему-то казалось, что жуткий гигант сейчас поднимется и продолжит борьбу. С удивлением он обнаружил, что непроизвольно обнажил свой длинный меч, как будто это оружие могло принести какую-то пользу в схватке с громадным чудовищем. Но ведь он убил его... Юноше понадобилось некоторое время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Он огляделся вокруг, ища глазами Лериссу. Но ее нигде не было — несомненно, она решила, что их с Гассемом план удался, и Гейл погиб.

Эта ужасная мысль напомнила Гейлу о главном: что бы ни случилось, шессинский воин в первую очередь должен позаботиться о своем копье. Вытащить его из пасти длинношея оказалось нелегкой задачей, поскольку оружие застряло под неудобным углом. Пока Гейл, помогая себе мечом, справился с этим делом, он взмок от пота. Потом он вытер клинок о сухую траву, надел на копье узкий чехол и перебросил его за спину. Юноша постоял еще немного, глядя на поверженное чудовище; он до сих пор не мог поверить, что бой окончен, а он — жив.

— Что здесь стряслось? — внезапно послышался за спиной мрачный голос. Гейл медленно обернулся. Перед ним стоял Гассем в сопровождении десятка своих приспешников с черными щитами. С ними также было около полутора десятка женщин, пришедших на болото собирать травы для обрядов Праздника Третьей Луны.

— Где Лерисса? — воскликнул Гейл.

— Лерисса? Зачем ей быть здесь?

— И правда, зачем? Она исполнила то, что хотела..

— Ты болтаешь чепуху, — заявил Гассем. — И ты убил длинношея — священное животное, на котором лежит табу! Тебе придется заплатить за это, Гейл, иначе весь наш народ подвергнется проклятию злых духов.

Гейл выхватил из ножен клинок.

— Но сперва я убью тебя, Гассем — и духи возблагодарят меня за это! Так что все придет в равновесие.

Юноша бросился вверх по склону, однако смертельная усталость дала о себе знать: щитом противник отразил его удар, а затем мускулистые руки Гассема клещами сжали его плечи. Для борьбы с ним у Гейла уже не оставалось сил.

— Что вы смотрите? Убейте отступника! — закричал Гассем.

— Это не твое право, — возразила одна из женщин — Бадира, старшая жена Минды. — Пусть решают духи.

— Верно, — подтвердил кто-то из воинов, — мы задержим мальчишку, но никто не должен причинить ему вред.

Гейл огляделся по сторонам. Все воины были не из его общины, но взирали на него с благоговейным трепетом. «Еще бы, — подумал юноша, — ведь я убил длинношея — один, без чудой помощи. Такого шессины еще не видели! Только герои из древних легенд, обладающие волшебным оружием, были способны на такой подвиг...»

У Гейла отобрали клинок и копье и под конвоем отправили обратно в деревню. План Гассема удался блестяще. Конечно, тот уповал, что длинношей прикончит соперника, но он ничего не терял и в противном случае. Гейлу пришлось нарушить серьезное табу. Даже если бы он просто ранил животное и сумел уйти живым, все равно это было бы тяжелым проступком. Но убийство...

По дороге в деревню ему не давали сказать ни слова — едва Гейл открыл рот, как Гассем ударил его по лицу тупым концом копья, едва не выбив зубы. Женщины сердито закричали на Гассема, но тот лишь надменно фыркнул в ответ. После этого Гейл больше не пытался заговорить.

Вперед выслали быстроногого гонца, и когда они добрались до деревни, там уже собралось немало людей. Гейл увидел мрачные лица своих собратьев по общине и Тейто Мола, выглядевшего потрясенным и озабоченным. Лериссы нигде не было заметно. Единственным, кто радовался, был Гассем, который даже не мог сохранить обычную бесстрастность.

Судьбу Гейла обсуждали недолго — дело было совершенно ясное. Минда громко спросил:

— Гейл, младший воин из общины Ночного Кота, правда ли, что ты убил животное, находящееся под защитой табу?

И Гейл ответил:

— Да, я убил длинношея.

Отпираться и что-то объяснять не было смысла; не стал он упоминать и о коварном замысле Гассема. При нарушении столь серьезного табу смягчающих обстоятельств быть не могло. Проступок считался слишком тяжелым, и духов не могли интересовать мотивы нарушившего табу человека.

— Это серьезный проступок, — заявил Минда. — Говорящий с Духами, что сказано по этому поводу в законе?

Тейто Мол выступил вперед. Горе и тревога прибавили ему десятка два лет, и сейчас он казался совсем стариком.

— Я ни слова не скажу о людской злобе, что привела Гейла к этому проступку, — начал он, бросив гневный

взгляд на Гассема, — но нарушение табу не вызывает сомнений. Гейл убил длинношея, а делать этого было нельзя ни при каких обстоятельствах. — Старик глубоко вздохнул. — Он должен понести наказание. Гейл будет изгнан из нашего племени, и никогда больше не сможет жить среди шессинов.

— Ну, нет! — выкрикнул Гассем срывающимся голосом. — Гейл заслужил смерть! Он специально выследил длинношея в его логове, чтобы уничтожить священное животное!

Тейто Мол обернулся к нему.

— С каких это пор младшие воины получили право толковать законы шессинов? — спросил он с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего.

— Закрой рот, Гассем! — прикрикнула Минда. Старейшина повернулся к собравшимся. — Все будет так, как сказал Говорящий с Духами. Гейл проведет эту ночь под стражей, а утром, с восходом солнца, его отведут к границе пастбищ. Он навсегда уйдет с наших земель еще до того, как солнце поднимется в зенит. Если после этого он попадется на пути кого-либо из шессинов, тот может убить изгоя и не понесет за это никакого наказания. Но пока нам не следует касаться ни его самого, ни его имущества.

Толпа понемногу стала расходиться. Многие бросали в сторону юноши взгляды, полные благоговейного ужаса. Ведь он совершил столь страшный и в то же время столь великий поступок, которому не было равных ни по героизму, ни по кощунству. Гейла отвели к небольшой хижине, где он должен был провести время до рассвета под надзором двоих воинов с черными щитами.

Войдя в дом, Гейл огляделся. Он увидел лишь голые стены и вспомнил, что старейшину, жившего в этой хижине, нашли мертвым — его укусила ядовитая змея. Никто не хотел жить в доме умершего, поэтому хижина до сих пор пустовала, хотя была новой и прочной. Поскольку теперь законы и обычаи больше не довлели над ним, Гейл решил, что вряд ли осквернит себя тем, что проведет здесь ночь. К тому же выбора у него все равно не было...

Изматывающая схватка с чудовищем и все последующие события настолько утомили Гейла, что подобные мелочи его уже не тревожили. Изгнание из племени было немногим лучше смертного приговора. Он сел на пол, безвольно уронив руки между коленей, — сейчас он ощущал себя больше мертвым, чем живым.

Ближе к полуночи, когда сквозь маленькое оконце в хижину проникли лунные лучи, к Гейлу заглянула Лерисса.

— Явилась полюбоваться? — спросил юноша.

— Ты всегда был глупцом, Гейл, таким и остался. Удел глупца — страдать от собственного скудоумия. Но я, правда, не знала, что там появится длинношей. Гассем велел заманить тебя на болото, и больше ничего не сказал.

— Ты исполняла волю Гассема, — с горечью произнес Гейл. — И какова же цена за твое предательство?

— Предательство? Разве я чем-то обязана тебе, что ты обвиняешь меня в предательстве? Ты просто глупый мальчишка, не лучше любого другого. Ты сколько угодно можешь мечтать обо мне, и вздыхать, и клясться в вечной любви, но когда какой-нибудь мерзкий старикашка пожелает сделать меня своей женой, ты будешь только продолжать вздыхать! Конечно, ведь ты такой послушный младший воин!..

Гейл был вынужден признать справедливость ее слов.

— И ты полагаешь, Гассем поступит иначе?

— Да! Гассем не такой, как все. Он станет королем! И когда это произойдет, я буду его старшей женой, а не пятой супружницей какого-нибудь старика, у которгго только и есть, что большое стадо...

— Значит, вот что он тебе обещал?! Гассем станет королем? Он, способный лишь воровать чужую славу? Использовавший женщину, чтобы заманить своего соперника в смертельную ловушку?

К вящему удивлению юноши, Лерисса рассмеялась.

— Думаешь, я стала меньше ценить Гассема, когда поняла, что ума у него больше, чем смелости? Храбрым может быть любой дурак, и что из того?

— Длинношей мог убить и тебя тоже, — заметил Гейл.

— Нет! Гассем знал, что я бегаю быстро, а длинношей ослаб от ран. А еще он прекрасно знал, что такой болван, как ты, непременно бросится мне на подмогу.

— Я и впрямь вел себя как последний недоумок. Но можешь быть уверена, вы преподали мне хороший урок. Подобной ошибки я больше никогда не совершу. Ты еще тысячу раз пожалеешь, Лерисса, что длинношей не сожрал тебя на болоте. Поверь, это куда лучшая участь, чем стать женой Гассема — или же его игрушкой. Гассем излучает зло, и все, кто рядом с ним, рано или поздно пострадают от этого зла.

— Вовсе нет! — прошипела Лерисса. — Он будет великим — и я тоже! А вот ты станешь мертвецом, или, а в лучшем случае — несчастным изгоем, как те оборванные полуживотные, на которых вы совсем недавно охотились. Все, что не относится к шессинам, — ничтожно, а ты больше не шессин!

— Зачем же тогда ты явилась сюда? Почему тебе так хочется оправдаться? Может, чтобы убедить себя, что ты

сделала правильный выбор, связав свою судьбу с Гассемом? Ведь ты все же сомневалась в этом, не так ли, Лерисса? Или, может, тебя мучает совесть, что ты использовала мою любовь к тебе, чтобы привести меня к гибели?

Лерисса помолчала.

— Любовь такого глупца, как ты, не стоит ничего! — воскликнула она наконец, развернулась и ушла прочь.

Поутру, юношу вывели из хижины. К границам шессинских земель его должны были сопровождать полсотни воинов. Среди них не оказалось его собратьев — несомненно, они сейчас скрывались от чужих глаз в лагере. Затем он все же увидел одного Ночного Кота. Разумеется, это был Гассем.

— Пойдем, — велел один из старших воинов.

На выходе из деревни, у Шеста Духов, они увидели сгорбившегося Тейто Мола. Он печально помахал юноше рукой. С низкого холма, находившегося неподалеку, еще один человек взмахнул копьем в знак прощания. Гейл поднял руку — это был Данут, который пренебрег насмешками соплеменников и все-таки пришел проститься со своим навеки опозоренным чабес-фастеном. Затем они двинулись на восток.

Солнце еще и на две пяди не поднялось над горизонтом, когда деревня и пасущиеся стада исчезли из виду.

— Мы отошли достаточно далеко, — заявил старший воин. По его знаку, Гейлу вернули меч и переломленное на две части копье. Воин ткнул своим копьем на восток: — Ступай прочь!

Тогда Гейл обратился к Гассему.

— Помни, — сказал он. — Рано или поздно я вернусь и убью тебя, трус и предатель! Если бы мое копье не было сломано, я сделал бы это прямо сейчас.

— Вы слышали? — воскликнул Гассем. — Этот опозоренный изгой смеет угрожать мне! Убейте его!

Несколько воинов неохотно подняли копья. Гейл повернулся к ним, и, встретив его свирепый взгляд, они, дрогнув, опустили оружие. Он вновь уставился на Гассема:

— Можешь стать кем угодно — хоть королем, хоть опустившимся безумцем. Ты даже можешь получить власть над племенем и всеми его женщинами, если уж так того хочешь. Но одного ты никогда не получишь: ты всегда будешь знать, что это я, Гейл, в одиночку убил длинношея. А ты навсегда останешься трусливым обманщиком, который силится загребать жар чужими руками. — Юноша повернулся и зашагал прочь.

Странно чувствовать себя изгоем. У Гейла не было ни пристанища, ни какого-либо плана на будущее. Всего

день назад ему и в голову не приходило задаваться вопросом, как сложится его жизнь. Все казалось предопределенным на многие годы вперед: еще пару лет он будет младшим воином, затем — старшим, а потом — если, конечно, сумеет дожить до этого — старейшиной. Когда-нибудь — еще очень нескоро — он должен будет жениться, потом появятся дети и, возможно, благосостояние в виде собственного стада каггов...

Теперь все это растаяло, словно дым. Вместо четких картин будущего перед ним зияла пустота. Никто не мог теперь назначить его охранять каггов, или носить воду, или дать ему, младшему воину, какое-либо поручение. Гейл внезапно с изумлением осознал, что это новое положение было не столь уж неприятным.

Он понятия не имел, куда ему идти, но ноги, похоже, все решили за него. Где-то около полудня Гейл понял, что направляется к Турве, небольшой портовой деревне. Действительно, это было самое лучшее. Он не хотел больше встречаться с шессинами, а для этого следовало было покинуть Остров. Сделать это несложно: кроме других островов архипелага существовал еще материк, хотя сейчас, наверное, еще слишком рано думать об этом...

На путь к Турве у Гейла ушло два дня. Проходя мимо деревень или минуя пастбища, он не раз ловил на себе взгляды, полные удивления и страха. Страха — потому что он был шессином, и все окрестные жители побаивались теперь этого воинственного племени. А удивлялись потому, что он шел в одиночку — невиданное дело для его соплеменников.

Юношу потешало, что его все еще принимают за шессина — ведь он больше не был им. Более того — он даже перестал себя им ощущать. Конечно, Гейл знал, что его внешний вид не изменился. Однако шессином делала человека не только внешность. Это касалось также ряда обычаев и верований, которые пронизывали каждую грань повседневной жизни. Гейл больше не принадлежал к этому миру, он стал человеком без роду и племени.

К вечеру первого дня путешественник успел проголодаться. Он сбил метательной палкой прыгуна — животное, родственное ветверогам. Часть мяса он отдал первому встречному землепашцу в обмен на то, что он приготовит всю тушку, а также даст ему тыкву с тлеющими внутри углями. Гейл мог бы разделить трапезу с этим человеком, но ему хотелось побыть в одиночестве. Юноша расположился на отдых за деревней и принялся за поздний обед. Кончилось время, когда он питался молоком, смешанным с кровью каггов, и придется привыкать к другой пище, даже если она считается

у шессинов запретной. Для Гейла теперь не существовало никаких табу.

Наутро он доел мясо прыгуна и продолжил свой путь, а к полудню дошел до портовой деревни. Гейл думал, что она находится значительно дальше — вероятно, раньше путь казался ему длиннее, потому что он гнал каггов. Жители деревни поглядывали на него с уже знакомым юноше недоумением: младший воин шессинов, один и так далеко от их поселений. Гейл спросил, не заходил ли к ним в гавань «Рассекающий волны». Ему ответили, что этот корабль ждут в ближайшее время, до перемены ветров в конце мореходного сезона.

Время сейчас мало что значило для Гейла, поскольку у него впереди не было никакой определенной цели. Однако ему могла понадобиться пища, а денег он не только не имел, но и вовсе почти не знал, что это такое. Тем не менее он догадался подойти к лавке менялы у пристани. Меняла был пожилым мужчиной, одетым в килт из хорошего покупного сукна и короткую куртку. На голове он носил что-то вроде чалмы, а на носу у него красовалась пара маленьких круглых стеклышек в оправе из тонкой золотой проволоки.

Гейл извлек из мешка одно из своих украшений — тяжелый резной серебряный браслет, снятый с убитого вождя асаса.

— Мне нужны деньги, — заявил он, вручая его меняле.

Старик взял браслет и поднес его поближе к стеклышкам перед глазами, чтобы получше рассмотреть. Это удивило юношу. Хотя шессины не пользовались стеклом, этот материал Гейл видел и раньше: на материке из него делали фляги, а в некоторых прибрежных деревнях вставляли в оконные переплеты. Но вот чтобы через стекло рассматривали предметы!..

— Сколько ты желаешь получить за свой браслет? — поинтересовался меняла.

— Не знаю, — ответил Гейл. — Я раньше никогда не пользовался деньгами.

— Гм... Тебя было бы легко обмануть, но разумные люди, которые дорожат своей жизнью, вряд ли решатся надуть шессина. Давай я тебе кое-что покажу. — Человек сел за стол, похожий на те, что Гейл видел в таверне, и поставил на него любопытное приспособление, состоящее из стойки с перекладиной, к которой были подвешены на тонких цепочках два маленьких подноса. Он положил браслет на один из подносов, и тот опустился вниз, а поперечина стала вращаться. На другой поднос меняла стал класть небольшие грузики одинаковой формы, но разного размера. Когда он положил последний, самый крохотный, чаши замерли на одном уровне.

— Грузы теперь в равновесии, — объяснил меняла. — Таким образом я могу точно узнать, сколько весит предмет на другом подносе. В нашем случае вес равен шести унциям.

— Это несложно, — заметил Гейл.

— Да, верно. А теперь смотри сюда. — Старик достал лист пергамента, испещренный мелкими значками. — Это таблица цен на металлы. В одной колонке, — он показал на нее тонким, как у паука, пальцем, — указывается вес, и мне нужно найти цифру «шесть». — Его палец остановился, затем медленно двинулся поперек таблицы. — А каждая из других колонок определяет стоимость этого веса в различных металлах — золоте, серебре и меди. Именно из этих трех металлов и делаются деньги.

— А сталь? — поинтересовался Гейл.

— Сталь слишком ценна, из нее изготавливают лишь оружие и инструменты. То же самое относится и к олову, которое входит в состав бронзы. Поэтому для монет используют другие металлы.

— Выходит, деньги — это вес металла?

— Я вижу, ты смышленый парень, — одобрительно заметил старик, — но все не так просто. Вот, посмотри, это монеты, которые, в основном, используются в торговле. — Он открыл маленький ларец и достал три монеты. Одна из них была в форме квадрата желтого цвета, две другие — увесистые диски. Края монет были обработаны частыми тонкими насечками. — Это аурик, — меняла указал на самую маленькую монету. — Она из золота и равна стоимости двадцати вот таких, — он коснулся пальцем серебряной монеты, — мы называем их аржентинами. Каждый аржентин равен пятидесяти купринам. — Меняла дотронулся до самой большой монеты из темного металла — темнее, чем бронзовый наконечник копья Гейла. — Эти слова древнего происхождения, они означают, что монеты сделаны из золота, серебра или меди. Монеты чеканятся в Невве, правительство гарантирует чистоту металла и точный вес каждой из них. Теперь о твоем браслете: я могу дать за него пять аржентинов и двадцать куприков. Это немного меньше, чем действительная цена в серебре. Разницу я беру себе как вознаграждение за услуги.

Гейл кивнул.

— Мне кажется, что это вполне справедливо. Полагаю, я быстро привыкну к подобным расчетам, хотя тут все по-другому, чем с каггами. Кагги, все-таки, живые.

— С монетами проще, чем со стадами: их не нужно пасти, и они не болеют.

— Зато кагги плодятся сами, — возразил Гейл.

— Если уметь с ними обращаться, то деньги тоже приносят прибыль.

— Какая-то магия?

— Конечно, нет. Но так просто это не объяснить. Полагаю, ты и впрямь быстро научишься обращаться с деньгами. Но поначалу будь осторожен: тебя могут попытаться надуть. Но со временем ты узнаешь истинную стоимость каждой вещи.

— Спасибо за совет. Но прости мое любопытство: я хотел бы узнать, что это за предмет у тебя на переносице?

— Это ты об очках? — старик взял в руки устройство, так удивившее Гейла, и взглянул на юношу. Тому показалось, что глаза менялы сразу потускнели. — Очки делают на юге материка. Они служат для того, чтобы исправлять изъяны зрения. Ведь я вижу уже далеко не так хорошо, как в молодости.

— Вот это уж точно колдовство, — промолвил Гейл и осторожно взял очки у старика из рук, чтобы рассмотреть их получше.

— Ничего подобного. Если стекло отшлифовать особым образом, то оно начинает искажать предметы. Если у тебя зрение недостаточно острое, то с помощью подходящих линз можно так изменить окружающий мир, что глазу он будет представляться таким, как на самом деле. Тут нет никакой магии. На материке к этому давно привыкли.

Гейл тут же взглянул сквозь линзы, однако у него тут же начала кружиться голова.

— Ничего не могу разглядеть! — воскликнул он.

— Еще бы! Ведь у тебя зрение в полном порядке.

Расставшись с менялой, Гейл направился в плотницкую мастерскую. Он отнюдь не был уверен, что меняла дал ему за браслет истинную цену, но его это не слишком беспокоило. У мастера плотника за три куприса он приобрел рукоять из огнедрева для своего копья. Теперь, когда оружие было исправным, Гейлу казалось, что он и сам словно заново родился. Остаток дня он провел, бесцельно бродя по улицам небольшого порта. На одной из них он отыскал маленькую неопрятную таверну, очень похожую на ту, где когда-то они беседовали с Молком.

Вскорости Гейл выяснил, что полученных за браслет денег ему хватит очень надолго, если покупать за них только еду. За ночлег платить было бы глупостью, ведь за пределами деревни он мог без труда соорудить для себя хижину подобную той, в которых жили в его племени молодые воины.

Теперь, когда никакие ограничения табу больше не связывали его, юноша решил попробовать местную пи-

щу во всем его многообразии. Он даже рискнул отведать рыбу, хотя она и не пришлась ему по душе. Но все-таки, несмотря даже на отвращение к подобной живности, благодаря наличию глаз и рта в рыбе он мог увидеть некое подобие сухопутного зверя, а при изрядной доле воображения и плавники могли заменить лапы. Гораздо хуже было с моллюсками. Попробовав эту мерзость, Гейл несколько дней мучился от рези в желудке, и ему стоило большого труда привыкнуть к подобной пище.

Как-то утром он увидел, что хозяин таверны расплачивается с человеком, который принес ему убитого прыгуна. Гейл тут же проявил интерес к подобной договоренности. Вскоре он узнал, что и в этой таверне, и в двух других, имевшихся в деревне, охотно покупают свежую дичь, в особенности когда корабли приходят в гавань. Гейл полюбопытствовал, пожелает ли хозяин приобрести более крупных животных, и тот пообещал щедро заплатить за любую дичь, которую добудет охотник. При этом он не скрывал своего изумления, ведь всем известно было, что шессины никогда не охотятся ради мяса.

На пристани Гейл отыскал двоих бездельников, которые зарабатывали себе на пропитание тем, что время от времени помогали разгружать корабли и предложил им плату за помощь. На следующий же день трое мужчин вышли на холмы за деревней, где в изобилии водилась дичь. Гейл шел очень осторожно, пригнувшись, и уже очень скоро обнаружил в зарослях крупного ветверога. Он начал незаметно подкрадываться к животному. Воину было известно, что ветвероги при виде хищника резко бросаются в сторону, чтобы ускользнуть от преследования, но по движению рогов ему не стоило большого труда угадать, куда именно собирается прыгнуть животное. Сильным уверенным движением Гейл метнул копье, угодив ветверогу точно под лопатку.

Его помощники принялись обвязывать дичь веревками, чтобы подвесить ее к шесту, а Гейл тем временем шептал себе под нос заклинание, дабы успокоить дух зверя. Он сомневался, что это подействует: ведь он больше не был шессином. И все же степенно вышагивая вслед за носильщиками, перекинув через плечо копье, юноша сказал себе, что вполне сможет прожить даже в изгнании. Он не позволит Гассему одержать над ним верх. Он сумеет выжить, повидает мир, а затем, когда наступит время — вернется на остров. Вернется, чтобы прикончить Гассема. Эти немудреные мысли тешили душу Гейла.

Завидев крупную тушу ветверога, хозяин таверны пришел в восторг и пообещал Гейлу отныне всегда покупать у него дичь. Молодой воин расплатился со своими по-

мощниками даже более щедро, чем обещал, и велел быть наготове поутру, чтобы вновь отправляться на охоту. На рассвете он с негодованием обнаружил, что носильщики на полученные деньги успели напиться в таверне, однако не проявил ни тени сочувствия к их страданиям. Гейл заставил их подняться пинками и ударами копья, а затем сколько бы те ни жаловались, погнал в сторону холмов.

Уже после полудня все трое вновь появились в деревне, причем помощники Гейла тащили подвешенного к палке жирного туна, и с радостью предвкушали очередной вечер, проведенный за выпивкой. Однако, их поджидало ужасное разочарование: Гейл сообщил, что отныне будет рассчитываться с ними не каждый день, а лишь тогда, когда назавтра им не нужно будет идти на охоту. Конечно, парням это не понравилось, но переубедить шессина они не смогли.

Так Гейл начал новую жизнь, и вскоре люди привыкли к загадочному одинокому охотнику. Корабли приходили в гавань, затем уходили прочь, однако все они не вызывали у юноши особого интереса: он ожидал лишь «Разрезающего волны» и готов был ждать, сколько потребуется.

Как-то раз, когда мореходный сезон уже подходил к концу, и Гейл не сомневался, что ему предстоит провести в этих местах еще несколько месяцев, спускаясь с холма вместе с носильщиками, тащившими на плечах тушу крупного троерога, он заметил стоявший у пристани корабль, расписанный черными и желтыми полосами.

Оказавшись в порту, первым делом Гейл отыскал Молка.

— Неужто это ты, шессин?! — приветствовал его мореход. — Я слышал, твое племя теперь обитает в этих краях.

— Я пришел сюда специально для того, чтобы увидеться с тобой, — заметил Гейл. — В прошлый раз мы не успели закончить нашу беседу, а я еще о многом хотел расспросить тебя.

— Если хочешь, то вечером мы можем встретиться в таверне, однако завтра мой корабль покинет порт с первым же приливом. Этот сезон прошел для меня не слишком успешно, и я даже не уверен, успею ли до времени штормов достичь материка.

— Будь уверен, времени для беседы нам хватит, — пообещал моряку Гейл.

Глава шестая

Жизнь мореходов оказалась для Гейла источником бесконечных удивлений, ведь раньше он не имел о ней ни малейших представлений. Шессины вообще мало что знали о море, и им казались удивительными сооружениями даже простые лодки рыбаков. Совсем иначе, чем шессины, жили также землепашцы и охотники, но все же отличия были не столь велики, как на борту «Рассекающего волны».

По сравнению с беспокойным суматошным существованием моряков, которым ежедневно приходилось выполнять сотни поручений и преодолевать сотни опасностей, жизнь пастухов казалась неспешной и почти беззаботной. Еще больше Гейла удивляло то, какая дисциплина царит на борту судна, и сколь велики перемены, происшедшие с его другом Молком.

С того мига, как «Рассекающий волны» поднял якорь, этот добродушный болтун превратился в жестокого, безжалостного тирана, который требовал и неизменно добивался безоговорочного подчинения. Сперва Гейл досадовал на него, но вскоре по собственному опыту и из разговоров с новыми товарищами он понял, что только так Молк и мог успешно вести вперед корабль. Очень скоро едва лишь земля исчезла из виду, Гейл убедился, что их суденышко — это утлый оплот жизни, окруженный враждебной водной стихией. Жизнь каждого моряка зависела от действий всей команды, а все они — от умений и способностей капитана.

В первые же несколько часов плавания Гейлу сделалось плохо от бортовой качки, и его мучения послужили поводом для веселья у остальных моряков. Позже он узнал, что такова неизбежная судьба всех тех, кто впервые выходит в плавание, и потому у матросов существует неизменная традиция всячески насмехаться над никчемными сухопутными крысами. Крепкий организм молодого воина быстро превозмог морскую болезнь, но даже на третий день он лишь с трудом мог выполнять обязанности, порученные ему капитаном.

В первое время, поскольку Гейл ничего не знал о работе моряка, он исполнял лишь те задания, где требовалась грубая сила. Ему поручали тянуть канаты, разворачивать перекладины мачт, вращать большой штурвал под надзором

кормчего. Он скреб палубу, перетаскивал грузы, — в общем, исполнял всю самую грязную работу. Однако, Гейл не забывал учиться. Ведь даже у постоянно занятого делами моряка случаются часы и дни, когда нечем заняться: к примеру, когда ветер попутный. Могут отдыхать все прочие, кроме капитана и рулевого, которым нужно следить за курсом.

Когда выпадали такие свободные моменты, Гейл старался выведать у моряков все секреты их ремесла: как правильно ставить парус, чем занят в море плотник, как следует управлять кораблем... Так, понемногу, он знакомился со всеми мореходными премудростями. Много часов он провел рядом с лоцманом, который показал ему, как с помощью лота измерять глубину, и еще больше времени молодой шессин провел в беседах с Молком, который никогда не отказывался ответить на его вопросы, если только не был занят каким-нибудь неотложным делом. Впрочем, это не мешало капитану отдавать Гейлу приказы все тем же резким и непререкаемым тоном.

Молк показал и рассказал Гейлу много любопытного и среди прочего продемонстрировал компас: в бронзовом сосуде, наполненном спиртом, плавал тонкий диск из белого материала, похожего на кость туны. Через стеклянное окошко было хорошо видно, что вставленная в костяной диск железная иголка всегда указывает на север, каким бы образом ни поворачивали это устройство. Молк объяснил Гейлу свойства магнетизма, объяснил значение символов, вырезанных по окружности диска, и рассказал, как с их помощью корабль может держать верное направление.

Ночами они вдвоем наблюдали за звездным небом. Молк показал Гейлу звезду, которая всегда находилась на севере и никогда не меняла своего положения. Эта звезда была известна шессину с детства, подобно другим, которые двигались по неправильным, но поддающимся вычислению орбитам. Также ему были известны так называемые «маленькие луны» — небесные тела, чье движение казалось независимым от прочих звезд. Они всходили и заходили всегда в одно и то же время, и хотя внешне напоминали звезды, но выглядели чуть крупнее. В голосе Молка звучал привычный восторг, как всегда, когда он рассказывал о достижениях древних народов.

— Эти небесные тела многие именуют «детьми луны», ибо у них схожие орбиты. Другие легенды гласят, будто это творения рук человеческих. Возможно, это целые небольшие миры или некие огненные сосуды. Говорят, будто созданы они благодаря той же магии, с помощью которой изготовили огненные копья, те самые, какими повредили Луну. Однако, легенды умалчивают, как древние это достигли...

Кроме того, капитан показывал Гейлу карты: загадочные чертежи на листах тончайшего пергамента, сделанного из ягнячьей кожи. Материал этот считался большой редкостью и стоил немалых денег, ведь его не могла повредить ни вода, ни морская соль. Молк показывал Гейлу очертания островов и материка, и постепенно тот начал понимать, каким образом изображают окружающий мир эти загадочные линии. Таким образом он впервые начал постигать тайны картографии. Но еще более привлекательными для Гейла были тайны письменности, и он преисполнился решимости разобраться впоследствии и с этой наукой.

Но его уроки не ограничивались только этим. В команде «Рассекающего волны» он подружился с неким Кристофо, моряком, который прежде служил наемником в армиях многих стран. Тот отменно владел длинным мечом, похожим на клинок, добытый Гейлом у убитого вождя осасов. Осмотрев меч шессина, Кристофо пришел в восхищение, и теперь всякий раз, когда у него выпадала свободная минута, он давал юноше уроки фехтования. Длинный меч мог сделаться воистину мощным оружием, если освоить все его тайны.

— Меч — это не копье, не нужно делать им выпады, — объяснял Кристофо. Они с Гейлом стояли друг напротив друга на площадке у мачты, тогда как прочие моряки расселись вокруг спиной к борту, с интересом наблюдая за происходящим. — Наносить удары следует сверху вниз, не вкладывая в них большой силы. Человек, стоящий рядом с твоим противником, может сбить тебе руку и отклонить удар в сторону. Об этом всегда следует помнить, когда сражаешься в отряде: ведь хороший солдат никогда не забывает следить за действиями своих товарищей. Смотри, наносишь удар и быстро прячешь руку за щит. Ясно?

Эти уроки Гейл усваивал особенно быстро. Кристофо показывал ему рубящие удары, которые, собственно и делали меч столь смертоносным оружием. Шессинские копья и короткие мечи созданы для колющих ударов, топор — для рубящих, но длинным мечом орудовать куда сподручнее. Для Гейла все это было очень непривычно: подобно большинству людей он понятия не имел, насколько сильно различаются удары, наносимые мечом и топором. С помощью набитого соломой чучела Кристофо без труда продемонстрировал ему разницу. Преимущество меча оказалось в его легкости, быстроте и в том, что боец мог заранее выбирать место удара, нанося противнику смертельные раны.

Сотни и тысячи раз Кристофо заставлял своего ученика повторять одни и те же приемы. Во время трени-

ровок он давал Гейлу небольшой щит округлой формы, какими обычно пользовались матросы, — ничего общего с высокими овальными щитами шессинов...

По пути на материк «Рассекающий волны» останавливался у нескольких островов, оставляя на них часть своего товара и беря на борт новый груз. Острова находились не так далеко друг от друга — обычно не успевал один из них исчезнуть из виду, как на горизонте появлялся новый. Несмотря на это, Гейла поразили расстояния, которые мог покрывать их корабль. Удивительным казалось и утверждение Молка, что этот островной архипелаг — всего лишь небольшая часть окружающего их мира, размеры которого Гейл не мог даже вообразить. Остальные моряки в один голос подтверждали, что так оно и есть.

Народности островов в основном были знакомы Гейлу, причем порой он встречал и шессинов. Они почти ничем не отличались от людей его племени, разве что говорили с непонятным акцентом. Почему-то он не имел большой охоты общаться с ними, хотя никто из них и не знал о его положении изгоя.

Встречались им в море другие суда. Некоторые из них сильно отличались от «Рассекающего волны». Корабли, построенные на юге, были гораздо крупнее. Однажды ранним вечером на горизонте показалось военное судно. Молк вынул из водонепроницаемого ящика длинную деревянную трубку, с обоих концов оправленную бронзой, и приставил ее к глазу.

— Посмотрим, с кем мы имеем дело... — протянул он и вскоре в недоумении опустил трубку. — Это корабль из Чивы. Странно, что он забрался так далеко на север.

— Можно и мне взглянуть, — попросил Гейл.

Молк протянул ему загадочный предмет, и юноша увидел, что он состоит из двух полых трубок, одна из которых скользила внутри другой. В оба конца были вставлены стеклянные линзы, похожие на те, что в очках у менялы. Капитан объяснил ему, как правильно смотреть, и Гейл наконец увидел чиванское судно.

— В морском бою этот корабль маневрирует на веслах, — пояснил Молк. — На палубе у них стоят метательные машины. Надеюсь, что он идет с дипломатической миссией. Какие-то дела между Чивой и Неввой. Может, сопровождает посольство или какую-нибудь королевскую особу.

Гейл впервые услышал слово «дипломатия», и Молк рассказал, что короли разных стран обмениваются людьми, которые представляют их при чужеземных дворах. Он коснулся и той роли, которую играет в дипломатии устрашение

— по этой причине послов часто сопровождает мощный военный корабль.

— Есть одна древняя присказка о дипломатии — я встречал ее у многих народов, — сказал Молк. — Она гласит, что, договариваясь с другими странами, следует вести доброжелательные речи, однако непременно держать наготове оружие.

Молодой воин тут же заинтересовался, только ли на море соперничают между собой державы, и узнал, что у правителей есть еще мощные сухопутные войска. Когда Молк говорил о численности армий, не в тысячи, а в десятки или даже сотни тысяч воинов, Гейлу было сложно вообразить столько людей.

— У нас над одним из северных пастбищ, — промолвил Гейл, — высился холм, куда мальчишки забирались, чтобы окинуть взглядом всю равнину. С этой высоты мы могли видеть местность на много-много дней пути, а еще оттуда мы видели много тысяч голов каггов и еще больше — диких животных. Наверное, я могу сказать, что видел тогда сто тысяч живых существ. Но такое количество людей я представить не могу. И мне не понять, как все они могут найти себе пропитание, не опустошив мгновенно запасы деревни, и как ими всеми можно управлять.

Начинало смеркаться. Корабль, подгоняемый попутным ветерком, легко скользил по волнам, и ничто, кроме отдаленных зарниц, не нарушало безмятежный покой этой ночи.

— Войско на марше — это незабываемое зрелище, — сказал Молк. — Что же касается пропитания, то, если его не хватает — армия опустошает окрестные деревни. Это неизбежное зло. Потому-то короли и собирают большие войска только тогда, когда предстоит серьезная война, а после ее окончания стараются поскорее их распустить. В управлении же войском используется так называемая цепочка власти. Король, а иногда его главнокомандующий — это верховная власть, ему подчиняются генералы, под началом каждого из которых целая армия или большая ее часть. У генералов есть свои подчиненные, они командуют тысячами или сотнями воинов — и так далее до командиров отрядов, в распоряжении которых по восемьдесять человек. Приказы передаются по этой цепочке и очень быстро доходят до тех, кому они предназначены.

Гейла привел в восторг подобный порядок. Он вопросительно покосился на Кристофо.

— Ну да, обычно так оно и бывает, — кивнул старый солдат. — На маневрах, в походе или при осаде крепостей. Но во время сражения для подобных тонкостей обычно не хватает времени. Тогда приказы передаются особыми сигналами труб, барабанов или, скажем, гонгов. А искусство во-

еначальника на поле боя заключается в том, чтобы передвигать войска в нужном направлении. Каждому человеку в такое время дать разъяснения, конечно, невозможно.

— И в таких сражениях завоевывают королевства? — затаив дыхание, спросил Гейл.

— Иногда, — ответил Молк. — Многие правители затевают войну для того, чтобы покорить соседа, но чаще всего бывают рады, если в конце концов им удается отстоять собственные владения. Кроме этого, сражаются и за некоторые преимущества, например, за контроль над какой-нибудь территорией или торговыми путями. Нередко все заканчивается всеобщим голодом и мором.

— А они используют друг против друга колдовство?

Молк задумался.

— Некоторые говорят, что да, —сказал он наконец. — Мало кто из королей отправляется на войну, не пройдя перед этим особый обряд, чтобы заручиться покровительством своих богов или бога — в общем, кому они там поклоняются. Если этому правителю сопутствует успех, он может заявить потом, что победил с их помощью. Но, потерпев поражение, люди все равно редко винят в этом богов. Предпочитают утверждать, что бог отказал в победе из-за чьих-то грехов или же из-за того, что не была принесена необходимая жертва. Чаще всего находят виновного, он и несет наказание.

— А разве короли не просят своих магов причинить зло врагу — наложить чары или проклятие?

— Как-то раз я был свидетелем колдовства, — сказал Кристофо. — Однажды, когда я служил в армии Неввы, мы отправились в поход в Зону. Это очень странное место. В Зоне водятся животные, которых не встретишь ни в каком ином месте, и люди там тоже необычные. Они живут в небольших деревнях среди пустыни и не общаются даже друг с другом. Многие из них утверждают, что обладают магической силой. Однажды я сам в этом убедился.

— И что же произошло? — спросил Молк.

— Мы двигались вниз по реке под названием Колла. К югу от большого озера мы наткнулись на развалины города, о котором говорят, будто в стародавние времена его построило племя великанов. Армия Зоны встретила нас там, уже построенная в боевую линию. Нас было гораздо больше, и мы рассчитывали на легкую победу. Наш командующий выехал перед войском на своем кабо с позолоченными рогами и предложил обитателям Зоны сдаться. Их король должен был дать согласие платить дань правителю Неввы. Он выехал на горбаче — животном, которое может существовать в без-

водной пустыне, весь закутанный во множество покрывал, с короной на голове. И тут вперед выбежало какое-то существо в лохмотьях. Этот человечек пронзительно завопил, потрясая в воздухе костями и амулетами. Он причитал, кружась в диком танце, и от его жутких гримас волосы у нас вставали дыбом. Но даже не это выглядело самым странным, а то, что кожа у него была синего цвета! Некоторые из моих товарищей уверяли, что это вовсе не раскраска. У народа, обитающего вверх по реке и к западу от нее, в Каньоне, и правда, синяя кожа, и они обладают могучей волшебной силой. Так вот, этот синекожий действительно владел магией. Закончив свой танец, он отбросил амулеты и принялся плеваться и дико завывать, изрыгая проклятия. Потом он протянул руку, и палец его указал на нашего командующего.

— И что же ваш военачальник? — приподняв брови, спросил Молк.

— Да ничего... свалился, как подкошенный. Он был мертв! Мы не вступили в тот день в сражение. Какое-то время остальные генералы вели переговоры с их военачальником, а потом наше войско развернулось и двинулось обратно, в Невву. И если вы мне скажете, что это не было колдовством, значит, я вообще не знаю, что это такое!

Молк задумчиво потер подбородок, заросший густой черной бородой.

— Всякое бывает... Я и сам слышал, что самые могущественные маги обитают в Зоне, и как раз в том месте, где находится Каньон. Но ведь всему этому может быть и какое-то другое объяснение! Уж слишком много я видел ритуалов, которые только выдавались за колдовство. В конце концов, они могли спрятать где-нибудь поблизости меткого стрелка с отравленными стрелами. А ваши солдаты приняли все за чародейство, поскольку шарлатан из Зоны подготовил их к этому своими завываниями, прыжками и гримасами.

— Может, оно и так, — нехотя протянул Кристофо, — но думаю...

В этот миг они услышали крик впередсмотрящего: «Надвигается буря!» Молк бросился к ограждению палубы.

— Так я и знал, что везение долго не продлится! — воскликнул он. — Похоже, сейчас нас ждет славная болтанка!

Капитан выкрикнул команду, и тотчас была опущена косая рея с накрепко привязанным парус. На палубе надежно закреплялось все, что могло сдвинуться с места, а свободных от вахты матросов определили вычерпывать воду или помогать рулевому. К тому моменту, когда налетел шторм, все приготовления были завершены.

Это была первая буря, которую довелось пережить Гейлу, и тот здорово натерпелся страха. Корабль швыряло из стороны в сторону, словно щепку, ветер дул с ужасающей силой, наступившую темноту то и дело пронзали вспышки молний, и казалось, что одна из них вот-вот ударит прямо в корабль. Яростно хлеставшие струи дождя не давали открыть глаза, и юношу смыло бы с палубы, если бы какой-то матрос не протянул ему канат. Обвязав один конец вокруг талии, Гейл прицепил другой к тянущемуся вдоль борта тросу — лишь обезопасив себя таким образом, он смог помогать другим морякам вычерпывать воду из трюма.

Пару раз Гейлу казалось, что еще миг — и судно целиком уйдет под воду, но всякий раз оно успевало выровняться. Но долго ли сможет корабль противостоять разбушевавшейся стихии?

И все же дух корабля, обитавший, по словам Молка, в киле судна, оказался сильнее урагана — они все же сумели выстоять, получив лишь небольшие повреждения.

Наутро они плыли уже под ясным небом, и почти ничего, кроме грязной пены на волнах, не указывало на вчерашний ужасный шторм. В корпусе корабля появилось несколько трещин, сквозь которые просачивалась вода, и моряки были заняты тем, что заделывали их просмоленной паклей. Гейл думал, что они выстояли в нешуточном испытании, однако другие моряки высмеяли его и сообщили, что вчерашний шторм нельзя назвать даже большим... просто средней силы буря. Такие случаются по несколько раз за сезон.

— Это еще что!.. А вот когда ураган идет с моря, а с подветренной стороны у тебя — скалы, тогда и впрямь впору просить помощи у богов, — сказал один из матросов.

— Да ладно тебе болтать, — перебил его другой. — Ветер в несколько раз сильнее этого может дуть хоть три дня напролет, и все, что он сможет сделать — это поднять громадные, величиной с гору, волны. Но нашему кораблю они не страшны!

Гейл никак не мог понять, говорят они всерьез или продолжают издеваться над неопытным новичком, но Молк подтвердил, что шторм был несильным, в отличие от разрушительных ураганов, которые случаются порой под конец мореходного сезона.

— Уж если разыграется такой шторм, — сказал он, — лучше оказаться в хорошо защищенной от ветров гавани или же далеко в море, но если стихия застанет тебя вблизи от берега — можешь считать, что тебе конец. В гавани, открытой всем ветрам, корабль тоже не может укрыться. Я попадал в такие шторма, когда волны поднимали судно размером с «Рас-

секающего волны», и забрасывали на крышу домов, за сотню шагов от берега.

Гейл никак не мог в такое поверить, но и усомниться в словах молка не посмел. Все же он понял, что ужасающие грозы, давшие свое имя Грозовым землям, становились тем сильнее, чем дальше в море находится корабль, и это заставило его призадуматься.

Еще вчера ночью он твердил себе, что, как только окажется на суше, то никакая сила не заставит его вновь выйти в море, даже ради того, чтобы вернуться домой и отомстить Гассему. Теперь же, когда он вновь оказался в безопасности, вчерашний шторм уже не казался ему таким страшным — скорее, это было, опасное, но все же захватывающее приключение. Вполне возможно, он еще какое-то время останется на этом корабле — что плохого в том, что он повидает мир, прежде чем осесть на берег?

На другой день показался материк. Гейл так страстно жаждал этого, что сперва был даже разочарован: материк ничем не отличался от большого острова. Но корабль повернул на юг, плыл довольно долго, а берег с выступающими мысами и впадинами заливов все тянулся и тянулся по левому борту. Юноша стал понимать, насколько велика эта земля. Он спросил у Молка, как далеко простирается материк.

— Это никому не известно. Если все время держать курс на юг, то можно обогнуть мыс Судьбы, а там береговая линия поворачивает на север. Такой путь занял бы не одну неделю — земля эта на самом деле огромна, и в глубине ее еще много неизведанных мест. На материке есть и великие пустыни, и земли, которые называют Отравленными; люди там не селятся, потому что все живое, обитающее в Отравленных Землях, принимает странные, необычные формы. А еще джунгли, слишком густые, чтобы в них можно было проникнуть. Короли прибрежных государств время от времени отправляют для исследования внутренних земель экспедиции — для того чтобы отыскать какие-то сокровища или встретить новые народы и наладить с ними торговлю.

Гейла это очень заинтересовало.

— И какие сокровища они ищут?

— В основном, залежи металлов, и чаще всего — железа. Оно ценнее золота и серебра. Экспедиция, нашедшая много железа, считается самое успешной. Ты знаешь, что древние спрятали огромное количество железных пластов среди камней? Только поэтому его можно использовать до сих пор.

Есть и другие ценные вещи — специи, к примеру, рога, кости или мех редких животных; особые виды почвы,

которая используется при производстве стекла или керамики; красители, наконец. В общем, почти всегда на новом месте находится что-либо ценное, нужно только поискать как следует.

— А зачем древние прятали железо? — удивился Гейл.

— Некоторые говорят, ради сохранности, но я сомневаюсь. Уж очень много сил приходится тратить на поиски. Но все-таки хорошо, что они так сделали — иначе мы вообще остались бы без металла. Залежей чистого железа никто никогда не находил, хотя золотые самородки в природе порой и встречаются.

Корабль вошел в гавань Флории. Город располагался в устье небольшой реки, стекавшей с гор; высокие холмы окружали глубокий залив. Гейл никогда не видел таких больших и прочных зданий, некоторые были построены из дерева, но большинство — из камня или кирпича. Стены домов были побелены, а крыши выложены обожженной глиняной черепицей, поэтому основными цветами Флории были красный и белый.

Помимо обычных жилых домов встречались еще огромные величественные строения.

— Это храмы? — спросил Гейл, указывая на здания на холме близ порта.

— Не все, — ответил Молк. — В том, что справа, находится суд, а рядом — рынок. Видишь крышу, крытую сланцем?

— Мне бы хотелось взглянуть на храмы, — с нетерпением воскликнул Гейл. Его по-прежнему волновали вопросы религии.

— Увидишь непременно, — пообещал Молк.

Флория оказалась крупным городом. Гейла был впечатлен, ведь он не видел до сих пор поселения людей более крупного, чем прибрежные деревни родного острова. Флория же была в сотню раз больше любой из них, что не так сильно ошеломило юношу, поскольку во время плавания его спутники часто упоминали о городах с десятками или даже сотнями тысяч жителей. Чаще всего разговор заходил о Касине, столице королевства Невва. По слухам, ее население достигало миллиона человек — это число казалось Гейлу огромным, и он не мог понять, что оно означает. Многие матросы тоже могли сказать лишь одно: что миллион — это очень, очень много.

— Я могу написать эту цифру, — говорил Молк, держа заостренную палочку и вощеную табличку, — но не думаю, что понять умом я это способен лучше тебя. И не верь, если кто-то скажет тебе, что понимает. Не позволяй никому, малыш, относиться к тебе как к дикарю только потому, что тебя озадачивают большие числа. Самый образованный

из когда-либо живших мудрецов не может представить в уме больше, чем два десятка отдельных предметов. Эти понятия абстрактны. Ты понимаешь значение этого слова?

— Кажется, понимаю, — ответил Гейл. — Но если человек способен держать в уме не более двух десятков предметов, то как же я мог при одном взгляде на стадо, в котором три или четыре сотни кагг, мгновенно понять, что одного животного не хватает?

— Ты не представляешь себе всех кагг разом, — пояснил Молк, которого всегда привлекала возможность поспорить. — Это просто работает твоя тренированная память. Когда-то ты хорошо изучил всех животных этого стада, и тебе легко понять, что одного из них не хватает. Твой мозг действует как фильтр, что используют при изготовлении пива. Он пропускает малозначимое, но немедленно обращает внимание на то, что в данный момент для тебя важно. Твой глаз, который все подмечает быстрее, чем разум, может мгновенно обежать стадо, видя, что все животные на месте, а затем сказать тебе, что одно из них с определенной формой рогов или, скажем, с каким-то особым расположением пятен на шкуре отсутствует. Ты даже не успеваешь об этом как следует подумать, понимаешь? А теперь скажи, — капитан хлопнул в ладоши, что обычно означало переход к заключительной части его речи, — что бы произошло, если бы тебя поставили следить за другим, не знакомым тебе стадом? Смог бы ты на следующий день определить, что там не хватает одного животное? Или даже десяти? То есть, если бы стадо уменьшилось, но не настолько, чтобы это сразу бросалось в глаза?..

— Верно, — засмеялся Гейл, — я бы этого не заметил. Как всегда, твоя взяла. А что такое «пиво»?

— О, нет, смилуйся! — воскликнул Молк, умоляюще взмахнув руками. — Ты похож на пятилетнего ребенка, который, немного узнав об окружающем мире, сыпет вопросами. Довольно, Гейл, мне нужно проследить, как судно входит в гавань. Скоро мы сойдем на берег, и, возможно, ты уже нынче вечером узнаешь, что такое пиво.

Такой ответ вполне удовлетворил юношу, который согласился немного подождать. Он сильно изменился с тех пор, как взошел на борт корабля Молка.

Гейл перестал раскрашивать тело, грива волос бронзового оттенка свободно падала его плечи: он больше не заплетал их в косички, потому что не был младшим воином шессинов. К тому же соорудить такую прическу без чужой помощи все равно невозможно. У него на родине в свободное время молодые люди часами заплетали друг другу пряди или

раскрашивали лица, или помогали совершали прочие обрядовые действа шессинов.

Чем больше Гейл узнавал о цивилизации, тем сильнее удивлялся. Все эти люди в огромных городах имели армии и вели между собой войны, но юноше казалось, что их нельзя считать настоящими воинами — как тех же шессинов. Скорее, они были *солдатами,* безликой частью чего-то большего, и Гейл уже начал понимать разницу.

Юноша думал о том, что рано или поздно ему придется зарабатывать себе на жизнь. До сих пор он не видел для себя другого пути, кроме наемника, ведь больше он ничего не умел. Однако в регулярной армии от человека требуются, наверное, особые навыки. Он должен уметь вести бой в общем строю и обращаться с оружием, как этого требует командир. Умение сражаться было лишь малой частью предъявляемых к нему требований. Следовало обратить внимание и на слова Кристофо: солдату редко удается дожить до высокого чина или больших денег.

Куда интереснее было бы отправиться исследовать новые земли! Человеку, имеющему навыки настоящего воина, который чувствует себя как дома в любых землях и странах, да еще умеет обходиться с животными, будет нетрудно найти место в какой-нибудь экспедиции. Когда он решит покинуть корабль навсегда, то сможет испытать себя в этом деле. Но пока время для этого еще не пришло.

Корабль Молка пришвартовался в гавани, на нем выставили караул, а остальных моряков отпустили на берег. Было уже слишком поздно, чтобы начинать разгрузку. К тому же, это работа грузчиков, которых нанимают в порту, а не матросов. Приведя себя в порядок и принарядившись, моряки отправились в город.

Большинство тут же устремились к ближайшей таверне или дому свиданий. Гейл, однако, твердо решил сперва сходить в храм. Стройный бронзовокожий юноша сразу привлек внимание жителей Флории, особенно, женщин. Хотя он успел избавиться от некоторых привычек, присущих его народу, все же горожанам было удивительно видеть на улице рослого воина, вооруженного длинным мечом и тяжелым копьем, всю одежду которого составляла набедренная повязка из шкуры ночного кота. И, конечно, его выделяла среди других необычайная красота, причем было видно, что он хотя и сознавал ее, но не придавал этому ни малейшего значения.

За то время, что Гейл поднимался по холму к зданию храма, ему сделали недвусмысленных предложений, которые он отвергал со всей вежливостью, на какую был спосо-

бен. Его босые ноги ступали по грубо обтесанным камням, и это ощущение казалось странным и волнующим — как и те огромные строения, мимо которых он проходил. Однако за тот короткий срок, который юноша провел в изгнании, он узнал и увидел столько нового, что, пожалуй, утратил способность удивляться даже в самых непривычных обстоятельствах.

Вскоре его нагнал запыхавшийся Молк.

— Я смотрю, парень, ты решил не тратить время зря. Хочешь поглазеть на храмы?

— Да. А почему на улицах так много народу?

— Рынки на сегодня закрылись, вот люди и возвращаются по домам. Неуютно, поди, в такой толчее?

Гейл повел плечами.

— Не намного страшнее, чем посреди стада кагг.

Он говорил правду: эта прогулка напомнила ему былые времена. Людей, конечно, было немало, но он оказался выше всех почти на голову. Горожане носили яркие одежды, женщины надевали широкополые соломенные шляпы, защищающие их нежную светлую кожу от палящих лучей. Одежда, которую он видел, была куда более изысканной, чем простые накидки его народа. То есть бывшего народа, — сразу осекся Гейл.

Привлеченные грозным видом юноши, за Гейлом с подозрением следили несколько вооруженных мужчин. На стражниках были короткие туники и сандалии, а также защитные доспехи из искусно соединенных между собой тонких роговых или костяных пластин, а на головах красовались облегающие кожаные шапочки. Лишь у одного был шлем, покрытый пластинками, выпиленными из твердых, как железо, бивней туны. Из оружия они носили копья и короткие мечи.

— Стало быть, это и есть солдаты? — поинтересовался Гейл, когда стражники миновали их.

— Ты прав, — кивнул Молк. — Вероятно, это заступает на ночную смену стража ворот.

— Мне они не показались слишком грозными, — отметил молодой воин.

— Возможно, впятером вид у них и впрямь не слишком угрожающий, однако когда десять тысяч таких солдат выстраиваются на поле боя — это весьма внушительное зрелище, можешь мне поверить.

— Так с чего же мы начнем?

— Сперва я хотел бы зайти в святилище морского бога Аква, — пояснил Молк. — Именно Акву благодарят все капитаны за благополучное завершение путешествия. Впрочем,

 я не буду делать слишком щедрых подношений, потому

что сам я родом не из Флории, но, когда вернусь в Касин, то скупиться не стану.

— Значит, этот Акв — важный бог?

— Да, и особенно его почитают те народы, где много мореходов. А вот и храм. — Они оказались на небольшой площадке перед зданием с фасадом, украшенным портиком и колоннадой. Ступени, ведущие в храм, были сделаны из мрамора цвета морской волны, и тот же оттенок был у высоких стройных колонн. Стилизованные изображения волн украшали стены портика, где гладко выбритые жрецы принимали подношения от посетителей храма.

Внутри также все было сделано таким образом, чтобы напоминать о море: и даже свет, проходя сквозь витражные окна, врезанные в высокую просмоленную крышу, принимал сине-зеленый оттенок.

На другом конце зала была установлена статуя божества, восседавшего на троне в форме раковины. Молк пояснил Гейлу, что изваяния богов отчасти похожи на Столб Духов, принятых у шессинов.

Статуя была вырезана из неизвестного юноше материала и красиво раскрашена в синие и зеленые тона. Фигуру божества обвивали водоросли. Гейл, которому никогда прежде не доводилось видеть изображения бога в виде человека, старался разглядеть его как можно лучше. Акв показался ему внушительным мужчиной в самом расцвете лет, с густой лопатообразной бородой. В одной руке у него была рыбацкая острога, а другая лежала на корабельном штурвале.

Изящное внутреннее убранство храма произвело на юношу большое впечатление, однако присутствия духов он здесь не ощущал. По словам Молка, боги обитали в какой-то прекрасной далекой земле, и к делам простых смертных проявляли лишь мимолетный интерес. Гейл никак не мог поверить тому, что скульптор сумел изваять столь прекрасный образ без всякой помощи свыше.

Тем временем Молк о чем-то перемолвился с жрецами и что-то им передал. Затем мореход просыпал благовония на жаровню, курившуюся перед статуей Аква, и, подав юноше знак следовать за ним, вышел из храма. Уже спускаясь по ступеням, Гейл не сумел удержаться и поделился с Молком своими сомнениями относительно присутствия бога в этом святилище.

— Боюсь, что подобные сомнения питаешь не ты один, — отозвался моряк. — Зачастую поклонение богам превращается в пустую формальность, и к тому же жрецы порой проявляют совершенно недостойную алчность. Однако, лю-

ди все равно почитают своих божеств, и ты оскорбишь их, если станешь вслух высказывать подобные мысли.

— Я бы никогда такого не сделал! — воскликнул Гейл.

Молк со смехом похлопал его по плечу. Они прошли еще несколько улиц и оказались у святилища бога огня. Здесь все было в красных тонах, а внутри храма находился негасимый огонь, и когда горожане желали разжечь пламя в своем очаге, то приходили именно в это святилище. И все же бог огня пользовался у них меньшим почетом, нежели Акв. Об этом Гейлу сообщил все тот же всезнающий Молк.

— Но это только в портовых городах, — пояснил он. — А вот если тебе когда-нибудь доведется побывать на Дымящихся Островах, то ты увидишь, что там богу огня люди приносят богатые подношения. В тех краях постоянно курятся вулканы, порой извергающие потоки огненной лавы, и люди принимают это за выражение гнева огненного бога.

— Неужели так принято повсюду? — изумился Гейл. — Люди взывают к милости лишь тех божеств, от которых непосредственно зависит их благоденствие?

Путники остановились у открытой лавчонки, торговавшей вином и снедью.

— Это не совсем так, — пояснил мореход, — хотя в твоих словах есть доля истины. Люди почитают всех богов, но самые богатые дары приносят тем, от кого ждут наибольшего вреда или, напротив, пользы. В пустынях нет никого превыше божеств солнца и ветра, а в местах, где люди заняты возделыванием земли, они поклоняются владыкам дождя.

Молк расплатился с торговцем, и тот вручил обоим мужчинам по вертелу с кусками вяленого мяса.

— Но существуют ли боги в действительности? — полюбопытствовал Гейл.

Откусив кусок мяса, капитан вслед за этим осушил полкружки кислого вина.

— Мой мальчик, этот вопрос необычайно сложен, и даже мудрецы не знают на него ответа. По моему мнению, боги реальны настолько, насколько люди в них верят, и появляются они именно в тех обличьях, которые привычнее всего их почитателям. Тебе понятен мой ответ?

— Да, — Гейл кивнул. — У духов, которым поклоняются шессины, также нет определенной формы, и лишь Говорящие с духами могут выбрать для них некий облик. Вероятно, здесь происходит нечто подобное, только вместо Говорящих с духами выступают все те люди, которые верят в этого бога.

— Не забудь лишь о том, что не стоит спорить на те-

 му богов с учеными мужами, — посоветовал Молк. —

Вполне возможно, что они не найдутся, как ответить на все твои вопросы. Это не придется им по душе, а если они обратятся к властям, это может довести тебя до беды...

До темноты Молк с Гейлом успели посетить еще несколько храмов, и хотя все они вызывали у молодого шессина неизменный интерес, они все же показались ему довольно однообразными.

Все святилища представляли собой внушительные сооружения; в каждом имелось величественное изваяние божества, и с его образом были связаны все украшения храма. Особенно запомнились юноше святилища богов войны и тех, что управляли явлениями природы. Храм, посвященный богине любви и плодородия, что показалось юноше весьма удивительным, однако верующие вели себя здесь столь же достойно и торжественно, как и в прочих храмах.

Когда они, наконец, завершили свой обход святынь, Молк проговорил:

— Кроме того, существуют божества, которым люди поклоняются невзирая даже на то, что те не обладают большой силой и не приносят своим почитателям особого зла или добра.

В это время они подошли к небольшому святилищу с фасадом, украшенным гирляндами цветов из керамики и из стекла. Украшения выглядели совсем как настоящие, и юноша даже рискнул потрогать их, чтобы в этом убедиться. В воздухе витал сладковатый аромат, и живые цветы были свалены грудами вокруг изваяния улыбавшейся богини, восседавшей на престоле, также похожем на чашу гигантского цветка.

— Это Флора, повелительница цветов и весны, — пояснил Молк. — Жаль, что все прочие божества не столь же добры и благосклонны к людям.

— Неужто существуют и злые боги? — изумился юноша. Покинув храм Флоры, путники наконец направились обратно в гавань.

— Боюсь, что да, — негромко откликнулся мореход. — Их культы находятся под запретом во всех цивилизованных державах. О них не принято даже говорить вслух, однако в глубине материка многие поклоняются им, исполняя мрачные кровавые обряды. Жрецы этих богов — настоящие некроманты... если верить их собственным словам. К сожалению, извести под корень эту заразу невозможно, но если тебе, Гейл, кто-нибудь предложит посетить такое святилище, смири свое любопытство и не ходи туда. Ну да ладно, на сегодня с нас довольно религии. Давай лучше поищем место, где можно на славу перекусить и отдохнуть.

Глава седьмая

Прошло два дня, и корабль вновь двинулся на юг. Поначалу от непривычной пищи и вина Гейл мучился болями в желудке, ведь он привык к совсем иной снеди.

Матросы донимали его насмешками, но лишь до того дня, пока один не вздумал вызвать юношу на кулачный поединок. Шессины издавна преуспевали в этой борьбе, и Гейл без всякого труда разделался с соперниками — с каждым по очереди. С этого дня больше никто не осмеливался подтрунивать над ним.

Путешествие подходило к концу. Через две недели корабль должен был бросить якорь в Кассине, столице королевства Невва. Эта страна занимала низинную центральную часть южного побережья и славилась красивой природой и развитым земледелием.

Корабль Молка, покачиваясь на волнах, шел вдоль берега, и с каждым днем они видели все больше зелени. Порой, когда судно вставало на якорь в небольших деревенских гаванях, то из джунглей, подходивших почти к самому побережью, доносилось грозное рычание хищников. Гейл был бы рад отправиться в чащу, чтобы своими глазами полюбоваться на местных обитателей, но он сдерживал свое любопытство. Впереди у него еще было много времени и возможностей, чтобы раскрыть все тайны этого нового мира.

Моряков по пятам преследовала буря, но они все же успели обогнать ее и, обойдя мыс Разбитых Кораблей, вошли в широкое русло реки Шонги. Завидев на берегу маяк Первен, считавшийся самым высоким строением во всем мире, Гейл не мог сдержать изумления. Невозможно было поверить, что руки человека могли сотворить нечто подобное.

Стены маяка были сложены из белого камня, винтовые лестницы вели к площадке, на которой днем и ночью горел огонь. То и дело вверх и вниз сновали рабы с вязанками дров, дабы маяк своим светом мог указать путь морякам. Днем издалека видны были тучи пепла, летевшие от костра.

У маяка «Рассекающему волны» пришлось дожидаться прилива, чтобы подняться вверх по реке. Затем моряки сели на весла и провели судно в морскую гавань — ги-

гантский водоем, окруженный крытыми доками, где могли укрыться от непогоды корабли. Здесь были не только торговые, но и военные суда.

Они успели вовремя. Вскоре разразилась буря. Дождь яростно хлестал по палубе, но на защищенной стоянке он был уже не страшен кораблю. Моряки бросили якорь и спустили реи, переместив паруса на одну сторону. Затем они осторожно извлекли из пазов мачту и уложили ее на пару перекладин, специально установленных на носу и на корме. Как следует укрепив мачту, моряки затем растянули над ней парус и под образовавшимся навесом смогли укрыться от ливня. Пока готовилась еда, по кругу пустили фляги с вином. Мореходы все как один валились с ног от усталости, но были счастливы тем, что наконец, на этот год, их плавание закончено, и они оказались в безопасной гавани. Кроме того, все с радостью предвкушали получение годового заработка.

Недоволен был один лишь Гейл, которому не терпелось поскорее увидеть знаменитую столицу Неввы, однако из-за бури это пока оказалось невозможным.

— А когда начнется следующий мореходный сезон? — поинтересовался он у Молка.

— В море никто не выйдет еще месяца четыре. Лишь потом самые нетерпеливые начнут ставить паруса, чтобы первыми очутиться в далеких портах, и если поздние шторма не застигнут их, то они с большой прибылью продадут свой товар. Более осторожные капитаны выйдут в море лишь через месяц.

— А как намерен поступить ты сам?

— Пока не знаю. Я должен посоветоваться с владельцами судна. Многие из них весьма суеверны, и пока не дождутся подходящего знамения, то не дадут мне разрешения покинуть гавань.

— А разве ты сам не владеешь «Рассекающим волны»? — изумился Гейл.

— Лишь отчасти. Если все свои деньги вкладывать только в один корабль, то ты потеряешь все, если он пойдет ко дну. Нашей гильдии принадлежит много судов, и каждый владелец получает часть общей прибыли. Точно так же все сообща расплачиваются и за потери.

— Стало быть, корабль — это общее имущество, как в племени?

— Полагаю, что да. А каковы твои планы, Гейл? Когда мы вновь выйдем в море, я был бы рад, если бы ты опять отправился с нами. Мне кажется, такая жизнь пришлась бы тебе по душе.

— Пока не знаю. Сперва я намерен осмотреться в го-

роде, а потом, возможно, отправлюсь вглубь материка. Если и впрямь, как ты говорил, туда будут посылать какие-то отряды, то, возможно, они примут меня на службу. Ведь им не обойтись без охранников.

— Да, без воинов им не обойтись. Мысль интересная, только смотри, не поддайся соблазну вступить в армию. Тебя будут уговаривать, сулить славу, приключения и долю в военной добыче, но в этих словах — сплошная ложь. Чаще всего новобранцев отправляют на самые удаленные посты, в джунглях или в пустыне. Настоящее сражение там редкость, зато солдаты гибнут от смертельных болезней или просто умирают от скуки. И если уж все-таки выберешь военную службу, то лучше иди во флот. Там условия куда выгоднее, и к тому же есть шанс побывать в крупных портах, где есть чем заняться даже в перерывах между плаваниями. Хотя, на самом деле, я уверен, что воинская служба тебе не подойдет. Там командуют сплошные болваны, которые заставляют подчиняться себе только с помощью плетки.

Наконец, Гейл лег спать, но шум дождя, бьющего по навесу из парусины, мешал ему заснуть. Да и голова шла кругом от всех возможностей, что отныне открывались перед ним.

На следующий день утро выдалось ясным и безоблачным. Выбравшись из-под навеса, Гейл торопливо умылся и огляделся вокруг. Он не верил собственным глазам. Конечно, ему говорили, что Кассин большой город, но даже в самых смелых снах он не мог вообразить ничего подобного.

Город простирался во все стороны, насколько хватало взгляда. Он растянулся по склонам холмов, окружавших гавань.

Небольшие участки зелени виднелись среди домов, но даже издали было ясно, что это ухоженные сады, а не островки диких джунглей. На вершинах холмов красовались величественные храмы и какие-то высокие сооружения причудливой формы, — приглядевшись, Гейл распознал в них огромные изваяния. Дым курился над многочисленными храмовыми жертвенниками и смешивался с утренним туманом.

В заливе вокруг было полно кораблей, которые, подобно «Рассекающему волны», завершили свой мореходный сезон на этот год. Одни стояли на якоре, другие — в крытых длинных строениях на берегу. Грузчики сновали по каменному молу. Над палубами некоторых кораблей высились деревянные устройства для подъема грузов. Эти устройства приводили в движение люди, которые бесконечно шагали на месте внутри огромных колес, расположенных по бокам. Морские птицы реяли над гаванью, и их пронзительные крики

смешивались с голосами людей и грохотом разгрузочных машин.

По приказу Молка, навес был убран, на корабле подняли якорь, и капитан встал за руль. Судно на веслах вошло в гавань. На берег бросили канаты. «Рассекающий волны» пришвартовался к пирсу, и матросы затянули ритмичную песню, которую обычно пели в знак того, что плавание закончено. Теперь оставалось лишь принести ритуальную жертву богам. Множество толкавшихся в порту бездельников приветствовали моряков и предлагали помочь в разгрузке. Вскоростиюки из трюма вытащили на берег. Появились чиновники, чтобы записать груз и установить размер портовых сборов и пошлин.

— Ближайшие два-три дня я буду очень занят, Гейл, — сказал Молк. — Но ты уже слегка освоился с цивилизованными странами. Надеюсь, ты не пропадешь и сможешь сам подыскать себе занятие на зимние месяцы. Если же с тобой что-нибудь случится, например угодишь в городскую тюрьму, то немедленно дай мне знать, и я постараюсь сделать все, чтобы помочь тебе. Связаться со мной можно через Гильдию судовладельцев. Наш зал собраний напротив храма морского бога.

— Постараюсь быть осторожным, — ответил юноша, собирая свои скудные пожитки.

Матросам выдали аванс, а остальные деньги обещали на третий день после разгрузки. Первый день отводился под разгрузку, второй — на продажу грузов с аукциона, третий — на расчеты с матросами.

К Гейлу эти заботы почти не имели отношения, если не считать получения денег, смысла которых он еще не вполне понимал и мало из-за них беспокоился. Не особо обремененный имуществом, включавшим копье, длинный меч, несколько выделанных шкур ночного кота, наплечную сумку и мех для воды, юноша был готов бросить вызов цивилизованному миру. Его украшения и немного денег, сохранившиеся еще со времен Гэйла, помогут ему продержаться некоторое время, пока он не найдет себе занятие по душе.

Гейл поднялся из порта к холмам, в центр города. Он заглянул на рынок, прилавки и шатры которого ломились от ошеломляющего разнообразия товаров. Молодой человек не мог удержаться, чтобы не обойти его целиком. Его провожали любопытными взглядами, но Касин был крупным городом, и чужеземцы в нем не явились такой уж редкостью. В Гейле признавали островитянина, но поскольку шессины появлялись в Невве нечасто, то юноша и привлекал к себе внимание, хотя в столице и не было недостатка в высоких красивцах-варварах.

Гейл решил сперва поискать удачи в центре деловой жизни Касина, именуемом Выгоном. В те дни, когда столица Неввы была еще маленькой портовой деревней, на Выгоне размещалось общественное пастбище, где любой горожанин или приезжий мог оставить за плату свой скот. Когда город разросся, на месте пастбища устроили рынок, затем — площадь для собраний, теперь же здесь лепились друг к другу общественные здания вперемешку с небольшими лавками. Городские улицы беспорядочно петляли среди окружавших залив невысоких холмов. Над Выгоном возвышалась огромная статуя бога войны, которая была видна из любого района города. Это помогало Гейлу ориентироваться в Касине.

Городские здания чаще всего были невысокими и строились из дерева или кирпича, несколько особняков были сложены из плитняка. Время от времени Касин опустошали пожары. Однажды Гейлу показалось, что его подводит зрение: он увидел замурованные в стену куски человеческих тел. Но, приглядевшись, он успокоился — это оказались всего-навсего разбитые куски статуй, использованные для укрепления фундамента.

Ориентироваться в лабиринте улочек оказалось непросто, и Гейлу часто приходилось возвращаться, поскольку он то и дело попадал в тупики. Наконец, задав не один вопрос прохожим, которые с трудом понимали его речь, он вышел на широкую улицу, ведущую к Выгону. По ее краям тянулись полоски земли, усаженные раскидистыми деревьями и цветами. Это почему-то напомнило юноше его далекую родину. Здесь также часто встречались источники, у которых толпились женщины с кувшинами в руках. На узких улочках это были простые ручейки, вытекающие по небольшим глиняным трубам из какого-нибудь водоема, а на аллее — более сложные сооружения, украшенные каменными или глиняными скульптурами. Вода вырывалась из них вверх дугообразными струями, наполняющими воздух приятной прохладой, а в водяном тумане мерцала многоцветная радуга.

Гейла потряс вид изваяния бога войны — самый большой монумент, который он когда-либо видел. Многие статуи в Касине пострадали от времени и непогоды, некоторые оказались разрушены почти полностью — видимо, по вине землетрясения.

Юноша с любопытством наблюдал за людьми, принадлежавшими к самым разным племенам и народам. Он видел худощавых, с ястребиными носами жителей пустынь, которые вплетали крохотные колокольчики в окладистые черные бороды были. Они вели с собой огромных нескладных

животных, именуемых горбачами. Встречались и коренастые обитатели из южных джунглей, с волосами, украшенными перьями неизвестных Гейлу птиц. Рабы чаще всего ходили полуголыми, в одних набедренных повязках, и носили толстые медные ошейники.

Большинство чужеземцев составляли мужчины: видимо, женщины путешествовали редко. Высокородные дамы носили вычурные платья с тугими корсетами, почти не позволявшими им сгибаться и свободно двигаться, демонстрируя, что им не приходится заниматься тяжелой работой. От солнца они закрывали лица вуалями, а кроме того рабы держали над их головами большие зонты. При встрече дамы обменивались многословными приветствиями, причем Гейл почти не мог понять ни слова из того, что они говорили.

Юноша миновал прилавок, за которым сидел человек в красной тунике из грубого полотна, с коротким мечом на поясе; на его кожаные обтягивающие штаны были нашиты медные бляшки. Рядом на земле лежал панцирь из костяных бляшек, покрытых красной блестящей краской, а на прилавке красовался шлем из дубленой кожи, увенчанный султаном из длинного хвоста кагги. Человек этот с интересом взглянул на высокого, хорошо сложенного юношу, пристально осмотрел его копье и длинный меч.

— Думаю, ты нам подойдешь, — заявил он с радостной улыбкой. — Воин с Островов, верно? Здесь, в Касине, ты вряд ли найдешь себе место, но я мог бы тебе помочь. В королевской армии всегда найдется место крепким парням и искателям приключений. Кровь врагов, богатая добыча, женщины... Неплохо звучит, верно?

Голосом и манерами этот человек напомнил юноше Гассема.

— И много ли новобранцев тебе удается заманить днем, пока они еще трезвые? — спросил он.

Вербовщик нахмурился.

— Не слишком, но моя служба все равно начинается с утра. Ты ведь недавно приехал, да? Приходи через пару дней, когда оголодаешь и поймешь, что в цивилизованном городе не очень-то охотно предлагают работу дикарям. Тогда и сам поймешь, что вступить в армию для тебя — наилучший выход.

Приблизившись к статуе бога войны, Гейл оперся на копье, непроизвольно приняв привычную позу аиста, что заставило сновавших вокруг ребятишек захихикать и начать тыкать в него пальцами. Он не стал обращать на них внимания, посетовав, как скверно горожане воспитывают своих детей.

Молодой человек стоял неподвижно, глядя по сторонам

и позволяя проникать в себя новым впечатлениям. В ушах грохотала какофония звуков: смесь различных наречий, мычанье и блеянье животных, выкрики продавцов, предлагающих свой товар, играющая в отдалении музыка. Ноздри его щекотали столь же разнообразные запахи: готовящейся пищи и специй, вонь животных, но все перекрывал аромат благовоний, курящихся над алтарями храмов.

Далеко на западе собирались тучи, предвестники грозы. Порой Гейл ощущал присутствие духов, но очень слабо — видимо, чувства подавляла огромная масса находящихся вокруг людей. Он подозревал, что в созданных человеком городах могли существовать лишь людьми же выдуманные боги.

Внезапный шум заставил его обернуться. Он увидел процессию, направляющуюся к Выгону по широкой аллее. Сопровождавшие ее музыканты извлекали из своих инструментов диковинные звуки. Впереди шли толстые гладколицые люди, которые дули в трубы и огромные раковины. За ними шествовали женщины в легких полупрозрачных платьях, они били в барабаны и цимбалы, их длинные распущенные волосы колыхались в ритме танца. Высокие мужчины в головных уборах из перьев били в продолговатые барабаны, издающие низкие гулкие звуки. В центре процессии силачи несли на плечах носилки — при виде их, горожане гнули спины в почтительных поклонах.

Процессия должна была миновать статую, где стоял Гейл. Юноша гадал, нужно ли ему кланяться, как все прочие: ведь это было не в обычаях шессинов. Когда носилки поравнялись с ним, все же решился слегка наклонить голову. К его удивлению, в носилках на груде мягких подушек под шелковым балдахином восседала молодая женщина. Завидев юношу, она бесцеремонно принялась разглядывать его.

Гейлу хотелось верить, что его поведение никого не задело. Перед ним явно была какая-то важная особа, привыкшая к почтительности и подобострастию. Вдруг она решила, что своим полупоклоном он намеревался ее оскорбить? Насколько Гейл успел рассмотреть сидящую под балдахином даму, она не походила — ни платьем, ни лицом — на тех знатных женщин, которых он встречал на улице. Возможно, она принадлежала к какой-то неизвестной ему народности.

По счастью, окружающие взирали только на даму и не обращали внимания на Гейла. За носилками шествовал ряд прислужников, ведущих на поводках великолепных животных, украшенных гирляндами цветов. Среди них юноша увидел белого красавца-каггa с золочеными рогами и попоной из цветных нитей, окаймленной кистями и колокольчика-

ми. Но животному столь богатое убранство не доставляло, кажется, никакого удовольствия. Кагг беспокойно озирался, то и дело порываясь встать на дыбы, так что прислужники едва его удерживали, яростно стегая плетьми. Гейла задело столь неподобающее обращение с животным.

Когда процессия наконец миновала Гейла и двинулась к одному из больших храмов, он подошел к прилавку торговца благовониями.

— Я недавно прибыл в ваш город, — сказал он. — Не скажешь ли, что это за шествие? И кто та женщина в паланкине?

Купец пристально покосился на юношу. Чем-то он напомнил Гейлу менялу из Турвы, только без стекляшек, называемых очками.

— Эта Шаззад, верховная жрица бога грозы, — наконец ответил он. — Теперь, когда наступил сезон бурь, она каждый месяц будет приносить своему богу богатые дары.

— А что, перед всеми жрицами положено сгибаться в столь низком поклоне? — спросил Гейл.

— Шаззад не только жрица, но и дочь знатного царедворца Пашара, главы королевского совета и командующего войском. Поскольку королевским дочерям запрещено появляться на людях, можно сказать, что она — самая влиятельная женщина, какую можно встретить на улицах города.

Гейла эта красавица очень заинтересовала. Было что-то невероятно манящее в ее взгляде. Юноша направился к храму бога грозы, откуда доносились звуки барабанов, цимбал и труб. На площадке перед храмом собралась толпа, все хлопали в ладоши и подпевали в такт музыке.

Сейчас носильщики как раз спускали наземь паланкин жрицы. И в этот миг разъяренный ударами белый кагг вырвался из рук смотрителей и, налетев на носильщиков, сбил их с ног. Паланкин накренился и перевернулся. Закутанная в шелка Шаззад выпала на землю.

Толпа замерла, объятая страхом. Кагг продолжал метаться среди людей, сбивая их с ног и топча копытами. Жрица пыталась подняться, но животное вновь налетело на нее. Никому было не под силу совладать с обезумевшим каггом.

И тогда Гейл шагнул вперед. Кагг вертелся на месте, силясь отыскать путь через толпу, но бежать было некуда — со всех сторон его окружали люди. Тогда животное угрожающе наклонило рогатую голову — как вдруг перед ним выросла фигура высокого молодого дикаря. Кагг яростно замычал: он принял вызов.

Гейл пристально следил за животным. По наклону шеи он понял, что оно привыкло бодать левым задним

рогом, поэтому юноша быстро сделал шаг вправо, одновременно ударив кагга по лбу рукоятью копья. Послышался глухой звук удара, и животное ошеломленно замотало головой. Не мешкая, Гейл схватил его за правое ухо и, потянув на себя, ударил по передней ноге. Кагг рухнул на колени. Все попытки вскочить оказались тщетны: Гейл вцепился в ухо мертвой хваткой и заставил животное застыть на месте.

— Впредь держите его крепче, — как ни в чем не бывало заявил Гейл изумленным служителям. Придя в себя, они бросились искать веревку, чтобы надежно связать животное. Когда ее наконец нашли, юноша отпустил кагга и отступил в сторону.

— Кто ты такой? — послышался внезапно женский голос.

Гейл опустил глаза: перед ним стояла жрица Шаззад. Несмотря на невысокий рост — ее макушка едва достигала груди Гейла — она была прекрасно сложена. Наряд ее совсем не походил на одеяния местных красавиц — на женщине были зеленые шаровары и золотистый корсаж, украшенный перламутровыми створками раковин.

— Мое имя Гейл, — ответил юноша. — Я родом из племени... то есть... я был шессином.

— Прибыл с Островов, да? И чем ты занимаешься, когда не сражаешься с разъяренными каггами? — Женщина потерла ушибленное плечо. Видно, она совершенно не опасалась того, что падение на глазах у всех сколько-нибудь уронило ее достоинство. Волосы жрицы были иссиня-черными, глаза темные и чуть раскосые, а черты лица — точеные и совершенные.

Гейл с улыбкой оперся на копье.

— Я ни с кем не сражался — просто заставил кагга успокоиться, потому что хорошо знаю их повадки. Сражаюсь я с дикими котами, мохнатыми змеями и длинношеями. И, конечно, с врагами.

— Так ты еще и воин, а не только пастух?

— В тех краях, откуда я родом, это одно и то же. Кроме того, я немного обучился морскому делу, хотя и не думаю, что хотел бы заниматься этим всю жизнь.

— Да, я вижу, в своем деле ты мастер, не чета этих бездельникам. — Внезапно Гейл осознал, что жрица очень молода, наверное, почти одних с ним лет, хотя ее глаза, низкий голос и манеры делали ее куда старше.

Двое толстяков в пышных одеждах, задыхаясь, торопливо семенили вниз по ступенькам храма.

— Вы не ушиблись, госпожа? — тонким голосом спросил один из них.

— Конечно, ушиблась, — недовольным тоном отреза-

 ла женщина.

Его спутник возмущенно уставился на Гейла.

— Склонись, невежа! Госпоже Шаззад не пристало смотреть снизу вверх на какого-то дикаря!

Гейл смерил его холодным взглядом.

— А где вы были, когда вашу госпожу пытался растоптать разъяренный кагг? Что-то не припомню, чтобы хоть один из вас пытался ей помочь!

Мужчина побагровело от ярости, но Шаззад взмахом руки заставила его замолчать.

— Оставь его в покое, жрец Фолонг. Этот человек спас меня от увечья, если не от смерти. Он чужеземец, и мы не должны забывать, что ему неведомы наши законы и обычаи. К тому же церемонию все равно придется отложить.

— Н-но... — высоким голосом возразил другой жрец, — сегодняшний день был специально определен...

— Посмотри на этого кагга, — перебила его жрица, показывая кровоточащую ссадину на белой шкуре, оставленную копьем Гейла. — Жертвенное животное должно быть без изъянов, а это теперь уже не подойдет нашему богу. Из священного стада придется выбрать другого кагга. Кроме того, некоторые из моих прислужников ранены, а в стенах храма запрещено проливать кровь. Так или иначе, придется выбрать для жертвоприношения другой день.

Фолонг тяжело вздохнул.

— Вероятно, так будет лучше. Когда боги подают нам знак, посылая молнию, землетрясение или что-нибудь в таком роде, — их служителям приходится справляться со священными книгами и выбирать другой день.

— Вот и займитесь этим. — Небрежным жестом Шаззад отпустила жрецов, потом взглянула на свои носилки. — Солис, — спросила она одного из прислужников, — хватит ли здесь рабов, чтобы доставить меня во дворец?

Мужчина в длинной белой тунике склонился перед женщиной.

— Разумеется, госпожа.

— Отлично. — Она обернулась к Гейлу. — Следуй за мной.

Вернувшись к носилкам, Шаззад уселась под балдахин, который рабы успели водрузить на место. Юноша двинулся следом — он все еще находился под влиянием необъяснимых чар жрицы. Он обернулся вслед жрецам, одышливо спешащим вверх по лестнице. Женщина заметила его взгляд.

— Евнухи всегда ноют, когда что-то мешает привычному укладу их жизни, — заметила она.

— Евнухи? Что это значит?

— Это мужчины, у которых... Ты ведь родом с Остро-

вов, да? Что вы делаете с самцами каггов, если не хотите получать от них приплод?

— Холостим их.

— То же самое делают и с евнухами.

— Какой ужас, — заметил Гейл. — Но я понимаю, почему вы не хотите получать приплод от таких, как эти двое.

Женщина рассмеялась, прикрывая рот узкой ладонью.

— Нет, дело не в этом. Но у тебя еще будет времени, чтобы все понять.

— Куда мы идем? — спросил юноша.

— Во дворец моего отца. Он один из самых красивых в городе, за исключением, конечно, королевского.

Гейл вскоре понял, что дворец — это большое просторное жилище, где со своими семьями, имуществом и огромным количеством слуг обитают самые влиятельные и богатые горожане. Похоже, что здесь о богатстве человека судили не по размеру стада, а по величине здания, где он жил.

Удивительное ощущение испытывал Гейл, шагая рядом с носилками, перед которыми люди склонялись ниц. Музыканты уже не очень заботились о том, чтобы извлекать из своих инструментов стройные звуки. Вообще, судя по всему, отмена церемонии жертвоприношения повлияла на всех прислужников жрицы, и они перестали соблюдать особый порядок шествия. Даже носилки Шаззад слегка кренились — почти все несшие их рабы хромали. Юноша не особенно им сочувствовал — он считал, что в такой неопасной ситуации никто из них не проявил должного присутствия духа. Если бы не его вмешательство, многие из них могли погибнуть. Гейл восхищался моряками, вынужденными постоянно бороться с враждебной стихией, но городские жители казались ему изнеженными и никчемными бездельниками.

Но все это отнюдь не относилось к женщине, что покачивалась рядом с ним в паланкине. Она выглядела непривычно, но не пугающе, обращалась с людьми надменно, но отнюдь не грубо — вероятно, в этом отражалось естественное признание разницы в общественном положении между ней, аристократкой, и прочими простолюдинами. Гейл не представлял, что женщина может выглядеть так, как Шаззад, — и тем более неотразимой казалась юноше ее красота. Он привык считать красивыми высоких длинноногих женщин своего народа с кожей медного оттенка, голубыми глазами и светлыми волосами. Но миниатюрная, с пышной грудью фигура жрицы, ее густые черные волосы, раскосые темные глаза и золотистый цвет лица поражали его — он никогда не думал, что женщина с такими чертами может оказаться столь красивой. Гейл

был просто ошеломлен. Его юношескому тщеславию льстило сознание того, что к нему проявила нескрываемый интерес одна из самых знатных дам этого города. Впрочем, когда он внимательнее присмотрелся к мужчинам на улицах Касина, это уже не показалось ему столь странным.

— Зачем ты взяла меня с собой? — спросил он.

— Пожалуй, из благодарности, — ответила женщина. — Ты оказал мне большую услугу, и, возможно, я тоже могу быть для тебя полезной. Если ты будешь и дальше шататься без цели по городу, то неминуемо окажешься в армии или же закончишь свои дни горьким пьяницей, как это случается с большинством прибывающих сюда варваров. Думаю, что я смогу предложить тебе какое-нибудь занятие поинтереснее.

Гейл обрадовался.

— О чем может идти речь?

— Сперва мне нужно переговорить со своими советниками. Не хочу давать пустых обещаний. — Шаззад замолчала и не произнесла ни слова до тех пор, пока они не подошли к дворцу.

Окруженный высокой стеной дворец стоял на вершине холма в южной части города. Тяжелые деревянные ворота охраняли стражи с секирами. Вымощенная камнем тропинка вела от ворот через парк, где среди деревьев журчал ручей, а в прудах важно сновали жирные рыбы — они напомнили Гейлу жрецов-евнухов.

Дворец представлял собой весьма хаотичное сооружение. От центрального прямоугольного здания отходили пристройки, над крышами виднелись невысокие башенки. Некоторые флигели были явно нежилыми и начинали разрушаться. Когда процессия приблизилась к главному входу, внезапно разразилась давно собиравшаяся гроза, с порывистым ветром и вспышками молний. Шаззад выбралась из носилок и бегом бросилась вверх по ступенькам — она едва успела укрыться от первых капель дождя. Ливень хлынул через несколько секунд. Рабы и прислужники также поспешили в укрытие. Гейл с удивлением наблюдал, как две полуобнаженные юные рабыни с полотенцами в руках подбежали к жрице, чтобы осушить несколько капель воды, попавших на ее волосы. Та не обратила на их действия ни малейшего внимания, словно они были тем воздухом, которым она дышала. Из дверей вышла маленькая пятнистая кошка и тут же начала тереться о ноги хозяйки. Шаззад наклонилась и подхватила на руки мурлычущее животное. Гейлу показалось довольно странным, что жрица не удостоила вниманием двух прекрасных юных девушек, даря его существу, польза от которого представлялась ему

более чем сомнительной. Это вновь напомнило юноше, в каком чуждом и непонятном мире он находится.

Он прошел вслед за Шаззад во внутренний дворик, стены которого украшала цветная мозаика, а под ногами блестел полированный мрамор. На одной из стен изображался подводный мир, на другой — фигуры полулюдей-полуживотных. Струи дождя падали в маленький бассейн сквозь прямоугольное отверстие в крыше. На постаменте в центре бассейна возвышалась небольшая статуя, изображающая женщину неземной красоты — возможно, это была какая-то богиня.

Затем они прошли в соседнюю залу. Свет туда проникал сквозь пластины прозрачного стекла, вставленные в крышу. Сейчас по ним стучали капли дождя.

— Подожди меня здесь, — велела Шаззад и исчезла во внутреннем помещении дворца, вместе с рабынями. На руках она все еще держала кошку, которая довольно урчала.

Гейл в некотором замешательстве принялся изучать комнату, где он очутился: стены украшены картинами, изображающими батальные сцены, на небольших деревянных сундуках — надетые на каркасы воинские доспехи, а рядом с ними — круглые стойки с мечами и копьями. Одну из стен украшали щиты, похожие издали на декоративные медальоны. Доспехи были сделаны в основном из костяных пластин, соединенных между собой и отлакированных, некоторые покрыты тонкой кожей с изящным тиснением. Гейлу понравилась одна великолепная кираса из чеканной бронзы. Доспехи показались ему очень красивыми, они не шли ни в какое сравнение с теми, что он видел до сих пор. Однако он сомневался, могут ли они служить надежной защитой в бою.

На всех батальных картинах изображались поединки между воинами, армии же лишь проступали на заднем плане неясными очертаниями. Под некоторыми из фигур шли мелкие значки, в которых Гейл признал буквы; скорее всего, они должны были означать имена бойцов. Наиболее интересными ему показались сцены, изображавшие мужчин, сражавшихся верхом на спинах неизвестных ему животных — непонятно, как им это удавалось. Ребенком Гейл, подобно всем детям шессинов, катался верхом на квилах или каггах, но мысль о том, что на животных не только ездят, но и сражаются взрослые люди, показалась ему совершенно невероятной.

Стоящие на особых подставках мечи были дорогими и напоминали его собственный клинок, а вот копья не шли ни в какое сравнение с великолепным оружием шессинов — всего лишь деревянные палки с наконечниками, на которые пошло металла не больше, чем на лезвие короткого кин-

жала. Гейл пришел к выводу, что мечи носили знатные воины, а копья — простые солдаты, возможно, охранники или слуги в этом дворце.

Стук ливня по застекленной крыше затих, и мозаичный пол осветили солнечные лучи. По углу их падения Гейл понял, что пробыл во дворце уже больше часа. Он недоумевал, зачем его оставили одного, и уже подумывал, не лучше ли уйти. Может, жрица просто забыла о нем? Гейлу хотелось бы узнать ее поближе, она возбуждала его жгучий интерес, поскольку была не похожа ни на одну из виденных им прежде женщин, однако он не хотел навязываться и не желал, чтобы Шаззад относилась к нему с тем пренебрежением, какое она выказывала по отношению к своим рабам. Юноша уже было решился покинуть дворец, когда вдруг услышал за спиной голос.

— Я вижу, воинское снаряжение пришлось тебе по вкусу? — Гейл обернулся и увидел мужчину, почти столь же рослого, как и он сам, крепкого телоложения, но значительно старше его возрастом, в просторной сверкающей мантии, скрывавшей тело до самых лодыжек; за его пояс был заткнут кинжал в ножнах с рукояткой из резного коралла.

— Я воин, — сказал Гейл. Он постучал костяшками пальцев по бронзовой кирасе. — Но я всегда сражался, прикрываясь лишь собственной кожей, а не броней.

Человек кривовато улыбнулся, — угол рта у него был обезображен длинным шрамом, пересекающим щеку.

— В армии ты бы быстро убедился в пользе доспехов. Бой в тесном строю лишает воина подвижности. Когда на тебя тучей летят стрелы, ты не можешь уследить за каждой, чтобы вовремя увернуться. — Он подошел к кирасе и погладил ее гладкую поверхность, а затем коснулся алого плюмажа, на бронзовом шлеме. — Эти доспехи помогли сохранить мне жизнь не в одной битве. У командующего армией остается еще меньше времени, чем у простого солдата, чтобы следить за летящей смертью.

Похоже, этот человек принадлежал к военной аристократии, что нисколько не удивило Гейла.

— Зато на этих картинах, — юноша показал рукой на настенные росписи, — битвы похожи на те, что случаются на моем родном Острове.

— Это сцены из давних войн, — пояснил высокий воин, с нежностью вглядываясь в картины. — Здесь изображены мои предки. Если верить старинным легендам, тогда все войны решались поединком между двумя избранными бойцами из враждующих армий. Теперь все не так. Обычно схватки происходят в сумятице сражения, и исход битвы решают

армии. Победа приходит к тому, у кого большее по числу войско, а порой и к более способному или храброму полководцу.

— Не хотел бы я так сражаться. Как человек может отличиться в этом бою?

— Но ведь войны не ведутся для выгоды солдат. К тому же отважные, сильные и умелые люди всегда сумеют проявить себя. Но я думаю, ты прав — твое великолепное копье там бы не слишком пригодилось. — Человек подошел поближе к Гейлу, и его узкие глаза слегка расширились. — А ведь ты совсем еще мальчик!

Гейл возмутился.

— На моей родине считали иначе!

Мужчина успокаивающим жестом вскинул руку:

— Я не желал тебя обидеть, мой друг. Вижу, что ты воин, но здесь, в городе, несколько на вещи смотрят иначе. Когда моя дочь рассказала о твоем геройском поступке сегодня утром, я подумал, что ты зрелый мужчина — и ты действительно держишься, как взрослый. Однако тебе вряд ли больше семнадцати весен.

— Я был рад оказаться ей полезным, — отозвался Гейл, — но никогда бы не поверил, что кто-то может счесть геройством усмирение норовистого кагга.

Высокий мужчина засмеялся.

— И все же моей дочери угрожала серьезная опасность, и лишь благодаря тебе мы теперь можем посмеяться над этим. Шаззад очень хрупкая и не смогла бы противостоять полудикому животному. Кагг способен забодать человека насмерть или переломать кости своими копытами. Я очень благодарен тебе, воин!

Гейла поразило, как любезно обращается с ним этот человек. Позже он узнал, что советник Пашар, отец Шаззад — знатный аристократ и, возможно, второй человек в Невве после самого короля. А сейчас он стоит здесь и запросто разговаривает с незнакомым варваром, не имеющим в этом великом городе совершенно никакого влияния. Но Гейл тут же напомнил себе, что не стоит считать человека хорошим только по внешним признакам — взять хоть льстивые манеры его брата Гассема.

— Признаюсь, мне кажется странным, — промолвил Гейл, — что твоя дочь привела меня во дворец. Я не сделал ничего стоящего и не искал награды за свой поступок. Пожалуй, мне лучше уйти.

— Нет, прошу тебя, останься. Ты кажешься мне многообещающим юным воином, но ведь у тебя нет пока

знакомых в этом городе, верно? Возможно, у меня найдется для тебя подходящая работа. Не согласишься ли ты отправиться в путешествие — не скрою, оно может оказаться опасным, но в случае удачи принесет как тебе, так и мне несомненную выгоду. Мне кажется, что там храбрость и воинское мастерство помогут тебе проявить себя там.

Это и впрямь звучало заманчиво. Не успел Гейл спросить, куда именно и с какой целью направляется экспедиция, как Пашар вытянул руку и щелкнул пальцами. Повинуясь его знаку, в комнату вошел босоногий человек в коротком желтом килте и молча застыл, ожидая приказаний.

— Полагаю, мы обсудим мое предложение позднее, во время обеда, но сейчас мне пора к королю. Этот человек покажет тебе покои, отданные в твое распоряжение, если ты согласишься несколько дней побыть моим гостем. Надеюсь, ты об этом не пожалеешь.

Гейлу хватило здравого смысла не отказываться от столь удачно представившейся возможности.

— Я благодарен тебе за предложение, — сказал он.

— Это я должен тебя благодарить. Ладно, увидимся вечером. — Советник вышел из комнаты, и только тогда Гейл сообразил, что он не спросил у него имени и не сказал своего. Несомненно, обычаи здешней знати были весьма странными.

— Я провожу тебя, — окликнул его раб, и юноша последовал за ним по длинному полутемному коридору.

— Как тебя зовут? — спросил он раба.

Тот в недоумении оглянулся.

— Зовут? Третьим номером из седьмого отряда, главное здание, дневная смена.

— Так что же, у тебя нет имени?

Раб пожал плечами.

— С чего свободному человеку интересоваться этим?

Они прошли в небольшой внутренний дворик, откуда можно было попасть в несколько разных покоев. Комната, куда привел Гейла раб, по сравнению с огромными залами показалась маленькой, и все же она была просторнее, чем хижины шессинов. Там стояли стол и несколько стульев, а также предмет, в котором он не сразу распознал кровать, украшенную резьбой и заваленную подушками. На стенах красовался причудливый орнамент.

Раб указал на дворик

— Если угодно, то вниз по коридору и налево будет уборная, а направо — купальня для гостей. Ты можешь свободно ходить по всему дворцу, за исключением тех мест, куда тебя не пропустит стража у дверей. Ты хочешь есть?

Гейл вдруг осознал, что умирает от голода. После того, как он ранним утром сошел с корабля, произошло немало событий, но вот поесть ему не привелось.

— Да, я немного проголодался. — Прежде чем человек успел уйти, Гейл задал волнующий его вопрос: — Скажи, почему ты стал рабом?

Тот воззрился на него как на безумца.

— Почему? У меня не было выбора. — После этого он удалился.

Ответ этот мало что дал Гейлу. У человека, считал он, всегда существует выбор — в крайнем случае, им может стать смерть. Возможно, все прислужники, которых он видел во дворце, были рождены рабами.

За занавесом он обнаружил дворик, посреди которого журчал фонтан, вокруг росли яркие цветы, а над ними с гуденим роились пчелы. Над керамическими плитками поднимался легкий туман — под лучами яркого солнца на глазах испарялись лужи, оставленные прошедшим дождем.

Внезапно внимание Гейла привлекли звуки музыки. Через раскрытую штору такой же, как у него, комнаты, он увидел женщину; устроившись на подушке, брошенной на пол, она играла на арфе. На талии ее красовался жемчужный пояс, шею, предплечья и лодыжки украшали золотые ленты и нити из драгоценных камней, но больше на ней ничего не было, кроме тяжелого медного ожерелья, которое указывало на то, что она — рабыня. Кожа женщины, оттененная волосами цвета воронова крыла, казалась белоснежной. Гейл не мог определить, откуда она родом. Из той комнаты он слышал также тихие голоса, но тех, кто разговаривал, видеть не мог. Гейл отпрянул, не желая, чтобы кто-нибудь решил, будто он подслушивает. Женщина подняла на него большие серые глаза, ее пальцы продолжали привычно перебирать струны арфы.

Гейл решил посетить те удобства, о которых говорил ему раб. Купальня оказалась небольших размеров комнатой, выложенной плиткой, в ее полу было наполненное ароматной водой углубление в виде раковины. Он не удержался, чтобы не насладиться этим великолепием. Сняв пояс с мечом и украшения, он спустился на несколько ступенек вниз и окунулся в бассейн. Это было поразительно — до сих пор он ни разу не купался в горячей воде. Новое ощущение приятно возбуждало, к тому же по поверхности воды плавал тонкий слой ароматического масла. Вода текла из спрятанных в стенах раковины кранов. Гейл подумал, что был бы не прочь подольше пожить в таком дворце.

Вернувшись к себе, он обнаружил на столе подносы

с хлебом, фруктами и холодным жареным мясом. Там же оказался кувшин с охлажденным вином. Несмотря на голод, он, по давней привычке, ел медленно и аккуратно, пытаясь представить, какова была бы реакция здешних жителей на чашу, наполненную молоком с кровью. Наверное, это вызвало бы у них отвращение, хотя юноша до сих пор не мог понять такого отношения к пище шессинов. Гейл заметил, что еда сдобрена незнакомыми ему приправами. Мясо было смазано медом, хлеб приятно пах шафраном. Молк рассказывал ему об этой пряности, которая очень высоко ценилась в Невве.

Наконец Гейл насытился. Теперь у него оставалось несколько свободных часов до вечера, когда, возможно, решится его судьба. Раб сказал, что можно свободно ходить по дворцу, и юноша решил все осмотреть как следует.

Гейл побродил по залам и коридорам, но быстро устал от вида пышной обстановки и многочисленных украшений. Рабы безмолвно сновали по своим делам, в отличие от свободных прислужников, которые двигались важно и с достоинством. Внимание юноши привлекла настенная роспись, где изображались люди, едущие верхом. Он спросил у оказавшегося рядом охранника, держат ли таких животных во дворце. Тот кивнул и показал, как пройти к строениям, которые он назвал конюшнями. Гейл вышел из дворца на заднюю террасу, откуда по склону холма, усаженному фруктовыми деревьями, спускалась лестница. У ее подножия начинался широкий луг, тянувшийся до границ поместья, где стояла городская стена. Слева виднелись низкие строения и загоны для скота — об этом Гейл догадался по доносящимся оттуда звукам и характерному запаху.

Спустившись по лестнице, юноша вновь с наслаждением ощутил под босыми ногами землю. Он подошел к одному из строений, где у огороженного загона стояла небольшая группа людей. Мужчины были одеты только в короткие штаны из кожи. Они не носили медных ошейников, а значит, не являлись рабами. Перед ними лежал какой-то непонятный предмет сложной конструкции — к изогнутому деревянному остову крепились полосы из кожи.

Молодой воин застыл в изумлении, когда в загон выпустили неизвестное ему животное. Двое мужчин вели его, держа за веревки, продетые непонятным способом через его рот. Это было самое красивое животное, которое когда-либо видел Гейл, — грациозное и великолепно сложенное, с длинными и стройными, но в то же время сильными ногами; они заканчивались нераздвоенными округлыми копытами. Тело сужалось от массивной грудной клетки к пояснице, а затем

снова расширялось к могучему крупу. У животного был блестящий длинный хвост; изящную выгнутую шею венчала удлиненная голова с маленькими ушами и прекрасными умными глазами. Небольшие рожки этого зверя загибались назад, почти смыкаясь в круг. Также у него была короткая густая грива и жесткая борода. Когда животное подвели ближе, Гейл увидел, что веревки, за которые его держали, прикреплены к кольцам, продетым сквозь проколотую нижнюю губу.

Но Гейла поразила не только дивная красота этого создания — оно излучало могучую силу. Такой мощной ауры он не чувствовал даже у длинношея. Великолепное зрелище так увлекло его, что он не услышал шагов за спиной.

— Я вижу, ты быстро нашел, что для тебя привлекательнее всего. — Гейл узнал голос Шаззад, но ему понадобилось сделать над собой усилие, чтобы оторвать взгляд от животного и обернуться к ней.

— Я никогда не видел ничего столь прекрасного. Это и есть кабо?

— Да. Ты, правда, не видел их прежде? Охотно верю. Любая женщина почувствовала бы себя польщенной, если бы ты смотрел на нее так, как на это животное. — Жрица переоделась и теперь была в таких же коротких кожаных штанах, как и мужчины, держащие кабо, но у нее штанины стягивались под коленями над высокими сапожками из мягкой кожи, со шнуровкой на икрах. Еще на ней была белоснежная туника из блестящей материи с широкими рукавами.

— Неужели такой гордый зверь позволяет человеку ездить на своей спине и подчиняется его приказам?

— Этого не так легко добиться, — засмеялась Шаззад. — Для начала его надо приручить. Этот кабо еще не вполне объезжен. Его имя Лунный Огонь, он чистокровный потомок одной из лучших пород. Эти животные используются только для охоты или войны, иногда на бегах, потому что они слишком умны, чтобы можно было просто ездить на них верхом. Есть и менее породистые кабо, но все равно держать их могут только очень богатые люди.

— Значит, их число невелико? Я думал, они размножаются, как кагги, и каждый человек может владеть этими прекрасными созданиями.

— Разведение кабо — непростое дело. Сначала они были гораздо меньших размеров, поэтому, чтобы они не вырождались, надо тщательно подбирать производителей. В прошлые века их впрягали в колесницы — они были слишком малы, чтобы ездить на них верхом, как делают только в последние три-четыре сотни лет. У кабо рождается по од-

ному жеребенку, но не всегда такому, как надо. Тогда им предстоят долгие тренировки. Так что простые люди не могут этим заниматься. — Она крикнула конюхам: — Оседлайте его!

Гейл, как зачарованный, смотрел на мужчин, удерживавших кабо за ремни. Остальные четверо подняли с земли приспособление из дерева и кожи, которое еще раньше привлекло его внимание. Один из них перебросил через спину кабо свернутое одеяло, двое других водрузили на него непонятную вещь, затянув ремнями под брюхом. Последний пристегнул к кольцам в губах пару кожаных ремешков с цепочками. Конюхи работали точно и слаженно: они явно проделывали все это не одну сотню раз — животное оседлали за каких-то десять секунд.

— Готово, госпожа, — сказал один из них. — Однако имейте в виду: нынче он капризничает и явно не в духе. Позволь мне выбить из него дурь прежде чем вы сядете на него.

— Ладно, — согласилась Шаззад. — Меня сегодня уже опрокинули в грязь, вполне достаточно для одного дня.

Поклонившись, объездчик ухватился за ремень и вставил ногу в петлю, которая свисала с бока кабо, как ступенька. Потом он перебросил через спину животного вторую ногу и уселся верхом. Он подхватил короткие, оканчивающиеся цепочками ремешки; длинные же ремни, проходящие сквозь кольцо в губе, висели свободно. По его знаку все отступили назад.

Сперва кабо затоптался на месте, прядая ушами, потом вдруг встал на дыбы и начал отчаянно брыкаться. Вскоре кабо добился своего и сбросил с седла незадачливого наездника. Тот, перелетев через шею животного, с привычной ловкостью приземлился на четвереньки и сразу же поднялся на ноги.

— Сдается мне, госпожа, сегодня не лучший день, чтобы кататься на Лунном Огне, — заметил он. — Возможно, завтра он успокоится и станет более покладистым.

— Вот досада! — Шаззад надула губы. Сейчас она походила на рассерженную девочку.

— А нельзя ли мне попробовать? — неожиданно попросил, выступая вперед, Гейл. Ему неудержимо захотелось испытать свои силы.

Мужчины расхохотались.

— В конюшне у нас есть пара старых незлобивых меринов, — крикнул тот, что вылетел из седла. — Может, один из них и позволит тебе взобраться ему на спину, парень!

Обернувшись, женщина смерила юношу внимательным оценивающим взглядом. Несколько мгновений, показавшихся ему очень долгими, она молчала, затем промолвила:

— Хорошо, я согласна.

Тот объездчик, что пытался оседлать кабо, возразил:

— Вы шутите, госпожа? Ведь ясно, что этот парень никогда в жизни не ездил верхом!

На лице жрицы появилось упрямое выражение. Затем она улыбнулась:

— Но я так хочу!

Объездчик смутился, но все же не отступал.

— Госпожа, Лунный Огонь еще толком не приручен, это очень опасное животное. Возможно, для тебя будет славным развлечением наблюдать, как этот голый дикарь полетит с него кубарем, но если Лунный Огонь убьет хотя бы одного человека, вся его жизнь будет загублена.

Улыбка исчезла с лица женщины, уголки губ начали подергиваться.

— Лучше не спорь со мной, — проговорила она безразличным, скучающим тоном. — То, что ты свободный человек, не означает, что я не могу спустить с тебя шкуру.

Мужчина поклонился, коснувшись лба костяшками мозолистых пальцев.

— Как пожелаете, госпожа. — Он повернулся к Гейлу: — Иди за мной, мальчуган.

Гейл был настолько взволнован, что даже не обратил внимания на столь оскорбительное обращение. Перед тем как перепрыгнуть через ограду, он воткнул свое копье в землю и повесил перевязь с мечом на столб. Конюхи уже вновь держали кабо под уздцы. Тот дрожал и нервно закатывал глаза.

— Ты, правда, никогда раньше не ездил верхом?

— Это первый кабо, которого я вижу в своей жизни, — признался Гейл.

— Что ж, тогда ты выбрал не худший способ с ней покончить. Ведь можно умереть и под кнутом. Но если собираешься пожить еще немного, постарайся не напрягаться, когда он выбросит тебя из седла — ушибешься не так сильно. Падай, согнув руки и ноги, и если не сможешь сразу же вскочить, попытайся откатиться в сторону. Мы попробуем удержать его, чтобы он хоть не затоптал тебя насмерть.

Они подошли к кабо, и объездчик указал на деревянную ступеньку:

— Это стремя. Ставь в него ногу и вскакивай в седло. — Он похлопал кабо по спине.

— Не так быстро, — возразил Гейл. — Сперва мы должны получше узнать друг друга. — Юноша поднял руку и дотронулся до густых бровей животного, медленно гладя по его морде. Дух кабо оказался столь сильным, что Гейл перестал ощущать все окружающие запахи.

— Осторожней, — сказал державший кабо мужчина, — тварь кусается.

Но животное, напротив, становилось все спокойнее и постепенно перестало дрожать. Гейл заметил, что переменился и мерцающий отсвет его ауры. Юноша похлопал его по морде, и вскоре кабо уже пытался ткнуться носом в его ладонь.

— Вот теперь я попробую на него взобраться, — сказал Гейл.

Объездчик придержал стремя, и он поставил в него ногу. Конюх показал ему, как опираться руками на луку седла, и, согнув ногу, Гейл перенес другую через спину животного, вдев ее в стремя с другой стороны седла. Кожаные поводья он подхватил левой рукой. Никогда еще в жизни он не испытывал столь восхитительного ощущения. Сидеть верхом на прекрасном могучем животном, возвышаясь над всеми остальными людьми! Гейл чувствовал, как мощные легкие животного, подобно мехам, раздуваются под его голенями,

— Для новичка ты неплохо держишься в седле, — заметил старший из конюхов. — Теперь опусти пятки. Вот так. Эти ремешки у тебя в руках — поводья. Когда захочешь, чтобы кабо повернул, потяни их в том направлении и дави на бок коленом с другой стороны. Вообще-то, это все, что тебе надо знать, если бы он был полностью объезжен. Не думал, что ты усидишь в седле так долго... Чтобы послать кабо вперед, ткни пятками в бока. Ну, приступай!

— Я готов! — сказал Гейл. Сердце его бешено колотилось.

Конюхи отстегнули поводья от колец в губах кабо и отошли в сторону. Их широкие ухмылки понемногу стерлись: кабо и не думал метаться или вставать на дыбы, а лишь нетерпеливо гарцевал на месте, будто желая рвануться вперед. Особого недовольства тем, что на его спине восседает наездник, он не выказывал.

Гейл осторожно дотронулся пятками до ребер животного, и кабо рысцой пошел вперед. Юноша неуклюже подпрыгивал в седле, не забывая направлять животное вправо, чтобы оно не врезалось в ограду.

— Расслабь спину и колени, — крикнул ему главный конюх.

Сосредоточенно кивнув, Гейл последовал его совету и вскоре смог приноровиться к аллюру животного. Всем своим телом он ощущал стремление кабо сейчас бежать вперед.

— Откройте ворота! — крикнул он конюхам. Озадаченные, те не двинулись с места.

— Делайте, что он говорит! — приказала Шаззад. Конюхи повиновались и распахнули ворота.

Гейл не размышлял, он инстинктивно чувствовал, что должен делать: отпустил поводья, и кабо плавно рванулся вперед, одним прыжком очутившись за оградой. По лугу, окружавшему загон, он помчался уже галопом. Юношу поразило то, что он и кабо слились в единое целое. Он чувствовал ликование животного, его наслаждение свободой. Это ощущение оказалось для Гейла столь же новым, как и плавание по морю, но куда более захватывающим. Человек и животное действительно слились в одно целое, кабо немедленно откликался на его малейшие желания, и юноше даже не приходилось понукать скакуна.

Он ощущал, как работают могучие мышцы под его ногами. Видимо, дух животного был настолько силен, что оно намеревалось скакать, пока не остановится сердце — если, конечно, Гейл, пожелает этого. Наездник выпрямился в седле, и кабо постепенно замедлил бег, снова переходя на мелкую рысь. Слегка натянув поводья, он откинулся назад — и животное остановилось. Гейл надавил на его бок коленом, и оно стало поворачиваться на месте, описав полный круг. Надавил другим коленом — и кабо завертелся в обратном направлении. Почему его пытались убедить в том, что животным сложно управлять? Скорее всего, подумал Гейл, они настолько не способны понимать духовных побуждений кабо, что могут установить над ним только грубое физическое господство.

Действуя поводьями, он направил Лунного Огня в загон, где, разинув от изумления рты, стояли объездчики и конюхи. Старший конюх посмотрел на него с упреком:

— Почему ты не сказал, что умеешь ездить верхом?

— Потому что это неправда, — ответил Гейл. Он освободил ногу из стремени и соскользнул на землю. Ощутив на внутренней поверхности бедер болезненные ссадины, он слегка поморщился. Похоже, к верховой езде, как и к плаванию по морю, надо сперва привыкнуть. Юноша в последний раз потрепал по морде Лунного Огня. Когда конюхи продели ремни в кольца на его губах, животное опять начало храпеть и брыкаться.

Когда Гейл подошел к Шаззад, глаза ее заблестели.

— Я вижу, ты способен еще не раз удивить меня.

— Ты тоже меня поразила с первого взгляда, — отозвался он, надевая перевязь с мечом. — Но тогда я и вообразить не мог, что узнаю тебя ближе. Это мой первый день в большом городе, и я никогда не был знаком не то что с верховной жрицей, но и вообще с какой-нибудь знатной дамой. На моей родине все по-другому.

— Похоже, ты быстро у нас освоился.

— Мне ничего другого не остается. Я стал изгоем, и вряд ли мне удастся приучить остальной мир к тому образу жизни, к которому я привык дома.

— Разумная мысль. Ты был бы удивлен, узнав, как много людей тратит на это все свои силы. — Женщина посмотрела в сторону загона — туда вывели другого кабо, который вел себя совершенно спокойно. — Что ж, ты успел прокатиться верхом, а мне это еще только предстоит. Увидимся вечером за обедом, и возможно, после этого у нас найдется время побеседовать. — С этими словами Шаззад развернулась и пошла прочь. Гейл поклялся про себя, что наступит день, когда эта женщина не осмелится вести себя с ним столь надменно.

Когда юноша вернулся в свои покои, то больше не думал о гордячке Шаззад. Он все еще был под впечатлением своего первого опыта езды на кабо. Он и предположить не мог, насколько увлекательным окажется это занятие. Он размышлял и о том, как еще можно использовать этих удивительных животных. О чем говорила жрица? Что кабо используют здесь лишь для сражений, охоты и на скачках? Без всякого сомнения, аристократы, которые владеют кабо, просто желают сохранить для себя этих животных. И ему было не совсем понятно, что они подразумевали под понятием «негодные кабо». Негодные для чего?

Очевидно, аристократам не было нужды трудиться, и им просто не приходило в голову использовать своих кабо для каких-либо иных целей, кроме войны или развлечений. А Гейл сразу же подумал, какую пользу они могут принести пастухам. Огромное стадо каггов могли бы пасти всего несколько верховых. Он вспомнил и долгий нелегкий путь, который проделывало его племя, переходя к новым пастбищам. Им приходилось двигаться, приноравливаясь к шагу детей, которых уже нельзя нести на руках. Насколько быстрее был бы путь, если бы люди ехали верхом, используя вьючных животных для перевозки скарба!

Гейл снова прошел в купальню и смыл с тела пот и грязь. Вернувшись, он обнаружил в комнате приготовленную для него новую одежду — тунику из блестящей ткани, пояс, украшенный самоцветами, и сандалии из прекрасно выделанной мягкой кожи. Он начал уже одеваться, но внезапно задумался. Была ли это просто вежливость по отношению к нему, или хозяева дворца желали сделать его похожим на здешних обитателей? Юноша бросил одежду обратно на кровать и снова натянул свою потертую набедренную повязку из шкуры ночного кота. Он не собирался смущать своим видом хозяев, но не хотел и умалять свое достоинство.

Солнце уже почти опустилось к горизонту, когда в комнату к Гейлу зашла рабыня, чтобы пригласить его к столу. Это была женщина с очень темной кожей, почти как у охотников на его родном острове, но с жесткими вьющимися волосами рыжеватого цвета. Юноша потянулся за оружием.

— О, в этом нет нужды, господин! — потупившись, заметила рабыня.

— Я воин, — отрезал Гейл, следуя за ней.

Трапезная дворца освещалась масляными лампами в виде шаров из дутого стекла. Когда юноша вошел, все присутствующие уставились на него, настолько их удивил его непривычный вид. Пашар, сидящий во главе длинного стола, не говоря ни слова, указал Гейлу на свободное место. За каждым из стульев стоял раб, и юноша сел, вручив ему свое оружие. Шаззад сидела прямо напротив него. Глаза женщины блестели от возбуждения.

Пашар представил его прочим гостям. Среди них был купец по имени Шонг, коренастый крепкий мужчина с открытым обветренным лицом. Рядом с Шаззад сидел Марах, посол из Омайи — страны, находящейся на северо-востоке от Неввы. По правую руку от Гейла оказалась жена Мараха, Милета — женщина необычайной красоты, но явно весьма испорченная и распутная. Пышные груди Мелетты вздымались над низки вырезом корсажа так, что виднелись темные полукружия сосков. Сразу было заметно, что она уже выпила немало вина.

Представив Гейла гостям, Пашар обратился к нему:

— Дочь поведала мне невероятную историю о том, что произошло сегодня днем на конюшне. Признаюсь, я с трудом в это поверил, хотя Шаззад и уверяла меня, что ничего не приукрасила.

— О, я непременно должна это услышать! — воскликнула Милета, улыбнувшись Гейлу и одарив его столь призывным взглядом, что тот удивился терпимости ее мужа. На лице Мараха по-прежнему не отражалось ничего, кроме скуки.

— Это было поразительное зрелище! — сказала Шаззад. Все же несколько приукрасив увиденное, она описала присутствующим, как Гейл, несмотря на свою неопытность, легко покорил необъезженного Лунного Огня.

— Чтобы овладеть искусством верховой езды, мне потребовалось немало утомительных уроков, — заметил Пашар. — Ты, и правда, ни разу до сегодняшнего дня не видел кабо?

— Да, правда, но я родом из племени пастухов и всю жизнь провел с животными. Возможно, кабо почувствовал это. — Хотя Гейл и был изгоем, ему не особенно хотелось рассказывать об этом чужеземцам.

— Удивительная история! — воскликнул Пашар. Когда принесли первое блюдо, он завел разговор об экспедиции, которую собирался возглавить Шонг. Этот купец был в душе бродягой и искателем приключений. Он уже успел открыть для Неввы множество областей, с которыми страна теперь вела успешную торговлю. Но поскольку он не мог не думать о выгоде, извлекаемой из подобных предприятий, — а эти путешествия были чрезвычайно дороги, — ему частично оплачивали их из королевской казны. Любые добытые в такой экспедиции материалы или знания были весьма ценными, даже если в торговом отношении она оказывалась не слишком успешной.

— Куда ты намерен двинуться на сей раз? — спросил Пашар.

— На северо-восток, через земли Омайи, в горы, а затем вверх к высокогорной стране Дакос. Эта местность еще совсем не исследована, она известна только охотникам. Уверен, там можно найти немало любопытного.

— С той же вероятностью она может оказаться безжизненной пустыней, — вставила Шаззад.

— Именно это и нужно разузнать, — возразил ее отец. — Король Омайи Оланд милостиво дал нам разрешение пересечь его земли и вернуться обратно тем же путем.

Марах натянуто улыбнулся.

— Наш владыка был счастлив даровать такое разрешение, поскольку его в первую очередь заботят мирные отношения между нашими народами.

Гейл сразу заподозрил, что сердечное содружество двух этих государств помимо доброй воли обусловлено еще какими-то обстоятельствами. Его народ не был настолько наивен, чтобы ничего не знать о фальшивых улыбках и неискренних речах. В конце концов, он имел богатый опыт общения с Гассемом! Но он понимал и то, что все присутствующие считают его слишком невинным, чтобы догадаться об этом. Что ж, в таком случае у него будет перед этими людьми весомое преимущество, которое, возможно еще сослужит ему службу.

— Гейл, — обратился к нему Пашар, — я уже говорил, что намерен предложить тебе участвовать в предприятии, которое кажется мне подходящим для такого храброго юноши, каким мне кажешься ты. Что скажешь об экспедиции купца Шонга? В столь дальнем путешествии необходим опытный умелый воин, а твое искусство обращаться с животными будет особенно ценным. И кроме того, ты можешь оказаться полезен лично мне.

— Я готов согласиться, — сказал Гейл. — Но какая еще от меня может быть польза?

— По возвращении ты дашь отчет о своих впечатлениях. Разные люди по-разному воспринимают одни и те же вещи. Наш почтенный Шонг, в первую очередь, торговец, причем весьма проницательный. Он составит мнение о товарах, которыми можно будет обмениваться с народами, обитающими на вновь открытых землях, разузнает все о местных торговцах, о правилах торговли и пошлинах, если вам встретится цивилизованное государство, о посредниках и чиновниках, с которыми придется иметь дело в будущем. В экспедиции примут участие королевский картограф, а также, возможно, специалист по растениям — для поиска редких и лечебных трав, а также рудознатец, — он сможет обнаружить залежи минералов, о которых местное население и не догадывается. Ты, в свою очередь, сможешь получить полезные знания о жизни диких земель, через которые вы пройдете, об обычаях населяющих их народов. Прежде мы нередко пренебрегали этими сведениями и теперь горько сожалеем об этом.

Гейлу это показалось весьма разумным.

— А как проходят такие экспедиции? — поинтересовался он.

— Когда мы выходим в путь, — пустился в объяснения Шонг, — то навьючиваем на насков те товары, которые, как мы знаем, пользуются спросом во внутренних землях. Если по дороге нам встречаются пустыни, мы обмениваем насков на горбачей. Если местность такова, что исключает использование вьючных животных — как, например, в джунглях южнее Мыса, приходится нанимать носильщиков из местных племен. Путь значительно облегчается, если можно спускаться по реке, это сберегает массу времени. Вообще-то, я не ожидаю особенных результатов от этого путешествия, но все же думаю, что оно должно окупить себя. Скорее всего, нам придется зайти далеко в глубь материка, прежде чем мы встретим реку, которая течет на восток.

— Вы идете пешком? — спросил Гейл.

— Пешком идут погонщики животных и большая часть охранников. Их командиры могут ехать верхом — если, конечно, у них есть кабо.

Гейл взглянул на советника.

— Поскольку я буду твоим личным посланником, не сможешь ли ты предоставить мне кабо для этого путешествия? — без обиняков спросил он.

Пашар широко и, как показалось Гейлу, искренне улыбнулся.

— Я не сомневался, что ты спросишь об этом. Да, думаю, это можно будет устроить. Я позабочусь и об

остальном твоем снаряжении. Тебе понадобится для путешествия много больше, чем меч и копье. Конечно, Лунный Огонь слишком породистое животное, чистокровных кабо никогда не используют для дальних поездок, но в наших стойлах есть несколько меринов, чье время участия в охотах и сражениях уже прошло. Я думаю, ты без труда выберешь себе подходящее животное.

Сердце Гейла отчаянно заколотилось. Конечно, ему очень хотелось еще раз проскакать на Лунном Огне, но он понимал справедливость слов советника. К тому же иметь в своем распоряжении кабо — пусть и не столь породистого — это просто замечательно!

— Разумеется, я не откажусь от столь великодушного предложения. Когда мы выступаем?

— Через восемь-девять дней, — сказал Шонг. — Когда мы доберемся до горных перевалов, они уже будут занесены снегом, и чтобы преодолеть их, нам придется перезимовать у подножия гор. Обратно нужно вернуться прежде, чем их снова завалит снегом.

— Тогда, — обратился к Пашару юноша, — с твоего разрешения, советник, мне бы хотелось провести какое-то время на конюшнях, чтобы знать, как ухаживать за кабо.

Милета улыбнулась, поднимая бокал.

— Ты говоришь, как настоящий пастух, мальчик!

— Приятно слышать, — отозвался Гейл. — У меня на родине нет более достойной похвалы.

Женщина вспыхнула, но всем остальным, включая ее мужа, похоже, пришелся по душе ответ юного дикаря.

— Мои люди, — продолжил Пашар, — окажут тебе в этом деле любую помощь. Каждый достойный уважения человек должен уметь ухаживать за кабо.

После очередной перемены блюд, разговор перешел к другой теме — обсуждали странности поведения некоторых аристократов, чья привязанность к кабо доходила до крайностей. Среди них, ходили слухи, был и принц, наследник королевского престола, который настаивал на том, чтобы самому чистить свои конюшни. Другой царедворец, унаследовавший огромное имение, невероятно гордился тем, что изобрел новую удобную скребницу...

После окончания обеда Пашар проводил своих гостей и каждого одарил ценным подарком. Затем он отвел Гейла в сторону.

— Я желал бы поговорить с тобой прежде, чем мы простимся. Ты славный юноша, Гейл, и поверь, я говорю это отнюдь не для того, чтобы польстить тебе.

— Я верю. Такому человеку, как ты, нет нужды льстить какому-то чужестранцу, у которого нет ни имени, ни богатства.

— Я рад, что ты сам это понимаешь. Сегодня утром ты спас мою дочь, и теперь я перед тобой в долгу. Однако, я ожидал увидеть обычного расчетливого провинциала, расплатиться с ним и забыть обо всей этой истории. Однако, познакомившись с тобой поближе, я увидел, что ты совсем иной человек. Еще больше я убедился в этом днем в конюшне. Ну, а вечером, когда ты на равных общался с людьми, которые могли ввергнуть в трепет даже куда более искушенных и знатных особ... Надеюсь, тебя не обидят мои слова...

— Я все понимаю, — заверил его Гейл.

— Особенно я оценил то, как ты держался с этой шлюхой Милеттой... Впрочем, речь не об этом. — За разговором они вышли на террасу. Стражи при виде своего господина взяли на караул. — Кстати, я заметил, что ты до сих пор одеваешься так, как принято у тебя в племени. Возможно, кто-то и усмотрел бы в этом нарушение приличий, но я тебя понимаю.

— Я не желал никого оскорбить...

— Еще бы, — нетерпеливо перебил его Пашар, — речь не об этом. Я вижу, друг мой, что ты наделен недюжинными способностями, однако не рассчитывай, будто они помогут тебе возвыситься среди нас. Я уже говорил, что у меня есть личные причины, чтобы отправить тебя с экспедицией Шонга. Но самое главное из них — это чтобы ты как можно скорее покинул Кассин. Тебя удивляют мои слова?

У Гейла словно отнялся язык, и он корил себя за столь недостойное замешательство, однако, Пашар, похоже, принял это как должное.

— Удивляться нечему. Я не сомневаюсь, что среди нас ты быстро добился бы успеха. Однако, твое падение оказалось бы столь же стремительным и неизбежным. Для того, чтобы удержаться наверху, мало отваги, ума и особых талантов. Прежде всего для этого требуется житейский опыт, которого ты напрочь лишен. Множество даровитых юношей сгубила столица... Опыта ты наберешься в экспедиции Шонга. А вот тогда вернешься уже зрелым мужчиной. Если уцелеешь, разумеется. Однако, я верю в тебя, и верю в то, что после возвращения тебя ждет истинный успех.

Гейл так и не нашел слов для ответа. Похоже, правитель был искренен с ним, и он прав: Гейл был напрочь лишен опыта жизни в цивилизованном обществе. В смятенных чувствах попрощавшись с Пашаром, он отправился в отведенные ему покои.

Ему казалось, что этот необычайно длинный и пол-

ный событиями день, наконец, подошел к концу, но оказалось, что это не так. У дверей комнаты его встретила рабыня, которую он не видел раньше. Кажется, она принадлежала к тому же племени, что и девушка, игравшая на арфе.

— Госпожа Шаззад желает видеть тебя, — промолвила она.

Подобно всем рабам девушка не поднимала глаз, но Гейл все же заметил, что они серого цвета.

— Ты проводишь меня? — спросил он.

При одной мысли о том, что его ждет новая встреча с Шаззад, прежняя усталость мгновенно исчезла, сменившись яростным возбуждением. Тем не менее, Гейл напомнил себе о необходимости соблюдать осторожность.

Залы и коридоры дворца освещали факелы и масляные лампы. Поблизости стояли рабы, призванные следить за фитилями и маслом в светильниках. Благовония, курившиеся в небольших жаровнях, наполняли воздух томительным ароматом, который, к тому же, отпугивал ночных насекомых.

В комнате, куда привела его рабыня, горело не меньше дюжины свечей. Покои оказались раз в десять просторнее тех, что отвели самому Гейлу. Стены здесь были задрапированы роскошными тканями, а на полу во множестве лежали мягкие подушки.

Внезапно внимание юноши привлекло странное изваяние величиной в четверть человеческого роста. Он пригляделся повнимательнее и увидел, что здесь изображены мужчина и женщина, слившиеся в тесном объятии. Их лица были искажены страстью, но, возможно, и болью.

— Это бог Полумва и богиня Риони создают мир, — раздался голос из-за спины. Гейл обернулся и обнаружил в дверях комнаты Шаззад. Сейчас на ней было платье из столь тонкой ткани, что, казалось, не плотнее туманной дымки, просвеченной огоньками свечей. — Как видишь, боги в этом мало чем отличаются от простых смертных.

— Не уверен, — протянул Гейл, вновь взглянув на статую. — Боги кажутся мне куда более гибкими, чем обычные люди.

— О, нет, — засмеялась Шаззад. — Многие последователи культа Полумвы и Риони используют эту позу, хотя она и правда требует долгих предварительных упражнений. Чаще всего их выполняют не парами, а целой группой.

— Мне почему-то казалось, что ты — жрица бога грозы...

— Это лишь поскольку мой отец занимает в обществе высокое положение. — Женщина подошла ближе. Теперь Гейлу были видны темные пятна сосков и лоно сквозь полупрозрачные одеяние. Это зрелище показалось ему невероятно возбуждающим, — на что, должно быть, и рассчитывала

женщина. — Будучи одной из знатных дам, которым дозволено появляться на людях, я являюсь разом жрицей многих культов.

— К примеру, вот этого? — поинтересовался Гейл, указывая на изваяние.

— Увы, нет. Эта секта запрещена почти повсеместно. — Шаззад не скрывала досады. — Подобное совокупление — лишь один из самых простых и невинных ее обрядов.

— Мне говорили, — промолвил Гейл, — что существуют боги, которым запрещено поклоняться.

— О, да, их множество, — подтвердила Шаззад. — Большинству смертных недостает полета духа, чтобы вникнуть в сокровенные тайны. Но запретные вещи таят в себе особый соблазн. — В глазах у жрицы вспыхнул странный огонь.

— Однажды я преступил запрет, — возразил Гейл. — И мне еще повезло, что меня приговорили лишь к вечному изгнанию... А могли приговорить и к смерти.

— Поведай мне об этом! — хриплым шепотом велела Шаззад. Теперь она стояла так близко, что Гейл ощущал жар ее тела.

— Сомневаюсь, что это покажется тебе интересным, — столь же негромко возразил он.

У него внезапно перехватило голос. Похоже, пора было от слов перейти к делу. Гейл обхватил женщину за талию настолько тонкую, что кончики его мизинцев почти соприкасались у нее на пояснице, а большие пальцы — в углублении пупка. Он привлек ее к себе. Ладони Шаззад скользнули по его плечам, и она прижалась к его рту влажными горячими устами.

Их языки переплелись, и огненная волна пробежала по телу Гейла, приливая к чреслам. Это ощущение было столь же мощным и всепоглощающим, как то, что он ощутил во время укрощения кабо.

Женщина вдруг прервала поцелуй и, прерывисто дыша, откинула голову назад. Дрожащими пальцами она расстегнула пряжку на плече, и тончайшее одеяние соскользнуло на пол. Лишь несколько мгновений Гейлу дано было полюбоваться совершенными изгибами ее стройного тела, — и тут же Шаззад настойчиво потянула за пояс, удерживавший на бедрах повязку из шкуры ночного кота. Нетерпеливые стоны женщины возбуждали все чувства Гейла.

Он вновь пригнул ее к себе и, склонив голову, принялся целовать отвердевшие от возбуждения соски, тогда как Шаззад пальцами ласкала его мужское достоинство.

Затем женщина вновь обвила шею Гейла руками.

 — Подними меня, — воскликнула она.

Гейл повиновался, и Шаззад телом принялась тереться о его живот и безволосую грудь. Ногами она обхватила его за бедра и, опустив одну руку, сжала в ладони мужское естество Гейла, с криком боли и наслаждения направив его в себя.

Шаззад судорожно впивалась пальцами в ягодицы Гейла, не замедляя ритмичных движений все то время, что он нес ее к сваленным грудой подушкам. Там шессин упал на колени, придавив женщину всей тяжестью своего тела. Та откинула голову с лицом, искаженным от страсти. Она выкрикивала какие-то слова на непонятном языке, скребла острыми ногтями спину и ягодицы Гейла, приводя его в еще пущее возбуждение. Все, о чем он мечтал, это как можно скорее довести их безумную схватку до пика высшего наслаждения.

В тот самый миг, когда Гейл был уверен, что не в силах больше этого выдержать и вот-вот умрет от невыносимого блаженства, Шаззад гортанным голосом выкрикнула какую-то фразу, — Гейлу послышалось, будто с ее уст сорвалось имя бога Полумвы, затем Шаззад потянулась к тому месту, где соединялись их тела, и пальцами проведя по основанию мужского естества юноши, с силой сжала его ядра. Непереносимое наслаждение захлестнуло Гейла огненной волной. Ему казалось, будто вся мощь его тела собралась в чреслах, а затем выплеснулась в лоно женщины столь мощным потоком, что, казалось, ни он, ни она не смогут этого вынести.

Когда Гейл пришел в себя, комнату освещала единственная мерцавшая свеча. Шаззад исчезла бесследно, однако в воздухе по-прежнему витал острый аромат ее тела. С трудом собравшись с силами, Гейл на ощупь отыскал в полумраке свою одежду и перевязь с мечом, после чего, шатаясь от слабости, добрался до отведенных ему покоев. У него было такое ощущение, словно некий дух поглотил всю его молодую силу, оставив от юноши лишь пустую телесную оболочку.

И все же его не оставляло желание как можно скорее вновь испытать это ни с чем не сравнимое удовольствие.

Глава восьмая

Гейл старательно чистил своего кабо, проводя скребницей вдоль шерсти животного, ставшей густой и длинной в преддверии зимы. Ухаживать за кабо оказалось куда приятнее, чем за каггами, поскольку стадные животные всегда держались вместе и было трудно испытывать привязанность к какому-то одному из них. Кабо же, напротив, все были очень разными.

Верховые животные, отданные в распоряжение Гейла, оказались куда более смирными, чем Лунное Пламя. И все же в них чувствовалась своя скрытая сила. Порой молодому воину казалось, что куда проще иметь дело именно с кабо, нежели с обитателями этого города, и лишь у считанных конюхов, ходивших за кабо, юноша заметил нечто похожее на то чувство взаимопонимания, которое возникло у него самого с этими животными. Как ни странно, люди эти в точности как и он сам, оказались родом из далеких краев.

Молодому человеку не терпелось поскорее отправиться в путь. Дальние страны манили его, но одновременно не хотелось и покидать город.

С другой стороны, и сам дворец Пашара, и весь город казались ему полными скрытых опасностей. Среди тех, кто дружелюбно улыбался юноше, Гейлу то и дело мерещились враги. Это не было вызвано простым страхом дикаря по отношению к цивилизации. Почти каждый день какие-то незнакомцы под случайным предлогом заговаривали с Гейлом, пытаясь что-нибудь выведать о хозяине дворца или о его дочери. То и дело в разговоре слышались тонкие намеки на то, что за интересующие их сведения они готовы хорошо заплатить. Разумеется, Гейлу и впрямь не доставало житейского опыта, но глупцом он не был, и всякий раз давал дерзким незнакомцам достойный отпор. Об этом он поведал Молку, когда они повстречались в одной из портовых таверн.

— Послушай доброго совета, парень, и как можно скорее уноси ноги из этого проклятого богами города! — сказал ему мореход. Он не скрывал своей тревоги.

— Но кто они такие, эти люди? — недоумевал Гейл.

Подняв руку, Молк принялся перечислять, загибая

 пальцы:

— Прежде всего, это могут быть враги Пашара, которые ищут свидетельств его измены, чтобы донести королю. К примеру, им было бы любопытно узнать, если он принимал за обедом посланца Омайи. С другой стороны, это могут быть королевские соглядатаи, которые следят за Пашаром по долгу службы. Ну, и наконец, его собственные люди, которым хозяин поручил проверить, не являешься ли ты шпионом, подосланным его противниками или даже самим королем. Пашару вполне могло показаться подозрительным, что человек, так хорошо смыслящий в повадках кагг, оказался перед храмом именно в тот миг, когда возникла угроза жизни его дочери. Он вполне мог прийти к выводу, что подобное совпадение подстроить совсем нетрудно: один из храмовых служек незаметно колет чем-то острым непокорное ездовое животное, а молодой красавец варвар бросается вперед на выручку прелестной жрице. Согласись, у него могли быть основания для таких подозрений. И, кстати, уверен ли ты, что допрос храмовых служителей, имевших в тот день дело с жертвенными животными, допросили как следует.

— Никак не могу привыкнуть к мысли, что на свете так много подлецов и обманщиков, — промолвил Гейл.

— А ведь это только одна из опасностей, — невозмутимо отозвался Молк. — Люди, досаждавшие тебе пустыми разговорами, вызвали твои подозрения, но ведь куда более опасны другие, те, что действуют исподтишка. Рабы, убирающие твои покои, конюхи, стражники, стоящие у дверей подобно безмолвным изваяниям, — все они вполне могут быть соглядатаями. Причем, никому доподлинно неизвестно, на кого они работают. Так что уезжай побыстрее, Гейл.

— Конечно, я последую твоему совету, — пообещал юноша, поднимая кружку с крепким пивом — излюбленным напитком мореходов.

Лишь о Шаззад он ничего не сказал своему приятелю, — а именно это и было единственной причиной, почему он не стремился к скорейшему отъезду. Гейл со жрицей проводили вместе каждую ночь, и у него подгибались ноги при одном лишь воспоминании об этих часах безумия. Шаззад была одних лет с Гейлом, но оказалась чрезвычайно искушенной в искусстве любви, и многому смогла обучить юношу. С ее помощью он постиг все тонкости любовных игр, и ему казалось, что Шаззад превратила их тела в единый инструмент наслаждения, столь острого и изощренного, что порой этому удовольствию Гейл предпочел бы любую муку.

Вот почему в глубине души молодого воина затаилась тревога. Он не мог не замечать, что наслаждение, ко-

торое получала жрица от слияния их тел, для нее было скорее обрядом, не затрагивавшим истинных чувств. Даже в те мгновения, когда Шаззад, казалось, без остатка растворялась в накале страсти, она продолжала шептать на неведомом языке какие-то ритмичные фразы, напоминавшие заклинания или молитвы. Гейл не знал, было ли это колдовство или некий запретный религиозный обряд, и все же всякий раз ему делалось не по себе. Тем не менее, перспектива лишиться этих ощущений неописуемых в своем великолепии, казалась ему столь же невыносимой, что и возможность навсегда остаться во дворце советника Пашара.

Внезапно чей-то голос отвлек юношу от мрачных мыслей, и он обрадованно оглянулся на зов.

— Иди сюда, Гейл!

Это был торговец Шонг.

Потрепав кабо по спине, Гейл положил скребницу в ящик с инструментами у дверей. Выйдя во двор конюшни, он подхватил копье, воткнутое в землю справа у дверей, и жестом поприветствовал своего будущего командира.

Шонг растянул губы в усмешке.

— Не будь при тебе этой зубочистки, я бы тебя не узнал!

У Гейла на поясе, как всегда, висел длинный меч. Конечно, с оружием ухаживать за животными было не слишком удобно, однако истинный воин никогда не должен расставаться с клинком.

— Это не самая худшая примета! — возразил молодой человек, любовно поглаживая изукрашенные ножны.

Шонг пришелся ему по душе с первого дня. Однако, ему понадобилось время, чтобы завоевать доверие торговца. Тот слишком привык, что в экспедиции зачастую включают каких-нибудь придворных бездельников или проштрафившихся сыновей благородных семейств. Таким образом их лишь пытаются на время убрать из города... Однако, со временем Гейл сумел доказать Шонгу, что он не только превосходно владеет оружием, но и мастерски умеет обращаться с любыми животными. Шонг не поленился также увидеться с Молком, которого в подробностях расспросил о необычном юноше, после чего окончательно удостоверился, что перед ним не какой-то засланный в отряд соглядатай. Впрочем, к тому времени купец и сам сообразил, что Гейл не станет обременять его, подобно каким-то придворным болванам... Сейчас между ними установились вполне доверительные отношения.

— Завтра на рассвете с третьим ударом гонга мы покидаем город, — объявил торговец. — Ты должен быть у Лунных Ворот со всем снаряжением. Если опоздаешь, ждать те-

бя никто не станет. Либо догоняй, либо оставайся здесь — дело твое.

— Я буду вовремя, — заверил его Гейл.

— Вот и отлично. А теперь возвращайся к себе... Полагаю, тебя там ждет приятный сюрприз. Насколько я понял, господин Пашар очень щедро снарядил тебя в дорогу.

Юноша в недоумении направился вверх по холму ко дворцу и во дворике перед своей комнатой обнаружил груду предметов, от вида которых у него перехватило дыхание. Седло из хорошо выделанной кожи, одежда на любую погоду, высокие сапоги, одеяла, связанные из шерсти квила, разборная палатка из плотной ткани. Действительно, было от чего прийти в восторг!

— Мало кто выступает в поход со столь отличным снаряжением, — услышал он за спиной голос подошедшего Шонга.

Гейл, однако, испытывал смешанные чувства. До сегодняшнего дня он никогда не имел никакой собственности, кроме оружия.

— Но как же мне все это унести? — спросил он.

— Тебе не придется нести поклажу на себе, для этого есть наски.

По мудрому совету Шонга, юноша приказал слугам заранее отнести снаряжение к Лунным воротам. Закончив все приготовления к отъезду, Гейл решил, что разумнее переночевать вместе со всеми на месте общего сбора. Он хотел попрощаться с Пашаром, но советник пребывал в резиденции короля и должен был вернуться не раньше, чем через несколько дней.

Гейл отправился к Шаззад. Он застал девушку перед зеркалом. Трое служанок суетились, укладывая волосы жрицы в сложную прическу. Рядом стоял манекен, с развешенным на нем изысканным платьем, дополняли наряд драгоценности и непонятные ритуальные предметы.

— Привет тебе, Гейл, — проронила Шаззад рассеянно, не отрывая взгляда от зеркала. — Я сейчас занята. Этим вечером я должна исполнить первый ритуал, посвященный сбору урожая. Богиня очень требовательно относится к выбору наряда и прически. Мы не могли бы поговорить с тобой завтра?

— Завтра я уеду. Экспедиция выступает в путь рано утром.

— Правда? Так скоро? Ну, что ж, ты ведь рано или поздно вернешься.

Гейл и не ожидал, что женщина будет сильно горевать, он не был столь наивен, но все же надеялся на менее равнодушный прием.

— Ты так в этом уверена? Я могу и погибнуть.

— Конечно, можешь. Но если останешься в живых, то непременно вернешься ко мне. — Шаззад ни на миг не прекратила своего занятия — с помощью тонкой кисточки она подводила черной краской глаза.

— А в том, что ты сама ко мне не переменишься, ты тоже уверена? — с неожиданной требовательностью спросил юноша.

Шаззад перевела взгляд на Гейла. На ее губах блуждала странная улыбка.

— Конечно. К тому же, я наложила на тебя чары. Твоя судьба предопределена, и моя — тоже. Они тесно связаны между собой, и с этим уже ничего не поделать. Хочешь ты того или нет, ты вернешься ко мне.

Ее самоуверенность выводила Гейла из себя. Он никогда не мог понять, говорила Шаззад серьезно или же смеялась над ним. И он злился, что она обращалась с ним подобным образом в присутствии других. Конечно, юноша понимал, что жрица не считает прислужниц за людей — для нее рабы были лишь одушевленными предметами. И, взглянув на служанок, он заметил, что те смотрят на Шаззад со страхом.

Ночью городе царила тишина, однако еще до рассвета в лагере началась суета — погонщики нагружали вьючных животных, собирали мусор и сжигали его в горевших всю ночь кострах. Прохладный утренний воздух напоминал о том, что жаркие летние дни уже миновали. В портовом Касине никогда не бывало по-настоящему холодно, но на возвышенностях, куда они собирались отправиться, климат был совсем иной. Там они столкнутся с суровой зимой.

Сторож на воротах ударил в гонг, заметив, что небо на востоке начинает бледнеть. Последние тюки уже крепко привязали к спинам насков. Через несколько минут раздался второй удар, к этому времени были закреплены ремни и подпруги, а те, кто собирался ехать верхом, вскочили в седла. Третий удар прозвучал, когда начальник стражи смог разглядеть первый верстовой столб, который на этом расстоянии выглядел крохотной белой щепкой. Массивные ворота, створки которых толкали тянущие заунывную песню рабы, стали приоткрываться. Шонг подъехал к голове колонны. Гейлу не терпелось двинуться в путь, он испытывал необъяснимый восторг, сидя в седле с притороченным к нему длинным кожаным чехлом, в котором хранил копье. Но пока все ждали сигнала Шонга. Командир экспедиции объехал колонну кругом, проверяя, все ли в порядке. Вполне удовлетворенный, он снова направился к стоящим впереди всадникам. Ворота полностью распахнулись, Шонг вскинул руку и рванул по-

водья. Погонщики во весь голос затянули песню, в которой просили благословения у бога, и всадники послали вперед своих скакунов.

Гейл пустил кабо рысцой, но тщательно следил за тем, чтобы не обогнать Шонга. Миновав массивный свод ворот, всадники выехали на равнину. Там стояли несколько караванов, прибывшие вчера к городским стенам после закрытия ворот. Селяне везли в город на продажу продукты и скот. Откуда-то доносилась песня одинокой флейты.

Юноша испытывал сложные чувства, покидая город, но первый глоток воздуха за городскими стенами принес с собой запах свободы. Гейла манили обширные пространства материка, он страстно желал увидеть как можно больше новых земель.

Кабо, на котором ехал юноша, носил имя Верный. Это имя подходило животному, но Гейл знал, что кабо не воспринимают кличек, данных им людьми, и не откликаются на них. Верный был крепким, надежным животным, прекрасно подходящим для дальнего путешествия.

Наски крупной породы, что выращивались на Островах, с ниспадающими на шею и плечи косматыми белыми гривами, неторопливо вышагивали, обремененные тяжелой поклажей. Их погонщиками были темнокожие мужчины, единственная одежда которых состояла из обернутого вокруг талии и доходящего до колен куска белой ткани. В ушах болтались большие кольца из медной проволоки, а передние зубы у всех оказались выбиты, что видимо, являлось частью какого-то жестокого ритуала, присущего этому племени. Гейлу рассказали, что народ этот обитает в пустынных землях, на юго-востоке от Неввы. Также его предупредили, что керрилы — грубые и жестокие люди, и он легко этому поверил. Вожака погонщиков, высокого человека с курчавыми волосами звали Агах. У него не хватало двух пальцев на руке и мочкуи уха, а лицо и тело покрывали бесчисленные шрамы.

Мощеная дорога шла до первого верстового столба, затем потянулся плотно утрамбованный тракт. Ежедневные дожди не давали подниматься над дорогой клубам пыли. По сторонам простирались обширные пастбища и плотно засаженные земельные наделы.

Стебли злаков клонились под весом почти созревших колосьев — через пару дней должен был начаться сбор урожая. Около каждого поля Гейл видел курящиеся дымки над крохотными святилищами. Раздумывая, кого можно расспросить об этом поподробнее, юноша, обернувшись, заметил рядом с собой Шаулу, королевского картографа.

— Это молельни богов воздуха и дождя, а также бога грозы, — ответил тот на вопрос Гейла. — Сейчас земледельцы больше всего нуждаются в том, чтобы ненадолго вернулась хорошая летняя погода. За шесть дней без дождя можно успеть полностью собрать и убрать в закрома весь урожай. В некоторые годы большая часть урожая погибает из-за того, что во время сбора льют дожди. Иногда он пропадает полностью. В последнее время это случается значительно чаще, чем сотню лет назад.

— Почему так? — поинтересовался Гейл. — Если урожай зависит от воли богов, неужели всех этих обрядов и жертвоприношений недостаточно, чтобы обеспечить хорошую погоду?

— Казалось бы, да, но ведь у богов может поменяться мнение... или их нужды. А иногда бывает, что один бог подчиняет себе другого. Или, — Шаула оглянулся вокруг, проверяя, не подслушивает ли кто их разговор, — может случиться, что боги сами ничего не в силах с этим поделать.

Гейл почесал своего кабо за ушами. Животное довольно зафыркало.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... — Шаула снова с опаской заозирался. — Ты не видишь где-нибудь поблизости этого болвана Гелпаса? Он обучается в жреческой школе и не выносит сомнительных разговоров на религиозные темы... — Убедившись, что Гелпас, который должен был присоединиться в Омайе к невванскому посольству, находится вне пределов слышимости, он продолжал: — Многие из нас считают, что мир, вообще, мало интересует богов. Или же не интересует вообще. Он существует по собственным законам, которые невозможно изменить никакими молитвами или жертвоприношениями. Посмотри. — Картограф вытащил из бороды своего кабо тонкую веточку и подбросил ее в воздух. — Видишь?

— Что именно? Она упала, — сказал Гейл, ожидая объяснений.

— Верно, упала. Подброшенные вверх предметы всегда падают, если их ничто не удерживает. Упадет даже легчайшая пушинка, если ее не будет гнать ветерок. И никакой воли богов здесь не требуется. Это закон природы. Разве ты можешь предположить, что где-то существует бог, который только тем и занимается, что заставляет предметы падать? Глупо, верно?

Подобные мысли раньше не приходили Гейлу на ум. Вещи и явления просто существовали, он никогда не задумывался об этом.

— То есть погода подчиняется законам, которые столь же неизменны?

— И погода, и многие иные явления. На самом деле, таким законам подчиняется почти все, если только не вмешается человек. Вообще-то, когда излагаешь подобные мысли, нужно быть крайне осторожным. В таком большом городе, как Касин, конечно, есть множество мыслителей, имеющих возможность свободно высказывать свои идеи, хотя кое-кто из жрецов и выступает против этого. Но во внутренних землях люди могут оказаться столь богобоязненными, что просто убьют того, кто провозгласит не совпадающую с их верованиями мысль. Особенно опасны в этом смысле примитивные народы, где власть правителей основывается на предполагаемом благоволении богов. Если ты при них станешь болтать о чем-то подобном, тебя могут предать жестокой казни.

— Я это запомню, — сказал Гейл.

Понемногу Гейл все лучше начал разбираться в жизни материка. Он спрашивал о возделываемых землях, где они проезжали и которые столь разительно отличались от небольших участков земли при селениях на его родном Острове. Шаула оказался неистощимым источником интереснейших сведений. Когда он воодушевлялся темой беседы, остановить его было столь же трудно, как бьющий из-под земли родник.

— Разумеется, это не такие крохотные участки, которые обрабатывают семьи крестьян, — объявил картограф. — Наши земли называются плантациями. Крупный землевладелец может быть хозяином имения, чьи границы не объедешь и за пару дней. Некоторые плантации сдают в аренду крестьянам, на других трудятся рабы.

— А откуда берутся рабы? — спросил Гейл.

— Некоторые становятся ими с рождения. Еще во время войны в рабство обращают захваченных пленников. Крупные войны означают обилие дешевых рабов. Предприимчивый человек может скупить в такое время земли у обедневших крестьян и отправить на них огромное количество рабов. Это очень выгодно и может принести ему большое богатство.

— Если, конечно, его страна выиграет войну, — уточнил юноша.

Шаула беззаботно махнул рукой.

— Неважно, кто победит —так или иначе кто-то окажется в выигрыше.

Окончился первый день пути. На закате путники разбили лагерь у ручейка, близ маленькой деревушки,. По привычке, оставшейся со времен его пастушества, Гейл поднялся на небольшую возвышенность и оглядел суетящихся внизу людей. Кое-кто посмеялся над его попыткой заступить в караул, ведь до границ Неввы оставалось еще несколько дней пу-

ти, однако юноша считал, что имеет смысл уже сейчас установить постоянную охрану. К тому же, он хотел побыть в одиночестве, как в те дни, когда он следил за каггами своего племени. На него обрушилось столько новых впечатлений, что необходимо было разобраться в своих ощущениях.

Кроме того, в душе Гейл сознавал для себя некое высокое предназначение. Зачем и для чего именно его избрали боги, пока было непонятно, но внутренний голос твердил, что все полученные знания немало пригодятся ему в будущем.

Первый этап пути проходил без особой спешки: люди и животные должны были постепенно привыкнуть к условиям похода, и Гейла это устраивало. Разумеется, его бы не утомил и более жесткий распорядок, но все же к концу первого дня езды верхом он чувствовал себя как после обряда обрезания, хотя болело немного в другом месте. Более опытные наездники потешались над его неприспособленностью куда злее, чем моряки, когда он страдал поначалу от морской болезни. Так уж, наверное, устроен мир, думал Гейл, что люди, привыкшие к своей сложной и тяжелой работе, испытывают удовольствие, наблюдая за мучениями новичка. Он стойко перенес неприятные ощущения и пришел к выводу, что мучительна не сама боль, а унижение, которое при этом испытываешь. Гейл привязал и вычистил своего кабо и, стараясь не хромать, направился к лагерному костру.

Уде на четвертый день его страдания прекратились. Караван как раз достиг границ Неввы. Местность медленно, но неуклонно поднималась, и фермы, ранее одна за другой тянувшиеся вдоль дороги, теперь встречались значительно реже. Вокруг расстилались холмистые луга и кроме больших стад каггов и других домашних животных теперь можно было видеть и диких зверей, которые редко встречались около больших городов.

Теперь уже Шонг установил ночные дежурства и порядок несения караулов. На таком удалении от столицы законы выполнялись не столь неукоснительно, и встреча с разбойничьей шайкой не была здесь редкостью. По другую сторону границы опасность еще более возрастала. В Омайе не существовало централизованной власти, как в Невве. На этих землях правили многочисленные мелкие князьки, и вооруженные патрули встречались нечасто. Гейл надеялся, что теперь сможет проявить свое воинское искусством и полностью оправдает участие в экспедиции.

Поначалу Гейл недоумевал, как они будут добывать в дороге пропитание, потому что небольшого количества провизии, что они взяли с собой, было явно недостаточ-

но для людей, отправившихся в долгий утомительный путь. Однако его беспокойство оказалось напрасным. На каждой стоянке к каравану подходили местные селяне и предлагали на обмен продукты, так что у них всегда было в изобилие мясо, молоко, сыр, свежие фрукты и зелень. А если поблизости находился постоялый двор, то к ним обязательно подъезжала запряженная насками телега, в которой привозили кувшины с вином и элем. Своими походными запасами им пользоваться почти не приходилось.

— Похоже, дорога будет не такой уж и тяжелой, — заметил Гейл Шонгу, обгладывая сочное мясо с ребра каггa.

Торговец мрачно усмехнулся.

— Погоди радоваться. Пока мы идем по плодородным, населенным землям, а сейчас как раз то время года, когда здесь все в изобилии. Но скоро мы достигнем гор. Там бывает, что люди бредут, оставляя на снегу кровавые следы, а получить питьевую воду можно лишь растопив снег. Но если с другой стороны гор находится пустыня, положение станет и того хуже. Тогда ты будешь безмерно счастлив, если голодную смерть отодвинет горстка сушеных фруктов.

— Верно, путешествие требует умения выживать в любых условиях, — согласился Гейл. — Когда я был ребенком, случилось так, что за год не выпало ни одного дождя и суховей губил наши земли. А на следующий год кагг поразил желудочный мор. Ослабленные голодом, вызванным засухой, они умирали, как мухи. И люди тоже.

— Вот и славно, — проворчал Шонг. — То есть, конечно, не то славно, что твой народ умирал, а то, что ты знаешь, что такое голод. Некоторые горожане не имеют ни малейшего представления о мире, который простирается за крепостными стенами. Я уверен, они сразу же слопают свои пайки, а потом их хватит только на то, чтобы непрерывно жаловаться. Поверь, эти люди беспокоят меня куда больше, чем нападение разбойников.

— Разве так трудно избавиться от тех, кто тебе не подходит? — удивился Гейл.

— Увы, это не в моих силах! — Шонг возвел очи горе. — Будь это кто из погонщиков, еще полбеды. С ними справиться не так уж трудно — угрозой изгнания из отряда, хлыстом или, в крайнем случае, мечом. Но самыми никчемными чаще всего оказываются касинские хлыщи.

Он неприязненно покосился в сторону костра, у которого собралась кучка подвыпивших торговцев и чиновников. Среди них были картограф Шаула, жрец и посол Гелпас, а также врачеватель по имени Тувас.

— Ты говоришь и о Шауле тоже? — удивился Гейл, который в душе надеялся на отрицательный ответ: этот человек юноше нравился.

— Нет, не о нем, — Шонг стряхнул крошки с колен. — Я не первый раз путешествую с Шаулой. Он может доставлять хлопоты окружающим лишь своей увлеченностью работой: то позабудет о еде, то отморозит пальцы, вырисовывая свои карты. Настоящие неприятности причиняют типы вроде Гелпаса, донельзя избалованные и изнеженные, а в придачу еще тупые и упрямые. И другие, которые учились торговать только в своих конторах — от них нет никакой пользы, когда ищешь новые товары и новые рынки.

Поначалу в пути не возникало особых проблем, и Гейл наслаждался обилием новых впечатлений. Он настолько привык ездить верхом, что невольно гадал, сможет ли теперь путешествовать пешком.

Возделанные поля остались позади, а окружающая местность стала дикой и прекрасной. И вот показались горы, их вершины, устремленные ввысь, покрывал снег. Юноша решил, что они достигают неба. Однако спутники заверили Гейла, что по сравнению с хребтом, который они увидят через пару дней пути, эти покажутся ему просто холмами.

Здесь, на природе, Гейл снова ощутил свою связь с духовной силой живых существ и почувствовал огромное облегчение: ведь ему показалось, что он утратил эту способность в мертвом пространстве большого города. Конечно, жизнь в предгорьях не была ему столь понятна, как на его родном Острове. Все-таки он был рожден не в этих местах. Вокруг, куда ни кинь взгляд, паслись стада спиралерогов и ветвирогов, туну и других животных, названий которых Гейл не знал. Появились и хищники, и пожиратели падали, всегда идущие за стадами травоядных животных.

В этих краях они встретили народ, кочевавший вслед за своими стадами. Животные напоминали полудиких каггов, правда меньших размеров, чем у шессинов, но зато более диких и зловонных.

На границе с Омайей обнаружилась маленькая крепость. Ее верхняя часть была надстроена из строевого леса над более старым сооружением, сделанным из прекрасно обработанного камня. На ветру слабо полоскалось знамя Омайи. Стоящие на зубчатой стене солдаты, опираясь на копья, провожали караван скучающими взглядами. Гейл поежился при мысли, что и его могла ожидать подобная участь, — а сейчас он сжимает коленями бока прекрасного кабо, и перед ним расстилается огромный мир...

Время от времени юноша пытался завязать разговор с погонщиками насков, но те оказались слишком замкнутыми и туповатыми людьми, не интересующимися ничем, кроме собственных потребностей. Агах, вожак керрилов, не сказал Гейлу ни одного грубого слова, но юноша не раз ловил на себе его надменный лукавый взгляд. Керрилы были известны как народ вороватый и разбойный, их мужчины ни на миг не расставались с заткнутыми за пояс короткими кривыми мечами. Но Гейл быстро понял, почему остальные готовы мириться с неуживчивым характером керрилов: они, как никто другой, умели обращаться с упрямыми буйными насками. Юноша подозревал, что эти люди используют какую-то магию для приручения животных.

Наски взирали на мир сквозь нелепо торчащие космы, которые почти закрывали их маленькие красные глазки. Они, казалось, сознавали собственное безобразие и были полны решимости заставить заплатить за это весь остальной мир. Однако керрилам удавалось добиться от непокорных тварей абсолютного послушания. Они могли монотонным пением заставить животных стоять спокойно, пока на них навьючивали груз, и вынудить двигаться быстрее ударами гибких прутьев, причем наски не лягали и не кусали своих погонщиков. Гейл уже успел различить несколько мысленных команд, при помощи которых керрилы управляли животными, и конечно же хотел бы узнать побольше. Однако догадайся об этом подозрительные керрилы, они бы просто не подпустили чужеземца к своим наскам.

Некоторое время караван шел вдоль русла реки, в основном протекавшей далеко на северо-востоке, за пределами Омайи, на землях которой она сильно расширялась за счет впадения бурных горных речек.

Река выглядела спокойной, но Шонг объяснил, что она слишком быстрая и мелкая для судоходства. Правда, в низовьях можно было плыть на плотах и лодках с низкой осадкой. Гейл видел на реке несколько плоскодонок, гребцы на них с огромным усилием шестами толкали суденышки вверх по течению, и юноша решил, что путешествие верхом ему куда больше по вкусу.

Гейла привели в восторг луга в пойме реки. Он мгновенно, как бывший пастух, оценил качество травы, и его взгляд скотовода не мог не восхититься этими бескрайними просторами. Тем более что Гейлу рассказали о необъятности этих прерий, раскинувшихся от южных пустынь до пределов, теряющихся где-то далеко на севере. Они отделяли прибрежную равнину от гор и были то местами холмистыми, то

совсем плоскими и повсюду пересекались мелкими речушками, большинство из которых легко преодолевалось вброд.

Удивительно, почему столь обширные равнины никто не использует. Жители прибрежных районов считали эту местность бесплодной, ничем не лучше скалистых или песчаных пустынь на юге. Источники воды были разбросаны слишком далеко, зато банды разбойников — повсюду. Жить в прерии могли только кочевые племена, передвигающиеся со своими стадами от пастбища к пастбищу, от источника к источнику, а цивилизованные городские жители считали кочевников дикими первобытными людьми.

Гейлу было трудно с этим согласиться. Да, расстояния казались огромными, но лишь тем, кто привык передвигаться пешим. Племя, в распоряжении которого были кабо, могло владеть всей этой долиной. Что же касается разбойников, то воинственному народу, чьи мужчины почти с самого рождения носят оружие, не пристало опасаться шаек каких-то головорезов.

Во дворце советника Гейл много общался с людьми, присматривающими за кабо Пашара, и много узнал о том, как выращивают этих животных. Кобылы приносили по одному, очень редко по паре жеребят в год. Из этого молодняка большинство выбраковывалось. Аристократы были требовательны к внешнему виду животных. Гейл видел на дворцовых фресках, как кабо использовали во время войны и на турнирах. Знатные всадники с пиками наперевес выезжали на поединок друг против друга. Каждый из них стремился иметь как можно более богатые доспехи и более крупного скакуна, чем у противника. Гейлу претило, что воинская доблесть в этом случае заменялась богатством владельца и искусством заводчиков, сумевших вывести мощную породу кабо.

Сейчас же Гейл был полон далеко идущих замыслов. Ему нужно много кабо, крупных и выносливых, чтобы переносили человека на большие расстояния. И оружие, которое могли бы использовать всадники прямо из седла. А еще необходимы люди, но уж с этим-то, казалось, не возникнет затруднений...

Юноша не спешил делиться своими мыслями с товарищами по походу. Он знал, что те, скорее всего, просто посмеются над безумным юнцом, который мечтает стать великим завоевателем. Гейлу, однако, все это представлялось вполне разумным. Он всегда резко отличался от окружающих и прекрасно понимал свою избранность. Так почему бы и его замыслам не отличаться от мелочных мечтаний спутников?

Он всегда чувствовал себя не таким, как другие — да-

 же когда жил среди своих соплеменников. Ему нигде не

было места, если только он не принимал на себя роль, навязанную ему обстоятельствами: то моряка, то воина, а вот теперь исследователя новых земель. Даже раба, не прояви он должную осторожность... Хорошо, пока он согласен и на это, но рано или поздно ему удастся зажить собственной жизнью. И если не найдется народа или племени, чтобы поддержать его и его мечту, он сам создаст такой народ.

Как-то раз, еще на территории Омайи, Гейл, погруженный в раздумья, выехал далеко вперед, и его взору предстало необычное зрелище.

Кабо под ним неожиданно резким скачком метнулся влево. Гейл усмехнулся, увидев, что причиной испуга животного оказалась птица-грязевик. Лишенное способности летать пернатое, обитающее в этих землях, внешне напоминало птиц-убийц, но не обладало их хищным нравом. У грязевика были длинные ноги, столь же длинная шея и похожее на луковицу туловище, покрытое черными перьями. Перья густого гребня, спускающегося на спину, отливали изумрудно-зеленым цветом.

Гейл удивился, увидев, что грязевик убегал от неизвестно откуда взявшегося человека. Вспугнувший птицу охотник сам был похож на нее коротким худым телом и невероятно длинными руками и ногами. Он бежал, высоко поднимая колени, и вертел в правой руке какой-то длинный предмет, а в левой зажимал что-то непонятное, свернутое в кольцо. На бегу мужчина запрокидывал назад голову с длинной острой бородой. У неизвестного была темная, почти черная кожа, как у охотников на родном острове юноши, однако в остальном он ничуть не походил на них.

Поразительно, но, человек догонял быстроногую птицу. Его правая рука метнулась вперед и бросила вслед добыче петлю. Теперь Гейл смог разглядеть, что в левой руке охотник держал смотанную длинную и тонкую веревку. Петля обвилась вокруг головы птицы и скользнула вниз по ее шее. Резко остановившись, человек дернул веревку, и пыльник свалился в траву. Одним прыжком мужчина очутился рядом с добычей и склонился над поверженным телом. Гейл ожидал, что охотник убьет птицу, но тот ограничился тем, что оглушил пыльника, но сильные ноги пернатого продолжали дергаться, и человек набросил на них петлю из веревки, туго затянул ее, завязав скользящим узлом. Птица затихла, и охотник, усевшись сверху на пыльника, принялся выдирать великолепные перья из его спинного гребня.

Гейл поскакал к темнокожему, намереваясь узнать, зачем он это делает. Тем временем мужчина сноровисто выщипал все зеленые перья птицы и принялся за белые пе-

рышки, что росли с внутренней стороны крыльев. Увидев всадника, он доброжелательно улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Ты не будешь убивать эту птицу? — спросил Гейл.

— Зачем? — Человек продолжал улыбаться. — Ее нельзя есть: мясо жесткое, как подметка. Отпущу, она отрастит новые перья, а тогда я опять ее поймаю.

— Разумно...

— Хочешь купить перья? — На человеке не было никакой одежды, только несколько нитей бус и широкие кожаные браслеты на запястьях. Из мешка, переброшенного через плечо, охотник достал обрывки веревки и принялся связывать в пучки выдранные у грязевика перья.

Спешившись, Гейл вонзил в землю копье, привязав к нему поводья, и обрадованный кабо тут же принялся щипать траву. Юноша склонился, чтобы взглянуть на перья, хотя, по правде сказать, намного больше его заинтересовала веревка, с помощью которой был пойман грязевик. Темнокожий, закончив свою работу, стянул аркан с шеи птицы.

— Близко не подходи, — предупредил он Гейла, — она здорово лягается. Может даже распороть живот.

Потянув за скользящий узел, он освободил ноги птицы. Несколько мгновений та приходила в себя, затем, шатаясь, поднялась и, оглашая окрестности пронзительными негодующими воплями, понеслась прочь, лишенная ярких перьев, но зато сохранившая голову. Когда она скрылась вдали, мужчины рассмеялись.

— Сколько? — поинтересовался Гейл, показывая на пучок зеленых перьев. Охотник пожал плечами.

— А сколько дашь?

Юноша подумал, что настала пора овладеть умением торговаться. Он подошел к кабо и, покопавшись в седельных сумках, вытащил несколько металлических украшений. Этому темнокожему охотнику, как показалось островитянину, вряд ли понадобятся деньги.

Через некоторое время обе стороны пришли к соглашению. За серебряный браслет Гейл получил все зеленые перья. За два тонких медных браслета — все белые. Гейл не был уверен, что не продешевил, тогда как охотник казался довольным. Теперь юноша решился заговорить о предмете, в котором был действительно заинтересован.

— А сколько ты хочешь за веревку?

— Веревку? — Охотник озадаченно нахмурился.

— Да, за веревку. Я никогда не видел, чтобы ее использовали так, как это сделал ты. Могу я взглянуть?

— Конечно. Если хочешь, я покажу, как с ней управляться.

Именно этого Гейл и добивался. Он пропустил удивительно легкий тонкий шнур между пальцами. Веревка оказалась сплетенной из растительного волокна, и в этом не было ничего необычного, но, кроме того, хорошенько промаслена и туго скручена. Она выглядела весьма прочной. Один из концов веревки завязывался петлей, через которую был пропущен другой конец.

— Как ты ее бросаешь? — спросил юноша.

Охотник забрал аркан у Гейла и взял петлю в правую руку, а остальную ее часть — в левую, оставив между руками длинный свободный конец. В его ушах что-то блеснуло, и, присмотревшись, юноша понял, что внешний изгиб каждого уха охотника украшают мелкие золотые шарики. На груди мужчины виднелось множество сплетающихся друг с другом шрамов. Он пошевелил кистью, петля растянулась, и охотник стал вращать ее над собой медленными кругами. Взмахом руки он подбросил лассо вверх, отпустив, когда оно взлетело, часть веревки из левой руки. Петля затянулась вокруг засохшего стебля растения, стоявшего от них на расстоянии пятнадцати шагов. Движением запястья охотник пропустил через петлю оставшийся конец веревки, и лассо соскользнуло со стебля, мужчина снова свернул веревку в моток.

— Можно попробовать? — спросил Гейл.

Он попытался в точности повторить движения охотника, но веревка пролетела всего десять шагов, причем петля на конце затянулась и стала совсем крошечной. Темнокожий улыбнулся и показал, как правильно отпускать моток в левой руке, после чего Гейл повторил попытку. На этот раз она оказалась успешнее, однако петля пролетела далеко от цели. Охотник поправил стойку молодого человека, и Гейл сделал еще один бросок, потом еще и еще. Где-то на десятой попытке аркан обвился вокруг стебля. Гейл был очень доволен, но ему потребовалось еще шесть бросков, чтобы повторить свой успех. При последних попытках охотник заверил юношу, что тот все делает правильно, осталось только поработать над меткостью.

Гейл понял, что незнакомец говорит правду. Бросание аркана оказалось похоже на метание дротика. Техника не отличалась сложностью, ей можно было без труда обучиться. А дальше все зависело от самого Гейла: необходимо лишь тренироваться долгие часы, пока не будет достигнута полная согласованность между телом, глазами и рукой, необходимая для точности броска.

Последовал новый торг, и сделка была заключена. Три

тонких колечка из серебра и пара серебряных серег с бирюзой и гранатами сделали Гейла обладателем аркана. Вдруг юноша заметил, что охотник поднял голову и устремил взгляд поверх его плеча. Глаза темнокожего сузились, ноздри раздулись. Гейл обернулся и увидел далеко на юго-западе приближающийся караван.

— Это мои друзья. Не бойся... — Но охотника уже не было рядом, он мчался прочь — даже быстрее, чем во время преследования грязевика. Через пару мгновений быстроногий беглец скрылся из глаз.

Поравнявшись с караваном, Гейл подъехал к Шонгу. Он держал в руках только что обмененные вещи, и торговец изумленно уставился на них.

— Где ты это взял? — спросил Шонг.

Гейл рассказал ему, чем занимался в течение последних двух часов. Купец покачал головой.

— Этот темнокожий из племени ночных бегунов. Это слабый, робкий народ, самый примитивный из тех, о ком я когда-либо слышал. Время от времени они показываются на городских рынках, предлагая редкие товары. Их нужды невелики, поэтому у них нет особой необходимости вступать в общение с другими народами. Мне не очень понятно, почему он вел себя с тобой столь дружелюбно. Может быть, потому, что ты так молод и тоже родом из варварского племени.

— Я совершил выгодную сделку? — спросил Гейл, перекидывая через седло связки перьев. — Или он меня обманул?

— Насчет веревки я мало что могу сказать, — ответил Шонг, поглаживая короткую бородку. — Я никогда не держал в руках ничего подобного. Вот перья — другое дело. Грязевиков очень трудно поймать. А уж если их ловят, то непременно убивают, что еще более увеличивает их редкость. Зеленые перья, — торговец коснулся рукой яркого пучка, — стоят в Касине больше, чем золото того же веса. Их используют жрецы для ритуальных украшений, а знатные дамы очень ценят опахала из этих перьев. На юге они стоят еще дороже, поскольку в каждой деревне вождю просто необходимо хотя бы несколько перьев для головного убора. Они придают им особое культовое значение. А белые, — Шонг дотронулся до другой связки, — ценятся солдатами, они украшают плюмажами из этих перьев свои шлемы. Ты сможешь получить по мелкой серебряной монете за каждое перышко. Короче говоря, молодой Гейл, ты поступил весьма предусмотрительно, когда освободился на сегодняшний день от караульных обязанностей — твой обмененный товар хорошо упакован, совсем мало весит и стоит раз в пятьдесят больше, чем ты заплатил.

Понимаешь, в этом и состоит сущность торговли. Так что можешь считать, что совершил идеальную сделку.

Гейлу было приятно это услышать, но еще больше его радовало обладание чудесным арканом. В последующие дни он пользовался любой возможностью, чтобы поупражняться в бросках. Когда юноша увидел, что с земли достаточно часто попадает в цель, то стал бросать аркан, сидя в седле. Это оказалось более трудной задачей — кабо кидался в сторону каждый раз, когда петля со свистом пролетала над его носом, однако вскоре животное привыкло к странным маневрам всадника, и Гейл продолжал тренироваться, сперва пуская кабо шагом, а затем и рысью. Однако закончилось это предприятие весьма плачевно. Послав кабо в легкий галоп, Гейл бросил аркан на пень большого дерева, но когда петля затянулась вокруг него, юноша замешкался и был выброшен из седла, с такой силой рухнув на каменистую землю, что лишился чувств.

Пару дней Гейлу пришлось ковылять, страдая от полученных ушибов, зато это дало молодому человеку прекрасную возможность поразмышлять над собственной глупостью. Разумеется, крайне неосторожно было бросать аркан с бегущего кабо на неподвижный предмет. Еще немного подумав, Гейл пришел к выводу, что при удачном броске на шею достаточно большого и сильного животного, могут возникнуть столь же неприятные последствия. Правда, животное не стояло бы на месте, как пень, зато дерево не могло загрызть или насмерть затоптать упавшего человека, как это сделал бы разозленный наск или кабо.

Время шло, ушибы постепенно проходили, и Гейл нашел подходящее решение. Оставалось лишь проверить его на практике. Как только им попадется на пути деревня, в которой найдутся умелые шорники, он закажет им седло с высокой, крепкой лукой. Если привязать к ней свободную часть аркана, то основная сила рывка придется на седло, подпругу и скакуна. Пока Гейл обдумывал все эти тонкости, его спутники посмеивались над этой затеей. Некоторые же говорили — причем специально так, чтобы он слышал, — что было бы лучше, если бы Гейл сломал себе шею при падении. Одним из таких был Агах, который без всякой причины вдруг яростно невзлюбил юношу.

Гейл ощущал эту неприязнь и гадал, как ему справиться с Агахом. Этот человек не упускал ни единой возможности задеть его и оскорбить, становясь с каждым днем все более несносным. Погонщик даже не пытался скрыть свою враждебность и презрение, и однажды зашел так далеко, что при всех ударил Гейла по лицу, когда тот потянулся к лежаще-

му перед Агахом вертелу с мясом. Если бы Гейл не был так слаб из-за полученных ушибов, он тут же убил бы Агаха, но, к сожалению, упустил удобный момент, и теперь его противник вел себя так, словно Гейл стал его рабом.

Как-то раз у костра к Гейлу подошел Шаула. Последствия падения все еще беспокоили юношу, у него продолжало болеть порванное сухожилие. Картограф предложил разумное, на его взгляд, решение проблемы.

— Друг мой Гейл, тебе ни к чему мириться с подобными оскорблениями. Обратись ко второму среди керрилов — Карвасу. Он спит и видит, как бы занять место Агаха, и, конечно, не откажется убить его. Особенно, если ты хорошо заплатишь.

— Ни за что, — решительно возразил Гейл. — У шессинов принято самим убивать своих врагов. — в его памяти были еще слишком свежи болезненные воспоминания о Гассеме, Лериссе и длинношее. — Я должен прикончить его сам и, разумеется, сделаю это, как только поправлюсь. Но все равно, спасибо за совет.

Через пару дней, когда ушибы уже не причиняли такой боли, Гейл подошел к Шонгу.

— Мне не хотелось бы тревожить тебя по пустякам, но боюсь, мне придется лишить тебя нужного человека. Ты не станешь возражать, если я убью Агаха?

— Агаха? — переспросил Шонг. — А я-то все удивляюсь, что он еще жив. Разумеется, прикончить негодяя — твое право. Карбас такой же мерзавец, как и Арах, и не хуже его справится с насками. Но ты уверен, что достаточно оправился? Вожак керрилов серьезный противник, он убил в ссоре не одного человека. Как ты намерен с ним драться?

Гейл и сам еще толком не знал.

— Как это принято у вас? У меня на родине мы бросали врагу вызов и дрались на площадке, которую ограничивала лента, сплетенная из разрезанной шкуры каггa. Из оружия мы использовали копья или короткие мечи.

— Ну, во время похода вряд ли возможно следовать подобным ритуалам, — сказал Шонг. — Брось ему вызов, а драться вы сможете где и когда угодно. Только советую тебе не выбирать кинжалы. Керрилы прекрасно владеют этим оружием, а ты к нему не привык.

В тот же вечер Гейл, взяв копье, направился к костру, у которого собрались керрилы. Они переговаривались, пуская по кругу бурдюки с вином.

Многие были изранены, поскольку частые ссоры между ними обычно кончались драками. Даже такой суровый командир каравана, как Шонг, не мог пресечь буйства

этих людей. Агах заметил приближающегося юношу. Его черты исказила злобная усмешка.

— Взгляните, кто к нам идет! Этот хорошенький дикарь с Островов! Видно, понимает, как нам не хватает в походе женщин, и готов посодействовать! Как ваш вождь, я, разумеется, воспользуюсь им первым! Снимай эту кошачью шкурку, юноша, и иди ко мне!

Его дружки громогласно заржали, ожидая, чем ответит на это Гейл.

— Агах, я не знаю, чем заслужил твою ненависть, и мне, в общем-то, на это наплевать. Я свободный воин и не намерен больше терпеть оскорбления.

— И что же ты сделаешь, мальчик? — Глаза Агаха забегали по сторонам, следя за реакцией своих людей.

Те с удовольствием предвкушали очередную драку. Только на лице Карваса, внимательно наблюдавшего за обоими, читался явный расчетливый интерес.

— Я прикончу тебя. Ты это заслужил, и я не собираюсь оставлять врага за своей спиной, просто поколотив его. Еще раз повторяю: мне безразлично, почему ты так ко мне относишься, но я собираюсь положить этому конец. Немедленно. Вставай и защищайся.

Улыбка стерлась с лица Агаха. Он медленно поднялся на ноги.

— Будем сражаться на ножах? Настоящим мужчинам не нужны копья и длинные мечи.

Его язвительный тон не скрыл от Гейла, что он боится этого оружия. Конечно, можно было просто вытащить меч и зарубить негодяя, или проткнуть его копьем... но если он так поступит, остальные керрилы вообразят, что он опасается открытой схватки, — тогда в дороге кто-нибудь из них может повторить наглые выходки Агаха. Лучше показать им свое умение в том, что они никогда не смогут оспорить.

— Можешь выбрать себе оружие по вкусу. Мой народ вступает в поединок только с равным соперником. — Юноша воткнул древко копья в землю и снял перевязь с мечом. Безоружный, он смело приблизился к Агаху.

Тот явно пребывал в замешательстве, но затем усмехнулся, оскалив зубы в звериной ухмылке.

— Ты умрешь так, как захочешь, малыш. И, может, до того, как я перережу тебе горло, успею еще попользоваться тобой!

Он обнажил кинжал и расстегнул доходящий до колен килт. Юбка упала на землю, и Агах остался только в белой набедренной повязке. Свет костра бликами играл на

его темном лоснящемся торсе. Чтобы придать своей коже блеск, керрилы натирали тело животным жиром, причем их совершенно не смущало исходящее от прогорклого жира зловоние. В руке Агаха сверкнул кривой бронзовый нож.

Гейл заранее смазал тело ароматным ореховым маслом, смешанным с цветочными лепестками.

«Если уж проиграю, — думал юноша, — то хоть не буду досадовать после смерти, что мое мертвое тело выглядит неподобающим образом.»

Слух о предстоящем поединке быстро разлетелся по лагерю, и к месту схватки собрались люди от других костров и даже селяне из окрестных деревень. Их жизнь была скучна и однообразна, и теперь они радовались тому, что им предстоит стать свидетелями столь захватывающего зрелища.

Привстав на носках и передвигаясь мелкими семенящими шажками, Агах двинулся вокруг костра, ни на мгновение не отрывая взгляда от противника. Гейл отступал назад и чуть в сторону, так что когда керрил оказался перед ним, за спиной островитянина уже не было пламени.

— Уже бежишь, мальчуган? — проворчал Агах.

— Надеешься, что меня до смерти напугают твои глупые речи? По правде говоря, ты мне надоел, керрил!

— Тогда, — прошипел Агах, — я сейчас немного тебя развлеку!

Он ринулся вперед, целясь ножом в бок Гейла. Тот отразил нападение, рубанув ладонью по предплечью противника. Разумеется, он был не настолько глуп, чтобы пытаться рукой остановить удар ножа. Юноша не торопился нападать, внимательно наблюдая за Агахом и пытаясь понять, как противник собирается вести дальше схватку.

Агах продолжал скакать вокруг него, как танцор, выделывая ногами причудливые коленца. Его руки, не останавливаясь, плели в воздухе замысловатый узор — видимо, он решил ошеломить врага хитростью приемов. Кое-кто из зрителей одобрительными криками поддерживал керрила, принимая вязь его движений за владение изощренной боевой техникой.

Гейла это ничуть не тревожило: он знал, что в смертельном бою каждое движение человека должно отвечать только двум целям: защищать себя и угрожать врагу. Молодой воин стоял в боевой стойке, слегка согнув колени, с выставленными вперед руками. Раскрытые на уровне груди ладони были готовы ответить на любой выпад противника. Если бы нож Агаха действительно приблизился к его телу, он не упустил бы этого движения, а все призванные отвлечь его внимание жесты на Гейла не действовали совершенно.

С громким воплем, Агах сделал резкий выпад, метя в лицо соперника, а затем, внезапно изменив направление удара, попытался ударить Гейла в живот. Юноша отклонился в сторону, и лезвие просвистело мимо. Керрил попытался нанести удар из-под руки, но в этот момент Гейл прыгнул погонщику за спину и лягнул противника под правое колено. Затем, схватив Агаха за левое плечо, сильно рванул его назад и повалил на землю.

Гейл мог бы завершить схватку прямо сейчас — перебить врагу глотку ударом пятки или же, оглушив, резким движением локтя в живот раздавить его внутренности. Но рука юноша соскользнула с намазанного жиром плеча, и Агах грохнулся наземь не с той силой, на какую рассчитывал Гейл. Отбиваясь от его рук, керрил изогнулся и, опираясь на свободную руку, вскочил на ноги.

Вновь они принялись ходить кругами друг возле друга, продолжая свой причудливый танец, однако теперь в глазах Агаха появился страх, который тот тщетно пытался скрыть. Керрил размахивал кинжалом и шипел, словно разъяренный кот, готовый заживо содрать шкуру с жертвы.

Но Гейл уже успел распознать все приемы соперника и оценить пределы его возможностей, а теперь сам готовился к нападению. У шессина не было опыта в поединке на ножах, но зато в борьбе, любимом развлечении его соплеменников, юноше не было равных.

Несмотря на то, что Гейл был безоружен, он мог действовать обеими руками, а при его мастерстве это почти уравнивало шансы против Агаха, вооруженного кинжалом. Гейл решил, что лучше всего ему действовать на встречных ударах. Теперь оставалось лишь вовремя понять, куда целит ножом соперник. Он действовал не торопясь, готовый выжидать сколь угодно долго, пока Агах не выдаст своих намерений.

Сыпя проклятиями, Керрил всем телом метнулся к противнику, нож его устремился вниз и тут же вспорхнул вверх, готовый вонзиться юноше в пах и распороть живот снизу доверху. Однако, Гейл и не думал отступать или уклоняться в сторону, а вместо этого сделал шаг вперед, скрестив перед собой руки, чтобы перехватить запястья врага.

В тот самый миг, как он ощутил прикосновение ножа к коже на животе, юноша с силой ударил лбом в переносицу Агаха. Тот отпрянул, и из разбитого носа ручьем потекла кровь. Подскочив к нему вплотную, Гейл схватил врага за запястье, уперся пятками в землю и рванул на себя, вложив в это движение всю свою силу.

Керрил взревел от боли. Плечо его вывернулось из су-

става, а Гейл, пригнувшись, перебросил врага через себя. Тот рухнул лицом прямо в костер.

Огромный сноп искр взвился к небесам. Потянуло вонью паленых волос и кожи. Зрители отпрянули во все стороны, а Гейл, рванувшись вперед, за волосы вытащил Агаха из огня. Удар его был так силен, что Керрил потерял сознание и больше не мог сопротивляться.

Гейл, удерживая противника за волосы, настороженным взглядом окинул его соплеменников, толпившихся поблизости, а затем согнул правую руку и ударил Агаха по шее ребром ладони. Раздался резкий хруст. Тело Керрила обмякло и повалилось на землю у костра.

— Он сам решил свою судьбу, — заявил шессин, продолжая наблюдать за соплеменниками поверженного врага. — Этого довольно? Или кто-то желает занять его место? — С этими словами он пристально воззрился на Карвоса.

Несколько мгновений царила мертвая тишина, затем Карвос выступил вперед.

— Это правда, что Агах был нашим предводителем, но большой любви к нему никто не питал. Родичей у него нет, и мстить за его смерть некому. Теперь я вождь керрилов, и наш спор закончен. Таково мое слово.

Тяжелым взглядом он обвел соплеменников, и те, пусть медленно и неохотно, но все же опустили головы в знак согласия. Карвос перевел взгляд на Гейла.

— Закончим на этом.

Шонг выступил вперед и пнул носком сапога тело Агаха, валявшееся у костра.

— Унесите эту падаль из лагеря, пока не собрались хищники. Можете исполнить все, какие нужно, обряды, чтобы успокоить дух этого негодяя, но не забудьте, что лагерь должен быть собран на завтра с восходом солнца. Мы выступим как обычно. Ты, — окликнул он мальчишку, который неподалеку чинил упряжь, — принеси сюда кинжал и ножны Агаха. Теперь это добыча Гейла.

Молодой шессин поднял свое оружие с земли. Мальчуган отдал ему нож Агаха, который Гейл также прицепил к поясу.

— Ты скоро будешь как ходячая оружейная лавка! — засмеялся Шонг, пока они шли к большому костру.

— Меч мне также достался как добыча после поединка, но им я горжусь куда больше.

— В жизни случается всякое, но ты не прав: тебе есть, чем гордиться. Порой человек должен делать неприятные вещи, чтобы заставить других уважать себя. Уж лучше погибнуть самому, чем позволить какому-то ублюдку над со-

бой издеваться. Однако, теперь никто не рискнет выказать к тебе неуважения.

— И все же для меня загадка: почему Агах словно бы сам напрашивался на драку? Возможно, кто-то подбил его на это?

— Пожалуй, в твоих словах есть доля истины. Разумеется, Агах был краснобаем и хвастуном, и многих противников лишил жизни, но едва ли он стал бы сражаться, если бы не чуял в том для себя какой-то выгоды. Возможно, он позарился на твой великолепный меч. Если бы он победил, то взял бы клинок себе.

Однако, Гейлу этот довод показался не слишком убедительным. Конечно, жадные люди не редкость, но едва ли ради какой-то железки они станут рисковать жизнью. Также он сомневался, чтобы Агахом руководила простая ненависть. Нет, скорее всего, ему кто-то заплатил за убийство Гейла. Но кто? Следует ли этот человек с их отрядом или остался в Кассине? Об этом стоило поразмыслить как следует.

Вечером у костра Гейл заметил, что прочие спутники избегают его: как видно, их смущало, что совсем недавно он пролил кровь другого человека. Вот почему Гейл очень удивился, завидев картографа Шаулу, который подошел и уселся рядом, держа в руках флягу с вином. Он наполнил кружку юноши и взял себе вторую.

— Позволь поздравить тебя с победой! — воскликнул он.

— Какая там победа... — Гейл криво усмехнулся. — Это была просто грязная драка против никчемного подлеца...

— Тогда поздравляю с тем, что ты остался в живых. Поверь, за это всегда стоит выпить. Я рад, что ты разделался с этим негодяем. Иначе кому бы я тогда давал уроки географии?

До сих пор Гейл старался не упускать ни единой возможности расспросить картографа об окрестных землях.

— Да, Агаха это бы явно не заинтересовало, — согласился молодой воин и, помешкав, все же решил поделиться с Шаулой своими подозрениями насчет Керрила.

— Полагаю, ты прав, — согласился с ним картограф. — Ты человек своеобразный, не похожий на других, а такому легко нажить врагов. Кассин всегда славился своими интригами, а больше всего недоброжелателей окружают дом любого знатного человека. Многие видели, как быстро ты завоевал уважение Пашара. Какой-нибудь тщеславный, честолюбивый человек, тщетно добивавшийся такого результата долгие годы, вполне мог счесть себя уязвленным.

Что касается самого Гейла, то он бы ничуть не удивился, узнав, что за его убийство заплатил сам Пашар, ко-

торый, возможно, узнал об их отношениях с Шаззад и счел безродного чужеземца недостойным своей дочери. Разумеется, об этом он не обмолвился Шауле ни словом...

Впрочем, и саму верховную жрицу нельзя сбрасывать со счетов. Юноша слышал немало древних легенд о женщинах, подобных паучихам, которые лишали жизни своих возлюбленных.

Однако, поразмышляв еще немного, Гейл сказал себе, что если продолжать в том же духе, то не останется ни одного человека, свободного от подозрений. К тому же он ничего не мог узнать наверняка...

— Насколько я понял, у подножия гор мы пробудем достаточно долго, — вновь обернулся он к картографу.

— Да, нас ждет двухмесячная зимовка, — кивнул Шаула. — Боюсь, придется немного поскучать. В том городе, где мы остановимся, нет никаких возможностей поразвлечься.

— Тогда мы могли бы потратить это время на учебу, — предложил молодой воин.

Шаула заулыбался.

— С удовольствием. Обещаю, что расскажу тебе все, что знаю об окрестных землях и, если захочешь, я даже готов научить тебя рисовать карты.

— Нет, я не об этом, — с серьезным видом возразил Гейл. — Больше всего я бы хотел научиться читать и писать.

Глава девятая

Верхом на своем кабо Гейл выехал на вершину холма у подножия горы. Что-то показалось ему неладным, но ощущение это было слишком мимолетным, и он так и не сумел понять, в чем дело.

Каждый день, если позволяла погода, молодой воин старался выбраться из лагеря и разъезжал по окрестностям, чтобы хоть немного побыть в одиночестве. Эти места были расположены достаточно высоко над уровнем моря, и теперь с наступлением холодной ветреной зимы прочие члены экспедиции предпочитали без нужды не выбираться из своих шатров и палаток. По большей части погода их не баловала. Моросил нудный мелкий дождь, перемежавшийся порой мокрым липким снегом.

Однако, в этот день впервые за долгое время небо, наконец, прояснилось. Слепящие солнечные лучи озаряли заснеженные склоны гор на горизонте. Горы простирались на юг и на север, насколько хватало глаз, и в это время года они полностью перекрывали дорогу на восток. Не проходило дня, чтобы в отряде Шонга люди не услышали отдаленный гул, напоминавший раскаты грома: это в долину с гор сходили мощные снежные лавины.

Иногда Гейл выезжал высоко в горы, наблюдая за окрестностями, и там ему мерещились очертания смутных фигур, отдаленно напоминающие человека. Разглядеть этих созданий было очень непросто, ибо несмотря на высокий рост, они были совершенно белого цвета и терялись на фоне снега, покрывавшего склоны. Бесшумно, точно призраки, эти существа скользили среди огромных сугробов... Гейл попробовал расспросить о них местных жителей, но те лишь пожимали плечами и отделывались ничего не значащими фразами, однако на лицах их читался суеверный страх.

Возвращаться на место стоянки каравана молодому шессину всегда было в тягость. Ведь жизнь в этом крохотном городке на западной оконечности горного перевала была на диво унылой и однообразной. За крепостной насыпью ютились два десятка хижин, наполовину врытых в землю для защиты от непогоды. Столбы дыма поднимались над крышами, крытыми дерном.

Холод и непогода заставили молодого воина сменить привычный наряд на куда более теплую и тяжелую одежду: куртку и штаны из прекрасно выдубленной шкуры на меховой подкладке. На ногах у него красовались мягкие кожаные сапоги до колен, а на плечах — плащ из квильей шерсти. Впервые в жизни юноша оказался в тех местах, где зима была по-настоящему суровой.

Мимолетное необъяснимое ощущение явилось вновь, однако, на сей раз Гейл успел сосредоточиться и понять, в чем дело. Это было всего лишь дуновение воздуха, — но неожиданно теплое... Ветер с юга! Без всяких сомнений, это был первый признак наступления весны. С торжествующим возгласом Гейл пустил своего кабо вниз по склону, торопясь поскорее попасть к городку, где стоял лагерем их отряд. Наконец-то! Бесконечное ожидание вконец измучило юношу. Он уже был уверен, что весна никогда не настанет, и они так и не двинутся с места. Но теперь начнут таять снега, освободятся перевалы, и отряд, наконец, двинется через горы навстречу неведомым опасностям и приключениям.

Однако, ждать пришлось еще очень долго. Добрых четыре недели с гор постоянно шли лавины, словно хребты вознамерились полностью избавиться от своих белых одежд. Когда же снег, наконец, растаял, то узкие горные речушки превратились в непреодолимые бурные потоки.

Все это время участники похода готовили в дорогу животных, проверяли и чинили упряжь. Киррилы, получив деньги, давно уже покинули их вместе с гужевыми лусками, и отряду пришлось нанять новых погонщиков из числа местных жителей, а также закупить новых вьючных животных, безрогих и косматых. Они отличались куда более покорным и миролюбивым нравом, чем их равнинные сородичи. К тому же они были меньше по размеру и с острыми узкими копытами, помогавшими животным карабкаться по крутым горным уступам.

И вот, наконец, настал долгожданный день, и Шонг отдал приказ к выступлению. Горные луга уже покрылись крупными цветами, а животные, переждавшие зиму в низинах, возвращались на высокогорные пастбища. Первые дни Гейл ерзал в седле от нетерпения: ему казалось, что караван, ведомый местными проводниками, движется слишком медленно. Однако, сейчас любая спешка была бы слишком опасной, ведь узкие крутые тропинки среди обрывистых склонов, едва обнажившиеся от снега, таили множество опасностей.

Чем выше караван взбирался в гору, тем холодней становилось вокруг, словно зима вновь вступила в свои права. За ночь на земле намерзала корка льда, и после того,

как сорвавшись в пропасть, погибли несколько людей и животных, Гейл перестал досадовать на то, что их отряд слишком медлит в пути.

Всякий раз во время дневного привала или вечером, покуда разжигались костры для стоянки, Гейл доставал из-за пазухи заостренную с одного конца палочку, чтобы поупражняться в письме прямо на мягкой земле. Он уже давно осознал, что владение грамотой дает человеку власть ничуть не меньшую, чем оружие или даже командование войском. Молодой человек еще только начал открывать для себя все тайны сохранения и передачи знаний, но уже прекрасно понимал, какая сила в них таится. Он быстро понял, что буквы легко различать между собой: ведь каждая из них означает некий звук, а из звуков складываются слова. Куда сложнее оказалось воспринимать цифры, ведь для этого нужно было запомнить не только десять значков, но и их различные сочетания, которыми обозначались количества больше десятка. Арифметика для Гейла оказалась нелегким трудом, но он дал себе зарок непременно овладеть и этой наукой.

Проводники покинули караван и вернулись в родной город после того, как вывели путешественников на гребень горы и получили обещанную плату. Теперь отряд остался наедине с горными громадами, особенно остро ощущая свою уязвимость и незащищенность. Они забрались так высоко, что едва могли дышать в разреженном воздухе, и движения людей сделались слишком медлительными, они быстро уставали. Нередко путникам мерещились какие-то странные картины. Так произошло и с Гейлом, уже в то время, когда отряд спускался по восточному склону горы, оставив позади очередной перевал. Сперва юноша решил, что это не более чем галлюцинация, плод воображения, рожденный недостатком воздуха и усталостью от долгого перехода.

Молодому шессину померещилась женщина. Одинокая, странно одетая фигурка карабкалась по горной тропе, направляясь к нему навстречу. Разумеется, это не могло быть ничем иным, как призрачным видением. Откуда взяться одинокой женщине в этих местах? Гейл даже зажмурился и тряхнул головой, уверенный, что женщина сейчас исчезнет, — но этого не произошло. Молодой воин заозирался по сторонам, пытаясь понять, заметил ли неладное кто-нибудь еще. Но рядом не было никого, ведь он выехал слишком далеко вперед от каравана.

Гейл вновь взглянул на женщину. Та по-прежнему не сходила с тропы, но движения ее сделались медленными и затрудненными. Еще несколько шагов — и она упала.

Подняться она уже не смогла. Несомненно, ее ожидала скорая гибель от холода и истощения.

Гейл ударил кабо пятками в бока, чтобы направить его вперед. Он по-прежнему не сомневался, что женщина лишь мерещится ему, и был готов к тому, что в любой миг видение исчезнет или изменится. Но ничего подобного не произошло. Он подъехал уже совсем близко и мог четко различить очертания фигуры неподвижно лежащей женщины. Когда между ними оставалось не больше десятка шагов, последние сомнения развеялись окончательно. Спешившись, он подбежал к упавшей женщине. Та лежала на боку, как младенец, поджав колени к подбородку и прикрывая лицо полой длинной накидки.

Юноша осторожно тронул женщину за плечо, перевернув так, чтобы она легла на спину. Голова незнакомки упала на сгиб его руки. Отведя полу плаща, он, к своему великому изумлению, увидел лицо редкостной красоты. Удлиненное, с тонкими высокими скулами, но изможденное от перенесенных страданий или просто сильной усталости. Однако даже это не портило совершенных черт. Кожа женщины была оливкового оттенка, полные губы посинели от нехватки воздуха. Пышные каштановые волосы струились по руке молодого человека, бережно поддерживавшего ее голову.

Гейл никогда не видел таких одеяний, как те, что были на незнакомке. Одежда оказалась той яркой расцветки, которую любили на его родных Островах, но ткань была тяжелой и грубой. Ее украшали вытканные рисунки из пересекающихся линий. Еще недавно, судя по всему, наряд женщины состоял из толстой куртки и облегающих штанов, но теперь превратился в сплошные лохмотья. Ее обувь на грубой подошве изодрана, а сквозь многочисленные прорехи просачивались капли крови.

Ресницы женщины вдруг затрепетали и распахнулись. Глаза оказались удивительного зеленого цвета, причем радужная оболочка столь велика, что за ней почти не было видно белка. Гейл не мог понять выражения ее лица. Возможно, подумал он, незнакомка сейчас просто ничего не чувствует. Это прекрасное создание находилось на грани смерти от усталости и истощения, а холодная земля, на которую она упала, вытягивала из ее тела последние капли тепла. Гейл подхватил женщину на руки и удивился тому, какая она легкая. Он отнес ее к своему кабо. Тот тыкал носом в дерн и разочарованно фыркал, поскольку зеленая травка еще не успела достаточно подрасти и животное не могло ею полакомиться. Осторожно, стараясь не испугать кабо, Гейл перекинул через его спи-

ну женщину и вскочил в седло. Приподнял незнакомку и крепко обнял рукой.

Казалось, кабо даже не заметил, что на его спине теперь двойная ноша. Женщина снова закрыла глаза. Очевидно, тепла, которое исходило от тела юноши, оказалось достаточно для того, чтобы, изнемогшая в неравной борьбе со стихией, она безропотно приняла его защиту. Кто была эта женщина? Откуда она появилась? Что делала одна, высоко в горах, обреченная на гибель? Ответов на эти вопросы у Гейл не знал. И, судя по состоянию женщины, похоже, на время ему придется умерить свое любопытство.

Когда он вернулся к отряду, глаза Шонга удивленно распахнулись.

— А я-то думал, ты ищешь внизу подходящее место для стоянки, — заметил он. — Вместо этого, вижу, нашел женщину. Как это случилось?

Гейл рассказал о том, что произошло, и Шонг кивнул.

— Я подумал, — сказал в заключение Гейл, — что она, должно быть, от кого-то убегала. Неплохо было бы узнать об этом до того, как мы двинемся дальше. Конечно, если у нее будут силы, чтобы говорить.

— Здравая мысль. Мне кажется, она скоро придет в себя и сможет рассказать то, что нас интересует.

Отряд продолжил спуск. Восточный склон хребта оказался более пологим, нежели западный, и они уже могли различить перед собой гостеприимную на вид долину. Исчезли глубокие обрывы и узкие обваливающиеся тропинки, по которым они пробирались так долго. Было ясно, что если не произойдет ничего непредвиденного, они окажутся на ровной земле еще до заката.

— А что, если эту женщину кто-то преследует? — продолжил прерванный разговор Гейл.

— Тогда нам придется ее вернуть, — ответил Шонг. — Мы ведь, в конце концов, не военный отряд.

— Нет, ни за что! — воскликнул юноша, непроизвольно крепче прижимая к груди бесчувственное тело женщины.

— А, понимаю, — сказал купец. — Ты прекрасно усвоил правила торговли. Согласен, мы возьмем за нее выкуп.

— Я ее не отдам, — отрезал Гейл.

Шонг раздосадованно, однако с некоторым интересом взглянул на юношу.

— Мой юный друг, я надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что это не рыбка, которую ты выловил в пруду. Это, вообрази себе, женщина. И у нее может быть хозяин, а если и не хозяин, то муж. Женщины имеют обыкновение сбегать как

от одних, так и от других. Я не собираюсь подвергать людей опасности из-за того, что тебе приглянулась изголодавшаяся полумертвая беглянка. — Некоторое время он помолчал, затем добавил: — Позволь мне взглянуть на нее.

Откинул край плаща Гейл, приоткрыл лицо женщины, как матери показывают личико спящего младенца.

— Гм... Должен признать, она довольно хороша собой. И ее одежда была когда-то более чем приличной, рабынь так не одевают. — Шонг вздохнул. — Мне кажется, тебя не оставляет желание погеройствовать. Но предупреждаю: если найдется тот, кто сможет предъявить на эту красавицу свои права, и если у него будет возможность и силы напасть на караван, я не стану помогать тебе оставить ее. А ты, если собираешься совершить глупость, то убедись сперва, что не впутаешь нас в серьезные неприятности.

— Ты прав, — вынужден был согласиться Гейл.

Пока отряд спускался с главного склона, солнце било им в спину. Они направились дальше по холмистой возвышенности, за которой простиралась огромная равнина. Стало значительно теплее — настолько, что, когда был объявлен ночной привал, люди без промедления принялись стягивать с себя тяжелые плащи, куртки и лосины. Теплую одежду свернули и упрятали в тюки — нужда в ней отпала до следующей зимы. В этих краях весна вступила в свои права. На лугах и холмах пестрело множество распустившихся цветов, над ними гудели пчелы. Кабо и насков распрягли, и животные с наслаждением принялись жевать свежую зеленую траву. Все они после длительного и тяжелого перехода через горы сильно отощали. Шонгу пришлось приказать погонщикам, пока отряд не разобьет лагерь, не позволять животным есть и пить.

Вскоре пламя костров весело затрещало повсюду. Утомленные путники с радостью уселись поближе к огню, наслаждаясь долгожданным отдыхом. Несколько всадников отправились на поиски дичи. Гейл проследил за тем, удобно ли устроили его найденыша, и двинулся к ближайшему ручью. Он прошел дальше того места, где утоляли жажду животные, и в нескольких минутах ходьбы вверх по течению отыскал достаточно глубокое место. Юноша снял с себя грязную, пропахшую потом одежду. От холодной воды его тело моментально покрылось мурашками, но Гейл, стиснув зубы, все же заставил себя зайти в ручей поглубже. Избавившись от тяжелой одежды, которую вынужден был, не снимая, носить с осени, он чувствовал себя словно заключенный, наконец выпущенный из тюрьмы. Гейл яростно тер тело песком, собранным со дна ручья и окунался, смывая с себя грязь.

Когда он почувствовал себя достаточно чистым, не в силах более терпеть ледяную воду, Гейл быстро выбрался на пологий берег и обсох под последними лучами заходящего солнца. Его еще влажные темные волосы тяжелой гривой падали на спину. Впервые за долгие месяцы юноша обмотал вокруг бедер повязку из шкуры ночного кота. Надев пояс с оружием и подхватив копье, он вновь почувствовал себя самим собой.

Когда Гейл вернулся к костру, Шонг, не вставая с места, взглянул на него снизу вверх.

— По-моему, что погода еще недостаточно теплая для твоего одеяния, — заметил он.

— Я уже задыхался под этими мехами и шкурами, — ответил юноша. — Лучше немного померзнуть, зато носить свою собственную шкуру, прикрыв ее мехом животного, покровителя моего племени. А как там моя находка? Еще не подает признаков жизни?

Шонг покосился на лежащую у костра, закутанную в одеяла женщину. Она еще не пришла в себя, лишь тяжело прерывисто дышала да издавала иногда тихие стоны.

— Ей еще повезло, что она вообще осталась жива. Наверное, бедняжке пришлось карабкаться вверх несколько суток.

— А может, попробовать привести ее в чувство? Хорошо бы ее покормить, она совершенно истощена.

Купец пожал плечами.

— Думаю, будет лучше оставить ее в покое. Сомневаюсь, что у нее хватит сил разжевать вяленое мясо из наших запасов. А ничего другого у нас сейчас нет.

Охотники вернулись, еще до темноты, но удача им не улыбнулась: они пришли без добычи. Горные прыгуны были очень осторожны и, едва завидев человека, уносились прочь длинными скачками. Больше повезло пешим носильщикам, вооруженным пращами. Они принесли несколько мелких зверьков и немного дичи. Вскоре в воздухе уже витал упоительный запах жарящегося мяса. Шонг приказал оставить немного жаркого на случай, если женщина придет в себя.

Гейл ел, не сводя глаз с женщины. Она словно зачаровала юношу. В ней было что-то загадочное помимо ее удивительной красоты и необычности обстоятельств их встречи. У Гейла возникло ощущение, что встреча эта была предопределена. По какой случайности она оказалась в том же самом месте, что и он? И не только это — ведь если бы он появился на горной тропе хоть немного позже, он обнаружил бы лишь хладный труп. В этот момент женщина застонала и пошевелилась, перевернувшись на бок. Плащ соскользнул с ее тела, а задравшаяся куртка открыла выступавшие ребра. Женщи-

на настолько исхудала, что даже сквозь толстую ткань штанов отчетливо проступали бедренные кости. Если незнакомка была такой красивой даже после выпавших на ее долю тяжелых испытаний, как же ослепительно она выглядела раньше?

Через какое-то время, когда все уже поели, Гейл вдруг почувствовал на себе ее взгляд. Посмотрев на женщину, он понял, что не ошибся. Глаза незнакомки были открыты и обращены к нему. Казалось она не испугалась непривычной обстановки, но на ее лице читалась явная настороженность.

Гейл встал и взял кружку. Наполнив ее кипевшей в котелке похлебкой, он подошел к женщине. Просунув руку под плечи и чуть приподняв, он помог ей сесть. Когда юноша поднес кружку к губам незнакомки, она, не сопротивляясь, сделала несколько глотков — сперва осторожно, потом все более и более жадно, крепко сжимая ее дрожащими пальцами. Их кончики, прикоснувшиеся к руке Гейла, были холодными как лед. Выпив половину кружки, она откинулась назад и покачала головой. Гейл продолжал поддерживать ее за плечи — женщину била лихорадочная дрожь.

— Она слишком долго голодала. — Гейл поднял голову и увидел подошедшего к ним Шонга. — Не надо пока давать ей больше.

Юноша кивнул и опустил женщину обратно на ложе. Через несколько секунд она уже спала. Эту ночь Гейл провел рядом с ней. Женщина несколько раз просыпалась, и он давал ей попить немного бульона. Она что-то бормотала во сне, но Гейл не мог разобрать ни одного слова.

Место, где отряд разбил лагерь, оказалось удобным во всех отношениях: свежая вода, сочная трава. Шонг дал людям и животным возможность в течение двух дней отдохнуть и набраться сил. Правда, Гейл очень скоро понял, что понятие начальника экспедиции об отдыхе совершенно не подразумевает наличие свободного времени. У животных нужно было не только тщательно проверить копыта, шкуру, пасть и глаза, но и подлечить их мелкие болячки. Кроме того, следовало внимательно осмотреть каждый ремень и моток веревки, а также тщательно проверить тюки с товаром.

При малейшей возможности Гейл навещал свою незнакомку. Товарищи посмеивались над его заботливостью, но помнили об осторожности. Они еще не успели забыть судьбу, постигшую Агаха. Под вечер первого дня привала он застал женщину сидящей на свернутом плаще. На одном ее колене стояла чашка с бульоном, на другом — кубок разбавленного водой вина.

 — Наша красотка выглядит значительно лучше, — ска-

зал подошедший Шонг, – и я велел принести ей более существенной пищи.

– Она еще ничего не говорила? – спросил Гейл.

– Ни единого слова. Но не думаю, что она нема или безумна. Скорее всего, до того, как что-то сказать, наша новая спутница просто хочет понять, куда она попала и что ее ждет.

– Вчера ночью она говорила во сне, значит, не немая, – подтвердил Гейл и сел рядом с женщиной. Та взглянула на него, но ничего не сказала.

– Как твое имя? – спросил Гейл. Женщина по-прежнему молчала. Тогда он указал на себя и произнес: – Гейл. – Потом поднес палец к ее груди и вопросительно поднял брови, надеясь, что она поймет эту нехитрую пантомиму.

Медленно, точно это требовало от нее огромных усилий, она подняла руку и прикоснулась ладонью к углублению между выступающими ключицами..

– Диена, – произнесла она едва слышно.

Значит, незнакомка его поняла. Гейл протянул руку, указывая на высившиеся за ними горы и тропинку, по которой спустился их отряд.

– Земля Бурь. Мы, – он показал на себя и своих спутников, – пришли сюда оттуда. А ты? – И он снова прикоснулся к ее груди, приподняв брови.

Женщина нахмурилась, будто не вполне расслышав его слова. Однако в ее взгляде, вопреки опасениям Гейла, не было непонимания. Помолчав, она повторила:

– Земля Бурь? – Произношение было немного странным, но он смог разобрать, что она сказала.

К ним подошел Шаула.

– Используй слова попроще и проговаривай их очень медленно, – посоветовал он. – Здесь более всего распространены северный или южный наречия, но у этих двух языков общие корни. По тому, как эта женщина произносит гласные, я думаю, она родом с севера.

Шаула был прав. Гейл вырвал пучок травы и показал женщине.

– Трава, – сказал он.

На этот раз незнакомка кивнула.

– Трава.

Гейл догадался, что она не просто повторила за ним, но произнесла слово на своем языке. Оно звучало странно, но узнавалось довольно легко.

– Северный язык, – с довольным видом кивнул Шаула.

Гейл продолжил урок. Пары дюжин слов оказалось достаточно, чтобы показать, что ее язык включал много

понятий из северного диалекта, на котором говорили к западу от гор. Единственным словом, которого не оказалось в языке женщины, было «наск». Очевидно, эти животные не встречались там, откуда она была родом. К своей радости, юноша обнаружил, что ей знакомы кабо — Диена произносила это слово как «кабио».

В перерывах между работой он старался как можно чаще общаться с Диеной, всегда тщательно следя о том, чтобы не утомить женщину. Лекарь Тувас осмотрел Диену и сообщил, что здоровье ее в порядке, если не считать сильного истощения. Тувас очень интересовался различными лекарственными растениями и охотно соглашался лечить людей, даже ничего не получая за это.

На утро третьего дня, когда участники экспедиции стали сворачивать лагерь и вновь собираться в путь, Гейл устроил для Диены что-то вроде седла на спине одного из насков. Его погонщиком был человек, с которым юноша познакомился в деревне, где они проводили зимовку, — Гейл ему доверял. Никто не сказал юноше по этому поводу ни слова — возможно, просто потому, что не осмелился.

В пути Гейл все время старался найти возможность ехать рядом с Диеной. Между ними быстро росло взаимопонимание. Они уже могли без труда разговаривать, почти полностью понимая речь друг друга.

— Как ты оказалась так высоко в горах? — спросил юноша. Прежде чем ответить, Диена некоторое время смотрела на него испытующим взглядом, оценивая, стоит ли ему довериться.

— Я сбежала от эмси, — сказала она. — Я знаю, что они никогда не ходят в горы. Мне казалось, я смогу перебраться на другую сторону. Но горы оказались такими высокими...

— Тебе здорово повезло, что я случайно на тебя наткнулся. Для того, чтобы добраться на ту сторону, тебе пришлось бы преодолеть хребет. Такой переход крайне тяжел и занимает много дней.

Женщина поежилась.

— У меня все равно не было другого выхода.

Гейл окинул взглядом окрестности, но не увидел ничего, кроме парящих в воздухе птиц.

— А мы можем встретить этих эмси? — Если Диена так отчаянно пыталась убежать от этих людей, то при встрече с ними, скорее всего, могут возникнуть серьезные проблемы.

— Это возможно. — Диена выглядела озабоченной, но не испуганной. — Но вас много, и вы хорошо вооружены. Эмси вряд ли осмелятся напасть. Скорее, они захотят торговать с вами.

— Вот и славно, — сказал Гейл. — Для этого мы и пришли сюда. Но как случилось, что ты стала их... пленницей? — Островитянин не решился произнести слово «рабыня», опасаясь, что это может оскорбить Диену.

Женщина вскинула руку, — Гейл заметил, что пальцы ее слегка дрожат, — и показала на северо-восток.

— Там обитает мой народ — матва, племя Большого Лука. Мы враждуем с эмси уже много поколений.

Диене пришлось повторить эти слово несколько раз, пока Гейл смог сообразить, о чем она толкует. За исключением подобных редких случаев, они уже прекрасно понимали друг друга. Сложность заключалась лишь в том, чтобы разобраться в непривычном произношении и привыкнуть к легким различиям в построении фраз.

На третий день пути Диена настолько оправилась, что ее речь стала более оживленной. Она согласилась показать им ближайшее поселение. Взамен люди Шонга должны были защитить ее, если возникнет необходимость, и доставить к народу матва, когда смогут найти другого проводника. Шонг поначалу не соглашался на это.

— Она станет нашим проводником, — настаивал Гейл. — Значит, должна находиться под нашей защитой.

— Все зависит от того, проявят ли эмси желание забрать ее обратно, — не уступал Шонг.

— Если они начнут говорить, что она их сбежавшая рабыня, мы ее просто выкупим, — заявил юноша. — Не думаю, чтобы они так уж дорожили Диеной.

Шонг внимательным взглядом окинул женщину, все еще не оправившуюся полностью после выпавших на ее долю суровых испытаний.

— Я бы с этим согласился, если бы они ценили рабов на вес. Однако попробуй подойти к этому вопросу разумно. Мы торговцы и исследователи в чужой стране, и не можем позволить себе враждовать с местными жителями. Конечно, если эмси будут настаивать, мы поторгуемся с ними, но я не смогу дать за нашу красавицу больше, чем по справедливости стоит одна истощенная женщина. Все, что они запросят сверх этого, тебе придется оплатить самому — из причитающегося тебе за участие в экспедиции. И не пытайся убедить меня, юноша, что твоими помыслами управляет лишь человеколюбие. Ты влюбился в нее по уши, это ясно и ребенку. Согласись, если бы твоя находка была стара и безобразна или, того хуже, оказалась мужского пола, ты не заботился бы столь усердно о ее безопасности и благополучии.

Гейл сознавал, что возразить ему нечего. Он с удово-

льствием отдал бы свою долю, лишь бы Диене не грозила опасность. Его интересовало все, что касалось этой женщины. Гейла привлекала не только ее красота, как справедливо намекал Шонг, но и та внутренняя сила, что помогла ей сбежать от хозяев и проделать столь трудный путь через горы. Ведь Диена наверняка понимала, что в одиночку слабой женщине преодолеть горный хребет практически невозможно.

— Почему ты не попыталась вернуться к своему народа? — спросил он у нее.

Ответ Диены удивил юношу.

— Эмси легко догнали бы меня. Они ездят верхом на таких же животных, — она показала на его кабо, — правда не таких крупных, но очень быстроногих. А в горах у них не было этого преимущества, поэтому я и побежала туда.

— А твой народ ездит верхом? — поинтересовался Гейл.

Женщина покачала головой.

— Матва селятся среди лесистых холмов, эмси же — на равнине. Некоторые наши племена, обитающие рядом с лесами, держат кабо, используя для охоты. Но большая часть матва не желает иметь с верховыми животными ничего общего.

Это было весьма удивительно, но Гейл давно привык не удивляться обычаям и табу других народов. Теперь он знал, что у каждого народа свои верования, свои боги и относился к этому так же, как к законам природы, — то есть принимал как данность. Когда юноша вспоминал свою жизнь на родном Острове, казавшуюся теперь далеким прошлым, он временами изумлялся, в какие странные вещи, совершенно не задумываясь над этим, верят шессины.

Если бы он по-прежнему был шессином, то, вероятно, отнесся бы к Диене и ее племени с презрением. Ведь они пользовались луками и охотились на животных. Теперь же юноше было интересно побольше узнать о жизни других народов. Ему не терпелось встретиться и с эмси, даже если это грозило опасностью ему и отряду. Этот народ ездил на кабо, а Гейл собирался использовать всадников, реализуя свои замыслы. Еще он знал, что Диена — тоже часть его судьбы, он понял это сразу, в тот самый момент, когда встретил в горах измученную полумертвую женщину.

Гейл ощущал, с какой необъяснимой силой притягивает его неведомая земля по эту сторону гор. Как будто он пришел в то место, где изначально ему суждено было жить. Кому-то эти бесконечные луга могли показаться скучными и однообразными. Но если человек сидел на спине кабо, то видел перед собой бескрайнее пространство, простирающееся до горизонта и дающее ощущение безграничной свободы. Гейл

чувствовал, что именно здесь он сможет выполнить свое предназначение, хотя подробности будущего пока не открылись перед его внутренним взором.

На четвертый день они подъехали к деревне, которая, по словам Диены, называлась Горный Ветер. Недалеко от нее они встретили эмси. Гейл заметил их первым. Он, как обычно, опередил на несколько сот шагов основной отряд. Поскольку видимость на равнинных землях была прекрасная, Шонг велел, чтобы охранники, где бы они ни ехали — впереди, по флангам или сзади отряда — не исчезали из виду. По направлению к каравану двигалось, как определил юноша, около двух десятков всадников. Понимая, что он также не остался незамеченным, Гейл развернул кабо и рысью поскакал обратно к своим товарищам. После его доклада Шонг приказал остановиться и дал сигнал приблизиться остальным охранникам.

— Никакой враждебности! — предупредил Шонг. — Держитесь дружелюбно. Держите оружие наготове, но старайтесь не делать резких движений. Любая нелепая мелочь может привести к ссоре. Я множество раз был свидетелем того, как это происходит.

Потом он обернулся к Гейлу.

— Гейл, ты немало общался с этой женщиной, поэтому лучше других владеешь их наречием. Шаула, ты тоже держись рядом со мной. Вступите с ними в беседу, отвечайте на вопросы, держите себя спокойно и по-дружески. Но когда буду говорить я, вы должны молчать и переводить мои слова, если это понадобится. Надеюсь, вы меня хорошо поняли?

Гейл кивнул. Как обычно, его приводило в восхищение, как быстро Шонг умел сориентироваться в любой, даже самой сложной ситуации.

Через пару минут всадники приблизились. Они ехали спокойной рысцой, не издавая воинственных возгласов. Гейл воспринял это как добрый знак. Но, несмотря на отсутствие проявлений враждебности, внешность этих людей казалась устрашающей. Теперь можно было насчитать по меньшей мере три десятка всадников. Почти все они носили одежды из шкур, прекрасно выделанных и украшенных рисунками и яркой вышивкой. Головы эмси прикрывали капюшоны, изготовленные из голов различных животных. Эти причудливые головные уборы венчали рога, гривы, хвосты, яркие птичьи перья, а некоторые — человеческие скальпы. Седла эмси представляли собой умело сработанные легкие конструкции из дерева и шкур, и также богато украшенные. Всадники были вооружены ножами, и у каждого было длинное копье с бронзовым наконечником. Гейл не заметил в снаряжении эмси ничего

металлического, кроме изделий из серебра и золота, блестевших на их руках и груди.

Вытянувшись в одну линию, всадники остановились на расстоянии двух десятков шагов от Шонга и двух сопровождавших его людей. Затем один из них направил своего кабо вперед. Остальные эмси были людьми среднего роста, но этот казался почти великаном, его ноги всего лишь на фут не доставали земли. На его груди и шее сверкала масса украшений, а богато вышитая кожаная рубаха была белого цвета. Верхнюю часть лица высоченного эмси прикрывала маска какого-то неизвестного Гейлу хищника с рыжим мехом, чьи острые уши стояли торчком, как будто зверь прислушивался к шагам добычи.

— Мое имя Импаба, я помощник вождя северо- западных эмси. Кто вы, чужаки, и что вам надо на наших землях?

Шонг кивнул Гейлу, чтобы тот дал ответ.

— Мы — торговцы, посланные королем Неввы, — сказал юноша. — У нас мирные намерения. Как вы можете видеть, нас немного, и у нас мало оружия. Это наш глава — Шонг, из Гильдии торговцев. Я — Гейл с Островов. Я разговариваю с вами, потому что лучше других овладел вашим наречием. А это — Шаула, ученый человек.

Они заранее договорились не упоминать, что Шаула — картограф, чтобы народ этой земли не заподозрил, что тайной целью торговцев является шпионаж.

Импабу заинтересовали его слова.

— Вы явились из-за гор? — спросил он. — Несколько дней назад мы проезжали вдоль подножия великой горы, однако не заметили никаких признаков появления чужеземцев.

— Мы пересекли горы, — сказал Гейл. — Перешли их с западной стороны, как только весеннее солнце очистило перевалы от снега.

Импаба задумчиво покачал головой, очевидно выражая недоверие.

— Мало кому удавалось переходить через горы, и чаще всего они были из этого, — он показал на погонщиков насков, — народа, что живет на дальних склонах гор. Вы пришли из великой страны?

Гейл собрался было ответить, но тут вмешался Шонг, который, очевидно, пришел к выводу, что теперь прекрасно сможет объясниться и сам.

— Наша страна велика, многолюдна и могущественна. — Опытный путешественник, Шонг прекрасно знал, что никогда не мешает дать местным жителям понять, что повели-

 тель его страны вполне способен отомстить за любой

вред, причиненный его посланникам. — Мой король решил, что нам будет полезно установить связь с народами, обитающими к востоку от гор. Теперь мы знаем, что путешествие через горы не столь недоступно, как нам сперва казалось, и повелитель моей страны хотел бы установить с населением твоих земель торговые отношения. Торговля — основа дружбы между народами.

Суда по всему, Импаба слушал речь Шонга с большим вниманием, ему нужно было прилагать определенные усилия, чтобы понять слова, произносимые с непривычным акцентом. И все равно, он понял достаточно.

— Это мне по душе. Что вы привезли для торговли?

— У нас немало товаров — ткань, линзы для очков, краски и красители, лекарственные снадобья. Конечно, вы понимаете, что наша экспедиция послана для разведки. Мы должны узнать, что хотят иметь местные народы из тех товаров, которыми мы располагаем, и что можем получить взамен. Следующие караваны прибудут, нагруженные товарами, пользующимися у вас наибольшим спросом.

— А есть ли у вас железо? — спросил Импаба.

— Мы не привезли с собой металлов, кроме нескольких мотков железной проволоки. Но мы и сами могли бы хорошо заплатить за железо, если оно у вас есть.

Импаба кивнул.

— Об этом поговорим этом позже. Добро пожаловать на наши земли. Здесь поблизости находится деревня Горный Ветер. Следуйте за нами, там мы сможем взглянуть на ваши товары. После того как вы отдохнете, мы побеседуем.

Внезапно он прервал свою речь и уставился куда-то через плечо Гейла. Обернувшись, юноша увидел Диену, сидящую верхом на наске. Глаза женщины были широко распахнуты, и хотя лицо ее оставалось бесстрастным, Гейл понял, что она сильно испугана.

Импаба ткнул пальцем в женщину.

— Где вы ее взяли? Это наша добыча!

— Возможно, она была ею раньше, — сказал Гейл, — но теперь эта женщина с нами. Мы нашли ее в горах, и она стала проводником отряда и находится под нашей защитой.

Мгновенно из дружелюбно настроенного человека Импаба превратился во врага.

— Она моя! Я хочу ее вернуть! — Он направил было к женщине своего кабо, но Гейл преградил ему дорогу и схватился за копье. Эмси за спиной Импабы насторожились, также положив ладони на рукоятки оружия.

— Стойте! — разрядил напряжение спокойный голос

Шонга. Это подействовало на присутствующих сильнее, чем крик. — Здесь нет предмета для споров. Если она твоя собственность, Импаба, то будет справедливо, если мы заплатим тебе за эту женщину. Давайте спокойно все обсудим, когда прибудем в деревню.

Импаба раздраженно повел плечами, но спорить не стал.

— Да, может, так будет и лучше. Это всего лишь женщина, к тому же она из матва. — Он произнес это слово, словно выплевывая какую-то попавшую ему в рот гадость. — Следуйте за нами.

С этими словами Импаба развернул кабо и поехал вперед, за ним двинулись остальные эмси.

— Я бы не сказал, что переговоры прошли удачно, — заметил Шаула. — Ты отважный юноша, но поступил неразумно.

К удивлению Гейла, Шонга возразил:

— Это не так. Конечно, лезть в драку было бы глупо, но всегда полезно уже при первой встрече дать почувствовать, что тебя невозможно запугать. Тогда никто не подумает, что какими-либо угрозами сможет заставить нас снизить цену на товары.

Шонг обернулся и жестом велел погонщику подвести к ним наска, на котором сидела Диена.

— Спасибо вам, — дрожащим голосом прошептала женщина.

— Мы не вернем тебя эмси, если сможем это сделать, не подвергая отряд опасности, — сказал Шонг. — Но ты должна понимать, что мы не можем из-за тебя поставить под угрозу срыва нашу миссию.

Диена кивнула.

— Я понимаю.

— А кто такой этот парень? — поинтересовался Шонг. — Важная птица или просто вождь небольшого отряда?

Женщина глубоко вздохнула.

— Импаба важный человек среди северо-западных племен эмси. Это кочевники, у них нет постоянного жилья, и свои дома они перевозят с места на место. Мужчины организованы в шесть крупных военных отрядов. Один из них не так давно возглавил Импаба. — Она вопросительно покосилась на Шонга, не уверенная, что он столь же хорошо понимает ее речь, как Гейл.

— Рассказывай дальше, малышка, только говори помедленнее.

— Несколько лун назад он со своими людьми напал на нашу деревню, перебил моих родичей, а женщин и детей захватил в плен.

— Но почему твои соплеменники не пытались защищаться? — удивился Гейл.

— Как это, не пытались? — возмутилась Диена. — Эмси трепещут в страхе перед нашими луками, но верхом на кабо они напали слишком быстро, прежде, чем мы успели приготовиться к битве. Уцелевшие воины сумели дать отпор захватчикам, но не смогли отбить пленников.

— А детей и женщин они берут в плен, чтобы сделать рабами? — будничным тоном, словно о чем-то совершенно обычном, поинтересовался Шонг.

— Да. — Диена кивнула.

— И что они делают с рабами? — продолжил расспросы купец.

— Одних продают на юг, а других оставляют работать на себя.

Лишь теперь Шонг как будто бы проявил неподдельный интерес к разговору.

— А что там, на юге?

Женщина повела плечами.

— Я там никогда не бывала, только слышала чужие рассказы. Говорят, там есть богатые города, а также странные места, где царит сильное колдовство. Их называют Отравленным Землями: люди умирают, попав туда. Наверняка о жителях тех мест я знаю лишь то, что они покупают наших рабов и торгуют металлами: бронзой, золотом, серебром, а порой и железом. Я слышала, как Импаба собирался продать меня южанам за три фунта железа.

— Едва ли сейчас ему удастся заполучить такую цену, — усмехнулся Шонг.

С безрадостным смехом Диена вскинула тонкие, как у ребенка, руки.

— Когда меня только поймали, я была совсем другой. Должно быть, сейчас в это трудно поверить, но в родной деревне меня считали толстушкой... Все же я сопротивлялась изо всех сил, а когда поняла, что сбежать не удастся, пыталась покончить с собой.

Гейлу очень хотелось сказать Диене, что он считает ее красавицей, но, поразмыслив, он сдержался, решив, что сейчас не самое подходящее время для комплиментов.

Через два часа они оказались в деревне, окруженной земляной насыпью высотой в рост человека, на вершине которой был установлен частокол из очищенных от коры и заостренных на концах бревен. Гейл удивился, подумав о том, какого немыслимого труда стоило перетащить такое количество деревьев через безлесную равнину, но вскоре он догадал-

ся, что их могли сплавить вниз по реке, текущей с северных гор. Земляной вал был окружен широким рвом, заполненным илистой водой.

За частоколом располагались круглые хижины со стенами и крышей, выложенной дерном. За пределами земляного вала лежали обработанные поля, вспаханные деревянным плугом, на которых пока не виднелось никаких ростков. Похоже, земледелие было основным занятием жителей деревни, но, помимо этого, они держали небольшие стада квилов и толстых карликовых криворогов. Кроме того, между хижинами свободно расхаживали сотни домашних птиц.

Жители деревни явно принадлежали к той же расе, что и эмси: они были смуглыми, крепкими и коренастыми.

Мужчины и женщины носили кожаные или полотняные юбки; обуви не было ни у кого. Дети широко раскрытыми глазами следили за отрядом, который, извиваясь подобно змее, втягивался в деревню сквозь проем в стене. Когда путники оказались внутри, за ними закрыли на запор тяжелые ворота.

— Кто эти люди? — негромко поинтересовался Шонг.

— Бьяллы, — отозвалась Диена. — Они селятся в деревнях и совершенно не опасны. Бьяллы предпочитают платить подати эмси, вместо того, чтобы сражаться с ними. — Об этом племени женщина отзывалась со всем доступным ей пренебрежением.

— И каким образом они платят эти подати? — спросил купец.

— Как правило, это пища, которая не портится в дороге. Но порой они отдают эмси и своих детей, которых те превращают в рабов. Что касается женщин, то они в безопасности, потому что эмси не находят их привлекательными, — не без горечи пояснила Диена.

— Что ж, участь слабых во всем мире одинакова, — задумчиво промолвил Шонг.

Неподалеку он заметил печи для обжига глины, вокруг которых в большом количестве были расставлены сырые горшки грубой формы.

— Похоже, приличные гончарные изделия будут пользоваться здесь хорошим спросом, — отметил купец. — Конечно, если у них есть хоть что-то ценное для обмена.

Посреди деревни находилась небольшая плотно утоптанная площадь. Здесь эмси спешились. Вокруг них тут же собрались жители деревни. Импаба о чем-то заговорил с седовласым мужчиной, который, вероятно, был старостой этой деревни. Гейл с трудом мог понять их разговор, поэто-

му Диене пришлось переводить. Старец поприветствовал иноземцев и сказал, что готов отдать им в пользование несколько просторных хижин. Больше всего Гейла удивило то, что этот человек проявлял большое достоинство несмотря на то, что жители деревни практически были рабами эмси. Как могут люди в таких условиях держаться столь независимо? Понять это юноша никак не мог.

Шонг велел своим спутникам разгружать насков. Импаба двинулся в их сторону раскачивающейся походкой человека, большую часть жизни проводящего в седле. Гейл приготовился к драке, но вождь эмси не обратил никакого внимания на них с Диеной.

— Мы намерены отправиться на охоту, — заявил он Шонгу. — Вернемся дня через два-три. У вас будет возможность хорошо отдохнуть. Эти рабы готовы исполнить любое ваше желание. А затем, когда я вернусь, мы поговорим обо всем прочем.

Эмси развернулся и, не дожидаясь ответа, сделал знак своим товарищам. Те тут же вскочили в седло и уже через пару минут их отряд скрылся за тяжелыми воротами.

— Скорее всего, они отправились предупредить своих соплеменников, — заметил Шонг. — Увы, с этим уже ничего не поделать. В конце концов, ради этого мы и явились сюда: чтобы наладить отношения с местными жителями.

Хижины, которые отвели им в деревне, оказались довольно просторными, однако дневной свет почти не проникал в них из-за отсутствия окон. Здесь имелся лишь низкий дверной проем и круглое отверстие в крыше для выхода дыма. Из обстановки имелись лишь набитые травой тюфяки да вбитые в стены крючки для одежды. Жители деревни не поскупились на съестные припасы, но, увы, как выяснилось, спиртного они совсем не держали.

В тот же вечер в деревне состоялось какое-то пышное празднество, которое, впрочем, по словам Диены, никак не было связано с прибытием чужеземных гостей. Просто жизнь бьяллов была полна всевозможных ритуалов. Вот и сейчас они завернулись в какие-то яркие одежды, а тела разрисовали затейливыми узорами. Женщины принялись играть на флейтах и стучать в барабаны, в то время как мужчины выступили в сложном танце, изображая охотников, животных, а также, судя по всему, каких-то духов и божеств. Молодые девушки влились в это действо, изображая, судя по всему, грозу с молниями и громом. Похоже, что странное действо всецело поглотило его участников, и сейчас душой и мыслями они были очень далеко отсюда. Гейлу увиденное показалось совер-

шенно непонятным, и даже Диена не смогла дать необходимых пояснений.

— Полагаю, это какие-то земледельческие обряды, — предположил Шонг, — связанные с дождем и плодородием. Ритуалы крестьян повсюду одинаковы и имеют отношение к земле и погоде. Впрочем, не думаю, что нам стоит расспрашивать об этом бьяллов: они могут счесть это оскорбительным.

Спутники Гейла разошлись довольно быстро, не заинтересовавшись диковинным танцем, однако молодой воин еще долго наблюдал за непонятным действом. Никогда прежде ему не доводилось видеть, чтобы люди столь самозабвенно увлекались неким общим ритуалом. Судя по всему, эти крестьяне проводили жизнь в рабстве и нищете, но их духовная жизнь была богатой, красочной и разнообразной. Должно быть, именно это ощущение и подпитывало их внутреннее достоинство. Бьяллы не считали тяжкое повседневное существование подлинной реальностью или не придавали этому слишком большого значения. Главное, что в духовном мире они оставались один на один с величественными силами природного мира. Лишь там эти забитые рабы ощущали себя почти на равных со всемогущими духами и божествами. Насколько мог судить Гейл, они обретали счастье, достигая гармонии с окружающим миром. Однако, сам он, будучи воином по природе, не признавал для себя подобной возможности, хотя и с уважением готов был отнестись к возвышенным верованиям иных народов.

Наконец, Гейл ушел в свою хижину и там, растянувшись на тюфяке, погрузился в сон, убаюканный далекими звуками барабанов и флейт.

Глава десятая

Вот уже пять дней, как воины эмси покинули путников, и до сих пор те не имели от них никаких известий. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, поскольку дикари никогда не вели строгого счета времени, так что Шонг решил подождать неделю, а затем отправляться на юго-восток в поисках следующего поселения. Несомненно, по пути они еще встретятся с эмси.

Гейл тем временем попытался наладить общение с бьяллами, но их язык был куда сложнее, чем наречие северян, и юноша с трудом мог разобрать, о чем идет речь. По предположению Шаула бьяллы говорили на некой древней разновидности языка южан.

Товары караванщиков привели жителей деревни в восхищение, но, увы, у них самих было слишком мало товара на продажу. И все же обмен состоялся. Шонг взял муку, сушеные бобы и пару связок лекарственных трав, которые пожелал иметь лекарь Туос, а взамен отдал несколько рулонов яркого полотна и моток медной проволоки.

Шаула, для которого пока не находилось особой работы, открыл свою тетрадь для зарисовок со страницами из тонкой тюленьей шкуры и постарался изобразить на них саму деревню, ее обитателей, а также самые характерные предметы обихода. Все эти рисунки сопровождались подробными подписями. Предметы, которые изготовляли бьяллы, по большей части были грубыми и примитивными, однако им отлично удавались корзины, сплетенные из веток и травы, со сложным рисунком и причудливо раскрашенные.

Гейл с удовольствием разглядывал рисунки картографа и полюбопытствовал, делал ли их тот просто по собственному желанию или таково было полученное им задание.

— Таково было приказание ученых советников короля: заносить в этот блокнот все то, что покажется мне достойным интереса, — пояснил Шаула. — Хотя, возможно, мои рисунки и не будут представлять для них особой ценности. Когда мы вернемся, мою тетрадь вместе с прочими записями отправят в королевский архив, и там с ними могут ознакомиться все те, кто впоследствии соберется посетить эти земли, будь то ради торговли или войны. Разумеется, все это, — он ука-

зал на изображения круглых хижин, кривобоких горшков и великолепных корзин, — сущая безделица. Однако, ценным может оказаться любое знание.

— Выходит, — задумчиво протянул Гейл, — что и купцы, и картографы, одинаково важны для дел государства.

Обмакнув кисть в разведенные водой чернила, Шаула осторожно подправил сделанное им изображение домашнего криворога.

— Ты совершенно прав. Самое сильное войско может потерпеть поражение, если не будет в точности знать о том, что ждет его в пути. Детальная информация необходима, чтобы предотвратить поражение. Судьба любого военного похода порой висит на волоске. Работа, которую мы выполняем в этой экспедиции, — он похлопал ладонью по своей тетради, — возможно, со временем будет стоить силы десятка тысяч солдат. Где найти воду, какая еда пригодна для людей и животных, каковы нравы и обычаи местных жителей, бедны они или богаты, воинственны или дружелюбны, даже их верования, обряды и все прочее — это может оказаться жизненно важным.

Для Гейла в речах картографа был скрыт особый смысл и потому он старательно их запоминал. Рано или поздно он станет во главе сильного войска, — Гейл был уверен, что это случится довольно скоро, — и тогда без этих знаний ему не обойтись. Для военного похода нужна не только разведка, но тщательная подготовка, которая заложит фундамент успехов на долгие годы... Подумав об этом, он натолкнулся еще на одну мысль.

— Выходит, когда Шонг ведет речь о необходимости мирных отношений и торговли, то на самом деле выполняет работу соглядатая, стараясь выведать все слабые места окрестных народов и понять, как их легче завоевать?

Шаула ненадолго погрузился в раздумья.

— В общем-то ты прав, все это связано между собой. Хотя дружеские отношения и удачная торговля важны и сами по себе. Что же касается военных завоеваний, то едва ли король в ближайшем будущем двинет сюда войска. К тому же, если помнишь, прежде чем пересечь горы, мы прошли еще по землям королевства Омайя.

— Мне это препятствие показалось не слишком серьезным, — возразил Гейл. — Войска Неввы способны разгромить его без всякого труда. К тому же, помнится, ты и там делал какие-то заметки и наброски.

— Ты прав, — с печальным видом кивнул Шаула, — у войны и торговли одни пути. Этого нельзя отрицать.

Сейчас между Омайей и Неввой отношения вполне дружественные, но сильные мира сего привыкли заглядывать далеко в будущее. Им лучше, чем кому бы то ни было, известно, насколько все на свете преходяще. Добрососедские отношения не остаются таковыми навеки, а любой властитель обязан позаботиться об интересах своих наследников. Государство должно суметь защитить себя на тот случай, если в будущем престол займут глупцы или бездельники. Так что короли Неввы и Омайи могут сколько угодно брататься между собой, но они никогда не ослабят охрану границ и не распустят войска.

Эти разговоры с картографом дали Гейлу много пищи для размышлений. Бьяллы оказались плохими собеседниками, и потому большую часть времени он проводил с Шонгом и Диеной. Торговец во многом соглашался с Шаулой, кроме того его тревожила вынужденная задержка в пути. Подобно большинству купцов, Шонг начинал томиться, если приходилось надолго оставаться в одном месте, и стремился как можно скорее двинуться дальше. К тому же времена года менялись, дороги в любой миг могли сделаться непроходимыми из-за наступления зимы или сезона дождей, или каких-либо иных трудностей, создающих помехи торговле.

— Так устроена жизнь, — рассуждал Шонг, внимательно осматривая сбитые копыта насков. — Войны вспыхивают то здесь, то там, в любое время, и даже когда царит мир, кто-нибудь обязательно готовится к сражениям. Для этого бесценен опыт странствующих торговцев, которые знают все о чужих землях. Нередко короли и правители устраивают роскошные пиршества для членов купеческих гильдий, и там стараются расспросить торговцев о тех странах, которые намерены захватить, либо о тех, которые, по сведениям их собственных соглядатаев, намереваются на них напасть. Чаще всего спрашивают о том, много ли солдат купцы видели, когда были там в последний раз, достаточно ли крепкие защитные укрепления, насколько богаты жители, ну и так далее...

Шонг заставил наска открыть пасть и принялся осматривать крупные пожелтевшие зубы.

— Однако сейчас у нас, разумеется, совсем иные задачи. Мы не скрываем того, что явились в эти земли, дабы исследовать их. — Купец усмехнулся. — Впрочем, мы никому не открываем, что Шаула картограф, но здесь дело совсем в другом. Многие дикие народы весьма настороженно относятся к картам, поскольку считают, что они связаны с черным колдовством. Нередко именно наличием карт варвары объясняют поражения, которые их отряды терпят от войск цивили-

лизованных стран. Разумеется, отчасти они правы, но колдовство здесь совсем ни при чем. Однако, дикари уверены, будто на этих листах пергамента содержатся некие заклинания, наложенные на их земли.

— Так мы успели увидеть что-либо интересное? — полюбопытствовал Гейл. — Ты думаешь, эти сведения будут важны для советников короля?

— Едва ли, — ответил Шонг. — Но ведь наша экспедиция только начинается по-настоящему. Еще два или три года мы проведем в этих местах, однако вскоре покинем пустынные равнины, где нет ничего, кроме жалких маленьких деревушек. На юге места представляют куда больший интерес. Мы мало что о них знаем, но я уверен, что там имеются богатые города. Об этом говорила и Диена. Впрочем, кое-что полезное можно узнать даже здесь, потому что отсутствие сведений тоже может быть по-своему интересным.

— Что ты имеешь в виду? — изумился юноша.

Шонг, не скрывая своего презрения, сделал широкий жест.

— Здешние равнины кажутся почти необитаемыми. Они населены дикарями, которые носят звериные шкуры, совершают набеги на соседние деревни и обращают в рабство жалких земледельцев, ковыряющих землю примитивными орудиями. И пусть сейчас короли Неввы и Омайи утверждают, что они близки как братья, тем не менее, — Шонг сделал ладонью волнообразное движение, символизируя тем самым изменчивую натуру упомянутых правителей, — рано или поздно наступит время, и это изменится. Если наш владыка решит, что сможет завоевать соседнюю державу и без особого труда присоединить к своим владениям Омайю, то для него будет очень важно и полезно знать, что из-за гор на северо-востоке никакого вторжения опасаться не следует. Когда я вернусь, то с чистой совестью смогу сообщить его величеству, что в ближайшие годы он может не ожидать с запада никаких серьезных неприятностей, кроме возможного обмана в торговле.

Гейл расценивал сложившуюся ситуацию несколько по-иному, но не стал делиться этими мыслями с Шонгом. Купец посмеялся бы над его юношеским честолюбием или решил бы, что он просто не в своем уме. Для Шонга, заинтересованного преимущественно в торговых путях, рынках сбыта и природных ресурсах, эти земли представлялись, конечно, довольно бесперспективными. Для горожанина Шаулы важность, главным образом, представляли географические сведения. Однако он тут же терял к ним интерес, как только заносил их особыми значками на карты и составлял за-

метки относительно обитающих здесь народов и имеющихся ресурсов.

Но чтоже было важно для него, Гейла? Он видел бескрайние, поросшие травой равнины, а каждый скотовод прекрасно понимает, что трава — это жизнь для скота, а потому — и для человека. Раньше, как истинный представитель своего племени, он думал в первую очередь о каггах. Теперь его гораздо больше интересовали кабо. Здесь он встретил представителей кочевых народов, ездящих верхом. Такие люди могут перебираться куда угодно, лишь бы там было много травы для прокорма кабо. А именно это требовалось, чтобы выполнить предназначение, данное ему самой судьбой.

Юноша стремился повидать народ Диены, матва. Он был уверен, что они тоже представляют собой часть его будущего. Слабость этого народа заключалась в разобщенности на множество племен, с презрением, недоверием и враждебностью относящихся друг к другу. Познакомившись с цивилизацией, Гейл стал понимать, какую силу представляет единство. Короли и их королевства были разделены и враждовали между собой так же, как и первобытные племена. Подобное положение вещей представлялось Гейлу крайне неразумным. В подходящее время он серьезно поразмыслит над этой проблемой.

Сейчас, дабы исполнить свое предназначение, самым важным ему представлялось найти для этой цели невиданной мощи орудие. И он почему-то ощущал непоколебимую уверенность, что в такое орудие можно превратить народы этих диких земель. Даже для забитых, вырождающихся бьялла он нашел бы цель в жизни.

Как обычно, Гейл задавал множество вопросов. Он расспрашивал Шонга о тонкостях торговых отношений между народами. От Шаулы он хотел слышать все о королевской политике, о ведении сельского хозяйства и о цивилизованном землевладении. Как и большинство увлеченных людей, эти двое могли обсуждать детали своего ремесла с кем угодно, лишь бы он проявлял интерес к их делу. Но даже они порой просили пощады под непрекращающимся градом вопросов юноши.

Гейл очень много времени проводил и с Диеной. Она уже почти оправилась и стремилась принять участие в делах своих спутников, но было ясно, что горький опыт общения с эмси лишил ее веры в людей. Гейл терпеливо пытался восстановить это доверие. Она, без сомнения, испытывала по отношению к нему исключительную благодарность — за спасение своей жизни и за то, что он не пытался ничего у нее добиться взамен. Много раз он убеждал ее в том, что не допустит,

чтобы ее вернули эмси, но она, казалось, была не в силах поверить в это до тех пор, пока не вернется к своему народу.

— Вы обитаете в таких же деревнях, как эта? — спросил ее как-то Гейл, стремящийся, как обычно, побольше узнать о каждом народе.

Женщина покачала головой.

— Мы живем в деревнях, но не прячемся за частоколом. Наша защита — доблесть наших лучников.

— Этого не всегда бывает достаточно, — не смог удержаться Гейл. — Стрелы не уберегли тебя от плена эмси.

— В жизни нет ничего постоянного, — сказала Диена. Лицо ее внезапно окаменело. — Даже самых храбрых и сильных иногда можно застать врасплох. Эмси пришли небольшим отрядом, копыта их животных были обернуты тряпками, чтобы не производить шума. Они напали на рассвете, когда мы отправились за водой. В это время люди еще полусонные, двигаются и соображают медленнее, чем обычно. Налетчики хорошо выбрали время и место, они накинулись на нас, как хищные птицы, перебросили тех, кто не успел убежать, через седла и умчались прочь. Но эта вылазка не пошла им на пользу. Двое эмси были убиты стрелами из луков и еще двое — ранены. Это привело их в ярость, а вымещали они ее на нас, пленниках. — Женщина опустила глаза и больше не поднимала взгляда. — Я так опозорена, что мой народ наверняка не захочет принять меня обратно...

— Не бойся, — мягко сказал ей Гейл. — Все осталось в прошлом, ты ведь не повинна в случившемся. И о том, как отнесется к тебе твой народ, беспокоиться не стоит. Я заставлю их уважать тебя, как ты того заслуживаешь.

Теперь Диена подняла на него взгляд — так обычно смотрят на безумцев.

— Да кто ты такой, чтобы навязывать свою волю гордому и свободному народу матва?

Гейл вдруг чувствовал, что эта женщина — единственный человек, с кем он может говорить о самом сокровенном.

— Я — Гейл, я родом с Островов, но скоро стану королем. Я не могу, как большинство правителей, наследовать власть, поэтому мне придется создать свое королевство. И я создам его здесь. — Он плавным жестом обвел простиравшуюся вокруг равнину.

Он был уверен, что не Диена посмеется над его словами, и она, действительно, этого не сделала.

— Не слишком ли честолюбивые мечты для бывшего пастуха, а ныне охранника торгового каравана? — В голосе женщины слышалось сомнение, но не насмешка.

— Я никогда не был похож на других. Даже среди моего народа я был словно изгоем. Я мог бы стать Говорящим с Духами, но обстоятельства сложились не в мою пользу. А потом меня изгнали из племени, благодаря предательству брата.

Он покосился на горы, видневшиеся теперь узкой голубой полоской на горизонте, — будто смотрел через них в свое прошлое.

— Меня неудержимо манит к себе мир духов, — продолжал он. — Еще в детстве я мог их слышать — правда, не всегда понимал, что они говорят. Но я их чувствовал — и долгое время не догадывался, что другие на это не способны. Только наш старый Говорящий с Духами знал об этой моей особенности, но он мало что мог объяснить. Когда я приехал в цивилизованную страну, то подумал, что, может быть, ответы на мои вопросы мне смогут дать боги, которые сильнее духов. Но обнаружил, что их боги — не больше, чем силы природы, олицетворенные в человеческом облике. Эти существа так далеко ушли от духов, которыми когда-то являлись, что теперь в их культах совсем не осталось жизни, а посвященные им церемонии — всего лишь затейливые представления, рассчитанные поразить доверчивых простаков.

Диена удивленно взглянула на него.

— И теперь, когда этих богов нет рядом, ты думаешь, что можешь яснее увидеть предназначенный тебе путь?

— Моя судьба не до конца ясна мне, — признался юноша, — зато совершенно понятно мое предназначение.

Кажется, впервые за все это время он увидел улыбку Диены. Это явно потребовало от женщины серьезного усилия, будто мышцы лица так давно не растягивали ее губы, что теперь это причиняло ей боль. Тем не менее Диена улыбнулась и вдвое от этого похорошела.

— Ладно, — не то в шутку, не то всерьез сказала она, — мне ничего не остается, как вручить свою судьбу человеку, который станет когда-нибудь великим королем этих земель.

Гейл улыбнулся в ответ.

— Ничего не имею против. Ты тоже обладаешь значительной духовной силой — я это чувствую. Если ты будешь рядом со мной, то станешь такой же великой, как и я.

Наконец-то Диена рассмеялась.

— Мне кажется, ты безумец, но я не вижу в этом дурного. Матва всегда почитали юродивых. Защити меня, и ты не найдешь более верного последователя. — Внезапно лицо женщины помрачнело. — Но Импаба и его эмси все еще не отказались от своих притязаний...

— Предоставь Импабу мне. Я смогу с ним разделать-

ся. Теперь я знаю, куда ведет мое предназначение, и не позволю ни одному человеку встать у меня на пути. И уж меньше всего тому, кто проявил к тебе жестокость.

— Если ты сумеешь сделать это, — спокойно сказала Диена, — то можешь не сомневаться, что я буду твоей навеки.

* * *

На шестой день эмси наконец вернулись. Теперь их было куда больше, чем три десятка. Гейл, который бесцельно бродил по тропке, проложенной вдоль частокола, прикинул, что сюда направляется по крайней мере тысяча человек. Они покрыли огромное пространство равнины за пределами деревни, и горстка бьялла постаралась как можно скорее распахнуть ворота. Юноше все эти предосторожности казались нелепыми — он считал, что земляная стена может быть неплохой защитой от всадников, но это нехитрое укрепление в основном защищало бьялла от множества огромных свирепых хищников, в изобилии водившихся на равнине.

Подойдя к Гейлу, Шонг мрачно выругался.

— Хитрый ублюдок! Он расспрашивал у меня о могуществе правителя Неввы и теперь позаботился, чтобы продемонстрировать силу своего повелителя!

— Не стоит недооценивать никаких чужаков, — сказал Гейл. Он был скорее восхищен величественным зрелищем огромного множества всадников, хотя прекрасно сознавал, насколько опасным может оказаться их появление. Однако эта потрясающая картина подсказывала ему, сколь многого он может достичь, командуя таким великолепным войском.

— Ну, да ладно, — проронил внезапно успокоившийся Шонг, — это все лишь представление. Я дам им понять, что впечатлен должным образом. Надо сказать, мне не придется особенно притворяться...

К ним подошел Шаула. Когда Шонг спустился по лесенке на землю, Гейл указал на всадников, которые были уже совсем близко.

— Скажи, Шаула, сколько всадников регулярной армии потребуется, чтобы выстоять против такого числа эмси?

Шаула внимательно оглядел приближающееся войско.

— На вид они довольно свирепы, но шансов выстоять против подчиняющейся жестким приказам кавалерии великой державы у них мало. Эти люди вооружены только легкими копьями, защищены от ударов шкурами, а их щиты сделаны из кожи. В коннице регулярной армии служат отборные воины, происходящие большей частью из благо-

родных семей. Они сражаются в боевом порядке, испытанном во множестве битв. На них прочные доспехи, они носят тяжелые щиты. Их копья длинные и тяжелые, чаще всего с наконечниками из железа, кроме того, они вооружены мечами. В сражении дикая сила этих варваров уподобится соломе, брошенной в огонь.

Гейл постарался запомнить слова картографа. Он тоже спустился на землю и пошел к центру деревни, где Шонг уже разложил товары, привезенные караваном. Через несколько минут к площадке начали подъезжать первые эмси. Торговец полагал, что их будет возглавлять Импаба, но ошибся.

Первой в их сторону двинулась группа людей весьма почтенного возраста, с седеющими или совершенно седыми волосами. Они ехали верхом на невысоких, но прекрасной стати кабо с богато украшенной упряжью.

— Вожди, наверное, — пробормотал Шонг.

Гейл вспомнил слова Тайто Мола, когда Говорящий с Духами объяснял ему, что все порядки племени устанавливались с единственной целью — сосредоточить власть, имущество и женщин в руках нескольких стариков. Юноша подозревал, что то же самое происходит и здесь — скорее всего, так принято у всех народов.

— Если явились их вожди, то, вероятно, драки пока не предвидится, — несколько успокоившись, произнес Шонг.

Гейл тем временем размышлял совсем о другом. Он гадал, как же такое множество всадников разместится в небольшой деревне. Однако эта проблема решилась довольно просто: на деревенскую площадь въехало около четырех десятков эмси, остальные расположились за пределами селения. Собравшиеся на центральной площади люди были, несомненно, богаты и пользовались уважением. Одежду из прекрасно выделанных шкур украшала богатая вышивка. Под лучами солнца ярко блестели многочисленные цепочки, браслеты и подвески из золота и серебра.

Трое эмси, седовласые мужчины, отличающиеся благородной наружностью, выехали вперед. Ихсопровождал и Импаба. Приняв высокомерный вид, он важно сказал:

— Перед вами верховные вожди эмси — Рестап, Мигау и Унас. — Когда он произносил очередное имя, вождь делал жест рукой с повернутой вниз ладонью, очерчивая на уровне груди горизонтальный круг. Выражение их лиц было суровым. — Вожди желают встретиться с чужеземцами, прибывшими в наши края с запада, из-за гор. Я говорил им о том, что вы предлагали, но они пожелали услышать это из ваших собственных уст.

— Привет вам, великие вожди, — произнес Шонг, красноречивыми жестами изображая искреннее расположение и приветливость. — Я привез с собой предложение дружбы от его величества короля Неввы.

Судя по всему, эмси придавали большое значение ритуалу и торжественным церемониям, поэтому купец приступил к заранее заготовленной официальной речи, обращая особое внимание вождей, — конечно, изрядно при этом преувеличивая, — на богатство и мощь своей державы, а также щедрость и могущество ее владыки.

Все то время, что Шонг произносил свою речь, Гейл старался получше рассмотреть эмси, восседающих на своих кабо чуть поодаль от выступившей вперед четверки. Никто из них не спешивался. Мужчины вполголоса переговаривались между собой, с явным интересом поглядывая на выставленные на обозрение товары.

Внимание Гейла сразу привлек человек, резко выделявшийся среди остальных всадников. В отличие от них, у него не было не только копья, но вообще никакого оружия — во всяком случае, юноша его не видел. Одежда этого человека был причудлива, но не богата: сшита из множества небольших шкур мехом наружу.

У него было множество амулетов, на плечах висело большое количество маленьких кожаных мешочков. Вместо копья он держал в правой руке резной посох, украшенный по всей длине яркими перьями, мехом и тем, что при ближайшем рассмотрении оказалось человеческими скальпами. Лицо человека было разрисовано — или же татуировано — переплетающимися между собой причудливыми завитками, а головным убором ему служила кожа, снятая с головы огромной рептилии, очевидно, разновидности змея. Как ни странно, он не обращал особого внимания ни на Шонга, ни на своих вождей — его пристальный взгляд словно застыл на Гейле.

Гейлу, сыну почти такого же дикого народа, что и эмси, было нетрудно узнать Говорящего с Духами. Он сразу же ощутил могучую духовную силу этого человека. Не показной обман жрецов, чему он не раз был свидетелем в Касине — без всякого сомнения, Говорящий с Духами ежедневно соприкасался с бесплотными обитателями этих земель.

После того, как Шонг закончил свою речь, пригласив всадников спешиться и осмотреть выставленные товары, Говорящий с Духами выехал вперед и остановился слева от вождей. Он торжественно поднял свой посох и указал им на Гейла.

— Кто этот человек? — громко спросил он.

 Остальные вожди выглядели озадаченными — этот

вопрос явно не предусматривался официальной церемонией встречи. Гейл тоже был поражен, но не настолько, чтобы не заметить, как отреагировал на эти слова Импаба. Командир отряда воинов метнул в сторону Говорящего с Духами взгляд, полный яростной ненависти.

— Если тебе это так интересно, — ответил столь же изумленный Шонг, — то перед тобой Гейл, юноша с Островов в великом океане. Он — один из охранников моего отряда. Но почему ты спрашиваешь об этом?

Говорящий с Духами что-то проговорил, обращаясь к своим спутникам, но слишком быстро и тихо, чтобы Гейл мог разобрать его слова. Эмси ошеломленно взирали на него — все, кроме Импабы. Тот, судя по всему, яростно возражал. Наконец один из вождей заставил его замолчать, угрожающе подняв руку, и обратился к Шонгу. Это был Рестап.

— Нарайя, наш Говорящий с Духами, утверждает странную вещь. Он сказал, что этот юноша не просто избранник духов, но сам является духом в человеческом обличье.

При этих словах, по рядам эмси, стоявших за его спиной, пронесся глухой ропот.

— Клянусь, вождь Рестап, — сказал Шонг, — мы так же удивлены, как и ты. Гейл — обыкновенный юноша, у которого, так же как у всех нас, исключительно благие намерения относительно твоего народа. Он прекрасный воин и разведчик — но не более того.

Говорящий с Духами подъехал на несколько шагов к Гейлу. Нарайя наклонился вперед в седле, внимательно изучая лицо молодого человека. Несколько томительных минут прошло в полном молчании.

— Волосы, точно бронза ножа, кожа, словно медь, а в глазах — синева небес, — напевно протянул Нарайя. — Несомненно, ты — дух. Почему ты появился среди нас? Ты из великих духов-пророков и пришел направить нас на истинную дорогу или же злой дух, что принесет нам несчастья?

— Мое имя — Гейл, и прежде был воином племени шессинов. Теперь я изгнанник, блуждающий по чужим землям. Я рожден обыкновенной смертной женщиной.

— Почти все духи произошли от смертных, — возразил Нарайя. — Вопрос лишь в том, добро ты несешь или зло?

Шонг, осознав, что его торговая миссия находится на грани провала из-за неожиданного вмешательства Нарайи, попробовал увести разговор в сторону.

— Великие вожди, уверяю вас, что...

— Глупости! — завопил Импаба. — Он, — воин ткнул пальцем в Гейла, — всего лишь никчемный мальчишка,

укравший у меня женщину! Она моя законная добыча, рабыня, взятая в успешном набеге, и я требую вернуть ее мне!

Шонг, ощутив прилив надежды, снова попытался вступить в разговор:

— Я уверен, что мы все уладим. Сколько стоит одна рабыня среди...

— Нет, — отрезал Гейл. — Она — свободная женщина и никому не принадлежит.

— Молчать! — крикнул Рестап. Нахмурившись, он повернулся к Импабе. — Импаба, ты захватил эту женщину, но позволил ей сбежать. Разве чужеземцы виноваты в том, что нашли ее, когда тебе не удалось это сделать? Разве ты отдаешь прежним хозяевам рабов, которых нашел блуждающими по равнинам, не требуя с них оплаты?

Вождь не скрывал негодования. Импаба показал отсутствие единства между вождями эмси, тогда как они намеревались продемонстрировать свою сплоченность и силу.

Импаба побагро, но все же взял себя в руки и понизил голос.

— Прошу простить меня, вождь. Конечно, я так никогда не поступаю. Я позволил горячему сердцу воина возобладать над холодным рассудком.

Рестап кивнул, сделав вид, что удовлетворен этим неуклюжим извинением. Теперь Гейл хорошо понимал натуру Импабы. Если бы Гассем был эмси, а не шессином, они были бы похожи, как близнецы.

Рестап обратился к Нарайе:

— Обсуждение всех дел, касающихся духов, может и подождать. Ты поговоришь с этим юношей, испытаешь его и сообщишь о обо все вождям. А нам имеет смысл продолжить беседу с этим торговцем.

— Торговцем и посланником его величества короля Неввы, — скромно добавил Шонг.

— Правильно... посланником! — Вождь произнес это слово со странной интонацией, будто оно было чуждым для его наречия.

Шонг с облегченнием улыбнулся, добившись, наконец, того, что разговор свернул в устраивающее его русло. Он обратился к Гейлу:

— Ты должен побеседовать с этим жрецом, Гейл. Попытайся убедить его, что он ошибается насчет твоего происхождения. Я уверен, он успокоится, поверив, что ты обыкновенный смертный.

Один из вождей что-то сказал, и все эмси тотчас спешились. Жители деревни поспешно подхватили под узд-

цы их кабо, а всадники принялись внимательно изучать разложенные товары.

Гейл покосился на Нарайю.

— Где мы можем поговорить?

Говорящий с Духами ткнул подбородком в сторону ворот.

— Там, на равнине. В том месте, где нас смогут услышать духи. У тебя есть кабо?

Не отвечая, молодой воин свистнул, и из-за хижины, которую он делил с Диеной и несколькими другими спутниками, появился его кабо. На нем не было седла, поводья лежали на спине животного. Гейл подхватил их и ловким движением вскочил на спину кабо, не выпуская из руки копья. Теперь, когда главный вождь решительно отверг притязания Импабы, он не беспокоился о безопасности женщины.

Пока они ехали по деревне, Нарайя спросил:

— У тебя дома, на Островах, люди ездят верхом?

Гейл покачал головой.

— Я впервые увидел кабо меньше года назад и раньше никогда не ездил верхом ни на одном животном, кроме кагг — да и то просто для забавы, когда был ребенком.

Нарайя кивнул с довольным видом, будто это подтвердило какие-то его мысли.

— Кабо откликнулся на твой свист. Немногие люди могут выучить животное этому — только если приручают его с самого рождения. Кроме того, ты держишься в седле, словно вырос в нем, как эмси.

— Я не похож на других людей, — согласился Гейл. — И я согласен, что у духов всегда было... как бы это сказать... особое расположение ко мне. Но ведь это не значит, что и я сам являюсь духом.

— Посмотрим, — пробурчал Нарайя.

Они миновали частокол и проехали сквозь толпу воинов эмси. Те уже спешились. Одни разводили небольшие костры и готовили пищу, другие развлекались какими-то играми, передвигая по нарисованным на земле клеткам маленькие камешки.

Завидев Нарайю в сопровождении чужеземца с волосами цвета бронзы, они настороженными уставились на всадников, однако никто не заговорил с ними. Гейл догадался, что эти люди относятся к Говорящему с Духами с суеверным ужасом, и он явно не из тех, с кем можно просто поболтать от нечего делать.

Оставив за спиной лагерь эмси, спутники выехали к маленькой речке, огибающей деревню, и вскоре достигли

небольшой низины, где выбивавшийся на поверхность родниковый ключ образовал небольшой пруд.

По берегам росли деревья с тонкими стволами и свисающими в воду гибкими ветвями, усыпанными мелкими листьями. Вся растительность этих мест приспособилась к выживанию в землях, изобилующих постоянными сильными ветрами.

— Это место священно, — промолвил Нарайя. — Любая вода свята, но стоячая вода на равнинах для нас особенно важна. Истоки рек начинаются в неведомых местах, оттуда они текут в такие же неизвестные земли. А ключи служат только нам. Духи этих источников дружественны. Животные приходят сюда на водопой с равнин, поэтому их духи — и наши духи. Духи травы — тоже наши.

— Мой народ разводит домашний скот, — сказал Гейл. — Мне кажется, я хорошо чувствую суть воды, зверей и травы. Может быть, я не полностью понимаю их духов, но я о них знаю.

— В действительности, ни один человек не понимает духов, — заявил Нарайя, — если не является одним из них.

Они направили своих кабо вниз к ручью и дали им напиться. Вода была такой прозрачной, что можно было различить плавающих в ней мелких рыбешек.

— Ты говорил о духах в человеческом облике, — сказал Гейл. — Моему народу ничего об этом не известно. Мы считаем, что духи иногда являются человеку в образе животных, но обычно это происходит во сне.

— Духи способны вселиться в человека при рождении или даже раньше. Иногда это дух умершего, который некогда был могучим героем... Отец либо мать никогда не говорили тебе о каких-нибудь странных обстоятельствах, сопутствовавших твоему рождению?

— Мой отец погиб очень рано, я его даже не помню, — печально произнес Гейл. — А мать умерла при рождении второго ребенка. Это все, что я могу сказать о своих родителях. Мой народ презирает сирот. Приемные родители никогда не считали меня каким-то особенным. Более того — когда я повзрослел настолько, чтобы жить как воин, они были рады, что наконец избавились от меня.

— В этих словах ты сказал значительно больше, чем думаешь. Если мать умирает, не исполнив все необходимые обряды для защиты своего ребенка, тот может попасть под влияние духов. Если бы ты родился среди эмси, я бы очень внимательно следил за тобой.

 — Единственным, кто проявлял ко мне хоть какое-то

участие, был Говорящий с Духами нашего племени, Тайто Мол. Он хотел сделать меня своим учеником, но в нашем племени сироте этот путь заказан.

— Значит, он узрел в тебе то же, что и я. Ты — человек-дух, обладающий могучей силой. Не из тех, кто, подобно мне, общается с духами, ищет их благосклонности и пытается понять их волю — однако у тебя одна дорога с нами.

— Ты полагаешь, моими действиями руководят духи? — спросил юноша.

— Не то чтобы руководят, но словно делятся своей силой. Ты неразрывно связан с ними, но являешься ли ты их орудием, или они — твоим, я пока сказать не могу.

— Ты говорил и о злых духах. Мы никогда не делили духов на злых и добрых — они просто были, и все. Духи могли помочь или причинить вред, но всегда действовали по собственному усмотрению. Тайто Мол утверждал, что плохими или хорошими могут быть только люди. Звери и духи действуют так или иначе потому, что такова их природа, человек же — совершенно иное дело. Тайто еще говорил, что духи мало интересуются жизнью людей, но мне всегда казалось, что это не совсем так. Когда я был в Невве, я узнал, что есть хорошие и плохие боги, но я в них совсем не верю.

Нарайя, спешившись, и уселся на траву у источника, скрестив ноги. Гейл последовал его примеру. Над поверхностью воды деловито сновали похожие на маленькие блестящие копья стрекозы. Нырнула, издав негромкий всплеск, небольшая лягушка.

— О богах немало толкуют и в наших южных поселениях, — сказал Говорящий с Духами. — Я видел их изображения — огромные безжизненные истуканы из дерева или камня. Даже презренные бьяллы не унизятся до того, чтобы поклоняться подобным существам. Бьяллы — народ рабов, но их духовная жизнь очень богата.

— Я это заметил, — сказал юноша. — И мне кажется странным, что они не могут воспользоваться этим обстоятельством, чтобы улучшить свое положение.

— Они полагают, что живут не так уж и плохо, — заметил Нарайя, чем немало удивил Гейла. — Их понятия о жизни сильно отличаются от наших, они смирились со своим рабством. Совершая обряды, бьялла живут в мире духов. Они верят, что после смерти навеки соединятся с ними и полагают, что, совершая ритуальные церемонии, держат в руках нити, управляющие течением жизни. Без них мир может рухнуть, а когда подойдет к концу земная жизнь, они получат вознаграждение за должным образом исполненное дело.

Гейл улыбнулся.

— Даже рабы могут полагать себя владыками мира. Я думаю, это справедливо. Ведь в этой жизни они так мало что имеют!

Нарайя тоже улыбнулся — самой неприметной из всех возможных улыбок.

— Ты и правда человек-дух, я уверен в этом. Но теперь я также убежден и в том, что в тебе нет зла.

— Ваш вождь — кажется, его зовут Рестап — сказал, что ты намерен подвергнуть меня какому-то испытанию.

Нарайя извлек из одного из своих многочисленных кожаных мешочков маленькую косточку и бросил ее в воду. Раздался негромкий всплеск.

— Что может Рестап во всем этом смыслить? Он, конечно, не думает, что духи в человеческом обличье столь часто появляются среди нас, что мы способны придумать для них какое-то испытание — вроде того, что проводят накануне обрезания мальчиков. Рестап просто хотел удалить нас обоих из деревни, чтобы без помех осуществить свои обязанности вождя. Хотя, по большей части, это всего-навсего бесполезная болтовня.

Гейл решил, что этот человек ему нравится. Разговор с Нарайей заставил юношу вспомнить старого Тайто Мола. Причем этому способствовало не только сходство их занятий. Говорящий с Духами внезапно сделался серьезным.

— Да, ты не злой дух. Но это не означает, что ты не несешь с собой никакого зла. Нам известны духи-пророки — могущественные вожди, которые нам являлись. Они пользовались покровительством сильных духов и совершали великие дела — но их появление означает также массу волнений и неприятностей. Теперь я почти уверен, что ты — один из них.

Несколько мгновений он взирал на Гейла из-под змеиной морды, венчающей его лоб.

— Тебя это не удивляет?

Гейл покачал головой.

— Я же говорил, что отличаюсь от других. А с тех пор, как стал изгнанником, понял, что предназначен для какой-то великой, хоть и не совсем еще ясной мне цели. Согласившись участвовать в этой экспедиции, я предчувствовал, что произойдет что-то очень важное. Предчувствие усилилось, когда я нашел эту женщину матва, Диену.

— Ясно. И что жетебе открыли духи?

— Одни лишь намеки, и больше ничего. — Юношу несколько смущал разговор с этим человеком, но он чувствовал, что Нарайя может оказаться ему полезным. — Я

увидел теперь, что мир делится на земли, населенные первобытными племенами, и цивилизованные страны. Каждый народ старается угнетать того, кто слабее, и я знаю, что это неправильно. Я ощутил это вот здесь. — И он дотронулся кончиками пальцев до своей обнаженной мускулистой груди.

— Что значит: неправильно сильному угнетать слабого? — переспросил Нарайя. — Так ведется испокон века. Слабейшие, таким образом, не умножаются чрезмерно, а сильным это помогает избежать вырождения. Тебе хотелось бы видеть мир, в котором существуют одни бьялы?

В его глазах сверкнула насмешка.

— Нет, однако я осознал, что вся сила и мощь цивилизованных государств в основном показная. Они почитают себя великими захватчиками, однако ведут лишь бесполезные, никому не нужные и не приносящие каких-либо серьезных выгод войны, а затем, чтобы увековечить свои якобы блистательные победы, воздвигают в их честь величественные монументы. Утверждают, что рабы — их военная добыча, но я обнаружил, что множество рабов родилось в неволе или же проданы в рабство родителями, которые не в силах прокормить своих детей. Большую часть времени регулярные армии скрываются за крепостными стенами, а сами солдаты немногим лучше рабов. — Гейл презрительно махнул рукой. — И они воображают, что сильны! Если бы мы, шессины, не было столь малочисленны, то легко покорили бы весь цивилизованный мир!

— Воинская гордость заслуживает уважения, — сказал Говорящий с Духами. — Ты, конечно, прав — в южных королевствах многое происходит именно так, как ты только что описал, однако мы не можем их завоевать. Дисциплина регулярных армий дает этим странам преимущество. Также важно, что у них гораздо больше воинов. Потерпевшая поражение армия вновь и вновь пополняется новыми солдатами. Наши воины иногда служат в разведке и кавалерии таких армий, поэтому мы знаем об этом. Может быть, они и не могут похвастаться особым воинским искусством, но богатство их стран и многочисленность населения делают их почти непобедимыми. Иначе мы давно разбили бы их и превратили в подобие бьялла.

Гейл улыбнулся.

— Вот поэтому-то я и явился к вам. Я, Гейл, человек-дух, провидец и великий вождь!

Нарайя уставился на него, распахнув глаза от изумления. Потом тоже улыбнулся — и неожиданно улыбка сменилась неудержимым смехом.

— Ага! Вот это уже забавно! Однако, мне кажется, прежде чем говорить о подобных вещах, тебе придется

разобраться с Импабой. Учти, он груб, жесток и силен. И он затаил на тебя злобу.

— Согласен, — сказал Гейл. — Давай для начала поговорим об Импабе.

* * *

По возвращении в деревню, они застали оживленную торговлю в самом разгаре. Шонг сидел в кругу вождей около сваленных грудой товаров. Бьялла приносили им еду и напитки. Время от времени по знаку вождя к ним подходил воин со связкой прекрасно выделанных мехов или ярких перьев. Шонг доставал свертки материи, или мотки медной проволоки, или еще какие-либо товары и совершал сделку.

Купец покосился на подошедшего к ним Гейла

— Надеюсь, ты все уладил, мой бесстрашный друг? Прекрасно. Тогда можешь полюбоваться на наши приобретения. У этих людей великолепные меха. Окрестные холмы и горы просто-таки кишат разным зверьем с пушистой шкурой, и эмси ставят на них ловушки. Перья тоже, надо сказать, отличные. К тому же меня заинтересовали и кое-какие странные предметы. У них есть какой-то порошок... ты не покажешь нам его еще раз, вождь Унас?

Вождь тотчас дал знак, и воин поднес деревянную трубку длиной в локоть и толщиной с большой палец человека. Унас снял с ее конца крышечку и вытряс на ладонь небольшую щепотку сероватого порошка. Трубку он отдал обратно воину, а порошок бросил в горящий перед ним костер. С шипением, сопровождаемым яркой вспышкой, порошок сгорел, оставив после себя огромные клубы дыма, тут же застившего глаза и проникшего в ноздри сидевших около костра.

— Поразительно, не правда ли? — заметил Шонг. — Они говорят, что привозят этот порошок откуда-то с востока, с реки, которую они называют Великой. Эмси клянутся, что люди там используют его силу как оружие, хотя не могут толком рассказать, как именно это происходит. Я хочу отвезти трубочку с этим порошком в Невву. Уверен, что он один оправдает всю нашу экспедицию. Особенно если мы сможем узнать, как он изготовляется и используется.

Разумеется, заявил Гейл Шонгу, этот порошок — весьма занятная вещь... но на уме у него было совсем другое. Вожди косились на него с любопытством, задаваясь, вероятно, вопросом: что за разговор произошел между ним и Говорящим с Духами за пределами деревни. Юноша огляделся в поисках Импабы, но того поблизости не было. Если Импаба

походил на Гассема — а Гейл был уверен, что это именно так, — он удалился куда-то со своими ближайшими приспешниками, обсуждая с ними свой следующий шаг, который мог решить судьбу как Гейла, так и Диены.

После столь удачно положенного начала Шонг провозгласил, что вечером состоится пир, на который приглашаются все вожди и воины эмси. Он выторговал у бьялла несколько жирных криворогов, намереваясь забить их к пиршеству. Даже здесь его не подвела купеческая жилка: он велел повару обильно приправить мясо используемыми на западе специями, надеясь создать на них спрос.

— Мне сообщили, что к югу отсюда имеются большие залежи соли, — сообщил купец Гейлу. — Так что соль в эти земли нам поставлять не придется. Ну, это и к лучшему. Она слишком тяжела и неудобна для перевозок.

К ним приблизился лекарь Тувас, державший в руках целую охапку связанных в пучки сушеных трав. Обычно угрюмый и неразговорчивый, сейчас он прямо-таки светился от восторга.

— Нет, ну вы только взгляните на это! Лапа Квильего Пастуха, Черная Красотка, Месть Бога Войны, Дрожащий Мох! Невероятно ценные лекарственные травы — а здесь их не меньше, чем у нас садовых сорняков! — Он обратился к Гейлу, видя, что тот уже открыл рот, дабы задать один из своих неизбежных вопросов. — Первые две травы — очень сильное слабительное. Богатые люди питаются сытной тяжелой пищей, которая не позволяет их кишечнику опорожняться самостоятельно. Другая травка снимает опьянение. Когда за обильным столом обсуждаются серьезные проблемы и требуется трезвое состояние рассудка, она становится просто незаменимой. Еще одна ценится как средство от похмелья, поэтому пользуется большим спросом у аптекарей, открывающих свои лавки ранним утром.

— Хвори богачей могут принести немалую прибыль, — подтвердил Шонг.

Вечером всю деревню наполнили дразнящие запахи жареного мяса. Гейл слишком нервничал, чтобы с удовольствием предвкушать пиршество. Он знал, что этой ночью неизбежно произойдет стычка с Импабой.

— Я очень рад, — заметил Шонг, обведя взглядом собравшихся вождей и воинов, — что эти люди ничего не ведают о крепких напитках. Иначе они могли бы забыть, что решили с нами подружиться.

Гейл согласился, что это было бы и впрямь весьма прискорбно.

Вскоре приглашенные приступили к пиршеству. Несколько эмси достали флейты, какие-то струнные инструменты и барабаны и начали сопровождаемый гигантскими скачками дикий танец. В нем не было ничего от величественного достоинства обрядовых танцев бьялла, но зато он отличался удивительной энергией и задором. Гейл с восхищением следил за эмси. Юноша еще не видел их женщин, и ему трудно было представить, как они могут выглядеть.

Гейла невольно весь подобрался, когда увидел приближающегося Импабу. Его сопровождала группа воинов с грубыми злобными лицами. Их свирепый вид подчеркивала особая раскраска: полукружья под глазами затемнены, щеки испещрены длинными кроваво-красными полосами. В отличие от вождей, спокойно уделявших должное внимание остаткам мяса, которое они обгладывали с костей криворогов, эти люди были вооружены кинжалами и особыми дубинками, бывшими в ходу у всадников эмси: каменный шар, приделанный к тонкой деревянной рукояти. И шар, и рукоять покрывали куском сырой шкуры, которая, высыхая, приобретала необыкновенную прочность. Упругая подвижность кожи придавала не такому уж тяжелому оружию смертоносную силу.

Один из вождей в гневе обратился к Импабе, требуя объяснить их вторжение. Почему они появляются среди мирно пирующих людей, словно готовы вот-вот начать драку?

Ответа не последовало.

Импаба приблизился к самому большому костру, и музыка смолкла. Танцоры прекратили свои прыжки и телодвижения, недоуменно озираясь вокруг. Постепенно смолкли все разговоры, поскольку пирующие поняли, что сейчас должно произойти что-то серьезное. Всеобщее внимание обратилось к Импабе и небольшой группе его приспешников.

— Я пришел забрать свою женщину! — прорычал Импаба, сверкая глазами.

Рестап поднялся с места и гневно отрезал:

— Я объявил свое решение! Убирайся отсюда и не возвращайся до тех пор, пока не оставишь оружия и не смоешь с себя боевую раскраску!

— Никакого решения я не признаю! Ты лишь дал им отсрочку. Но торг уже завершен, и вы, которые когда-то были воинами, — эти слова Импаба произнес с нескрываемым презрением, — успели установить мир с чужаками. Теперь я хочу, чтобы этот человек, — он простер руку, указывая на Гейла, — вернул мне мою женщину!

С места поднялся вождь Унас.

— Остерегись, Импаба! Ты вождь военного отряда и

заслужил свое положение совершенными подвигами, но ты не единственный храбрый воин среди эмси. Твое непристойное поведение может стоить тебе звания командира.

Импаба издевательски расхохотался.

— Твои слова ничего не значат, вождь! Я силой завоевал свое положение, и мои люди последуют за мной, потому что среди эмси не найти более сильного, храброго и хитрого воина. Они не оставят своего вождя из-за пустой болтовни какого-то старика!

Внезапно раздавшийся громкий улюлюкающий вой положил конец спору. Все головы разом повернулись к Говорящему с Духами. Нарайя выскочил в круг, очерченный светом костра, взмахнул посохом и загремел многочисленными амулетами, которыми был обвешан с головы до ног. Он начал выкрикивать высоким, вибрирующим голосом:

— Не смей трогать Гейла! Этот человек пользуется расположением духов! Он предречен нам судьбой! Страшное несчастье ждет того, кто встанет на пути возлюбленного духами! Гейл сделает народ эмси великим! — Колдун проговорил эти слова певучим речитативом, затем продолжал обычным тоном, хотя не менее громко: — Отступи, Импаба. Твои притязания выше твоих слабых сил.

— О чем ты болтаешь, старый глупец? — спросил Импаба. Он взглянул на своих людей, но смог прочитать в их глазах лишь суеверный ужас. — Этот жалкий юнец, способный лишь воровать женщин, может сделать нас великими? Мы уже и так обладаем величием!

— Он предречен нам! — выкрикнул Нарайя. — Вы все знаете пророчество Азулы, матери всех эмси. — Как многие хранители древнего знания, Нарайя сперва говорил своим слушателям, что они знают то, о чем он собирается сказать, а затем, убедившись, что никто ничего толком не помнит, принимался освежать их память. — Она предрекала, что шесть великих вождей придут к нам из неведомых земель. Каждый поведет нас к истинному величию, к каждому из них прикоснулись духи. Первым был Вон, Приручитель кабо, пришедший с юга. Он нашел нас в лесистых холмах, где мы тогда обитали, словно жалкие матва. Он вручил нам дар, обучив езде верхом на кабо, на которых мы раньше охотились, питаясь их мясом. Ван научил нас выращивать и приручать этих животных — и каждое потомство кабо становилось сильнее, крупнее и быстрее предыдущего... Следующим пришел Черный Мартайн с востока. Он вывел нас на равнины, в безграничный мир лугов и трав и окунул нас в мир духов этих земель. Он дал нам власть над бьялла, онко, окла, что живут на краю Отрав-

ленных Земель, и над всеми остальными оседлыми равнинными народами. Теперь среди нас появился Гейл с Островов, находящихся далеко на западе. Облик его предсказан Азулой: волосы, как бронза, кожа, как медь, глаза, как небо. Этот юноша не более года ездит на кабо, но делает это не хуже истинного эмси, и животные слушаются его без всяких поводьев. Он обладает могучей духовной силой, он предвещен нам. Гейл — третий из тех, о ком пророчествовала Азула, и он приведет нас к новому величию!

Все загомонили после этих слов, но тут Нарайя повелительно взмахнул рукой, призывая соплеменников к тишине.

— Послушай меня, Импаба. Эта женщина, Диена, принадлежит Гейлу. Ты должен забыть о ней и, подобно всем нам, признать Гейла великим вождем.

— Никогда! — взревел Импаба. — Женщина принадлежит мне, и я никогда не признаю вождем этого мальчишку-чужака. Если у него есть мужество, пусть он выйдет и сразится со мной. Я докажу свою правоту, убив его, и ты, Нарайя, не сможешь этому помешать!

Бросая вызов, Импаба с воинственным видом расправил плечи и принялся размахивать палицей с каменным шаром на конце; в другой руке у него был кинжал.

Гейл не спеша поднялся с места. Взоры всех собравшихся устремились на него. Он нарочито медленно положил на землю свое копье, меч и нож.

— Взгляните! — завопил Импаба. — Он боится подойти ко мне с оружием в руках! Сопливый мальчишка! Пришел просить пощады, молокосос? Верни мне мою женщину и убирайся прочь, тогда, возможно, я сохраню тебе жизнь!

Гейл откликнулся спокойно, но достаточно громко, чтобы повсюду был слышен его голос.

— Это правда, что я отмечен духами, я сам дух в человечьем обличье, и я пришел сразиться с тобой, Импаба. Я слышал, что вы, эмси, превосходные борцы. Мои соплеменники, шессины, также считаются лучшими воинами в мире. Я готов схватиться с тобой без всякого оружия, но если ты боишься помериться со мной силами с голыми руками, то можешь взять любое оружие, какое только пожелаешь.

От изумления Импаба застыл с раскрытым ртом, словно жертвенное животное, настигнутое ударом жреческого ножа. Верховные вожди с жаром принялись обсуждать происходящее. Хотя Гейл не слышал их слов, он догадывался, о чем шла речь: вожди были бы рады поражению Импабы, но также опасались и возвышения Гейла. Разумеется, им пришлась не по душе мысль о том, что чужеземец, человек иной

расы, выиграв всего одну схватку, станет их предводителем, и Гейл решил смягчить положение.

— Среди вас я чужак, — заявил он, — и хотя пророчества предсказывали мое появление в этих краях, я не думаю, что вы готовы без доказательств поверить моим утверждениям и словам Говорящего с духами. Пусть порукой мне станут мои будущие деяния. Сейчас же я вступлю в бой за Диену не потому, что желаю сделать ее своей рабыней. Она — ничья собственность, и я хочу, чтобы Диена сама могла решить свою судьбу.

— Это все пустые слова, потому что скоро ты умрешь, — с презрительным видом Импаба сплюнул себе под ноги. — И я готов без всякого оружия отправить тебя к праотцам!

С этими словами он отшвырнул нож и палицу, затем сбросил накидку. Зрители были необычайно взволнованы, ведь этот бой обещал стать захватывающим зрелищем сам по себе, но, кроме того, грозил и большими переменами в их жизни.

Трудно было вообразить себе более различных поединщиков, чем эти двое. Гейл был выше ростом, но Импаба казался куда более мощным, коренастым, с массивными руками и ногами и могучей грудной клеткой. Он был столь широк в плечах, что по сравнению с ним Гейл, принявший защитную стойку, казался едва ли не подростком.

Впрочем, зрители не обманывались насчет обоих бойцов. Хотя Гейл казался куда более стройным и хрупким, но движения выдавали в нем опытного воина, и хотя длинные крепкие мускулистые руки юноши и его тонкая талия скорее произвели бы впечатление на утонченного невванского скульптора, чем на вербовщика наемников, но опытные бойцы понимали, что истинная сила заключена не только в мощных мышцах, но и в правильных пропорциях всего тела.

Ноги у Гейла были длинные и крепкие, с сильными бедренными мышцами, перекатывающимися под кожей и четко очерченными икрами; это были ноги прирожденного бегуна. Что касается Импабы, то хотя ноги его и бугрились узлами мышц, но из-за постоянного пребывания в седле им недоставало подлинной силы. По сравнению с массивной верхней частью, нижняя казалась довольно невзрачной, так что отчасти он напоминал жука, вставшего на задние лапы. Для людей, хоть что-нибудь смыслящих в борьбе — а таковыми считали себя все представители племени эмси, — это было очень существенным признаком, ведь при борьбе ноги имеют ничуть не меньшее значение, чем руки. Пока борцы стоят, то крепкие ноги придают телу устойчивость, позволяют быстро

перемещаться и отбивают удары. Когда же поединщики, сцепившись, падают на землю, то ногой можно нанести смертельный удар или придавить противника.

Соперники, наконец, сошлись в схватке и осторожно закружили друг возле друга, терпеливо выжидая подходящий момент для нападения. Каждый стремился оттеснить врага в невыгодное положение, где его бы ослепил свет костра, и, поскольку у обоих борцовские приемы оказались весьма схожими, то долгое время схватка толком не начиналась.

Первым не выдержал Импаба. Он сделал обманное движение, словно собираясь схватить противника за шею, но Гейл не поддался на эту уловку. Чуть погодя Импаба повторил атаку, однако на сей раз уже всерьез. Гейл и теперь оказался наготове, и когда эмси прыгнул вперед, то подставил ему подножку, и тут же стремглав отскочил в сторону. Импаба тяжело рухнул на землю, однако в падении успел толкнуть противника в грудь и ухватить его за пояс.

Ощутив на себе хватку Импабы, Гейл тут же отскочил, и все равно от мощного удара у него перехватило дыхание. Лишь отчаянным рывком юноша сумел высвободить руку. Если бы сейчас кулаками он ударил Импабу по горлу, то мог бы без труда разделаться с ним, однако среди шессинов этот прием считался запретным, и Гейл не стал рисковать, опасаясь, что подобные же правила могут существовать и у эмси.

Тогда молодой воин уперся в землю пятками, чтобы удержать противника в движении, и, согнувшись пополам, также обхватил Импабу за пояс. Затем он резким рывком вскинул его в воздух, перевернул и швырнул через бедро. Это вынудило Импабу ослабить хватку, и эмси тяжело рухнул навзничь. Если бы они сражались по-настоящему, то Гейл немедленно набросился бы на упавшего врага, нанес бы смертельный удар пяткой в горло или сломал коленями ребра. Однако, правила поединка подобного не допускали, и он дал возможность Импабе подняться на ноги.

С лицом, искаженным от ярости, скалясь, точно дикий кот, эмси вскочил на ноги. Теперь он больше походил на хищного зверя, чем на человека, и двигался быстрее ядовитой змеи. Поединщики схватились стоя, причем каждый пытался сделать удушающий захват, одновременно не позволяя сопернику ухватить себя за шею. Импаба на миг одержал верх, стиснув горло Гейла, однако юноша тут же воспользовался этим, чтобы приподнять противника над землей. Лишившись опоры, тот слегка ослабил хватку, и поединщики вновь отпрянули друг от друга.

 Теперь Гейл точно знал, что силой Импаба превос-

ходит его. Преимущество было весьма значительным, однако не решающим. Судя по всему, Импаба совершенно не умел пользоваться ногами, так что по понятиям шессинов, он был бойцом лишь наполовину. И все же Импабе нельзя было отказать в проворстве, и руки у него были сильными, как клещи.

Впрочем, враг Гейла не был свободен и от иных недостатков. Больше всего подводил его неуправляемый бешеный нрав. Любой борец, когда позволяет гневу взять верх над хитростью и холодным расчетом, то в бою он больше не полагается на свое искусство, а использует лишь грубую силу, и в этом залог его поражения.

И вновь Импаба бросился вперед, но Гейл опередил его. Слегка отступив влево, юноша нанес коленом удар в солнечное сплетение противника, одной рукой обхватил его за спину, а другой стиснул плечо. Вращающим движением Гейл швырнул соперника вперед, и тот вновь с тяжелым грохотом повалился навзничь.

Теперь Импаба поднимался на ноги не спеша и с осторожностью. Когда на миг он отвлекся, Гейл тут же воспользовался этим, чтобы вновь нанести врагу мощный удар. Однако, в падении эмси успел ухватить юношу за локоть и увлек за собой на землю. И вновь поединщики сцепились, пытаясь произвести решающий захват. Импаба, навалившись на Гейла сверху, пытался просунуть руки, чтобы обхватить шею и, дернув назад, переломить противнику хребет.

Чтобы помешать врагу, Гейл с силой прижимал к бокам локти, одновременно пытаясь разжать хватку противника, но вскоре понял, что сделать это он не сумеет. Импаба давил на него всей своей мощью, тогда как сам юноша мог полагаться лишь на силу мышц, плеч и груди. В этот миг зрители, должно быть, решили, что молодой шессин вознамерился покончить жизнь самоубийством, — ибо он внезапно развел в стороны локти. Тут же эмси завершил захват и обхватил спереди плечи юноши, чтобы затем сжать пальцы сзади, на затылке врага.

Гейл едва лишь ощутив ужасающее давление, готовое сломать ему шею, постарался наклонить голову вперед, нижней челюстью упираясь в грудь. На пару мгновений это дало ему свободу действий, и он, совершив отчаянный рывок, тут же подогнул под себя ноги. Теперь, упираясь в землю, он на ощупь сумел дотянуться до головы Импабы и вцепился ему в косматую гриву. Зрители смотрели за происходящим, раскрыв рот, толком не понимая, что происходит. Гейл вскочил.

Затем, собрав все силы, он низко присел, подпрыгнул, перевернулся в воздухе и приземлился на спину... Теперь уже Импаба оказался под ним. Тяжелое дыхание эмси с хрипом вырывалось из легких. Он разжал захват. Высвободившись, Гейл откатился в сторону и вскочил, стараясь лишний раз не двигать головой, чтобы судорога не свела шею. С яростным ревом Импаба также поднялся на ноги, но теперь в рыке его звучал не только гнев, но и страх. Он бросился в сторону, нагнулся — а когда выпрямился, то в правой руке эмси оказалась смертоносная палица с каменным наконечником. Он словно и не слышал негодующих криков, которыми встретили это действие зрители.

Однако, Гейл с самого начала был готов к тому, что это произойдет. Во время поединка у него не раз возникала возможность разделаться с врагом, но юноша этим не воспользовался. Он желал одержать над соперником полную неоспоримую и — что немаловажно — зрелищную победу. Жизненный опыт подсказывал молодому человеку, что надменные хвастуны, подобные Импабе, всегда остаются трусами в душе. Вот почему Гейл не сомневался, что, как только противник усомнится в своей победе в честном бою, как тут же схватится за оружие.

Увесистая дубинка со свистом устремилась к голове Гейла, однако Импаба был уже настолько измотан, что движениям его недоставало прежней точности и силы. Юному шессину не стоило большого труда перехватить запястье противника и вскинуть вверх его руку, чтобы зрители могли убедиться: он не использует никаких запрещенных приемов. Впрочем, в этом и не было особой нужды: в превосходстве юного чужеземца успели убедиться все вокруг.

Затем Гейл вывернул Импабе запястье, заставил его пригнуться и тут же нанес резкий удар ногой под колено. Противник повалился наземь.

Гейл склонился над врагом, коленом прижимая к земле его ногу, а рукой стискивая горло. Одновременно он продолжал сжимать запястье Импабы, безжалостно его выкручивая, пока тот не выронил свою палицу. Зрители разразились восторженными воплями. Теперь уже никто не сомневался в победе Гейла. Затем внезапно наступила тишина — и голос юного воина прозвучал особенно отчетливо:

— Ты побежден, Импаба, сдавайся!

Поединщики застыли в неподвижности, словно два изваяния.

— Не дождешься! — сдавленно прохрипел Импаба.

Гейл продолжал с силой сжимать противнику горло.

Тот мог яриться сколько угодно, но уже прекрасно сознавал, что высвободиться не сумеет, и окончательное поражение — уже вопрос времени. А времени у Гейла было в достатке, и он еще с еще большей силой сжал горло соперника.

— Это не лучшая смерть, Импаба, — невозмутимо проговорил он, отчаянно пытаясь сдержать дрожь в голосе и восстановить дыхание. — Разве истинный воин может умереть перед толпой зевак, среди которых немало бьяллов? Я считаю тебя отменным бойцом и буду горд сражаться бок о бок с тобой, когда возглавлю войско. Сдавайся!

— Нет! Я не желаю, чтобы все подняли меня на смех! — выдохнул Импаба. Эта фраза была на удивление длинной для человека в его положении, но Гейл сразу понял, что его соперник, как все малодушные люди, не может сдаться, не подыскав для себя сперва подходящего оправдания.

— Никто не станет смеяться над тобой за то, что ты уступил духу в человеческом обличье, — объявил юноша. — Это честь для любого воина. О тебе станут складывать легенды, как о человеке, что бросил вызов великому вождю, предреченному пророчествами, и хотя в этой схватке ты проиграл, но ты все равно станешь первым среди моих военачальников.

Это был удачный ход: зрители тут же одобрительно загомонили, и громче всех мудрость Гейла славил Нарайя. Выждав еще пару мгновений, Импаба, наконец, просипел:

— Хорошо. Сдаюсь.

Едва лишь он произнес эти два слова, как Гейл тут же выпустил его и, скрестив руки на груди, сделал шаг назад. Нарайя что-то закричал на древнем языке, понятном только Говорящим с Духами, а все воины, наблюдавшие за поединком, радостно заголосили. Их вожди держались более настороженно, но даже они были вынуждены признать, что стали свидетелями очень важного события.

Наконец, Импаба поднялся на ноги. Его шатало из стороны в сторону, по разбитому в кровь лицу вместе с потом текла размазанная краска. Гейл встал перед ним, словно бы совершенно невредимый и спокойный, изящный, словно танцор, завершивший свое выступление. На самом деле ему понадобилось собрать в кулак последние силы, чтобы выглядеть именно так, но юноша сознавал, что в будущем эти мгновения могут стать для него чрезвычайно важными.

Во взгляде Импабы был страх и благоговение. Неуверенным медленным жестом, так, словно само тело с трудом повиновалось ему, он поднял руку и, сжав кулак, костяшками пальцев дотронулся до лба в приветственном жесте. Без единого слова Гейл развернулся и двинулся прочь. Диена

вышла ему навстречу из хижины, которую делила со своими спутниками. Молча она взяла юношу за руку, подав ему знак следовать за ней. Когда они оказались в хижине, то Гейл тут же устало опустился на тюфяк, а Диена накинула ему на плечи покрывало.

— Так, значит, о тебе и впрямь было пророчество? — спросила она.

— Похоже на то. Однако, я — простой смертный, а вовсе не дух, принявший обличье человека, как полагают эмси.

— Для меня ты человек и прежде всего мужчина, — низким голосом промолвила Диена. — Для меня нет ничего важнее этого.

Нежными устами она прижалась к его губам, и Гейл с радостью ответил на поцелуй. Однако, он не пошел дальше этого, даже когда женщина дала ему понять, что не будет возражать разделить с ним любовь.

— Нам лучше подождать еще немного, — промолвил он. — Ты еще не вполне оправилась после болезни. И к тому же, прежде чем мы сможем быть вместе, я должен вернуть тебя твоему народу, исполнив данное обещание.

Диена молча кивнула, соглашаясь с этим решением. Она и впрямь еще не окрепла после болезни. Очень скоро женщина заснула, но Гейл всю ночь бодрствовал рядом с ее ложем. Он никогда бы не позволил себе воспользоваться чужой слабостью или чувством благодарности. Это, как и многое другое, отличало его от большинства людей.

Глава одиннадцатая

Гейл навесил две объемных седельных сумы на бока своего наска и затянул последний сложный узел, вязать которые его научили погонщики. Шессины, пользовавшиеся вьючными животными лишь при переходах с одного пастбища на другое, никогда не славились умением правильно нагружать насков, и вскоре животные начинали мучиться от ссадин на спине и сбитых копыт. Вот почему соплеменники Гейла считали этих животных весьма злонравными, что на самом деле не вполне соответствовало действительности.

Наска преподнес Гейлу в дар Шонг, и, кроме того, у него остался подаренный Пашаром кабо. Другого кабо подарил юноше вождь Юнас, чтобы Диена могла проделать верхом путь к своему племени. Юнас пока еще не был до конца убежден, что Гейл тот самый великий вождь, каким провозгласил его Нарайя, однако на всякий случай решил проявить к нему уважение. Гейл знал, что у эмси столь обширные стада кабо, что верхом ездили даже дети. эмси считали этих верховых животных своим главным богатством, в точности как шессины — своих кагг.

Большинство эмси владели куда большим количеством кабо, чем им было на самом деле нужно, и именно на этом строился хитроумный замысел Гейла.

Шонг одобрительно кивнул юноше, оценив правильно затянутый узел.

— Мы выходим завтра поутру, — заметил он. — Эмси обещали беспрепятственно пропустить нас по своим землям до самых южных пределов. После этого начнутся более цивилизованные края. Должен сказать, я буду рад попасть туда, хотя люди наверняка там столь же жестоки и неразумны, как дикари, но все же лучше понимают все преимущества мирной торговли, так что надеюсь, с ними мы поладим. После этого я намерен отправиться дальше на восток, хотя на сей раз мы не пойдем в Отравленные Земли. Такой путь требует куда более серьезной подготовки.

— Жаль, что я не могу отправиться с тобой, — проговорил Гейл. — Мне очень хотелось бы увидеть эти южные города. Хотя, полагаю, рано или поздно я побываю там.

— Но почему бы тебе не остаться с нами? — удивился Шонг, который никак не мог смириться с решением Гейла. — Твое желание сделаться вождем у этих дикарей — чистое безумие. Забудь об этом и...

Юноша тряхнул головой.

— Такова не моя воля, а предначертание судьбы. Рок повелевает мне идти на север к матва. Я уверен, что именно они помогут мне исполнить мое предназначение.

— Сдается мне, ты все же свихнулся, дружище, — огорченно заметил Шонг. — Впрочем, мне теперь стало скучно среди нормальных людей. Однако, в пути без тебя нам будет спокойнее. Конечно, ты был славным спутником и здорово скрасил нам дорогу, но все же приключения словно сами ищут, а без этого я готов обойтись. Так что если ты и впрямь вознамерился оставить нас, то желаю тебе удачи.

Гейл обменялся с приятелем дружеским рукопожатием.

— Удачи и тебе, Шонг. Передай господину Пашару, что я помню обо всем, что он сделал для меня, и сохраню к нему самые теплые чувства. Я постараюсь поддерживать с ним связь — ведь теперь я умею читать и писать. Правда, я по-прежнему подозреваю, что именно он подослал Агаха убить меня. Но никаких доказательств этому нет.

Обнявшись на прощание, они с Шонгом расстались, и Гейл двинулся к воротам деревни. Со своими прочими спутниками он успел попрощаться заранее. Сейчас они провожали его опасливыми взглядами, в которых одновременно читалось и облегчение от того, что этот опасный безумец не отправится с ними дальше. Единственным, кто не разделял их чувств, был Шаула. Картограф снабдил юношу множеством приспособлений для письма и взял с него торжественную клятву, что как только торговые караваны начнут ходить через горные перевалы, тот станет высылать ему подробные отчеты о происходящем в северных землях.

У ворот Гейла с улыбкой приветствовала Диена. Бьяллы починили ее одежду и подбили новым мехом, так что теперь любой узнал бы в ней молодую женщину благородного происхождения. Однако, она по-прежнему выглядела слишком худой, и на лице Диены Гейл нередко замечал прежнее безнадежно испуганное выражение.

Он помог женщине сесть в седло, поскольку она была непривычна к верховой езде. Поначалу ей это далось с трудом. Под тяжестью седока кабо принялся нервно перетаптываться, но Гейл ласково потрепал его ладонью по морде, и животное вмиг успокоилось, после чего молодой воин сам вскочил в седло, и кабо Диены последовал за ним покорно,

точно привязанный. Те из эмси, которые видели это, принялись благоговейно перешептываться, ибо то, каким образом чужеземец привел к покорности незнакомого кабо, было лишним подтверждением его происхождения от духов.

Миновав лагерь эмси, разбитый недалеко от деревни, Гейл со своей спутницей проехал туда, где их ждали вожди: Рестап, Мигау, Юнас и еще несколько человек. Все они приветствовали Гейла с Диеной. Тут же был и Импаба, который отныне, казалось, был искренне предан молодому шессину, хотя тот не сомневался, что эмси при первой же оплошности будет готов нанести удар ему в спину.

Гейл вскинул руку и указал на восходящее ночное светило.

— Встретимся здесь через три луны, — объявил он. — Приводите с собой всех прочих вождей эмси... тех, кого сумеете убедить. Тогда я поведаю вам о своих замыслах. Ваша судьба определена пророчествами, также как и мое появление. Значит, отныне для всех нас начнется иная жизнь.

— Мы поступим так, как ты скажешь, Наделенный Силой, — пообещал Рестап.

Разумеется, пока еще вожди не полностью доверяли Гейлу, однако они верили в духов и в пророчества, а этот странный юноша каждый день приносил им новые доказательства своей необычности. Что касается Нарайи, то он уже покинул деревню и отправился в путь, чтобы встретиться с остальными Говорящими с Духами и привезти их на общий сбор всех эмси.

Громко крича и размахивая оружием, воины проводили в путь Гейла с Диеной. Мало кто из них воочию был свидетелем поединка Гейла и Импабы, однако слухи разлетаются быстро, и вскоре обычная, в общем-то, драка между двумя мужчинами, не поделившими женщину, приобрела воистину эпические черты.

Поначалу их продвижение на север было очень медленным, поскольку Гейл прекрасно помнил, что первый день верхом может оказаться для всадника очень нелегким. Вероятно, на наске Диене ехать было бы легче, однако Гейл желал, чтобы матва увидели ее именно в седле кабо. Она должна вернуться к своему народу с достоинством, а не как бывшая пленница.

В самом начале пути вокруг них еще простирались холмистая равнина, но по мере того, как они продвигались на север, ландшафт менялся: холмы становились выше, внизу они были покрыты травой, на вершинах — низким кустарником. Затем холмы перешли в невысокие горы, заросшие густым лесом. Вскоре, как сказала Диена, они могли повстречать матва. Люди ее народа, скорее всего, внимательно при-

глядятся к путникам, прежде чем им показаться. Таков обычай матва. Горький опыт научил Людей Большого Лука, что большинство чужеземцев — враги. Даже если они выглядят вполне безобидно. Несмотря на то что из двоих открыто едущих всадников один явно принадлежит к их народу, путники легко могут оказаться шпионами, за спинами которых скрывается большой вооруженный отряд.

Проводя так много времени вместе, Гейл с Диеной все лучше узнавали друг друга. Они беседовали о многом, в основном о своих народах и прежней жизни. В их воспитании было мало общего. Гейл был простым воином, превратившимся в изгоя, Диена же — дочерью вождя. Матва жили в деревнях, раскинувшихся по склонам холмов, занимаясь охотой и земледелием, тогда как шессины были скотоводческим народом, обитающим на равнинах. Люди народа Большого Лука строили просторные длинные дома, в которых жило по нескольку семей, а шессины — небольшие хижины.

Гейл в подробностях поведал ей о своем морском путешествии, но женщина так и не смогла представить величие морских просторов. Она никогда не видела водоема большего, чем озеро в горах.

— Ты с таким почтением и любовью отзываешься об этом Молке, — сказала она как-то. — И о Шонге тоже. Почему?

Гейл задумался, прежде чем ответить.

— Беседы с ними научили меня тому, что отважными могут быть не только воины, а мудрыми — не только Говорящие с Духами.

Не умолчал Гейл и о своих отношениях с Шаззад. Диена уверенно сказала, что эта женщина была ведьмой и наложила на него заклятие. Еще она предположила, что Агаха нанял не Пашар, а его дочь.

В свою очередь, Диенаповедала юноше о своем пребывании в плену эмси, о жалком существовании, полном постоянных унижений и оскорблений. Ей было тяжело говорить об этом. Гейл заверил женщину, что теперь все позади, и она должна забыть о перенесенных страданиях. Вскоре она станет женой великого короля и не должна будет никому подчиняться. Однако Гейл понимал, что забыть пережитое совсем непросто. Особенно до тех пор, пока жив Импаба. Юноша сознавал, что оставленный в живых соперник доставит еще немало хлопот. Однако он был совершенно уверен, что принял разумное решение, помогшее завоевать уважение эмси.

Вот уже пару дней всадники двигались среди высоких холмов, когда наконец встретили первых матва. Они ехали по небольшой долине с довольно ровной поверхностью,

вдоль русла мелкого ручья. Среди долины росло множество огромных деревьев, значительно выше тех, которые Гейл видел на своем родном Острове. Между деревьями почти не было кустарника, но цветущие растения виднелись всюду, где разлапистые ветви пропускали хоть немного солнечного света.

Ручеек с мелодичным журчанием, в облаках брызг, бежал по скалистому дну. Именно его шум помешал Гейлу услышать приближение матва. Юноша искренне восхитился тем, что они позволили себя увидеть, только когда сами этого захотели. Матва держались против ветра, так что даже чуткие кабо не смогли ощутить незнакомый запах и предупредить о появлении чужаков.

Человек двадцать воинов матва выступили из-за скрывавших их стволов деревьев. В руках они держали огромные, высотой в человеческий рост, луки. По большей части, это были высокие, сильные, но стройного телосложения люди. Среди них Гейл не увидел ни одного черноволосого — их волосы были каштанового или различных оттенков пепельного цвета. Один из матва обладал густой ярко-рыжей шевелюрой. Глаза почти у всех — голубые или серые. Одежда матва была сшита из шкур и плотной тускло-коричневой шерстяной ткани. Одеяние для охоты, догадался юноша, поскольку вспомнил, как Диена говорила, что ее соотечественники предпочитают яркие цвета.

Один из матва шагнул вперед. Рослый, гибкий, сероглазый, он ничем не отличался от своих товарищей.

— Стойте на месте, — сказал он негромко. — Кто вы и зачем пришли на наши земли?

На Гейла спокойное достоинство этого человека произвело благоприятное впечатление. Матва не показались ему похожими на робких охотников его родного Острова. Те были запуганным и скрытным народом. При встрече с незнакомым человеком они чаще всего старались укрыться в кустах и уж во всяком случае никогда не смотрели в глаза.

— Мое имя — Гейл, я родом с Островов, а это Диена — женщина из благородной семьи матва. Я сопровождаю Диену на родину. — Юноша с улыбкой оглядел окруживших его лучников. — Мы кажемся такими опасными?

— Всякое возможно, — невозмутимо ответил человек. — Осторожность никогда не помешает. На теплой скале может таиться ядовитая змея. Меня зовут Хонн, я и мои люди из деревни Голубого Леса. Какому роду принадлежишь ты, сестра? — обратился он к Диене.

Гейл знал, что последняя фраза являлась вежливым обращением к незнакомому матва, если было неясно его происхождение.

— Мой отец — Афрам, главный вождь деревни Широколиста.

Хонн кивнул.

— Мы слышали о набеге. Мало кому удается вернуться обратно с равнины, попав в плен. — Он снова повернулся к Гейлу: — Почему ты привел ее обратно? Мы не выкупаем пленников.

— Мне это известно, — сказал Гейл. — Я поступил так из любви к этой женщине и для того, чтобы доказать свои добрые намерения по отношению к матва. Мне нужно обсудить с вашими вождями кое-что важное, а времени у нас мало. Ты должен увериться, что мы не опасны. Нас только двое, никто за нами не следует — можешь проверить, ибо не думаю, что поверишь мне на слово.

— Мы следим за вами еще с тех пор, как вы поднялись на холмы. У вас за спиной действительно никого нет. Если бы вы привели за собой эмси, мы сейчас не вели бы здесь разговора.

— Я убежден, что матва — доблестные воины. Не могли бы вы дать нам проводника, чтобы Диена поскорее добралась до своей деревни?

— Вы отправитесь с нами, — сказал Хонн. — Поговорим обо всем в нашей деревне. Но мы завяжем вам глаза. Не считайте это признаком недоверия, таков наш обычай. Вам нужно спешиться и вести своих животных в поводу. Мы никогда не прикасаемся к кабо.

— Вы можете завязать нам глаза, — согласился Гейл, — но позвольте остаться верхом. Мой кабо последует за вами, а кабо Диены — за моим.

Хонн, не скрывая изумления, переглянулся со своими спутниками при этих словах. Гейл и Диена спешились. Им завязали глаза, затем они снова взобрались в седла. Пока они петляли среди холмов, юноша пришел к выводу, что путешествовать с завязанными глазами доставляет ему удовольствие. Совсем иначе, чем в прежние времена, когда он сторожил стадо в полной темноте, или позже, во время путешествия с отрядом Шонга. Сейчас он мог чувствовать духов земли, не отвлекаясь ни на что постороннее. Он знал, что без труда сможет отыскать дорогу, которой их вели. Матва, должно быть, удивились бы, узнав, что завязанные глаза не могли помешать ему ориентироваться на местности. Отряд двигался уже больше часа, когда Гейл удивительно ясно почувствовал присутствие множества животных справа за холмами. Он повернул в эту сторону лицо с повязкой на глазах.

— Там, наверху, винтороги, полсотни, или даже больше, — заметил он.

— Сойди с седла, — приказал Хонн.

Гейл повиновался и ощутил, как чьи-то руки проверяют его повязку.

— Держится плотно, — сказал Хонн. — Откуда ты узнал о стаде? Ты не мог бы увидеть его даже с открытыми глазами. Животные слишком далеко, чтобы слышать их мычание или чуять запах. Винтороги неделями идут с равнин, направляясь к северным пастбищам. Это стадо находится на высокогорных лугах три или четыре дня. Как ты мог узнать о нем?

— Он не обычный человек, — вступила в разговор Диена. — Он может видеть то, что недоступно зрению других. С ним говорят духи.

Гейл снова уселся в седло. Пока они двигались по лесной тропинке, он слышал, как перешептываются за его спиной матва. Юноша наслаждался витающим вокруг тонким ароматом цветов и звенящими птичьими трелями. Высоко в кронах слышался шорох летучих мышей, свисающих вниз головой с веток.

Где-то через час после полудня Хонн сказал, что повязки теперь можно снять. Они находились на хребте, откуда открывался вид на лежащую внизу небольшую долину. Сперва Гейл не заметил строений, лишь тонкие струйки дыма. Однако, проследив за ними взглядом, он увидел скопление длинных низких домов. Селение не окружал частокол, так что юноше хорошо было видно ровное открытое пространство площади для собраний. Как и все деревни матва, эта расположилась около водоема. К воде сбегало множество узких тропок. Гейла поразило, насколько незаметным было это поселение — можно было спокойно пройти почти рядом с ним, ничего не обнаружив.

Оказавшись в деревне, Гейл обнаружил, что крыши длинных домов покрыты дерном, на котором растет мох, трава и множество цветов. Стены примерно в половину человеческого роста, остальная часть дома углублена в землю. Вокруг построек под надзором женщин, занимавшихся различными хозяйственными делами, играли дети — их одежда была столь же яркой, как и у взрослых. Рядом, в небольшом лесочке, мальчики упражнялись в стрельбе по мишеням. Их луки были уменьшенными копиями тех, которыми пользовались взрослые матва. Гейла чрезвычайно заинтересовало это оружие. Юноша подумал, что после того, как проводит Диену домой, в первую очередь займется его освоением.

Женщины тотчас повели Диену в длинный дом. Гейл оставил обоих кабо под деревьями, где их окружила группа любопытствующих ребятишек. Многие из них никогда в

жизни не видели таких животных. Гейл снял с кабо седла и ослабил подпруги.

— Ты не хочешь стреножить или привязать их? — поинтересовался Хонн.

— Они останутся стоять смирно и придут по первому моему зову, — уверил его Гейл. Он был благодарен матва за то, что те не отобрали у него оружие. Мужчины бросали восхищенные взгляды на его копье и длинный меч, пораженные искусством, с которым те были сработаны, а также количеством пошедшего на него металла. Сами они были вооружены только луками и ножами.

Матва сеяли и собирали злаки, но в основном занимались охотой. Как и шессины, они время от времени перебирались в новые места — это случалось, когда леса вокруг беднели дичью. Однако на одном месте они проводили довольно долгое время, поскольку через холмы каждый год во время миграции проходили большие стада животных, и тогда пищи было вдоволь. Половина женщин деревни варили или вялили мясо винторогов, остальные занимались обработкой шкур.

Невзирая на внешнюю примитивность их уклада, Гейл понял, что матва — необычайно чистоплотный и культурный народ. Так, он не обнаружил, чтобы кто-нибудь раскрашивал лицо или тело. Женщины, выделывающие шкуры, держали около себя небольшие миски с водой, чтобы споласкивать руки. Даже на возившихся в пыли детях грязи было не больше, чем можно было собрать за один день. Матва сильно отличались от бьялла и эмси — разница ощущалась не только глазами, но и носом.

Хонн пригласил юношу в длинный дом, и Гейл ненадолго ослеп, пока его глаза привыкали к темноте задымленного помещения. Несмотря на горящий в углу очаг, здесь царила приятная прохлада. Земляные стены были увешаны гладкими плетеными циновками, такие же циновки покрывали пол. Свет проникал внутрь только через маленькие окошки под самой крышей строения.

Матва жестом предложил Гейлу сесть на скамью, стоявшую возле длинного стола. Вскоре к ним присоединилась Диена, которую сопровождала женщина, несущая на вытянутых руках поднос с горой жареного мяса, плоскими лепешками и фруктами.

— Мы немного поговорим после того, как вы насытитесь и отдохнете, — сказал Хонн. — Наш вождь вернется с охоты на закате.

Гейл и Диена с удовольствием принялись за еду: с тех пор, как они покинули деревню бьялла, им не дово-

дилось есть досыта. Юноша, конечно, мог бы подстрелить какую-нибудь живность, но ему не хотелось оставлять спутницу одну. И вообще, во время путешествия на север им попадалось довольно мало дичи. Женщина налила в чаши кисловатого напитка, сделанного из слегка забродившего фруктового сока.

Когда трапеза подошла к концу, Хонн предложил им отдохнуть, поскольку охотники еще не вернулись. По словам Диены, днем в деревнях матва почти не было мужчин, иногда они отсутствовали по несколько суток. Землю обрабатывали в основном женщины. Стариков в селениях почти не имелось, поскольку мало кто из мужчин доживал до старости. Диена сказала также, что Гейл попал в деревню матва в самое благоприятное время года, когда в лесах изобилие дичи, реки полны рыбой и поспели дикие фрукты.

Зимы здесь, среди холмов, были очень суровыми. Случалось, что люди замерзали во время охоты или погибали под снежными обвалами. По-настоящему холодная зима, во время которой вымерзали озимые посевы, несла деревне голодную смерть. Погубить урожай могло и засушливое лето. Иногда сушь приносила смертоносные пожары, и тогда огонь за несколько часов превращал огромные участки леса в выжженное, покрытое гарью пепелище.

Неблагоприятный климат, а также постоянные набеги эмси и других племен, враждующих с матва, приводили к тому, что лишь немногие здешние мужчины достигали преклонного возраста. Однако, несмотря на это, матва показались Гейлу вполне счастливыми и довольными своей жизнью. Они были столь же горды и независимы, как шессины, считая свободную жизнь большей ценностью, чем безопасность и покой.

— А твои родичи похожи на этих людей? — спросил юноша, когда Диена покончила с едой.

— Они точно такие же, — ответила женщина. — Между деревнями заключается множество браков, так что каждый год у нас бывает общий праздник. Мы не стараемся отгородиться друг от друга, поэтому у нас сходные обычаи.

— И где же вы встречаетесь? — поинтересовался Гейл. — В каком месте проходят ваши праздники и торжества?

— Жители различных деревень встречаются обычно на лугах. Религиозные обряды справляют в рощах, а в пещерах мужчины занимаются охотничьей магией.

— Вы владеете превосходными луками, к тому же матва, как я смог убедиться, умеют передвигаться по лесу почти незаметно. Неужели им еще требуется какая-то магия?

— Охота — дело непростое. В лесу таится множество

опасностей, поэтому никогда не мешает заручиться благосклонностью духов.

Гейла заинтересовала одежда, которую носили жители деревни.

— Ткань эту игротавливают прямо здесь, — сказала Диена, — из растительных волокон с добавлением краски, которые также добывают из различных растений. Более тонкую праздничную одежду мы покупаем у заезжих торговцев, приходящих с юга, обмениваем на меха и зубы туну. Иногда в ручьях мы находим золотые самородки. Однажды с юга сюда пришла странная экспедиция, которая наняла жителей одной из деревень на целое лето. Они должны были ловить обитающих в лесах птиц и животных. Им объяснили, что король страны, пославшей экспедицию, имеет богатое собрание различных животных и хочет собрать еще больше образцов живых существ. Ловцы зверей получили за свою работу невероятно щедрую оплату, однако большую ее часть пришлось потратить на закупку провизии, поскольку охотники все лето, вместо того чтобы добывать дичь, ловили различную живность для этого сумасшедшего короля.

Юноша был очень удивлен, когда узнал, что в здешних лесах, изобилующих дичью, почти не встречаются дикие коты. Здешние хищники в основном были родственниками меховой змеи и длинношея.

К счастью, не водилось здесь и гигантских длинношеев, встречавшихся на его родном Острове, самые крупные твари, водившиеся в этих местах, высотой были в два человеческих роста. Однако они были довольно многочисленны и чрезвычайно опасны — каждый год от их когтей и зубов погибало по несколько десятков человек. Встречался здесь также маленький длинношей, обитающий в воде. Питался он преимущественно рыбой. Гейл понял, почему он столь явственно ощущал духовную ауру лесных животных — у всех длинношеев она была очень сильной.

Когда померк свет в крошечных окошках под потолком, в деревню потянулись охотники. Повесив на крючки луки и колчаны со стрелами, мужчины сменили невзрачную одежду, в которой охотились, на яркие рубашки и штаны. Они с любопытством поглядывали на незнакомцев, но не глазели в открытую. Гейла удивило, как негромко они разговаривали между собой. Он еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из матва повысил голос. Вскоре длинный дом заполнился мужчинами, женщинами и детьми. Так происходило каждый вечер.

Днем мужчины охотились, разбредаясь по лесу, но по ночам в длинных строениях приходилось сидеть букваа-

льно друг у друга на коленях. Из всех обычаев матва только этот показался юноше не слишком удобным.

Наконец появился мужчина средних лет, носивший, в отличие от остальных, окладистую бороду. Возможно, борода отчасти восполняла отсутствие волос на его голове, увенчанной обширной лысиной. Войдя, он кивнул Диене и Гейлу. После этого все принялись за трапезу. Вождь и несколько старших охотников уселись за длинный стол, остальные разместились, поджав ноги, на полу, среди ползающих тут же детей. Блюда с пищей по очереди передавали друг другу. За едой беседы почти не велись. Вождь настоял, чтобы гости тоже сели за стол, хотя те уверяли, что после обильной дневной трапезы не смогут проглотить и куска.

Когда все насытились, вождь постучал по столукостяшками пальцев. Тут же убрали все блюда, кувшины и кружки. Посуду мыли где-то за домом. Вождь повернулся к Гейлу.

— Мы всегда рады гостям. Я — Венаман, глава деревни Голубого Леса. Наверное, вы сможете рассказать нам немало интересного.

— Позволь начать мне, — сказала Диена. Она коротко сообщила о своем пребывании в плену эмси. Женщина не останавливалась подробно на перенесенных ею страданиях, но ее слова не оставили сомнений в том, что с ней обращались крайне грубо и жестоко. Закончила она рассказом о своем бегстве от Импабы в недоступные для эмси горы. Во время ее речи жители деревни бросали на Диену настороженные взгляды — видимо, они не знали, как относиться к женщине, бывшей рабыней эмси.

Гейл затем коротко поведал им историю своих приключений, пообещав впоследствии рассказать более подробно. Слушателям хотелось побольше узнать о том, как живут воины на его родном Острове. Они слышали раньше от торговцев о великом южном море. Матва изумляла сама мысль о том, как целые народы могут жить на клочке суши, окруженном со всех сторон водой. Они совершенно не представляли, как это может быть — с таким же удивлением была бы воспринята ими деревня, устроившаяся на облаке.

После того, как огонь в очаге загасили на ночь, Венаман пообещал предоставить Гейлу и его спутнице проводника, который доведет их до родной деревни Диены.

— Вас там уже ждут, — сказал он. — Когда я узнал о вашем прибытии, то сразу же послал гонца с этим известием в деревню Широколиста.

На следующее утро они отправились на восток. Путешествие по холмам не было столь изнурительным, как

дорога среди гор. Однако им приходилось переправляться через множество мелких речушек, что отнимало много времени. Проводник снабжал их во время пути свежей дичью. Тупыми стрелами он ловко сбивал с веток птиц, не повредив тушки.

Две ночи они провели у небольшого костра, разожженного под густыми кронами. Красноватый свет пламени отражался от блестящей листвы деревьев. Венаман сказал, что они доберутся до селения Широколиста к вечеру третьего дня, но путники встретились с жителями этой деревни даже несколько раньше. На третье утро они увидели на тропе несколько матва. Впереди шли уже немолодые мужчина и женщина, одетые лучше, чем остальные. Гейл услышал сдавленный вздох Диены, и у него не осталось сомнений, кем были эти люди. Он взглянул на спутницу и увидел, что у нее дрожат губы. Диена сильно побледнела.

Пожилая женщина выбежала вперед и, подскочив к Диене, стащила ее с седла со смехом и слезами. Мужчина вел себя более сдержанно, но это не скрыло его волнения. Сморгнув набежавшие на глаза слезы, он протянул Гейлу руку.

— Ты вернул нам дочь, которую мы уже считали навеки потерянной, — сказал он просто. — Все, что у меня есть — твое. И я сделаю для тебя все, что окажется в моих силах.

Все прочие не без растерянности наблюдали за разыгрывающейся перед их глазами сценой. Большинство матва были молодыми людьми. На их лицах читалась радость, смешанная с тревогой. Гейл догадался, что среди них есть бывшие поклонники Диены, радовавшиеся, что она вернулась. Однако их настораживало присутствие чужака. Возможно, в будущем у него возникнут определенные затруднения, но не это сейчас заботило юношу больше всего.

Гейл сердечно поблагодарил проводника, и тот повернул обратно, держа путь в свою деревню. Они же отправились в Широколист. Гейл и Диена шли пешком, чтобы женщине было легче разговаривать со своими родителями. Кабо покорно плелись следом. Гейл и отец Диены, которого звали Афрамом, немного опередили остальных, чтобы без помех обменяться несколькими словами.

— Мы окажемся в деревне поздно вечером, — сообщил Афрам, обернулся и сказал что-то одному из молодых людей. Юноша кивнул и побежал вперед. — Этот человек — один из наших лучших бегунов. Он передаст в деревне, что моя дочь действительно вернулась. Нас будет ждать великолепный пир — лучший, надеюсь, из тех, на которых тебе довелось побывать когда-либо. У меня есть несколько бочонков прекрасного вина, что я берег к свадьбе дочери. Думаю, сейчас не-

плохой повод, чтобы открыть их. И еще, конечно, эль! Огромная бочка эля! — Афрам усмехнулся, пытаясь скрыть слезы, время от времени набегавшие на глаза.

— Я очень рад, что вас обрадовало ее возвращение. Диена опасалась, что ее могли встретить презрением.

Афрам хмыкнул.

— Вечно эти женщины вобьют себе в голоу какие-нибудь глупости! Что бы с ней ни сотворили эти животные, она никогда не станет менее дорога нам. — Наклонившись поближе к юноше, он вдруг спросил вполголоса: — Они случаем не сделали ей ребенка, а?

— Нет, — заверил его Гейл.

— Вот и славно. Значит, все в полном порядке. Я собственными руками прикончу того, кто осмелится заявить, что она стала хуже, чем до того, как бедняжку захватили в плен. А с женщинами разберется ее мать — у нее это всегда здорово получалось.

— Те юноши, что пришли с тобой, это ее... друзья? — спросил Гейл. — Мне бы не хотелось, чтобы между мной и кем-нибудь из твоих соплеменников легла кровь.

Афрам через плечо покосился на сопровождавших его юношей.

— Эти-то? Еще бы, почти каждый из них пытался ухаживать за Диеной. Только я не заметил, чтобы хоть кто-то преследовал эмси и смог отбить пленницу. Вернул нам дочь ты. Так что, на твоем месте, я не беспокоился бы попусту.

— Надеюсь, что ты прав... — Успокоившись, юноша перешел к наиболее волнующей его теме. — Я хотел бы побольше узнать о ваших луках.

Он указал на оружие, висевшее вместе с колчаном на плече Афрама.

— Я подарю тебе самый лучший лук, какой найдется в наших холмах, — пообещал ему тот. — И сам научу владеть им. Вообще-то, чтобы достичь истинного мастерства, стрельбе из лука надо обучаться с детства, но я сделаю из тебя настоящего стрелка, не сомневайся.

— Спасибо тебе. Ещем не хотелось бы поговорить с вашими вождями. Ты можешь устроить так, чтобы они собрались и выслушали меня?

Афрам с изумлением воззрился на Гейла.

— Собрать вождей? Но что тебе нужно от них?

— Я хочу сообщить им нечто очень важное, — заверил юноша. — И медлить с этим нельзя. От моих слов зависит будущее вашего народа. Я уже смог доказать матва, что умею совершать необычное.

— Пещерные летучие мыши тоже на это способны, — проворчал Афрам. — Они летают по ночам, и это, знаешь ли, очень необычно. Скажи мне больше. Моя благодарность к тебе велика, но прочие вожди ведь ее не испытывают...

Добрых два часа Гейл рассказывал ему о своих странствиях и приключениях; о том, как он понял, что предопределено ему судьбой; о том, что он узнал в Невве, во время пребывания в экспедиции Шонга, и что узнал от эмси.

— Судя по всему, Пашар был прав. Я и впрямь способен видеть вещи, скрытые от цивилизованного человека. Более того... — Гейл помолчал, тщательно взвешивая слова. — Я вижу неведомую для других сущность вещей, вижу скрытый смысл того, что делают люди, и каким образом в их действия вовлекаются духи. Вот поэтому я должен обратиться к вашим вождям.

Некоторое время Афрам шел молча, глубоко задумавшись.

— Ладно, — проговорил он наконец. — Конечно, всех вождей собрать не удастся, но многие явятся хотя бы из уважения ко мне. И не сомневайся — те, что придут, будут старостами самых больших наших деревень.

— Этого довольно, — сказал Гейл, опираясь на копье, как на посох. — Кроме того, я хочу жениться на твоей дочери.

— Гм-м... — протянул Афрам, все еще пребывая в задумчивости. — Вот это может вызвать кое-какие трудности. Ведь ты не из нашего племени. Однако, думаю, я смогу тебе помочь. Усыновлю тебя — и тогда все проблемы исчезнут.

— Я уже был однажды усыновлен в детстве, когда осиротел, — сказал юноша.

— Значит, для тебя это дело привычное. Прекрасно. Кстати, я считаю тебя безумцем. Но это как раз не является особой проблемой. Сумасшедшие пользуются у нас определенным уважением.

— Да, Диена упоминала об этом.

Остаток пути Афрам молчал, обдумывая услышанное. Когда они наконец достигли деревни, уже совсем стемнело, но он и слышать не хотел, чтобы празднество было отложено на другой день. Эта деревня была похожа на деревню Голубого Леса, но из-за готовящегося праздника она совершенно преобразилась. Длинные дома украшало множество факелов и фонарей, освещавших все вокруг ярким светом. Повсюду слышалась музыка флейт, струнных инструментов и маленьких, издающих глухие звуки, барабанов.

Ревека, мать Диены, тотчас принялась раздавать указания. Никто не собирался устраивать столпотворение в длин-

 ном доме: столы вынесли на открытое пространство, где

уже распечатывали бочки с вином. Огромные костры разожгли еще тогда, когда прибыл гонец, и над ними готовились на вертелах туши животных — повсюду витали упоительные запахи жарящегося мяса.

Афрам, Ревека и сопровождавшие их юноши, которые провели на ногах почти целые сутки, немедленно уселись за столы — несмотря на предстоящее шумное веселье, никто из них даже не помышлял об отдыхе.

Танцы матва показались Гейлу весьма удивительными. Танцевали парами: юноша такого раньше никогда не видел. Ему показалось, что это часть ухаживания, хотя он заметил, что в развлечении принимают участие и супружеские пары.

Как герой дня, Гейл, разумеется, был в центре всеобщего внимания. Мать Диены считала своим личным долгом внимательно следить, чтобы его тарелка и кружка ни на миг не оставались пустыми. Обильное питье не позволило сохранить в памяти четких подробностей праздника. И все же на следующее утро он припомнил, что попробовал танцевать так, как это делают матва, и нашел их обычай просто восхитительным.

* * *

Гейл проснулся, когда солнце стояло уже высоко в небе. Он подивился, осознав, что праздник в самом разгаре. Ревека попыталась накормить его еще чем-то, но юноша решительно отверг ее попытки, сославшись на то, что ему не терпится поскорее получить первый урок стрельбы из лука.

Афрам тотчас приказал, чтобы установили мишени — большие, набитые травой кожаные мешки с нарисованными на них кругами. Гейла поразило великолепие огромных луков. Охотники его родного Острова пользовались маленькими слабыми луками, полагаясь более на яд, которым смазывали стрелы. В Касине юноша видел луки, из которых стреляли невансские воины. Более крепкие, они, однако, не годились для дальней стрельбы. Маленькие бронзовые наконечники стрел пробивали лишь самые легкие доспехи. Луки матва высотой в человеческий рост выглядели необыкновенно изящно. Они были сделаны из легкого, но чрезвычайно прочного дерева. Концы выполнялись из рога и крепились к основной части сухожилиями.

Даже младшие лучники легко попадали в мишени, установленные за две сотни шагов: вдвое дальше, чем летели стрелы невванских стрелков. Получив несколько советов — в какую позу встать, как натягивать тетиву и прицеливаться, — Гейл выстрелил из лука, который дал ему Афрам, по

самой ближней мишени. Стрела пролетела мимо, что было вполне естественно, однако всех поразило, что юноша, впервые взяв в руки лук, сумел до конца растянуть тетиву.

Уже к концу дня Гейл без промаха поражал ближние мишени. Он знал, что скоро овладеет этим прекрасным оружием. С детства он привык бессознательно рассчитывать скорость и траекторию полета копья, так что искусство стрельбы не представляло для него такой уж большой сложности. Нужно было только привыкнуть к новому оружию и натренировать необходимые для стрельбы мышцы. Уже сейчас его руки, плечи и спина не напрягались чрезмерно при натягивании мощного лука, однако пальцы, отводящие тетиву, к вечеру онемели от непривычных усилий.

Ближе к ночи деревня затихла, последние, самые стойкие участники пиршества наконец угомонились. В этот день у Гейла так и не выдалось возможности поговорить с Диеной — Ревека настаивала на том, что ее дочь крайне утомлена и держала ее в дальнем конце дома, отгороженном занавеской, тепло укутав и непрерывно пичкая какой-нибудь едой. Все же она позволила юноше несколько минут побыть наедине с ней, после чего неумолимо выставила прочь, заявив, что Диена должна отдыхать. Он может вернуться, сказала Ревека, только после того, как ее дочь придет в себя и пополнеет — возможно, это произойдет только через несколько месяцев.

Диену продолжали держать в заточении все последующие дни. Афрам рассылал гонцов в окрестные деревни, созывая остальных вождей матва. Гейл продолжал упорно тренироваться в стрельбе из лука. Он знал, что, скорее всего, никогда не достигнет мастерства, которым обладали стрелки матва, поскольку те тренировались с самого детства. Однако определенные практические навыки он приобретал быстро.

Едва Гейл освоился с новым оружием, то сделал нечто, заставившее многих в очередной раз усомниться в здравости его рассудка. Он начал стрелять, сидя верхом на кабо. Сперва он заставлял кабо стоять, а когда наловчился пускать стрелы из этого положения, стал посылать его шагом. При беге рысью поступь животного была настолько неровной, что стрельба представлялась совершенно невозможной, не говоря уже о галопе. Основное неудобство доставляла длина лука — когда требовалось стрелять с разных сторон, его приходилось перекидывать через голову кабо, едва не задевая животное по носу.

Матва наблюдали за странными действиями Гейла, разинув рот от удивления. Недоверие сменилось одобрением, когда юноша галопом проскакал мимо мишени высотой в рост человека, стреляя так быстро, как только успевал

накладывать стрелы, и попадая в мишень чаще, чем промазывая. Гейл отметил, что мужчинам постарше сама мысль о стрельбе из седла казалась безумной, тогда как юношей, судя по всему, она привлекала. Он начал давать некоторым из них уроки верховой езды.

Афрам не проявлял особой убежденности.

— Мальчишек вечно манит все новое, — сказал он как-то, когда Гейл, утомленный длительной тренировкой, сделал небольшой перерыв, чтобы утереть обильно катящийся по лицу пот. Юноша сидел на кабо, выпуская стрелы по отдаленной мишени, тогда как его скакун смирно стоял на месте, невозмутимо пожевывая травку. — Но разве это настоящая стрельба? Готов признать, что зрелище впечатляющее — в основном, потому что раньше никто такого не видел. Но ведь, когда кабо движется, ты не можешь попасть в мишень, отстоящую далее трех-четырех десятков шагов.

Гейл усмехнулся.

— Готов держать пари, что добьюсь большего. Я впервые взял в руки лук несколько дней назад, мой опыт верховой езды на кабо тоже совсем невелик. Но когда по-настоящему опытные лучники научатся ездить верхом, разве они не смогут сделать дальний, но точный выстрел? Впрочем, для этого, видимо, придется немного укоротить ваши луки. Я прикинул, что их мощность от этого не пострадает. В конструкции нужно будет использовать больше сухожилий и деталей из рога, а также увеличить изгиб.

Афрам яростно насупился.

— Обрезать наши луки? Опомнись! Ты разве не знаешь, что матва именуют Племенем Длинного Лука? С тем же успехом ты мог бы предложить нашим мужчинам обрезать себе... ну, в общем, ты понял. Люди никогда не согласятся на подобное святотатство!

— Молодые согласятся, — возразил Гейл. — А восторженные мальчишки вырастут в отважных и умелых воинов.

Афрам покачал головой.

— Ты меня ничуть не убедил. Поверь, юноша, я хорошо к тебе отношусь, но боюсь загадывать, как воспримут твои нововведения остальные наши старейшины.

На протяжении нескольких следующих недель в деревню Широколист принялись съезжаться вожди матва. В первую очередь им демонстрировали стрельбу из лука с седла. К этому времени несколько юношей уже научились сносно стрелять со спины движущегося животного. Гейл, разумеется, не заострял внимания на том, что этот кабо — спокойное существо преклонных лет. Самой сложной задачей было приучить

матва к мысли, что можно ездить верхом, поскольку кабо неизменно связывались в их понимании с ненавистными врагами эмси. Конечно, никто не обладал сверхъестественной способностью Гейла сливаться с животным в единое целое, однако большинство юношей, которые смогли преодолеть себя, почувствовали такую же, как он, страсть к верховой езде, и теперь страстно жаждали обзавестись собственными кабо. В отличие от Афрама, их не так уж удручала мысль Гейла укоротить луки.

Однако вожди пришли едва ли не в бешенство. Подобные идеи представлялись им безумными и совершенно чуждыми. Они соглашались, что возвращение Диены ее народу достойно искреннего уважения, но сочли, что Афрам переборщил с благодарностью, предоставив молодому человеку возможность обратиться к старейшинам. Афраму, который сам испытывал серьезное недоверие к новым веяниям, пришлось долго потчевать каждого вождя, щедро подливая эль и вино, чтобы убедить благожелательно выслушать Гейла. После того как прибыл последний из них, Гейл обратился к вождям с обстоятельной речью.

После того, как он закончил, первым заговорил седобородый старейшина из деревни Вечной Зелени.

— Верно ли я тебя понял? Ты предлагаешь нам объединиться с эмси, приобрести у них этих животных, на которых ездят верхом, научиться ими управлять, а взамен обучить эмси стрельбе из лука?

— Все правильно, — согласился Гейл. Когда стих приглушенный ропот, он продолжил: — Если вы не прекратите вражду между собой, это приведет к гибели обоих ваших народов.

— С чего бы это? — спросил другой вождь. — Вот уже много поколений мы сражаемся друг с другом, и наши народы остаются столь же свирепыми и могущественными. Зачем нам учить врагов стрелять из луков, если это наша лучшая и, может быть, единственная защита против эмси? Зачем эмси учить нас приручать кабо и ездить на них верхом, если именно это умение дает им власть над равнинами?

Все прочие вожди в один голос заявили, что тоже озадачены речью Гейла.

— Мир стремительно меняется, — ответил юноша. — Я могу это утверждать, поскольку не только воин, но и провидец. Я прибыл сюда с торговым караваном. Мы на самом деле были посланы в ваши земли с мирными целями, но за этой экспедицией рано или поздно последует военное вторжение. Короли цивилизованных стран всегда заботятся об увеличении собственных территорий и распространении своего

влияния. Повелитель Неввы собирается завоевать земли своего восточного соседа, королевства Омайя. Если ему это удастся, границы его государства будут простираться до великих гор. К тому времени, когда он утвердит свою власть в Омайе, он будет знать все о землях, лежащих к востоку от хребтов — о богатстве их пастбищ и огромных стадах кабо на равнинах, о ценных пушных зверях и обильных минеральных залежах под холмами. И еще он узнает, что здешние народы делятся на племена, постоянно враждующие друг с другом. Но и это еще не все. Вы привыкли торговать с королевствами юга. Я уверен, что скоро между западом и югом начнется торговое соперничество, за которым опять же неизбежно последуют военные действия. Они, возможно, прямо против вас не выступят — скорее всего, найдут себе здесь союзников и используют воинов эмси и матва в своих целях. Но результат все равно будет один — ваши народы окажутся перемолотыми на мельнице жестокой войны между западными и южными королевствами. Единственная возможность избежать этого — объединиться. В армиях цивилизованных стран нет ничего подобного тому, что я вам предлагаю: на обширных открытых пространствах, вдали от своих крепостных стен, они окажутся беспомощны против всадников на кабо, вооруженных мощными луками.

Когда Гейл завершил свою речь, поднялся неимоверный гвалт. Вожди, перебивая друг друга, спорили с юношей, спорили между собой. Те, в ком преобладали гордость и высокомерие, отказывались поверить, что доблесть и мастерство их стрелков не смогут противостоять любой угрозе. У кого не хватало воображения, не могли представить грозящую из столь отдаленных мест опасность. Однако Гейл видел, что среди вождей есть люди, чьи возражения не были столь категоричны. Похоже, они всерьез задумались над его словами.

Когда собрание вождей закончилось, был устроен пир.

Посреди общего веселья несколько человек, на которых Гейл заранее обратил внимание, неожиданно отозвали его в сторону. Речь повел один из самых молодых матва, одетый в кожаные штаны и яркую полосатую льняную рубаху, явно привезенную с юга. Его пшеничные волосы с одной стороны были заплетены в косу, а рот обрамляли длинные усы. После того, как вождь протянул молодому воину рог с элем, они уселись у костра, разведенного под открытым небом, над которым жарилась на вертеле сочная туша какого-то животного.

— Мое имя Эрон, я глава общины Остролиста. Наш поселок находится к югу отсюда, почти на самой границе с лунгами... Пусть не огорчает тебя недоверие, проявленное

стариками. Многие из нас, — он обвел рукой сопровождавших его молодых вождей, — поверили твоим словам. Нам кажется, что в них заключена мудрость и истина.

— Спасибо тебе за это, — отозвался Гейл. — Ведь я и впрямь уже начал отчаиваться. Те вещи, в которых я пытаюсь убедить вас, столь ясны и понятны мне самому, что я никак не могу взять в толк, как могут не соглашаться с этим все остальные.

Эрон уселся рядом с Гейлом, скрестив ноги, и прочие вожди последовали его примеру.

— Несомненно, ты наделен даром провидца, хотя ты и чужеземец, но видишь то, что недоступно нашему мысленному взору. Большинство матва, обитающие среди холмов, никогда не сталкивались с эмси или знают их лишь по редким набегам. Куда чаще встречаются с ними те, кто обитают вблизи границ их земель. Конечно, между нами случаются и стычки, но порой мы и торгуем, или даже заключаем смешанные браки. Многие женщины эмси втайне мечтают осесть в наших деревнях и вкусить спокойной мирной жизни. Напротив, наши горячие юнцы были бы рады побродяжить вместе с кочевниками. Да что говорить, я и сам мальчишкой не раз с завистью провожал взглядом отряды эмси, которые вольно проносились по степи. Я пытался вообразить себе, каково это: наслаждаться свободой и внушать ужас оседлым жителям деревень. Однако, мне были слишком дороги родные холмы и леса.

— По словам самих эмси, — заметил на это Гейл, — прежде и они жили в деревнях, и занимались охотой. Но затем они выучились приручать кабо и ездить верхом. Сперва они лишь ненадолго выезжали на равнины, но затем стали проводить в пути все больше времени, гоняясь за добычей. В конце концов, они совсем ушли из оседлых поселений и превратились в кочевников.

Заговорил другой молодой вождь.

— Отчасти мы согласны с твоими словами, но мне кажется, ты слишком спешишь. Полагаю, эмси понадобилось несколько поколений, чтобы превратиться в кочевое племя. Невозможно вернуть все обратно в считанные дни.

— И все же иного пути для ваших народов сохранить свою независимость не существует, — возразил Гейл уверенно. — Я не предлагаю, чтобы матва смешались с эмси, и речь идет совсем не о нескольких днях. Должно пройти много времени, чтобы мы создали боеспособное войско из верховых лучников. По счастью, время у нас есть, прежде чем с запада нависнет серьезная угроза. Она придет не через год, и

даже не через два. Однако, через пару десятков лет это случится непременно. Поэтому необходимые меры следует принять уже сегодня.

Подал голос мужчина, на вид чуть старше, чем все прочие:

— Мое имя — Хошей, и я старейшина Вьюнков. Ты утверждаешь, будто обязан возглавить наши народы и изменить нашу жизнь, чтобы мы не погибли. Ты мнишь себя не только пророком, но и завоевателем. Ты предупреждаешь нас, что короли цивилизованных стран грозят нам ... Но, может статься, ты и сам попросту желаешь сделаться таким королем?

Вождь не скрывал насмешки. В живых глазах его светился ум и искреннее любопытство.

— Отчасти ты прав, — откровенно признался Гейл. — В жизни любого народа настает момент, когда он должен свернуть с торной дороги на новый, неизведанный путь под руководством человека, наделенного необычными способностями. Именно таким человеком, как мне кажется, я и являюсь. Духи этой земли говорят со мной и открывают мне будущее. Здесь, среди холмов и равнин, я слышу из голоса особенно отчетливо... Духи говорят, что народ холмов и равнин ждет истинное величие. Именно ради этого я сделался изгоем, поэтому стал мореходом, а затем вошел в один из самых знатных домов Неввы. Во всем этом можно усматривать чистую случайность, но это будет неправда. Случайности не существует. Таковы пути судьбы. Прислушайтесь ко мне — и вы станете величайшим народом во всем мире!

Вожди не сводили с Гейла взглядов, но мало кто мог долго выдерживать его огненный взор с необычайной силой убеждения. Никто не мог усомниться в его правоте. Даже если бы он сказал сейчас, что земля вот-вот разверзнется и поглотит их всех, — это никого бы не удивило.

Помолчав немного, Эрон вновь взглянул на Гейла.

— Мы верим тебе, — торжественным голосом промолвил он. — Мы готовы встретиться с эмси. Полагаю, нам также удастся убедить присоединиться к тебе и нескольких вождей постарше. Однако, я хотел бы, чтобы ты помнил, — он бросил на Гейла многозначительный взгляд, — мы были первыми среди матва, кто перешел на твою сторону. Что бы ни готовило нам будущее, ты не должен этого забывать.

Протянув руку, Гейл сжал ладонь Эрона, и прочие вожди также накрыли ладонями их сжатые пальцы.

— Когда я объединю матва и стану вождем великого народа, вы останетесь первыми моими соратниками и друзьями, — торжественно пообещал Гейл. — Ничто не заставит меня отречься от этой клятвы, кроме вашего предательства!

Глава двенадцатая

В сопровождении пяти десятков вождей и прочих именитых матва, Гейл стоял на вершине холма, глядя вниз на лагерь эмси. На сей раз он видел перед собой не просто большой отряд воинов, но целое племя кочевников. На многие мили растянулись по берегам неглубокой речушки шатры из войлока и шкур. Отроки и молодые воины пасли поблизости бессчетные стада насков и кабо. Несчастные бьяллы из окрестных деревень выбивались из сил, выполняя поручения своих господ.

Заметив Гейла и его спутников, эмси выслали навстречу группу всадников. Даже не глядя на матва, молодой воин ощутил, как они насторожились при виде приближающегося отряда.

— Я сам буду говорить с ними, — объявил Гейл. — Молчите, пока я не добьюсь от них заверений в вашей безопасности.

— Это разумно, — не без иронии отозвался Хошей. — Боюсь, мы не смогли бы говорить с ними достаточно уверенно.

И все же на подъезжающих всадников Гейл взирал не без опасения. Он заверял своих друзей матва, что пользуется значительным влиянием среди эмси, но что если настроения кочевников изменились за время его отсутствия. Что ж, если так, сказал себе юноша, то у него просто не будет времени пожалеть о своей доверчивости.

Лишь когда в небольшом отряде эмси Гейл заметил Нарайю и вождей Юнаса с Рестапом, он, наконец, позволил себе расслабиться. С пронзительными криками эмси окружили юношу и его спутников. Матва заметно побледнели, однако старались сохранить спокойствие, несмотря даже на угрожающую им опасность.

Рестап первым подал голос:

— А я-то думал, что тебе уже не удастся ничем меня удивить! Но тебе это удалось. Зачем ты привел с собой этих рабов, которые прячутся среди лесов?

— Это мои друзья, — твердо отозвался Гейл. — Все они — старейшины селений матва. Они пришли сюда, дабы встретиться с вождями великого народа эмси. Готовы ли вы пообещать, что они окажутся в безопасности и здесь, и по пути домой?

Вожди эмси ответили на это громким хохотом.

— Разумеется, мы обещаем, — с усмешкой откликнулся Юнос. — Не столь уж это грозные враги, чтобы мы решились убить их из страха за свою жизнь. Раз ты называешь их друзьями, то никто не причинит им зла.

По пути в лагерь к Гейлу приблизился Нарайя.

— Тебя ждет встреча со всеми вождями северо-западных эмси, — заметил он, — а также с предводителями иных племен. Более того, собрались и большинство Говорящих с Духами.

— Отлично, — воскликнул Гейл. — А где же Импаба?

— Он охотится вместе со своими людьми. Не было дня, чтобы он не клялся в преданности тебе.

— В это я окончательно поверю лишь когда он докажет свою верность на деле, а не на словах, — пожал плечами Гейл.

В лагере многие эмси вышли им навстречу, чтобы своими глазами увидеть знаменитого человека-духа, — и Гейл понял, что Нарайя не терял времени даром. Отовсюду слышались громкие приветственные возгласы. Впервые юноше довелось увидеть женщин и детей эмси. На женщинах были длинные платья из яркой ткани, а на малышах — лишь набедренные повязки из полотна или шкур. На Гейла все они взирали чуть ли не с благоговением.

Уже на въезде в лагерь гостей обступила целая толпа, что немало встревожило спутников Гейла, однако на них никто не обращал особого внимания, и они вскоре вздохнули с облегчением. Приветственные возгласы внезапно сменились глубоким горловым пением, которое сперва показалось юноше совершенно бессмысленным, но внезапно он понял, что это эмси выкрикивают его имя: «Гейл! Гейл!»

Голоса людей становились все громче и сделались оглушительными, когда группа достигла центра лагеря. Внезапно к эмси, потрясая в такт кулаками, присоединились и матва. Жест этот понравился всадникам, и они тут же последовали примеру гостей. Теперь столпившиеся вокруг оглушительно кричащие люди размахивали руками, словно грозя самому небу, — и юноша внезапно подумал, что, возможно, его миссия окажется не столь сложна, как он опасался.

Чрезвычайно бурно проходил также совет вождей эмси, на котором Гейл обратился ко всему племени. То и дело возмущенные возгласы и даже оскорбления и угрозы прерывали слова юноши. Подобно вождям матва, эмси были несказанно оскорблены самим предположением, что их воинское мастерство и мужество не смогут стать порукой от грядущих вторжений. Многие вообще отказывались верить в то, что такая угроза существует. Однако, все эти возмущенные

протесты заглушали куда более громкие и искренние приветствия эмси своему новому великому вождю, человеку-духу, Наделенному Силой Гейлу.

Среди эмси, в отличие от цивилизованных государств, вожди отнюдь не были единоличными правителями. Они не обладали безусловной властью над своими людьми, а лишь выражали волю большинства, будучи кем-то вроде старейшин. Поэтому они опасались идти против общей воли своих соплеменников.

Весьма неохотно, по одному и по двое, вожди эмси все же переходили на сторону Гейла и соглашались с его планом. Говорящие с Духами, все как один, выступали на стороне юноши, убеждая вождей признать главенство молодого воина и смириться с грядущими переменами. Со своей стороны юноша заверял эмси, что отнюдь не станет пытаться лишить их власти или влияния.

Дольше всех сопротивлялись предводители южан, которые прибыли на Совет без сопровождения соплеменников. Но, в конце концов, и они дали слово не противиться воле Гейла и не мешать его преобразованиям. Для Гейла этого было достаточно. Разумеется, он и не ожидал ничего большего. Он был уверен, что когда племена на северо-западе заживут по-новому, то южане и сами последуют их примеру, убедившись в преимуществах нового образа жизни. В течение нескольких лет это обязательно произойдет, а терпения Гейлу было не занимать.

После завершения Совета он уселся у шатра, глядя, как вместе пируют вожди эмси и матва, словно долгие годы эти люди жили в мире и согласии друг с другом. Впрочем, Гейл не обольщался. Еще немало усилий понадобится, чтобы преодолеть вековую вражду между этими народами, и угроза войны исчезнет еще не скоро. Но все же начало положено. Теперь необходимо укреплять добрые отношения между эмси и матва. Скоро у них появятся общие враги, против которых нужно будет направить всю силу и воинское мастерство.

К юноше подошел Нарайя, и Гейл дружески кивнул ему.

– Я верю в то, что пророчество предсказывали мое появление среди вашего народа. Однако, я удивлен тем, что меня приветствовали как вождя и выкрикивали мое имя даже те люди, которые прежде никогда меня не видели. Похоже, эмси провозгласили меня своим верховным вождем еще до того, как я успел даже заговорить с ними. Несомненно, здесь велика твоя заслуга, Нарайя.

Говорящий с Духами опустил голову в знак со-

 гласия.

— Ты прав. Я настолько тщательно подготовил своих соплеменников, что они с восторгом приветствовали бы и ящерицу, если бы я указал им на нее.

— Но подобные восторги преходящи. Долго это не продлится.

— Верно. Но теперь дело лишь за тобой: тебе предстоит доказать, что ты достоин повести этих людей за собой, а потом каждый день подтверждать это вновь и вновь. Иначе нам обоим конец.

— Мне показалось, что прочие Говорящие с Духами искренне верят в меня.

— Именно они поначалу сомневались куда больше других, но сразу ощутили могучую силу, что исходит от тебя, и потому уверовали едва лишь тебя увидев. Думаю, их поддержка тебе обеспечена навсегда. Но помни: настроения людей изменчивы, а вожди ревностно относятся к чужой славе. Ты должен быть постоянно начеку, опасаясь предательства. Полагаю, ты был излишне снисходителен к Импабе. Конечно, милосердие помогло тебе обрести влияние, но, боюсь, настанет день, когда ты раскаешься в этом. Сорную траву предательства следует искоренять без всякой жалости, иначе она разрастется вокруг и задушит тебя.

— Я подумаю об этом, — с хмурым видом промолвил Гейл. — Но я хотел бы спасти ваш народ, а не стать тираном.

— И все же такова цена, которую придется заплатить. Сдается мне, ты взвалил на себя слишком тяжелую ношу, но уже не сможешь уклониться от долга, предначертанного роком. Ты должен помнить, что воистину мудрый правитель всегда проявляет строгость, а слабый — куда более опасен для своего народа, чем любой тиран.

— Я это знаю. И я сделаю то, что должен.

Гейл окинул взглядом огромный лагерь. Огни костров были повсюду, насколько хватало глаз. Теперь это был его народ. Гейл больше не был изгоем.

— Так было всегда и так будет, — заявил он с твердостью.

* * *

По возвращении в родную деревню Диены Гейла там встретили с радостью, поскольку мало кто верил, что их соплеменники вернутся из становища давних врагов. Еще больше удивил их вид стада кабо, в котором было не меньше сотни животных, что пригнал с собой Гейл. Сопровождали их несколько подростков эмси, которые еле скрывали беспокойство, оказавшись среди давних врагов своего народа.

— Мы постараемся найти пастбище для этих животных, — пообещал Афрам. — И найдем, где поселиться этим мальчишкам. — Он потрепал Гейла по плечу. — А теперь пойдем скорее в дом. Сдается мне, там кое-кто очень ждет твоего возвращения.

Медлить Гейл не стал. Бросив поводья одному из юношей матва, он поспешил к дому. Диена ждала его на пороге, и они крепко обнялись. Затем, отстранившись, молодой воин оглядел женщину. Следы страданий и лишений окончательно стерлись, и теперь Диена лучилась здоровьем и счастьем, а глаза искрились радостью.

— Поверить не могу! — воскликнул Гейл. — Ты стала еще прекраснее... Не думал, что такое возможно!

— Я боялась, что уже никогда не увижу ни тебя, ни отца. Как у вас все прошло?

— Куда лучше, чем я надеялся. День еще только начинается. Не желаешь прогуляться по лесу? У тебя хватит на это сил?

Женщина рассмеялась.

— Вот уже несколько недель, как я вполне здорова, но мать мне никак не хотела верить. В конце концов я так рассердилась, что велела ей подыскать себе какого-нибудь другого страдальца, если уж она так желает с кем-нибудь нянчиться. Так что я с удовольствием прогуляюсь по лесу с тобой!

Взяв Диену за руку, юноша повел ее к небольшой долине, что раскинулась за холмами, на которых стояла деревня. При виде кабо Диена не смогла сдержать изумленного возгласа: такого множества этих животных в одном месте она никогда прежде не видела. Что касается Гейла, то он не спускал восхищенного взгляда с ее лица. Красота Диены поражала его с первой минуты, когда он нашел ее полумертвую на горном перевале. Теперь он мог лишь поражаться, как это раньше Шаззад казалась ему красивой. Юноша помотал головой, чтобы отогнать неприятные воспоминания.

Рука об руку они спустились в долину по узкой петляющей тропинке. Со звонким журчанием по камням бежал ручеек. Над небольшими запрудами лениво жужжали насекомые. Днем воздух был еще теплым, но по вечерам тянуло прохладой. Осень уже окрасила листья желтизной.

Сегодня Диена нарядилась в длинное платье из яркой ткани, а на плечи набросила плотную зеленую накидку для защиты от вечернего холода. Однако, она по-прежнему шла босиком, и там, где тропа терялась среди валунов, перепрыгивала с камня на камень с грацией и ловкостью молодого горного криворога.

К полудню они вышли на гребень холма, а затем

оказались в чашеобразной впадине, откуда брал начало ручей. Вытекая из расселины в поросших мхом скалах, он образовывал небольшое озерцо и, переливаясь через край скалы, сбегал в долину. В этой защищенной от ветра впадине росли цветы и деревья, полоскавшие склоненные ветви в медленно кружащей воде. Лишь мелкие зверьки, обитавшие, в основном, на ветвях деревьев, спускались сюда на водопой, и потому можно было не бояться хищников. Завидев Гейла с Диеной, какая-то крохотная тень метнулась прочь и вмиг исчезла среди зарослей кустарников.

Они присели на поросший мхом берег, и молодой воин обнял свою подругу за плече. Они слились в долгом поцелуе, затем, чуть отстранившись, Диена промолвила:

— Как же я тосковала по твоим объятиям, Гейл!

— Мы не могли поступить иначе, — шепотом откликнулся он. — По дороге в селении бьяллов и затем, по пути сюда, ты была еще слишком слаба. Когда же мы оказались здесь, то твоя мать оберегала тебя, словно дракон — свое драгоценное сокровище. А после мне пришлось ехать вместе с вашими вождями навстречу с эмси...

— Ну что ж, — улыбнулась Диена. — Теперь все это позади. Я здорова как молодой наск, ты со мной, и вокруг — ни единой души.

Они вновь соединились в объятиях, и на сей раз их поцелуй оказался еще более долгим и жарким, однако теперь уже Гейл первым смущенно оторвался от ее губ.

— Я весь грязный и потный после долгой дороги. Как ты меня терпишь?

Диена засмеялась.

— Сдается мне, у тебя была возможность убедиться, как многое я способна стерпеть, хотя, впрочем, против грязи и пота есть отличное средство.

Она указала озерцо, простиравшееся у их ног. Гейл с улыбкой стянул с себя рубаху.

— А ты присоединишься ко мне?

Диена поднялась с места.

— Как много лет прошло с тех пор, когда я купалась здесь в последний раз! Здесь чудесное место: дно песчаное и ровное, а вода не слишком холодная.

Юноша запрыгал на одной ноге, стаскивая сапоги, но когда Диена, сбросив плащ, принялась развязывать шнурок на вороте, он невольно застыл, точно громом пораженный. Женщина же, сбросив одежду, невозмутимо глядела на то, как ее спутник онемевшими пальцами пытается стянуть с себя штаны.

Помимо воли, Гейлу вспомнился храм богини любви в Невве. Но теперь совершенное тело богини казалось ему безобразным по сравнению с той красотой, что явилась сейчас его взору. Тело Диены было столь же безупречным, как и ее лицо.

У нее была длинная шея и покатые плечи, выпуклые полукружия твердых грудей с торчащими розовыми сосками, колеблющимися при каждом ее вздохе. Тонкая талия плавным изгибом переходила в длинные женственные бедра. Округлая чаша живота заканчивалась золотисто-коричневым треугольничком. Онемевший от восторга Гейл осознал, что не может отвести взора от ее точеных ног. Он никогда не думал, что его может так взволновать вид женского колена.

— Кажется, тебе нужна помощь?

Приблизившись, Диена отстранила его руки и сама быстро развязала шнурки, стягивающие его штаны и набедренную повязку. Когда женщина выпрямилась, ее соски прижались к его груди. Несмотря на кажущуюся небрежность ее движений, Гейл заметил что они напряглись от возбуждения. Шкура ночного кота скользнула вниз. Дыхание Диены участилось. Резко повернувшись, она взяла юношу за руку и потянула к пруду.

Поначалу вода показалась им холодной, но даже будь она ледяной, они бы все равно не отступили. Когда вода достигла талии женщины, Гейл вздохнул — одновременно разочарованно и с облегчением.

— Окунись, — сказала Диена.

— Что?

— Я говорю: окунись. Мне хочется, чтобы ты стал чистым.

Юноша послушно сделал вдохнул поглубже и погрузился в воду. Нырнув, он открыл глаза. Сквозь расплывчатую дымку виднелись соблазнительные изгибы ее бедер и темное пятно между ними.

Фыркая и отплевываясь, Гейл всплыл и откинул мокрые волосы. Теперь Диена тоже погрузилась в чистую воду. Всплыла она с полными пригоршнями речного песка. Женщина принялась тереть его плечи и грудь, счищая въевшуюся в кожу грязь. Ее прикосновения волновали и возбуждали юношу.

— Теперь повернись, — велела Диена. Гейл повиновался, и она принялась за его спину.

Руки девушки ласкали все его тело — плечи, талию, упругий живот. Потом она коснулась его ягодиц, и колени Гейла подкосились. Когда ладони Диены заскользили по внутренней стороне его бедер, он повернулся и схватил ее за талию.

 Юноша боялся, что вот-вот потеряет остатки самообла-

дания. Диена поняла это. Ее глаза игриво блеснули, когда он отвел ее руку.

Набрав воды в ладони, она брызнула на его волосы, потерла их и отжала, завязав в толстый жгут. Его тело было до того чистым, что кожа словно бы поскрипывала, и Диена с удовлетворением оценила свою работу.

— Ну, вот, — воскликнула она, — теперь ты можешь обнять меня, ничего не опасаясь.

И она первая обняла Гейла и страстно его поцеловала. На этот раз, когда их губы встретились, ее язычок скользнул в рот юноши. Он прижал ее к себе и почувствовал, как в такт бьются их сердца. Оторвавшись от губ Диены, он провел языком по ее горлу вниз, к груди. Его губы обхватили сперва один сосок, затем другой, сжимая их нежно, но сильно. Руки скользнули вниз по спине, обхватили ягодицы, наслаждаясь их упругостью. Подхватив возлюбленную на руки, он стал целовать ее живот и щекотал языком нежную впадину пупка.

— Пойдем на берег, любимый! — выдохнула Диена. — Скорее на берег!

Теперь она показалась Гейлу куда более тяжелой, чем тогда, на заснеженном перевале. Он уложил Диену на лежавший на земле плащ.

Их руки изучали обнаженные тела друг друга. Ладонь Гейла скользила меж ее бедер, лаская влажные полураскрытые потайные губы.

Диена пальцами обхватила его естество, отвердевшее, подобно копью. Когда он прижимал ее к себе, Диена прерывисто стонала. Юноша безумно мечтал поскорее соединиться с ней, и в то же время стремился как можно дольше продлить этот восхитительный миг. Теперь Гейл понял: то, что он испытывал когда-то к Шаззад, было всего лишь инстинктом, слепым вожделением самца катта во время спаривания. А эту женщину он любил больше всего на свете, сильнее, чем даже сам мог предположить. Эта мысль неожиданно заставила Гейла отпрянуть от Диены.

Она раскрыла глаза от изумления.

— Что-то случилась?

Гейл с трудом выдохнул:

— Диена, любимая моя, я желаю тебя больше, чем ты можешь себе представить. Но мне бы не хотелось походить на легкомысленного мальчишку, берущего себе женщину на ночь. Нам следует подождать, пока не поженимся.

Девушка неожиданно рассмеялась.

— О, Гейл! — воскликнула она. — Ты знаешь, когда мы сможем пожениться?

— Когда? — спросил он, несколько озадаченный ее смехом.

— На празднике середины зимы! Лишь тогда матва справляют все свадьбы.

— В середине зимы... — протянул юноша. — Еще несколько месяцев ждать! Пожалуй, я ошибался. Конечно, стоило бы подождать, но столько я не вытерплю!

— Это и ни к чему. Ты полагаешь, что все молодые влюбленные нашей деревни голодными глазами пожирают друг друга в ожидании этого праздника? Разумеется, они сходятся гораздо раньше. А обряд в середине зимы просто скрепляет этот союз. Так что, смотри... — Она отделила от его шевелюры густую прядь волос и смешала со своими локонами. — Вот, теперь мы женаты. И не медли, любимый, скорее сделай меня своей, иначе я не выдержу и умру!

Склонившись над возлюбленной, Гейл снова прижался к губам Диены. Одну руку она держала на затылке юноши, другой направляла в себя его естество. Медленно и осторожно Гейл начал входить в нее.

Девушка бессильно запрокинула голову, с губ сорвался хриплый стон, а бедра яростно сомкнулись, когда он погрузился в ее теплую влажную глубину.

Гейл опасался, что страсть заставит его до срока завершить любовную игру, но все же нашел в себе запас самообладания, и их тела стали двигаться в едином ритме, столь естественном и гармоничном, что каждый из них лишился своего «я», слившись воедино с любимым. Юноша слышал голоса духов эти мест — они то накатывали, то отдалялись, в такт его движениям.

Много позже, уже после восхода луны, они вдвоем лежали на земле, закутавшись в накидку Диены. Гейл раскинулся на спине, а женщина положила голову ему на грудь. Он обнимал ее за талию, а волосы Диены тяжелой волной легли ему на шею и плечи. Юноша видел лишь спину своей спутницы, восхищаясь плавным изгибом, ведущим от талии к округлому бедру. Ее сильное гибкое тело было столь совершенным, что Гейл невольно трепетал от восторга.

Еще много раз они любили друг друга в ту ночь, наслаждаясь страстью, которую сдерживали так долго, и открывая все тайны друг друга глазами, руками и губами с такой нежностью и трепетом, на какую способны лишь любовники при первом свидании.

— Как быстро меняется твоя жизнь! — прошептала ему Диена. — Ты был пастухом, воином, моряком, сопровождал караван, а теперь стал кем-то вроде короля... Возможно, даже больше, чем королем! Ты так торопишься... А те-

перь словно желаешь насытиться любовью на всю оставшуюся жизнь.

С улыбкой Гейл погладил ее все еще влажные волосы.

— А ты отнюдь не показалась мне неопытной и робкой, — промолвил он.

Диена, опершись скрещенными руками на его грудь, положила подбородок на ладони.

— Я не в силах просто покорно ждать, не пытаясь изменить судьбу. Когда меня захватили в плен, я была уверена, что скоро умру. Когда стала рабыней, я сама молила о гибели. Я приняла бы любую смерть, если бы совсем лишилась надежды на спасение, вот почему я сбежала... И повстречалась с тобой. Иначе я погибла бы в этих горах — пусть даже и обретя свободу. Однако, ты отыскал меня и вернул веру в жизнь и надежду. Так какой же смысл ждать еще дольше?

Встав на колени, Диена склонилась над Гейлом, упираясь ладонями в бедра. Грудь ее слегка подрагивала, а соски, сделавшись мягкими, в полумраке казались просто розовыми пятнышками.

— Я понимаю, что ты не похож на других мужчин. Ты будешь часто покидать меня. Мы не сможем жить обычной жизнью, когда муж охотится в лесу, а затем возвращается к жене, что работала в поле. Поэтому я готова принадлежать тебе целиком и без остатка все то время, что ты остаешься со мной.

При свете луны они отправились обратно в деревню. Диена полюбопытствовала, что за слова произнес ее спутник, когда взошло ночное светило, и Гейл рассказал ей об обычае шессинов просить у луны прощения. В свою очередь она поведала Гейлу о верованиях своего народа. Матва верили, что между землей и луной в далеком прошлом произошла великая битва, в которой земля одержала победу, поразив луну огненными стрелами. Но матва считали, что именно луна начала сражение первой, и потому нет никакого смысла просить ее о прощении.

Гейл подробно рассказал ей о том, как прошла встреча эмси и матва и о достигнутых успехах, однако его подруга не могла принять это с безоговорочной радостью.

— Мне кажется, что все получилось слишком легко, — Диена покачала головой. — Я не сомневаюсь, что все эти люди искренно восхищаются тобой, и хорошо, что Нарайя сумел подготовить прочих Говорящих с Духами. Но вожди слишком ревностно охраняют свою власть. Ты был прав, когда пообещал не вмешиваться в их дела, но, боюсь, этого окажется недостаточно.

— Я тоже думал об этом, — подтвердил Гейл. — Ведь я не так наивен, чтобы полагать, будто восторженная встреча и сытная пирушка вмиг способны объединить два извечно враждующих народа и сделать меня их вождем.

Диена погрузилась в раздумья.

— Тебе следует собрать на совет старейшин всех племен, чтобы они провозгласили тебя военным вождем. Прочих дел тебе пока не следует касаться. Оставь их вождям, и всегда спрашивай у них совета по тем заботам, что напрямую не относятся к воинскому искусству. Пусть они думают, что ты настолько занят подготовкой войска, что тебе просто не хватает времени ни для каких иных занятий.

Гейл в изумлении уставился на свою спутницу.

— Кажется, теперь я понимаю, кто станет моим первым советчиком!

— И я рада, что ты понимаешь это. Ты можешь безоговорочно доверять мне, Гейл. Возможно, я всегда буду тем единственным человеком, кому ты сможешь довериться без остатка.

— Ты права, — вздохнул молодой воин. — Я уже понял, что, сделавшись вождем, больше не смогу общаться с людьми, как раньше.

— Но самые большие опасения мне внушает Импаба, — продолжила Диена. — И вовсе не из-за того, что он был так жесток со мной... Но мне кажется, он лишь притворяется, признавая твое главенство, и ждет благоприятного момента, чтобы нанести удар исподтишка. Ты отнял у него добычу, затем одолел в бою на глазах у вождей племени. Но самым большим унижением было то, что ты сохранил ему жизнь, и этого он тебе никогда не простит. Импаба будет выжидать, а затем предаст тебя и попытается отомстить. Причем, наверняка сделает так, чтобы никто не смог его заподозрить.

— Ты права, этому человеку нельзя доверять. Но я не побоюсь сразиться с ним в открытом бою, а тайной поддержки среди эмси он не найдет никогда.

— Не знаю, не знаю... И все же он обязательно сделает попытку уничтожить тебя.

Вернувшись в деревню, молодые влюбленные обнаружили, что их отсутствие никто не заметил: все были заняты подготовкой к пиршеству в честь воинов, вернувшихся с равнин, а уже завтра в деревню прибудут матва из других селений и станут учиться ухаживать за кабо и держаться в седле. Это было лишь первым шагом на долгом и опасном пути, но сейчас, не сводя взгляда с прелестного лица Диены, Гейл сказал себе, что его не могут устрашить никакие будущие трудности.

Глава тринадцатая

Настала осень, за ней последовала долгая суровая зима. Привыкшие к вольготной жизни на равнине кабо чувствовали себя не слишком хорошо и нередко отказывались от пище. Немало матва, ухаживающих за ними, пострадали от дурного нрава животных, то и дело получая укусы или удары тяжелыми копытами.

Не обошлось без проблем и с седлами для верховой езды, изготовить которые у матва не хватало искусства. Проще всего их было бы закупить в городах южных королевств, но сейчас это было невозможно, и потому матва приходилось довольствоваться кожаными попонами, которые они привязывали плетеными подпругами. Впрочем, в езде без седла были и свои преимущества: так всадники могли набраться уверенности.

В деревнях многие были недовольны тем, что Гейл отрывает юношей и молодых мужчин от жизненно важного дела добычи пропитания, без чего было не обойтись в голодные зимние месяцы. Во время бурных продолжительных споров Гейл изо всех сил пытался доказывать, что сейчас самая первейшая необходимость для всех них — это именно обучить воинов ездить верхом...

Но, разумеется, помимо трудностей, были и свои радости. Когда кабо принесли первый приплод, то со всех окрестных деревень люди собрались полюбоваться тонконогими безрогими телятами, что в поисках молока тыкались мокрыми носами в животы матерей. При виде этого трогательного зрелища не могли сдержать улыбки даже самые убежденные противники Гейла.

Страсть к верховой езде захватила всех юношей, что ухаживали за кабо. Когда стадо пополнилось новыми животными, то большинство из них не пожелали возвращаться в родные деревни и занялись обучением новичков. Точно так же освоились и не пожелали уезжать мальчишки эмси, которые подобно беспощадным требовательным наставникам обучали матва, как ухаживать за кабо, чистить, седлать, кормить, поить и лечить животных. Они обучали новых друзей всему, что знали сами, дабы животные пребывали в добром здравии, слушались всадников и приносили приплод.

Однажды гость из отдаленной деревни пожелал увидеться с Гейлом. Это был мастер-оружейник, преподнесший юноше удивительный лук, во многом отличавшийся от привычного оружия матва. Лук этот был длиной примерно в половину человеческого роста и такой гибкий, что если ослабить тетиву, то он сгибался почти в кольцо.

— Нечто подобное я видел много лет назад, далеко на севере, в Холодных Землях, — заявил мастер. — Хвойные деревья, что растут там, мало подходят для изготовления луков, и потому жители тех мест вынуждены использовать детали из рога. Они варят очень крепкий клей, делают луки короткими и более изогнутыми, а закругления на концах придают стреле дополнительный толчок. Когда я услышал, какое оружие ты желаешь получить, то попытался повторить изделия северян. Я сделал для тебя боевой лук еще более изогнутый, чем тот, северный. Первые три треснули или сломались, но, похоже, в конце концов я добился своего.

— Сейчас проверим, — промолвил Гейл и велел мальчишке, чтобы тот привел его кабо.

Весь остаток дня он провел в седле, стреляя на разных аллюрах по большим и малым мишеням. Натягивать этот лук оказалось сложнее, чем длинный, однако пользоваться им в седле оказалось удобнее. Гейл не мог скрыть радости, видя как точно стрелы ложатся в цель.

— Это именно то, о чем я мечтал! — восторженно крикнул он мастеру. — Сколько подобных луков ты способен изготовить?

— Это непростая работа...

Гейл перебил его.

— Мы соберем лучников со всех деревень. Ты сумеешь обучить их своему мастерству?

— Полагаю, что да. Однако, скажу без ложной скромности, что в этом искусстве со мной никто не сравнится. Впрочем, я постараюсь их научить. Возможно, через пару лет...

— У нас нет этих лет! — воскликнул Гейл, что-то прикидывая в уме. — Вот как мы поступим: нужно прямо здесь устроить огромную мастерскую, которую ты возглавишь. Здесь мы соберем все материалы, необходимые для изготовления луков, а ты наберешь нужное количество учеников. Кроме того, ты обучишь мастеров из других деревень, и они начнут делать луки, вернувшись домой. Тебе это под силу?

— Но ведь это неслыханно... Я хотел сказать... То есть... — но взглянув повнимательнее на этого странного, деловитого юношу, мастер проглотил все свои возражения и лишь беспомощно пожал плечами. — Согласен!

Гейл похлопал его по спине.

– Вот и отлично! Люблю, когда человек принимает решения без лишних рассуждений и сомнений.

Пожалуй, одной из самых серьезных трудностей для Гейла было оставаться наедине с Диеной. В длинных жилищах матва всегда было полно народа, так что в деревне у влюбленных было мало возможностей для встреч. Улучив пару свободных часов, они обычно сбегали в лес. Когда настали холода, Гейл соорудил в лесу маленькую хижину, похожую на те, в каких обитали шессины, однако вскоре даже в этом крохотном жилище им стало слишком холодно.

Казалось, что праздник середины зимы никогда не наступит, но все же это случилось. В длинном доме, осыпаемые градом непристойных шуток, собрались нарядно одетые пары. У многих невест под платьями заметно округлились животы. Староста деревни начал обряд на восходе солнца. Говорящих с Духами среди матва было очень немного, и потому они редко присутствовали на свадьбах, хотя порой давали имена новорожденным и принимали участие в похоронах.

Старейшина произнес новобрачным короткую напутственную речь, после чего замужние женщины осыпали их высушенными лепестками цветов и окропили молодым вином. Настоящий праздник начался, когда солнце, наконец, взошло над горизонтом. Поскольку в этот день справляли разом все свадьбы, то это был превосходный повод уничтожить все запасы еды, которая не могла храниться долго.

Вскоре наступили холодные дни с обильными снегопадами и пронизывающим ветром. Каждый день мужчины отправлялись на охоту, но приносили лишь очень скудную добычу. В это время года животных убивали не столько ради мяса, сколько ради пушистых шкурок, которые можно было обменять весной на полезные товары. Гейл желал приобрести как можно больше кабо, но ему пришлось преодолеть серьезное сопротивление матва, у которых на свою добычу были совсем иные планы. Но Гейл настаивал на своем, будучи уверен, что именно благодаря кабо они добудут для себя и иные богатства.

Прокормить животных оказалось очень непросто. Отрядам матва приходилось уходить далеко от деревни и расчищать огромные заснеженные поляны, чтобы добыть сено. Это было очень тяжелым делом, и все же к концу зимы небольшое стадо увеличилось на два десятка голов. Особенно были поражены молодые эмси тем, что выжили почти все телята, и очень немного взрослых кабо погибли. Они объясняли это тем, Гейл владеет особой природной магией, и

сам юноша этого не оспаривал. Он старался проводить с животными все свободное время.

Во все дни, когда позволяла погода, юноша продолжал обучать матва стрелять из лука со спины кабо. Из окрестных деревень он собрал первый небольшой отряд воинов, которые затем должны были обучать новичков. Полсотни лучших лучников теперь овладевали всеми секретами верховой езды. Гейл был уверен, что эти люди навсегда останутся преданы ему. С наступлением весны он намеревался спуститься с ними на равнину. К этому было несколько причин.

Прежде всего, Гейл желал, чтобы матва как можно больше общались с эмси. До сих пор они никогда не покидали своих деревень, но сейчас для них было бы полезно побывать в новых, совсем непохожих местах. Помимо этого Гейлу по-прежнему недоставало кабо. Естественным образом поголовье росло слишком медленно, но отдать больше животных эмси едва ли пожелают, а если Гейл станет настаивать, то его непрочной власти над племенами может прийти конец.

Однако, кто-то из эмси говорил ему, что на равнинах бродят стада диких кабо. В основном, там были беглые домашние животные, которые затем смешались с дикими табунами. Они выродились и стали упрямыми и непокорными, но эмси утверждали, что всего за пару лет из них можно будет сделать отличных верховых животных. Вот почему Гейл со своим отрядом хотел поехать поохотиться за дикими кабо.

Когда снег сошел с вершин холмов, Гейл велел своим людям седлать скакунов. Из стада он выбрал здоровых и сильных животных, хотя и не самых лучших статей. Юноша уповал на то, что обратно приведет куда больше кабо. В его отряде многие воины уже были вооружены новыми короткими луками.

Гейл рассчитывал, что вскоре такое оружие появится и у всех остальных. Мастеров не следовало слишком торопить. Изготовление столь сложных луков было делом ответственным и весьма кропотливым. Сколько бы он ни выказывал нетерпения, все равно, клей, скрепляющий детали оружия, не сможет затвердевать быстрее. Увы, но не раньше следующей весны подобные луки получат все его воины.

Диена вручила запасную смену одежды своему молодому супругу уже когда тот готовился сесть в седло.

— Непременно возвращайся к концу лета, — промолвила она, пока он укладывал сверток в седельную сумку.

Склонившись, Гейл поцеловал жену, нежно ощупывая ее слегка округлившийся живот.

 — Неужто ты думаешь, что я мог бы пропустить по-

явление на свет нашего первенца. Если потребуется, я ради этого готов восстать из мертвых!

На ее лицо набежала тень.

— Не смей так говорить! И непременно вернись живым и невредимым.

— Клянусь! — воскликнул Гейл, целуя ее в последний раз.

Юноша сел в седло. У левой ноги в колчане у него были прикреплены стрелы, а рядом — короткий лук; меч висел на боку, а копье — в чехле у правого бока. Для верхового боя копье не слишком годилось, но юноша ни за что не желал с ним расставаться. Лишь это оружие напоминало ему о прежней жизни.

Все жители деревни высыпали проводить отряд. Многие смотрели настороженно, и все же большинство сопровождали Гейла добрыми напутствиями и пожеланиями. Всадники весело махали руками в ответ. Им уже не терпелось отправиться в путь. Гейл тоже с наслаждением думал о предстоящем походе, и радость его омрачала лишь разлука с Диеной. Он был настолько занят перед отъездом, что с трудом мог улучить свободную минуту. Порой жизнь в одном доме со множеством посторонних людей казалась ему совершенно невыносимой, однако подобного соседства было не избежать, особенно во время сильных снегопадов, когда почти никто не выходил наружу. Эта зима показалась ему еще более тягостной, нежели та, которую он провел с караваном Шонга в ожидании, пока откроются горные перевалы. Больше всего он досадовал, что зимой не может заниматься неотложными делами. И кроме того, Гейл по-прежнему тосковал по родному острову, где люди так много времени проводили под открытым небом.

Теперь, когда он скакал по равнине верхом на кабо, то ощущал себя словно человек, выпущенный из темницы на волю. Если бы Диена могла быть рядом, то счастье Гейла стало бы ничем не омраченным. Даже кабо повеселели, осознав, что возвращаются обратно на равнины. Фыркая и возбужденно вертя рогатыми головами, они старались чуткими ноздрями ловить ветер с низин.

Однако, после долгой зимы ослабли и люди, и животные, и потому в первый день Гейл выдерживал не слишком быстрый темп. Они разбили лагерь, когда солнце еще даже не склонилось к горизонту. Сейчас они стояли на пологом взгорье, что отделяло холмы от долины. Вокруг лагеря матва выставили охрану, затем проверили копыта и спины своих кабо, и лишь после этого разожгли костры. За время дневного перехода охотники успели настрелять мелкой дичи, и теперь выпотрошенные тушки жарились над огнем.

Гейл с удовольствием наблюдал за своими спутниками. Он был уверен, что в большинстве своем они скоро привыкнут к такой жизни и не пожелают вернуться к прежнему существованию в деревнях: охотиться, расставлять силки и собирать небогатый урожай на суровой каменистой земле.

Они предпочтут, возвращаясь домой из очередного похода длинными зимними вечерами рассказывать всем о своих необычайных подвигах. На следующую весну без всякого принуждения прочие молодые мужчины также пожелают присоединиться к ним. А потом... Но Гейл сказал себе, что на сегодня мечтать хватит. По одному шагу за раз... В свое время Молк говорил, что всякое морское путешествие начинается с относительного бездействия, когда следует установить на корабле распорядок повседневной жизни. Сейчас в отряде Гейла происходило почти то же самое: все они, люди и животные, должны притерпеться друг к другу.

К третьему дню пути и люди, и кабо слегка окрепли. Тех, кто лучше всего держался в седле, Гейл отправил в дозор вперед отряда и по флангам. Кроме того, эти люди должны были добывать для остальных пропитание. Гейл велел не убивать тех животных, которые требуют особых сложностей в приготовлении. Поскольку в это время года большие стада кочевали по равнинам, то у охотников был избыток выбора.

Вскоре Гейл начал понимать, что жизнь вождя отнюдь не столь спокойна и беззаботна, как может показаться на первый взгляд. Шли дни, их отряд спокойно двигался вперед, а у юноши возникали все новые поводы для беспокойства. Он даже не мог наслаждаться беззаботно тем, как колышется под ветром зеленое море травы, — что прежде всегда доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Но сейчас он мог думать лишь о хищниках, способных незаметно подкрасться к людям. Кроме того, он тревожился о безвредных для человека рогачах: стоит кабо угодить в норку копытом, как животное переломает себе ноги. Хорошо хоть, члены отряда пока ладили друг с другом, и между ними не возникало споров и соперничества, требующих вмешательства Гейла.

Когда на равнине им встречались мчащиеся галопом отряды эмси, жители холмов замолкали и в тревожном ожидании косились на своего вождя.

Равнинные воины, разодетые в шкуры, неизменно относились к Гейлу с почтением, однако по отношению к матва они испытывали лишь настороженность и презрение, что не могло укрыться от внимания спутников Гейла. Свирепые разрисованные лица кочевников выражали открытую враждебность, и все же юноша сообщил им, что намерен поис-

кать диких кабо, и эмси пообещали известить его, если отыщут табун.

В кочевой жизни спутникам Гейла отнюдь не все пришлось по вкусу. Обилие дичи на равнинах, которую легко можно было подстрелить со спины кабо, приводило их в восторг, однако вскоре выяснилось, что над большими стадами вьются целые тучи мошкары. Еще труднее приходилось с добычей топлива для костра. Вместо дерева приходилось жечь сухой навоз. И все же вскоре путники привыкли и к этому... По крайней мере до сих пор никто не ворчал и не стремился вернуться восвояси. К концу третьей недели пути Гейл почувствовал, что его люди вполне приспособились к походной жизни, однако им не доставало опыта, чтобы превратиться в сплоченный боевой отряд. Разумеется, он не собирался искать возможности ввязаться в драку. Гейл сказал себе, что опыт в боях еще придет, а сейчас с них довольно и того, что матва научились уверенно держаться верхом. Сейчас их силы слишком невелики, и если в первом же бою он потеряет людей, то уже во втором отряд, скорее всего, вообще не продержится. К тому же и врагов особых у них пока не было, но Гейл прекрасно осознавал, что это в любой момент могло измениться.

Как-то утром Гейл проснулся еще до рассвета. Дозорный подкладывал ветки в костер. В воздухе ощущалась свежесть от выпавшей росы. Запах дыма смешивался с запахом животных. Поднявшись со своего ложа, Гейл отошел пройтись, но сперва удостоверился, что человек, приставленный следить за кабо, должным образом исполняет свои обязанности.

Гейл заметил неподалеку небольшой холм и решил подняться на него, чтобы оглядеть окрестности. Рассвело, и видимость была великолепная. Лагерь, что лежал рядом перед ним, казался крохотным среди бескрайних равнин. Чуть дальше паслись стада ветверогов и криворогов. На утреннюю охоту вылетели птицы-убийцы. Далеко на западе проносились огромные тучи — отголосок свирепого урагана, что днем раньше взволновал воды западного океана.

Невольно Гейлу вспомнился Молк и прочие моряки, что сейчас преодолевали опасные морские просторы. Когда же на востоке взошло солнце, он вдруг ощутил себя совсем как в юности, когда присматривал за стадами своего племени. Наслаждаясь поразительным многообразием жизни вокруг и ощущая могучую силу, исходящую от земли, на пару мгновений Гейл ощутил себя в самом центре мироздания.

Однако, от этих мыслей его отвлек вид всадника, что во весь опор скакал к их лагерю по степи. Вне всякого сомнения, это был эмси. Гейл поспешил вниз с холма, же-

лая оказаться в лагере раньше незнакомца. Его спутники были уже на ногах. Зевая и потягиваясь, они доедали жареное мясо, оставшееся после вечерней трапезы. Гейл подозвал к себе пятерых десятников.

— Сейчас здесь окажется всадник, — сообщил он им. — Надеюсь, это долгожданный гонец от эмси с новостями.

В большом волнении все ожидали прибытия кочевника. Тот с надменным видом въехал в лагерь, глядя лишь на одного Гейла. Похоже, этот человек на своем веку участвовал не в одной битве. Лицо его было испещрено множеством шрамов, волосы на голове росли какими-то клочьями... Похоже, в свое время он лишился скальпа. Кроме того, у него не было одного уха. Одежда из шкур была почерневшей и заскорузлой от грязи, копоти и засохшей крови. Натянув поводья, всадник остановился перед Гейлом.

— Привет тебе, Предреченный! — заявил он, поднося к глазам тыльную сторону ладони. — Мое имя Денно, я из племени Синей Реки южных эмси. В двух днях пути на юг отсюда мой отряд обнаружил большой табун диких кабо в три или четыре сотни голов. Мы слышали, что вы ищете дикие стада, и мой вождь отправил меня проводить вас к этому месту.

Гейл обрадовался.

— Ты уверен, что это именно то, что мы ищем?

Денно усмехнулся.

— Еще бы! Вожак табуна — очень крупный самец. Скорее всего, одичавший любимец какого-нибудь вождя. Так что потомки его будут отличными ездовыми кабо, даже если их матерью была коротконогая дикарка. Что касается самцов помельче, — он повел плечами, — то их можно охолостить и приучить к седлу. На таких удобно обучать верховой езде малышню.

С широкой улыбкой Гейл повернулся к своим людям.

— Быстрее заканчивайте с едой, проверьте животных и потушите костры. Выступаем немедленно!

С проворством, порадовавшим Гейла, его люди завершили все дела. Он сам проверил, хорошо ли затоптали костры, но матва по традиции лесных жителей всегда обращались с огнем очень осторожно. На равнине пожар мог принести даже больше бед, чем в лесу: за пару часов пламя выжигало огромные пространства. Эмси были беспощадны с теми, кто небрежно относился к огню.

Когда все они, наконец, сели в седло, Денно выехал вперед: похоже, общество матва тяготило его. Рядом с Гейлом оказался один из десятников — Хошей, вождь деревни Вьюнков.

— Что-то мне не по душе этот надменный наглец, — нахмурившись, заметил он.

— А тебе вообще хоть кто-нибудь из эмси по душе? — поинтересовался Гейл.

— Честно говоря, нет... Но у этого вид такой, будто он участвовал в сотне битв — и все проиграл. Внешне он обращается к тебе с почтением, но я читаю презрение в его глазах. Не доверяй этому человеку!

— Мы будем осторожны, однако не думаю, чтобы в одиночку этот кочевник представлял опасность. Возможно, он и впрямь мало на что годен, и тогда понятно, почему именно его послал к нам вождь племени: отряд не понесет большой потери, если даже этот наглец погибнет в пути.

Похоже, Хошея это объяснение не слишком удовлетворило, но больше он не сказал ни слова.

Весь следующий день они продвигались на юг. Вечером, когда матва разбивали лагерь, Денно отъехал в сторону и лег спать поодаль. Гейлу это показалось весьма странным, но он решил, что эмси попросту не желает провести ночь среди извечных врагов.

Без особых происшествий прошел и следующий день, а на третье утро Денно подъехал к Гейлу.

— Мы почти у цели. Сегодня отыщем этих кабо.

— Прекрасно, — отозвался Гейл. — Надеюсь, нам удастся поймать их побольше.

— Это будет несложно, — уверил его Денно. — Самое главное — заарканить вожака, а остальные покорно пойдут следом.

Чуть позже, возникнув словно из ниоткуда, к отряду устремились с улюлюканьем и завыванием, всадники эмси. Впрочем, намерения у них несомненно, были самые мирные, хотя Денно и встретил их хмурым взглядом.

С улыбкой к Гейлу подъехал молодой вождь эмси, разодетый в белые шкуры. Волосы его были заплетены во множество мелких косичек, а уши украшены золотыми кольцами.

— Привет тебе, Наделенный Силой! — воскликнул он. — Я был свидетелем твоего поединка с Импабой. Меня зовут Твила, я помощник вождя из отряда Двух Скал. Я слышал, вы ищете диких кабо.

— Я помню тебя, — промолвил Гейл.

В отличие от Денно эти эмси отнюдь не были враждебны к его людям. Когда Гейл поведал Твиле о том, что узнал от Денно, тот нахмурился.

— Странно, мы никаких кабо в этих местах не видели. Я что-то не припомню, чтобы раньше в это время года эмси с юго-востока забирались так далеко на север.

Денно со злобным видом осклабился.

— В прошлом году на юге мы добыли много бронзы и потому рано отправились на север, чтобы закупить лучшие зимние меха. А если вы не видели табуна, так это потому, что вы, молодые, все только и думаете о том, как бы покрасоваться, а не об охоте и добыче.

С презрительным видом он уставился на богатую одежду Твилы. Тот рассердился.

— Лишь из уважения к Предреченному я согласен оставить твое оскорбление без ответа, но, полагаю, на ярмарке в середине лета мы непременно встретимся и тогда продолжим наш спор.

Денно ухмыльнулся.

— Будь уверен, я тебя не забуду! — Он обернулся к Гейлу. — Ну так что, мы едем, наконец? Если станем медлить, то отыщем кабо только к вечеру.

Попрощавшись с молодым вождем, Гейл вновь повел отряд на юг, но юношу томили недобрые предчувствия. Он был уверен, что какая-то опасность угрожает его отряду, хотя и сомневался, чтобы напасть на них решился кто-то из эмси. Впрочем, довольно скоро все прояснилось.

В знойном полуденном мареве Гейл видел Денно, который выехал далеко впереди дозорных. Перед ними была возвышенность — длинный хребет, понижавшийся с юго-востока на северо-запад. По словам Денно за ним равнину пересекала река. Там, между рекой и хребтом они и должны были обнаружить табун кабо.

Спустя несколько минут, когда Гейл с основным отрядом достигли вершины хребта, то увидели, что дозорные пребывают в замешательстве. Денно исчез.

— Куда подевался этот эмси? — изумился Гейл.

— Понятия не имеем, — растерянно отозвался один из разведчиков. — Он был на расстоянии трех полетов стрелы от нас, когда перевалил через хребет. Но когда мы поднялись сюда, его уже не было видно. Должно быть, он пустил кабо галопом как только скрылся из глаз.

Гейл внимательно огляделся по сторонам. Впереди виднелась река — узкая полоска воды посреди долины. Во многих местах течение реки размыло почву и небольшие заводи разделяли низкие холмы. Здесь было немало животных, привлеченных водой и зарослями сочной травы. Вдоль пойм на болотах гнездились птицы.

— Кабо! — воскликнул вдруг один из дозорных, указывая куда-то вдаль. У невысоких холмов виднелось с полдю-

 жины животных.

— Они идут на водопой, — предположил Гейл. — Основной табун, должно быть, за холмами. Возможно, именно туда и направился Денно. Давайте двигаться не спеша и с осторожностью, чтобы их не спугнуть.

Отряд двинулся вниз по склону. Гейл взял аркан наизготовку, убедившись, что петля завязана надежно. В первую очередь он надеялся поймать вожака, однако до сих пор в табуне не обнаружил ни одного крупного самца. К тому же внезапное исчезновение Денно по-прежнему тревожило юношу.

— Смотрите! — внезапно закричал Хошей.

Они увидели большой отряд всадников: с пронзительными криками, размахивая копьями, палицами и топорами, те окружали холм. Матва разразились проклятиями: лишь сейчас они поняли, что табун кабо у реки был приманкой. А теперь ловушка захлопнулась.

— Изготовьте луки к бою! — приказал Гейл.

Взбешенный, Хошей развернулся к юноше.

— Кажется, ты говорил, будто эмси — наши друзья? А нам приготовили здесь теплую встречу!

Хошей попытался натянуть тетиву, однако первая попытка окончилась неудачей. Стрелять со спины кабо было очень непросто, и хотя Гейл перед походом тренировал своих спутников, но сейчас волнение, охватившее их перед боем, лишало руки проворства.

Гейл также ощущал растерянность. Он не понимал, что происходит. Как же могли эмси, признавшие его Предреченным вождем, теперь напасть на него? Внезапно среди приближавшихся всадников он заметил каких-то людей в домотканых туниках, украшенных перьями.

— Это не эмси! — воскликнул Гейл. — По крайней мере, не все — эмси.

Хошей, наконец, справился со своим луком.

— Похоже, ты прав. Взгляни на тех двоих, — зажатой в пальцах стрелой он указал на всадников в ярких штанах и рубахах. — Эти скорее похожи на матва.

Теперь, похоже, он недоумевал в точности, как и сам Гейл. Когда всадники приблизились, стало видно, что они являют собою совершенно разномастное потрепанное сборище.

— Это дикари-изгои! — догадался Гейл. — Такие водились и у нас на острове. Все те, кого племя изгнало из своих рядов, становятся разбойниками, чтобы не умереть от голода.

— Неважно, кто они такие, — заметил Хошей. — Их все равно вдвое больше, чем нас.

— Держитесь спокойно, — велел своим людям Гейл. — Стреляйте лишь когда будете уверены, что попадете в цель.

Вы должны метиться только в людей. Их кабо нам еще пригодятся.

Матва взглянули на него в изумлении.

— Гейл, ты обезумел! Целиться в кабо куда проще, чем в человека. Если убить животное, то всадник будет беспомощен!

— Вы слышали мой приказ! — прорычал Гейл.

Это оказалось для матва такой неожиданностью, что даже страх перед битвой слегка отступил.

— Мы исполним твою волю, вождь, — склонил голову Хошей.

Нападающие уже почти достигли вершины холма. Чтобы не мешать друг другу целиться, матва растянулись по широкой дуге, и лишь теперь Гейл узнал предводителя противника. Эта массивная фигура была ему хорошо знакома.

— Импаба... — негромко проговорил Гейл больше для себя, чем для других.

Несмотря на владевшую им ярость, отчасти он даже испытывал восхищение перед этим негодяем. Импаба на славу продумал свой план. Он знал, что эмси никогда не нападут на Гейла и на время притворился его верным сторонником. А тем временем подбил к нападению этих алчных дикарей и только ждал удобного случая. Гейл сам предоставил ему такую возможность, когда приехал на равнину с маленьким отрядом. Если удача будет на стороне этого подлеца, то Гейл погибнет, и о предательстве Импабы никто никогда не узнает!

— Стреляйте! — велел своим людям Гейл.

Те отступили и разделились на две группы, позволяя нападавшим продвинуться вперед. Маневр матва был нехитрым, однако он сработал в силу неожиданности. Вскоре нападавшие оказались под перекрестным огнем. Стрелы матва градом посыпались на них. Изгои смешались и отступили. Гейл велел своим людям перегруппироваться на берегу реки. Там они развернулись лицом к противнику, который все еще пребывал в замешательстве.

— Потери есть? — спросил Гейл.

Двое воинов оказались ранены ударами каменных палиц, а другому бедро пробило копьем. Однако все трое пока держались в седле, но Гейл все же велел, чтобы раненых отправили в тыл отряда и задумался над своими дальнейшими действиями.

— Позиция не слишком выгодная, — заметил ему Хошей. — За спиной у нас река. Хотя это не помешало нам нанести им урон, — недобро усмехнулся он, глядя на тела разбойников, что валялись на земле и оставшихся без всадников кабо.

— Хорошо, что эмси среди них не так много, иначе они действовали бы куда слаженнее, — заметил Гейл. — По счастью, нападающие, похоже, не столь уж искусны в верховой езде.

— А возглавляет их, похоже, твой старый недруг Импаба? — поинтересовался Хошей.

— Он самый, — кивнул Гейл. — Однажды я по глупости подарил ему жизнь, а теперь, похоже, поплачусь за эту ошибку.

Тем временем Импаба, рядом с которым оказался предатель Денно, что-то оживленно говорил своим приятелям, при этом отчаянно размахивая руками. Должно быть, сначала он утверждал, что их ждет легкая добыча, и грабители не ожидали достойного отпора.

Теперь же, следуя приказам вожака, нападающие разошлись широким полукругом и вновь двинулись вперед, остановившись на расстоянии выстрела. Отсюда Гейл мог различить уродливое лицо Импабы, покрытое шрамами и боевой раскраской. Тот что-то крикнул своим приятелям. Слов не было слышно, но сомневаться в их смысле не приходилось. Пригнувшись к шеям кабо, нападавшие подняли перед их мордами щиты. Теперь они представляли из себя уже не столь удобную мишень. Импаба дал команду и разбойники вновь перешли в нападение.

Отряд Гейла не мог легко маневрировать на мягкой болотистой почве, и когда матва вновь натянули луки, он велел им:

— Стреляйте по животным!

Он отчаянно надеялся, что до такого дело не дойдет, но сейчас иного выбора не было. Внезапно клубящееся облако пыли возникло за спинами нападавших. Несколько разбойников в ужасе развернули кабо. Снизу по склону к ним во весь опор неслась группа всадников во главе с молодым вождем, одетым в белые шкуры.

— Табань! Последний приказ отставить! — от волнения Гейл невольно перешел на морской жаргон. — Стреляйте в людей, да смотрите, чтобы не ранить кого-нибудь из эмси!

Всадники, подоспевшие к Гейлу на помощь, отважно вступили в бой с превосходящими силами изгоев. Они старались оттеснить их под стрелы матва, которые метко разили цель. Некоторые из людей Гейла спешились, чтобы удобнее было целиться при стрельбе на большое расстояние. Разбойники в отчаянии заметались, оказавшись между двух огней. Эмси проворно орудовали копьями и мечами, а стрелы матва сеяли опустошение в рядах врага.

— Похоже, твой старый приятель вознамерился сбежать! — воскликнул Хошей, натягивая тетиву.

Теперь и Гейл заметил, что Импаба развернул своего кабо и пустил его вдоль реки на запад.

— Я его догоню, — выкрикнул юноша. — Собирай людей и покончите с этими ублюдками. Я скоро вернусь.

Матва проводили Гейла громкими подбадривающими криками. За спиной он слышал шум затихающей битвы, но сейчас думал лишь о том, как догнать и прикончить человека, который предал его и так жестоко обошелся с Диеной. На сей раз Импабе не будет пощады.

Обернувшись через плечо беглец увидел нагонявшего его Гейла. У Импабы был отличный скакун, но сам он был куда массивнее юноши, и потому его кабо не мог долго выдерживать столь стремительный бег. На полном скаку Гейл натянул лук и выпустил стрелу, просвистевшую у самого уха врага. От досады за такой промах, юноша невольно выругался, но тут же наложил на тетиву другую стрелу.

Испуганный Импаба пригнулся пониже и забросил за спину кожаный щит. Теперь он стал весьма неудобной мишенью, и, кроме того, Гейл ревностно заботился о кабо и не хотел попасть в животное. Поэтому, убрав стрелу в колчан, он достал аркан, привязанный к седлу.

Постепенно юноша достигал беглеца. Когда между ними оставалось не более полусотни шагов, Гейл, сделав на аркане широкую петлю, принялся вращать его над головой. Поскольку Импаба низко пригибался к холке скакуна, пришлось зааркан ить кабо. Петля затянулась, и животное повалилось набок. Перевернувшись в воздухе, эмси тяжело рухнул на землю, но тут же вскочил, прикрываясь щитом и сжимая в руке каменную палицу.

Гейл также спешился, с маленьким круглым щитом и копьем в руках. Разумеется, у всадника перед пешим воином имелись преимущества, но Импаба мог одним ударом прикончить его скакуна. Точно так же не было смысла и брать в руки лук: едва ли Гейл успел бы выстрелить.

— Ну, иди же сюда, мальчишка, — проворчал Импаба. — Прикончить тебя мне будет так же приятно, как спать с твоей женщиной. Надеюсь, она рассказывала тебе об этом?

— Ты покойник, Импаба, — воскликнул Гейл. — В прошлый раз я одолел тебя. С тех пор твоя жизнь была в моих руках. И сегодня я отниму ее у тебя.

Испещренное шрамами лицо Импабы исказилось от страха.

— У тебя нет колдовской силы! Ты был настолько глуп, что не убил меня, когда имел такую возможность, и теперь я пришел прикончить тебя!

— Будешь и дальше болтать или все же сразишься со мной? — насмешливо спросил его Гейл.

Со звериным рыком Импаба бросился вперед, размахивая смертоносной дубиной. Всякий раз, когда он наносил удар по щиту Гейла, тот ощущал почти парализующую боль, но всякий раз успевал сделать короткий выпад копьем, чтобы заставить эмси отскочить в сторону.

Серьезные раны нанести врагу юноша не сумел, но все же дважды задел того острым стальным наконечником. Теперь раны будут кровоточить, ослабляя Импабу.

Внезапно палица опустилась вновь, и защищаясь, Гейл вскинул щит. Однако, он недооценил, насколько гибким может быть это оружие: дубинка изогнулась, и каменный наконечник со страшной силой ударил его в плечо. От боли у юноши потемнело в глазах. Бледный как полотно, Гейл отскочил, и Импаба с торжествующим рыком ринулся на него, размахивая оружием. Он знал, что теперь противник почти не способен владеть левой рукой.

Под яростным градом ударов Гейл был вынужден согнуться почти вдвое, прикрываясь щитом. Внезапно Импаба нанес круговой горизонтальный удар, палицей задев по правому краю щита Гейла. Он резко рванул дубину на себя и сумел выбить щит у противника. Губы эмси растянулись в торжествующей ухмылке. Со свистом рассекая воздух, каменная палица устремилась к голове Гейла.

Обхватив копье обеими руками словно посох, Гейл взмахнул длинным острием и ударил по опускающемуся локтю Импабы, раздробив тому кость.

Нападавший завопил от боли и, согнувшись, рухнул плашмя. Расширившимися от ужаса глазами он смотрел, как приближается к нему сверкающий наконечник копья... Предсмертная судорога исказила лицо Импабы, а затем оно застыло, подобно безжизненной маске.

Гейла, вернувшегося к месту недавнего боя, встретили громкие приветственные возгласы. Он приблизился верхом на своем кабо, ведя в поводу скакуна Импабы. Эмси и матва уже обобрали тела убитых разбойников, а теперь перевязывали раненых. Всех захваченных кабо согнали на берег реки. Спешившись рядом с Твилой, Гейл пожал ему руку.

— Я никогда не забуду, как ты помог нам!

Молодой вождь с улыбкой отозвался:

— После того, как мы расстались, я, наконец, вспомнил, где видел этого болтливого наглеца. — Он ткнул рукой в труп Денно. — Три года назад на летней ярмарке... Он лишился уха за то, что обманул соплеменника при сделке. По-

сле такого позора племя никогда не приняло бы его обратно. Поэтому он и подался в разбойники.

— Полагаю, ты, наконец, покончил с Импабой? — поинтересовался подошедший Хошей, любуясь прекрасным мечом, захваченным в бою.

— Да, — коротко откликнулся Гейл и вновь обернулся к Твиле:

— А что, в этих местах так много разбойничьих шаек?

— Несметно, — откликнулся молодой вождь. — Не меньше четырех десятков этих ублюдков спаслись сегодня бегством. Скорее всего, еще до новой луны они присоединятся к какой-нибудь другой шайке.

— Но почему же вы не прикончите этих негодяев? — изумился Хошей.

— Немного чести в том, чтобы убить изгоя, — пояснил Твила. — Если воин ищет славы, он предпочтет сражаться с настоящим врагом, нежели с отбросами. Эти твари хуже падальщиков! Разбойники слишком трусливы и слабы, чтобы оказать сопротивление сильному отряду. Поэтому они могут только грабить деревни и проезжающих торговцев. Мы охотимся на них только если они обезумеют настолько, что нападут на наши стойбища или стада.

Гейл с восторгом подумал, что, похоже, ему открывается превосходное поле деятельности. Именно то, что нужно! Он видел, как эмси и матва объединились, вместе обшаривая тела нападавших, как они сражались, позабыв о давней вражде...

До этого Гейл гадал, как ему помочь верховым лучникам обрести боевой опыт, не дожидаясь иноземного вторжения. Но теперь он знал, как ему превратить матва и эмси в боеспособное войско. Прежде он гадал, каким образом помирить прежних противников, чтобы те не вцеплялись друг другу в глотки при первом удобном случае... А теперь они будут заняты общим делом. К тому же они не только принесут пользу народу эмси, но и добудут немало кабо, необходимых племенам матва.

— Твила, — обратился юноша к молодому вождю, — а что ты со своими людьми собирался делать этим летом?

Вождь повел плечами.

— Ничего особенного. Поохотиться, поторговать... Ну, конечно, не стоит забывать и о девушках... Прежде, чем осенью мы соберемся в деревнях, нам особенно нечем заняться. Женатых среди нас нет, так что никто не следит, как мы проводим время. Мы не против повеселиться, но если ты о чем-то хочешь нас попросить, мы будем рады служить тебе,

— Вот и отлично, — воскликнул Гейл.

Он наклонился с седла и, сорвав пучок травы, тщательно принялся счищать кровь с наконечника копья.

— Твила, а как ты посмотришь на то, чтобы вместе со своими парнями поохотиться за кабо? Только не за дикими, а обученными... За теми самыми, что разбойники когда-то угнали у ваших племен? Конечно, без боя они не сдадутся. Может, большой чести в таких победах и нет, но все же ты сможешь стирать кровь с клинка, сознавая, что сделал в этой жизни что-то полезное. Что скажешь?

Твила довольно ухмыльнулся.

— Мне это нравится, — воскликнул он. — Мне казалось, что у нас и без того довольно кабо, но с тобой, Предреченный, мы отправимся куда угодно и с радостью пойдем в бой. Пусть даже победа и не принесет нам особой славы.

* * *

Когда отряд, наконец, вернулся в родные холмы, все жители деревни выбежали полюбоваться на восхитительное зрелище. Те всадники, которых вел с собой Гейл, очень изменились и ничем не напоминали юношей, покинувших деревню ранней весной.

Подобно эмси, они теперь носили одежды из кожи и заплетали в косички светлые волосы. Увы, их было на четверых меньше, чем полсотни: поход не обошелся и без погибших. Однако, потери были неизбежны...

Однако, не только вид всадников привлек всеобщее внимание. Матва с изумлением взирали на огромное стадо отлично выезженных кабо, в котором было не меньше тысячи голов; также Гейл привел с собой несколько сотен полудиких животных, пойманных в степи, чтобы на них учились ездить верхом подростки.

Три десятка эмси прибыли в деревню, чтобы помочь позаботиться о скакунах. Теперь эти два народа почти сроднились между собой. Сражаясь бок о бок, они забыли все прошлые предрассудки и былую вражду.

Теперь Гейл видел, каким образом сможет исполнить предначертанное ему судьбой. Он намеревался создать великий народ из этих двух сильных племен. Отныне каждое лето отряды матва вместе с эмси будут выезжать на равнины, пока не разделаются со всеми разбойниками. Так матва добудут для себя необходимых скакунов, а также заслужат благодарность и почет со стороны эмси. Гейл же сумеет, объединив эти два племени, создать боеспособное войско.

Что касается эмси, то их заинтересовали короткие луки матва, и те пообещали научить новых друзей владеть ими.

В свою очередь, эмси показали собратьям приемы владения копьями для ближнего боя.

Пока все происходило именно так, как предвидел Гейл. Он верил, что путь, предначертанный ему, столь же определен, как путь корабля, идущего к берегу на приливной волне. Лишь одного он пока не ведал: в какую гавань приведет его этот прилив.

Однако, обо всех своих грандиозных планах юноша позабыл, едва лишь въехал в деревню и увидел женщину, что встречала его на мостике, перекинутом через ручей. Диена опиралась на перила и выпуклый живот отчетливо обрисовывался под платьем...

Гейл соскочил с седла. Сейчас он не думал ни о власти над народами, ни о победоносных походах, ни о воинственных армиях... Он бросил своего кабо и лук, бросил меч и копье и с безграничной любовью обнял жену, что носила под сердцем его дитя.

Черные щиты

Глава первая

Правитель объединенных племен восседал верхом на кабо. Это ездовое животное кочевники, в восхищении перед его мощью и быстротой, именовали Сотрясающим Землю. На кончиках четырех изогнутых рогов скакуна красовались золотые шарики, — животное славилось своим дурным нравом и уже успело забодать нескольких пастухов.

В руке у короля, опиравшегося на луку седла, было превосходное сверкающее копье, не длинное, каким предпочитали пользоваться кочевники-эмси, а подлинное оружие шессинов, населявших Острова, откуда был родом правитель. Древко его было изготовлено из огненного дерева, специальная выемка для ладони не позволяла руке соскользнуть в момент удара. Нижняя часть оружия, где имелся спиральный желоб, служила противовесом грозному лезвию и заостренную часть можно было воткнуть даже в землю, утрамбованную копытами. Бронзовое острие с боковыми стальными плашками составляло не менее трети длины копья. Это великолепное оружие снискало себе славу от далекого севера, покрытого снегом и льдом, до королевств жаркого юга. Оно сделалось символом королевской власти, и сейчас, на пороге войны, он нуждался в нем как никогда. И пусть гвардейцы личной охраны никогда не позволили бы Гейлу рисковать жизнью в схватках с разбойниками, однако в бою даже самые преданные бойцы не сумели бы отвести от своего повелителя опасность.

Как обычно, прошлую ночь Гейл провел в раздумьях у горного озерца на северных подступах к городу. Многие полагали, что в это время он говорит с духами или творит какие-то магические обряды, но чаще всего он просто желал побыть в одиночестве. Порой ему казалось, что королевская власть — это лишь иллюзия, а в душе он по-прежнему остается тем самым воином и пастухом, что занят своим привычным любимым делом: охраняет принадлежащий племени скот. При виде своего владыки, показавшегося вдали, гвардейцы разразились радостными криками. В большинстве своем родом они были из общин эмси или матва, но имелось также не меньше дюжины представителей иных племен. Численность королевской гвардии постоянно росла, поскольку

из каждого нового присоединившегося племени король брал на службу нескольких крепких молодых мужчин. Лишь таким образом все эти племена могли ощутить единство.

Во главе колонны гвардейцев Гейл на рысях направился к городу, и уже через час кавалькада оказалась у городских ворот. Это небольшое поселение дважды в год, благодаря приходящим купеческим караванам с юга и с запада превращалось во вторую столицу королевства, на улицах которой можно было услышать самые разные языки и наречия. Из-за ярмарки, которую устраивали здесь раз в полгода, население увеличивалось едва ли не вдвое. Гейл изо всех сил старался способствовать развитию торговли. Он обеспечил безопасный проход караванов по своей земле, а также был рад, когда соседние королевства открывали в его владениях свои торговые представительства.

Здесь, в Бьялле, находилась одна из королевских резиденций, а гвардейцы селились в расположенных поодаль казармах. В этом городе король проводил один или два месяца в году. Почти во всех остальных городах королевства у Гейла имелись такие же резиденции... И даже в некоторых деревнях, по желанию Диены, — ибо королева не смогла привыкнуть к жизни в походных шатрах.

При мысли о жене Гейл вновь остро почувствовал свое одиночество. Его возлюбленная супруга любила большие ярмарки, но сейчас не смогла приехать сюда вместе с ним. Она осталась в отчем доме, ибо вскоре собиралась дать жизнь еще одному королевскому наследнику, их третьему ребенку. У короля уже было двое сыновей, Анса и Каирн, и теперь он надеялся, что будет девочка. Несмотря на то, что жена его происходила из племени матва, Гейл принял мудрое решение дать сыновьям имена эмси, не обращая внимания на недовольство его родичей. Старшему из мальчиков уже сравнялось восемь лет, брат был моложе его на два года, но пока король еще не решил, кто именно станет его наследником. Впрочем, окончательный выбор будет зависеть от многих обстоятельств, а может статься, и от простой случайности.

Власть Гейла на этих землях была безграничной. Он сумел объединить народы, враждовавшие между собой веками, и, благодаря острому уму и организационным способностям, Гейл сделал их хозяевами всех окрестных равнин и холмов. Говорящие с Духами всех племен союза поддерживали его безоговорочно, и это также шло королю на пользу. Эмси именовали своего владыку Предреченным, а матва верили, что порой на него нисходит священное безумие, как на героев их древних сказаний. Кроме того, всем было известно,

что Гейл способен напрямую говорить с духами этих земель, а еще он обладал даром приручать диких кабо, делая из них послушных домашних животных.

Близ стен города, неподалеку от того места, где остановились торговые караваны, проводили учения королевские войска. Переводя скакунов в галоп, всадники на ходу ухитрялись попадать из луков по мишеням высотой в человеческий рост, — пару лет назад Гейл и вообразить не мог, что его люди сумеют сделать нечто подобное. Они были вооружены короткими луками из деревянных пластин, жил и роговых вставок, соединенных между собой стойким клеем, позволявшим сочленять разнородные материалы, не нарушая их природных свойств. Матва издавна славились как искусные лучники, их даже именовали Племенем Большого Лука. По совету Гейла мастера лучники слегка изменили конструкцию оружия, так как на равнинах не росли деревья, из которых мастерили свои традиционные длинные тугие луки обитатели холмов. Кроме того, по его мнению, всадникам было куда удобнее управляться с короткими луками. Теперь все считали это оружие личным изобретением короля, хотя сам Гейл не слишком преуспел в искусстве стрельбы, в особенности по сравнению с молодыми воинами, которые начали учиться владеть новым оружием еще с детства, — с той поры, когда пришел новый владыка и навсегда изменил жизнь этих людей.

Многолюдная и многоцветная ярмарка раскинулась по другую сторону от учебного плаца. Пестрые шатры торговцев ломились от множества товаров, которые они обменивали на то, что производилось в этих землях. Самым ценным предметом обмена был металл. Матва, эмси и бьяллы перетаскивали мешки и тюки, набитые целебными травами, шкурами ночных котов и прочим ценным мехом. Каждый год Гейл отправлял во все стороны небольшие отряды, поручая им отыскать на горах и в холмах новые товары для обмена. Больше всего он мечтал отыскать месторождения металлов, чтобы его подданные меньше зависели от прихотей чужеземных торговцев. Но до сих пор все его поиски оставались тщетными.

В сопровождении эскорта король въехал за городские стены, и его приветствовали громкими возгласами жители города и иноземные гости. Некогда Бьялла была грязной деревушкой, населенной презираемыми всеми и нещадно притесняемыми крестьянами, а теперь превратилась в процветающий богатый город. Сами бьяллы в большинстве своем стали хозяевами постоялых дворов и владельцами торговых лавок. Больше никто не считал их рабами эмси, и они за это были искренне преданы Гейлу.

Что касается королевского дворца, то он представлял собой небольшое, но красивое здание с глинобитными стенами. Свет в него проникал через окна, забранные разноцветными стеклами. Стекла обошлись Гейлу очень дорого, но зато на всех гостей они производили неизгладимое впечатление. Разумеется, для южных и западных владык эта резиденция показалась бы чересчур скромной. Они бы не использовали ее и как охотничий домик, но Гейл был владыкой племен, что большую часть жизни проводили под открытым небом, и для них этой роскоши было достаточно. Что же касается чужеземцев, то изумлять их стоило не богатством, а бескрайними пастбищами и многочисленной отлично обученной армией.

Спешившись, Гейл шагнул на веранду, что опоясывала его жилище. Здесь его ожидали чужеземные посланники и гонцы, которые в низком поклоне склонились перед королем, и тот учтиво кивнул им в ответ. Вперед выступил человек, в котором по одежде Гейл узнал гонца из Неввы, и передал королю резной ларец.

— Здесь послание от правителя и ваших друзей в Невве, государь, — промолвил он. — Чуть позже, с караваном, прибудут и королевские дары.

— Прошу тебя передать владыке Неввы мою благодарность, — отозвался Гейл. — Надеюсь, что ему придутся по душе и те подарки, что я выбрал для него. Как обычно, в этом году их доставит купец Шонг.

Гонец склонился в поклоне, а затем вернулся на место. Ларец король передал своему помощнику, чтобы затем на досуге спокойно ознакомиться с содержимым. Его сегодня ожидал длинный и тяжелый день: нужно было принять всех гостей и решить, кому из купцов даровать привилегии в торговле, какие из привезенных товаров разослать в качестве даров правителям соседних племен, а также принять решения и по иным, не терпящим отлагательств, вопросам.

Среди тех, кто явился сегодня на поклон к королю, также были служители различных культов и просто путешественники. Немало было среди них соглядатаев из соседних королевств. Однако, другими двигало обычное любопытство: им хотелось своими глазами увидеть короля, на которого, по слухам, снизошло божественное откровение, — впрочем, кое-кто попросту считал его колдуном. Всем этим людям, также, как и купцам, Гейл обещал полную безопасность в своих владениях, хотя чаще всего они лишь докучали ему своими проповедями и безумными речами. Тем не менее, король давно уже понял, что эти бродяги с радостью скитаются по свету и рассказывают повсюду о том, что видели в других местах. Это

был бесценный источник сведений о далеких землях. К тому же, в отличие от торговцев, эти странники редко просили плату за свои красочные подробные рассказы. И поэтому Гейл ценил их общество.

Все гости, что сегодня присутствовали на королевском приеме, были посвящены в тонкости придворного этикета, и все же с трудом скрывали изумление тем, что видели вокруг. Гейла это ничуть не удивляло. Жрецы и военачальники, воины и торговцы — до сих пор мало кто из них мог понять, каким образом невесть откуда взявшийся король Гейл сумел объединить племена дикарей, основать королевство, установить дипломатические отношения и начать торговать со всем миром, и к тому же создать превосходную, отменно обученную армию, равных которой не было даже в самых богатых королевствах... И что этот Гейл был еще совсем юношей, которому не исполнилось и тридцати лет.

Внезапно в дверях зала показался один из десятников матва в запыленной дорожной одежде. Гейл подал ему знак подойти ближе.

— Ты из селения Широколиста? Что там нового? — взволнованно спросил король. Именно в этом селении находилась сейчас Диена.

— Два дня назад, когда я покинул деревню, там все было по-прежнему, — отозвался гонец. — Матушка королевы ревностно охраняет свою дочь.

— Я рад это слышать.

Гейл устало вздохнул. Несомненно, если бы случилось что-то неладное с супругой, то ее уважаемая матушка немедленно прислала бы за Гейлом людей, — пусть даже им пришлось бы силой похитить короля, — и все же Гейл волновался за жену.

После того, как ему удалось, наконец, покончить со всеми формальностями, Гейл приказал перевести полученные послания. Большая часть бумаг была скучной и официальной, но попадались и личные письма. Первым Гейл взял в руки свиток, скрепленный хорошо знакомой печатью королевского писца Шаулы. Это был старый приятель Гейла, тот самый, что некогда обучил его грамоте.

Взломав печать, король начал читать длинное письмо, полное самых разных сведений, придворных и городских сплетен. Шаула в подробностях описал последние исследовательские походы, и даже сделал наброски карт по результатам этих путешествий. Сам королевский писец был также и картографом, и в свое время подробно ознакомил Гейла с этим непростым искусством. Читая письмо, король ощутил,

как потеплело у него на душе, словно после разговора с добрым старым другом. Однако, в конце письма содержалось известие, от которого все его благодушие вмиг улетучилось.

«...тебе шлет свои заверения в дружбе и наш возлюбленный владыка Пашар, хотя его немало удивило то, что ты в свое время покинул нашу экспедицию, а затем вдруг сделался повелителем Равнинных Земель, в то время как обещал оставаться на службе у него, Пашара. Впрочем, он по-прежнему тепло относится к тебе и даже назначил твоего старого приятеля, капитана Молка, одним из глав недавно учрежденной гильдии морских торговцев. Теперь Молк процветает и владеет уже шестью кораблями. Вот что он просил передать тебе. Похоже, ты должен забыть о возвращении на Острова, откуда ты родом. Там объявился некий новый правитель, чье имя Молк мне не назвал. Правитель этот объединил почти все острова в морское королевство. Он посылает своих воинов на кораблях с одного острова на другой, завоевывает их все по очереди и заставляет побежденных служить себе. Поговаривают, что их набеги становятся все более успешными и разрушительными. Кроме того, особенностью этих воинов является то, что они носят щиты черного цвета...»

Чем больше Гейл размышлял над этим письмом, тем сильнее страх закрадывался в его душу. Он думал, что окончательно разделался со своим прошлым. Отныне он жил так, как считал нужным и был уверен, что защитил свой народ от любых грядущих невзгод. Однако, теперь он осознал, что впереди надвигается огромное зло, которое успело необычайно разрастись за эти годы. Судя по описаниям Молка, источником угрозы был Гассем.

Гейл надеялся, что его молочный брат давно погиб, пав жертвой собственного безумия. Их ненависть была глубокой и взаимной... Но теперь Гейл знал, что Гассем не только остался в живых, но и сделался владыкой-завоевателем.

Повернувшись, Гейл взглянул через окно на горы, что возвышались на западе и на ночное светило, восходившее над зазубренными пиками. Ему ведомо было, откуда взялись черные шрамы, уродовавшие лик луны, — и так же хорошо он знал, что Гассем сделался безжалостным тираном, свирепым и беспощадным, словно герои древних легенд.

Сейчас духи земель говорили с Гейлом, — голоса, которых не мог слышать никто, кроме него. Они предрекали, что наступит день, когда на широкой равнине, лежащей у берега моря, за западными горами, он, наконец, повстречается со своим молочным братом, и эта встреча станет роковой для них обоих.

Глава вторая

Стоя на ступенях храма, король Гассем созерцал происходящее на рыночной площади. Справа от него пленники укладывали тела своих бывших врагов в полыхающий погребальный костер. На другом краю площади воины Гассема складывали награбленное добро. Там же толпились и оставшиеся в живых жители города. Заглушая треск пламени, слышался детский плач и отчаянные вопли женщин. Это зрелище услаждало взор и слух Гассема, а ноздри его возбужденно трепетали от пряного аромата смерти.

Король Гассем был хорош собой, с длинными густыми волосами цвета бронзы, что ниспадали на плечи, как принято у старших воинов племени шессинов. Однако, в отличие от них Гассем не накладывал краску на лицо, не носил украшений из перьев и меха. Сейчас на короле была лишь красная кожаная набедренная повязка, а на поясе перевязь с мечом. В этом простом наряде он выделялся среди любивших яркие цвета шессинов куда больше, чем в самом пышном одеянии.

— Возлюбленный супруг мой!

Гассем повернулся. К нему по ступеням храма спускалась королева Лерисса. Даже среди шессинов, которых повсюду в мире считали одним из красивейших племен, эта женщина выделялась своим очарованием. Прекрасно сознавая все свои достоинства, Лерисса умело подчеркивала их. К тому же она обожала драгоценные украшения и носила их в таком количестве, что под ними почти не было видно платья. Впрочем, королю были по душе столь вызывающие наряды супруги. Да и вызова тут никакого не было... На Островах не нашлось бы глупца, осмелившегося осуждать королеву.

Но сегодня наряд Лериссы превзошел самое себя. Она прикрыла груди золотыми чашечками, соединенными между собой толстой золотой цепью, — и когда супруг, не удержавшись, подергал за нее, Лерисса отступила, нахмурившись.

— На чем же они держатся? — с усмешкой поинтересовался Гассем.

— Это моя тайна. Перестань. Ты причиняешь мне боль!

Гассем опустил руку.

— Не желаешь ли посмотреть нашу добычу?

Оруженосец, что стоял парой ступенек ниже, протянул повелителю его копье, — восхитительное оружие, выкованное из стали, добытой в одном из победоносных королевских походов.

Именно это копье было символом власти Гассема и подчеркивало его превосходство над прочими смертными. Оруженосец с большим черным щитом в руках последовал за королем, которого остальные воины приветствовали истошными воплями.

Сами шессины были слишком большими гордецами, чтобы кланяться даже королю, однако уроженцы иных племен благоговейно опустились на колени и на всех наречиях затянули победные песнопения. Отточенное бронзовое оружие воинов грозно сверкало под лучами солнца.

Король с королевой осмотрели захваченные клинки, одеяния, богатую утварь. На площади грудой были свалены самые разные вещи, от драгоценных украшений до тончайших стеклянных безделушек и тюков окрашенной шерсти.

— Как богаты жители материка! — воскликнула Лерисса. — Здесь так много всего... Тебе придется захватить еще пару больших кораблей, чтобы мы могли переправить на Острова нашу добычу.

— Мы не станем ничего никуда отправлять, — возразил король.

Супруга смерила его пристальным взором.

— Что ты имеешь в виду?

— Пора нам обосноваться на материке. Мне понравился этот город, и здесь удачно расположенная гавань. Скажи, госпожа моя, не желаешь ли ты поселиться здесь, во дворце? Тогда нам не пришлось бы в конце каждого мореходного сезона вновь отправляться восвояси и пересылать туда добычу.

С торжествующей улыбкой Лерисса бросилась в объятия супруга.

— Как я счастлива! Сбылась моя мечта! Когда же мы начнем строить дворец?

— Когда пожелаешь. Я собираюсь отправиться на юг месяца на два. Ты же тем временем отбери нужных мастеров и пусть берутся за работу. Теперь это наши рабы. Кстати, как называется этот город?

— Флория. Похоже, его назвали так в честь богини цветов.

Гассем пренебрежительно ухмыльнулся.

— Боги и богини! Как могут глупцы верить в эту нелепость? Мы смогли завоевать их земли и обратить людей в рабство... Какое еще доказательство немощи богов можно им предоставить?

У самих шессинов никаких богов не было, — а только духи, вредоносные или полезные. Впрочем, сам Гассем не верил даже и в духов.

— Мы наречем город по-новому. Дадим ему достойное столицы имя и выстроим наш дворец вот здесь. — Лерисса указала на холм позади рыночной площади, где возвышалось несколько зданий. — Там обитал их правитель. Говорят, он трусливо сбежал, едва лишь завидев наши корабли.

— Отлично, — кивнул Гассем. — Можешь выбрать себе рабов из них... — рукой он указал на людей, выстроенных на другом конце площади. — Я пока взгляну на пленных воинов. Возможно, кого-то из них я сочту достойным вступить в мое войско.

— На твоем месте я не слишком бы на это рассчитывала, — предупредила королева. — На Островах ты мог привлечь на свою сторону тысячи великолепных воинов после того, как силой подчинил себе их племена. Но здесь солдаты служат своим владыкам не из любви к битвам, а лишь из страха перед командирами. Впрочем, чтобы завоевать материк, полагаю, тебе придется использовать и таких воинов.

Обняв жену за шею, Гассем запустил руки ей в волосы. Пышные пряди Лериссы были такими светлыми, что под ярким солнцем казались почти белыми.

— Ты совершенно права, моя возлюбленная. Теперь все эти люди — мои рабы, и я откажусь лишь от тех, кто ни на что не годен.

Пока король направился к пленным солдатам, Лерисса занялась отбором рабов. Ей было приятно, что Гассем прислушался к ее словам. Несмотря на всю хитрость и расчетливость, порой в душе ее супруга брала верх природная дикость, что толкало его на жестокие, бессмысленные деяния.

Поначалу пленных раздели, чтобы убедиться в отсутствии у них увечий или каких-либо физических недостатков. Лериссе было любопытно наблюдать за их поведением. Иные плакали и тряслись от страха, другие были настолько ошарашены, что никак не реагировали на происходящее, третьи казались невозмутимыми и отрешенными.

Кто-то пояснил королеве, что эти последние были рабами и прежде, чем Гассем захватил город. Для них не было ничего трагичного в смене владык. У Лериссы они не вызывали ничего, кроме презрения.

Шессины не становились рабами, даже когда попадали в плен, предпочитая смерть столь жалкой судьбе. Но раз эти люди смирились с утратой свободы, стало быть, достойны оставаться рабами навсегда.

— Слушайте меня! — заявила им Лерисса. Вопли и слезы тут же прекратились: пленники осознали, что сейчас решается их судьба. — Отныне все вы — рабы Гассема, повелителя Островов. Позже, если вы станете вести себя подобающим образом, то ваше положение может измениться к лучшему. Однако, сейчас смиритесь с мыслью, что вы рабы. Лишь по милости короля вы остались в живых. Будьте смиренны и покорны и получите награду. Любая дерзость будет наказана, а неповиновение карается смертью. Я — королева Лерисса, превыше моей власти — лишь власть самого короля.

Пленники затихли в угрюмом молчании. Лерисса хорошо сознавала, что всех их нужно с самого начала призвать к покорности. Рабы должны знать свое место!

— Вам надлежит исполнять приказы любого шессина, если только это не противоречит приказам короля или моим собственным. Известно ли вам, как отличить своих новых хозяев? — С этими словами королева обвела рукой личных стражей Гассема, которые стояли, опираясь на черные щиты и с интересом взирали на все более увеличивающуюся груду военной добычи. Все они были высокими, синеглазыми, с оттенком волос от темно-золотистого до пепельного. Кожа шессинов была красноватой с медным оттенком.

— Кроме того, вы должны будете подчиняться приказам королевских воинов из других племен, если это не противоречит приказам шессинов. Отныне вы лишаетесь всех прав свободных людей. Забудьте о прошлом. Смирите свою гордыню. Отныне для вас осталась единственная добродетель: покорность. И горе тому, кто пренебрежет ею! Теперь же я намерена выбрать из вас тех, кто станет прислуживать лично мне. Стойте спокойно. Ваши крики и слезы бессмысленны. Смерть миновала вас, так что все самое страшное уже позади.

Лерисса хорошо знала, какие рабы ей нужны. На мужчин она даже не взглянула: королеве, выросшей среди отважных воинов, был ненавистен вид здоровых, крепких мужчин, не пожелавших сражаться.

Точно так же не заинтересовали ее и женщины с детьми. Ничего нет хуже служанок, которые то и дело отвлекаются от своих обязанностей! Также не имело смысла и брать в услужение знатных дам, которые еще вчера наслаждались свободой и сами владели рабами. Таких почти невозможно привести к безоговорочному подчинению. Наконец, Лерисса увидела перед собой высокую черноволосую женщину с очень белой кожей. Та была довольно хороша собой и стояла невозмутимо, не смущаясь ни своей наготы, ни происходящего вокруг.

— Ты рабыня по рождению? — поинтересовалась Лерисса.

— Меня захватили в плен еще ребенком, госпожа. — На вид женщина казалась смиренной, голос ее звучал ясно и мелодично.

— Откуда ты родом?

— С юга, госпожа. Мы жили на границе с Чивой.

— А где ты служила до вчерашнего дня?

— В доме верховного жреца бога Аква, госпожа.

— Стало быть, с работой в большом доме ты знакома не понаслышке?

— Да, госпожа.

— Ступай и встань рядом с тем молодым воином, — королева указала на одного из своих охранников, стройного мускулистого юношу, с волосами, заплетенными во множество мелких косичек, что было отличительным признаком младших воинов-шессинов.

Затем Лерисса отобрала для себя еще два десятка рабынь, обращая внимание прежде всего на их красоту и способность подчиняться. Большая часть среди них были рабынями и прежде, но Лерисса также выбрала и нескольких юных девушек, бывших прежде свободными. Королева полагала, что они вскоре привыкнут к своему новому положению.

На самом деле Лерисса, выросшая в простых суровых условиях на Островах, не слишком нуждалась в рабах. Она пренебрегала услугами портних, поскольку даже здесь, на материке, зачастую ходила в одной набедренной повязке; она также не нуждалась в помощи для того, чтобы уложить свои волосы в прическу. Не по душе королеве была и музыка, столь любимая в этих землях, а вкусы в еде и напитках были достаточно просты, так что ей не было нужды не только в музыкантах, но и в поварах... Лерисса уже вознамерилась уйти прочь, как вдруг ее остановил чей-то голос.

— Госпожа!

Обернувшись, Лерисса увидела хрупкую невысокую девушку, которую прежде намеренно обошла вниманием, потому что та с независимым видом держалась в стороне от остальных рабов, — а, стало быть, демонстрировала нежелание повиноваться. Возможно, в иное время королева и пожелала бы принять дерзкий вызов, но сейчас ее мысли были поглощены строительством будущего дворца и управлением новым захваченным городом. Проще всего было бы не обратить внимания на своевольную рабыню, а еще лучше — покарать ее за дерзость, однако Лерисса была любопытна, как и всякая женщина, и потому все же откликнулась:

— Чего ты хочешь?

— Служить тебе, госпожа!

Протянув руку, королева за подбородок откинула голову девушки назад, и лишь сейчас осознала, что перед ней не юница, а женщина зрелых лет с пышной, но стройной фигурой. Судя по впалому животу, детей у нее еще не было. У женщины оказались черные волосы, смуглая кожа и широко распахнутые зеленые глаза.

— Кто ты такая?

— Я знатного рода... — начала та и тут же спохватилась, — госпожа...

— Это значит, что проку от тебя не будет. Ты лишена нужных мне умений и не способна подчиняться.

— У меня есть иные умения, госпожа. Я могу стать незаменимой спутницей для королевы.

Это дерзкое утверждение насмешило Лериссу.

— Что ты хочешь этим сказать?

Торжествующая улыбка мелькнула на пухлых губах женщины. Она добилась своего: теперь королева выслушает ее.

— Госпожа, ты владычица Островов. Однако, здесь, на материке, жизнь сильно отличается от всего, к чему ты привыкла. Несомненно, тебе не обойтись без советов, как подобает жить королеве.

— Я и сейчас живу как королева. Моей воле покорны все, кроме короля.

— Прости меня, госпожа, но ваша власть распространяется лишь на тех, кому грозят копья ваших воинов. Однако, мир куда более обширен, что вы себе воображаете. На материке множество земель, и повсюду свои владыки.

Лерисса пришла в ярость.

— И что с того? Рано или поздно все они станут покорны королю Гассему!

— Несомненно, госпожа. И все же пока этого не произошло, вам придется вести с ними дела. Посольства, королевские визиты и так далее... Даже столь великий завоеватель, как твой супруг, должен будет обращаться с ними как с равными, а не как хозяин с рабами. Разумеется, до тех пор, пока не завоюет их земли... И прочие королевы станут безжалостно издеваться над тобой, госпожа, за любые промахи в манерах и обращении. Они могут быть очень умны и жестоки, моя госпожа.

— Я тоже, — возразила королева. — И твоя дерзость меня удивляет. Желаешь унизить меня, указав на мое невежество? Или попросту желаешь испытать на себе мой гнев?

Но женщина лишь продолжала улыбаться.

— Это не так, госпожа. Я лишь хотела привлечь к себе внимание. Я желаю помочь тебе.

— Но с какой стати тебе делать это? Ты все равно останешься рабыней, а своих рабынь я караю и милую, но могу даже убить. Все вы зависите от моих прихотей.

— Я смирилась с рабской участью, госпожа. Однако, я желала бы стать именно твоей рабыней.

Лерисса смерила женщину внимательным взором.

— Как тебя зовут?

— Денияз, госпожа.

— Ступай со мной.

В сопровождении охранников королева отправилась в особняк на холме, который выбрала в качестве временной резиденции.

Тем временем король Гассем за городской стеной осматривал взятых в плен и разоруженных солдат противника. Он был окружен своими военачальниками, опытными командирами, среди которых были представители всех народностей Островов. Сам Гассем предпочитал иметь дело с шессинами, однако прекрасно сознавал, что за своими сородичами воины других племен пойдут куда охотнее. Поэтому он щедро вознаграждал всех, кто отличился в боях, и не обращал внимания на то, из какого племени они родом.

— Впервые вижу воинов, таких сонных и неповоротливых, как больные кагги, — заметил суровый вождь осасов, указывая на пленников.

Несколько сотен разоруженных невванцев стояли перед ними. Иные все еще выглядели воинственно, но, без всякого сомнения, все они были напуганы. С них сняли доспехи, оставив только рубашки или набедренные повязки. Это были коренастые темноволосые мужчины — типичные представители племен, населявших эту местность. Битва за Флорию длилась недолго. Гарнизон города был захвачен врасплох. Корабли с армией Гассема вошли в гавань на рассвете. Островитяне, прикрываясь выкрашенными в черный цвет щитами, лавиной обрушились на побережье. Солдаты гарнизона мужественно оборонялись, пытаясь отбить атаку, но крепостная стена со стороны моря имела бреши, и захватчики, без труда преодолев их, проникли в город. невванцы не прекратили сопротивления, сражаясь на улицах, но вскоре большая часть их офицеров, желая сохранить жизнь, сдалась врагу. Солдаты гарнизона, оттесненные к рыночной площади, были вынуждены сложить оружие, после того как вождь захватчиков предложил им сдаться.

— Вы все! Слушайте короля! — выкрикнул офицер. — От внимания, с которым вы отнесетесь к его словам, зависит ваша жизнь.

Вперед с копьем в руках выступил Гассем.

— Вы — отважные воины, — начал король, не обращая внимания на презрительные ухмылки своих соплеменников. — Я рад, когда ко мне на службу поступают храбрые мужчины. Я пришел на материк и останусь здесь, завоевав эти земли, как покорил ранее Острова. Посмотрите на воинов, которые взяли ваш город. Вы видите людей из разных племен. Многие смогли занять высокое положение. Это может произойти с каждым, кто вступит в мою армию. Ни один город не устоит передо мной, и все вы получите свою долю добычи!

Он заметил, что, как только упомянул о трофеях, пленные вмиг приободрились.

— Мне нужны только добровольцы. Те, кто хочет сражаться в моей армии, пусть встанут здесь! — Наконечником копья Гассем указал справа от себя.

Пленники не стали тратить время на обдумывание и по двое, по трое, а затем и небольшими группами начали переходить к месту, указанному королем. Еще недавно мрачные и подавленные, сейчас они вновь обрели надежду: возможность участвовать в походах победоносного и удачливого воителя. И все же около сотни воинов остались на месте.

Гассем подозвал к себе бритоголового мужчину.

— Слушаю тебя, мой король, — подобострастно улыбнулся тот.

Король указал на воинов, не пожелавших присоединиться к его войску:

— Им всем мы сохраним жизнь. — При этом его немало позабавило облегчение на их лицах. — Но пусть каждого оскопят и отрубят правую руку. Затем отпустят. — Король повернулся и двинулся обратно в город, сопровождаемый криками ужаса, раздавшимися сзади.

* * *

Лерисса одобрила действия супруга, когда он обо всем ей рассказал. Королева отдыхала на кушетке, среди груды мягких подушек. Она лежала, положив подбородок на ладони. Несколько рабынь прибирались в ее спальне: прежние владельцы, забрав самое ценное, второпях покинули город, оставив дворец в полном беспорядке.

То, как король обошелся с солдатам Флории, было Лериссе не в диковинку. Воины Гассема были свирепы и сильны, но его армия не могла сравниться по численности с войсками, которые были в распоряжении правителей на материке. Королева знала, что большая часть рекрутов тоже набира-

лась ими с завоеванных земель. Как правило, им не оставляли другого выбора: либо служба, либо смерть. Поэтому Лерисса была уверена, что многие охотно присоединятся к армии ее мужа, который обещал им великие победы и богатую добычу.

— Превосходно! — заявила Лерисса. — Несомненно, то, как ты поступил с пленными солдатами, пойдет тебе на пользу. Бежавшие из города будут распространять о нас пугающие слухи, и твое решение сделает более сговорчивыми пленных, которых мы возьмем в других городах. А преуспевание тех, кто выбрал службу в твоей армии, скоро покажет остальным, как вести себя при встрече с истинной силой.

— Верно, — согласился Гассем. — Враги будут наполовину побеждены еще до того, как мы вступим в сражение. — Он лениво протянул руку и похлопал молодую рабыню пониже поясницы.

Девушка испуганно покосилось на королеву, но бесстрастное лицо Лериссы ничего не выражало. В душе, королеву позабавило смущение рабыни, вызванное жестом Гассема. Большинство ее новых прислужниц были смышлеными, но испуганными, что совершенно естественно для красивых женщин, с рождения находившихся в неволе.

Они прекрасно усвоили, что их благополучие, а возможно, и жизнь, зависит от настроения хозяев. Однако расположение хозяина могло стоить им жизни в том случае, если оно возбудит ревность госпожи. Лерисса усмехнулась. Она не ревновала к рабыням, однако говорить им об этом не собиралась. Рабов надлежит держать в страхе. Это делает их более покорными.

Лерисса не сомневалась, что у ее супруга мог возникнуть лишь мимолетный интерес к другой женщине. Королева всегда старалась предугадать все его желания. Они знали друг друга с детства, и в свое время заключили соглашение, что никогда простая рабыня не сможет рассчитывать на нечто большее, чем послужить усладой королю. И если Гассем увлекался кем-нибудь, Лерисса знала, что эта женщина нужна ему лишь для минутной услады. Королева же всегда останется королевой, и это главное. Обычаи шессинов позволяли иметь несколько жен, но до сих пор Гассем не изъявлял желания взять вторую супругу.

У короля Гассема была лишь одна страсть — это неограниченная власть. Он ничуть не сомневался, что судьбой ему суждено стать покорителем мира, и все остальные желания меркли по сравнению с этой великой целью. Ему нравилось обладать богатством и рабами, потому что это было одним из признаков власти. Однако куда большее наслажде-

ние ему доставляло взирать на свои войска и армады кораблей. Он знал, что это — подлинное проявление его силы.

Но чем была для него королева? Лерисса вынуждена была признать, что на самом деле не знает этого. Она была его соратницей, а может быть, и просто орудием. Хотя, в конце концов, не это было самым важным. Главное, что она шла рядом с ним к грядущей великой цели.

— Мой господин, как ты полагаешь, скоро ли король Невы двинет против тебя войска?

— Я не стану этого ждать, — заявил Гассем. — Я нападу первым.

— Может, сначала стоит узнать о его возможностях?

— Я и без того о них знаю. Любому правителю с материка требуется немало времени, чтобы собрать все свои силы. До окончания мореходного сезона я должен перевезти с Островов оставшуюся часть моей армии. Во время сезона штормов они будут учиться, как вести военные действия на материке.

Лерисса ценила своего супруга за то, что он никогда не отказывался выслушать ее.

Другой мужчина мог бы расценить ее вмешательство как оскорбление своей воинской гордости, но только не Гассем. Всему на свете он предпочитал победу, какой бы ценой она ни была завоевана — обманом, запугиванием или тщательным обдумыванием каждого шага. Король прекрасно знал, что война изнуряет солдат и восстановить боеспособность армии — нелегкая задача. Длительные походы значительно отличались от редких скоротечных стычек, к которым привыкли его соплеменники. Повелитель Островов равно верил как в смелость, так и в осторожность.

— Мне кажется, — продолжала Лерисса, — нам следует заслать побольше соглядатаев, чтобы узнать о планах короля Невы. Для этого лучше всего подойдут мелкие купцы. Они бывают в разных землях и могут многое разведать.

— Отличная мысль, — после недолгого раздумья согласился Гассем. — Но я буду слишком занят делами армии, так что устроить это дело могла бы и ты. Используй побольше людей и не скупись на вознаграждение. Каждый из них не должен знать, что работает не в одиночку. Лучший способ — послать в одно и то же место нескольких соглядатаев. Ты сразу различишь обман или измену, если их донесения будут заметно отличаться друг от друга.

— Думаю, мне это под силу, — сказала королева. — Кроме того, это занятие доставит мне удовольствие. Успех могут приносить не только победы, одержанные в бою. Уверена, что шпионы окажутся не менее полезны, чем воины.

Осмотрев выбранных Лериссой рабынь, Гассем остановил свой взор на Денияз. По знаку короля, женщина приблизилась, заметно встревоженная его вниманием.

— Похоже, красотка, ты родилась свободной? — любезно спросил Гассем.

— Да, мой господин, прежде я была знатной дамой, — отозвалась она, вмиг растеряв большую часть той надменности, которую недавно выказывала перед королевой.

— В моем племени люди почти не имели рабов, — задумчиво проговорил Гассем. — Шессины не похожи на людей материка, которые обращаются с рабами, как с бессловесными животными. Мы никогда не забываем, что рабы — такие же люди и точно так же имеют уши и голову на плечах. — Неожиданно взгляд его стал жестким, и король пристально взглянул на Денияз. — Ты понимаешь меня?

— Клянусь, мой господин, никто и никогда за стенами дворца не узнает, что я слышала и видела здесь!

— Иначе и быть не может. Иначе... ты и представить себе не можешь, что я с тобой сделаю, если ты нас предашь. — В голосе короля чувствовалось холодное дыхание смерти.

После ухода Гассема, королева приказала рабыням продолжать работу и обратилась к Денияз:

— Ты, конечно, понимаешь, что имел в виду король?

— О, да, моя госпожа, — ответила женщина. Казалось, с уходом короля к ней вернулось самообладание.

— Вот и славно. А теперь расскажи мне о короле Неввы. Что он представляет собой и как взошел на трон?

Королева по-прежнему лежала на кушетке. Денияз, скрестив ноги, села на подушку, брошенную на полу у изголовья.

Лерисса все еще возлежала на кушетке. Денияз уселась, скрестив ноги, на подушку у изголовья.

— Король Пашар происходит из славного королевского рода Халасидов. Прежний правитель не имел прямых потомков по мужской линии. Пашар — его двоюродный брат — был знаменитым военачальником и главой королевского совета. Затем, после неожиданной смерти короля, совет возвел Пашара на престол. После окончания периода траура он стал новым правителем.

— Была ли естественной смерть прежнего короля? — поинтересовалась Лерисса.

Денияз повела плечами.

— Разумеется, как всегда в подобных случаях, ходили слухи, будто это Пашар убил прежнего короля, однако сплетни вскоре затихли. Людям нравится, когда ими правят твердой рукой.

— Ты ведь знатного рода, так что тебе известно, как отнеслись к перевороту аристократы. Что сейчас они думают о короле Пашаре?

— Госпожа, даже в самых знатных семействах женщины плохо разбираются в таких делах. Их не посвящают в политику.

— Но ты же совсем не глупа. Уверена, что ты интересовалась тем, что творилось вокруг. Так что же тебе известно?

— Все зависит от того, к какой группировке принадлежит семья. Знать из провинции, чьи имения находились на юге Неввы, считали Пашара узурпатором, но у них не было своего претендента на престол. Самой большой поддержкой король пользовался у столичных аристократов. Они полагали, что прежний король не был достоин престола. За время его правления Невва утратила немало своих исконных земель. Пашар же всегда был очень сильным военачальником, и они надеялись, что он сумеет восстановить королевство в его прежних границах.

Лерисса уложила подбородок на ладони, так что ее глаза оказались вровень с глазами рабыни.

— А как относилась к происходящему твоя семья?

Во взоре королевы не читалось прямой угрозы, однако Денияз никогда не рискнула бы ей солгать.

— Мои родичи оказывали Пашару поддержку, — откликнулась она.

— И каково же родовое имя твоей семьи?

— Халасиды, госпожа, — шепотом отозвалась Денияз.

— Так вы в родстве с королем?

— Пашар приходится моему отцу старшим братом, госпожа. — Теперь женщина дрожала, словно в ознобе, и Лерисса кивнула с удовлетворенным видом. — Однако, в качестве заложницы я едва ли смогу быть тебе полезна, госпожа. Меня изгнали из столицы с позором.

Лерисса пальцами коснулась нежной, точно лепесток розы, щеки Денияз.

— Заложница? К чему нам заложники? Зачем менять одних рабов на других, если вскоре мы обратим в рабство всех жителей материка? Не тревожься об этом. Но я рада, что теперь знаю о тебе все. И впредь никогда не пытайся хранить от меня никаких тайн.

— Я не посмею, госпожа!

— Теперь поведай мне о врагах Пашара.

— Он не воевал ни с кем из соседей, госпожа. — Денияз, словно обретя почву под ногами, вновь обрела невозмутимый вид.

— Налей-ка мне вина, — велела ей королева. — И можешь взять бокал себе.

Денияз подошла к столу, где стоял кувшин с вином и несколько великолепных кубков. Наполнив два из них, один она протянула Лериссе и сама уселась на прежнее место.

Не спеша потягивая вино, королева принялась поглаживать рабыню по блестящим черным волосам. Таков был ее излюбленный прием: выводить людей из равновесия, неожиданно переходя от ласки к необузданной ярости. Для того, чтобы привести раба к покорности, требовалось немало труда, но усилия оправдывали себя. Лерисса не сомневалась, что ловкая, преданная рабыня может быть ей очень полезна.

— То, что он не воевал, это не так уж важно, Денияз. Все короли соперничают между собой. Так каковы же противники Пашара?

Рабыня постаралась дать своей новой госпоже все интересующие ее сведения о жизни на материке.

— Южнее Неввы лежит королевство Чива, самое западное из всех. Там царит изнуряющая жара, в горах и джунглях водятся странные птицы и рептилии. Король Чивы является одновременно верховным жрецом. Говорят, в жертву своим богам они приносят людей. О королевствах к востоку от Чивы мало кто знает, но, по слухам, они богаты и содержат огромные, хорошо обученные войска... На северо-востоке от Неввы находится королевство Омайя, раздираемое постоянными междоусобными войнами. Впрочем, король там обладает немалой властью и следит за тем, чтобы знатные семейства не уничтожили друг друга окончательно. Невва пристально следит за происходящим в Омайе и, при удобном случае, готова завоевать ее. На юго-востоке лежит огромная пустыня, которая не принадлежит никому. Те земли именуют еще Отравленными или же Зоной. Ее населяют загадочные уродливые создания. Люди там не вполне похожи на людей, и животные также сильно отличаются от тех, к каким мы привыкли. Еще в пустыне находится Каньон — диковинное место, где люди занимаются магией и черным колдовством. По другую сторону великой горной гряды, за Омайей, лежит плодородная равнина, населенная кочевниками-дикарями, которые почти всю жизнь проводят в седле, переходя с одного пастбища на другое. Лишь в последнюю пару лет торговые караваны смогли проникнуть в эти труднодоступные земли.

Королеве понравилось то, что она услышала от Денияз. Судя по всему, королевства материка не пожелают объединиться, чтобы вместе дать отпор островитянам. Скорее всего, они станут воспринимать их нашествие как досад-

ную неприятность, — а затем станет слишком поздно. В этих странах знать разобщена и пребывает в упадке. Никто не способен оказать Гассему достойный отпор.

А вот земли кочевников могут представлять для островитян куда больший интерес. С тех пор, как Лерисса прибыла на материк, она уже видела нескольких всадников верхом на кабо: на Островах они не знали ничего подобного, поэтому она попросила Денияз побольше рассказать о землях за горами.

— В последние годы король Пашар поддерживает переписку с человеком, который создал в тех краях некое подобие королевства, хотя я никак не могу понять, как назвать королевством дикие земли, где даже нет городов.

— И кто этот человек?

— Его имя Гейл, госпожа.

Озноб пробрал Лериссу, и руки ее задрожали так, что она даже расплескала вино.

Гейл!

Но она тут же заставила себя успокоиться. В конце концов, это не столь уж редкое имя, и к тому же рабыня произносила его чуть иначе, на невванский манер. Разумеется, речь идет о совсем другом человеке!

— Это какой-нибудь племенной вождь, что подчинил себе всех остальных, подобно тому, как мой супруг Гассем воцарился на Островах?

— Нет, госпожа. Он человек случайный и родом вовсе не с равнины. Я знаю об этом наверняка от своей двоюродной сестры Шаззад. Пару лет назад они были с ним знакомы. — Денияз помолчала. — Сейчас Шаззад стала принцессой. Она — дочь Пашара.

Лерисса постаралась, чтобы голос ее звучал небрежно.

— Так что же рассказала тебе Шаззад об этом человеке?

— Насколько я понимаю, этот Гейл прибыл в Кассин на одном из торговых кораблей. Совершенно случайно ему удалось привлечь к себе внимание Шаззад. Это случилось в храме, когда жертвенный кагг вырвался из пут и растоптал нескольких служителей. Однако, Гейл с легкостью усмирил разъяренное животное. В благодарность за свое спасение принцесса пригласила его в отчий дворец. — Денияз усмехнулась. — Моя сестра никогда не могла пройти мимо смазливого юнца.

— И что было дальше? — в тоне королевы было нечто такое, что насторожило Денияз. Похоже, рассказ рабыни был очень интересен Лериссе.

— Однажды, когда Шаззад вознамерилась прокатиться верхом, один из полуприрученных кабо принялся брыкаться. Гейл, который никогда прежде не видел верховых жи-

вотных, попросил дать ему сесть в седло, хотя мог при этом погибнуть. Шаззад согласилась: она обожает всевозможные развлечения.

Лериссе это было понятно: она и сама славилась необычным выбором удовольствий.

— Стало быть, он избежал гибели?

— Да, и более того, он подчинил кабо своей воле. Такого не случалось никогда прежде! Господин Пашар, узнав об этом, предложил Гейлу отправиться вместе с отрядом, что разведывал подступы к Равнине. Однако, там Гейл исчез. А спустя несколько лет в Невву стали приходить послания от тамошнего владыки. Причем к королю он обращался на равных. Очень странная история...

— О, да, странная, — полуприкрыв глаза, откликнулась королева. — А не говорила ли тебе твоя сестра, откуда взялся этот дикарь?

Подумав, Дениаз откликнулась:

— Сдается мне, точно так же, как и вы, он родом с Островов. Хотя, я не знаю этого наверняка.

Лерисса прижала ладони к щекам. Гейл... Он жив... Разумеется! Имя могло оказаться простым совпадением, но не этот дар общения с животными. Значит, теперь, как и Гассем, он сделался королем. Некогда эти двое были молочными братьями и ненавидели друг друга. В юности Гейл был влюблен в Лериссу, но она предала его, дабы стать женой Гассема. Гейл казался ей бесполезным юнцом, а в будущее величие Гассема она верила безоговорочно. Гейл же был странным мальчиком, не похожим на других. Он не смог стать Говорящим с Духами лишь потому, что с детства остался сиротой. Покуда он не достиг возраста воина, у него не было иных друзей, кроме Тейто Мола, старого Говорящего с Духами и ее, Лериссы. Дело в том, что подобно Гейлу, она тоже отличалась от других детей. Внешность ее была столь необычной, что шессины считали ее уродливой. Однако, они не позволяли себе слишком дурно обращаться с девочкой, ибо она все же была дочерью старейшины. Но еще больше все удивились, когда из дурнушки она сделалась несравненной красавицей.

Почти все юноши племени ухаживали за ней, но младшим воинам запрещалось жениться. Лерисса знала, что ее выдадут за одного из старших воинов или даже за старейшину. Ей нечего было и мечтать о ровесниках. Но Гассем не желал с этим смириться. Наделенный изворотливым умом и тщеславием, он уже тогда лелеял планы стать не только старшим из племенных вождей, но и подчинить себе все Острова. Однако, чтобы стать его возлюбленной, а затем и его ко-

ролевой, Лерисса должна была помочь ему разделаться с Гейлом, его ненавистным молочным братом.

Лерисса была уверена, что никогда больше не увидит Гейла. Но теперь он опять вернулся. И пусть он пока далеко, но это ничего не меняло, ведь рано или поздно Гассем намеревался подчинить себе весь материк. И пусть Гейл сейчас возглавлял лишь пару кочевых племен... Ведь точно так же и Гассем сперва возглавил лишь несколько общин воинов-пастухов.

— Что-то случилось, госпожа?

Не открывая глаз, Лерисса ощутила, как невванская рабыня присела рядом с ней. Ловкими сильными движениями та принялась осторожно разминать ее затекшие плечи. Ощущение показалось королеве непривычным, но весьма приятным.

— Не останавливайся...

— Мне жаль, если своим рассказом я доставила вам беспокойство, госпожа, и буду рада своим искусством загладить эту вину.

невванка умело поглаживала спину королевы, искусно расслабляя ноющие мышцы.

— Это не имеет значения. Я лишь думала о трудностях, которые могут возникнуть в будущем. Но о каком искусстве ты говоришь? Неужели твои действия сродни тем статуям или картинам из мозаики, которые я видела на материке? В таком случае скажу, что твое искусство доставляет мне куда больше удовольствия, чем все эти безделушки.

— Госпожа желает сказать, что ей неизвестен массаж? — Чтобы ей не мешали украшения, Денияз расстегнула цепочки на шее королевы.

— После состязаний в борьбе воины разминают свое тело, но это совсем другое дело. Неужто подобным искусством владеют все знатные женщины?

Денияз улыбнулась.

— О, нет, госпожа. Обычно это обязанность рабов, что прислуживают своим хозяевам во время купания. Однако, и знатные женщины ищут все новые способы доставлять друг другу наслаждение. Мне их известно немало, госпожа.

— И я желаю, чтобы ты показала мне их все! — воскликнула королева.

Глава третья

Король Пашар взволнованно расхаживал по тронному залу, а придворные следили за ним беспокойными взглядами. В отличие от своего предшественника, король лишь очень редко, в случаях крайней необходимости, садился на сам трон, стоявший в этом роскошном, богато убранном помещении. По мнению Пашара, предыдущий король потерял свой престол именно потому, что слишком любил восседать на нем.

Рослый, жилистый и худощавый даже в свои шестьдесят, Пашар оставался крепким мужчиной. Он был полководцем прежде, чем стал королем, но за время своего правления с военной угрозой столкнулся впервые. Впрочем, угрозой ли? Не столь давно войско островитян казалось ему лишь мелкой докукой, но теперь, похоже, к этим дикарям стоило присмотреться повнимательнее.

В зал торопливо вошел слуга.

— Мой господин, советники в сборе.

Четыре десятка мужчин, среди которых были полководцы и жрецы, торопливо поднялись, когда в Зал Совета вступил Пашар. Простое и строгое убранство помещения располагало к серьезным беседам: задрапированные тяжелой тканью стены и потолок делали зал похожим на походный шатер.

Взойдя на возвышение, король занял свое большое кресло, советники также расселись, а писец пристроился у короля за спиной и, взяв табличку, перо и чернила, приготовился вести записи. Однако, едва лишь слуга согласно обычаю принялся перечислять имена всех собравшихся и вопросы, интересовавшие их, как Пашар, вскинув руку, прервал его.

— Мы не можем терять время. Пусть говорят лишь те, кто что-то смыслит в военных делах. Пусть войдут офицеры из гарнизона Флории.

В зале появились несколько мужчин в обычной одежде, без всяких знаков воинского отличия. Их бледные лица были угрюмы, а глаза смотрела затравленно. Последнего из офицеров внесли на носилках. Даже из-под повязок у него проступала кровь. Король обернулся к военным.

— Можете говорить, хотя я не представляю, какие оправдания вы приведете в защиту своей трусости.

— Сир, — перед королем склонился мужчина в богатом плаще, — нападение оказалось слишком неожиданным. Мы не успели защититься. Дикари прорвали нашу оборону на крепостных стенах раньше, чем мы заметили их корабли.

— Но почему же никто не следил за морскими подходами к городу? — возмутился правитель. — На северном мысе Флории стоит сторожевой маяк, возведенный еще моим дедом.

Офицер побагровел.

— Разумеется, вы правы, сир. В ту ночь часовые были на постах, однако стена... В ней были проломы...

— Это городской совет должен был заниматься укреплением стен, сир, — поддержал товарища другой офицер.

— Их всех, кто остался в живых и не попал в рабство, ждет суровая кара, — заверил король. — Но почему гарнизон не встал на защиту города? Сумели ли вы оказать достойный отпор?

— Боюсь, что нет, сир, — потупился первый офицер. — Нас было слишком мало... То есть...

Советники принялись возбужденно переговариваться, заглушая голос военного.

— Что значит — вас было мало? Насколько был укомплектован гарнизон? — воскликнул король. — Я был уверен, что с городской стражей во Флории все обстоит хорошо. Или я ошибался? Шаула?

От сурового тона Пашара окружающих невольно пробрала дрожь. Писец взял в руки свиток с королевской печатью.

— Сир, вы изволили отправить во Флорию гарнизон ровно месяц назад. Это подтверждает бумага, которую подписали офицеры, что стоят сейчас перед нами.

С этими словами Шаула передал документ королю. Тот внимательно прочел его, а затем вручил офицерам.

— Надеюсь, вы не станете отрицать, что это ваши подписи? Кто из вас может что-либо сказать в свою защиту? — Однако все офицеры подавленно молчали. Король окликнул главу своей личной стражи: — В кандалы этих предателей! За измену и сговор с врагом завтра их ждет казнь на кресте.

В зале наступила гробовая тишина. Пленных увели, остался лишь раненый воин на носилках, и к нему теперь обратился король:

— Ты продолжал бой, пока не был ранен и солдаты не унесли тебя с поля брани. Поэтому ты не будешь наказан. Но я хочу знать, что случилось во Флории.

Рабы подложили подушки под спину раненому офицеру и помогли ему приподняться.

— Сир, я младший офицер из четвертого приграничного

ного полка. Мое имя — Нийха. — Несмотря на боль и потерю крови, раненый старался говорить твердо. — Я не был в карауле в ту ночь, когда на нас напали. Незадолго до рассвета внезапно послышалась боевая тревога. Я тут же вскочил, натянул доспехи и бросился прочь из казармы. Мои солдаты — их было всего шестеро — последовали за мной. Мой командир, которого ты только что приговорил к смерти, собирался прислать еще шестерых, но... К тому времени, как мы добрались до места схватки, нападавшие уже взобрались на крепостные стены. Я сразу понял, что эти дикари имеют превосходную воинскую выучку.

— Почему ты так решил? — поинтересовался король.

— Они нападали не единой беспорядочной массой, а отрядами, состоявшими из людей одного племени. У них не было единообразной формы, но все носили черные щиты. Их действия отличались упорядоченностью и мало кто бросался в бой в одиночку. Отважнее всех сражались бронзоволосые дикари, наряженные в шкуры и с перьями в волосах. У них были превосходные длинные копья со стальными наконечниками. Эти люди сражались, словно не ведая страха, и... в них было нечто удивительное.

— Подобное оружие мне знакомо, — задумчиво проговорил король. — Эти дикари из племени шессинов. Но что же удивило тебя?

— Не знаю, смогу ли я объяснить. Они словно пьянели в угаре боя. Даже раны и усталость не могли удержать их. Они словно черпали наслаждение в жестокости битвы.

— Ты видел, кто вел их в бой?

— Увы, нет, сир. Еще на стене я был ранен в плечо, а затем в бок — когда мы отступили к складам. Наконец, уже у ворот порта я получил ранение в голову и, должно быть, после этого потерял сознание. Мои люди вынесли меня с поля боя.

— Спасибо за рассказ. Поправляйся, восстанавливай силы, и получишь повышение. Мы ценим доблестных офицеров, которые сражаются до последнего и не бегут от врага. — Пашар подал знак рабам: пусть его отнесут в лазарет.

Когда раненого унесли, король вновь подал голос:

— Генерал Текас! — в тоне Пашара явственно читалась угроза.

С места поднялся разнаряженный мужчина с тонкими сжатыми в нить губами.

— Слушаю вас, государь.

— Ты должен был держать оборону на Северном Берегу. Почему никто не докладывал мне о нашей неспособности отразить удар с моря?

— Государь, ваш предшественник ясно дал нам понять, что его подобные мелочи не интересуют. Он считал, что угроза для нас может исходить лишь от Чивы и Омайи.

Пашар ударил кулаком по поручню кресла.

— Неужто ты считаешь меня полным болваном?! Твой долг — служить правящему монарху, а не нести какую-то чепуху о том, что интересовало покойного короля! За свою преступную небрежность ты заслуживаешь смерти! Если не желаешь, чтобы позор лег на твою судьбу, можешь сам лишить себя жизни, но поторопись! А теперь — вон отсюда!

Генерал побледнел, и все же, широко расправив плечи, вышел из зала. Пашар вновь оглядел своих советников. Теперь все они взирали на короля с нескрываемым ужасом. До сих пор он не казнил ни одного из аристократов, и за годы правления Пашара знать уверилась в своей полной безнаказанности.

— Позвольте молвить слово, государь, — обратился к королю толстяк в жреческих одеждах.

— Дозволяю.

— Возможно, государь, прискорбные события во Флории нам надлежит рассматривать как знак небес. Нападение этих дикарей с Островов — лишь досадное недоразумение. — Толстяк переплел пальцы на объемном животе и растянул губы в слащавой улыбке. — Несомненно, этот факт достоин всевозможного сожаления, но зато теперь нам стали очевидны все недосмотры и продажность местных военачальников. — Жрец, обернувшись, ехидно улыбнулся мужчине в военной форме, стоявшему рядом. — Вообразите, сколь ужасно было бы, если бы все те же факты вскрылись во время нападения сильного войска Чивы! Так что, повторяю, я уверен, что сами боги помогли нам в этом. Дикарям всего-навсего удалось завладеть небольшим портовым городом. Скоро мы выбьем их оттуда, они вернутся восвояси, а мы спокойно восстановим разрушенное.

— Надеюсь, высокомудрый Гебос, — отозвался король, — что ты говоришь правду. Пусть войдет глава гильдии морских торговцев.

У человека, что вошел в зал, был усталый вид, словно его потрепало множество штормов. Глаза были окружены густой сеткой морщин: должно быть, ему нередко приходилось щуриться на солнце. Он склонился перед королем.

— Чем могу служить вам, государь?

— Капитан Молк, насколько нам известно, дикари до сих пор занимают Флорию. Как ты полагаешь, когда они, наконец, уберутся к себе на острова?

Молк распрямился.

— Давно прошел тот срок, когда им следовало бы отчалить. Наши суда еще три недели назад встали на зимнюю стоянку, и теперь путь к Островам небезопасен.

— Ты хочешь сказать, что они вознамерились остаться на материке?

— Не вижу иного ответа. Сезон штормов начался. Они не так глупы или безумны, чтобы выйти в море в это время.

— Но это также означает, что дикари не получат подкрепления с Островов, — возразил жрец.

— Они могли получить его раньше, — промолвил король. — Молк, что тебе известно об островитянах?

— Много различных племен проживает на архипелаге, государь. Одни занимаются рыбной ловлей, другие — охотой и земледелием. Но самые свирепые — это племена пастухов. Они то и дело совершают набеги на соседей, порой ради захвата скота, а иногда и просто ради потехи. Племя шессинов — самое грозное среди пастухов. Однако, никогда прежде они не выходили в море. Но не столь давно там появился некто Гассем, который объявил себя владыкой всех Островов. Сперва он объединил вокруг себя племена соседей, затем захватил пару небольших кораблей и стал нападать на близлежащие острова. Наконец, и тамошние племена рыбаков научились строить большие корабли. Они дали Гассему возможность совершать дальние переходы.

— Похоже, этот человек весьма дальновиден, — заметил Пашар. Едва ли такого можно назвать невежественным дикарем.

— Вы правы, государь. За время своих морских набегов он никогда не причинял зла кораблям торговцев. Гассем стремился лишь объединить под своей властью Острова. Что касается торговцев, то им он обещал хорошую прибыль и, польстившись на это, моряки помогали его людям освоить мореходное искусство и даже перевозили его воинов на своих судах.

Один из самых старших членов совета подал знак, что хотел бы задать вопрос.

— Но возможно ли было догадаться заранее о том, что этот человек пожелает напасть на материк?

— Боюсь, что да, — согласился Молк. — Когда он отдыхал после похода, то останавливался в портовых городах и там привечал купцов и путешественников. Гассем любил расспрашивать их, какие народы обитают на побережье материка, что за города они строят, с кем торгуют...

— И как способны защищаться, — продолжил Пашар.

— Да, государь. Это также интересовало Гассема. Эти сведения он получал изустно, поскольку дикари не зна-

комы ни с письменностью, ни с картографией... Кроме того, мне известно, что супруга короля Гассема столь же умна и тверда духом, но также наделена несомненной красотой. И все же она остается необузданной дикаркой. Эти двое поистине стоят друг друга.

«В истории говорится о подобных королевах», — подумалось Пашару.

После того, как король отпустил капитана Молка, он предложил высказаться своим советникам. Многие были уверены, что варвары скоро уберутся восвояси. Невва была богатым королевством, на нее нередко нападали соседи. Пограничные районы порой по многу раз переходили из рук в руки, и приграничные конфликты не слишком тревожили советников.

И только считанные голоса поднялись за то, чтобы немедленно собрать войско и разбить дикарей. Большей частью об этом говорили аристократы, владевшие поместьями в тех местах.

Наконец, король принял решение.

— Генерал Крауш, поручаю тебе собрать все войска Неввы, стоящие на расстоянии трехдневного перехода от столицы. Не трогай лишь пограничные отряды. Мы двинемся на север после того, как соберем армию.

Генерал вскочил.

— Слушаюсь, государь. Но к чему вам лично принимать участие в столь незначительном походе?

Пашар покачал головой.

— Войско возглавишь ты, но я хочу своими глазами увидеть, на что способна моя армия в походных условиях. Мы слишком давно не вели серьезных боевых действий, и потому для нас такой неожиданностью стало это поражение во Флории. Не думаю, что поход займет много времени, однако он явно будет непростым, и станет отличной проверкой боеспособности наших войск. Жрец Гебос был прав, указав нам на опасность легкомыслия и неподготовленности... Кроме того, у нас появится возможность провести военные маневры, не привлекая излишнего внимания венценосных соседей.

— Слушаюсь, государь, — поклонился генерал.

— И еще... — продолжил Пашар.

— Да, государь?

— Я лично стану пристально следить за всеми случаями казнокрадства и преступными ошибками. Суровое наказание ждет всех тех офицеров, которые не смогут привести свои отряды. Все возможные уловки хорошо мне известны, так что пусть никто не рассчитывает на снисхождение. По

каждому отсутствующему солдату я желаю видеть заключение лекаря о болезни или иное обоснование его отпуска.

— Я все понял, государь, — нахмурился военачальник.

— Любого офицера, который скажется больным, дабы избежать участия в походе, должны будут осмотреть королевские лекари и принять решение о годности к службе. Медиков будут сопровождать королевские палачи.

— Слушаюсь, государь, — теперь генерал говорил почти шепотом.

После того, как Пашар отпустил, наконец, советников и придворных, он направился в сад, — его излюбленное место для размышлений. Король был мрачен и встревожен. Он был уверен, что орда островитян представляет куда большую опасность, чем кажется его советникам. Те явно недооценивали молодого алчного завоевателя, под началом у которого — свирепая и прекрасно обученная армия. Разумеется, Пашар и помыслить не мог о том, что потерпит поражение в борьбе с Гассемом, но не сомневался, что война будет тяжелой.

Существовала также угроза, что соседние державы решат воспользоваться его трудностями. Успех завоевателя с Островов мог подтолкнуть и их к набегам на земли Неввы...

— Отец!

Король обернулся на голос и увидел перед собой Шаззад. Пашар любил свою единственную дочь и гордился ею, и сейчас был искренне рад видеть ее.

— Подойди ближе, дитя.

Король с нежностью обнял Шаззад. Разумеется, лишь он один считал ребенком эту женщину, которая в свои двадцать лет с небольшим уже успела стать вдовой. Впрочем, эту тему Пашар всегда старательно обходил стороной: гибель ее мужа была напрямую связана со смертью предыдущего короля.

— Я вижу, ты чем-то огорчен, — промолвила Шаззад. — И не вздумай отпираться. Но что случилось? Это из-за тех дикарей, что захватили Флорию?

Смех дочери звучал столь заразительно, что король невольно улыбнулся ей в ответ.

— Да, дитя. Я этим огорчен. Разумеется, дикари не внушают мне страха, однако благодаря их нападению вскрылись некоторые тревожные явления.

Шаззад обняла отца за пояс.

— Расскажи мне обо всем, — попросила она.

Пашар в подробностях описал дочери все, что происходило на заседании совета. В отличие от большинства отцов, он трезво оценивал способности и недостатки дочери. Он понимал, что Шаззад была непредсказуема и капризна,

что она чересчур увлекалась плотскими наслаждениями, и все же, подобно своей покойной матери, эта молодая женщина была наделена острым проницательным умом, и ее мнением не стоило пренебрегать.

— Полагаю, ты прав, — промолвила Шаззад, дослушав рассказ отца. — Угроза и впрямь серьезная. Кстати, помнишь ли ты того мальчишку, Гейла, что теперь также возомнил себя королем?

— Разумеется, помню. Еще на прошлой неделе я получил от него новое письмо.

— Так вот, они с этим Гассемом из одного племени. Помнится, Гейл рассказывал, что стал изгнанником именно из-за предательства этого человека.

— Удивительно, что среди дикарей могли разом появиться два столь выдающихся человека.

Шаззад задумчиво поглаживала золотые кисти шторы на окне. Сейчас на ней была юбка и короткая накидка для верховой езды. Привычный дневной наряд... Но в последнее время принцесса стала замечать, что начала полнеть. Скоро одних лишь прогулок верхом будет недостаточно, чтобы поддерживать стройность фигуры.

— Отец, а почему бы мне не поехать с тобой во Флорию? Ты еще никогда не брал меня в военные походы.

— Война — это неподходящее место для женщины, — отрезал Пашар.

Шаззад засмеялась.

— Как ты можешь так говорить, отец? Война касается женщин не меньше, чем мужчин. Разве не так было во Флории? Если война не место для женщин, то почему сейчас они подвергаются насилию со стороны дикарей и те обращают их в рабство?

Пашар нахмурился, предчувствуя, что, в конце концов, как всегда, будет вынужден уступить дочери. Ну что ж, возможно, это даже неплохо. Для Шаззад будет полезно побывать в настоящем военном походе и увидеть жизнь с иной стороны. Опасность ей не грозит: ведь принцесса будет находиться под защитой королевской гвардии. Скорее всего, основную тяжесть удара примут на себя передовые отряды, а ядро войска довершит разгром дикарей....

— Ну что ж, если ты пообещаешь, что будешь слушаться меня во всем, то, возможно, я буду настолько мягкосердечен, что позволю тебе отправиться с нами.

Шаззад бросилась отцу на шею.

— Отец, я всегда слушаюсь тебя.

— Если бы, — усмехнулся Пашар, высвобождаясь из

дочерних объятий. — Но я говорю серьезно. И если ты хоть раз посмеешь меня ослушаться, то немедленно отправишься в столицу на самом быстром скакуне.

— Клянусь, отец! — радостно воскликнула принцесса и вновь обвила шею отца руками.

Расставшись с королем, молодая женщина вернулась в свои роскошные покои, которые занимали почти все восточное крыло дворца, и там занялась необходимыми приготовлениями к магическому обряду, который должен был содействовать успеху замыслов Шаззад, а также обеспечить ее безопасность в походе. Прислужники и жрецы уже подготовили все необходимое в комнате, где горели свечи и негромко играла музыка.

Приняв ванну, Шаззад нанесла на свое еще не вполне обсохшее тело ритуальные узоры, умастилась благовониями и встала в центре рисунка, выложенного мозаикой на полу. Чуть поодаль, полукругом, выстроились слуги, призванные помочь в проведении обряда. У них за спиной застыли жрецы, которые держали в руках плетки-девятихвостки с вплетенными в них острыми шипами.

Шаззад была верховной жрицей культа, известного повсюду на материке, но запрещенного в Невве. Этот культ не чурался жертвоприношений и чудовищных оргий, но зато даровал своим служителям магическую силу, превосходящую мощь простых смертных. В свите Шаззад были не только знатные люди, но и рабы, которых она избрала благодаря их способностям. Высокое положение Шаззад защищало запретный культ от угрозы преследования со стороны властей.

Один из прислужников вручил принцессе изузоренное кадило на трех медных цепочках и, раскачивая сосудом, женщина затянула ритуальное песнопение. Ноздри Шаззад трепетали, вдыхая наркотический дым, а под звук заклинаний взлетали и опускались плети, терзая обнаженную плоть рабов. Впрочем, стоны и возгласы не тревожили верховную жрицу: ей приходилось видеть и куда более жестокие обряды.

Наконец, один из жрецов зашел за спину принцессы и удар бича обрушился на плечи Шаззад. Несмотря на то, что шипы разорвали кожу, ее голос по-прежнему звучал ровно и звучно. Жрец продолжал хлестать принцессу, пока все тело ее не было омыто кровью, — так был завершен обряд очищения.

Теперь можно было приступать к завершающей части ритуала. Наслаждение, что ждало этих людей, было столь же острым и совершенным, как недавняя боль.

Глава четвертая

Король Пашар с хмурым видом взирал на свое войско, и на губах его блуждала безрадостная усмешка. Поход оказался куда труднее, чем он ожидал. Сезон штормов выдался еще хуже обычного. То и дело разражались ливни, превращая в грязное месиво даже самые лучшие дороги. Солдаты скользили по глине, комья налипали на ноги и копыта кабо, и армия двигалась очень медленно.

Правитель Неввы с беспокойством поглядывал на небо, затянутое тяжелыми серыми тучами. Рабы, скакавшие рядом с ним и Шаззад, старались защитить их от дождя под самодельным навесом.

Пашар старался не смотреть на походную золотистую накидку дочери с проступившими на ткани бурыми пятнами. Разумеется, он знал о том культе, верховной жрицей которого являлась его дочь, и хотя не одобрял этого, но и не возражал в открытую, покуда ее занятия не угрожали королевской власти. Король считал, что было бы куда хуже, если бы Шаззад попала под влияние какого-либо честолюбца, — и с таким он разделался бы без всякой жалости...

Удивительно, но от всех трудностей похода дочь короля, казалось, получала удовольствие. Но, впрочем, ни она сама, ни ее отец не испытали на себе тех тягот, что переживали простые солдаты.

Сейчас Пашар со свитой наблюдали за продвижением войск со скалы, нависавшей над дорогой. Если подъездные пути к столице еще были достаточно обустроены, то здесь дороги находились в безобразном состоянии. Это еще более задерживало невванскую армию. Люди промокли насквозь. Зеленоватая патина покрыла ярко блестевшие прежде наконечники солдатских копий. Горделивые некогда плюмажи офицеров теперь беспомощно поникли. Тягловые животные с трудом волочили доверху груженые повозки обоза.

— Что за жалкое зрелище! — воскликнула Шаззад. — Если бы дикари сейчас могли увидеть нашу армию, то они умерли бы со смеху.

— Увы, дочь моя, но я должен с тобой согласиться. Хуже всего то, что в этом есть и моя вина. Я был так за-

нят укреплением власти, что совсем забыл про армию. Я даже не подумал о том, чтобы организовать учения в сезон дождей, дабы приучить солдат действовать в любую погоду. Тогда сейчас им не пришлось бы столь тяжко... — Король пожал плечами под бронзовыми доспехами. Впрочем, полагаю, у нас нет серьезных причин для беспокойства. Пусть этот поход закалит солдат и сделает их более выносливыми. Надеюсь, что к тому времени, как мы доберемся до Флории, этот сброд будет больше похож на настоящее войско.

— Ты полагаешь, что их бравого вида хватит для победы на дикарями? — засмеялась Шаззад.

Король принял это дружеское подтрунивание.

— Разумеется, только на это я и уповаю, — отозвался он в тон дочери. — Если только еще раньше дикари не испугаются, завидев женщину в свите короля.

— Но разве самого Гассема не сопровождает повсюду его жена?

— Да. И это еще один довод в пользу того, что он намерен остаться во Флории, если, конечно, мы не выбьем его оттуда. Когда в поход идет отряд, то это простой набег за добычей. Армия — захват территории. Но вот когда следом идет женщина, то это значит, что грабитель намерен укрепиться на новом месте. И ему нужно куда больше сил и мужества, нежели простому налетчику, который хочет лишь захватить добычу и сбежать восвояси.

Дождь с такой силой ударял по навесу, что собеседникам приходилось напрягать голос и слух, чтобы расслышать друг друга. Впрочем, рабам, что промокли до нитки, удерживая балдахин над головой повелителя, приходилось еще хуже, но они и не думали роптать.

— И все же нам будет противостоять всего лишь орда дикарей, — заметила Шаззад. — И даже пусть наше войско... скажем мягко... не слишком хорошо подготовлено, но я уверена: мы с легкостью разобьем захватчиков.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул Пашар. — Однако, от наших разведчиков мы получили донесение, что с Островов уже две недели назад как вышло подкрепление к дикарям. Мы никогда не подозревали, что Острова заселены настолько плотно. Боюсь, эта кампания окажется куда более тяжелой, чем мнилось нам поначалу. И все равно победа будет за нами.

Шаззад с улыбкой тронула отца за руку, однако в мыслях ее не было и тени веселости. Принцессе было больно сознавать это, но ее отец сейчас был совсем не тем человеком, что десять лет назад. В ту пору никто не смог бы противостоять ему! В ту пору Пашар никогда бы не позволил

своей армии прийти в столь жалкое состояние. Шаззад попрежнему не сомневалась в победе, однако на всякий случай решила и прикинуть план своих действий на случай маловероятного поражения. Надо будет непременно взглянуть на этого Гассема... Все же он был лишь мужчиной, а с мужчинами, даже самыми влиятельными и грозными, она прекрасно умела обращаться. Принцессе вспомнился Гейл. Ведь этот юный воин был также одним из племени шессинов, и даже оказался способен говорить с духами, — и все равно она с легкостью подчинила его своей воле. Разумеется, он был еще почти мальчишкой, но ведь и она с тех пор поумнела и повзрослела. Принцесса и верховная жрица без труда очарует невежественного дикаря с Островов. Очарует и подчинит своей власти.

Вот уже двенадцать дней продолжался их поход, и солдаты, свыкшись с тяготами и лишениями, понемногу воспряли духом. К концу первой недели они уже принялись грубовато шутить над скверной погодой, задирать нытиков и слабаков. Теперь почти все время на марше звучали бодрые песни.

Это не могло не радовать Пашара. Пусть в войске почти не осталось закаленных в боях ветеранов, но после такого перехода уже можно было надеяться, что армия не разбежится при первой же опасности.

Неожиданно дожди закончились, дороги подсохли, и теперь солнце теплыми лучами ласкало бодро марширующую армию, понемногу приходящую в боевой порядок. Им оставалось еще около двух дней пути до цели. Теперь, когда погода наладилась, улучшилось не только настроение и вид, но даже запах войска: от одежды больше не разило плесенью и сыростью. Солдаты и офицеры до блеска начистили копья и доспехи. Армия обычно снималась с места до рассвета, и первые лучи солнца освещали уже взбодрившихся, готовых к любым неожиданностям солдат. По мнению Пашара в таком раннем подъеме было множество преимуществ. Ведь в большинстве стран армия привыкла к куда более ленивому распорядку. На рассвете заспавшиеся солдаты едва лишь продирали глаза и являли собой легкую добычу.

Внезапно Пашар заметил, что к войску быстрым шагом приближается небольшая группа всадников. Это были разведчики, высланные вперед дозором. Король было уже вознамерился призвать их к себе с докладом, но вовремя вспомнил, что обещал не вмешиваться в командование войском. К тому же правителю не годилось во время столь незначительного военного похода, который нельзя было даже считать настоящей военной кампанией, демонстрировать излишнее беспокойство. Чуть погодя генерал Крийша дал приказ, чтобы

войска перестраивались и готовились к бою. Со всех сторон стали доноситься звуки горнов, визг флейт и бой барабанов. Послышались крики офицеров. Вскоре войско Неввы уже представляло собой ряд стойных шеренг. Вьючных животных отвели в тыл и избавили от груза. В седле остались лишь старшие офицеры. Внезапно к ним, покинув свое обычное расположение в рядах войска, приблизилась небольшая группа всадников верхом на кабо с позолоченными рогами. Это были отпрыски знати, исполнявшие обязательную воинскую повинность. Они просили у офицеров дозволения отъехать в сторону, дабы надеть парадную сбрую на своих скакунов. Поскольку врага еще не было в пределах видимости, им позволили сделать это. Вскоре кабо преобразились, украшенные позолоченными уздечками.

Подъехав к Пашару, генерал доложил:

— Войско готово к бою, мой государь!

— Превосходно. У солдат весьма бравый вид. А теперь давайте послушаем донесение разведчиков.

Командир отряда вытянулся перед королем и начал было делать доклад ему напрямую, но Пашар взглядом тут же напомнил ему об ошибке, и разведчик, вспомнив, что король в походе выступает лишь в роли наблюдателя, тут же повернулся к военачальнику. Несмотря на усталость, разведчик старался держаться бодро и говорил четко и ясно: генерал, нам навстречу выдвинулся небольшой отряд противника. Мы видели, как наконечники их копий сверкают на солнце.

— Небольшой отряд? — уточнил Крийша. — Что ты хочешь этим сказать?

— Что ты имел в вид под «небольшим отрядом», мой мальчик, — пожелал уточнить Крийша.

— Я не сумел их сосчитать, мой генерал, но, судя по числу копий, их три, от силы четыре тысячи.

— И ты полагаешь, что видел их всех, храбрый юноша?

— Уверен, мой генерал. Их колонна растянулась на большое расстояние, так что я не мог ошибиться... Ну, если только на тысячу человек...

Король терпеливо выслушал этот бессмысленный обмен вежливыми фразами. Он прекрасно понимал, что люди нуждаются в нехитрых ритуалах, которые помогают им преодолеть страх перед надвигающейся битвой. Пашар, как и юный воин, старался не показывать своей тревоги. Отобрать у солдат их детские игры означало наполовину их обезоружить.

— Они следуют походным маршем? — уточнил генерал.

— Нет, мой генерал, они отнюдь не маршируют, — отозвался разведчик.

— О, неужели я плохо расслышал? То есть орда дикарей стоит на месте?

— Нет, мой генерал! Они бегут...

Это сообщение было встречено дружным хохотом собравшихся вокруг короля офицеров.

— Бегут! — воскликнул один из них. — Превосходно! Когда мы встретимся, они будут настолько изнурены, что наши солдаты смогут поберечь свое оружие и голыми руками раздавят дикарей!

— Стало быть, ты оставил их далеко позади. Когда, ты полагаешь, они окажутся здесь? — спросил Крийша.

— Учитывая характер местности, примерно через два часа, мой генерал, — ответил разведчик. — Но мне трудно представить, как они смогут сохранить такой темп бега без передышки.

— Ты принес прекрасные известия, мой мальчик! — воскликнул генерал, после чего обратился к окружавшим его офицерам: — Предположим, они будут двигаться без остановки. Дайте солдатам подкрепиться, но не зажигайте костров. Когда дикари покажутся, я подам сигнал. А до тех пор не покидать боевых позиций и быть готовыми к бою. Всем разойтись!

Офицеры отправились к своим отрядам. Они были взволнованы, как люди, которые напуганы, но не желают даже думать о своем страхе. На месте они сообщили подчиненным приказ командующего. Солдаты присели перекусить, переговаривались друг с другом; в их голосах чувствовалась тревога.

— Шаула! — окликнул король. Писец поспешно приблизился. — Карту, — коротко велел Пашар.

Королевский писец развернул свиток, на котором была подробно изображена местности, где они сейчас находились.

— Дочь моя!

Шаззад был прекрасно знаком этот не допускающий возражений тон.

— Да, отец?

— Какой кабо у тебя под седлом?

— Красавица. Она лучше всего подходит для путешествия.

— Оседлай самого быстрого кабо. Если что-то пойдет не так, — не медля скачи в столицу и не останавливайся, пока за твоей спиной не захлопнутся городские ворота. Ты поняла?

— Если такова твоя воля, отец. — Принцесса с любопытством взглянула на карту.

— Сейчас мы находимся вот здесь, мой господин. — Писец ткнул в свиток перепачканным в чернилах пальцем. — Но это старая карта. На ней не указаны высоты, а я всегда твердил о чрезвычайной важности этих сведений.

– Я знаю, Шаула. Нас с трех сторон окружают холмы.

– Это невыгодное положение, отец? – вмешалась в разговор Шаззад.

– Может стать таковым, если у противника сильная конница и мощное метательное оружие. Насколько нам известно, копьями и дротиками они пользуются, но верхом не ездят вообще. Если они разместят своих солдат на этих высотах, то будут иметь преимущество, двигаясь со склона. Однако не думаю, что это поможет им смять боевые порядки армии, которая знает, как воспользоваться этими сведениями.

Шаззад показалось, что в голосе отца не чувствуется былой уверенности. Она подала знак своему конюху:

– Приведи мне Молнию.

Слуга тут же отправился оседлывать самого быстроногого кабо Шаззад.

Последние несколько дней армия Неввы двигалась вдоль берега большой реки, и генерал Крийша решил использовать этот поток для укрепления левого фланга. Он выстроил пехоту в три шеренги так плотно, что щиты стоявших рядом воинов соприкасались друг с другом. В тылу оставались резерв, включавший примерно одну пятую его сил, и конница. Всадников он собирался ввести в бой, когда варвары дрогнут. Крийша не сомневался, что дикарей приведет в панику вид всадников, которые помчатся на них, подняв смертоносные копья, способные пронзить даже самые крепкие щиты. Только обученная и дисциплинированная пехота может устоять и не рассыпаться в стороны перед лавиной несущихся кабо. Вне всякого сомнения, эти варвары не имеют ни малейшего понятия о дисциплине.

Готовить войско к бою – дело, не терпящее суеты. К полудню каждое отделение стояло на своей позиции. Когда командиры убедились, что все в порядке, они разрешили солдатам сесть на землю, чтобы те понапрасну не тратили силы перед боем. Примерно через час впереди показались отряды захватчиков.

У короля глаза были столь же зоркими, как в молодости, и он успел заметить дикарей на гребне горы на минуту или две раньше, чем ему успели доложить об их появлении. Расстояние все еще было слишком большим, чтобы различить детали. Пашар видел только крохотную фигурку человека, двигавшегося впереди войска противника. В руках тот держал нес большой овальный черный щит. Через пару минут с ним поравнялись другие воины. Отряд дикарей по-прежнему передвигался бегом. Скоро в пределах видимости оказались уже сотни варваров. Многие из них остановились, уви-

дев перед собой армию неприятеля и, горланя боевые песни, пустились в пляс.

— Издалека они вовсе не внушают страха, мой господин, — заметил Шаула.

— После такого бега они должны быть совсем измотаны, — предположила Шаззад.

— Ты права. Я тоже пока не вижу ничего, что могло бы вселить в меня тревогу, — отозвался король. — Но боюсь, как бы эти хитрые дикари не приготовили нам какую-нибудь неприятную неожиданность.

Король оказался прав. Дикари сгрудились на гребне холма над армией Пашара. Они стояли, опираясь на длинные черные щиты, словно на непробиваемую стену. В руках варвары держали длинные копья с лезвиями из бронзы. В центре их расположения появился мужчина, почти на голову возвышавшийся над остальными воинами. Островитяне затянули грозную боевую песню, в такт мелодии ударяя по щитам тупыми концами копий. Тщательно начищенный перед боем металл блестел под лучами солнца так, что казалось, будто дикари стоят среди языков пламени. Копье в руках гиганта отливало серебром.

— Должно быть, это и есть прославленный Гассем, — предположил Пашар. — Даже прежние короли Неввы не были столь расточительны. Все металлы ценны, так как встречаются крайне редко, но сталь — самый драгоценный из всех.

— Похоже, этот человек хочет начать переговоры, отец, — сказала Шаззад.

Высокий воин поднимался по склону холма в сопровождении пятерых шессинов. Впереди шел воин из другого племени, одетый в яркий килт. Его голову уКрийшал капюшон из скальпа зубастой рептилии. Он нес длинный, высеченный из камня шест, на котором болтался лоскут белой ткани — древний знак перемирия перед битвой.

— Давайте, я поговорю с ним, мой господин, — предложил генерал Крийша. — Не думаю, что он может сообщить нам что-то интересное, но формальности должны быть соблюдены.

— Согласен, но я пойду с тобой, — сказал Пашар. — Хочу поближе взглянуть на этого человека.

— Нет, государь, вам ни в коем случае нельзя этого делать! — воскликнул генерал. — Во-первых, это излишняя честь для дикарей. А во-вторых, мышление варваров настолько примитивно, что они запросто могут нарушить условия перемирия. И в-третьих, этому Гассему все равно осталось жить не более часа, так что нет никакого смысла к нему приглядываться.

— Гассем все же король, — ответил Пашар, — хоть и самозванец. А мы, монархи, считаем, что нас отличает особая аура королевского величия. Пренебрегать этим не следует. К тому же мы подъедем к ним верхом. Судя по моему опыту, примитивные люди гораздо серьезнее относятся к различного рода табу, чем народы цивилизованного мира. И, в конце концов, мы должны предоставить ему возможность добровольно сдаться, а короли редко сдаются в плен кому-либо, кроме того, кто равен им по положению.

— Как пожелаете, мой господин, — не стал больше спорить Крийша.

— Позволь мне поехать с тобой, отец!

Пашар покосился на дочь, затем перевел внимательный взгляд на ее скакуна. Это действительно был самый быстрый кабо из королевских конюшен, и, судя по всему, он находился в отличной форме.

— Не возражаю, только держись позади и внимательно приглядись к Гассему и его спутникам. Даже если король Гассем будет убит, островитяне уже успели попробовать на вкус кровь людей материка и его богатства. Несомненно, они им понравились. Так что вряд ли мы сталкиваемся с этими дикарями в последний раз. Шаула, ты тоже поедешь с нами. О своих наблюдениях доложишь мне, когда вернемся в столицу.

Небольшая группа людей под белым флагом остановилась. Дикари выставили перед собой черные щиты — все, кроме Гассема. На лице короля островитян играла высокомерная усмешка. Шессины за его спиной, с бронзовыми копьями в руках, стояли в потешной позе: согнув одну ногу и упершись ступней в колено другой.

Дикарь, что держал флаг перемирия, был приземистым, с черными густыми волосами, выбивавшимся из-под его причудливого шлема, и очень смуглой кожей. Шессины внешне разительно отличались от него: их кожа блестела, натертая ореховым маслом, а длинные волосы имели бронзовый оттенок. Все, кроме Гассема, были одеты в меха и перья и украшены татуировками. Их руки и ноги уКрийшали браслеты из драгоценных камней, на шее висели разноцветные бусы. У воинов, сопровождавших короля дикарей, глаза были ярко-синими — как чистое небо на рассвете. Весь их вид излучал крайнее высокомерие.

Пашар отметил про себя, что несмотря на всю нелепость их одеяния ему никогда не доводилось встречался с более свирепыми на вид воинами.

Когда обе группы сблизились, генерал Крийша нарушил молчание:

— Мы видим, что вы несете флаг переговоров. Что вы можете нам сказать?

Командующий вздернул подбородок, пытаясь произвести впечатление на варваров, однако,на них это не возымело ни малейшего действия. Гассем мельком покосился на генерала и, не обращая на него внимания, обратился к королю:

— Ты — король Пашар?

— Да. А ты, должно быть, король Гассем. Я приветствую тебя, однако со всеми вопросами, что касаются предстоящей битвы, обращайся к генералу Крийша.

— Мне нечего сказать твоему рабу. Я желаю говорить с тобой как король с королем.

— Ну что ж, — согласился Пашар. — Ты причинил нам некоторые неприятности, но мы готовы простить тебя. Оставь Флорию, освободи моих подданных, которых ты захватил в плен, верни наши богатства — и мы позволим тебе уплыть на свои Острова. Мы даже не выступим против тебя с военными действиями и никогда не напомним о причиненном нам ущербе. Если вы не будете нападать на наши территории и выполните все указанные условия, через два года ты сможешь прислать в Невву свое посольство. Тогда мы обсудим торговые отношения между нами.

Не слушая короля, Гассем прошел мимо него, остановился перед кабо Шаззад и провел ладонью по морде скакуна.

— Великолепное создание! — заметил он.

Шессин гладил кабо, но взгляд его был обращен к женщине. Его голос оказался глубоким и звучным, и Шаззад почувствовала, как по ее телу пробежала дрожь.

— Не думаю, что это имеет отношение к нашему обсуждению, — нахмурился Пашар.

Гассем обернулся к нему:

— Нам нечего обсуждать. — Теперь голос короля звенел, подобно стали его копья. — Ты можешь немедленно отречься от королевской власти. Я оставлю тебе корону и твоих придворных, но отныне ты будешь править как мой вассал. Ты первый король материка, которому я предоставляю такую возможность. Второй раз я повторять не стану.

— Мой государь! — воскликнул Крийша. — Мы теряем время, разговаривая с этим безумцем. — Генерал выехал вперед и с издевательской ухмылкой бросил Гассему: — Я с удовольствием взгляну, как ты обмочишься от страха, храбрец, когда в атаку пойдет моя конница!

Эти слова вызвали у шессинов приступ хохота. Они не могли остановиться, точно мальчишки, услышавшие что-то на редкость смешное.

— Досадно. Мы могли бы стать друзьями, как и надлежит правителям двух сильных держав, — сказал Пашар. — Однако если вам по душе такой способ простится с жизнью, — да будет так. Мне придется уничтожить твое войско!

Он развернул кабо и неспешной рысцой пустил его к боевым порядкам невванцев. Там Пашар и сопровождающие его Шаззад и Шаула устроились на сиденьях под балдахином, установленным на возвышенности, чтобы перед королем открывалась картина поля боя. Генерал Крийша отправился произвести последний смотр войскам.

Слуги принесли кубки с вином.

— Итак, дочь моя, что ты думаешь обо всем этом?

— Этот дикарь просто великолепен! В нем чувствуется сила. Что же касается его людей... — Шаззад улыбнулась. — Мне всегда нравились знающие себе цену мужчины, а уж об их внешности и говорить не приходится — они восхитительны!

— Слава богам, Красота не равняется воинской доблести, — фыркнул король. — А твое мнение, Шаула?

— Шессины столь похожи друг на друга, что могли бы быть братьями. Это говорит об исключительной плодовитости их женщин... — Оглянувшись, писец понизил голос и продолжил: — Государь, мне кажется, генерал Крийша ошибался, предположив, что дикари испугаются одного вида нашей конницы.

Пашар пристально покосился на него:

— Почему ты так решил?

— В свое время я немало беседовал с юным Гейлом. У меня нет достаточных сведений о других племенах дикарей, но шессинов с юного возраста воспитывают одновременно и воинами, и пастухами. Еще совсем детьми они начинают ухаживать за каггами. С этими животными нелегко обращаться, они могут быть опасны. Шессины сызмальства учатся защищать этих животных от хищников, которых на Островах водится великое множество. Они не устрашаться наших кабо, господин.

Пашар нахмурился:

— Это очень важно. И все же, уверен, эти варвары никогда не видели оседланных кабо, на которых скачут дисциплинированные, прекрасно вооруженные воины!

Принцесса глубоко задумалась. В первую очередь она пыталась прикинуть возможности захватчиков. Ее отец оценивал шессинов с точки зрения воина, Шаула — как ученый. Она же смотрела на них глазами женщины, и то, что она видела, вполне пришлось ей по вкусу. Эти дикари излучали мужскую привлекательность: высокие, стройные, под ко-

жей рельефно выделяются крепкие, мышцы. В их движениях сквозила удивительная грация великолепно тренированных атлетов.

Их манера себя вести также притягивала Шаззад. Дикари обладали естественным высокомерием, и в них было непосредственное веселье, свойственное людям, для которых ни прошлое, ни будущее не имеют особого значения. Они жили настоящим, как способны лишь варвары. По сравнению с этими людьми, все прочие выглядели жалкой насмешкой на мужчин. Однажды Шаззад встречала человека, подобного им — юного шессина Гейла. Но он мыслил слишком глубоко и этим, судя по всему, отличался от соплеменников.

Совсем иным был Гассем. Даже сейчас одно лишь воспоминание об этом мужчине вызывало у принцессы сладостное томление. Король Островов обладал той подлинной дикостью, с какой ей не приходилось ранее сталкиваться. В нем гораздо яснее можно было различить природную силу, чем то, что привнесла в его натуру цивилизация. К тому же Гассем, несомненно, был умен и расчетлив. Он смотрел на нее так, как не осмеливался смотреть до сих пор ни один мужчина. Принцесса Шаззад привыкла к восхищенным, подобострастным взглядам. Гассем же смотрел на нее как человек, обдумывающий, покупать ему рабыню, или нет. И хуже всего, что ей это нравилось...

С наблюдательного поста было слышно, как Крийша обращается к войскам:

— Солдаты, вы видели врагов и убедились, что дикарей не так уж много. Думаю, у вас появится возможность слегка поразмяться! — По рядам прокатился взрыв смеха. — В этой битве будет немного трофеев, — продолжал командующий, — потому что все, что у них есть, награблено во Флории. Это добро необходимо вернуть. Однако у дикарей великолепное оружие, особенно бронзовые копья шессинов. Я обещаю выплачивать немалую награду за каждое добытое копье. Когда мы разобьем дикарей, будет много пленных. Их продадут на аукционе, а выручку поделят между вами. — Это сообщение было встречено одобрительным гомоном. — Идя в атаку, они кричат и завывают. Зрелище, не спорю, не для слабаков, но все это только видимость. Вопли, размалеванные лица и воткнутые в волосы перья не могут убивать. Самое главное — держите строй, подчиняйтесь командам и не бойтесь врага! Нынче же вечером мы войдем во Флорию! — Солдаты радостно заорали и затрясли оружием.

— Скверное напутствие, — заметил Пашар. — Принижать врага — значит сделать солдат уязвимыми, особенно

если это ожидание не оправдается. Право презирать врага дает только победа.

— Мне кажется, командовать надо было тебе, — заметила Шаззад.

Пашар не ответил. Затем их внимание привлекли оглушительные крики, раздавшиеся с гребня холма. Дикари вскинули оружие и потрясали в воздухе щитами. Со стороны войск Невы послышались пронзительные звуки боевых сигналов горнистов и размеренный бой барабанов. Пехота прикрылась стеной щитов и ощетинилась копьями.

Боевая песнь дикарей зазвучала грозно, и войска островитян двинулись вперед. Они спускались по склону холма, не придерживаясь размеренного шага, как невванцы, а неровными скачками. Это зрелище будоражило: неистовство варваров в сочетании с примитивной дисциплиной производило сильное впечатление. Посреди толпы дикарей выступали шессины, выделяющиеся своими яркими нарядами. Окружающие их представители других племен имели различное вооружение, но у всех были черные щиты. Фланги, загибаясь, отставали от центра войска Гассема так, что оно напоминало голову огромного животного. Шессины были лбом этого чудища, а их союзники — рогами.

Едва дикари приблизились на прицельное расстояние, послышался голос трубы. По этому сигналу в воздух взвилась туча стрел и обрушилась на варваров. Однако те лишь подняли свои щиты, не замедлив движения. Стрелы поразили немногих. Через несколько мгновений они оказались настолько близко, что позиция невванских лучников не позволила им вести стрельбу по стремительно приближающимся дикарям, рискуя при этом поразить собственную пехоту.

Теперь уже из задних рядов шессинов полетели дротики с бронзовыми наконечниками, которые они метали с огромной силой и поразительной меткостью. Среди невванцев послышались предсмертные крики: дротики легко пробивали щиты и доспехи. Когда первые ряды встретились, над полем боя взмыли обычные звуки битвы: стук металла клинков о кожу и дерево щитов, хруст скрещивающихся копий, звон мечей, вопли, мычание, стоны, проклятья воинов, столкнувшихся в беспощадной схватке.

— Они нас обходят с левого фланга! — закричал Пашар.

Принцесса заметила, что один из «рогов» неприятельского войска загнулся вокруг левого крыла войска Неввы. Даже ее неискушенный взгляд мог различить, что число варваров было в этом месте слишком незначительным, чтобы использовать преимущество такой позиции.

Она окинула взглядом поле боя.

— У нас не так много потерь, отец, — заметила она.

Король покачал головой:

— По-настоящему бойня еще не началась. Оба войска пока сохраняют боевой порядок. Но как только одна из сторон его нарушит, тогда-то и начнется резня. До тех пор пока сохраняется построение, большой опасности нет и каждый солдат может сосредоточить внимание на своем противнике. В хаосе же смерть грозит со всех сторон, и никто не чувствует себя в безопасности.

Вновь взвыла труба, и кавалерия, с нетерпением ожидавшая своего часа, ринулась вперед. Обогнув правый фланг варваров, всадники устремились им в тыл.

— Рано... слишком рано! — пробормотал Пашар. — Крийша должен был подождать, когда дикари начнут выдыхаться. — Король с досадой ударил кулаком по колену.

— Отец! — воскликнула Шаззад. — Я надеюсь, ты не сочтешь мои мысли предательскими, но мне кажется, что эти варвары способны воевать без устали хоть сутки напролет.

— Боюсь, ты права, — угрюмо ответил король. — Все равно, мы вскоре обратим их в бегство. Дикари даже не заметили всадников у себя в тылу.

Однако Шаззад отнюдь не была в этом так уверена. На гребне холма, откуда дикари начали наступление, она разглядела одинокую фигуру, опирающуюся на стальное копье. Она видела, как этот человек поднял оружие и потряс им в воздухе. Внизу всадники на огромной скорости вломились в задние ряды дикарей. В считанные мгновения копья должны были вонзиться в их спины и сокрушить шессинов на глазах у первых рядов невванской пехоты.

Принцесса ожидала, что шессинов при появлении конницы охватит паника, но все получилось совсем наоборот. Она не услышала сигнала, но три задних шеренги шессинов стремительно развернулись и, прикрывшись щитами, выставили вперед смертоносные копья. Кабо замедлили шаг и застыли в нескольких шагах перед ощетинившейся копьями стеной щитов, не обращая внимания на ругань и понукания своих всадников. Вместо того чтобы нестись на противника, невванские всадники тщетно пытались заставить двигаться своих скакунов. Из строя шессинов взметнулась новая туча дротиков. С необычайной меткостью они находили щели в тяжелых доспехах невванцев и поражали всадников. Многие из них были сброшены мечущимися в ужасе раненными скакунами, однако Шаззад видела, что шессины стремились поразить людей, но не животных. Кровавое побоище продолжалось

всего несколько минут, затем всадники развернули кабо и отступили. Но половина из них осталась лежать на поле боя.

Шаззад ощутила какой-то запах, напомнивший ей о жертвоприношениях в храме, и она тут же узнала его. Это был запах свежей крови, всегда чрезвычайно возбуждавший принцессу. Во время жертвоприношений кровь собиралась в мраморные или золотые чаши, и ее испарения смешивались с ароматами благовоний. Здесь же, над полем битвы, витал запах крови, хлещущей из ран и орошающий землю, пьянящий, одурманивающий. Если бы не трагедия, что разворачивалась сейчас на глазах у принцессы, Шаззад ни на что не променяла бы возможность остаться здесь и полностью насладиться этим столь волнующим ее ароматом.

Внезапно серебристый отбеск на склоне холма ослепил ее: Гассем вновь подавал какой-то сигнал.

Пашар побледнел, и лицо его стало похожим на мраморную маску. Он видел, как половина воинов в задних рядах шессинов отделилась от основной массы войска противника. Они разбились на две группы и быстро двинулись в разные стороны. Прочие шессины повторили их маневр, и вскоре их «рога» окружили невванскую армию.

Фланги войска несли серьезные потери: длинные копья шессинов легко проникали внутрь недостаточно защищенных щитами рядов воинов. Вскоре ряды невванцев были смяты, и дикари зашли в тыл войскам Пашара. Над полем боя раздавались крики ужаса, охватившего окруженных солдат. Дикари, безжалостно сея смерть, приходили в неистовство. Они покидали строй, углублялись в ряды противника и рубили, кололи, проламывали черепа, действуя мечом, копьем или каменной булавой и, казалось, вовсе не замечая ран, пока сами не падали замертво.

Это было ужасающее зрелище. Еще минуту назад перед принцессой была боеспособная дисциплинированная армия — и вдруг ее глазам предстала беспорядочная толпа ополоумевших от ужаса людей. Шаззад видела, как поднимаются и опускаются копья шессинов и каждый их удар достигает цели. Внезапно она поняла, что странный приглушенный звук, который доносится откуда-то сзади, — это голос ее отца.

— Дочь моя!

Она обернулась, встретившись взором с королем.

— Что происходит, отец? Почему они бегут? Ведь причин для паники нет. Мы все еще превосходим их численностью более чем вдвое!

— На поле боя царят сейчас ужас и смерть. Храбрость наших солдат испарилась, как только они увидели,

что дикари не бегут, как мы этого ожидали. А паника возникла, когда они поняли, что окружены с флангов. Здесь уже больше ничего нельзя поделать. Ты видела достаточно. Теперь немедленно отправляйся в город.

— Ты должен поехать со мной, отец! — воскликнула Шаззад.

— Нет, я не смогу вернуться в столицу, неся на своих плечах бремя такого позора!

— Не говори глупостей, отец! — рассердилась принцесса. — Дикари одержали победу в незначительной битве у неподготовленной армии. У тебя в резерве еще пять таких армий! И кроме того, у нас есть союзники. Собрав их воедино, ты вернешься и уничтожишь самое воспоминание об этих варварах!

Губы короля растянулись в невеселой улыбке.

— У моей дочери стали в характере больше, чем у короля дикарей в наконечнике копья. Я, конечно же, не останусь здесь навсегда, но я не могу уйти до тех пор, пока мое войско сражается.

— Большая часть его скоро будет мертва, — жестоко заметила Шаззад. — Ты не должен медлить, отец!

Она обернулась к командиру личной стражи короля, который с мертвенно-бледным лицом наблюдал за происходящим. Дабы вывести его из оцепенения, Шаззад с размаху отвесила ему пощечину — такую сильную, что отбила ладонь. Однако это, казалось, лишь привело офицера в состояние еще большей растерянности. Следующая оплеуха заставила его наконец оторвать взгляд от гибнущей армии и взглянуть на принцессу.

— Слушай мой приказ! Отец велит мне отправляться в столицу. Уведи его за мной как можно скорее. Если вы окажетесь в Касине позже чем через час после меня, я подвергну тебя и твоих людей страшным пыткам, а потом ваши тела зашьют в парусину и бросят в море — как урок охране, которая придет вам на смену. Ты меня понял?

Гвардеец низко поклонился:

— Все будет исполнено, принцесса!

Шаззад удовлетворил такой ответ. Люди прекрасно знали, что она никогда не грозила понапрасну. К тому же это вполне совпадало с желанием гвардейцев: больше всего они хотели поскорее убраться с этого проклятого места. Принцесса села на своего лучшего скакуна и, в последний раз оглянувшись, посмотрела на вершину рокового холма. С необычайной ясностью, которая пришла на смену полному беспорядку в ее чувствах и мыслях, она увидела, что рядом с королем шессинов теперь стоит маленькая фигур-

ка, которую Гассем обнимают за плечи. Несомненно, то была его королева. Интересно, как может выглядеть женщина столь грозного мужа? Неожиданно Шаззад осознала, что смертельно ей завидует. Шепча про себя проклятия, принцесса поскакала в столицу.

Король Гассем с вершины холма смотрел на то, как его воины уничтожают армию невванцев. Одной рукой он сжимал копье, другой обнимал Лериссу; его лицо оставалось бесстрастным. Только королева могла понять его, и она знала, что нынешняя ночь запомнится надолго и ей самой, и, возможно, некоторым плененным во Флории женщинам. После выигранной битвы Гассем внушал благоговейный трепет. Лерисса погладила его бедро через красную кожаную набедренную повязку, и король до боли сжал ее руку.

— Погоди, моя королева. Позже... А пока дай мне насладиться зрелищем.

— Ты одержал величайшую победу, мой господин! — Королева видела, как внизу их воины преследуют последних спасавшихся бегством невванцев и сгоняют вместе всех кабо, оставшихся без всадников.

— Это только начало, — проследив за ее взглядом, заметил Гассем.

— Многим ли удалось сбежать? — Лерисса прибыла лишь к концу сражения. — Ведь ты мог бы полностью окружить войско Пашара?

— Разумеется, мог, — усмехнулся король. — Даже худшие из моих воинов куда подвижнее этих черепах, которые прячутся за своими доспехами. Окруженные, они обезумели от отчаяния. Но если ты выигрываешь битву, всегда нужно оставлять врагу возможность для спасения. Иначе он не будет побежден полностью.

— Ты так мудр, мой любимый. Справились ли шессины с новой тактикой?

— Она не такая уж и новая. Еще в племени мы использовали такой прием, но с более плотным построением. Никто из шессинов не бьется в одиночку. Если позволить людям врезаться в самую гущу врагов, они убьют многих на своем пути, но неизбежно погибнут сами. Те, кто сохраняет боевой порядок, несут меньшие потери. Лучше предоставить умирать иноплеменникам, а шессины лучше будут убивать сами. Я должен сохранить своих людей. Шессины — драгоценная сталь в оправе бронзы моей остальной армии.

Внизу понемногу стихали звуки боя, и островитяне затянули древний победный гимн. Король и королева наблюдали с холма за кровавой резней. Когда они спусти-

лись на поле битвы, Лерисса увидела яркие капли крови, сверкавшие, как драгоценные камни, на стеблях травы и на ветвях деревьев. К тому времени, когда они достигли места расположения основных сил, ее ноги были обагрены кровью по щиколотку. Капли кровавого дождя падали с мечей, копий и кинжалов, когда воины выдергивали оружие из тел, добивая раненых.

— Кампо! — окликнул король.

Широкоплечий шессин приблизился к нему и отдал честь копьем.

— Да, мой господин?

— Велики ли наши потери?

— Меньше сотни человек, господин!

— А среди шессинов?

— Двое убитых. Еще двое получили серьезные ранения и могут не дожить до следующего утра.

На лице Гассема появилась торжествующая улыбка.

— Вот видишь, моя королева? Нашим воинам пришлась по вкусу эта тактика. Теперь они знают, как просто побеждать войска на материке.

Их окружила толпа воинов, распевавших победные песни и размахивавших захваченными трофеями. Древний гимн вскоре превратился во всеобщее скандирование одного имени, которое они повторяли раз за разом:

«Гассем! Гассем! Гассем!..»

Явив таким образом восхищение своему вождю, воины вернулись к прежнему занятию — обшаривать тела мертвецов и обирать пленников. Гассем взглянул на Лериссу. Теперь даже лицо ее и волосы были забрызганы кровью.

— Возвращайся в лагерь, моя королева. Сегодня я приду к тебе в шатер. Оставь при себе темнокожую малышку, а прочих рабынь отпусти. И не смывай с себя кровь!

* * *

Отчаянно подгоняя кабо, Шаззад за несколько часов преодолевала расстояние, на которое армии потребовался бы не один день. Во время скачки она пыталась обдумать, что ей делать, когда она достигнет городских стен. Как себя вести? Ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы в столице воцарились паника и отчаяние.

Самым правильным было бы сразу собрать отдаленные гарнизоны, но она не обладала для этого достаточной властью. Придется ждать возвращения короля. Как следует все взвесив, Шаззад решила, что, если о поражении ар-

мии Пашара узнают раньше времени, может возникнуть опасность государственного переворота. Женщин в Невве всегда старались держать в стороне от политики и войны, но она зато прекрасно знала жрецов. В голове принцессы начал созревать некий план.

Рассвет близился, когда Шаззад узрела вдали сигнальные огни на крепостных стенах. За полмили до ворот она остановилась, чтобы привести себя в порядок перед тем, как войти в город. Из седельной сумки принцесса достала новую накидку и, набросив ее на плечи, прикрыла запыленную в пути одежду. Затем, закрыв лицо капюшоном, она рысью направила кабо вперед.

Шаззад оказалась у ворот, как раз когда их открывали, и назвала свое имя. Стражник, охраняющий ворота, преклонил колени.

— Принцесса! Все ли благополучно с войском?

— Конечно. Там не происходит ничего особенного. Мне просто там наскучило, и я решила вернуться раньше. Здесь гораздо больше развлечений. Да, чуть не забыла! Отец велел передать тебе кое-какие распоряжения.

— Я готов исполнить любой приказ твоего отца, госпожа.

— В армии было случаи дезертирства. Предатели украли кабо и могут попытаться выдать себя за людей благородного происхождения. Возможно, появившись здесь, они постараются попасть в порт, чтобы, захватив корабль, уплыть прочь.

— В это время года, принцесса?

— Ах, да, конечно... Ну, тогда просто затеряться в городской толпе. Так или иначе, их нужно немедленно арестовать и поместить в одиночные камеры. Ни в коем случае никому нельзя позволить говорить с ними. Тебе ясно?

— Я исполню свой долг, госпожа!

— Превосходно. Все остальные должны помогать тебе в этом. Если возникнет нужда, пленных нужно будет любым способом заставить молчать.

— Я все понял, принцесса.

Шаззад въехала в город. Она корила себя за оплошность: как можно было упустить из виду, что мореходный сезон закончился! По счастью, стражник оказался слишком туп, чтобы заподозрить неладное. Когда она прибыла во дворец, то сразу же послала рабов, чтобы немедленно собрать служителей пяти самых крупных культов Неввы. Только после этого принцесса велела согреть себе ванну.

Окунувшись в горячую ароматную воду, Шаззад жестко пресекла все попытки рабынь поболтать с ней и попыта-

 лась расслабиться. Когда доложили о приходе жрецов,

она велела тотчас провести их к себе. Разумеется, обычно она не принимала гостей в купальне, но жрецов нельзя было считать настоящими мужчинами. Как и все служители государственных культов, они были кастратами.

Толстые, самодовольные жрецы изумленно воззрились на возлежащую в мыльной пене принцессу. Их чувство благопристойности явно было оскорблено.

— Моя госпожа! — воскликнул верховный жрец морского бога Аква. — Что стряслось, если ты велела призвать нас, оторвав от утренних молений?

Шаззад с трудом удалось удержаться от смеха. Никто из этих старых ленивых болванов уже по крайне мере лет двадцать не отправлял никаких утренних служб. Все дела, требующие хоть каких-то усилий, они препоручали младшим жрецам и послушникам.

— Я ценю вашу исполнительность. Но сейчас я намерена воззвать к вашему патриотизму.

— Патриотизму, госпожа? — Жрец был так удивлен, будто никогда в жизни не слышал подобного слова.

— Выслушайте меня внимательно. Нам предстоит сделать очень многое, а времени у нас мало.

Рассеянно продолжая водить губкой по своему великолепному телу, она в общих чертах сообщила посетителям с происшедшим под стенами Флории.

В паузах она склонялась к воде, чтобы смыть пену с волос. Подняв голову, принцесса сделала вид, что ей в нос попала вода, и это наконец-то дало ей возможность рассмеяться.

Больше сдерживаться она уже не могла — настолько потешно выглядели жрецы. Узнав о поражении, которое произошло вдали от стен столицы, они побледнели, взмокли от пота и затряслись.

— Я видела как армия была разбита значительно меньшим войском лишь по одной причине: солдатам показалось, что они попали в окружение, из которого нет выхода. Мы можем потерять и наш город, и все королевство лишь потому, что горожане сочтут это нелепое поражение непоправимой катастрофой. Однако в действительности все обстоит совершенно иначе. Толпа трусливых бездельников была разбита свирепыми и прекрасно обученными дикарями. Король Неввы в безопасности и скоро вернется в столицу. Возвратится также примерно половина нашей конницы, хотя я велела задержать их до того времени, пока все в городе не успокоится. Вскорости король соберет новую боеспособную армию и разгромит варваров. В этом нет никаких

сомнений, и наша главная задача: сохранить здесь порядок, пока он не прибудет в столицу.

— Но что же нам делать, госпожа? — вопросил жрец бога штормов, обеспокоенный больше других.

— Именно об этом я и собираюсь вам поведать. Случилось так, что прошлой ночью всех вас разом посетило видение, ниспосланное богами. Они поведали вам, что скоро город получит известие, которое поначалу покажется ужасным, но горожане ни в коем случае не должны терять присутствия духа. Это весть о большой крови — ничто иное, как великая жертва богам, очистительный обряд для народа, забывшего свой долг по отношению к богам и их служителям.

— Это невозможно, госпожа! — воскликнул жрец бога огня в алых одеждах. —Сделать вид, что нам было видение... Это святотатство...

— Нет, это спасение. Это значит, что еще много лет — сколько вам отведено прожить на белом свете, — вы будете протирать своими толстыми задницами храмовые троны! — Яростный крик Шаззад эхом отразился от мозаичных стен купальни. — Вы не только спасете страну, но и укрепите свое влияние на людей! Даже сами боги не станут возражать против этого!

— Мы исполним твою волю, госпожа, — склонил голову жрец морского бога.

— Тогда ступайте и действуйте без промедления!

Жрецы поспешили удалиться. Шаззад крикнула рабам, чтобы те принесли полотенца. Теперь она могла по-настоящему расслабиться. Она с детства не верила в общепринятых богов, но понимала, что с помощью этих культов легко управлять народом, влияя на его дух. С ранних лет людей воспитывали в суеверии, к тому же они обожали красочные зрелища храмовых служб, так что власть за жрецами была необходима для любого владыки. Принцессе подумалось, что из нее мог бы выйти неплохой правитель. Она сознавала, что должна еще многому научиться и что слишком много времени потратила, предаваясь разгулу и бездумным развлечениям. Но теперь самое время было заняться более серьезными делами.

Отец всю жизнь служил для Шаззад примером. Пашар был сильным и влиятельным человеком. Самые знатные люди Неввы признавали его главенство — как в военном деле, так и в управлении государством. Прежний король был лишь марионеткой на троне. Ее же отец рожден для власти. Когда он занял королевский престол, это показалось всем совершенно естественным: он должен был получить титул и почести монарха, поскольку в течение долгих лет уже фактиче-

ски правил страной. И, разумеется, естественным и справедливым было то, что она сама стала принцессой королевской крови. Видят боги, она куда более достойна этого, чем жалкие блеклые создания — дочери прежнего короля, ранее обитавшие во дворце.

Для Шаззад отец всегда казался едва ли не божеством. Однако годы брали свое — рано или поздно это происходит со всеми смертными. Пашар по-прежнему оставался уверенным и сильным, но это уже был не тот человек, которого она знала в детстве. Значит, король нуждается в помощи. Рядом с ним должен встать молодой крепкий человек, на чьи плечи он сможет переложить часть своего бремени. И поделиться с ним властью. Шаззад намеревалась играть именно эту роль.

Подобные раздумья не принесли принцессе радости. Она подумала о том, что груз державных забот пригнет ее к земле. Она постареет, ее красота поблекнет... Но за свою жизнь Шаззад усвоила несколько жестоких уроков, и один из них гласил, что юность и красота проходят, а вечна лишь власть. Если ее не могут удержать старые руки, власть переходит к более молодому и сильному. У Шаззад не было ни братьев, ни сестер, ни иных родичей, и ей приходилось постоянно общаться с влиятельными царедворцами, которые жаждали занять престол.

Однако она владела мощным оружием. Официальные религиозные культы Неввы были скучными и малопривлекательными, их обряды предназначались лишь для того, чтобы даровать некое чувство единства гражданам, не причиняя при этом особого беспокойства властям. Но существовали и иные культы, гораздо более древние и могущественные. Их не одобрял закон. Шаззад подумала о жестоком ритуале, через который прошла перед походом против варваров. Этот обряд должен был поддержать ее и привести к успеху. Во время ужасной скачки на обратном пути в столицу Шаззад испугалась, что боги оставили ее, но теперь она поняла, что, напротив, получила от них великую награду. Если бы она не участвовала в походе и не стала свидетельницей поражения армии и того, как слабеют силы ее отца, она не имела бы возможности изменить свое будущее. Сейчас же принцесса отчетливо представляла свою дальнейшую жизнь. Возможно, именно боги запретных культов позволили ей узнать короля Островов. Воспоминание об этом мужчине до сих пор отзывалось в ее теле жаркой дрожью, порождая сладостное томление. Шаззад была совершенно уверена, что отныне их судьбы тесно переплетены. Однажды она уже испытывала нечто подобное по отношению к соплеменнику короля Гассема, Гейлу.

Шаззад изо всех сил боролась с подступающей усталостью. Она не хотела засыпать, пока не удостоверится, что ее отец окажется в безопасности здесь, во дворце. Из потайной шкатулки она достала порошок, способный взбодрить человека, и бросила его в бокал с разбавленным вином. Выпив целительный напиток, принцесса прошла в кабинет, где достала три древние фолианта и, полистав, раскрыла их в нужном месте. Пользуясь приведенными в них описаниями, Шаззад принялась изучать детали древнего обряда, самого сильного из всех, что она когда-либо проводила.

Если сделать все правильно, то она сумеет приворожить короля Гассема...

* * *

Луна уже поднялась высоко в небе, когда в город прибыл король в сопровождении охраны и гвардейцев. Все всадники были измучены и покрыты грязью, однако Пашар изо всех сил старался казаться подтянутым и бодрым. Одна лишь Шаззад могла видеть, насколько тяжело это дается отцу. Она негодующе покосилась на капитана гвардейцев, однако король не дал ей сказать ни слова.

— Погоди, дочь моя. Благодарю тебя за заботу, но здесь лишь я решаю, кого карать, а кого миловать. Мы не стали загонять до смерти наших кабо, поскольку в этом не было нужды: никто не гнался за нами. Я просто ждал наступления темноты, ибо не хотел, чтобы горожане видели, как возвращается после поражения войска их повелитель.

Шаззад бросилась отцу на шею и незаметно прошептала:

— Пусть они все уйдут.

Пашар был удивлен, и все же обернулся к солдатам:

— Ступайте по казармам и как следует отдохните. Завтра с рассветом вы должны быть здесь. У нас много дел...

Затем, когда они, наконец, остались одни, король обернулся к дочери:

— Ты что-то хотела мне сказать?

Шаззад поведала отцу обо всем, что успела сделать за это время, то и дело прерывая рассказ, чтобы отдать указания рабам приготовить для короля ванну, ужин и чистую одежду. Выслушав дочь, Пашар удовлетворенно кивнул.

— Ты поступила совершенно верно, моя дорогая. Сейчас я слишком устал для серьезной беседы, но завтра ты должна быть рядом со мной. Однако, повторяю: ты сделала все возможное, чтобы предотвратить самое худшее развитие событий.

Принцесса отправилась в опочивальню весьма довольная собой.

Когда король Пашар проснулся наутро, то почувствовал себя вполне отдохнувшим и окрепшим. Вместе с дочерью они выслушали доклад об обстановке в городе. Разумеется, люди были удивлены и подавлены, однако в храмах жрецы вовсю сообщали об явившемся им видении, и это предотвратило возникновение паники. Хотя, конечно, весь город полнился самыми тревожными слухами.

— Хорошо, — промолвил король и обернулся к военачальнику, ответственному за оборону города. — Что скажете нам вы, лорд Рассек?

— Государь, мы сделали опись всех припасов и фуража. У нас хватит корма для скота, однако нужно многое сделать, чтобы подготовить город к осаде: срубить лес для временных укреплений, выселить смутьянов-иноземцев за городскую черту, подготовить оружие...

— Это ни к чему! — покачал головой Пашар. — Приготовления к осаде лишь усилят страх горожан. Мы потерпели поражение от дикарей на открытой местности и теперь знаем, на что они способны. У них нет штурмовых сооружений и опыта по осаде городов. Кроме того, на северном побережье они задержатся по меньшей мере до весны. До тех пор нам едва ли стоит ожидать нападения.

Шаззад хранила молчание, но пристально наблюдала за окружающими, оценивая каждого из них. Сейчас ей повсюду мерещились предатели, особенно среди верхушки знати: ведь аристократы с легкостью могли воспользоваться ситуацией, чтобы попытаться захватить престол. Принцесса вглядывалась в их лица, стараясь за маской фальшивой искренности различить подлинную суть этих людей.

— У меня будет приказ для нашего главного военного интенданта, — продолжил король. — Мы должны возместить потери в живой силе. Пусть в городах набор солдат проходит как обычно, но в крупных поместьях и деревнях мы должны увеличить призыв. Пусть у нас будет больше солдат из крестьян. Однако, они должны знать, что их служба продлится недолго: лишь до той поры, пока мы не изгоним варваров со своих земель. Но если кто будет сопротивляться, то их наделы будут конфискованы в казну.

— Государь! — взволнованно воскликнул главный казначей и продолжил, даже не дожидаясь позволения говорить: — На какие средства нам содержать такое войско? Казна пуста...

Король с суровым видом воззрился на него.

— Напомню вам, лорд Хамас, что на севере мы потеряли целую армию. Начни с того, что вычеркни имена погибших из списков на выплату жалованья. Впрочем, их семь-

ям мы должны будем выплатить пособие... Также введите дополнительные налоги начиная с гильдии купцов. Именно они больше других страдают от нашествия дикарей и будут готовы заплатить за их скорейшее изгнание. Кроме того, денег дадут и землевладельцы с севера... Если поискать, то можно найти немало иных источников дохода.

Распустив совет, Пашар оставил дочь при себе и рабы принесли им легкий завтрак и вино.

— Полагаю, ничего важного мы не упустили, — промолвил король. — Но мне показалось, ты хочешь что-то сказать, дитя?

— Ты неправ, отец, мы упустили еще очень многое, — возразила Шаззад с волнением. — До сих пор мы лишь старались предотвратить панику. Но сейчас ты совершаешь все те же ошибки, что и этот болван Крийша. Ты не понимаешь природу варваров.

Пашар усмехнулся.

— Ну почему же. И не будь так сурова к бедняге Крийше. Виноват в случившемся скорее я, чем он. К тому же он искупил вину своей смертью на поле брани. Правители всегда должны возлагать на себя ответственность.

Принцесса столь резким жестом опустила кубок с вином, что забрызгала себе руку.

— Но к чему набирать в войско крестьян? У нас ведь есть форты и гарнизоны на границе. Почему бы не забрать солдат оттуда? Мы ведь ни с кем не воюем и можем не опасаться вторжения соседей. У тебя есть союзники, с которыми заключены договоры. Почему бы не обратиться за помощью к ним?

Король продолжал улыбаться.

— Я вижу, тебе еще многому предстоит научиться, дочь моя. Управлять государством не так просто...

— Об этом я и толкую! — воскликнула Шаззад в нетерпении. — Научи же меня всему, что знаешь сам!

— С радостью. Но слушай внимательно. Мои союзники остаются друзьями лишь до той поры, пока считают меня сильнее. Опасно объединяться с кем-либо из них против общего врага. Если чужое войско войдет на наши территории, то, во-первых, все узнают о моей слабости, тогда Чива и Омайя могут попытаться захватить земли на юге и на северо-востоке. Они непременно сделают это, если мы снимем гарнизоны из приграничных крепостей. Пойми, дочь моя: королевская армия — это не все население державы, а лишь те люди, кого король способен вывести на поле брани. Сюда не входят отряды, охраняющие границы. Именно в этом сила таких дикарей, как Гассем. Их армия невелика, но он не дол-

жен защищать города и границы. Мое же войско может показаться огромным лишь на пергаменте, но я окружен врагами и потому смогу повести в бой лишь треть от общего числа.

— Об этом я не думала, отец, — неохотно признала Шаззад. — Прости, если говорила с тобой слишком резко, но я тревожусь...

— Не извиняйся, дитя мое. Я рад, что ты выказываешь подобную силу духа, и также я хочу, чтобы ты знала обо всем, что происходит, и проявляла терпение. Теперь поговорим об армии Гассема. На совете я сказал правду. У него нет осадных орудий, поэтому за крепостными стенами нам нечего бояться. Кроме того, дикари не выйдут в поход раньше середины весны, потому что до тех пор Гассем будет ждать подкреплений с Островов. К тому времени я постараюсь взять под контроль все морские пути. Так что мы постараемся лишить его флота. Мы устроим Флории морскую блокаду.

— Хороший план, отец. И я понимаю, почему ты не желаешь вести в бой отряды из приграничных гарнизонов. Но неужели ты полагаешь, что войскам Гассема сможет противостоять из одних только необученных крестьян?

— Разумеется, нет. И никто не говорит о том, чтобы отказаться от помощи союзников. Но я не хотел бы делать выбор между Чивой и Омайей. Разумеется, король Чивы охотно вышлет войско нам на помощь и едва ли при этом постарается сам захватить наши земли. Но тем не менее нельзя забывать, что по пути его армия пройдет через наши провинции, на которые Чива уже зарится в течение многих веков. За свою помощь они могут потребовать их в уплату... Что до Омайи, то она и вовсе нападет на нас при первой же возможности, поэтому надлежит как можно скорее укрепить наши границы, прежде, чем их правитель получит весть о нашем поражении.

— Так что же нам предпринять, отец?

— Об этом я размышлял с того самого мига, как покинул поле боя. Шаула! — громко окликнул король.

На зов немедленно явился писец.

— Да, мой господин?

— Нам нужны твои принадлежности для письма. Я желаю отправить послание.

Не прошло и нескольких мгновений, как Шаула вернулся с ларцом, откуда извлек перья, чернильницу и листы пергамента.

— Слушаю вас со всем вниманием, государь.

— От Пашара, владыки и верховного военачальника Неввы, — повелителю Равнинных Земель Гейлу... — неспешно принялся диктовать король.

Глава пятая

Недавно прошел снегопад, и сугробы лежали повсюду, однако внутри большого длинного дома царило тепло. Эту зиму король Гейл, по обычаю, проводил среди матва, — к этому племени принадлежала его возлюбленная супруга. Помимо них, в доме сейчас находилось все многочисленное семейство, их друзья, а также домашние животные. Огонь весело потрескивал в очаге, у которого сидел Гейл; на коленях у него резвилась крохотная дочурка.

Превыше всего из обычаев матва Гейлу досаждала их манера селиться всем вместе в относительно небольших домах, где из-за этого вечно царила теснота и духота. Там, где он родился, принято было, чтобы каждый человек имел собственную хижину. Впрочем, шессины вообще под крышей проводили мало времени: там они только спали, укрывались от непогоды или занимались любовью. Однако, там, где жили матва, было куда холоднее, и потому ради сохранения тепла они вынуждены были строить общие жилища. Гейл видел в этом свои резоны, однако по-прежнему недолюбливал подобный образ жизни.

Сейчас король покачивал на коленях дочь, смеялся и разговаривал с ней, уверенный в том, что малышка понимает его и откликается с радостью. Чуть поодаль, на полу, копошась в ногах у взрослых, играли двое его сыновей. Мать супруги короля отдавала приказы служанкам, а его тесть Афрам был занят починкой большого лука: старик по-прежнему не желал привыкать к новомодному оружию, введенному в обращение Гейлом.

— Малышка скоро умрет от голода, дай ее мне!

Владыка Равнинных Земель покорно передал дочь жене. Та расстегнула пряжку, скреплявшую платье на плече и поднесла дочь к груди. Маленькая принцесса довольно зачмокала, сжав материнский сосок губами. Гейл вытянул ноги, закинув их на край очага, и с восторгом принялся наблюдать за королевой Диеной. Для него не было ничего слаще этих часов, проведенных в кругу семьи после бесконечных войн и походов. Ради этого он мог даже смириться с тем, чтобы жить в тесных душных жилищах матва.

Внезапно снаружи донесся какой-то шум.

— Дорогу! Дорогу! — услышали они.

Вскоре трое эмси в легких кожаных доспехах предстали перед королем. Они сопровождали человека в форме королевского гонца Неввы.

— Мы случайно нашли его в горах у большого ущелья. Он едва не погиб от холода. — Говоривший не был эмси, он принадлежал к матва, но проводил зиму на равнинах вместе с воинами из прочих союзных племен.

— Я принес послание королю Гейлу от владыки Пашара. — Гонец в недоумении огляделся по сторонам. — Где мне найти его?

— Я — Гейл. Можешь отдать послание мне.

Гонец недоуменно покосился на худощавого молодого мужчину в ярком шерстяном наряде, затем на женщину, что кормила грудью ребенка. Похоже, совсем не таким он ждал увидеть короля. Тем не менее, гонец передал Гейлу небольшую медную трубку.

— Благодарю тебя. Ты проделал трудный путь. Можешь пока отдохнуть и выпить вина. Скоро нас ждет обед.

— Благодарю тебя за любезность, — с обескураженным видом ответил гонец, который явно не ожидал столь простого приема. — Однако, я должен как можно скорее доставить твой ответ королю Пашару.

— Ты намерен немедленно отправиться в путь через горы? — поинтересовался Гейл.

Гонец пожал плечами.

— Я лишь исполняю свой долг.

Гейл улыбнулся.

— Отличный ответ. Я дам тебе одного из своих лучших кабо. Своего можешь оставить здесь — пусть как следует отдохнет. Похоже, даже кабо не столь выносливы, как люди, которые служат королям.

Оглянувшись, гонец отыскал на скамье свободное место и сел. Друзья и родичи Гейла со стороны жены молча и с интересом взирали на короля. Похоже, всем было любопытно, о чем говорится в послании, но никто не владел чудесным искусством грамоты: оно было доступно одному лишь Гейлу. Взломав тяжелую печать, король вытащил затычку из медного цилиндра и извлек оттуда свернутый в трубочку свиток. Он не спеша развернул пергамент, сломав при этом еще одну восковую печать. Все прочие наблюдали за ним, точно Гейл совершал некий магический обряд. Откашлявшись, тот начал читать:

«От Пашара, повелителя и верховного военачальника Неввы, владыки Равнинных Земель Гейлу. Привет тебе, мой дорогой и уважаемый собрат».

– Похоже, у него что-то стряслось, – заметил Афрам. – Прежде мы не слышали от него таких почтительных слов... – Поскольку теперь у старого вождя матва в зятьях был король, то он считал себя большим знатоком в отношениях между державными владыками.

– Помолчи, – перебила его жена, – пусть мальчик читает дальше.

«Уповаю на то, что сие послание застанет твои владения процветающими и милость богов снизойдет на них. Пусть земли твои будут обширны, подданные – многочисленны, казна – наполнена, а войска – отважны и сильны. Надеюсь также, что дети твои и досточтимая супруга и королева пребывают в здравии и благополучии. Да будут боги столь же милостивы к твоему правлению, как и к моему.

Я поспешил послать к тебе гонца, не дожидаясь благоприятного времени для путешествий, ибо желал сообщить об опасности, возникшей в наших землях. Шаула, мой писец, что записывает сейчас это послание, утверждает, что сообщал тебе об опасности набегов с Островов. До нынешнего года мы не терпели от этих дикарей особого урона. Но теперь все изменилось. Островные племена объединил самозваный король по имени Гассем, который теперь именует себя повелителем Островов.»

Гейл прервался. Обведя взглядом присутствующих, он заметил тревогу в глазах Диены: лишь она одна понимала, о ком шла речь в этом письме.

– Пусть мальчику нальют вина, – велел Афрам. – Чтение – это тяжкий труд...

Гейл продолжил:

«В начале осени дикари дерзко захватили один из моих городов – Флорию. Крепостные стены там были повреждены от времени, а за долгие годы мира гарнизон ослаб и обленился. Что касается дикарей, то, разграбив Флорию, они не вернулись, как прежде, на свои острова, а остались на материке, тем самым бросив вызов нашей королевской власти. Хуже того, они принялись совершать набеги на окрестности.

Мы приняли их вызов, спешно собрали небольшую армию и направили ее к северному побережью, чтобы наголову разбить дерзких разбойников и их выскочку-главаря.

Однако, оказалось, что дикари намного превосходят нас числом и весьма искусны в ведении войны. Они отбили нападение, и нам пришлось вернуться в столицу, дабы подготовиться к новому походу.

Мы желали бы предложить нашему дорогому другу, королю Гейлу, принять участие в этой кампании и привести с собой отряды всадников-лучников, что наводят такой ужас на его врагов. Тем самым, помимо помощи в разгроме дерзких островитян, мы ожидаем возможности для двух наших народов слиться в братском единстве и скрепить вечный и плодотворный мир.

Мы с нетерпением будем ожидать твоего ответа и согласия принять участие в этой войне».

Гейл с задумчивым видом свернул свиток.

— И это все? — изумился Афрам. — Неужто Пашар и впрямь послал гонца через горы среди зимы лишь ради такой безделицы?!

— Я понимаю язык, который правители используют для составления подобных бумаг, — ответил Гейл. — Все не так просто, как кажется. Если он пишет, что его войска отступили, это значит, что они потерпели полное поражение. Это правда, гонец?

Тот в замешательстве оторвал глаза от кубка с вином:

— Нет-нет... Я уверен, король сказал именно то, что хотел сказать. И вообще, это не моего ума дело...

— Ты сам участвовал в битве? — напрямую спросил Гейл.

Помедлив, гонец отозвался:

— Да, господин. Королевские гонцы всегда сопровождают короля в походах.

— Ты можешь говорить начистоту, — заверил его Гейл. — Не сомневаюсь, что король Пашар одобрил бы это. Он просит моей помощи, но не хочет говорить прямо, поскольку послание может попасть в руки его врагов. Расскажи мне, что произошло под Флорией. Я должен знать подробности, прежде чем решу, отдавать ли моим войскам приказ выступать в длительный и опасный поход.

невванец заговорил более уверенно:

— Все случилось именно так, как ты предположил, господин. Армия короля не была особенно большой, но

она вполне могла бы изгнать дикарей-захватчиков. Однако все обернулось совсем иначе.

— Подробнее! — Гейл подал знак мальчику наполнить кубок гонца. — Опиши все с самого начала.

Гонец начал рассказ о трудном переходе по раскисшим от дождей дорогам, о первой встрече с дикарями, о переговорах, за которыми он наблюдал издалека, и наконец о битве, закончившейся поражением, и о последовавшем затем беспорядочном бегстве остатков невванской армии. Пока он говорил, в комнате царило молчание.

— Я состоял при короле и видел все своими глазами, — завершил свое повествование неванец.

— Ты слышал, о чем шла речь во время переговоров? — поинтересовался Гейл.

— Нет, но потом король и члены его свиты кое-что рассказали нам. Они говорили, что вождь варваров вел себя дерзко и был столь самонадеян, что предложил королю Пашару сдать ему не только армию, но и свое королевство!

— Да, он и впрямь наглец! — заметил Афрам.

— Король Пашар настолько отчаялся, что просит у нас поддержки. Это означает, что он хочет, чтобы мы привели большие силы. Судя по словам этого храброго человека, кавалерия Пашара принесла мало пользы в том сражении и не стала для дикарей неожиданностью. Ни шессины, ни асаса, ни другие народы пастухов-воинов не впадут в панику при виде оседланных скакунов. На Островах нет кабо, но все островитяне прекрасно знают, что любое ездовое животное отступит под ударами копий. И всякий пастух, даже самый юный, знает, что единственное спасение от мчащегося стада в том, чтобы держаться плечом к плечу, выставив вперед копья или хотя бы палки.

— Немудрено, что он просит нас о помощи, — заметил один из сопровождавших гонца эмси. — Это лучшая мысль, что могла прийти в голову королю Пашару.

— Он надеется удивить их нашей новой тактикой ведения боя, — заметил Гейл. — К весне Пашар соберет новую армию, но и Гассем получит подкрепление. Я знаю, что жители материка всегда недооценивали численность островитян и то, что большую их часть составляют воины. Их основное оружие — копья. Гассем приучил своих людей к железной дисциплине и четкому боевому построению. Шессины всегда выставляли в центре боевого порядка опытных старших воинов, вокруг которых младшие воины образовывали фланги в виде изогнутых рогов. Против такого построения всадники бессильны. Однако Гассему еще не приходилось сражаться про-

тив опытных стрелков. Наванские слабые луки больше годятся для охоты, чем для войны. К тому же они считают, что это оружие подобает лишь безродным наемникам...

— Выходит, король Неввы и тебя считает таким наемником? — язвительно спросила Диена.

Воин матва в эмсийской одежде усмехнулся.

— Мы покажем невванцам, кто ценнее на поле боя! — Прочие матва радостно засмеялись и громкими криками поддержали его слова.

— Что ты намерен ответить? — осведомился Афрам.

— Сначала я соберу своих приближенных, — ответил Гейл. — Военачальников, глав деревенских советов и старейшин племен, а также Говорящих с Духами.

— Но ты ведь не хочешь отправить свое войско в Невву сражаться с людьми, которые пока на нас не нападали? — в ужасе воскликнула Диена.

Воины эмси были поражены — не столько словами королевы, сколько тем, что она осмелилась вообще подать голос. Среди народов Равнин женщины не имели права выступать на советах мужчин.

— Мне придется сделать это, — возразил Гейл. — Пару лет назад мы укрепили свои границы и очистили наши земли от разбойников. Воины перестанут быть воинами, если им время от времени не предоставляется возможность участвовать в сражениях. Кое-кто уже начал требовать, чтобы я отпустил их в наемники к правителям южных земель. До последнего времени мне удавалось отговорить людей от этого, но дольше удерживать их я не в состоянии. Если я не позволю им отправиться на войну, они начнут сражаться друг с другом, как это было до того, как я объединил наши племена.

— Но ведь Невва так далеко! — не уступала королева, перекладывая ребенка к другой груди.

— Не для всадников, — засмеялся Гейл. — Мы можем выступить в поход ранней весной, одержать победу и вернуться еще до конца лета. У нас нет ни пеших отрядов, ни обозов, которые замедляют передвижение армии. И помимо всего прочего это укрепит наши отношения с королем Неввы. Я поставлю условием своего участия в войне щедрую оплату для своих воинов и выгодные условия торговли между нами. Мы утвердим себя среди других народов как державу, с которой всем следует считаться. — При этих словах короля раздался одобрительный гомон.

— Отличная мысль, — заметил Афрам. — Молодые воины, как правило, причиняют много хлопот старшим. Эта война пойдет им на пользу. Они не выполняют никакой

работы, так что вряд ли кто-нибудь будет сожалеть об их отсутствии до осени. Конечно, мы стремились к миру и покою, но все же без прежних стычек иногда становится скучно!

Присутствующие встретили одобрительным гулом и эти слова.

Когда чуть позже Гейл остался наедине с женой, то вновь заговорил о причинах, склонивших его в пользу этого союза. Они лежали на широкой постели в комнате, имевшей отдельный вход. Гейл настоял на таком устройстве жилища, и матва пошли ему навстречу. В глубине души они считали Гейла пусть и благословенным духами, но все же безумцем, а безумство всегда почиталось среди этого народа. В крошечном очаге потрескивало пламя, в ногах кровати стояла колыбель, в которой мирно посапывала их дочка. Сыновья ночевали в общем зале вместе с дедом, бабкой и прочей родней.

— Я с самого начала знала, что тобою движут не только интересы нашего народа, — с горечью сказала Диена. — Причина — тот человек, Гассем, твой молочный брат, которого ты по-прежнему ненавидишь. Ты идешь на войну только из-за него, признай это!

Гейл не привык к столь гневным упрекам жены, которая редко высказывалась против его решений.

— Все те причины, что я перечислил вечером, истинные, и они все они весьма веские. Поверь, я бы поступил так, даже если бы вождем завоевателей был не Гассем, а кто-то другой. Я бы никогда не отправил молодых воинов в тяжелый длительный поход, из которого далеко не все вернутся обратно, только ради того, чтобы отомстить давнему врагу.

— Тогда почему? — со слезами на глазах спросила королева.

Откинувшись на постели, Гейл уставился на стропила, едва различимые в темноте. Казалось, он всматривается в свое прошлое.

— Я не хочу ненавидеть Гассема за то, что он сделал со мной. Если бы я остался среди шессинов, кем бы я был сейчас? Я никогда не мог стать в своем племени тем, кем хотел — Говорящим с Духами. Сейчас я был бы старшим воином, как тысячи других. Имел бы стадо кагг и, возможно, одну жену...

— Но не ту единственную, которую ты желал, — заметила Диена.

— Да, — согласился Гейл. — Гассем забрал и ее тоже. Впрочем, я в любом случае не смог бы жениться на ней. К тому времени она уже давно была бы замужем за кем-то из старейшин.

Диена со вздохом прижалась щекой к груди мужа, и он обнял ее за плечи.

— Честно говоря, я даже рада, что тогда Гассем так обошелся с тобой...

— И я тоже. Конечно, из-за него я был изгнан из племени, но зато я переплыл море, увидел огромные города и сотни больших деревень. Я познакомился с мудрыми и могущественными людьми, которых никогда бы не увидел на своем родном острове. Благодаря предательству Гассема, я нашел тебя, когда ты была при смерти, и полюбил тебя. Я создал свое королевство, стал его правителем и теперь окружен любовью и уважением моего народа, жены, сыновей, а теперь ты подарила мне и дочь. Разве я могу после этого ненавидеть Гассема?

— Тогда в чем же дело? — повторила свой вопрос королева. В ее голосе больше не слышалось гнева. — Гассем далеко от нас. Он не может угрожать ни тебе, ни нашей земле.

— Пойми, Гассем — это абсолютное зло, какого я не встречал более никогда на своем пути. Я знаю, что люди часто называют так своих врагов, но обычно это просто означает, что они в чем-то не согласны между собой или, наоборот, что-то не могут поделить. Но с Гассемом все иначе. С самого детства он пытался выдвинуться, используя для этого других людей, унижая их или же просто уничтожая. Он выискивал имеющих власть и влияние и подчинял их себе. Старшие воины, старейшины и вожди поначалу относились к нему с подозрением, но затем неизбежно попадали под его влияние. Ему не удавалось использовать в своих целях только старого Говорящего с Духами, поскольку сам Гассем властью над духами не обладал.

И не думай, что это просто детские обиды. Ты говоришь, что Гассем далеко, но на самом деле это не так. Посмотри, чего он достиг. Не имеющий друзей отпрыск небогатой семьи сразу стал командовать среди младших воинов. С ранних лет он искал расположения старших, учился произносить убедительные, прочувственные речи у человека, славящегося своим красноречием, а умению держать себя и изяществу движений — у известного своим мастерством танцора. Гассем искал способы, с помощью которых он мог бы влиять на людей, он льстил им, учился у них и их же использовал. Всего лишь через год после того, как мы вошли в общину младших воинов, к нему уже относились так, будто он один из старших.

— Все равно, он далеко от нас! — не уступала Диена.

— Неправда! Сперва он стал владыкой нашего острова. Тогда, казалось, он еще далеко от других островов. Но он пришел на соседний остров и завоевал его, потом на другой, а потом объединил их под своей властью. Будучи королем Островов, он находился далеко от материка. Но сейчас

он пришел на материк и утвердился там, разгромив войско самого могущественного из западных владык. Ты понимаешь? Везде, где бы он ни появился, он покоряет и подчиняет себе людей. Если Гассема не остановить, скоро он будет править Неввой. Потом — Чивой и Омайей, потом — южными королевствами. Пройдет не так много времени, и он подступит к нашим границам, причем с такой силой, что мы не сможем ей противостоять. Он никогда не уничтожает своих врагов полностью, он просто лишает их собственной воли и подчиняет себе.

— Гассем — это же ты сам, — медленно промолвила королева. — Гассем — твое темное отражение.

Гейл помолчал.

— В твоих словах есть доля истины. Но существует и еще одна причина. Я должен встретиться с Гассемом лицом к лицу, и тот из нас, кто победит, будет решать, станет ли мир, который мы знаем, миром любви и покоя или превратится в черный кошмар, где людьми правит зло...

На другой день Гейл сидел у окна, наслаждаясь редким теплом зимнего солнца. Перед ним на складном столике были разложены принадлежности для письма и свиток великолепного пергамента, который выделывали на юге. Он уже разослал гонцов, чтобы собрать своих приближенных. Сейчас король намеревался ответить на просьбу Пашара. Обмакнув тростниковое перо в чернила из ламповой сажи, он начал писать:

«Мой досточтимый друг король Пашар! Поскольку я пишу сам и у меня нет человека, владеющего слогом столь искусно, как наш друг Шаула, то мне придется обойтись без присущего ему изящества стиля и выражений, подобающих при монаршем обмене посланиями. Однако, уважение, что я к тебе испытываю, от этого отнюдь не станет меньше.

Твоя весть о вторжении войск Гассема привела меня в большую тревогу. Я хорошо знаю этого человека: это не просто алчущий чужого добра грабитель, но безумец, который не остановится до тех пор, пока не покорит весь мир. Необходимо остановить его прежде, чем он сумеет закрепиться на материке по-настоящему.

Ты правильно сделал, что обратился ко мне за помощью. Разумеется, твое войско велико и хорошо обучено, однако мне кажется, оно не способно победить островитян в обычном сражении. Полагаю, ты уже и сам понял это. Беспорядочная, недисциплинирован-

ная орда беспомощна против регулярных армий цивилизованных стран, но отвага дикарей велика. *Если же их воинское мастерство, присущее с детства, соединить, как это сделал Гассем, с хорошей организацией, то возникает могучая сила, вовсе не зависящая от того, сколько бойцов участвует в сражении. Советую тебе до тех пор, пока мои войска не подоспеют на помощь, держать свою армию в крепостных стенах, где она будет в безопасности, ведь у захватчиков нет ни осадных орудий, ни опыта ведения такой войны.*

Я созвал на совет вождей племен, чтобы они поддержали мое решение прийти тебе на помощь. Сомневаюсь, что кто-либо из них станет возражать. Наши молодые воины жаждут настоящего дела, а Равнинным Землям пока не грозит никакая опасность. Разумеется, условия нашего союза мы сможем обсудить, когда я прибуду в твою столицу, но ты должен понимать, что мои воины не могут вернуться домой без богатой добычи: иначе никогда больше племенные вожди не согласятся прийти тебе на помощь.

Твердо могу обещать привести с собой не меньше пяти тысяч верховых лучников. Возможно, тебе покажется, что это не столь большое число, но поверь: они являют собой куда большую силу, чем может показаться на первый взгляд.

Мы выступим в поход как можно скорее, а пока я попрошу тебя подготовить подробные карты пути и послания к правителям тех земель, через которые нам предстоит пройти. Я намерен двинуться либо севером через Омайю вдоль прибрежного торгового пути, либо югом, ведь в это время года перевалы завалены снегом. Послание к правителям нужны, чтобы они открыли нам беспрепятственный проход через свои земли. Насколько мне известно, у Шаулы имеются подробные описания всех этих мест, и для нас это может оказаться очень полезным.

Мое послание доставит твой гонец. Не сомневайся в моей поддержке: я поспешу к тебе на помощь со своими лучниками, но пока хочу напомнить, — и пусть мои слова не покажутся тебе оскорбительными, — ничего не предпринимай в открытую против Гассема до тех пор, пока мы не составим совместный план действий.

Искренне преданный тебе друг, повелитель Равнинных Земель, Гейл».

Свернув пергамент в трубочку, он скрепил его печатью. Гейл опасался, что тон послания оказался слишком резким, но он и не пытался щадить королевскую гордость Пашара. Он никогда не был опытным царедворцем, а все эти придворные уловки на его устах звучали бы фальшиво, хуже издевки. Вложив свиток в тубу, он позвал гонца.

— Как скоро ты сможешь доставить письмо в Кассин? — поинтересовался он, вручая бронзовую трубку невванцу.

— Примерно за две недели, но все будет зависеть от погоды и воли богов.

— И все равно это довольно быстро. Когда много лет назад мы шли сюда с караваном, то на дорогу у нас ушло несколько месяцев.

— Самое главное мне — пересечь горы и оказаться в Омайе. Там устроена особая служба на дорогах, где в конюшнях для гонцов держат свежих скакунов. В Омайе я смогу менять кабо через каждые два десятка лиг, и если скакать на перекладных, можно двигаться очень быстро.

Гейл кивнул.

— Это отличная идея. Нужно будет и мне устроить подобные конюшни на дорогах. Надеюсь, ты преодолеешь этот путь легко. — Он обменялся с гонцом рукопожатием. — Пусть духи благословят тебя и подарят легкий путь.

* * *

Лагерь для членов Совета вождей разбили у подножия холмов на краю степи. Место это было выбрано намеренно, чтобы вожди матва и эмси равным образом чувствовали себя здесь уютно. На этих землях располагались владения Гейла, где его люди объезжали и обучали кабо, а также скрещивали животных между собой, стараясь вывести как можно более крепкую и сильную породу. Эмси поселились в собственных шатрах, а для матва установили в лагере временные жилища. Совет решено было проводить на открытом воздухе, хотя на случай непогоды подготовили самый просторный дом.

Уже через пять дней после того, как Гейл известил своих приближенных о Совете, люди начали прибывать на назначенное место. Еще неделю шли сборы. Ежедневно Гейл устраивал пиршество с играми и состязаниями, танцами и музыкой. По утрам все вместе они отправлялись на охоту в горы, так что настроение всю эту неделю царило скорее праздничное, чем деловое. Кроме вождей двух самых крупных племен собрались также представители общин поменьше из тех, что обитали на окраинах Равнины. И едва лишь прибыл послед-

ний из приглашенных, как в тот же вечер Гейл объявил Совет открытым.

Вожди со своими приближенными расселись на земле вокруг огромного костра и весело шутили и смеялись, обсуждая, как отлично провели последнюю неделю, — редкость в столь тоскливое время года. Опоздавшие не могли не позавидовать тем, кто прибыл сюда раньше, но Гейл утешил их щедрыми дарами: яркими тканями, прекрасным оружием и чистокровными кабо. У Говорящих с Духами вид был более серьезный и торжественный, нежели у старейшин и военных вождей, однако и они с удовольствием принимали участие в празднествах. Их одобрение было особенно важным для Гейла. Ведь люди воспринимали его одновременно и правителем, и военным вождем, и Говорящим с Духами, — то есть он соединил в своих руках все возможные нити власти.

Гейл во многом отличался от владык цивилизованных оседлых земель. Племена, которыми он правил, были лишены монарших традиций, и вообще не имели представления о королевской власти. Среди матва должность вождя могла быть наследственной, однако это не было обязательным условием, и Совет племени всегда мог отстранить вождя, если бы счел его неспособным к правлению, а на его место общим голосованием назначить другого. Что касается эмси, то там в племени мужчины с юности утверждали себя в боевых искусствах, самые мудрые и отважные становились военачальниками. Говорящих с Духами также избирали с раннего детства и начинали обучать этому таинственному искусству.

Чужеземец Гейл возглавил этих людей, которые считали его героем древних легенд. По пророчеству этот герой должен был дать племенам новое величие и, несмотря на то, что он обладал почти неограниченной властью, но, принимая важные решения, Гейл всегда считал необходимым посоветоваться со старейшинами. Те редко оспаривали его волю, если не считать тех немногих случаев, когда им хотелось напомнить о своем положении. Однако, Гейл прекрасно осознавал, что в любой миг они способны заартачиться, если вдруг решат, что им оказывают недостаточное почтение.

После традиционных слов приветствия Гейл объяснил, зачем собрал здесь своих приближенных. Старейшины выслушали новость достаточно спокойно, но при одном упоминании о богатой добыче у младших воинов тут же вспыхнули глаза.

Затем приглашенные по очереди стали брать слово. Ни один из них не был против похода в Невву. Они любили воевать и в душе противились тому миру, что установился на их землях с приходом Гейла. К тому же они полагали,

что молодых воинов необходимо закалять в битвах, иначе они никогда не повзрослеют по-настоящему. Так что предоставившаяся возможность повоевать обрадовала всех, тем более, что была обещана богатая добыча. Никому и в голову не пришло, что Гейл способен затеять такой поход лишь ради мести давнему обидчику. Впрочем, даже если бы они и узнали об этом, то отнюдь не сочли бы странным: такой повод не хуже любого другого годился для войны. Также никто из вождей не был против союза с Неввой, хотя им и казалась смехотворной мысль, что когда-нибудь им самим может понадобится помощь невванцев.

После завершения Совета воины в возбуждении принялись обсуждать грядущий поход, а к Гейлу приблизился старик Нарайя, Говорящий с Духами, который первым узрел нечто необычное в чертах чужеземца и поддержал будущего короля.

— Я предчувствовал нечто подобное, — промолвил он. — Вот уже много лун духи необычайно возбуждены, словно сама земля знает о твоем походе.

— Я скоро вернусь, — уверил его Гейл.

— Не сомневаюсь. В пророчестве говорится, что тебе суждено даровать нашим народам подлинное величие, и речь идет не о простом объединении племен. Если остановиться на этом, то после твоей смерти союз распадется, и все вернутся к той жизни, которую вели до твоего прихода. Нет, впереди тебя ждут куда более величественные свершения, и нынешний поход — часть этого.

Гейл задумчиво смотрел на языки пламени.

— Сейчас не один я решаю судьбы материка.

— Ты полагаешь, что другой — это Гассем? — заметил Нарайя.

— Вероятно, так считает он сам. Тейто Мол, Говорящий с Духами нашего племени, в свое время утверждал, что не видит в Гассеме даже искры небесного огня и считал его воплощением зла, но тогда Гассем был совсем юн и неопытен. Я боюсь даже вообразить, во что он превратился сейчас.

Глава шестая

В сопровождении вооруженных до зубов телохранителей король Гассем спускался с холма, где находилась его резиденция, в обществе одного из невванских мореходов. Мощеная улица с двух сторон была ограничена сточными канавами, в которых сейчас бежала вода: ночью на город обрушился сильный шторм. Воздух был свежим и прохладным, хотя настоящих холодов в этих краях никогда не знали.

— Корабль довольно потрепанный, господин, — говорил мореход, — но ты сразу сможешь оценить его возможности.

— Именно в этом я и нуждаюсь, — отозвался Гассем. — Знания... В войне на суше мне нет равных, но я не имею опыта морских сражений.

Они свернули на набережную, что тянулась вдоль самой гавани. У причалов еще стояли корабли, что были там в день захвата Флории, но теперь рядом с ними стояли суда, на которых прибыли воины Гассема. Когда булыжная мостовая сменилась каменными плитами, спутники свернули к длинному доку, внутри которого стояло поврежденное судно. Нос корабля украшал бронзовый таран. Рядом с кормой валялись обломки разбитого рубля.

— Древняя лохань, — пояснил мореход. — Должно быть, ее бросили здесь, когда невванский флот ушел на юг. Корабль нуждался в починке, но, разумеется, когда твои воины напали на город, об этом все позабыли.

Гассем по трапу взобрался на палубу корабля.

— И на что же он способен? — поинтересовался король у моряка, последовавшего за ним.

— На таких парусах можно идти лишь при попутном ветре. Зато весла помогают хорошо маневрировать в бою. Таран используют при сближении с противником. Если правильно выбрать курс, то вражеский корабль обречен, но лишь когда на море не слишком сильное волнение. Как видишь, на палубе установлены катапульты — это метательные орудия, которые применяют на значительном расстоянии от противника. Для снарядов используют горючие смеси, которые вспыхивают даже на воде, так что даже если стрелок промахнется, вражескому судну все равно грозит большая опасность.

— Так значит, при морских сражениях никто не схватывается в рукопашной? — разочарованно спросил король.

— Почему же? Чаще всего именно этим все и заканчивается, — возразил моряк. — Первым делом врага обстреливают из катапульт...

— Да, похожее орудие я видел на крепостной стене, — вспомнил Гассем.

— Затем корабли сближаются, продолжая осыпать друг друга градом снарядов, — продолжал пояснения моряк. — В отверстиях вдоль борта укрепляются щиты, чтобы прикрыть гребцов. На больших кораблях их рассаживают под верхней палубой. Когда корабли сближаются, то они выбрасывают крючья, стараясь взять противника на абордаж. Лучше всего нападать с кормы, потому что это самая незащищенная часть судна, и если же враг отобьет нападение, то нужно попытаться при отходе сломать ему руль, чтобы избавиться от преследования.

Гассем задумчиво кивал, впитывая новые для него сведения.

— И скольких воинов вмещает такой корабль?

— Это зависит от многих условий. Обычно судно такого размера берет на борт два десятка тяжело вооруженных солдат. При абордаже они первыми идут в атаку, и если возникнет такая необходимость, то гребцы также могут вступить в бой: у них имеются щиты, топоры и кинжалы... Но это судно совсем невелико. Если же говорить о крупных кораблях, то там может быть не меньше двух сотен воинов и три или четыре сотни гребцов. А если судно уходит недалеко от родного порта или за ним по берегу следует армия, то к началу морского сражения корабль берет на борт столько человек, сколько способен выдержать.

— Отлично. Я все понял. А теперь ответь мне еще на один вопрос. Тебе известно, что у меня нет настоящего флота, кроме тех кораблей, на которых мы переправили сюда воинов с Островов. Ты полагаешь, что король Неввы использует флот против меня?

Мореход погрузился в раздумья.

— Пашар вполне способен на такое. Он мог бы морем доставить в эту гавань свои войска. Полагаю, для этого он обратится за помощью к правителю Чивы.

— С какой стати? — полюбопытствовал Гассем.

— Лишь у чиванцев во флоте есть несколько катамаранов: это огромные двухкорпусные галеоны, способные перевозить тысячи воинов. Этого будет достаточно, чтобы захватить порт. Галеоны они пошлют вперед, поставят у причалов

и спустят сходни. Как только на берег сойдут первые воины, то прочие невванские суда станут пришвартовываться к тем, что пристали первыми, и воины по палубам будут перебираться на сушу. Мне доводилось видеть подобный маневр.

— Раз тебе знакомо подобное искусство, то ты должен знать и о том, как защититься от нападения с моря. Что нам надлежит сделать?

— Прежде всего, мой господин, следует перекрыть подходы к причалу. Для этого нужно соорудить преграды для судов из цепей или заостренных бревен. Кстати говоря, в любом приморском городе должен быть королевский чиновник, ведающий этими вопросами. Если он остался здесь, мы могли бы расспросить его. Если же нет, то мы и сами можем выяснить принципы обороны этой гавани.

— Я вижу, ты знаток своего дела, — улыбнулся Гассем. — Я выделю тебе в помощь несколько человек, чтобы вы обыскали порт и нашли все необходимое для защиты от нападения с моря. О результатах поисков немедленно доложишь мне.

Мореход вытянулся в струнку.

— Твоя воля для меня закон, господин!

Гассем кивнул. Досадно, что этот человек — лишь один из немногих невванцев, кто добровольно пошел на службу к новым хозяевам.

— Служи мне честно. Когда я начну строить собственный флот, то мне потребуются опытные люди. Те, кто хорошо проявит себя, смогут подняться очень высоко. — Судя по выражению лица моряка, слова короля попали в цель: тот был тщеславен, хотя и старался это скрывать. — Но, мне кажется, ты говорил и об иных способах защиты. Что ты имел в виду?

— Пашар может попробовать доставить солдат на огромных галеонах и высадить их на берег неподалеку от города. Вероятно, он уже понял, что в открытом поле с тобой ему не тягаться, но он может попробовать осадить Флорию. В его войске есть для этого особые люди...

— И на что они способны? — поинтересовался король.

— К примеру, они могут вырыть ходы под стенами, чтобы через них ворваться в город.

Шессины из свиты короля, услышав эти слова, расхохотались.

— Где же это слыхано, чтобы люди рылись в земле подобно рогачам?!

Король также засмеялся.

— Пожалуй, ради того, чтобы взглянуть на это зрелище, стоит подпустить их поближе к стенам. Впрочем, нет. Я не стану рисковать. Мы установим дозорные посты по

всем направлениям на много дней пути от города. Тогда мы сможем обнаружить наступающую армию задолго до того, как враг приблизится.

— Сомневаюсь, чтобы Пашар осмелился на это, когда понял, что ему не одолеть тебя в бою, — заметил моряк. — Я лишь описываю все существующие возможности. Но больше верю в морскую блокаду. Он постарается перекрыть фарватер и захватывать или топить все корабли, что постараются прийти к тебе на помощь. Тогда на многие месяцы он сможет перекрыть доступ к гавани.

— А с какой скоростью идут военные корабли? — вдруг полюбопытствовал Гассем.

— Ну, это не всегда однозначно... Если ветра нет, то на веслах они движутся довольно быстро, а под парусами — куда медленнее. Но если толково использовать одновременно паруса и гребцов...

— Нет, мы поступим иначе... — король задумался. — Пожалуй, моряк, у меня будет для тебя другое поручение. Я желаю, чтобы за неделю ты восстановил и подготовил к плаванию этот корабль. У тебя будут все необходимые полномочия. Можешь брать столько людей и материалов, сколько тебе понадобится. Гребцов наймешь среди моряков, что болтаются в гавани. Справишься?

— Разумеется, господин. Но я хотел бы предупредить тебя...

— О чем?

— Сомневаюсь, что эта утлая лохань сможет составить ядро твоего флота.

Гассем рассмеялся, но в смехе его звучали неприятные угрожающие нотки. И все же он с дружелюбным видом похлопал моряка по плечу.

— Пусть тебя это не тревожит. Я отнюдь не намерен идти в бой с невванским флотом на этом суденышке. Просто приведи его в порядок и спусти на воду. Потом я скажу тебе, что делать дальше. И не забудь о поиске защитных сооружений в гавани.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин, — бодро откликнулся мореход.

Гассем, вернувшись во дворец, поведал Лериссе о своем замысле. Королева лежала на кушетке, а вокруг вертелись ее прислужницы. Опочивальня была переделана в соответствии со вкусами Лериссы, а со стороны внутреннего дворика доносился шум нового строительства. По комнате расхаживала дрессированная птица. Остановившись, она эффектно распустила роскошный веер изумрудно-зеленых и алых

перьев. Это создание величественно поводило великолепным ярким хвостом и поглядывало на присутствующих с такой потешной важностью, что королева не могла удержаться от смеха.

— У местной знати в домах было полно дрессированных животных, птиц и каких-то совершенно невероятных созданий. Они держали у себя даже крошечных древолазов, которых ценили за забавные ужимки, — пояснила Лерисса.

Король погладил ее по плечу:

— Богатство стало причиной их падения. Такие люди не способны измыслить оригинальные развлечения.

В юности Гассем считал, что быть богатым означает владеть каггами или другим скотом. Теперь он знал, что правителю гораздо важнее иметь собственный флот.

— По-моему, ты прав насчет кораблей, — заметила Лерисса. — Несомненно, мы проверим его слова, но я уверена, что твой моряк говорит правду. Мои соглядатаи донесли, что Пашар уже несколько раз встречался с послами Чивы. Это совсем не похоже на обычный обмен любезностями между двумя дружественными державами.

Королева понемногу осваивалась с новой ролью руководителя тайной службы Гассема. Впервые она смогла наконец участвовать в делах своего мужа.

— А что происходит в Омайе? — спросил Гассем.

— Ничего особенного. Как видно, у Неввы отношения с этим королевством весьма натянутые. Король Омайи Оланд с радостью прибрал бы к рукам приграничные невванские земли. Он в любой момент может заявить, что Пашар — узурпатор, незаконно занявший трон. Это сразу же уничтожит все договоренности Омайи с прежним королем Неввы.

Гассем попытался представить себе расположение этих стран.

— А какие еще королевства, кроме Чивы и Омайи, граничат с Неввой?

Он до сих пор и не научился разбираться в географических картах, а удержать все сведения в голове было непросто.

Королева обернулась к рабыне.

— Отвечай, Деният.

Та опустила глаза и стояла в той позе, которую всегда принимала при появлении короля. Ее шею охватывал медный ошейник рабыни.

— Омайя лежит на северо-востоке, — произнесла Деният. — Чива — на юге и юго-востоке от Неввы. Между этими двумя государствами лежит плохо изученная территория, которая именуется Зоной. На нее не претендует ни одно ко-

ролевство. Местные жители имеют странное обличье, живут в деревнях обособленно и не общаются друг с другом. В Зоне существует горная местность, Каньон. Людей, которые там обитают, называют колдунами. Земли эти почти бесплодны, хотя через них протекает большая река.

— Кто бы мог подумать, колдуны... — усмехнулся Гассем. — С этим надо будет разобраться. А что находится к северу отсюда?

— На север от Флории... О, прошу меня простить, господин, я хотела сказать — от Города Победы... — Так Гассем переименовал захваченный город, — ...очень мало поселений. Четкой границы, отмечающей пределы Неввы, не существует. Народы северных земель — дикие охотники и скотоводы. Они не представляют угрозы цивилизованным государствам, поэтому на тех рубежах Неввы не построено даже пограничных крепостей. Я могла бы показать на карте... — Это был тонко рассчитанный и безошибочно угодивший в цель укол, напомнивший, что король не умеет ни читать, ни разбираться в географических картах.

— Плевать я хотел на картинки, которые малюют какие-то болваны! — грубо перебил ее Гассем. — В них нет никакого смысла! Зато я знаю земли, по которым прошел со своим войском!

— Лучше поведай нам о бесплодных пустынях. — Лерисса попыталась увести разговор от предмета, так разгневавшего короля.

— Сама я никогда там не бывала, только слышала рассказы, — отозвалась рабыня. — Это иссушенная солнцем местность, где крайне редко выпадают дожди. Люди селятся вдоль русла рек или в оазисах — немногочисленных плодородных островках среди пустыни. К пришельцам там относятся очень недружелюбно. На этих землях властвует человек, которого одни называют королем, другие же считают колдуном и магом. Никто не знает, откуда он взялся и сколько лет правит Пустынными Землями. Поговаривают, будто он живет на свете уже не одну сотню лет. В любом случае, эта местность никому не нужна: помимо оазисов, там только камни и песок. Кроме того, там полно опасных диких зверей и еще каких-то жутких созданий, которых не встретишь ни в каком другом месте. В королевском зверинце Касина выставляли пустынную змею — это было чудище длиной в два десятка шагов и толщиной с туловище взрослого мужчины. Тварь выглядела вялой и ко всему безразличной, но раз в месяц в ее клетку помещали кагга, и она пожирала его целиком, в один присест.

— Не самые привлекательные земли, — протянул ко-

роль, — но я овладею и ими тоже. А вся эта магия... — Он задумался. — Об этом нужно узнать подробнее. Моя королева, пусть твои соглядатаи соберут побольше сведений об этих землях, об их правителе, верованиях — в общем, обо всем, что только можно. Если, конечно, эта странная земля и вправду существует.

— Я сделаю все возможное, — пообещала Лерисса. — Ты усматриваешь в этом какую-то угрозу?

Гассем поморщился.

— Даже не знаю. Возможно, мы извлечем из этого какую-то пользу. Сперва необходимо узнать об этих местах как можно больше. Пока я не уничтожил на Островах всех бездельников, именующих себя Говорящих с Духами, они успели настолько заморочить людям головы, что те искренне верили, будто завывания этих старых недоумков наделены колдовской силой.

— Но ведь магия и правда существует, — возразила королева.

Король кивнул.

— Да, но мы видели только небольшие ее проявления. Охотники на Островах, владеют магией огня и могут призывать диких животных. Но я никогда не видел, чтобы колдовство давало полную власть над другими людьми. Впрочем...

— Ты веришь, что такая магия существует? — спросила Лерисса.

— Я поверю во что угодно, лишь бы это придало мне сил, — засмеялся Гассем.

* * *

С искренним восхищением король Гассем наблюдал, как военный корабль маневрирует в маленькой гавани Города Победы. Вместе с королевой он сидел на складном кресле у края длинного мола. В честь их появления, пристань была украшена дорогими тканями и цветами из оранжереи, ранее принадлежавшей храму богини цветов. День выдался яркий, солнечный и на диво безоблачный, хотя все признаки указывали, что скоро начнется сильный шторм. Впрочем, такое нередко случалось в это время года.

За спиной у королевской четы и на соседних причалах собралась огромная толпа народа. По внешнему виду людей нетрудно было определить, как изменился облик города при новом правителе. Здесь было множество шессинов и женщин-островитянок, присоединившихся к своим мужьям. Местное население тоже выглядело не так, как раньше. Многие рабы теперь получили свободу и служили новым хозяевам,

пытаясь во всем подражать завоевателям. Мужчины отращивали длинные, как у шессинов, волосы, а женщины, носившие прежде вычурные, со множеством складок, одежды, теперь на манер островитянок одевались в простые платья и набрасывали на плечи накидки. Кое-кто даже пытался подражать королеве и ее придворным дамам, которые вообще почти не прикрывали свои великолепные тела, однако отнюдь не все выглядели столь же привлекательно.

Мореход по имени Голба наблюдал за своими гребцами, которые старались в такт, без единого всплеска, погружать в воду весла, поднимать их над поверхностью, когда кораблю предстояло замедлить ход и резко опускать, чтобы судно остановилось.

Гассем подал знак, и четыре большие лодки отделились от причала и устремились в гавань. Каждая из них была раз в шесть меньше галеры и несла по пяти гребцов с каждого борта. Галера стала их преследовать. Обладая превосходящим числом весел, она могла двигаться намного быстрее, но каждый раз, когда судно подходило к одной из лодок, та ускользала, резко меняя курс или разворачиваясь. Чтобы не упустить беглянку, галере приходилось замедлять ход и таким образом терять драгоценное время.

— Так я и знал, — воскликнул Гассем. — Военный корабль двигается быстро, но он не столь подвижен.

— Лодки могли бы обогнать судно, если бы на борту было меньше народу, — сказала королева.

— Люди, что находятся там, изображают воинов, которых нам нужно доставить с Островов в следующем году, — пояснил король. — Я должен быть уверен, что они смогут пробиться через блокаду. К тому же большие корабли еще менее маневренные, чем эта галера.

— А вдруг противник также станет использовать небольшие суда? — спросила Лерисса.

— К тому времени, как они до этого додумаются, мои воины уже окажутся на материке. А на будущий году я буду иметь флот, достаточно сильный для того, чтобы предотвратить нападение противника с моря. Теперь взгляни на это... — Гассем подал знак, и высокий воин взмахнул длинным красным вымпелом.

По сигналу, лодки развернулись и атаковали галеру. Каждая пыталась занять наиболее выгодную позицию у кормы корабля, но действовали они разобщенно. Толпа с берега радостно приветствовала появление первых воинов на палубе захваченного корабля. Те были вооружены тренировочным оружием — тупыми копьями, легкими дубинками и бу-

лавами. С палубы корабля в нападающих полетели затупленные стрелы. Оружие обеих сторон было помечено яркими красками, чтобы потом можно было определить, кто больше попал в цель. За учебным боем наблюдали находящиеся на судне опытные воины.

— Славная возможность поразмяться, — усмехнулся король. — Лодки орудуют достаточно умело, но им еще предстоит научиться лучше согласовывать свои действия. — Гассем, как и все наблюдающие за учебным боем зрители, от души захохотал, когда высокий воин свалился за борт и, беспорядочно хлопая по воде руками, пытался удержаться на ее поверхности.

— Им нужны щиты поменьше, мой король, — предположил вождь асаса, который стоял за плечом Гассема. — Большие щиты мешают двигаться по палубе.

— Нет, — возразил другой командир. — Большие щиты нужны для защиты от стрел и камней. Но те, кто пойдет в атаку, могут сменить свои щиты на меньшие.

— Вы оба правы, — заметил король, выслушав обоих. — И еще нам потребуется очень много коротких мечей. Смотрите, воины могут использовать копья, только пока находятся в лодках. На борту корабля они бесполезны.

Лерисса позволила себе ненадолго отвлечься. Мужчины обожают увлеченно обсуждать мельчайшие подробности сражений. Сейчас они забавляются, словно дети, но в настоящем бою все куда серьезнее. Он будет кровавым и жестоким.

За прошедшие месяцы королева привыкла слушать рассказы Денияз о великолепии королевских дворов. Члены королевских семей и высшая знать жили в свое удовольствие, проводя время в развлечениях и интригах. Гассем считал, что такое существование бессмысленно, но Лериссе оно казалось не столь уж непривлекательным. Какой смысл завоевывать весь мир, если не пользоваться плодами этих побед? Суровой жизни можно было вдоволь хлебнуть и в воинских общинах шессинов!

Гассем ценил власть ради нее самой, тогда как Лерисса мечтала о тех удовольствиях, которые эта власть может дать. Конечно, властвовать, возвышаясь над остальными, приятно само по себе, но, на ее взгляд, этого все же недостаточно. Пусть рабы ползают у ее ног, но при королевских дворах дамы развлекаются куда более изысканно. Денияз рассказывала о некоторых таких развлечениях: наркотиках, усиливающих ощущение наслаждения, и разнообразии любовных игр, неведомых на Островах. Но больше всего королеву интересовали интриги. Ни одна женщина ее народа не могла сравниться с Лериссой по положению, но всем этим она была

обязана Гассему. И когда островитяне чествовали ее, они просто выказывали одобрение избраннице короля. На самом деле, они ценили только силу и воинское искусство. Однако интриги должны были помочь королеве добиться истинной власти. Пару недель назад Деният заметила, что королева, возможно, могла бы развлечься перепиской с некоторыми придворными дамами из Неввы, Чивы или Омайи. Эта мысль удивила Лериссу, ведь ее супруг воюет с Пашаром.

В ответ Деният лишь рассмеялась, — теперь, оставаясь наедине с королевой, она вела себя куда более вольно.

— Нет, госпожа, это никому не покажется странным! Война — мужское дело, и отношения между знатными дамами их не заботят. Однако, после окончания войны нередко победители и побежденные стараются скрепить новые отношения, устраивая браки между своими отпрысками.

Лерисса провела рукой по волосам женщины, поражаясь, какие неожиданные мысли рождаются в этой голове. Впрочем, эта идея показалась ей любопытной.

— И кому же, ты полагаешь, мне стоит написать ко двору Пашара?

— Лучше всего — принцессе Шаззад, моей кузине. Она единственная в Невве, кто равен тебе по положению. К тому же она далеко не глупа и понимает, что ее отец — старик, проигравший Гассему важную битву. Меня ничуть не удивит, если принцесса и сама уже подумывает о том, чтобы наладить отношения между вами.

Зная непредсказуемый нрав своего мужа, королева спросила у Гассема дозволения вести такую переписку.

— Делай, что хочешь, — пожал плечами король. — Все равно эта Шаззад скоро станет твоей рабыней, так что в этом не будет особого вреда. Но какую пользу ты хочешь получить от такой переписки?

— Шаззад может быть известно многое из того, что не узнают твои соглядатаи.

— Но если она умна, то никогда тебе этого не расскажет, — возразил Гассем. — Либо, наоборот, солжет, чтобы ввести тебя в заблуждение.

— Уверена, что смогу распознать обман, — уверила мужа Лерисса.

— Тогда действуй. Однако, придерживайся той же тактики, что и со своими соглядатаями: все подвергай двойной проверке. И пусть каждое полученное письмо тебе читают несколько разных людей, чтобы ты могла быть уверена в том, что правильно поняла все, о чем там говорится.

— Ты совершенно прав. Порой мне кажется, что бы-

ло бы неплохо и самой научиться читать. Не думаю, что это искусство окажется слишком сложным.

— Поступай, как считаешь нужным, — дал согласие король.

Писцы, бывшие у королевы в услужении, объяснили ей, что искусством чтения лучше всего овладевать с детства, однако, к своему удивлению, Лерисса обнаружила у себя немалые способности. К тому же сам процесс обучения увлекал ее. Понемногу она даже научилась разбираться в картах. Постепенно королева узнавала, насколько сложен окружающий ее мир. Города — это не просто увеличенные в размерах деревни, — там жизнь куда более сложная и запутанная, а жрецы и торговцы занимают порой куда более важное место, нежели воины. Кроме того, их интересы зачастую переплетаются. Что касаются государств, то они напрямую зависели от городов и развивались на протяжении многих столетий, когда на престоле сменялись не только короли, но и целые династии. Порой королева подолгу лежала ночами без сна, размышляя о том, что в истории этих земель все победоносные завоевания Гассема, возможно, так и останутся лишь крохотной страницей...

«Дражайшая сестра моя, королева Лерисса, я была счастлива получить твое послание. До сих пор для меня ты была лишь одной из многих, кто следует за могущественным завоевателем — королем Гассемом...»

Когда Денияз дошла до этих строк, внимательно слушавший ее Гассем усмехнулся с довольным видом. Денияз продолжила чтение:

«Между прочим, мне довелось увидеть твоего царственного супруга в день той роковой битвы, когда он говорил с моим отцом...»

— Еще бы ей не считать ту битву роковой, ведь Пашар ее проиграл! — воскликнул Гассем. — Так, стало быть, эта девица, что сопровождала короля, была принцессой Шаззад... То-то она показалась мне похожей на нашу малышку Денияз...

— Они с Шаззад — двоюродные сестры, — пояснила Лерисса. — Читай дальше.

«Я весьма досадую на то, что наша встреча невозможна из-за ведущейся войны. Не столь часто выпадает возможность пообщаться с умной и красивой женщиной, равной тебе по положению. Двор моего отца, в основном, состоит из мужчин и, полагаю, у вас все обстоит точно так же. Эти беско-

нечные военные советы делают придворную жизнь невыносимо тоскливой. На меня нагоняют скуку эти постоянные переговоры и приемы послов из Чивы и Омайи».

— Ложь! — прорычал Гассем. — Ведь твои соглядатаи доносили, что у Пашара и Оланда Омайского весьма прохладные отношения...

— Ну, конечно, она лжет, мой дорогой, — засмеялась королева. В своих посланиях я тоже лгу и лукавлю. Несомненно, мы еще скажем друг другу немало неправды. Однако, наша задача — выделить среди этой лжи редкие зерна истины.

Король захохотал, и Лерисса вздрогнула от неожиданности. Она так редко слышала его смех!

— Ладно, я так рад, что ты, наконец, нашла себе игру по душе. К тому же, похоже, ты в ней преуспела. — Гассем сжал руку королевы. — Впрочем, меня это не удивляет. Как-никак мы с тобой не совсем обычные люди.

Лерисса с улыбкой взглянула на своего мужа. В такие мгновения любовь к нему затопляла ее сердце.

«...досадно, что все достойные внимания молодые люди только и думают, что о верховой езде, поединках и военных упражнениях. Меня это очень огорчает. Полагаю, что тем же самым занимаются и превосходные воины твоего супруга».

— Эта женщина и впрямь столь глупа или просто хочет такой казаться? — полюбопытствовал король.

— Полагаю, она отнюдь не дура, но очень старается выглядеть глупее, чем на самом деле, — откликнулась Лерисса.

— Понимаю. Я видел ее лишь мельком, но мне она показалась умной и сильной женщиной. Было бы жаль ошибиться.

«...мне показалась знакомой рука, что писала твое послание. Неужто ты взяла к себе на службу мою беспутную двоюродную сестру Денияз, доставившую нам всем столько огорчений? Когда твой супруг захватил город, она находилась во Флории, будучи изгнанной из столицы и до сих пор не вернулась. Напомню, что женщин столь знатного рода отправляют в изгнание лишь за вполне определенные проступки...»

Денияз прервала чтение, вспыхнув от гнева и стыда, а король с королевой с довольным видом рассмеялись.

 Стиснув зубы, Денияз продолжила:

«Чудесно, что теперь между нами возникла эта связующая нить. Я всегда относилась к Денияз с любовью, несмотря даже на ее не вполне уместные предпочтения...»

Забывшись в ярости, Денияз швырнула на пол пергамент.

— Мерзавка! — выдохнула она. — Эта гадина воображает, будто ей все позволено лишь потому, что она королевская дочь! Знали бы вы, чем она сама занимается на своих проклятых обрядах...

— Каких еще обрядах? — удивилась королева.

— Она — верховная жрица одного из запретных культов, но ее никто не осмеливается тронуть, опасаясь гнева отца.

Лерисса с живым интересом подалась вперед.

— А теперь расскажи нам поподробнее обо всем, что касается твоей сестры...

Глава седьмая

На столе перед Гейлом лежали карты и свитки. Увы, но сведения их были не слишком полны и достоверны.

– На юго-запад нам придется двигаться через Зону, – произнес он задумчиво.

– Неужели это так необходимо? – удивился Йокайм, один из вождей матва.

– Да, потому что отношения между Неввой и Омайей складываются не лучшим образом. Я просил короля Оланда дать нам дозволение беспрепятственно пройти через его земли, но он ответил отказом, хотя и сопровождая его тысячами извинений. Мне кажется, Пашар не сумел с ним договориться.

– И тем не менее ты готов рискнуть? – нахмурился Нарайя.

Гейл кивнул.

– Да, мы зашли слишком далеко, чтобы отступать. К тому же я все равно собирался разведать, что творится в Зоне. Теперь предоставился удобный случай сделать это. Меня тревожит то, что близ наших земель лежит огромная территория, о которой нам известно даже меньше, чем о джунглях, что простираются за пределами южных королевств.

– Эти земли безжизненны. Что еще тебе нужно знать? – сказал Йокайм.

– Ничего. Мы пройдем вдоль рек или ручьев, которые нанесены на карту.

– А ты не опасаешься враждебности обитателей Зоны? – спросил Нарайя.

– Это невозможно предугадать, – отозвался Гейл. – Однако, я надеюсь, что жители засушливых земель должны очень ценить воду, и я приготовил для них подходящие дары. Возможно, это облегчит нам путь.

– Говорят, там обитают колдуны, – промолвил Йокайм, невольно понизив голос до шепота.

– Если это так, то мы тем более должны убедиться в этом, – возразил Гейл. – Нам нужно наладить отношения с обитателями Зоны. Возможно, они пожелают торговать с нами.

Йокайм ухмыльнулся.

— Не думаю, чтобы мы нуждались в том, чем владеют тамошние дикари.

— Я предпочел бы выяснить это наверняка, — просто ответил Гейл.

Холодным хмурым утром отряд двинулся в путь. Сперва Гейла сопровождали лишь тысяча всадников матва, но, по мере продвижения по равнине, к нему присоединялись все новые отряды, пока, наконец, численность войска не достигла шести тысяч копий.

До этого им и прежде приходилось расставаться с Диеной, но на сей раз Гейла почему-то не покидало гнетущее предчувствие, и он подумал невольно, не окажется ли это расставание последним. Сыновья просились в поход вместе с ним, и он ответил так, как говорят все отцы в таких случаях: «Может быть, в другой раз».

На безоблачном небосводе ярко сияло солнце. Кабо ровным шагом трусили по равнине. Впервые за долгое время Гейл смог вздохнуть свободно. Бесчисленные хлопоты и тревоги остались позади, а перед ним простирались новые земли. По крайней мере теперь он на время избавится от скученности в тесных домах и от утомительных бесконечных обсуждений повседневных забот.

Гейлу не терпелось попасть в Зону. Настолько загадочной была эта земля, что никто не ведал даже ее названия. За ней же лежала Невва и море, и... Да, и, разумеется, там был Гассем.

Все новые и новые отряды присоединялись к ним, приветствуя короля громкими возгласами и лязгом оружия. Яркие стяги украшали наконечники длинных копий. Бронзовые доспехи сверкали под лучами солнца. Гейлу приятно было осознавать, что столь великолепное войско повинуется его приказам.

Бескрайняя равнина простиралась перед их взором. Помимо людей и прирученных ими животных здесь обитали также дикие кагги, мохнатые жирные туны, стада пугливых ветвероrов и винторогов. Войску хватало мяса для пропитания, и потому Гейл отдал приказ охотиться, а не тратить запас провизии, взятый с собой. Возможно, там они не смогут найти, чем поживиться, и сейчас излишки мяса вялили на солнце, подвешивая прямо к седлам, чтобы запастись на будущее.

Вечером воины на привале усаживались вокруг костров, распевали песни и рассказывали походные байки. Несмотря на то, что здесь были представители многих племен, споры и разногласия редко возникали между ними, и король всегда мог усмирить зачинщиков. Все его люди в первую очередь ощущали себя частью войска, и это объединяло их.

Бесчисленные хищники и пожиратели падали, привлеченные запахом свежей крови и жарящегося мяса, постоянно кружили близ лагеря. Вид этих тварей внушал ужас. Здесь были острозубые летучие мыши, гигантские степные коты и птицы-убийцы — нелетающие твари с сильными ногами, украшенными когтями, похожими на кривые кинжалы, и крупными головами, не меньше, чем у кабо.

На восходе луны каждый вечер Гейл, глядя на ее испещренный шрамами лик, произносил привычную молитву племени шессинов и просил ночное светило простить людей за раны, нанесенные ему в прошлом.

Хотя новый вождь степняков давно порвал все связи, роднившие его с шессинами, отказался от их верований и запретов, этот единственный обряд он соблюдал до сих пор. Давным-давно, в эру Великого Колдовства, люди метнули огненные копья и поразили ими луну. Впрочем, никто уже толком не помнил, что случилось на этой войне, и все народы по-разному толковали эту историю.

Несмотря на то, что их войско шло сейчас по родным землям, Гейл сразу стал требовать от своих людей особого порядка построения, которого следует придерживаться и на враждебных территориях. В авангарде, на флангах и в арьергарде скакали всадники, под защитой которых находились пешие воины, в том числе и прекрасно обученная личная гвардия короля. Каждый воин на марше четко знал свое место, а командир мог уследить за подчиненными. Поначалу люди были не слишком довольны, когда Гейл ввел подобные порядки, и роптали, что истинному воину подобная дисциплина ни к чему, однако вскоре они осознали, что именно она делает их практически непобедимыми, и отныне во всем повиновались Гейлу.

В отсутствие обоза ничто не могло замедлить продвижение армии. Несколько вьючных животных тащили на своих спинах тяжелое оружие и походные шатры; иных тяжестей с собой не брали. Всадники были готовы к тому, что поход окажется нелегким, и стремились сохранить способность быстро передвигаться — в этом заключалось одно из преимуществ войска Гейла.

Главным оружием всадников были луки. Это освобождало их от необходимости вступать в ближний бой, а значит, и от тяжелых доспехов. Толстые куртки из нескольких слоев кожи и небольшие кожаные щиты надежно защищали их тело, а прочные шлемы — голову. Некоторые всадники вообще не носили доспехов, полагаясь на свое искусное умение прикрываться щитом от вражеских стрел и копий.

Гейл знал, что создал очень сильную армию, в которой отвага и воинское искусство сочетались с железной дисциплиной. Однако до сих пор его войско не опробовало свои силы в схватках с регулярными армиями цивилизованных стран. Судьбе было угодно испытать боеспособность войска Гейла в сражении с закаленной в боях пешей армией его молочного брата.

Эта мысль тревожила Гейла. Ему не хотелось думать о том, что придется воевать со своими соплеменниками. Шессины обошлись с ним жестоко и несправедливо, но в Гейле до сих пор не угасли воспоминания юности. Он помнил дружбу со своими братьями по воинской общине. И до сих пор не забыл женщину, которую любил... и которая предала его.

Десять дней спустя войско достигло предгорий. Люди Гейла были полны решимости продолжать переход, однако уверенность в своих силах, окрепшая во время удачного похода, могла их подвести. Перед ними лежали неизведанные земли. Племена, объединенные властью Гейла, безраздельно владели Равнинными Землями, но никогда не пересекали этих гор, за которыми обитали люди, пользовавшиеся дурной славой колдунов.

Впрочем, сейчас гораздо больше, чем неведомые маги, Гейла волновал климат этих мест. Он внимательно осмотрел едва слышно шелестевшее зеленое море травы, затем взглянул на плывущие по небу облака.

— Здесь много травы, — произнес он, — и она весь год остается зеленой. Однако сразу за горами начнутся Пустынные Земли, а ведь эти горы не такие уж и высокие. Почему же тогда с той стороны так сухо?

— На тех землях лежит проклятие, — сказал Бамиан, один из эмсийских военачальников. — Говорящий с Духами моего племени рассказывал, будто сама Луна прокляла это место, потому что именно отсюда родом были те люди, что метали в нее огненные копья.

— Неплохое объяснение. Впрочем, не хуже любого другого. Так или иначе, но нам придется во всем разбираться самим, — промолвил Гейл. — Сегодня мы встанем здесь лагерем. Проследите, чтобы кабо напоили как следует. Потом пусть каждый наберет столько травы, сколько сможет унести его скакун. Неизвестно, что нас ждет по ту сторону гор, и я не хочу, чтобы нам пришлось задержаться из-за того, что животных будет нечем кормить.

Повинуясь королевскому приказу, воины взялись за работу. Большинство из них питало отвращение к любому труду, кроме ратного, но они любили своих кабо и были

готовы на все, чтобы их скакуны не испытывали ни в чем нужды. Вскоре мужчины рассыпались по равнине, срезая охапки сочной зеленой травы деревянными изогнутыми серпами с кремневыми пластинками, насаженными по внутреннему краю, и связывая небольшие снопы. Обычно такую работу выполняли в племенах женщины, но в военном отряде у мужчин не было иного выбора.

К Гейлу, который наблюдал за необычной сценой, подъехал Иокайм, полускрытый за вязанками травы, притороченными к седлу.

— Это зрелище стоит проделанного пути: эмси за работой!.. Хорошо еще, что их сейчас не видят женщины. Они и впрямь очень преданы тебе, Гейл.

Тот улыбнулся:

— Просто они не хотят идти пешком. Они прекрасно знают, что голодный кабо не понесет на себе всадника. Там, куда мы направляемся, без кабо нам не выжить.

Когда фуража было заготовлено достаточное количество, Гейл решил, что солнце стоит еще высоко и отправиться в горы можно еще сегодня. Разведчики уже осмотрели ущелье в скалах, узкое, но вполне проходимое. По каменистому дну стремился бурный поток, и его рев был единственным звуком, нарушающим мертвую тишину этих мест.

Тьма опустилась на землю, задолго до того как войско достигло вершины горного хребта, и Гейл скомандовал привал. Все постарались устроиться на ночлег с наибольшими удобствами, насколько это было возможны в столь негостеприимном месте. Воины разожгли костры из веток сухих колючих кустарников и немногочисленных деревьев, чудом выросших на скудной почве. Кабо отпустили пастись среди остатков зеленой травы.

Это было весьма странное место, но если тут и обитали злые духи, Гейл не почувствовал никакой враждебности. В мерцающих отблесках заката он мог наблюдать странную картину. На северных склонах гор клубились огромные белые облака, но их продвижение словно бы останавливала незримая стена. На юге небо было совершенно чистым. Это необъяснимое явление почему-то вселило в него тревогу.

Воины стали укладываться на ночлег рядом со своими кабо. Им явно не нравилось это место, и было видно, что по первому сигналу командиров они с удовольствием отправятся дальше. Этой ночью вокруг костров даже не было слышно привычного пения.

Несмотря на все недобрые предчувствия, ночь прошла спокойно. Задолго до рассвета воины уже оседлали

кабо и были готовы двинуться в путь. С первыми же лучами солнца длинная колонна всадников осторожной рысью, а порой даже переходя на шаг, устремилась вперед. Гейл возглавлял войско, так как хотел первым услышать доклады посланных вперед разведчиков. Вскоре те наткнулись на очередное ущелье и углубились внутрь, чтобы проверить, не поджидает ли там какая-нибудь опасность.

Присоединившегося к ним Гейла потрясло открывшееся ему зрелище. Над этим ущельем явно потрудилась рука человека. Узкая тропинка превратилась в широкую дорогу, выложенную камнем, словно мостовая городской улицы. У одной из стен ущелья стояла огромная статуя высотой в три человеческих роста, изображавшая крепкого, коренастого мужчину. Его ноги походили на стволы деревьев, тело прикрывала короткая, не достигающая колен рубаха. Одна рука изваяния была отставлена в сторону, другая согнута в локте и сжата в кулак таким образом, что с первого взгляда становилось ясно: некогда он держал какой-то предмет, не выдержавший испытания временем. Лицо мужчины обрамляла длинная лопатообразная борода, спускавшаяся на грудь причудливыми завитками. Нос напоминал загнутый птичий клюв, густые брови были свирепо сдвинуты. Чело венчал высокий головной убор, обвитый венком из листьев.

Напротив изваяния стена сплошь была испещрена какими-то письменами. Строчки состояли из символов — они представляли собой вертикальную линию, от которой отходили в стороны прямые и волнистые черточки. Можно было насчитать по крайней мере сотню таких строчек, выбитых в камне. Верхние терялись во мраке ущелья. Воины в тревоге уставились на поразительную картину.

— Ты когда-нибудь видел что-либо подобное? — воскликнул Иокайм, подъехавший к королю вместе с другими командирами.

Гейл покачал головой:

— В Невве и Омайе я повидал немало статуй, но ничего похожего на эту. Думаю, это изваяние было высечено много веков назад.

От статуи и впрямь веяло грубой и жестокой мощью. невванские скульптуры казались куда более изысканными и утонченными.

— И что же гласят эти письмена? — спросил командир эмси.

— Не знаю.

— А я-то думал, ты умеешь читать, — засмеялся Иокайм.

— Существует немало различных видов письменности, и эта мне незнакома. Не удивлюсь, если надписи не под силу прочесть никому из живущих. Но сейчас нам следует взглянуть, что находится по ту сторону прохода.

Они направились дальше, и копыта кабо звонко зацокали по мощеной дороге, эхом отражаясь от высоких стен ущелья.

— Должно быть, немалых трудов стоило создать такое, — заметил Гейл.

— Да, если только они не были гигантами, подобными этому каменному парню!

— Гигант он, бог или король... кто знает? — возразил Гейл. — Если бы я смог прочесть, что написано на стене, возможно, мы узнали бы это.

— А может, в камень был обращен настоящий великан? — предположил второй командир эмси. — Может, он сторожит ущелье?

— Но ведь нас он даже не пытался остановить, — засмеялся Гейл. — Так что если он и правда страж, то совсем никудышный.

— Возможно, он чувствует, что мы пришли с миром, — пожал плечами Иокайм. — Или же понял, что ты и сам — великий король.

Гейл пристально покосился на говорившего, пытаясь определить, не смеется ли тот над ним. У матва никогда не поймешь, шутят они или нет, поскольку лица их в любом случае остаются совершенно бесстрастными.

Вскоре они оказались у выхода из ущелья, и их взорам открылась бурая безжизненная равнина, простиравшаяся до самого горизонта. То тут, то там на ней проглядывали островки скудной растительности.

— Теперь многое стало понятным, — сказал Гейл, глядя на высившиеся у горизонта скалы.

Хребты гор тянулись с севера и здесь обрывались, так что от равнины внизу их отделяли тысячи футов. Король вспомнил, что резкий перепад высот влияет на движение облаков: горы словно становятся преградой на их пути. Снизу дул сильный ветер.

В мощных воздушных потоках парили ширококрылые птицы — единственные живые существа, которых здесь можно было увидеть.

— Если тут есть зелень, стало быть, где-то найдется и вода, — предположил Бамиан.

— Стало быть, эти земли не совсем бесплодны, — добавил Иокайм. — Хотя выглядят они не слишком гостеприимно.

— Мы ведь не собираемся здесь поселиться, — пожал плечами Гейл. — Нам лишь нужно пересечь равнину, и чем скорее, тем лучше.

— Хорошо, что мы захватили с собой траву, — заметил Бамиан, окидывая взглядом сухую, растрескавшуюся землю.

Спуск в долину оказался проще, чем виделось на первый взгляд. Вымощенная камнем дорога шла по южному склону, мягко понижаясь и огибая естественные препятствия.

— С той стороны, откуда мы пришли, наверное, тоже когда-то была дорога, — вслух размышлял Гейл, — но за прошедшие века дожди и ветры уничтожили ее. Здесь же климат сухой, и поэтому она сохранилась.

Его спутники молча кивали с понимающим видом, но на самом деле никто из них не мог себе вообразить отрезок времени, больший, чем человеческая жизнь, и никто не верил, что все это сделано руками простых смертных.

Они даже не заметили, когда наконец закончился спуск, потому что у подножия гор почва была засыпана слоем каменно крошки. Окружающий мир оказался отнюдь не был таким безжизненным, каким казался сверху. Тут и там виднелись пятна бурой растительности с редкими вкраплениями маленьких, но ярких цветов.

Животные также обитали в этих местах, хоть их и было куда меньше, чем на Равнинных Землях. Вослед кабо из укрытий выглядывали различные маленькие существа, с удивлением посматривавшие на невиданных здесь пришельцев. Гейл, как обычно, с интересом разглядывал неведомых животных. Здесь были млекопитающие, рептилии и нелетающие птицы с тусклым защитным оперением. Почти все вели себя одинаково: совершали длинные стремительные прыжки, а затем распластывались по земле, застывая без движения. Гейл пришел к выводу, что хищники в этих краях чаще всего нападали с воздуха, — в противном случае подобное поведение казалось бессмысленным.

— Здесь, похоже, нет крупных хищников? — поинтересовался Бамиан, оглядываясь по сторонам с таким видом, словно это его огорчало.

— Крупным хищникам нужны крупные жертвы, — ответил Иокайм. — Но это не означает, что здесь безопасно. Мелкие твари порой способны принести вреда не меньше, чем большие.

— Ближе к ночи мы сможем увидеть множество других хищных созданий, — предупредил Гейл. — Не сомневаюсь, здесь есть и более крупные животные, в том числе и те, что могут нападать на человека. Я ощущаю их присутст-

вие. Так что нынче мы выставим хорошо вооруженную верховую охрану.

Никто не усомнился в словах короля. Все уже не раз убеждались в его способности чувствовать диких животных на большом расстоянии, и считали это совершенно естественным. Вскоре один из разведчиков обратил внимание остальных на странные следы. Никто не видел ранее ничего похожего. Существа, оставившие их, имели толстые, вывернутые наружу пальцы с длинными кривыми когтями.

— Какая тварь могла оставить такие следы? — удивился один из эмси.

Даже Гейлу трудно было вообразить себе облик этого чудовища. Судя по всему, по большей части оно передвигалось на двух конечностях, но иногда опускалось на все четыре лапы, причем их отпечатки выглядели еще более странно: следы двойных крючков были полустерты то ли свободно свисающим мехом, то ли складками кожи.

— Ладно, на сегодня довольно, — объявил наконец Гейл. — Пора подумать о ночлеге. Лагерь нужно разбить у воды. Пусть разведчики проследят, куда ведут эти следы. Там, где они сойдутся, и будет водоем.

Обрадованные близким отдыхом, разведчики двинулись по следу. Арьергард войска пересек горы, и Гейл смог позволить людям немного расслабиться.

Вскоре мощеная дорога ногами исчезла. Возможно, она была построена лишь для того, чтобы облегчить переход через горы, но Гейл подозревал, что в свое время она пересекала также и пустыню, а теперь оказалась поглощена песками.

Разведчики вернулись лишь поздно вечером. Они обнаружили подходящий водоем — неглубокий пруд, берега которого были истоптаны многочисленными следами. Кабо разделили на небольшие группы, чтобы, утоляя жажду, те не слишком замутили воду и напиться смогли бы все животные.

— Да, не по душе мне эти места, — заметил Гейл. — И воды явно недостаточно...

Сразу после восхода луны, люди внезапно вскочили на ноги от пронзительный крика. Он был настолько жутким, что дрожи не могли сдержать даже храбрецы.

Гейл приказал людям затихнуть, но его никто не услышал. Как будто в ответ на первый жуткий вопль прозвучал другой, не менее устрашающий. Вскоре душераздирающие крики неслись уже со всех сторон. Гейл попытался определить источники звуков, но это ему не удалось. Он прикрикнул на своих людей, чтобы те замолчали, однако паника в отряде нарастала, и Гейл не мог сосредоточиться. Обычно даже в

ночной тьме он мог указать место, где находится крупный зверь, но сейчас оказался не в силах сделать это. Среди царящей неразберихи эти существа каким-то образом скрывали себя. Несомненно, твари были многочисленны и весьма проворны. Это было единственное, что удалось ощутить Гейлу. Как же эти создания могли так бесшумно передвигаться во тьме?

— Берегите кабо! — закричал он и тут же ощутил, что чудовищ охватывает беспокойство.

Окрик короля заставил людей на время забыть страх и позаботиться о животных. Кабо, обезумев, беспорядочно носились повсюду, сталкиваясь друг с другом, и воинам Гейла стоило огромного труда усмирить скакунов, хрипящих, закатывающих глаза и клацающих зубами от страха.

Совершенно взбесившиеся кабо наконец повалили ограждение и, охваченные слепым ужасом, рванулись в ночь. Неожиданно пронзительные крики сменились негромким рычанием и возбужденным визгом.

Переменилось и направление, откуда исходили вопли. Гейл понял, что чудовища оставили в покое людей и перегруппировались, намереваясь, преследовать вырвавшихся на волю кабо. Король взмахнул рукой, призывая к себе ближайших воинов.

— Все за мной! — закричал он. — Иначе они погубят наших кабо... Вперед!

Несмотря на то, что шум и завывания продолжались, отряд ощутил облегчение, ведь теперь стало ясно, что неведомые чудища ведут себя как обычные хищники у них на равнине.

— Перед нами обычные падальщики! — воскликнул Гейл, стараясь подбодрить своих спутников. — Они охотятся по ночам, и поэтому голос — их единственное оружие. Нужно уничтожить этих тварей, чтобы спасти наших кабо!

Несколько человек уже успели зажечь факелы. Под призрачным светом луны, заливавшим землю, они бежали по пустыне, и вдруг какая-то тень мелькнула между ними и кабо, захрипевшими от ужаса. В мерцающем свете факелов его глазам открылось пространство, заполненное какими-то темными силуэтами, исторгавшими невыносимые вопли. Гейл побежал еще быстрее и через какое-то время обернулся и заметил, что далеко оторвался от своих спутников. Подобно всем шессинам, Гейл был превосходным бегуном, и ни матва, ни, тем более, эмси, выросшие в седле, не могли тягаться с ним. Король сознавал, что подвергает себя опасности, но не мог бросить любимых животных на произвол судьбы.

Он побежал быстрее и вскоре очутился рядом с кабо.

Существа, что их окружали, были ростом с человека. Один из них метнулся к Гейлу, но тут же наткнулся на копье. Лезвие вошло в плоть, и существо истошно засвиристело. Его собратья скопом обернулись к Гейлу. Во тьме толком было ничего не различить, однако Гейл видел, как сверкают клыки в лунном свете, и вдруг осознал еще одну странность: он не мог уловить привычного блеска на мордах созданий, там, где должны располагаться глаза.

Кабо сгрудились и приготовились к защите от нападавших. Первую же неосторожную тварь скакун поддел рогом и швырнул в воздух. Существо истошно завопило, и тут же Гейл с копьем в одной руке и с длинным мечом в другой ворвался в толпу чудовищ, нанося удары во все стороны. Однако, эта атака не принесла почти никакого результата.

Гейл вознамерился отступить, но тут первые из матва подоспели на помощь с факелами в руках. Лишь теперь Гейл смог различить тех, с кем сражался. Эти странные создания напоминали людей с небольшими шишкообразными головами, пастями, полными острых зубов, и огромными оттопыренными ушами.

Началось настоящее побоище: воины били врагов копьями, мечами, приканчивали их палицами с каменными наконечниками.

К месту схватки, наконец, подоспели и эмси, и один из них догадался вскочить на кабо верхом. Отгоняя нападавших тварей своей дубинкой, он сумел вывести своего скакуна из толчеи и бросился обратно в лагерь.

Немало тварей нашли свой конец на этой равнине, а прочие отступили и растворились в спасительном мраке, — прочь от света факелов и смертоносного оружия. И, наконец, все затихло.

— Что это было? — воскликнул один из воинов.

— Понятия не имею, — откликнулся король. — Нам нужно вернуться в лагерь. Прихватите с собой тела нескольких тварей — днем постараемся разобраться, с кем мы имеем дело.

Прикасаться к омерзительным существам никому не хотелось, и все же воины обвязали их веревками и поволокли за собой. Внезапно душераздирающие вопли послышались вновь, и к Гейлу подъехал Иокайм с факелом в руках.

— Они жрут собственных мертвецов, — скривившись от отвращения, сказал он. — Вот уж никогда бы не подумал, что призраки способны на такое.

— Почему ты решил, что это призраки, — удивился Гейл. — Обычные падальщики. Не думаю, что они так уж опасны. Чтобы убить какое-нибудь животное, они вынужде-

ны сперва загонять его до изнеможения, а затем навалиться всем скопом. Их делают страшными лишь мрак и эти ужасные вопли.

При свете костров невозможно было толком рассмотреть этих диковинных созданий, и потому Гейл ограничился тем, что выставил вокруг лагеря хорошо вооруженные караулы, а всех прочих отправил спать. Воины, измученные донельзя, повалились на землю. Больше до утра не было никаких причин для беспокойства.

При солнечном свете они взялись изучать то, что ночь оставила им в наследство. Твари оказались еще более диковинными, чем казалось в темноте: покрытые коротким черно-серым мехом, чуть меньше человеческого роста. У них были круглые маленькие головки, посаженные на узких плечах. Рот, скорее, походил на широкую щель с длинными кривыми зубами, а носы были плоскими и треугольными, образованными тонкой перепонкой. В складках почти не было видно глаз, а огромные уши стояли торчком. Еще более удивительными оказались конечности этих созданий. Ноги оказались кривыми и короткими, с бесформенными ступнями, заканчивавшимися не то пальцами, не то когтями. Что касается верхних конечностей, то отчасти они напоминали руки, но были столь длинны, что локтями едва не касались земли. Очень длинными были также и предплечья, а из пяти пальцев на трех имелись ногти. С рук складками свисала поросшая волосами кожа, которую ночью люди приняли за темную одежду.

В полном недоумении воины рассматривали чудовищных тварей, как внезапно один из молодых эмси воскликнул:

— Это не люди! Это огромные летучие мыши, только без крыльев.

— А ведь он прав, — согласился Гейл. — Взгляните на эти кожистые складки. Прежде они были крыльями. Эти твари слепые, поэтому могут охотиться только по ночам.

— Но разве летучие мыши бегают на двух ногах? — удивился один из командиров.

— Почему бы и нет? В этом удивительном месте есть и нелетающие птицы, и летающие ящеры, и какие-то мохнатые сумчатые твари, которые плавают не хуже рыб. Почему бы здесь не быть и двуногим летучим мышам?

Иокайм поморщился.

— Верно, загадок здесь немало. И, думаю, эти проклятые места еще сумеют нас удивить.

Оседлав кабо, они начали дневной переход. Гейл намеревался двигаться на юг, пока не выйдет на запад от Неввы. Шаула прислал ему карты, где центральная и западная

часть Зоны были изображены довольно подробно, однако на эти сведения едва ли можно было полностью полагаться, ведь их составляли добрых два века назад. Хуже всего то, что на этих картах не было никаких сведений ни о воде, ни о возможных пастбищах для кабо. Им очень пригодился бы какой-нибудь проводник из местных, но до сих пор люди не встречались отряду Гейла.

Он огляделся по сторонам. Со спины кабо всаднику открывался широкий обзор. В отличие от его товарищей, Гейл не чувствовал себя чужим в пустыне. Любая земля, даже самая диковинная и непонятная, прежде всего остается землей, у которой есть собственные духи. Гейл дал себе слово, что непременно изучит эти края, узнает все их особенности. Точно так же он поступал на родном острове, затем на море, на побережье, на зеленых равнинах и в стране холмов. Гейл твердо знал, что и в этих краях не встретит для себя неодолимых препятствий.

Глава восьмая

— Государь, еще слишком рано, — заявил адмирал, стоявший на широком кассинском причале рядом с королем Пашаром. Дождь сплошной пеленой скрывал склоны холмов, окружавших гавань. Причал был расположен в северной части порта, где находились доки, сберегавшие флот Неввы до окончания сезона штормов. Когда корабли выступали в поход, то выстраивались перед этим причалом, дабы погрузить на борт необходимые товары и припасы.

Четверо рабов поддерживали балдахин, укрывавший от дождя Пашара и его спутников. Король не сводил взора с морской глади. За пределами гавани он с трудом мог разглядеть скалу, именовавшуюся мысом разбитых кораблей. Там, за ней, на крохотном островке, высился величественный маяк Первин, самое высокое сооружение во всем мире. Все время, пока длился мореходный сезон, рабы безостановочно таскали по лестнице из гладкого отполированного камня корзины, доверху полные масляных кулачных орехов, служивших топливом для громадного костра, что горел наверху башни. Костер этот тушили лишь когда заканчивалась навигация.

— Этот пират Гассем придерживается иного мнения, — наконец, отозвался Пашар. — Судя по донесениям моих соглядатаев, он уже начал переправлять с Островов своих воинов.

— Несомненно, он потеряет многих из них, государь, — заверил короля адмирал.

Кряжистый, крепко сложенный адмирал Хену напоминал причальную тумбу на пирсе. Подобно большинству морских офицеров Неввы, почти всю жизнь он был шкипером торгового судна и превосходно знал каждый поворот береговой линии и все острова, что лежали на торговых путях. В отличие от сухопутной армии, на флоте карьера офицера не могла зависеть от его происхождения или связей при дворе. Морское дело надлежит изучать с ранней юности, многие годы проводить в плаваниях и быть не только способным командиром, но знать также обязанности всех членов экипажа, вплоть до юнг и матросов.

— Соглядатаи доносят мне совсем иное. Гассем боль-

ше не использует купеческие корабли, чтобы перевозить людей. Они прибывают на странных судах, похожих на огромные каноэ с выносными уключинами. За счет легких парусов такие суда очень маневренны. В шторм они убирают паруса, и половина экипажа садится на весла, в то время как другая — вычерпывает воду.

Адмирал поскреб подбородок, поросший небритой щетиной.

— Вы правы, государь, такие корабли примитивны, но тонут очень редко.

— Мы уже знаем, что дикари не страшатся риска, — добавил король, чуть помолчав. — Так что можешь отдать начальнику гавани приказ развести на маяке огонь.

Костер на башне маяка служил знаком, уведомлявшим о начале мореходного сезона. Обычно невозмутимый адмирал воззрился на короля с недоумением.

— Государь, но ведь осталось не меньше месяца до начала навигации!

— Без моего дозволения в море не выйдет ни один корабль, — заявил Пашар. — Однако, уже сейчас они должны начать готовиться к плаванию. Флотские офицеры и матросы должны собраться в казармах. Приказываю, чтобы в течение двух недель корабли были оснащены и подготовлены к долгому походу! Мы отправимся на север, как только погода устоится. Наш путь лежит во Флорию!

— Как будет угодно вашему величеству, — покорно кивнул адмирал.

Выйдя из-под навеса, он отправился отдавать все необходимые распоряжения, и вскоре барабанный бой и звон гонгов огласил огромную гавань.

* * *

Дождь прекратился к полудню, и небо расчистилось, — ничего удивительного для этого времени года. Казалось, все идет, как обычно... В сопровождении придворных дам и рабынь принцесса Шаззад покинула залы дворца, опостылевшие ей за зиму, и вышла на широкую террасу, с которой открывался превосходный вид на город. Служанки принялись тщательно вытирать каменные скамьи и расстилать на них покрывала, в то время, как садовники бросились очищать клумбы от увядших и поломанных растений, которые могли бы оскорбить требовательные взоры знатных дам своим неподобающим видом. Наконец, рабыни принесли подносы с за-

кусками и напитками, приготовили опахала, — и лишь после этого принцесса Шаззад изволила ступить на террасу.

Одежда принцессы как нельзя более подходила для дождливого дня: на ней были просторные жемчужно-серые шаровары, — цвет бога грозы, — и коротенькая голубая туника с белыми полосами. На ногах у нее были легкие атласные туфельки, расшитые жемчугом; и им же были украшены волосы Шаззад, заплетенные в косы.

На фрейлинах принцессы была одежда чуть проще, — в соответствии с их рангом и положением родителей, — но и в ней также преобладали серо-голубые цвета, в тон одеяниям принцессы.

Женщины расположились на мраморных скамьях, и тут же музыканты с балкона заиграли на флейтах и дудочках. Придворные дамы весело обсуждали последние сплетни, интриги и романы, готовые в любой миг поспешить на зов своей госпожи, однако та, похоже, не намеревалась принимать участие в беседе. Последние дни Шаззад казалась очень замкнутой.

Сейчас принцесса с рассеянным видом перебирала засахаренные фрукты, лежавшие на блюде, но, похоже, еда вовсе не привлекала ее. Вообще, в последнее время все ее желания казались какими-то смутными, что отнюдь не походило на Шаззад. Обычно она предпочитала рискованные развлечения, принимала самое живое участие во всех придворных интригах, на которые было так щедро ее окружение. Обычно по утрам она спускалась на конюшню к своим любимым кабо, а вечера проводила с очередным возлюбленным. Как верховная жрица, она вершила ритуалы в нескольких храмах и втайне принимала участие в темных обрядах запретных культов, которые весьма интересовали принцессу. Поскольку ее ранг позволял ей удовлетворять любые капризы, она ни в чем не знала себе отказа.

Но в последнее время былые наслаждения потеряли для нее всякую прелесть. Познав истинную власть над людьми, Шаззад мечтала овладеть ею в полной мере.

Принцесса видела, как люди сражаются и умирают на поле брани, видела грозную силу варваров, способную уничтожить ее королевство, и все прочее меркло в сравнении с этими необычайно яркими впечатлениями. К тому же она знала, что ее действия помогли предотвратить панику, которая могла привести к необратимой катастрофе. Но Пашар, выразив дочери искреннюю благодарность, казалось, напрочь позабыл о ней и больше не обращался за помощью. Это выводило надменную и самолюбивую женщину из себя.

Король Пашар вовсю готовился к войне с Гассемом.

Поначалу он еще приглашал принцессу на военные советы, где обсуждалась будущая кампания, однако вскоре почувствовал, что его советники воспринимают вмешательство женщины в их дела как личное оскорбление, хотя ни один из них, разумеется, не высказал этого вслух. Довольно скоро по Касину поползли слухи, что принцесса Шаззад нарушает все установленные традиции. Шаззад понимала, что отцу куда важнее поддержка придворных, чем ее помощь, и не стала спорить, когда Пашар велел ей отказаться от участия в советах. Принцесса не виделась с отцом уже несколько дней.

За последнее время ее переписка с королевой Лериссой превратилась в весьма увлекательную игру. Да, супруга Гассема была наивна и необразованна, но эти недостатки искупались ее живым природным умом. Впрочем мысли Шаззад куда больше занимал муж этой дикарки. Гассем словно зачаровал принцессу. Она сознавала, что еще никогда в жизни не была так увлечена мужчиной. Иногда Шаззад чувствовала, что не может противостоять влиянию этих чар и полностью покорена королем варваров.

Король Пашар всегда служил для нее примером идеального правителя: сильного, мудрого, иногда, по необходимости, жестокого. Он нежно любил свою дочь, однако ко всем прочим относился с подозрением и недоверчивостью, что отвечало обстановке дворцовых интриг.

Пашар узурпировал трон, но принцесса сознавала, что иначе он поступить не мог — прежний король был не способен управлять государством, а ее отец обладал и волей, и мудростью истинного владыки. Шаззад всегда думала о нем как о короле, даже когда была всего лишь маленькой девочкой, а он — герцогом среди множества равных ему по рангу сановников.

Совсем другим был Гассем — варваром, наделенным могучей природной силой, схожей с силой грозной стихии. Гассем покорял мир, и никто не мог противиться его власти. К тому же он был молод... Перед всем этим меркли сила и величие короля Неввы.

И к тому же Гассем был хорош собой! Теперь Шаззад поняла, что не знала истинной мужской красоты, пока не увидела шессинов. Они были самыми красивыми людьми в мире — и вместе с тем свирепыми грозными воинами. Вспоминая о взгляде Гассема, которым тот смерил ее с головы до ног, принцесса возмущалась до глубины души, но одновременно ее охватывал невероятно сладостный трепет. Шаззад, как только достаточно повзрослела, легко заводила и меняла любовников, но они всегда оставались для нее лишь развле-

чением. Она пользовалась ими и без сожаления бросала, как только они начинали ей надоедать. Принцесса никогда не думала, что может мечтать о мужчине, пока не встретила Гассема. И если он так великолепен, то какова же его королева?

Внезапно одна из придворных дам в удивлении поднялась с места и подбежала к парапету.

— В чем дело? — спросила принцесса, очнувшись от своих невеселых раздумий.

— Смотрите! — закричала женщина, указывая куда-то вдаль. — Маяк!

Теперь вскочили все, и аристократки, и рабыни. Женщины столпились у края террасы.

— Не может быть! — воскликнула одна из них. — Наверное, это просто случайный отблеск. Возможно, рабы полируют бронзовые короба, в которых носят наверх дрова.

— Нет, — возразила Шаззад, прикрывая ладонью глаза от прямых лучей заходящего солнца. — Это сигнал начала мореходного сезона! Я вижу дым!

— Но это же невозможно! — возразила другая дама, жрица морского бога. — Храмовые священники еще не принимали решения об открытии сезона, и кроме того, все равно... Все равно слишком рано! Как могло случиться такое?

— Только мой отец, король Неввы, наделен такой властью! — скривив губы, заметила Шаззад. Она была в ярости, что Пашар ни словом не обмолвился ей о своем решении.

— Тогда нам следует поспешить домой! — заволновалась одна из женщин. — Необходимо переменить одежду, и ума не приложу, как я сделаю это. Ведь все мои весенние платья еще не готовы!

— А я так располнела за зиму! — запричитала другая. — Со мной это всегда случается в сезон штормов. Ни один из весенних нарядов на меня просто не налезет! Теперь моим швеям придется работать день и ночь, и все равно я несколько дней не смогу появиться на людях!

Кровь застучала в висках у Шаззад, ей казалось, что она вот-вот упадет в обморок. Произошло чрезвычайное событие, а эти безмозглые создания могут болтать только о своих тряпках! Принцессу охватило жгучее желание схватить плетку и пройтись ею по плечам и спинам этих никчемных тупиц. Шаззад попыталась взять себя в руки. Если она даст волю чувствам, оскорбленные аристократки могут жестоко ей отомстить. Принцесса сосредоточила свое внимание на музыкантах. Она вдруг осознала, что они заиграли весеннюю музыку. Когда Шаззад уверилась, что может наконец говорить спокойно, то обратилась к своим дамам:

— Полагаю, вам и впрямь лучше вернуться домой и заняться своим гардеробом. Должно быть, маяк зажгли, потому что отец готовится к войне против вторгшихся в нашу страну варваров. Он хочет как можно быстрее двинуться морем на север. Огонь на маяке — древний сигнал для сбора флота. Вот и все. Это знак боцманам, чтобы они начинали вытаскивать пьяных матросов из кабаков, и офицерам, чтобы те возвращались на свои суда из загородных усадеб. Во время войны для принятия подобных решений королю не требуется согласия жрецов.

Разумные речи принцессы успокоили взволнованных женщин, и они вернулись к своей обычной болтовне о нарядах. Шаззад подумала, что, похоже, ее народ действительно близок к вырождению. В таком случае он достоин того, чтобы его поработили варвары.

Когда придворные дамы наконец удалились, Шаззад отпустила слуг, оставив при себе лишь нескольких рабов-охранников, и вернулась в свои покои. Она потребовала одежду для верховой езды и велела оседлать кабо. У принцессы не было настроения при параде шествовать по улицам города в паланкине, который несли на плечах четверо рабов.

Рабыни раздели принцессу и смыли с лица искусно наложенную краску, затем аккуратно распустили сложную прическу и выбрали из волос нити жемчуга. Шаззад облачилась в плащ с широкими рукавами, кожаный жилет, короткие узкие штаны и высокие шнурованные сапожки из мягкой кожи.

— Уверена, у королевы Лериссы подобных нарядов, — сказала она Тивале, одной из своих приближенных рабынь. — Когда она встает утром, то натягивает на себя какую-нибудь тряпку и ходит в так до вечера. Возможно, бывают даже дни, когда она не утруждает себя и этим.

— Вероятно, так, — согласилась Тивала.

— И все же Лерисса — истинная королева. Ей не нужна роскошь, чтобы утвердить свое положение. Она может не прикрывать свою наготу, но все равно ее боится весь цивилизованный мир. Каждое ее желание беспрекословно выполняется. Вот в этом и заключается подлинная королевская власть!

— Госпожа, ее подданные — дикари, обыкновенные варвары. Разве у них есть истинное величие?

И все же Шаззад знала, что это не так. Почти все королевские династии современности были основаны грабителями, пиратами, дикарями — достаточно сильными, чтобы завоевывать и удерживать завоеванное. С годами они приобретали лоск, респектабельность, жрецы придумывали им подобающие родословные, восходившие к самим богам.

Принцесса не сомневалась, что основатели королевской династии Неввы некогда были такими же варварами.

Шаззад привели ее кабо, она вскочила в седло и поскакала прочь из дворца. Она была в таком возбуждении, что когда принцесса мчалась на своем скакуне по узким улочкам столицы, люди шарахались по сторонам. В Касине было запрещено ездить верхом в утренние часы, когда на рынки доставлялись товары из окрестных усадеб. Разумеется, Шаззад не обращала внимания на этот запрет, как и на множество других правил, установленных для обычных людей.

Капли дождя падали с портиков храмов, а дым жертвоприношений клубами поднимался к небесам, наполняя воздух запахом жареного мяса. Не только простолюдины, но и жрецы с тревогой взирали на дочь короля, которая галопом проносилась по главной площади города.

Достигнув набережной, Шаззад направилась на север, к гавани. На одном из причалов спешно грузили на баржу кулачные орехи, чтобы доставить их на маяк. Для того чтобы поддерживать пламя костра, каждые сутки требовалось очень много топлива.

Небольшие группы рыбаков разгружали свои лодки. Эти утлые суденышки выходили в море лишь в хорошую погоду, а при первом же признаке надвигавшегося шторма возвращались в защищенную бухту. Если их все же застигала буря, то рыбаки для защиты от стихии растягивали между бортами непромокаемые полотнища.

В порту бурлила жизнь. У причалов в спешке готовили к отплытию маленькие и большие суда. Шаззад миновала ряды огромных складов, где чиновники следили за тем, как распечатывают двери, а клерки с длинными пергаментными свитками, перьями и чернилами проверяли свои описи. Повсюду царили неразбериха и суматоха. Из открытых дверей тех складов, где были соблюдены все положенные формальности, рабы выносили огромные мотки веревки, бочонки с краской и смолой, тяжелые тюки ткани, предназначенной для шитья парусов. Рабочих рук явно не хватало — в такой короткий срок оказалось невозможно набрать достаточно работников.

Шаззад остановилась, наблюдая за происходящим. Чиновники начали проверку с дальнего конца причала. Шесть складов уже были открыты. Следующий остался запертым, и перешли сразу к восьмому. Худой лысеющий писец лишь искоса взглянул на печать с королевским гербом.

— Восьмой склад! — объявил толстый чиновник, напомнивший Шаззад одного из верховных жрецов.

Писец быстро делал на пергаменте какие-то помет-

ки. Королевскую печать на дверях осмотрели и признали нетронутой.

— Ломайте! — решительно велел толстяк.

Рабы вскрыли печать и распахнули двери, чиновники зашли внутрь и приступили к описи. Шаззад направила своего кабо к толстяку, который, узнав ее, склонился в низком поклоне.

— Принцесса, какая честь... — Он выпрямился, утер пот со лба и представился елейным голосом: — Я Куама, глава снабжения морского порта. — Затем он пустился в объяснения: — То, чем мы сейчас занимаемся, должно было произойти лишь через два месяца, госпожа. Все эти хлопоты свалились на нас так неожиданно!.. Мы проверяем склады. Это весьма важное дело.

— Я вижу, чем вы заняты, — перебила его Шаззад. — Но почему вы не сделали этого прежде, чем двери были опечатаны?

— Мы это сделали, принцесса, — чиновник говорил с ней, как с ребенком. — Правила предписывают производить повторную проверку. Первая происходит в присутствии специальных чиновников, а затем результаты сравнивают в Адмиралтействе.

— Чтобы выявить злоупотребления, верно?

— Воистину так, принцесса. Конечно, подобное случается очень редко.

— Но почему тогда не открыли эту дверь? — спросила принцесса, указывая плетью на пропущенный склад.

Куама обернулся, словно не понимая, о чем идет речь:

— А... там хранится вино. Оно еще долго не понадобится, поэтому этот склад не распечатают до тех пор, пока не будут набраны команды кораблей.

— Откройте его!

— Прошу прощения, госпожа... — Куама оглянулся на стоявших неподалеку чиновников, бездельников и зевак. — Я не могу нарушить заведенный порядок!

Шаззад указала на маяк, на башне которого уже горел огонь:

— Ты сам видишь, что все правила уже нарушены. Открывай! Я приказываю.

Куама скрестил руки на груди и с отчаянной решимостью воскликнул:

— Не стану! Только мое начальство...

— А я кто, по-твоему, недоносок? — Шаззад ударила его плетью по лицу. На щеке Куамы выступила кровь, и тоненькая струйка потекла на воротник. Воцарилась ти-

шина. Принцесса повернулась к лысому писцу. — Проверьте печать на этом складе! — велела она.

Тот внимательно осмотрел пломбу и побледнел.

— Склад седьмой! — выкрикнул он. — Королевская печать осмотрена в присутствии свидетелей! Обнаружены повреждения!

Шаззад обратилась к морскому офицеру, стоявшему поодаль.

— Взять его! — и указала на толстого чиновника.

Офицер подал знак, и двое вооруженных стражников заломили Куаме руки. Принцесса подъехала к дверям склада и велела их открыть.

— Взгляните, госпожа! — сказал писец. — Печать была сломана, а затем скреплена воском.

Шаззад велела рабу взломать двери склада, сохранив поврежденную печать. Едва рабы распахнули дверь, как в нос всем ударил запах прокисшего вина. Склад был заполнен рядами винных бочонков, заткнутых деревянными пробками и залитыми пчелиным воском. На полу растекались лужи липкого жижи, от которой несло уксусом.

— Дай мне свой меч! — велела Шаззад морскому офицеру.

Тот передал ей клинок, и она направила кабо к ближайшему бочонку. Размахнувшись, принцесса ударила по нему мечом. Бочонок разлетелся вдребезги, и из него на пол вытекло с полгаллона мутной прокисшей жидкости. Шаззад проехала вдоль первого ряда сосудов, постукивая по каждому клинком, чтобы определить, есть ли среди них пустые.

Чуть погодя она выехала на свежий воздух и остановилась перед дрожащим от страха Куамой, которого по-прежнему держали под локти двое солдат. Принцесса посмотрела на склады, откуда рабы выносили провиант.

— Должно быть, продажа снастей приносит не столь большую выгоду, Квама? — зловещим тоном поинтересовалась она. Чиновник молчал, кровь текла по его толстому подбородку. — Но на складах еще хранится много ценных вещей. Король Неввы закупает для своих солдат неплохое вино, поэтому здесь перед тобой открывается прекрасная возможность для мошенничества, не так ли? Если продавать его в тавернах, можно получить немалую выгоду! У тебя хватило времени наполнить бочонки вместо вина каким-то мерзким пойлом, а также подделать печать и ночью снова повесить ее на двери склада. Ты прекрасно знал, что об открытии мореходного сезона объявят еще не скоро, поэтому ты успеешь заменить ту пакость, что сейчас находится в бочонках, дешевым вином. Так было в течение многих лет, но не сейчас! — Она

повернулась к охранникам: — Внимательно следите за тем, чтобы он не успел покончить с собой. На казни будет присутствовать весь город. Если ему удастся избежать справедливого наказания, тогда вы сами займете его место на виселице или на кресте.

Принцесса развернула кабо и направилась к причалу, где стояли военные корабли.

Причал блестел свежеоструганным деревом, там приятно пахло смолой. Рабы грузили на суда снаряжение и оружие: весла и канаты, щиты, связки стрел и копий, разобранные на части метательные машины.

Шаззад увидела своего отца на палубе среди моряков. Пашар, обернувшись, и с изумлением воззрился на дочь, а затем перевел взгляд на окровавленное лицо Квамы.

Кабо принцессы попятился, прядая ушами, однако Шаззад ударами плети принудила животное подняться на палубу. Там она спешилась и подошла к отцу. Моряки отшатывались от принцесса, словно от зачумленной. Наконец она осталась лицом к лицу с королем и по суровому лицу Пашара поняла, что переступила все возможные границы.

Принцесса похолодела.

Король шагнул к ней и выхватил плеть из внезапно онемевших пальцев дочери. С перекошенным от гнева лицом он сжал кулаки.

— Что я вижу, дочь моя? Почему ты позволяешь себе так обращаться с королевскими чиновниками? Как ты посмела появиться верхом на палубе моего корабля? Ты заслуживаешь кары за свою дерзость!

Внезапно осознав, что она натворила, Шаззад в страхе рухнула на колени перед отцом, что делала прежде лишь на официальных церемониях. Она прижалась щекой к его ноге.

— Можешь убить меня, отец, но поверь: я поступила так лишь для твоей пользы и на благо державе.

Пашар внезапно наступил ей на шею, и принцесса испугалась еще пуще, ожидая продолжения.

— Немедленно объясни, что ты имеешь в виду! — велел король.

Шаззад торопливо постаралась описать все, что ей удалось узнать. Когда она, наконец, замолчала, Пашар обернулся к стоявшему под стражей портовому чиновнику.

— Принцесса говорит правду, — подтвердил офицер охраны. — Поврежденную печать мы сохранили, и вы, государь, сами можете увидеть пустые винные бочонки в седьмом складе.

Шаззад охватило необычайное облегчение, когда отец, наконец, снял ногу с ее шеи. Затем, грубо ухватив

дочь за волосы, Пашар рывком поставил ее на ноги и вновь обратился к стражникам:

— Заковать виновного в кандалы! — После этого он рявкнул подоспевшим чиновникам: — Займитесь своими делами. А ты пойдешь со мной, — велел он Шаззад и, крепко держа дочь за руку, провел ее к носу корабля, где они, наконец, остались наедине. Через некоторое время король успокоился. — Никогда прежде не видел подобной дерзости, — еще немного, и я велел бы тебя казнить!

Понемногу страх Шаззад проходил, уступая место гневу.

— О какой дерзости ты говоришь, когда тебя окружают лжецы и изменники? Я помню, не столь давно, ты велел казнить всех предателей в своем окружении. Неужели сейчас ты решил взяться за меня?

Король не сводил взгляд с дочери, теребя пальцами плеть. Внезапно, губы его растянулись в улыбке — а затем он расхохотался. Напряжение исчезло. Пашар бросил дочери ее плеть.

— Возьми! Я вижу, ты владеешь ею даже лучше, чем шессины — своими копьями.

Между отцом и дочерью вновь воцарился мир, и Шаззад нежно стиснула руку короля.

— Отец! Не прошло и нескольких месяцев с тех пор, как ты обнаружил всю беспомощность нашего войска, но почему ты думаешь, что дела на флоте обстоят лучше? Сейчас нам, как никогда, необходимо расправиться с продажными чиновниками и восстановить порядок перед грядущими морскими сражениями.

Пашар задумчиво кивнул.

— В твоих словах истина. Теперь я вижу, что все эти месяцы я должен был не разлучаться с тобой. Увы, но мои подданные уверены, что управлять ими может только мужчина.

Теперь рассмеялась и Шаззад.

— Да разве они мужчины? То, что болтается у них между ног, не сделает мужчиной того, у кого душа раба и евнуха. Порой мне кажется, что это я — единственный мужчина в твоем окружении. И единственный человек, кому ты можешь полностью доверять.

Правитель печально вздохнул.

— Увы, ты права... Но что же будет с Неввой? — пройдясь по палубе, он обратился к офицерам: — Слушайте меня все! На время этой кампании я передаю управление Морской Службой принцессе Шаззад, да смилуются над вами боги, если ей будет в чем вас упрекнуть.

У Шаззад радостно забилось сердце, однако на лице не отразилось никаких чувств.

По трапу она спустилась на причал, чувствуя на себе удивленные настороженные взгляды офицеров. Женщина не отличалась высоким ростом и терпеть не могла смотреть на людей снизу вверх, поэтому когда один из чиновников подвел ей кабо, и Шаззад смогла сесть в седло, то вмиг почувствовала себя гораздо увереннее.

— Слушайте меня внимательно! Отныне я стану тщательно и строго следить за подготовкой и загрузкой каждого корабля. Я стану проверять каждый канат, каждое весло, каждый гвоздь. За то время, что осталось перед отплытием, я могу приказать разгрузить любой корабль, чтобы внимательно все осмотреть. Любого недобросовестного офицера ждет наказание, а продажных — казнь. Такова воля короля.

Во взглядах окружающих мелькали изумление и страх. Наконец, чиновники и морские офицеры поняли, что принцесса не шутит, и осознали всю серьезность своего положения. Они всегда были готовы исполнять приказы, в особенности если в ином случае их ожидало наказание.

— Сегодня, еще когда у меня не было всех необходимых полномочий, я обнаружила случай подлого воровства. Все вы прекрасно знаете, что скверное вино ведет к расстройству здоровья и недовольству солдат. Гнилой канат или плохо закрепленная катапульта могут обернуться в бою настоящей бедой. А что будет, если шторм поломает мачты, сделанные из непросушенного дерева? Стоит ли тогда винить в неудаче моряков? Нет, ведь именно их жизни будет грозить опасность. — Слушатели при этом согласно закивали. — Нет, вина лежит на поставщиках и надсмотрщиках, которые годами наживались на воровстве, будучи неподконтрольны никому. — Принцесса ледяным взором окинула собравшихся. — Я желаю, чтобы наш флот стал лучшим из когда-либо существовавших в Невве. Завтра я буду здесь на рассвете. Будьте готовы отвечать на все мои вопросы. Приведите ко мне командира морской стражи!

Крепкий немолодой мужчина выступил вперед.

— Это я, принцесса Шаззад. Капитан Харах готов исполнить любой твой приказ.

— Тогда поставь на ночь охрану возле складов. Не хочу, чтобы ночью кто-то смог прокрасться и уничтожить следы воровства. Кроме того, я вижу, что ты одет не по форме. Чтобы завтра этого не было!

— Повинуюсь, принцесса, — с поклоном ответил Харах.

Он улыбался, но без дерзости. Хотя бы одному офицеру ее суровость показалась справедливой.

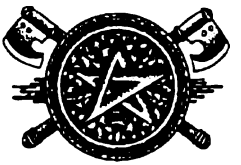
Провожаемая приветственными возгласами, Шаззад направилась обратно во дворец. Эти крики были ей

приятны, но она все же досадовала, сознавая, что ее приветствовали вдвое громче, будь она мужчиной.

И еще об одном она подумала по пути во дворце. Разумеется, приятно было вновь заняться настоящим делом, но и трудностей впереди ожидало немало. Принцесса была совершенно неопытна в морском деле, однако сознавала, что этого от нее и не требуется. Необходимо найти опытных людей, которые бы ей помогли, и лучше, чтобы люди эти были не из числа придворных.

И тут Шаззад вспомнила о Молке, одном из глав морской торговой гильдии. Принцесса уже не помнила, кто рассказывал ей об этом человеке, но знала, что он честен и обладает огромным опытом. Нужно будет сразу послать за ним, как только она доберется до дворца... Принцессе не терпелось взяться за дело.

При одной мысли о казнокрадах и мошенниках Шаззад охватывал гнев. Предательство — это она еще могла понять, но не мелкое воровство... Зато, благодаря происшедшему, она получила в государстве толику реальной власти. Это куда более приятные хлопоты, чем выбор подходящего наряда по утрам...

Глава девятая

Вот уже второй день всадники при полном безветрии поднимались по пологому склону, которому, казалось, никогда не будет конца. Еще более усиливало это впечатление то, что туман серой стеной скрывал горизонт. Теперь воины уже знали, что в пустыне из-за множества норных грызунов велика опасность для кабо оступиться и сломать ногу, поэтому Гейл приказал двигаться не спеша, чтобы не потерять ни одного скакуна. К тому же, не было никакой нужды торопиться: все равно они к середине весны окажутся в Невве. Лишь самые молодые из воинов рвались побыстрее в бой, но даже они не решались спорить с королем.

Гигантские летучие мыши оказались первыми, но отнюдь не единственными диковинными созданиями, с которыми пришлось столкнуться войску. Были еще здесь и огромные змеи, достигавшие в длину полусотни шагов и не меньше десяти локтей в обхвате. Они оставляли глубокие следы, больше похожие на канавы, но при приближении людей лишь поднимали головы и шипели, не нападая первыми. Вероятнее всего, охотились эти змеи по ночам, но Гейл даже не мог предположить, на кого именно.

Утомительный подъем завершился ближе к вечеру. Пелена, которую всадники приняли за туман, оказалась огромным облаком дыма, поднимавшегося откуда-то издали. Гейл сверился с картой и понял, что источник дыма лежит прямо у них на пути.

— Может, это горит трава? — предположил Йокайм.

— Ее здесь слишком мало, чтобы вызвать такой пожар, — возразил Гейл. — Полагаю, завтра мы все узнаем.

К утру пепел засыпал все шатры и снаряжение, покрыл крупы кабо и забил животным ноздри.

— Что же может так гореть? — изумился Дамиан, который, как обычно, проснулся до рассвета.

— Понятия не имею, — пожал плечами Гейл, у которого, впрочем, еще накануне возникла догадка, которую он теперь собирался проверить.

— Даже огонь в этих проклятых местах необычный, — ворчал Дамиан. — Скорее бы нам убраться отсюда...

Едва лишь солнце показалось на небосводе, как король сел в седло и наставил в сторону дымового столба свою подзорную трубу. В пустыне лишь на рассвете и можно хоть что-нибудь разглядеть: днем подзорная труба делается бесполезной из-за того, что теплый воздух от раскаленной земли уплотняется и мерцает, делаясь почти непроницаемым.

— Это Дымящие Горы! — воскликнул Гейл. — Они указаны на моих картах к югу от того места, где мы находимся. Если верить легендам, то эти вершины появились среди ночи из земных недр и превратились в горы за считанные месяцы.

— Быть такого не может, — возразил Йокайм, — горы существуют вечно, они не могут расти, подобно цветам.

К тому времени, как солнце стало клониться к закату, войско Гейла, наконец, приблизилось к источнику дыма. Его исторгала из себя вершина горы и при этом издавала грохот, слышимый за множество миль. Большую часть гари и пепла ветром относило в сторону, и всадники смогли разглядеть, как из кратера, стекая по склону, вырывается пламя и потоки жидкого огня. Животные были напуганы этим зрелищем, шумом и резким серным запахом, и Гейл решил не останавливаться здесь на ночлег.

К утру они оставили позади гору, извергающую пламя. Гейла больше всего тревожило отсутствие воды, ведь даже маленькие, подернутые ряской озерца теперь попадались им все реже. Его спутники ссылались на близость Дымящей Горы, но Гейл в этом сомневался. И все равно, будет скверно, если придется вставать лагерем там, где воды не будет.

Хорошо еще, что поднявшийся ветер принес прохладу. Должно быть, в середине лета здесь царит невыносимая жара. Судя по глубоким промоинам в земле, дожди в этих местах случались редко, но были очень сильными. На второй день после того, как отряд Гейла миновал горы, разведчики, посланные вперед, возвратились с радостной вестью:

— Вода! — крикнул один из них.

Гейл с интересом последовал за ними и через пару миль обнаружил неприметную пещеру. Когда люди вошли в нее, то им открылся поразительный вид. Зеленую площадку в несколько сотен ярдов шириной окружали деревья и кустарники со странными пушистыми верхушками. Почуяв воду, кабо Гейла едва не перешел в галоп.

Король въехал под сень деревьев, наслаждаясь ароматом цветов и каким-то еще пряным щекочущим ноздри запахом. Насекомые роились вокруг плодовых деревьев, а впереди слышался шум падающей воды. Гейла удивило, что в пещере может находиться водопад.

— Сюда, мой господин! Ты только взгляни! — разведчик направился к воде.

Последовав за ним, Гейл вскоре застыл от удивления, завидев водоем, несомненно, созданный руками человека. Это был бассейн правильной прямоугольной формы длиной в сотню шагов и шириной вдвое меньше. Края были выложены мраморной плиткой и на несколько футов поднимались над уровнем земли, — должно быть, для того, чтобы в воду случайно не свалились животные. Первым попробовав кристально чистую воду, король затем позволил напиться своему скакуну.

На другой стороне водоема он обнаружил статую, изображавшую коленопреклоненную женщину, вырезанную из белого камня. На плече обнаженная красавица держала кувшин, из которого вода и падала в бассейн. Когда кабо, наконец, утолил жажду, Гейл подъехал ближе, чтобы рассмотреть изваяние повнимательнее. Статуя была сделана из неизвестного королю гладкого белого камня. Если она и состояла из нескольких частей, то стыки оказались совершенно незаметны. Когда Гейл подъехал совсем близко, то обнаружил, что камень не остался идеально гладким, на нем оставила свои следы непогода. Сколько же веков простояла здесь эта коленопреклоненная красавица? Гейл осторожно дотронулся до статуи рукой. В этом изваянии он не ощущал той грубой силы и ярости, которую почувствовал в статуе стража-мужчины. Неужто их делали одни и те же люди? В душе Гейл ощущал, что это не так. Он не видел на стенах пещеры никаких надписей. Так откуда здесь это изваяние? Изображает ли оно какую-то богиню? Возможно, олицетворяет дух весны, щедро дарующий воду, — или это просто дань человеческой красоте? Гейлу было ясно, что он никогда не узнает ответа. В пустыне слишком много неразгаданных тайн...

Постепенно в пещеру подтянулась и основная часть отряда. Воины радостно загомонили при виде воды, и Гейл тут же принялся отдавать приказания. Сперва необходимо напоить кабо, затем — наполнить фляги. Скакунов расседлали и пустили пастись на зеленой траве. Король ощущал, что им нельзя нарушать мир и покой этого удивительного оазиса. Напоив животных, люди, наконец, и сами решились окунуться в бассейн.

Время было уже за полдень, и Гейл выслал за дичью отряд охотников. Он не сомневался, что вблизи воды они отыщут немало добычи, но приказал не причинять вреда тем существам, которые хоть чем-то будут напоминать домашний скот.

Король удивлялся, что до сих пор не обнаружил в этих местах никаких следов пребывания человека. Судя по

хорошей почве и наличию воды, эту землю когда-то обрабатывали. Также не было случайностью и то, что деревья оказались плодоносящими.

Охотники, посланные за дичью, вернулись с тушей жирного туны и какого-то животного, напоминавшего винторога. Вскоре аромат жареного мяса распространился повсюду.

— Эта статуя мне куда больше по душе, — заметил Йокайм.

— Да, по крайней мере, у нее не такой вид, словно она желает прикончить нас на месте, — согласился помощник командира эмси. — Та статуя в ущелье больше походила на чудовище, каким пугают непослушных детей.

— Неужели все это дело рук человеческих, мой король? — спросил Бамиан.

— Разумеется. Когда мы доберемся до Неввы, вы увидите статуи, размерами значительно превосходящие эту. Однако они не столь красивы. Странно видеть прекрасное изваяние здесь, вдали от цивилизованного мира. Это место выглядит заброшенным... но главное, что здесь есть вода и пища для кабо.

— Возможно, что-то отпугивает отсюда пугающее людей, — предположил Йокайм.

— Или это место вовсе не так уж и заброшено, — сказал Гейл. — Может, люди покинули его ненадолго. Они могут быть кочевниками, которые переходят от одного источника к другому, чтобы не дать истощиться почве. Если так, то они могут возвратиться в любую минуту.

Бамиан расхохотался:

— С нашим войском нам некого бояться.

Прочие командиры тоже засмеялись.

— Ты прав, здесь едва ли встретится большая армия, — согласился Гейл. — Но мне не хотелось бы портить отношения с местными жителями. Если встретим хозяев этой долины, будем вести себя дружелюбно и предложим плату за постой. Следите за своими словами и манерами, чтобы не разозлить их и не вынудить к нападению. Это приказ! — Помолчав, он продолжил: — Люди, а главное, животные, утомлены. Мы пробудем здесь еще один день. Будем отдыхать и отъедаться.

Позже вечером, когда костры уже догорали и большинство людей заснули, завернувшись в покрывала, Гейл направился к источнику, чтобы наконец смыть с себя дорожную грязь и пот.

Затем он вылез из воды и подошел к статуе, но неожиданно резко отвернулся, намотал набедренную повязку, взял копье и направился к выходу из пещеры. Удивлен-

ный охранник уступил ему дорогу. Он знал, что королю лучше не задавать лишних вопросов.

Ночной воздух холодил кожу, однако Гейл привык к суровым зимам в холмистых землях, где обитали матва. Здесь он чувствовал себя как в детстве на родном острове. Король прогуливался около получаса, стремясь уйти подальше от спящих людей и животных.

Это удовольствие редко выпадало ему в последние годы: он никогда не оставался в одиночестве. Отойдя достаточно далеко, он остановился и раскрыл свой разум и душу окружающему миру. При этом он принял привычную для пастухов позу аиста — уперся пяткой согнутой ноги в колено другой, опираясь на копье. Шессины часами могли неподвижно простаивать в таком положении.

Со временем к Гейлу пришло ощущение, что поблизости находятся какие-то создания. На равнинах, в горах или на родном острове с ним не раз бывало нечто подобное, но здесь все казалось иным — в пустыне животных вообще было немного, а в это время года большая их часть затаилась в спячке. Кроме того, многие попрятались, почуяв приближение множества людей и животных. Внезапно он ощутил какой-то сигнал, идущий с юго-востока. Он был довольно слабым, но все же обеспокоил его. Гейл не мог понять, животное это или человек. Король редко мог воспринимать импульсы, исходящие от людей, и только в том случае, если те принадлежали к примитивным народам, по сравнению с которыми даже матва и эмси можно было считать достигшими вершин цивилизации.

Гейл уже двинулся было в ту сторону, но затем остановился: существо, привлекшее его внимание, оказалось намного дальше, чем он предполагал. Он хотел взглянуть на него, но понимал, что это будет неразумно. Со вздохом король повернулся и пошел обратно к пещере.

Вернувшись в лагерь, король вошел в шатер. При его появлении несколько командиров пробудились от сна.

— На юго-востоке я обнаружил что-то непонятное, но оно слишком далеко. Завтра вышлем туда разведку, — устало сказал он и улегся в дальнем углу шатра, завернувшись в покрывало.

Командиры знали, что король, в отличие от других людей, способен чувствовать то, на что остальные даже не обратят внимания. Если он говорит, что ощутил присутствие чего-то чуждого, значит, так оно и есть. Именно по этой причине многие племена, ранее враждовавшие между собой, согласились подчиняться ему. Гейл обладал невероятной

внутренней силой. У людей этих племен не было богов, но они верили в различных духов, а Гейл умел общаться с ними.

Наутро король выслал разведчиков на юго-восток и поручил им разузнать что-либо о непонятном явлении. Для этого он отобрал самых надежных людей. В полдень несколько разведчиков возвратились и доложили, что ничего не смогли обнаружить. Это обеспокоило Гейла, поскольку он и сейчас ясно ощущал присутствие каких-то живых существ на расстоянии не более лиги отсюда. Возможно, те за ночь переместились с юго-востока в другом направлении, но королю трудно было это определить в окружении своих воинов.

Днем всадники отдыхали, чистили и штопали одежду, чинили упряжь и приводили в порядок кабо. Они расчесывали их блестящие гривы, полировали на рога, обновляли рисунки, нанесенные на головы и тела животных, которые должны были защитить кабо от злых духов.

Воины собирались перекусить, как вдруг послышались крики. Люди тотчас схватились за оружие.

— Разведчики возвращаются! — раздался голос часового.

— Откуда? — спросил Гейл.

— С юго-востока.

— Десятники! — окликнул Гейл. — Соберите людей, постройтесь и приготовьтесь выступать. А командиры пусть подойдут ко мне.

В лагере началась суматоха. Юный воин подвел к Гейлу кабо, и король тотчас вскочил в седло. Его лук был наготове, в колчане поблескивала оперением сотня стрел, к передней луке седла был приторочен длинный меч. Гейл медленно направил своего кабо сквозь густую растительность. За ним последовали его командиры.

— Они вон за той вершиной, мой король! — доложил дозорный. — Я видел их, когда они были на гребне горы. Затем они спустились в ущелье.

— Сколько их? — спросил Гейл.

— Около полусотни, мой король. И они передвигаются на...

— На чем?

— Смотрите! — закричал один из командиров, указывая в сторону ущелья.

Оттуда выехала группа всадников в свободных развевающихся одеждах, с длинными копьями в руках. Они миновали небольшую возвышенность и сейчас оказались в двух сотнях шагов от людей Гейла. Но самым удивительным было не это: животные, на спинах которых сидели неизвестные всадники, оказались двуногими!

— Что это за твари? — спросил изумленный Иокайм. — Птицы-убийцы? Грязевики?

Птицы-убийцы считались самыми жестокими хищниками Равнинных Земель. Их дальние сородичи грязевики питались только травой.

— Такой породы я еще не видел, — сказал Гейл. — И никогда не слышал о людях, разъезжающих верхом на птицах.

Как зачарованный, он взирал на приближающихся всадников. Их фигуры было трудно разглядеть под просторными одеяниями защитных тусклых цветов. Когда они подъехали ближе, Гейл заметил, что они прикрывают лица полой одежды. Оперение птиц тоже не выделялось на фоне пустыни. Их головы покачивались на длинных шеях, на лапы были украшены длинными когтями. Очевидно, эти создания могли бегать очень быстро.

Всадники приблизились на сотню шагов и остановились одновременно, будто по команде. Вперед выехал всадник на чернокрылой птице.

— Я лично поговорю с ним, — сказал Гейл. — Двигайтесь за мной, но остановитесь чуть поодаль. Не стоит пока его пугать.

Приближенные Гейла последовали за королем, стараясь не делать резких движений, однако держа наготове копья и луки. Гейл знал, что если их попытаются атаковать, то его воины уничтожат и птиц, и людей за считанные секунды, поэтому он мог чувствовать себя в безопасности. Эти люди, без сомнения, никогда не видели ни копий, ни больших луков.

— Стойте! — приказал Гейл, когда они подъехали на тридцать шагов к всаднику на черной птице.

Его спутники придержали кабо, и дальше он двинулся один, пока не приблизился к незнакомцу на расстояние около трех шагов. Кабо двуногая тварь явно не пришлась по душе, но скакун не испугался. Всадник на птице застыл, как изваяние, опираясь на тонкое длинное копье. Он произнес несколько непонятных слов, затем повторил их еще раз, значительно медленнее, и тогда Гейл распознал одно из южных наречий, на котором мог достаточно свободно изъясняться.

— Кто ты такой? — спросил всадник, по-прежнему скрывая свое лицо.

— Я король Гейл.

— Ты явился с севера? Прежде оттуда не приходил ни один человек. Где твой дом?

Гейл указал назад.

— За этой горой, на равнине.

— Ты прошел по ущелью и миновал стража? Это запрещено.

— Никто нам ничего не запрещал, — пожал плечами Гейл. — И страж ущелья не пытался нас остановить.

Правда, он тут же вспомнил, как тревожно чувствовали себя и он сам, и его люди ночью, перед тем как увидели гору и ее хранителя. Если существовало некое древнее заклятье, охранявшее долину от вторжения, то оно, несомненно, еще действовало.

— Зачем ты сюда явился?

— Мы хотим попасть в Невву, — терпеливо отвечал Гейл. — Вам не нужно бояться нас. Мы не причиним вам зла. А как твое имя?

— Джосс. — Первый звук имени звучал странно и непривычно, Гейл не слышал его до сих пор ни в одном языке. — Наше племя именуется вебба, и это наш оазис и наша земля. Твои животные пьют нашу воду.

— И мы благодарны вам за это, уверяю, — отозвался Гейл. — Нам ни к чему с вами ссориться. Мы не знали, чья это вода. В Равнинных Землях водоемы никому не принадлежат.

— Эта вода не для всех, — нахмурился Джосс. — Ее подарила нашим предкам богиня.

— Я уверен, это доброе божество. Но мы тоже щедры. Мы несем с собой дары для тех, кто пожелает стать нам друзьями. Ваша долина щедра и плодородна и, надеюсь, мы не нанесли вам особого ущерба. На этих землях трава, которую съели наши животные, вырастет вновь очень быстро. Однако нам не знакомы ваши земли, и мы нуждаемся в проводнике, чтобы найти дорогу. Вы согласны помочь нам?

Гейл был уверен, что эти всадники — кочевники. Обычно такие люди обижались, если им предлагали плату за услуги, ибо считали, что это равняет их с торговцами или наемниками. Однакоот подарков они никогда не отказывались.

— Мне по душе твои слова, — заметил Джосс. — Но сперва я спрошу у богини, не оскорбили ли вы ее. Дайте нам дорогу.

С этими словами Джосс натянул поводья, Гейл поднял копье, и они бок о бок двинулись к оазису. Присмотревшись внимательнее, Гейлу заметил, что вебба не пользуются стременами и поводьями. Джосса босыми пятками упирался в бока птицы за короткими крыльями.

Остальные всадники двинулись следом, причем все птицы одновременно ступали с правой ноги. Это зрелище поразило Гейла.

— Если позволишь, я хотел бы узнать, о чем ты намерен спросить богиню?

— Не оскорбили ли вы ее. По нраву ли ей то, что вы пользовались водой, травой и плодами.

— А если мы ей не пришлись по душе? — поинтересовался Гейл.

— Тогда мы вас убьем, — невозмутимо ответил Джосс.

Гейл с трудом удержался от смеха. Как полсотни всадников могут расправиться с шестью тысячами прекрасно вооруженных воинов?!

Под сенью деревьев вебба затянули какую-то ритуальную песнь. Гейл тщетно пытался разобрать слова, но либо кочевники пели на непонятном древнем языке, либо просто использовали бессмысленные сочетания звуков.

Возле бассейна птицы выстроились в одну линию на одинаковом расстоянии друг от друга, а затем, как по команде, опустили головы и принялись пить. В отличие от кабо, птицы, набрав воду в клюв, запрокидывали голову назад и шумно глотали.

Заинтересованные необычным зрелищем, воины Гейла собрались поодаль. Чтобы не вызвать недовольство вебба или их скакунов, король приказал командирам отвести людей назад.

После того, как птицы утолили жажду, Джосс спешился и подошел к изваянию. Гейл с удивлением отметил, что он совсем коротышка, как и все прочие вебба, хотя верхом они выглядели весьма внушительно.

Джосс что-то негромко запел, поднимая руки. Затем лицом и ладонями он прижался к каменному бедру статуи и застыл... и наконец выпрямился и что-то сказал своим людям, но так быстро, что Гейл не разобрал слов. Прочие всадники спешились и, вытащив чаши из складок своих просторных одеяний, наполнили их водой и принялись пить так же жадно, как и их птицы,.

Тем временем птицы по прежнему вели себя одинаково, как единое целое. Они с негромким курлыканьем прохаживались вдоль бассейна, покачивая головами. Затем одна обнаружила свободный от травы участок и принялась купаться в пыли.

— Богиня не гневается на вас, — сообщил Джосс. — Она сказала мне, что вы вели себя с почтением и не оскорбили ее гостеприимства. Добро пожаловать на нашу землю!

— В таком случае, окажите мне и моим людям честь отобедать с нами. Мы как раз собирались сесть за трапезу, когда дозорные сообщили о вашем появлении.

— Отличная мысль! — По знаку Джосса к нему подошли еще четверо мужчин. — Это мои десятники. Если не вы не против, они останутся со мной.

— Мы будем только рады. Остальные твои люди могут расположиться у костров с моими воинами.

Все вместе они расселись у королевского костра. Джосс и его спутники аккуратно прикрыли ноги полами одежды.

— Вы пришли с юго-востока? — поинтересовался Гейл. — Я высылал туда разведчиков. Как они могли вас не заметить?

— Когда мы не хотим, чтобы нас видели, мы уходим в пещеры. Наши птицы способны низко пригибаться к земле. Потом я покажу вам, как они это делают. А у вас есть птицы, на которых ездят верхом?

— Нет, у нас тоже есть крупные птицы, но ездить на них мы не умеем. Птицы-убийцы слишком опасны для этого, а грязевики не вынесут человека на своей спине.

— А почему ваши люди не ездят верхом на кабо?

— Эти животные не водятся в наших местах, — отозвался Джосс. — На юге дикари ездят на горбунах и на кабо, но мы не ведем дела с этими народами.

— А чем питаются ваши птицы? — полюбопытствовал Гейл. — Я заметил, что к опавшим плодам они не притронулись.

— Мясом. Мы делимся с ними добычей после охоты.

Наконец, мясо пожарилось, и на время разговор прервался. Один из спутников Джосса принес широкий лист, на который уложили плоды с деревьев, растущих в оазисе. Уроженцы равнин не решались попробовать их до сих пор. Если мясо животного хорошенько прожарить, то оно почти всегда безвредно, но за незнакомые плоды никто не мог поручиться. Однако, сейчас, следуя примеру вебба, спутники Гейла с удовольствием отведали этих фруктов. Особенно обрадовались матва, которые, в отличие от эмси, предпочитали растительную пищу. Затем вэбба покормили своих птиц мясом из седельных мешков.

Наконец, утолив первый голод, люди продолжили беседу.

— Но зачем вы пересекли горы и движетесь через пустыню? Насколько нам известно, в Невве люди селятся в тесных домишках, словно ненавидят небо, солнце и вольный ветер...

— Меня попросил о помощи мой собрат, король Неввы. Он ведет тяжелую войну, и его войску необходима помощь моих верховых лучников.

— Так там воюют? — оживился Джосс. — Значит, вас ждет добрая добыча?

— Надеюсь на это. Хотя в цивилизованных королевствах говорить о таком вслух не принято. Возможно, вы желали бы присоединиться к нам? Полагаю, король Пашар будет рад таким союзникам. Одним своим видом ваши птицы повергнут в ужас любого врага.

Джосс разочарованно вздохнул.

— К сожалению, это невозможно. Наши птицы не способны покидать пустыню. Мы не раз пытались повести их на юг или на восток, но стоит им покинуть родные края, как эти существа становятся вялыми и вскоре гибнут. Должно быть, духи удерживают их здесь, и все же спасибо за приглашение.

— Досадно, что вы не можете пойти с нами, — искренне заметил Гейл. Теперь, когда между ними и вебба наладились отношения, можно было поговорить и о деле. — Чтобы вовремя поспеть в Невву, нам нужно двигаться быстро и без задержек. У меня есть карты этих земель, но они очень старые, и им нельзя доверять. Нам необходимы проводники, которые хорошо знают пустыню.

Джосс с улыбкой кивнул.

— Ты прав. Только мы знаем, где отыскать в пустыне воду, без которой люди и животные долго не протянут.

— Воистину так. И к тому же, опытный проводник позволил бы нам с миром пройти через земли окрестных племен. Мы были бы рады, если бы помог нам.

Джосс с деловитым видом почесал подбородок, откинув покрывало, прикрывавшее лицо. У него оказались изящные правильные черты и небольшая ярко-рыжая бородка.

— Полагаю, мы сможем вам помочь. С нами никакая опасность не коснется вас, ведь вебба внушают страх всем обитателям пустыни.

Гейл сомневался, чтобы целое племя могло убояться полусотни всадников, пусть даже верхом на птицах. Впрочем, шести тысяч лучников на кабо они испугаются и подавно.

— Буду счастлив отправиться дальше вместе с вами.

— Мы все равно шли на юг, а с хорошими спутниками дорога будет веселее. Правда, мы также намеревались поохотиться: ведь эти места богаты дичью.

— Надеюсь, вы не пожалеете о том, что приняли такое решение, — заметил Гейл. — Нынче богиня подарила нам чудесный вечер у своего водоема. Если позволишь, в свою очередь мы желали бы принести вам ответный дар...

Из своей седельной сумы Гейл достал пару мотков медной проволоки и украшения тонкой работы. Еще у него были и золотые монеты, но их лучше было сохранить до встречи с более цивилизованными племенами, которые больше смыслят в драгоценных металлах. К подаркам Джосс отнесся невозмутимо, словно принимал лишь знак внимания, выказывая доброе расположение к дарящему.

Уже наутро войско короля Гейла двинулось на юг в сопровождении всадников верхом на птицах.

Глава десятая

Капитан и вся команда в почтительном поклоне склонились перед принцессой Шаззад, взошедшей на борт «Лунной Искры». Как обычно, на принцессе был наряд для верховой езды, который больше всего подходил для ее нынешнего образа жизни. В Невве не существовало морской формы для женщин, а в мужской принцесса боялась, что станет выглядеть нелепо. Сейчас она никак не могла позволить себе выглядеть смешной.

«Лунная Искра» была ее собственной яхтой, на которой Шаззад в былые времена устраивала увеселительные прогулки, но теперь, приказав перестроить и переоснастить ее, принцесса превратила суденышко в быстроходный парусник. Чтобы увеличить устойчивость судна, она даже велела уменьшить размеры своей роскошной опочивальни. Изящную раззолоченую мебель заменили на куда более скромную. На нижней палубе установили скамьи для гребцов, а вдоль бортов сделали уключины. Яхта была выкрашена в желтый и зеленый цвета — традиционные цвета флота Неввы. Как и у отцовского флагмана, паруса были в красную и белую полоску.

Принцесса поприветствовала моряков, с удовольствием внимая ликующим возгласам толпы, собравшихся вдоль причалов и на площади за складами. Вот уже несколько недель, если позволяла погода, люди являлись на берег, посмотреть, как укрепляется невванский флот. В Кассине всегда гордились своими кораблями, и принцесса, принимавшая в них такое живое участие, теперь стала популярна во всем королевстве.

Изначально Шаззад сама рассылала своих людей в город, чтобы те рассказывали о том, как она старается восстановить флот. В тавернах, игорных домах и борделях — повсюду говорили о принцессе, которая оказалась куда более здравомыслящей, чем все придворные и взяла в свои руки управление пришедшим в упадок флотом, дабы возродить его былую славу. Теперь все казнокрады, мздоимцы и мошенники пуще смерти опасались взгляда Шаззад.

Уже при входе в порт были очевидны плоды ее трудов: в несколько рядов здесь тянулись кресты с распятыми телами чиновников, прежде пользовавшихся неограниченным доверием короля. Шаззад с первого же дня проявляла острый

ум и беспощадность. Знать и адмиралы флота прежде спокойно смотрели на продажность чиновников, считая это неизбежным злом, но принцесса подошла к делу совсем иначе и начала тщательную проверку. Казнокрадство оказалось еще не самым страшным злом: обнаружились также предательство и шпионаж. Шаззад смогла уличить в измене трону нескольких министров и чиновников рангом пониже.

Кроме того, в один из дней она велела построить в шеренгу всех гребцов, имевшихся в распоряжении флота. Обнаженные мужчины ежились под порывами прохладного весеннего ветра и под пронизывающим взглядом принцессы. Шаззад прошлась вдоль рядов, тщательно осмотрев каждого мужчину, прежде всего проверяя их силу и крепость мышц. Все те, кто показался ей больным и слабым, были немедленно списаны на берег. После завершения осмотра четыре десятка самых сильных и привлекательных гребцов Шаззад отобрала для «Лунной Искры».

Теперь, когда оставался лишь один день до выхода в море, Шаззад ощущала удовлетворение плодами своих трудов. Флот напрочь преобразился. Увы, лишь на его руководство она никак не могла повлиять, ибо это от нее не зависело.

Она отнюдь не стыдилась того, что сама распространяет слухи, прославляющие ее в глазах кассинцев. В этих слухах не было неправды, а поддержка простого народа шла ей только на пользу. К тому же Шаззад сознавала, что прежде пользовалась у людей дурной славой из-за своих непристойных развлечений и участием в запретных культах. Пару лет назад все вокруг судачили о том, что она якобы отравила своего мужа. На самом деле в этом не было вины принцессы, но оправдываться она не желала. Тем более, подозрения пугали прочих соискателей ее руки, а Шаззад отнюдь не стремилась к повторному замужеству. Ей было выгодно оставаться вдовой.

— Каковы будут ваши приказания, принцесса? — спросил капитан «Лунной Искры».

— Давайте сделаем круг по гавани, капитан.

Заиграли флейты, и для гребцов начался обряд посвящения. Это была красивая древняя церемония, которая за много веков превратилась в некое подобие танца. Каждый гребец по очереди весло, стоявшее на подставке у мачты, и подходил к своему месту на скамейке. Затем гребцы одновременно садились, вставляли весла в уключины и оттточенным движением поворачивали их.

Мелодию ускорилась, весла поднимались и опускались. «Лунная Искра» отошла от причала. Послышался сигнал, и гребцы плавно развернули парусник. Ритм снова

поменялся, и судно, увеличивая скорость, пересекло гавань. Толпа на берегу начала аплодировать, оценив, с каким мастерством был исполнен этот маневр.

Шаззад восседала под балдахином на корме. Она дала указание Саану пройти вдоль строя кораблей, стоявших на якоре. Вдоволь налюбовавшись, принцесса приказала пройти мимо них еще раз, чтобы осмотреть каждое судно уже более критическим взглядом. Капитан Молк, глава Гильдии морских торговцев оказался для Шаззад неоценимым помощником и наставником. Он научил принцессу определять, как установлен балласт, и теперь она могла, глядя, как корабль покачивается на волнах, сделать вывод, правильно ли он размещен.

Вместе с Молком они тщательно подсчитали необходимое для похода количество припасов, а капитан Саан поделился опытом по закупке лучших канатов, парусов и других снастей. Он лично управлял переоснасткой «Лунной искры» и набирал экипаж.

Из-за своего желания участвовать в походе Шаззад всерьез поссорилась с отцом.

— Я должна отправиться с вами, отец! — настаивала она. — Я спасла флот от разграбления, я возродила его. Этот флот — мой! И я должна быть там!

Король резко развернулся и гнев в его взоре испугал принцессу, хотя та и продолжала настаивать на своем.

— Твой флот? — взревел Пашар. — Я — король Неввы! Все здесь принадлежит только мне! И если я позволил тебе исполнять кое-какие чиновничьи обязанности...

— Чиновничьи? — возмутилась Шаззад. — Много ли твоих подчиненных способны выполнить ту грязную работу, что я успела проделать за это время? К тому же моряки любят меня, и мысль о том, что я с ними, укрепит их дух.

Король взял себя в руки.

— Ты — слабая женщина, дочь моя, и я не хочу, чтобы ты рисковала собой в предстоящей битве.

Она улыбнулась и стиснула его ладонь.

— Отец, я понимаю, что ты заботишься обо мне, но во время боя «Лунная Искра» будет держаться далеко от места сражения. Я не настолько глупа, чтобы идти на маленьком суденышке против военных кораблей. Ты на своем флагмане будешь рисковать намного больше, так как настоял на том, чтобы самому командовать эскадрой. Если я потеряю тебя, то уже не осмелюсь вернуться в Касин: за последние несколько недель у меня в столице появилось немало врагов. Но зато я смогу начать погоню за твоими убийцами.

В итоге король уступил мольбам дочери. Несмотря

на испытываемое ею удовлетворение Шаззад была вынуждена признать, что это также свидетельствовало о том, что ее отец утратил былую силу. Раньше он или сразу сказал бы «да», или бы просто ударил ее, но никогда не стал бы спорить. Принцесса подумала: очень хорошо, что она будет сопровождать эскадру. Не исключено, что ее помощь может понадобиться королю.

Шаззад в последний раз осмотрела величественную эскадру и ощутила неведомые ей прежде гордость и удовлетворение. Эта армада представляла собой реальную силу, и сейчас принцесса как никогда понимала, что власть была единственной целью в мире, которая стоила, чтобы за нее сражаться в смертельном бою или плести сложные интриги. Прежние развлечения казались ей теперь всего лишь глупым ребячеством. Сейчас она со всей ясностью поняла, что именно двигало Гассемом.

И вот наступил долгожданный день выхода в море. Со всех стен свисали, развеваясь на ветру, знамена. Над храмами поднимались столбы дыма: были принесены обильные жертвы богам, чтобы те даровали успех в походе и уберегли флот. Береговым оркестрам вторили с палуб кораблей барабанщики и трубачи.

Горожане и все окрестные селяне собрались у причалов, чтобы проводить невванскую эскадру, которая шла на север, дабы в бою вернуть королевству былую честь и славу. Люди распевали гимны и молились богам моря и ветров. На берегу развернулась огромная ярмарка со множеством балаганов. В этом году она была устроена намного раньше обычного. Когда раздались удары установленного на флагмане огромного барабана, многотысячная толпа затихла.

На бортах кораблей появились весла, делая их похожими на диковинных многоножек. Число рядов гребцов соответствовало количеству палуб. Первым с тяжеловесным достоинством стал набирать ход «Боевой дракон». Под взмахи весел огромный корабль возглавил шествие эскадры. В кильватер флагману, медленно и величаво, словно придворные дамы в торжественном танце, проследовали остальные корабли. Сначала шли суда с тремя рядами весел, потом с двумя, а затем — парусники, на которых вдоль каждого борта мог уместиться только один ряд гребцов. Замыкала процессию «Лунная Искра».

Суда, несшие на борту все необходимые припасы, должны были последовать за боевыми кораблями через несколько дней. Их было очень много, так как невванской эскадре предстояло провести в море не одну неделю.

Наконец армада легла на курс, и «Боевой дракон» развернул красно-белые паруса. У других кораблей паруса были красного или коричневого цвета. Величественная процессия медленно начала набирать скорость, провожаемая ликующими криками собравшейся на берегу толпы.

На палубе «Лунной Искры» для принцессы поставили кушетку под балдахином, и в первый раз за многие дни Шаззад смогла по-настоящему расслабиться. Она сделала все, что было в ее силах и теперь спокойно наслаждалась морской прогулкой. Принцесса взяла с собой только одного прислужника и девочку-рабыню, которая сидела у ее ног, держа в руках поднос с изысканными яствами и бокалом охлажденного вина.

Покуда судно шло под парусами, гребцы могли отдыхать, растянувшись на палубе., Здесь были представители многих рас: сильные, привлекательные мужчины. Шаззад восхищалась буграми мускулов, перекатывающихся под загорелой блестящей кожей, и запахом здорового пота, смешанного с маслом кулачных орехов, которым она приказывала им натирать тело каждое утро. Принцесса лениво размышляла о том, что надо бы выбрать того, с кем можно провести предстоящую ночь, но вдруг с удивлением осознала, что ей этого совсем не хочется.

Но почему? Ведь прошло уже несколько недель, или даже месяцев, с тех пор как она делила ложе с мужчиной. Но Шаззад как будто и не чувствовала потребности в усладах плоти. Подумав, она нашла этому объяснение: со дня битвы с варварами ее интересовал лишь один мужчина — Гассем.

Принцесса протянула руку, и девочка вручила госпоже запотевшую чашу вина. Эта малышка была превосходной рабыней. Немая от рождения, она точно и быстро улавливала любое пожелание хозяйки. К тому же она была прекрасной слушательницей и никогда не утомляла Шаззад своей болтовней, которой обычно надоедали своим хозяевам даже самые преданные рабы. А самым ценным было то, что девочка не могла выдать ее тайн. Шаззад пригубила вино, произведенное в одном из ее собственных поместий.

— Маина, — обратилась она к девочке. — У нас теперь прекрасный флот, и я уверена, что на море нет равных. Но я опасаюсь за отца. Он действует неразумно...

Рабыня кивнула, огромными зелеными глазами с серьезным видом взирая на хозяйку из-под копны каштановых волос. Шаззад часто говорила с девочкой, так как ей было легче всего привести в порядок мысли, когда она высказывала их вслух. На свете было не так много людей, кому она могла довериться.

— К примеру, я считаю, что мы слишком рано выступили в поход. Еще не подоспел нам на помощь король Гейл со своими воинами. Я думаю, отцу следовало подождать, пока прибудет этой войско, и лишь потом, соединив обе армии, двинуться к Флории, поручив морскую операцию кому-нибудь из своих адмиралов. Таким образом, он одновременно нанес бы Гассему удары и с суши, и с моря. Отец утверждает, что хочет помешать дикарям переправляться с Островов, но по-моему, что он просто слишком нетерпелив и горит желанием поквитаться за свое унижение.

Она немного помолчала, затем продолжила:

— Я когда-нибудь говорила, что давным-давно Гейл был моим возлюбленным? — Девочка помотала головой. — Это было задолго до того, как ты стала моей рабыней. Он был замечательным... таким красавчиком... Но все же он был еще мальчишкой. — Она с сожалением взглянула в бокал. — Он и Гассем — соплеменники, но они такие разные! Это все равно, что сравнивать «Боевого Дракона» с «Лунной Искрой». Должно быть, Гассем не выглядел мальчишкой, даже когда был молод. Конечно, и Гейл теперь тоже возмужал и вырос. Забавно! Когда я видела его в последний раз, у него было одно копье и кабо, подаренный моим отцом, и он сопровождал караван как простой охранник. А теперь он король. Гейл, должно быть, теперь стал интересным мужчиной. Возможно, столь же привлекательным, как Гассем...

Два дня ушло у эскадры на то, чтобы обогнуть юго-западную оконечность материка. Стояла погода, благоприятная для плавания, легкий бриз раздувал паруса, и гребцы садились на весла лишь для того, чтобы поддерживать себя в форме. По вечерам слегка штормило, но волны не представляли опасности для невванских кораблей, а дождь наполнял резервуары свежей водой, которой хватало даже для мытья. Это было воспринято как хороший знак для начала похода, поскольку за время длительного плавания, когда вода выдается небольшими порциями, корабли зачастую превращаются в настоящую помойку.

К вечеру третьего дня эскадра достигла Мыса Отчаяния. Огромная скала прямо вырастала из моря, напоминая вознесенный к небесам кулак разгневанного бога. По сигналу флагмана, корабли бросили якорь.

Шаззад приказала своему капитану подойти к «Боевому Дракону». Король Пашар вышел на палубу и с улыбкой помахал дочери рукой.

— Почему мы остановились, отец? — спросила она, глядя снизу вверх и прикрывая глаза от солнца.

— Нужно ждать, — коротко ответил Пашар, но больше не дал никаких объяснений.

Добрых два дня эскадра простояла на якоре. Томившаяся от безделья Шаззад хотела было искупаться в чистой голубой воде, но потом решила, что не стоит делать это на глазах у мужчин. Принцесса решила, что отныне это ей не подобает, а потому не оставалось ничего иного, кроме томительного ожидания. Как всегда, принцесса поделилась своей досадой с рабыней.

— Мой отец — типичный мужчина, верно? — воскликнула Шаззад. — Даже сейчас он хочет показать, что у него есть дела, в которые я не должна вмешиваться. — Она потягивала ледяное вино, не находя себе места от скуки. За последнее время перед отплытием принцесса привыкла постоянно быть занятой.

Наутро Шаззад пробудилась на своей узкой койке, ощущая легкое покачивание яхты. Рядом на тюфяке тихонько посапывала девочка-рабыня. Принцесса не могла понять, что могло ее разбудить. С палубы доносился обычный шум и приглушенные голоса часовых. Вся команда имела строгие указания не разговаривать громко, пока принцесса почивает. Затем она услышала какие-то сильные и ритмичные звуки, доносившиеся издалека. Может, это гром? Не похоже...

— Поднимайся, — велела она рабыне, ласково похлопав ее по смуглому плечику. Девочка села, протирая глаза. — Что-то стряслось. Поторопись, мне нужно поскорее привести себя в порядок.

Девочка вскочила, наполнила водой серебряный кувшин и помогла госпоже умыться, убрать волосы и одеться. После этого принцесса вышла на палубу.

Последние ночные звезды гасли на небесах, уже начинавших розоветь на востоке. Шаззад озябла, так как весной по утрам было весьма прохладно. Вне каюты звук был слышен более отчетливо. Свободные от вахты матросы собрались на палубе, глядя куда-то на юг.

Шаззад подошла ближе. В утреннем тумане различить что-либо было можно лишь на расстоянии нескольких сотен шагов. Когда совсем рассвело, принцессе показалось, что она видит по левому борту четыре корабля, но выглядели они как-то необычно. Шаззад повернулась к человеку, стоявшему рядом с ней. Это был флейтист, который задавал ритм гребцам.

— Что происходит? — спросила принцесса.

Музыкант улыбнулся, показав щель между передними зубами:

— Пришли чиванские военные галеоны, принцесса. Два больших корабля.

Сейчас стало отчетливо видно, что приближающиеся корабли имели по два корпуса с двубортной весельной оснасткой, каждый из которых превосходил размерами «Боевого дракона». На общих палубах, соединяющих корпуса возвышались массивные носовые и кормовые надстройки. Катамараны имели мощную парусную оснастку, нок-реи были двойной толщины, грозные тени метательных орудий выступали с палуб и надстроек. Загадочный шум доносился именно с этих монстров: это гигантские барабаны отбивали ритм сотням гребцов.

К принцессе подошел капитан Саан:

— Вы прежде видели таких чудищ, госпожа?

— Нет, никогда, — ототзвалась принцесса. Шаззад была удивлена, и удивление оказалось даже сильнее гнева. — Почему мне не доложили о том, что происходит? Откуда взялись эти корабли? И почему они такие большие?

— Чиванцы — неумелые мореходы, и потому предпочитают строить корабли с большой остойчивостью. Они медлительны, как само время, но на море нет ничего более могущественного. Это настоящие плавучие крепости. Однако их гребцы не могут сражаться, если придет нужда, как заведено у нас на флоте: чиванцы сажают на весла рабов, скованных цепями.

Солнце, вставшее над горизонтом, окрасило паруса катамаранов в пурпур с оттенком золота. Ритмичный звук барабана окончательно разбудил принцессу. Она захотела побывать на борту этих чудовищ. Матросы на паруснике оживленно обсуждали приближающиеся корабли. Большей частью они пренебрежительно отзывались о мореходных качествах чиванских судов: те были слишком велики и неуклюжи, медлительны и не очень маневрены. К тому же галеоны были попросту огромными плавучими тюрьмами, — хотя об этом упоминали вполголоса и с оглядкой. И все же невванские моряки были поражены зрелищем тяжеловесной силы, которую олицетворяли собой морские монстры чиванцев.

Шаззад никогда не бывала в Чиве, и единственными представителями этой страны, с кем ей доводилось встречаться, были послы и торговцы. Она знала, что Чива — очень богатое государство, что там отправляют кровавые мрачные религиозные ритуалы и приносят богам человеческие жертвы. Чиванцы торговали и вели войны в основном с южными соседями. Во время правления двух предыдущих монархов Чива установила с Неввой дружеский союз.

 Через пару минут на мачте «Боевого дракона» воз-

ник сигнал, что принцессу Шаззад приглашают к королю. Саан отдал приказ, и «Лунная Искра» обогнув строй, пришвартовалась к флагману. Шаззад вернулась в свою маленькую каюту и подозвала Маину.

— Быстрее! Приведи меня в порядок!

Один из чиванских кораблей встал на якорь рядом с "Боевым Драконом". Верхняя палуба гигантского катамарана возвышалась над флагманом по крайней мере на пятнадцать футов. С помощью длинной выносной стрелы с катамарана на борт «Дракона» опустили резные сходни, которые чиванские матросы мигом закрепили на борту флагмана, упав ниц перед царственными особами.

— Ты уверен, что этот трап безопасен, отец? Оно может упасть, и мы разобьемся.

— Думаю, ничего не случится. Вряд ли чиванцы станут подвергать риску монарха союзной державы. Следуй за мной, моя дорогая, и старайся не смотреть вниз!

Король с дочерью с бесстрастным видом двинулись вперед. Пашар выглядел великолепно в своих парадных доспехах и красной мантии, его волосы и борода были подкрашены черным. Шаззад надела свое лучшее платье, предназначенное для летних приемов на свежем воздухе; краска на лице превращала его в безжизненную маску, как и подобало при приеме чужеземных гостей.

Шаззад ступала на три шага позади отца. Когда принцесса взошла на трап, она увидела, что обит тонкой зеленой тканью. На палубе чиванского корабля матросы дули в конусообразные морские раковины, издававшие низкий рев. Эти звуки сопровождали удары маленьких барабанов и перезвон колокольчиков. На вершине трапа стоял человек, одетый в набедренную повязку из дорогой ткани, с яркой накидкой из перьев на плечах. Когда Пашар с Шаззад взошли на борт корабля, он поклонился и отступил назад. Пожилой мужчина, стоявший на коленях у трапа, при их появлении вскинул руки ладонями вверх и закричал высоким дребезжащим голосом:

— Тысячу раз привет тебе, король Пашар, славный владыка Неввы, царственный собрат короля Диваза Девятого, правителя Чивы! Привет пятьсот раз тебе, принцесса Шаззад, дочь короля Пашара из Неввы, дочь сердца короля Диваза Девятого Чиванского! Привет вам тысячу пятьсот раз на борту «Диваза, попирающего варваров».

Старик говорил на южном наречии, с детства знакомом Шаззад.

— Все наши почести тебе, король Пашар, и тебе, принцесса Шаззад, — промолвил человек в накидке из пе-

рьев. — Я контр-адмирал принц Мачаз, сто двадцать пятый сын короля Диваза Девятого.

Шаззад, не удержавшись, заморгала, тут же разозлившись на себя за то, что не смогла сдержать удивление, и порадовалась, что отец не заметил ее оплошности. Пашар говорил ей, что принцесса крови должна оказаться способной не шевельнуть ресницами, даже когда муха усядется прямо ей на глазное яблоко.

— От всего королевства Неввы, приветствуем тебя, принц Мачаз! Добро пожаловать в нашу эскадру! Офицеры нашего флота выражают надежду на успешные совместные боевые действия, — произнес Пашар.

Глашатай у него за спиной выкрикнул слова приветствия, используя принятые ритуальные выражения.

Мачаз вновь поклонился.

— Позвольте представить вам, — он указал на мужчину, одетого почти так же, как он сам, — морского министра Чивы, принца Штичили, восемьдесят девятого сына короля Диваза Девятого и командира нашего второго корабля — «Вечно победоносный король Диваз».

В ходе бесконечного ритуального приветствия королю Пашару были поочередно представлены остальные чиванские аристократы. Затем Пашар представил своих старших офицеров, которые сопровождали королевскую семью.

Но вот наконец обмен любезностями закончился, и Мачаз предложил королю с дочерью осмотреть корабль. На небольших жаровнях, расставленных по всей палубе, курились благовония, однако даже этот резкий пряный запах не мог заглушить вонь от немытых тел гребцов, прикованных к скамьям. В отличие от невванских собратьев с «Лунной Искры», их явно не заставляли принимать ежедневные ванны.

Офицеры и вся команда катамарана на огромной палубе преклонили колени перед королем и его дочерью. Кроме двух громадных надстроек, на каждом конце палубы имелось еще несколько сооружений, украшенных в своеобразном чиванском стиле. Матросы в ярких набедренных повязках и головных уборах из перьев носили лакированные доспехи из расщепленного бамбука, обтянутые кожей рептилий, и были вооружены короткими мечами и секирами с каменными и бронзовыми лезвиями. Большинство людей, как успела заметить Шаззад, носили тяжелые кольца в нижней губе и в одной или двух ноздрях и, а также крупные серьги в ушах. Все тело чиванцев покрывала татуировка. На палубе также оказалось несколько женщин, одетые лишь в килты и головные уборы из перьев. Этих женщины были татуированы еще

больше мужчин. Сперва Шаззад подумала, что это рабыни, но потом с удивлением обнаружила, что они носят оружие. Эти воительницы имели немало шрамов на теле, а кольца и украшения висели у них не только в ноздрях или ушах, но и в проколотых сосках грудей. Пока Мачаз беседовал с ее отцом, к Шаззад подошел принц Штичили.

— Позвольте мне сопровождать вас, принцесса, — предложил он.

Теперь, когда все формальности завершились, на его лице играла приветливая улыбка.

— Я буду вам признательна, принц Штичили. — Ей было нелегко произносить это непривычное имя.

— Можете называть меня просто Ли, принцесса... так обычно зовут меня друзья.

Шаззад с трудом могла вообразить себе, что друзей человека, у которого на лице была вытатуирована семиконечная звезда.

— Я восхищаюсь вашим кораблем. У нас в Невве нет ничего подобного.

Принц рассмеялся, показывая подпиленные зубы:

— Мы переняли кораблестроение у невванцев много веков назад. В то время мы сами плавали только на плотах. Сначала мы не доверяли кораблям с глубокой осадкой и всегда помещали рядом с ними плоты для увеличения остойчивости. Но в конце концов все же достигли кое-каких результатов.

— Но это, наверное, очень сложно! — воскликнула Шаззад.

Они вступили под навес из пальмовых листьев, где был накрыт пиршественный стол.

— Вы правы, — признал принц Ли. — Однако опыт наших мореплавателей доказал преимущества таких судов.

Скрестив ноги, они уселись за низким столом и приступили к трапезе. Вначале прозвучало несколько тостов за здравие монархов и победу в походе. Ли предложил Шаззад небольшой вертел с нанизанными на него кусочками мяса и фруктов. Кушанье выглядело весьма изысканным и оказалось очень вкусным.

Трапеза оказалась долгой и приятной, вот только мешали музыканты, гремевшие какие-то бравурные мелодии. Впрочем, Шаззад уже начинала привыкать к чиванским излишествам. Вскоре появилось танцовщицы. Принц объяснил, что их танец повествует о древнем короле, лишенном престола коварной богиней, и о кровавых деяниях богов и героев.

После трапезы Ли пригласил Шаззад на прогулку по кораблю. Они начали с гребного отсека, где ей показали ряды скамеек, к каждой из которых был прикован цепями

гребец. Ритм поддерживал стук барабана, а гребца, допустившего сбой, немедля карал кнут надсмотрщика. Зрелище было довольно тягостным и вместе с тем величественным. Крепкие мускулистые гребцы двигались, словно части огромного механизма. Зловоние здесь было просто нестерпимым.

На палубе Шаззад продемонстрировали гигантские метательные машины, которые по размерам превосходили самые большие из невванских орудий. Подбоные катапульты стояли лишь на стенах Касина. Носовая и кормовая надстройки катамарана были около двадцати футов в высоту и могли увеличиваться в размерах за счет штурмовых сооружений.

На чиванских воинах были праздничные наряды. Среди них Шаззад заметила лучников, чьи стрелы были украшены перьями красочных птиц, а наконечники сделаны из вулканического кремня, похожего на черное стекло. Шаззад спросила принца и о поразивших ее воображение воительницах.

— Этих женщин с детства начинают обучать военному искусству. Они родом из племен, выплачивающих Чиве положенную дань детьми, — пояснил Ли. — Будущих воительниц растят обособленно, и они не знают иной цели в жизни, кроме служения королю. Шрамы на теле говорят об их участии в кровопролитных сражениях, а также о занимаемом положении в отряде.

— Но не могут же они силой равняться с мужчинами! — заметила Шаззад.

С этими словами, она с размаху ударила кулачком по животу женщины, на лице которой было больше шрамов, чем у ее соплеменниц. Рука принцессы ощутила железную твердость мускулов и рубцы от шрамов. Ей показалось, будто кулак наткнулся на обтянутый кожей щит.

— Они ни в чем не уступают мужчинам, ибо они отчаянные и беспощадные воины, — сказал Ли. — Война — их единственное занятие. У них нет земель, мужей и детей, которые могли бы отвлекать женщин от выполнения их обязанностей. На их тела еще в детстве начинают наносить татуировку — таким образом будущих воительниц приучают переносить боль. С раннего возраста их привлекают к допросам захваченных в сражениях пленников, а также заставляют добивать раненых в битве врагов. Так что они получают отменный опыт даже прежде, чем впервые идут в бой.

— Поразительно, — прошептала Шаззад, завороженно глядя на огромный рубина, вдетый в сосок одной из женщин. Должно быть, этих рабынь высоко ценили в Чиве. Она заметила, что воительницы не носили украшений в губах, и это ей понравилось: рваные губы казались принцессе от-

вратительными. — Я хотела бы приобрести нескольких таких женщин.

— Увы, но это невозможно, — отозвался Ли. — Они собственность короля и не подлежат продаже. Однако я буду рад одолжить их вам на время этой кампании.

Принцесса улыбнулась:

— Больше всего мне нравится вот эта. — Она взглянула в упор на сероглазую воительницу. — Как твое имя?

— Кровавая Секира, — ответила та.

— У них нет имен... только прозвища, полученные в битвах. — пояснил Ли. — Эти женщины беспрекословно подчиняются старшим по званию и поклоняются королю Чивы как божеству. Точно так же они будут относиться и к тебе.

Прежде чем покинуть корабль, Шаззад все же решилась задать вопрос, который удивлял ее с момента представления чиванских вельмож:

— Скажите, принц Ли, вы восемьдесят девятый сын короля Диваза, а принц Мачаз — только сто двадцать пятый. Почему же он занимает более высокое положение?

— У нас важнее происхождение матери, а не время рождения ребенка, — ответил принц Штичили.

Король и его дочь в сопровождении свиты возвратились на флагман. Ступив на палубу, Шаззад поразилась, насколько маленьким ей показался корабль. Принцесса намеревалась сменить парадное платье на одеяние, более подходящее для морского похода, но сперва решила поговорить с отцом.

В роскошной каюте рабы снимали с Пашара доспехи. Шаззад присела на диван среди подушек и приняла из рук слуги бокал с вином. Пашар также пригубил напиток. Принцесса знала, что лекарь добавляет в вино лекарственные травы, которые должны предотвратить болезни, свойственные преклонному возрасту.

Она всегда опасалась, что это зелье может пагубно воздействовать на рассудок короля.

— Ну, дочь моя, что ты думаешь о наших союзниках? — с довольным видом поинтересовался Пашар.

— Мне они показались весьма... живописными. Интересно, они и впрямь каннибалы, как болтают в Касине? Мне показалось неловко спросить об этом напрямую.

— До меня также доходили разные слухи, — отозвался король, усаживаясь рядом с дочерью на диван. — Но омайцы, наверняка, говорят то же самое и о нас. И все же я пристально следил за теми блюдами, что подавали на банкете... Как бы то ни было, сюда их привели более серьезные намерения. Что ты думаешь об их гигантских кораблях?

— Они весьма внушительны и выглядят угрожающе. Но на них нет таранов.

— В самом деле?

— Неужто ты не заметил? Я, конечно, не знаток, но ясно вижу, что эти монстры не предназначены для морских сражений. Я полагала, что мы двинемся на север, чтобы напасть на суда Гассема, и попытаемся вынудить его воевать с нами на море.

— Да, это входит в наш план, — осторожно ответил король.

— Но на самом деле, ты намерен осадить город, не так ли? Ты собираешься войти в бухту Флории и взять приступом крепостные стены? — спросила принцесса.

— Именно это я и сделаю, — кивнул Пашар. — Если разведка покажет, что причалы и гавань хорошо охраняются, мы используем штурмовые возможности чиванских кораблей. Стены Флории, что выходят к морю, довольно низкие. Плавучие крепости чиванцев помогут нам одолеть их.

Шаззад была взволнована. Впервые король был с ней так откровенен.

— Отец, но почему ты не хочешь подождать, пока прибудет короля Гейла? Имея превосходство как на суше, так и в море, ты смог бы наголову разгромить Гассема. Зачем же штурмовать город сейчас?

Пашар со снисходительной усмешкой удостоил дочь терпеливого объяснения:

— Дитя мое, в письме король Гейл сообщил, что спешит нам на помощь с большим войском. Не знаю, правда ли это, но если да, то его армия будет вынуждена пересечь Зону — неизведанную и крайне опасную территорию. Кто знает, что с ним может там случиться? Даже если ему удастся миновать Запретные Земли, сохранив большую часть своих людей и кабо, все равно он может появиться слишком поздно. Если он прибудет вовремя и приведет крупные силы, мы с радостью примем его помощь, но я не могу всерьез на это рассчитывать.

— А что если Гассем отразит все наши атаки? Если он одержит новую победу и закрепится на материке?

Король пренебрежительно махнул рукой.

— Однажды Гассем поразил меня. Мы ожидали увидеть орду дикарей, а перед нами предстала довольно организованная армия. Но то было на суше. На море же Невва господствует до сих пор. Сухопутные войска можно подготовить к бою всего за пару недель, но нужна целая вечность для создания флота. И потребуется не один десяток лет, чтобы должным образом научиться воевать на море.

— Однажды мы уже недооценили противника и проиграли сражение, — заметила принцесса.

— Довольно, дочь моя, — резко оборвал ее король. — Транспортные корабли доставят войска для взятия причалов и крепостных стен. Такой атаки Гассему не выдержать.

Шаззад пришла в бешенство. Король, вместо того, чтобы посоветоваться с ней, вновь внял нелепым советам своих царедворцев.

— Послушай, отец, Гассем и его воины — кочевники-дикари. Город им ни к чему. Если ты одержишь победу, они просто сбегут по суше и захватят любой из соседних городов. Что нам делать тогда? Гнаться за ними на кораблях по земле?

— Замолчи! — прорычал король. — Довольно с меня твоих дерзких речей! Возвращайся к себе на корабль. Я согласен, что ты заслужила право видеть, как мы уничтожим орду Гассема. Ты проделала немалую работу, чтобы привести флот в порядок, но никто, даже родная дочь, не смеет противиться моей воле!

Шаззад склонилась перед отцом в покорном поклоне. Сейчас она была бессильна что-либо изменить, но возвращаться в столицу ей не хотелось.

— Прошу простить меня, отец. Я желаю лишь верно служить тебе и тревожусь о твоем благе. Мне не по душе, когда ты рискуешь собой больше, чем требуется. Поверь, что лишь поэтому я говорила с тобой так резко.

— Я прощаю тебя, — смягчившись, проронил Пашар. — Но не тревожься: мы как следует продумали свою стратегию. Ты увидишь, как легко мне будет одолеть Гассема.

Бормоча себе под нос худшие ругательства, Шаззад вернулась на «Лунную Искру» и велела немой рабыне снять с нее парадное одеяние.

— У меня недоброе предчувствие, Мина. Отец намерен ринуться в бой в уверенности, что Гассем станет воевать именно так, как того желает король Пашар. Он убежден, что Гассем незнаком с тактикой ведения морского боя, однако, дикарь ведь захватил портовый город, и там наверняка нашлось немало предателей, готовых послужить новому хозяину.

Девочка помогла госпоже умыться. Но прежде чем Шаззад начала переодеваться, в дверь постучал капитан.

— Принцесса, к вам люди с корабля чиванцев.

Она поднялась на палубу. У самого борта покачивалась на волнах длинная лодка, нос которой был украшен изваянием трехглавого змея. Помимо гребцов и рулевого, там стояли десять женщин-воительниц.

— Взгляни на моих новых телохранителей, — предста-

вила их Шаззад капитану. — Наши новые союзники дали мне эту свиту.

— Но где же нам их разместить? — почесал в затылке капитан.

— Они готовы спать даже на палубе. Говорят, эти женщины гордятся своей стойкостью, с какой переносят любые невзгоды.

Матросы в изумлении наблюдали за тем, как воительницы, сильные и гибкие, точно кошки, взбираются на борт судна.

— Подойди ко мне, Кровавая Секира, — на южном наречии велела Шаззад.

Тем временем женщины осматривались по сторонам, не скрывая своего презрения к пялившимся на них мужчинам. Воительница обернулась на голос Шаззад. От нее резко пахло потом.

— Я вижу, Кровавая Секира, что у тебя больше всех шрамов, так что ты будешь отныне начальником стражи. Согласна?

— Да.

— Отлично. Будешь отвечать за своих подруг. Отныне обращайтесь ко мне «принцесса» или «хозяйка», или «госпожа». Объясни это всем остальным.

— Наши обычаи запрещают...

— Ваши обычаи мне известны. А сейчас позволь поведать тебе о наших. Я уступаю тебе физической силой, но зато мне служат крепкие мужчины. И если кто вознамерится обидеть меня, то преступника распинают на кресте. Он может прожить еще четыре или пять дней после этого, дабы раскаяться в своем преступлении. Ты понимаешь, что я хочу сказать? Едва ли ваш король станет портить отношения между нашими державами, даже если я велю казнить любую из вас... Или всех десятерых.

По выражению лица принцессы чиванка ясно поняла, что та и не думает шутить.

— Да... госпожа.

— Вот и славно. Кроме того, мне не нравится, как от тебя пахнет. Пока вы на борту моего короля, я желаю, чтобы ежедневно вы мылись с головы до ног и натирались маслом, как мои гребцы.

— Твоя воля — закон, госпожа.

— Должно быть, вы полагаете себя обманутыми и огорчены, что не будете участвовать в грядущей битве. Если так, то я могу вас порадовать: мой отец и впрямь надеялся, что мы останемся в стороне от морского сражения и даже

вне досягаемости от орудий противника. Однако, я нарушу его приказ. Очень скоро вокруг нас будет кипеть битва, и я надеюсь, Кровавая Секира, что оправдаешь свое воинственное прозвание.

Женщина растянула губы в широкой улыбке, обнажив подпиленные зубы, украшенные бронзовыми вставками.

— Мы оправдаем твои надежды, госпожа!

Глава одиннадцатая

Вот уже более недели войско Гейла шло по безжизненной пустыне. Эту совершенно плоскую местность лишь порой нарушали невысокие холмы причудливой формы и круглые кратеры, не разрушенные ветрами лишь благодаря чахлой растительности, что обрамляла их склоны, подобно вытоптанному пыльному ковру.

Не проходило и дня, чтобы Гейл не возблагодарил духов этой суровой земли за то, что те послали им вебба. Всадники на птицах были способны отыскать колодцы и источники воды в самых неожиданных местах. Еще больше изумился Гейл, услышав от Джосса, что вебба никогда дважды не ходят одним и тем же путем, чтобы никакой враг не смог пройти по их следу.

Чаще всего вебба приходилось разделять войско Гейла на отряды и вести их к разным источникам, поскольку ни один колодец в пустыне не мог разом напоить несколько тысяч людей и животных.

Вечером десятого дня Джосс объявил:

— Завтра мы достигнем Запретного Кратера и окажемся на плодородных землях, где начинается территория Каньона. Там обитают немногочисленные земледельцы, но среди них есть могущественные колдуны. Так что следует быть очень осторожным, если намереваешься ограбить кого-то в тех местах: колдуны способны принести беду.

— Я вовсе не собирался их грабить, — возмутился Гейл.

Джосс повел плечами.

— Твое дело. Но, по-моему, глупо не применить силу, если имеешь такую возможность.

— А почему у этого места есть имя — Запретный Кратер, а все прочие места, где мы шли, остались безымянными.

— Все здешние места прокляты, — пояснил Джосс. — Однако, проклятье Запретного Кратера — самое опасное. Мириады злых духов обитают в тех местах и приносят погибель всему живому.

— Погибель? — подивился Гейл. — Ты хочешь сказать, что люди умирают, попав туда?

— Это мне неизвестно, — потер переносицу Джосс. —

Вот уже много тысяч лет, как никто не ступал на эти земли. Такой запрет наложили боги и предки.

Уже на следующий день они оказались у кратера, кромка которого четко выделалась на фоне безоблачного неба. Он был несравненно выше всех тех холмов, что прежде попадались у всадников на пути, и его края еще не осыпались. Гейл остановил отряд.

— Я намерен взглянуть, что там внутри, — заявил король, которого это место притягивало с неведомой силой. Насколько мог судить Гейл, никаких злых духов здесь не имелось... Ни злых, ни добрых.

— Не делай этого! — воскликнул Джосс. — Не надо! Ты погибнешь!

— Не тревожься за меня, — усмехнулся Гейл. — Я умею говорить с духами и убежден, что они не причинят мне вреда.

— Если хочешь, мы отправимся с тобой, — предложил Дамиан.

— Это ни к чему. Ждите меня здесь. Полагаю, я скоро вернусь.

Развернув своего кабо, Гейл направился к краю кратера. Джосс с остальными вебба, не поверившие обещанию короля, затянули какую-то тоскливую песнь. Впрочем, Гейл сомневался, чтобы их молитвы могли защитить его от несчастья.

Он и сам толком не знал, почему его так тянет к этому месту. Возможно — простое любопытство, что всегда толкало его посетить новые неизведанные места и изведать опасные приключения, и если тут имелась какая-то тайна, то он обязан попытаться сдвинуть скрывавший ее покров.

Не без труда кабо взобрался на склон. Никакой тревоги он не ощущал: похоже, это место не внушало ему опасений. Придержав скакуна, Гейл постарался внимательно рассмотреть грязно-белые края кратера, словно созданные рукой человека. Приподнявшись в стременах, король тронул рукой поверхность, ощущая под пальцами мелкие острые камешки. Судя по всему, это был цемент, но не пористый и мягкий, а твердый...

Давным-давно был утерян секрет его изготовления. Здесь и там на поверхности проступали коричневатые пятна, указывавшие на инородные вкрапления.

Охваченный волнением, Гейл заглянул внутрь кратера. Он был всего лишь с десяток локтей в глубину, но очень широким. У короля возникло ощущение, что много веков назад здесь произошла какая-то неведомая катастрофа. Должно быть, многие годы после этого здешние места оставались пристанищем злых духов, давая почву для пугающих слу-

хов и легенд. Однако, вероятно, магия либо исчезла совсем, либо с тех пор значительно ослабла.

Дно кратера было усеяно огромными бетонными глыбами, громоздившимися там подобно ледяным торосам северной земли. Гейл не заметил никаких признаков жизни, — вероятно, он был первым человеком, проникшим сюда за очень долгое время.

Гейл спешился, чтобы получше рассмотреть огромную глыбу, в которой было полно коричневатых вкраплений. В свое время он много общался с ремесленниками, что изготавливали из металла оружие и иные предметы, и видел образцы металлов, привезенные купцами, так что сейчас он сразу понял, в чем дело, стоило лишь ему, подобрав кусочек камня, царапнуть коричневатое пятно на глыбе. Корка ржавчины тут же отвалилась, и на поверхности блеснуло нечто серебристое.

Гейл готов был возблагодарить богов этой земли, но не ведал их имен. Ведь перед ним была сталь! Самый драгоценный металл на земле!

Не теряя времени даром, он вновь вскочил в седло и принялся внимательно обследовать дно кратера. Здесь было несметное число бетонных глыб, и в каждой проглядывали драгоценные вкрапления. На поверхности сталь за много веков проржавела и с хрустом рассыпалась от любого прикосновения, но внутри бетона металл не поддавался воздействию времени.

Гейл был вне себя от волнения. Нужно привести сюда людей, установить плавильные печи, и тогда он добудет столько стали, что его королевство станет богатейшим в мире! Войско, вооруженное стальным оружием, не будет знать поражений! Но, увы, устроить это будет непросто. Понадобится время и немалая хитрость... А пока следует хранить в строжайшей тайне эту поразительную новость.

Завидев возвращавшегося Гейла, вебба не сумели сдержать изумленных возгласов. Никто не ожидал, что он сумеет живым выйти из запретного кратера.

— Похоже, ты и впрямь могущественный колдун, если смог уцелеть в этом проклятом месте, — благоговейно поклонился королю Джосс.

— Это место — и впрямь необычное, — отозвался Гейл. — Думаю, ваши боги желали, чтобы я его увидел.

С тех пор вебба стали относиться к Гейлу с еще большим почтением.

Через три дня они встретились с обитателями Каньона.

Земля здесь была не слишком плодородной, но по сравнению с пустыней, которую они прошли недавно,

эта холмистая местность с небогатой бурой растительностью радовала глаз. На склонах росли невысокие деревья, в долинах текли ручьи. Воду из них черпали кожаными ведрами и поднимали ее на террасы, засаженные злаками и овощами. Люди, населявшие эти места, были низкорослыми, худощавыми и темнокожими. Они походили на вебба и говорили на сходном наречии, но гордые птичьи всадники ни за что не признали бы своего родства с кроткими и трудолюбивыми землепашцами.

Во многом жизнь здесь напомнила Гейлу его родной остров. Он многое повидал с тех пор, но земледелие по-прежнему казалось ему не особенно достойным занятием, немногим лучше пребывания в рабстве. Он никак не мог взять в толк, зачем люди живут, прикованные к своим жалким делянкам, когда могут свободно скитаться по равнинам или бороздить морские просторы?

Крестьяне с интересом глазели на неизвестно откуда взявшихся всадников. Гейл строго велел своим людям не задевать местных жителей, но никаких попыток сблизиться с ними не предпринимал: знакомство непременно вылилось бы в бесконечные церемонии и задержки. Кабо, повалив кое-где ограды, пощипали траву и напились воды из ручьев, не нанеся, впрочем, никому значительного ущерба. Гейл хотел было расплатится с крестьянами, но Джосс заявил, что это бессмысленно.

— Великий брайо, эти деревенщины могут и сами починить изгороди, причем совершенно! — Джосс обращался к Гейлу так, как у вебба было принято именовать Говорящих с Духами. — Это все, на что они способны. Ты не представляешь, как они счастливы и тем, что никто не тронул ни их самих, ни их жилища!

— Все равно я не хочу оставить после себя плохую память. Обратно мы будем возвращаться этим же путем, и ни к чему, чтобы они разбегались при нашем появлении. К тому же, мне следует обсудить с ними одно дело.

— Какое еще дело? — изумился Джосс. — С крестьянами? Какое дело может обсуждать с ними воин, если, конечно, он не хочет воспользоваться плодами их труда или имуществом?

— Это заботы брайо, — отрезал Гейл.

С того дня, как они покинули Запретный Кратер, король старался запоминать местность, по которой они шли: это пригодится на обратном пути. Обитатели Каньона могут обеспечить его рабочей силой, необходимой для добычи металла. В отличие от воинов, селяне привыкли к черной работе... и к тому же жили всего в нескольких днях пути от богатого сталью Кратера.

Правда, короля опасался, что если начнет раскопки, то все узнают его тайну, и старательно обдумывал, как этого избежать. Можно провести работников к Кратеру запутанным путем, можно завязать им глаза. Они сделали бы все необходимое и вернулись обратно, даже не догадываясь, где побывали. Пищу, воду и орудия труда можно доставлять туда с караваном, и с ним же вывозить в Равнинные Земли добытое сырье. Для перевозок понадобятся привычные к климату пустыни наски. Кабо слишком драгоценны, чтобы использовать их в качестве вьючных животных.

Но вот как высвободить сталь из бетона? Гейла решил, что надо доставить в Кратер кузнечный горн, а затем самим сделать необходимые инструменты из первой добытой стали. Для этого не понадобится много топлива. Куда легче будет разбивать бетон, если вооружить рабочих инструментами из стали.

Это была блестящая мысль! Кому в голову могла прийти идея использовать драгоценное железо для изготовления столь простых вещей, как кирка и лопата? Из стали делалось оружие для состоятельных людей. Только ювелиры имели стальные инструменты, да и то совсем небольшие. Но когда запасы Запретного Кратера истощатся, рабочие инструменты можно будет переплавить... Гейл был полностью занят этими раздумьями, как вдруг перед ним неожиданно появились обитатели Каньона.

— Горбачи! — воскликнул Джосс.

Он указал на дальний холм, где показались маленькие точки — фигурки всадников. Они не двигались, но по их построению было ясно, что они готовы к боевым действиям.

— Кто это такие? — спросил Гейл.

— Обитатели Каньона, — пояснил Джосс без тени испуга, но впрочем и без особого удовольствия. — Наверняка хотят узнать, кто ты и зачем явился сюда.

— Правильно, — кивнул Гейл. — Если бы кто-нибудь заявился на мои земли в сопровождении шеститысячной армии, я бы тоже потребовал от него объяснений. Надеюсь, мы с ними поладим.

Джосс тряхнул головой:

— Они все колдуны и несут в себе зло. Но ты ведь не боишься магии? — с надеждой спросил он. — Человек, осмелившийся побывать в Запретном Кратере, к которому благоволят боги этого проклятого места, сумеет подружиться даже с обитателями Каньона. Однако нам настало время вас покинуть.

Местные жители не слишком дружественно относятся к вебба. Мы продолжим путь на северо-восток, и если вы

снова окажетесь в наших краях, я всегда буду рад повстречаться с тобой.

— Надеюсь, наши народы всегда будут жить в мире друг с другом, — сказал Гейл, на прощание пожимая Джоссу руку.

Вскоре птичьи всадники скрылись вдали, и ничто, кроме клубов пыли, поднятых крепкими ногами диковинных скакунов, не напоминало об их присутствии.

Гейл со своими людьми двинулся вперед. По мере приближения к горбачам и их всадникам, можно было лучше рассмотреть этих животных. Горбачи оказались довольно неуклюжими высокими созданиями с длинными изогнутыми шеями и клинообразными головами, увенчанными короткими рогами. Их называли горбачами из-за жировых отложений на спинах, напоминавших горбы. У этих животных был густой волнистый мех, окрашенный в тусклые цвета пустыни: серовато-коричневый, рыжевато-бурый, черно-серый. От них исходил неприятный резкий запах. О выносливости горбачей складывали легенды. Они могли находить пропитание там, где кабо погибали с голода, могли идти много дней без воды. Кроме того, на них можно было ездить верхом.

Когда войско Гейла приблизилось к холму, горбачи стали спускаться по склону. На животных были пестрые попоны, украшены бахромой и блестящими безделушками. Всадники носили свободные развевающиеся одежды ярких цветов, призванные защитить от палящего солнца, а лица их скрывали капюшоны. Вооружены они были луками и копьями, а у некоторых к седлам были приторочены длинные мечи.

Всадников оказалось не больше десятка, так что никому из людей Гейла и в голову не пришло принять какие-то меры предосторожности. Кабо явно не понравился вид и запах горбачей, и они нервно переминались с ноги на ногу. Горбачи остановились в нескольких шагах от Гейла, и всадники откинули капюшоны. По рядам воинов прокатился изумленный ропот.

Из всех людей, которых доводилось видеть Гейлу в своих странствиях, эти люди, несомненно, выглядели наиболее странно: у них была голубая кожа! Сперва Гейл подумал, что это краска, но тут же понял, что это естественный цвет. Настолько же необычными оказались глаза незнакомцев — голубые, карие, серые, зеленые, желтые и даже пурпурные. У всадников были длинные вьющиеся волосы, отливавшие серебром.

— Обитатели Каньона приветствуют вас, — произнес один из этих удивительных людей, высокий и гибкий, как все его спутники, и с ярко-желтыми глазами. — Мы хотели бы знать твое имя, откуда и зачем ты пришел на наши зем-

ли. — Человек говорил на непривычно звучащем южном наречии... возможно, то был некий древний диалект.

— Я — Гейл, король Равнинных Земель. Мы идем издалека, пересекли пустыню и горные хребты. Мы идем воевать, но на вашу землю пришли с миром. Нам необходимо попасть в Невву, где король Пашар ждет моей помощи. Мы не причиним вам зла. Наше единственное желание — как можно быстрее миновать эти земли.

— Чимай, — приказал желтоглазый всадник, — выясни, говорит ли этот человек правду.

Один из горбачей выступил вперед, и кабо Гейла отпрянул в сторону, но король удержал своего скакуна.

— Я должен дотронуться до тебя, — произнес всадник. — Не бойся.

К вящему удивлению Гейла, голос, принадлежал женщине. Пол этих людей определить было довольно сложно, внешне женщина почти не отличалась от своих спутников, лишь губы были чуть более пухлыми. У всех обитателей Каньона были правильные черты лица, а мужчины не носили бороду. Их волосы были причесаны одинаково, а тела скрывались под длинными развевающимися одеждами.

Горбач незнакомки был намного выше кабо, поэтому ей пришлось нагнуться, чтобы кончиками пальцев притронуться ко лбу Гейла. Эта женщина не носила никаких особых знаков, указывающих на ее особый дар, но Гейл сразу же понял, что перед ним — Говорящая с Духами. Она зажмурилась и принялась беззвучно шевелить губами. Через пару минут глаза женщины широко распахнулись. Они оказались лилового цвета. Отдернув руку, она отпрянула.

— Он лжет? — поинтересовался незнакомец, первым обратившийся к ним.

Гейл порадовался, что лишь немногие из его воинов говорили на южном диалекте, иначе горячие головы уже пустили бы в ход оружие, услышав такие речи о своем короле.

— Нет, — женщина покачала головой. — Он сказал правду. Но... Я не могу толком объяснить... Я чувствую в нем силу. Духи... Они пронизывают его подобно тому, как воды Коллы текут по Каньону.

— Как и ты, я способен говорить с духами, — сказал Гейл. — А еще я король и воин. У вас нет причин бояться нас.

На самом деле, единственным, кто испытывал тревогу, был он сам. Гейл еще никогда не встречался с подобной разновидностью магии. Эта женщина могла прикоснуться ко лбу человека и определить, лжет он или говорит правду. Он знал людей, которые утверждали, будто умеют читать

мысли, но эта женщина владела этим искусством по-настоящему. Прикоснувшись ко лбу Гейла, она сразу же узнала о том, что отличало его от других людей. Он впервые поверил, что жители Каньона владеют могущественной магией.

— Рад это слышать, — произнес желтоглазый. — Если вы пришли с миром, вам будут рады в наших землях. Позволь нам стать твоими проводниками. Недалеко отсюда протекает река Колла. — При этих словах, незнакомцы поднесли кончики пальцев к губам, а затем ко лбу, выказывая, вероятно, почтение к упомянутой реке. — Там вы найдете воду, чтобы утолить жажду людей и животных. Мы будем идти вдоль реки несколько дней, а потом вы повернете на северо-запад, в сторону Неввы.

— Я вам искренне благодарен, — промолвил Гейл.

Похоже, их путешествие все же близилось к завершению. Путь от невванской границы до Касина был неблизким, но его армия окажется в цивилизованной стране, где их прибытия с нетерпением ожидает сам король, и там они получат любую помощь, какая потребуется.

— Тогда мы готовы отправляться в путь. Лучше бы нам достигнуть реки еще до темноты.

Гейл перевел все сказанное своим воинам, умолчав о том, что женщина владела даром ясновидения.

— Мое имя — Манва, — объявил незнакомец. — Я родом из города Священного Покоя. Ты уже знаком с Чимай, нашей Говорящей с Духами. — Затем он представил остальных, и Гейлу впервые удалось как следует к ним присмотреться: половина всадников оказались женщинами. — Но расскажи нам, с кем воюет король Неввы? Прежний правыитель этой страны много лет назад посылал сюда отряд, чтобы потребовать с нас дань. Мы отправили их восвояси... и не думаю, что кто-то из них осмелится сюда вернуться.

— Я видел одного из тех людей, — заметил Гейл. — Он говорил, что вы колдовством убили их военачальника.

Чимай усмехнулась:

— Всякий защищается как умеет. И кто может запретить нам использовать наши умения?

Гейл тоже незаметно улыбнулся. Никто никогда не признается в том, что не обладают могуществом, которое приписывают ему другие.

Многозначительные намеки внушают куда большее почтение, чем громкое хвастовство. Он сам нередко пользовался этим приемом.

— Земли короля Пашара на северо-западе подверглись нападению варваров с Островов. Они захватили порто-

вый город и обосновались там, поэтому Пашар просит, чтобы мои всадники приняли участие в этой войне.

— Стало быть, сейчас ему не до нас, — заметила Чимай.

— Вот и славно, — сказал Манва. — У нас хватает хлопот с Граном и Соно.

Это были южные королевства, с которыми торговал Гейл.

— Мне будет досадно, если вы решите обратить свое могущественное колдовство против Соно, — сказал Гейл. — Мы покупаем у них великолепные седла.

Мужчина и женщина рассмеялись — их смех звучал так же мелодично, как и речь. «Эти нежные голоса, изящные жесты и приятная внешность составляют слишком резкий контраст с животными, на которых они ездят», — подумал Гейл. Горбачи не шли ни в какое сравнение с кабо, которые были столь прекрасны, что на них отлично выглядел даже самый неуклюжий всадник.

По дороге обитатели Каньона беседовали с Гейлом. Все они обладали особой манерой разговора: никто не говорил о серьезных делах, точно опасаясь, что собеседник узнает от них что-то важное. Королю казалось странным, что, обитая среди почти первозданной природы, его спутники пользуются уловками утонченных царедворцев.

Солнце еще стояло высоко на небосводе, когда они достигли берегов Коллы. Воины Гейла вскрикнули от удивления, увидев такой широкий поток. На Равнинных Землях реки были узкими и разливались только после сильных дождей. Колла же оказалась не менее сотни шагов в ширину, полноводной и стремительной. Берега ее поросли густой травой.

— Можете напоите кабо и отпустите пастись, — велел Гейл. — Потом разбейте лагерь.

Топлива для костров у них не было. Король увидел, что на берегу валяется немало сухой древесины, выброшенной мощным потоком, и хотел было распорядиться собрать ее, но тут же вспомнил, с каким благоговением относятся к реке жители Каньона — похоже, они поклонялись ей, как святыне.

— Прошу меня простить, — промолвил он, осознав, что вел себя необдуманно. — Я отдал приказание слишком поспешно. Есть ли какие-то ритуалы, которые я должен исполнить, прежде чем воспользоваться дарами великой реки?

Чимай вновь улыбнулась, на сей раз не скрывая своего расположения:

— Это ни к чему. Реку не заботят дела смертных. Это самонадеянно с нашей стороны считать, что мы можем обидеть ее своими действиями. Однако мы благодарны тебе за то, что ты побеспокоился о наших традициях.

— Я всегда стараюсь не оскорблять богов и духов других народов. Я также стремлюсь, находясь на чужих землях, придерживаться местных традиций.

Король наконец спешился. Он и его люди провели в седле длинный нелегкий день и сильно устали. Жители Каньона также сошли на землю. Для этого горбачи улеглись, и всадники задом наперед соскользнули у них со спины.

— Когда мы увидели вас, нам показалось, что с вами едут вебба, — заметила Чимай. — Как вам удалось подружиться с ними?

— А сами вы общаетесь с этим племенем? — в свою очередь поинтересовался Гейл.

Манва хмыкнул.

— Без вебба никому не обойтись. Но вести с ними дела нелегко: вебба малочисленны, но очень высокомерны. Они думают, что езда на каких-то глупых птицах делает их значительными, а на самом деле они всего-навсего воры и грабители. Но, конечно, в пустыне они — непревзойденные воины, и вы правильно сделали, что завязали с ними дружбу.

Вечером, когда все расселись у потрескивавшего костра, Гейл рассказал о пути, который они проделали, и о тех чудесах, что им довелось увидеть: о гигантском страже ущелья и непонятных письменах, а также о водоеме со статуей прекрасной богини.

— У нас есть сказания о Страже — каменном великане, что охраняет проход в скалах, — сказала Чимай. — Однако мы впервые слышим о чудесном оазисе. Ничего удивительного, что вебба держат это в тайне.

— Твое имя нам знакомо, король Гейл, — заметил Манва. — Мы часто торгуем южанами, даже когда воюем с ними. Торговцы рассказывали о новом властителе северных земель, который создал королевство из диких племен и покорил огромную территорию.

— Что еще они говорят обо мне? — заинтересовался Гейл.

Манва усмехнулся:

— Они также утверждают, что ты... не очень богат.

Гейл рассмеялся.

— Вот тут ониошибаются! Я богат людьми и кабо, деревнями и землей. У меня самые широкие просторы, самое высокое небо и самые красивые горы — лучше, чем у любого другого монарха. У меня есть семья: трое прекрасных детей и жена, которую я люблю и которой доверяю больше всех на свете. Может ли какой-нибудь другой король похвастаться тем же?

— Воистину, тогда ты самый счастливый владыка на

свете, — сказала Чимай. — А сейчас скажи мне, почему, покинув обожаемую жену и детей, ты уехал так далеко, подвергая себя и своих воинов серьезной опасности? Почему ты спешишь на помощь королю Пашару, хотя его королевство находится так далеко от твоих земель?

Сложный вопрос... Обычно Гейл старался уйти от ответа, но сейчас словно что-то принудило его ответить к искренности. Казалось, он говорит только с Чимай, хотя вокруг костра сидело еще много людей. Король Равнин рассказал о своем детстве на острове, о предательстве Гассема и Лериссы, о том, как попал в Невву и там встретился с Пашаром. Он рассказал о великом зле, которое ощущает в душе Гассема.

Обитатели Каньона слушали Гейла очень внимательно, а когда он закончил, они некоторое время хранили молчание. Затем подал голос Манва:

— Мы всегда рады узнать, что происходит в мире, от мудрого человека. Чаще всего до нас доходят лишь рассказы из вторых и третьих уст, слухи, истории, поведанные торговцами, которые часто сознательно искажают истину, чтобы повысить спрос на свои товары. Возможно, тебе покажется важным то, что мы сможем тебе рассказать. — Манва кивнул молодому человеку, сидевшему подле него: — Хосвей, принеси мне длинный тюк. — Затем он снова обернулся к Гейлу: — Король Гейл, вел ли ты когда-нибудь торговлю с Имазией, что лежит на востоке?

— Я слышал об этом королевстве. Торговцы с далекого северо-востока рассказывали о нем.

— У нас существует древняя традиция, — вступила в разговор Чимай, — что восток — это место, где обитает Зло. Долгое время мы полагали, что те места вообще не заселены людьми. У других народов есть предания о том, что их предки пришли оттуда, спасаясь от войны или какой-то катастрофы.

— На моих родных Островах, — промолвил Гейл, — вообще ничего не было известно о востоке. Мальчишкой, я полагал, что материк — это что-то вроде очень большого острова. Племена, которыми я сейчас правлю, тоже с недоверием относятся к восточным землям, хотя причина никому не известна.

Юноша вернулся с объемистым тюком, который Манва положил около себя.

— Около года назад, — пояснила Чимай, — эту вещь привез с собой купец, проезжавший с северо-востока через наши земли. Он захворал и отстал от каравана. Нашему целителю удалось вылечить торговца, и в благодарность он сделал нам подарок. Эта вещь сделана в Имазии, что лежит на берегах Великой реки.

Чимай извлекла из тюка плоский сосуд, напоминавший флягу, высыпала на ладонь щепотку серо-черного порошка и бросила его в костер. Порошок вспыхнул, зашипел и исчез, оставив после себя облако дыма с отвратительным запахом.

— Похоже, ты не удивлен? — разочарованно протянула Чимай. — Ты видел его раньше?

— Порой купцы привозят к нам этот огненный порошок и преподносят его в качестве подарка, утверждая, что это совершенно новая и необычайно ценная вещь. Но никто из нас не смог придумать, как его использовать. Торговцы утверждают, что доставляют порошок из страны, где течет Великая река.

— Ему нашлось применение, — заявил Манва. — И сейчас я вам покажу. — Он достал из свертка странное устройство, какого Гейл раньше никогда не видел. Оно состояло из куска дерева необычной формы, к которому была прикреплена трубка из материала, похожего на керамику. Поднявшись с места, Манва насыпал немного порошка в трубку, затем вынул из мешка небольшой шарик, завернутый в лоскут ткани, и палочкой протолкнул его вслед за порошком. — Теперь смотри как следует.

На другом конце трубки располагалось небольшое углубление с крошечным отверстием, а над ним — устройство, состоящее из изогнутого кусочка меди с выпуклым концом, который крепился к деревянной части с помощью шарниров. Манва отвел большим пальцем медный выступ, и изнутри послышался щелчок. Бронзовый выступ подвинулся немного назад, и наружу показалась маленькая бронзовая распорка. Из мешка Манва достал продолговатую затычку и поместил ее в трубку сзади.

— Теперь ты видишь очень мощное оружие, — заявил мужчина. — И оно заряжено. — Он оглянулся по сторонам. Уже сгустились сумерки, но звезд еще не было видно. В получотне шагов от костра, там, где паслись горбачи, было заметно какое-то движение. — Ты видишь, что там такое?

— Полосун, — поморщился Гейл. Этих мерзких тварей ненавидели все пастухи.

— У одного из наших горбачей поранена голень, и полосун чует запах крови. Смотри!

Манва поднял оружие и упер широкий конец деревянной части к плечу. Прищурившись, он прицелился. Затем его палец нажал на маленькую бронзовую скобку. Послышался оглушающий звук, похожий на раскат грома, из трубки вырвался язык пламени. Люди Гейла в смятении вскочили на ноги, но вновь уселись, когда поняли, что нет причин для тре-

воги. Они не заметили того, что видел Гейл: полосатик, засучив лапами, повалился на бок.

Один из жителей Каньона встал и подошел к животному, которое через пару секунд затихло, и вскоре вернулся, волоча полосуна за задние ноги. В свете костра Гейл осмотрел его — на теле зияла сквозная рана, как от удара копьем: маленькое входное отверстие и зияющее выходное, через которое были видны осколки разлетевшейся вдребезги кости. В воздухе все еще витал резкий, щекочущий нос запах дыма.

— И как же действует это оружие? — поинтересовался Гейл.

Взяв удивительный предмет у Манвы, Гейл рассмотрел его получше. Оружие оказалось на диво легким, но поразительно прочным: трубка была сделана из керамики, — ничего подобного королю еще не доводилось видеть. Она зазвенела, когда Гейл постучал по ней кинжалом. Манва продемонстрировал Гейлу, как действует это оружие, состоящее, помимо трубки, из нескольких бронзовых деталей и изогнутой стальной пластины.

— От удара этой пластины вспыхивают маленькие шарики, которые нужно вставлять в углубление. Через отверстие огонь воспламеняет главный заряд, который заставляет шарик вылетать из трубки с огромной скоростью. Это оружие способно убить любое животное и пробить доспехи. — Манва подбросил в воздух один из смертоносных шариков, и Гейл, вскинув руку, перехватил его. Шарик оказался легким и размерами с кончик большого пальца. — Если его удается достать, то для снарядов используют свинец, — объяснил Манва. — Если же нет, то можно делать шарики и из глины, но тогда они годятся лишь для охоты.

— Весьма впечатляющее оружие, к тому же грохот и вспышка еще больше способны напугать противника, — заметил Гейл. — Однако, чтобы стрелок его успел перезарядить, ему нужно столько времени, что лучник успеет выпустить дюжину стрел.

— Согласен, — кивнул Манва. — Но торговец утверждал, будто на востоке армии, вооруженные таким образом, не знают преград. Они не торгуют этим оружием, не позволяют его вывозить в другие земли... Тот торговец украл его в надежде с выгодой продать одному из правителей запада.

— А с кем воюют эти восточные армии? — поинтересовался Гейл.

— Все, что мы знаем, мы слышали от торговцев, но, как я уже говорил, им не стоит особенно доверять. В тех краях стало слишком много купцов, и потому они наме-

ренно привирают, чтобы набить себе цену и продать подороже свой товар.

Гейл вернул шарик Манве.

— И все равно я никак не могу понять, почему этот крохотный снаряд причиняет такие разрушения.

— Это из-за скорости полета, — пояснила Чамай. — К тому же, шарик настолько мал, что его невозможно разглядеть. Он может убивать и за сто шагов, хотя трудно попасть в цель на таком расстоянии.

— Тут есть над чем поразмыслить, — промолвил Гейл. — Спасибо, что поделились со мной своими знаниями. Вероятно, рано или поздно мне нужно будет отправиться на восток, чтобы увидеть, как используют это оружие в сражениях.

Той ночью он долго не мог заснуть, размышляя над увиденным. Как и любой опытный воин, он ничего не принимал на веру и видел все недостатки нового оружия: его слишком долго нужно было готовить к стрельбе, и, по сравнению с луком, дальность была невелика. Кроме того, в отличие от иных видов оружия, это было каким-то некрасивым... Но так мог размышлять лишь обычный воин. Королю следовало мыслить иначе. Гейл постарался представить, что произойдет, если он вооружит таким образом своих солдат.

Прежде всего он подумал о поразительной прочности нового оружия. Луки, копья и все прочее было весьма сложно в уходе и изготовлении. Огненная трубка же, на первый взгляд, выглядела весьма простой и, похоже, в особом уходе не нуждалась. К тому же на нее почти не шло металла, хотя пока Гейл не имел представления о том, как добиться столь высокой прочности керамики. Если вооружить армию таким образом, это существенно снизит расходы. Луки, даже самые хорошие, портились уже через пару лет. Стрелы для них были дороги и изготовить их было непросто. Куда дешевле обходятся свинцовые или глиняные шарики, которые, к тому же, можно использовать по нескольку раз.

Но помимо самого оружия нужно думать и о тех, кто пользуется им. Здесь тоже имелись свои преимущества. Стрелять из огненной трубки мог не только Манва, но даже Чамай или любой другой человек... Или ребенок. Никаких усилий для этого не требовалось. А вот луком, мечом и копьем могли владеть лишь сильные мужчины. Требовалось немалое мужество и выносливость, чтобы вступить в рукопашную, тогда как огненную трубку мог использовать кто угодно. И пусть в ста шагах она уже не могла бить точно в цель, но если на поле боя сходятся две армии, то в особой меткости и нет никакой нужды.

Гейл широко распахнул глаза в темноте и едва удержался, чтобы не вскочить с постели, вообразив себе открывающиеся перспективы. У него в распоряжении было не так много умелых опытных воинов. Требовался тщательный отбор, чтобы создать боеспособное войско из кочевников, а огненные трубки мог успешно использовать любой человек, у которого есть руки, ноги и глаза, дабы отличить своих от врагов. Если же выяснится, что изготовить такое оружие несложно, то солдатом может стать любой мужчина или даже женщина... Гейл вновь заставил себя закрыть глаза, но так и не сумел заснуть в ту ночь.

Глава двенадцатая

Осыпая все вокруг хлопьями пены, волны бились о прибрежные скалы и заливали крохотные заводи, где во множестве копошились мелкие морские создания.

Чуть дальше к северу глазам Шаззад являлось устье реки и мол, защищавший гавань Флории, куда пока не было доступа невванскому флоту. Медлительные корабли из Чивы должны были приплыть лишь через пару дней. Тем временем город словно и не обращал на осаду никакого внимания, правда отсюда Шаззад видела лишь обращенную к морю верхнюю часть крепостной стены, узкую полосу земли к югу от города и вершину холма, застроенного белыми домами. Флорию все называли красивым городом... до того, как дикари захватили ее.

— Принцесса! — воскликнул один из матросов. — Сигнал!

Пройдя по палубе, Шаззад подошла к борту. Цветные флаги полоскались на реях ближайшего корабля, и все суда, стоявшие за ним, повторяли этот знак.

— Что это значит? — поинтересовалась принцесса.

— Они заметили на северо-западе корабли неприятеля, — объяснил капитан.

— Немедленно правьте туда. Я хочу видеть, что происходит.

— Слушаюсь, госпожа.

Капитан отдал команду, и, подняв парус, корабль повернул на север. Ветер был попутный, поэтому гребцы пока отдыхали. Воительницы оживленно переговаривались между собой, наводя боевую раскраску и украшая перьями головные уборы.

— Не спешите радоваться, — огорчила их Шаззад. — Едва ли сегодня нам доведется вступить в бой.

Через час их корабль подошел к северному флангу линии осады. Чуть дальше принцесса заметила цепочку быстро приближавшихся узких силуэтов.

— Это дикарские каноэ, — пояснил капитан. — Но они слишком большие. В прошлом году Гассем перевозил своих воинов на купеческих кораблях, а вот таких каноэ я никогда прежде не видел.

— Как им удается двигаться так быстро? — изумилась принцесса.

— Для гребли на каноэ используют одно широкое весло и короткие частые гребки. — Поразмыслив немного, капитан добавил: — На обычных лодках гребец пользуется двумя веслами сидя или стоя, и гребок получается очень длинным. Маленьким каноэ управляют стоя на коленях, а большим — в полный рост. Достоинство такого способа в том, что можно куда быстрее поднимать и опускать весло.

— Выходит, они способны обогнать наши суда? — спросила Шаззад.

— Сейчас нам это предстоит выяснить, — откликнулся капитан.

— Бросьте якорь у входа в гавань, так, чтобы мы не попали под обстрел городских катапульт, — отдала приказ Шаззад.

— Слушаюсь, принцесса, — и капитан принялся отдавать необходимые приказы.

Шаззад внимательно наблюдала за тем, как с южной стороны приближаются островитяне. По большей части они плыли на огромных каноэ. Наперерез первому двинулось двухпалубное судно, с которого тут же полетели стрелы, но каноэ оставалось для них вне досягаемости. Оно явно направлялось ко входу в гавань, но невванский корабль уверенно шел ему наперерез.

Команда «Лунной Искры» и чаванские воительницы наблюдали за происходящим, словно за увлекательным состязанием и махали руками, словно их действия могли повлиять на этот поединок.

Еще несколько кораблей ринулись к каноэ. Ядра полетели из катапульт, однако, подобно стрелам, не достигли цели. Гребцы на больших кораблях работали веслами на предельной скорости, но долго они не могли поддерживать такой темп. Чтобы придать судам большую остойчивость, капитаны велели спустить паруса.

Когда каноэ оказалось в досягаемости для стрел, оно уже почти подошло к берегу. Лишь сейчас Шаззад осознала еще одно преимущество гребли одним веслом: с его помощью каноэ с гораздо большей легкостью могло менять направление и сделалось куда более маневренным. невванский корабль попытался протаранить каноэ, которое тут же легло на другой курс и ускользнуло от врага. Стрелы невванцев бессильно упали в воду, отраженные высокими щитами дикарей.

Одно за другим каноэ, словно резвые винтороги, скачущие среди старых жирных полосатиков, проскальзывали мимо невванцев и достигали побережья.

— Что нам делать, принцесса? — встревоженно спросил капитан.

— Мы ничем не сможем им помешать. Будем держаться наготове. Едва ли они решатся нас атаковать. Полагаю, что каноэ задержатся, чтобы дождаться более медлительного флота.

Капитан повиновался, и каноэ прошли мимо на расстоянии всего в один полет стрелы. Островитяне с изумлением косились на крохотное суденышко с воительницами на борту.

Толпа, собравшаяся на берегу, приветствовала прибывающих островитян радостными возгласами. Почти все каноэ мирно миновали «Лунную Искру». Однако, два из них слегка поотстали.

— Давайте атакуем их! — велела Шаззад.

Капитан отдал приказ начальнику гребцов, а тот передал указания горнисту. Воительницы собрались на носу судна и завыли свою боевую песнь. К принцессе со щитами в руках приблизились двое матросов, которые должны были защищать госпожу от неприятельских стрел.

Шаззад дрожала от волнения, но старалась этого не показать. Сейчас на ней был обычный наряд для верховой езды, и никакого оружия, кроме плетки, — хотя многие уже успели узнать, как умело действует ею принцесса.

Рулевой направил корабль к ближайшему из двух каноэ. Шаззад успела разглядеть на борту стройных высоких островитян, чьи волосы отливали бронзой, а кожа имела медный оттенок. У них в руках были высокие черные щиты и длинные копья.

— Там шессины! — воскликнула она. — Не трогайте их! Мы нападем на другое каноэ.

Капитан велел рулевому сменить курс. Второе каноэ попыталось ускользнуть, но «Лунная Искра» была куда меньше и маневреннее гигантских галеонов. Темокожие низкорослые дикари, вплетавшие в волосы кости и акульи зубы, были вооружены копьями с бронзовыми наконечниками, а также кинжалами и пращами. Однако, из-за скученности на борту каноэ они так и не смогли использовать метательное оружие.

— Идем на таран! — велел капитан. — Поднять весла!

Дикари услышали эти слова, и на их лицах отразились ярость и страх.

«Лунная Искра» своим небольшим тараном врезалась в корму каноэ. Воины и гребцы повалились на дно лодки, иные упали за борт. Матросы тут же забросили абордажные крюки и подтянули каноэ вплотную к своему кораблю. Разгорелся ожесточенный бой.

С огромным усилием Шаззад удалось остаться не-

возмутимой, и все же это зрелище потрясло ее. Островитяне были более многочисленны, но благодаря высоким бортам «Лунной Искры» у наступающих была более удобная позиция.

Ярость чиванских воительниц была несравненной, и это оказалось для дикарей полной неожиданностью. Женщины словно вмиг превратились в неукротимых хищниц, не знающих пощады и усталости.

Несколько воительниц спрыгнули на корму каноэ, чтобы оттеснить островитян и дать дорогу своим подругам. Дикари уже больше не пытались вскарабкаться на борт парусника и лишь отчаянно силились отцепить абордажные крюки. Гребцы бросили щиты и схватились за весла, но тут сверху на них набросились воины Шаззад. На борту завязался кровавый бой.

Заметив, что остальные островитяне уже выбираются на берег, Шаззад метнулась к перилам и закричала:

— Оставьте пару человек в живых! Мне нужны пленники!

Кровавая Секира прокричала что-то своим подругам, и те изменили тактику боя. Одна из них прикрывала вторую, та выхватывала у противника оружие, а третья выводила его из строя. Все они держали наготове веревки, чтобы связать пленных.

Бой длился не больше десяти минут. На залитом кровью дне каноэ валялось множество трупов, через пробоину в корме хлестала вода. Нескольким дикарям повезло: они смогли избежать клинков противника и теперь плыли к берегу. Полдюжины их товарищей тяжело стонали, лежа на палубе «Лунной Искры». Чиванки водружали на носу парусника отрубленные головы врагов.

Последние каноэ скрылись за молом. Как и предполагала Шаззад, никто из них не пришел на помощь соплеменникам: иначе они рисковали столкнуться с невванским флотом, который быстро приближался к месту скоротечной схватки.

— Саан, мы направляемся к флагману, — приказала принцесса. Она была довольна тем, что голос ее почти не дрожит.

— Госпожа, убиты двое гребцов и один матрос, а также две охранницы...

— Выполняй приказ! — рявкнула она. — Об убитых и раненых доложишь позже. — С какой стати ей вникать в такие мелочи?!

В этот миг к принцессе с довольной улыбкой подошла Кровавая Секира.

— Отличный бой, госпожа! Но почему ты не позво-

 лила нам атаковать шессинов? Мы были бы не прочь

взять в плен этих красавцев-дикарей. Никогда прежде я не видела столь привлекательных мужчин!

— Я тоже. Но скоро ты поймешь, почему я не хочу пока связываться с шессинами.

Шаззад спустилась в свою каюту, где ее ожидала немая рабыня. Девочка еще стояла на коленях, поскольку только что выбралась из-под кровати, где спряталась в самом начале боя.При виде хозяйки, глаза рабынирасширились от изумления. Она сделала такое движение, будто выкручивала белье.

Принцесса покосилась на свою одежду, дотронулась до волос и вдруг осознала, что вся в поту.

— Забавно, — пробормотала она. — Как я ухитрилась так вспотеть, почти не двигаясь с места? Бой — странная вещи... Иди сюда, Маина, помоги мне раздеться и оботри тело губкой. Надеюсь, у меня еще осталась чистая смена одежды?

Шаззад не знала, захочет ли отец ее видеть, а потому часом позже почувствовала огромное облегчение, увидев на борту «Боевого Дракона» улыбающееся лицо короля. Саан выждал, пока она приведет себя в порядок.

Сейчас на принцессе было обычное дорожное одеяние, а свежевымытые влажные волосы она покрыла тонкой золотой сеткой. Морские офицеры, стоявшие рядом с ее отцом, с завистью поглядывали на головы, которые украшали нос »Лунной Искры".

— Приветствую единственный корабль, добывший боевые трофеи! — воскликнул Пашар.

В голосе отца принцесса уловила какую-то натянутость.

— Я кладу их к твоим ногам! — выкрикнула она в ответ слова древнего невванского приветствия.

— Так взойди же на борт и прими награду из рук сюзерена, — завершил ритуальную фразу Пашар.

Принцесса легко взбежала по сходням и поднялась на палубу. Отец обнял ее и развернул лицом к офицерам, стоявшим на палубе. Те громогласно приветствовали Шаззад: старшие — по долгу службы, а младшие офицеры и матросы — совершенно искренне. Принцесса заметила человека, в глазах которого читалось неподдельное восхищение. Шаззад попыталась вспомнить его имя: это был флотский капитан Харах, с которым она разговаривала в первый день своего назначения. Он был одним из тех, кто разделял ее взгляды.

Обратившись к отцу, Шаззад прошептала:

— Не нужно делать из меня бич, чтобы покарать остальных командиров, отец. Они не виноваты, что их корабли медлительнее, чем «Лунная Искра».

Король глубоко вздохнул.

— Этот ублюдок Гассем вновь сумел меня переиграть. Быть может, ему помогают демоны?

«Скорее уж, твои болваны-придворные», — подумала принцесса, но вслух промолвила лишь:

— Он использовал свою природную сметку и советы понимающих людей. Боюсь, во Флории нашлось немало предателей. В порту были захвачены корабли со всей командой и офицерами на борту. Гассем знал о возможностях наших судов задолго до того, как мы вышли в море.

— Проклятый мерзавец! — прорычал король так тихо, чтобы его не услышали придворные. Затем усталым тоном добавил: — И тем не менее у нашего флота хватит сил для осады. Теперь нам ничего не остается, как только взять штурмом город.

Шаззад пришлось воззвать ко всей своей выдержке, чтобы не застонать вслух. Король так ничего и не понял!

* * *

Алые отблески заката легли на паруса огромных чиванских галеонов, плывущих по проливу. Там, где невванские суда проходили беспрепятственно, кораблям Чивы приходилось продвигаться крайне осторожно, чтобы не сесть на мель.

— Эти плавучие крепости легко могут блокировать порт, — завил Харах.

Шаззад пригласила моряка отужинать с ней на борту «Лунной Искры». Пленных и раненых уже переправили на борт флагмана, а теперь принцесса и ее гость расположились на корме и наслаждались трапезой из свежепойманной рыбы и фруктов.

— Могут, наверное, — с сомнением отозвалась принцесса.

Она уже поделилась с Харахом своими сомнениях, умалчивая, разумеется, о некоторых подробностях, о которых решилась бы поведать только отцу.

— На войне не обойтись без риска и неопределенности, — вежливо улыбнулся Харах.

— Это верно, однако мудрый военачальник старается лишний раз не подвергать войско, — заметила Шаззад. — Король не должен начинать военную кампанию, если не уверен в победе. Я считаю, что всегда нужно иметь запасной вариант действий на случай неудачи.

— Но, принцесса, ведь эту войну развязали не отнюдь мы. Дикари захватили невванский город, и ваш сиятельный отец не смог оставить это безнаказанным.

Шаззад протянула бокал, и рабыня-прислужница вновь наполнила его вином.

— Надеюсь, Харах, ты не сочтешь мои слова предательством, но отец сильно сдал за последние годы. По-моему, не следовало так спешить. Мы могли выждать, а затем начать одновременные действия на суше и на море.

— Да, но ведь помимо дикарей нам угрожает и Омайя. Пашар не может оставить столицу без должной защиты, иначе король Оланд нападет на наши земли, — неуверенно возразил Харах.

— Вот именно. Разумнее было бы сперва предотвратить угрозу со стороны Омайи, — воскликнула Шаззад.

— И оставить Флорию дикарям?

— И что такого? С Гассемом мы могли бы заключить перемирие. Нам бы пригодился такой союзник...

— Союзник? — возмущенно переспросил капитан.

— Разумеется. Он помог бы нам, а за это мы отдали бы ему на разграбление Омайю. На это у варваров ушел бы не один год. Короли всегда откупались от корыстолюбивых наемников, отдавая им земли побежденных.

— Но ведь они захватили невванский город!..

— Капитан Харах, если ты сейчас начнешь твердить мне о чести, я в тебе разочаруюсь.

Шаззад вертела в пальцах бокал с вином, восхищаясь игрой лучей заходящего солнца на гранях. Харах помолчал.

— Принцесса, —вымолвил он наконец, — чего вы хотите от меня?

— Когда капитаны этих чиванских гигантов удостоверятся, что не сядут на рифы, мы начнем штурм города. Может, город и удастся взять без труда, но вероятнее всего, победа достанется нам лишь после долгого, изнурительного боя. Впрочем, эти возможности меня не слишком тревожат. В любом случае, затем мы вернемся домой и устроим в столице великое празднество в честь победы. Но все может обернуться и совсем иначе.

— Вы полагаете?

— Гассем чудовищно хитроумен, и нас наверняка поджидает впереди еще много неожиданностей. Наш король должен быть под надежной защитой. Сейчас здесь собралось много штурмовых отрядов и, по-моему, нет необходимости посылать в бой морских пехотинцев с «Боевого Дракона ».

— Я — капитан этого корабля.

— Да, знаю. Так что будь начеку и не упусти какую-нибудь хитрость Гассема. Я хочу, чтобы ты все время держался рядом с королем и следил за его ближайшим окружением. Я не доверяю этим людям. Они могут попытаться убить его и захватить флот или сдать его Гассему за приличное

вознаграждение. Даже если тебе велят отправляться на берег и вступить в бой, все равно оставайся со своими людьми возле короля.

— Ты запрещаешь мне подчиняться приказам?

Шаззад в гневе ударила ладонью по столу:

— Я велю тебе защищать короля! Если мы проиграем битву, отец может попытаться покончить с собой. Если ты заметишь это, силой доставь его на «Лунную Искру». Как и многие мужчины, мой отец слишком много думает о чести. Редкостная нелепость! Что такое одна битва? Что такое потеря нескольких тысяч человек? Мы вернемся домой и будем готовиться к новой войне. У нас есть столица, есть армия, и в конце концов, в нашей власти — целое королевство! Если нужно, я буду воевать с Гассемом хоть тридцать лет! Не одну королевскую династию привело к краху заблуждение, будто победа или поражение в войне зависят от результатов одного-единственного сражения.

Харах задумался и наконец проронил.

— Я слышу мудрость в ваших словах, принцесса.

— Да, и по-моему, я последний человек в королевстве, у кого она осталась. Ты исполнишь мою просьбу?

— Да, госпожа.

— Отлично. Позже я скажу тебе, что нужно делать дальше. Если не я, то защитить королевство будет некому. Мой отец окружен болванами. Я бы никогда не позволила подобным людям приближаться к себе на полет стрелы! Как глупо выбирать приближенных из знати, искони окружающей престол. Я бы лучше согласилась иметь слугой смышленого третьего сына какого-нибудь провинциального барона, чем держать при себе полоумного герцога! — Принцесса окинула взглядом пролив. Чиванские галеоны были готовы присоединиться к флоту Неввы. — Ладно, час уже поздний. Можешь возвращаться на свой корабль, капитан Харах.

Ее собеседник низко поклонился принцессе. После его ухода Шаззад велела принести ей ларец с письменными принадлежностями. На рассвете в столицу уйдет быстроходное судно, и она надеялась успеть отправить с ним свои послания.

* * *

Подобно неотвратимой стихии или приливной волне, невванский флот медленно надвигался на город. Во главе флотилии шли лодки со штурмовыми отрядами, которые должны были захватить плацдарм на побережье и помешать врагу установить катапульты.

Жаждавшая быть в гуще событий, Шаззад стояла рядом с Сааном на наблюдательной площадке, сооруженной по ее указанию на верхушке мачты. К перилам была прикреплена подзорная труба, сделанная руками лучшего невванского оптика.

Внезапно они увидели, как нос вырвавшейся вперед лодки взлетел вверх, и воины кубарем посыпались в воду. Миг спустя та же участь постигла и лодку, идущую следом. Остальные начали маневрировать, чтобы замедлить ход.

— Что происходит? — спросила принцесса Саана, который наблюдал за происходящим, приникнув к подзорной трубе.

— Там какие-то подводные заграждения, — пояснил капитан, уступая ей место. — Скорее всего, наклонные колья, вкопанные в песок.

На эти заграждения напоролись несколько упавших в воду солдаты, и их кровь окрасила волны. Тонущие люди с истошными криками хватались друг за друга. Шаззад отвела глаза от трубы. Капитан указал на транспортные суда — находившиеся на борту солдаты рассаживались в шлюпки.

—Там ныряльщики и подкопщики, — объяснил Саан. — Они уничтожат преграду. Похоже, нам предстоит длинный и тяжелый день...

Солнце еще лишь поднималось над горизонтом. Шаззад с любопытством наблюдала за работой подкопщиков. Торчащие колья из воды они обвязывали веревками, затем подкапывали их, концы веревок прикрепляли к лодкам, после чего гребцы, налегая на весла, вытаскивали подводные заграждения. Некоторые колья оказались врыты слишком глубоко, так вытянуть их не удалось, — тогда веревки забрасывали на галеоны. Все это время противник осыпал их градом стрел. На кораблях вблизи подводных заграждений для защиты моряков спешно расставляли переносные деревянные щиты.

Прежде Шаззад казалось, что бой — это всегда кровопролитное сражение, но теперь ее глазам предстала тяжелая, кропотливая работа. Значит, война бывает и такой тоже... Принцесса с удовлетворением отметила, что хотя бы эти люди прекрасно знают свое дело. Вообще-то, она уповала на то, что до настоящей битвы дело не дойдет. невванцы могли одолеть противника и без этого. Шаззад знала, что хотя дикари и прекрасные воины, но тщательной подготовкой к бою они пренебрегают.

Пирс и узкую набережную невванцы заняли легко и быстро, но теперь на причалы хлынули варвары. Принцессе померещилось, будто они свободно взлетают по вертикальным стенам, хотя на самом деле люди часто срывались в воду, вздымая фонтаны брызг.

— Откуда они взялись? — спросила Шаззад.

— Скорее всего, приплыли на плотах с катапультами.

В этот миг обрушился один из щитов, прикрывавший «Лунную Искру», и со стены на парусник снова посыпался град стрел.

— Госпожа, взгляните туда, справа от башни...

Шаззад повернула подзорную трубу в указанном направлении и обнаружила двоих людей, что наблюдали за битвой с крепостной стены, удобно расположившись на ложах. Издалека фигурки казались крошечными, но даже с такого расстояния Шаззад смогла узнать Гассема и его королеву. Принцесса до рези напрягла зрение, но ей так и не удалось рассмотреть черты лица королевы. Единственное, в чем она уверилась, так это в том, что дикарка почти не носит одежды.

Тем временем, бесконечный день продолжался. Уже не раз Шаззад покидала свой наблюдательный пост, чтобы подкрепить силы и освежиться. Она с огорчением думала, какой ущерб ее нежной коже нанесут солнце и ветер. Принцесса поражалась, как могла Лерисса так долго лежать на стене почти обнаженной и с непокрытой головой. После полуденной трапезы к Шаззад обратилась Кровавая Секира.

— Госпожа, я не понимаю, это война или какая-то стройка? Я никогда не видела стольких бездельников, недостойных именоваться воинами!

— А ты сама не желаешь им помочь? — спросила Шаззад.

— Сражаться — да, но они ведь и не сражаются!

— А что, на юге вы воюете по-другому?

Женщина засмеялась

— Еще бы! Хорошая драка — вот что важно для воина!

— Тогда к чему твоему королю все эти сооружения? — спросила принцесса, указывая на покачивавшиеся на волнах чиванские галеоны.

— На островах и побережьях полно крепостей, где хозяйничают соперничающие друг с другом мелкие князьки, дикари и пираты. Для их штурма и нужны большие корабли, — пояснила Кровавая Секира.

«Интересно, кого считает же эта женщина дикарями?!» — невольно подумала Шаззад.

— Потерпи еще немного, — вздохнула Шаззад. — Скоро крови будет так много, что даже ты останешься довольна...

Солнце закатилось, но работы продолжались даже ночью, при свете факелов и ламп, заправленных маслом кулачных орехов. Подкопщики и ныряльщики трудились в поте лица, и Шаззад, как зачарованная наблюдала за этим зрелищем.

В полумраке лучники на берегу не могли правильно

определять расстояние, и обстрел прекратился. Шаззад приказала Саану подвести парусник ближе к берегу.

«Искра» подошла туда, где разбирали подводные заграждения. Принцесса видела, как блестят от пота и морской воды тела воинов, чувствовала резкий запах, исходивший от их тел. Казалось, эти люди не ведают усталости. Повсюду на поверхности воды плавали трупы и какие-то деревянные обломки. Течением их сносило к югу — поутру они уже скроются с глаз.

Огней на крепостной стене Шаззад не видела, а значит, Гассем и его королева, если они еще были там, наблюдали за происходящим из темноты. Впрочем, скорее всего, они ушли. До утра бой точно не начнется, а возможно, что и до полудня. Принцесса отдала приказ отвести корабль на прежнее место и, уставшая до изнеможения, удалилась в свою каюту.

К утру следующего дня большой участок гавани оказался расчищен. Едва лишь солнце озарило морской простор, Шаззад вернулась на свой наблюдательный пост. Вымпелы на флагмане и других кораблях были сперва подняты, а затем приспущены. Барабаны и трубы подали сигнал, и флот двинулся ко входу в гавань, но на сей раз уже не одновременно. Сперва в порт направились двухпалубные суда, затем — трехпалубные. «Боевой Дракон» пока оставался на месте.

— Саан! — велела капитану принцесса. — Мы должны встать как можно ближе к волнорезу. Я хочу видеть, что происходит в гавани.

— Хорошо, госпожа, — ответил моряк. — Но если дикари вновь начнут стрелять, я буду вынужден повернуть обратно. Таков приказ вашего отца.

— Делай, что я тебе говорю!

Лучников на волнорезе не было заметно, возможно, потому что эти укрепления уже находились в руках невванцев. К тому же Шаззад сомневалась, что враги станут расходовать стрелы на ее суденышко, когда перед ними — весь невванский флот.

И вот первый корабль вошел в гавань. Вражеские воины толпились на причалах, размахивая копьями и распевая боевые песни. Плоты с катапультами исчезли.

Над головой Шаззад послышался какой-то свист. Подняв голову, принцесса увидела огромный зазубренный снаряд, летящий к городу. Он упал за крепостной стеной, зацепив верхушку. Это стреляли с катапульты ближнего чиванского галеона.

— Наконец-то эти монстры проявили себя, — заметил подошедший к принцессе Саан.

Наконец первое судно вошло в порт под радостные

крики невванских солдат, стоявших на волнорезе. Нос корабля был закрыт огромным щитом, над гребным отсеком высился легкий деревянный навес. Как только судно подошло ближе, начала стрелять большая вражеская катапульта. Камни ударялись о щит и отскакивали с ужасным грохотом. Один из снарядов угодил по веслам и раскрошил часть из них в щепы. Шаззад услышала отчаянные крики.

За этим судном следовало другое, и на него тоже обрушился град камней из катапульт. Второй корабль не был защищен так хорошо, как первый, и снаряды ранили многих моряков на борту. Несколько гребцов были убиты, но судно даже не замедлило ход.

И два следующих корабля также угодили под обстрел, а когда в гавани показалось пятое судно, в бой вступили огромные метательные орудия на стенах. Первый же снаряд, обрушившийся на корабль, пробил его палубу насквозь. Этот камень был в десять раз крупнее тех, которыми стреляли прочие катапульты.

Послышались испуганные вопли, и на судне началась паника. Нос корабля накренился, и вода хлынула через борт. За считанные мгновения был выведен из строя руль.

— О боги! — закричал Саан. — Взгляните, госпожа!

Очередной корабль на полной скорости входил в гавань. Его огромный медный таран поддел тонущее судно за корму и поднял его почти вертикально. Затрещали ломающиеся доски, люди попадали в воду, и многие тут же пошли ко дну. С берега донеслись радостные вопли дикарей.

В порт двинулись остальные трехпалубные суда. Оборонявшиеся варвары еще сыпали камнями из катапульт, но град снарядов поредел — на перезарядку требовалось слишком много времени.

Тем временем огромные палубные катапульты начали обстреливать крепость и плоты. Первые меткие попадания были встречены всеобщим ликованием. Теперь пришел черед торжествовать невванцам. Чиванские галеоны принялись осыпать город снарядами.

Шаззад в подзорную трубу наблюдала происходящим на берегу. Половина катапульт бездействовали, их спешно разбирали и перетаскивали в город. Принцесса догадалась, что их намерены установить на крепостной стене, чтобы они оттуда продолжали обстреливать наступающий флот. Из строя удалось вывести лишь одно метательное орудие, но Шаззад уже успела заметить, что проку от них немного: снаряды, попадая в цель, несли большие разрушения но гигантские катапульты не могли делать больше десяти выстрелов в час.

— За этими катапультами — не шессины, — заметила Шаззад.

— Они считают, что пользоваться ими недостойно воинов, — объяснил Саан. — Вероятно, варвары вообще никогда не видели осадных машины до того, как пришли на материк. Сейчас обстрел ведут рабы и те предатели, что перешли на сторону врага

— Ясно, — отозвалась Шаззад и направила подзорную трубу на стену, где вчера заметила Гассема и его королеву.

Там никого не было. Принцесса решила, что сейчас они, должно быть, находятся в одной из боковых башен, и стала рассматривать площадь у причалов. Там толпились шессины и другие островитяне. У корабельных доков было заметна какая-то суета. Затем оттуда вышли длинноносые лодки.

— Каноэ! А я-то гадал, куда они подевались, — заметил капитан.

— Для чего им каноэ в такой неразберихе? — удивилась Шаззад.

Тем временем корабли в гавани пытались построиться в ряд перед крепостной стеной. Вошедшее первым трехпалубное судно спешно очищали от обломков протараненного им корабля. В воде еще барахтались еще живые люди и виднелись тела погибших.

Не слишком маневренные суда эскадры стали прекрасными мишенями для стрелков в каноэ, которые осыпали их палубы градом стрел и дротиков.

Корабельные катапульты были бессильны против юрких суденышек. Многие из кораблей подверглись абордажной атаке. Было очевидно, что воины на каноэ действуют очень умело. Прикрываясь щитами, они проворно взбирались на борт галеонов.

— Что скажешь?— спросила принцесса у Саана, занемевшими руками отводя в сторону подзорную трубу. Шаззад вдруг осознала, что уже очень давно, не отрываясь, наблюдает за ходом сражения.

— Толково придумано. — Капитан поскреб щетинистый подбородок. — Этот Гассем, хоть и дикарь, но вовсе не глуп. Или у него хорошие советники. Он лишает наши корабли всех их преимуществ. От больших судов толку не больше, чем от лоханок. Это совсем не похоже на настоящую морскую баталию. Среди наших солдат и офицеров немало опытных, умелых бойцов, но когда на борт взбирается толпа свирепых дикарей, тут уж всяко начнется паника. В рукопашной, госпожа, побеждает тот, кто не знает страха и жалости.

Шаззад вспомнила бой под стенами города, когда ди-

кари теснили наванцев, покуда те не утратили способности сопротивляться. Внезапно она наморщила лоб.

— Саан, но почему варвары не пытаются с помощью катапульт поджечь наши суда?

— Я и сам гадаю, принцесса. Никто так не воюет! Сдаемся мне, король Гассем намерен захватить наши корабли.

У Шаззад от изумления замерло сердце.

— Захватить корабли? Но...

— У Гассема имеется армия куда сильнее нашей... простите меня за эти слова, принцесса. Но флота у него нет, если не брать в расчет каноэ. Однако он получит суда, если сумеет выиграть этот бой. — Капитан говорил бесстрастным тоном, но лицо его сделалось суровым.

— Но ведь капитаны должны отдать приказ затопить корабли, если возникнет угроза захвата противником! Разве не так велит им присяга? — впрочем, Шаззад тут же осознала нелепость своих вопросов.

— Принцесса, полагаю, мне не нужно объяснять, каковы наши старшие офицеры флота. В случае поражения они не станут топить корабли и уж тем более лишать себя жизни. Они скорее сдадутся на милость победителей и будут служить Гассему. Будь уверена, в благодарность за спасение своих жизней они с удовольствием станут ему угождать во всем...

Шаззад с такой силой сжала ограждение палубы, что побелели костяшки пальцев.

— Что же он за человек? — воскликнула она, хотя сама прекрасно понимала, чем Гассем непохож на всех прочих завоевателей.

Внезапно послышался странный звук, от которого у нее кровь застучала в висках.

— Что это такое? — в недоумении спросила она.

— «Разрушитель», госпожа. Так наши моряки назвали чиванский галеон, взамен его бесконечного непроизносимого имени. Второй корабль именуют «Победоносным».

К гавани подходил гигантский корабль. Удары, которые слышала Шаззад, издавал огромный барабан, задающий ритм гребцам.

— Его палуба высится в двадцати футах над водой, — восхитилась Шаззад. — Наверняка варвары не смогут забраться на него со своих каноэ.

— Я тоже на это надеюсь, принцесса, — подтвердил Саан.

Он посмотрел вниз, чтобы проверить, все ли в порядке на корабле. У матросов был встревоженный вид, но они были рады, что не участвуют в битве. Иначе были настроены чиванки: они досадовали, что не имеют возможности всту-

пить в бой, тогда как их подруги на борту «Разрушителя» сейчас готовились к схватке.

«Победоносный» замер у входа в гавань. Его катапульты, установленные на подвижных платформах, вели непрерывный огонь по стенам города. За «Разрушителем» следовала целая флотилия грузовых судов.

— Что за нелепость? Зачем они здесь? У них ведь нет вооружения! — воскликнула Шаззад, указывая на корабли.

— Вероятно, чиванские гиганты войдут в гавань и будут прикрывать десант. Транспортные корабли подойдут вплотную к чиванцам, и тогда солдаты смогут перебраться по их палубам, чтобы помочь десанту. Может, этот замысел еще и сработает...

— Но почему же в бой вступил лишь один галеон? Нет, не отвечай, я и сама вижу: для второго просто нет места. Гавань не может вместить разом весь невванский флот и обоих этих монстров.

— Госпожа, осмелюсь ли я кое-что предложить тебе, не опасаясь быть немедленно казненным? — спросил Саан.

Поразмыслив, Шаззад ответила:

— Саан, я верю в твою преданность. Говори, я заранее прощаю тебя.

— Ветер сейчас с севера. Позволь мне поставить паруса и доставить тебя в Касин! Мне не нравится все происходящее, и думаю, что наши беды еще не закончились...

Шаззад глубоко вздохнула, зажмурилась и попыталась сосредоточиться среди окружавшего ее хаоса и гвалта. Соблазн был велик. Она все равно не могла повлиять на ход событий. Однако принцесса все же покачала головой.

— Нет, Саан. Я останусь до конца.

Наконец огромный чиванский катамаран вошел в гавань, и завидев его, дикари подняли невообразимый шум. Они потрясали копьями, поднимали щиты и испускали боевые кличи. Защитники заняли свои позиции на стенах.

«Разрушитель» вышел на середину гавани в сопровождении судна поменьше и развернулся носом к городским воротам.

Тем временем, невванские корабли продолжали вести ожесточенный бой с каноэ. Одно судно, похоже, было уже захвачено неприятелем, и сейчас его отводили прочь от невванских кораблей. Потом каноэ взяли его на буксир и двинулись в сторону причалов.

— Когда же наконец вступят в бой чиванцы? — взволнованно спросила Шаззад.

— Вероятно, они ждут короля, госпожа, — ответил Са-

ан. — Что там такое? — капитан вдруг указал рукой на вход в гавань. — Не может быть!

«Боевой дракон» на полной скорости входил в гавань. Корабль шел на веслах, красиво, точно на маневрах. Напротив городских ворот судно начало разворачиваться. Корма «Дракона » находилась теперь в сорока ярдах от парусника Шаззад, по другую сторону волнореза. Судно бросило якорь на южном фланге невванского флота. К «Дракону» немедленно направилось не меньше дюжины каноэ.

— Отец! — закричала Шаззад. — Прочь отсюда! Скорее!

Но король, разумеется, не мог слышать ее слов. Да и даже услышав, он наверняка пропустил бы их мимо ушей. На борту «Боевого Дракона» взлетели сигнальные флажки, и чиванский галеон начал продвигаться вперед медленно и осторожно, чтобы не врезаться в каменные причалы. Подойдя вплотную к городской стене, катамаран отдал швартовы. Когда с обоих корпусов судна на стену города были перекинуты штурмовые лестницы, послышались одобрительные крики невванцев.

Вверх, на помощь морскому десанту и сухопутным войскам устремились штурмовые отряды. Шаззад впервые в жизни видела большое судно с низкой осадкой, способное штурмовать городские укрепления.

Принцесса ощутила проблеск надежды. Может, им сегодня и улыбнется удача? Дикари, должно быть, напуганы одним лишь видом этой всесокрушающей мощи. У городских ворот наблюдалась какая-то суета, и она навела подзорную трубу, чтобы выяснить, что происходит, но видимость почему-то оказалась плохой. Взглянув на запад, Шаззад обнаружила, что солнце садится. Неужели день мог пролететь так быстро? Ей казалось, что первый невванский корабль совсем недавно вошел в гавань.

— Они распахивают ворота, принцесса, — сказал капитан.

— Зачем? — спросила Шаззад.

Способны ли дикари защищать город от штурма? Вскоре принцесса увидела, как из городских ворот показалась цепочка воинов с черными щитами, вооруженных длинными шессинскими копьями. Варвары изготовились атаковать.

— Это шессины! — хриплым от волнения голосом прошептала Шаззад. — Вот для чего берег их Гассем!

На узкой береговой полосе завязалось ожесточенное сражение. Повсюду доносился лязг оружия. На оборонявшихся в огромном количестве продолжали сыпаться снаряды, но те умело прикрывались щитами. Над городом царила какофония звуков: ликующие крики, пение, плач, стоны.

Раненые воины, пошатываясь, брели вдоль причалов и падали, спотыкаясь о трупы.

Все это время передовые отряды пытались прорваться в город, но их усилия пока не увенчались успехом. Шаззад видела, что на местах предполагаемого штурма городских стен Гассем приказал соорудить настилы, и теперь там стояли шессины. Вместо отдельных групп воинов, отчаянно пытающихся отразить натиск неприятеля, атакующие столкнулись с целой армией. Завязался жестокий бой. Шессины подняли щиты, чтобы защититься от стрел, которые летели с катамарана.

За считанные минут штурмовые отряды оказались вытеснены с городской стены, и теперь шессины вели ожесточенную борьбу на штурмовых лестницах. Бой проходил на огромной высоте, но дикари не ведали пощады. Казалось, наконечники их острых копий сами по себе брызжут кровью. Шессины на причалах метали дротики на борт катамарана. Шаззад никогда бы не поверила, что это оружие с бронзовыми наконечниками может с такой невероятной точностью поражать цель на большом расстоянии. Дротики островитян с легкостью пробивали щиты и доспехи, поражая невванских воинов.

— Но почему наши моряки не обрубят швартовы и не отступят? — воскликнула Шаззад.

— Копейщики убьют любого, кто попытается сделать это, — ответил Саан.

Шаззад видела, как кто-то из офицеров велел солдатам обрубить канаты, удерживающие катамаран. Когда один из воинов приблизился к ним с поднятым топором, его пронзили сразу три копья. Солдат упал на палубу, корчась от боли. Несколько невванцев выступили вперед, прикрываясь, вместо щита, крышкой люка. За ними следовали солдаты с топорами. Солдатам удалось наконец обрубить канат, но было слишком поздно. Шессины уже штурмовали палубу корабля и его надстройки.

Шаззад отвернулась от подзорной трубы с болью посмотрела на Саана.

— Отцу следовало увести оставшиеся корабли из гавани. Все кончено...

— Еще нет, — возразил Саан, указывая рукой на кормовую надстройку «Разрушителя», где развевались сигнальные флажки. Снова послышалась барабанная дробь. В гавань входил второй чиванский катамаран.

— Уже совсем темно. Как они будут воевать ночью?

Словно в ответ на вопрос принцессы, из-за стен города вынесли факелы, осветившие причалы. На кораблях невванцев подвешивали к бортам светильники с маслом ку-

лачных орехов. Шаззад увидела, что дикари захватили еще два судна, причем одно трехпалубное. Плененные корабли они отводили к дальним причалам. Принцесса вдруг заметила, что в той стороне показалось какое-то зловещее темное пятно.

— Что это? — воскликнула Шаззад.

Капитан посмотрел в подзорную трубу:

— Кажется, двухпалубный корабль. Скорее всего, он достался дикарям после захвата города.

— Но как движется это судно? Я не вижу весел и не слышу плеска воды!

Саан пригляделся повнимательнее.

— Сзади идут каноэ, которые толкают корабль.

Тем временем двухпалубное судно медленно продвигалось по гавани. Корабли невванцев были обращены кормой к волнорезу, а «Разрушитель» пришвартован к причалу. Таким образом, середина гавани оставалась свободной. Гребцы каноэ что-то протяжно завывали. Корабль прокладывал себе путь среди плавающих в воде трупов и еще живых людей, а прочие каноэ спешили дать ему дорогу. Корабль направлялся прямо к «Победоносному», который в эту минуту медленно входил в гавань. С борта двухпалубного судна спрыгнул в воду и поплыл к берегу какой-то человек.

— Неужто они намерены идти на таран? — спросила Шаззад. — Этот корабль слишком мал, чтобы... — Принцесса осеклась при виде дыма, столбом поднимавшегося над палубой.

— Похоже, госпожа, нам больше нет нужды тревожиться из-за темноты...

Над бортами корабля показались языки пламени. Гребцы повернули каноэ обратно и с удвоенной силой заработали веслами. Корабль, двигаясь по инерции, почти вплотную подошел к «Победоносному». Внезапно его палуба с грохотом разлетелась на куски, и оттуда рванулся вверх столб огня. На чиванский корабль, как из жерла вулкана, стали извергаться горящие бочки, наполненные маслом кулачных орехов. Огромный корабль мгновенно превратился в огненный шар. Даже на расстоянии двухсот ярдов Шаззад ощущала жар от этого чудовищного костра.

С берега доносились ликующие вопли. Шессины окончательно захватили «Разрушитель». Принцесса увидела на его кормовой надстройке группу дикарей. Над головами они подняли большой щит, на котором стоял человек. Освещенный языками пламени, он поднял вверх стальное копье, и вся гавань и городская стена огласились победным гимном варваров. Голос Саана вернул Шаззад к реальности.

— Увы, но теперь и правда все кончено, принцесса.

Фарватер заблокирован, и эскадра не сумеет покинуть гавань. Мы в западне. Полное поражение... Нам следует немедленно спасаться бегством.

Шаззад, как завороженная, наблюдала происходящим в гавани, пытаясь разглядеть посреди всего этого хаоса и неразберихи что-либо, что может дать хоть какой-то проблеск надежды.

— Но большинство кораблей еще в строю! — воскликнула она.

— Это ненадолго. Взгляните, госпожа! — На волнорезе шло ожесточенное сражение между шессинами и невванцами. — Скоро варвары захватят волнорез, а оттуда переберутся на корабли. Это конец. Я могу давать команду к отплытию?

Разгневанная Шаззад обернулась к нему.

— И думать забудь! Прежде всего мы должны спасти короля!

Не теряя времени, она сбежала вниз по трапу.

— Кровавая Секира! — закричала она. — Веди свой отряд за мной на волнорез!

Принцесса сорвала с себя тунику, сковывавшую движения, и прыгнула в воду. Сделав несколько гребков, она почувствовала ногами дно и вскарабкалась на мол. Все ее люди были заняты борьбой с шессинами, помочь ей было некому. Обувь пропиталась водой и тянула принцессу вниз. Ей следовало бы разуться, но на это не хватило времени. Когда она бегом преодолела короткое расстояние до «Боевого Дракона», Шаззад показалось, что ее легкие горят огнем. Борта корабля возвышались над Шаззад. Подоспевшие первыми чиванки подхватили принцессу и подняли ее себе на плечи, чтобы Шаззад вскарабкалась на борт корабля. За ней последовали воительницы.

В толпе людей на корме Шаззад разглядела отца. За этот день он постарел на два десятка лет. Окружавшие его придворные что-то отчаянно кричали. Шаззад успела различить: «Сдавайтесь!» — и тут за спиной короля возник человек с кинжалом в руке. Принцесса указала на него рукой, и одна из чиванок тут же метнулась вперед, снеся ему голову топором.

Обернувшись, король с удивлением воззрился на свою дочь.

— Что ты здесь делаешь, Шаззад? Почему ты не...

— Немедленно поднимайся на «Лунную Искру», отец! — закричала принцесса.

— Нет, — возразил один из адмиралов. — Нам следует сдаться, чтобы выторговать более выгодные условия...

— Ты желаешь продать врагу своего короля? — в яро-

ти воскликнула Шаззад. — Убейте его! Прикончите всех этих негодяев!

Чиванские воительницы с готовностью выполнили ее приказ, и палубу обагрили реки крови.

— Шаззад... — в голосе Пашара явно слышалась дрожь. — Но я должен...

Однако, принцесса не слушала отца. Перегнувшись через перила, она взглянула вниз, туда, где шессины, ловко орудуя копьями, теснили морских пехотинцев.

— Харах! — закричала Шаззад, завидя капитана. Тот повернулся. Его лицо заливал пот. На нем был шлем из бивней туны. Кираса из акульей кожи была во множестве мест пробита вражескими копьями. Кровоточащие раны покрывали мощные руки Хараха. Что-то крикнув своим людям, он бросился к Шаззад.

— Принцесса? — воскликнул он, приветствуя ее.

— Немедленно собирай своих людей и доставьте короля на борт «Лунной Искры»! — она указала на быстро приближающихся шессинов. — Взгляни! Скоро они будут здесь.

Отвернувшись, Харах несколько раз дунул в свой свисток, и морские пехотинцы тотчас же собрались вокруг командира. Шаззад с гордостью наблюдала за ними, радуясь тому, как быстро и беспрекословно подчиняются ее приказам. Но сейчас не было времени для этих мыслей: у нее оставалось слишком много дел. Тем временем, по абордажным крюкам на каноэ перебирались какие-то светлокожие бритые наголо воины, каких Шаззад никогда прежде видеть не доводилось.

Харах со своими людьми взбежал по трапу. На бегу несколько человек рухнули, сраженные вражескими копьями.

— Принцесса? — спросил Харах в ожидании новых приказов.

— Ты должен сопровождать моего отца на «Лунную Искру». Парусник стоит по ту сторону волнореза. Любой ценой он должен достичь столицы.

Харах немедленно принялся отдавать приказания. Не обращая внимания на протестующие возгласы, его люди подхватили короля и передали вниз своим товарищам. Обрадованная, Шаззад схватила Хараха за плечи и наградила крепким поцелуем.

— Можешь быть уверен: за это я сделаю тебя генералом! А теперь нам пора уходить. Нужно еще успеть отдать приказ к отходу малым судам. Тогда мы хоть немного отравим удовольствие Гассему...

Она вернулась к борту, и Харах собственноручно передал ее телохранительницам, а затем и сам прыгнул

вниз. Корабль был уже почти полностью в руках дикарей, которые убивали последних защитников, прикрывавших отход короля. Шаззад видела, как капитан машет им рукой с борта «Лунной Искры». Звуки боя доносились все ближе.

К Шаззад повернулась Кровавая Секира, но в этот миг вражеский топор вонзился в ее горло. Замертво рухнул последний невванский офицер, и шессины заняли корабль. Чиванские воительницы окружили принцессу, чтобы защитить ее и как можно дороже продать свою жизнь. Оглянувшись, Шаззад смогла разглядеть, как на борт «Лунной Искры», стоящей по ту сторону волнореза, поднимаются люди. Ветер уже раздувал паруса. Харах даже не попытался вернуться, чтобы спасти Шаззад. «Он в точности выполняет мой приказ, — подумала принцесса. — Будь у нас побольше таких людей, невванцы не потерпели бы столь унизительное поражение...»

Одна за другой падали чиванские телохранительницы, сраженные ударами врагом. Шаззад не стала сопротивляться, когда ликующие дикари окружили ее. Принцессу заставили встать на колени и что-то холодное коснулось ее горла. Подняв глаза, принцесса увидела прямо перед собой ослепительно сверкающий наконечник копья. Затем второе лезвие уперлось ей в шею. Копья скрестились под подбородком Шаззад. «Стоит им надавить еще немного, и у меня голова слетит с плеч», — невольно подумала принцесса без всякого страха. Сейчас она даже желала для себя смерти. Но копья внезапно отодвинулись, и чьи-то руки подняли Шаззад на ноги. Она поняла, что приставленные к горлу копья для шессинов были символом взятия пленника. Подталкивая остриями копий принцессу в спину, ее повели в город. «Похоже, мои беды только начинаются», — с досадой сказала себе Шаззад.

Однако она исполнила свой долг: правитель Неввы был в безопасности.

Глава тринадцатая

Даже после восхода солнца дым по-прежнему шел от «Победоносного» и остатков уничтожившего его корабля. Рядом лежал на боку остов двухпалубного судна, пораженного снарядом катапульты, а вокруг плавали обломки других кораблей и трупы воинов.

Прислонившись спиной к крепостной стене, Шаззад, пытаясь согреться, подставила свое тело солнечным лучам: шессины сорвали с принцессы всю одежду и оставили ее обнаженной.

На шее у Шаззад лежало тяжелое деревянное ярмо, запястья были скованы наручниками, у которых вместо цепи был жесткий деревянный брусок. Помимо нее у стены сидело еще не меньше полусотни пленников, большинство из которых оказались подкопщиками. Пленных матросов, морских пехотинцев и солдат собрали где-то в другом месте. Раненые, которым никто не собирался помогать, лежали на земле, и лишь порой к ним приближался кто-то из островитян, с помощью меча или копья избавляя от мучений тех, кому явно не суждено было выжить.

Все тело принцессы было в ссадинах и кровоподтеках. Она ощущала лишь боль и усталость. Когда-то давным-давно ей, вместе с другими знатными невванцами, нравилось предаваться эротическим играм в «рабов» и «господ», причем принцесса получала наслаждение, покоряясь чужой воле. Но тогда она знала, что по ее желанию игра завершится в любой миг, и с подлинным рабством это не имело ничего общего.

Внезапная дрожь охватила принцессу, когда перед ней вдруг возник какой-то человек.

— Поднимись, женщина, — велел ей властный голос.

Шаззад покорилась. Несмотря на то, что колодка всей своей тяжестью сгибала ее шею, Шаззад подняла голову и взглянула мужчине в глаза. Лицо его не предвещало ничего доброго. Он был гладко выбрит, если не считать длинной пряди на темени, скрепленной золотым кольцом. Также золотые кольца украшали и его уши. На нем была кожаная туника с широким ремнем, расшитая кораллами, которая указывала на довольно высокое положение незнакомца. Веро-

ятно, он был надсмотрщиком и, скорее всего, родом не с Островов.

— Твое имя? — спросил мужчина.

Островитяне уже собрались вокруг любопытной толпой. Шаззад молчала. Надсмотрщик подал знак кому-то, стоящему у нее за спиной, и принцессу внезапно словно обожгло огнем: ей на спину обрушился удар бича. Надсмотрщик подошел ближе.

— Почему ты молчишь?

— Я не привыкла говорить со всяким отребьем! — рявкнула Шаззад. Неожиданно изловчившись, она сумела ударить надсмотрщика в челюсть колодкой, висевшей у нее на шее, и, заслышав, как хрустят кости, ощутила мрачное удовлетворение. Мужчина рухнул на землю, и Шаззад подумала, что теперь ей пришел конец. Однако, ожидания принцессы не оправдались: толпа внезапно взвыла от восторга, словно, наконец, увидела зрелище, которого ждала уже очень долгое время.

— Взгляни на меня! — внезапно услышала Шаззад властный женский голос. Принцесса медленно обернулась и завидела двух женщин в окружении шессинских воинов. Одна из незнакомок была одета лишь в узкую набедренную повязку и носила множество дорогих украшений. Шаззад подивилась ее красоте: ей никогда в жизни не доводилось видеть более прекрасной женщины.

— Я — королева Лерисса, — послышался голос незнакомки сквозь шум и выкрики толпы. — Как ты посмела сопротивляться надсмотрщику?

В руках королева держала плеть, — именно она только что ударила принцессу. Сейчас рукоятью она вздернула подбородок Шаззад, и та невольно поморщилась от боли.

— Кто ты такая, женщина? — спросила королева. Несмотря на всю властность, ее голос был звучным и приятным.

— Перед тобой невванская принцесса Шаззад, — отозвалась пленница.

Толпа удивленного зарокотала. Королева обернулась к своей спутнице, — темноволосой женщине с кожей медного оттенка, шею которой охватывал широкий ошейник. Подойдя ближе, женщина внимательно вгляделась в лицо Шаззад.

— Она вся грязная и в крови, госпожа. Я не знаю, лжет она или нет, — промолвила, наконец, спутница королевы.

— А тебе этот ошейник очень идет, Денияз. Помнится, ты с детства обожала играть в рабов, — насмешливо заметила Шаззад.

— Тебе оковы тоже очень подходят, — не менее язвительно откликнулась Денияз. — Если моя госпожа возна-

мерится высечь тебя за строптивость, я попрошу, чтобы это доверили мне. Уж я-то точно знаю, как тебе угодить. — Она обернулась к королеве. — Это и впрямь принцесса Шаззад.

— Тогда ты пойдешь со мной.

Шаззад повиновалась. Ей больно было ступать босыми ступнями по острым осколкам разбитых плит, но на время она забыла о боли и унижении, созерцая длинные ноги королевы Лериссы и ее великолепные бедра. Никогда прежде Шаззад не встречала женщин, способных превзойти ее красотой, и сейчас для нее это было куда больнее, чем тяжесть оков и боль в ногах.

— Сегодня утром ко мне пришел один из воинов, — не оборачиваясь, промолвила королева, — который сообщил, что его люди взяли в плен женщину. На рассвете они обнаружили, что пленница одета как знатная дама, и тогда он вспомнил, что захватил ее на невванском флагмане. Воин решил, что мне пригодится еще одна рабыня. Но, похоже, он захватил куда более богатую добычу, чем сам рассчитывал.

— Пусть с меня снимут колодку, — воскликнула Шаззад.

— С какой стати? — изумилась Лерисса.

— Я — принцесса крови, а не безродное отребье. Ты должна обращаться со мной соответственно, — гневно заявила Шаззад.

— Что за нелепость! Ты просто пленница, ничем не лучше других, — отрезала королева.

— Цивилизованные люди не должны так поступать, — Шаззад сдвинула брови. Дыхание ее сделалось прерывистым, когда дорога пошла в гору.

Повсюду на улицах люди низко склонялись перед королевой, и лишь шессины ограничивались простым воинским приветствием.

— К вашему цивилизованному миру я не имею никакого отношения. Больше того, я не перестаю радоваться, что не принадлежу к нему. Впрочем, не буду скрывать, твои письма доставляли мне удовольствие. Забавно было пытаться отличить в них ложь от истины.

— Именно это и означает, что ты становишься цивилизованным человеком, — заметила на это Шаззад, по-прежнему тяжело дыша. — Я бы даже сказала, что в твоих посланиях ложь отличалась особым изяществом, хотя в них и чувствовалась рука Денияз. И все же я всегда верила, что мы станем друзьями.

— Я не ищу друзей среди пленников и рабов, — ледяным тоном отрезала Лерисса. — Твоя жизнь в моих руках, никогда не забывай об этом.

Наконец, они подошли ко дворцу, и Шаззад вздохнула с облегчением. Убранство его показалось ей весьма безвкусным: королева-дикарка заполнила его теми вещами, которые казались красивыми лишь ей самой, а она явно не славилась своей утонченностью.

Лерисса подозвала рабыню в легком прозрачном одеянии, которая была здесь надсмотрщицей.

— Пусть эту женщину искупают и приведут в порядок волосы, — велела королева. — Затем надень на нее ошейник и приведи ко мне. — Окинув напоследок Шаззад холодным взглядом, Лерисса удалилась в сопровождении злорадно ухмыляющейся Денияз. Надсмотрщица проводила принцессу к купальне, вовсе не похожую на ту, к какой привыкла Шаззад. Скорее всего, здесь принимали ванну слуги, и все равно это было куда лучше лохани на борту «Лунной Искры». Рабыни помогли Шаззад смыть с тела кровь и грязь, и впервые за много дней она почувствовала себя действительно чистой. Принцесса даже не замечала боли от бесчисленных ссадин, наслаждаясь тем, что ее избавили от оков.

Рабыни принесли полотенце, и Шаззад вытерлась, а затем надсмотрщица усадила ее на низкую скамью. Одна из служанок принялась расчесывать спутанные волосы принцессы, а другая постаралась скрыть на теле ссадины и кровоподтеки. Впрочем, в их действиях не было никакого человеческого участия: так дома у Шаззад золотили рога кабо и расчесывали им гривы и хвосты прежде, чем вывести на верховую прогулку. Судя по всему Лерисса, подобно самой Шаззад, ценила красоту, вот только их представления о красоте не имели между собой ничего общего.

Самый сильный удар ожидал принцессу, когда ее привели в небольшую кузню и одели металлический ошейник с цепью. Для этого у наковальни имелась специальная подставка, на которую Шаззад пришлось встать на колени. А после этого, в ошейнике в качестве единственного одеяния, Шаззад отвели в покои Лериссы.

— Да, так гораздо лучше, — удовлетворенно заметила королева, оглядывая пленницу. Она возлежала на кушетке, в то время как Денияз массировала своей госпоже плечи. — Поставьте ее вон туда, — Лерисса указала на дальнюю стену, где в кольцо была вмурована короткая цепь.

— К чему все это? — воскликнула Шаззад.

— Такова моя воля, — просто отозвалась королева.

Она поднялась с кушетки, а складки ткани, на которой возлежала Лерисса, оставили следы у нее на животе и груди, но вскоре эти рубцы исчезли, и Шаззад с огорчением

была вынуждена признать, что никогда еще не встречала ни у одной женщины столь великолепного оттенка кожи.

— Я многое узнала о тебе, принцесса, — продолжала Лерисса. — У меня в Касине есть свои люди. От них я услышала о том, как ты наводила порядок на флоте.

— Это не помогло нам победить, — с горечью отозвалась Шаззад.

— Будешь открывать рот, только когда я тебе позволю, — холодно прервала ее Лерисса. — В твоих рассуждениях я не нуждаюсь. Как я уже сказала, мне известно, что у тебя сильная воля и ты очень независима. Значит, что ты обязательно попытаешься сбежать. Поэтому я стану держать тебя на привязи до тех пор, пока уверюсь в твоей покорности. Времени у меня достаточно. Кроме того, мне доставляет удовольствие покорять таких упрямиц, как ты. Я все равно найду способ сломить твою волю.

В этот момент в комнату кто-то вошел. Деният и другие рабы вскочили и принялись низко кланяться. На лице королевы появилась улыбка.

— Что я вижу? У тебя новая забава?

У Шаззад кровь застыла в жилах. Она узнала голос Гассема.

— Это моя новая рабыня. Бывшая невванская принцесса Шаззад, дочь короля Пашара.

Король приблизился к Шаззад и опустился на одно колено. Он был очень высок ростом, и ей пришлось приподнять голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Откуда ты здесь взялась? Еще вчера я видел тебя на маленьком суденышке, откуда ты наблюдала за ходом сражения. Теперь у меня тоже есть подзорные трубы. Вы, невванцы, умеете изготавливать прекрасные вещи. Но скоро все ваши мастера будут работать на меня. — Он обворожительно улыбнулся, но в глубине его глаз принцесса ощутила пугающую бездну.

— Полагаю, мне следует поздравить тебя с победой, король Гассем, — сказала Шаззад, пытаясь сохранять достоинство.

— Великолепный бой, не правда ли? Это моя лучшая победа, — улыбнулся Гассем.

— Да, весьма зрелищно.

— Ты выбрала подходящее слово, — кивнул король. — Однако в гавани остались следы сражения. Я послал пленных очистить ее, а то уже появился запах тления. Я люблю только свежую кровь, поэтому предпочитаю драться на суше. Когда покидаешь поле боя, падальщики очищают его от трупов.

— Битва была прекрасна, — вмешалась Лерисса. — Никто из тех, кто видел ее или принимал в ней участие, никогда о ней не забудет. Захват кораблей, пожар на галеоне... наверняка, все это войдет в легенду.

— Моя королева, меня всегда восхищал твой дар облекать мысли в слова, — промолвил Гассем. — Ты должна написать моему царственному собрату Пашару. Пусть знает, что его дочь у нас в плену, живая и невредимая.

— Отец заплатит за меня щедрый выкуп, — заверила короля Шаззад. На самом деле, она в этом сомневалась: война оказалась слишком разорительной для Неввы.

Гассем усмехнулся.

— Почему-то все мои знатные пленники воображают, будто их королевства обладают чем-то таким, что я не смогу взять силой. Я не собираюсь отдавать тебя отцу. Мне принадлежишь и ты сама, и все его богатства — их я просто еще не успел у него отнять.

— Даль, не удалось захватить в плен самого короля, — заметила королева.

Гассем повел плечами.

— Может, оно и к лучшему. Если бы я взял в плен Пашара, невванский трон захватил бы кто-то другой, как только весть об этом достигла бы столицы. Все равно кто-то должен согревать для меня невванский трон... почему бы и не Пашар.

Эти речи Гассема задели Шаззад. Она испытывала страх, отвращение — и одновременно странное возбуждение, какое, видимо, испытывает любая женщина в присутствии сильного, волевого и красивого мужчины. Принцесса видела, как король-победитель взглянул на Денияз, и попыталась, чтобы никаеи чувства не отразились у нее на лице, как подобает знатной госпоже. И все же она чувствовала, как жар поднимается из глубины ее существа и у нее начинают пылать щеки.

— Как ты поступишь с чиванскими воительницами? — поинтересовалась у мужа Лерисса.

— Они восхитительны, — ответил он, — но отказываются мне служить. Все же я попытаюсь подчинить их себе — это разумнее, чем просто казнить. Такие солдаты стоят затраченных на них усилий. — Он повернулся к Шаззад. — Почему так трудно столковаться с этими женщинами? Большинство оставшихся в живых невванцев готовы служить мне верой и правдой.

— Они поклоняются чиванскому королю, как божеству, — пояснила принцесса.

— Значит, теперь их богом стану я. — Король повернулся к Лериссе. — Что мне для этого сделать?

Она задумчиво нахмурилась.

— Лучше всего сыграть на их гордыне. Во-первых, они страдают от позора, ибо их взяли в плен живыми. Пусть они как можно сильнее ощутят свое унижение. Затем пусть узнают, что чиванский король обманул их и предал. Ты — подлинный король-бог, и только ты достоин той преданности, которой они прежде они удостаивали неблагодарного... Как там его зовут?

— Диваз Девятый, — подсказала Денияз.

— Диваза Девятого. Уверена, они будут рады подчиниться тебе. Эти женщины не представляют себе иной жизни, кроме служения. Они верные воины короля-бога, и только. А сейчас у них есть выбор: служба новому королю или смерть.

— Что бы я делал без тебя, моя королева? — с довольным видом усмехнулся Гассем. — Обладая силой, я властвую над людьми, но тебе подвластно куда большее — их души. Я сделаю, как ты сказала.

— Эти женщины станут достойным пополнением твоего войска, мой господин, — промолвила Лерисса. — Но вчера ты захватил и других пленников. Надеюсь, среди них найдутся искусные матросы и гребцы?

— Да, нам повезло, — кивнул король, наливая себе в бокал янтарную пенящуюся жидкость. — Большинство моряков и морских пехотинцев уже присягнули мне на верность. Потери среди наших воинов мы восполним с помощью гребцов с чиванского галеона. Следующим летом я проведу учения.

— Ты используешь чиванский корабль? — спросила Лерисса.

— Навряд ли. Есть и другие способы захватывать портовые города, а галеону нужно слишком много гребцов и вооружения. Я думаю разобрать его, а дерево использовать для строительства новых кораблей. Я мечтаю о таком судне, где будет всего один ряд весел, но более широкая палуба, чтобы вместить как можно больше воинов.

— Но будет ли такой корабль обладать достаточной скоростью, имея всего один ряд весел? — с сомнением спросила королева.

— Да, если на каждое весло посадить по два или три гребца. Мы больше не станем использовать тараны, ведь нам нужно не топить, а захватывать вражеские корабли. Абордаж куда полезнее, но для этого требуется очень много людей.

Шаззад была потрясена: эти люди не думали ни о чем, кроме войны, помышляя лишь о войне, могуществе и безраздельной власти над людьми. Кто мог противостоять такому напору? Ей вновь пришла в голову горестная

мысль о том, что ее собственный народ вырождается, погрязнув в плотских наслаждениях, а потому вполне заслуживает быть завоеванным этими одержимыми варварами.

* * *

Был полдень, когда «Лунная Искра» вошла в гавань Касина. Король решил не возвращаться в столицу крадучись, словно вор, под покровом ночи. Впрочем, в этом не было нужды, так как известие о поражении еще не достигло города. Зеваки увидели парусник принцессы, входящий в порт Касина. На борту был приготовлен крытый паланкин, чтобы доставить короля прямо во дворец. Перед тем как корабль бросил якорь, Харах обратился к собравшимся на палубе матросам и морским пехотинцам. Им приказали снять доспехи и тщательно уничтожить все следы, которые могли бы указать на проигранное сражение.

— Не вздумайте болтать лишнее, — сурово предупредил их Харах. — Король сперва должен посовещаться с советниками. Если кто из вас вздумает распускать язык, будьте уверены, я немедленно узнаю об этом, и тогда болтун позавидует тем, кто угодил в плен к дикарям. А если люди станут спрашивать о принцессе, говорите, что она захворала в пути и осталась пока под присмотром лекарей.

Последним в крытом паланкине покинул «Лунную Искру» сам король. Телохранители не подпускали к нему никого, кроме капитана Хараха.

— Как ты думаешь, что случилось с малышкой Шаззад? — то и дело с горечью вопрошал Пашар у капитана морских пехотинцев. Похоже, теперь он воспринимал дочь как маленькую девочку.

— Ее взяли в плен, — вновь и вновь повторял Харах. — Я видел, что она была жива, когда мы уплывали прочь: варвары под конвоем уводили ее с палубы «Победоносного». Должно быть, очень скоро они пришлют требование о выкупе.

— Я готов заплатить любые деньги, лишь бы вернуть мою крошку. О, бедная девочка! — воскликнул король с непривычной нежностью. — Она была моим лучшим советником, но я не слушал ее, внимая нелепым речам этих болванов-придворных. Боги покарали меня за глупость.

После этих слов короля у Хараха появилась надежда: возможно, теперь король вновь станет прежним.

— Она спасла вам жизнь, ваше величество! Может быть, она спасла все наше королевство. Принцесса могла бы избежать плена, но ей было важнее спасти правителя дер-

жавы, и она велела мне любой ценой доставить тебя в столицу. — Капитан при каждом удобном случае старался напомнить об их взаимном доверии и дружбе с принцессой. Он еще не забыл, как Шаззад обещала произвести его в генералы.

— Я должен вернуть дочь во что бы то ни стало, — вновь и вновь повторял король.

Оказавшись во дворце, Пашар немедленно удалился в свои покои, попросив Хараха дождаться его. Король велел слугам немедленно привести себя в порядок, ибо желал как можно скорее собрать совет, по крайней мере тех его членов, кто еще оставался в живых и не попал в плен.

Принимая ванну и попивая вино, настоянное на лекарственных травах, король принялся обдумывать положение. Едва ли помощь жрецов, к которой в первый раз прибегла Шаззад, окажется действенной и на этот раз. Впрочем, попробовать все равно стоило. Если даже затея не сработает, доверия лишатся жрецы, а не сам король.

Среди царедворцев было немало тех, которые немедленно попытаются свергнуть короля, узнав о его поражении. Следует приструнить их прежде, чем они на это осмелятся. Пашар стал прикидывать, кого ему поставить на ключевые посты в государстве. Это должны быть люди, настолько преданные королю, что если к власти придет другой человек, то их карьере придет конец. Он знал немало таких придворных, и прежде всего — капитана Хараха. Вот кто на деле доказал свою преданность Пашару!

Но как долго ему удастся держать народ в узде? Внезапно король вспомнил о Гейле. Где же тот сейчас? Еще когда Пашар был герцогом, этот мальчик гостил у него во дворце... А сейчас со своими знаменитыми верховыми лучниками, Гейл мог бы спасти короля. Нужно срочно выслать гонцов на юго-восток. Если Гейл уже движется сюда, то пусть поторопится... Но действительно ли он идет на выручку Пашару?

Через пару часов король, наконец, вышел из своих покоев и обратился к Хараху:

— Ты должен идти со мной в зал Совета.

Теперь, когда король принял ванну, его волосы были причесаны и заново подкрашены, а также после сытного обеда, он словно сбросил полтора десятка лет, и мало чем напоминал беглеца, тайком прибывшего во дворец. Что касается Хараха, то он радовался возможности возвыситься при дворе, и оставалось лишь надеяться, что возвышение это не окажется кратковременным. Сейчас на капитане была форма королевского стража, до блеска начищенные доспехи, а на боку висел короткий парадный клинок.

При появлении короля советники склонились в поклоне. Еще до начала заседания правитель успел переговорить со жрецами, и те согласились помочь ему, поскольку у них не было иного выхода. Они готовы были объявить народу, что боги явили им новое знамение.

Король уселся во главе стола Совета.

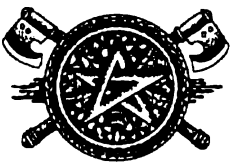
— Увы, но я принес вам недобрые вести, — начал он. — Наш флот... — Внезапно он увидел в зале человека, которого никак не ожидал обнаружить сейчас во дворце. — Что ты делаешь здесь, Ашгар? — обратился он к усталому офицеру в перепачканном мундире. Разве ты не должен охранять границу с Омайей?

Для офицера не было худшего проступка, чем без дозволения оставить свой пост.

Лорд Ашгар поднялся.

— Я тоже принес дурные вести, государь. Король Орланд напал на нас с северо-востока и захватил часть наших земель.

Пашару стоило огромных усилий не выказать своего ужаса. Теперь катастрофа сделалась неминуемой. Он медленно стиснул кулаки. Неужели Гейл не придет на помощь?!

Глава четырнадцатая

Тем временем, войско, ведомое Гейлом, завершало свой переход через пустыню. Благодаря помощи проводников, армия добралась до отрогов огромной горы, что разделяла западную низину и высокогорье.

Идти по горам оказалось нелегко: они словно сплошь состояли из древней породы, в любой миг готовой рассыпаться в прах, и потому двигаться приходилось очень осторожно. К тому же на всем пути не оказалось ни одного источника. Лишь когда всадники преодолели последний склон и вышли на плодородную равнину, воины слегка приободрились. У первой же речушки, несущей свои воды в западное море, армия остановилась, дабы напоить животных.

Пока кабо утоляли жажду, к Гейлу подошел Йокайм.

— Может, нам стоит послать охотников за дичью? Должно быть, здесь нас ждет богатая добыча.

— Нет, не стоит, пока не узнаем наверняка, кому принадлежат эти земли. Теперь, когда мы пересекли границу Неввы, нам надлежит вести себя более сдержанно.

Утро выдалось прекрасное. Вскоре вернулись разведчики и донесли, что впереди обнаружили небольшой поселок и пограничный форт, над которым развевалось знамя короля Неввы. Впрочем, все укрепления были в скверном состоянии, поскольку с юго-востока королевству никогда не грозила опасность, и потому все деньги из казны шли на укрепление западной границы.

Из форта навстречу войску Гейла вышла процессия из сотни пехотинцев, во главе которой ехал одинокий всадник в выцветшем плаще поверх кольчуги и в шлеме из крепкой кожи туны. Судя по всему, это был командующий пограничного отряда.

— Должно быть, ты король Гейл, — промолвил он, ответив на приветствие. — Кто еще мог бы явиться из пустыни во главе тысяч всадников? Я — капитан Туула. Нас предупредили о том, что следует ожидать твоего появления в этих местах. Добро пожаловать в наш форт! Твои люди могут разбить лагерь у крепостных стен. Все равно близится вечер, и вам придется устроить привал.

Похоже, невольно подумал Гейл, что этот человек просто рад возможности пообщаться с чужаками.

— Благодарю вас, капитан. Вы позволите мне выслать охотников за добычей?

— Ну, конечно. У нас не будет столько провианта, чтобы накормить вас всех. К югу имеются отменные охотничьи угодья. Кроме того, на всей территории Невы король дает вам право пополнять свои запасы на любом складе за счет казны.

Гейл отдал приказ разбить лагерь у стен форта, а сам последовал за Туулой, который предоставил в распоряжение короля уютное жилище, на крыше которого был разбит цветник. Гейл уселся под тростниковым навесом, и изящные юноши-слуги принесли подносы с закусками и охлажденное вино.

— Прошу простить меня за столь скромный прием, — промолвил невванец, освобождаясь от доспехов. — Когда живешь в глуши, неудобства неизбежны. Все местные жители — сущие дикари, ничем не лучше обитателей пустыни.

— Получали ли вы вести с полей сражений? — поинтересовался Гейл, которому скучно было слушать речи капитана.

— Нам известно очень немногое. Последний гонец прибыл три недели назад, когда король готовил эскадру к северному походу. Я даже не знаю, вышла ли она уже из Кассина. Никто и не думает вводить нас в курс дела. В Невве наш форт считается захолустьем еще с тех времен, когда Луна была белой.

Гейла удивило то, что капитан использовал это древнее выражение, мало кому известное на материке. Считалось, что Луна была белой, пока ее не поразили огненные копья... Много веков тому назад.

— Надеюсь, что королевский флот выйдет в море лишь после того, как я доберусь до столицы, — заявил Гейл. — Далеко ли отсюда до Кассина?

— Верхом можно добраться дней за восемь, если, конечно, не будет никаких неожиданностей в пути. Я бы дорого дал за то, чтобы отправиться с вами. На войне всегда появляется возможность проявить себя, быть замеченным королем... Тогда я мог бы, наконец, покинуть эту глушь.

«Восемь дней...» — повторил про себя Гейл. Ну что ж, они ускорят шаг и постараются уложиться за шесть. Кабо эти пойдет лишь на пользу, ведь по пустыне они были вынуждены идти шагом. К тому же хорошо, что запасы можно будет пополнять на королевских складах. Это позволит кабо восстановить силы перед сражением. Когда наступит час битвы, его войско будет к ней готово.

Наутро Гейл попрощался с Туулой, который явно до-

садовал, что больше не может проявить гостеприимство. Гейлу оставалось лишь гадать, как мог этот аристократ оказаться в такой дыре, но, несомненно, к тому имелись свои причины.

Воины Гейла заметно повеселели, когда армия двинулась быстрее. Также они со смехом наблюдали за тем, как разбегаются во все стороны перепуганные крестьяне. Неизвестно откуда взявшееся грозное войско вызывало ужас у невванцев. Лишь немногие офицеры королевской армии знали о том, что всадники Гейла идут к ним на помощь, но, разумеется, никому и в голову не пришло предупредить об этом простых людей.

Раз уж король Пашар даровал ему такую возможность, то Гейл, не стесняясь, брал на складах все, что считал необходимым, — от седельных сумок и накидок, до принятых в Невве знаков военного различия.

Впрочем, больше всего, разумеется, армии на марше требовалось продовольствие. Королевские чиновники стонали от ужаса, когда видели то количество припасов и фуража, которое потребляет и забирает с собой армия Гейла. Со складов подчистую вывозили муку, сушеные фрукты и вяленое мясо. Чтобы накормить голодных воинов, целые стада домашних кагг и квилов пускали под нож. Однако, на все жалобы и возражения чиновников Гейл невозмутимо отвечал, что он со своими людьми совершил труднейший переход, дабы прийти на помощь королю Пашару, и потому имеет право получить все самое лучшее. К тому же при необходимости они могли бы взять это и без дозволения... Этот довод обычно оказывался решающим.

Постепенно земли, по которым шло войско Гейла, становились все более богатыми. У городов были высокие крепостные стены, а через реки были перекинуты красивые каменные мосты. Всадники, привыкшие вброд пересекать любую водную преграду, сперва отказывались верить, что эти совершенные творения — дело рук человеческих. С таким же восторгом созерцали они и небольшие молельни, установленные вдоль дорог. Поначалу степняки полагали, будто керамические цветные фигурки, помещенные в святилищах — это настоящие человеческие существа.

Впрочем, вскоре воины привыкли к чудесам, и теперь мало что вызывало у них удивление. Пожалуй, последним потрясением стал въезд в город, когда толпа горожан плотно окружила всадников, стараясь как можно лучше рассмотреть нежданных союзников, причем женщины, не стесняясь, гладили молодых красавцев по бедру или по руке.

 — Что у них за мужчины?! — презрительно бросил

один из помощников Гейла. — Немудрено, что стоило здесь появиться настоящим воинам, как они пришли в такой восторг!

— У нас сейчас нет времени на развлечения, — остановил его Гейл. — Однако уверен, что после окончания войны невванские женщины смогут в полной мере показать свое гостеприимство, и им порадуют вас всех.

— Ладно, уже ради этого стоило идти в поход, — сказал командир. Он был из племени эмси и очень гордился своими длинными черными волосами, к которым прикреплял бесчисленное множество маленьких серебряных колокольчиков и украшений из металла, что привозили на Равнины торговцы с юга.

— Надеюсь, так же сильно ты желаешь и повоевать, и захватить богатую добычу , — заметил Гейл. — Очень скоро вы сполна удовлетворите все свои желания.

В трех днях пути от столицы к Гейлу прибыл гонец от Пашара, вручивший королю союзников послание, скрепленное государственной печатью Неввы.

— Это послание было доставлено морем! — доложил гонец.

— Морем? — уточнил Гейл. — То есть эскадра уже в пути?

— Да, они выступили много дней назад, — сказал невванец.

— Что это значит? — спросил Иокайм Гейла после того, как тот отпустил гонца.

— Пока не знаю. Возможно, Пашар желает, чтобы я двигался к Флории и блокировал ее с суши, в то время как он сам будет вести осаду города с моря.

— Вести осаду? — недовольно протянул Иокайм. — Какая же это битва?! Мы пришли сюда сражаться, а не сидеть под крепостными стенами!

Гейл сломал печать и, вскрыв тубу, расправил свиток.

«Короля Гейла, — так начиналось послание, — приветствует давний друг, принцесса Шаззад...»

— Кто это такая? — поинтересовался Иокайм.

— Дочь Пашара. Это правда, мы давно с ней знакомы.

Он продолжил читать:

«Король, мой отец, решил не дожидаться твоего прибытия и повел эскадру на север, в надежде, что штормов в этом сезоне уже не будет. Сейчас мы стоим у входа в гавань Флории. Воины Гассема снуют мимо наших судов на каноэ. Похоже, нам нечего противопоставить этим маневренным суденышкам. Наслушавшись советов своих придворных и не приняв во внимание мои предостережения, отец предполагает завтра утром начать штурм города с моря. Я знаю, что

он совершает огромную ошибку, и прошу тебя приложить все усилия, чтобы поскорее присоединиться к нам. Я предвижу ужасную катастрофу, похожую на ту, что произошла несколько месяцев назад, когда отец и его советники недооценили боеспособность армии Гассема. Я сполна оценили свирепость и воинское мастерство шессинов. Впрочем, ты и сам знаешь, на что способны твои соплеменники. Заклинаю тебя поспешить, ибо нам не обойтись без твоей помощи!»

Письмо было лишено принятых цветистых оборотов, что было совсем не похожена принцессу и выдавало ее отчаяние.

Командиры с тревогой взирали на Гейла.

— И что мы будем делать теперь, мой король? — спросил Бамиан.

— То же, что и раньше, — ответил он, сворачивая свиток. — Если король Пашар совершил глупость, это не означает, что за нее должны расплачиваться мои люди. Мы дойдем до Касина, и на месте я разберусь, что происходит. А теперь — в путь! Нам следует торопиться.

И все же Гейл не мог не думать о письме. Конечно, Шаззад больше не была той самоуверенной взбалмошной девицей, которую он знал когда-то. В то время она была совсем юной, а он в реальном состоянии дел и вовсе мальчишкой. Но что-то от прежних времен сохранилось в характере принцессы: ведь, судя по всему, она отважилась сопровождать Пашара в морском походе.

На утро седьмого дня, что войско Гейла двигалось по территории Неввы, разведчики доложили королю о замеченном ими странном явлении.

— Небо выглядит как-то странно, — сказал разведчик-эмси.

— Что случилось? — поинтересовался Иокайм.

Они поднялись на ближайший холм, и перед Гейлом открылась картина, которая привела в замешательство его разведчиков. Небосклон к западу был весь покрыт облаками причудливой формы, а под ними, насколько хватало глаз, тянулась темно-синяя полоса с редкими белыми проблесками.

Гейл рассмеялся.

— Это море! — воскликнул он. — Здесь суша заканчивается, и внизу нет ничего, кроме воды. — Однако король видел, что его слова остались непонятны жителям равнин, которые не представляли, что воды может быть так же много, как песка в пустыне.

— Это вроде большого озера? — спросил Бамиан.

— Не совсем. Но к чему тратить слова — вы все увидите собственными глазами. Вперед! Думаю, мы окажемся на побережье к полудню.

Войско начало спуск с возвышенности на прибрежную равнину. Всюду простирались возделанные земли, широкий тракт, по которому двигалась армия Гейла, был вымощен красноватыми гранитными плитами. Через каждые несколько миль располагались колодцы для домашнего скота, а также верстовые столбы, указывающие направление к столице и другим крупным городам Неввы. Спустившись на берег, жители равнин не смогли сдержать изумления перед видом бескрайнего размерами океана, шумом волн и незнакомыми запахами. Некоторые воины подъехали к самым волнам, заставляя своих кабо зайти в воду. Людей, как и животных немало удивило то, что вода оказалась соленой.

Лодки, снующие вдоль берега, степняки приняли за забавных морских животных, а крепостные стены невванской столицы — за скалы. Стены Касина тянулись от края огромного залива до холмов на востоке, пересекая узкую полосу побережья. Воины Гейла были поражены размерами главного города Неввы, который показался им превосходящим размерами все деревни и города, что им довелось увидеть на своем пути.

— Неужели кто-то способен взять такую крепость? — спросил кто-то из воинов.

— Вполне, — заверил его Гейл, — хотя это непросто. Город, подобный этому, можно одолеть долгой осадой, при наличии сильного войска и флота. Его также можно взять штурмом или хитростью, если у тебя есть союзники в стане обороняющихся.

На крепостных стенах Касина развевались знамена, отовсюду слышался рев труб. Гейл приказал своим людям попридержать кабо и соблюдать порядок. Знаменосцы выдвинулись вперед, чтобы следовать за королем и старшими командирами. Воины отряхнули пыль с доспехов, достали спрятанные в седельных сумках украшения и придали лицам воинственную суровость, дабы не ударить в грязь лицом перед столичными жителями.

Когда колонна приблизилась к городским воротам, оттуда показалась группа богато одетых придворных, выехавших на великолепных кабо поприветствовать воинство Гейла. Некоторые из встречающих были облачены в придворные одежды, другие — в военную форму и доспехи. На их лицах сияли искренние улыбки. Первым подал голос герольд, выступивший с длинным официальным приветствием.

В конце своей речи герольд пригласил славного короля Гейла и его не менее прославленную армию войти в столицу Неввы. Когда процессия подошла к воротам, на крепостные стены высыпали горожане, громко приветствовав-

шие армию Гейла. Войдя в город, его воины вынуждены были буквально протискиваться сквозь радостоно гомонящую толпу. Люди размахивали флагами Навы, осыпали всадников лепестками цветов. Владельцы таверн протягивали воинам бокалы, кувшины и фляги с вином. Поскольку Гейл не догадался заранее запретить им это, воины с готовностью принимали любые подношения.

— Похоже, они и правда нам рады, — воскликнул Иокайм, пытаясь перекричать гул толпы.

— Это не просто радость, — отозвался Гейл. Похоже, горожане были смертельно напуганы и приветствуют не просто союзников, но своих спасителей.

Проехав по рынкам и площадям, по широким улицам, мимо огромных храмов, где над жертвенными алтарями поднимались густые столбы дыма, всадники остановились перед дворцом невванского короля. Завидев на широкой лестнице самого монарха, Гейл спешился.

— Ждите здесь, — велел он своим командирам.

Ему навстречу спускался молодой невванский офицер в мундире королевского гвардейца, который взирал на гостя с явным замешательством.

— Приветствую... э-э... короля Гейла. Я капитан Харах. Его величество король Неввы приказал мне сопровождать вас.

Гейл двинулся вверх по лестнице, а Харах негромко промолвил:

— Боюсь, я был не слишком вежлив, король Гейл, но ваша внешность...

— Ты хочешь сказать, я выгляжу как шессин, против которых вы сражались?

— Да, у тебя такой же цвет кожи, волосы, глаза... И особенно твое копье! Те из наших воинов, кому посчастливилось выйти живыми из битвы, до сих пор видят эти копья в ночных кошмарах.

Гейл улыбнулся. Подобная прямота была ему куда больше по вкусу, чем лесть придворных.

— Я и правда родом из племени шессинов. Разве тебе не говорила об этом принцесса Шаззад?

— Да, и она сама, и его величество. Однако вид твой все равно внушает трепет. Когда я командовал отрядом морской пехоты, то отлично запомнил шессинов.

— Ты принял участие в морском походе?

— Да, господин.

— И вы потерпели поражение?

— Все верно, — вполголоса отозвался капитан. — Но об этом лучше говорить без свидетелей.

Когда Гейл смог получше разглядеть короля Пашара, то был потрясен его видом: властный осанистый мужчина средних лет превратился в старца, который мужественно пытался бороться с присущим его возрасту сонмом болезней. Краска на лице и притемненные волосы не могли скрыть этой перемены.

Пашар обнял Гейла, и толпа внизу приветствовала этот дружеский жест громкими возгласами.

— Рад видеть тебя, Гейл. — сказал Пашар. — Сегодня во дворце в твою честь мы зададим пиршество. Не беспокойся о размещении своих воинов: они могут разместиться в казармах невванской армии.

— Многие из них наверняка предпочтут свои шатры, — сказал Гейл. — Эмси привыкли жить на открытом воздухе.

— Пусть делают, что хотят. Я был бы рад угодить тебе получше, но, как ты сам понимаешь, обстоятельства не способствуют веселью.

— Я заметил на стенах куда больше стражи, чем в первое посещение Касина. Неужели Гассем угрожает твоей столице?

Пашар вздохнул:

— Нет, это не Гассем. Тот засел во Флории и наслаждается, присвоив себе остатки моего некогда прекрасного флота. Я вел себя как последний болван, Гейл. Гордыня и тщеславие толкнули меня, не дожидаясь твоей помощи, напасть на Гассема с моря — и я потерпел жестокое поражение. Но этого мало. Мои отношения с Омайей вот уже много лет оставались напряженными, а теперь король Оланд, узнав о нашем крахе, воспользовался моментом и захватил земли к северу от Змеиной реки.

— И впрямь, для веселья нет причины, — заметил Гейл. — Но я бывал в Омайе. Население ее невелико и состоит в основном из пастухов, а не купцов и земледельцев, как в Невве. Вы наверняка без труда сумеете разобраться с Омайей после того, как покончите с Гассемом.

Пашар улыбнулся.

— Ты стал мудрым правителем, мой друг Гейл. Это славно. Но когда я думаю о том, что Гассем и Оланд могут объединиться против меня, то, скажу честно, меня охватывает. Не знаю, что сейчас творится в Чиве, но ясно, что на их помощь рассчитывать нечего, после того как флот потерял в битве у Флории два драгоценных штурмовых катамарана короля Дивазом.

Они прошли в небольшой зал, где был накрыт стол с закусками. Пашар усадил гостя за маленький столик, а сам устроился напротив. Одной стены в помещении не было,

и перед Гейлом открывался вид на очаровательный внутренний дворик с журчащим в центре фонтаном.

— Да, ты и правда в отчаянном положении, король Пашар, — произнес Гейл. — Но я пришел помочь тебе одолеть Гассема. Мои земли, как и твои, граничат с Омайей. Через это государство пролегают наши торговые пути на северо-запад. Ни у меня, ни у тебя нет мирного договора с Омайей, но пока в мои ближайшие планы не входит портить с ней отношения. Я пришел сюда по твоей личной просьбе, чтобы помочь отразить вторжение островитян.

— Или все же свести старые счеты с Гассемом? — не удержался от язвительного замечания Пашар.

— Он — наш общий враг! Я никогда не повел в бы Невву войско только ради того, чтобы отомстить Гассему.

— А если Оланд все же объединится с Гассемом, то война против них станет нашим общим делом? — продолжал настаивать Пашар.

— Что ж, в таком случае мне придется пересмотреть свои отношения с Омайей.

* * *

В распоряжение Гейла были отданы просторные покои, и он отправился туда, чтобы хоть немного отдохнуть перед пиршеством. Когда он вошел, слуги отвесили ему низкий поклон, и тут он увидел еще одного старого знакомца.

— Шаула! — Мужчины крепко обнялись.

— Друг мой Гейл! — Писец отстранил от себя от короля Равнин на вытянутую руку, чтобы как следует разглядеть его. — Вид у тебя не самый королевский... Садись, и давай выпьем! Ты не против, если мы обойдемся без церемонных любезностей? Мне так хочется поведать тебе обо всем, что произошло со времени нашей последней встречи, но сперва я обязан рассказать тебе о последних событиях.

— Все верно, Шаула. Ты был у стен Флории?

— Еще бы! Это не было настоящим морским сражением... впрочем, ты наверняка уже слышал об этом. Я не слишком разбираюсь в военной науке, так что другой человек опишет все куда лучше. А вот и он!

Гейл покосился на вновь прибывшего.

— Я уже знаком с капитаном Харахом.

Тот присоединился к собеседникам.

— Я не знаю, что тебе рассказал король Пашар, — промолвил Шаула. — Но едва ли он рискнул назвать вещи своими именами.

— Он сказал, что вел себя как последний болван, — без обиняков ответил Гейл.

— Он слишком строг к себе, — возразил Харах. — Он просто человек в возрасте, которому хочется думать, что он все еще тот бравый вояка, каким был тридцать лет назад. И даже после первого поражения он не мог поверить в то, что его одолел какой-то невежественный дикарь.

— Расскажите обо всем, что вам известно, — попросил Гейл.

невванцы поведали ему о приготовлениях к морскому походу, самом походе и катастрофе, его завершившей. Гейл иногда задавал вопросы, интересуясь их оценкой происходившего: ему хотелось знать точку зрения различных сторон.

— Все обстоит куда хуже, чем я ожидал, — проронил Гейл, когда рассказ был закончен. — Король Пашар не упомянул ни о том, что Шаззад, спасая его, попала в плен, ни о том, что все офицеры на борту его флагмана были убиты. Шаула, мне понадобятся твои лучшие карты северных районов Неввы, где ты должен обозначить территории, захваченные Омайей.

Писец поднял с пола обтянутую кожей шкатулкой и поставил его перед собой.

— Все здесь.

— А чем, вообще, заняты сейчас омайцы? Они захватили еще какие-нибудь земли?

— Нынче утром гонцы доложили, что омайцы по-прежнему держатся к северу от Змеиной реки.

— Они хорошие воины? — спросил Гейл.

— Я больше сражался на море, — сказал Харах. — Но нам говорили, что омайцы предпочитают вести в бой легкую пехоту: пращников, лучников, метателей дротиков. Немногочисленные копейщики вооружены длинными пиками и маленькими щитами. Омайская армия легка на подъем и передвигается очень быстро.

— А они используют конницу? — поинтересовался Гейл.

— У них имеются отряды легковооруженных всадников, — ответил Шаула. — Число их не постоянно, но не превышает двух-трех тысяч. Правители Омайи всегда содержали небольшую регулярную армию, а остальную часть составляют рекруты и наемники. Поэтому трудно предположить заранее, сколько воинов будет в их распоряжении. Должно быть, королю Оланду удалось заручиться поддержкой большей части своих вельмож, если он осмелился напасть на Невву.

— Видно, осмелели после поражения прошлого нашей армии, — предположил Харах. — А узнав о разгроме под Флорией, могут обнаглеть еще больше.

— Король страшится союза Гассема и Омайи. Вы думаете, это возможно?

— Увы, да, — вздохнул Шаула. — Хотя цели у них слишком разные, так что не исключено, что они начнут драться друг с другом. И все-таки если они объединятся, то Чива тоже не останется в стороне, пожелает захватить наши южные земли, и тогда в войну будут втянуты уже четыре силы.

Гейл задумчиво помолчал, а затем воскликнул:

— Никак не могу поверить, что виной всему — мой молочный брат Гассем, над глупым тщеславием которого смеялись все младшие воины шессинов! Похоже, он не уймется, пока не втянет в войну весь мир.

— Смутные времена настают, — сказал Шаула. — История на редкость коварна. Все может оставаться неизменным в течение веков, а затем приходит великая личность, и все меняется. Изучая древние рукописи, я заметил, что такие деятели редко появляются в одиночку, обычно их бывает двое или трое, потому что у каждого всегда находятся достойные противники. Ты удивлен неожиданным взлетом Гассема? Ну а ты сам, мой друг Гейл? — Писец указал на оружие короля. — Когда я впервые встретил тебя, твоей единственной собственностью был вот этот меч, да шессинское копье. Сегодня ты вернулся во главе шеститысячной армии всадников. Ты правишь огромным королевством — оно не досталось тебе по наследству, ты создал его сам. Твои деяния уже стали легендой. Так что сейчас в мире есть уже двое людей, которые смогут полностью его изменить.

— Если бы принцесса Шаззад родилась мужчиной, она стала бы третьей, — заявил Харах.

— Насколько я могу судить по содержанию ее письма, она сильно изменилась с тех пор, как я был здесь в последний раз.

— Мне не ведомо, происходит ли это по воле звезд, богов, или по иным, земным причинам, однако сейчас как раз такое время, когда люди проявляют себя с самой неожиданно стороны — в особенности, те, кто способностями превосходит простых смертных. К добру это или к худу, но мир меняется у нас на глазах!

* * *

Последующие несколько дней для Гейла оказались весьма насыщенными. В его честь задавали пиршества и приемы, также он посещал военные советы, осматривал жилье, предоставленное его воинам и следил, чтобы они не задирались с местными жителями. Вскоре он велел своим людям по-

ставить шатры за крепостной стеной. Встревожила короля и загадочная болезнь, поразившая некоторых из его спутников, но, впрочем, вскоре недомогание прошло.

Также Гейл посетил верфь, где корабелы работали, выбиваясь из сил, дабы поскорее построить суда взамен погибших под Флорией. Проблемой оставалось также, где раздобыть гребцов: торговая гильдия не соглашалась отдать своих людей, опасаясь, что это послужит в ущерб интересам купцов.

В военных поселениях за городом Гейл следил, как недавно набранные рекруты обучаются военному делу под надзором младших офицеров.

— В Невве почти не осталось опытных солдат, — как-то пожаловался Гейлу Харах, взбираясь в седло. Моряк больше привык к корабельной палубе, нежели к верховой езде, и по-прежнему был скверным наездником, однако иначе было никак не попасть в лагерь, где проходил подготовку отряд рекрутов, набранных в деревнях.

— Ты только взгляни на этих увальней! Они держат копья как вилы!

— Ничего, научатся, — бодро возразил Гейл, надеясь в душе, что он не ошибается. — По крайней мере, они еще не успели изведать горечь поражения. Они не сомневаются в грядущей победе.

Однако, сам Гейл знал, что в бою этим бывшим крестьянам никогда не устоять против шессинов. Лишь его верховые лучники могли дать отпор беспощадному и великолепно обученному войску Гассема. Однако, если новобранцы хоть недолго сумеют удержать боевой порядок, этого окажется довольно.

Как-то вечером Гейлу пришлось высидеть до конца на очередном бесконечном военном совете. Военачальники по очереди произносили нудные речи, пытаясь вознести себя до небес, принизить соперников и снять с себя всякую ответственность за происходящее. Ближе к концу совета появился гонец, вручивший королю какое-то послание. Пока тот читал, собравшиеся тревожно наблюдали за правителем.

— Увы, — промолвил, наконец, Пашар, — наши худшие опасения подтвердились. Из Флории доносят, что брат короля Оланда, Амос, прибыл в город с большой свитой. Теперь я убежден, что Омайя заключила союз с дикарями против Неввы.

Впрочем, на советников эта весть не произвела особого впечатления. Раздосадованный Гейл негромко сказал королю:

— Вели этим болванам разойтись прочь, и пусть сюда придут Шаула с капитаном Харахом.

Правитель с усталым видом исполнил его просьбу. Вскоре в зал с поклоном вошли те, кого желал видеть Гейл. Из шкатулки Шаула извлек карты, а Гейл выдвинул на середину зала большой стол. Затем по его приказу слуги зажгли лампы, и они с писцом разложили карты, придавив края свитков чернильницами, кубками и любыми тяжелыми предметами, что попадались под руку.

Гейл обернулся к Пашару.

— Я хочу как можно скорее отправиться в бой, пока загадочный недуг не поразил еще больше моих людей. Но твои советники затягивают дело. Давайте лучше сами попытаемся принять решение.

Король насупил брови.

— Ты прав, они и впрямь слишком много болтают. Может быть, мои советники подкуплены врагом?

— Друг мой Пашар, я искренне надеюсь, что все эти люди преданы тебе всем сердцем. Но я не осмелился бы это утверждать. Впрочем, не имеет значения. Займемся лучше делом.

И четверо мужчин с тревожным видом склонились над разложенными на столе картами.

Глава пятнадцатая

Как ни удивительно, но король Гассем не возражал против того, чтобы принцесса Шаззад присутствовала на его военных советах. Несмотря на то, что ее приковывали к стене, молодая женщина с интересом следила за происходящим. Теперь бронзовые браслеты никогда не покидали лодыжек Шаззад, поскольку уже несколько раз она пыталась спастись бегством. Однажды она сумела перерезать веревки копьем, которое кто-то из воинов по неосторожности бросил в комнате; затем она выпрыгнула из окна и бросилась на конюшню, но, к несчастью, там не оказалось ни одного кабо. Так же безуспешно закончились и все прочие попытки. Теперь рубцы от ударов плетки покрывали все тело принцессы, — такое наказание назначала ей всякий раз Лерисса. Шаззад страдала, но утешалась тем, что по крайней мере, в отличие от других пленников, ее пока не пытали каленой бронзой и не ломали пальцы на руках и ногах.

Помимо короля с королевой, в военных советах также принимали участие старшие командиры. Собирались они под открытым небом, поскольку шессины не любили душных помещений.

На последнем совете присутствовал брат омайского короля Аймос с двумя десятками офицеров. На этих людях были диковинные шаровары и шерстяные накидки, а также узорчатые сандалии. Они отпускали длинные волосы и связывали их в узел на затылке, а также носили длинные усы, — шессины, лишенные растительности на лице, немало потешались над этим, ибо считали усы и бороду признаком истинных дикарей.

Даже если омайцы и удивились, увидев пленницу, прикованную к стене, они не решились задавать Гассему никаких вопросов. Впрочем, их привели сюда слишком важные заботы, чтобы обращать внимание на рабов.

Говорили омайцы медленно, ведь их наречие сильно отличалось от языка островитян. Вот почему Деният всегда держалась на советах рядом с королевой, чтобы, если понадобится, перевести ей, о чем говорят чужеземцы.

— Мой брат, досточтимый владыка Омайи Оланд, — торжественно провозгласил Аймос, — пришел в ярость от предательских деяний короля Пашара Невванского, который вновь попытался захватить земли, исконно принадлежащие нашей державе.

— Ясно, — кивнул Гассем. — А что, Пашар и прежде нападал на вашу страну?

— Нет, — отозвался ошарашенный Аймос. — То был один из его предшественников.

— И давно это было?

Омайец досадливо поморщился.

— Какая разница! Все земли на севере от Змеиной реки принадлежат Омайе. Там захоронен прах наших предков! Честь и справедливость не ведают времени!

— Тогда можешь передать омайскому королю, что я считаю его требования справедливыми, — заявил Гассем, — и не стану мешать ему в борьбе за эти территории, пока он не станет помехой на моем пути.

— У его величества никогда не было подобных намерений, — заверил его Аймос. — Прибрежные земли не нужны Омайе, ибо мы не строим кораблей. Подобно шессинам, мы пасем стада кагг и квилов и охотимся на диких зверей, тогда как невванцы — нация торгашей. Это недостойно великого народа!

— Совершенно с тобой согласен, — чуть заметно усмехнулся Гассем. — Наши народы должны дружить между собой.

— И не просто дружить, — предложил Аймос, который подводил разговор именно к этому. — Мне кажется, нам надлежит вступить в военный союз против Неввы.

— Эта мысль мне по душе, — промолвил Гассем, но тут же прервался, демонстрируя искреннее раскаяние: — Боюсь, я проявил себя как негостеприимный хозяин! Вы долго были в пути и наверняка проголодались. Нынче вечером я устрою пир в вашу честь, однако утолить голод вы можете немедленно.

Он хлопнул в ладоши, и по знаку короля тотчас выбежали рабы с подносами, уставленными едой и напитками. Королю они подали огромную чашу из огненного дерева, украшенную богатой резьбой, где плескалась густая розоватая жидкость со странными красными вкраплениями. Король взял чашу обеими руками и сделал большой глоток, после чего протянул сосуд шессину, сидящему от него справа, а тот в свою очередь, отпив немного, вручил чашу соседу. Причмокивая от удовольствия, те вкушали странный напиток, в то время как королева с любопытством наблюдала за гостями.

 Что до омайцев, то они словно окаменели и забыли

о голоде, наблюдая за шессинами. Шаззад знала, что в чаше находится молоко, смешанное с кровью каггов, — среди дикарей это было основной пищей младших воинов. Ей также было известно, что сам Гассем давно отказался от этого напитка, отныне предпочитая более изысканные блюда народов материка, но сейчас он намеренно пугал гостей, чтобы выбить тех из седла. В этом намерении он преуспел. Гассем давно позаботился о том, чтобы повсюду шли слухи, как шессины пьют кровь своих врагов.

— Теперь, — объявил Гассем по окончании трапезы, — я желаю знать, чего хочет от нас король Оланд.

Аймус откашлялся.

— Мой брат король намерен выступить в поход, пересечь Змеиную реку и...

— А вот это уже любопытно, — перебил его Гассем. — Кажется, ты говорил, что ваш король заявляет свои права на земли, лежащие севернее Змеиной реки?

— Совершенно верно, — поспешил с ответом Аймус, — ведь мы не сомневаемся, что вероломный невванский король собирается вторгнуться в Омайю, чтобы захватить наши земли. Мы желаем опередить его и первыми разгромить армию Пашара.

— Ты имеешь в виду те жалкие остатки его войска? — пожелал уточнить Гассем. — Ведь его армию уже давно разгромил я сам.

— И потомки восславят тебя за это! — пробормотал Аймус вне себя от ярости. — Тем не менее мы намерены захватить столицу Неввы и расправиться с Пашаром.

— Насколько мне известно, Кассин — это самый крупный порт к северу от Чивы, — заявил Гассем. — К чему доблестным воинам-пастухам короля Оланда город на побережье?

Аймус пожал плечами.

— Захватить столицу — это значит одержать полную победу. Если твое доблестное войско пожелает объединиться с нашим, то ты сумеешь должным образом использовать кассинские верфи и местных корабелов. В этом городе немало полезного для мореходов.

— Согласен, — кивнул Гассем. — И, разумеется, я намерен захватить Кассин. Для этого мне никакие союзники не нужны.

— Ты прав, мы оба способны одолеть Пашара и завоевать Невву без помощи со стороны...

— Стало быть, вы все же желаете захватить куда более обширные земли, чем те, о которых ты говорил в начале?

— Неправда, — рявкнул Аймус. — Мы просто вынуж-

дены обороняться. Хитрец Пашар наверняка заключил союз с Чивой. В эскадре Пашара, которую ты разгромил, было два чиванских катамарана. Эта морская битва наверняка войдет в историю. Но сейчас король Диваз IX жаждет мщения. Для него стало огромным позором потеря двух кораблей, которыми командовали его сыновья. Если отряды чиванцев вольются в армию Пашара, и они вместе двинутся на север, то даже столь великим полководцам, как ты и мой брат Оланд, будет разумно заключить союз между собой.

— Здесь есть над чем поразмыслить, — с важным видом кивнул Гассем. — И в знак этого, на пути домой тебя в качестве моих представителей и посредников между нами будут сопровождать несколько воинов. — Он обернулся к двоим суровым старшим воинам сидящим слева от него. — Люо и Пенда, отберите людей, которые последуют вместе с вами за этими почтенными посланниками. — Затем он снова обратился к Аймусу: — Эти двое — мои лучшие доверенные командиры. Мы все когда-то были младшими воинами в общине Ночного Кота. Они будут поддерживать связь между нашими армиями.

— Воля короля — закон для нас, — хором отозвались воины, но даже не попытались скрыть страдальческого выражения на лицах.

Аймус откланялся, объяснив, что им надо подготовиться к вечернему пиршеству. Когда они удалились, шессины разразились взрывом долго сдерживаемого хохота.

— Мой король! — воскликнул Люо. — Неужто нам с Пендой и впрямь надо идти за этими трусливыми пожирателями падали? — Он скривился от отвращения. — Мы готовы умереть за своего короля, но якшаться с этими ничтожествами...

Гассем усмехнулся:

— Служба не всегда бывает легкой и приятной. Урлик, ты видел армию омайцев. Что ты о ней скажешь?

Человек, к которому обратился Гассем, был командиром племени асаса, которые внешне были очень похожи на шессинов, если не считать темных глаз и волос,

— Сегодня утром мы возвратились из дозора, — пояснил Урлик для тех, кто еще не слышал его донесения. — С холма мы наблюдали за подготовкой омайской армии. Мне кажется, они не обладают ни дисциплиной сухопутной армии Неввы, ни воинским духом чиванских мореходов. Они достойны только презрения. Лишь твоя победа под Флорией подстегивает их алчность.

Присутствующие надменно рассмеялись. Никто не

 поинтересовался численностью армии Омайи: для ост-

ровитян значение имел только боевой дух. Однако королева, которая за это время не произнесла ни слова, нахмурилась. После короткого совещания Гассем отпустил командиров. День выдался на редкость погожим, и король с супругой не стали возвращаться во дворец.

— Что-то тревожит тебя, моя королева? — спросил Гассем. — Это на тебя не похоже: обычно ты не молчишь, особенно, если слышишь речи глупцов.

— Я не успела сообщить тебе последние вести, мой господин, — промолвила Лерисса. — Прямо перед советом пришло донесение от моих шпионов в Касине. В столицу прибыл Гейл во главе шеститысячной армии.

Король погрузился в молчание. Сердце Шаззад запело.

— Этот сопляк! — воскликнул наконец король. — Неужели это и правда он?

— Да, и никто иной. В донесении говорится, что всадников возглавляет шессин по имени Гейл. Шаззад утверждает, что встречала его вскоре после того, как он был изгнан с острова. А потом он отправился на восток и там провозгласил себя королем.

— И почему только я не убил его, когда имел такую возможность?! — в ярости воскликнул Гассем.

Лерисса обняла его за плечи.

— В ту пору это было немыслимо: обычаи запрещали тебе кровопролитие. Но сейчас ничто больше не сдерживает тебя!

Лицо короля прояснилось.

— Воистину, так. К тому же всего шесть тысяч воинов... Это не так уж много!

— Но меня все же терзают дурные предчувствия, — возразила королева. — Мы ничего не знаем об этих всадниках.

— Мы уже сражались против кавалерии, — возразил Гассем. — Верховые животные нам не страшны.

— Однако Гейл тоже шессин, и он лучше, чем кто бы то ни было в нашем племени умел понимать животных. Я боюсь, что он нашел новые возможности для их применения в бою, как ты сам сделал это с захваченными кораблями. Не делай ошибку, недооценивая этого человека! И еще: шпионы докладывают, что его всадники вооружены луками.

— Для защиты от стрел достаточно хороших щитов, — поморщился король. Поразмыслив, он добавил: — Я приму к сведению твои предостережения, моя проницательная королева, и буду осторожен. Похоже, эти омайцы появились как раз вовремя.

— Что ты задумал? — Королева откинулась на ложе, взирая на Гассема взглядом, полным обожания. Шаззад

всегда содрогалась от таких взглядов, поскольку слишком хорошо понимала, что последует дальше.

— Лучший способ выяснить, на что способен Гейл, это стравить его с другой армией.

Королева восторженно рассмеялась.

— Любовь моя, ты мудрее всех людей!

Гассем с довольным видом усмехнулся.

— Чем больше я размышляю, тем сильнее мне все это нравится. Подумай сама: Невва — страна землепашцев, с которых хорошо брать дань, но не более того. Омайя — это и вовсе ничтожное захолустье. На Островах мы были вынуждены воевать с другими племенами за лучшие пастбища, и в этих схватках гибли отличные воины. Но теперь, закрепившись на материке, мы могли бы привезти с Островов не только людей, но и кагг. К ним добавятся и стада омайцев, после того как мы обратим их в рабство. Это куда быстрее и проще, чем превращать в пастбища невванские пашни.

Лерисса бросилась мужу на грудь.

— Ты — настоящий провидец! И как только такие глупцы, как Оланд, Пашар и Диваз могут мнить себя королями?!

— Скоро на свете не останется других владык, кроме меня, — засмеялся Гассем. — Я завоюю весь мир и подомну его под себя. Островитяне расселятся повсюду и будут процветать, а шессины станут править всеми народами и племенами. В мире не будет места жалким слабакам! — Он впился губами в уста Лериссы, мощными руками обхватив ее талию.

Покуда королевская чета предавалась утехам плоти, Денияз приблизилась к прикованной к стене Шаззад. Поставив на пол кувшин, она, скрестив ноги, уселась перед сестрой.

— Теперь ты знаешь, что тебя ждет, — промолвила она. — Бегство для тебя — единственное спасение.

— Боюсь, что ничего не выйдет. Я погибну, Денияз. В отличие от тебя, я не создана для рабства.

— Случаются вещи и похуже, чем жить в любимицах у королевы Лериссы.

— Ты останешься с ней, пока не утратишь красоту. Но что будет потом, Денияз. Сделаешься простой служанкой? Станешь рожать и растить новых рабов для своих повелителей?

Денияз протянула указательный палец и ногтем провела по телу Шаззад от пупка до ключицы... На коже принцессы сразу возникла тонкая алая полоса.

— Так, стало быть, ты, моя дорогая сестрица, рабству предпочитаешь смерть? Зато я могу сказать, какая смерть ждет тебя. Ты ведь знаешь, что порой королева оказывает мне небольшие милости.

Королева, тем временем, часто задышала, а затем начала издавать протяжные стоны. Теперь Шаззад уже не могла притворяться, будто не видит происходящего у Денияз за спиной.

— Как могут эти чудовища в человеческом обличье так любить друг друга? — удивилась она.

— Они же дикари, Шаззад, — ответила Денияз. — И как все дикари, они чувствуют острее, чем мы. Разве ты не завидуешь им? Для этих двоих на свете больше никто не существует. Они беспомощны друг без друга. Разве ты не видишь, сколь неполной была бы его власть, если бы рядом не было обожающей Лериссы.

Шаззад задумчиво кивнула.

— Ты права.

— В свою очередь и она великолепно дополняет его, словно две половинки одной вазы. По одиночке они ничто, зато вместе составляют могучее целое. Они знакомы почти с рождения. У него — сила. У нее — осторожность. Он мгновенно принимает решения, враз просчитывая массу вариантов. Она же продумывает все более глубоко и прорабатывает подробности. К тому же они не ведают угрызений совести и ни о чем не жалеют. Они знают, что не похожи на прочих людей.

Шаззад откинулась к стене, дабы уменьшить боль в пояснице и запястьях.

— Прежде я думала, что высокое положение ставит меня над законами, которым вынуждены подчиняться простые смертные. Но даже я не ведала столь полной свободы. Как такое возможно?

В этот миг любовники, судя по страстным стонам, достигли высшей точки наслаждения.

— Ты по-прежнему не понимаешь их природы, Шаззад. Я ведь говорила тебе, что они — дикари. Они происходят из малочисленного, никому не ведомого народа, обитающего на далеких островах. В их мире нет никаких писаных законов и королевской власти, — лишь запреты и традиции. Обычаи и табу для дикарей играют роль высших законов. Гассем и Лерисса один раз нарушили их, и после этого любые запреты вообще перестали существовать для них. Чему же удивляться, если подданные боготворят их? В цивилизованном мире все совсем иначе. Даже повинуясь монаршей власти, мы никогда не забываем, что на троне не всегда оказываются самые достойные, но лишь самые ловкие и беспощадные. Разве твой собственный отец не сбросил с престола продажного немощного правителя? Варвары воспринимают Гассема как человека, явившегося из ниоткуда, дабы объединить племена в единую нацию и поработить все прочие народы мира. — Она

придвинулась к Шаззад. — Этим двоим не стоило бы именовать себя королем и королевой. Они — боги, даже если еще сами не знают об этом.

Наконец, король ушел, а королева велела приготовить ей ванну, и Денияз тут же бросилась прислуживать своей госпоже. Отчасти Шаззад было жаль ее: Денияз добровольно стала рабыней у бездушных дикарей и искренне восторгалась ими. Но затем принцесса вспомнила, как плеть впивалась в ее тело, — и все теплые чувства исчезли.

Теперь она думала об одном лишь Гейле.

Глава шестнадцатая

Аишь когда до столицы Неввы оставалось два дня пути, Гейл дал разрешение своим воинам поупражняться в стрельбе из лука. В пустыне переход давался слишком тяжело, и у них не было такой возможности, а на землях Неввы Гейл слишком опасался вражеских соглядатаев. Однако, теперь он мог больше не думать об этом: Гассему все равно не успеть разгадать все замыслы своего молочного брата.

Войско короля Пашара шло следом за всадниками Гейла. Теперь Гассему, несомненно, донесут, что противник намерен осадить Флорию, — Гейлу это будет лишь на пользу. Разумеется, от осады он отказываться не собирался, но отнюдь не намерен был лично принимать в ней участие.

По настоянию Гейла командование невванской армией поручили Хараху. Правда, тот не имел достаточно опыта ведения масштабных боевых действий на суше, но Гейл прежде всего желал иметь рядом с собой преданного человека, а Хараху он доверял, как никому другому. Ему пришлось долго уговаривать Пашара, льстить и даже угрожать ему, но он все же убедил короля остаться в Касине и позволить другому человеку возглавить войско. Основным аргументом послужило то, что если Пашар вновь оставит столицу, то может возникнуть опасность измены среди придворных.

Гейл также уговорил короля отпустить с ним Шаулу. Приличия ради писец попытался сопротивляться, утверждая, что слишком стар для нового похода, однако Гейл прекрасно знал, что в душе его друг жаждет приключений.

Гейл выслал вперед дозорных, которых, несмотря на все возражения, заставил облачиться в невванскую одежду, вооружиться местным оружием и даже для кабо использовать невванскую упряжь: он не желал, чтобы враги раньше времени узнали о его присутствии здесь.

Гейл был уверен в своих силах, но все же сознавал, что грядущая битва станет первым серьезным испытанием для его войска. Ему и прежде доводилось объединять силы племен, дабы очистить равнину от многочисленных разбойничьих шаек, а затем — против воинственных племен, нападавших с юга и юго-востока. Но никогда прежде им не доводилось

сражаться против армий цивилизованных государств. Гейл не представлял себе, на что способен его молочный брат. Бесспорно, тот был безумцем, но безумие это отнюдь не лишало его разума в том, что касалось военных дел. Напротив, его хитроумные замыслы словно бы получали благословение самих небес.

Забот у Гейла хватало, и думал он не только о грядущей битве. Повелитель Равнинных Земель хотел привести домой всю свою армию, а не ее жалкие остатки. Если цена победы окажется слишком высока, это будет равносильно поражению.

В этом он отличался от Гассема, который мог позволить себе бездумно тратить людей. Для него жизнь воинов не значила ничего. Люди были лишь средством для удовлетворения честолюбивых устремлений. Судя по донесениям соглядатаев, Гейл понимал, что единственными, кого ценит Гассем, были шессины, а прочими он жертвовал без всякой жалости. Сомнительно также, чтобы он ценил шессинов лишь потому, что они были его соплеменниками: просто это были лучшие воины.

Как мог, Гейл старался гнать прочь мысли о Лериссе, но это ему не удавалось. Некогда он без памяти любил ее, а она предала его ради Гассема. Теперь она повсюду сопровождала своего супруга и правила во Флории как королева. Пашар показывал ему послания от Лериссы к Шаззад. Их писала двоюродная сестра принцессы, ныне ставшая пленницей Гассема, и потому говорить об этом Пашару явно не доставляло удовольствия. Но тщетно силился Гейл в этих письмах отыскать хоть какие-то черты той Лериссы, которую знал прежде. Та девочка отличалась от всех прочих детей так же, как и он сам, — именно поэтому они сдружились с малолетства. Он был сиротой и ощущал интерес к миру духов, отнюдь не свойственный шессинам. Впрочем, уже тогда между ними были важные различия: в отличие от низкорожденного Гейла, Лерисса была дочерью племенного вождя. Повзрослев, девушка превратилась в удивительную красавицу.

Впрочем, Гейл прекрасно осознавал, насколько бесплодны все его мысли и сожаления. Даже если бы шессины не изгнали его из племени, Лерисса никогда не стала бы его женой. А теперь об этом и вовсе нечего говорить. Он порвал с племенем, и теперь у него было королевство, любимая жена и дети... И все равно, он не мог думать о Лериссе без боли. Боль причиняла любовь, что он прежде питал к ней... И ее предательство.

Возможно, Гассем подкупил ее или же изначально зло таилось в ее душе? Впрочем, как может он рассуждать о

добре и зле? Вера Гейла давно уже не была столь наивной и чистой, как в юности, и он не знал ответа на все эти вопросы.

Прежде он полагал, что и Шаззад воплощает в себе зло. Он даже подозревал, что именно она наняла человека, пытавшегося прикончить Гейла, но теперь он понимал, что стать такой ее вынуждало общество, где никто не принимал всерьез любые моральные устои.

Но все изменилось после вторжения Гассема: Шаззад по сути стала править королевством. Действия ее были решительными и беспощадными, так что даже многое повидавшие на своем веку невванцы со страхом вспоминали о людях, распятых на крестах и о пытках, которым подвергались подозреваемые. Однако, жестокость ее была отнюдь не бессмысленной. Гейл видел, что она действовала ради укрепления Неввы и власти отца. При битве в гавани Флории она пожертвовала собственной свободой, а, возможно, и самой жизнью ради спасения короля, — и всей державы. Сейчас Гейл готов был предположить, что в ту пору много лет назад не принцесса, а именно Пашар нанял для него убийцу, но, впрочем, теперь это не имело никакого значения. Сейчас нужно было победить Гассема!

Ибо в одно Гейл по-прежнему верил твердо: Гассем воплощал в себе мировое зло.

Тем временем, разведчики принесли важное донесение.

— Впереди стоит войско Омайи, государь. Их великое множество. Они выстроились в шеренги, но воинским искусством явно уступают невванцам. Вооружены лишь щитами и копьями, и мало у кого есть мечи. Однако, их армия очень велика и почти вдвое превосходит нас числом.

— Одолеть их будет нелегко, — с невозмутимым видом добавил другой разведчик.

— А были ли среди них воины Гассема? У них должны быть волосы того же оттенка, что и у меня, а из вооружения — длинные копья и черные щиты.

— Мы не сумели подобраться достаточно близко, так что трудно сказать наверняка, — отозвался первый разведчик. — Их войска выстроились посреди чистого поля, а в окрестных лесах слишком много людей, чтобы мы могли проскользнуть там беспрепятственно.

— Придется отправиться и взглянуть самому, — решил король.

Своим помощникам он отдал приказ разбивать лагерь. Если бой должен состояться, — то не раньше, чем на завтра.

Взяв с собой разведчиков, Гейл двинулся по направлению к неприятельскому войску. Они по-прежнему на-

ходились далеко к югу от Змеиной реки, но король был уверен, что омайцы совершат переправу. Однако, сейчас самым главным было узнать, успела ли армия Омайи объединиться с войсками Гассема. Если это случилось, то бой будет очень нелегким, хотя Гейл и надеялся застать врага врасплох и одним ударом сокрушить обоих неприятелей. В том же случае, если войска еще не успели объединиться, то следует начать с небольших стычек. У его всадников не было большого военного опыта, и сейчас им как никогда нужны были победы, дабы укрепить свой дух.

Час спустя Гейл и его спутники остановилась около поросшего лесом холма. Дорога вела между двумя вершинами к седловине горы.

— Их можно увидеть с вершины , мой король, — сказал разведчик.

Гейл слез с седла и передал поводья одному из своих людей, а затем достал мощную подзорную трубу.

— Спрячьтесь получше и ждите меня здесь. Дальше я пойду один.

Король знал, что эмси, к племени которых принадлежали разведчики, гораздо лучше чувствовали себя верхом, чем пешими.

Гейл ступил под сень деревьев. Свой длинный меч он оставил притороченным к седлу: это оружие сейчас только мешало бы ему. Он сунул сложенную подзорную трубу за пояс и достал из кармана длинный мягкий чехол, который надел на острие копья, чтобы блеск не выдал его. Каждый шессинский воин всегда имел при себе подобный чехол для защиты оружия от непогоды.

Король стал подниматься на холм. Торопиться было ни к чему, и он продвигался медленно, прислушиваясь к своим ощущениям. Пробудившиеся от долгой спячки птицы и животные спаривались, строили гнезда и метили свою территорию. Их совершенно не тревожило близкое соседство людей.

Судя по картам, имевшимся у Гейла, между рекой и грядой холмов лежала широкая затопленная равнина, лежавшая. Во время сезона бурь с гор стекали потоки воды, и уровень воды в реке резко повышался. Дорога, по которой двигалась армия Гейла, упиралась в место, где существовал брод, когда вода стояла низко, и где было удобно переправляться на пароме, когда вода поднималась. Король прикинул, что если омайцы построят плоты, то переправа займет у них не больше пары дней.

С вершины холма Гейл оглядел лагерь омайской ар-

 мии, который был разбит между холмами и рекой. Гейл

оценил численность войска Омайи примерно в пятнадцать тысяч человек. Его разведчики почти не ошиблись, хотя и брали в расчет только всадников. Если бы армии Омайи и Неввы встали друг против друга в открытом поле, они оказались бы почти равны. Небольшое преимущество Омайи ничего не значило. Если все пойдет по намеченному плану, то появление верховых лучников Гейла окажется для противников неприятной неожиданностью.

Гейл ощутил приближение омайских разведчиков и лесорубов задолго до того, как те смогли бы его заметить. Он ощущал тревогу лесных обитателей, которую те испытывали при приближении человека. Король бесшумно прокрался между деревьями и, достигнув зарослей кустарника, уселся, скрестив ноги и положив рядом с собой копье. Потом он достал подзорную трубу.

Это замечательное устройство позволяло рассмотреть все в подробностях, но расстояние между ним и объектом наблюдения все же оставалось слишком большим. Люди казались крошечными фигурками, а их одежду и внешность различить было и вовсе невозможно.

Однако Гейл мог видеть шатры всех цветов, форм и размеров, что явно указывало на большое число племен, принимавших участие в походе.

Воины Омайи не готовились к сражению — казалось, они просто бездельничают, собравшись у костров. Их оружие было свалено без присмотра. В этом лагере не чувствовалось никакого порядка. Дозоры были выставлены только вокруг лагеря, что Гейл счел серьезной ошибкой. Он сам расставил бы часовых вдоль гребней холмов и выслал бы конные дозоры на несколько миль ниже по дороге. Омайцы не узнают о приближении невванской армии до тех пор, пока не окажутся с врагом лицом к лицу. Это было на руку Гейлу, и в то же время он испытывал определенную досаду, что солдаты — пусть они и воевали на стороне противника — вынуждены подчиняться легкомысленным болванам. Да, похоже, этим войском командует отнюдь не Гассем.

Посреди лагеря стоял большой шатер, принадлежавший, должно быть, королю Оланду или его верховному военачальнику. Гейл направил подзорную трубу в ту сторону. По обе стороны от входа стояли двое мужчин, вооруженные длинными копьями, напомнившими ему оружие шессинов. Но на таком расстояния наверняка сказать было нельзя.

Хорошо бы еще взять пленника, но сидеть в засаде и ждать, пока сюда забредет какой-нибудь омайский лесоруб, было невозможно. Гейл сложил подзорную трубу и

вновь заткнул ее за пояс. Он и так узнал почти все, что его интересовало.

Вернувшись в лагерь, он двинулся прямиком в штабной шатер, где его ждали Шаула и Харах. Писец с улыбкой взглянул на Гейла:

— Такой же деятельный, как и всегда. Впрочем, в молодости я сам был таким. А сейчас радуюсь, когда не слишком ноет спина. Обычно к этому времени она разламывается от боли. И что тебе удалось разведать?

— Омайцы разбили лагерь у переправы, — сообщил Гейл.

Шаула с торжествующим видом взглянул на Хараха:

— Я же говорил, что они там! — Затем он снова повернулся к Гейлу: — Они точно намерены переплыть Змеиную реку?

— Я видел, как омайцы на веревках перетягивали через реку плоты. Похоже, они пока переправляют припасы, а значит, окажутся на нашем берегу завтра утром. Тогда мы нанесем удар. — Гейл повернулся к часовому, который стоял снаружи, облокотившись на копье: — Собери всех командиров.

Часовой окликнул горниста, и тот дал сигнал сбора командного состава. Через пару минут все командиры Гейла уже были в походном штабе.

— Утром мы начнем сражение, — объявил король.

Воины радостно загомонили.

— Выступаем за два часа до рассвета, — продолжил Гейл. — Я хочу, чтобы наша армия выстроилась на равнине до того, как враги догадаются о нашем присутствии. — Он описал им местность, где предполагал дать сражение. — Я лично назначу командира каждого подразделения. Сразу после того как воины закончат вечернюю трапезу, погасите костры. Я не хочу, чтобы кто-нибудь наступил на горячие угли, когда мы будем покидать лагерь. Пусть не берут с собой ничего, кроме оружия. Команды отдавать только голосом, причем негромко. Мы не станем использовать факелы, даже в темноте. Последнюю милю предстоит преодолеть в полном молчании. А теперь слушайте особо внимательно. Резерва не будет! К неприятелю мы выйдем в следующем порядке... — И он начал перечислять названия подразделений, а командиры делали пометки на своих вощеных табличках.

Когда все нконец разошлись, король присел под навесом вместе с Шаулой и Харахом. Все было сделано, и он радовался короткой передышке, чтобы слегка расслабиться перед сражением.

— Ты хочешь идти в бой, не оставив резерва? — озабоченно спросил Шаула. — Ты хорошо подумал? Я читал немало военных отчетов, и везде говорится, что мудрый

полководец всегда имеет резерв на случай непредвиденных обстоятельств.

— Наш резерв составляют лучники, — пояснил Гейл. — Они в десять раз проворнее пеших бойцов. Кроме того, с невванскими солдатами мне придется придерживаться самой простой тактики ведения боя. Я просто укажу им место, где они должны будут сражаться. Если они выдержат первый натиск, то можно считать, что победа будет за нами.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнул Шаула.

Харах промолчал. Все равно, его слова уже ничего бы не изменили.

Луны серебрила дорогу. Толком не проснувшиеся солдаты вяло шагали вперед под приглушенный лязг оружия. Когда очередное подразделение отправлялось в путь, командиры будили людей из следующего. Солдаты сперва сонно спотыкались, но затем взбодрились при мысли, что они наконец-то идут в настоящий бой, о котором так долго мечтали. Все воины, от ветеранов до зеленых юнцов, прекрасно сознавали, что далеко не каждый, кто встретил сегодня рассвет, доживет до заката.

И все же они ничуть не сомневались в победе. Они будут сражаться не с наводящим ужас королем Островов, а лишь с презренными омайцами, известными своей трусостью и глупостью. Разумеется, невванские пехотинцы и не подозревали, что точно так же думают о них самих и омайцы... Более всего веру в победу поддерживало присутствие появившегося из ниоткуда чужеземного короля, так не похожего на настоящего правителя. Его войско также не походило ни на одно войско цивилизованных государств, где в кавалерии всегда служили аристократы. Но это была прекрасно организованная армия дикарей, беззаветно преданная своему владыке. Они казались непобедимыми. А король Гейл ничуть не походил на изнеженных сановников, которые уже едва не привели Невву к гибели. Все это внушало людям уверенность.

Когда последнее подразделение покинуло лагерь, Гейл довольно кивнул и направил своего кабо в начало длинной колонны. Сперва король миновал своих всадников, а затем подразделения невванской пехоты. Всадники злились, что им приходится плестись в хвосте, но именно это было важнейшей частью плана Гейла.

Когда войска перевалили через гребень холма и спустились в долину, горизонт понемногу начал светлеть, и теперь близ реки стали заметны отблески множества догорающих костров. В лагере противника царила сонная тишина.

Внезапно в омайском стане послышались звуки труб,

барабанов и флейт: неприятель заметил приближающееся войско. Омайцы покидали лагерь и с воинственным кличем выстраивались в неровные шеренги. Войско Гейла выглядело несомненно достойнее. Первые лучи утреннего солнца играли на бронзовых наконечниках копий. Командиры были вооружены мечами со стальными клинками. Гейл вспомнил об огромных запасах стали, которые обнаружил в пустыне, и представил, как грозно будет выглядеть армия со стальным оружием. С талантливым полководцем такое войско будет непобедимым. Противостоять ему не сможет никто!

Понемногу омайцы оправились от неожиданности. Когда их армия построилась в боевой порядок, они обнаружили, как малочислен их противник, и принялись отпускать в адрес невванцев презрительные шутки. Некоторые затянули военные гимны. Толстый мужчина на породистом кабо с богато украшенной сбруей выехал вперед и начал произносить речь. В паузах между фразами омайцы принимались трясти оружием и восторженно вопить.

Тем временем, невванские воины хранили молчание. Солдат выставили перед собой щиты и придерживали их одной рукой, другой сжимая копья. На воинах в трех первых рядах были доспехи из бамбуковых пластинок, скрепленных между собой жестким кожаным шнуром. Деревянные поножи защищали их голени, а головы — шлемы из толстой кожи, отделанные бронзой. На задних воинах были легкие кожаные шлемы, а на вооружении — копья и легкие щиты. Лучников в этой армии не имелось.

Уверенные в легкой победе, омайцы, презрев все общепризнанные нормы, не стали высылать парламентеров. Под барабанный рокот они двинулись вперед. Возглавлявшие их офицеры время от времени оборачивались и, размахивая мечами, что-то кричали, пытаясь, по всей видимости, удержать боевое построение.

— Щиты вверх! — скомандовали невванские командиры.

Воины подняли их до уровня глаз — и как раз вовремя. Омайцы стали стрелять из луков. Гейл видел, что большинство стрел летит с флангов, где шли не прикрытые доспехами лучники, которые то и дело останавливались, чтобы спустить тетиву. Однако предусмотрительно поднятые щиты невванцев отражали эти залпы, и лишь несколько стрел нашли цель.

Гейл, верхом на кабо, держался поодаль, на небольшом возвышении, и внимательно вглядывался в ряды врага, но пока не видел среди них воинов Гассема. Затем он заметил какое-то движение на другой стороне реки. Достав подзорную трубу, король направил ее на место переправы ар-

мия Омайи и увидел сооруженное на берегу шаткое строение, похожее на наблюдательный пункт. В это время омайцы пошли в атаку, и Гейл оторвал взор от другого берега.

С дикими воплями враги устремились к противнику и завязалась рукопашная схватка. В солнечных лучах засверкали клинки мечей и лезвия боевых топоров. Почти никто из омайцев не носил доспехов, но зато их копья были длиннее, и невванцам было нелегко вести ближний бой. Ожесточенная схватка завязалась на правом фланге, где солдаты Омайи оказывали наибольшее давление.

Движением копья Гейл подал условный знак, и первый отряд всадников рванулся к правому флангу. Они выстроились за спиной у пехоты, меньше чем в пятидесяти шагах от ошеломленных омайцев. Тонкие стрелы, пущенные ими, легко проникали между щитов, поражая незащищенных доспехами омайских солдат.

Воины Гейла собрались рядом с королем, и тогда он вложил копье в притороченную к седлу перевязь и расчехлил лук. Наложив стрелу на тетиву, он повел своих людей в обход левого фланга.

Никакие команды всадникам были не нужны: воины точно знали, что делать. Стрелы градом посыпались на ряды омайцев. Всадники, выпустив пару стрел, повернули налево, заходя в тыл омайской пехоте. На другом фланге группа всадников проводила такой же маневр, и вскоре стрелы полетели в омайцев с обеих сторон. Тем временем невванцы стойко удерживали свои позиции в центре.

Омайцы не выдержали такого напора, в их рядах началась паника. Офицеры отчаянно силились вернуть своих солдат в строй, но им это не удавалось. Омайская армия таяла на глазах.

Когда натиск на ряды невванцев уменьшился, те, в свою очередь, пошли в атаку. Медленно, шаг за шагом, они принялись теснить врага. Трупы валялись повсюду, и омайцы, отступая, то и дело спотыкались о тела павших товарищей. Паника охватила омайское войско, и оно, распавшись, обратилось в беспорядочное бегство.

Лучники и пехотинцы гнали отступающего неприятеля, не давая ему передышки. Обращенные в бегство омайцы вынуждены были пересечь свой лагерь, спотыкаясь о растяжки шатров. И повсюду их настигали стрелы, выпущенные с нечеловеческой меткостью.

Впереди оказалась река, и омайцы бросились в воду с отчаянной решимостью, будто там их ожидало спасение, причем некоторые забывали даже о том, что не умеют

плавать. Всадники безжалостно преследовали беглецов, поражая их из луков.

— Прекратить стрельбу! — выкрикнул Гейл.

Он проехал среди лучников с копьем в поднятой руке. Командиры, увидев условленный знак, отдали приказ своим воинам.

Было очевидно, что армия Омайи полностью разгромлена и возродиться ей не суждено. Гейл не терпел бессмысленного кровопролития. По всему полю его воины спешивались и вытаскивали из тел погибших свои стрелы. Узкие бронзовые наконечники имели огромную убойную силу, и воины Равнин расходовали свои стрелы очень бережно. И не только потому, что металл стоил очень много. Гейл сам изобрел такие стрелы и не собирался открывать их тайну врагам.

— Взгляните, мой король! — воскликнул вдруг ехавший за Гейлом всадник, указывая на небольшую группу людей на берегу реки. — Они похожи на вас, как братья!

Гейл в изумлении уставился на могучих, словно отлитых из бронзы воинов с высокими черными щитами. Сделав знак своим командирам, король направил к ним кабо. Воины даже не пытались бежать и смотрели на приближавшегося короля дерзко и с вызовом. Их было не больше дюжины, и у некоторых волосы были заплетены в мелкие косички, что выдавало в них младших воинов шессинов. Они не участвовали в битве и, похоже, все это время не покидали лагерь.

Гейл натянул поводья кабо и вгляделся в их лица. Двое из них показались ему знакомыми.

— Люо? Пенду? — воскликнул он, не веря своим глазам. — Это, и впрямь, вы?

Лица шессинов остались непроницаемыми, они мало походили на тех мальчишек, которых Гейл когда-то знал. Впрочем, он и сам изменился. Никто не может навеки оставаться ребенком.

— Гейл! — без тени радости проронил наконец Пенду. — Так значит, это правда? Ты стал вожаком трусов, стреляющих из луков со спины кабо?!

Король обнаружил, что отвык от родного наречия: он впервые разговаривал с шессинами за годы изгнания.

— Эти люди прошли полмира, чтобы оказаться здесь сегодня, — заметил Гейл. — Так что будьте повежливее. И вообще, собратья из общины Ночного Кота могли бы приветствовать меня более сердечно!

Люо презрительно поморщился:

— Прежних общин больше нет! Для них не осталось

 места в этом мире. И ты правильно сделал, что сбежал

от нас. Такой глупец недолго прожил бы под властью нашего короля.

— Я никуда не сбегал, — отрезал Гейл. — Если помните, шессины сами изгнали меня из племени. И это было делом рук Гассема и Лериссы. Скажи, а Гассем сумел бы своими руками прикончить длинношея? До меня это не удавалось ни одному человеку, и я уверен, что никто никогда не сделает этого впредь. А Гассем всегда находил тех, кто сделает за него черную работу.

— Ты говоришь как мальчишка, каким был когда-то! — Пенду скривил губы в злой ухмылке. — Гассем — наш повелитель, и он привел нас к величию. А кто ты такой?

— Полагаю, ты знаешь, с кем говоришь! И лучше придержи язык, если не желаешь отведать моего гнева. Где Данут, мой чабес-фастен?

— Его больше нет с нами, — отозвался Люо. — Он погиб в сражении на Островах.

Гейл поник. Данат был ему ближе, чем брат.

— А Ребья?

— Ребья стал вождем на острове Бурь, — сказал Люо. — Как и все мы, он предан своему королю. Довольно вспоминать былое, Гейл. Ты намерен нас убить? Так что же ты медлишь? Ты больше не шессин и, наверняка, давно забыл, как пользоваться копьем, но я уверен, что эти недоноски, которыми ты командуешь, смогут с безопасного расстояния засыпать нас стрелами.

— А что с Тейто Молом? — Гейл словно и не слышал последних слов Люо.

— Казнен по приказу короля, — отозвался Пенду. — Гассем приказал убить всех Говорящих с Духами. Они настраивали людей против него, а значит, должны были умереть.

— Тогда шессинам конец, — с печалью в голосе проронил Гейл. — Мы были народом, свято хранившим свои традиции. Мы внимали словам духов. Но Гассем уничтожил все это. У вас, как я понял, теперь не существует воинских общин? Никаких вождей племен, только Гассем, единоличный правитель. Никаких Говорящих с Духами. Вы стали слепым орудием в руках человека, которого некогда презирали.

— Неправда! — без особой уверенности воскликнул Пенду. — Мы — народ завоевателей! И победы нашего короля докажут это всему миру! Говорящие с Духами держали нас в вечном страхе. Мы не могли сделать ничего, опасаясь нарушить какое-нибудь из их глупых табу. Но мы освободились от их власти и теперь можем одолеть все прочие народы и призвать их к покорности.

— Так где же он, этот избранник судьбы? — полюбопытствовал Гейл. — Здесь я его не заметил.

Пенду широко ухмыльнулся.

— Он был здесь, но вернулся в Город Победы.

— Был здесь? — изумленно переспросил Гейл.

— Да, вон там, — и Люо указал на другой берег реки.

Повсюду в воде виднелись трупы и тела раненых, еще пытавшихся бороться за жизнь. На берегу собрались воины с равнин, которые пытались подтащить ближе убитых, чтобы извлечь свои стрелы. На другом берегу высилось шаткое сооружение, которое Гейл заметил еще до начала боя.

— Оттуда вчера командовал переправой этот толстый глупец, брат омайского короля. Наш повелитель прибыл накануне вечером, и он видел, когда ты вышел на поле боя. Гассем привел с собой пару сотен воинов, дабы показать, что готов к союзу с Омайей, но с самого начала он не собирался помогать этим болванам. Гассем пришел лишь для того, чтобы проследить за тобой.

Гейл шепотом выругался. Гассем никогда не позволял обстоятельствам застать его врасплох! Он явился сюда, чтобы увидеть происходящее своими глазами.

— И чем вы занимались все это время?

— Сперва мы крутились с омайцами, якобы ради того, чтобы держать связь между войсками, но на самом деле докладывали обо всем происходящем Гассему, — пояснил Люо.

Гейл задумался, а затем промолвил:

— Я не стану убивать вас. — Лица шессинов по-прежнему ничего не выражали. — Я хочу, чтобы вы вернулись к своему королю и передали ему мое сообщение. Я напишу его на пергаменте, так что Гассем услышит мои точные слова. Дожидайтесь здесь и не пытайтесь бежать, если жизнь вам дорога.

С этими словами Гейл развернул своего кабо и двинулся в омайский лагерь, где надеялся отыскать письменные принадлежности и пергамент. Встреча с друзьями юности далась ему нелегко, — теперь он видел, что прошлое ушло безвозвратно. Прежде Гейл питал наивные иллюзии, что виной всему один лишь Гассем, и если разделаться с ним, то жизнь сразу станет такой, как прежде. Лишь теперь он осознал, как глубоко заблуждался.

В лагере его отыскал Йокайм.

— Мой господин, нам тут под руку попался какой-то толстяк, который утверждает, что он брат короля Омайи.

В просторном шатре Гейл обнаружил непомерно толстого человека, восседавшего на складном табурете с надменным озлобленным видом. Впрочем, он отнюдь не вы-

глядел испуганным, поскольку был уверен, что родство с королем защитит его от любых посягательств.

– Я – король Гейл. Это ты командовал омайской армией.

– Ты – король?!

Этот человек никак не мог поверить в то, что стоявший перед ним мужчина в простой верховой одежде, покрытой грязью, может быть правителем могущественной державы.

– Да, я король, хоть и не ношу корону. Можешь спросить у моих спутников, если желаешь.

– Мое имя Аймус, я младший брат короля Оланда. Должно быть, ты явился обсудить условия...

– Нам нечего обсуждать, – заявил Гейл. – Я пришел лишь для того, чтобы передать тебе наши требования. У твоего короля будет десять дней на то, чтобы вывести из Неввы свои войска. Если он не сделает этого, мы сотрем его войско с лица земли. Ты видел нашу силу и знаешь теперь, на что мы способны. Король Пашар отправит к твоему брату послов, и они обсудят сумму возмещения ущерба, которую Омайя должна будет выплатить Невве за свое предательское вторжение.

– Хорошо, я передам брату твои слова, – с досадой отозвался Аймус и тут же добавил со злостью: – Напрасно ты вмешался в наши дела, король Гейл. Прежде Омайя по-доброму относилась к Равнинному Королевству. Мы торговали ко всеобщей выгоде, но теперь я даже не знаю, чем все это может закончиться.

– Виноват в этом не я, а твой брат, который вступил в преступный сговор с безумцем и завоевателем Гассемом. А теперь ступай прочь и беги к своему брату. Кстати, надеюсь, ты умеешь плавать?

– Что? – возмутился Аймус.

Гейл ничего не ответил и лишь махнул рукой в сторону выхода из шатра. Двое воинов со смехом заставили подняться протестующего омайца и, не обращая никакого внимания на его вопли, поволокли прочь. Тем временем король занялся поисками пергамента и чернил.

Глава семнадцатая

Повелитель Равнинных Земель Гейл шлет привет Гассему, королю Островов",
начала читать Денияз.

— Я вижу, этот человек не признает моей власти на материке, — заметил Гассем, отхлебывая из кубка гойл, — сок забродивших фруктов, столь любимый на его родных Островах. Чуть поодаль от него сидела королева и воины Люо и Пенда, которые доставили это письмо. — Читай дальше, девочка.

«Я разгромил войско короля Омайи, твоего союзника. Ты видел это своими глазами. Теперь, чтобы прийти на помощь моему другу, невванскому королю Пашару, я намерен изгнать тебя с материка. Советую не тратить времени понапрасну и начать переправлять своих людей обратно на Острова. Кроме того, ты немедленно должен освободить из плена захваченную тобой принцессу Шаззад»,

— с этими словами Денияз покосилась на Шаззад, как обычно, прикованную к стене цепями.

— А Гейл ничуть не изменился, — усмехнулся Гассем. — Все та же нелепая чувствительность!..

«Теперь я желаю говорить не как король, но как бывший член воинской общины шессинов. Гассем, брат-предатель, мне передали, что ты убил моего верного друга, Тейто Мола и прочих Говорящих с Духами. Ты погубил свой народ, уничтожив его традиции и обычаи, и потому я намерен собственной рукой принести тебе погибель. Можешь бежать вместе со своим войском, но будь уверен, что рано или поздно я отыщу и уничтожу тебя. Я мог бы сделать это и без всякой войны, но начал поход и завершу его с честью. Нам двоим не место под одним небом».

Дочитывая письмо, Денияз заметно побледнела, но Гассем с удовольствием выслушал послание Гейла.

— Этот мальчишка всегда был упрямым, но подобной дерзости я в нем раньше не замечал. Прежде он

был куда скромнее — вечно опасался прогневить старейшин или духов. Ты закончила, девочка?

— Осталась лишь небольшая приписка, мой господин. Похоже, это пришло ему на ум уже после того, как он закончил письмо.

«Можешь передать своей королеве, что я больше не питаю к ней ненависти. Уж если ты способен уничтожить целый народ, то немудрено, что сумел и склонить к предательству одну слабую девушку».

Ледяная ярость вспыхнула в глазах Лериссы.

— Какая дерзость! — взвизгнула она. — Когда ты схватишь его, мой супруг и повелитель, отдай его мне. Я покажу ему, что такое настоящее мучение!

— Всему свое время, моя королева, — невозмутимо отозвался Гассем. — Скажите мне, Люо, Пенда, как сейчас выглядит Гейл? Через подзорную трубу я не сумел его разглядеть.

Все это время воины сидели на полу, попивая гойл. Они двое были знакомы с Гассемом очень давно, — еще с тех пор, как король был младшим воином в общине Ночного Кота.

— Мы все изменились, и он тоже, — отозвался Люо. — Стал старше и строже. В нем всегда чувствовалось что-то необычное. Это ощущается и сейчас. Но не осталось никакой мечтательной задумчивости в глазах.

— Да, как же, помню! — засмеялся Гассем. — У него всегда был такой вид, будто ему промеж глаз ударили дубинкой. Должно быть, все от того, что он слишком много якшался с Говорящими с Духами.

— Разумеется, я не стал бы сравнивать вас двоих, мой король, — вмешался в разговор Пенда, — но в нем тоже заметна особая властность, и я думаю, что люди бросаются исполнять его приказы, словно их изрекает какой-нибудь небожитель. Честно говоря, меня это очень удивило.

— Недаром в детстве он все время крутился рядом со мной... Должно быть, чему-то все же научился, — невозмутимо промолвил Гассем, однако взгляд его сделался тревожным. — А что скажете о его войске?

— Лучших всадников мы отродясь не видели! — воскликнул Люо, воодушевившись, как это свойственно шессинам, когда они говорили о войне. — Один верховой лучник Гейла стоит десяти невванских всадников и двух десятков омайцев. Они словно сливаются воедино со своими кабо. Разумеется, Гейлу мы об этом не сказали ни слова, но конница его производит столь же сильное впечатление, что и чиванские воительницы.

— Среди всадников Гейла в основном были люди двух племен, — добавил Пенда. — Одни — коренастые, приземистые, черноволосые и смуглокожие, другие — рослые, худощавые, с более светлыми волосами. Оружие у всех одинаковое, но одежда у темноволосых большей частью из кожи, а у светлых — из ткани.

— А ты что заметил интересного? — обернулся Гассем к Люо.

Тот пожал плечами.

— По-моему, в войске были люди и из других племен, но из этих двух больше всего. Еще луки у них какие-то странные: изогнуты на концах. — Люо сорвал цветок, росший в окне на горшке, отломил стебель и попытался изобразить нужный изгиб. — Что-то вроде этого. Они тугие и короткие. Я бы не отказался подержать в руках такое оружие. И, похоже, они сделаны не просто из дерева, а со вставками из рога.

Раб-невольник, показавшись в дверях, распростерся ниц перед королем.

— Мой господин, там собрались вожди. Ты просил, чтобы тебе сообщили об этом.

— Не станем заставлять людей ждать, — поднялся с места Гассем.

Вместе со своими спутниками он вышел во внутренний двор. Денияз шагала последней и вела на цепи принцессу Шаззад.

Король уселся на краю мягкого ложа, а Лерисса по привычке улеглась рядом с ним. Письмо Гейла встревожило женщину и неожиданно пробудило в душе ее давно забытое чувство вины.

— Вожди и соратники! — начал Гассем. — Полагаю, многие из вас уже слышали вести о том, что наши доблестные омайские союзники... — Гассем помолчал, чтобы дать своим вождям вдоволь посмеяться, — потерпели сокрушительное поражение. Я видел все своими глазами и могу поведать вам некоторые подробности.

Король рассказал обо всем, что сумел разглядеть со своего места на берегу реки. После этого выступили воины, сопровождавшие правителя к Змеиной реке, и каждый поделился тем, что ему запомнилось из битвы. Последними говорили Люо и Пенда, видевшие всадников вблизи. Гассем запретил им упоминать о письме Гейла.

— Обойдемся без пустых слов о трусости и отваге, — продолжил король, когда высказались все остальные. — Нам никогда прежде не доводилось встречаться с той тактикой боя, какую применяют всадники с Равнин. Я не наме-

рен сходиться в битве с этим войском, покуда не найду способа, как ему противостоять.

Невванская конница, которую мы разбили с такой легкостью, была вооружена копьями. Чтобы воспользоваться своим оружием, они должны были подойти к нам достаточно близко, а на этом расстоянии мы сумели подчинить их скакунов своей воле.

Однако, эти лучники действуют на расстоянии, причем их оружие очень необычное. На Островах у охотников также были луки, но столь слабые, что стрелы им приходилось смазывать ядом. На материке в военных действиях луки также используются, но и они не слишком действенны, и от стрел легко заслониться щитом. Однако, у всадников с Равнин куда более опасное оружие. Их стрелы пробивают не только щиты, но даже доспехи. Я не думаю, что сейчас мы сможем дать им отпор. Мы не сумеем приблизиться на расстояние удара копьем, а они издалека засыплют нас стрелами.

Пристальным взглядом окинув своих командиров, Гассем с удовольствием отметил, что на лицах их нет ни страха, ни сомнений, а лишь жадное любопытство.

— Это будет лишь краткая отсрочка, — продолжил он. — Когда я объединил все племена на своем родном острове, то решил завоевать соседние острова. Ради этого шессинам пришлось преодолеть страх перед морем и научиться на лодках перебираться с одного острова на другой. Затем мы пришли на материк и здесь нам пришлось учиться морским сражениям, чего мы также никогда не делали прежде. Но мы преуспели и в этом искусстве.

В ответ присутствующие разразились одобрительными возгласами.

— Вот и теперь, нам просто нужно научиться чему-то новому. Лишь слабые люди не способны на это. Вот почему они становятся рабами. Я все силы положу на то, чтобы одолеть всадников с Равнин. Гейл, который прежде был младшим воином шессинов, создал отличное войско. Победа над ним станет для нас важным шагом на пути к покорению материка.

Вожди вознамерились было завести победную песнь, но Гассем властным жестом остановил их.

— Пока еще рано праздновать победу, у нас слишком много дел. Нам пора начинать подготовку. Вождь Касло!

— Слушаю тебя, мой господин! — вперед вышел бритоголовый человек с одного из южных островов.

— Я велел тебе узнать, как защищать город в случае осады. Что тебе удалось выяснить?

— Мой господин, я не думал, что нам придется так

скоро использовать городские укрепления, однако рабов у нас достаточно, и я заставлю их трудиться.

— Отлично. Войско Гейла скоро будет здесь. Мы должны подготовить к осаде крепостные стены и ворота.

— Будет исполнено, — отозвался Касло. — Но вся хорошая древесина пошла на строительство кораблей, а нам не обойтись без деревянных щитов, чтобы закрыть людей на стенах от стрел всадников.

— Здравая мысль, — согласился король. — Можешь привлечь столько работников, сколько потребуется, а для строительного материала разбирай стены домов и храмов. А если и этого будет недостаточно, забери все, что нужно, из доков.

— Я понял тебя, мой господин. Но неужели мы будем прятаться за крепостными стенами, покуда в поле будут сражаться наемники?

Гассем засмеялся.

— Конечно, нет. Когда я смотрел, как сражаются воины Гейла с омайцами, то понял, что против укрепленных позиций верховые лучники бессильны. На стены мы выставим перешедших на нашу сторону невванцев: они привычны к такому способу ведения войны. Осада города даст нам необходимое время для подготовки.

Вновь усевшись на ложе, король взял за руку Лериссу. Та уже успела успокоиться, и теперь улыбнулась супругу.

— Друзья, когда мы пришли сюда, то были сущими невеждами. Мы понятия не имели, как велик материк, и сколько на нем различных королевств, которые мы сможем покорить силой наших копий. Этот маленький городишко очень неплох, но кроме него, существует немало других. В отличие от властителей этих земель, мы не собираемся вечно сидеть на одном месте и никакие границы не сдерживают нас. Нам будут принадлежать все земли, и мы вправе отправиться куда пожелаем!

И вновь слова Гассема заглушили приветственные вопли его вождей, воодушевленных речами своего командира... Пусть даже они и не понимали их до конца.

— Так ступайте же и готовьтесь к осаде, — велел им король. — Конечно, это не самое приятное дело для воинов, но исполняйте мою волю — и вместе мы покорим весь мир!

После ухода вождей Гассем глубоко задумался. Лерисса поглаживала его по спине, а Шаззад, наблюдая за ними, размышляла о предстоящей осаде. Теперь принцесса не жалела о том, что не сумела сбежать из Флории. Если к крепостным стенам подступит армия Неввы, то союзник в городе им не помешает. Вот только ей бы освободиться от цепей...

— Что ты намерен делать? — спросила королева.

— Нужно побольше узнать об этих верховых животных. Скажи мне, девочка, — обратился Гассем к Денияз, — ты ездила когда-нибудь верхом на кабо?

— В Невве этому обучаются все аристократы.

— А в королевстве Гейла на них ездят и простые воины, — промолвил король. — Скажи, где эти животные водятся в большом количестве?

— По-моему, у чиванского короля большие стада кабо, — заявила Денияз.

— Вот и славно, — усмехнулся Гассем. — Стало быть, я немедленно напишу своему царственному собрату, королю Чивы.

* * *

Король Пашар отправился на север, чтобы лично участвовать в осаде Флории. Победа на Змеиной реке восстановила его авторитет и влияние в Невве и теперь он мог спокойно оставить столицу, не опасаясь, что за его спиной немедленно начнут плестись сети заговора. Гейл был этому рад: у него самого не было ни опыта осады городов, ни особого желания этим заниматься.

Пашар был воодушевлен и горд собой.

— Отвоевав Флорию, мы разгромим варваров. Дикари ничего не знают о трудоемких и требующих особых навыков оборонительных работах, — твердил король.

Покинув Змеиную реку, войско двинулось к Флории и встала лагерем у границы, за которую не залетали снаряды метательных орудий, установленных на стенах. Союзники не предпринимали попыток овладеть городом, но наглухо перекрыли доступ к нему, так что никто не мог ни выйти из Флории, ни войти в нее. Несколькими днями позже прибыл осадный отряд невванцев. Установив катапульты, они приступили к обстрелу города. Под прикрытием метательных орудий были сооружены защитные навесы до самых стен крепости. Они дали возможность подкопщикам приступить к их нелегкому делу. Ни днем, ни ночью не прекращалась кропотливая работа.

Воины Гейла с большим интересом наблюдали за происходящим. Они удивлялись, что люди могут работать, словно гигантские насекомые. Также лучники Равнин развлекались тем, что обстреливали воинов на крепостных стенах. Поначалу они без труда поражали цель, поскольку защитники города считали расстояние слишком большим для попадания, но скоро этому пришел конец: на стенах были установлены огромные деревянные щиты. Воины Гейла приняли вызов и стали пытать-

ся послать стрелы в узкие щели между щитами, что требовало необычайной меткости. Гейл вынужден был запретить подобные упражнения, чтобы не тратить попусту стрелы.

В свою очередь, защитники также не бездействовали. Перед их метательными орудиями, хоть и менее мощными, чем установленные за стенами, были куда более удобные мишени. Время от времени один из деревянных щитов отодвигалась в сторону, и со стены со свистом вылетал тяжелый снаряд. Если он задевал какой-либо из защитных навесов, то причинял серьезные разрушения. Кроме того, со стен сыпался град дротиков и стрел, лилась расплавленная смола.

— Мой господин, — заметил однажды Иокайм, — Мне кажется, что эта глупая война очень уж затянулась.

— Боюсь, что ты прав, — отозвался Гейл.

Король и его командиры собрались у лагерного костра. С начала осады они остались практически не у дел.

— Тогда почему бы нам не вернуться домой? — предложил Бамиан. — Мы одержали победу, и перед нами открыт путь на Равнины. Под Флорией не будет настоящего сражения.

— Верно, — согласился Гейл. — Но я явился сюда, чтобы помочь Пашару в борьбе против человека, который сейчас находится за стенами города. Если мы покинем короля Неввы, люди Гассема выйдут из-за стен и уничтожат его армию. И тогда перед нами встанет куда более сложная задача. А я должен рассчитаться с Гассемом. Потерпите еще немного. Нынешнее положение не продлится долго, и у нас будет много времени, чтобы добраться до гор, пока перевалы не занесет снегом. К тому же я хочу получить с короля Пашара обещанную плату.

— Надеюсь, он не станет скупиться, — мечтательно произнес Иокайм.

— Конечно, не будет. И вы можете пообещать своим людям, что обратная дорога окажется куда более приятной, чем путь в Невву. Теперь мы пойдем не по пустыне, а через Омайю. Король Оланд поплатится за свое дерзкое нападение.

После этих речей к вождям вернулась бодрость духа. Воины Равнин стали куда богаче, с тех пор, как их королем стал Гейл. Их стада неуклонно увеличивались, а властвовать над огромными территориями было куда приятнее, чем участвовать в мелких набегах на соседние племена.

Хотя были и такие, кто тосковал по былым стычкам между племенами. Иные эмси сетовали, что теперь не могут совершать набеги на холмы матва, но таких было немного. Когда Гейл размышлял об этом, ему приходило в голову, что он подчинил народ Равнинных Земель так же, как Гассем — островитян.

Но он сделал это, не прибегая к разрушению и порабощению, которыми, похоже, так наслаждался его молочный брат. Гейл верил, что он сделал жизнь своих подданных куда более счастливой. Но, возможно, Гассем думал про себя точно так же? Не стал ли Гейл, сам того не ведая, таким же разрушителем? Эти вопросы терзали его бессонными ночами. Однако он чувствовал, что его поступки предопределены свыше, он исполнял свое предназначение, поскольку был одним из тех немногих людей, что обладали силой вести народы по новому пути.

Как-то раз Харах пригласил Гейла в шатер, где проходили советы командования. Когда они вошли, там находились только Пашар и Шаула. Король Неввы с улыбкой приветствовал правителя Равнинных Земель.

— Хочу тебя порадовать, друг мой: завтра мы захватим Флорию.

— Прекрасная весть, — сказал Гейл. — Но почему ты так уверен, что это случится именно завтра?

В разговор вмешался Шаула:

— Нам повезло. Флория построена на песчанике и фундамент очень мягкий. Командир подкопщиков доложил, что его люди миновали крепостную стену и сегодня утром проникли в подвал какого-то заброшенного дома внутри города.

— Мы держали это в строжайшей тайне, — добавил Пашар. — Проход сейчас расширяют. Завтра мы атакуем всем фронтом, и пока Гассем будет собирать свои силы на стенах, отборный отряд проникнет в город через подкоп, захватит ворота и откроет их войскам. А уж когда они ворвутся внутрь, Флория будет наша. Гассема ничто не спасет — ни хваленая отвага его воинов, ни хитрые тактические уловки. Для того чтобы занимать улицу за улицей, не требуется ничего, кроме подавляющего численного превосходства хорошо вооруженной пехоты, защищенной тяжелыми доспехами.

— Звучит заманчиво, — проронил Гейл. — Еще немного, и я уже не смог бы удерживать своих людей под стенами города. — Он взглянул на карту Флории, где было отмечено место, куда выходил подкоп. — Я проберусь в город сегодня ночью, — сказал король.

Все с изумлением воззрились на него.

— Ради чего? — спросил Пашар. — Зачем тебе это надо?

— На то есть две причины. Во-первых, я поклялся уничтожить Гассема, и сделаю это. Во-вторых, необходимо найти Шаззад и вывести ее из города, если, конечно, она еще жива. Когда Гассем узнает, что ворота открыты, он способен убить ее.

— Я на многое готов ради дочери, Гейл, — сказал невванский король. — Но я не хотел бы, чтобы из-за нее ты подвергал себя такой страшной опасности.

— Иного выхода нет, — спокойно возразил Гейл. — К тому же, если Гассем будет убит, его армия не сможет оказать серьезного сопротивления. Они считают своего властителя едва ли не богом и не оправятся от такой потери.

— Но тебя могут узнать! — воскликнул Харах.

— С какой стати?. Во Флории я буду всего лишь одним из воинов-шессинов, — усмехнулся Гейл. — В темноте никто не сможет опознать меня.

Шаула был единственным, кто не пытался его разубедить.

— Наши соглядатаи донесли, что Гассем со своей королевой обосновался в самом лучшем здании города, вот здесь, на холме. — Он показал место на карте. — Раньше здесь был дворец королевского наместника. Как видишь, это самое высокое место в городе. Ты без труда отыщешь его даже ночью. — Королевский писец внимательно посмотрел на Гейла, как будто видел его в последний раз. — К сожалению, в донесениях не указывается, там ли сейчас принцесса.

— Если я отыщу Гассема, — заверил его Гейл, — то найду и Шаззад.

У себя в шатре король снял тунику, штаны и сапоги и надел простую набедренную повязку и несколько украшений, которые так любили шессины. Свои длинные волосы Гейл тщательно расчесал и распустил по плечам, как это делали старшие воины. Король решил не брать меч, чтобы не привлекать излишнего внимания, и нацепил только кинжал.

Вечером он вышел из шатра и подхватил свое копье, воткнутое в землю у входа. Король прошел через лагерь. Воины сидели у костров и никто его не заметил.

Гейл подошел к месту, где при свете факелов трудились подкопщики. Прорытый ими лаз уходил глубоко в землю, и из него то и дело появлялись люди, несущие корзины с отвальной породой. Другие тут же исчезали внутри с пустыми корзинами.

Командир подкопщиков приветствовал Гейла.

— Нас предупредили, что вы появитесь здесь, господин. Следуйте за мной.

Вслед за воином Гейл проник в подземныйход. Он был узким, и им пришлось прижиматься к стенам, чтобы разминуться с носильщиками. Факелы чадили, от присутствия множества людей воздух был спертым. По мере того как они продвигались вперед, становилось все более холодно и сыро. Под ногами начала чавкать густая жижа.

— Море близко, — пояснил командир, — поэтому почва такая сырая.

В самом конце лаза ход еще не был расширен. Командир показал на узкое отверстие.

— Там подвал дома, господин, — прошептал он. — Наверх ведет лестница. Удачи вам!

Не без труда Гейл протиснулся через пролом в фундаменте дома. Вокруг стояла кромешная тьма, но ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы отыскать лестницу, по которой он поднялся к деревянной двери. Король распахнул створки, вздрогнув от визга несмазанных петель, и вошел в комнату. Похоже, здесь не было ни души, с тех пор, как дикари захватили город и жители Флории в панике разбежались от мародеров.

Дверь на улицу оказалась приоткрыта. Гейл выглянул наружу. Узкая улочка выглядела пустынной, она была загромождена грудами мусора и обломками мебели, выброшенной с верхних этажей. Не теряя времени, король двинулся вверх по улице.

Вскоре он оказался на площади, окруженной с трех сторон зданиями храмов, и впервые за время пребывания в тылу неприятеля заметил каких-то людей. Площадь слабо освещали несколько факелов, воткнутых в щели стен. Гейл решительно пересек открытое пространство.

С копьем на плече, он вышагивал горделивой поступью шессинов, не снисходящих до того, чтобы обращать внимание на обитателей местных развалин. Горожане спешили убраться с его пути. Воины с Островов также уступали ему дорогу, хотя и без особой поспешности. Чем выше по склону холма поднимался Гейл, тем больше шессинов встречалось ему. Младшие воины, когда он проходил мимо, почтительно склоняли головы.

И вот уже Гейл достиг на вершине холма, где высилось огромное здание со множеством новых пристроек. Несмотря на ночное время, здесь кипела бурная деятельность, вереницы рабов сновали туда и обратно, таща на плечах какие-то грузы. На широких ступенях маленькими группами стояли шессины, они болтали между собой и смеялись, словно и не находились в осажденном городе.

Гейл поднялся по ступеням. Как он и предполагал, никто не решился его остановить. Шессины слишком недавно познакомились с цивилизацией, чтобы успеть освоить ее плоды, в особенности касательно придворных церемоний. Для них этот город был всего лишь большой деревней, а дворец короля ничем не отличался от хижины вождя, куда члены

племени могли заходить, когда пожелают. Здесь не было нужды ни в охране, ни в паролях, ни в рекомендательных письмах.

Король вошел во дворец. Внутри надзиратели при свете масляных ламп подгоняли снующих рабов. Гейл протиснулся сквозь толчею и отыскал взглядом человека, похожего на управляющего.

— Я пришел с поручением к королю Гассему! — заявил Гейл. — Где находятся его покои?

Управляющий направил его вперед по длинному коридору. Миновав его, Гейл оказался во внутреннем дворике, где мелодично журчал фонтан. Из анфилады комнат, выходивших во двор, доносились звуки голосов. Король не мог разобрать слов, но с уверенностью узнал говор островитян. Он глубоко вздохнул и направился к этим покоям. На полпути Гейл остановился при виде женщины, вышедшей во двор. Она была невысокой и черноволосой, с медовой кожей, в коротком платье и с медным широким ошейником.

— Шаззад? — окликнул король.

Он не рассчитывал отыскать ее так легко. Женщина распахнула, но тут же встревоженно нахмурилась, и Гейл понял, что обознался. Это была не Шаззад, хотя сходство казалось несомненным.

— Я не знаю тебя, воин, — произнесла женщина. — Но откуда ты знаешь принцессу Шаззад? Кто ты такой?

Она стала медленно отступать в жилые покои, но Гейла стремительно протянул руку и ухватила ее за ошейник, а затем приставил к подбородку копье.

— Прости, — промолвил король. — Я не виделся с Шаззад несколько лет, а ты очень на нее похожа. Твое имя, часом, не Деният? — Женщина испуганно кивнула, стараясь при этом не наткнуться на копье. — У меня есть дело к твоим господину и госпоже. Они там, внутри? — В подтверждение последовал еще один кивок. — Вот и славно. А теперь скажи, только тихо, где принцесса Шаззад?

— Она с ними.

— Как это кстати... Тогда нанесем визит твоим господам.

С этими словами Гейл выпустил ошейник и развернул женщину к себе спиной. Удерживая ее за запястья, он подтолкнул Деният к двери.

Когда они вошли, его взгляд вмиг обежал комнату, узрев светловолосую женщина, распростершуюся на ложе, и другую, смуглокожую, со спутанными волосами, прикованную к стене. Светловолосая нахмурилась, глядя на вошедших.

 — Деният, что случилось? Кто там с то... — И тут на

ее лице проступила мертвенная бледность, нижняя губа предательски задрожала.

В тот же миг темноволосая подняла взор, и радостно вскинулась.

— Гейл! — воскликнули обе женщины одновременно.

— Гейл! — повторила Шаззад с торжествующей улыбка. — Забери меня отсюда, и поскорее!

— За этим я и пришел, принцесса, но не будем торопиться. Сперва я должен покончить еще с одним делом. — Он взглянул на Лериссу. Это казалось невероятным, но она стала еще прекраснее, чем когда он видел ее в последний раз. — Ты очень нелюбезна, дорогая. Правда, мы расстались не лучшим образом... Если помнишь, я был изгнан из племени, за то что спас тебе жизнь.

— Глупец! — дрожащим голосом воскликнула она. — Зачем ты явился?

— Разве ты не догадываешься? Чтобы убить твоего мужа. Где он?

Лерисса быстро взяла себя в руки:

— Ты стал еще безумнее, чем прежде, Гейл. Неужто ты и впрямь решил, будто можешь убить Гассема?

— Не только решил, но и сделаю это, если только найду его. — Он встряхнул Денияз за плечи. — Ты, кажется, ты говорила, что он здесь!

— Как я могла что-либо сказать, когда ты приставил мне к горлу копье?

Гейл отпустил женщину.

— Освободи Шаззад. И поживее!

— Если хочешь остаться в живых, Гейл, то убирайся прочь! — выкрикнула Лерисса.

— Где Гассем? — требовательно спросил Гейл и поднес копье к лицу королевы. Однако во взгляде Лериссы не было страха.

— Ты никогда не смог бы убить меня, Гейл. Некогда ты был в меня влюблен, и этого довольно, чтобы я чувствовала себя в безопасности. В тебе нет и десятой доли решимости, которой обладает Гассем.

— О, Гейл! — в нетерпении воскликнула Шаззад. — Дай мне копье!

Руки принцессы были свободны, хотя лодыжки еще скрепляла короткая цепь. Она вырвала у Гейла из-за пояса кинжал и, схватив Денияз за волосы, вынудила ту опуститься на колени. Приставив лезвие кинжала к горлу женщины, Шаззад наконец дала волю гневу.

— Где он? Отвечай, шлюха! Ты ведь знаешь, я не та-

кая добрая, как Гейл. Если не заговоришь, я изрежу тебя на куски!

— Не знаю! — взвыла Денияз.

— Тогда я просто постараюсь получить удовольствие. И начну, пожалуй, с левого уха.

Принцесса, и правда, рассекла мочку уха Денияз, и не столько боль, сколько страх перед решимостью Шаззад, заставили ее кузину подать голос:

— Он в доках — следит за погрузкой кораблей.

Она хотела сказать что-то еще, но осеклась, подавившись рыданиями.

Гейл обернулся к Лериссе.

— Это правда? Гассем бежит из города? Ему наскучило властвовать на материке?

— Не болтай чепухи! — воскликнула королева. — Ты же прекрасно знаешь, что шессины не живут в городах, поэтому мы просто уходим отсюда. Было славно пожить здесь некоторое время, но теперь пора двигаться дальше. Так всегда поступали шессины.

— Прекрасно, значит, вперед — в доки! — Опустившись на колени, король быстрым движением мощных рук разорвал бронзовые звенья цепи, соединявшей ножные кандалы Шаззад. — Думаю, тебе стоит что-нибудь накинуть на себя, принцесса, — заметил он. — Иначе кто-нибудь может принять тебя за пленницу.

— Судя по тому, как одевается королева дикарей, во всем дворце не найдется приличного платья! — С этими словами Шаззад стащила с ложа роскошное покрывало и набросила его на плечи. — Пока сойдет и это...

— Есть ли короткий путь из дворца? — спросил Гейл.

— За той дверью — терраса, — указала принцесса. — Лестница ведет в конюшни. Я однажды попыталась бежать этим путем. Из конюшен мы можем попасть на одну из улиц, что ведет к гавани. Мы будем там уже через пару минут.

— Тогда пойдем, — велел Гейл. — Что может быть естественнее, чем королева, которая спускается взглянуть, как идут дела в порту, в сопровождении своих прислужниц и телохранителя-шессина? — Он поднял Денияз на ноги и подтолкнул Лериссу. — Ну, поднимайся!

Королева неохотно повиновалась.

— Прежде я вспоминала о тебе не без теплоты, Гейл, но раз уж ты так уж настаиваешь, я с удовольствием полюбуюсь, как мой муж прикончит тебя.

Шаззад кончиком кинжала ткнула Лериссу в поясни-

 цу.

— Может, король Гейл и не способен убить тебя, мерзавка, но я-то сделаю это с наслаждением. Так что попробуй только позвать на помощь! Это, кстати, относится и к тебе, Денияз.

— Зачем? — фыркнула ее кузина, к которой также вернулось самообладание. — Король Гассем и без моей помощи расправится с этим выродком!

Они беспрепятственно покинули дворец и стали спускаться по кривой улочке к гавани. Встречные, узнав королеву, с поклонами уступали дорогу маленькой процессии.

— Где сейчас король? — спросил Гейл у шессина, наблюдавшего за погрузкой корабля.

Протянув руку, тот ткнул копьем в сторону деревянного помоста, где стояла группа людей. Держа в руках разноцветные фонари, они управляли перемещениями десятков кораблей и лодок у причалов.

Происходившее в порту больше всего походило на спешное бегство. Войска, оружие и трофеи грузили на бывшие невванские суда и корабли, построенные по воле Гассема. В тусклом свете луны, выглянувшей из-за низких облаков, взору открылась вся гавань, которую покидали тяжело груженые суда и бесчисленные лодки и каноэ.

Женщины первыми приблизились к помосту. Впервые за все эти годы Гейл смог увидеть Гассема в деле. Король островитян находился в своей стихии. Более всего на свете он любил надзирать за тысячами людей, покорными его приказам.

Гейл обернулся к Шаззад и негромко велел:

— Затеряйся в толпе или найди где-нибудь поблизости укрытие и спрячься там. Армия твоего отца займет город с первыми лучами солнца. Ступай!

Принцесса без единого слова шагнула в сторону и исчезла среди людской суеты.

Узкая лесенка вела на помост, и Гейл подтолкнул туда заложниц, улавливая боковым зрением, что ворота порта начали закрываться. Гассем, почувствовав за спиной движение, обернулся.

— А, моя королева... Я ждал, когда же ты наконец придешь. Не правда ли, это... — Он вознамерился широким жестом указать на происходящее в гавани, но вдруг осекся, нахмурившись. — Нет! Не может быть...

Теперь обернулись и прочие шессины, стоявшие на помосте.

— Да, это я, Гассем, — сказал Гейл. — Неужели у тебя не найдется добрых слов, чтобы поприветствовать своего молочного брата?

Он выступил вперед, придерживая копье в обычной,

обманчиво небрежной манере шессинов. Владыка Равнинных Земель был насторожен и напряжен, словно ночной кот перед прыжком.

— Конечно, найдется, — процедил Гассем. — Я и так слишком долго это откладывал. — Он повернулся к своим людям. — Убейте его!

Но прежде чем те успели сделать хоть шаг, Гейл вскинул копье.

— Гассем! — выкрикнул он звучным голосом, перекрыв стоявший в порту шум. — По праву старшего воина шессинов, я вызываю тебя на поединок!

Вокруг, точно рябь по воде пруда, расходились волны тишины. Воины, толпившиеся на пристани, умолкли, осознав наконец, что на помосте разыгрывается необычная драма.

Гассем рассмеялся с нарочитым презрением.

— Ты опоздал, Гейл! У нас больше нет Говорящих с Духами и всех этих нелепых обычаев. Я уничтожил все это, и теперь закон — это только мое слово!

— Тогда народ, которым ты правишь, недостоин более носить имя шессинов! За всю нашу историю ни один шессинский воин не отказывался от вызова на поединок. Ты хочешь, чтобы тебя называли трусом? Поединок — обычай воинов, духи не имеют к этому никакого отношения.

Гассем огляделся по сторонам, и его взгляд уперся в непроницаемые лица соплеменников, казалось, утратившие свои очертания в предрассветной мгле.

— На материке — иные обычаи, Гейл. Кому, как не тебе, это знать! — Правитель Островов явно надеялся привлечь шессинов на свою сторону, но не преуспел в этом.

— Не увиливай, Гассем, — заявил король Равнинных Земель. — Ты всегда боялся столкнуться со мной лицом к лицу. Это я, а не ты, голыми руками убил длинношея, чтобы спасти женщину, которая теперь стала твоей королевой. А у тебя хоть раз хватало духу убить самому?! Сейчас перед тобой не король, а воин. Наберись же храбрости — и сражайся... если ты, конечно, способен на это!

С крепостных стен послышался страшный шум.

— Вы слышите? — воскликнул Гассем. — Враги ворвались в город! Так вот чего хочет этот изгой! Он пытается задержать нас, пока его проклятые союзники с материка не захлопнут ловушку!

Шессины обернулись к востоку, где серое небо окрасилось первыми красками рассвета. Шум стал громче, но пока, похоже, не приближался. Один из воинов подошел к Гассему — Гейл узнал в нем Люо.

— Противник пытается разбить ворота, но чтобы чтобы ворваться в город, им понадобится какое-то время. Прими вызов, Гассем. Ты — правитель шессинов, но даже король не может отказаться от поединка, не покрыв себя позором.

Лицо Гассема исказилось от звериной ярости. Лерисса с нежностью опустила руку на плечо мужа.

— Это нелепо, любимый, но ты должен согласиться, потому что нужно сохранить уважение шессинов. Убей этого наглеца, и больше никто на свете не посмеет бросить тебе вызов. Убей его, Гассем, убей ради меня, если не ради себя самого!

Гассем понял, что у него не осталось иного выхода.

— Прекрасно! — заявил он громко, силясь вернуть утраченное самообладание. — Я проявил непростительное великодушие, отказавшись убить этого глупца, когда мы были еще мальчишками. Теперь я должен исправить свою ошибку. — Он огляделся по сторонам. — Продолжайте погрузку! Увидеть, как я убью этого презренного изгоя, можно с борта корабля! Королю шессинов не пристало опускаться до подобной глупости, но если мой народ этого желает — я вынужден уступить.

На помосте остались лишь два короля, Лерисса и Денияз. У Гассема кроме копья был короткий меч, тогда как Гейл не успел забрать у Шаззад свой кинжал. Он надеялся, что принцессе удалось надежно спрятаться. За спиной Гассема он видел, как из гавани выходят корабли. Звезды на небосводе быстро тускнели, а шум у стен города доносился все громче. Соперники осторожно кружили в центре помоста, не спуская друг с друга напряженных взглядов.

Но вот наконец Гассем бросился вперед, целя копьем в правый бок Гейла. Тот легко отступил в сторону и, отбив удар клинка, нанес короткий укол в лицо противника, тотчас обратив его в быстрый режущий удар, направленный к запястью короля островитян. Тот отбил его, круговым движением отбросив копье Гейла. Обмен ударами занял считанные мгновения, лязг сшибшихся клинков был отчетливо слышен в притихшей гавани, где единственным звуком, нарушавшим тишину, стал теперь скрип корабельных снастей.

Гейл сразу понял, что противник уступает ему в ловкости и быстроте, но его стальное копье было легче бронзового, и это уравнивало силы. К тому же, сталь была крепче бронзы. Он видел подобное оружие в действии и знал, что сильный удар стального клинка способен перерубить острие его копья. Он нанес Гассему серию колющих ударов, часть из которых была призвана отвлечь его внимание. Тесня соперника к краю помоста, Гейл попытался закончить схватку быстрым выпадом, но Гассем успел увернуться и, метнувшись про-

тивнику за спину, нанес опасный удар. И все же он промахнулся: клинок лишь скользнул по ребрам короля Равнин.

— Первая кровь за мной, братец! — прохрипел Гассем.

— В счет идет лишь последняя кровь! — отрезал Гейл.

В это время года светало быстро. Теперь уже отчетливо был слышен гул приближающейся армии невванцев.

— Убей его, мой господин! — закричала Лерисса. — У нас мало времени!

С истошным воплем Гассем бросился вперед, размахивая копьем, как длинным мечом. Гейл знал, что защита острием может оказаться для него роковой: сталь перерубит бронзу. Нырнув в сторону, он перехватил свое копье и, ухватив врага за лодыжку, сбил того с ног. Гассем тяжело рухнул навзничь и выронил копье, глухо ударившееся о помост. Гейл молниеносно выпрямился и, отведя правую руку назад, нацелил острие в сердце Гассема.

— Нет! — послышался отчаянный крик, и кто-то бросился на Гейла сзади, обхватив его шею.

Повелитель Равнин был настолько увлечен схваткой, что даже не сразу понял, что произошло. Уловив пряный аромат, он решил, что это Лерисса бросилась спасать мужа, но, заметив темную прядь волос, понял, что это Денияз. Он попытался оттолкнуть женщину, чтобы вложить всю силу в решающий удар, но та цеплялась за копье с отчаянием обреченного.

Тем временем, Гассем извернулся и откатился в сторону, а Гейл все еще пытался избавиться от неожиданной заступницы. Когда ему наконец удалось разжать мертвую хватку женщины и высвободить древко копья, короткий меч Гассема предательски вошел ей в спину. Казалось, в сыром воздухе еще звенит прерванный на высокой ноте вопль Денияз, но из ее широко раскрытого рта уже хлынул поток алой крови. Глаза женщины закатились, и она осела на помост.

Безумие этого бессмысленного убийства ошеломило не только Гейла, но и его врага, взиравшего на распростертое тело с несвойственным ему выражением раскаяния.

— Бежим! — Лерисса схватила Гассема за руку и подтолкнула к краю помоста.

Тот оступился, и Гейл, опомнившись, поднял копье. Лерисса заметила его движение и рванулась, заслоняя собой мужа. Тот, перемахнув через перила, прыгнул в воду. Лерисса напоследок обожгла Гейла торжествующим взглядом и прыгнула вслед за супругом. Экипаж ближайшей галеры уже готовился поднять на борт плывущую к ним королевскую чету.

Король Равнин отшвырнул свое оружие и схватил стальное копье Гассема: более легкое, оно лучше подхо-

дило для дальнего броска. Но блики на воде мешали прицелиться, и к тому же он никак не мог различить пловцов между собой. С галеры бросили канат, и Гассем с Лериссой схватились за него, чтобы взобраться на борт.

— Невероятно... — Обернувшись, Гейл и увидел Шаззад. — То, что сделала эта женщина...

— Что здесь творится? — послышался голос взбирающегося на помост Хараха. При виде принцессы, он отвесил ей низкий поклон.

— Где мои лучники? — спросил Гейл, не отрывая взгляда от двух фигур, взбиравшихся на борт галеры. Весла корабля начали медленно опускаться.

— Они еще далеко, — отозвался Харах. — Им не удастся быстро пройти по этим узким улочкам. Эти выродки сбежали?

С пристани невванцы метали дротики в галеру, но расстояние было слишком велико, и цели не достигал ни один.

Стоя на палубе рядом с Лериссой, Гассем смотрел в сторону берега.

Гейл размахнулся, вкладывая в бросок всю мощь всего тела, все свои силы, всю свою жизнь... Стальное копье сверкнуло серебром в лучах восходящего солнца.

Затаив дыхание, все следили за невероятно долгим полетом копья. Невванские солдаты были не в силах поверить, что простой смертный способен на такой бросок.

Гассему копье сперва казалось лишь серебряной точкой: в полете трудно судить о скорости снаряда, особенно, когда он метит в тебя. Он даже не пытался укрыться и спокойно стоял, обняв за плечи Лериссу. Прицел Гейла оказался точным, но когда смертоносное острие уже должно было пронзить Гассема, тот небрежным движением уклонился в сторону и, пропустив мимо себя острый наконечник, схватил копье за короткую деревянную рукоять. Сила инерции заставила Гассема пошатнуться, но, прокрутив копье сверкающим серебряным колесом, он вскинул вверх свое великолепное оружие. Экипаж галеры взорвался торжествующими воплями. На берегу несколько невванских солдат тоже восхищенно загомонили, но тут же замолкли под грозными взглядами своих командиров.

— О, боги! — вздохнул Харах. — Поразительно!..

Гейл нахмурился. Хотя Гассем сильно проиграл в глазах своих воинов, когда бежал с поединка, но он наверстал это одним движением, поймав в воздухе копье. Невванец протянул королю Равнин его собственное копье, и тот очень медленно поднял оружие, отдавая дань удачливости своего соперника. Галера стремительно удалялась прочь.

Гейл отвернулся. Шаззад, склонившись над телом Денияз, нежно гладила ее по густым черным волосам, так похожим на ее собственные. Когда Гейл приблизился, она со вздохом подняла глаза.

— Бедная Денияз, — промолвила Шаззад. — Такого знатного рода — и рабыня в душе... И все же она была моей сестрой. Я устрою ей пышные похороны. Это поможет примирению наших отцов. — Принцесса взглянула на море, где исчезали последние корабли. — Куда он держит путь, Гейл?

— Не знаю, — с отрешенным видом отозвался король. — Но, боюсь, мы об этом очень скоро...

* * *

Оба короля устроились на просторной террасе дворца, который недолгое время был резиденцией захватчика с Островов. Никаких срочных дел уже не осталось. Золото, серебро и прочие металлы, предназначенные в уплату воинам Гейла, были запакованы для перевозки. Помимо этого, каждому из воинов досталось по одному, а офицерам — по несколько превосходных чистокровных кабо из личных конюшен Пашара. Это был превосходный подарок.

— Я был бы рад принять твое приглашение, друг мой, — заявил Пашару Гейл, — но мы не можем здесь задерживаться. До зимы уже рукой подать, а я еще обещал своим людям, что мы сможем от души повеселиться во владениях короля Оланда. Ты уверен, что это не отразится на ваших с ним отношениях?

Пашар небрежно махнул рукой.

— Оланд сглупил и теперь заслуживает наказания. Он доставил нам немало хлопот, так что пусть теперь и у него прибавится проблем. К тому же я отлично знаю Оланда: пару месяцев между нами будет царить вражда, но затем он запросит мира. То же самое и с тобой: пока он вновь не осмелеет и не решится наделать глупостей, омайский король будет клясться тебе в вечной преданности и называть братом. Поскольку мы окружаем его с двух сторон, то он будет вынужден проявлять осторожность. Кстати, мы ведь с ним родичи: он доводится мне сводным братом.

— Так он — дядя Шаззад? — удивился Гейл.

Пашар покачал головой.

— Нет, мы приходимся родней по его первой супруге. И, кстати, раз уж мы заговорили о женах и о Шаззад... — Гейл ожидал, что беседа неминуемо сведется к этому. — Гейл, ты мне как сын. Ты ведь знаешь, что у меня нет прямых наследников мужского пола, чтобы передать им невванский престол...

— Зато у тебя есть дочь, которая одна стоит десяти сыновей, — возразил правитель Равнинных Земель.

— Да, я знаю это, — подтвердил Пашар. — Но невванцы никогда не потерпят, чтобы ими правила женщина.

— Друг мой, если дочь твоя пожелает править Неввой, то никто не сможет ее удержать. Однако, у меня уже есть королева. Я люблю ее, она мать моих детей. Я скучаю по ней и желаю как можно скорее вернуться домой.

— И я рад за тебя, Гейл. Но законы дозволяют мужчине иметь множество жен. А мне кажется, было бы славно объединить наши владения.

— Увы, Пашар, но даже ради столь благой цели есть вещи, на которые я никогда не пойду. Для меня одной жены вполне достаточно. Однако, дам тебе совет: если Шаззад нуждается в супруге, то Харах как никто другой подошел бы для этого.

Пашар задумался.

— Это верно. Происхождение у него подходящее. И он был верен престолу. К тому же он человек чести.

— И влюблен в Шаззад, — добавил Гейл.

— Ну, это не новость. Покажи мне мужчину, кто бы не был в нее влюблен. И все же я ценю твой совет, поскольку вижу теперь, что ты настроен решительно. Ну, что ж, жаль, что так вышло. Тогда ступай с миром, Гейл, и пусть удача во всем сопутствует тебе. К несчастью, опасаюсь, что мир продлится недолго, и Гассем доставит нам еще немало хлопот.

Гейл уже собирался покинуть дворец, когда его отыскала Шаззад.

— Судя по всему, интриги моего отца не увенчались успехом, — заметила она.

— Клянусь, Шаззад, если бы я еще не был женат... — Гейл постарался сгладить неловкую ситуацию.

Впрочем, все попытки его оказались тщетными. Не без горечи принцесса рассмеялась.

— Гейл, ты никогда не умел лгать. Так возвращайся же к своей счастливой избраннице. Сказать по правде, мы все равно не были бы удачной парой — такой, как Гассем с Лериссой. Знаешь, мне неловко говорить об этом, но в душе я даже рада, что ты не убил его. Ты замечательный человек, Гейл, и великий воин, но все же в Гассеме есть нечто такое, что способно свести с ума всякую женщину.

Обняв Гейла, она поцеловала его, а затем, оторвавшись, взглянула прямо в глаза.

— А теперь уходи, Гейл! Мне нужно о многом поразмыслить...

В лагере за стенами города король отыскал своих вож-

дей. Они уже готовы были к походу. Первым ведя в поводу горячего скакуна, к Гейлу подъехал Иокайм. Король сел в седло.

— Нам пора восвояси! — воскликнул Гейл. — Мы совершили прекрасный поход, но родные холмы и равнины ожидают нас!

В этот миг Гейл невольно вспомнил о Лериссе с Гассемом, а затем о залежах металла в пустыне и о странном оружии, которым владели жители Каньона.

— И все же жизнь никогда больше не будет такой, как прежде... — промолвил он негромко.

А затем он вспомнил о королеве Диене, которую нашел при смерти, когда сам еще был безвестным изгоем. Будучи королем, он превыше всего ценил державу, но, как обычный мужчина, еще выше он ценил домашний очаг, созданный ими с Диеной.

Когда Гейл покидал жену, ему казалось, что с ней он оставил половину души. Вернувшись в Невву, он встретился с Лериссой и Шаззад, женщинами из его прошлого, и теперь еще больше полюбил Диену. Он думал о детях, о том, как они с супругой станут ждать рождения каждого нового малыша, о той радости, которую принесут ему любимые чада. Гейлу хотелось верить, что его королевство в безопасности, что он всегда сумеет защитить то, чего достиг, свою землю, свой народ — и свою семью. И все же отныне, после этого кровопролитного похода, в глубине души его не оставляло предчувствие, что все, сотворенное им, может обрушиться в любой миг, как падает крепкое на вид строение под натиском стихии.

Гейл вспомнил то озеро, на берегу которого они с Диеной впервые любили друг друга и обменялись обетом верности. Это озеро по-прежнему таилось где-то в глубине леса. Оно было вечным, как и духи этой земли. Вернувшись домой, он вновь отведет туда Диену, и там они повторно обменяются клятвами, дабы сделаться непоколебимыми перед лицом меняющегося мира. Гейл был уверен, что на свете есть вещи, неподвластные разрушительному бегу времени.

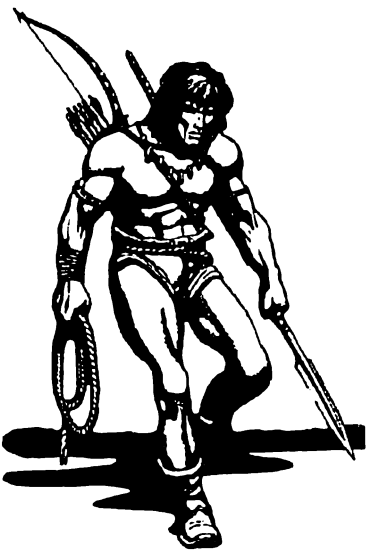
— Ты что-то сказал, мой повелитель?

Но Гейл в ответ лишь тряхнул головой.

— Нет, ничего, пора трогаться в путь.

Пришпорив своих скакунов, всадники устремились вперед.

Отравленные земли

Глава первая

Разведчики неподвижно лежали на скале, наблюдая сверху за безжизненной пустыней, уходящей в бесконечность. Каждый из них был накрыт маскировочной накидкой в серо-коричневых пятнах, так что даже с расстояния всего в несколько ярдов они оставались незаметными.

Только самые кончики подзорных труб выглядывали из-под накидок, а объективы были прикрыты кусочками кожи, чтобы линзы не отбрасывали бликов. За ними вставало солнце, но люди не могли воспользоваться этим. Они заняли такое положение еще в темноте под покровом ночи и оставались неподвижными и с рассветом. Совсем скоро жара под накидками станет невыносимой, но раскрыться означало бы верную смерть, а вид, открывающийся перед ними, стоил одного дня неудобств.

— Действительно, это то, что надо! — Голос человека был чуть громче шепота, ведь в любой миг мог появиться караульный дозор, проезжающий поблизости. — Все правильно!

— Согласен, — ответил более холодный голос. — Но успокойся. Время для волнения наступит тогда, когда мы потребуем свое вознаграждение.

Вид, открывающийся перед ними, мог привлечь внимание только того, кто сумел бы объяснить его значение.

На расстоянии в низменной части пустыни был разбит лагерь, совсем близко к возвышающемуся краю древнего кратера. Множество таких кратеров испещряло безбрежные просторы пустыни, но только один, именно этот, был центром деятельности человека. На самом деле, в пустыне почти не было людей, не считая отдельных кочевников и этих загадочных незнакомцев.

Из лагеря люди целыми группами взбирались на край кратера и спускались в углубление. А те, кто возвращались, с трудом передвигались под тяжестью непосильного груза, который они складывали где-то в лагере.

Столбы дыма поднимались из кратера, но этот дым не был вулканического происхождения. Вдоль всего края размещалась охрана, состоящая из всадников, утреннее солнце отражалось в наконечниках их копий. Даже с помо-

щью подзорных труб расстояние оставалось слишком большим для того, чтобы можно было различить отдельные детали одежды или снаряжения.

В течение всего дня два человека лежали неподвижно, их внимание обострялось, когда они наблюдали, что внизу затевалось что-то новое. Высота возвышения, на котором они лежали, была недостаточна для того, чтобы они смогли увидеть происходящее в самом кратере, но вид, открывающийся на лагерь, был хороший. Когда солнце прошло зенит, они убрали подзорные трубы, чтобы отражение не выдало их. Жара стала невыносимой, но они выдержали и это, делая время от времени глоток из кожаных бурдюков с водой.

После наступления темноты они сбросили свои накидки и лежали, благодарно хватая воздух в относительной прохладе. Двигаясь скованно, они поднялись и начали складывать свои накидки, упаковывать подзорные трубы, кожаные бурдюки с водой и остальные немногочисленные пожитки. Перед наступлением полной темноты один снял показания компаса. Он закрыл крышку компактного прибора и положил его обратно в карман плаща.

— Посмотри, Хаффл, — сказал второй человек.

Там, где раньше они видели только столбы дыма, сейчас они заметили красное свечение и поток искр.

— Работает плавильня, — сказал Хаффл, откинув капюшон, — никаких сомнений не может быть. — Он оказался худым мужчиной с коротко подстриженными черными волосами и давно не бритой бородой. Второй мужчина был другого типа, невысокий и плотного телосложения, а его голова была выбрита с левой стороны. Волосы на правой стороне были собраны в одну косичку и выкрашены в голубой цвет. Хаффл поднял свое копье и приготовился покинуть скалу, но второй не спешил.

— Ингист, мы не можем терять времени. Пойдем, мы должны найти наших животных до рассвета.

— Трудно поверить, ведь правда? — сказал Ингист, уставясь на отблеск в кратере, как будто его кто-то загипнотизировал. — Мы нашли это, хотя попытки всех остальных за годы поисков не увенчались успехом.

— То, что мы нашли — это одно дело, — сказал Хаффл. — Дожить до момента, чтобы сообщить об этом и получить наше вознаграждение от королевы, совсем другое, поэтому пойдем скорее.

Неохотно Ингист поднял свое копье и устало потащился за своим товарищем. Кроме коротких копий, которые можно было использовать и как дорожные посохи, у

мужчин за поясом были кинжалы, но никакого другого оружия не имелось. Всем своим видом они напоминали странствующих торговцев, которые, как и сотни других, бродят из одной деревни в другую, пересекая границы северных королевств, следуя вдоль русел рек и огибая бездорожье незаселенных пустошей. Популярные легенды наполнила пустыню тайнами и чудесами, но эти двое мало что обнаружили в своих многочисленных экспедициях кроме скал, песка, жары и жажды. До сего дня.

Они прислушивались к любым намекам и слухам, расспрашивали людей, которые утверждали, что видели это чудо, предлагали взятки, а также советовались с пророками и прорицателями, чтобы отыскать это место. Под конец они нашли покалеченного рабочего, который отчаянно нуждался в средствах, чтобы купить лекарство. Он утверждал, что целый сезон проработал на шахте, и его не удалось одурачить даже тем окольным путем, которым их всех водили туда. Ему удавалось иногда сдвинуть повязку на глазах и кое-где на пути сделать пометки. Кратер вовсе не находился далеко в пустыне, а скорее ближе к возделываемым сельскохозяйственным землям на северной границе территории Каньона.

Они убили этого человека, чтобы он не смог рассказать то же самое другим и, выполняя полученные указания, направились к кратеру, который был подобен всем остальным, с одним единственным исключением... Пока они пробирались к тому месту, где оставили свой небольшой караван и горбачей, приспособленных к условиям пустыни, их сердца переполнялись радостью от полученных ими сведений. Они нашли величайшее сокровище в мире, секрет, за который королева вознаградит их так щедро, как не приходилось надеяться ни единому человеку даже в самых смелых своих мечтах.

Они нашли стальную шахту короля Гейла.

* * *

Жара кратера была удушающей, и даже воинам едва удавалось сохранять на своих лицах маску невозмутимости. Они не хотели проявить слабость перед рабочими, но в этом месте люди подвергались самым трудным и тяжким испытаниям. В такой жаре они отказались от привычной одежды из кожи и ездили верхом в матерчатых штанах длиной до колена. Головные повязки и легкие накидки защищали их от беспощадно палящего солнца. Но если одеты они были и легко, то их вооружение было полным. Каждый из них имел огромный лук и колчан, ощетинившийся стрелами. Каждый

носил длинный меч из стали, и наконечники копий были также изготовлены из стали. Наконечники стрел и дротиков были сделаны из более дешевой бронзы. Их щиты были разнообразны по форме и конструкции, как разными были и сами люди, потому что они происходили не из одного племени. Их объединял образ жизни, все они были наездниками и презирали всех тех, кто ходил по земле на своих ногах, как животные.

— Еще три дня, — сказал длинноволосый юноша своему товарищу. — Еще три дня, и мы сможем покинуть это пекло. Я даже не могу передать тебе, как я устал от сажи и дыма, от вони этих потных рабов.

— Не говоря уже о солнце и нормированной воде, — ответил ему более молодой юноша. Они были очень похожи друг на друга, оба высокого роста, с волосами цвета меди и светло-голубыми глаза. Широкие скулы отличали их от остальных людей, выделяла их и легкая природная грация.

— Куда ты направишься после окончания сезонных работ? — спросил старший, заставляя своего скакуна встать на колени и опереться о вогнутую часть кратера, пытаясь уловить хоть легкое дуновение ветерка на краю кратера.

— Обратно на равнины и холмы, куда же еще? — ответил младший.

— А я нет. Я собираюсь отправиться вместе с эскортом, который будет сопровождать рабочих. Мне хочется посмотреть южные города, а потом вернуться домой.

— Но отец сказал нам...

— Разве мы мальчишки, чтобы повиноваться каждому его пожеланию? — возразил старший. — Мы оба свободные воины, и нам не нужно разрешение отца на то, чтобы пойти туда, куда нам хочется.

— Он больше, чем просто отец... Как будто мне нужно напоминать тебе об этом?! Он еще и наш король. — Они немного задержались наверху нижней кромки, подальше от дыма и жара.

— И будучи таковым, он никогда не запрещал свободным воинам отправиться туда, куда они намереваются, в мирное время... конечно, если они без его разрешения не поступают на военную службу к чужому королю. Я просто хочу немного попутешествовать и посмотреть новые места. Сказать по правде, я устал от травы и скота почти так же, как и от этой пустыни.

Второго юношу одолевали сомнения.

— Я не знаю. Он и на это-то задание неохотно отпустил нас обоих из дома. Его беспокоит, что он может потерять нас.

Его брат криво улыбнулся.

— Каирн, он лелеет надежду на то, что когда-нибудь

один из нас последует его примеру, но и ты, и я знаем, что этому не бывать. Совет старейшин выберет кого-нибудь другого. Отец — великий человек, которому удалось воссоединить равнины и нагорья. А что мы? Просто воины, как и любые другие. Нам недостает той духовной силы, которая сделала его почти богом для племен. Я не готов к тому, чтобы провести всю жизнь дома, потакая его нежным надеждам на мое будущее.

Каирн ничего не ответил. У него не было самоуверенности брата, и мысль о возможности неповиновения отцу беспокоила его. Внизу под ними продолжались работы, но бесконечный шум предшествующих недель прекратился, и скрежет тележек, удары кайла и клиньев более не раздражали уши. Рабочие приводили в порядок и чистили рабочие места, а последние порции металла плавились в печах для очистки от оставшихся примесей. Затем расплавленную сталь разливали в болванки, чтобы их можно было легко транспортировать. Каждый год прилагались огромные усилия для доставки топлива, припасов и рабочей силы на это место, но сталь была столь высокой ценностью, что король Гейл принимал на себя все расходы с радостью.

По обводам всего кратера постоянно патрулировали всадники. Рабочим не разрешалось подниматься на этот край, кроме тех участков, где проходила тропа. Им разрешалось только спускаться в кратер и возвращаться в лагерь. Все, кого ловили за попыткой пробраться на высокие участки для того, чтобы нанести свои отметины, считались шпионами и подвергались соответствующему наказанию.

— Ну, так что ты скажешь? — настаивал старший брат.

— Не дави на меня, Анса. Надо подумать. У нас впереди еще целых три дня.

— В течение которых, без всяких сомнений, ты и решишь остаться покорным сыном. Ну, ты можешь поступать, как хочешь. Я поеду на юг сразу же после того, как закончится сезон.

Каирн все еще раздумывал и в конце дня, когда возвращался верхом в свою палатку. Он был вынужден признать, что у него не было тяги к приключениям, и его это злило. Ему сравнялось почти восемнадцать лет, и он был воином уже более двух лет. Возможно, для того, чтобы стать настоящим воином, требуется еще нечто, помимо прекрасного вооружения и кабо для верховой езды. Он потрепал животное по шее, и оно горделиво вскинуло свою великолепную голову с четырьмя рогами. Повсюду вокруг них изнуренные рабочие с трудом тащились к своим койкам. Они были

невысокие и темнокожие, крепкого телосложения, но без устрашающего самообладания воинов-всадников.

Каирн вздрогнул при мысли о подобном образе жизни, тяжкой работе на земле или другом похожем презренном труде, вместо того, чтобы вольно разъезжать по бесконечной равнине. Безусловно, думал он, лучше умереть, чем вести такой образ жизни. Все они были флегматичными и вялыми крестьянами из южных земель, его пустыня для них значила всего лишь более жаркое, более сухое рабочее место. Они переносили все эти тяготы ради щедрой платы, половину которой потребуют их господа. И лучшего они не заслуживают, подумал он. Такие вялые люди, которые не способны даже бороться, должны быть благодарны за любые крохи, которые перепадают им со стола господ.

Он почистил своего кабо и отпустил его на круглую огороженную площадку, стены которой были выложены камнем. Фыркая от удовольствия, он направился к желобу с водой. Вода старательно доставлялась из ближайшей реки в бочках, установленных на повозках. Животные получали столько воды, сколько им требовалось. Люди должны были обходиться меньшим. На площадке находилось более трехсот животных, рога каждого были раскрашены отличительным цветом и рисунком по выбору его хозяина. Температура под тенью палатки, открытой со всех сторон, была вполне сносной. Полдюжины воинов, находившихся под навесом, освободили место для Каирна, но не оказали ему никаких особых знаков внимания. Всадники не относились к членам королевской семьи, как это было принято у более оседлых народов. Юноше передали кожаный мешок с водой, он взял горсть сухой пищи из общей миски. Пока Каирн разжевывал безвкусную смесь измельченного высушенного мяса, фруктов и обжаренного зерна, он раздумывал о городах, расположенных на юге.

Он никогда их не видел, но слышал рассказы отца о сказочных землях, расположенных на западе и юге. Более пожилые воины, которые сражались в масштабных военных кампаниях короля, описывали роскошные города, дворцы, храмы, их удивительные развлечения и женщин, которые (по рассказам воинов) всегда отдают предпочтение мужественным кочевникам, пренебрегая своими изнеженными мужчинами. Ему было бы любопытно взглянуть на эти места, но он также любил безбрежную равнину. Ему хотелось увидеть экзотические города... но может быть, на следующий год, ведь это будет достаточно скоро... или еще через год.

Не так думал его старший брат. Анса говорил о чем-то большем, чем просто путешествие в зарубежные

страны. Он был в составе эскорта, сопровождающего ряд караванов к границам Омайи на западе и территории Каньона на юге, это и разогрело его страсть к путешествиям. В течение двух предшествующих лет он стремился уехать, но в последнее время их отец посылал мало караванов и экспедиций в этом направлении, он был занят делами на востоке.

Нет, в конце этого сезона он вернется домой. Будет очень хорошо уехать из этого места.

* * *

Рабочие запели песню сразу же, как только кратер остался позади. На них были надеты туники и килты, которые когда-то были белыми; большинство носило головные повязки или конусообразные шляпы, сплетенные из соломы. Казалось, что жесткие ступни их ног не чувствовали жара песка пустыни; на смуглых лицах сверкали белые зубы.

Анса оглянулся в последний раз и помахал рукой. Брат, стоя на краю кратера, помахал в ответ. Затем Анса устремил свой взгляд на юг и решительно подавил в себе желание к дальнейшим проявлениям сентиментальности. Анса стремился странствовать в одиночку, но он не отказался бы и от компании. Братья были близки всю свою жизнь, и особенно в эти последние несколько лет, когда их отец был целиком занят отношениями с жителями востока и их огненным оружием.

Но они уже более не мальчишки, напомнил он себе. А разве король Гейл не начал жизнь точно таким же образом? С ранних лет Анса уже утомился слушать рассказ о том, как его отец перевалил через горы с первым торговым караваном из Неввы, имея при себе всего лишь копье, нож, длинный меч и одного-единственного кабо. А теперь он стал королем. Значит, его отец был великий провидец, человек, сильный духом.

В любом случае Анса не имел столь грандиозного замысла и не мечтал стать королем. Он просто хотел испытать другую жизнь подальше от лугов и холмов его привычного мира. Еще мальчишкой он всегда был нетерпелив и любил поспорить, в отличие от своего брата. Он заставлял себя совершенствоваться в воинском искусстве и испытывал страшные муки разочарования при малейшей неудаче.

Любое поражение, над которым Каирн просто бы посмеялся, вводило Ансу в мрачное настроение, которое продолжалось несколько дней. Времена таких детских причуд давно прошли, но ему очень хотелось испытать себя, и он не видел никакого смысла в дальнейшем ожидании.

Его раздражал медленный темп этого перехода. Они должны были приноравливаться к скорости пеших, и

сам путь был мучителен, с многочисленными обходами, переходами по окольным путям, постоянными возвратами на уже пройденные участки. В перерывах рабочим надевали повязки на глаза, заставляли идти после наступления темноты. Он знал, что все это нужно для того, чтобы люди не поняли, где они находятся, что помогло бы сохранить тайну расположения кратера, но то, что на переход приходилось затрачивать десять дней, хотя его можно было бы совершить всего за два, вызывало раздражение.

Анса готов был разрыдаться от счастья, когда наступил последний день перехода в пустыне. Легкий ветерок принес запах воды и зелени. Кабо охранников радостно заржали. Анса попридержал свое животное, когда оно попыталось пуститься вскачь. Он потрепал его по шее и наклонился к уху.

— Полегче, хороший мой. До реки еще несколько миль. Бессмысленно бежать сейчас. Мы будем там до наступления ночи! — Он и сам готов был броситься бегом.

Ночью они разбили лагерь около первой реки на территории Каньона. Это была совсем маленькая протока, но после пустыни все почувствовали настоящее блаженство, однако нужно было тщательно следить за тем, чтобы кабо не выпили слишком много воды и не пали. Рабочие испытывали едва ли меньшую жажду и ринулись вниз по грязному берегу для того, чтобы, растянувшись на животе, пить огромными глотками взбаламученную воду. Воины проявили большую сдержанность и сначала напоили своих кабо, затем продвинулись вверх по течению к более чистой воде и только потом стали черпать воду деревянными чашами, наклоняясь из седел.

Местные жители, населяющие близлежащие деревни, уже давно привыкли к таким посещениям и вскоре появились с теми товарами, которых, как они знали, страстно желают прибывшие гости. Свежая еда и крепкие напитки пользовались большим спросом. По меркам номадов, деревенские женщины были некрасивы, но некоторые из них выделялись из основной массы и находили много нетерпеливых поклонников среди рабочих, которые были счастливы потратить свои деньги до того, как их отберут сборщики налогов.

Анса сидел у костра вместе с товарищами, ел, пил и говорил без умолку, по незапамятной традиции воинов, свободных от службы. Нежное мясо жирных домашних животных для них было роскошью, после того, как целыми днями приходилось довольствоваться жесткой дичью или сидеть на сухом пайке. Периодически король выпускал новые строгие приказы против злоупотребления вином и пивом, которые были довольно редки у них, хотя сейчас и станови-

лись более доступными, благодаря торговле. Его подданные соглашались с тем, что сии правила разумны, но продолжали не обращать на них никакого внимания при каждом удобном случае.

— Мы остаемся здесь на десять дней, — сказал Булас, пожилой воин племени матва, который командовал этим переходом. — Кабо смогут поесть и попить и даже разжиреть за это время.

— Да и мы тоже, — отозвался один из юношей нетвердым от выпитого голосом.

— Я не вернусь с вами, — заявил Анса.

Булас посмотрел на него через дым.

— Что ты имеешь в виду?

Анса сделал еще глоток приятно горьковатого пива.

— Я думаю остаться здесь и двинуться на юг. Я снова присоединюсь к вам в кратере в следующем году или через год.

— Это неразумно, — сказал Булас. — Тебя могут схватить, посадить в тюрьму и пытать, чтобы ты раскрыл тайну местоположения стальной шахты.

Анса пожал плечами.

— Я заявлю, что являюсь выходцем из северо-восточных племен, рамди или энсата. Чужеземцы не увидят разницы. Даже если они когда-то и побывали по своим делам на нашей территории, мой брат и я не очень-то похожи на эмси или матва.

— И как только ты сможешь вынести это? — спросил эмси того же возраста, что и Анса. — Быть одиноким в чужой стране, без кровного родственника или соплеменника, ужасно. Если заболеешь или получишь ранение, кто позаботится о тебе? Если умрешь, кто совершит ритуальные обряды?

— Я все же попробую, — сказал Анса. — Мы никогда ничего не сможем добиться, не рискуя. — И затем, после паузы, добавил: — Однако я должен признаться, что до сих пор не путешествовал в одиночку. Может, кто-нибудь из вас согласится сопровождать меня? — Он перевел взгляд с одного на другого, но на их лицах было выражение нерешительности. Иного он и не ожидал. Его соплеменники не любили никаких перемен. Объединение народов его отцом было потрясением вполне достаточным для того, чтобы о нем помнили многие поколения, и они не хотели никаких других новшеств. Они любили странствовать, но только сильными группами. В конце концов, он так и не нашел добровольцев.

Спустя несколько дней Анса уехал из лагеря. Его животное снова лоснилось, было полно сил и готово к путешествию. Он распрощался со своими товарищами с лег-

ким сердцем, но как только потерял их из вида, то почувствовал, как его сердце сжалось от волнения. До сих пор он храбрился, но реальность происходящего заставила его призадуматься. Сейчас он был совсем один на пути, который ранее ему не приходилось испытывать. Анса встряхнулся и отбросил печаль в сторону. Он выбрал свой путь и будет следовать по этому нему — будь, что будет.

К полудню его страхи отступили, и он обнаружил, что уже распевает старую песню кочевников народов-эмси. Когда он проезжал мимо полей вдоль дороги, люди, работавшие на них, взглянув на него, не обращали никакого особого внимания. На юноше были короткие сапоги и мешковатые брюки из светлой ткани, подпоясанные широким кожаным поясом. Он надел и рубашку, и светлый плащ, который защищал его от беспощадного солнца; украшения на нем, были либо подарками, либо он приобрел их у торговцев в течение нескольких лет. Никто не смог бы определить его племя по внешнему, и он стал просто еще одним безымянным путешественником, к чему и стремился.

Даже его стальное оружие не будет выдавать его как одного из подданных короля Гейла. Оживленная торговля означала, что оружие из драгоценного металла перестало быть такой редкостью, как раньше. Длинный стальной меч все еще был диковинкой за пределами владений Гейла, но его и нельзя заметить до тех пор, покаАнсе не придется обнажить его, а если такое произойдет, то будет поздно беспокоиться о том, чтобы скрыть свою племенную принадлежность.

Он последовал по руслу реки, которая, извиваясь, протекала по сельскохозяйственным угодьям, и время от времени пересекал странные протоки, ответвляющиеся от реки. Сначала он думал, что они имеют естественное происхождение, но затем понял, что это ирригационные канавы. Земля была столь сухая, что сельское хозяйство стало возможным только при подаче воды из реки. Он знал, что где-то южнее этот приток вольется в великую реку Коллу.

Это была земля Каньона, но местные крестьяне были похожи на рабочих, которых он сопровождал из шахты. Истинные жители Каньона сформировали аристократию, которую многие люди наделяли великой силой магии. Он никогда не видел никого из этих странных людей, потому что они не совершали дальних путешествий и не удалялись на большие расстояния от своих земель, а торговлю вели всегда через посредников. Из всех чужих народов, о которых Анса когда-либо слышал, этот интересовал его более всего. И дело не в богатстве: это было связано с магическими силами, о кото-

рых ходили легенды, и собственной необычностью людей этого племени. Говорили, что у них голубая кожа, волосы белые, а глаза сияют всеми цветами радуги. Они не были особенно воинственными, но ни одна армия не могла устоять против них, хотя многие и пытались. Все такие нашествия были безуспешны, армии возвращались, а генералы и солдаты клялись, что потерпели поражение из-за колдовства.

Ансе было любопытно встретиться с этим народом, о котором часто рассказывал и его отец. Он путешествовал, не ожидая проявления какой-либо враждебности. Большинство людей встречали одинокого путешественника с любопытством, некоторые относились к нему свысока, и совсем редко — с бессмысленной агрессивностью. Люди, живущие в изоляции, обычно стремятся к контактам с внешним миром и приветствуют странников, если те не представляют опасности.

Юноше хотелось поупражняться с луком, но он был не уверен в том, что местный землевладелец не будет возражать. В первую ночь он остановился на ночлег около небольшой реки и наблюдал за поднимающейся на востоке луной, чья поверхность была испещрена черными шрамами,. Он вспомнил песнь с мольбой о прощении, обращенную к луне, которую читал вслух его отец почти каждый вечер на восходе луны, но не решился произнести ее громко.

Давным-давно, во времена огненных стрел, люди ранили луну. Это были времена великого и ужасного колдовства, и люди были наказаны за свою самонадеянность и дерзость. Каждый народ по-своему рассказывает о том, как все произошло, но все сходятся в одном: люди накликали на себя страшные беды, которые и положили конец веку богатства и изобилия.

Ночь становилась все холоднее, по мере того, как дневное тепло рассеивалось в безоблачном воздухе, но Анса даже и не думал разводить костер.

Ярко сияли звезды, постоянные и блуждающие, а также те, которые всходили, быстро перемещались по небу и останавливались, сохраняя необъяснимые интервалы между собой. Некоторые поговаривали, что эти последние звезды были искусственными и что во времена, предшествующие огненным стрелам, люди действительно жили на небе на этих крохотных островках.

Юноша полагал, что из всех древних легенд в эту труднее всего поверить, но если люди действительно смогли напасть на луну с помощью огненных стрел, то возможно также и то, что они сумели построить деревни на небе. Мир был по-

 лон тайн и загадок, но он знал, что эту ему не разре-

шить никогда. После того, как он проверил, что его кабо в порядке, он завернулся в одеяло и заснул.

Сны были тревожные: с расплывчатыми угрожающими лицами, яркими огненными вспышками, с безбрежными мутными водами. Он проснулся в поту, затем заснул снова. К утру он уже мало что помнил из своих ночных видений, но почувствовал какое-то беспокойство, когда пробуждался и седлал свое животное.

На четвертый день своего одинокого путешествия юноша оказался в лесистой возвышенной местности. Возделываемой земли почти не было, но крестьяне пасли стада каких-то невиданных карликовых винторогов, и дичи было бесчисленное множество. Местность оказалась изумительно красивая, скалистые холмы и лощины сияли яркими красками, словно нанесенными широкими горизонтальными мазками. Накануне прошел короткий, но очень сильный дождь и теперь земля была покрыта ковром пышных дикорастущих цветов, которые появлялись как будто по волшебству. Небо было более синее, чем обычно, облака выстраивались в замки и бастионы чистейшего белого цвета. Все это взывало к песне, и юноша затянул короткую балладу странников, сочиненную народом его матери, — намного мелодичней песнопений народа эмси. Пока кабо ловко пробирался по тропе, с одной стороны которой возвышалась скала, а с другой был крутой обрыв, Анса вдруг заметил, что поет с кем-то дуэтом. Несказанно удивленный, он остановился на полуноте. Другой голос взял еще две ноты, а потом оборвался. Голос мог исходить только сверху, поэтому он поднял голову, вывернув шею, и увидел неясные очертания какой-то фигуры на скале высоко над ним. Он не мог разглядеть никаких подробностей, потому что солнце находилось позади этой фигуры.

— Кто ты такой? — спросил он, досадуя на то, что подошел так близко к другому человеческому существу, не замечая этого.

— О, пожалуйста, не прекращай петь! Такая приятная песня.

Мышцы на спине расслабились, он убрал руку с древка копья. Это был женский голос, молодой и очень нежный.

— Ты все еще не сказала, кто ты, — повторил он вопрос.

— А почему я должна? — сказала она. — Это моя земля, а не твоя. — У нее был странный акцент, но он хорошо понимал ее.

— Верно, — улыбнулся он, но эффект был испорчен тем, что он вынужден был прищуриться. — Меня зовут Анса, я родом с северных равнин. Но ты застала меня врасплох. Я не могу видеть тебя там, наверху.

— Мы можем исправить это. Проезжай вперед еще несколько сотен шагов, пока не кончится тропа, и окажешься на небольшой поляне. Там я присоединюсь к тебе. И не пытайся ехать дальше без меня. — Затем фигура исчезла.

Он двинулся вперед, и через несколько минут тропа слегка пошла вверх, выводя его на поросший травой луг, описанный женщиной. Он остановился и пустил кабо пастись. Спустя несколько минут к нему присоединилась женщина. Она также была верхом, но не на кабо. Его собственный скакун испугался и по мере приближения второго животного стал тревожно всхрапывать. Это оказался уродливый горбач, — животное со скверным запахом, скверным норовом и неуклюжее, но сильное и потрясающе выносливое. Такие были гораздо лучше приспособлены для походов в пустыне, чем кабо.

Наездница была завернута в серый плащ, на голову накинут капюшон, а лицо закрыто сеточкой. Она остановилась в шаге от Ансы и опустила капюшон и вуаль. Ее лицо оказалось нежным и изящно очерченным, и таким прекрасным, как он мог мечтать, — но действительность превосходила все его ожидания. Ее кожа была нежно-голубого оттенка, глаза — лиловые с изумрудным окаймлением. Волосы были белые, но не седые, как в преклонном возрасте, а скорее серебристые. Руки оказались тонкие и изящные, а пальцы невообразимо длинные.

— Я Фьяна из Верхнего Каньона. — Она растянула в улыбке пухлые губы; в ответ улыбнулся и он. — Сегодня утром я дежурю в дозоре. Но не думаю, что нужно поднимать тревогу из-за тебя.

— Нет, уверяю, что я не представляю никакой опасности. Но разве твой народ доверяет сторожевой пост всего одной женщине?

— У меня много способов вызвать подмогу, гораздо больше, чем ты можешь предположить, — сказала она. — И кроме того, эта маленькая тропа мало похожа на дорогу, по которой возможно вторжение.

— Я могу поручиться, что это правда, — сказал Анса. — Но тогда зачем вообще здесь нужен дозор?

— Мы не любим сюрпризов, даже и от друзей, — сказала ему Фьяна. Эта информация была ценной, хотя она сама, возможно, так и не думала. Люди Каньона не были всевидящими, как думали некоторые. Ансе хотелось узнать как можно больше об их ограничениях.

— Мы встречали обитателей равнин, — сказала она. — Они никогда не ходят в одиночку. А ты потерял дорогу и заблудился?

— Совсем нет. Мне стало скучно дома и захотелось

посмотреть новые земли. Мой король не возбраняет дальние путешествия, если его воины не поступают на службу к другим владыкам. Всю свою жизнь я слышал о южных землях и о Каньоне. Я решил посетить некоторые из этих мест до того, как война или преклонный возраст положат конец всем моим путешествиям.

— А вот и моя смена. — Фьяна показала на другой конец маленького луга. Появился еще один наездник, но он уже был на кабо. По мере того, как наездник приближался, Анса увидел, что это совсем юноша. Его волосы были темнее волос Фьяны, глаза желтые, но в остальном сходство было столь большим, что их можно было бы принять за близнецов. Просторный плащ, который был на нем, оставлял открытыми лишь голову и руки. Только по манере держаться Анса признал в нем мужчину, а не женщину. Незнакомец остановился недалеко от них.

— Кто это? — недружелюбно спросил юноша, оглядывая Ансу с головы до ног.

— Гость с севера, — сообщила ему Фьяна. — Он не представляет угрозы.

— Тем лучше для него. — Он проехал дальше, чтобы занять свой сторожевой пост.

Внутренне Анса вскипел от злости. Дома он бы мог вызвать юношу на поединок за его надменное поведение. Здесь же он был лишен такого права.

— Он так враждебно относится ко всем? — спросил он.

— Не обращай на него внимания, — посоветовала Фьяна. — Это Элесси. Его совсем недавно произвели в воины, и он хочет, чтобы все знали, какой он сильный.

— У вас здесь тоже есть такие? Тогда я не стану обижаться. Юные воины, плохо знающие свое оружие, могут вызывать раздражение, но они всегда нападают спереди... как еще они могут заработать себе репутацию? А сейчас не проводишь ли ты меня к себе в деревню? Или у тебя есть еще здесь дела?

— Ничего важного. Просто следуй за мной. — Она повернула животное и поехала величественной иноходью. Кабо Анса, полный подозрительности, последовал за более крупным зверем, соблюдая довольно большую дистанцию, которую невозможно было сократить, как Анса ни старался заставить кабо сделать это.

Менее чем через час они приехали в небольшую долину, почва которой была разделена на возделанные поля, аккуратно огражденные низкими каменными оградами. В любовно ухоженных садах рядами росли деревья, некоторые из которых плодоносили, а остальные были в полном цвету.

Анса был низкого мнения о деревенской жизни, но и он не мог отрицать красоты такого зрелища. Воздух был напоен ароматом, — приятная перемена после бесплодия пустыни.

В дальнем конце долины он увидел группу построек, возведенных по сторонам сужающегося ущелья, из которого вытекал небольшой, но стремительный ручей. Строения естественно сливались с каньоном, стены были выкрашены белой краской, а крыши покрыты обожженной красной черепицей. Все это казалось гораздо привлекательнее, чем деревни, в которых у домов были грязные стены, к чему он так привык.

Они прошли мимо внешнего ряда домов. Очевидно, были и такие, кто готов пожертвовать безопасностью крепостных стен ради того, чтобы жить около своих полей. Впрочем, Анса заметил, что в деревне вообще не было защитной круговой стены. Каковы бы ни были причины, но эти люди казались чрезмерно уверены в своей безопасности и защищенности от нападения.

Перед въездом на пыльные улицы деревни они увидели мелкий домашний скот: крошечных домашних квиллов, домашнюю птицу и жирных двуногих ящериц, выращиваемых ради мяса. Все животные питались отбросами, что и помогало поддерживать в деревне чистоту. Жители деревни встретили пришельца с любопытством, и Анса не увидел на их лицах и тени враждебности.

— Сначала я провожу тебя к старейшине, — сказала Фьяна. — Так принято. Она пожалует тебе почетное гражданство деревни, а потом ты можешь приходить и уходить, если пожелаешь.

— Это мне подходит, — сказал Анса. Он понял, что ему это нравится: находиться в чужой стране, среди чужих людей. Большинство его соплеменников посчитали бы такое положение неудобным, но Анса всегда знал, что этим-то он и отличался от них.

Они остановились перед небольшим домом, который ничем не выделялся среди прочих. Дверной проем по бокам украшали две статуи. В стилизованной форме они представляли мужчину и женщину. Животное Фьяны встало на колени, и она плавно выбралась из седла. Она небрежно поклонилась каждому изваянию, затем вошла в дом. Анса спустился со своего кабо и стоял, оглядываясь вокруг. Он не мог найти удобного места, чтобы привязать животное, кроме одной из статуй. Но он знал, что так делать нельзя, поэтому продолжать держать поводья, чувствуя себя неловко и ожидая дальнейших событий.

Несколько минут спустя из дома появилась Фьяна,

за ней следовала высокая женщина в полосатой одежде. Она сложила вместе кончики пальцев и слегка поклонилась.

— Добро пожаловать, воин. Я Улла, старейшина этой деревни. Войдешь в дом? Имасса присмотрит за твоим кабо. — При этих словах у локтя Ансы появился мальчик. Анса с сомнением смотрел на него.

— Благодарю, но это зверь с горячим норовом. Может быть, опытный всадник...

Она улыбнулась.

— Имасса умеет прекрасно ухаживать за кабо. Не бойся...

Он вложил поводья в руку мальчика, и тот увел кабо, послушного, как жирный маленький квилл на улице. Анса пожал плечами и проследовал за женщинами в прохладную неосвещенную часть дома. Мебели было мало, но пол и стены оказались покрыты толстыми коврами. Окон не было, а свет проникал через слуховые окна с толстыми стеклами. По жесту Уллы, все трое сели на вышитые подушки, размещенные вокруг низкого резного инкрустированного деревянного столика. Женщины ничего не говорили, молчал также и Анса.

Из задней комнаты появилась молоденькая девушка с подносом, на котором стояли кипящий кувшин и чашки. Фьяна разлила горячую жидкость в чашки. Анса взял одну из них и сделал глоток, внимательно наблюдая за остальными. Он был знаком с таким видом приветственного ритуала, но у каждого народа были свои привычки и обычаи, а он не хотел никого обидеть или оскорбить. Напиток представлял собой ароматный настой трав. Когда он поставил на стол пустую чашку, по всей видимости, женщины были вполне довольны тем, что церемония завершена, и Улла потребовала более существенных закусок.

Анса незаметно изучал женщину. Фьяна называла ее старейшиной, но оказалось, что она только немного старше самой Фьяны. Впрочем, трудно было определить возраст этих людей. Ее волосы тоже были серебряными, кожа имела голубой оттенок, а глаза оказались светло-серыми.

— Фьяна рассказала мне, что ты покинул родные равнины для того, чтобы увидеть мир.

— Я чувствовал себя беспокойно дома, — согласился он.

— А как поживает король, твой отец?

От неожиданности он поморщился, но не стал ничего отрицать, зная, что это будет бесполезно.

— Правда, что вы владеете искусством магии?

Она мелодично засмеялась.

— Магия здесь не нужна. Я встретила твоего отца несколько лет тому назад на ярмарке. Его облик весьма

своеобразен, а ты похож на него. Мне было известно, что у него есть сыновья приблизительно твоего возраста. Я решила, что ты один из них. Не бойся. Король Гейл был нам хорошим другом, и мы сохраним твою тайну, если ты желаешь и дальше путешествовать инкогнито. Маловероятно, что ты встретишь кого-нибудь на юге, кто знает твоего отца.

— Это дает мне некоторое облегчение. Я отвечу на ваш вопрос. У него все в порядке, хотя мы и стали теперь реже видеться. В последние годы он много путешествует на восток. — Он не решился сказать о том, что не давало ему самому покоя все эти годы, а именно, что его отец был целиком поглощен мыслями только о востоке, огненном оружии востока и других странных ремеслах, которыми овладели народы востока. Его жизнь превратилась в бесконечные поиски средств, которые помогли бы ему создать и поддержать преимущество его вооруженных сил над силами его врага, шессина Гассема.

— Да, уже давно он не приезжал по торговым делам, — сказала Улла.

— Не подумайте, что из-за этого он стал меньше ценить Каньон, — ответил Анса, почувствовав надежду на то, что он может проявить хоть каплю дипломатичности от имени отца. — Он считает вас самыми близкими и ценными друзьями.

— Каньон расположен между Равнинами и южными королевствами, — отметила она. Затем, смягчаясь, добавила: — Но я знаю, что король Гейл всегда был бы нашим другом, даже если мы не были бы буферной зоной между ним и его врагами.

— Но Соно и Гран не являются его врагами.

— Скоро они могут стать таковыми, — сказала Улла. — Гассем захватил Чиву, и он не удовлетворится только одной этой страной. Безусловно, он попытается вскоре захватить и другие южные народы. — Она посмотрела на него с некоторой тревогой. — Наверное, такое время не самое подходящее для путешествий по этим землям. На территории Каньона есть многое, что стоит посмотреть.

— И через некоторое время я посмотрю все это, — сказал он. — Но мое сердце подсказывает мне, что нужно увидеть великие города раньше, чем Гассем разрушит их. Помимо этого, — промолвил он,— если положение в этих странах такое опасное, то это и будет еще одним поводом для человека, преданного моему отцу, проследить за этим и сообщить ему.

— Это правильно, — сказала старейшина. — Поживи здесь с нами немного.

Он перевел взгляд с нее на Фьяну. Это, по крайней мере, было легко решить.

— Так я и поступлю.

Глава вторая

Король Гассем восседал на террасе своего дворца в городе Хима. Он избрал этот прекрасный горный курорт, чтобы сделать его своей столицей не только потому, что он был красив, но и потому что он до основания разрушил прежнюю столицу при завоевании Чивы. На широком плацу, простирающемся перед террасой, проводили строевые учения войска, набранного из местных рабов. Рота, за которой он наблюдал, состояла из уроженцев диких племен, живущих в джунглях на южной возвышенности. Они были одеты в яркие шкуры, обильной татуированы и вооружены копьями с кремневыми наконечниками и щитами, обтянутыми шкурами животных. Ему нравился их вид и настрой. Новобранцы, призванные из ближайших деревень, отличались покорностью, представляли определенную ценность и с военной точки зрения, но истинными воинами они не были. Они вызывали у него презрение. Он установил порядок формирования по возможности большего числа подразделений из наиболее яростных воинственных народностей на огромных подчиненных ему территориях. В конце концов, война была не просто процессом, нацеленным только на успех. Война представляла собой предприятие, которым следует восхищаться, наслаждаясь его внутренней красотой.

Гассем глубоко вдохнул аромат благовоний, переносимый дымом от жаровен, установленных сверху на каменной ограде. За его спиной стояла королева, массируя мощные мышцы его плеч и шеи. Он удовлетворенно вздохнул, затем сморщился от боли как будто его дернули за волосы.

— Еще один! — торжественно провозгласила королева Лерисса, показывая ему длинный седой волос.

— Моя королева, — сказал он терпеливо, — сколько раз я говорил тебе, что совсем не зазорно иметь несколько седых волос после достижения зрелого возраста. Мне нет и сорока, старческая немощь еще далеко впереди.

— Тем не менее, — настаивала она, — наши подданные смотрят на нас, как на образцы совершенства. Мы не можем стать ниже этого.

Он вздохнул.

— Да, ты все еще не понимаешь красоты абсолютной власти. Наивысшее удовлетворение приносит знание того, что даже если ты стар, безобразен и болен, народ все еще должен ползать перед тобой на коленях и обожать тебя как бога.

— Ну что ж... — сказала она, оставляя его слова без ответа. Королева подошла к балюстраде и взглянула на город, где из высоких храмов поднимался дым. Король позволил продолжить совершение человеческих жертвоприношений до тех пор, пока никто из его действительно ценного человеческого скота не пострадает, поэтому он и занял место среди обожаемых и почитаемых богов. Гассем восхищался изящной красотой своей королевы, хотя и сожалел о том, что она была так обеспокоена своей внешностью, что он считал излишним. Этим утром на ней было алое шелковое платье до колен. Всего несколько лет назад она редко носила одежду, полагая, что ее ослепительная красота представляет собой вполне достаточное одеяние. Теперь же она волновалась из-за малейших морщинок, недостатков, невидимых для него, и, как он был уверен, для любого другого. Она все еще оставалась самой прекрасной женщиной из всех, которых он когда-либо видел.

— Я получила еще одно письмо от королевы Шаззад, — сообщила она ему.

— А-а... Как поживает наша высокопочитаемая соседка с севера?

Грозная королева Неввы предложила ему длительную и занимательную борьбу за господство над прибрежными народами. Морские реформы, проводимые ею, и предпринимаемые дипломатические маневры в течение ряда лет ограничивали его устремления только югом.

— Чрезвычайно вежлива, как всегда, — сказала Лерисса. — Она называет меня «сестрой королевой» и изливает свои чувства так, как если бы мы были старинными и лучшими друзьями.

— А вы такие и есть, в определенном смысле, — сказал Гассем. — Враги всегда представляют собой самых интересных друзей. Ваши отношения были сложными. В конце концов, некогда она была твоей рабыней.

— Я более не напоминаю ей об этом. Мы были в состоянии войны, она никогда не считала себя рабыней, всего лишь пленницей. — Королева облокотилась о перила, положила свой подбородок на ладонь и устремила взор вдаль. — Она была таким прелестным созданием. О, если бы я смогла удержать ее...

— Да, жаль, — сказал Гассем с сожалением. — Именно они, эта женщина и мой молочный брат Гейл, помешали мне завоевать мир и править им сейчас.

— Возможно, — сказала королева, все еще рассеянно. — Но мир оказался гораздо огромнее, чем мы могли вообразить, когда только начинали завоевания.

— Верно, — сказал Гассем. — И если бы все уже было бы в моих руках сейчас, что бы я делал всю оставшуюся жизнь? — Он улыбнулся королеве. Наклоняясь вперед, она выставила попку с такими же прекрасными округлостями, как в восемнадцать лет... хотя он никак не мог убедить ее в этом. Король поднялся и встал рядом с ней, обнимая ее за талию.

— Что еще она пишет?

Лерисса задумчиво нахмурилась.

— Что ее кузен, новый король Омайи такой же глупый, как и старый король, что в этом году в моде платья из черного шелка, расшитые розовым жемчугом, что ее армия сейчас оснащается стальным оружием.

— Узнаю ее, ведь только она могла вставить такое, — сказал Гассем. Он запустил руки в ее белокурые с пепельным оттенком волосы, наслаждаясь их шелковистостью. — Откуда он берет ее, Лерисса? Как удалось вождю номадов из страны лугов и пастбищ наложить свои руки на такое огромное количество металла, самого драгоценного во всем мире? — Именно этот вопрос не давал ему покоя в течение многих лет.

— Мои шпионы ограничивают район поисков до южной четверти пустыни на границах с Отравленными Землями и северной частью территории Каньона.

— Все еще огромный район, к тому же безводный. Без точного знания места даже великолепно оснащенная военная экспедиция может завершиться катастрофой. Я не осмеливаюсь рисковать такими вещами. Мои люди повинуются мне фанатично, но их энтузиазм может и рассеяться, если пострадает моя репутация непобедимого воителя.

— Хорошо, что ты помнишь об этом, любовь моя, — сказала королева, выпрямляясь. — Оставь свои иллюзии о божественности для покорных поэтов, чтобы они восторгались ею. Только храбрость и смелость в сочетании с умением и ловкостью помогли зайти тебе так далеко. — Она снова посмотрела на прекрасный город, окружающие его угодья и дымящиеся горы вдали. — А ты, на самом деле, зашел очень далеко.

Все это когда-то было великим королевством Чива. Несколько лет тому назад Гассем приплыл сюда как странствующий король-пират, человек, который уже объединил северные острова архипелага и стремился расширить свои завоевания на материке. Он заключил союз с королем Чивы, чтобы расправиться с некоторыми из незначительных соперников монарха на островах и в юго-восточной части материка. За-

тем, после службы Гассема, которой он остался очень доволен, король нанял воинов с островов для подавления восстания в своих собственных провинциях. Вскоре у Гассема были воины уже по всему королевству, и от прежнего правителя не было никакого толка, поэтому он и избавился от него. Среди бывшей аристократии произошли вынужденные кровопускания, но народ это не беспокоило. Все привыкли к тиранам.

Земля была живописной и прекрасной, хотя ему и не нравился тропический климат низин. Это и стало еще одной причиной основания столицы в горах. Воздух здесь был мягким и чистым, цветы росли в изобилии, а его воины и скот сохраняли здоровье. В эти дни он совершал только морские налеты на побережье. Сейчас его грандиозные планы были направлены на восток, где располагались богатые королевства Соно и Гран. Это означало ведение военной кампании в джунглях, что не доставляло ему удовольствия, но Гассем был намерен завоевать весь мир, а эти королевства были ближе всего.

Король встал, и его телохранитель, занимающий место за креслом, быстро принял боевую стойку. Его личная охрана состояла из прекрасных воинов, набранных из элиты шессинов. При себе они имели прекрасные копья с бронзовым лезвием и стальным наконечником, их длинные щиты были черного цвета. Они тщательно следили за своим внешним видом и носили многочисленные украшения. Они были очень высокого мнения о своей храбрости и презирали доспехи.

— Пойдем со мной, — сказал он королеве. — Я хочу кое-что показать тебе. — Она обняла его за мощную талию, а он ее за плечи, — так они и вошли во дворец.

Стены громадного тронного зала были расписаны красочными фресками в ярком стиле Чивы. Местные жрецы в сложных головных уборах с перьями поклонились королевской чете при ее появлении. Рабы различных национальностей выполняли порученные им задания или стояли, застыв на месте, для украшения зала. Некоторых выбрали только благодаря их внешности, их не использовали ни для каких дел, они должны были украшать собой зал и радовать взор короля и королевы. Гассем отпустил всех, кроме личной охраны; кланяясь, они покинули помещение.

Когда все ушли, он перевел свое внимание на пол. Он был покрыт мозаикой, — замысловатая карта отображала мир таким, каким он был им известен. Стилизованное искусство чиванцев не подходило для такого задания, поэтому Гассем ввез мастеровых и картографов из Неввы для выполнения всех работ. Король прошел вдоль своих собственных владений, которые были выполнены черным цветом. Они включа-

ли в себя участок в виде широкого полумесяца, начинающийся с самых северных островов западного моря, продолжающийся в южном направлении и затем изгибающийся на восток прямо на материк, поглощая прежнее королевство Чива и ряд меньших подчиненных государств. Черная линия заканчивалась в горной цепи, означенной хрусталем. К востоку от гор простиралось королевство Соно с реками и долинами, а за ним лежало высокогорное плато страны Гран. Гассем подошел к линии из хрусталя и остановился.

— Мои воины бездельничали целый год, а это плохо. Земли остаются незавоеванными, что неправильно. Я предлагаю исправить это положение. Мои поисковые группы завершили разведку горной цепи. Имеются три прохода, — он показал их положение пальцем ноги, — что предполагает хорошие условия для перемещения армии пехотинцев. Я поведу свою армию к новым завоеваниям. Сегодня я отправлю ультиматумы о сдаче.

Королева изучала карту.

— Через горы? Не будет ли вторжение с моря более безопасным и быстрым?

— Я намерен выслать морские силы, в основном, чиванских солдат, для захвата портов. Но южный берег отвратительный, там существуют такие болезни, с которыми нам никогда не приходилось встречаться. Я потеряю воинов больше из-за мора, чем в сражениях.

Он снова направил свое внимание на горы.

— В любом случае, трудная, напряженная военная кампания с тяжелыми переходами будет полезна для моих людей. Ничего не может быть хуже для них, чем длительный мир, и быстрая легкая война не намного лучше. Все эти перевалы в течение целых столетий использовались как с целью торговли, так и для войны. Они хорошо размечены, а мои разведчики знают все города, скважины с питьевой водой, а также все источники пополнения запасов по пути. Но ни один из проходов в одиночку не сгодится для всей моей армии. Я должен пройти по всем трем. Я поведу северные силы. Два мои лучших генерала примут командование остальными. Я пройду перевал и двинусь дальше, пока не достигну великой реки. Здесь я поверну на юг и соединюсь с остальными силами. Какие бы соноанские войска не оказались между нами, мы возьмем их в клещи и расколем, как орех. После воссоединения мы пересекаем реку и идем на столицу...

— Грандиозный план, — сказала королева. — Но разве мудро так делить свои силы?

— Может быть, и не мудро, но зато дерзко, — сказал

король. — Еще никто и никогда не делал ничего подобного. Армии будут поддерживать связь, используя верховых связных. — Король содержал целый корпус кавалеристов, способных ездить верхом на самых быстрых животных; это были выносливые мужчины небольшого роста, набранные из подчиненных ему народов.

— Как долго будет вестись эта кампания? — спросила Лерисса.

— Один сезон. Мы выступаем сразу же, как только прекратятся дожди, приблизительно через двадцать дней. Я намерен воссесть на трон королевства Соно прежде, чем снова начнутся бури, и ты будешь рядом со мной. — Он улыбнулся и обнял ее. — Сразу же после восстановления порядка в Соно, я пойду на Гран, и тогда юг будет мой.

— А после этого? — спросила она.

Он показал на большую карту.

— Затем наступит время взглянуть на север. Бросок на север широким фронтом позволит окружить Каньон, а это приведет нас на край великой пустыни. Где-то там мы и отыщем стальную шахту Гейла. Война в условиях пустыни потребует тщательной подготовки, но зато награда будет величайшей во всем мире. Имея такой источник стали в моих руках, я полагаю, для меня не останется преград.

— О, любовь моя, твои замыслы великолепны, — сказала королева. — И в отличие от всех остальных людей, ты добиваешься их осуществления. Но... — Впервые в ее голосе прозвучала неуверенность.

— Что такое?

— Каньон. Все говорят, что там великая магия. Никто еще не смог покорить его.

— Что из того? — сказал король, сердито фыркая. — На островах я прежде всего расправлялся с шаманами и колдунами. Что полезного принесли им проклятия и заклинания? Магия ничто, а ритуальные обряды для простаков — глупость. Миром правят деяния. Жители пустыни упадут к моим ногам, как и все остальные, как бы громко ни распевали они свои заклятья.

— Да, ты прав, мой господин. Ты всегда прав. Но позволь мне послать туда своих шпионов, чтобы выяснить их возможности.

Он пожал плечами.

— Почему бы и нет. Любые сведения полезны, да и район плохо отражен на картах. Пошли туда опытных людей, которые много путешествовали, таких, которых не смогут обмануть фокусы магов и заклинателей и которые не

поверят любой глупости, какую им придется услышать. Мне нужные абсолютно надежные данные. Они должны точно различать то, что они видят собственными глазами, от того, что они просто слышат.

— Почти все мои шпионы именно такие, — сказала королева. — Но должна ли я дать им специальные указания? Разве мои отчеты когда-нибудь тебя подводили?

— Никогда, моя королева, — с готовностью согласился он. — Только в этом случае нам придется иметь дело с особым народом и местом, в котором любой человек предрасположен поверить самым фантастическим вещам.

— Я учту это, мой господин. — Именно за это качество она и ценила своего мужа более всего. Храбрость, ум, честолюбивые замыслы, безжалостность также были свойственны Гассему, но именно ясность ума выделяли его среди всех остальных. Это качество превратило его из покорного воина с Островов во всемогущего завоевателя, для которого великолепные троны были простыми игрушками.

— Проследи же за этим.

* * *

В приемной, примыкающей к ее апартаментам, королева встретилась с офицерами разведки. Этот вид деятельности был возложен полностью на королеву. Планирование и исполнение военных кампаний были сферой деятельности только короля. Он знал, что разведка имеет первостепенное значение, но не испытывал вкуса к этой работе, и потому верил своей королеве безоговорочно.

Она сидела во главе длинного стола, вдоль которого сидела дюжина мужчин, — в большинстве своем, странствующие купцы, способные проникать везде, не вызывая ни малейших подозрений. Двое были из общины бродяг-паланов; они носили кольца в носу и в ушах, соединенные цепочкой, с которой свисали крохотные колокольчики.

— Слуги мои, — начала королева, —король желает получить от вас определенные разведывательные данные, которые были бы столь же удовлетворительны, как и те, которые вы предоставляли в прошлом. — Она перевела взгляд с одного на другого, и каждый поклонился в знак признания ее полной власти.

— Народы Соно и Грана, — продолжала она, — нам достаточно известны, и мой господин вполне доволен вашими услугами в этих местах. Сейчас он желает узнать о землях, расположенных к северу от тех мест, Каньоне, и пустынном пространстве далее, так называемых Отравленных Землях.

— Моя госпожа, — сказал один из них, мужчина с бородкой, выкрашенной в зеленый цвет, — торговцы часто бывают там, но обычно они посещают сезонные ярмарки. Население там немногочисленное, и необычно большое число торговцев, проявляющих назойливое любопытство в тех местах, куда они раньше редко заглядывали, может вызвать подозрение.

— Я подумала об этом, — сказала Лерисса. — Если вас спросят, то следует просто ответить, что вы разыскиваете сталь, что король Гассем страстно желает получить побольше металла и предлагает высокую цену за него. Эта причина вполне достаточна, чтобы разослать торговцев, рыщущих по всей земле в поисках новых залежей. Это вполне разумно и законно.

— Что точно ты хочешь узнать, моя королева? — спросил остроносый седобородый мужчина в богатых одеждах старшего купца.

— Прежде всего, обычные разведывательные сведения, необходимые для армии: точное размещение и расположение всех деревень, вплоть до самой маленькой, все данные о населении, источниках воды, пастбищах, сельскохозяйственных угодьях и прочее. Все остальные ресурсы: полезные ископаемые, домашний скот, охотничьи угодья или люди, владеющие особым мастерством и навыками. Все сезонные особенности, такие, как время возможных наводнений при выходе рек из берегов, время выгона скота на пастбища и их готовность для этого, и все остальное, что могло бы помогать или затруднять перемещение и действия нашей армии. И мне нужны карты, точные карты.

— В сущности, это мы и можем сделать, — сказал седобородый мужчина.

— Моя королева, — сказал палан, и его колокольчики чуть слышно звякнули. — Жители Каньона...

— Что? — резко прервала королева.

— Ну, говорят, что они владеют магией. — Он нервно взглянул на остальных. — Могущественной магией.

— Я не верю в это, — сказала она, наполовину искренне, ибо все же не полностью разделяла скептицизма своего мужа. — Однако, если они владеют такой магией, мне бы хотелось знать об этом. — Она презрительно посмотрела на них, замечая их смутные дурные предчувствия. — О, господа, неужели вы действительно думаете, что могущественные чародеи будут напрасно растрачивать свои мрачные заклинания на простых странствующих торговцев и купцов? Несомненно, у таких людей, как вы, которые храбро встречают и преодолевают любые опасности в поисках новых рынков, не может быть и детских страхов. — Довольная, что все они были доста-

точно смущены, королева обратилась к седобородому. — Мастер Хилдас, были ли какие-либо сведения от людей, посланных на поиски стальной шахты?

— Большинство уже вернулись с малым количеством информации, представляющей ценность. Пустыня огромна и враждебна. Двое из посланных еще не представили никаких сведений, Ингист и Хаффл. Они поклялись, что не вернутся обратно, пока не добудут тех данных, которые вам нужны.

— Были бы все мои слуги так непреклонны, — сказала она. — Я помню этих двоих, они храбры и находчивы. Сколько времени они уже отсутствуют?

— Чуть более двух лет, моя королева, — сказал Хилдас. — Последнее донесение я получил от них почти год назад, в нем они сообщали, что нашли очень странное племя, живущее в пустыне, в котором люди ездят верхом на птицах, не умеющих летать. Они похожи на наших птиц-убийц, но приручен-ных.

— Птичьи наездники! — улыбнулась королева. — Мир полон чудес. Если они не погибли, то, может быть, мы скоро и услышим от них что-нибудь. Что же касается всех остальных, то подготовьтесь к этому заданию. Слава королю!

— Слава королю! — ответили они хором.

* * *

— Слава королю! — Эхо пронеслось над долиной и было подхвачено тысячами воинов, которые выстроились шеренга за шеренгой в своих полках, готовые к смотру.

Король и старшие офицеры стояли наверху каменной платформы, расположенной на одном конце огромного поля для парадов, сооруженного каким-то давно забытым королем. Ряды статуй окаймляли мощеный плац, каждая была выполнена в два человеческих роста и изображала приземистое сидящее на корточках божество с лицом животного. Король поднял сверкающее копье, и армия двинулась на смотр, подразделение за подразделением.

Гассем отсалютовал каждому подразделению, когда оно проходило мимо смотровой трибуны. Он любил эту церемонию. Никогда у него не возникало более острого ощущения собственной власти, чем на смотре войск.

Первыми шли его любимицы, воины-женщины, призванные из примитивных племен, живущих в джунглях, на побережье и в горах. Их с самого детства воспитывали для служения королю Чивы, а теперь королю Гассему, они могли побеждать врагов простой свирепостью своего внешнего

вида. Они имели на теле насечки и татуировки, в губы и уши были вдеты специальные вставки, а с сосков груди свисали украшения, продетые через них. Перья и шкуры животных, которые они носили, подчеркивали их свирепость, а оружие — короткие копья, мечи и топорики — было наилучшим из того, что Гассем мог приобрести для них. В бою они были беспощадны.

Следующие подразделения имели более обыденный вид. В них были набраны рекруты из крестьян, полезные при затяжных боях, которые предполагали большие потери в живой силе.. Их щиты были сделаны из шкур животных, или же плетеные. Доспехи офицеров, изготовленные из специально обработанных бамбуковых планок, были покрыты разноцветными блестящими красками. Они были вооружены копьями с кремниевыми или бронзовыми наконечниками, у большинства были булавы с каменными набалдашниками.

Мимо трибуны промаршировал отряд, набранный с южного побережья. Черные волосы воинов были собраны на макушке в плотные узлы, их длинные усы свисали ниже подбородка. У каждого был лук выше самого воина и колчан со стрелами длиннее человеческой руки. На них были только килты, никаких доспехов, и длинные ножи за поясом.

Критическим взглядом Гассем проводил следующее подразделение, проехавшее легким галопом мимо трибуны. Это была кавалерия, всадники на кабо, набранные из нагорий Чивы. Сначала король хотел создать тяжелую кавалерию, но затем разочаровался в воинских достоинствах солдат и эффективности действий воинов-всадников. Собственными глазами он неоднократно имел возможность убедиться в том, что действия всадников-лучников Гейла были абсолютно эффективными и приводили к полному поражению противника, но его собственные всадники не были рождены в седле, как номады Гейла, и не могли изготовить такие же замечательные луки. В предстоящей кампании он не намерен всерьез зависеть от таких всадников. Говорят, что климат джунглей наносит вред здоровью животных.

После отрядов покоренных народов пошел основной костяк его армии: островитяне. Они были набраны из разных племен, но все отличались непревзойденной воинственностью. Мягкость и упадничество населения материка не затронуло их. Гассем полностью доверял их военным качествам.

Последними прошли воины-шессины, его гордость и радость. Эти люди родились там же, где и сам Гассем. Высокие, стройные, сильные воины с кожей бронзового оттенка и волосами от почти белого до темно-золотистого цвета,

они были необыкновенно красивы и вполне сознавали это. Везде их можно было узнать по умело изготовленным красивым бронзовым копьям и длинным черным щитам. Гассем положил конец междоусобным племенным войнам на островах, и теперь у него было такое огромное число воинов-шессинов, о котором раньше он не мог и мечтать. Здесь были и ветераны, служившие ему уже в течение многих лет, и новобранцы, только что прибывшие с островов, чьи волосы были заплетены в бесчисленное множество крошечных косичек.

Гассем дорожил жизнью своих воинов. В сражениях они представляли его резерв, который вступал в бой только в случае крайней необходимости или когда нужно было заканчивать битву быстрым и мощным броском. Они, в свою очередь, обожали его с той страстностью, которую жители материков дарят только своим богам.

На островах в юности эти люди охраняли племенной скот. Они создали воинское братство, им запрещалось жениться до тех пор, пока они не получат статус старшего воина, что обычно бывало в возрасте тридцати лет. Гассем изменил все. Он отменил общины и дал людям рабов для выпаса скота. Теперь все воины посвящали себя исключительно войне. Он поощрял ранние браки и приветствовал рождение большого числа детей, что помогло бы укрепить его военные силы. Но ему всегда не хватало воинов-шессинов.

— Они готовы, мой король, — сказал офицер со шрамом на лице, стоявший рядом с ним.

— Действительно готовы, — сказал король с чувством глубокого удовлетворения. — Мы выступаем завтра. Люо, ты поведешь свои войска через средний перевал. Урлик, южный проход твой. — Урлик командовал воинами асаса, островитянами, похожими на шессинов во всем, кроме темного цвета волос и глаз.

— Как прикажет мой король, — сказал командующий войсками асаса. — Как ты разделил армию?

— Каждый из вас должен иметь полк шессинов; я возьму остальных. В войске Люо и в моем будет по одному небольшому эскадрону. От них мало пользы в сражении, но для разведки они могут быть очень ценны. Урлик, ты примешь остальных. Территория к югу более подходит для них.

Урлик кивнул.

— Хорошо. У меня есть несколько соображений по их использованию, и эта кампания как раз подойдет, чтобы это проверить.

— Превосходно, — сказал король. — Пришли мне полный доклад, если твои идеи сработают. — Гассем поощ-

рял своих офицеров вводить новшества и проверять их. Он изобрел новую систему ведения войны, и поэтому ему не мешали никакие воинские традиции.

Они разделили армию на воинские соединения. Под прямым командованием Гассема была почти половина армии. Два других командующих принимали остальную часть. Их задача включала в себя проведение разрушительных действий на захваченных территориях, вплоть до достижения реки, где они должны будут удерживать свои позиции. Им было строго предписано избегать открытых сражений и, в случае необходимости, избегая их, они должны были отступать на север.

Основные боевые действия начнутся только после воссоединения армий. Деление войска прошло гладко. Трое командующих работали бок о бок в течение многих лет, и Гассем прислушивался к их советам. Его помощники были одинаково талантливы.

Проблем с боевым духом армии не было. Воины жаждали начала военной кампании, рекруты из крестьян с готовностью подчинились. Победа будет означать добычу и возможность продвижения по службе, — никто не сомневался, что Гассем добьется своего. Оставался риск погибнуть в бою или на марше, но отказ или дезертирство означали неизбежную смерть. Война была просто еще одним риском в жизни, которая и без того трудна и неопределенна.

Армия Гассема двинется с минимальным воинским имуществом. Предполагалось, что солдаты сами соорудят себе жилища, по мере необходимости. Даже Гассем не брал с собой шатер. Вьючных животных взяли совсем мало, а повозок вообще не было.

Король покинул плац, вполне удовлетворенный приготовлениями. Этим вечером он держал совет с королевой.

— Ты, конечно, возьмешь меня с собой! — сказала Лерисса. — Я всегда была рядом, с самого начала твоих завоеваний, и хочу остаться с тобой и сейчас.

— Не в этот раз, малышка, — возразил он. — Раньше, когда мы были на островах или совершали набеги на побережье, ты могла оставаться на судне, пока я не устраивал надежную базу. Этот марш будет долгим и трудным, и хотя я и знаю, что ты не поддаешься трудностям, я не желаю подвергать тебя таким испытаниям.

— Но тогда я пропущу все военные действия! — Она всегда наслаждалась кровью и возбуждением битвы, глядя на то, как ее муж уничтожает врагов или превращает их в запуганных, убегающих трусов.

— О, у тебя сердце воина, моя королева! — Он придвинулся к ней, гладя ее по пепельным волосам. — Но мне нужно, чтобы ты здесь сохраняла для меня трон. Я уже не возглавляю воинственный отряд людей, не имеющих корней. Я управляю королевством, и не могу доверять никому, кроме тебя. Сохрани трон для меня!..

Она немного успокоилась.

— Будет ли абсолютной моя власть во время твоего отсутствия?

— Ты будешь как богиня для наших подданных. Жизнь, смерть, свобода, тюремное заключение или рабство... все будет в твоих руках. По твоей воле будут совершаться наказания и помилования. Устанавливай дипломатические отношения в свое удовольствие. Казна — твоя. Выполняй все строительные проекты, о которых ты столько говорила раньше. Осуществляй королевское правление так, чтобы твои подданные униженно склонялись перед тобой.

— Очень хорошо, моя любовь. — Ей было искренне жаль пропустить военную кампанию, но это казалось ей еще более стоящим. Она знала, что король счастлив освободиться от такой ответственности. Как и у большинства воинов, в его характере имелась и лень. Безгранично энергичный в любом виде деятельности, имеющем отношение к войне, он терял терпение в повседневном управлении королевством. Она, с другой стороны, наслаждалась этой работой.

— Я знал, что тебя обрадуют такие перспективы. А теперь посмотри, что я тебе приготовил. — Он щелкнул пальцами, и в комнату вошел раб, неся длинный сверток, завернутый в богатую парчу. Гассем взял его у раба и передал в руки своей королевы. Улыбаясь, она откинула тяжелую ткань, под которой лежало миниатюрное копье, сделанное целиком из стали. Оно было выполнено в форме копья шессинов, точная копия собственного знаменитого оружия короля.

— Это твой скипетр. Пусть остальные короли владеют своими коронами, посохами, украшенными драгоценными камнями, и тронами. Мы знаем истинный символ власти!

Она крепко обняла его.

— С этим я стану управлять твоим народом так же строго, как и ты, моя любовь, — поклялась она. — А ты привези с войны побольше сокровищ. Некоторые мои проекты будут дорогостоящими.

Смеясь, король заключил ее в объятия.

Глава третья

Всю свою жизнь я слышу о Каньоне, — сказал Анса. — Сейчас я нахожусь на территории Каньона и не вижу ничего особенного. — Он выехал на охоту с Фьяной, которая ехала перед ним на маленьком послушном кабо. Для него это было большое облегчение, потому что ему были отвратительны безобразные животные с дурным запахом и норовом.

— А что же ты ожидал увидеть? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Я и раньше бывал в каньонах. Мне говорили, что этот больше.

— Это так, — подтвердила она. — Этот каньон самый большой в мире. Он огромен, как королевство.

— Это королевство? — спросил Анса. Она одарила его самодовольной таинственной улыбкой, которую он часто видел у жителей Каньона и очень не любил.

— Нечто подобное. Это не является королевством в том смысле, в каком его понимают многие народности. Это собственно сам Каньон, а также высокая засушливая узкая территория вокруг него, которую мы называем Красочными Землями. Затем к западу простираются более низкие земли около большого озера, мы называем их Зоной. И, наконец, на севере пустыня. Все вместе взятое известно чужестранцам как Отравленные Земли.

— Но разве все это и составляет королевство? — настаивал он.

— Ну, в Зоне живет один человек, который называет себя королем, и мы, жители Каньона, присягнули ему на верность. Это, по меньшей мере, упрощает наше взаимодействие с зарубежными землями.

Он чувствовал, что она дразнит его, но не мог придумать остроумного ответа.

— Я никогда не слышал о земле с таким множеством наименований, — сказал он. — Почему Зона? Почему Отравленные Земли?

— Все это очень древние наименования, сохранившиеся еще со времен огненных стрел и великой катастрофы. Мы не употребляем их.

— Я надеялся узнать побольше об этой земле, — разволновался Анса. — Мне кажется, что ты препятствуешь мне в этом.

— Для того, чтобы правильно понять и узнать эту или любую другую землю, ты должен пожить там длительное время и изучить обычаи народа. — Она внимательно смотрела на склон холма, поросший кустарником, приложив палец к губам и призывая его к молчанию.

— Тс-с... — цыкнула она на него, указывая вправо. Он увидел молодое животное с витыми рогами, пасущееся в кустарнике в сотне шагов от них. Верхняя губа создания была вытянута в длинное хватательное приспособление, которое животное заворачивало вокруг веточек, методически обрывая листья и засовывая их пучками в рот.

Анса взял из колчана стрелу. Медленно поднял лук и оттянул тетиву назад до отказа, прицеливаясь в нужную точку за плечом. Тетива слабо звякнула, когда он отпустил ее, и стрела устремилась вперед, описывая дугу. Она вонзилась в длинную шерсть на боку животного, и Анса испытал удовлетворение от точного попадания в сердце. Винторог удивленно встрепенулся, завертелся, сделал два длинных прыжка, затем рухнул на землю. Ноги дернулись, и он застыл.

— Хороший выстрел! — сказала Фьяна. — Ты не преувеличивал, когда рассказывал о лучниках своих земель.

— Расстояние до неподвижной мишени было небольшим, — сказал он скромно. — Давай заберем его. Придут и другие. Такие звери не бродят в одиночку.

— Мы устроим праздник для всей деревни, — сказала Фьяна.

— Фьяна, ты отведешь меня в Каньон? Я хочу на него посмотреть.

Она подъехала к мертвому животному и спрыгнула на землю, достала цветную палочку из дорожной сумки и на лбу животного нарисовала ритуальный знак. Потом взглянула на Ансу.

— Да. Я отведу тебя туда.

* * *

Они выехали из деревни утром, но уже сейчас воздух стал другим. Сначала Анса подумал, что это от холода, но он знал, что это невозможно.

Большую часть дня они поднимались в гору, но не так высоко, чтобы температура могла бы упасть. Он чувствовал, что воздух заряжен какой-то энергией, которую он не может ни увидеть, ни как следует почувствовать. Юноша

потряс головой, будучи не в силах выразить все это словами. Он решил, что здесь должно жить великое множество духов.

Вид деревьев тоже был ему не известен, с темной корой и переплетенными ветвями, усеянными благоухающими темно-зелеными иголками. Земля была покрыта толстым ковром прошлогодних желтых иголок, и каждый шаг кабо приносил свежую волну чистого аромата. Земля, по которой они ехали в течение целого дня, была яркой и красочной, но животных почти не было видно.

Если не считать шума, который они производили сами, было тихо, как будто земля погрузилась в великое безмолвие. В других местах тишина казалась Ансе зловещей и подозрительной, а здесь она располагала лишь к отдыху.

— Моему отцу понравилось бы это место, — сказал он, когда появились длинные тени деревьев от заходящего солнца.

— Почему это? — захотела она узнать.

— Больше всего на свете он любит две вещи: духов и спокойное место для созерцания. Тут все это есть.

— Ты думаешь, здесь живут духи?

— А разве нет? — спросил он удивленно. — Я не шаман, но даже я могу почувствовать силу этого места.

— Именно так, — сказала она. — Мой народ не говорит о духах, но, может быть, мы подразумеваем одно и то же.

Он нашел, что она отвечает туманно, но он уже и не надеялся получить от нее простой и ясный ответ. Они ехали до глубоких сумерек, когда юноша уже ничего не видел на расстоянии ста шагов. Он бы остановился раньше, но гордость не позволяла потребовать привала. Когда Анса уже едва различал свою спутницу впереди, он решил, что уже хватит.

— Глупо ехать в темноте. Ты можешь потеряться.

Она оглянулась, и он увидел, как во мраке блеснули ее белые зубы.

— О, я хорошо знаю эту дорогу. Мы проедем еще чуть-чуть вперед и остановимся на ночь.

Досадуя на то, что он заговорил, Анса поехал дальше. Както смутно он чувствовал себя приниженным. Они ехали вперед еще несколько минут, затем остановились и спустились с седел. Они привязали своих кабо к деревьям и сняли седла и упряжь. Анса вычистил своего кабо и начал ухаживать за животным Фьяны. Тут он увидел оранжевый отблеск. Она разложила костер.

— Я не слышал, как ты высекала огонь.

Она взглянула на него из-за языков пламени.

— Есть и другие способы разжечь костер.

Он начал чистить животное грубее, чем нужно. Опять эти фокусы... Животные стояли близко, их было хорошо видно; он подошел к костру и сел на одеяло. Она подала ему кожаный бурдюк, и он стал пить большими глотками. Разбавленное водой вино с травами было приятным после длительной езды без питья.

— Почему ты говоришь загадками, если разговариваешь вообще? — спросил он у Фьяны.

— Я не говорю загадками и не пытаюсь смутить тебя, — сказала она. — Но есть многое, на что не так просто ответить. Как ты объяснишь про стрельбу человеку, который никогда не видел ни лука, ни стрел? Как ты объяснишь различие между неподвижной мишенью и мишенью, которая движется?

Он немного подумал.

— Я бы показал.

— Ты можешь так сделать, если у тебя под рукой окажется лук. Даже если ты так сделаешь, то тот, кому ты показывал все это, не сможет взять твой лук и воспользоваться им так, как ты, не правда ли?

— Нет, не сможет, — согласился он. — Я начал стрелять еще мальчишкой, но почти достиг зрелости, когда овладел мастерством. — Он подбросил ветку в огонь, и из костра вылетел целый сноп искр.

— Но стрельба из лука это всего лишь ловкость рук и требует нескольких простых орудий. А насколько же труднее выразить то, для чего используется только разум и что переплетается со всем образом жизни?

— Я не думал об этом именно так. Все равно мне бы очень хотелось, чтобы, начиная с этого момента, ты всегда рассказывала мне что-нибудь, вместо того, чтобы просто улыбаться так, как будто бы ты владеешь каким-то тайным знанием, которое невежественный чужестранец не имеет даже надежды понять.

Он увидел, что она смущена.

— Прости. С этого момента я буду стараться изо всех сил, чтобы объяснить тебе все. Хотя боюсь, что мне это не удастся.

— Это уже кое-что, — сказал он. — Ну, а сейчас скажи мне, далеко ли Каньон?

— Нет, не далеко. На самом деле, я посоветовала бы тебе не бродить ночью в темноте. Ты можешь упасть в него.

— Все еще играешь со мной, — пробормотал он, расстилая свои одеяла. Анса воткнул копье в землю тупым концом, положил меч и нож на седло так, чтобы их было удобно схватить, если неприятная неожиданность прервет его сон.

Юноша полежал немного без сна, сплел пальцы рук

и положил их под голову. Подул мягкий, прохладный легкий ветерок, и деревья над головой отозвались на малейшее движением воздуха легким шорохом, похожим на вздох, что было удивительно приятно. Он закрыл глаза и решил, что, как бы она ни твердила обратное, все-таки это место наполнено духами.

Анса проснулся ранним утром, когда еще серел рассвет. Сразу же, еще не шевелясь, он огляделся вокруг. Все было спокойно, и он не почувствовал никакой опасности, но сел медленно и осторожно. Кабо дремали, опустив головы. С другой стороны костра лежала Фьяна, завернувшись в одеяла, из которых виднелась только белокурая макушка.

Он тихо встал, взял пояс с оружием. Крадучись, как при выслеживании добычи, юноша бесшумно пошел в сторону от лагеря.

Когда он отошел на достаточно большое расстояние и лагерь было почти не видно, он положил оружие на землю и приготовился облегчиться.

Когда он вышел за деревья и огляделся, земля, расстилающаяся перед ним, показалась ему очень необычной в этих предрассветных сумерках. Расстегивая штаны, он несколько раз сощурился, чтобы поправить зрение, но вид, открывающийся перед ним, оставался странным. Затем он решил, что это жуткое место повредило ему и слух, потому что он не услышал привычного журчания мочи на сухих иголках. Анса взглянул вниз, и его сердце ушло в пятки и осталось там, когда он увидел, что его струя, изгибаясь дугой, падала вниз в пропасть глубиной по меньшей мере в тысячу футов. Он стоял на краю ужасной бездны, которую не видел ни разу в своей жизни.

Подняв глаза, он понял причину своего замешательства. Каньон был столь невообразимого размера, что разум, не подготовленный к этому, даже не смог бы просто воспринять его масштабы. Это был провал в земле таких обширнейших размеров, что горы, расположенные в его чаше, казались совсем маленькими.

Стало светлее, и проявились краски Каньона, некоторые совсем нежные, а другие ослепительно-яркие. Время, ветер и вода разъели скалы, придав им такие формы, которые могут только присниться во сне. Истерзанная, но прекрасная земля чудес простиралась перед ним, уходя далеко за горизонт. Потрясение и мгновенный ужас рассеялись, юноша испытал глубокое чувство ликования.

Хотя его и потрясло все то, что он увидел, он был рад, что обнаружил это место именно таким образом,

вместо того, чтобы узреть его постепенно и слушать рассказы Фьяны о том, что им следует ожидать, медленно двигаясь вперед.

— Он прекрасен, не правда ли? — Он услышал ее голос со спины, торопливо застегнул брюки и повернулся.

— Мягко сказано. Прошлой ночью я подумал, что ты потешаешься надо мной, когда сказала, что я могу упасть в темноте. Я почти и упал.

Она подошла к нему на край головокружительной пропасти и показала вниз.

— Посмотри. Видишь серебряную ленту, извивающуюся вокруг основания вон того холма?

— Вижу, едва-едва. Эта маленькая речушка? — Он все еще не мог определить точный масштаб.

— Это река Колла.

— Не может быть! — воскликнул он. — В этом каньоне есть даже горы. Но каким образом эта могучая река может выглядеть такой маленькой? Какой он глубины?

— В этой точке более одной мили. Это одно из самых глубоких мест.

— Правда? Миля на ровной земле не кажется столь огромным расстоянием. Но все меняется, когда смотришь вниз. А каковы ширина и длина?

Она показала прямо вперед.

— Ширина более двадцати миль от одной стороны до другой. — Она развела руки в стороны. — По меньшей мере, двести миль от края до края.

Он сел на самый краешек, спустив ноги в пустоту.

— Мне кажется, я смог остаться здесь на год и никогда не устать, глядя на него.

— Еще даже не рассвело полностью. Подожди, пока все не увидишь при свете. Вид, особенно все краски, меняются с каждым часом. Кажется, что даже сами формы скал и холмов меняются в течение дня.

— Я рад, что мне удалось его увидеть. Иначе я бы упустил это великолепие. — Огромные выступы скал под ним сплошь заросли кустарником и даже небольшими лесами. Животные паслись среди этой растительности, некоторые объедали листья и побеги, но с того расстояния, на котором он находился, они казались ему насекомыми.

— Куда мы двинемся отсюда? — спросил он, нехотя отводя свой взгляд от каньона.

— Приблизительно через пять миль к востоку есть тропа, которая ведет вниз. Потребуется почти целый день, чтобы спуститься туда.

— Меня вообще удивляет, что этот путь можно проделать всего за один день.

Они вернулись в лагерь, взяли свои пожитки и животных, и Фьяна повела всех к пруду среди камней, вода в который поступала из маленького ручья. Они напоили животных, затем сели в седло и поехали на восток вдоль края Каньона.

— Я не увидел и признака присутствия человека, — заметил Анса.

— Это место столь огромно, что иногда я думаю, что если бы собрать всех людей мира и поместить в одно из узких ущелий Каньона, их невозможно было бы увидеть с высоты почти любого места на краю, — ответила она. — Там немало городов, но они сливаются с окружающей природой. Некоторые даже врыты в стены. Вдоль реки много полей, но большинство людей живет разведением домашнего скота.

Тропа оказалась хорошо протоптанной, но узкой, почти по всей ее протяженности зияли умопомрачительные обрывы. Она извивалась, спускаясь вниз, петляя каждую сотню ярдов. Через определенные интервалы она выходила на широкие выступы, где они и отдыхали. В течение всего спуска Фьяна развлекала его, объясняя то, что они видели, и пересказывая описания чудес Каньона.

— Здесь растут такие растения, которых более нет нигде, — сказала она. — Здесь есть целебные травы, растения, которые вызывают видения, растения, из которых ткут ткани, а также растения, которые используют для окраски тканей. На каждом выступе своя особенная растительность, что можно заметить при спуске.

Они подошли к уступу, на котором странные животные объедали листья на ветках; подняв головы, увенчанные пальчатыми рогами, они уставились на пришельцев. У этих созданий были короткие туловища, стройные ноги, заканчивающиеся ступней с когтями. Шкуры были покрыты желтовато-коричневыми и красновато-коричневыми пятнами, что позволяло им сливаться с окраской стен отвесных скал, расположенных поблизости.

— Это скалолазы, — объяснила Фьяна. — Их всегда можно здесь увидеть, они никогда не поднимаются вверх на край и не спускаются вниз на дно. Для этого они и используют когти.

— Кажется, они ничего не боятся. На них никто не охотится?

— В Каньоне никогда не охотятся на животных. Здесь они... другие. Не то, чтобы они просто имели другой вид, чем остальные звери, хотя животные, родившиеся и живущие в Каньоне, совсем не похожи на тех, которые жи-

вут за его пределами. Многие из них обладают особой силой, существует поверье, что страшные несчастья обрушатся на того, кто убивает их, и что смертельные болезни одолеют всех, кто попробует их мясо. В любом случае, за пределами Каньона водится бесчисленное множество дичи, поэтому никто и не рискует охотиться на этих животных.

Анса обдумывал это.

— Когда отец рассказывал о животных, он часто упоминал их духовную силу. Это то, что может почувствовать далеко не всякий, а только шаманы и предсказатели. Но он говорит, что духовные силы были гораздо более мощными на островах, где он родился. Они были столь ощутимы, что зверей можно было отличать в соответствии с силой, исходящей от них. Маленькие животные, живущие в норах, почти совсем не имели такой силы. Огромные коты и длинношеи отличались неимоверной мощью.

— У нас также водятся длинношеи, — сказала она. — Они встречаются редко, но наносят большой ущерб стадам.

— На островах водится гигантская порода, многократно превосходящая всех известных нам животных. Отец говорил, что их духовная сила столь велика, что они окружены целым сводом ритуальных табу. Однажды он убил одно такое животное. Во всей истории и мифах его народа никогда и никто не делал такого.

— Итак, он стал великим героем? — спросила Фьяна.

— Нет, он стал изгнанником. Животное было столь священно, что прощения за убийство не могло быть, даже ради спасения своей собственной жизни или ради спасения жизни соплеменника. — Он пожал плечами. — Так, во всяком случае, говорит мой отец. Что-то в этих местах заставило меня вспомнить старинные рассказы отца, от которых я устал еще со своей ранней юности.

— Почему же Каньон заставил тебя думать о его рассказах? — спросила она, слегка укоряя его.

Анса усиленно пытался это понять. Он не привык обдумывать свои чувства, но в этом необычном месте с его великой красотой и воздухом, напоенном тайнами, было что-то такое, что направило его мысли к сверхъестественному.

— Я думаю, — наконец сказал он, — что каким-то образом это связано со Временем Катастрофы, а также тяжелыми временами, которые последовали сразу же за ней. У каждого народа есть свои легенды о тех временах. Эти рассказы во многом расходятся между собой, но все они согласны в том, что люди накликали на себя огромное и ужасное бедствие и что во времена тяжелых испытаний, последовавших за

ним, погибло большинство людей и животных, а те, которым удалось выжить, изменились тем или иным образом. Духи вернулись на землю в те времена, если верить этим легендам...

— Я слышала много сказаний об этом. Пожалуйста, продолжай, — попросила она.

— Я думаю, что большая часть мира и появилась из тех времен. Духовная сила важна только для стариков-шаманов или провидцев, как мой отец. В землях с большими городами, как я слышал, духов не признают вообще. Вместо этого у них есть то, что они называют религией, в которой жрецы действуют в качестве посредников между богами и людьми и совершают все ритуальные обряды.

Он осмотрел Каньон со всех сторон.

— Я думаю, что в мире еще существуют отдельные территории, где до сих пор продолжаются тяжелые испытания. На островах моего отца и здесь, в Каньоне, еще сохраняется могущественное волшебство. Здесь люди, и животные, и сама земля имеют... имеют духовное родство друг с другом.

— Ты, может быть, и прав, — сказала она, глядя на него более благожелательно, чем ранее. — Это глубокие мысли для молодого воина. Но впрочем, ты сын своего отца.

— Случались и такие времена, когда я хотел бы не быть им, — сказал он. Сейчас они уже совсем близко подошли к дну Каньона, и он увидел свору очень странных созданий, взбирающихся по стволам чахлых деревьев и возящихся друг с другом на земле под ними. Сначала он подумал, что это обезображенные люди, маленькие и волосатые. Потом он увидел их рудиментарные хвосты и длинные морды с клыками. При приближении всадников создания прекратили свою игру и стали шипеть и присвистывать на пришельцев. Все движения так напоминали человеческие, что Анса не мог определить их природу.

— Это люди? — спросил он.

— Нет. Мы называем их ганумы. Они самые человекоподобные из всех созданий, но лишены дара речи. Они могут представлять опасность только в том случае, когда к ним подходят слишком близко или угрожают им, а если этого не делать, то они никого и не побеспокоят.

— Я слышал, что в прибрежных районах существуют создания, которых называют древесным народцем, но говорят, что они крошечные. А рост этих составляет половину роста крупного мужчины. — Он рассмеялся, глядя на то, как странные звери делают в их сторону угрожающие жесты, которые производили лишь комический эффект.

— Они вредители и расхищают наших урожаи и за-

пасы, но мы терпим их. Даже в своем наихудшем проявлении они забавны. Особенно смешно наблюдать за детенышами.

Он вскоре понял, что она имела в виду. Бесстрашные маленькие создания носились между ног взрослых, дерясь и играя. Они совершенно не обращали внимания на обеспокоенность старших. Их юные мордочки еще не сформировались окончательно и необыкновенно напоминали человеческие лица с яркими большими глазами и крошечными носиками. На этих личиках волос не оказалось, а кожа была розоватая.

По мере того, как всадники проезжали дальше, ганумы перестали демонстрировать недружелюбие, а просто осторожно наблюдали за ними. Анса был поражен тем, что в темных глазах этих созданий светился разум. Может быть, они и не были людьми, подумал Анса, но очень приближались к ним.

Сверху, с высоты края каньона, долина казалась плоской и ровной, когда же они прибыли туда, то оказалось, что это труднопроходимая, сильно пересеченная местность с глубокими лощинами и скалами. Кабо осторожно прокладывали путь между бесчисленных камней и нор подземных жителей. Однажды крошечная носорожка выставила свою головку из норки и стала изучать их немигающими крошечными глазками, расположенными за коротким вилообразным рогом, вырастающим из миниатюрного носика. Анса указал на нее.

— Носорожка! Ты говорила, что животные, живущие в Каньоне, не похожи на животных, живущих во внешнем мире. А я видел таких тварей везде, где только я ни путешествовал.

— По внешнему виду они похожи, — поддержала она, — но эти вылезают из своих норок каждый день на закате, и вся их колония поет в унисон. А те, которых ты видел, тоже поют?

— Нет, — признал он. — Они просто копают норы. Единственный издаваемый ими звук, который мне как-то довелось услышать, был похож на писк, предупреждающий всех остальных о приближении хищника.

— Наши тоже делают так. И они такие же вредители, как и все остальные. Они всего лишь носорожки Каньона, вот и все!

По мере приближения к реке, местность постепенно стала выравниваться и плавно перешла в пойму реки. Почва стала намного плодороднее, обеспечивая буйный рост колючего кустарника, искривленных деревьев и ярких растений. Все вокруг кишело птицами и животными, как если бы основная жизнь Каньона сконцентрировалась около воды. Здесь и там были разбросаны поля, которые когда-то возделывались. Они были ограждены низкими неправильными стенами, сложенными из камня. Он спросил Фьяну об этом.

— Поля обычно возделывают год или два, затем их вспахивают под пар на три или четыре года.

Анса надменно осмотрел огороженные поля.

— Никогда не мог понять, как люди могут тратить свое время на то, чтобы копаться в грязи, и называть это жизнью. — Он почувствовал, что это может ей не понравиться, и добавил: — Но ведь ты говорила, что население Каньона живет, в основном, скотоводством. Это гораздо лучше.

— Безусловно, они обрадуются, услышав твое доброе мнение, — сухо заметила она.

— Я не имел в виду... — Он резко остановился. — Что это?

Они ехали в северном направлении и прибыли к узкой полосе поймы, с одной стороны которой была река, а с другой утес из красного песчаника, который резко расширялся, поднимаясь высоко над их головами. Анса показал на глубокое углубление в утесе, в котором грязные строения неправильной формы были собраны в группы точно так, как гнезда гигантских птиц, живущих в скалах.

— Это деревня Красного Камня.

— Деревня! Ты хочешь сказать, что люди живут в таком месте?

Сейчас он увидел их: призрачные тени в красноватых одеждах перемещались между причудливыми домами, некоторые из них пасли небольшие стада мелких животных. У подножья утеса было несколько выгульных площадок для домашнего скота и устройство для подачи воды из водоема, выложенного камнем. Водоем подсоединялся к реке с помощью канала, который был также выложен камнем. Из широких коротких дымоходов потянуло дымком, запах которого был чист даже в неподвижном воздухе. У Ансы заурчало в желудке, и он вспомнил, что они ничего не ели с самого утра, когда они позавтракали остатками вчерашней трапезы.

Спокойствие этого места было необычным. Откуда-то издалека доносился хрюкающий рев горбачей, но это и все, что было слышно. Анса полагал, что деревни всегда бывают шумными. Безусловно, они такими и были, когда он и его товарищи въезжали в них. Он провел много месяцев среди несмолкаемого гула шахты и не привык к тому, что такое большое число людей может производить так мало шума. По мере приближения к деревне, он заметил, что даже дети играют тихо и спокойно.

— Как я должен вести себя? — спросил Анса, когда они подъехали к околице деревни.

— Как человек с равнины, — сказала она. — Полагаю, ты ничего не можешь поделать со своим высокомери-

ем. Просто держись так, как в моей деревне, и тогда, может быть, ты нанесешь меньше обид и оскорблений.

Анса всегда считал свои манеры великолепными и был уязвлен, когда услышал, что она считает его невежей. Разве она ожидала покорности? Он держал себя как житель равнин, среди людей, которые были ниже по положению. А как же иначе?

Когда они подошли к водопою, к ним приблизилась высокая величественная фигура. Анса уже понял, что половую принадлежность этих людей сразу определить было невозможно, что его весьма смущало. Капюшон был поднят, вуаль закрывала лицо от вездесущей пыли, оставляя открытыми только изумительные глаза, цвет в точности напоминал цвет только что отчеканенных золотых монет. Анса услышал резкий вздох и увидел, как Фьяна отвесила почтительный поклон, — первый знак уважения, который довелось ему увидеть у Фьяны или любого другого жителя Каньона.

— Госпожа Бел! — воскликнула девушка. — Я не ожидала, что вы будете здесь.

Женщина ответила на поклон, положив руку с длинными пальцами на лоб Фьяны.

— Я пришла, чтобы встретить вас здесь. Я ждала вас.

Как она могла их ждать, удивлялся Анса. Разве они владеют силой предсказывать будущее? Разве у них есть чрезвычайно скорые и умные шпионы? Или же это просто спектакль, чтобы заставить его поверить в то, что они владеют волшебством? Он подозревал последнее.

Женщина перевела свои золотистые глаза на него.

— Добро пожаловать, Анса, сын Гейла. Добро пожаловать на Красный Камень. — Небольшая группа местных жителей выстроилась за спиной Бел.

— Благодарю вас, моя госпожа. Мне кажется, что все мои попытки скрыть свое происхождение здесь бесполезны?

Он не видел ничего, кроме ее глаз, но они улыбались.

— Тебе не нужны никакие маски здесь, с нами. Хотя там, куда ты отправишься, они будут совершенно необходимы.

— Откуда ты знаешь, куда я собираюсь? — спросил Анса. Для того, чтобы скрыть свое смущение, он подвел кабо к водопою и дал ему напиться.

— Не следует вести беседу на свежем воздухе, — сказала Бел. — По меньшей мере, это негостеприимно. — Она повернулась к одному из жителей деревни. — Старейшина Ема, проведи в дом наших гостей.

Мужчина поклонился.

— Безусловно. — Он повернулся кАнсе. — Дозволь

мне передать приветствие моей деревни нашему высокому гостю с севера.

Церемонность этих людей заразила и юношу.

— От имени моего отца и моего народа я с радостью принимаю ваше гостеприимство.

Бел представила ему и остальных старейшин. Ансе все еще казалось странным, что простые крестьяне могут вести себя столь благородно. То, что городские жители, в свою очередь, считали его собственный народ варварами, было для него простым доказательством их невежественности.

Мальчики взяли на себя заботу о кабо, а они прошли в глинобитное жилище, размерами значительно превосходящее все прочие, всего с одной длинной комнатой, в которой с каждой стороны был сооружен конусообразный очаг. Анса всегда полагал, что глина скверный строительный материал, но теперь вынужден был признать, что внутри этих домов было удивительно прохладно и удобно в условиях жаркой пустыни. Собравшиеся разместились на полу по всей длине помещения, в два ряда друг против друга. Во главе этого двойного ряда оказалась Бел. По мановению ее руки, Анса и Фьяна сели по обе руки от нее, друг против друга.

— Прежде всего, — сказала Бел, — вы двое должны поесть и подкрепиться. Поговорим мы позднее.

Анса твердо знал, что не стоит протестовать и говорить, что они вовсе не устали, ибо в течение двух последних дней лениво ехали верхом, осматривая окрестности. Законы гостеприимства требовали, чтобы с ними обращались так, как будто бы они неутомимо скакали целый год и прибыли в деревню уже на пороге смерти. Они сидели, разговаривая о пустяках, пока их обносили напитками и едой.

Бел скинула капюшон и вуаль, открывая лицо, которое Анса не смог бы назвать пожилым. Кожа казалась гладкой, без морщин, как и у Фьяны, но оно было худым с выступающими аристократическими скулами; вены прочерчивали синий узора на бледно-голубых чертах жительницы Каньона. Ее руки также казались совсем юными, не было узловатых раздутых жил, которые Анса всегда связывал с преклонным возрастом. Тем не менее, Анса был уверен, что перед ним была очень старая женщина.

После того, как были удовлетворены все требования гостеприимства, им поднесли чашки с настоем трав, слегка смешанным с густым вином.

Перед тем, как сделать первый глоток горячей жидкости, обычай требовал, чтобы они вдыхали исходящий от жидкости пар в течение нескольких минут.

— Вы прибыли в решающий момент, — начала Бел. — В течение некоторого времени и до сих пор центр всех важных событий находился далеко от Каньона, пустыни и равнин. Твой отец занимался востоком, устанавливая торговые и военные связи с народами тех стран. Гассем завоевывал и укреплял Чиву и ряд близлежащих королевств и островов. Такое равновесие и относительное спокойствие нарушаются в настоящий момент. Гассем снова в походе, на этот раз уже на юго-восток. Он вторгается в Соно. И на этом он не остановится. Со временем он возьмет также и Гран, а после этого двинется на север.

— Гассем! — Действительно, это была новость. Анса был совсем еще мальчишкой, когда извечный враг его отца в последний раз угрожал людям равнин. Чива была отдаленным королевством, и Гейл надеялся, что Гассем там и сгинет. Но его упования не сбылись.

Анса почувствовал прилив возбуждения. Кто-то может считать тревожным такое развитие событий, но единственная возможность продвинуться и прославиться для молодого воина была на поле брани.

— Не будь таким нетерпеливым, — сказала Бел, как если бы она могла прочитать его мысли. — Во-первых, пройдет еще какое-то время до того, как это безумец развернет свои армии в северном направлении. Но пока абсолютно необходимо, чтобы мы получали точную информацию обо всех его деяниях и намерениях.

— Я полагаю, — сказал Анса, — что вы уже имеете такие сведения.

— У нас есть в других странах доверенные лица, которые охраняют наши интересы. У них есть способы безотлагательно связываться с нами. Но сейчас, когда Гассем приводит в движение свои войска, возникает ряд трудностей. Какое-то время будет большая неразбериха. Кто-то, кому король Гейл доверяет полностью, должен быть там для наблюдений. — Она пристально посмотрела на него твердым взглядом.

— Вы полагаете, что я должен в одиночку поехать туда, в самый центр нашествия Гассема? — Он искал приключений, но ничего подобного и не предполагал.

— Нет, — Бел отрицательно покачала головой. — Не один. С ней. — Теперь она кивнула в сторону Фьяны. — Кто-то, кому мы доверяем полностью, тоже должен поехать.

— Что! Поехать в одиночку самоубийственно. Но будучи обремененным женщиной, это... — он не находил слов, чтобы описать тяжкие последствия такого шага, — ну, еще хуже, чем самоубийственно.

— Обремененным?! — возмутилась Фьяна. — Мы еще посмотрим, кто станет бременем в этом путешествии.

— Вы обе так говорите, как если бы я уже согласился на это безумие!

—Бел сказала, что поеду я, — сказала ему Фьяна, — значит, так оно и будет.

— И ты поедешь, Анса, — добавила Бел, — потому что это подвиг, достойный великого воина. В конце концов, ты должен сделать что-то такое, что могло быть сравнимо с деяниями твоего отца.

Он знал, что они манипулируют им, используя для этого его понятия о воинской чести и гордости, и все же у них была своя правота. Если Анса даст свое согласие и ему каким-то чудом удастся остаться живым, уже никто не посмеет сомневаться в его достоинстве. Хотя у него не было желания наследовать королевский титул отца, это позволило бы ему занять высокое положение среди военачальников, может быть, даже в чине советника. Его раздражало то, что эти жители Каньона загнали его в угол: теперь ему трудно будет отказаться от этого задания, иначе он предстанет перед ними, и, что еще хуже, перед самим собой, трусом. Особенно после того, как Фьяна не проявила ни малейших опасений по поводу этого поручения, которое, вполне вероятно, может означать для нее смерть или плен в руках Гассема или его королевы, что может оказаться даже страшнее смерти.

— Эта миссия почетна, — проронил он неохотно.

— Более того, — добавила она необходима.

— Очень хорошо, — сказал он, зная, что это, вероятно, и есть его судьба. — Я поеду.

Глава четвертая

Хорошо было снова вести свою армию. Гассем мог бы ехать верхом, но он никогда на стал бы путешествовать на спине животного в то время, как его армия шла пешком. Он всегда вел своих людей как воин, и сейчас шагал во главе армии, задавая темп своими длинными мускулистыми ногами. На островах шессины обычно передвигались быстрым шагом с пробежками, не давая врагу возможности и времени подготовиться к обороне. На длинном марше по холмистой местности такой темп был вряд ли целесообразен, и никто из воинов в новых отрядов не был бегуном, подобным шессинам. И все же у короля не было намерения идти черепашьим шагом, подобно неуклюжим армиям цивилизованных стран. Он рассчитывал оказаться у ворот вражеской столицы до того, как неприятель узнает, что он пересек их границы.

При этом он полностью понимал важность всадников-разведчиков и постоянно высылал их далеко вперед для осмотра пути, по которому должна пройти армия, причем один из воинов должен был периодически возвращаться и доставлять полный отчет.

Посторонний наблюдатель вряд ли принял бы Гассема за короля. За исключением его необычного копья, изготовленного почти целиком из стали, кроме короткой деревянной рукояти, он не носил никаких знаков отличия. На нем не было никакой раскраски и драгоценностей, которые так любили остальные шессины. Его пояс и набедренная повязка были изготовлены из простой красной кожи, он шел босиком. За ним несли его длинный овальный щит черного цвета, точно такой же, что и у воинов-шессинов. Но за Гассемом ритмичным шагом шли тысячи босых ног, и каждый из босоногих воинов маршировал по его команде, выполняя любые приказания.

Эти приятные мысли промелькнули у него в голове, пока армия приближалась к подножию горы. Где-то там, наверху, он пересечет границы своей собственной территории и ступит на территорию врага. Впрочем, нет. Гассем считал себя законным правителем мира, а насилие было необходимо для того, чтобы заставить некоторых людей признать этот факт. Это хорошо, потому что он любил насилие. Физическое

превосходство его соратников всегда радовало Гассема. Когда же люди уступали ему без кровопролития, он чувствовал себя обманутым.

Армия разбила лагерь: в основном, все сводилось лишь к тому, чтобы составить оружие в козлы и развести костры. После замыкающего подразделения в лагерь вошел Последний, и люди замолкали, когда он проходил мимо. Он всегда шел за войском на расстоянии нескольких сотен шагов. Массивный уроженец с южного полуострова, поросшего джунглями, нес меч через плечо. Лезвие меча было широкое и похожее на топор мясника, насаженное на крепкую рукоятку. Обязанность Последнего заключалась в обезглавливании любого солдата, который во время марша вышел из строя. Также он нес еще и большой сетчатый мешок, чтобы складывать туда отрубленные головы и показывать их в лагере каждую ночь. Марш только начался, и мешок пока пустовал, но совсем скоро это изменится...

Группа младших воинов набрала валежника, а затем они соорудили для своего короля укрытие в островном стиле. Поблизости не было деревень, да и Гассем все равно предпочел бы привычный шалаш дурно пахнущей крестьянской лачуге.

После наступления ночи старшие офицеры собрались вокруг костра у его хижины. Все они были совершенно различны по национальности, о чем свидетельствовали черты их лиц, одежда и оружие. Эти люди богатели от завоеваний своего господина, их украшения всегда были роскошными, даже во время похода. Свет от костра играл на отделанных драгоценными камнями эфесах и золотых цепях. Некоторые из них имели раскраску, другие татуировку. Туники, рубахи, штаны и плащи были изготовлены из дорогих тканей или кожи. Но никто не носил обуви, потому что Гассем полагал, что босые люди более подвижны и быстры. Те же, кто привык к сапогам, на ранних порах службы у Гассема испытывали невыносимые страдания, но они либо закалились и стали выносливыми, либо погибли. Неповиновение Гасану означало свидание с Последним.

Король сидел на земле и со вкусом жевал кусочки мелко нарезанного мяса, насаженные на вертел. Как и все остальные шессины, он был умерен в еде. Остальные присоединились к нему, а солдаты подносили им угощение. Гассем не дозволял брать с собой на марш рабов для выполнения лакейских обязанностей.

— Завтра мы приступим к переходу через горы, — сказал Гассем. — Мы можем встретить сопротивление на перевалах. Наши разведчики докладывали, что находили пе-

пелища костров и покинутые деревни по нашему маршруту. Возможно, наше вторжение придется им не по нраву, хотя я и сомневаюсь, что они преданы королю Соно. Их слишком мало, чтобы угрожать нашему войску, но все же следует быть начеку. Убедитесь, что ваши люди предупреждены об этом.

— Сколько времени уйдет на переход, мой король? — спросил человек в длинных одеждах, с волосами, стянутыми в узел на макушке. При разговоре он то и дело теребил украшенную драгоценными камнями рукоять кинжала, который торчал у него за поясом: даже многоопытные капитаны нервничали, когда прямо обращались к своему королю.

— Не более трех дней. Горы там невысокие, а тропа хорошая. Но с другой стороны, мы окажемся на пересеченной холмистой местности и должны быть готовы к сражению в любой момент. Я не ожидаю организованного сопротивления в начале военной кампании, но в войне нет ничего определенного, кроме моей окончательной победы. Мы можем встретить армию, возвращающуюся после боев на севере, или войско мятежного сатрапа... Мы должны быть готовы ко всему. Самая большая опасность для армии на марше это быть застигнутой врагом, готовым к сражению, когда она сама еще находится в походном порядке. Сразу же, как только достигнем другой стороны, мы начнет отрабатывать приемы боевого порядка, чтобы достойно встретить любую угрозу. Все вы знаете, что делать. Следите, чтобы приказы исполнялись безупречно.

— Обещаем, господин! — хором откликнулись они.

— От подножия гор до реки можно дойти за шесть дней. Там находится небольшой городок, называемый Марн. Мы разграбим город, захватим провиант, затем развернемся на юг и пойдем маршем на встречу с силами под руководством генерала Люо.

Офицер рекрутов заерзал на месте, скрипя бамбуковыми доспехами.

— Мой король, пойдем ли мы маршем через густые джунгли?

— Холмы покрыты лесами, а ближе к реке начинаются поля. На ранних этапах марша мы не встретим на своем пути настоящие джунгли. Но по мере продвижения на юг это более вероятно. Красная Шея?..

— Да, мой король? — отозвалась женщина, которую так звали. По всему телу были нанесены орнаментальные шрамы, смазанные животным жиром. Мужчины, сидевшие рядом с ней, незаметно отодвинулись.

— Я хочу, чтобы твои воительницы расчищали дорогу

от зарослей с двух сторон, везде, где она заросла густым кустарником и травами. Основная часть армии пройдет по дорогам, по которым предварительно пройдут наездники. Твои женщины привыкли к сражениям в джунглях. Лучники могут красться рядом с армией, стрелять в нас и скрываться в мгновение ока. Ваша задача выследить их и убить. Следите, чтобы не осталось никаких шпионов. Нельзя допустить, чтобы даже один-единственный скрылся и передал сообщение о том, что мы приближаемся. Для выслеживания и отлова таковых ты назначишь своих лучших бегунов. Убивайте их!

— Будет исполнено, мой король! — сказала она, свирепо оскалив зубы, на которые были надеты заостренные бронзовые пластины. От вида женщин-бойцов становилось не по себе даже самым закаленным и опытным воинам.

— Мы отправимся на рассвете, — сказал Гассем.

Спустя два дня король стоял на гребне последней горной цепи, глядя вниз на равнину. Много дней потребовалось бы большинству армий для совершения такого перехода, но Гассем решительно и энергично подгонял на своих людей. Каждый вечер Последний входил в лагерь с полным мешком.

Редкие обитатели гор не доставляли никаких хлопот и трудностей; завидев приближающееся воинство, они немедленно скрывались в зарослях. Маловероятно, что кому-нибудь из них довелось убежать вперед и передать сообщение о наступлении войска. Дозорные обязательно перехватили бы их.

Пространство, которое осматривал Гассем, на вид не казалось труднопроходимым. Холмы были низкие и округлые, с расчищенными участками. В пределах видимости было три небольших деревушки, каждая из которых имела около десятка лачуг; из труб лениво струился дымок. Король был уверен, что по этой территории его армия быстро продвинется вперед, и при этом не останется голодной.

Спуск был быстрый. Люди чувствовали облегчение от того, что наиболее сложная и напряженная часть пути пройдена и скоро начнутся активные действия. Они привыкли к трудностям, но любой истинный воин предпочтет опасности и риск сражения усталости длительного перехода по пересеченной местности с крутыми спусками и подъемами.

* * *

Ван Пегра, командующий небольшого королевского гарнизона в Марне, медленно шел из своих удобных апартаментов в основании городской стены. Он только что плотно позавтракал и немного пошатывался, поднимаясь по

лестнице к караульной зале. Наверху он рыгнул, снова почувствовав вкус дичи, напичканной пряностями, которая лишь нынче утром погибла ради удовлетворения его аппетита.

Пегра носил позолоченный кожаный шлем с плюмажем из перьев, который подходил для церемониальных парадов, но не для сражения. Стеганые доспехи без защитного слоя обеспечивали легкость движений и прохладу. Его обязанности требовали, чтобы он носил униформу, но он не видел причины испытывать такие неудобства.

Следуя по неизменному маршруту, он повернул влево и вступил на площадку, с которой начинал свой обход вдоль стены, которая выходила на реку. Вверху, на воротах, страж встал по стойке смирно при приближении своего командира. На нем были полные доспехи пехоты королевства Соно. Шлем был изготовлен из толстой кожи, отделанной рогом и бронзой. Толщина выпуклой кирасы, когда-то яркой, но потускневшей со временем, была более одного дюйма. В одной руке у стражника было копье с бронзовым наконечником, а боевая палица с каменным набалдашником была привязан ремнем к поясу. Изогнутый прямоугольный щит, обтянутый кожей, был прислонен к парапету с бойницами.

Пегра тщательно осмотрел боевую раскраску лица стража, проверяя точность и четкость контуров линий и чистоту несмешанных друг с другом красок. Воины гарнизона знали, что при попадании на лицо жалящего насекомого нужно срочно избавиться от него. Было известно, что Пегро безжалостно подвергал воинов телесным наказаниям за то, что они при несении сторожевой службы размазывали краску на своих лицах.

Командующий обошел вокруг стены, проверяя поочередно все посты. Никаких сведений для доклада у стражей не было. Река оставалась спокойной, докладывать было нечего.

Основной обязанностью стражей на этой стене была охрана роскошной речной лодки, принадлежащей Пегро. Пока он обходил стену, командир мечтал о рыбалке, на которую предполагал отправиться сегодня после полудня.

Он прихватит с собой закадычных друзей и девиц для утех. Их, безусловно, нельзя было сравнить со столичными красотками, но они были вполне приемлемы для этой чертовой дыры. Он возьмет с собой и двух новых наложниц. Они были двойняшками, всего пятнадцати лет от роду... С такими приятными мыслями он подошел к посту над воротами, выходящими на дорогу. Страж внимательно вглядывался в западные холмы.

— Что ты видишь? — спросил Пегро.

— Всадники с запада, сэр, — ответил воин. — Мне кажется, я вижу крестьян, бегущих по дороге перед ними.

— Бандиты, да? Они становятся дерзкими, раз подъезжают так близко при свете дня. — Он снял подзорную трубу с пояса и вынул ее из футляра. Точный прибор из Неввы свидетельствовал о его высоком звании, так же как и позолоченный шлем командира. В утренней дымке картинка была нечеткой, но он увидел, что всадники действительно гнали перед собой бегущих крестьян. Пока он смотрел на это, всадник пронзил копьем бегущего человека. Остальные, словно соревнуясь с ним, погнали перепуганных селян по полям. Пегро опустил подзорную трубу.

— Странная забава, — пробормотал он.

Обычно бандиты делали набеги на близлежащие деревни по ночам, а при дневном свете убирались в свои берлоги в холмах. Они часто убивали крестьян или брали их в плен для продажи в рабство, но никогда не гонялись за ними ради интереса, тем более под носом у королевского гарнизона.

— Ударь в гонг, — приказал Пегро. — Мы пошлем группу всадников на кабо в погоню за этими негодяями. — Он поднес подзорную трубу к глазам как раз вовремя, чтобы увидеть последнего из убегающих крестьян, которого с ликующим криком проткнул копьем всадник. Они совсем находились близко от стены, буквально на расстоянии полета стрелы.

Рядом с Пегро зазвучал гонг. Затем удары огромного бронзового диска прекратились.

— Командир! — воскликнул страж сдавленным голосом.

— Что это? — Он повернулся и увидел стража, который вновь указывал на дорогу. Теряя мужество, Ван Пегро снова поднес к глазам подзорную трубу. Из-за небольшого подъема на дороге появилась колонна людей. Колонна состояла из четырех рядов, и как только они оказались близко от города, ряды разделились: два пошли налево, два направо. Они шли бесконечно, делясь и делясь до тех пор, пока огромная армия не подошла совсем близко к городу, шеренга за шеренгой, и у каждого перед собой был высокий черный щит. Все это произошло так быстро, что гарнизон все еще продолжал взбираться вверх по лестнице на крепостную стену, когда эти черные тучи хлынули на город.

— Гассем? — воскликнул Пегро, задыхаясь. — Тот безумец, который завоевал Чиву! Откуда он взялся?

— Полагаю, из Чивы, — отозвался страж безразличным голосом. — Как бы мне сейчас хотелось, чтобы принял командование настоящий солдат!..

 Почему-то Ван Пегро не обиделся на слова своего

воина. Он не способен был что-нибудь почувствовать, кроме слепящего ужаса. Он пытался думать о быстром и безопасном способе сдачи города, но сознавал, что все это тщетно. Солдат Гассем еще принял бы, чтобы увеличить ряды собственной армии, но очень редко он разрешал офицерам нести службу под его командованием. Если их брали в плен, то быстро убивали, чтобы продемонстрировать всю бесполезность сопротивления. Поэтому сдающимся командующим надеяться было не на что: их всегда ждала смерть... медленная и мучительная, если они сдавались слишком быстро, как трусы, без борьбы.

Для того, чтобы скрыть свой страх и выиграть время для бегства, он выкрикнул грозные приказания своим офицерам и солдатам. Они не обратили на них никакого внимания, достаточно хорошо зная свою работу. Из арсенала доставили пучки стрел, связки метательных копий, а также корзины с круглыми гладкими камнями для пращи. Воины натянули луки.

Во время всех этих приготовлений Пегро проскользнул вниз якобы для того, чтобы переодеться в свое полевое обмундирование. Никто не проследил, куда он пошел, потому что каждый был озабочен собственными делами. Пока его наложницы толпились в углу с широко открытыми испуганными глазами, он промчался через свои покои, кидая в мешок наиболее ценные и легкие пожитки, затем скинул свой помпезный шлем и кирасу и натянул тунику неопределенного вида.

Перекинув мешок через плечо, он помчался к воротам, выходящим к реке, не побеспокоившись даже о том, чтобы их закрыть. Город перестал его волновать. Почти скатываясь с берега, он побежал по деревянному причалу, быстро бросил мешок в лодку, после этого прыгнул туда сам и торопливо обрезал кинжалом канат.

Как только лодка поплыла вниз по течению, Пегро задышал спокойнее. Уже сейчас он слышал крики, доносящиеся из города. По всей вероятности, не пощадят никого. Немного расслабившись, он принялся сочинять правдоподобную историю. Он расскажет, как держал оборону Марна до тех пор, пока не погиб последний человек, и как, едва сохранив свою жизнь, он подобрался к лодке... хотя нет!.. он нырнул в воду в туче стрел и копий и нашел эту лодку, дрейфовавшую по реке, забрался на борт и, бросив вызов тысячам воющих варваров, стал спускаться вниз по реке на юг, чтобы доставить своему королю эту ужасную новость и далее продолжить свою героическую службу...

Лодка обогнула песчаную отмель к югу от города, и Пегро обмочился от страха, когда увидел целую шеренгу

всадников на кабо, по самое брюхо в воде, ухмыляющихся и потрясающих своими длинными жуткими копьями в ожидании превосходного развлечения. Пегро хотел было нырнуть за борт и постараться сбежать, но он не умел плавать. Он упал на колени, сложил перед собой вытянутые руки и стал молить о пощаде, но это также не помогло...

* * *

Гассем наблюдал за горящим городом с чувством удовлетворения. Город был больше, чем он ожидал, поэтому еды для войска будет достаточно, а то солдаты уже начинали голодать. Он не предлагал сдать город, как делал обычно, потому что желал, чтобы его новые подразделения отведали крови, пока это было совершенно безопасно. Небольшой гарнизон упорно сражался, несмотря на бессмысленность сопротивления и численный перевес противника. Это нравилось Гассему, так как позволило самым неопытным новобранцам считать, что они были в сражении. Это закалит бойцов...

* * *

Гибкая Ветка кралась через плотную растительность тихо, как призрак. В течение последних нескольких дней армия пересекала джунгли, и женщины действовали как фланговые, убивая случайных охотников и шпионов. Гибкой Ветке очень нравились такие обязанности. Как и все ее сестры, она не находила себе места на необходимом, но напряженном марше. Он был трудоемким и изнуряющим, без всякой возможности добиться славы в бою.

В более ранних военных кампаниях у короля все было иначе. Они плавали от острова к острову, захватывая их и покоряя или безжалостно уничтожая местных жителей. Тогда элитные отряды женщин-воинов отдыхали на палубе, когда приходило время битвы, хватались за оружие и атаковали всех, кого приказал король.

Более поздние походы на материке также доставляли удовольствие, ибо расстояния не столь были огромными, и было много сражений с относительно небольшими переходами.

Сейчас она была счастлива, выполняя с отточенным мастерством обязанности, которые воины-мужчины не могли исполнить и наполовину столь же хорошо. Даже шессины, будучи превосходными солдатами, не чувствовали себя так свободно в джунглях, как Гибкая Ветка и ее сестры. Ни у кого не было такого острого зрения и тонкого слуха, никто

не мог так легко двигаться, никто не мог избежать скользить среди плотной растительности с такой изумительной грацией.

В цивилизованных странах Гибкую Ветку могли бы счесть очень хорошенькой, не будь она так диковинно украшена. Ее рыжеватые волосы, собранные сзади на шее, были пропущены через ожерелье из костяшек человеческих пальцев, на щеки нанесены шрамы, множество других отметин, выполненных параллельно и в виде спиралей, украшали ее груди, живот, бедра, ягодицы и руки от плеча до кисти. Они были нанесены ритуальным кремневым ножом, а затем натерты смесью пемзы, жира и сажи, что приводило к тому, что раны заживали в виде вздутых рубцов темно-синего цвета. Помимо перечисленных, у нее были и менее симметричные, но столь же благородные шрамы, заработанные в бою, на тренировках и охоте. Ее полные губы были еще более вывернуты наизнанку, благодаря вставкам из нефрита и остроконечными бронзовыми насадками, которые укрепляли и защищали ее зубы. Золотые кольца болтались в ушах, перегородке носа и на проколотых сосках.

Этим утром она раскрасила свое тело цветами джунглей, наложив их широкими полосами. Сквозь маску коричневого, зеленого и черного цветов были видны лишь сияющие серые глаза. На ней был только пояс с кинжалом, вложенным в ножны, и несла она только свое любимое оружие: короткое копье с изящным шестидюймовым острейшим наконечником из стали. Во всей армии Гассема только женщины-воины были оснащены стальным оружием. Она не любила ножи или секиры, предпочитая изысканную утонченность своего копья.

Пока она кралась в джунглях с бесшумной беспощадностью охотящейся кошки, она думала о своем последнем любовнике. Это был младший воин шессинов; его мускулистое мощное тело и неутомимая юная мужественность абсолютно соответствовали ее дикарскому аппетиту. Его возбуждали ее варварские отметины, и он бесконечно гладил крепкие, как канаты, шрамы на ее теле, пока они спаривались, подобно животным. Он пронзал ее своей плотью так, как она пронзала копьем своих врагов, а их чувственная борьба была почти столь же неистовой, как в битвах. Для него она готова была даже счистить с себя привычные покровы животного жира и натереть тело маслом восхитительно ароматного ореха, запах которого так любили шессины.

Мысли о любовнике испарились, как только она уловила намек на движение впереди. Гибкая Ветка застыла как изваяние, пока снова не увидела это движение. Сквозь кустарник, на расстоянии пятидесяти шагов, мелькнуло светлое пятно. Оно исчезло и снова вернулось, на несколько шагов

дальше влево. Теперь она знала, что это мужчина, чужак, старающийся поближе подобраться к войску.

Ее пульс стал чаще, тепло хлынуло в нижнюю часть живота. Это был враг, и она должна убить его. Гибкая Ветка медленно прокладывала путь вперед и вправо. Ей хотелось оказаться прямо за спиной мужчины, прежде чем она начнет сокращать расстояние между ними. Это было ее особое искусство. Она получила свое имя именно благодаря этому мастерству и терпению, присущему хищникам. Как только она оказалась позади него, она сразу же напала на след, который для нее был таким же четким, как если бы незнакомец пробирался через лес тяжелой поступью, ведя с собой калеку. Оторванный листок, сломанная веточка, небольшой камешек, перевернутый влажной стороной вверх, резкий запах помятой травы для нее были как ориентиры на карте. Она заметила частичный отпечаток ноги в сандалии и с трудом подавила презрительный возглас. Для нее обувь в джунглях была столь же абсурдна, как и придворные одежды в битве.

Гибкая Ветка открыла рот, чтобы дышать глубоко, не производя никаких звуков. Затем она вышла к просвету и ясно увидела свою жертву. Это был невысокий мужчина крепкого телосложения, с кожей цвета потускневшей бронзы и грубыми черными волосами. На нем была набедренная повязка из мягкой кожи с декоративными полами спереди и сзади, свисающими до колена, и ожерелье из отшлифованных камней. Она заметила кинжал за поясом на талии и прикрепленную ремнем к запястью булаву с набалдашником из камня, обшитую необработанной шкурой,. Сандалии были плотно подогнаны по ноге.

Медленно, озираясь по сторонам, человек отодвинул ветки прямо перед собой. Совсем рядом Гибкая Ветка услышала звук проходящей армии, и поняла, что эта точка была выбрана специально для того, чтобы шпионить за войском. Пока незнакомец стоял, застыв на месте, воительница подобралась совсем близко к нему. Она даже могла видеть, как работали мышцы его челюстей, как если бы человек что-то говорил, хотя он и не произносил ни звука. На основании этого Гибкая Ветка пришла к выводу, что он молча считал. Ее подозрение подтвердило и то, что большим пальцем он поочередно касался кончиков пальцев левой руки, соблюдая принятый формальный ритуал пересчета. Был ли это опытный шпион, или просто крестьянин, который умел считать домашний скот? Она подозревала первое.

Гибкая Ветка могла вонзить свое копье в его широкую спину, но ей хотелось узнать, как близко она смогла

бы подобраться, прежде чем он обнаружит ее присутствие. Шаг за шагом, она осторожно сокращала расстояние и искала какой-нибудь забавный способ оповещения о своем присутствии и о его судьбе. Возможно, следует издать душераздирающий воинственный клич, или слегка похлопать его по плечу наконечником копья? Все эти мысли пронеслись у нее в голове, но что-то вдруг заставило незнакомца напрячься. Медленно он повернул голову влево. Она застыла, зная, что находится в пределах его поля зрения, и потому наградила мужчину отвратительным оскалом, показав зубы с бронзовыми наконечниками. Он завертелся, глаза широко распахнулись от ужаса: должно быть, человек решил, что это демон джунглей возник у него за спиной.

Он потерял совсем немного времени, несмотря на потрясение. Быстро наклонившись, чего она совсем не ожидала, мужчина кинулся влево, и джунгли сомкнулись за ним. Гибкая Ветка, улыбаясь, бросилась следом. Это она любила больше всего: погоня! Медленное выслеживание было волнующим и захватывающим делом, но преследование обреченной добычи на бешеной скорости вселяло в нее такой заряд энергии, которая заставляла наполняться трепещущей жизнью каждый нерв ее тела.

Сейчас ей уже не требовалось искусство охотника, чтобы считывать следы и знаки. Она могла слышать его впереди себя и время от времени улавливала мелькание его потной спины, когда он пытался увеличить расстояние между ними. Он был сильный бегун, но Гибкая Ветка знала, что она еще лучше. Скоро он замедлит бег, как от усталости, так и потому, что будет думать, что обманул ее. Она специально держала дистанцию в начале погони, чтобы он не смог увидеть ее, оглядываясь назад через плечо.

Ее длинные ноги буквально летели над землей, а ее тело изгибалось из стороны в сторону со змеиной гибкостью, избегая соприкосновения с растительностью столь плотной, что большинству обычных людей пришлось бы прорубать сквозь нее проход.

Одновременно Гибкая Ветка следила за возможными ловушками. Если ее жертва была опытной, то на предполагаемом пути отступления мужчина мог заранее расставить силки и западни.

Когда по звукам, доносившимся спереди, она смогла определить, что он бредет неуверенной походкой, шатаясь, и Гибкая Ветка замедлила движение и отдышалась. Пот струился по ее телу, но движения были так же ловки и уверенны, как всегда. Когда она поняла, что он идет прогулочным

шагом, не торопясь, Гибкая Ветка начала кружить. Это было очень приятно.

Спустя несколько минут шпион вышел на небольшую поляну, куда через просвет в зеленом навесе падали лучи послеполуденного солнца. Его потная грудь работала как кузнечные меха; он оглянулся, когда начал пересекать открытое пространство. Поворачиваясь, он выпучил глаза, увидев, как Гибкая Ветка появилась на поляне прямо перед ним.

— Кто твой хозяин, шпион? — прошипела она. — Кто послал тебя выслеживать армию моего короля?

Человек едва лишь перевел дыхание, затем бросился в атаку. Он вытащил нож и раскрутил булаву, ринувшись вперед с бессловесным криком. Так как мужчина был измотан, то такое наступление было всего лишь ложным выпадом, от которого Гибкая Ветка уклонилась в сторону с легкостью, пронзая острием копья его бедро. Она вытащила копье и нанесла новый удар со спины. Человек упал на колени, крича от боли. Он вытянул руки, когда падал, чтобы опереться на них, и она схватила его булаву и отрезала ножом ремешок на запястье. До того, как он смог подумать об обороне, она ударила его по затылку, чуть выше того места, где шея соединяется с черепом. Шпион потерял сознание и мешком свалился на землю. Улыбаясь, Гибкая Ветка принялась за дело.

Когда человек очнулся, он стонал, глаза бессмысленно блуждали, его стошнило. Он был пригвожден к земле, его набедренная повязка исчезла. В глазах появилось осмысленное выражение, и они сразу же наполнились ужасом, когда он в полной мере осознал всю безысходность своего положения. Гибкая Ветка стояла над ним, ухмыляясь, и человек понял, что он находится во власти какого-то сверхъестественного зла.

— Итак, шпион, — сказала она, — кому ты служишь?

— Я... не... — Он говорил с остановками и странным акцентом, но она могла понять его.

— Что? — спросила она.

— Не буду говорить с тобой, — сказал он и явно приготовился умереть. На его лице отразилось замешательство, когда он увидел, что женщина подошла к нему и опустилась на колени.

— О, да, ты заговоришь, мой лазутчик. — Одной рукой Гибкая Ветка вытащила нож, другой схватила его пенис и яички, поднимая их резко вверх и прикладывая лезвие ножа к основанию. — Ты скажешь мне то, что желает знать мой король. Ни один человек не смеет ослушаться воли моего короля.

 Человек начал кричать, затем заговорил.

* * *

— Он просто был разведчиком местного командующего, — сказала Гибкая Ветка, демонстрируя свои кровавые трофеи Гассему. — Кто-то на реке из лодки увидел пожары в Марне и спустился вниз по реке. Командующий решил, что будет вполне достаточно послать одного пешего разведчика. Его войско всего в три раза больше гарнизона Марны, но у них есть отряд связных кавалеристов. С ними он сможет передать сведения о нашем приходе на юг и далее в столицу.

— Отлично, Гибкая Ветка, — похвалил ее Гассем. — И снова ты оказалась моим лучшим разведчиком и охотником. Попробуй поймать еще одного для меня завтра на марше.

Улыбаясь, женщина отправилась к своим сестрам. Гассем еще раз поздравил себя с той мудростью и даром предвидения, которые он проявил, взяв на службу этих воительниц. Он особо вытребовал их для себя в те далекие дни, когда вступил в союз с королем Чивы, которому ранее служили эти женщины.

Лишь один раз повоевав под предводительством истинного короля-воина, они были счастливы присягнуть ему в верности. Его прочие соратники ненавидели дикарок... но лишь потому что Гассем их так любил.

— Эти связные могут причинить нам трудности, мой король, — сказал Ребья, один из старших командующих шессинов. Он был заслуженным ветераном, который оставался с Гассемом с самых ранних дней завоеваний.

— Я выделю небольшой отряд, включая и несколько лучников. Они поедут впереди, займут позицию на дороге к югу от города и разберутся с любыми посланцами, отправленными на юг. Если кто-то пройдет... — Он пожал плечами. — Они могут убежать только в армию Люо. Безусловно, к настоящему моменту они уже достигли реки. А если и нет, тогда Урлик точно изловит их.

— Они могут уплыть по реке, — подсказал Ребья.

— Возможно, но даже если они достигнут столицы, проку для короля Мана от этого не будет. Наоборот, пусть получит предупреждение. Он сконцентрирует свои силы для обороны столицы, где мы сможем покончить с ними одним махом. В противном случае, его удельные князья могут отвести личную гвардию. Тогда нам придется расправляться с ними по одному... трудоемкая задача.

Ребья подбросил еще одну палку в костер и взял кувшин с вином у адъютанта. Он сделал большой глоток и обдумал слова короля.

— Ты уверен, что он даст сражение перед столицей, мой король? — спросил Ребья.

— Абсолютно. Особенность всех королей на материке состоит в том, что они всегда защищают свою столицу, а не дают бой там, где это удобнее. Это их большая слабость. Они очень привязаны к своим прекрасным городам и думают, что как только враг захватит столицу, война проиграна. Вот почему так важно углубиться на территорию врага до того, как король будет иметь возможность собрать свои силы. Был бы у него шанс, он бы объявил мобилизацию и не пропустил нас через границу. При угрозе столице, они уже не могут думать ни о чем, кроме обороны.

— Невероятно, — воскликнул старший офицер-шессин с острова Шквалов, чьи волосы были заплетены в тройные косички. — Почему они просто не сдадут нам свои королевства вместо того, чтобы так глупо вести войну? — Остальные собравшиеся около хижины короля засмеялись.

— Они привыкли делать так, пока сражались друг с другом, — заметил Гассем. — При встрече с врагом, которому нет дела до их обычаев, они совершенно теряются. Именно поэтому мы должны атаковать быстро и одержать быструю убедительную победу. Поскольку они все же не полные глупцы, то могут и научиться на своих ошибках. Молодые командующие все возьмут в свои руки, когда мы уничтожим старых болванов. Скорость — это все, что требуется в завоевательной войне.

Глава пятая

Королева Лерисса страдала ослепляющей головной болью. Эта была третья вспышка за месяц. Это беспокоило и пугало ее. Всю жизнь она наслаждалась прекраснейшим здоровьем, никогда не зная болезней, быстро оправляясь после травм. Эти опустошающие боли вызывали у нее неприятное чувство хрупкости и ощущение смертности, к которым раньше она считала себя невосприимчивой. С раздражением она позвала одну из рабынь, чтобы ей помассировали шею и плечи. Иногда это помогало.

— Вы поедете в город, чтобы проверить, как протекает строительство нового моста, госпожа? — спросила женщина.

— Если боль утихнет, — ответила Лерисса.

Мост был одним из ее новых проектов. Столица была построена по обе стороны реки, но все же в течение столетий короли Чивы были вполне удовлетворены примитивными паромами для переправы на другой берег. Она не могла представить себе, как можно строить дворцы и гробницы из камня, не поддающегося разрушению, и в то же время зависеть от паромной системы, достойной жалких деревень.

Огромный мост был также одним из проектов, которые Лерисса разрабатывала сама. Она видела огромные инженерно-технические сооружения в королевстве Невва и не хотела, чтобы ее королевство в чем-либо уступало владениям Шаззад. Велось строительство нового порта с отдельными гаванями для торговых и военно-морских судов, в состав которого входили и крытые доки. В столице скоро будут и крытые рынки с просторными складами по периметру; она приказала и в других главных городах строить такие же. Эти города будут соединяться со столицей дорогами, вымощенными резным камнем.

Прежнее королевство Чива состояло из принцев крови, дворянства и жрецов, живущих в неописуемом великолепии на фундаменте ужасающей нищеты. Лерисса мечтала, чтобы ее земля стала великолепной без остатка. Крестьяне и рабы нужны для выполнения повседневной работы, но она не видела причин, по которым они должны своим видом оскорблять знать.

— Могу я послать за носильщиком? — спросила рабы-

ня. Лерисса всегда предпочитала ходить пешком, но в королевстве Чива люди привыкли повиноваться господам, которые передвигались на плечах своих подданных, и за последние месяцы она поняла, что это ощущение довольно приятное. Было нечто *правильное* в том, что тебя несут слуги, используя свою мышечную силу. Рабы заслуживают свою судьбу, и необходимо им напоминать об этом обстоятельстве. Точно так же, как владыки королевства Чива до нее, Лерисса отобрала для себя целую группу носильщиков, учитывая их красоту, силу и умения.

— Да, пусть подождут.

Боль понемногу утихала. Эта рабыня была одним из ранних приобретений на материке. Она владела различными навыками, которые Лерисса считала теперь необходимыми. Все больше и больше она зависела от рабов. У нее было слишком много дел каждый час в течение дня.

День был прекрасным для выхода в город, она должна была признать это. В плавном покачивании носилок было что-то успокаивающее, а высокие облака, слегка закрывая солнце, не давали ему палить так беспощадно. Улицы города были чисто выметены, по приказу королевы. Сам по себе город был прекрасен, но поначалу они с мужем были приведены в смятение царившим здесь смрадом. Вонь отбросов вместе с копотью от жертвоприношений во множестве храмов превратили воздух в удушливый туман, несмотря на то, что повсюду сжигались горы фимиама.

Город был очень древним, много раз перестроенным. Здесь были изваяния королей, имена которых все давно забыли, богов, которым более никто не поклонялся. Особняки богачей высились рядом с кварталами трущоб, а на окраине города стояли глинобитные хижины крестьян, окруженные любовно ухоженными садами, полями и фруктовыми деревьями.

Около строящегося моста обычные толпы зевак пали ниц, увидев свою королеву на плечах носильщика. Королевский надзиратель и чужеземные мастеровые поклонились с чувством собственного достоинства, когда паланкин опустился на тротуар.

— Добро пожаловать, моя королева, — сказал надзиратель, некогда глава гильдии мастеров Чивы. — Ты успела как раз вовремя. Сегодня мы закладываем замковый камень первого пролета.

— Я прибыла сюда, чтобы посмотреть на это, — сказала она. Зодчие начали толковать о тайнах своего мастерства, о массе и материалах и напряжениях. Она слушала

вполуха, зная, что ничего не сможет понять из этих глубоких мыслей, но довольная тем, что эти люди знали свое дело. Она наняла их у королевы Шаззад из Неввы. Ее монаршая сестра всегда была счастлива развивать торговые и мирные отношения, но прекращала сотрудничество, как только возникали военные планы.

Мост пока еще мало напоминал мост. Сваи были забиты с определенными промежутками, завершено строительство ряда береговых опор, но пролет, который должен быть вскоре завершен, был заключен в деревянные рамы и леса так, что было видно совсем немного чудесного камня. К береговым устоям пролета был привязан огромный плот, на котором стоял тяжелый, массивный кран, приводимый в действие громадным колесом, по которому карабкались рабы, обеспечивая подъемную силу. С носа грузового крана свисал массивный замковый камень в виде клина, который должен был завершить пролет и скрепить его арку. Рабочие, направляя канаты, обеспечивали правильное центрирование камня во время спуска, осуществляемого медленно, по одному дюйму за раз.

Все затаили дыхание, когда камень опускался на несколько последних дюймов. Мастер кричал и размахивал руками, на что рабочие не обращали никакого внимания, сосредоточиваясь исключительно на обеспечении правильного положения камня. Камень оказался подогнан так точно, что после его установки на место почти не требовалась никакая доработка.

Камень был установлен, и рабочие подняли радостный шум, который поддержали наблюдатели на берегу реки. Надсмотрщик наконец перевел дыхание и повернулся к королеве, вытирая пот со лба.

— Вот и все, моя госпожа. Теперь снимем леса и все деревянные рамы. Завтра к этому времени вы сможете оценить пролет во всей его красе.

— Вы все хорошо поработали, — провозгласила она достаточно громко для того, чтобы рабочие на мосту ее услышали. — Так же заканчивайте и остальные пролеты, и ваша королева щедро вознаградит вас. — Снова раздались радостные возгласы. Людей очень легко отблагодарить, думала она, даже за такой огромный труд, как этот.

Она вернулась во дворец в гораздо лучшем расположении духа. Боль совершенно утихла, у нее было ощущение реально завершенного дела. Мост был ее собственной идеей. Она заявила, что мост быть должен, а теперь она может видеть, как он возникает день за днем. Ее муж наслаждался славой и властью. Она же любила осязаемые результаты. Слава и битвы и победы могут быть забыты, так же как забыты

короли, изваяния которых она видела повсюду вокруг себя. Ее мост, порты и рынки, и дороги будут существовать в течение целых столетий. Она может смотреть на свои творения и знать, что ее власть что-то значит.

Она поклялась только в одном: она не будет строить храмов. Уже было слишком много таких сооружений, и хотя они и были прекрасны, они были бесполезны. Она не любила жрецов, и еще меньше любила их богов. Некоторые из храмов вселяли только ужас, но великолепие ради только великолепия вызывали у нее отвращение. Королева все еще чувствовала уважение к духам своих родовых островов, но презирала большинство табу, поэтому старалась не думать о них.

Сразу же, как Лерисса вошла во дворец, она увидела, как двое мужчин поднялись со скамьи, на которой сидели. Это был приемный зал, в котором она обычно принимала подателей прошений и петиций; она готова была сказать им, чтобы приходили в другой раз, но что-то в их внешнем виде остановило ее. Она поняла, что видела их где-то раньше.

Мужчины направились к ней, кланяясь. Юный воин-шессин, который праздно стоял у стены, медленно пошел вперед, чтобы встать рядом со своей королевой, небрежно держа в руке копье. Но если бы она кивнула ему особым образом, юноша пронзил бы обоих мужчин во мгновение ока. Его нарочитая небрежность маскировала рефлексы молниеносного убийцы, характерные для шессинов.

— Кто вы такие? — спросила королева, когда они сбросили капюшоны. Перед ней предстал мужчина с короткими черными волосами и бородой, и второй, с головой, выбритой наполовину, и оставшимися волосами, выкрашенными в синий цвет.

— Я Хаффл, — сказал чернобородый, — а это Ингист. Мы...

— Я знаю, кто вы. — Теперь она их вспомнила. Внутри у нее все задрожало от возбуждения. Если эти двое приближаются к ней так уверенно, то это может означать только одно. — Пойдемте со мной. Ничего не говорите, пока я не прикажу вам.

Безмолвно они проследовали во дворец. Лерисса провела их в широкий внутренний двор, где дворцовые рабы уже успели быстро заставить стол яствами и винами. Она отпустила рабов, молодой воин занял свое место у стены на таком расстоянии от них, чтобы услышать разговор было невозможно. Он казался совсем юнцом, но Гассем самолично подбирал дворцовую стражу. При первом же враждебном движении юноша мог бросить копье в одного человека, схватить дротик, висящий у него на поясе, и метнуть в другого...

Изображая щедрую хозяйку, королева наполнила три чаши и передала по одной каждому. Пока она пила вино, то изучала гостей. Они нервничали, были взволнованы и в приподнятом настроении. Ради приличия, они сделали несколько глотков и поковырялись в еде, отщипнув маленький кусочек, но она точно знала, что их желудки парализованы от волнения.

— Вы еще не доложили Хилдасу? — спросила она, называя по имени главу отдела разведки, и увидела, как их глаза слегка расширились от волнения.

— Моя королева, — сказал тот, кого звали Хаффл, — сведения, которые мы принесли, столь важны, что мы решили, что только ты сама или король могут услышать их. Когда же достигли своих земель, то узнали, что король начал новый военный поход. Не имея желания гнаться за ним по стране, разоренной войной, мы решили прибыть прямо во дворец и доложить непосредственно тебе.

— Это мудро, — сказала королева. — Если же вы принесли мне то, что я думаю, то никто не может сомневаться в вашей храбрости. Я обязательно позабочусь о том, чтобы у Хилдаса не было никаких претензий. К тому же, сейчас он поглощен другими делами. А теперь, рассказывайте.

— Моя королева, — объявил синеволосый. — Мы нашли стальную шахту короля Гейла!

Королева порывисто вздохнула.

— Продолжайте, — смогла лишь прошептать она.

* * *

В одной руке королева сжимала миниатюрное стальное копье, символ ее власти, как регента в отсутствие мужа; в другой держала самую драгоценную вещь в мире: карту, свернутую и вложенную в водонепроницаемую тубу из лакированной кожи.

Она сидела так много часов, ее лицо застыло в хмуром неодобрении. Ее рабыня легко ступала, перепуганная переменой, происшедшей в хозяйке. Никогда ранее она не вела себя таким образом. Они думали, что знают многие ее настроения, но это было чем-то новым. Лерисса была опасной женщиной, когда что-то тревожило ее.

Им не следовало беспокоиться, сейчас хозяйка ничего не замечала вокруг себя. Королева была охвачена незнакомым ощущением: нерешительностью. Обычно она вела себя естественно и инстинктивно, как животное. Но эта ситуация не имела прецедентов. Гассем был точен в своих инструкциях: она должна была оставаться в столице и править вмес-

то него. И все-таки... у нее была эта карта и отчет для него, где бы он ни находился. И не было никого, абсолютно никого, кому бы она могла поручить выполнение этой задачи.

Большую часть ночи она просидела неподвижно. Рабы принесли светильники. Еда стояла перед ней, но оставалась нетронутой.

Сразу же после того, как открытая терраса осветилась серым рассветом, Лерисса поднялась с места. Принять решение, в конце концов, было совсем нетрудно, подумала она. Работа в стране будет продолжаться и без нее. Власть будет укреплена королевскими гарнизонами, оставленными мужем. Ужас, наводимый одним именем Гассема, был достаточен для того, чтобы подавить самую мысль о беспорядке.

— Приготовить ванну, — приказала она, — и вызвать генерала Пенду. — Рабы ринулись выполнять ее приказания. Через час в ее приемную вошел высокий воин шессин с суровым выражением лица. Годы трудных военных кампаний проложили глубокие складки у рта и вокруг глаз, избороздили морщинами его лоб. Темно-бронзовые волосы почти все поседели, но его тело казалось отлитым из расплавленного металла, а походка осталась той же походкой юного воина, каким он был, когда они с Гассем были еще мальчишками в одном воинском братстве.

— Да, моя королева? — спросил он без предисловий.

— Пенду, случилось нечто неожиданное. Я должна немедленно уехать и присоединиться к своему мужу.

— Что? Но король...

— Я очень хорошо знаю, каковы указания короля, — резко прервала она. — Это нечто непредвиденное. У меня имеются сведения, которые я должна лично доставить ему. Я должна действовать быстро. Я возьму свою личную охрану, потому что все телохранители обучены верховой езде. Остальных шессинов я оставляю здесь с тобой.

— Моя королева! — запротестовал Пенду. — Король оставил меня здесь, потому что он не мог лишить тебя защиты. Если это настолько важно, возьми меня с собой. Никогда ранее король не отправлялся на военную кампанию без меня.

— Пенду, — нежно сказала она, — ему нужно присутствие шессинов здесь для того, чтобы напоминать этому огромному человеческому стаду о том, как следует вести себя. Мы не скитающиеся пираты и не грабители, мы правители империи. Он выбрал тебя и твой полк, потому что кроме тебя, его самого, Люо и Ребья, никого не осталось из прежнего братства. Все остальные мертвы. — Она не упомянула Гейла, который был хуже, чем мертв. — Вы трое и есть те единственные,

кому он может доверять, потому это и должен быть один из вас. На следующей войне ты будешь рядом с ним, я обещаю. А теперь пойди и посмотри, готовы ли мои всадники. Подготовь запасных скакунов и необходимые припасы. Мне потребуются животные еще для двух человек. С собой я не беру рабов.

— Двое других, — сказал Пенду, — не те ли это, случайно, два шпиона, которые прибыли вчера, а? — Понимание отразилось на его лице, прорезанном морщинами и шрамами.

— Не раздумывай, Пенду, — пожурила она. — Думать будем мой муж и я. Просто выполняй мои приказания и соблюдай здесь порядок. И, Пенду, — добавила она, — будь готов получить неожиданные приказы короля о том, чтобы выступить маршем для проведения военных действий.

Его лицо зарделось от удовольствия.

— Да, моя королева!

— А теперь иди, — приказала она. Мужчина повернулся и вышел, не поклонившись. Такие тонкости королевского этикета не были приняты у шессинов. В дополнение к этому, он знал ее с самого детства и проявление чего-то большего, чем уважение к королевской власти, было бы просто нелепостью для них обоих. Лериссе хотелось бы рассказать ему о стальной шахте, но она решила пока держать это в тайне. Она абсолютно доверяла преданности братьев Гассема по общине, но они были просто воины без особых умственных способностей. Чем меньше им будет известно, тем лучше.

Лерисса не любила верховую езду, но почувствовала душевный подъем, когда села верхом на прекрасного кабо, которого держал для нее охранник. Это был *поступок*. Она собиралась совершить отчаянное путешествие верхом для того, чтобы присоединиться к своему мужу в войне на чужой территории. Она уже забыла, как горячо она любила так жить.

Ее окружали пятьдесят молодых воинов, и все с нетерпением ожидали возможности двинуться в путь.

Среди них были также и два шпиона, жаждавшие такой поездки значительно меньше, но готовые выполнять свой долг. Она обещала им вознаграждение, выходящее даже за пределы их пылкого воображения, но все зависело от стальной шахты, которую должен захватить Гассем.

Карта была удивительной, но королева также хотела иметь проводников, которые давали бы армии советы в пути.

Из города они выехали без фанфар. Что касается населения, то для них королева просто отбыла на длительную прогулку.

Хотя Лерисса и не была любительницей верховой езды, она была хорошей наездницей. Все шессины питали слабость к животным, но она знала, что представляет собой великолепное зрелище, когда скачет верхом, со струящимися распущенными пепельными волосами. Она отказалась от штанов для верховой езды, столь любимых женщинами на материке, и потому носила воинскую набедренную повязку и широкий плащ, который закрывал ее почти до щиколоток. Она давно не ездила верхом в последние месяцы, и знала ту боль, которая ее ожидала. В качестве предосторожности, ее седло и стремена были снабжены толстыми прокладками, но этого вряд ли окажется достаточно. Но Лерисса привыкла к трудностям, и ее тело могло быстро восстанавливать свои силы и снова окрепнуть всего за несколько дней. В дополнение к этому, ее отношение к боли отличалось от большинства людей.

Давно уже Лерисса не чувствовала себя столь полной сил. Величайший секрет мира был спрятан у нее на поясе. Указывая путь своим маленьким копьем, она, смеясь, скакала верхом, и ветер бил ей в лицо.

Глава шестая

Два всадника, мужчина и женщина, пересекли границу королевства Гран по шаткому мосту через медленно протекающую реку, берега которой сплошь заросли спутанной тропической растительностью. Повсюду, куда бы они ни глянули, кипела жизнь. Воздух гудел и трещал от криков птиц и рептилий, шума крыльев насекомых, криков охотящихся, спаривающихся и умирающих животных. На расстоянии они иногда слышали рев значительно более крупных тварей и были благодарны за то, что огромные звери были достаточно далеко и не могли увидеть их.

Посреди моста Анса натянул поводья своего кабо. Что-то поднималось из мрачных медлительных глубин... Вдруг длинное существо резко вынырнуло на поверхность, вспенивая ее чешуйчатыми боками и бьющим хвостом, и схватило какое-то серебристое создание, которое отчаянно извивалось в его пасти. Затем убийца скользнул в глубину, оставляя за собой только кружащийся водоворот, в котором опавшие листья танцевали, описывая круги перед тем, как успокоиться и возобновить свое ленивое путешествие и по течению отправиться в далекое море.

— Что это было? — спросил он, ошеломленный.

— Что-то большое и подлое, — ответила Фьяна. — Будь благодарен, что оно предпочитает реку, а не землю.

Путешествие из Каньона не было длительным, насколько мог судить о таких вещах Анса, который привык к широким равнинам. Но изменение окружающей местности было заметным.

На юге Каньона земля резко понижалась, и путешествие каждый день приводило их в зону, климат и растительность которой отличались от виденных накануне. В начале путешествия они вступили на земли, в которых выпадали не сезонные, а ежедневные дожди. Им пришлось приучиться пересекать протоки и малые реки. Обычным стал обход болот. Кусающиеся насекомые сначала вызывали просто раздражение, но затем стали настоящим бедствием. Фьяна взяла с собой чеснок, который приносил некоторое облегчение, но имел

такой отвратительный запах, что Анса был почти готов предпочесть насекомых.

В течение двух последних дней они шли через джунгли, которых Анса никогда ранее не видывал. Повсеместное изобилие разнообразной жизни было еще более удивительным, чем густая растительность. На равнинах он привык видеть огромные стада домашнего скота и дичи. Во время великих миграций не были необычным зрелищем многие тысячи животных, с гулом проносящиеся по лугам. Но там это были относительно крупные животные, все одного типа.

В этих землях за один беглый взгляд он мог насчитать десятки форм жизни. Помимо надоедливых насекомых, были птицы, летучие мыши и рептилии в воздухе и на деревьях, млекопитающие всех видов, включая древесный народец, во всем разнообразии. Животные семейства кошачьих были преобладающими из хищников.

Казалось, природа здесь пошла на фантастический эксперимент, и многие твари покинули свои привычные ниши обитания. В родных землях Анса привык к птицам, которые не умели летать, а на севере от стальной шахты в великой пустыне он видел странствующих по земле летучих мышей, которые охотились стаей. Но здесь он увидел летучих мышей, которые плавали. Рептилия с паучьими конечностями висела на ветках, зацепившись своим хвостом, и ловила летающих тварей. Он увидел существо, плавно скользившее от дерева к дереву с помощью широкой перепонки, которая могла растягиваться между его руками и ногами со спины. Его хвост представлял собой широкую лопасть.

— Ну, ты же сам хотел увидеть необычные места, — сказала Фьяна, пока он глазел на то место, где исчезло речное чудовище.

— Большая часть живых существ в джунглях, которые мы видели, представлена малыми формами, — заметил он. — Другое дело, реки. Я думаю, что не стану плавать в этих местах.

— Мудрое решение, — она показала на южный конец моста. — Я думаю, что мы скоро встретимся с властями Грана.

Там, за мостом, стояло небольшое строение из глины и дерева, откуда вышел человек, сразу же, как они съехали с бревенчатой поверхности моста на хорошо утрамбованную землю за ним. Это был полный мужчина в набедренной повязке столь сложного покроя, что она была похожа на килт, свисающий с пояса такой ширины, что, поднимаясь вверх, он доходил почти до отвислых сосков чиновника. Лицо затеняла шляпа, сплетенная из соломы, с широкими полями и тульей в форме луковицы.

Лицо в тени шляпы было смуглым и имело яйцеобразную форму. Нос был длинный и широкий, над широким безгубым ртом. В руках у него была вощеная дощечка для письма, и вид он имел такой же важный, как и чиновники повсюду.

— Ваши имена, пожалуйста? — сказал он без предисловий. Он говорил на южном диалекте с таким сильным акцентом, что Анса должен был сконцентрироваться, чтобы разобрать слова. Они назвали свои имена.

— Род занятий? — продолжил толстяк, скрипя пером по дощечке.

— Я торгую лекарственными средствами из Каньона, — сказала Фьяна, похлопывая рукой по узлам, навьюченным на горбача, которого она вела в поводу. — Этот воин — мой охранник. — Они заранее договорились об этом. Это было правдоподобно, ибо такие купцы, продающие травы, разъезжали повсюду, и вполне можно было предположить, что женщина, путешествующая в одиночку, наймет себе эскорт. Повсюду широким спросом пользовались лекарственные средства из Каньона. К тому же, такое занятие обеспечит их средствами к существованию, пока они будут собирать сведения о деяниях Гассема.

— Очень хорошо, — сказал чиновник. — Если вы откроете ваши тюки, я все проверю. Лекарственные средства из Каньона не облагаются налогом.

Они сняли багаж на землю и показали его содержимое: пакеты с порошком и сушеными травами, сосуды с жидкими лекарственными средствами, закрытые пробкой, связки листьев, стеблей и ветвей. Чиновник кивнул с мудрым видом, как если бы он в этом что-то смыслил.

— Кажется, все в порядке, — наконец сказал он. — Я бы узнал, если бы попытались ввезти контрабанду. — Он выдал им документы, разрешающие въезд в страну, написанные специальными фиолетовыми чернилами на бумаге, изготовленной из прессованных листьев с прожилками. — Эти бумаги вы должны показывать любому королевскому чиновнику по его первому требованию, — сказал он. — В них указаны ваши имена, профессия и род занятий, а также место и дата вашего въезда в нашу страну.

Фьяна тщательно рассмотрела документы.

— Очень трудно понять, что здесь написано, — сказала она. Цвет фона спрессованных листьев был темным, а фиолетовые знаки всего лишь чуть-чуть темнее.

— Все правительственные чиновники привыкли к этому, и у вас не будет проблем, — сказал он, радуясь возможности поговорить о тайнах своей профессии. — Но главное,

что королевские чернила воспроизвести невозможно. — Он повернул голову и слегка присвистнул. Из внутреннего дворика таможни появилось небольшое животное, подошло к его ногам и потерлось о лодыжки. У него были короткие лапы и очень длинный пушистый хвост. Его узкая заостренная морда заканчивалась носом, похожим на резиновый мяч, который непрерывно дергался. Чиновник остановился и протянул ему одну из бумаг. Маленький зверь понюхал документ и издал жужжащий одобрительный звук.

— Если бы документ был подделан или в него были бы внесены изменения, то зверек дал бы знать самым решительным образом. Поэтому я вам определенно советую тщательно спрятать бумагу с тем, чтобы ни пот, ни какие-либо другие загрязнения не испортили ее и не оставили никаких пятен. — Он подал им документы. — Подчиняйтесь законам, ведите себя пристойно, и... — он наставительно поднял палец, — не пытайтесь насаждать чужеземных богов. Соблюдайте эти простые правила, и ваше пребывание в нашей стране будет приятным и плодотворным.

Упаковав свои пожитки и продолжая путь, они проехали через деревню, обитатели которой носили одежду различных должностных лиц. Будучи пресыщенными жителями пограничного селения, они обратили мало внимания на приезжих. Анса заметил, что их головные уборы были более простыми, чем у таможенного чиновника, но все же на его вкус они показались слишком вычурными.

— Пересечение границы всегда происходит таким образом? — спросил он Фьяну.

— Так я слышала, — сказала она. — Хотя я полагаю, что они могут быть гораздо более дотошными.

Они покинули деревню и проехали поля, и джунгли снова сомкнулись над ними. Дорога была грунтовой, но достаточно широкой и с довольно хорошими указателями. Время от времени они проезжали мимо каменных постов с письменами на гранском языке. С менее регулярными промежутками они видели изваяния богов, установленные в нише придорожных молелен, где тучи насекомых жужжали над остатками приношений. Боги были обоих полов, в разнообразных одеждах, покровительствовали различным видам деятельности, с загадочными предметами, которыми они угрожающе размахивали.

Поздно ближе к вечеру они встретили большую группу путешественников, которые устраивали лагерь на ночь. Это было ровное место, поэтому часто использовалось для стоянок. Поляна располагалась около чистого ручья, ко-

стрища были выложены по периметру камнем, поднятым со дна. Шатры были уже поставлены, огонь разведен. Бородатый мужчина, явно не дикарь, улыбнулся им, когда они въехали в лагерь.

— Добро пожаловать! Оставайтесь с нами на ночь, друзья. В нашем количестве — наша безопасность, однако мы уже поднадоели друг другу.

— С радостью, — сказала Фьяна. По их виду, большинство были мелкие купцы, но оказалось там и несколько фигляров.

— Здесь опасно? — спросил Анса. — Что заставляет людей искать безопасность в своей численности? — Он спешился и вытянул ноги. Чистый запах дыма наполнял свежестью воздух.

— Разбойники, как и в любой стране. Но они не посмеют напасть на столь многочисленную группу, особенно когда среди нас воин. — Он поклонился. — Меня зовут Самис, купец из королевства Невва. Вам, госпожа, едва ли нужно сообщать о том, откуда вы родом. А по вашему виду, молодой господин, можно решить, что вы родом с равнин. Поэтому я предполагаю, что вы один из подданных короля Гейла?

— Так и есть. Анса, воин из племени рамди. А это госпожа Фьяна, торгует лекарственными средствами...

— Это честь для меня, госпожа, — сказал Самис. — Надеюсь, вы сделаете нам милость и одарите нас хотя бы одним легендарным даром из тех, которыми владеют ваши соотечественники.

— Возможно, — сказала Фьяна. — Но это не просто ловкость рук, к которой можно прибегать по желанию.

— Конечно, я понимаю, — сказал купец. — Но подойдите и садитесь около моего костра. Мои слуги снимут груз с ваших животных и поставят шатры. — Он хлопнул в ладоши, и четверо юношей прибежали на зов. По его быстрым командам, они разгрузили двух кабо и горбача. Для Фьяны и Анса приготовили место, и они уселись. Анса было приятно видеть, с каким почтением все относятся к Фьяне, хотя он и не мог толком понять причину своего удовлетворения. У него не было иллюзий на свой счет, он понимал, что отношение к нему — это просто дань вежливости. Воинов либо уважали, либо боялись, но и это все.

— Что он имел в виду? — спросил Анса, изучая острие своего копья в поисках ржавчины.

— Увидишь. Кое-что мы, каньонцы, умеем...

Он изучал остальных путешественников. Он не увидел соотечественников, но и не ожидал это. Не было среди них и других каньонцев. Группа состояла из представителей десятка народов, среди них были и паланы, которые не

имели национальности. Некоторые были уроженцами Грана, остальные — из королевств Невва, Чива и Соно.

Еще когда не разожгли костры для приготовления пищи, Фьяна уже занялась делом. Некоторые торговцы направлялись в те края, где лекарственные средства были редкостью, и они постарались запасти побольше всего, на что имелся спрос. На небольших весах они взвешивали деньги и кусочки металла, находящиеся в обращении.

Анса даже получил несколько предложений продать его великолепное стальное оружие, но их он отверг довольно невежливо.

Он испытывал отвращение воина к торговле, хотя отец и пытался неоднократно приучить его к мысли о важности этого занятия. Мысль о продаже его драгоценного оружия за деньги была ему отвратительна.

После обеда путешественники обменялись рассказами и новостями. Анса небрежно спросил о волнениях на западе.

— Недавно из Соно прибыл купец, — сказал ему Самис, — и рассказал, что там начинаются какие-то беспорядки. Король Мана созывает армию, очевидно, чтобы встретить нашествие с запада. В настоящий момент все еще очень туманно. Ты знал об этом?

— Слух пошел из пустыни, — ответил Анса уклончиво. — Меня это интересует, потому что я воин, и мои услуги могут быть востребованы.

— Если это война, — сказал купец, — то такая, которую я постарался бы избежать. Единственным вероятным противником с запада может быть король Гассем, а там, где он прошел, остаются лишь разорение и опустошение.

Анса чуть было не возразил, что репутация Гассема основана скорее на болтовне островитян, чем на фактах, но придержал свой язык.

Личная недоброжелательность к королю Гассему может показаться подозрительной.

— Может быть, это и неплохо, — сказал один из палана, лениво жонглируя тремя кожаными мячиками. — Один великий король здесь на юге вместо нескольких мелких... Приходится пересекать слишком много границ, иметь дело с огромным количеством чиновников...

— Ты можешь так говорить, — сказал соанец. — У палана нет своих земель. Большинство из нас довольны своими правителями. Судя по тому, что я слышал, этот Гассем просто-напросто бандит или пират, который сделал себе имя, свергая слабых и глупых королей. — Казалось, что большинство присутствующих согласны с таким суждением.

— Да, Соно ждут тяжелые времена, — продолжил мужчина. — Но король Мана воин, и у него великая армия.

— Величие Мана в его изваяниях, — прошептал Самис негромко. — Его армия может оказаться никчемной.

Анса переварил эту информацию и решил продолжить разговор с купцом, который, как казалось, был удивительно хорошо осведомлен.

Человек, ухаживающий за насками, подошел к Фьяне, жалуясь на зубную боль. Она заглянула к нему в рот и тронула опухоль на челюсти, от чего он дернулся.

— Это обычная боль, — сказала она. — Ничего загадочного в этом нет. В следующем городе, куда мы придем, найди зубодера. Если такого не окажется, подойдет и кузнец с парой хороших клещей. Этот зуб нужно вырвать, если ты хочешь сохранить другие.

— Но это будет больно, — сказал он. Остальные рассмеялись, а он озирался вокруг, не находя сочувствия.

— Если это будет сделано быстро, боль скоро пройдет. И это будет ничто, по сравнению с тем, что может случиться, если ты оставишь все, как есть.

Другие стали подходить к ней с просьбой о том, чтобы она распознала их хвори. К удивлению Анса, Фьяна прикладывала кончики пальцев ко лбу на короткое время, затем рассказывала о том, что болит у них внутри. Она не смогла помочь всем, но более, чем половине прописала лекарства. Позднее Анса спросил ее об этом.

— Ты не сказала мне, что ты лекарь.

— А я и не лекарь, — сказала она. — Истинных целителей очень мало, даже среди нас они редкость. Но некоторые из нас могут увидеть те неполадки, которые есть в теле. Это срабатывает не всегда. Мы не можем определять наличие внутренних паразитов, например, хотя и можем ощутить тот вред, который они нанесли. Иногда это очень печально. Ты видел человека, который подошел ко мне с болью в животе?

— Да, я видел.

— У него в желудке опухоль, которая наверняка убьет его в течение года или через год, но какой смысл говорить ему об этом? Ничего нельзя поделать, поэтому я посоветовала ему принимать те средства, которые снимают боль. Это все, что можно сделать в таком случае.

— Это похоже больше на бремя, чем на дар, — сказал он.

— Так и есть.

Следующим утром они продолжили свое путешествие. Большинство купцов направлялись в столицу, город, который называли Куила. Передвигаясь с такой малой ско-

ростью, какой шел этот небольшой караван, они находились все еще в двадцати днях пути от города. Являясь частью такого большого сообщества людей, они в определенной степени сохраняли анонимность. Время не казалось решающим фактором в их довольно неопределенных планах, поэтому они и не видели причин, чтобы не двигаться медленно в ленивой манере, наслаждаясь прогулкой в экзотическую и интересную страну.

Ощущение времени у Анса было настроено скорее на сезоны, календарный счет дней. Коль скоро, в конце концов, он достиг места назначения, то и не пытался торопить события. В этой необычной стране было много того, что стоило увидеть. Казалось, что люди слишком много уделяли внимания ритуалам, а каждое их действие сопровождалось множеством жестом, которые Анса считал странными. Они постоянно читали наизусть какие-то заклинания, молитвы и обращения к духам. Они обожали амулеты, талисманы разнообразного вида, и фимиам. Многие на ходу размахивали глиняными кадильницами, некоторые даже носили сверху на шляпах крошечные курильницы благовоний.

Однажды он спросил Самиса об всех этих религиозных наблюдениях.

— Не могу сказать, — ответил ему купец, — что вознаграждение, которое они получают от сверхъестественного мира, сколь-нибудь соизмеримо со временем и силами, которые они затрачивают на свое ревностное служение. Из всего, что мне довелось узнать, я понял, что у них очень много богов, демонов и духов. Всем им следует поклоняться. Мне это кажется очень скучным, а им явно по душе.

— Мой собственный народ проявляет уважение к духам, — сказал ему Анса, — но наши верования просты, по сравнению с этим. Правда ли, как я слышал, что у них распространены человеческие жертвы?

Самис оглянулся, словно в поисках граньянца, который мог бы их подслушивать.

— Да, это правда, — сказал он тихим голосом, — но они не допускают ни одного чужака быть свидетелем таких ритуалов. На твоем месте, я бы не проявлял такого пристального интереса. Существует много россказней о чужестранцах, которые внезапно исчезают как раз в то время, когда назначают такие жертвоприношения.

— Такие люди могли и осесть здесь, — сказал Анса.

Купец замахал рукой, отвергая это.

— Слухи, только слухи. Мне лично ничего не известно о таких исчезновениях. Люди позволяют себе чрез-

мерно тревожиться из-за таких невероятных вещей, хотя в повседневной жизни их окружают гораздо более простые, но значительно более страшные опасности.

Анса увернулся от летучей мыши, устремившейся в погоню за крошечной птицей. Размах кожистых крыльев был равен длине его руки. Оба создания мгновенно исчезли в густой растительности. Местами деревья переплетали свои ветви над их головами, и им казалось, что они прокладывают свой путь по мрачному зеленому туннелю.

Со всех сторон раздавались крики, призывы, вопли, мычание и другие голоса обитателей джунглей. При ограниченной видимости, здесь, казалось, в большом почете был шум. Те твари, которые привлекали свою пару или отпугивали врагов своим видом, имели яркую окраску, но форма их казалась нелепой. Однажды Анса был поражен тем, что он принял за маску рычащего существа с длинной шеей. Неожиданно «лицо» исчезло, и Анса увидел, что это ничто иное, как обманный рисунок на спине крылатой рептилии.

Росли здесь и плотоядные деревья, достаточно большие для того, чтобы схватить небольшое животное или птицу, но ходили и слухи о том, что глубоко в джунглях растут и такие, которые могут есть людей. Имелось множество и иных опасных растений. В непрекращающейся борьбе за выживание многие выработали необычные способы защиты и выживания.

Были жалящие растения, и такие, от прикосновений к которым начинался зуд.

Были и растения, выделения которых были столь ядовиты, что следовало соблюдать все меры предосторожности при сборе хвороста для костра, не ровен час попадутся такие стебли, которые при сгорании выделяют удушливый и ядовитый дым.

Были и такие, которые стреляли колючими семенами в форме дротиков, поражающими жертву с расстояния в несколько футов.

Все это приводило к тому, что следовало быть очень осмотрительным во время путешествия. Анса быстро понял, что величайшая красота может заключать в себе смертельнейшую из опасностей. Были тут и огромные красивые цветы, которые испускали дурманящие запахи, которые могли довести почти до смерти. Умирая, жертва питала почву вокруг корней растений.

Они прошли деревню, в которой крестьяне работали на полях и то и дело останавливались для выпалывания сорняков, которые буквально на глазах прорастали в этом плодородном крае.

— Я уже видел жителей деревень и торговцев, — сказал Анса, — и одного чиновника... но я еще не видел воинов. Разве эти люди не привыкли к войне?

— Это далеко не так, — сказал ему Самис. — Армии собраны в фортах, в основном вокруг границ, а также охраняют важные водные пути. Крестьяне люди мирные, нет необходимости в многочисленных гарнизонах, чтобы усмирить их.

— Правители этой страны, — продолжал купец, которому нравилось болтать с Ансой, — представляют собой военную аристократию. Они покорили Соно несколько поколений тому назад. Из прежних коренных жителей в армию не берут рекрутов, хотя на гражданской службе занята значительная часть этого населения.

— Как же они сражаются? — спросил Анса. — Они всадники? Лучники? Используют копья?

— У них есть войска с метательным оружием, но костяк армии состоит из дисциплинированных полков тяжелой пехоты, вооруженной копьями и военными топориками.

Анса огляделся вокруг.

— Мне кажется, что это плохой выбор для сражений в джунглях.

— Они редко сражаются в джунглях. На самом деле, никто этого не делает. Высокогорье гораздо более открытая местность и значительно здоровее. Вот там и происходит большинство сражений, когда южные короли ведут борьбу за власть. Также много раздоров из-за горных перевалов и наиболее важных городов.

— Всю свою жизнь я слышал о великих городах юга, — сказал Анса, раздавливая насекомое, которое село ему на шею, чтобы напиться крови. — Но до сих пор я не видел ничего, кроме деревень.

— И опять же, — сказал Самис, — эта низменная страна джунглей не подходит для крупных поселений. Когда мы продвинемся дальше на юг, на более открытые земли, вы увидите города, построенные на широких полях и водных путях. Мы уже начинаем подниматься. Уже завтра ты почувствуешь разницу.

— Жду, не дождусь, — отозвался Анса. Его скакун вздрогнул и рванул в сторону на несколько шагов, так что юноша должен был приложить усилие, чтобы восстановить порядок. — И мой кабо тоже. Эти насекомые сводят с ума бедное животное. Неудивительно, что южане так мало используют кавалерию.

— Правильно, — сказал Самис. — Это место не годится для нежных животных с таким горячим норовом.

Горбачи и наски, с их густой шерстью, толстой шкурой и большей понятливостью, подходят куда лучше. За высокогорьем земля снова спускается к берегу. Прибрежные болота столь губительны, что твой кабо там не протянет и десяти дней, да и ты тоже проживешь не дольше, хотя лекарственные средства дамы из Каньона и могут поддержать тебя некоторое время.

— Я запомню это и постараюсь по возможности избегать побережья. — Смерть от болезней совсем не входила в жизненные планы юноши. Он заговорил об этом с Фьяной в тот же вечер.

— Мне известно немало лекарственных средств, — сказала она ему. — В Каньоне мы знаем, как лечить многие заболевания. Но никто не знает, что на самом деле вызывает некоторые хвори. Плохая вода вызывает болезни, а также укусы некоторых насекомых, но это только способы передачи, а не сама хворь. С травмами српавляться проще. Все, что мы можем сделать, это вылечить повреждение или, по крайней мере, уменьшить его.

— Некоторые здесь утверждают, что вы, каньонцы, можете исцелить все, — сказал он.

— Это потому, что люди хотят верить в это. Именно поэтому так много обманщиков. Люди так страстно ищут исцеления, что готовы поверить всему.

— Это огорчительно, — сказал он. — Частые ранения — участь воина.

— По крайней мере, раны лечить легко, — уверила она его. — Сломанные кости можно собрать, рваные глубокие раны зашить. Все это очень болезненно, но воин должен терпеть боль.

— Естественно, — сказал он решительно.

— Конечно, — отметила она, — гораздо больше смысла в том, чтобы избегать травм.

— Какая же в этом заслуга? — спросил он.

Она вздохнула и провела рукой по лицу, как бы стирая дурные воспоминания.

— Иногда я удивляюсь, почему мы должны обращаться к лекарям и целителям, когда люди прикладывают такие усилия, чтобы нанести вред себе и другим.

Анса посчитал это чисто женским суждением, но он не был склонен обсуждать это с Фьяной.

Глава седьмая

Великая армия с черными щитами развернулась в южном направлении, перемещаясь на самой высокой скорости. Но даже и сейчас король Гассем был недоволен, вспоминая те времена, когда его армия полностью состояла из шессинов. *Они* бы выполнили этот марш бегом. Восемь дней тому назад он воссоединился с силами Люо, и сейчас они отправились в южном направлении вниз по реке для того, чтобы захватить королевскую армию, собранную наспех и зажатую между его силами и войском Урлика.

Даже во время марша Гассем знал, что сообщение о вторжении уже спешило в столицу. С этим ничего нельзя было поделать в настоящий момент, но уже почти не имело значения то, что их появление не будет полной неожиданностью. Даже если король Мана попросит помощи у правителя Соно или соседей с юго-востока, они по всей вероятности не успеют вовремя прислать подкрепление. Военные кампании короля Гассема всегда отличались быстротой, жестокостью и беспощадностью. Еще до того, как остальные короли узнают, что же случилось, у них на их границах уже появится новый сосед, и очень недружественный...

Размышляя об этом, Гассем засмеялся. Он любил войну, обожал подготовку к ней, наслаждался баталиями, кровопролитием и мастерством своих воинов. Быть королем в собственной столице и видеть подданных, падающими ниц было приятно, так же, как принимать почести от зарубежных послов.

Но все это было ничто рядом с новым походом!

Единственное, чего не доставало ему, думал он, маршируя во главе своей армии, когда пот ручьями стекал по груди, а его стальное копье блестело в ярком солнечном свете, было присутствия рядом его королевы. Это было первое завоевание, которое она не разделяла с ним.

С самого первого момента, когда он был всего лишь юным воином с грандиозными замыслами, а она дочерью старейшины, они делили все поровну. В те дни он продвигал осуществление своих планов, используя различ-

ные уловки и вероломство, она же всеми способами помогала ему. У нее не было угрызений совести по поводу такой тактики, она просто восхищалась его ловкостью так же, как и отвагой. В более поздние годы, когда он осуществлял завоевания, встав во главе войска и используя только голую силу, она сохраняла все эти качества.

Но королевский сан имел и свое бремя, думал Гассем. Замечательно, когда весь мир пресмыкается у его ног, но высокое общественное положение налагало на него и определенные обязанности, без выполнения которых он не смог бы ничего поделать. После покорения народностей их земли становились областью его ответственности. Он должен был заботиться об их процветании, если даже ранее желал только разрушения. Когда-то он полагал, что задача, которая стоит перед ним, очень проста. Он должен уничтожить своих врагов, стереть с лица земли их города и деревни и превратить все завоеванные земли в пастбища. Для его народа единственной достойной жизнью было разведение домашнего скота. Этот план оказался неосуществимым. Великие армии нуждались в судах, обеспечении провиантом, вооружении и всех остальных средствах, которые могла обеспечить только такая цивилизация, которая основана на сельском хозяйстве и обладающая административными центрами, а также сетью дорог.

Это, в свою очередь, означало, что он должен взвалить на себя все бремя цивилизации: писцов, чиновников, администраторов, дипломатов, купцов и так далее. Это беспокоило его еще более, чем мастера и ремесленники. Конечно, эти мастера не были равноценны воинам, но даже Гассем был вынужден признать, что без них у него не было бы таких полезных вещей, как подзорные трубы и прекрасное оружие. Но более всего он ненавидел жрецов. Возвращаясь назад, в те времена, когда он был еще у себя дома на островах, именно шаманы, посредники между миром духов и людей, отказывались способствовать его приходу к власти. Когда же он завершил переворот, то стер их с лица земли.

Сейчас он страстно желал сделать это же со жрецами, которые наводняли города. Для него они были ничего не стоящими паразитами, как раздутые клещи, которых он должен был вытаскивать из шкур кагг, когда был еще ребенком. Он жаждал уничтожить их всех. И все же, каким-то образом, они сделали себя необходимыми. С помощью какого-то непонятного волшебства они заняли неприступное место в цивилизованном обществе, вместе со своими храмами, богами и бесконечными ритуалами.

Гассем с удивлением обнаружил, что он может грубо

притеснять завоеванный им народ, и тот смиренно подчинится. Но как только он станет угрожать жрецам, народ восстанет. Что ценного находят люди в этих толстых бездельниках, он даже не мог и представить. Они проедали пищу, выращиваемую крестьянами, и подношения горожан, и настолько, насколько Гассем мог судить, ничего не давали взамен. И для него стало очевидно, что все люди, кроме воинов, были крайне глупы и заслуживали быть только рабами.

К счастью для него, Лерисса действительно наслаждалась повседневной работой, связанной с управлением его обширными владениями. Ей нравилось заниматься строительством и наблюдать, как их подданные трудятся во славу своих короля и королевы. Она была великолепна в дипломатии, и ей нравилось заниматься перепиской с соперничающими монархами. Она даже научилась читать, чтобы писцы точно воспроизводили ее слова. Она даже нашла средство манипулировать жрецами, в чем королева Шаззад из Неввы давала ей много полезных советов.

И все же жрецы оставались язвой, терзающей его. Они были как бы дырой в его завоеваниях, делая их неполными и незавершенными. Однажды он разделается и с этими человеческими клещами. Но это может подождать и до тех пор, пока он завоюет весь мир, что было так же неизбежно, как и последующая судьба жрецов.

Он отталкивал от себя эти неприятные мысли. Был прекрасный день, один из тех дней, которые предназначены для битвы. Позади себя он мог слышать своих людей, вдыхать запах их пота, чувствовать их жажду крови. Две небольшие битвы, оставшиеся позади, разогрели их. Это были легкие сражения, которые стоили ему недорого, но принесли значительный выигрыш, подняв дух войска, как если бы его люди еще больше окрепли при виде сраженных врагов. Он чувствовал, что это правда, что с каждым убитым противником возрастала сила его воинства. Да, Гассем истребил целые нации и, следовательно, он был могущественнейшим человеком на земле.

И что более важно для его настоящей задачи, так это то, что небольшие сражения обеспечивали легкий способ ввода более молодых и неопытных воинов в битву. После таких пустяковых кровопусканий они станут лучше подготовлены для истинных битв, когда наступит их черед.

А это будет очень скоро. Очень скоро они соединятся с Урликом, а где-то между ними находилась армия под руководством королевского командующего. Гассем не имел ни малейшего представления о размерах армии противника, но знал, что вместе с Урликом превзойдет их числом.

Он ожидал ожесточенной битвы. Он часто побеждал противника, силы которого многократно превосходили его собственные. В конце концов, он был королем-воином и предводителем воинов. Все прочие были домашней скотиной...

Дыхание остановилось у него в горле, когда он увидел разведчика, несущегося к нему галопом вниз по реке. За последние несколько дней земля стала ровной. Они проходили маршем через территорию открытых полей и низких холмов. Возвышенности были густо покрыты лесами, но настоящих джунглей не осталось. Это было хорошее место для битвы, и Гассем был уверен, что битва окажется именно такой, какой предвещал ее этот спешащий связной. Воин осадил животное, сделал круг и спешился. Ведя кабо за поводья, он заторопился к Гассему. Король не остановил и даже не попытался замедлить его поспешное приближение, так он желал получить ответ.

— Мой король, соноанская армия перед нами, на расстоянии не более, чем пять миль вниз по дороге!

— Их численность? — рявкнул он.

— Приблизительно семь наших полков, легкой и тяжелой пехоты приблизительно половина наполовину. — Всадник задыхался после такой напряженной гонки.

— Больше, чем я ожидал, — сказал Гассем. — Не имеет значения.

— Действительно, не имеет значения, мой король. Они повернулись к нам спиной! — Человек усмехнулся, несмотря на усталость.

— Что! — закричал Гассем недоверчиво.

— Генерал Урлик изматывает их спереди. Их полководец перестроил боевой порядок в ту сторону. Генерал Урлик лишь дразнит их, но еще не атаковал, в соответствии с твоим приказом.

Гассем громко засмеялся.

— Я почти готов поверить в этих богов, о которых болтают жрецы! Это был мой план, но даже я не мечтал, что все сложится столь великолепно. Разведчик, готово ли твое животное для еще одной бешеной скачки?

— Мой кабо и я всегда готовы ко всему, что прикажет мой король, пусть даже это может убить нас!

Король снова засмеялся.

— Отлично. Скачи к генералу Урлику. Обойди армию врага и используй местность, чтобы по возможности дольше не попадаться на глаза врагу. Передай Урлику, чтобы он продолжал делать то, что он делает сейчас. В течение двух часов я обрушусь на врага сзади. В этот момент он должен на-

пасть. Передай ему, что он должен атаковать их левый фланг, а фланг у реки оставить открытым. Когда начнется паника, они кинутся в реку, где мы их и перебьем.

— Будет сделано, мой король! — Разведчик сел в седло и галопом поскакал прочь.

Еще давно Гассем понял, что неразумно полностью окружать врага. Окруженные люди упорно сражались в полном отчаянии. Но открытый путь к спасению обманывал перепуганных солдат, как магическое заклинание. Они могли покинуть поле боя и бежать даже в том случае, когда битву еще можно было выиграть.

— Перед нами враг! — закричал король. Далеко позади него воины передавали новость тем, кто был за пределами слышимости. Раздался глухой рык, словно голос огромного охотящегося зверя. — Поторопитесь! — призвал он. — Мы нападем на них, как внезапно накидывающийся ночной кот, и растерзаем их! Следуйте за мной!

С этими словами Гассем пустился рысцой. За ним вся армия изменила поступь. Послышался негромкий боевой гимн. Гассем хотел бы пуститься бегом, но ему нужно было дать время связному добраться до Урлика. Кроме того, он хотел сохранить своих людей свежими для сражения. Если бы его армия полностью состояла из шессинов, он бы все равно побежал, но не должен был допустить преждевременной усталости среди более слабых.

Его кровь бурлила, когда он маршировал во главе своей армии. Именно для этого он и был рожден... рожден для того, чтобы возвыситься над всеми остальными людьми. Его возбуждение нарастало от перспективы грядущего великого убийства. Он чувствовал, что его знаменитое стальное копье тащит его вперед, подрагивая от стремления скорее напиться крови врагов.

Через час они подошли к крутому повороту дороги. Там, где дорога слегка поднималась, он обнаружил еще четырех своих разведчиков. Они оставались на месте, в то время, как их товарищ поскакал обратно, чтобы оповестить короля о том, что его ожидает. Гассем поднял копье, чтобы остановить армию, и все застыли на месте.

— Мой король, — сказал начальник войсковой разведки. — Поднимись на холм, и ты увидишь армию врага, как на ладони.

— Превосходно, — сказал король. — Они тебя заметили?

— Нет. Они так заняты тем, что находится перед ними, что даже не выставили тыловой охраны. Генерал Урлик дает им такое представление, что они должны думать,

что перед ними собралась вся армия. Я догадываюсь, что он вводит их в заблуждение, заставляя их думать, будто ночью мы окружили их и соединились с армией Урлика с запада.

— Ничего не может быть лучше! — сказал Гассем, продвигаясь по дороге вверх, чтобы посмотреть на противника. Через сотню шагов дорога достигала вершины подъема и затем вновь плавно спускалась вниз. На расстоянии, равном полумиле вниз по склону, в широкой долине, открывался вид, милый его сердцу: шеренга за шеренгой дисциплинированная, хорошо вооруженная армия, все солдаты которой стояли лицом в противоположную сторону. Каким образом любой командующий мог привести такую прекрасную армию на хорошее поле битвы в превосходном состоянии и пренебречь наблюдателями на дороге к северу от них, он мог только недоумевать. За Гассемом следовали Люо и командующие другими подразделениями. Он махнул им рукой, чтобы они присоединялись к нему, и те расположились рядом в соответствии со своими званиями, в изумлении взирая на зрелище, открывавшееся перед ним внизу.

— Они могут заметить нас, — сказал Гассем, — но они даже не повернутся. — За армией врага они увидели огромные клубы пыли, безусловно, поднимаемые подразделениями Урлика, чтобы и дальше сбивать с толку войска королевства Соно.

— Это выходит за пределы моего понимания! — сказал бритоголовый островитянин. Он непрерывными кругами вертел короткий боевой топорик, его запястье было таким же гибким, как шея ящерицы.

— То, что вы видите перед собой, — сказал король, — случается, когда армия имеет превосходную организацию на более низких уровнях, превосходных офицеров небольших отрядов, и глупцов в общевойсковом командовании. Это хорошие солдаты, подготовленные к тяжелым сражениям, но обреченные на полный провал своими командующими. — Все капитаны согласно кивнули, полностью одобряя это суждение.

— Ну, — сказал Гассем, — все это очень занятно, но теперь настало время для битвы. Вы все знаете, что делать. Мы делали это многократно и ранее. У меня войска выстроены в виде полумесяца. Вы должны обеспечить дополнительную глубину центра, используя южные подчиненные группировки. Эти люди могут оказаться упорными, судя по их виду, даже когда мы застанем их врасплох. Занимайте позиции быстро, но тихо. Не должно быть никаких песнопений, ударов по щитам. Мне бы хотелось сохранить неожиданность до последнего момента. После завершения боевого построения я прикажу идти в наступление. Возможно, мы успеем занять боевые

позиции до того, как они заметят нас. — Он обозрел скопившиеся огромные массы воинов с обеих сторон дороги, где разместилась его армия в ожидании. — Жаль, что мы не можем занять позиции на противоположной стороне склона и пойти в боевом порядке через вершину, но здесь уже ничего не поделаешь. Начнем...

Его командующие побежали к своим подразделениям. Очень тихо босоногие воины начали перебираться через вершину, и каждый держал оружие подальше от щита, чтобы оно не клацало. Копьем Гассем указал на место желаемого размещения армии. В центре он поставил лучшие подразделения подчиненной ему пехоты, оснащенной большими щитами, имеющими ремни, завязываемые на шее, и сверхдлинными копьями. Это было последнее новшество, изобретенное им для придания дополнительной силы пехоте, в боевой эффективности которой он сомневался. Когда все было готово, он поднял свое копье, указывая на врага. Так как на этом поле битвы не было никакой выгодной позиции, он разместился на передовой, чего не делал уже в течение многих лет. Это было ощущение, которого Гассему недоставало.

Удивительно, но соноанцы еще не видели их. Затем он заметил, как несколько человек обернулись через плечо. Несколько мгновений спустя уже все задние ряды смотрели назад, широко открытыми глаза. Теперь он знал, что в тишине уже нет никакой необходимости. Громким голосом он запел древнюю боевую песнь шессинов. Мгновенно вся остальная армия подхватила гимн, топая ногами и в такт стуча копьями по обратной стороне щитов. Он знал, что на врагов их вид наводил ужас: несметные массы варваров полумесяцем окружали их сзади, копья блестели в ярких лучах солнечного света, украшения из меха развевались, перья покачивались на фоне черных безжалостных щитов.

Тем не менее, среди рева труб и пронзительных звуков волынок соноанская армия начала разворачиваться к врагу самым дисциплинированным образом. Офицеры заторопились к новой передовой, их меднокожие лица внезапно побледнели, едва лишь они поняли, что попались на военную хитрость, тогда как настоящая армия захватила их врасплох.

Неумолимо, закрытые черными щитами, воины шли вперед. Гассем не останавливался для того, чтобы держать речь, требовать сдачи или переговоров. Он пришел, чтобы убивать врагов, и он это делал. Из задних шеренг полумесяца на соноанцев градом посыпались стрелы. Это заставило его вспомнить, что, находясь на такой открытой позиции, он может стать основной мишенью для лучников из враже-

ских рядов. Он слегка замедлил шаг, чтобы армия сомкнулась перед ним и закрыла его. Его длинный шессинский щит станет надежной защитой от стрел, нет смысла быть убитым ради нелепого геройства...

С ревом две армии столкнулись. Гассем обнаружил, что находится лицом к лицу с соноанским солдатом, с грубыми резкими чертами лица, который чуть помедлил поднять свой щит. Шессинское копье вонзилось в шею солдата и пронзило ее насквозь со скоростью мелькающего языка ящерицы. На место павшего солдата встал другой, и Гассем применил несколько приемов выпадов и блокировки, демонстрируя свое мастерство и спокойную уверенность. Вскоре его окружила такая же невозмутимая пехота Чивы. Пара воинов быстро закрыла короля своими щитами, защищая от дальнейшей угрозы со стороны соноанцев. Сквозь кровавую пелену он услышал голос офицера:

— Уходите в тыл, мой король. Здесь только наша работа.

Гассем отступил, позволяя шеренгам с черными щитами сомкнуться перед ним, прошел назад между рядами, высоко держа свой собственный щит, чтобы защитить себя от стрел, дротиков и другого метательного оружия. Вскоре последний полк перестроился перед ним, и он оказался в тылу, наблюдая за сражением и слушая невоспроизводимые звуки смертельной схватки.

Гассем встряхнулся и пытался собраться с мыслями. Он постыдно потворствовал своим страстям и вел себя, как юный рекрут в первом бою. Так не пойдет. Перед ним битва, которой он должен руководить. Более того, у него есть военная кампания, которую он должен проводить, и империя, которой он должен править. Настала пора снова занять свое место короля и победителя.

Над массой пеших бойцов Гассем видел нескольких вражеских офицеров, державшихся в седле: они пытались управлять сражением, но их крики невозможно было услышать, и король знал, насколько тщетны все их усилия. Маневрирование было завершено, а резервов, которые можно было бы ввести в бой, не осталось. Сейчас уже не было ничего, кроме мучительного изнуряющего позиционного боя.

Он увидел Урлика, который, наклоняясь вперед, сидел верхом на кабо, и широко улыбался.

— Еще одна прекрасная битва, мой король! — прокричал он, когда Гассем подошел ближе.

— Возможно, но пока я ничего не вижу. — Они пожали друг другу руки, и Урлик прокричал, чтобы несколько всадников подъехали к ним. Два самых сильных всадни-

ка встали рядом стремя к стремени и подняли между собой щит. Гассем забрался на щит, который эти двое подняли над своими головами и держали на вытянутых руках. С этой шаткой командной позиции Гассем наблюдал за боем.

Соноанцы, окруженные врагами с трех сторон, вытеснялись к реке. Их шеренги уже не были сомкнутыми, и люди не могли эффективно использовать оружие, им приходилось даже наступать на павших, потому что невозможно было избежать этого. Эта толпа более не представляла собой сражающуюся силу, и Гассем удивлялся, что они не разбиты до сих пор.

Он видел, как начался неизбежный распад армии. Полдюжины бойцов побросали свои щиты и оружие и ринулись к реке, бросились в ее воды и отчаянно поплыли к другому берегу. Остальные посмотрели и начали делать так же. Люди, которые всего лишь несколько мгновений назад сражались, силясь нанести удар противнику, начали так же упорно сражаться за возможность пробиться через своих товарищей к спасению.

Гассем прокричал команду, офицеры отозвали лучников и поставили их вдоль берега реки, и из этих удобных позиций те стали посылать стрелы вслед плывущим людям.

Началось настоящее смертоубийство. До тех пор, пока солдаты сохраняли построение, потери были минимальны, они могли защищать себя даже от наиболее умелых воинов. Когда же построение было нарушено, и они побросали оружие и показали врагу свои незащищенные спины, их гибель стала неизбежной.

Соноанцев безжалостно убивали целыми толпами, а в армии Гассема прекратились потери. Вместо воинской доблести, многие были охвачены кровавой яростью. Некоторые стремились пронзать копьями и кинжалами по возможности большее число убегающих врагов. Другие рубили и кололи тела павших, уродуя их до тех пор, пока в них уже нельзя было признать людей.

На реке паника была столь велика, что гораздо большее число людей утонуло, чем было поражено стрелами воинов Гассема. Люди от ужаса впадали в безумие, давя тех, кого за несколько минут до этого называли братьями. Они превратились в животных, борющихся за возможности сделать еще хоть один вдох.

Гассем спустился на землю. Более не предвиделось ничего важного, на что следовало посмотреть. Все бойни были одинаковые. Смрад от крови и разбросанных внутренностей для его ноздрей был благоуханием.

 — Как ты думаешь, сколько из них спаслось? — спро-

сил Гассем у чиванского капитана, который руководил лучниками на берегу реки.

— Не более сотни, мой король, — сказал офицер, спускаясь со своего кабо. Король не любил смотреть снизу вверх, когда разговаривал с подчиненными.

— Это хорошо. На другом берегу реки погони не будет. Нам требуется такое количество спасшихся, которое было бы достаточно для распространения сведений о поражении. Без этого их король будет настаивать на том, что вообще ничего никогда не происходило.

— Люди выходят из подчинения, мой король, — сказал Люо, который не любил любых нарушений дисциплины.

— Пусть деляют, что хотят, — приказал Гассем, — до тех пор, пока они не дерутся друг с другом. Все они долго находились на марше, а теперь они славно сражались. Пока что мы в безопасности. Пусть празднуют. — Его капитаны кивнули в знак признательности, хотя Люо с отвращением наблюдал за безумным, бессмысленным и жестоким убийством.

К своему удивлению, Гассем понял, что он устал. Никогда ранее не чувствовал он усталости после боя, каким бы напряженным он ни был. Длиннейший переход, бег и сражение, все это измотало его силы. Возможно, думал он, Лерисса и права. Возможно, возраст сказывается.

— Ступай в мой лагерь, мой король, — сказал Урлик. — Ты здесь не нужен, и поэтому мы можем расслабиться. Ты похудел с тех пор, как мы расстались, тебе нужно восстановить силы.

— Превосходная идея, — сказал Гассем. Вместе они покинули поле боя.

В четверти мили от места сражения Гассем с удивлением увидел искусно разбитый лагерь с шатрами и временными укрытиями в стиле островитян. Повсюду, куда бы он ни посмотрел, были сложены горы провианта, фляги с вином, груды фуража для животных. Пленные обслуживали воинов и ухаживали за ранеными, которых принесли с поля боя.

— Я не знал, что ты пойдешь через столь богатый край! — сказал Гассем восхищенно. Урлик подошел к мягкому креслу перед самым большим шатром, и король сел, взяв чашу, которую ему подала рабыня.

— Не богаче чем тот, через который проходил ты, — сказал Урлик. — Ты помнишь, я рассказывал о том, что нашел новое применение кавалерии?

— Я помню.

— Ну, вот это оно и есть. Забудь об их использовании в сражениях, не отличающихся большим размахом, или

в войсковой разведке, что вряд ли намного лучше. То, для чего конница действительно хороша, это поиск продовольствия! Однажды, когда мы были на территории врага, я послал большое подразделени с одним-единственным заданием: выявить и достать провиант для армии и фураж для животных. – Островитянин поставил ногу на бочонок и наклонился к королю. – Сколько мы голодали в этой стране? А почему? Потому что крестьяне знали о нашем приходе и прятали все припасы. А всадники, которые едут впереди и делают широкий охват по флангам, могут хватать ни о чем не подозревающих крестьян и гнать вместе с их домашним скотом к нам прямо в руки. Мы жирно ели на протяжении всего этого перехода. Я не позволял людям нести тяжелую поклажу, чтобы не изнурить их и не замедлить ход, но они с нетерпением ожидали хорошей еды каждую ночь в лагере. После того, как мы вышли к реке, я приказал разбить лагерь и мы собрали здесь все эти богатства. Ты знаешь, зачем я так сделал?

– Потому что любишь хорошо пожить? – спросил король.

Урлик усмехнулся.

– Каждый этого хочет. Нет, это была военная хитрость. Соноанцы видели эти горы добра и даже не могли подозревать, что я держу их здесь только из-за военной хитрости. Они считали, что только целая армия может собрать такую громадную добычу.

– Именно так и я бы подумал на их месте, – сказал Гассем. – Только перед тем, как мы возьмем город, мы прикончим эти запасы. – Он откинулся назад и сделал долгий глоток, освежая вином свое пересохшее горло.

– Куда мы двинемся дальше? – спросил Урлик.

– Мы подождем здесь еще несколько дней. Люди и животные сбили ноги, им нужен небольшой отдых. Сегодня вечером люди могут праздновать. Завтра они будут приходить в себя после празднования. Послезавтра мы восстановим порядок. Мы должны найти хороший переход через реку.

– Мне говорили, что в двух днях пути в южном направлении есть хороший мост, – сказал ему Урлик.

– Завтра пошли несколько разведчиков, чтобы нашли его. – Он немного подумал. – Я пошлю отделение моих чиванских солдат для его охраны. Возможно, какой-нибудь командующий с другой стороны реки может вовремя получить сообщение о битве и успеет разрушить мост.

– Лучше подстраховаться, – согласился Урлик. Он заметил, что на лице короля появилось несвойственное ему печальное выражение.

— Что беспокоит тебя, мой король?

— Мне бы хотелось, чтобы с нами отправилась Лерисса, — сказал он, махнув рукой в направлении поля битвы. — Она скучает без всего этого.

— Мы все чувствуем отсутствие королевы, — сказал Урлик. Он не знал другой пары, столь же преданной друг другу, как Гассем и Лерисса.

Этой ночью в лагере была шумная пирушка. Помимо угощений и напитков, местных деревенских женщин, захваченных фуражирами Урлика, были и другие развлечения. Среди последователей Гассема были такие, кто наслаждался пытками, другим по их религиозным убеждениям нужно было приносить человеческие жертвы в знак благодарности за победу. Для них имелось огромное количество пленников, на которых они могли совершенствовать свое искусство.

Гассем давно сделал своей привычкой таким образом вознаграждать своих людей после боя, но он и наложил строгие ограничения. Не должно быть ссор. Если начиналась драка, все участники должны быть немедленно наказаны. Помимо того, хотя люди и могли совершать те религиозные обряды, которые им нравились, запрещены были любые гадания или предсказания будущего. Такие вещи портили дух войска и подрывали власть короля.

Позже ночью костры все еще горели и доносились звуки пиршества, когда к Гассему подошел встревоженный Люо. На его лице было смятение. Гассем лениво развалился в кресле, глаза его опухли и покраснели, он устал от выпивки и обжорства.

— Мой король, — неуверенно начал Люо, — происходит что-то ужасное, там, среди деревьев. Это все твои южане, и эти женщины... — Он показал на молодой лесок в нескольких сотнях шагов от них. Мерцающий огонь костра едва был виден между стволами деревьев.

Гассем нахмурился.

— Они дерутся?

— Гораздо хуже. Они потащили туда пленников.

— Что с того? Пусть развлекаются. Я отдал приказ, чтобы к утру ни одного пленника не осталось в живых.

— Это не совсем то, — сказал Люо с явным отвращением. — Они... ну, они *едят* их!

Гассем был скорее заинтригован, чем испуган.

— Правда? Я всегда слышал слухи, но никогда не верил им на самом деле. Это может быть частью какого-нибудь ритуала. В конце концов, ведь мы не испытываем недостатка в мясе.

— Ты не собираешься ничего сделать по этому поводу? — воскликнул Люо.

— А почему я должен вмешиваться? Они не нарушают моих приказов. Помимо того, слухи распространяются гораздо быстрее, чем мои армии. Это наведет ужас при упоминании одного только моего имени, враги будут дрожать сильнее прежнего. Мои враги и пленники все равно что домашний скот, так почему же их нельзя потреблять таким образом? Оставь их в покое, Люо.

Тот удалился с недовольным видом. Гассем знал, что шессины не любят, когда он позволяет некоторые вольности низшим расам. Они завидовали той благосклонности, которую король проявлял к воительница, но ему это было безразлично, покуда они повиновались. Гассем с трудом поднялся на ноги и пошел в направлении леса, откуда раздавались странные звуки. Это он хотел увидеть своими глазами.

Глава восьмая

Как и обещал купец Самис, соноанские высокогорья были значительно приятней джунглей, через которые они прошли с таким трудом. Здесь было куда меньше лесов и больше полей, похожих на драгоценные камни, — так любовно они были возделаны и ухожены. Больше стало и людей, то и дело попадались селения и города, и они уже начали осматривать легендарные храмы этой страны.

Эти сооружения были самой разной формы. Некоторые представляли собой строения в виде пирамиды, сложенной из четырехугольных и даже треугольных блоков уменьшающегося размера, остальные башни были в виде конуса с винтовыми лестницами или пандусами, огибающими их по спирали. С конька каждого сооружения поднимался дым, и путники часто наблюдали процессии, шествующие в эти таинственные громадные строения или из них.

Это, как чувствовал Анса, было больше похоже на то, что он хотел. Он прибыл сюда, чтобы посмотреть экзотические цивилизованные земли, и видел их сейчас. Здесь дорога была вымощена камнями, с канавами для стока воды и поребриками по бокам. Эта часть страны была настолько ухожена, что каждые несколько миль им встречались площадки, оборудованные как постоянные лагеря, где они могли провести ночь, не прибегая к необходимости тесниться в какой-либо деревне или самовольно размещаться на земле протестующего селянина.

Однажды они прошли мимо военного лагеря, где Анса остановился, чтобы понаблюдать за несколькими сотнями солдат, проходящих строевую подготовку в сомкнутом строю. Доспехи солдат включали в себя наручи и наголенники, и имели специальную набивку, покрытую сверху бамбуком, нарезанным в виде полос, а доспехи офицеров изготовлены были из кожи, отделанной бронзой. Также у офицеров были бронзовые шлемы и искусно изготовленные плюмажи из перьев.

Их перемещения сомкнутым строем были необычны для глаза Ансы, потому что он привык к лучникам-кавалеристам у себя в стране. Такое маневрирование шеренгами смотрелось грубым и неуклюжим. Ему было трудно предста-

вить, что такая тактика может быть эффективной на открытом пространстве. По командам, передаваемым с помощью трубы и флейты, они поворачивались, меняли фронт, поднимали и опускали копья, ставили свои щиты таким образом, чтобы образовать разборную стену перед каждой шеренгой, останавливались и даже отступали. Передняя шеренга вставала на колени за своими щитами, и две шеренги, находящиеся за ней, толчком выбрасывали пики вперед затем, чтобы образовался колючий непроходимый забор для атакующего. В другой раз они поднимали свои щиты над головой, образуя сплошную крышу.

Это приводило зрителей в восхищение, но, по мнению Ансы, для солдат все это было абсолютно скучным и надоедливым делом. Бесполезное повторение бесконечных упражнений, казалось, приведет к оцепенению мозга. Но затем он вспомнил то, что говорил ему отец и другие, кто вели военные кампании в цивилизованных странах: только командир имеет значение в таком сражении. И все равно, это казалось скучным.

— К завтрашнему дню мы попадем в столицу, — сказал он Фьяне.

— Я знаю, — отозвалась она, потупив взгляд, что показалось ему странным.

— Кажется, ты не находишь никакого удовольствия в этой идее.

— Нет, не нахожу. Все это для меня чужое. Все это меня тревожит, и я предполагаю, что большой город будет еще хуже.

— И для меня это чужое не менее, чем для тебя, — заметил он. — Но я зачарован всем, что увидел, просто потому что это новое не похоже на то, что я видел ранее.

— Ты кочевник, — сказала она. — Мы, каньонцы, не такие. Мы редко путешествуем, забираясь далеко от дома. Я думаю, что мы настолько гармонично связаны со своей землей, что вдали от нее мы теряем силы и чахнем. — Она сделала паузу. — Я рада, что ты сопровождаешь меня.

Его странная спутница открылась для него с новой стороны. До сих пор она казалась ему уравновешенной, самоуверенной почти до надменности, что, пожалуй, было справедливо и для всех каньонцев. А сейчас, отделенная от своей земли и подобных ей людей, она стала более человечной. Она производила впечатление беззащитной молодой женщины, почти девочки.

— Это пройдет, — сказал он ей. — Требуется время, чтобы привыкнуть к чему-то совершенно иному. Раньше

ше тебе никогда не приходилось отделяться от своих людей. Со временем эта постоянная перемена окружающей обстановки покажется естественной, и ты будешь думать о том, что твоя прежняя жизнь была очень скучной.

— Я не уверена в этом, — отозвалась она и улыбнулась. — Но спасибо тебе за то, что ты старался переубедить меня. Я не собираюсь стать мрачным спутником в путешествии.

— Просто пойми, что я здесь для того, чтобы защищать тебя, — уверил он ее. — Ничего плохого не случится.

— Я запомню, — сказала она со смехом.

И все равно первый день в столице оказался потрясением. Это поселение, которое носило на граньянском языке замечательно неоригинальное название Великий Город, было расположено на огромной равнине, окруженной горами.

Еще только начало светать, когда они приближались к нему, и сначала Анса подумал, что видит перед собой холм странной формы. Только после того, как они подъехали ближе, он понял, что перед ним творение рук человеческих. Массивная городская стена была высокой, отклоненной от своего основания к парапету, который был на семьдесят или восемьдесят футов выше окружающей равнины. За стеной хорошо не следили, и она поросла кустарником, а кое-где даже и маленькими деревьями.

Над парапетом он увидел беспорядочные массы строений, которые, очевидно, были возведены на склонах естественного или искусственного холма. Он смог различить немного подробностей, но наиболее заметными, бросающимися в глаза были еще более своеобразные высокие храмы, характерные для этой страны. В самом центре один из храмов в виде конуса с винтовой лестницей образовал остроконечную вершину, значительно превосходящую все остальные строения.

Когда они приблизились к городу, дорога, по которой они путешествовали, соединилась со множеством других, или, может быть, это те дороги присоединились к ней, и движение стало весьма оживленным, начиная от караванов, гораздо более крупных, чем их собственный, и до крестьянских отдельных телег, которых те порой везли сами.

Некоторые из вьючных животных оказались незнакомыАнсе, хотя большинство и казалось помесью насков и горбачей. Кабо было немного, хотя юноша почувствовал облегчение, когда заметил, что те, которых он видел, мало чем отличались от его собственного.

В этом странном чужом месте Анса почувствовал, что его прежняя уверенность начинает испаряться. Присутствие массивных, нависающих стен пугало его, он был уверен,

что люди, которые жили в таком месте, должны очень отличаться от людей, которых когда-либо он знал. Разве что пещерные жители могут обитать в строениях, подобных этим!..

Его первый пристальный взгляд на стену не уменьшил дурных предчувствий Ансы. Камни фундамента, расположенные с двух сторон ворот, были огромные, каждый по крайней мере десять футов в высоту и сорок в длину, и уходили вниз на неизвестную глубину. Он не мог вообразить, сколько труда требуется, чтобы обтесать такие камни, каким образом дотащить их до места и установить в стене. Он показал на них Фьяне, которая ехала рядом с ним.

— Безусловно, — сказал он, — только волшебство могло выполнить все это.

Она покачала головой, столь же озадаченная.

— Не могу себе представить. Это, должно быть, работа великанов.

Сами ворота были сделаны из толстого дерева, отделанного бронзой. Сразу же за ними дорога шла вверх, как пандус, заканчиваясь на колоссальной рыночной площади. По краям ее были размещены складские помещения и лавки купцов.

Они расстались с остальными членами каравана. Хотя они и были чужеземцами в этом месте, люди на рынке уступали им дорогу и проявляли уважение. Очевидно, всадники на кабо были для горожан аристократами. Однажды группа всадников проехала мимо них, и Анса впервые увидел воинственных сюзеренов, о которых говорил Самис.

Всадники были такие же темнокожие, как остальные граньянцы, но лица их были более узкие, носы крючковатые, а губы тонкие. Их черные волосы скорее были вьющиеся, а не прямые, и они носили не набедренных повязок, как низкорожденные, а плотно облегающие штаны, рубашки и короткие кожаные жилеты, обильно расшитые цветной нитью. У них было и оружие: длинные узкие кинжалы с резной рукоятью. На всех были ювелирные украшения из золота и серебра.

Они смотрели на него высокомерно, он отвечал тем же. Он не привык опускать глаза перед кем бы то ни было и не видел причин так поступать.

— Нам нужно найти место, чтобы остановиться на отдых, — напомнила Фьяна.

— Каким образом мы найдем его? — удивился он.

— Я полагаю, мы просто спросим, — сказала она. — В таком городе, как этот, с толпами постоянно прибывающих гостей, должна быть масса постоялых дворов.

Он с сомнением осмотрелся вокруг.

— Может быть, лучше остановиться в лагере за городом?

— Ты просто ищешь любую причину, потому что чувствуешь себя в этом городе неудобно. Я тоже, но как бы то ни было, мы остановимся здесь. Это наилучшее место для изучения того, что нас интересует, и у нас будут разнообразные возможности, поэтому давай поспрашиваем.

Не смея возражать ей, Анса сделал так, как она сказала. Около рынка было много гостиниц, но они были переполненные, жалкие и кишели паразитами. К полудню они нашли постоялый двор для более состоятельных путешественников. Здесь они устроили своих животных и сняли номер с просторными комнатами, выходящими на террасу, с которой открывалась широкая перспектива города и долины, лежащей за ним.

Комнаты были чистые, с портьерами, низкими столиками и подушечками. После краткого осмотра Анса уселся на балконе, а горничная поставила перед ними еду, и юноша решил, что, возможно, он и привыкнет ко всему этому.

— Ну что, — сказала Фьяна, присоединяясь к нему, — не лучше ли это, чем еще одна ночь в лагере? — Она оторвала кусочек лепешки и обмакнула ее в горшочек с медом.

Анса выбрал шампур с копченым мясом ящерицы.

— Пока все кажется сносным. Что будем делать дальше?

— Я дам знать в городе, что у меня есть лекарственные средства, которые я готова продать. Некоторые из них очень редкие и дорогие. Это должно привлечь внимание людей из самых высших кругов. Разговаривая с ними, мы сможем понять ситуацию в городе, что они предполагают делать с Гассемом.

— Почему ты думаешь, что эти люди будут разговаривать с двумя странниками, которые только что пришли из пустыни?

— Люди всегда разговаривают с теми, кто, как они считают, может вылечить их. — Она нахмурилась, глядя в свою чашку. — Я допускаю, что это не такой уж хороший план, но это все, что я могу сделать в настоящий момент.

Он пожал плечами.

— Это стоит нескольких дней. Если здесь мы не сможем ничего выяснить, мы можем отправиться на запад, по направлению к Соно. На границе мы обязательно соберем какую-нибудь информацию.

Она взглянула на него.

— Ты действительно не проявляешь энтузиазма относительно этого задания, не так ли? Это просто повод совершить путешествие и увидеть что-то новое.

— Я думаю, что то, что мы делаем, никому не нужно. Мой отец и Гассем родились для того, чтобы уничтожить друг друга, и все дело только в том, как это произойдет. Я мало что видел из жизни южан, но то, что я видел, не убеждает меня, что они смогут победить Гассема. Они даже могут сдаться ему без боя.

— И ты не хочешь узнать об этом?

— Да, хочу. Это может быть ценным. Скажи мне... — Он наклонился вперед. — Что бы вы, каньонцы, делали, если бы Гассем собрался пойти на север?

— Никогда никакая попытка завоевать нас не оканчивалась успехом, — заявила она.

— Но вас никогда не пытался завоевать кто-то вроде Гассема. Все, что нам удастся узнать здесь, мало поможет, когда Гассем начнет атаковать.

— Знание всегда в помощь, — сказала она, затем улыбнулась. — И сам сбор сведений может доставить удовольствие. А теперь прекратим разговоры и давай поедим. Это первая приличная трапеза за последние дни.

С этим Анса никак не мог поспорить, и они приступили к еде. Затем, насытившись, он покинул гостиницу и пошел побродить по городу, а она занялась своими делами.

Здесь все было непривычным. В деревнях он никогда далеко не удалялся от открытого пространства, которое обычно хорошо просматривалось со всех сторон. Здесь же он мог подняться на самую высокую гору города и спуститься по другой стороне в небольшую долину, которая также была городом. Рядом с гостиницей был храм. На его крыше стояли три колонны, каждая из которых была увенчана статуей, изображающей создание с крыльями летучей мыши, возможно, божества. Он отметил это в памяти в качестве ориентира, потому что знал, что быстро потеряется в незнакомом месте.

Никогда ранее он не встречал людей в таком количестве, скученных в такой тесной близости друг к другу. Большинство улиц представляли собой узкие аллеи, на которых он должен был сворачивать в сторону, чтобы пропустить другого пешехода. Улицы были еще и крутыми, иногда превращавшимися в лестницы. Кроме редких рынков, казалось, не было четкого разграничения между жилыми и торговыми кварталами. Первые этажи многих зданий занимали магазины и склады, верхние этажи были жилыми помещениями. Повсюду балконы нависали над улицами, превращая их в настоящие туннели. Люди, облокачиваясь на перила балконов, сплетничали с соседями через улицу или пристально разглядывали происходящее внизу.

Несмотря на то, что город был целиком из камня, недостатка в растительности не ощущалось. Большинство балконов щеголяли ящиками для растений, за которыми ухаживали с любовью, и цветы везде росли в огромном изобилии. Также в почете были и висячие растения, и из некоторых строений опускались настоящие завесы зелени прямо на головы пешеходов. В некоторых местах Анса обнаруживал, что ходит по тонкому ковру листьев и лепестков цветов. Он был благодарен за это. Это как-то смягчало жесткость этого города.

Он заметил, что люди украдкой изучают его. Здесь население привыкло к чужеземцам, но не таким, как он. Ему пришло в голову, что было бы лучше, если бы он оставил все оружие в гостинице. Он оставил там свое копье и лук, но меч и кинжал взял с собой, не подумав. Сейчас он заметил, что все были безоружны, кроме знати и стражников. И все же он решил оставить все как есть. В конце концов, он был воином, а воины должны быть вооружены.

Он видел множество храмов, пока гулял. Некоторые из них были настоящими зданиями с темным внутренним помещением, из которого струился дымок фимиама и доносились завывающие звуки музыки и ритмических песнопений. Остальные были башнями сплошной каменной кладки с местом поклонения и алтарем, устроенными сверху. Ему все это было очень любопытно, но он не осмеливался войти или забраться в одно из них без приглашения. Он слышал, что цивилизованные люди могут очень всерьез воспринимать свою религию и могут яростно негодовать при вторжении неверующих.

Рынки также были непривычными. Тот, большой, около ворот торговал разнообразными товарами, которые поступали с караванами в любой отдельно взятый день. Рынки меньших масштабов, разбросанные по городу, были другими. Казалось, что на каждом рынке ведется торговля только товаром одного вида. Было много продовольственных рынков, на некоторых продавали только мясо, другие кишели рыбой. На этих рыбных рынках были даже бассейны, из которых продавали живую рыбу. Были отдельные рынки и для фруктов, и для зелени. Рынок ароматной выпечки был рядом с рынком острых специй и приправ.

По грохоту молотов по металлу Анса узнал, что подошел к кварталу кузнецов. Здесь были и рынки ювелирных изделий, где его привлекало очень многое, но позволить себе он ничего не мог. Он никогда не видывал такого разнообразия и обилия золота и серебра, и такой огромной массы жемчуга, драгоценных камней, самоцветов и кораллов. Здесь было много знатных покупательниц. Это были высокие,

стройные создания в прозрачных слоях тончайшей ткани. Их прически были искуснейшим сооружением из завитков, а лица так накрашены, что стали настоящими масками. Анса решил, что многие из них были бы очень красивы, если бы смыли всю косметику. Казалось, что некоторые, в свою очередь, заинтересовались и им, что заставляло их неповоротливых телохранителей опасливо коситься на чужака. Эти охранники были другой расы, бледнолицые бритоголовые мужчины, огромные животы которых не умаляли ощущения большой физической силы.

Через несколько улиц он нашел более подходящий для него рынок. Здесь продавали оружие. Анса нашел прекрасную подборку мечей и кинжалов, большинство из которых были целиком из бронзы, или же бронзы, со стальными вставками, но имелось и небольшое количество оружия, полностью изготовленного из стали, что явно было свидетельством трудов его отца. Когда-то только короли или самое высокое дворянство могли позволить себе такое оружие.

Он восхищался изысканностью бронзового оружия, ведь бронза предоставляла значительно больше возможности, чем сталь, для художественной обработки, и ее можно было отливать во множестве форм. Блестящий красно-золотистый цвет металла был приятен для глаз, серебристо-серый цвет стали не оказывал такого воздействия.

В некоторых лавках продавали кирасы и шлемы из бронзы, доспехи, подходящие самым знатным офицерам. Анса никогда не видел смысла в ношении такого бремени в бою, но и не мог отрицать, что они производят сильное впечатление. Он не видел луков, похожих на его собственный, но нашел несколько изготовленных из расщепленного бамбука и связанных сухожилиями. Они были такие же мощные, как его собственный лук, хотя и слишком длинные, чтобы можно было бы использовать с седла. Стрелы были также из бамбука, умело изготовленные из длинных бамбуковых планок, чтобы придать им цилиндрическую форму. Наконечники изготавливались из различных материалов, в зависимости от назначения, начиная от круглых деревянных шарообразной формы для охоты на птицу и кончая узкими бронзовыми наконечниками для войны. Были также и полые насадки в форме луковицы, с отверстиями различной формы для подачи сигналов свистом, гудением или уханием, создаваемым в воздухе во время полета.

На столе были представлены орудия из камня. Даже среди его соотечественников не были редкостью каменные то-

 поры и боевые молоты. Так как немногие из коренных

жителей равнин заботились о доспехах, то такие виды оружия были столь же эффективны, как и изготовленные из более дорогостоящего металла. Но южане нашли более достойное применение камню, и некоторые виды этого оружия были даже очень красивы. Ансе особенно понравился каменный топор, вырезанный из зеленого камня и любовно отшлифованный до блеска. Его стройное топорище из прочного, гибкого дерева было полностью покрыто обшивкой из нитей, замысловато переплетенных в декоративных рисунках. Оружие казалось таким прочным, как если бы было изготовлено полностью из камня, но топорище, покрытое тканью, сдерживало небольшое провисание, увеличивая силу удара. Когда он свободно держал его на боку, то нижняя часть как раз доставала до земли. Такую длину Анса считал идеальной для оружия, предназначенного для броска на длину руки.

Цена была низкой, но он торговался с продавцом, подчеркивая устаревание каменного оружия, его низкий статус, по сравнению с бронзовым и стальным, отсутствие золотых украшений, украшений из драгоценных камней и других, не принимая во внимание плетение.

Он ушел с рынка в глубоком удовлетворении. Покупка нового оружия всегда поднимала юному воину настроение. Он сунул топорище за пояс на противоположной стороне от кинжала. Анса решил, что в будущем станет носить походный плащ, чтобы закрывать изобилие своего вооружения. Это был компромисс, с которым он мог смириться.

Не имея никакого определенного места, куда бы он стремился попасть, он пошел в гору. По мере того, как он поднимался, людей и суеты становилось меньше; он проходил мимо величественных особняков, расположившихся за высокими стенами, окружающими ухоженные сады. Здесь явно жила аристократия. Стража на стенах смотрела на него подозрительно, но пока никто из них не пытался препятствовать ему. Здесь улицы были шире, не так забиты людьми как те, что внизу.

— Воин! — Анса знал, что он был единственным таким поблизости, и потому посмотрел вверх, в направлении, откуда раздался голос. Он увидел перегнувшуюся через стену террасы женщину, густо накрашенное лицо которой обрамляли длинные локоны. Она перегибалась, опираясь на балюстраду руками с бесчисленным количеством браслетов из золота и серебра.

— Да?

— Ты понимаешь граньянское наречие?

— Если ты не станешь говорить слишком быстро.

— Откуда ты? — Она говорила прямо и резко, и Анса невольно задался вопрсом, связано ли это с тем, что она думала, будто разговаривает с человеком ниже ее по положению.

— Я с равнин, расположенных к северу за пустыней.

— А это не владения Гейла, Стального Короля?

В первый раз он услышал такой титул.

— Да. Меня зовут Анса, воин... рамди. — Он остановился на мгновение, вспоминая название племени.

— Воин Анса, не войдешь ли ты в мой дом? Я желаю поговорить с тобой.

— С радостью, — сказал Анса. Это показалось странным, но среди его народа было принято не отказываться от приглашения войти в дом или шатер другого человека, чтобы не нанести ему жестокого оскорбления. Юноша напомнил себе, что должен держаться осмотрительно. Его соотечественники, может, и были простодушны, по сравнению с этими людьми, но он был прекрасно осведомлен об опасности, которую представляют ревнивые мужья.

Дверь особняка открылась, и худая морщинистая старая рабыня впустила его внутрь. Сразу же на входе стоял огромный человек с холодными глазами, один из тех, которые, кажется, и существовали в этом городе только для того, чтобы служить телохранителями для знатных дам. Он ступил внутрь дома. Это было почти похоже на вход через городские ворота, потому что дверь открылась на лестницу, по которой они поднялись до уровня широкой террасы, густо заросшей кустарником и цветущими растениями. Сразу за этим находился дом, почти полностью скрытый растительностью, но телохранитель провел его к вымощенной дорожке вдоль балюстрады с установленными на ней мраморными скамейками, с которых открывалась захватывающая дух панорама нисходящих уровней города и широких холмистых угодий за ним. Вдали дымящиеся горы окружали плато, на котором расположился город. Женщина стояла около перил, и при появлении гостя обернулась.

— Добро пожаловать, воин Анса, — сказала она с легким поклоном. Она улыбнулась, и потрясенный Анса подумал, что у женщины нет зубов. Затем он увидел, что ее зубы были покрыты черным лаком. Это было поразительно, но не более, чем остальная ее раскраска. Глаза были жирно очерчены черным, все остальное лицо выкрашено в мертвенно-бледный цвет, исключая отдельные странные цветные пятна. Ее брови были закрашены белым и нарисованы на середине лба. Круглые красные пятна покрывали скулы. Ниже глаз была проведена тонкая линия слез, накрашенных голубой

краской. Губы были пунцовыми, а когда она моргала, то веки мерцали желтым.

Он кончиками пальцев правой руки дотронулся до груди выше сердца.

— Я защитник твоего дома, — сказал он. Именно это он и имел ввиду. По обычаям его соотечественников, он был обязан защищать этот дом столько времени, сколько будет пользоваться его гостеприимством.

Она поклонилась чуть ниже.

— Твоя жизнь является первой заботой в этом доме. Твое благо — второй. — Она заметила, как широко открылись его глаза, когда он озирал панораму, открывающуюся с террасы. — Порой я забываю, как ошеломляет этот вид. Это твой первый визит в Великий Город?

— Да. Красота моей собственной земли такова, что я думал, что остальной мир не может предложить ничего достойного сравнения. Теперь я вижу, что заблуждался. И эта точка обзора потрясающая. Целый день я карабкался по улицам, чтобы увидеть именно такое зрелище с высоты. Но никогда и не предполагал, что окажусь на самой вершине.

— Не стану хвастать, — сказала она, — но даже в пределах этого города вид с моей террасы считается наипрекраснейшим.

— Охотно верю, — сказал Анса. — Глядя на север, мне почти кажется, что я могу увидеть родные равнины.

— Ну, — сказала она, — вид не настолько хорош, но он лучше, чем многие другие.

Исчерпав эту тему, Анса ждал услышать, зачем она пригласила его сюда. Он не знал местных обычаев и боялся, что может нанести оскорбление, спрашивая напрямик.

— Пожалуйста, войди и прими гостеприимство моего дома, — сказала она.

— С радостью. — Он последовал за ней. Ее искусно пошитое платье развевалось вокруг ног, пока она шла. Отдельно все слои были прозрачными, но своим множеством они достигали непрозрачности. Многочисленные украшения бренчали и позвякивали при каждом движении. По раскрашенному лицу было невозможно определить возраста, но руки без морщин и походка выдавали в ней молодую женщину.

Воздух был напоен ароматом цветов, которые, похоже, были страстью этих людей. В городе Анса уже видел рынок, где продавали только цветы. Дом, куда она вела его, был огромным, по меркам кочевников, но вполне средних размеров, по сравнению с некоторыми особняками, которые он видел, пока поднимался на холм.

Пожилой раб открыл переднюю дверь, которая, к удивлению Анса, раздвинулась в стороны, скользя на колесиках. Они прошли внутрь помещения, и он был еще более удивлен ярким и странно окрашенным светом. Оглядываясь по сторонам, он увидел, что в окна вставлено окрашенное стекло, а дополнительный свет поступает через застекленную крышу. У него на родине стекло все еще оставалось редкостью, хотя в доме его отца были окна, стекло для которых с трудом доставили из Неввы.

Стены были расписаны орнаментом, либо абстрактным, либо изображающим цветущие вьющиеся растения. Фимиам курился в украшенных и декорированных жаровнях, очевидно, для ароматизации воздуха, а не из-за ритуальных соображений. Женщина пристально взглянула на гостя.

— Ты хорошо вооружен для послеполуденной прогулке в городе.

— Я воин и привык так ходить.

— Превосходно, — сказала она, но причину этой радости он не мог понять.

Она провела юношу в маленькую комнату, одна из стен которой вся была сделана из голубых стеклянных панелей.

По ее жесту, он сел в мягкое кресло и нашел это удобным. Она села напротив.

Между ними стоял столик, который слуги быстро накрыли различными винами и тарелками с небольшими пирожками. Он не был голоден, но чувствовал, что она не перейдет к серьезному разговору до тех пор, пока он не вкусит угощение. Он выбрал небольшой свернутый пирожок и надкусил хрустящую слоеную корочку с начинкой из мяса, приправленного большим количеством специй. Было очень вкусно, и Анса жалел, что у него нет аппетита, чтобы оценить это блюдо по достоинству. Он отпил глоток приятного красного вина и продолжал молчать.

— У тебя превосходные манеры для... — она замялась.

— Для дикаря? — он закончил за нее.

— Ну, я так не говорила. — Он не был уверен, что она покраснела, но тон ее голоса предполагал именно это. — Ты принц среди своего народа?

— Я знатного происхождения, — сказал он осторожно. Он не хотел раскрывать себя, но не видел ничего плохого в том, чтобы женщина узнала, что по положению он не ниже ее.

— Я так и думала. Скажи мне, это ты прибыл в наш город этим утром в сопровождении юной дамы из Каньона?

Он был горд тем, что ничем не выдал своего по-

— Ты была там, или это волшебство, или новости распространяются в этом городе так быстро?

Она засмеялась, прикрывая лицо шарфом.

— Последнее. Мы здесь ужасно пресыщены, но из всех иноземцев каньонцы самые редкие. Даже людей с равнин, таких, как ты, здесь можно встретить чаще. Я встречала нескольких посланцев короля Гейла, но видела в своей жизни всего лишь двух каньонцев, и оба они были пожилыми мужчинами, хотя по-своему очень красивые.

— Это красивый народ, — согласился он. — Предполагаю, что госпожа Фьяна является подлинным объектом твоего интереса?

— О, я стремилась увидеть вас обоих. Но, точнее говоря, у меня имеется особая для встречи с дамой из Каньона. Я бы стала искать ее сама, если бы мне не привелось увидеть тебя, когда ты проходил у моей террасы. Ты думаешь, она согласится нанести мне визит? Или же она занята другими делами?

— Я уверен, что она будет рада принять приглашение. — Он почувствовал определенное облегчение, ибо опасался ревнивых мужей. Эта женщина может стать хорошим источником информации. Если же она встречалась с посланцами отца, то должна быть связана каким-то образом со двором. — От кого исходит это приглашение? что я должен сказать ей?

Она снова закрыла лицо, очевидно, в знак досады.

— О, пожалуйста, прости меня! Я совсем позабыла хорошие манеры! Меня зовут леди Йеша Х'Апли.

— Когда вы желаете, чтобы мы навестили вас? — подчеркивая, что придет вместе с Фьяной.

— Я уверена, что сегодня дама хочет отдохнуть после такого путешествия. Если она завтра вечером почувствует, что готова, то в сумерках мне будет оказана великая честь принять ее здесь. Ей не придется с трудом подниматься вверх по этому холму. У меня есть конюшни для ваших животных. — Она обратилась к рабыне, что-то ей сказала, и девочка выбежала, возвратившись через несколько минут с небольшой шкатулкой, которую дама вручила Ансе.

— Прошу вас принять этот подарок. Здесь такой обычай.

Он взял шкатулку, которая сама по себе уже представляла значительную ценность: красивая, изготовленная из редких пород дерева и слоновой кости. Внутри находилось что-то тяжелое... Анса попрощался, и раб проводил его до ворот.

Юноша не привык преодолевать большие расстояния пешком, его ноги болели, когда он шел обратно в гостиницу. Он был благодарен уже за то, что дорога спускалась вниз с холма. Этот день был длинным и странным. Он с нетерпением ждал, когда сможет рассказать обо всем Фьяне.

Глава девятая

Королева начала наслаждаться верховой ездой. К третьему дню она распростилась с дополнительной подложкой под седло. К восьмому отказалась и от самого седла. Она поняла, что сжимая бедрами мощные бока животного, ощущая его вздымающиеся ребра, теплую шкуру и огромные мышцы, она получает неописуемое чувственное наслаждение. Гладкие выступы позвоночника животного интимно массировали ее тело.

Верховая езда и ночевки на свежем воздухе в открытой местности были как веселое приключение после замкнутости города и, время от времени, когда ее переполняли радостные ощущения, Лерисса должна была сурово напоминать себе, что выполняет задание наивысшей важности. И все же, мир вокруг был так прекрасен!.. Она чувствовала родство с буйной растительностью и изобилием животной жизни. Она смеялась, как девочка, над ужимками древесного народца, сновавшего повсюду.

Охота была отменной, и им не приходилось прибегать к своим запасам. Это радовало, потому что скоро они должны были ступить на землю, через которую прошла армия ее мужа, как туча всепожирающей саранчи.

Каждый вечер, пока они сидели у костра в лагере, Лерисса расспрашивала двух шпионов об их открытии. Она хотела знать о каждой их экспедиции в поисках шахты, о землях, через которые они прошли, о характере людей, обо всем, что могло бы, возможно, иметь какую-либо ценность. Они были похожи на губки, которые королева решила отжать насухо. Разведчики знали свое дело и отвечали терпеливо на каждый вопрос, каждый раз повторяя все от и до, пока Лерисса не запомнила все как следует.

Однажды вечером она отошла от костров, разложенных в лагере, в темный лес, подальше от света, якобы для того, чтобы ответить на зов природы, а на самом деле для того, чтобы немного побыть одной. Наверное, это было глупо, ведь она ничего не знала о ночных хищниках этих горных лесов, но королева сомневалась, что в этом месте могут водиться твари, подобные длинношеям с ее родных островов.

Подумав об этих животных, она невольно вспомни-

ла о Гейле. Он спас ее длинношея много лет тому назад. Гейл любил бродить по лесу в одиночестве, как и она сейчас... Лерисса вытеснила Гейла из своих мыслей. Нелепо, но она никогда не могла смириться с тем, как предала Гейла, и чувствовала себя виноватой.

Она не слышала голосов духов, но почва в лесу приятно холодила босые ноги, а ночные запахи дразнили обоняние. Лерисса наслаждалась тем, что она королева в громадном городе, но знала, что никогда ей по-настоящему не будет там хорошо и уютно. Она выросла на острове, где жили варвары, провела слишком много диких, волнующих лет рядом с Гассемом, совершая налеты на острова и материк, годы битв, и кровопролитий, и непрерывных скитаний. Так что она не годилась для оседлой жизни, сколько бы ни погружалась в свои строительные проекты, свою шпионскую и дипломатическую деятельность.

Где-то справа Лерисса услышала какое-то ворчание. Она почувствовала напряжение, по коже пошли мурашки, тело затрепетало, соски набухли и затвердели. Она пыталась вглядеться в темноту. Ждал ли там хищник, чтобы внезапно наброситься на нее? Она думала, сможет ли удержать его своим маленьким копьем достаточно долго, чтобы охранники успели прийти на помощь. Она думала о нем, затаившемся где-то там, огромном и волосатом, со смутными человеческими очертаниями. Она представляла, как его когти вонзятся в ее плоть, когда она упадет на землю под тяжестью его веса, чувствовала его зубы, смертельное дыхание, исходящее от него, и ее кровь забурлила. Все эти мысли были томительно приятны, и бедра женщины задрожали.

Лерисса немного подождала, но больше не было никаких звуков. Она повернулась и пошла обратно к уютному огню костра.

Когда они спустились с гор, повсюду виднелись следы армии, которая недавно прошла здесь. Они прошли мимо разрушенных деревень и напуганных, изголодавшихся людей. Все, кто их видел, убегали, или же падали ниц в безумном страхе. Ее муж умел покорять людей. Королева не чувствовала сострадания к этим несчастным. Рабы заслуживают рабство. Слабые заслуживают господство сильных. Поражение было естественных уделом слабых, развращенных, глупых. Если люди не хотят быть рабами, они всегда могут выбрать смерть.

Сейчас им приходилось использовать свои запасы, посылать кого-то на охоту, или отряд для поисков продовольствия подальше от пути, по которому шла армия. Лериссе все это не нравилось, потому что замедляло их движе-

ние вперед, но время от времени им требовались свежие продукты. К счастью, не кончался подножный корм для кабо. Армия не взяла с собой много животных, поэтому пастбища уцелели.

Они достигли реки и обнаружили почерневший город-призрак, в котором не было жителей, зато кишели падальщики, которые рылись в грудах костей и гниющей плоти.

— Здесь не было большого сражения, — заметил Бада, командир отряда охраны. — Поселение слишком маленькое, и стена низкая.

— Зато хорошее испытание для молодых воинов. — Лериса оглянулась и увидела завистливые взгляды охранников. Как и Пенду, они ужасно сожалели о том, что не принимали участия в этом кровопролитии.

Она улыбнулась им.

— Не беспокойтесь, мой господин предоставит вам немало возможностей для убийства в грядущие дни. — Они смущенно засмеялись.

Следы опустошения повели их в южном направлении вдоль реки. Они нашли следы еще одного сражения, — на этот раз в открытом поле, где силы Гассема встретились с отрядами Люо.

— Точно как планировал король, — сказала она. — Он взял королевские войска в кольцо...

Ее охрана по останкам павших и количеству оружия пыталась определить величину вражеской армии.

— Король никогда не ошибается в расчетах, — заявил Бада. — Всем врагам предначертано пасть перед ним.

— Это правда, — подтвердила она. — Пойдем, может быть, мы успеем отыскать его еще до начала следующего сражения.

Но вышло совсем не так. Дальше на юге они обнаружили следы гораздо более масштабного кровопролития. Это было быть то место, где окончательно воссоединились все три части армии, и соноанцев захватили между силами Урлика и армией Гассема, напавшей и уничтожившей врага с севера.

— По крайней мере, мы их нагоняем, — сказал Бада, морща нос.

Трупы на поле боя были более свежие, животные, питающиеся падалью, рылись в поисках внутренностей. Груды мертвых лежали непогребенными, разлагаясь на жаре. Оба шпиона совсем скисли. Они были крепкими мужчинами, но это страшное зрелище и зловоние даже для бывалых воинов показались слишком ужасны. Самые молодые охранники пытались изобразить воинственное безразличие к массово-

 му убийству, но были не слишком убедительны.

Сама Лерисса испытывала мало интереса к увиденному. Она любила кровь, но только свежую....

— Моя королева, — окликнул ее один из воинов, — я думаю, тебе стоит посмотреть на это.

Она пошла вслед за юношей к зарослям деревьев, где небольшая группа ее охраны стояла вокруг пепелища от костра, указывая на что-то и негромко разговаривая между собой. Лерисса спустилась с седла, то же сделали Бада и два шпиона. Здесь тоже были кости, но концы их почернели. Подкопченная человеческая конечность все еще висела над золой на деревянном вертеле.

— Здесь люди, должно быть, голодали по-настоящему... — проронил Хаффл,

Лерисса увидела что-то блестящее на земле и пальцем ноги подковырнула вещицу. Это оказалось тонкое серебряное кольцо с гранатом в форме слезинки,. — одно из украшений, женщин-воинов. Она улыбнулась сама себе.

— Нет, — сказала она. — Я думаю, что эти воительницы, любимицы короля, заслуживают свою репутацию. — Даже Бада казался потрясенным.

— Будет тебе, успокойся, — сказала она. — Мы поступаем гораздо хуже с живыми людьми, почему же мы должны сокрушаться о том, что произошло с этими после смерти?

Бада через силу потряс головой.

— Это противоестественно, моя королева! — настаивал он.

— Вот как? Многие из вас считали, что неестественно и женщинам становиться воинами. И все-таки они доказали свою жестокость во многих сражениях. Разве странно, что они проявляют вкус к людоедству? До тех пор, пока они служат моему мужу с фанатичной преданность, они могут пожирать пленников хоть живьем... мне-то что?!

— Как будет угодно королеве, — потупился Бада. — Преданность превыше всего!

Как зачарованная, Лерисса уставилась на остатки этого ужасного пиршества. Ей хотелось бы знать, присутствовал ли на этой оргии Гассем. Это было нечто новое и волнующее для нее. В отличие от мужчин, королева не чувствовала ужаса. Она никогда не ставила под сомнение праведность того, что вызывало ее возбуждение или доставляло удовольствие. Возможно, думала она, после какой-нибудь будущей баталии, она сама попирует на победном празднестве этих женщин.

Поздно на следующий день они прошли по мосту через реку. Они знали, что король и его армия должны были быть где-то недалеко впереди. Признаки разрушения стали еще более свежими. В деревнях все еще дымились пепелища

сожженных домов. Те, кому удалось выжить, все еще пребывали в оцепенении и испуганно смотрели вдаль.

Этой ночью они расположились лагерем на другой стороне реки, попав в ужасную бурю с теплым дождем, который сопровождался раскатами грома и молнией. Их родина славилась своими ужасающими штормами, поэтому их мало беспокоила гроза. Это просто означало, что сезон дождей в этом году начнется рано, а поход будет продолжаться в худших условиях.

— Скверно для людей, — сказал Бада, — но неплохо для самой кампании. — Молодой воин подался вперед, не обращая внимания на струящуюся по его лицу воду, чтобы послушать поучения более опытного ветерана. — Армия нашего короля не так сильно зависит от животных и повозок, как южные армии. Именно они захлебнутся в этой грязи и дождях.

— Но только одна десятая часть нашей армии — шессины, — заметил юный воин, вставляя свое копье в водонепроницаемый кожух из выделанных кишок. — Остальные — низшие племена.

— Какое это имеет значение? — усмехнулся Бада. — Они боятся короля больше, чем непогоды. Они будут двигаться так быстро, как пожелает король.

— Верно, — сказала Лерисса. Она села с ним у костра, который им наконец удалось разжечь сразу же, как дождь ослабел. Буря разразилась так неожиданно, что они даже не побеспокоились о том, чтобы соорудить убежища. Ее одежда настолько промокла, что королева сбросила ее и сидела обнаженной на сложенном плаще. Для воинов, многие из которых поступили так же, это было естественно. Ни один из них не смотрел на королеву как на женщину. Разведчики, люди другой культуры, внимательно наблюдали за ней.

Лерисса обнаружила, что наслаждается даже этим. В последние годы она неохотно показывалась в таком виде, но длительная верховая езда со всеми сопровождающими трудностями закалила ее тело, освободила его от лишней плоти, которую она так презирала. Она чувствовала себя жилистой и крепкой, как в былые времена. Определенно, теперь ее муж будет знать, что она годится для того, чтобы сопровождать его в походах.

Лерисса словно заново родилась на свет. Это знак новых удач и побед, превосходящих все прошлые, — думала королева. Она и Гассем, бог и богиня, будут править миром, который переделают в соответствии со своими мечтами и желаниями.

 Спустя два дня они наконец встретили объединен-

ную армию. Земля, через которую они прошли, была разорена, единственными обитателями были трупы и беженцы с пустыми глазами. Стада винторогов и диких насков паслись и обгрызали листья и ветви на земле, которая всего несколько дней назад была тщательно возделана и любовно ухожена.

Армия встала лагерем на небольшом плато, где размещалась также и небольшая деревенька. Здесь не было признаков кровопролития. Королева и ее охрана прибыли, когда солнце садилось за их спинами. Воины из лагеря закричали и стали размахивать копьями, когда узнали, кто явился к ним. На восточной стороне деревни, где плато спускалось в сторону широкой реки и было покрыто густым лесом, Лерисса увидела группу офицеров, которые окружали своего короля.

В течение нескольких минут она наслаждалась выражением растерянности на лице Гассема, и только потом натянула поводья, останавливая кабо, а затем устремилась прямо в объятия мужа.

— Лерисса! — Он закружил ее на руках, легко, будто ребенка, глядя на жену радостно и одновременно озадаченно. Затем он отпустил ее, держа подмышками так, что ее ноги все еще не касались земли. — Что стряслось? Чиванцы восстали сразу же после того, как я уехал?

— Эти кагги? — Она засмеялась при этой мысли. — Домашний скот восстать не может. Я оставила все под ответственность Пенду. Он сохранит порядок. Мой господин, я привезла тебе величайшую новость, о которой ты и не смел мечтать. Я должна поговорить с тобой наедине.

— Тогда пойдем со мной. — Он опустил ее на землю, и они в обнимку пошли к краю плато. В лучах угасающего солнца она едва могла различить вдалеке башни большого города.

— Моя любовь, — сказала она тихим голосом, — у меня есть кое-что для тебя! Мои шпионы нашли стальную шахту короля Гейла. И она не так далеко, как мы боялись! — На мгновение он застыл, как изваяние, и она почувствовала, что он дрожал, как тот кагг, которого оглушают ударом по лбу, чтобы зарезать.

Затем он подпрыгнул, резким движением вскинув копье к небу. Садящееся солнце отбросило кровавые блики от поверхности копья, отполированной до зеркального блеска по всей длине. Он испустил крик, который, она была уверена, можно было услышать в далеком городе. Когда Гассем опустился на землю, он начал танцевать один из древних победных танцев своих островов. Затем он воткнул копье в землю, поднял жену и снова закружил.

— Мир наш! С этим моя власть будет полной! — Он опустил ее на землю, и она увидела группу изумленных мужчин на расстоянии нескольких десятков шагов.

— Ну, — сказала она, — им слишком много для сохранения этой тайны.

— Какое это имеет значение? — сказал он, усмехаясь во весь рот. — Теперь нет ничего, что могло бы остановить меня! — Он потащил ее в сторону деревни. — Пойдем. Нам нужно подготовить для тебя дом, и сегодня вечером ты представишь полный отчет моим старшим командирам.

Она осмотрела нетронутую деревню.

— Это место не выглядит так, как остальные, через которые мы проезжали.

— Нет. В течение двух последних дней мы двигались медленным шагом, давая шанс деревенским жителям уйти до нашего прихода. Сейчас королю уже известно о нашем появлении. Я позволяю людям сбежать из сельской местности в столицу, где они съедят все ее запасы и распространят слухи о нас, сея ужас.

— Ты введешь осадное положение? — Она ненавидела осады. Они были длительными, приводили в уныние и отвратительно пахли.

— Это будет зависеть от многих вещей. Я надеюсь, что мне удастся избежать осады. Если король Мана достаточно глуп, чтобы выйти сражаться под стенами города, я быстро покончу с ним. Если же нет, есть и другая возможность: взять город штурмом. Я еще тщательно не знакомился с его обороной, мои разведчики мало что в этом смыслят.

Они вошли в дом, который принадлежал старосте деревни или, возможно, жрецу. Это было внушительное строение, построенное из глины и дерева, с соломенной крышей. В нем было несколько комнат, а сам дом был поставлен на каменные опоры, чтобы избежать затопления, гниения от влажной земли и насекомых-древоточцев, обитающих в этих землях. Была там еще большая веранда, которая проходила вокруг почти всего дома.

— Я рада, что вы оставили дом невредимым, — сказала Лерисса. — Сезон дождей уже почти настигает нас.

— Ты права, — сказал он, крепко обнимая жену. — Давай посмотрим, что в этом месте служит кроватью.

Этим вечером Гассем и Лерисса стояли в главной комнате дома, где собрались еще десяток высших офицеров короля. Лампы дымили, но не возражал, потому что дым отгонял ночных насекомых. В центре комнаты стоял стол, и на нем лежала драгоценная карта Лериссы.

В течение двух часов она подробно рассказывала им о действиях своих шпионов и об их открытиях. Ошеломленные солдаты выслушивали все подробности, относящиеся к кратеру, его расположению, и, что наиболее важно, возможным путям подступа. Она знала каждую дорогу и тропинку, каждую деревню, каждый источник воды и даже каждый склад зерна. Она знала реки, пересыхающие летом, а также реки, которые разливались по весне.

Гассем сиял от гордости. Безусловно, он знал, что на таком раннем этапе не нужны столь детально изложенные данные, и, возможно, они никому и не нужны вообще, кроме него самого и двух или трех его высших командиров. Лерисса же была уверена, что каждый должен знать, насколько важна была ее работа. Она также дала Гассему знать, что обязательно будет вместе с ним в этой военной кампании. Он и не собирался запрещать ей это.

— Вы видите, какие возможности открываются перед нами, — сказал Гассем, когда королева закончила доклад. — Я желаю только одного, чтобы мы могли сейчас свернуть лагерь и выступить туда сию же минуту. Но я начал завоевание Соно, и не остановлюсь, пока вся страна не будет под моей пятой. А с практической точки зрения, было бы просто безрассудно уйти отсюда, когда Мана будет держать всю армию у меня за спиной. Сначала будем разбираться с ним. С такими перспективами мы не можем позволить ему затянуть войну или даже договариваться об условиях сдачи. Он просто использует время для соединения с силами Грана, что, прежде всего, мы и не должны допустить.

— Нам в любом случае нужно время, мой король, — сказал офицер чиванских войск. — Поход в пустыне будет резко отличаться от этой военной кампании. Он будет трудным и напряженным, даже если обойдется без сражений. Нам нужно будет везти с собой провизию и прочие припасы, и даже воду. Военной кампании со скоростью шессинов не будет, мой король. Нам придется перемещаться со скоростью повозок, которые тянут наски, и взять с собой много рабов.

— Все это правда, — сказал Гассем. — Я поручу тебе по планирование этой военной операции. Работай с королевой и шпионами для определения лучшего пути к кратеру. По первому требованию, тебе будут выделены все необходимые животные, рабы и припасы.

— Я не подведу тебя, мой король, — пообещал чиванский воин, надуваясь от важности.

— Помните, что это будет не обычное нападение налет. Я намерен захватить это место и удержать его. Воз-

можно, это будет означать строительство нового форта для его защиты. Когда я покорю Соно, собери всех зодчих и каменщиков, которые тебе потребуются для выполнения такого задания. Форт также должен снабжаться всем необходимым. Обеспечь достаточный транспорт для доставки воды

— Будет сделано, — сказал чиванец.

Лерисса была довольна. Гассем не имел намерения отправить ее обратно. Чиванец может направлять войсковые подразделения и рабов, но возглавлять все будет только она. Планирование целой военной кампании! Такой, которая потребует гораздо большего, чем простые переходы и сражения. Ее голова кружилась от мыслей и планов.

На Лериссу снизошло вдохновение. Она будет умолять своего мужа выделить ей военные силы и рабов. Она не только разработает маршрут похода, но и установит полевые склады продовольствия по всему маршруту. Тогда, когда король покончит с южанами, он сможет бросить свои силы на север. Это была новая идея. Она станет работать над деталями, пока Гассем будет занят скучной осадой, если таковая случится.

Они стояли у стен Хьюто, изучая его защиту. До сих пор король Мана уклонялся от открытого боя. Гассем не собирался штурмовать город, не имея полного представления об обороне города. Они воспользовались преимуществами, подаренными проливным дождем, и подобрались ближе к стенам, чем обычно. Короля сопровождала Лерисса и старшие командиры. Отделение чиванских солдат несло огромные щиты, которые использовались в качестве разборной стены, если враг начнет стрелять из катапульт по королевскому отряду.

— Что вы думаете об этом? — спросил Гассем, обращаясь к своим спутникам.

— Трудная задача, — сказал Ребья. — Стены выше и толще обычных. И много защитных башен.

Островитяне сохраняли каменные лица. Они любили битвы, но ненавидели такой вид ведения войны: подкопы, траншеи, блокады, бреширование. Все это было изнурительно и трудоемко. Воины с материка, наоборот, чувствовали удовлетворение. Такой вид ведения войны им был известен, они были ему обучены. Они знали, что для осады Гассем использует именно их, сохраняя своих островитян в резерве.

— Давайте посмотрим, сможем ли мы найти слабое место, — сказал Гассем. Они продолжали идти вокруг стены, и он возобновил разговор. — Даже такой глупец, как Мана, не может надеяться, что сможет победить нас в открытом бою. Вместо этого он доверяет своим стенам.

— Я не понимаю этих людей! — воскликнул Урлик. —

Что плохого в быстрой смерти в бою? Он что, не знает, что пока он здесь отсиживается, мы разграбим всю его страну?

— Он знает, — сказала Лерисса, — и ему все равно. То, что они его подданные, вовсе не означает, что он заботится о них. Сколько бы народу мы ни убили, он знает, что оставшиеся в живых опять расплодятся.

На полпути вокруг стен они подошли к небольшой реке, которая втекала в город через сводчатый проход, защищенный опускной решеткой из дерева и бронзы. Башни высились по бокам прохода.

— Соблазнительно, — заметил чиванец, — но река слишком узкая, чтобы пройти по ней.

Они пересекли реку по небольшому мостику. Земля на другой стороне имела уклон вниз, поэтому стена с этой стороны была выше. Осадные мастера заметили, что более высокая стена может оказаться тоньше, как часто случается, но наклон земли был неблагоприятен для таранов и других машин. Возможен подкоп, но неудобно будет затем штурмовать такую высокую стену с крутым склоном.

Гассем вздохнул.

— Ну, давайте посмотрим, что предлагают нам главные ворота.

Королевская дорога заканчивалась у главных ворот. Сами ворота представляли собой массивную конструкцию из дерева и бронзы и открывались только наружу. Пленные дали им описание внутреннего плана ворот: туннель длиной тридцать футов, оснащенный двумя опускными решетками, и в дальнем конце — вторые ворота. Туннель по всей длине был оснащен ловушками и стоками для кипящего масла. По бокам от ворот располагались две самые большие, самые прочные оборонные башни города. Над крышами свисали промокшие полотнища королевских знамен.

Лерисса отжала воду с волос.

— Все больше похоже на осаду, — проронила она.

— Боюсь, что так, — подтвердил Гассем. — Если Мана не даст нам бой в течение ближайших дней, я должен готовиться к этому. Когда моя войсковая разведка доложит о состоянии дел в округе, возможно, я смогу отправить несколько отрядов по стране. Надо дать войскам возможность отвлечься. Нет ничего более нездорового, чем осадный лагерь.

— Кроме города в осаде, — сказал офицер, вызывая смех спутников короля.

Лерисса улыбалась. Она огласит свой план королю сразу же после того, как он решит, что вполне безопасно разделить свои силы.

Глава десятая

Фьяна держала свой подарок и рассматривала его в свете лампы: ожерелье из крупного жемчуга, чередующегося с бусинами из янтаря того же размера. Жемчужины и янтарь разделялись крошечными золотыми зернышками. Ожерелье было словно создано из затвердевшего света.

— Великолепно! — выдохнула она.

Анса надел на запястье свой собственный подарок и вертел его, чтобы поймать луч света под разными углами. Это был массивный браслет из серебра, усыпанный кораллами и нефритами.

— Я согласен, — сказал он. — Это просто королевские дары. Что может хотеть эта женщина? Никто не дарит такие подарки незнакомцам.

— Завтра мы должны это узнать. Ты думаешь, она просто сумасшедшая? Она может быть какой-то ненормальной, которая делает такие вещи просто бездумно...

Анса раздумывал о такой возможности.

— Сомневаюсь, хотя я признаю, что могу обмануться. Очень трудно понять иноземца. Слова все понятны, но не тон, а это многое значит. Да еще эта маска на лице...

— Но тебе не показалось, будто она не в своем уме?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, напротив, вполне владела собой, а если и чуть чудаковата, то не больше, чем люая аристократка. И она особенно интересовалась тобой. То есть жительницей Каньона. Тебе лучше знать, какие мотивы у нее могли быть.

Фьяна положила ожерелье обратно в красивую деревянную шкатулку.

— Я надеюсь, что она не больна и не ожидает какого-то чудесного исцеления, и не ждет общения с умершим ребенком. Иногда люди думают, что мы можем делать такие вещи. А разочаровывать вельмож опасно.

— Тогда мы должны обыграть ее, хорошо все продумав. Знакомство при дворе нам бы очень пригодилось.

Она улыбнулась.

— Тебе это все нравится, не так ли?

— Да, — подтвердил он. — Это не работа воина, но порой очень похоже.

— И может быть опасно. Это должно удовлетворять твою воинскую гордость. Сколько ей лет?

— Трудно сказать, но не старая.

— Есть ли какие-нибудь признаки мужчины в доме?

— То есть, кроме рабов. Нет, но я почти не видел самого дома.

— Тогда это любопытно. Форма родового имени — Х'Аптли — означает, что она вдова некоего Аптли.

— Выходит, мне не следовало беспокоиться о ее ревнивом муже, — Задумчиво протянул Анса.

— Что?

— Не обращай внимания. — Она резко взглянула на него. Анса усмехнулся.

Назавтра вечером, уже верхом на кабо, они постучались в ворот высокого особняка. Появились слуги, конюх принял у них поводья, а другой прислужник повел гостей к деревянной калитке в стене. Наверху лестницы их приветствовала Йеша Х'Аптли, чтобы приветствовать их.

— Добро пожаловать в мой дом. Вы делаете честь этому дому.

Они поклонились и ответили церемонным приветствием. Анса заметил, что на лице женщины нет такого обильного макияжа, как днем раньше.

Ее лицо было слегка припудрено, толстый слой косметики был наложен только вокруг глаз. Стилизованные слезы были все же на месте, и ему показалось, что это символ ее вдовства. Лицо женщины оказалось более молодым, чем он ожидал. Ей было не более тридцати лет.

После неизбежного восхищения видом при свете заката, они удалились внутрь помещения. Когда они проходили через сад, многие ночные цветы раскрыли свои бутоны, испуская пьянящий аромат. Среди них порхали цветочные летучие мышки, они тыкались удлиненными мордочками в цветки, а нитевидные язычки собирали нектар вместе с неосторожными насекомыми.

Внутри дом был освещен лампами, подвешенными к потолку с помощью цепей. Они горели в круглых абажурах из слегка окрашенного стекла, освещая покои мягким сиянием. Фьяна вела себя со сдержанным достоинством уроженки Каньона и старалась не показать, как подавляет ее богатство окружающей обстановки.

— А теперь, — сказала леди Йеша, — мы вместе могли бы взглянуть на аквариум. Позднее к нам присоединятся

и другие гости, высокопоставленные особы, которые отужинают вместе с нами.

— Я не предполагала встретить здесь людей из высшего общества, кроме вас, госпожа, — заметила Фьяна.

— О, боюсь, что я слишком много сплетничала сегодня, — повинилась Йеша. — У меня сорвалось с языка, что я принимаю вас двоих у себя в гостях. Эта весть достигла и важных персон, которые выразили желание встретиться с вами. Это не те люди, кому я решилась бы отказать.

Все это было еще одним примером той молниеносной скорости, с какой новости распространялись в городе, подумал Анса... если только женщина им не солгала. Он подозревал последнее. Хотя, возможно, ложь была следствием нежелания обращаться к кому-то или выражать свои мысли просто и прямо. Было ли это обычаем местных жителей или просто личной особенностью Йеши, он не имел ни малейшего представления. Также он не имел ни малейшего представления о том, что такое аквариум.

Она провела их в комнату, где пахло влагой и водными растениями.

В центре был устроен круглый водоем, в котором плавали стайки золотистых и серебристых рыбок. Все они подплыли к бортику при их приближении, выныривая на поверхность с широко раскрытыми ртами, как птицы. На возвышении рядом с бассейном стояла чаша, откуда леди Йеша взяла горсть зеленоватого корма и бросила его рыбкам, которые сразу же пришли в лихорадочное неистовство. Она подбросила им еще, воркуя нежным голосом какую-то чепуху.

Анса был поражен. Исходя из своего жизненного опыта, он считал, чтобы рыбы вполне способны позаботиться о себе, и чтобы кто-то приносил их в дом, который стоит на вершине холма, для того, чтобы кормить, казалось ему в высшей степени странным. Затем он увидел, что Фьяна, как завороженная, смотрит на стены, и, к своему удивлению, обнаружил, что они имеют окна, через которые можно наблюдать подводные сцены.

В стены были вставлены панели из гладкого стекла, а за ними плавали рыбы самых разных форм и расцветок. Изнутри вода была освещена неизвестным источником света.

— Это великолепно! — сказала Фьяна. Ее самообладание испарилось и перешло в неподдельный восторг. Перед ней проплыла грациозная рыба, ее тело размером с ладонь приводилось в движение огромными, почти прозрачными плавниками. Стрелой промчалась другая, с радужными полосами вокруг ее тела. Ниже ползала какая-то жуткая тварь со

щупальцами и присосками, которая меняла окраску каждые несколько секунд.

— Как это сделано? — спросил Анса.

Леди Йеша была явно удовлетворена произведенным впечатлением.

— Каждая стеклянная панель представляет собой стенку резервуара. За этими стенами имеются узкие помещения, которые и образуют настоящий аквариум, а это помещение — просто смотровая площадка. Здесь собраны рыбы из двух десятков озер, рек и морей. В некоторых резервуарах вода соленая, в других — пресная. — Она провела гостей вдоль стен, указывая на особенно причудливые создания, уверяя при этом, что ее аквариуму далеко до других, имеющихся в городе. — Да что там, в королевской коллекции есть морские драконы и гигантские черепахи!..

После того, как было удовлетворено их любопытство, гости сели за стол, чтобы отведать вина и закусок, вызывающих аппетит.

— Рыбы нет, — заметил Анса с некоторым удивлением.

— Я бы не смогла есть ее перед моими любимцами, — призналась женщина. — Хотя и не знаю, почему. Они ведь легко поедают друг друга. И даже есть такие, что съели бы и нас, если бы им представилась такая возможность.

— Моя госпожа, — сказала Фьяна, — я слышала и ранее об аквариумах этой страны, хотя и не могла себе представить, как они могут выглядеть. И я слышала о королевских зверинцах, где содержатся звери со всего света. Но я никогда не могла понять — зачем? Зачем вы собираете живых тварей?

— Трудный вопрос, — промолвила Йеша. — Я полагаю, что всему начало положил какой-нибудь скучающий вельможа, которому надоело коллекционировать неживые предметы. Живыми наслаждаться куда приятнее.

Анса имел собственное мнение по этому поводу, но держал его при себе. Знать в этой стране имела слишком много привилегий, она скучала и предавалась разврату. У них не было серьезных обязанностей, поэтому они и обратились к нелепым расточительным развлечениям. Его отец всегда с презрением отзывался о таких людях. Анса подумал невольно, что именно поэтому и они с Фьяной оказались здесь: новое развлечение для богатых, скучающих вельмож, все равно что неведомые звери из далекой страны.

Вошел слуга и прошептал что-то на ухо леди Йеше.

— Вы должны извинить меня на время, — сказала она. — Мои прочие гости прибыли чуть раньше, и я должна покинуть вас и встретить их. Я скоро вернусь.

— Ну, разве это не сказочное место? — негромко воскликнула Фьяна, когда знатная дама ушла.

— Оно какое-то... другое, — сказал Анса. Он поделился с Фьяной своими подозрениями, и она задумалась над его словами.

— Нет, — сказала она наконец. — Я думаю, нет. Эти подарки слишком богатые для гостей, которые призваны лишь позабавить скучающих аристократов на один вечер. До сих пор не могу представить себе, что за этим стоит.

— Думаю, что довольно скоро мы все узнаем.

Несколько мгновений спустя вернулась леди Йеша с двумя гостями, мужчиной и женщиной. На лице женщины был тот же чрезмерный макияж, похожий на маску, который Анса видел раньше на лице леди Йеши, а на лице мужчины — настоящая маска, искусно выполненная из кожи, крошечных костей и перьев, которая закрывала его лицо до верхней губы. Ниже маски рот окаймляла короткая бородка, переливчато-черная с сединой.

— Госпожа Фьяна, благородный Анса, разрешите мне представить лорда Клонна и леди Хесту. — Гости обменялись поклонами, и Анса тотчас почувствовал что-то неладное. Имена звучали как-то не так, неподходяще для знати, к которой явно принадлежали эти двое. Какой-то обман? Все было очень загадочно.

Йеша провела всех в столовую, где был накрыт стол, ломившийся от яств, которых хватило бы, чтобы накормить пятьдесят человек, вместо пяти. Анса невольно задался вопросом, было ли это новым проявлением расточительности, или же остатки пиршества будут затем отданы рабам и слугам?

За ужином таинственная пара вела лишь незначительный разговор. Они расспрашивали о Каньоне, о путешествии Фьяны и Ансы, об их впечатлениях в городе. Анса заметил, что леди Йеша проявляла почтительное отношение к паре, подчеркивая их более высокое положение. Он также заметил, как он и ожидал, что их интерес был в основном направлен на Фьяну, а его самого удостаивали лишь небрежной любезности. Это его вполне устраивало. Пока что у Ансы сложилось не самое благоприятное мнение о местной знати, и он был рад возможности понаблюдать за ними со стороны, не испытывая необходимости постоянно взвешивать свои слова, как это приходилось делать Фьяне.

— Госпожа Фьяна, — сказал лорд Клонн, когда унесли тарелки, — говорят, что среди вашего народа есть люди, наделенные даром исцеления. Вы одна из них? — Вопрос прозвучал в тот момент, когда им подавали крепкий фрук-

товый ликер в узких высоких бокалах, словно это явилось знаком к началу серьезного разговора. Похоже, у этих людей были ритуалы на все случаи жизни.

— У меня есть определенные способности. Я бы не называла себя целительницей. Я могу лишь иногда определить, чем болен человек. Я не могу лечить, но у меня есть знания о лекарственных снадобьях, и часто я могу рекомендовать наиболее подходящие из них.

— Это было бы... — леди Хеста осеклась. — Как любопытно. И каким образом это происходит, если будет позволено спросить?

— Никакого секрета нет. Я должна дотронуться до лба страдальца, иногда до тела на пораженном участке, и источник заболевания или травмы может открыться мне.

— Должен ли человек быть в сознании? — спросила леди Хеста.

— Лучше — да, — ответила Фьяна. — Но иногда я могу определить болезнь и когда человек не сознает себя. Но тогда процесс может быть очень длительным, и порой безуспешным. В бессознательном состоянии разум не может посылать четкие и ясные... сигналы, как сказали бы вы. Часто в таких случаях создается путаное впечатление.

— А если человек абсолютно здоров, можешь ли ты определить это? — спросил мужчина в маске.

— Почти всегда, — сказала Фьяна.

— Не можешь ли ты показать это? — попросила Хеста. — На мне, например?

— Если пожелаете, — сказала Фьяна. Обе женщины наклонились вперед, и Фьяна положила кончики тонких голубых пальцев на густо накрашенный лоб Хесты. Обе они закрыли глаза.

— Я должна думать о чем-то особенном? — спросила Хеста. — Возможно, о своем теле?

— Необязательно, — уверила ее Фьяна. — Просто расслабьтесь.

В течение нескольких минут женщины оставались в таком положении, и все остальные молчали. Затем Фьяна отодвинулась, незаметно вытирая кончики пальцев о салфетку. В раскраске Хесты появилось пять крошечных смазанных пятен.

— Что скажешь? — спросила дама с оттенком нетерпения.

— Вы совершенно здоровы. И примите мои поздравления.

— Поздравления? — удивилась Хеста. — По какому поводу?

— Вы в тягости. Уже почти два месяца. Разве вы не знали?

Женщин широко открыла рот, силясь овладеть собой.

— Да, на самом деле, я знала, но больше никто!

Под маской лорда Клонна появилась улыбка.

— Я полагаю, мы нашли то, что искали. — Он повернулся к Фьяне. — Моя госпожа, мы действуем по поручению особы, чье имя не осмеливаемся произнести прямо сейчас. Эта особа нуждается в ваших услугах. Не будете ли вы столь любезны, чтобы принять приглашение человека, который, уверяю, будет чрезвычайно щедр к вам?

— Я всегда готова помочь тем, кто в этом нуждается, хотя у меня и есть свои ограничения. Это не кажется трудоемким, но применение моего искусства может совершенно истощить силы. — Анса восхищался уверенностью и спокойствием, с которыми Фьяна разговаривала с этими странными людьми.

— Тогда, — сказал лорд Клон, — если это удобно для тебя, то завтра в полдень явится слуга, чтобы проводить тебя в... особняк.

— Меня это вполне устроит. О, и мой спутник должен идти со мной. — Она указала на Ансу.

— Вот как? Там не требуется помощь воина. Однако, если ты настаиваешь... — Он не закончил свою мысль.

— Боюсь, что да, — отозвалась Фьяна спокойно, но со стальной ноткой в голосе. И снова Анса был поражен.

— Тогда завтра я жду вас обоих в... особняке, — промолвил лорд Клонн с легким поклоном.

После этого предмет разговора был оставлен, к нему никто не возвращался, и возобновился разговор о пустяках, как если бы все соблюдали некие строгие ритуальные запреты. Анса умудрился вставить несколько вопросов, касающихся соседнего королевства.

— Мы получили тревожные вести с границы, — нахмурился Клонн. — Беженцы, причем некоторые из них весьма знатного происхождения, бежали сюда с сообщением о войне. Они сообщают, что это не междоусобица, а настоящее вторжение. По их словам, король Гассем прошел со своим войском через горы и сейчас держит Хьюто в осаде, как бы нелепо это ни звучало.

— Почему нелепо? — удивился Анса.

— Слишком быстро все произошло! — Даже несмотря на маску, мужчина казался взволнованным. — Огромная пешая армия... и на этот раз они нанесли удар не с моря, как обычно... Мы не знаем, стоит ли доверять этим рассказам, хотя остается загадкой зачем бы стали лгать беженцы? В Соно посланы соглядатаи, чтобы выяснить, что там происходит.

— Я подозреваю, что они говорят истинную правду,

 — заметил Анса.

— Возможно, но ты ведь родом с равнин, а всем известно, что кавалерия короля Гейла двигается со скоростью ветра. Здесь, в Гране, мы знаем, как медленно движутся пешие армии. Вот почему нам трудно поверить этим слухам из Соно.

— Насколько я знаю, — настаивал Анса, — король Гассем способен вести пешие войска почти с такой же скоростью, как кавалерию... — Похоже, эти люди не представляли себе, что такое серьезная война. Гассем был угрозой, с какой им не приходилось сталкиваться в течение многих поколений... если они, вообще, когда-либо встречались ч чем-то подобным.

Наконец, обменявшись множеством учтивых слов, все распрощались. Леди Йеша проводила знатных гостей до ворот, а затем вернулась к недоумевающим Ансе и Фьяне.

— Простите меня за прямой вопрос, моя госпожа, — промолвила Фьяна, — но разве была необходима такая сложная интрига, чтобы пригласить нас во дворец?

Леди Йеша засмеялась, снова прикрыв лицо.

— Прошу прощения, но мы всегда забываем, какими странными могут показаться наши обычаи. Обстоятельства складываются таким образом, что необходимо держать все это в тайне. Вы ведь понимаете, что это случай наивысшей сложности, относящийся к благополучию некой персоны, чье здоровье запрещено обсуждать в обычных разговорах?

— Кажется, я начинаю понимать, — сказала Фьяна. — Это... неузнавание — что-то вроде игры? Я думаю, что любой, кто знает ваших гостей, смог бы узнать их, даже несмотря на косметику и маску.

— Конечно, — подтвердила леди Йеша, — но никто никогда не признает их. Так не полагается.

— Но там, во дворце... — Теперь настала очередь Ансы прикусить язык. — В... особняке — это более серьезный случай?

— О, да! Там уже вопрос не обычая, а закона.

— Ладно, завтра мы все узнаем, — сказала Фьяна.

— Именно так, — кивнула леди Йеша. — А сейчас, моя дорогая, если твой воинственный спутник извинит нас на некоторое время, я бы хотела посоветоваться с тобой по вопросу, который требует уединенности. — Она разразилась веселым смехом. — Бедная Хеста! Какое выражение было на ее лице, когда ты объявила, что в тягости!

— Возможно, мне следовало быть более осторожной, — признала Фьяна. — Но среди моего народа это не...

— О, не думай об этом. Я навсегда сохраню в памяти, как величайшее сокровище, этот ошеломленный взгляд. А теперь, пожалуйста, пойдем со мной. — Взяв Фьяну за руку, она увела ее прочь.

Анса, оставшись один и без какого-либо дела, вышел побродить по саду. К его изумлению, некоторые цветы и вьющиеся растения мягко светились в темноте. Он не встречал таких в джунглях во время путешествия, поэтому догадался, что их привезли из дальних стран, как и рыбок. Аромат цветов, распускающихся ночью, был слишком насыщенным, и он прошел к балюстраде в конце сада, чтобы подышать чистым воздухом.

Стоя здесь и глядя на остроконечные крыши и громоздкие очертания домов, Анса вновь почувствовал, что это место чужое для него. Тоска по дому охватила его, но он поспешил отогнать это чувство. Ведь он отправился в странствие именно затем, чтобы увидеть необычные вещи и новые места...

Сзади послышался шум, и Анса обернулся к женщинам, вышедшим ему навстречу. Он мало что видел в тусклом свете садовых светильников и светящихся растений, но казалось, что выражение лица леди Йеши стало более умиротворенным.

Оживленно прощаясь, они спустились к воротам. Снаружи раб одной рукой держал под уздцы их кабо, а в другой — палку, перекинутую через плечо, с двумя фонарями на дойном крюке. Они повели своих кабо обратно в гостиницу. Раб шел впереди, и вместе с фонарями раскачивались и их тени. Полусонные кабо шли, опустив головы и негромко всхрапывая.

Поднявшись к себе, они обменялись впечатлениями.

— Думаешь, все эти интриги и впрямь так невинны, как утверждает леди Йеша? — спросил Анса.

— Я верю ей. Но это не значит, что здесь не ведутся какие-то запутанные игры. При дворе всегда процветают интриги.

— Мы должны оставаться настороже.

Она прикрыла рукой зевок.

— Но я даже не мечтала, что мы сможем так быстро попасть во дворец. Это просто здорово!

— А чего хотела от тебя леди Йеша?

Фьяна сонно улыбнулась.

— Женские дела, не любопытствуй.

Анса прошел к себе в спальню и бросился на тюфяк, одновременно чувствуя волнение и беспокойство о том, что принесет им завтрашний день.

Глава одиннадцатая

Все в грязи после многодневной трудной езды верхом разведчики стояли перед креслом короля, докладывая свои наблюдения. Рядом с Гассемом сидела Лерисса, лениво вертя свое небольшое копье. Несмотря на ее видимую рассеянность, глаза королевы с острым интересом останавливались на говорившем, когда он начинал рассказывать о чем-то важном.

— Мы встретили группу всадников по эту сторону границы Грана, мой король, — сказал капитан отряда. — Наш проводник сказал, что они одеты на граньянский манер. Они отступили, когда мы подъехали ближе, но их было по меньшей мере сто человек, а нас меньше двадцати, поэтому мы ничего не предпринимали.

— Что это значит, мой господин? — спросила Лерисса.

— Разведка, — сказал Гассем, — послана королем Грана, или, возможно, командующим на границе. Беженцы просочились к ним уже несколько недель назад. Даже сонные правители Грана должны были проснуться к этому времени.

— Ты думаешь, они пошлют армию, чтобы снять осаду с Хьюто? — спросила она с тревогой. Это могло помешать ее планам. Она уже доложила свою идею Гассему, и он дал согласие, но не хотел пока делить свои силы. Оказалось, что взять город непросто, и сейчас велись утомительные подкопные работы.

— Я был бы этому только рад, — сказал он. — Тогда я смог бы послать свою армию на восток, разбить их в одном бою и вернуться обратно, прежде чем кагги, скопившиеся в этом городе, узнают, что меня тут не было.

Иногда Лерисса думала, что Гассем слишком уж самоуверен. Но он обладал даром воплощать эти самоуверенные мечты в жизнь... за это она его и полюбила!

— Может быть, настало время прибегнуть к дипломатии, мой господин, — промолвила она.

— Что ты предлагаешь? — спросил он, зевая. Затяжная военная кампания такого рода всегда навевала на него скуку.

— Мы могли бы обменяться посланиями и представителями с граньянским двором. Подчеркнуть, что ты вторгся в Соно из-за непростительной дерзости короля Мана, или

потому что он отказался от военно-морского соглашения, или что-либо в этом духе. Объяви, что у тебя нет территориальных притязаний восточнее нынешней границы, что твоя любовь к твоему венценосному собрату Ах'на, владыке королевства Гран, безгранична и бездонна...

Он нахмурился.

— Разве они этому поверят?

— Люди, находящиеся в великом страхе, поверят всему. И при граньянском дворе обязательно найдется какой-нибудь неглупый человек, занимающий высокое положение. Он увидит лживость этих слов и станет искать возможность использовать их с выгодой для себя. Этот человек тайно вступит с нами в контакт, обещая помощь в обмен на покровительство после нашего захвата Грана.

— Ты мудрее в таких делах, чем я, — признал Гассем. — Пиши свои письма и выбери посланников. Сделай это немедленно.

— Обязательно, — сказала она, радуясь, что у нее наконец появилась работа. — Я бы поехала сама, но они могут попытаться взять меня в заложницы. Думаю, надо предложить устроить встречу близ границы. Тогда я смогу сама взяться за дело. Уверена, в этом искусстве со мной никто не сравнится.

— Воистину так, моя королева.

Лерисса улыбнулась мужу.

— Кроме того, такая встреча даст возможность предателям, имеющимся среди них, приблизиться к нам. — Пока король и королева разговаривали, разведчики разошлись, но сейчас она вновь подозвала к себе их командира.

— Да, моя королева?

— Что там, на границе между Соно и Граном? Река, не так ли?

— Рекой Колль, моя королева.

Лерисса знала об этой реке. Она играла значительную роль в планах захвата стальной шахты короля Гейла.

— На моих картах, — сказала она, — эта река протекает приблизительно с северо-востока на юго-запад, вдоль северной границы граньянских земель, как раз на юге Отравленных Земель.

— Верно, моя королева. Но где-то около Зоны, она делает крутой поворот и течет к югу до тех пор, пока не достигнет моря в Заливе Драконов.

— Имеется ли удобный остров на реке, достаточно большой для проведения встречи двух королевских делегаций?

— Есть один такой, приблизительно в трех днях езды отсюда. Там, где две главные дороги, соединяющие сто-

лицы, пересекают реку. Паром соединяет восточный берег с островом. Он расположен ближе к западному берегу, между ними построен мост. — Он задумался на мгновение. — Деревенские жители называют это место Островом Печали, потому что при сильном тумане много речных судов разбивается на камнях и скалах вверх по течению.

— Превосходно, — сказала королева. — Мой господин, с твоего позволения, я предложу представителям Грана встречу на Острове Печали.

— Да, сделай это, — сказал он, нежно улыбаясь. — Внуши этим животным ложное чувство безопасности. Убеди их, что раз я проглотил Мана и его королевство, и насытился. На встречу возьми с собой большой эскорт шессинов. Я хочу, чтобы ты была в безопасности. Эти пугливые южане, возможно, попытаются предать тебя.

— Я думаю, что они не настолько глупы, но я обязательно возьму с собой отряд, шессинов и других островитян. — Это была привлекательная перспектива. Она возведет королевский шатер на острове: они захватили его в обозе одной из армий, которую разбил Гассем. Граньянцам следует продемонстрировать, насколько они сильны и что король Гассем настолько уверен в себе, что даже может послать свою королеву на дипломатические переговоры. Она любила такие игры...

— А нет ли вестей с севера? — спросила Лерисса.

— С севера? — переспросил Гассем. — Ты имеешь в виду из пустыни?

— Нет, еще дальше, — нетерпеливо сказала она. — С равнин. От Гейла.

— Ни звука, — сказал он. — Прошло слишком мало времени, чтобы ожидать каких-либо действий с его стороны. Но я к этому готов, и раньше, чем он успеет шевельнуть хоть пальцем, весь юг уже будет у меня в руках.

Она вновь подумала, что, возможно, он чересчур самоуверен, но вслух не выразила никаких сомнений. Она всегда оставляла военные вопросы на усмотрение мужа. И все же Лериссу не оставляло чувство тревоги. Уверенность в том, что впереди их ждут неожиданные трудности, и не только военные.

* * *

Король Гассем вошел в туннель подкопа и продвинулся вперед, соблюдая меры предосторожности, чтобы не задевать влажные стены. Время от времени грязь просачивалась между планками потолка, каждый раз заставляя его вздра-

гивать, когда вода попадала на него. Под землей все наполняло его ужасом и отвращением. Это было мерзкое место. Он любил открытое небо и ощущение почвы у себя под ногами. Даже пребывание под крышей заставляло его чувствовать неудобство.

— Люди не должны прятаться под землей как какие-то рогачи, — сказал он своему окружению. Те закивали и что-то согласно забормотали в ответ, слишком подавленные, чтобы говорить отчетливо.

— Но это необходимо, если вы хотите взять город, — сказал офицер, который вел их в недра земли. Он был наемником из Неввы и руководил осадными работами. Невванцы всегда преуспевали в войне, которая требовала кропотливого труда, а не сражений.

— Если бы только я мог сделать это любым другим способом!..

— Выбор за вами, мой король, — сказал невванец. — Но я изучил этот город со всех сторон, и если вы намерены взять его, прежде чем в лагере начнутся болезни, то без подкопа не обойтись.

— Да, да, я понимаю это, —раздраженно сказал Гассем. — Насколько глубоко мы спустились? — Туннель выровнялся, после того на сотню шагов шел вниз с легким наклоном.

— Неглубоко. Приблизительно на десять футов ниже поверхности.

Гассем думал обо этой массе земли над головой и заставлял себя идти вперед большими шагами. Пока королевская команда осматривала туннель, рабочие оставили свои орудия труда и освободили подкоп. Везде лежали лопаты, остроконечные кирки, молотки и клинья, корзины, используемые для выноса земли из прохода. Факелы и лампы чадили, бросая мутные отсветы на стены. Работа здесь, думал Гассем, может стать настоящим кошмаром. К его облегчению, туннель закончился каменной кладкой.

— Это основание городской стены. Видите этот угол? Мы находимся на юго-востоке. Стена всегда самая слабая в таком месте, как это.

Гассем не знал, почему это именно так и не стал спрашивать. С него было довольно и того, что этот человек знал свою работу.

— Что ты будешь делать дальше?

— Это зависит от того, чего хотите вы, мой король. Мы можем дальше продолжить туннель и выйти где-нибудь в городе. Тогда вы сможете провести атаку. Но должен предупредить, что это очень рискованный план. Лучше де-

лать так, когда есть несколько туннелей. Сейчас, когда мы у самых стен, они могут услышать нас. Каждый день грозит нам разоблачением и ответными действиями.

Гассему не понравилась мысль послать своих людей в такое место. Проведение атаки на таком узком фронте против неизвестных сил противника было не в его стиле ведения военных действий.

— Каковы иные возможности?

— Отсюда мы можем копать глубже, ниже угла стены. Будет трудно пробиться там, но через несколько дней я смогу освободить пространство, достаточное для того, чтобы обрушить угол. По мере того, как мы будем копать, мы обеспечим поддержку угла, используя для этого тяжелые бревна, чтобы предотвратить преждевременный обвал. Затем мы заполним это освобожденное пространство валежником, пропитанным маслом. Мы подожжем валежник, а он подожжет бревна, которые, сгорая, ослабят камень. Угол стены обрушится, создавая брешь.

— Достаточно большую, чтобы мы могли войти в город?

Тот пожал плечами.

— Если войска будут упорно сражаться...

— Будет ли гореть огонь так глубоко под землей? — захотел узнать Гассем.

— Я планирую пробить ряд отверстий для дыма. После того, как через них уйдет тепло, будет всасываться воздух в туннель. Будет очень жарко, достаточно, чтобы разрушить камень.

— Очень хорошо, — сказал Гассем. — Немедленно приступай к работе.

— Как прикажет мой король.

Гассем поразмыслил немного.

— Ты говорил о противодействии. Какие меры могут они предпринять?

— Если они обнаружат место нашего подкопа по звуку, то могут пробиться в него, и....

— Здесь будет бой? — При мысли о сражении под землей, Гассема пробрала дрожь.

— Это может случиться. Но, на их месте, я бы провел туннель от реки, которая протекает через город. Мы здесь находимся ниже ее уровня. Вода хлынула бы сюда с огромной силой.

Гассем думал о массе воды, врывающейся в туннель, и на лбу его выступил пот, а желудок болезненно сжался. Он все же заставил себя говорить спокойно.

— Такое возможно?

— Я бы услышал их, если бы они были близко, — уверил его инженер. — Когда мы выкопаем огневую камеру, я проведу металлические трубы глубоко в земле. Через них будет слышно, не роят ли подкоп где-то рядом.

— Превосходно, невванец. Приступай к работе. — Гассем развернулся на пятках, и его свита расступилась, пропуская короля. Он медленно повел их к выходу, хотя и очень хотел пуститься бегом. Он поклялся жестоко отплатить этому городу за пережитый страх.

* * *

Лерисса наблюдала за проведением осадных работ, пока писала свое послание. Король приказал построить высокую смотровую платформу, направленную на южную стену, вне пределов досягаемости для катапульт. Она была на десять футов выше, чем сама стена, что позволяло заглянуть и в сам город. Королева возлежала под навесом на кушетке и диктовала писцу, который сидел перед ней, скрестив ноги:

— Достославному королю Ах'на, монарху Грана, шлют привет непобедимый король Гассема, владыка Островов, завоеватель Чивы, и его королева, прекрасная Лерисса. — Она повернулась к писцу, пленному соноанцу. — Как это звучит?

— А почему не «прекрасной и изысканной Лериссы», моя королева? — спросил писец.

— Так звучит даже лучше, — сказала она, улыбаясь. — Измени это. А теперь дальше... «Я, королева Лерисса, передаю милостивому властелину Грана от себя лично и от моего царственного супруга самые теплые и сердечные пожелания. Нижайше прошу принять наши самые искренние заверения в том, что лишь самая глубокая привязанность существует между нами, и что нынешние недоразумения между нами и правителем Соно никоим образом не смогут оказать влияния на искреннюю любовь, которую мы питаем к нашему венценосному собрату, повелителю Грана, королю Ах'на.

Состояние вражды и военных действий, существующее в настоящее время, является исключительно делом рук высокомерного и ненасытного короля Мана, который вел себя по отношению к нам невыносимо дерзко, попирая важнейший военно-морской договор, и обращаясь с нами с презрением. Сейчас он претерпевает справедливые последствия такого вопиющего вероломства и грубости.

Если трусливый и малодушный Мана обращался к тебе с просьбой о военной помощи, я умоляю тебя не принимать ее во внимание. Мы страстно желаем, чтобы толь-

ко миролюбивые и дружественные отношения существовали между нами и нашим возлюбленным собратом, повелителем Грана, королем Ах«на...»

Она сделала паузу.

— Это звучит не слишком льстиво? Мне бы не хотелось, чтобы это вышло неискренне.

— Моя королева, — уверил ее писец, — не может быть такой лести, которая была бы слишком велика для монарха Грана.

— Очень хорошо. Тогда закончим так: «Для того, чтобы доказать свои теплые чувства, я предлагаю провести дипломатическую встречу, которая должна состояться на нейтральной территории между нами. Король Гассем в ближайшее время будет занят военными делами, но в знак доказательства сердечной искренности и полного доверия к королю Ах'на, я, королева Лерисса, буду его личным посланником. Через десять дней я прибуду на Остров Печали на реке Колль. Я полностью отдаю себе отчет в том, что было бы слишком неучтиво требовать твоего личного королевского присутствия по столь незначительному поводу, но я готова согласиться на встречу с любыми представителями, которых ты сочтешь возможным послать туда, с тем, чтобы между нашими королевствами наконец восторжествовали вечный мир и сотрудничество. С нетерпением буду ожидать твоего ответа с самым быстрым гонцом...» — Она остановилась и немного подумала. — Больше пока ничего не могу придумать. Закончи послание, используя обычные комплименты и покажи его мне. Я умею читать и узнаю, если ты исказишь мои слова.

— Моя королева, я бы никогда не осмелился!.. — запротестовал писец.

— Смотри же... — Лерисса выучилась читать, будучи уже взрослой женщиной, и искусством письма владела плохо, поэтому для нее было облегчением узнать, что даже и не предполагается, чтобы члены королевской семьи собственноручно писали свои послания: для этого использовали специально обученных писцов.

Она поднялась и подошла к краю платформы. Башня, наверху которой она стояла, была крепко сколочена из толстых бревен, но при легком ветре слегка раскачивалась, негромко поскрипывая. Другие башни выстроились перед ней в ряд, все они были на колесах. При штурме их подгонят к стенам пленники и наски.

К башням были прислонены длинные лестницы, которые отнесут к стенам точно таким же образом, и люди будут пытаться забраться на них, чтобы занять крепостной

вал. Такой вид сражений казался Лериссе самоубийственным: понятно, почему Гассем всегда использовал для штурма солдат низших племен. Островитян он оставлял в резерве для штурма стен через пробитые бреши. Вход в подкоп был хорошо замаскирован, а выкопанный грунт выносили тайно. Гассем надеялся, что враги не узнают о туннеле до последнего момента.

Она наклонилась над перилами, любуясь огромной армией, что опоясала город со всех сторон. Солдаты занимались земляными работами, чтобы сорвать возможные вылазки из города, хотя многие из них и были бы рады такому развлечению. Они рыли траншеи и устанавливали наклонно в ряд остроконечные палки из дерева и бамбука, а за ними набрасывали землю, чтобы построить земляные валы.

Надменные воины с островов бездельничали, презирая подобный труд. Их все труднее было удерживать в повиновении: после выдержки, проявленной ими на марше, и опасности в боях, такая позиционная военная кампания была суровым разочарованием. Король должен найти для них какое-либо занятие, и вскоре он это сделает.

Писец принес ей готовое послание, и Лерисса тщательно изучала его, с трудом разбирая вычурную придворную каллиграфии. Слова оставались такими, как она их продиктовала. Она отослала раба за гонцом, и уже через несколько минут человек в шлеме с желтым плюмажем привязал своего кабо к основанию башни и поднялся вверх по ступеням. Он опустился на колени перед Лериссой и протянул ларец для посланий, представлявший собой изысканно украшенную тубу из бронзы с золотыми пластинками.

Лерисса сунула внутрь свернутое письмо. Писец положил на застежку тубы шарик из воска и разровнял его, опечатывая тубу. Королева приложила к воску свою печать.

— Ты должен доставить это королю Ах'на, правителю Грана. Лети, как молния.

— Как желает моя королева! — Гонец почти скатился по ступеням и через несколько мгновений стук копыт его кабо донесся уже издалека.

Глава двенадцатая

Для того, чтобы попасть во дворец, они проехали вверх по холму, оставив позади поместье леди Йеши, затем – вокруг по склону с противоположной стороны. Ниже массивного храма, возвышающегося над городом, беспорядочно раскинулся дворцовый комплекс, скопление больших и малых зданий, окруженных стеной высотой в двадцать футов. Вверху на стене медленно прохаживалась ходила стража, чья красочная униформа годилась разве что для маскарада.

Они проследовали за своим проводником через открытый проход под аркой на мощеный двор. В дальнем конце этого двора к внушительному строению вела поднимающаяся вверх дорога. Дорогу окаймляли высокие деревья с листьями веретенообразной формы. На них гнездились диковинные птицы и какие-то зверьки, а под каждым деревом стояла огромная чаша, заполненная кормом. Дорога шла вдоль парка, где обитали прирученные животные. Среди них Анса с удивлением увидел создание, похожее человека, но поросшее шерстью. Оно ковыляло на четырех лапах и не выглядело слишком опасным...

У входа во дворец слуга принял у них поводья животных и жестом пригласил гостей пройти в высокие двери. Стража перед дверями не обратила на них ни малейшего внимания. Это удивило Ансу. Он ожидал, что его окликнут, потому что он был вооружен. Бородатый мужчина встретил их на пороге, и Анса догадался, что это Клонн. Впрочем, в маске и без нее тот выглядел почти одинаково.

– Добро пожаловать во дворец его величества, – сказал Клонн. – Считайте себя его почетными гостями. – Человек в форме, стоявший у открытой двери, кашлянул, как бы прочищая горло.

– Ах, да, – спохватился Клонн. – Боюсь, что вы должны оставить свое оружие здесь, в караульном помещении. Здесь не делается никаких исключений, кроме как для членов королевских семей, прибывающих с визитами.

Протестовать и говорить о том, что его отец был

королем, едва ли стоило, поэтому Анса отдал свой меч и кинжал. Ему было странно остаться безоружным, но он заранее ожидал этого. Короли известны своей педантичностью в вопросе о том, кому дозволено носить оружие в их присутствии.

В любом случае, напомнил он себе, теперь он уже не был простым степным воином. Он был важным... кем? Он неохотно думал о себе, как о шпионе. Ему это казалось позорным. Шпионов он всегда считал бездельниками, которые выведывали чужие тайны и продавали их тем, кто может больше заплатить.

Впрочем, и безоружный, Анса не перестал быть воином. Новая задача, поставленная перед ним, требовала бдительности и наблюдательного ума. Его отец всегда подчеркивал, что боевое мастерство — это наименьшее из всех достоинств настоящего мужчины и что оружие просто необходимое средство. Мальчишкой, он считал это просто одной из причуд отца. Сейчас это не казалось ему столь неблагоразумным.

Клонн сопровождал их во дворец.

— Так вот, та особа, к кому я должен отвести вас...

Фьяна тронула его за руку.

— Лорд Клонн, простите меня, но мы с моим спутником приехали из земель, не столь утонченных как эта. Мы не привыкли к дворцовым обычаям и обращению. Особенно неудобно мы себя чувствуем от этих уклончивых речей. Хотя прошу не думать, что мы глупые и невежественные из-за того, что нам не достает придворного лоска.

— Моя госпожа! — запротестовал он. — Я никак не мог предположить...

И снова она положила руку на его предплечье.

— Безусловно, нет. Я просто хотела бы, чтобы о некоторых вещах мы говорили напрямик. Совершенно понятно, что мы должны лечить либо короля, либо его наследника. Состояние здоровья властелина или его наследника, естественно, представляют собой государственную тайну. От этого может зависеть спокойствие династии и всей державы.

Анса наслаждался глуповатым выражением, появившимся на лице придворного. Он всегда восхищался тем, как быстро Фьяне удается утвердить равенство, если не превосходство, в общении с другими людьми, даже в таком незнакомом, непривычном и удивительном месте, как этот дворец.

Они прошли мимо двух колонн из прозрачного стекла. Внутри колонн плавали рыбки, казавшиеся странно искаженными за счет кривизны стекла. И повсюду виднелись фрески, мозаика и скульптуры.

— Для начала, — продолжила Фьяна, — могу ли я узнать твое настоящее имя? Сейчас мы находимся во дворце: безусловно, нет никакой необходимости соблюдать тайну.

— О, хм-м, безусловно, ты права. Я лорд Оша Кл«ан, гофмейстер его величества. Прошу простить меня, но чрезвычайная деликатность ситуации делает совершенно необходимой всю эту секретность. Ну, и еще наша обычная любовь к интригам.

Фьяна улыбнулась.

— Так-то лучше. Так кого же я должна увидеть: короля или его наследника?

Они поднимались по ступеням широкой лестницы, между высокими изваяниями крылатых людей со звериными головами. За верхней площадкой лестницы комнаты были меньших размеров и более уютные. Очевидно, здесь были настоящие жилые покои дворца. Они миновали несколько приемных, прежде чем лорд Оша наконец отозвался:

— Это король. И у него еще нет достаточно взрослого наследника, который мог бы унаследовать корону.

Фьяна остановилась и повернулась к нему.

— Перед тем, как я пойду дальше, скажи мне вот что: появятся ли у меня смертельные враги, если я сумею помочь королю? Это никак не повлияет на мои действия, но я хочу знать.

Какое-то время Оша ничего не говорил. Фьяна и Анса внимательно наблюдали за ним.

— У тебя появятся друзья, которые куда сильнее, — промолвил он наконец.

— Очень хорошо, — кивнула она. — Веди нас дальше.

Они подошли к двери, на страже у которой стояли коренастые светловолосые воины с лицами, украшенными татуировкой. Они подозрительно и свирепо смотрели на приближающихся незнакомцев, однако по слову вельможи отступили в сторону. На стражниках были тяжелые доспехи и бронзовые шлемы с насечкой, напоминавшей змеиную шкуру. В руках они держали алебарды с кривыми стальными лезвиями на длинной деревянной рукояти.

— Это бамены, — сказал лорд Оша, — жители северо-востока, из которых вот уже много поколений набирают отряд королевских телохранителей. Они дикари, но их преданность непоколебима.

Он произнес это с гордостью, Анса подумал, что королю нечем гордиться, если тот вынужден в поисках преданности обращаться к чужеземным дикарям. Красноречивое свидетельство нравов этого двора...

По пути они встречали и других придворных, но даже самые разряженные и спесивые низко кланялись лорду Оше. Все они либо молчали, либо говорили тихим голосом, с траурным выражением на лице. Женщин рисовали себе под глазами темные круги и черной краской опускали вниз уголки рта, а кроме того, что-то прикладывали к лицу, чтобы веки покраснели, как будто они долгое время рыдали. Если бы это не было столь странно, то Анса счел бы это комичным.

Они остановились перед закрытой дверью, выложенной золотыми пластинами. Придворный что-то негромко сказал пожилому бородатому мужчине, который вошел в комнату и закрыл позолоченную дверь за собой. Несколько минут спустя вышла красивая женщина, которой было далеко за тридцать, бледнокожая и с темными волосами. У нее на лице не было макияжа, что было совсем удивительно для этого места. Лорд Оша опустился перед ней на одно колено и склонил голову.

— Ваше величество, я представлю наших гостей, о которых вы уже слышали: госпожа Фьяна из Каньона и благородный Анса, ее спутник.

Фьяна грациозно поклонилась, и Анса тоже поклонился, но не так низко. Кланяться он не привык и не хотел учиться. Впрочем, казалось, что королева осталась довольна.

— Моя глубочайшая благодарность вам обоим за то, что вы согласились прийти сюда сегодня, — сказала она. Голос ее был теплый и бесконечно любезный. Анса затруднился бы сказать, искренна ли она, или просто так хорошо играет свою роль.

— Надеюсь, что я смогу принести какую-нибудь пользу, — промолвила Фьяна. — Это покои больного?

— Да. Прошу, пойдемте со мной. — Королева взяла Фьяну за руку и повела ее внутрь. Анса сразу же последовал за ними, пока никто не успел запретить ему это. Он не собирался выпускать Фьяну из вида в таком странном месте.

Покои были большие, но воздух темный от дыма благовоний. На стенах висели портьеры, полностью закрывавшие окна.

В покоях толпилось немало людей — строго одетые мужчины и разряженных женщины — чьи скорбные лица не предвещали ничего хорошего человеку, лежавшему в постели на возвышении посреди комнаты.

Королева подвела их к возвышению и поднялась на три ступени. Возраст больного определить было трудно. У него были каштановые волосы и борода; выступающие скулы обтянуты тонкой кожей. Его бледно-голубые глаза уставились в пустоту. Он был по грудь укрыт пунцовым по-

крывалом с золотой вышивкой, поверх которого неподвижно лежали бледные, худые кисти рук. Человек не шевелился, если не считать того, как медленно вздымалась и опадала его грудь при дыхании. Даже пальцы не подергивались.

— Он находится в таком состоянии уже десять дней, — сказала королева.

— Как это произошло? — спросила Фьяна. Она не сделала никакой попытки дотронуться до короля. Анса изучал остальных присутствующих. Некоторые смотрели на Фьяну с надменным негодованием. У других вообще не было никакого выражения.

— Шел банкет. Король, как всегда, был в наилучшем здравии. В тот день он ездил на охоту, скакал верхом по лесу, никто из его спутников ничего необычного не заметил в его поведении. Посреди банкета он побледнел и сказал мне, что должен удалиться, ибо чувствует себя нехорошо. Он ушел, но это было так непохоже на него, что я быстро последовала за ним. Я нашла его лежащим на полу, не способным двинуться или заговорить — каким вы видите его сейчас.

— Это вы нашли его? — резко взглянув вверх, спросила Фьяна. — Никто из слуг, никто из присутствующих во дворце не видел, как он потерял сознание? — Это иАнсе показалось странным, но он позволил Фьяне говорить самой, пока к нему не обратятся напрямую.

— Есть галерея, соединяющая парадные залы с королевскими апартаментами, позволяющая нам миновать обычные коридоры. Вот там-то он и лежал. И с тех пор больше не говорил и не двигался. Вы можете ему помочь? — Ее тон был столь же величественным, как и манера держаться, но в глазах застыла мольба.

— Я сделаю, что смогу. Но, пожалуйста, нельзя ли открыть портьеры и окна? Здесь такой спертый воздух и дым, что это может убить и здорового человека.

— Ваше величество! Я протестую! — Седобородый человек в черном одеянии вышел вперед. Его одежда была вышита изображениями животных и звезд. — Открыть окна, значит позволить духам мора и заразы войти в королевские покои!

Тотчас вышел вперед другой, в жреческом одеянии:

— Воистину, вы не должны делать этого, ваше величество! Я установил магическую охрану вокруг этих покоев для защиты его величества. Если впустить не только воздух, но и солнечный свет, — он драматически выдержал паузу, — то я не смогу нести ответственность за ужасные последствия, которые неизбежно должны возникнуть!

— Господа, — сказала королева, — я благодарю вас

всех за ваши старания, но теперь я должна испытать и другие меры. Вы можете удалиться. — Она повернулась спиной к королю, но оба тут же запротестовали:

— Это оскорбление верховной гильдии целителей! — воскликнул человек в черном.

— И храма! — поспешил добавить жрец. — Вы позволите этой дикарке из пустыни вмешаться в дела высокого духовенства?

Анса решил, что он молчал достаточно долго.

— За десять дней вы ничем не сумели помочь королю. Достаточно! Убирайтесь прочь! Или слово королевы для вас ничего не значит?

По покоям прокатился затаенный вздох ужаса. Целитель и жрец стояли, словно их поразил удар молнии, не в состоянии поверить, что им бросил вызов какой-то мальчишка-варвар. Королева взирала на них с каменным лицом.

— Он прав. Мне позвать баменов?

Бормоча извинения, все себя от унижения и ярости, эти двое удалились из покоев, а за ними и большинство придворных. Слуги быстро отдернули портьеры и открыли окна. Через несколько минут воздух очистился и все вокруг засияло.

— Мне нужен стул, — сказала Фьяна, — и я должна побыть несколько минут с королем наедине. Вам не нужно выходить из комнаты, но мне нужно остаться с ним одна на возвышении. Не могу сказать, как долго. Я уже говорила лорду Клонну, то есть лорду Оше Кл«ану, что на это требуется много времени, если больной находится в бессознательном состоянии.

— Делайте, что считаете нужным. Ваше слово станет здесь законом, как мое собственное. — Слуга принес кресло, и сама королева придерживала его, пока Фьяна садилась. В течение какого-то мгновения та сосредоточилась, затем дотронулась голубыми пальцами до лба короля.

Анса почувствовал прикосновение к своей руке: это королева пригласила его последовать за ней. Когда он выходил из комнаты, то увидел юного мальчика, который сидел на стуле у стены. Ребенку было не более десяти лет, его огромные темные глаза покраснели от слез, но, встретившись с Ансой взглядом, он все же постарался вызвать улыбку на своем лице. Должно быть, это сын короля. И ему пришлось по душе, как варвар-незнакомец обошелся со жрецом и властным целителем.

Королева провела его в малую гостиную, где на столе уже стояло привычное угощение. Повинуясь ее знаку, он сел и взял высокий тонкий бокал.

— Я вижу, юноша, тебя нелегко запугать. Но все едва ли стоит наживать себе таких важных врагов.

— Жрецы для меня ничто, — сказал он. — У моего народа их нет. А целитель, который не может справиться с болезнью за десять дней, не имеет права надуваться от важности. И уж тем более — проявлять дерзость по отношению к своей королеве.

Она вздохнула.

— Ах, если бы все мои подданные обладали такой мудростью. Ладно, не бойся. Я прослежу, чтобы они не ничем не повредили тебе и госпоже Фьяне.

Анса слабо улыбнулся.

— Простите меня, ваше величество, но я уверен, что если госпожа Фьяна сумеет спасти короля, то наживет себе куда более опасных врагов, чем эти двое.

Она удостоила его оценивающим взглядом.

— Я вижу, ты знаком с тем, что представляют собой королевские дворы.

— Я из знатной семьи, — подтвердил он. — Я провел некоторое время при дворе короля Гейла и думаю, что все дворы одинаковые.

— Ты родственник короля Гейла?

— Да, мы в родстве, — сказал он осторожно.

— Он пришел в свое королевство как чужеземец, странник с далеких островов. Так, может, ты родич королевы Диены?

— Она моя кровная родственница, — подтвердил он.

— Близкая родственница, я полагаю. Капитан моей охраны сказал, что ты сдал оружие из чистой стали, когда вошел во дворец... включая длинный меч.

— Я вижу, не только королевская семья пользуется тайными ходами в этом дворце, — сказал он, начиная сердиться. — Кто-нибудь бежал вперед нас, чтобы доложить вам?

— Ничтожнейшая из моих мер предосторожности, — подтвердила она. — Если бы ты только знал, какие заговоры окружают меня.

— Могу себе представить... Что же касается стального оружия, то оно более не является редкостью в моем королевстве. Сейчас его имеет каждый воин.

Она покрутила вино в своем высоком бокале. Королева выглядела невыразимо усталой, но держалась прямо.

— У короля Гейла два сына, одного зовут Каирн, другого Анса. Если ты собирался путешествовать, скрывая свою личность, то стоило, по крайней мере, изменить имя.

— Оно нередко встречается среди населения равнин, — сказал он, смущаясь.

— Анса, я знакома с твоим отцом, и сходство безошибочно. Почему ты хочешь отказаться от своего на-

следственного имени — не мое дело, и я буду уважать твои желания, но хочу, чтобы между нами все было ясно. Я не предлагаю тебе почести, подобающие принцу, если ты не желаешь их.

Он уныло отхлебнул вина.

— Ваше величество...

Она оборвала его жестом.

— В узком кругу ты можешь называть меня Масилой.

— Масила, я не принц, в том смысле, как ты это понимаешь. Мой отец — выдающийся человек, но он король лишь на основании единодушного одобрения всех племен. Когда он умрет, маловероятно, что это место займет его сын. Среди нас нет традиции наследования королевского сана.

— Понимаю. Так ты прибыл просто как путешественник? Или в поисках воинской доблести?

— Я вижу, — сказал он, чувствуя себя неловко, — что ты не разделяешь здешнюю всеобщую страсть к намекам и окольным путям?

— У меня нет на это времени, — кратко пояснила она.

— Тогда я буду так же прям. Да, у меня на уме ничего не было, кроме страстного желания увидеть чудеса юга. Однако по пути меня стали настигать слухи. Я узнал, что король Гассем вновь выступил в поход. Я приехал узнать, правдивы ли эти рассказы.

— Слишком правдивы. Он вторгся в Соно и сейчас он осаждает город Хьюто, столицу короля Мана. Мои люди расспрашивали беженцев, которым удается просочиться через границу... их тысячи.

— Я должен больше узнать об этом. Гассем и мой отец — заклятые враги с самого детства.

— Как ужасно, что несчастье с моим мужем случилось в такое неподходящее время. — Она говорила столь же спокойно, как и прежде, но в ее глазах появилась тревога. Анса тщательно обдумал свои слова, прежде чем произнести их:

— Хотел бы я знать, совпадение ли это? — Он увидел, как сузились ее глаза, и понял, что она думала о том же.

— Об этом я ничего не скажу до тех пор, пока я не услышу мнение госпожи Фьяны о состояния здоровья его величества. Если мой супруг поправится, то все будет хорошо.

У Ансы на этот счет были серьезные сомнения. То, что он увидел в Гране, не давало ему такой уверенности. Пышность и воинское умение — это отнюдь не одно и то же., и он сомневался, что здешний король, даже в полном здравии, может стать достойным противником грозному королю Гассему.

— Моя фрейлина Амахест М«Илва сказала мне, что госпожа Фьяна была столь любезна, что осмотрела ее во время вчерашней встречи...

— Измененные имена не могут скрыть всего, — заметил Анса. — Я надеюсь, что госпожа не слишком смущена?

— Это их личное дело с мужем. — Она замолчала, и Анса не решился прервать наступившее молчание. У него возникло очень много вопросов, но он не хотел тревожить эту женщину, на которую и так свалилось слишком много забот. Наконец, он решил остановиться на нейтральной теме.

— Мальчик, которого я видел в покоях короля, это его сын?

Она обрадовалась.

— Наш единственный ребенок, Принц Гелис. — Королева помрачнела. — Я ничуть не меньше волнуюсь за сына, чем за мужа.

Это он мог очень хорошо понять. Если король умрет, пока его сын будет все еще несовершеннолетним, то, возможно, возникнет борьба за престол. В лучшем случае, мальчик может стать пешкой в игре регентов. А после того, как в течение ряда лет регент насладится властью, возможно, он пожелает избавиться от принца, прежде чем тот сможет взять бразды правления в свои руки... Похоже, королева говорила с Ансой так открыто, потому что у нее здесь мало друзей, всего несколько человек, кому она могла доверять. Он был иноземцем, но именно по этой причине и не был вовлечен в интриги двора. Он был сыном короля, а значит, они могли говорить на равных.

— Если я смогу чем-нибудь помочь, тебе стоит только сказать, — уверил он ее. — В отличие от Фьяны, я не обладаю даром целителя, но зато умею сражаться, а также наделен благоразумием. Все эти дары я отдаю в твое полное распоряжение.

Она благосклонно склонила голову.

— За это я искренне благодарю тебя. Я знаю, что ты говоришь это не ради красного словца, и буду рада положиться на тебя, когда придет время.

— Тебе стоит только сказать, — повторил Анса.

Королева вяло отщипнула кусочек какого-то лакомства.

— Ты имеешь хоть какое-нибудь представление о том, сколько времени потребуется госпоже Фьяне?

— Не могу сказать. Я видел, как она определяет простые заболевания за считанные секунды, но то были обычные случаи, в которых она имеет огромный опыт. И больные сами могли сказать, что их беспокоит. Но в нашем случае... — Он пожал плечами. — Мне кажется, что на это может по-

требоваться много часов, возможно, даже более одного сеанса. И это отнимет у нее все силы.

Королева поднялась.

— Я позабочусь о комнатах для вас обоих и пошлю слуг на постоялый двор за вашими пожитками.

Ансе нравилось на постоялом дворе, и он не одобрял мысль о переезде в огромный, странный и, возможно, враждебный дворец, но он не видел способа отклонить это гостеприимство, не нанеся оскорбления.

— Это слишком щедро. Могу ли я просить, чтобы наши комнаты, мои и госпожи Фьяны, располагались рядом? Я знаю преданность ваших слуг и охраны, но я дал слово ее народу, что буду охранять ее.

— Безусловно. Сейчас я должна уйти. Прошу, чувствуй себя, как дома...

Он поднялся и с поклоном проводил ее из комнаты. Когда королева ушла, Анса растерялся, так как не знал, что делать дальше. Сидеть в этой маленькой комнате, как бы она ни была уютна, казалось довольно мрачной перспективой.

Он прошел к спальне короля и заглянул туда. Фьяна сидела совершенно в той же позе, в которой он видел ее в последний раз, как будто она и король были скульптурной группой. По стенам стояли слуги и придворные, сохраняя должное расстояние и тишину. Мальчика в кресле больше не было, и Анса не увидел его в комнате.

Юноша неслышно прошел через покои и вышел в коридор. Придворные обернули к нему накрашенные лица в ожидании каких-то известий о состоянии короля, но когда стало понятно, что он ничего не скажет, они потеряли интерес. Ему хотелось выйти наружу, подальше от этих давящих стен и тяжелых потолков. Анса стосковался по солнечному свету и свежему воздуху.

Он прошел мимо королевских покоев и миновав широкую двойную дверь, обнаружил, что находится на террасе, выходящей на удивительное строение. Длинная лестница вела вниз, к овальной площадке, окруженной рядами возвышавшихся над ней сидений. Площадка была посыпана песком. Анса не мог представить, что это такое. Может, храм?

— Я смотрю, ты обнаружил наш стадион, — послышался за спиной чей-то голос. Он узнал голос и повернулся, чтобы поклониться даме, которая в прошлую ночь носила имя Хеста.

— Полагаю, что да, леди Амахест М'Илва. Мне никогда не приходилось видеть ничего подобного. Каково его назначение?

Она подошла ближе, и Анса увидел, что сегодня она использовала значительно меньшее количество косметики. Она оказалась довольно молодой, чуть за тридцать, и очень белокожей. Тесный корсаж приподнимал грудь, причем в вырезе виднелись темные окружности сосков, и оставлял открытыми плечи.

— Это место предназначено для представлений. Здесь выступают звери, танцоры, акробаты, фокусники. Проводятся соревнования и бои. Сейчас ты видишь лишь сам костяк сооружения. Когда даются представления, то все здесь убирается подушками, портьерами, цветами, яркими навесами и фонтанами для охлаждения воздуха. Ночные сражения проводятся при свете факелов.

— Сражения? — переспросил он.

— Да. Мастера боя приходят сюда, чтобы продемонстрировать свое искусство или бросить вызов друг другу. Это может быть очень красиво, почти как танец.

— Они бьются до смерти?

— Обычно до тех пор, пока кто-нибудь один не сдается. Иногда боец, который считает себя глубоко оскорбленным, может настаивать на поединке до смертельного исхода. Безусловно, проигравшие иногда умирают от ран. Тебя интересуют сражения? — загадочно улыбнулась она.

Он пожал плечами.

— Я воин. Но ни с чем подобным мне прежде не приходилось сталкиваться, хотя поединки между воинами я, конечно, видел. Король допускает это, потому что в противном случае они просто будут нападать друг на друга исподтишка, а это приведет к кровной мести.

— Твой народ очень... как мне правильно выразить это? Очень жизнеспособный. — Она стояла рядом с ним, и Анса мог ощущать аромат ее духов, утонченный и неожиданный, в этом месте, где все ощущения были слишком подавляющими.

— Мы привыкли к тяжелой жизни, — сказал он.

— У нас никто не знает тяжелой жизни. Даже простые горожане, и тем более знать. Ты уже получил личную аудиенцию у ее величества? Многие вельможи годами ждут такой милости.

— Ее величество очень добры, — отозвался Анса. — Но мы с госпожой Фьяной представляем для нее надежду во время глубочайшего горя. Я не тешу себя иллюзией, будто сам по себе что-то значу при ее дворе.

Она кивнула.

— Ты очень мудр. Я рада этому. Позволь мне гово-

рить с тобой как с другом. Королевская милость столь же опасна, как и королевская немилость. Даже, может быть, опаснее, потому что в то время как немилость властелина дает лишь одного могущественного врага, его милость может дать тебе множество менее властных врагов.

— Я знаю это. И все-таки не мог действовать иначе.

— Достойные и благородные слова. Если позволишь, я бы посоветовала тебе играть здесь роль простого варвара, храброго и верного. Тогда вельможи не почувствуют в тебе никакой угрозы.

Он наклонил голову.

— Я буду помнить об этом. Если ты позволишь мне спросить, то кто же представляет собой наивысшую опасность? Здесь имеются и люди, которые будут жестоко расстроены, если король поправится.

Она опустила глаза.

— Сожалею, но теперь ты позволяешь себе слишком многое. Достаточно и того, что ты знаешь, что должен быть все время настороже.

— Тогда я не настаиваю на ответе. И вновь благодарю тебя за откровенность.

— Довольно церемоний, — попросила она. — Прошу, считай меня своим другом.

— Согласен, — отозвался Анса, хотя и знал, что этом месте ему потребуется нечто большее, чем просто уверение в дружбе, прежде чем он пожалует кого-нибудь своим доверием.

Теперь же леди Амахест просто решила составить ему компанию. Она показала юноше весь стадион, объяснив назначение всех служб и пристроек. Стена арены была увенчана серией гротескных изваяний, изображавших животных и каких-то странных уродцев, а затем поведала легенду, по которой звери и карлики принимали участие в войне между богами.

Она рассказала ему о короле, построившем амфитеатр три столетия тому назад, который любил кровавые зрелища, но был слишком ленив, чтобы ради этого покидать дворец. Загнанных зверей доставляли на арену, где он мог сделать вид, что охотится на них, и где заставлял пленных сражаться друг с другом для своего развлечения. Но теперь представления перестали быть кровавыми, уверила она Ансу. Кровопролитие стало редкостью, а не самоцелью.

Во время рассказа она то и дело находила повод, чтобы взять юноша за руку или предплечье, чтобы указать ему наиболее интересные предметы. Она стояла к нему всегда ближе, чем это казалось необходимо, и довольно рано

сумела ввернуть, что ее престарелый муж сейчас находится отлучке и управляет болотистой провинцией на юго-восточной границе с королевством Мисса, которую она терпеть не могла.

Анса одновременно был доволен и встревожен. Она была красивой женщиной, но это грозило осложнениями, в которых он совсем не нуждался в этой и без того сомнительной ситуации.

— Позволь мне показать тебе помещения внизу, — сказала она. — Некоторые из них для зверей, другие — для артистов, чтобы готовиться к представлению. Но есть и такие, назначение которых неизвестно никому. Они очень темные и таинственные. — Она взяла его за руку и потащила за собой. — Пойдем же.

— Возможно, в другой раз. Я слишком долго отсутствовал. Думаю, мне пора пойти обратно и посмотреть, как идут дела между госпожой Фьяной и королем.

Ее взгляд потемнел.

— Она ведь сама говорила, что на это может потребоваться много времени. Нет никакой необходимости поторапливать ее.

Он не имел ни малейшего представления о том, насколько опасна может быть эта женщина. У него не было желания оскорблять ее, и все-таки он не мог исключить возможность того, что она преднамеренно удерживает его вдали от королевских покоев.

— Прости, но я поклялся служить госпоже Фьяне.

— Да. Возможно, я слишком поспешила предложить тебе играть роль простого варвара. Очень хорошо, иди к ней. Но помни, что мы не закончили осмотр этого места.

Он поклонился.

— Я не забуду. — С облегчением он направился обратно в королевскую спальню, где все оставалось без изменения. Он прошел в малую приемную, где ранее разговаривал с королевой. Там тоже все было по-прежнему, кроме того, что слуги принесли новые яства и напитки. Он ел уже довольно давно, поэтому теперь угостился от души. Анса поднялся и поклонился, когда вошла королева. Она жестом показала ему, что он может сесть.

— Сейчас при дворе царит сумятица, — сказала она. — Никто не знает, чем ему заняться. В обычные дни каждое наше действие зависит от короля. Сейчас все загнаны в угол. Строгое соблюдение рутины невозможно, а других указаний они не имеют. Однако и предаваться скорби по королю еще рано... Все ждут, пока ситуация не разрешится... тем или

иным образом. — Королева небрежно постучала по предмету, лежащему на столе, и Анса увидел, что это была изысканно украшенная бронзовая туба. Похоже, это было послание, доставленное гонцом. Оно было опечатано воском, печать еще не сломана.

— Письмо для короля?

— Да, и я неохотно вскрою его. Неспособностью двора действовать приводит меня в отчаяние. Это от короля Гассема, и я боюсь того, что может быть в этом послании.

Он почувствовал, как у него по спине поползли мурашки. Послание от Гассема! Был ли это вызов? Или же еще одна вкрадчивая ложь? Какое зловещее он выбрал для этого время!..

— И все же ты должна прочесть его, — сказал он.

— Я знаю. Но Это можно сделать лишь в присутствии ближайших советников короля. — Она продолжала постукивать по бронзовой тубе на столе. — Я желаю, чтобы ты тоже был там.

— Я признателен за честь, — промолвил Анса, — но твои советники и чиновники будут возражать против.

— Пусть возмущаются, — заявила она. — Мне все равно. Ты можешь посмотреть на все свежим взглядом.

— И что же ты хочешь, чтобы я увидел?

— Лица этих сановников. Мне бы хотелось узнать твои впечатления о том, как они встретят слова Гассема, прежде чем у них будет время поразмыслить. Гассем ведет завоевательную войну на границе. Я думаю, что это, — она особенно сильно стукнула по столу, — что-то вроде ультиматума. Некоторые уже обдумывают возможность измены трону.

— Они мало выиграют на этом, — сказал Анса.

— Возможно, но у некоторых людей предательство глубоко внутри. Они не способны воздерживаться от двойной игры, это все равно что перестать дышать. Мне хотелось бы узнать твое мнение о них.

— Я весь к твоим услугам. Когда ты предполагаешь сделать это?

— Если не случится какой-то неожиданности, то сегодня вечером. Все советники во дворце, поэтому не будет проблемы собрать их всех. — Она осеклась, когда вдруг открылась дверь и вошла Фьяна.

Ансу встревожил ее вид: девушка была бледна и измучена. Служанки поддерживали ее с обеих сторон. Королева схватила стул помогла усадить Фьяну. Затем королева отпустила служанок и налила вина в высокий бокал, озабоченно наблюдая за тем, как Фьяна вслепую нащупывает кошель у себя на поясе. Дрожащими пальцами она вытащила крошеч-

ный флакончик и открыла пробку, накапала шесть капель в свой бокал, затем положила флакон обратно. И наконец обеими руками подняла кубок и выпила вино.

Прошло несколько минут, в течение которых все трое сохраняли молчание. Краски понемногу стали возвращаться на лицо Фьяны. Она налила себе еще вина, и теперь уже смогла держать бокал одной рукой и поставить его на стол без дрожи.

— Это скоро пройдет, — сказала Фьяна охрипшим голосом. — Когда лечение столь глубокое, целитель частично разделяет страдание пациента.

— Пожалуйста, не торопись, — сказала королева. — Расскажешь все, когда придешь в себя.

Анса пополнил ее бокал и поставил перед девушкой тарелку. Медленно, как будто она боялась, что от изобилия еды ей может стать дурно, Фьяна съела крошечный пирожок и немного рыбы, обжаренной на вертеле. Вскоре она уже жадно набросилась на еду, словно голодала в течение многих дней. Наконец насытившись, она откинулась назад. Вид у девушки был по-прежнему усталый, но теперь она вполне оправилась.

— Надеюсь, вы простите мое странное поведение, ваше величество.

Королева махнула рукой в знак понимания.

— Мои целители и жрецы вели себя еще более странно, но они не сделали ничего. Можешь ли что-нибудь сказать о состоянии здоровья короля?

— Мне потребуется провести с ним еще несколько сеансов, — сказала Фьяна. Увидев подавленное выражение на лице королевы, она быстро добавила: — Я могу сказать вам сразу: король был отравлен.

— Я так и подозревала. Но все, что ест или пьет король, пробуют рабы. Откуда же взялся яд?

— Это я еще не установила.

— Впрочем, теперь это уже не столь важно, — сказала королева. — Насколько это серьезно? Можно ли восстановить его здоровье?

— Мне нужно подумать, но я думаю, что действие отравы обратимо. Это парализующее вещество и король абсолютно лишен возможности двигаться по своей воле. Все остальное у него в порядке. Именно поэтому он еще жив до сих пор. Если бы он не был исключительно силен и здоров, то яд бы парализовал органы дыхание, и он бы задохнулся. Более сильная доза яда остановила бы его сердце, и он бы мгновенно умер прямо на пиру.

Королева закрыла глаза и вздрогнула.

— Я должна отомстить... но это будет позднее. Что можно сделать сейчас?

— Я должна начать лечение. Некоторые вещи, что мне понадобятся, находятся среди наших пожитков на постоялом дворе...

— Они уже здесь, во дворце, — прервала ее королева.

— Очень хорошо. Остальное я должна буду найти у местных аптекарей. Можно мне получить принадлежности для письма?

Королева хлопнула в ладоши, и тотчас появилась служанка. По приказу королевы, она вышла и вернулась через несколько минут, неся поднос, на котором находилась стопка бумаги, чернильница с цветными чернилами и стойка с перьями и кистями. Не обращая внимания на перья, Фьяна взяла кисть и начала рисовать линии таинственных символов. Закончив, она подула на влажные чернила и затем передала это королеве.

— Пошлите это аптекарям. В таком большом городе мы должны найти все эти вещи.

— Я прикажу сделать копии и немедленно разослать их всем аптекарям столицы. Это поможет сберечь время. — Она позвала секретаря и дала все необходимые распоряжения.

— Есть ли еще что-нибудь, что ты могла бы сказать мне сейчас?

— Ничего, до тех пор, пока я не опробую и не проверю некоторые снадобья.

— Что еще тебе может понадобиться. Проси все, что пожелаешь.

— Мне нужны помощники.

— Считай моих лекарей и их слуг своими рабами, — сказала королева.

— Простите, ваше величество, но я не доверяю вашим лекарям, и поэтому не могу доверять и их слугам и рабам.

Королева не протестовала.

— Кто тогда?

— Я хочу, чтобы это был твой лучший лекарь, который ухаживает за животными в королевских стойлах. Пусть он приведет своих помощников или нескольких сильных парней, выполняющих простую работу, если у него нет учеников или слуг.

Сейчас королева была по-настоящему потрясена.

— Врач, лечащий кабо! Не верю своим ушам! Я не могу допустить, чтобы такие недостойные особы ухаживали за моим мужем!

 — Ваше величество, — сказала Фьяна, — нам нужны

люди, обученные и способные выполнять грязную, но необходимую работу, вводя лекарственные средства в бесчувственное тело. В таком состоянии человека мало чем отличается от кабо, а король — от любого другого мужчины. Конечно, всех посторонних лучше убрать из покоев короля. Это будет не самая приятная процедура.

Лицо королевы стало каменным.

— Будет так, как ты скажешь...

— До завтра я больше ничего не могу сделать, а к этому времени, я надеюсь, что все снадобья, которые мне понадобятся, уже будут найдены и доставлены сюда. Могу ли я покинуть вас? Я очень нуждаюсь в отдыхе.

— Конечно. Я приготовила покои для тебя и для принца Ансы.

Фьяна посмотрела на Ансу и грустно улыбнулась.

— Обман длился недолго.

— О, мало что ускользает от королевы Масилы.

Королева провела их обратно через королевскую опочивальню в огромный зал. Сразу же за дверями оказался паланкин. По его углам, сложив руки на груди, застыли четыре дюжих носильщика. Взглянув на них, Фьяна рассмеялась.

— Ваше величество, я устала, но еще не умираю. Я думаю, что могу добраться до своих покоев собственными силами.

— Я не допущу этого, — сказала Масила. — Твое здоровье сейчас для меня на втором месте после здоровья мужа. А теперь отдыхай. Моим людям приказано повиноваться твоим указаниям, как если бы они исходили из моих уст. — Она повернулась к Ансе. — Я пришлю за тобой сегодня вечером, как мы и договорились. — Все, кто был в зале, низко поклонились, когда королева проследовала обратно в опочивальню.

Смущенная, Фьяна забралась в паланкин. Рабы подняли носилки на плечи. Усмехаясь, Анса шел рядом. Придворные кланялись, когда они проходили мимо: весть об этой невероятной королевской милости сразу же облетела весь дворец со скоростью молнии. Рабы опустили паланкин перед дверью, по бокам которой стояли два звероподобных бамена.

— Раньше меня никогда не носили люди, — сказала Фьяна, спускаясь вниз. — Странное ощущение...

Комнаты, в которые они вошли, мало чем отличались от королевских покоев по размеру и обстановке. Дюжина слуг ожидала их, под приглядом надсмотрщицы, женщины, которая несла небольшой церемониальный хлыст. Она немедленно приняла на себя заботу о Фьяне и провела ее в ванную, расположенную где-то в глубине помещения. Анса нашел свою комнату и вышел на балкон. Пара охранни-

ков-баменов стояла также и там. Выходит, королева не была уверена в их безопасности даже в ее собственном дворце. Анса чувствовал себя более защищенным со своим собственным оружием.

С такими мыслями он взглянул на небольшую связку своих пожитков рядом с постелью. Из мешка выглядывала рукоятка, завернутая в кожу. Схватив ее, он вытащил боевой топорик с каменной лопастью, который купил два дня тому назад. Анса раскрутил его над головой, услышал удовлетворивший его свистящий звук и сразу же почувствовал себя лучше.

Он обнаружил купальню, входящую в состав его апартаментов, и решил испробовать ее. Он отпустил лишних слуг, решив, что вполне справится и сам. До сих пор ему казалось странным, что все эти вельможи нуждались в помощи даже при выполнении самых простых действий. Он решил, что это должно было помогать им чувствовать себя более важными. Судя по всему, ни и впрямь очень нуждались в таком подтверждении.

Натертый и намыленный, он расслабился в роскошной мраморной ванне и стал размышлять над своим положением. Возникало странное ощущение, находясь в невероятной роскоши, чувствовать себя в страшной опасности, как будто на поле боя. Здесь не было абсолютно никого, кому бы он мог доверять, хотя, кажется, королева и была единственным исключением.

Обсохнув и надев чистую одежду, он слонялся по комнатам до тех пор, пока не услышал, как Фьяна позвала его по имени. Он нашел ее в постели, среди горы подушек, в окружении суетливой прислуги.

— Прошу ненадолго оставить нас, — сказала она, и те с поклонами покинули помещение. Она повернулась к Ансе. — А теперь расскажи мне обо всем, чем ты занимался, пока я была у короля.

Он присел на край огромной постели и рассказал ей о своем разговоре с королевой, о прогулке на стадион, упомянув и о попытке леди Амахест соблазнить его. Ему было приятно видеть гнев Фьяны.

— Вот потаскушка! А еще замужняя женщина! — Она кипела от злости. — Полагаю, теперь ты считаешь себя совершенно неотразимым?

Он рассмеялся, впервые за весь день.

— Мне бы очень хотелось так думать. Она красивая женщина. — Он наслаждался выражением лица Фьяны. — Но я не настолько самодовольный. Эти люди ничего не делают просто так, без задней мысли. Я думаю, что она просто

желает узнать о нас побольше или завоевать определенное влияние.

— Ну, хорошо, что ты хоть это понимаешь.

— Хотя, если серьезно, у меня скверные предчувствия по этому поводу. Какими бы ни были ее истинные устремления, я могу нажить смертельного врага, если буду с ней слишком резок. Есть даже поговорки об отвергнутых женщинах...

— Не вижу трудностей, — уверила Фьяна. — Ты же простой дикарь, не так ли? Просто дай ей знать, что среди твоего народа считается мерзостью, когда мужчина ложится в постель с беременной женщиной. Ты же был там, когда я сообщила о ее положении. Это даст ей возможность, щадящую ее гордость, оставить тебя в покое. Не смотри на вещи так уныло. Она не последняя из тех, кто еще предложит тебе доступ к своему телу. — Ее глаза снова сузились. — Два месяца... Хотела бы я знать, сколько времени отсутствует ее супруг.

— Это, — сказал Анса, повторяя слова королевы, — их личное дело с мужем. — Он продолжил свой рассказ о королеве и ее дурных предчувствиях относительно послания от Гассема.

— Вполне могу понять ее беспокойство. Я бы тоже беспокоилась при мысли о необходимости иметь дело с таким человеком. Должно быть, прежде такими вещами занимался ее супруг и советники. А сейчас все свалилось на нее одну. И все-таки меня удивляет, что она хочет, чтобы ты присутствовал, когда она станет зачитывать письмо советникам своего мужа.

— Я думаю, она подозревает, что кто-то из них стоит за отравлением короля. Может быть, она просто хочет, чтобы хоть один ее настоящий друг присутствовал при этом.

— Она не произвела на меня впечатление человека, который так быстро может одарить кого-то своим доверием, — сказала Фьяна.

— Я думаю, она похожа на тех страдальцев, о которых ты говорила однажды, — продолжал Анса. — Когда они приходят в отчаяние, то готовы поверить любому, кто предложит им надежду. Я полагаю, что именно мы и воплощаем надежду для королевы.

Фьяна пробормотала слова согласия, но ее веки опускались все ниже, и через несколько секунд она уже мирно заснула. Анса поднялся и на цыпочках вышел из комнаты. Он нашел двух служанок и сказал им, чтобы они позаботились о Фьяне, но ни при каких обстоятельствах не будили ее. Те тотчас двинулись в опочивальню с видом знатоков, которым только что поведал об их работе любитель. Анса прошел в свою комнату для отдыха. Сейчас ему ничего не оставалось, как только ждать.

Глава тринадцатая

Слуга тронул его за плечо, и Анса понял, что он уснул. Это удивило его, потому что он привык подолгу обходиться без сна. Он вспомнил, что после полудня пил вино, которое подействовало на него значительно сильнее обычного.

— Господин, королева посылает за вами, — сказал ему слуга.

— Который час? — спросил Анса.

— Второй час после заката.

Было еще не поздно, но он чувствовал себя лучше из-за короткого сна. Анса поднялся, и другой слуга подал ему таз с водой, он сполоснул лицо и руки и затем взял полотенце. В большом зеркале он изучил свою одежду и решил, что она вполне подойдет для изысканного общества.

За дверями его покоев пожилой слуга в королевской ливрее поклонился ему.

— Не угодно ли вам последовать за мной, господин. — Анса пошел за ним, и через несколько минут его с поклоном пригласили пройти в комнату, которая располагалась недалеко от покоев, где неподвижно лежал король. Комната была небольшой, по меркам этого дворца, в длину приблизительно двадцать шагов, а в ширину десять. В одном конце было низкое возвышение, на котором стояло кресло из дорогого темного дерева. Длинный стол протянулся по всей длине комнаты, вокруг него стояла группа пожилых мужчин, все они были богато одеты. Они встревоженно оглянулись, когда он вошел.

Их лица были знакомыАнсе. Он уже видел их в опочивальне короля. Среди них был и лорд Оша Кл«ан, он кивнулАнсе, подошел к нему и встал рядом.

— Я так понимаю, что ее величество потребовала вашего присутствия?

— Да, это так, — ответил Анса.

— Могу ли я спросить, почему? — Он не казался возмущенным, просто ему было любопытно. Но Анса был не настолько глуп, чтобы делать какие-либо заключения только лишь по выражению лиц этих людей, для которых самообладание имело первостепенное значение.

— Кажется, у нее есть достаточные причины.

— Безусловно. Позволь мне представить моих собратьев.

Незнакомые имена быстро испарились из памяти, но титулы запоминались легко: военный министр, министр финансов, министр дипломатии, главнокомандующий флотом, глава торгового флота, главный советник и другие. Сам Оша Кл«ан был сенешалем.

Придворные поклонились трону, когда королева вышла из-за портьеры на дальней части возвышения. Она была в черном платье, расшитом жемчугом, со вставками из блестящей белой ткани. На ее челе была скромная диадема из золота и драгоценных камней, покрытая прозрачной вуалью, которая обрамляя ее лицо. Королева села на трон.

— Господа, прошу садиться. — Послышались шуршание и скрип, пока рассаживались министры. Анса заметил, что после того, как они сели на свои места, не осталось ни одного свободного кресла. Он не знал, что ему делать, и тогда королева обратилась к нему:

— Анса, прошу тебя сесть здесь. — Она жестом указала на низкое кресло слева от трона. Раньше он его не заметил. Он прошел к возвышению и сел. Королева не взглянула на него, не взглянули на него и советники. Он решил, что она хотела, чтобы его присутствие было незаметно. Это подходило ему. Он начал запоминать лица, чтобы позднее он смог бы узнать их.

— Господа, — сказала королева, — сегодня после полудня посыльный доставил мне это. — Она показала бронзовую тубу. — Это от короля Гассема, который сейчас осаждает столицу короля Мана. Как вы видите, печать еще не сломана. Я не хотела открывать ее, пока вы все не соберетесь, чтобы оказать мне честь своим советом. — Анса ничего не мог прочитать на их лицах. Они казались вежливо внимательными и ничего более. В своих тяжелых одеяниях, цепях и драгоценных камнях, они казались мощными и величественно горделивыми, как горы.

Она сломала восковую печать и стряхнула обломки на стол. Анса увидел простую эмблему сверху: это были два скрещенных копья. Он узнал форму копий. У его отца было такое, и он всегда носил его при себе. Это было копье шессинов, и понятно, что Гассему не требовалось иного герба. Копье ясно отражало его характер и историю.

Королева развернула послание и приступила к чтению. Чтение вслух продолжалось краткое время, и у Анса даже не было времени, чтобы тщательно изучить выражение лиц стольких. Военный министр имел сердитый вид, глава

казначейства был безучастен, глава дипломатического корпуса казался глубоко заинтересованным. Королева закончила чтение и снова свернула письмо.

— Вопросов о том, кто составил это письмо, быть не может, — сказала она. — Я получала много писем от королевы Лериссы, и ее тон нельзя спутать ни с каким другим. Почерк принадлежит искусному соноанскому писцу, возможно, пленному. Я думаю, мы можем считать, что королева Лерисса на самом деле находится вместе со своим мужем на осаде Хьюо. Лорд Улфас, кажется, ты разволновался?..

Военный министр дотронулся до груди и поклонился.

— Ваше величество, это бред. Вы прекрасно знаете, что я не высокого мнения о короле Мана, но уверен, что он никогда не был настолько глуп, чтобы дать Гассему повод захватить его страну. Этот разбойник просто хитрит и изворачивается. Они напали на Соно без всякого повода и сделают здесь то же самое, сразу же после того, как закрепят там свои успехи. Забудьте об этом предложении. Ответьте на это полным пренебрежением, и давайте соберем армию для того, чтобы выступить на защиту Хьюто.

Анса не сомневался в том, что министр говорил то, что думал. На лицах остальных Анса не заметил тяги к войне. Министр дипломатии откашлялся.

— Лорд Флорис, поделись своими мыслями с нами, — обратилась к нему королева.

— Хотя я и согласен с почтенным лордом Улфасом, что мотивы короля Гассема и его королевы сомнительны, я думаю, что всегда остается место для дипломатии. Что плохого в том, чтобы послать представителей для переговоров с этой королевой и потребовать, чтобы она ясно изложила свои намерения? Действительно, если сама королева Лерисса будет там присутствовать, предательство маловероятно. Едва ли Гассем будет подвергать свою королеву опасности.

— Как мы узнаем, что это Лерисса? — сказал глава военно-морского флота. — Кто-нибудь из присутствующих здесь видел эту женщину?

— Говорят, что она исключительно красива.

Министр финансов, толстый, украшенный драгоценными камнями мужчина с чувственным лицом фыркнул.

— Прошу прощения, ваше величество, но у меня среди рабов таких много.

— Это не проблема, — примиряюще сказал дипломат. — Чиновники моего ведомства бывали с Чиве, после того, как островитяне завоевали эту страну. Они знают, как выглядит королева Лерисса.

Поднялся главный советник, и королева кивком разрешила ему говорить.

— О намерениях этих... этих разбойников я не могу говорить. Их следует рассматривать как враждебные до тех пор, пока они словом или делом не докажут обратное. Я же озабочен более всего состоянием здоровья нашего короля. Не годится предпринимать военные действия в то время, когда он остается в таком состоянии, не в силах двигаться или говорить. Поэтому я советую принять приглашение на переговоры на острове Печали. Если это ничего не даст, мы все равно выиграем время. Хотя наш уважаемый военный министр, — он слегка поклонился в сторону лорда Улфаса, — и проявил свое привычное усердие в подготовке к войне, я продолжаю надеяться, что она еще далеки от завершения, и мы еще сможем обдумать наступательные действия в чужой стране. — главный советник вернулся на свое место.

— Лорд Улфас, — спросила королева, — в каком состоянии сейчас армия?

Он тревожно заерзал.

— Когда первые слухи об этом вторжении достигли нас, его величество приказал баронам собрать свои силы, в качестве меры предосторожности. Всего через несколько дней после этого король был поражен болезнью, и сборы были отложены. Правители уездов собрали своих людей, но уже в течение многих лет мы не знали войны, а учений было мало. Большинство сил к настоящему моменту должно быть собрано в фортах. Если вы прикажете, моя королева, я разошлю гонцов с приказом, чтобы все воинство было приведено к месту сбора.

Главный советник прочистил горло.

— Не имеется прецедента, когда такой шаг предпринимался бы без приказа короля.

— Никогда ранее и не возникало такой крайней необходимости, когда король Грана был недееспособен, — сказала королева. — До этого несчастья король приказал собрать войско. Я уверена, что при доказательстве опасности для страны, он бы продолжил мобилизацию. Поэтому, действуя в качестве регента, я приказываю предпринять этот шаг. Соберите войско на Воинском Поле в пределах видимости городских стен.

— Немедленно, ваше величество, — поклонился Улфас.

— Постойте, — заявил главный дипломат. — Я отношусь с большим уважением и преданностью к вашему величеству, но не было предпринято никаких действий для того, чтобы назвать вас регентом. Я напоминаю всем, что собравшийся здесь совет не уполномочен сделать это. Только парла-

мент лордов всего королевства в полном составе может решить этот вопрос.

— Лорд Флорис, — сказала королева. — Насколько я помню, в твои обязанности входят чужеземные, а не внутренние дела королевства. Как член совета ты имеешь право высказать свое мнение по существу любого дела, рассматриваемого советом, но прошу помнить о твоей сфере деятельности. — Она повысила голос, обращаясь к собравшимся: — Неужели мы будем и дальше находиться в смятении, когда армия завоевателей приближается к нашей границе? Я полностью возлагаю свои надежды и упования на выздоровление короля. Но будет хорошо, если он обнаружит, что его королевство все еще существует, когда он будет готов снова воссесть на трон. Или кто-то из вас не согласен со мной? — Гнетущая тишина стояла, пока не заговорил главный советник:

— Ваше величество, наша преданность не вызывает никаких сомнений. Безусловно, мы все лелеем самые глубокие надежды на полное выздоровление его величества.

Лорд Оша подал знак, что хотел бы что-то сказать.

— Послушаем сенешаля.

— Ваше величество, господа, нет никакой необходимости в этих неподобающих пререканиях в то время, когда мы все стоим перед лицом смертельной опасности для королевства. В связи с тем, что возник вопрос относительно права на власть ее величества, то разве я ошибаюсь, полагая, что все мы, присутствующие здесь, согласимся с тем решением, которое примет парламент лордов? — Поднялся шум в знак одобрения.

— И разве нужно мне особо останавливаться на том, — продолжал он, — что если собрано войско для войны, для которого каждый правитель уезда приведет собственные войска, то у нас и будет собран именно такой парламент? — Советники неохотно согласились, что это так.

— Тогда, — заключил он, — я предлагаю, чтобы ввиду беспрецедентных чрезвычайных обстоятельств, королева и совет издали приказ о созыве объединенного войска, за чем последует созыв парламента, который и должен будет установить законность этого вопроса.

— На сбор и объединение армии уйдет очень много времени и усилий, — проворчал Улфас, — но я буду голосовать за это.

— Пока все будет выполняться в соответствии с законом и обычаем, — вкрадчиво сказал главный советник.

— Будем надеяться, что все эти меры предосторожности потеряют свою срочность и необходимость при скором выздоровлении короля, — сказала королева.

Анса подумал, что лорд Флорис выглядел как человек, который только что проиграл заход, но все еще оставался в игре.

— После того, как мы решили все это, ваше величество, — сказал он, — остается открытым вопрос о посольстве. Как сказал лорд Улфас, мобилизация войска продлится гораздо дольше, чем хотелось бы, и, как указал лорд Импимис, — он поклонился главному советнику, — переговоры это удобный способ выиграть время.

— Да, я согласна, — сказала королева. — Давайте разговаривать долго и много, но не верить всему, что слышим. Я полагаю, что мы можем верить лишь угрозам Гассема, которые ему всегда прекрасно удаются. Из кого будет состоять наше посольство?

— Это совершенно необычный случай, ваше величество. Поэтому я лично возглавлю посольство и переговоры с чужеземной королевой.

Главный Советник встал.

— Я полагаю, что тоже должен поехать, с разрешения вашего величества.

— Это необычно, — сказала королева. — Во время кризиса место старших советников должно быть около трона.

— Так бывает обычно, — подтвердил лорд Флорис, — но вы понимаете, ваше величество, что король Гассем посылает на переговоры свою королеву. Безусловно, немыслимо, чтобы присутствовали лично, но нельзя и послать миссию, состоящую из чиновников второго ранга. В самом крайнем случае, нашу делегацию должны возглавлять лорд Импимис и я.

— Я с неохотой расстанусь с вами даже на несколько дней, но полагаю, сейчас нам будет неразумно оскорблять противную сторону неуважением. Очень хорошо. Подготовьте все к поездке и передайте мне список тех, кого вы намерены взять с собой. И самое важное... — Она предостерегающе подняла палец. — Ни при каких обстоятельствах даже намек на состояние короля не может сорваться с ваших уст. Если кто-нибудь скажет иноземцам об этом, полетят головы.

Она осмотрела членов совета, переводя взгляд с одного на другого, но все молчали.

— Очень хорошо. Я пошлю письмо королю Гассему, в котором будет подтверждаться наше согласие на участие в переговорах на Острове Печали в указанное время. Тем временем все вы должны выполнять свои обязанности для подготовки к возможной войне. Сейчас вы можете идти.

Советники поднялись, поклонились и вышли из комнаты. Анса наблюдал за ними, затем он посмотрел на королеву. Даже сквозь вуаль он видел, как пот выступил у нее на

лбу. Совет внешне прошел спокойно, но он знал, что на самом деле королева одержала большую победу.

— Анса, — сказала она. — В соседней комнате ты найдешь графин и несколько бокалов. Не будешь ли ты так любезен принести мне немного вина?

Юноша наполнил бокал доверху. Она выпила половину и откинулась назад со вздохом.

— Ну, могло обернуться и хуже. Я боялась дворцового переворота, но их остановила неуверенность в будущем короля, особенно сейчас, когда его лечит Леди Фьяна.

— Может ли какой-нибудь тщеславный лорд убить короля и попытаться в суматохе захватить власть?

— Нет, они боятся ярости баменов. Именно по этой причине королевская семья всегда набирала телохранителей из этих дикарей. Если король умрет, они зверски убьют любого, кто, по их понятиям, завидовал его власти. Я уверена, что члены совета будут первыми, кто лишится головы. А сейчас скажи мне, что ты думаешь?

— Многие из них не высказывались и тщательно следили за выражением своих лиц. Я думаю, ты можешь доверять Улфасу, военному министру. Он кажется преданным человеком. Главный советник — Импимис, не так ли?.. Я бы тщательно наблюдал за ним. Что же касается лорда Флориса, то лучше всего казнить его сразу же. Этот человек — предатель. Войдя в состав посольства, он начнет переговоры с Гассемом и предать тебя. Импимис также может иметь точно такой же план.

— Я думаю, ты прав, но не могу предпринять действий против Флориса прямо сейчас. Его семья весьма знатная и имеет много сторонников. Управление страной — это нелегкое дело даже в лучшие времена, ведь каждый удельный князек ищет только собственной выгоды. А в такое время, как сейчас, когда королевская власть пошатнулась, многие из наших подданных и вассалов нуждаются лишь в незначительном поводе, чтобы взбунтоваться.

— Тогда ты должна отозвать дипломатическую миссию, на основании того, что тебя могут предать.

— В любом случае у меня нет доверия к обещаниям Гассема, — сказала она.

— Было ли это заседание королевского совета обычным? — спросил Анса.

— До сих пор для меня это ново. Когда король был здоров, он не разрешал мне присутствовать на заседаниях, но я думаю, что этот совет был хорошим примером. — Она удрученно засмеялась. — Я сомневаюсь, что твой народ столь же красноречив своих собраниях.

— О, наши советники любят послушать сами себя. Они любят обстоятельно обсуждать все вопросы. Мы ведь только недавно стали королевством. Мой отец правит множеством племен, причем многие находятся в состоянии войны друг с другом. Но они могут быстро и единодушно собраться, если возникает внешняя угроза. Мне бы хотелось надеяться на то, что не возникнет никакой внутренней борьбы, когда для нашего королевства наступит такое же нелегкое время.

— Надеюсь, что так. Достаточно скоро нам придется послать за помощью к королю Гейлу. Но мы можем не успеть... Гассем двигается так быстро!

— Такой же быстрой может быть и наша армия, — сказал Анса. Он помолчал мгновение, что-то обдумывая. Затем промолвил: — Масила, мне бы хотелось сопровождать твоих посланцев.

Она была озадачена.

— Для чего?

— Я приехал, чтобы по возможности больше узнать о Гассеме и его намерениях. Я хотел бы увидеть его королеву. Здесь мне нечего делать, пока Фьяна лечит короля. На Острове Печали я смогу сделать что-нибудь полезное.

— Но ты чужеземец. Я никак не могу отправить тебя туда официально. Ты не будешь под защитой королевских привилегий.

— Безопасность и неприкосновенность любого лица в пределах власти Гассема зависят лишь от его прихоти. И все-таки было бы хорошо иметь какой-нибудь официальный статус. Что можно сделать? Дай мне письмо с подтверждением, что я являюсь посланником рамди. Этот народ живет на юго-востоке владений моего отца. Они признают его военным вождем, но по всем остальным вопросам они независимы.

— И каков же будет предлог, по которому ты сопровождаешь мое посольство?

— Во-первых, это шанс передать приветствие моего вождя другому народу, но, в основном, потому что я слышал о легендарной красоте королевы Лериссы и хочу посмотреть на нее своими собственными глазами.

На это она готова была улыбнуться.

— В это может поверить только женщина. Все короли и королевы тщеславны, но Гассем и Лерисса воспринимают лесть особенно серьезно.

— Тогда я поеду. Опасность невелика. В конце концов, основная их цель в этой встрече — внушить тебе ощущение безопасности. Поэтому почти наверняка они будут относиться к твоим представителям весьма любезно.

— У тебя ясная голова, — сказала она. — Я думаю, что, когда ты повзрослеешь и наберешься опыта, твой народ ошибется, не выбрав тебя в наследники отца.

Анса не задумывался о таких возможностях, и поэтому встревожился.

— Прошу тебя не делать никаких таких предположений! Я уехал из дома, чтобы быть подальше от подобных забот и немного отвлечься. Последнее, чего я хочу, это стать королем, или даже принцем.

— Ты скоро узнаешь, что собственные желания человека мало что значат в его судьбе. И простое стремление к наслаждению жизнью может преподнести странные неожиданности. Например открыто отправиться в лагерь врага,.

— Пока это только моя собственная жизнь, которой я рискую. Мне не хочется ничего упустить!

— Понимаю. Ну, если ты хочешь придерживаться такого пути, я не стану удерживать тебя. Ты получишь свое письмо. Станет ли королева Лерисса считаться с ним, получив его из моих рук, это другой вопрос.

— Благодарю тебя. Мне бы хотелось послать письмо отцу и уведомить его о происходящем. Сможешь ли ты выделить гонца для доставки послания? Это длинный путь, и вернется он не скоро.

— Конечно, у меня много посыльных. Они проводят слишком много времени в безделье, пользуясь королевской щедростью. Но ты не должен упоминать о состоянии короля в твоем письме. Оно может попасть в чужие руки.

— Согласен, моя госпожа.

Глава четырнадцатая

— Куда ты собираешься? — ужаснулась и рассвирепела Фьяна. — Ты это не всерьез?!

— Нет, всерьез. Разве не за этим мы приехали сюда? Как еще я смогу лучше узнать замыслы Гассема, чем прямо поехать к нему в гости? Ну, — поправился он, — не совсем к нему, а к королеве Лериссе. Думаю, я смогу многое узнать там. Этот город и его дворец интересны и занимательны, но такой возможности нужно отдать предпочтение.

— Но мы же собирались путешествовать вместе! — запротестовала она.

— Однако ты не предполагала заниматься лечением короля Ах'на. А мне нечего здесь делать, пока ты ухаживаешь за ним. Эта поездка всего на несколько дней, а потом я вернусь. — Он похлопал ее по руке, но она сердито уставилась на него.

— Мне это не нравится. Слишком много всего может случиться. Тебя могут узнать и взять в плен.

— Кто может узнать меня? Я никогда не видел Гассема или Лериссу. Я был еще ребенком, когда в последний раз к отцу и прибыло соноанское посольство.

— Королева Масила увидела сходство между тобой и твоим отцом.

Он пожал плечами.

— Потому что она больше не видела никого из моего народа. Но я куда больше похож на мать, чем на отца. Что же касается чистокровных шессинов, на них я совсем не похож, ни в каком отношении.

— Ты просто хочешь найти предлог, чтобы сбежать на поиски приключений.

— Зачем мне нужен предлог? Если я должен выполнить свой долг, то сделаю это, как сочту наиболее подходящим. Почему я должен спрашивать у тебя разрешения?

Фьяна пыталась проявить негодование, но у нее на глаза навернулись слезы.

— Просто... не хочу, чтобы ты оставлял меня здесь одну.

Его злость улеглась, он сел на постель и обнял ее. Она положила голову ему на грудь, и Анса принялся поглаживать ее серебристые волосы.

— Прости меня, Фьяна. Я веду себя как беззаботный мальчишка, гоняясь удовольствиями и позабыв о том, что оставляю тебя здесь в большой опасности. Но все равно я не могу упустить возможность увидеть врага на близком расстоянии.

Она вздохнула.

— Ты не сделаешь какой-нибудь глупости... например, не попытаешься похитить Лериссу или убить Гассема?

— Ты считаешь меня глупцом? Любая такая попытка даст им великолепный повод напасть на эту страну, и это было бы плохим способом отплатить королеве Масиле за ее доверие.

— Все правильно. — Фьяна успокоилась, но Анса не хотел, чтобы она сразу же ушла. Они были предусмотрительны и сдержанны по отношению друг к другу, — два молодых человека различной расы и культуры, которых тянуло друг к другу, вопреки им самим. Она была теплой и хрупкой в его объятиях. От нее пахло травами и еще чем-то пряным...

— Пока меня не будет, королева согласилась удвоить количество твоих охранников-баменов. Они фанатично преданы королю и будут охранять твою жизнь, как самого монарха.

— Это успокаивает. Если король умрет, я буду первая, кого они убьют.

Он не подумал и об этом.

— Он в таком положении, что трудно будет узнать точно, когда он скончался, если уж дойдет до этого. Если он умрет, скажи, что он спит и беги прочь как можно скорее.

— А-то я беспокоилась о тебе! — воскликнула Фьяна. Затем она подняла голову, и их губы соприкоснулись. Она упала на подушки. Анса крепко обнял девушку, и ее тело подалось ему навстречу. Огонь страсти разгорался все сильнее, они начали стаскивать друг с друга одежду. Юноша ощутил ее упругую молодую грудь в своих ладонях. Лампы догорели, и в тусклом лунном свете ее голубое тело казалось смуглым, с ослепительно-белым треугольничком внизу живота.

Она ласкала его тело своими тонкими пальцами, пока Анса целовал ее соски, касался языком пупка и лобзал белый холмик между бедер. Затем он снова целовал ее в губы и ее ноги раздвинулись под ним. Рука Фьяны направляла его, и он проскользнул в невероятное восхитительное тепло. Он чувствовал ее изящное, хрупкое тело, вскидывавшееся со страстью и силой, и чувствовал теплое дыхание на своем лице.

Громче шума в ушах от прилива крови было ее прерывистое дыхание и томные вскрики. И под конец, в яростном стремительном напоре, когда семя изверглось мощным потоком, она выкрикнула его имя.

Долгое время они лежали, недвижимо, пока не успо-

коилось их дыхание, и он все еще оставался неизменно внутри нее. Они обнимались, не разговаривая и наслаждаясь близостью.

— Я не ожидала такого, — прошептала она наконец, — но рада, что это случилось. Теперь я уверена, что ты вернешься ко мне.

— А ты разве могла сомневаться в этом? — спросил он.

— Да.

— Ну, конечно, теперь ты можешь не сомневаться, что я пробью себе дорогу через все войско Гассема, чтобы вернуться обратно к тебе.

— Просто береги себя и возвращайся. — Она обвила его шею руками и поудобней устроилась, положив голову ему на грудь. Через несколько минут она уже спала.

* * *

Анса забрал свое оружие у ворот дворца. Он хотел всего лишь прогуляться по городу, но чувствовал себя раздетым без него. С мечом и кинжалом за поясом, с боевым топориком, привязанным ремнем к поясу, он снова почувствовал себя полноценным воином.

Он хотел ненадолго уйти из дворца. Фьяна снова закрылась с королем, в окружении склянок, горшочков и связок лекарственных трав. Лекарь, ходивший за кабо, и пара крепких слуг оставались при ней, к вящему негодованию всего двора.

Посольство должно было отбыть через два дня, и Анса сказал королеве, что ему необходимо пополнить свои запасы. Она предложила взять во дворце то, что ему требуется, но он возразил, что суровым полевым условиям дворцовые материалы не могут соответствовать. Поэтому она дала ему кошелек с золотыми ауриками и пожелала приобрести для себя все самое лучшее.

Его первой остановкой стал квартал лучников. Анса отдал им одну стрелу и заказал сорок точных подобий, которые должны были быть готовы к следующему. Кузнец уверил его, что отложит всю иную работу, чтобы выполнить приказ королевы.

В квартале торговцев тканями он сменил свой грязный, потрепанный походный плащ на прекрасную накидку из шерсти квилла, одновременно легкую и теплую, защищая от сырости и холода. Кроме того,новый плащ мог служить покрывалом и отталкивал воду, как мех ныряющей летучей мыши.

Кроме того, Анса приобрел великолепную пару новых сапог, по самой последней невванской моде. Ведь

ему предстояла встреча с самой грозной в мире королевой, — нужно было соответствовать случаю.

Юноша увидел, как люди входили в какой-то парк, и из любопытства пошел следом. Оказалось, что это королевский зверинец, который в этот день был открыт для посещения публики. Он таращил глаза на зверей настолько диковинных, что не поверил бы в их существование, если бы услышал, как их описывает незнакомец. Впрочем, Анса забавлялся, видя, как другие люди таращат глаза на животных с северных равнин и холмов, которые для него были совершенно обыденны.

Он завершил свой день в винной лавке, расположенной в квартале развлечений. Звуки странной музыки лились из каждого окна, а шуты устраивали представления прямо на улице. В лавке, где он съел скромный обед, три девицы сладострастно танцевали среди столиков. В другое время Анса мог бы счесть их соблазнительными, но сейчас он не интересовался никакими женщинами, кроме Фьяны.

Когда служители стали зажигать лампы, он понял, что пора возвращаться во дворец. Приятно насытившись едой и вином, юноша вышел наружу. По привычке, он встал у дверного проема, прислонившись спиной к стене, и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Когда он смог различать в темноте предметы, то наконец вышел наружу. Квартал развлечений был переполнен людьми и оставался шумным даже ночью, но как только он покинул его пределы, улицы стали пустыми и тихими.

Он наслаждался лунным светом и прохладным воздухом, но вскоре встревожился, заслышав позади какие-то звуки. Анса оглянулся, но ничего не увидел. Он пожал плечами и пошел дальше. На открытой местности он мог легко уследить за окружающей обстановкой, но в этом чужом городе уверенности у него не было.

Пройдя еще несколько улиц, он снова услышал звук крадущихся шагов. На этот раз он не замедлил шаг и не остановился. На следующую боковую улицу он свернул, как бы ничего не подозревая, затем быстро бросился в дверной проем и ступил в темноту. Он поставил сверток с покупками у ног и приготовил оружие. Узкая улица была неподходящим местом для длинного меча, но Анса все же проверил, насколько свободно тот выходит из ножен. Он снял с пояса каменный топорик и держал его в правой руке, а левой вытащил кинжал. Клинок длиной в один фут был слегка изогнутым и острым, как бритва. Его пальцы сжались на костяной рукоятке. Как ни странно, но юноша ждал поединка. Кровь стучала у него в ушах, горло сжалось, но это были славные ощуще-

ния, — ощущения близкого боя. Гораздо лучше, чем неопределенность и двусмысленность последних дней. Здесь, на улице, он мог встретить врагов, которые открыто жаждали его крови.

На повороте появились двое мужчин в неприметной одежде. У одного был короткий меч, у второго — меч и дубинка. Они остановились, когда поняли, что их жертва исчезла. Осторожно они увеличили пространство между ними на один шаг, перед тем как начали крадучись продвигаться дальше по улице. Это были опытные хищники...

Анса знал, что ему лучше всего атаковать их в тот момент, когда они будут рядом, не давая времени для согласованной атаки. Но он хотел узнать, кто послал их.

Было маловероятно, что они не заметят его, когда пройдут мимо, и он не хотел, чтобы его загнали в ловушку в дверном проеме. Когда они оказались на расстоянии десяти шагов, он вышел навстречу.

— Кто вас послал? — воскликнул юноша. — Что вы... — Тут же он понял, что сделал серьезную ошибку. Они и не собирались с ним разговаривать. Убийца с дубинкой сделал ложный выпад в сторону его головы, в то же самое время нацеливаясь в живот коротким мечом. Второй прижимал Ансу сбоку.

Юноша отскочил назад и нанес удар каменным топориком по руке, в которой была зажата дубинка. Раздался звук раскалывающегося дерева и ломающейся кости, и атакующий упал. Его спутник, которому не удалось нанести удар, вскинул руку. Вместо того, чтобы отскочить назад и уйти от атаки, Анса выступил вперед и нанес удар кинжалом, до кости разрезав предплечье нападающего. Меч загремел по мостовой, когда Анса коротким рубящим ударом наотмашь опустил топорик. Он с хрустом вошел в висок мужчины и тот упал на собственный меч.

Второй нападающий очнулся от боли в сломанных пальцах и тут же вновь бросился в атаку, держа Ансу в обороне. Юноша отступил, нанес обманный удар топориком сверху, затем со свистом опустил его на колено нападающего. Наемный убийца охнул и попытался перенести свой вес на здоровую ногу, но в этот момент Анса рванулся и всадил кинжал в живот наемника, вспарывая его снизу доверху. Юноша отступил, когда его противник стал падать, и нанес ему сильнейший удар по голове топориком — для пущей уверенности.

Тяжело дыша и дрожа от волнения, Анса изучал дело своих рук. Оба человека были мертвы, и уже не ответят ни на какие вопросы. Бой был коротким и произвел мало шума. Никто не выглянул из окрестных домов, чтобы полюбо-

пытствовать. Удовлетворенный тем, что за ним никто не наблюдал, юноша вытер свое оружие об одежду убитых, подобрал пожитки и вернулся на широкую улицу, чтобы продолжить путь во дворец.

Кто же они такие? Возможно, просто воры. Весь день он был на виду, легко тратил деньги. И все-таки это казалось маловероятным. Убийцы выглядели знатоками своего дела. И явно желали отнять у Ансы не деньги, а его жизнь.

Он пошел обратно во дворец, сдал оружие и вернулся в свои покои. Фьяны там не было, и раб сказал ему, что она все еще с королем.

Юноша обдумывал свой следующий шаг. Нужно ли докладывать о нападении? Если да, то кому? Кто бы ни подослал к нему убийц, этот человек должен быть здесь, во дворце. Он решил, что расскажет об этом лично королеве, и более никому, кроме Фьяны.

Фьяна вернулась поздно, выглядела она очень усталой.

— Он начинает откликаться, — сказала онаАнсе. — Я смогла ограничить воздействие яда, и нам удалось дать ему хоть какое-то питание.

— Он поправится? — спросил юноша.

— Не могу сказать точно, но сейчас у меня больше надежды. Пройдет еще несколько дней, и он сможет даже разговаривать. Сейчас он моргает, и мышцы лица обрели подвижность. Королева ведет себя так, как будто бы он почти исцелился. Но я боюсь давать ей лишние надежды.

Когда Фьяна немного отдохнула, Анса рассказал ей о нападении.

— Какой ужас! — воскликнула она. — Но почему? Только потому, что мы пытаемся помочь королю, или потому, что ты собираешься уехать с посольством... или все вместе?

— Я сам бы хотел это знать. Мне кажется, что мы мало что можем сделать, не вызвав неприязни у здешних вельмож. Вот еще одна причина, почему я должен следить за ними, когда они встретят Лериссу. А ты должна всегда держать телохранителей при себе, несмотря на то, что они вызывают раздражение и беспокоят тебя. Будь осторожна и с едой. Мы уже знаем, что кто-то здесь владеет искусством использования ядов.

— А я гораздо более искусна в определении их. Тебе не стоит беспокоиться обо мне. Я гораздо больше беспокоюсь о тебе. В следующий раз они могут послать десять убийц вместо двоих.

— Я буду чувствовать себя безопаснее вдали от этого места, — сказал он.

 — Но я буду скучать, пока тебя не будет. — Фьяна

прильнула к нему, и Анса обнял ее, ощущая усталость девушки, как свою собственную.

* * *

Королевские посланцы отбыли туманным утром через главные ворота дворца и по главной улице спустилась с холма. Простой народ смотрел в изумлении, как пышная процессия дворян со слугами и охраной проходили мимо. Слухи о войне на западе уже давно ходили по городу.

Среди всей этой пышности и великолепия вряд ли кто-нибудь обратил внимание на одинокого неприметного всадника с большим луком, который ехал в хвосте процессии.

Ансе было грустно покидать город, но лишь потому, что здесь он оставлял Фьяну. Во всем остальном этот миг был одним из самых волнующих в его жизни. Он ехал, чтобы встретиться со своим наследственным врагом, — о таком приключении он мечтал еще мальчишкой. Но сейчас радость ему отравляло беспокойство о возлюбленной, и Анса невольно спрашивал себя, всегда ли реальность вторгается таким образом в жизнь героя...

За стенами города их настиг почетный эскорт короля, казармы которого размещались около Воинского Поля. Воины в роскошных доспехах, на породистых кабо под расшитыми чепраками, окружив кавалькаду, направились вперед по западной дороге.

Анса, представляющий собственное вымышленное посольство, не имел определенного места в процессии, и это его вполне устраивало. Надменные министры старались игнорировать безродного чужеземца, а юноша тем временем гадал, не мог ли кто из них подослать тех убийц. Он воспользовался преимуществом своего неопределенного статуса, чтобы ехать среди охранников и разговаривать с ними. Они с удовольствием отвечали на его вопросы, и юноша много нового узнал о принятых в этих краях способах ведения войны и о боевых приемах.

Когда Анса рассказал им о свойствах своего мощного лука, они проявили лишь сдержанный интерес. По их словам, щиты и доспехи были надежны и непроницаемы для любого такого оружия.

Было ясно, что уже много лет они не видели реальных военных действий. На юношу произвел впечатление их боевой дух, но он знал, что требуется нечто большее, чем гордость и отвага, чтобы выигрывать сражения у воинов, которых вел Гассем. Он надеялся, что пехота Грана лучше оправдает его надежды.

Обустройство лагеря оказалось сложным делом, потому что вельможи и их окружение требовали больших шатров, обставленных со всей роскошью. Анса не относился к этому с презрением, ибо понимал, что любому посольству важнее всего произвести впечатление на другую сторону. Демонстрация богатства означает власть и могущество их сюзерена.

По мере продвижения на запад, низины понемногу сменились возвышенностью. Как ему и говорили, ночи здесь были холодные и промозглые, с тяжелым туманом, лежавшим на холмах. Колонна шла медленно, и потому Анса воспользовался возможностью и съездил в лес на охоту. Пойманная добыча делала его желанным у любого костра, который он выбирал по вечерам,.

Когда они приблизились к реке, дорогу стали заполнять беженцы из Соно, и число их постоянно увеличивалось. Пограничные заставы были запружены людьми, и некоторые предпочитали переплывать реку, а не заниматься формальностями при переходе границы. Во время остановок Анса и его спутники расспрашивали соноанцев. Они услышали рассказы о грабежах, насилии и опустошении в устрашающем масштабе. Завоеватели захватывали землю, домашний скот и урожаи, насиловали по своему желанию, забирали трудоспособных мужчин для рабского труда на осадных работах. Работорговцы, которые шли вслед за армией, как летучие мыши-падальщики, вели мужчин, женщин и детей, связанными, в длинных скорбных процессиях.

Все это было достаточно обыденным для любой войны. Больше всего поражала та невероятная скорость, с которой Гассем завершил покорение значительной части Соно. Создавалось впечатление, что его войска повсюду, в то время, как король сидит беспомощно в своей столице, осаждаемой Гассемом.

Хотя Анса и не общался с ними, он пристально следил за вельможами. Лица их были угрюмы: они сознавали, что Гассем, устами своей королевы, будет проводить переговоры с позиции бесспорной силы. Лишь советники Флорис и Импимис оставались невозмутимы, но потому ли, что они так хорошо владели собой — или они считали, что им нечего опасаться островитян, Анса сказать не мог.

Глава пятнадцатая

Они подъехали к склону холма, полого спускавшемуся к реке. На первый взгляд, река Колль представляла собой поразительное зрелище. Даже в засушливых краях далеко на севере она внушала восхищение, но по пути через джунгли многие притоки сбрасывали в нее свои воды, и Колль разливалась, как настоящее море. Однако, хотя она и была широкой, но не глубокой, ее течение было спокойным, исключая то время, когда река вздувалась от дождевых потоков.

Остров Печали представлял собой удлиненный овал посреди русла, северная часть которого представляла собой низкий лесистый холм, а южная — низину, поросшую травой. Даже издалека они могли видеть, что там были возведены красочные шатры, и паслось множество животные. Блики слепили глаза — это солнечный свет отражался от клинков и наконечников копий. Прежде чем они начали спускаться к реке, лорд Флорис попросил сделать остановку и по отдельности обратился к дипломатической миссии и охране. Анса прослушал обе речи.

— Господа, — начал он, — женщина, с которой мы вскоре встретимся, представляет дикаря, запятнанного кровью, который претендует на королевское величие. Однако, как это ни покажется смешно, на нас возложена обязанность вести себя так, как если бы она в самом деле была тем, кем себя провозглашает. Ведите себя со всей торжественностью и учтивостью, которые вы привыкли проявлять по отношению к истинным членам королевской семьи. Нам неизвестны намерения этих разбойников относительно Грана, и именно это мы должны узнать. В настоящий момент наши отношения не враждебные, и мы желаем, чтобы они таковыми и оставались. Если поведение королевы или ее приспешников покажется вам грубым или вызывающим, вы должны помнить, что они варвары, незнакомые с цивилизованными нормами поведения. Не обижайтесь, или по крайней мере, не выказывайте обиды. За оскорбления всегда можно отплатить позднее, в более благоприятное для нас время.

Он подъехал к собравшимся слугам и охранникам и обратился к ним:

— Друзья мои, мы находимся среди дикарей, но вы должны помнить, что мы пришли к ним с миром. Варвары, которые там находятся, не являются частью цивилизованной армии, к какой вы привыкли, а представляют собой часть многоязычной орды, отбросы многих народностей, побежденных разбойником Гассемом. Среди них есть воины с островов, которых называют шессинами, известные во всем мире своей гордостью и высокомерием. Вы должны смириться с любым проявлением дерзости и не позволить вовлечь себя в споры. Если представителям короля Гассема не понравится, как пойдут переговоры, они могут велеть своим людям оскорбить вас, пытаясь заставить первыми обнажить оружие. Таким способом они смогут утверждать, что мы сорвали переговоры. Это старый прием, и именно поэтому мы всегда используем элитных солдат для нашего эскорта вместо обычных войск. Вы все люди дисциплинированные и умеете держать себя в руках. Запомните то, что я сказал, и покажите этим дикарям, как ведут себя настоящие солдаты.

Подготовленные таким образом, они стали спускаться по склону в полном великолепии. Военные музыканты играли на флейтах, трубах и барабанах, торжественно вышагивали знаменосцы... Это было впечатляющее зрелище, но Анса хотел бы знать, вызывает ли оно среди варваров страх, или веселье. Он подозревал последнее.

Вскоре они подъехали к пограничной заставе, где небольшая группа взволнованных чиновников пали ниц перед королевскими посланцами. Остров был во власти захватчиков, поэтому беженцы более не пытались пересекать границу в этом месте. К широкому причалу, построенному из толстых бревен, был привязан огромный плот, достаточно вместительный для того, чтобы разместить всю дипломатическую миссию без военного эскорта. Анса взошел на паром вместе со всеми посланниками и с интересом наблюдал, как наски поворачивали огромный кабестан, перемещая плот к острову на длинных тросах. Тросы провисали, почти касаясь поверхности воды, и Анса предположил, что движение через реку должно проходить по другой стороне острова, на которой имелся мост, соединяющий остров с дальним берегом.

После того, как они причалили к острову, их приветствовали люди в длинных серых одеждах и высоких головных уборах в форме усеченного конуса.

— Добро пожаловать, господа. Ее величество поручили проводить вас в ее присутствие. Прошу вас следовать за мной.

— Они направились вверх по травянистому склону, туда, где в сотне шагов от берега стоял большой шатер, укра-

шенный разноцветными знаменами. За спиной Анса услышал, как один из членов дипломатического представительства разговаривал со спутником тихим голосом:

— Это соноанский вельможа. Некоторые из них уже перешли на другую сторону.

Ансу же более всего заинтересовали воины, которые стояли повсюду, с любопытством и изумлением наблюдая за пришельцами. Он сразу же понял, что это шессины. Они были так похожи на его отца, что это сходство даже пугало. У всех были волосы цвета бронзы, золотистая кожа и голубые глаза. Их даже нельзя было назвать надменными, — они излучали спокойную уверенность в своем превосходстве, которая делала все великолепие королевских посланцем жалким и ничтожным. Их копья, форму которых он знал очень хорошо, были похожи на скипетры. Они были врагами, но Анса чувствовал прилив гордости от сознания того, что в его жилах течет кровь этих людей.

У входа в огромный шатер, под балдахином, стояла одинокая фигура. Закаленные придворные, которые привыкли сохранять безмятежность, невольно разинули рты.

Королева Лерисса была столь же красива, как ее описывали в легендах, но даже эти легенды не могли передать всю ее красоту. Несмотря на свою предубежденность, Анса почувствовал, что он онемел от восхищения. Теперь он понял, почему его матушка вспыхивала, как огонь, каждый раз, когда упоминалось имя этой женщины. Ее волосы были почти такие же белые, как у Фьяны, а лицо казалось почти нечеловечески совершенным. На ней была накидка из блестящего золотистого материала и очень мало другой одежды, но много драгоценностей. Она сжимала в руке миниатюрное копье шессинов, сделанное целиком из стали.

Что бы там ни говорили глупцы из Грана, подумал Анса, но именно так и должна выглядеть королева. Он знал, что их разница в возрасте с его отцом составляла всего один или два года, но это казалось невероятным. Она выглядела чуть старше, чем сам Анса. Возможно, подумал он, это еще одна особенность шессинов.

— Добро пожаловать, господа, — сказала Лерисса. — Я передаю вам приветствия от моего мужа, короля Гассема, владыки Островов, Чивы, а теперь и Соно. Прошу вас, входите. То жалкое гостеприимство, которое я могу предложить в этих стесненных обстоятельствах, полностью к вашим услугам, без каких-либо ограничений. Давайте устроимся поудобнее, перед тем как приступим к серьезному разговору.

Застигнутые врасплох ее неофициальностью, дипло-

маты пытались скрыть смущение, торопливо спешиваясь и призывая своих носителей даров.

Стены огромного шатра были приподняты, чтобы шел свежий воздух, а пол устлан богатыми тканями. Королева прошла по ним босыми ногами и невозмутимо опустилась на мягкие подушки.

Анса, который держался сзади, забавлялся замешательством вельмож. Лерисса не позволила им отнестись к ней свысока, но и не проявляла простодушного дикарского невежества. Она была уравновешена и самоуверенна, и это граньянцы оказались в затруднительном положении.

Флорис, пытаясь держаться с достоинством, представил всех высших сановников посольства, а затем преподнес королевские дары из сокровищницы Ах'на. Там были благовония, драгоценности, ткани и произведения искусства. Лерисса восхищалась каждым подарком и превозносила щедрость своего собрата монарха.

— В связи с тем, что мы проводим сейчас военную кампанию, — сказала она, — у меня нет ничего столь же великолепного, чтобы отослать королю Ах'ну и королеве Масиле. Но как только мы возьмем Хьюто, я отошлю им лучшую часть сокровищ, которые мы захватим там.

— А, хм, это чрезвычайно щедро, ваше величество, — в смятении отозвался лорд Импимис.

Она осмотрела всю группу, улыбаясь.

— А сейчас, прошу садиться и позволить моим рабам подать вам... — Она запнулась и на ее лице появилось тревожное выражение. Она смотрела прямо на Ансу. — Но кто этот благородный юноша? Нам еще не представили его.

Лорд Флорис оглянулся.

— О, этот человек не является официальным членом нашей делегации, ваше... — Но она не слушала.

Анса вышел вперед и поклонился.

— Меня зовут Анса, ваше Величество. Я сын верховного вождя рамди. — Он достал свое рекомендательное письмо и передал ей. — Я был с визитом при дворе короля Ах'на, когда прибыло твое приглашение. Я не мог упустить эту возможность и не передать приветствия моего вождя твоему царственному супругу и тебе самой. Король оказался столь добр, что позволил мне присоединиться к этой миссии.

— Это очень любезно с твоей стороны. — Она пытливо всматривалась в лицо Ансы.

— Это была отговорка с моей стороны, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду? — Как бы случайно, она до-

 тронулась до кроваво-красного камня, висевшего у нее

на груди. Это был сигнал. Охранники, стоявшие за ее спиной, слегка напряглись.

— Я просто хотел найти предлог, чтобы увидеть своими собственными глазами самую прекрасную женщину на земле.

Она ослепительно улыбнулась и похлопала по подушечке рядом с собой.

— О, мы с тобой хорошо поладим. Иди, садись рядом. — Пока остальные рассаживались и за ними ухаживали рабы, она повернулась к Ансе. — Рамди, ты сказал? Я видела такое название на картах. Это к юго-востоку от владений короля Гейла, не так ли?

— Совершенно верно, это земля холмов и равнин, близ великой Реки.

— Вы подданные короля Гейла? — спросила она.

— Наш вождь признает старшинство Гейла. Это союз взаимной поддержки во время войны, если на одного из нас нападет враг. Также заключены и торговые соглашения. Но мы не признаем Гейла своим властелином.

— И это справедливо для всех его подданных?

— По-разному. Мы были среди последних, кто присоединился к нему, и как его союзники, имеем благоприятный торговый статус. Это означает, что каждый воин может позволить себе приобрести прекрасное стальное оружие и лук из его мастерских.

— А, да, знаменитая стальная шахта... — прошептала она. — Лучшая монополия, какую может иметь король. Ты когда-нибудь видел ее?

Он отрицательно покачал головой.

— Только эмси и матва посылают в эти экспедиции. Король Гейл не торопится расстаться с этим секретом.

— Мы еще поговорим на эту тему позднее. Но я вижу, что пренебрегаю остальными моими гостями. — Она повернулась к Флорису. — Я велела устроит пиршество в вашу честь, хотя оно и будет очень скромным в данных обстоятельствах. Мы сможем приступить к серьезным переговорам завтра. А пока позвольте мне уверить вас, что король Гассем, мой муж, испытывает лишь самые дружеские и доброжелательные чувства по отношению к своему собрату королю Грана. Самое сокровенное наше желание заключается в том, чтобы между нашими державами всегда торжествовали мир и братство. Эти неприятные события здесь, в Соно, произошли целиком по вине короля Мана, который предательски отрекся от нашего военно-морского соглашения, а затем нанес нестерпимое оскорбление нашей стране и нам лично. Я настоятельно прошу вас настроиться на непринужденный лад при обсужде-

нии будущих отношений между нашими странами. — Она ослепительно улыбнулась.

Лорд Флорис поднялся и низко поклонился. Он произнес традиционную в этих случаях речь, преисполненную теплыми чувствами и обещаниями вечного мира. Лерисса слушала с улыбкой, которая должна была казаться дружественной, но выглядела почти издевательской. Ей недоставало придворной выучки, которая позволяла изгонять с лица человека все искренние эмоции. Такие люди как Флорис и Импимис могли бы счесть ее слишком откровенной, но они не могли воспользоваться данным обстоятельством с выгодой для себя, потому что ей и не нужно было скрывать слабость.

Анса без выдержал утомительное представление. Находиться рядом с этой женщиной было опасно и волнующе. Она прославилась жестокостью так же, как и красотой, и он знал, смертельно рискует, недооценивая ее способности.

Остальные придворные также выступили с речами, но было понятно, что настоящие переговоры состоятся позднее и втайне. Члены граньянской миссии чувствовали себя смущенно, и Анса мог догадаться почему. Здесь не было придворных более низкого уровня, к которым они могли бы относиться снисходительно. У островитян не было двора в том смысле, в каком эти люди понимали такие вещи. Здесь были только Гассем, Лерисса и их воины. Для людей, которые привыкли к сложности придворной жизни цивилизованных стран, эта территория была чужой.

Наконец отзвучали речи и наступило время пиршества. Рабы принесли блюда с яствами и, двигаясь среди гостей, пополняли чаши из вместительных кувшинов с вином. Похоже, большинство рабов были обучены прислуживать: их захватили в качестве живой добычи в поместьях богачей. Для них это вторжение было просто переменой хозяина.

Гостям предлагали в основном мясо и плоды, но не было ни хлеба, ни изысканных лакомств. Лерисса принесла извинения за скудость своего стола.

— Без некоторых вещей, — сказала она, — научишься обходиться, когда идет военная кампания на вражеской территории. Когда мы разобьем этих людей и покорим их, я смогу принимать своих благородных гостей с тем гостеприимством, которого они заслуживают.

— Мы прекрасно понимаем, ваше величество, — сказал Флорис, несколько побледнев. — Здесь все великолепно и превосходит все наши ожидания. Даже наш король, выезжая на охоту, редко оказывает нам такое щедрое гостеприимство.

Потеряв всякий интерес к этому разговору, Лерисса повернулась к Ансе.

— А тебе понравилось?

— Несомненно. Мы не такие богатые, как южане, на нашей земле нет обширных полей и садов. Мы богаты только воинами.

— Это единственный вид богатства, которым стоит владеть, — сказала она. — Когда ты богат воинами, все богатство остальных также принадлежит тебе. Вы все сражаетесь верхом и с луками?

— Наша земля велика, — сказал он, — и людей там немного. Мы разводим домашний скот и занимаемся охотой, и на лугах можем видеть и хищника, и жертву с большого расстояния. Имея кабо и лук, мы — хозяева земли. А для войны мы используем копье и меч.

— Королева Лерисса, — сказал Импимис, который досадовал, что та столько внимания уделяет безродному варвару, — мы все наслышаны о твоих знаменитых островитянах. Мы своими глазами могли убедиться в том, что они великолепные и прекрасные юноши, но какое же качество позволяет им возвыситься над всеми прочими воинами?

— Это нелегко описать, но, возможно, мы сумеем показать тебе хоть немногое из того, на что они способны. — Она повернулась и поговорила с охранником. Тот вышел из палатки. Через несколько минут дюжина молодых воинов шеренгой прошла под огромный навес шатра. Теперь вокруг были зажжены костры, а свет горящих факелов восполнял недостаточное освещение. Теплый свет отражался от маслянистой блестящей кожи юношей и их копий; бронза отсвечивала красным, а острые стальные клинки — серебром.

— Это новобранцы из моих телохранителей, — сказала Лерисса. — Для того, чтобы развлечь тебя, они исполнят старинные воинские танцы наших островов.

Гости изобразили вежливую заинтересованность, готовясь выдержать любые представления, которые, по мнению этих дикарей, могут являться подходящим развлечением. Королева повернулась к Ансе с заговорщицким видом, как если бы они оба знали какой-то недоступный остальным секрет.

Два юных воина вышли вперед, затем повернулись лицом друг к другу. Физически они были совершенной парой, высокие с длинными конечностями, гибкие, как ночные хищники. У одного из костров музыканты начали играть ритмичную мелодию на флейтах и крошечных барабанах.

Держа копья за спиной, оба юноши сделали одновременный выпад друг против друга. Зрители затаили дыха-

ние, когда они разошлись в стороны, поворачиваясь на месте, а их копья просвистели за ними, не попадая в цель на какую-то долю дюйма. Они продолжали танец с выпадами, проносясь в танце друг за другом, поворачивая и вращая сверкающие клинки, один выше, второй ниже. Первый уклонился от удара, второй перепрыгнул через клинок, нацеленный ему в колено. При каждом движении полосы меха на локтях и коленях развевались, подчеркивая каждое действие. Длинные волосы воинов метались из стороны в сторону. Ни на секунду копья не оставались без движения.

Анса нагнулся вперед и завороженно наблюдал за происходящим. Это не был стилизованный военный танец, но упражнение, показ ловкости, применяемый воинами для демонстрации своего мастерства. Каждое движение было либо смертоносным выпадом, либо ловким уклонением. Движения, вероятно, были заученными, но малейшая ошибка означала телесное увечье или смерть неуклюжего воина.

Затем из шеренги вышли еще два человека. Они тоже начали танцевать, исполняя вольный бой. К огромному изумлению зрителей, они прошли между двумя первыми танцорами, которые не приостановили свое упражнение. Присоединились еще двое. Все действо было настолько же упорядочено, насколько приводило в замешательство, как если бы несколько жонглеров, расположившихся кругом, кидали мячи и булавы друг другу по схеме, доступной только тому, кто также владел этим мастерством.

За несколько минут все двенадцать воинов уже были поглощены танцем, который, по всей вероятности, был самоубийственным. Двенадцать тел и двенадцать клинков сплетались на пространстве, не превышающем десяти шагов по одной стороне. Каждый подпрыгивал, вращался, вихрем мчался по небольшой площадке так вольно, как если бы он был там один, делая выпады копьем и вращая им для своего собственного удовольствия. Единственным признаком отчаянной опасности этой пляски был редкий звон стали, когда один клинок касался другого.

— Удивительно! — сказал Импимис. — Сколько же времени они могут так продержаться?

— В течение многих часов, — сказала Лерисса. — Так долго, как я того пожелаю.

— Но, несомненно, кто-то может погибнуть, — предположил Флорис.

— Да, — подтвердила королева, — но это не должно останавливать остальных. Они живут и умирают для нашего удовольствия и не требуют ничего более.

Она хлопнула в ладоши, и неистовое действо остановилось. Воины выстроились в ряд, пока зрители с энтузиазмом аплодировали. По их телам струями стекал пот, и кровь из полученных неглубоких ран, но лица оставались каменно-неподвижными, и никто из даже не сбил дыхание. Они отсалютовали своей королеве, игнорируя всех остальных.

— Ослепительно! — воскликнул лорд Флорис, когда они ушли. — Действительно, они совершенно не похожи на обычных людей. Я бы никогда не смог поверить, что человек способен выполнять такие вещи. Каким образом эти воины могут выполнять то, что обычно можно увидеть только в исполнении танцоров, акробатов или гимнастов, владеющих таким же мастерством?

— Возможно, лорд Анса подскажет вам, — она одарила его еще одним заговорщицким взглядом. — Все эти движения применимы в настоящем бою. С раннего детства наши юноши практикуются в этом искусстве, сначала с обычными палками, позднее с копьями. То, что вы видели, представляет собой упражнение при отработке рукопашного боя с длинными копьями. Они также тренируются со щитом. Они используют палицы и метают дротики, хотя наблюдать этим не так увлекательно.

— Восхитительно, — проронил Импимис.

Она нагнулась вперед, чтобы подчеркнуть значение сказанного:

— И более они не умеют ничего. Они всего лишь воины. Их мастерство, храбрость и преданность являются единственным смыслом их существования. Они не беспокоятся о захвате власти, или о накоплении богатства, или обо всех тех вещах, которые сводят с ума большинство людей. Они посвящают себя исключительно ведению войны во имя своего короля.

— Они и впрямь устрашающие, — заявил Флорис. Он был не так сильно впечатлен, как остальные. Анса рассудил, что этот человек привык думать о власти в иных понятиях. Те, кто выигрывали сражения, будь они прославленными воинами или обычными солдатами, не имели особого значения. Вельможи и короли достигали своих целей не столь грубым и явным образом.

— Все ли ваши люди таковы? — осторожно спросил Импимис.

— Эти — шессины, — отозвалась королева. — Они являются величайшими воинами в мире. Остальные островитяне мало уступают им. Сейчас у нас много солдат из различных земель. Все они превосходные бойцы, потому что мой су-

пруг желает иметь все самое лучшее в своем воинстве. И что важнее всего, они абсолютно преданы своему королю.

Похоже, гости были бы рады продолжить беседу, но тут королева Лерисса поднялась с места.

— Мы еще поговорим завтра. Вы проделали долгий путь и наверняка желаете отдохнуть. Я вижу, что ваши слуги и солдаты уже поставили шатры. Прошу вас, вы можете удалиться, но не стесняйтесь обращаться ко мне, если у вас возникнет какое-либо желание, и в моих силах будет удовлетворить его.

Граньянские вельможи с трудом поднялись на одеревеневших ногах. Они поклонились, произнесли все положенные прощальные речи и покинули шатер. Анса вышел следом, но направился к выгулу, где под охраной содержали кабо. Он осмотрел своего скакуна, дабы удостовериться, что с ним все в порядке.

Когда он отправился искать себе прибежище на ночь у солдатских шатров, к нему подошел седобородый человек, который первым приветствовал их на острове.

— Молодой господин, если ты не чрезмерно утомлен, ее величество просит тебя присоединиться к ней.

— С радостью, — ответил Анса с трепетом. Ему было любопытно, что это может предвещать. Он хотел внимательнее присмотреться к этой женщине, зная, насколько она может быть опасна. Глубоко вздохнув, юноша последовал за старцем к костру. Королева Лерисса полулежала на походном ложе, среди мягких подушек. Ее лицо прояснилось, когда Анса вошел в круг света от костра.

— Я рада, что ты согласился присоединиться ко мне. Ты выглядишь как человек, который привык к верховым переходам и не чувствует усталости...

— Никакие тяготы долгой дороги не удержали бы меня, — отозвался Анса. — Я преодолел весь этот путь только для того, чтобы увидеть ваше величество. Неужели ли я не воспользуюсь возможностью побыть с вами наедине?

— Прошу, присядь, — сказала она, жестом указывая на место рядом с собой. Он сел и принял бокал из рук рабыни. Сделав глоток, юноша стал изучать королеву поверх ободка чаши. Она расслабленно возлежала на подушках, пурпурная накидка из тканой шерсти квила закрывала ее с ног до головы, защищая от ночной прохлады. Только унизанная драгоценностями обнаженная рука, в которой Лерисса держала золотую чашу, виднелась из-под плаща.

— Если бы ты только знал, — сказала она, — каким отдохновением будет для меня поговорить с принцем, который не является напыщенным, праздным выродком...

— Боюсь, что я не принц в том смысле, как ты понимаешь это слово... — начал он, но она отмахнулась.

— И я не королева в том смысле, как это понимают южане. Я королева только в одном, высшем смысле. Мой муж — завоеватель, возможно, величайший завоеватель из всех, которых когда-либо знал мир. Ты — воин из народа воинов. Для таких людей, как мы, что значат кровные линии, родословные и династии этих пресыщенных глупцов?

Он засмеялся.

— Именно так ты разговариваешь с равными тебе среди владык этого мира?

— У меня нет равных среди владык, как нет там равных и моему королю. О, есть такие, кто близок к нам. Королева Шаззад из Неввы — прекрасный враг. Однажды она была моей рабыней, хотя и очень недолго, и мы были бы рады убить друг друга... она очень забавна. Твой король Гейл, изменник-шессин, замечателен по-своему, но он настолько безумен, что я не могу понять его. Что же касается остальных, то все они — лишь жалкие людишки.

Ему хотелось увести разговор в сторону от отца.

— Ты намерена завоевать весь мир целиком?

— Разве ты плохо слушал сегодня вечером? Разве ты не слышал, как я клялась в вечной дружбы с Граном?

— Да. Я также слушал и граньянских послов, и не поверил ни одному их слову.

Она мелодично засмеялась.

— О, ты такой занятный! Да, все эти пышные речи, которыми обмениваются короли, не имеют никакой ценности, и все понимают это. Настоящие переговоры начнутся завтра, и тогда мы уже не станем давать клятв и обещаний. Вместо этого мы будем торговаться, причем каждый будет искать преимуществ за счет другого. Мы будем продолжать эти переговоры до тех пор, пока сочтем это выгодным. Разве ты не знаешь, как это делается?

— Я догадывался. По меркам этих людей, мы примитивны, и возможно, так оно и есть, но это не значит, что мы глупы. Вожди также строят тайные планы и интригуют. Они делают пустые обещания и обмениваются ложью. Короли — это те же вожди, у которых просто больше земли и людей.

— Воистину, так. Все королевские династии ведут свой род от какого-нибудь искателя приключений, случайно захватившего власть. Позднее придворные льстецы создают легенды о том, что их владыки произошли от богов или создают родословные, уходящие в глубины веков. Новое поколение никогда не будет похоже на прошлое, оно уже обретет

лоск. А рабы будут верить в сказки, потому что им в радость покоряться лишь тем, кто выше их.

Анса сознавал, что ее откровенность была опасным знаком, но у него не было выбора, и он должен был играть по ее правилам.

— А король Гассем такой же человек?

— Очень во многом. Мы были дикарями, которые жили на удаленном острове. Мы были воинами и пастухами, которые думали, что самая прекрасная вещь на свете — это иметь множество кагг, чтобы ухаживать за ними, и время от времени, ради развлечения, совершать набеги на соседей, чтобы захватить их скот. Гассем же решил, что найдет для себя что-то получше.

— И взял это силой, — отметил Анса.

— Да. Именно поэтому я и сказала, что твои слова о вождях и королях весьма справедливы. У нас были ленивые, праздные вожди и старейшины. Они жили очень долго, накопили много жен и кагг, обрели власть. Они отделили молодых людей в общины и заставили их жить за пределами деревень, в воинских лагерях. Им было запрещено жениться и иметь собственность. Таким образом, старейшины могли выбирать жен из самых прекрасных юных девушек и забирали всех кагг, которых юнцы ценой своей крови отбивали у других племен. Молодые воины думали, что нет ничего лучше в жизни, чем ходить за скотом и воевать с соседями. Люди очень глупы... — Ее голос стал жестким от презрения. — Вот какими были наши вожди. У них были лучшие воины в мире, а они могли лишь посылать их пасти скот!

— Но Гассем был иным, — предположил Анса. — Он, как видно, мечтал об иной жизни.

— О, да, — подтвердила Лерисса с гордостью. — Он видел насквозь все их притязания и притворство. Он беседовал с иноземцами, которые приплывали на кораблях, и узнал от них о королях и великих державах, о жрецах и их богах, об армиях и завоеваниях. Он хотел иметь все это. Он хотел вести армии, и быть королем, и низвергать недостойных владык, обращая их в прах.

Она смотрела прямо на Ансу, немигающим взглядом.

— И прежде всего он хотел получить меня. И ради одного этого он низверг власть вождей. Когда мы были еще совсем детьми, он сказал, что станет королем, и возведет меня на трон, и посадит рядом с собой, и что вместе мы будем править миром. Он сдержал слово. Он поощрял людей, имеющих власть, льстил им, чтобы достигнуть своих целей, но мне он никогда не говорил пустых слов. И так было

всегда. Мы имели дело со многими правителями. Некоторых он завоевал, с некоторыми вступал в союз, пока это было выгодно ему, но все они были одинаковы и ничем не отличались от вождей нашего острова.

— Ты так вольна в своих речах... а ведь я прибыл с посольством Грана, — уточнил Анса.

Лерисса пожала плечами.

— Что для тебя король Ах'на? Твоя земля далеко, ты просто гость при его дворе.

— Это правда, — согласился он.

— Скажи мне, все ли твои соплеменники похожи на тебя? Я говорю не о красоте... просто по внешнему виду?

— Об этом мне трудно судить, — сказал Анса. — На равнинах обитает множество племен, и они не чураются смешанных браков. В этом мы не похожи на вас, шессинов. Высокие, низкорослые, стройные или коренастые, голубоглазые или кареглазые, и волосы любых оттенков... такой мы народ.

— И все же, — настаивала она, — у тебя есть небольшое сходство с шессинами. Твои рост и сложение, манера держаться, очертания скул... — Она изучала его лицо, и у Ансы по спине пробежал холодок.

— Среди нас такие черты не редкость, — сказал он. — И, кто знает, может, жители островов давным-давно и посещали наши земли. Они так хороши собой, что женщины, наверняка, заглядывались на них.

— Возможно, ты и прав. Племя асаса также островитяне и очень похожи на нас, только у них темные волосы и глаза. Так что, полагаю, что когда-то мы все были одним народом, но шессины единственные сохранили чистоту крови.

— Все может быть... —Ансе не терпелось перевести разговор на более безопасные темы. — Насколько преуспел твой супруг под стенами Хьюто? По пути сюда мы наслушались рассказов соноанцев, бежавших в Гран. Похоже, пролилось немало крови?..

— Осада затягивается, — сказала Лерисса. — Сперва состоялось несколько славных битв, но король Мана не желает сражаться. Мой муж бросил ему вызов, но этот трус надеется отсидеться за крепостными стенами.

— Я ничего не знаю об осадах, — заявил Анса. — На нашей земле нет городов и крепостей, поэтому мы незнакомы с этим искусством.

— Нам это тоже не по душе, — сказала она. — Но в нашей армии много опытных мастеров и солдат из покоренных племен, которых мы можем использовать для таких сражений.

— А чем же заняты в это время островитяне?

— Полагаю, мой муж сохранит их для решающей атаки. Когда они вступают в бой, ничто не может устоять перед ними.

— Скажу честно, я не хотел бы воевать с твоими копейщиками!

— Это не твое оружие. Я видела, когда ты приехал, у тебя был один из тех громадных луков, о которых я так много слышала. Возможно, пока ты здесь, ты сможешь показать мне его в действии?

— Это доставит мне удовольствие, — сказал ей Анса.

— Тогда, возможно, завтра, — предложила королева, — или послезавтра?

— Когда пожелаешь, — сказал он, поднимаясь, ибо понял, что их разговор окончен. Поклонившись, юноша ушел прочь.

Солдаты и сановники уже улеглись, костры почти угасли, и Анса решил не искать себе место среди храпящих людей. Ночь была прекрасная, звезды сияли над головой, и он расстелил свое одеяло на ровной земле, подальше от остальных. Даже если среди королевских посланцев и затаились его смертельные враги, он сомневался, что убийца сможет отыскать его в такой темноте.

Юноша улегся, глядя на звезды и тоскуя по Фьяне, но ему не давали покоя события сегодняшнего дня. Несмотря на все ее торжественные заверения в дружбе, искренность королевы Лериссы в разговоре с ним тревожила Ансу. Было ли это обычной самонадеянностью женщины, которую не тревожило, что думают о ее словах другие люди? Или она вынашивала какой-то хитроумный план?

Она вела себя кокетливо, но его это не воодушевило ни в малейшей степени. Тем более, не стоило забывать о шессинской охране, не покидавшей свою госпожу ни на миг. И он был уверен, что она не могла всерьез заинтересоваться им. Хотя Лериссу обвиняли во множестве злодеяний, но ее преданность мужу была общеизвестна.

Кроме того, подумал Анса, засыпая, он даже и помыслить не мог о связи с женщиной, в которую когда-то был влюблен его отец.

Глава шестнадцатая

Гассем наблюдал за подготовкой в битве. Его воины толпились у лестниц, штурмовые башни на колесах были готовы, наски, запряженные в дышла-толкачи, спокойно щипали траву. Солдаты были построены в шеренги на расстоянии от стен, недосягаемом для метательного оружия.

У передней шеренги имелись мантелеты: огромные щиты выше человеческого роста и ширины, достаточной, чтобы прикрыть двух человек, стоящих за ними. Обычно один человек держал мантелету, а второй стрелял из лука под ее прикрытием. При совместном перемещении эти щиты превращались в передвижную стену.

В тылу нападающих сосредоточились шессины и другие островитяне, вместе с воительницами Гассема, и отборными отрядами солдат с материка. Все они будут задействованы только после того, как достаточно большая брешь в стене даст возможность захватить город одним-единственным ошеломляющим штурмом.

Туннель подожгли накануне ночью. Огромные клубы дыма поднялись в воздух из многочисленных отверстий, пробуренных мастерами. Король увидел, как в смятении засуетились люди около стены, которая издавала странные звуки, угрожающе скрипела и трещала. Они достигли полной внезапности. Не было затопления, не было подкопов, и все шло точно по плану. Сейчас оставалось лишь ждать обвала стены, чтобы получилась брешь, годная для прорыва. Гассем верил, что будет именно так. В лагере уже начались болезни. Он не хотел задерживаться здесь надолго. После получения известий о стальной шахте его терпению пришел конец. Он хотел обратить этот город в прах под ногами.

Что за человек был этот Мана?! Как он мог величать себя королем и вести себя столь малодушно?..

Внезапный грохот и треск привлекли внимание Гассема. Угол стены выглядел по-прежнему, но теперь его окружал мерцающий туман. Люди с крепостного вала бросились врассыпную, когда земля задрожала у них под ногами.

Медленно, величественно, башня и весь угол стены начали оседать. Трещины между камнями становились

все шире, по мере того как камни основания стали рушиться внутрь подкопа. Башня разваливалась на глазах. Камни ударялись о землю и со свистом летели дальше; некоторые сбивали с ног солдат, которые стояли, ожидая сигнала к штурму, разбивая вдребезги мантелеты и превращая в месиво их плоть и кости. По команде офицеров, солдаты развернулись и отбежали на сотню шагов назад. Гассем с удовлетворением отметил, что паники не было, и маневр выполнялся в правильном порядке.

Стала обрушаться внешняя кладка, и заполнявшие внутренние пустоты булыжники сплошным потоком хлынули наружу, образуя пологий вал. Громче грохота падающей стены был торжествующий вопль солдат, которые наконец увидели, что удача окончательно изменила противнику и теперь их ждет решающий бой.

Гассем быстро спустился с наблюдательной башни. Ему бы хотелось возвести эту башню ближе к углу, под которым был подкоп, но он не хотел привлекать внимание противника к этому месту. Сейчас он бежал вдоль передовых линий войск, приветствующих его, вращая над головой стальное копье. Он остановился у юго-западного угла, где его солдаты перестраивали шеренги после камнепада. Старшие офицеры присоединились к нему.

— Да, брешь выйдет отменная! — заявил Урлик.

— Увидим, когда осядет пыль, — ответил Гассем. Все вокруг было окутано непроницаемым облаком удушливой пыли. Постепенно пыль оседала, насыщаясь влагой, открывая пролом шириной не менее двадцати футов в основании. Из бреши на землю скатывались камни и булыжник. Подход был не слишком надежным, но вполне пригодным. Гассем повернулся к торжествующим офицерам.

— Я пойду обратно на командный пост. Возвращайтесь на свои места. По моему сигналу, первые отряды пойдут на штурм. Островитяне и другие элитные войска должны оставаться в резерве до тех пор, пока я лично не дам им команду. Они будут рваться в бой, но передайте им, что я поведу их в город сам, когда решу, что настало время.

— Как повелит наш король! — хором откликнулись офицеры.

Гассем побежал обратно к своей башне, сопровождаемый громовыми приветственными криками солдат, прокатывающимися по рядам. Ему было неудобно карабкаться с копьем по башенной лестнице, поэтому он метнул его на верхнюю платформу, где юный воин ловко подхватил древко точно посередине. Он взлетел вверх по лестнице и занял

свое место у ограждения. Навес убрали, чтобы солдаты могли ясно видеть своего короля. Молодой воин подал ему копье.

Гассем медленно поднял оружие над головой, острием грозя облакам, а затем, описав полукруг, устремил острием на город.

С криком, подобным грохоту падающей стены, армия ринулась вперед. Наски потащили шатающиеся вперед к стене штурмовые башни, которые стонали, как огромные животные. Команды, отвечавшие за лестницы, широко улыбались, подпирая их плечами, ибо сознавали, что их работа является решающей на начальных этапах штурма.

В тот момент, когда они уже находились в пределах досягаемости для метательного оружия, с городских стен на них обрушился настоящий ураган. Сначала полетели стрелы, за ними вскоре последовали камни, выпускаемые из пращей. По мере приближения армии, к смертоносному дождю прибавились дротики и метательные копья. Когда солдаты достигли основания стены, на мантелеты полетели булыжники, которые швыряли вручную. Машины, установленные на стене, стали выпускать более крупные снаряды. Они целились в штурмовые башни, но редко попадали в цель, на что и рассчитывал Гассем. Катапульты имели низкую точность попадания, и те камни, которым удавалось долететь до цели, отскакивали от толстых бревен лобовой поверхности башен, не причиняя им никакого вреда. У самого Гассема не было осадной артиллерии. Его невванский инженер не смог подобрать соответствующие материалы.

Когда же башни, перемещающиеся на колесах, достигли стен, и были подняты штурмовые лестницы, отборные силы лучших частей пехоты Гассема пошли на штурм бреши. Прочно удерживая перед собой свои длинные, тяжелые щиты, подняв копья, они начали быстро, но осторожно продвигаться вверх по ненадежному валу. Эти люди имели самые тяжелые доспехи из всех его солдат. Каждый человек из пяти первых шеренг был одет в бронзовый шлем, кирасу из переплетенных и покрытых лаком полос бамбука, а также наголенники, закрывающие ноги. Каждый был вооружен длинным копьем и бронзовым коротким мечом или боевым топориком. Офицеры этих отрядов носили кирасы, изготовленные из бронзы, а их шлемы украшали белые плюмажи.

Гассем напряженно наблюдал за наступлением. Это был штурм, который обеспечит захват города. По мере того, как тяжелая пехота поднималась на вал, неминуемо утратилась сплоченность их построения. Осыпающиеся камни падали из-под ног, люди оступались, и их непоколебимое

наступление превратилось в отчаянное карабканье. Огромное количество защитников появилось из бреши, они бросились вперед, чтобы задержать наступающую армию, в то время как люди, которые остались за ними, неистово работали, возводя зава, который должен была перекрыть пролом. Их сопротивление было настолько же тщетным, насколько и отчаянно храбрым, потому что они не могли собрать достаточно людей, чтобы в течение длительного времени противостоять движущейся силе наступающей орды. Люди падали, пронзенные длинными копьями, и воины Гассема медленно, но неуклонно, шаг за шагом прокладывали себе путь по направлению к бреши.

Пока атакующие и защитники упорно сражались около пролома, Гассем наблюдал за отчаянной борьбой на стене. Отряды, ответственные за установку лестниц, проталкивали раздвоенные жерди к крепостному валу, а защитники отталкивали их прочь с помощью таких же жердей. Постепенно лестницы были установлены на место. В отличие от атакующих, защитники на узких стенных проходах не могли обеспечить достаточное количество народа, чтобы отбросить лестницы надолго. Точно так же, у них не было надежного способа остановить штурмовые башни, кроме крюков, которые они бросали в башни, пытаясь зацепить и повались эти массивные сооружения с помощью канатов. Башни оказались слишком тяжелыми и устойчивыми для этого, и вскоре их опускные мосты пали на крепостной вал и солдаты начали повсеместный штурм.

Теперь, когда дело дошло до рукопашной, в борьбу вступило еще большее количество оборонявшихся. С людьми, взбирающимися по одному вверх по лестнице или бегущими по опускным мостам по двое или по трое, сначала легко справлялись защитники, которые были многочисленны и сражались с великим отчаянием. Они голыми руками опрокидывали штурмовые лестницы, а некоторые даже покидали свои посты на стенном проходе и прыгали на опускные мосты и сражались с врагом на шаткой опасной платформе, чтобы хоть на пару пядей отогнать противника от своего города. Борьба зашла в тупик, так как ни нападающие, ни защитники не могли извлечь никакого преимущества из данной ситуации. Повсюду обороняющиеся солдаты, не занятые непосредственно с лестницами или башнями, истощив запасы метательных копий, стрел и дротиков, сейчас перешли на котлы с горячим маслом и емкости, заполненные смолой, открытые горлышки которых были заткнуты пылающим тряпьем, смоченным маслом. Падая на землю, где продолжался бой, они раз-

бивались, обрызгивая всех, кто оказался поблизости, липкой пылающей жидкостью.

Гассему это зрелище доставило глубокое удовлетворение. Всегда было приятно смотреть на храбрых людей, которые продолжали сопротивляться, даже если они были твоими врагами. А лучше всего то, что он не обнаружил недостатков в действиях собственных войск. К настоящему времени даже солдаты, набранные с материка, были почти также фанатично преданы своему королю, как и островитяне. Они были счастливы следовать за своим победоносным вождем и служили ему не на страх, а на совесть, чего, возможно, никогда не видел от них их прежний король.

Ему было приятно наблюдать за тем, как сражались соноанцы. В открытой схватке на поле боя они показали себя не с лучшей стороны, зато при обороне столицы были яростны и упорны, как длинношеи. Это значило, что они станут хорошими солдатами и для короля Гассема, после того, как покорятся своей судьбе. В уме Гассем уже прикидывал, как вольются новые соноанские отряды в его победоносную армию. Он решил, что, расправившись с командирами, будет щедр с обычными солдатами. Виной тому, что происходило сейчас, было трусливое упрямство короля Мана, и его солдаты должны будут это понять. Когда они привыкнут к этой мысли, собственная гордость заставит людей поверить, что их прежний король никуда не годился, и истинное счастье для них — это служить завоевателю, который мог бы убить их всех.

Гассемом двигало не человеколюбие — понятие, абсолютно чуждое ему. Он предполагал, что ему понадобится огромная армия для длительной напряженной военной кампании, которая предстояла в пустыне. Впервые, вместо стремительного, безудержного натиска, он должен будет заниматься тыловым обеспечением и возводить крепости. Это предполагало гарнизоны, а все истинные воины ненавидели гарнизонные обязанности. Зато соноанцы могут идеально подойти для решения этой задачи.

Около бреши его штурмовой отряд загнал защитников обратно в пролом и прижал их там. Под прикрытием щитов оттаскивали прочь тела павших, чтобы тем, кто еще продолжал сражаться, не приходилось шагать по трупам. В ход пошли длинные копья, с помощью которых избавлялись от защитников, находившихся на поспешно возведенной защитной стене из булыжника и бревен. Из тыла передовой линии следующие две шеренги выступили вперед, держа копья высоко над головой, чтобы не задеть щиты своих товарищей, и также начали теснить оборонявшихся. Те, кто не мог

сражаться, подбирали осколки булыжников и отбрасывали их подальше , чтобы расширить и выровнять подходы к бреши. Другие держали щиты над головой, образуя крышу, защищающую их от метательного оружия, падающего сверху. Рев, крики, проклятия создавали постоянный, сводящий с ума аккомпанемент к бешеным усилиям штурма.

По всей протяженности стены солдаты, поднявшиеся по штурмовым лестницам, пытались закрепиться наверху. Вот уже удалось сделать это в двух местах, — теперь оставалось лишь зажать в тиски тех защитников города, что оказались между отрядами нападавших. Не получая никакой поддержки с флангов, соноанцы были вынуждены либо сражаться до последнего, либо рискнуть жизнью, прыгая вниз со стены на мостовую и крыши домов.

Гассем не хотел вводить в бой резервы до тех пор, пока у него не будет выгодной позиции на стене, откуда он мог бы следить за сражением в пределах города. Это был решающий этап боя, но сейчас король был лишь простым наблюдателем, который не мог повлиять на ход битвы, в то время как его командиры выносили на своих плечах основную тяжесть штурма.

Все больше воинов взбирались на стену, встречая все меньшее сопротивление. Солдаты выстраивались в шеренги за башнями, чтобы в свою очередь ринуться по ступеням и на опускные мосты.

Офицер стоял сверху крепостного вала и махал красным плащом, подавая сигнал о том, что стена стала безопасной. С торжествующим криком Гассем спустился с наблюдательной башни и бросился через поле по направлению к ближайшей лестнице. Повсюду были тела павших, а раненые, спотыкаясь, брели обратно в лагерь, истекая кровью, а порой и с торчащими из тела обломками стрел.

Крепко держа свое копье, Гассем уверенно поднялся по ступеням приставной лестницы и спрыгнул на крепостной вал. За спиной он услышал приветственные вопли шессинов, но не обернулся к ним. До победы еще далеко! Король не имел никакого представления о том, насколько сильны войска Мана. Если в самом городе имелись резервы, то король может придержать их для боя на более выгодной территории, возможно, в кварталах с узкими, запутанными улицами, или в цитадели. Его дворец может оказаться настоящей крепостью.

Чиванский офицер с жестким лицом широким шагом подошел к Гассему.

— Мы взяли стену, мой король, но поблизости немало укрытий, откуда летят стрелы. — Он прорычал коман-

ду и два солдата подбежали к нему. — Вы должны прикрывать щитами короля. Будьте бдительны.

Широкая улица отделяла стену от ближайшего здания. Улица была завалена мертвыми телами, брошенным оружием и булыжниками. Гассем направился к южной стороне, к бреши. Воины спешили убраться с его пути, а время от времени он слышал, как стрелы ударялись в один из щитов, которые держали его охранники.

У пролома король увидел внизу яростное сражение: чем большему количеству его людей удавалось пробиться через брешь, тем больше защитников появлялось из боковых улиц. Теснота не позволяла бойцам использовать их мастерство, и они бились яростно, словно дикие звери. Это была именно такая рукопашная схватка, от которых он желал избавить свои элитные войска. Для такого боя, где каждый из противников давит просто своей массой, вполне подходили и обычные солдаты.

— Вы будете вводить в бой шессинов, мой король? — спросил офицер.

— Скоро, — ответил он. — Сначала мы должны очистить хотя бы небольшую площадь. Затем я отдам приказ. — Гассем осмотрел крыши и пространство над ними, ища какие-нибудь признаки внутренней цитадели. Он видел высокие дома и несколько башен, но ничего похожего на крепость. Местные жители на допросах упоминали о королевском замке, но теперь Гассем подозревал, что они просто употребляли устаревшее слово для обозначения королевского особняка, оставшееся еще с тех времен, когда правители этой страны еще и впрямь жили в укрепленных цитаделях.

Гассем указал через открытое пространство на ближайшие здания, откуда лучники и пращники пытались достать его солдат.

— Эти люди на стене без дела, — заявил король. — Веди их туда и прикажи очистить все эти здания. Так как мои люди прокладывают путь по улицам, я хочу, чтобы все крыши были в наших руках. Это твоя задача.

— Повинуюсь, мой король! — прокричал офицер и махнул рукой. Через несколько мгновений целая вереница солдат последовала за ним вниз по лестнице и направилась к ближайшему зданию. Гассем оперся на свое копье и наслаждался зрелищем сражения, которое разворачивалось у него под ногами и на крышах. Вскоре стрельба из лука прекратилась, и его щитоносцы смогли немного расслабиться.

Солдаты в легких доспехах идеально подходили для боя в зданиях и на крышах. Их малые щиты, облегчен-

ные доспехи или вообще отсутствие таковых не доставляли им особых трудностей при перемещении в узких залах, коридорах и на лестницах. На крышах они встречали не солдат с длинными копьями и тяжелым вооружением, а скорее, лучников и простых горожан, отчаянно бросавшихся в нападавших камнями и черепицей. В бою с ними даже легко вооруженные солдаты в легких доспехах были непобедимы. Гассем отметил это про себя. Он никогда не забывал даже самых незначительных военных уловок и всегда был готов использовать любое новое наблюдение. Прежде король помышлял о том, чтобы прекратить использовать стрелков из лука с легким вооружением и доспехами, но сейчас он увидел новую возможность для их использования. Он вспомнил свои планы насчет сонoанцев и подозвал к себе командира одного из крупных отрядов, набранных с побежденных территорий.

— Да, мой король? — спросил задыхающийся офицер, в заляпанных кровью бронзовых доспехах.

— Сейчас идет яростный бой, но позднее, когда враг поймет, что все потеряно, они будут создавать только видимость сопротивления и искать возможности сдаться. Вы должны щадить жизни сдавшихся на милость победителя. Конечно, следите за возможными предателями, наказание им будет — мгновенная смерть, но я хочу, чтобы впоследствии соноанцы стали частью моего воинства.

— Повинуюсь, мой король. Я передам ваш приказ. — Офицер заторопился вниз по лестнице.

Наконец защитников столицы оттеснили на улицы, выходящие на небольшую площадь, и солдаты Гассема вторглись в город. Через брешь и через стену они хлынули, как приливная волна. Снова сражение переместилось в сторону. Теперь бой будет перетекать с улицы на улицу, солдаты будут очищать строения и крыши. Если окажется, никакой крепости в стенах столицы не существует, то битва вскоре завершится, но Гассем еще не был уверен в этом. Он сделал знак, и один из юных шессинов подскочил к нему.

— Да, мой король?

— Отправляйся к генералам Ребья и Урлику, туда, где они ожидают с резервом. Скажи им, чтобы они ввели в бой островитян и женщин-воительниц. И передай им вот что... — Он предостерегающе поднял палец, и лицо юноши напряглось от внимания. — Они должны вести своих людей организованно. Скажи, что это бой не в поле, а в зарослях. Пусть сохраняют жизнь сдавшимся на милость победителя. Даже женщины обязаны соблюдать этот приказ. Я не потерплю ослушников!

Молодой воин скрылся из вида в поисках командующих. Они поймут, что он имел в виду под боем в зарослях. Дома, на островах они применяли такую тактику для очистки лесов от разбойников и хищных животных, которые угрожали стадам. Здесь они проведут методичную чистку улиц, организованно и постепенно, без бешеного возбуждения настоящего боя. Они будут разочарованы, но это можно пережить. Важнее было сохранить эти отряды в неприкосновенности и дать им возможность исполнить самую важную задачу.

Струйки дыма начали подниматься из некоторых зданий поблизости. При штурме домов были опрокинуты лампы, жаровни и жертвенники. Если огонь распространится, то это станет помехой, хотя разрушения и не имели особого значения: Гассем не любил городов и даже их богатства для него значили очень мало. Он не разделял страсть Лериссы к таким вещам. Богатство имело значение только постольку, поскольку оно помогало ему вести успешные войны. Король был бы счастлив провести всю жизнь в походах, захватывая все новые территории.

Юношей, он думал, что богатство состоит из домашнего скота. Он пас кагг для своего племени и наслаждался тем богатством, которое они представляли. По мере того, как он взрослел, нарастало недовольство. Эти животные не принадлежали ему. Он решил поправить это, и, исполняя задуманное, открыл, что истинное богатство заключается в том, чтобы владеть живыми человеческими существами. Везде, где он проходил, люди признавали его своим господином... или умирали. Это был правильный порядок вещей. Ни одно человеческое существо не имело права на жизнь, иначе как принадлежа Гассему. Ему удалось убедить в этом значительную часть мира, и он намеревался убедить и оставшуюся.

Приглушенное песнопение пробудило его от сладостных грез. Островитяне были у бреши. Он прошагал к разрушенному краю стены и прокричал им вниз.

— Сохраняйте порядок построения, прикрываясь щитами, когда будете очищать улицы! Мне не нужен в этом бою ваш героизм. Начались пожары, и враги могут выскакивать на вас из-за дымовой завесы. Пронзайте их копьями, пригвождайте к земле, соблюдая порядок построения, и не недооценивайте их. Сейчас они в отчаянии и с радостью расстанутся с жизнью за возможность убить одного из вас. Когда они поймут, что тем, кто сдался, сохраняют жизнь, они утратят свое неистовство. Сохраняйте жизнь сдавшимся на милость победителя, разоружайте их и собирайте выживших за пределами городской стены, под охраной. А сейчас, идите!

Воины пропели свое приветствие и вошли в город. Они не были счастливы по-настоящему, но радовались при мысли о грядущем кровопролитии.

По мере того, как проходил день, Гассем беспокоился все больше. В таком сражении, как это, ему мало что оставалось делать, кроме как выслушивать доклады о продвижении различных отрядов. Некоторые офицеры успели добраться до дворца, который оказался укреплен, но не очень сильно. Это были добрые вести. Мана должен держать там лучшие войска, чтобы сберечь свою королевскую шкуру от шессинских копий.

Пожары вышли из-под контроля во многих частях города, и Гассем отдал приказы пленникам приступить к тушению огня. Ему было наплевать, даже если город сгорит дотла, но нельзя было допустить хаоса и гибели его собственных воинов в пожарах.

Позже ему сообщили, что большая часть города находится в безопасности и дворец окружен. Король спустился со стены и, сопровождаемый воительницами, направился туда. Женщины были перепачканы кровью и казались вполне довольны. Их демонический вид уже сам по себе вызывал панику среди врагов, и они сеяли ужас везде, где появлялись в тот день.

Дворцовый комплекс представлял собой небольшой город, окруженный стеной и расположенный в центре обширнейшей площади. Сама площадь была полна статуй, триумфальных арок и отдельно стоящих колонн, назначение которых было не ясно. Сейчас площадь была запружена солдатами Гассема, которые распевали боевые песни и выкрикивали угрозы в адрес защитников дворца. Солдаты приветствовали Гассема, когда он присоединился к ним и прошел большими шагами к группе офицеров.

— Он уже запрашивал об условиях мира? — спросил Гассем.

— Он еще не присылал к нам парламентеров, — сказал Ребья. — Мы не видели белых флагов.

— Ты будешь обсуждать условия этого труса, мой король? — удивился Урлик.

— В этом нет смысла, — хмыкнул Гассем. — Его королевство уже принадлежит мне, и у него не осталось ничего, о чем стоило бы договариваться. Все-таки было бы любопытно узнать, насколько далеко зашло его отчаяние. У него здесь сильные войска или это всего лишь шелуха?

— Только одним способом мы можем узнать это, — воскликнул Ребья. — Давайте начнем атаку!

Гассем засмеялся.

— Я всегда знаю, что ты можешь посоветовать. — Он взглянул на солнце, которое уже касалось городской стены на западе. — Нет, скоро станет темно. Мы начнем бой утром. Я хочу, чтобы вокруг этого места была выставлена охрана, через которую никто не мог бы проникнуть. Не должно быть никаких лазеек. Пусть они проведут ночь в тревоге. На площади разложите большие костры. Пусть воины ликуют, поют и празднуют всю ночь. Но не должно быть пьянства, пусть они видят, что мы уже радуемся их гибели.

Он осмотрелся по сторонам.

— Найдите мне шатер, поставьте его где-нибудь здесь, перед главным входом. Если Мана вышлет посланцев, я выслушаю их, но только ради собственного удовольствия.

Все было исполнено так, как приказал король. Когда над городом поднялась луна, Гассем уже отдыхал, сидя в накидке из шерсти квилла и попивая маленькими глотками бодрящий хойль, в то время как самые юные из его женщин-воительниц исполняли невероятно сладострастный воинский танец под бой барабанов и пронзительные завывания волынок. Разрушенный город огласился гулом и ревом. Небо над ним стало багряным от разложенных огней. Большие пожары в домах были потушены, а дерево и предметы домашнего обихода из остальных зданий пошли на праздничные костры, горящие по всей площади. Лавки и склады были разграблены, люди торжествовали победу, офицеры с обостренным вниманием следили за тем, чтобы никто не пил слишком много. Но добрая четверть армии все это время стояла на страже, прикрывшись щитами и бдительно следя за возможными вылазками из дворца.

Из дворцового комплекса не доносилось ни звука. Несколько факелов горело вдоль крепостного вала и можно было видеть, как несколько призрачных фигур несли патрульную службу на стене. Ворота оставались закрыты.

Утро не принесло никаких перемен. Не последовало никакого предложения о переговорах, также не было предпринято никаких особых мер защиты. Из дворца не исходило ничего, кроме тишины. Озадаченные отсутствием противника, войска Гассема также соблюдали молчание, переминаясь на своих постах.

— Я не понимаю, — сказал Люо. — Они не желают сдаваться, не желают вести переговоры, а теперь похоже, что они также не желают и сражаться. Чего же они хотят?

— Скоро узнаем, — сказал Гассем. Он подозвал герольда передать Мана, чтобы тот открыл ворота или вышел

на бой. Герольд важно прошествовал к воротам и провозгласил свое обращение в сторону крепостного вала, где накануне ночью несли службу часовые. Ответа не последовало. Он несколько раз повторил приветствие, а затем вернулся обратно к королю.

— Я никого не вижу, мой король, и никого не слышу.

— Могли они сбежать? — воскликнул Ребья. — Подземный ход?

— Наши патрули рассыпались по всем окрестностям, — сказал Урлик. — Они бы доложили о беглецах.

— Сейчас выясним, — заявил Гассем, выходя из терпения. — Разнесите ворота тараном.

Группа солдат двинулась вперед под прикрытием мантелет, перемещая на колесах конструкцию, в которой на цепях было подвешено бревно, обитое бронзой. Они оттянули его назад и затем отпустили, сокрушая тяжелые деревянные ворота. На десятом ударе дерево раскололось, и двойные двери провисли на петлях. Гассем приказал отозвать людей.

— Шессины и островитяне, и женщины — внутрь, — приказал он. — На этот раз, никакой пощады. — Он возмущался шуткой, которую Мана сыграл с ним, и до сих пор не мог забыть тот ужас, который испытал в туннеле.

Гассем прошел в ворота вслед за своими воинами. Не было слышно звуков боя, также не было и орд пленников, выводимых из дворца. Его люди стояли подавленные, что было совершенно несвойственно для них.

— Что тут происходит? — воскликнул он, а затем увидел и сам. За стеной находился внутренний двор, окруженный изысканными строениями. И повсюду, среди кровавого хаоса, лежали мертвецы. Запах крови пропитывав воздухе, и над трупами уже вились мухи. Воины медленно приблизились. Почти все погибшие были в доспехах и с отличным оружием: вероятно, личная гвардия короля.

— Все мертвы, горло у них перерезано, — сказал один из воинов.

— Они сразили друг друга, — пробормотал Урлик.

Гассем не мог испытывать восторга от такого зрелища, ведь это не он убил их.

— Где Мана? — воскликнул он.

— Дым! — закричала одна из воительниц, указывая куда-то в сторону. Клубы дыма выходили из верхних окон круглого здания посреди площади.

— Вперед! — Гассем бросился через внутренний двор по направлению к источнику дыма. Воительницы последовали за ним вплотную. Молодые воины, встревоженные,

что король может оказаться в опасности, опередили его и бросились вверх по ступеням здания.

— Отойди назад ненадолго, мой король, — сказал Ребья, устремляясь во дворец. Несколько мгновений спустя он вернулся. — Все мертвы и там тоже. Пойди и взгляни сам.

Озадаченный, Гассем прошел внутрь. Повсюду лежали тела. Здесь запах крови был непереносим. Посреди огромной залы высилась какая-то странная, невообразимая груда, откуда поднимался сладковатый дым. Заранее содрогаясь, Гассем подошел ближе, бросая вызов нарастающему жару.

Центр комнаты, высота которой была почти равна трем полным этажам дворца, был заполнен грудой сокровищ короля Мана. Предметы домашнего обихода и ковры, произведения искусства, шкатулки с драгоценностями, флаконы благовоний и редких лекарственных средств, кувшины вина, дорогие продукты питания и специи, — все это было свалено здесь в огромном количестве.

Поверх этих богатств покоились главные сокровища короля. Девушки и юноши всех рас и народностей лежали там; некоторые были обнажены, другие в роскошных одеждах. Там были жены и наложницы короля, гаремные рабы и, возможно, догадался Гассем, его дочери и другие члены семьи. Посреди, в клубах дыма, виднелось огромное ложе, на котором возлежал мужчина в королевском одеянии и высокой диадеме из золота, украшенной драгоценными камнями. Пламя уже коснулось покрывал. К ужасу и изумлению Гассема, человек внезапно сел и уставился на него. У него была ухоженная, завитая черная борода, нос с горбинкой и черные глаза, вперившиеся в Гассема с ненавистью и, как ни странно, с торжеством. Пламя уже бушевало вокруг него, но он нашел в себе силы, выкрикнуть, прежде чем огонь поглотил его.

— Я победил, Гассем! — Затем пламя скрыло его из вида, и больше ничего нельзя было услышать. Огонь бушевал уже повсюду, выбрасывая языки пламени и клубу дыма, пожирая бесценные сокровища на погребальном костре короля.

Воины поспешили прочь, подальше от жара. Воительницы силой увели прочь своего господина. Все они стояли молча, уставившись на пламя, которое вырывалось через окна. Внезапно они вздрогнули от странного воющего звука, затем подались назад от страха, когда поняли, что этот ужасный звук исходит от их короля. Глаза Гассема вылезали из орбит, пена выступила на губах, и он застонал, как зверь, раненый в сердце. Прошло немало времени, прежде чем он наконец пришел в себя.

— Он одурачил меня! — закричал король Гассем.

Глава семнадцатая

Все вокруг глубоко наскучило Ансе. Если именно таким способом люди, облеченные властью, правили другими людьми, то он совсем не желал этого для себя. Часами граньянские дипломаты ожесточенно спорили с королевой Лериссой. Они предлагали договоры о дружбе и взаимной помощи, уснащая их глубоко скрытыми угрозами. Говоря о своем восхищении королем Гассемом, его всепобеждающими армиями, они напоминали ей о собственной славной истории и былых победах, умудряясь то и дело вставлять в разговор имена великих королей, генералов и завоевателей прошлых поколений.

Королева вежливо выслушивала их и всякий раз подчеркивала абсолютно миролюбивые намерения своего господина по отношению к его собрату, королю Ах'на из Грана.

Тогда посланцы вычурно расписывали любовь, которую питает их король к ней самой и к Гассему, которым его величество восхищается превыше всех остальных людей на земле.

— И если, — говорил лорд Импимис, — король Гассем испытывает какие-либо затруднения в покорении несчастного короля Мана, то я убежден, что все-таки можно выработать какой-то вид взаимного соглашения о военной помощи. Хотя мы и состоим в мире с Соно уже несколько лет, все-таки это скорее не вечная дружба, а просто окончание враждебных отношений после былых войн.

— Я уверена, что мой господин приведет эту войну к быстрому завершению, без необходимости принять ваше щедрое предложение, — отвечала Лерисса. — Однако, я уверена, что он высоко оценит обещание вашего короля о невмешательстве. Нам известно, что трусливый король Мана, сознавая, что он переступил границы пристойности и благоразумия, искал союза с королем Ах'на, хотя и прекрасно понимал, что мой муж пришел призвать его к ответу.

— Это правда, такой союз предполагался, — сказал Импимис, — но я уверен, что об этом никто не думал всерьез.

Конечно, нет, сказал себе Анса, учитывая, что король Ах'на лежал неподвижно, парализованный ядом. Все это было бессмысленно. Он хотел бы знать, каким обра-

зом придворные намеревались тайно обратиться к Лериссе. Совсем нелегко добиться уединенности на этом маленьком острове. Он с ней разговаривал наедине, по ее собственному приглашению. Но предатель не пожелает открыто сидеть у огня, если охрана будет находиться в пределах слышимости. Он попытается отвести ее в сторону, либо остаться наедине в шатре. Охрана никогда не допустит, королева удалилась в лес с незнакомцем, так что скорее всего, это произойдет в шатре, после того как стемнеет. Анса должен найти хорошее место, откуда ему будет удобно шпионить за ними.

Незаметно он выскользнул из палатки. Придворные не обратили на него снимания, зато заметила Лерисса и наградила его усмешкой. Анса улыбнулся в ответ и исчез.

Снаружи слуги бездельничали у шатров, а воины Лериссы развлекались, тренируясь с оружием. Пока солдаты зевали, шессины делали, казалось бы, невозможные броски дротиками. Они установили соноанские щиты, используя их как мишени, которые и пронзали с невероятной точностью своими короткими копьями с бронзовыми наконечниками. Анса, неоднократно видевший как метал дротик его отец, был удивлен даже больше, чем граньянские солдаты.

Граньянцы, не желая уступать, развесили маленькие мишени на деревьях и пронзали их своими длинными копьями, сидя верхом на мчащихся во весь опор кабо. Шессины сохраняли на лице выражение превосходства. Нельзя было определить, произвело ли на них это представление должное впечатление, но Анса в этом сомневался. Они знали, что на поле брани настоящим противником будет не сам всадник, а скорее, его скакун, но эти прирожденные пастухи не испытывали страха перед животными. Анса гадал, как бы они посмотрели на стрельбу из громадного лука с седла, но удержался от соблазна. Будет лучше это останется для них полной неожиданностью.

Он направился в тот конец острова, который был расположен выше по течению реки в верхнем ее течении. Когда все складывается неудачно и не остается никаких других занятий, человек всегда может удить рыбу, конечно, если рядом есть вода. Юноша миновал небольшую рощу, откуда с появлением людей ушла почти вся живность. Оглянувшись, он заметил, что два шессина, небрежно прогуливаясь, направились в его сторону и остановились, когда он повернулся к ним. Совершенно понятно, что за ним следили. Анса не принял это во внимание. В такой напряженной ситуации, едва ли вызовет удивление, что все заинтересованные стороны будут пристально следить друг за другом.

Деревья закончились, и он вышел на каменистую оконечность острова, выступающую небольшим мысом. Течение здесь оказалось стремительным, зазубренные камни, которые и создали этому месту зловещую славу, были окружены пеной. Но среди них оставались все же заводи, которые могли быть пригодны для рыбной ловли.

Анса достал крючок и лесу из поясной сумки и стал переворачивать камни. Под одним из них он нашел крошечную ящерицу, но еще быстрее отыскал жирных белых червей, которые, как он надеялся, придутся по вкусу местной рыбе. Надев одного на крючок, он стал пробираться обратно между камней.

Сев у глубокой широкой заводи, Анса забросил крючок в воду. Он предавался мечтам о Фьяне, но вышел из задумчивости, когда заметил что-то странное в камнях, среди которых он сидел. Все камни были одного вида: сероватые, неправильной формы, с крошечными вкраплениями. Он знал, что это был искусственный камень, изготовленный древними, — того же типа, что и в отцовской шахте. Но здесь не было стальных вставок, а лишь бурые полосы на сером. Когда-то здесь была сталь, но она вся проржавела во влажном климате.

Леса дернулась в его руке, и Анса потащил ее. Рыба тянула и билась, всплывала на поверхность, сверкая серебристой чешуей. Он вытащил ее резким рывком и оглушил, ударив о камень, затем снова насадил наживку и опустил снасть обратно в воду. Ему хотелось узнать, много ли здесь искусственных камней. Что представляло собой это место в прежние дни? Это было настолько давно, что даже очертания древних городов исчезли, и только самые выносливые и прочные из древних творений сохранились, чтобы дать хоть какой-то намек на былое величие. Где могла использоваться такая масса камня? Был ли это фундамент здания? Или часть моста?

Он знал, что далеко к северу отсюда, на этой же самой реке, в месте, которое называют Зоной, остались огромные руины, разбросанные по всему узкому каньону. Древняя легенда рассказывала о том, что давным-давно была построена стена с единственной целью задержать воду, но причин этого никто не мог даже себе представить. Анса покачал головой. Это были праздные и бесполезные мысли. Они отвлекали его от настоящей тревожной ситуации.

Юноша поймал еще две рыбины, почистил их и бросил потроха обратно в воду, чтобы кормилась другая рыба. Затем взял улов с собой обратно на остров, развел небольшой костер, нанизал рыбу на зеленые палочки и подвесил их в дыме костра. Его шессинские преследователи стояли не-

далеко среди деревьев, сморщив носы от отвращения. Он улыбнулся, зная, что шессины ненавидели рыбу.

— Идите, присоединяйтесь ко мне, — невинным голосом позвал он. — Здесь ее много.

— Запрещено, — отрезал один из воинов; его трудно было понять, потому что он говорил на шессинском диалекте.Ансе очень хотелось вступить с ними в беседу, но он знал, что не стоит рисковать. Его собственный народ был гордым и обидчивым, но даже ему было далеко до шессинов. Те могли запросто пронзить его копьем, если почувствуют оскорбление. Если бы Анса был в седле и при полном вооружении, он бы, наверное, не побоялся бы никого, но пеший, с одним мечом против их ужасных копий, он не хотел и думать о поединке.

Анса вспомнил о Фьяне, и ему захотелось узнать, насколько она преуспела в лечении короля. Если она сможет вернуть ему здоровье, как он вознаградит ее? Богатством или петлей висельника? У него не было иллюзий относительно королей. Королева Масила относилась к ним очень благосклонно, но она была в отчаянии. После того, как король поправится, сохранится ли у нее чувство благодарности? Он слишком хорошо знал таких людей, чтобы рассчитывать на это. Лучше бы Фьяна покинула их... Сейчас Гран интересовал Ансу только потому, что был возможным противником Гассема. Он знал, что у них нет никакого шанса противостоять его войскам, но они могут сдерживать его, заставлять расходовать время и людей, распылять свои силы.

Определенно, подумал Анса, даже такой человек, как Гассем, не может править слишком обширными территориями. Островитян было не так уж много, а войска, набранные с покоренных земель не слишком надежны, несмотря все на заявления королевы Лериссы. Насколько далеко он может продвинуться до того, как начнут разрушаться связи между областями? Гассему то и дело приходилось подавлять мятежи в своем глубоком тылу.

Или он все-таки больше, чем просто человек? Возможно, он и был тем, считал себя: владыкой мира, которого ничто не может удержать. Возможно, дело, которому посвятил всю свою жизнь отец, напрасно, и никакие конные лучники, никакие отряды солдат, вооруженных новым огнестрельным оружием, не принесут пользы?

Анса встряхнулся. Это были не своевременные мысли. Слишком многое поставлено на карту здесь и сейчас, чтобы думать об опасностях, которые еще далеко впереди. Он взял рыбу на вертеле из костра и жадно съел ее, наслаждаясь видом шессинских охранников, приведенных в смятение.

Оказалось, что они моложе, чем он сам, почти мальчишки, с волосами, заплетенными в бесчисленное множество тончайших косичек. Впрочем, из-за этого они были не менее опасны.

Покончив с едой, Анса поднялся и вернулся в лагерь. Он провел остаток дня, ухаживая за своим оружием. Оно требовало постоянного внимания, он наточил и смазал клинки и наконечники стрел, проверил древки копья и стрел на наличие трещин или следов коробления, разгладил перья и починил ножны. Он взял свой лук и быстро осмотрел, затем смазал воском тетиву. После того, как он закончил выполнять свои воинские обязанности, наступило время еще для очередного пиршества.

Эта ночь была еще более веселой, чем накануне. Судя по всему, между Гассемом и Ах'на намечался вечный мир и дружба. В течение всего длинного вечера он изучал двоих сановников, стараясь проникнуть за их маски. Он решил, что веселость Импимис была боле натянутой, чем у Флориса. Главный советник отдавал себе полный отчет в том, что все обещания Лериссы были лживы. А Флорис либо не понимал этого, в чем Анса очень сомневался, либо ему было все равно, что куда более вероятно. Тогда именно Флорис решит предать своего короля и народ.

Когда пир закончился, Анса начал искать себе место для ночлега, подальше от остальных. На этот раз он подождал до тех пор, пока все затихло. Затем оделся в свою самую темную одежду и, закрыв лицо темной тканью, ползком направился к шатру Лериссы.

Юноша знал, что шессины будут осмотрительны и бдительны, но он долго и упорно тренировался в этом виде искусства. Война на равнинах и в зарослях строилась в основном на засадах, а на охоте только при длительном и терпеливом выслеживании можно было поймать зверя. Шессины не занимались охотой. Они были пастухами и презирали охотников как людей, которые были слишком бедны, чтобы иметь свой домашний скот. Анса был уверен, что сумеет ускользнуть от них.

Едва дыша, он пробирался ползком между стражами, окружающими шатер. Они стояли, опираясь на свои копья, и даже не повернули головы, когда он проползал мимо. Так медленно, что казалось, он вообще не двигается, юноша оставил позади полосу охраны. Он упирался ладонями в землю на расстоянии вытянутой руки перед собой и осторожно подтягивался, пока тело не отрывалось от земли на ширину пальца. С дрожащими от напряжения мышцами рук,

плеч и спины, он скользил вперед, поочередно отталкиваясь ногами, опираясь о землю только краем ступней, стараясь пытаясь делать все бесшумно, не всколыхнув ни травинки.

Каждые несколько футов он должен был опускаться на землю и отдыхать. Он не мог допустить, чтобы его дыхание стало шумным. Не было и причин торопиться. На входе в шатер что-то происходило, было какое-то волнение. Похоже, туда кто-то пришел. Анса слышал шепот, но разобрать слов не мог. Он осматривал основание шатра, , пока не заметил полоску света там, где ткань не доставала до земли. Это было хорошее место для подслушивания, и юноша начал ползти в том направлении. Он заставлял себя не торопиться. Было бы предельно глупо, чтобы его поймали только из-за ненужной спешки.

Когда он подполз к просвету в стене шатра, то опустился на землю и прижал ухо к крошечной щели. Почти сразу он услышал голоса. Лерисса говорила первой.

— ...так как ты позвал меня таким образом, я поняла, что ты желаешь сказать мне нечто такое, что не годится для ушей твоих соотечественников?

— Эти вопросы связаны с определенными тонкостями, — ответил голос Флориса. Мысленно Анса поздравил себя с правильностью своих выводов. Ему было интересно послушать, какую форму примет предательство.

— Тогда вырази все это таким образом, каким ты хочешь, но не теряй времени зря. Я устала. — Королева больше не играла в придворные игры, требуя проявления полного доверия, как один заговорщик у другого.

— Как сумею, ваше величество. Вам известно, что король Ах'на находится не в лучшем здравии?

— Я об этом ничего не слышала, — сказала она. Анса почувствовал, что она говорит искренне. — Продолжай.

— Несколько дней тому назад у короля был удар на пи́ру. Это случилось в по пути из банкетного зала в его покои, поэтому двор ничего не узнал. С той самой ночи он лежит парализованный, не способный двигаться или говорить, возможно, вообще, без сознания.

— А происхождение этого заболевания? — спросила Лерисса. — Ведь он не был пожилым человеком.

— Нет. Подозревают отравление ядом.

Она сразу же перешла к делу.

— Он поправится?

— Об этом ничего не могу сказать. Лучшие целители Грана не помогли ему. Затем прибыла некая дама из Каньона...

— Из Каньона? — прервала Лерисса.

— Да. Она явилась несколько дней назад в сопровождении этого молодого варвара, которому удалось присоединиться к нашему посольству.

— Ясно, — сказала она. — Продолжай.

— Я надеюсь, для тебя все это интересно и ценно? — Похоже, Флорис захотел поторговаться.

— Интересно, конечно. Что же касается ценности, то об этом я смогу судить только после того, как услышу все. Как могло случиться, что дама из Каньона и юный принц прибыли в город в столь решающий момент?

— Об этом ничего сказать не могу. Они прибыли с севера, их пригласила в гости одна знатная дама, и в ее доме с иноземцами встретились двое сановников. Королева приказала пригласить их во дворец. Женщина из Каньона, кажется, знаток лекарственных снадобий, а также ядов. Ко времени нашего отъезда она сумела узнать, какой яд был использован, но король все еще лежал при смерти.

— Но почему она прибыла с этим юношей?

— Судя по всему, случайно. Он оказался в ее краях, а ей требовался спутник. Он знатного происхождения, по крайней мере, в том смысле, как об этом судят варвары...

— Не забывайся! — одернула его Лерисса.

— Безусловно, ваше величество, я не имел... — Анса смог слышать смущение в голосе придворного.

— Ничего страшного. Итак, король Ах'на недееспособен, по крайней мере, уже несколько дней. Но, несмотря на все твои горячие возражения, я не могу поверить, что ты поведал все это просто из любви ко мне.

— Нет. С теми теплыми чувствами, что я питаю к вашему величеству, я пришел, чтобы предложить соглашение гораздо большего значения. А эти сведения я дарю вам в знак честности моих намерений. Вы же понимаете, что если в столице станет известно о том, что я вам рассказал, меня немедленно подвергнут смертной казни.

— Я ценю твою искренность. И каково же твое предложение?

— Король Ах'на недееспособен, а его сын еще дитя. Если дело дойдет до войны между нашими народами, все войска Грана с большим напряжением будут сдерживать вас на наших границах. Гран имеет значительно большую численность населения, чем Соно, и лучше организован. Это завоевание не будет столь же легким, каким по ту сторону реки.

— Выходит, ты знаешь способ, как упростить и об-

 легчить эту задачу для нас?

— Моя семья владеет обширными поместьями на юго-западе Грана, и мы содержим почти четверть королевской армии. Местные землевладельцы приносят клятву верности лично мне, а не королю. Если я прикажу отозвать своих людей из войска, они повинуются.

— И в обмен на эту услугу?..

— Признание права моей семьи на наши земли. Высокое положение при вашем дворе для меня самого. Низкие подати. Внутренняя независимость в пределах моих владений.

— Другими словами, те же условия, которые у тебя были при короле Ах'на.

— Но о которых я не смогу договориться с королем Гассемом после поражения наших сил. Кроме того, рядом с нашими владениями имеются земли, которые прежде также принадлежали нам, но были отняты прежними королями Грана. Мне бы хотелось восстановить там свою власть, и тогда я смогу обеспечить их преданность вам.

— И что же заставляет тебя думать, — резко сказала Лерисса, — что мы не сможем захватить их без твоей помощи?

— Я и не предполагал ничего подобного. Я всего лишь сказал, что могу сделать завоевание гораздо более легким и менее дорогостоящим. В конце концов, король Гассем задумал гораздо большие завоевания и должен накапливать силы. И давай рассудим здраво. Мои земли не таковы, чтобы представлять какой-то соблазн для шессинов. Они почти сплошь покрыты лесами, джунглями, часть из них пригодна для земледелия, но очень мало для пастбищ. Что могут хотеть от такой земли твои люди, кроме дани? Любой может догадаться, что король Гассем намерен завоевать огромные равнины, расположенные за пустыней. Безграничные луга, ваше величество, в которых ваши стада смогут вечно приумножаться... Здесь же король просто сохраняет свой южный фланг для великой войны, которая последует вскоре: для войны с королем Гейлом.

Анса почувствовал трепет, который пронзил все его тело. Сейчас старик сказал чистую правду...

Какое-то время королева Лерисса молчала. Предложение было сделано, и она рассматривала все возможные последствия.

— Ты сказал, что нам не нужно ничего от твоих земель, кроме дани. Ты понимаешь, что часть этой дани должна быть уплачена солдатской службой? Как ты верно заметил, впереди нас ожидают великие войны. Эти люди не должны быть просто сезонным вкладом для войск, людьми, которые проходят службу после весенних полевых работ и возвращаются во время для сбора урожая. Они станут частью постоянной

армии, и будут возвращаться домой только после многолетнего участия в военных кампаниях... если вообще будут возвращаться.

— Я понимаю, — сказал Флорис, едва скрывая торжество в голосе. Он знал, что его предложение принято, и сейчас королева просто торгуется. — Это трудная задача, но ее можно решить. Возможно, мы попросим оплату за каждого солдата, с обязательной выплатой ущерба для тех, кто не вернется. Это не будет обременительно для короля Гассема, который владеет сокровищами многих стран и народов.

Лерисса задумалась.

— Это мы еще обсудим. Очень хорошо. Я принимаю твое предложение. Я уполномочена действовать от имени мужа в таких делах. Король, конечно, сам решает все военные вопросы, но я считаю, что наилучшее время для того, чтобы ты отозвал свои силы из граньянского войска, наступит непосредственно перед сражением. Мои люди будут поддерживать связь между нами.

— Только не шессины! — запротестовал Флорис.

Анса снова услышал ее мелодичный смех.

— Нет, среди моих слуг есть люди различных племен. Они могут приходить к тебе под видом купцов. Чем ты особенно интересуешься?

— У меня есть обширные конюшни, — сказал он, — я развожу породистых скакунов.

— Очень хорошо, тогда они будут торговцами кабо. Для того, чтобы ты смог отличать их от настоящих купцов, у каждого на запястье правой руки будет серебряный браслет.

— Буду ожидать их прибытия. Я полагаю, на этом мы пока можем закончить. Ты была очень милостива...

Анса ускользнул прочь, не дожидаясь ответа королевы. Сейчас он владел важными сведениями. Он знал, кто предаст Гран Гассему, и как это будет сделано. Ему хотелось бы знать, будет ли Гассем твердо придерживаться их соглашения. Едва ли. Он не нуждался в чужеземцах-лизоблюдах, а Флорис, предав одного господина, с той же легкостью изменит и другому.

Крадучись, Анса успешно удалился незамеченным. Когда он почувствовал, что между ним и шатром оказалось достаточное расстояние, он поднялся и, пригнувшись, неслышным шагом двинулся к зарослям, в двадцати шагах от его спального места. Он какое-то время сидел, наблюдая за окрестностями и ожидая заметить возможных врагов, притаившихся в засаде. Луна продолжала свой величественный обход черного небосвода, но на земле все было спокойно. И, наконец, через час после того, как он покинул просвет

под шатром Лериссы, Анса устало вышел на поляну и лег. Это было весьма утомительным, но он обладал терпением охотника знал, что на кон поставлена его жизнь, что несколько облегчило ожидание.

На следующее утро он проснулся от какой-то суматохи. Не намечалось никаких переговоров, и весь день должен был пройти в развлечениях. Анса отправился вычистить своего кабо, но неожиданно за ним прибыла сама королева Лерисса. Она сидела верхом и, описав несколько кругов, остановила скакуна рядом с юношей.

— Ты сказал, что готов показать свое искусство стрельбы из лука, — сказала она. — Поедешь на охоту со мной?

Он взглянул на нее, улыбаясь и щурясь от солнечного света.

— Я думал, вы, шессины, не охотитесь.

— Я приобрела вкус к дичи, — ответила она, — и не могла придумать лучшего повода посмотреть на твой лук в действии.

— Тогда с радостью. — Он взял с земли попону и седло и быстро оседлал кабо. — Куда поедем?

— Вон туда, — она сказала, указывая на берег. — Охота должна быть хорошей. Земли остались без хозяев, и дикие животные уже вышли, чтобы попастись на заброшенных полях.

— Звучит заманчиво. — Анса вытащил лук и сосредоточенно принялся натягивать тетиву.

— Можно я испытаю его? — спросила Лерисса, протягивая руку. Он подал лук и сел в седло. Она подергала тетиву, но не смогла оттянуть ее более, чем на несколько пядей. — Великолепно!

— У нас первой игрушкой мальчишки всегда бывает маленький лук. В юношеском возрасте мы получаем уже охотничий лук, который легче этого втрое. Он хорош для малой и средней дичи, размером приблизительно с винторога. Но вот уже два года, как я получил лук мужчины. — Анса взял у нее оружие и повесил его у левой ноги. Колчан со стрелами висел напротив лука.

— Тогда поехали, — предложила Лерисса. Они поскакали по открытому пространству на широкий деревянный мост. Он был построен на славу: толстые бревна уложены на каменные береговые опоры моста. Кладка была очень древняя, но дерево выглядело не старше двух лет. Анса догадался, что, возможно, частые наводнения нередо разрушали деревянную часть.

Телохранители королевы отстали от них. Они неплохо держались в седле, но не любили ездить верхом. Коро-

лева также не была прирожденной наездницей, но Анса сказал себе, что на нее гораздо приятнее смотреть.

Проскакав немного галопом, они выехали на поросшие поля и потеряли остров из вида. Здесь они перешил на шаг и вскоре увидели маленьких домашних квиллов, беспорядочно суетящихся и разгребающих землю в поисках корней и мелких животных. Рассеянные вокруг кости указывали на то, что и домашний скот, оставшийся без человеческого ухода, стал жертвой хищников. Анса заметил, что Лерисса пристально наблюдает за ним.

— Ты так прекрасно ездишь верхом, — сказала она. — Я не могу налюбоваться. Я была взрослой, когда впервые увидела кабо. Но даже невванские и чиванские всадники выглядят неуклюже по сравнению с тобой. Твой народ рождается и проводит всю жизнь в седле.

— Почти так и есть, — согласился юноша. — Но зато пешими нам не тягаться с вами...

— Взгляни! — вдруг воскликнула она, указывая на животное, показавшееся на опушке леса. Зверь оказался огромен: ростом не меньше двенадцати футов в холке, толстая мускулистая шея возвышалась еще на восемь футов и несла мощную голову, величиной с голову кабо, украшенную веерообразными рогами. Не обращая на них внимания, тварь стала общипывать деревья, лакомясь верхними побегами.

— Что это? — спросил он, заинтригованный величавым зверем.

— Я не знаю, как местные жители называют его, — сказала она. — Мы их видели уже немало после приезда на остров. Попадешь в него?

Анса засмеялся.

— Это не вызывает сомнений. Все равно что стрелять в дом. Давай-ка поищем что-нибудь поменьше и пошустрее. — Они проехали еще немного, пока не выбрались на возвышенность, поросшую редколесьем. Опытный глаз Ансы подсказал ему, что несколько лет тому назад здесь был пожар, и земля еще полностью не оправилась. Это место подходило для более мелких диких животных. Трава росла в изобилии, а для хищников не было укрытий.

С того места, где они остановились, охотники видели множество живности, основном, стада рогатого скота, которого много на любых землях, где достаточно воды и растительности. Не было никаких признаков присутствия больших котов. Те предпочитали охотиться из засады на лесистых территориях.

— Это выглядит многообещающе, — сказал Анса и

указал вперед: — Вон там, стоит самец-одиночка, белый, в серую полоску. — Животное было похоже на ветверога, только рога у него загибались назад и не ветвились. Поблизости виднелось небольшое стадо того же вида.

— Он хочет этих самок, — сказала Лерисса. — Но их вожак все еще очень силен.

— Он побежит быстро, — проронил Анса. — Вперед!

Он положил стрелу на тетиву и поехал медленным шагом, держа лук в левой руке и этой же рукой двумя пальцами свободно придерживая поводья.

Как только они приблизились к маленькому стаду, самец вскинул голову и заблеял. Животные бросились прочь от всадников. Самец-одиночка заметил это мгновение спустя и тоже пустился бежать. Анса начал скакать быстрее, затем погнал своего кабо во весь опор, занимая место между самцом-одиночкой и стадом. Мгновенно самец рванул вправо, покрывая расстояние грациозными прыжками. Анса сделал круг и погнался за ним.

На расстоянии пятидесяти шагов самец метнулся влево. Анса был готов к такому маневру и остановил своего кабо. Пока животное бежало на предельной скорости, он натянул лук, не отрывая взгляда от жертвы. Он определил скорость, длину его прыжков и их высоту по самому центру каждого. А затем выпустил стрелу, прицеливаясь в высшую точку следующего прыжка.

Стрела вонзилась как раз позади плеча животного. Он приземлился, как ни в чем не бывало, и вновь взмыл в грациозном скачке. Но на сей раз, когда его передние копыта ударили о землю, то ноги подкосились, и самец рухнул, слабо брыкаясь.

Анса галопом кинулся туда, где лежала добыча, и спрыгнул со своего кабо. Он воткнул копье в землю тупым концом и привязал к нему поводья, затем, вытащив нож, встал на колени около упавшего животного. Удар милосердия не требовался. Оно было мертво. Тем не менее он рассек горло, чтобы выпустить кровь из туши. На расстоянии в сотню шагов от павшего собрата маленькое стадо остановилось и уже мирно щипало траву.

Лерисса и ее спутники подъехали ближе. Королева о чем-то переговаривалась с охранниками на диалекте островитян.

— Это было великолепно! — сказала она. — Никогда не видела такого выстрела.

Занятый подготовкой туши к перевозке, Анса не оглянулся, даже когда они спешились позади него.

— Это было легко. Он спасался бегством точно так же, как и ветвероги животные у нас на равнине. Надеюсь, мясо будет вкусным. Ты любишь... — Юноша резко осекся, когда что-то коснулось его. Длинные лезвия двух шессинских копий лежали у него на плечах и скрещивались ниже подбородка. Затем сзади легло третье. Анса не мог произнести ни слова, пока чьи-то руки вырвали у него нож, меч и каменный топорик с пояса. Его шея была в стальном треугольнике с лезвиями, острыми, как бритва. Стоило дернуться, и он остался бы без головы.

Внутренне Анса содрогнулся, но не позволил, чтобы это отразилось на его лице или в поведении. Это было его первое истинное испытание как воина, и он ничего не мог поделать, кроме как отважно встретить смерть. Один из охранников схватил тушу за заднюю ногу и оттащил прочь. Даже в таком безвыходном положении Анса был потрясен силой этого стройного юноши.

— Надеюсь, вы собираетесь съесть его, — сказал он, гордый тем, что его голос не дрожал. — Я не убиваю ради забавы.

— Займитесь им, — велела Лерисса. Воины осторожно убрали свои копья, заставляя пленника встать на колени. Ему связали запястья за спиной. Королева медленно обошла вокруг и остановилась, встав перед Ансой на достаточно небольшом расстоянии, чтобы он, взглянув вверх, мог встретиться с ней взглядом. Она сбросила свой плащ для верховой езды и почти все остальное, кроме украшений, и стояла перед ним, облеченная лишь в собственную красоту. Он никогда не видел вооруженного воина, который выглядел бы столь пугающе.

— Кто предал меня? — вопросил он дерзко.

— Ты сам. И злоупотребил моим гостеприимством, представ передо мной под вымышленным именем.

— Я был бы глупцом, если бы сказал правду.

— Это была смелая попытка, признаю это. Каково твое настоящее имя?

— Анса и есть мое настоящее имя.

Она подошла еще ближе и взяла левой рукой за его подбородок, приподнимая голову и поворачивая ее из стороны в сторону довольно осторожно, как можно осматривать редкий драгоценный камень, восхищаясь игрой света на его гранях.

— Верно, в твоей наружности мало сходства с шессинами, по крайней мере с чистокровными. Ты, должно быть, похож на мать. Ты мог бы одурачить любого, кроме меня и моего мужа, возможно, еще трех человек из нашей армии.

— Как ты узнала? — спросил он, желая выяснить это перед тем, как она убьет его.

— Ты никогда не смог бы догадаться. Твой голос. Он такой же, как у него, двадцать лет назад. Я узнала его с первого раза, как только ты заговорил со мной.

— Ты хорошо скрываешь свои чувства, — сказал он, искренне делая комплимент.

— И ты тоже. Из тебя мог бы вырасти страшный человек, если бы ты дожил до взрослого возраста.

— Тогда покончи с этим, — сказал он, стараясь держаться с достоинством. — Но что ты собираешься сказать граньянцам? Все узнают, что нарушила обещание о неприкосновенности послов.

— Вот здесь-то твоя неопытность и предала тебя. Ты читал мое охранное свидетельство, или слышал, как его читали?

— Да.

— Тогда ты должен был заметить, что в нем нейтральной территорией называется только остров. Здесь же, в Соно, где я правлю как королева, я могу брать в плен любого, кого пожелаю. Эта особенность не ускользнула от граньянских посланцев, там, на основе, но никто из них и не подумал, что следует предупредить тебя, чтобы ты не ездил со мной через мост. Я думаю, что у тебя мало друзей в Гране.

— Тогда убей меня, — сказал он с надеждой.

— О, еще не сейчас. Я слишком люблю мужа, чтобы лишить его этого удовольствия.

Сердце его упало, когда Анса понял, что худшее свершилось. Копья убрали, и шессины грубо схватили его под руки, а затем усадили в его седло, связав щиколотки ниже подпруги. Юноша заметил, что убитое им животное бросили поперек спины другого кабо.

— О, да! — сказала Лерисса. — Твоей добычей мы полакомимся на обед. Выстрел, и правда, был великолепный.

Глава восемнадцатая

Анса провел первую ночь под охраной, на месте, где был разбит лагерь, около острова, но на таком расстоянии, что его не было видно. Воины из охраны приходили и уходили, но всегда оставалось не менее десятка, чтобы наблюдать за ним. Они поставили для себя небольшие хижины, чтобы спать в них, но его не разместили ни в одной из них. Вместо этого его привязали к столбу, глубоко врытому в землю. Анса сидел на земле, прислонясь спиной к столбу, запястья были связаны вместе за столбом. Даже если бы он смог с трудом подняться на ноги, верхушка столба была все равно выше его головы, и он бы не смог освободиться.

Конечно, воины не допустили бы такого. Они стояли или сидели поблизости, о основном, разговаривая друг с другом. После того, как прошел его первый испуг, и он смирился с невозможностью немедленного освобождения, юноша начал проявлять интерес к своей охране. Он нашел, что такое исследование довольно поучительно и дает возможность отвлечься от своей вероятной судьбы.

В противоположность сдержанности, которую они проявляли, находясь среди незнакомцев, здесь шессины оживились. Они много разговаривали и часто смеялись, их красивые лица озарялись широкими улыбками, что делало их еще более миловидными. Очевидно, пленник, который должен скоро умереть, не был достоин обычного проявления ими высокомерной сдержанности.

Что-то в них вызывало в нем странное мучительное ощущение, и он скоро понял, что это было, когда заметил, как стоят некоторые из них. Воин держал копье, которое упиралось в землю перед ним, и стоял на одной ноге, упираясь другой в колено. Иногда, в былые годы, он видел, как так же стоял его отец, но более никто другой.

Тогда Анса понял, что в этих юношах было много такого, что напомнило ему об отце: неуловимые мелочи в позах и жестах, но, в основном, общее изящество и благородство манеры держаться, что делало их непохожими на всех прочих людей. Юноша не хотел признаться даже сам

себе, что в такой момент он особенно сильно скучал по отцу.

Только поздно вечером, когда он увидел, как некоторые из них занялись борьбой, а другие стояли рядом, смеясь и хлопая в ладоши, одновременно выкрикивая непристойные советы, он понял, что эти воины были очень юными. Он знал, что шессины иногда становятся воинами в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет, но эти казались настолько опытными, что выглядели гораздо старше. Сейчас, когда отсутствовали королева и чужеземцы, не было никого, перед кем следовало бы принимать позу, кроме Ансы, которого они не считали за человека. Это несколько воодушевило юношу. Возможно, у него появится шанс спастись, когда они отправятся в лагерь короля Гассема... Но эта надежда сопровождалась и более отрезвляющей мыслью: если это были мальчишки, то каковы же тогда опытные воины?

По крайней мере, они не оскорбляли его. Он был вынужден признать, что его народ редко обращался с пленными так мягко, хотя его отец и запретил жестокое обращение. Преступники и изгои не подлежали наказанию до суда, пленников должны были содержать до тех пор, пока их не выкупали или не отпускали обратно на родину. И все-таки сохранялись и прежние методы, и пленников в неволе зачастую ожидала незавидная участь.

Он понял, что королева Лерисса оставила приказы, запрещающие трогать Ансу до тех пор, пока его не передадут королю. Ее приказы были подобны законам природы для этих воинов. Он пытался вовлечь их в разговор, но они игнорировали его. Возможно, разговаривать с ним она тоже запретила, или они просто не видели смысла в общении с низшим существом. Анса подозревал последнее.

Ему удалось не обращать внимания на мышцы, сведенные судорогой, и юноша заснул прерывистым сном. Он часто просыпался и всякий раз видел почти погасшие костры, у которых всегда сидело несколько шессинов, которые сохраняли бдительность и наблюдали за пленником. Почему же они не могут уснуть, как обычные люди, удивлялся он. Впрочем, ему от этого все равно не было бы никакого проку...

Он проснулся, измученный голодом и жаждой, не имея возможности почувствовать свои онемевшие руки. Все ощущения заканчивались где-то в области плеч. Он увидел, что воины едят и пьют, но сомневался, что отсутствие с их стороны оскорблений может перерасти в настоящую щедрость. Ожидания его не обманули.

Около полудня прибыла Лерисса. Остальные воины

из ее стражи были с королевой, рабы вели вереницу насков, груженых шатрами и припасами из лагеря на острове. Очевидно, все церемонии закончились и настало время возвращаться в армию Гассема. Анса почувствовал, что его сердце совсем упало.

Королева спешилась и указала на пленника.

— Вымыть его, — скомандовала она. Юношу узы сняли, и двое воинов потащили его к реке, которая протекала поблизости. Расторопно сорвав его одежду с него, они подтолкнули пленника вперед, и он беспомощно свалился в воду.

Занемевшие руки не слушались, и в какой-то момент Анса почти запаниковал. Успокаивая себя мыслью о том, что речка не очень глубокая, он все же сумел подтянуть ноги и нащупать дно, после чего он поднял голову над поверхностью воды, с облегчением отметив, что вода доходит как раз до ключиц. Скоро стала восстанавливаться чувствительность в руках, и возникло ощущение мучительной боли. Шессины стояли на берегу, посмеиваясь, и, когда Анса уже более не смог выносить эту боль, он нырнул вглубь и закричал под водой, где они не могли бы получить удовольствие от этого. Он сделал так несколько раз, и только после этого боль стала переносимой.

Последний раз, когда он вынырнул, то увидел Лериссу, которая сидела на берегу, наблюдая за ним.

— Я не желаю видеть вокруг себя ничего безобразного или уродливого, — сказала она ему. — Тебя охраняет достаточно шессинов, чтобы поддерживать твой внешний вид в приемлемом состоянии. Ежедневные умывания этому помогут.

— Значит, я все время буду у тебя на глазах? — спросил юноша.

— Я намерена следить за тобой все время, пока я не доставлю тебя королю.

— Тогда я буду страдать в хорошем обществе, — сказал он ей.

Она мило улыбнулась.

— Ты хорошо держишься. Надеюсь, ты будешь столь же воодушевлен, и когда встретишься с королем Гасимом.

Когда руки вновь обрели чувствительность, Анса принялся растирать все тело. Странно, но ему и в голову не пришло сделать попытку утопиться. Прежде всего это было бы бесполезно. Шессины тут же набросились бы на него: вероятно плавали они так же хорошо, как делали и все остальное, если не считать верховой езды и стрельбы из лука. И кроме того, юноша еще не потерял надежду на спасение. Из слов Лериссы следовало, что в пути они пробудут два или три дня.

Даже за такое короткое время произойти может очень многое.

Когда он вышел из воды, ему дали штаны, а прочую одежду унесли. Запястья снова связали, на этот раз перед собой, и усадили седло. Кабо был другой, не его собственный прекрасный, норовистый скакун, а дряхлое животное, совершенно непригодное для побега даже от таких скверных наездников, как шессины. Он обшарил взглядом весь отряд в поисках собственного кабо и обнаружил верхом на нем мощного, изуродованного бесчисленными шрамами шессина, казавшегося много старше остальных. Анса всю жизнь провел среди воинов, но этот своим видом напугал бы и самого привычного человека. Сейчас пленник чувствовал себя таким ослабшим, что едва ли совладал бы с этим гигантом, даже если бы сумел избавиться от пут. И все равно, Анса был уверен, что верхом на своем кабо он легко ушел бы от шессинов.

Он подумал о Фьяне. Прежде его терзало раскаяние, что он оставил ее одну во дворце и не взял с собой, но сейчас Анса был счастлив, что случилось именно так. Ее положение, хотя и было не простым, казалось раем по сравнению с его собственным. Что она может подумать, когда участники переговоров вернутся без него? Что Флорис поведает ей? Он пытался усиленно освободиться от мыслей о девушке и сосредоточиться на побеге.

Еще до того, как они отъехали далеко, Лерисса присоединилась к пленнику. Казалось, что ей не терпится с ним поговорить, хотя учитывая ее ненависть к отцу и кровожадные планы относительно его самого, Анса не мог понять такого влечения.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она. Юноше этот вопрос показался весьма странным.

— При сложившихся обстоятельствах, достаточно хорошо, — невозмутимо ответил он.

— Твои узы не слишком тесные? Я, на самом деле, не хочу, чтобы ты слишком страдал в пути.

Он пошевелил пальцами.

— Они не слишком тесные. Но мне было бы гораздо удобнее, если бы ты их сняла.

— Я не могу быть столь сговорчивой. Просто помни, что тебе не удастся спастись и твоя судьба решена окончательно. — Она немного помолчала, затем проронила деланно небрежным тоном: — Я слышала о некой женщине из Каньона. И мне известно о том, что она пытается, чтобы вылечить короля Грана. Как случилось, что ты путешествовал вместе с ней?

Ансе почудилось что-то странное в ее заинтересованности.

— Я ехал на юг и попал на территорию Каньона, где и встретил ее. Она также собиралась в эту сторону, и ей требовался надежный спутник. У нее были лекарственные травы на продажу, и кроме того, она владеет искусством исцеления. Я вызвался сопровождать ее. Мы по чистой случайности прибыли в столицу как раз тогда, когда король нуждался в помощи.

— Я готова в это поверить. Пока вы путешествовали вместе с ней, видел ли ты доказательства ее целительского дара?

— Много раз, — ответил Анса. — Ей достаточно было коснуться больного, чтобы понять, что с ним происходит. И у нее почти всегда находилось снадобье для этого недуга.

— Но она не исцеляет напрямую? Я имею в виду, она не может дотронуться до человека и излечить его?

— Она говорит, что не владеет этим даром.

— Ясно. — Лерисса ненадолго задумалась. Когда она снова заговорила, то голос ее звучал непривычно неуверенно, как будто она самым тщательным образом подбирала слова. — Говорят, что каньонцы не... стареют. Слышал ли ты о таком? Или, возможно, видел какие-то признаки этого, когда был среди них?

Анса был озадачен, но не видел никакого вреда в том, чтобы ответить.

— Действительно, трудно судить об их возрасте. Пожилые похожи на молодых во всем, кроме манеры держаться.

— Я слышала, что так оно и есть, — напряженным шепотом отозвалась королева, — Ты полагаешь, что это является частью их целительских способностей и совершенного владения лекарственными снадобьями?

— Все может быть, — откликнулся Анса, которому теперь многое стало понятным в загадочном поведении Лериссы. Незаметно он взглянул на нее и увидел королеву совершенно в другом свете. У нее было тело никогда не рожавшей двадцатилетней женщины, хотя он знал, что она почти в два раза старше этого возраста. Она была крепкой и натренированной, как молодой кабо, участвующий в скачках, ее тело излучало здоровье. Но сейчас он заметил и тонкую паутину морщинок вокруг глаз, едва заметные линии в уголках рта. В белоснежных волосах виднелись прожилки серебра, и Анса заметил, что на руке, сжимающей поводья, между запястьем и костяшками пальцев проступали вены.

Теперь он все понял. Эта королева, самая прекрасная женщина в мире, трепетала от ужаса надвигающейся старо-

 сти. Немало легенд повествовали о людях, подобных ей,

что могли одолеть любых врагов, кроме одного-единственного, общего для всех на свете. Каждая новая морщинка, каждый новый седой волос был для нее крушением, столь же ужасным, что и проигранное сражение.

Впервые, начиная с того момента, когда копья были возложены на его плечи, Анса почувствовал проблеск надежды. Он не представлял себе, каким образом сможет использовать это новое знание, но сейчас, в этом отчаянном положении, разщум его невероятно обострился, и Анса был уверен, что непременно найдет выход.

Королева оставила эту тему, хотя пленник подозревал, что ей не терпелось вновь вернуться к их разговору. Земля, по которой они проезжали, была разорена, но опустошение было не таким, как Анса ожидал. Гассем явно высылал множество отрядов для совершения набегов по окрестностях, но нигде пленник не видел полного разрушения, характерного для земель, где сражались и прошли армии. Участники налетов прибывали сюда за рабами и провиантом. Они устраивали пожары. Совсем немного оставалось после них здоровых юношей или женщин: человеческий скот был отобран на другие нужды. Уцелевшие разбегались в стороны и прятались в лесах при виде приближающихся шессинских всадников.

— Зачем вы так опустошили землю? — спросил Анса королеву. — Если землю обеднеет людьми, некому будет платить дань, и крестьяне не смогут прокормить даже себя самих.

— Это не имеет значения, — сказала она. — Все эти рабы живут лишь ради нашей прихоти, и мы будем терпеть их только до тех пор, пока они будут служить и не причинять нам никаких затруднений. Мы и без того достаточно богаты и не придаем значения всем тем вещам, какими так дорожат эти люди, называющие себя цивилизованными. Для нас эти игрушки не имеют никакой ценности.

— Тогда почему вы не остаетесь на своих островах? — спросил юноша. — Там вы могли бы жить счастливо, как племя воинов, не беспокоя людей, которые не причинили вам никакого вреда.

Королева ударила его хлыстом по лицу. Она сделала это без злости, почти рассеянно, как хозяйка, которая ставит на место беспокойное домашнее животное.

— Не тебе подвергать сомнению действия короля. Ты его подданный и его собственность, как и все прочие люди. Нас не волнует, что люди голодают, потому что их расплодилось на земле слишком много. Мы любим дикую природу больше, чем города, и не любим крестьян.

Насколько знал Анса, это было неправдой в отноше-

нии Лериссы: он слышал о том, что она заботится о процветании завоеванных земель, и решил, что сейчас она просто повторяет слова своего мужа. Он почувствовал, как кровь тонкой струйкой стекает по лицу, но не стал тревожиться из-за этого. Его ждала куда худшая участь по прибытии в лагерь Гассема.

Королева не задавала изнуряющий темп езды, поэтому путешествие не было слишком уж мучительным для Анса. Со связанными руками и ногами он чувствовал себя неуклюжим и ехал верхом на кабо, как мешок с добычей, а не как первоклассный наездник, каким он был с самого раннего детства. Когда он думал об этом, то понимал, что у королевы нет особых причин стремиться вернуться переполненный лагерь людьми, окружающий город, который скоро станет скорбной обителью голода и болезней. Там ей нечего делать, кроме как наблюдать за происходящим. Это вполне устраивало и пленника. Он тоже не спешил попасть туда.

Первую ночь они провели в лагере у дороги во внутреннем дворике заброшенного имения, где теперь не осталось никого, кроме животных, питающихся отбросами. Шессины разложили костры на внутреннем дворе, используя домашнюю мебель для растопки. Юные воины нашли недоенную самку кагга и привели ее на внутренний двор, где принялись доить ее в широкий деревянный чан. Затем с помощью небольшого бронзового ножа они прорезали вену на ее шее и смешали кровь с равным количеством молока.

Лерисса сидела у огня на низком складном стуле, найденном в доме. Она жестом приказалаАнсе подойти к ней и сесть рядом. Пленник приковылял к костру и неуклюже уселся. Она передала ему кожаную флягу с вином, которую юноша неловко принял связанными руками. Он покосился на молодых воинов, и его желудок сразу же дал о себе знать, как только он увидел, как они передают друг другу чашу с молоком и кровью и с жадностью пьют эту смесь. Юноша жадно прильнул к бурдюку с вином.

— Ты находишь молоко и кровь отвратительными? — с насмешкой поинтересовалась королева.

— Это мне не по вкусу. — Он отпил еще вина. — Есть напитки куда приятнее.

— Мы никогда не могли понять, как чужеземцы могут есть рыбу. Вкусы и запреты различны у разных народов. Что же касается крови и молока, то я и сама никогда не любила эту смесь. На островах женщины ее почти не пьют, это напиток молодых воинов.

— Ничего нет удивительного, что у них такой свире-

пый нрав, — заметил Анса, делая еще один большой глоток из фляги, и уже чувствуя, как все трудности и опасности этого путешествия понемногу растворяются в теплом тумане. — Я стал бы таким же злобным, если бы мне пришлось жить на этой дряни.

— Возможно, в этом и заключена наша тайна, — засмеялась Лерисса. Она отняла у пленника вино и пододвинула ему миску с едой. Пока она пила, Анса заставил себя не набрасываться на еду. Неуклюжими руками он взял плоскую лепешку и завернул в нее несколько длинных кусков жареного мяса. Он жевал и глотал медленно. Когда он съел все, то взял немного фруктов. Королева снова передала ему вино, и вскоре его душевное равновесие восстановилось.

— Как выглядит твоя женщина из Каньона? — спросила она его.

— Молодая. Красивая. У нее фиолетовые глаза.

— У них действительно голубая кожа? Я никогда не видела никого из этого народа, но как и все прочие, весьма о них наслышана.

— Да, голубая. Не то чтобы небесно-голубая, но плоть каньонцев имеет синеватый оттенок. — Ему было интересно, станет ли Лерисса направлять разговор к продлению юности.

— А во всем остальном она обыкновенная женщина?

— Что ты имеешь в виду?

Она жестом показала на свое собственное гибкое тело, проводя кончиками пальцев от ключиц до лодыжек.

— Все это: грудь, бедра, промежность, и так далее. О женщинах из далеких народов всегда ходят слухи, что они якобы устроены по-иному: шесть грудей, расположенных рядами, как у животных, длинные хвосты, промежность, которая проходит сбоку, а не спереди назад, и все в таком духе.

Он улыбнулся, с нежностью вспоминая Фьяну.

— Нет, кроме цвета кожи, она такая же, как и все остальные женщины. Все в обычном количестве, и на обычных местах.

Она кивнула головой, как бы подтверждая что-то самой себе.

— И ты сказал, что она молода. Ты уверен в этом?

Анса в течение всего дня размышлял, как он должен ответить на это.

— Кажется молодой, да... — Он намеренно подпустил в свой голос нотку сомнения.

— Насколько молода? — настаивала Лерисса.

— Я всегда считал, что где-то моего возраста, лет двадцати, но...

— Но? — повторила она нетерпеливо.

— Ты помнишь, я говорил, что основные признаки возраста у них — это манера держаться, вести себя... Иногда она мне казалась куда более зрелой, чем надлежит ей по возрасту.

Королева подалась вперед, на ее лице отразилось напряженное внимание.

— Объясни.

— Она говорит со взвешенной серьезностью, какую не ожидаешь услышать от молодой девушки. Ее речь более похожа на речь зрелых женщин или даже старух моего народа. И даже незнакомцы относятся к ней с таким почтением, которое люди обычно не проявляют к юницам.

— Ты был ее любовником? — настойчиво спросила королева.

— Да. — Анса не видел смысла лгать.

— Хорошо. Стало быть, ты ласкал ее обнаженной. Показалась ли тебе ее плоть нежной и упругой, как в юности?

— Гладкая, как вода, мягкая, как первый пушок птенцов. У нет нее ни одной морщинки, как у новорожденного.

Королева чуть слышно вздохнула, словно в память о чем-то бесконечно драгоценном, давно утраченном.

— На ее животе есть следы беременности?

— Никаких следов, — ответил он.

— Они могут обладать способностью стирать любые отметины, — пробормотала Лерисса себе под нос. Затем вновь обратилась к Ансе: — А влагалище у нее плотное?

Сперва он даже не понял, а затем изумленно воззрился на Лериссу. Но та и не думала насмехаться. Она была совершенно серьезна и отчаянно хотела знать ответ.

— Очень, — ответил он искренне.

— Она похожа на юную девственницу?

Пленник почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Не совсем. Я имею в виду, что она, ну, как ты сказала... плотная, но она ведет себя не... — он замолк.

— Не испытывай мое терпение, — резко оборвала его Лерисса. — Ты говоришь с женщиной, которая давно забыла, что такое смущение. Итак, у нее есть красота, плотное тело молодой девственницы, и все же она занимается любовью со страстностью и мастерством зрелой женщины? Определенно, ты должен быть в состоянии судить об этом. Такой красивый мальчик наверняка не был обделен вниманием скучающих вдов и жен рассеянных мужей, если только твой народ не отличается в этом от всех прочих, какие мне только доводилось видеть.

— Все именно так, как ты сказала, — признался Анса.

 Он подумал, что лучше не переусердствовать, иначе она

заподозрит неладное. — Безусловно, я не могу сказать наверняка, что она гораздо старше, чем она выглядит. Это только вопрос манеры поведения и отношения.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, нет. Я думаю, что ты прав, — заверила королева, как будто эта идея была его с самого начала. — Она вполне может быть женщиной моего собственного возраста во всем, кроме внешности. — Лерисса резко поднялась с места, но прежде чем уйти, вновь обернулась к пленнику: — Возможно, когда мы встретимся с моим мужем, я попрошу его не убивать тебя сразу. — И с этими словами она направилась в дом.

Когда королева удалилась, пленник остался один у костра и воины не обращали на него ни малейшего внимания, он наконец-то смог глубоко вздохнуть и перевести дыхание. Продлил ли он свою жизнь? Он надеялся, что да. Ему казалось невероятным, чтобы Лерисса поверила его словам. Конечно, столь проницательная женщина должна понимать: пленник сказал ей только то, что она сама хотела услышать, высказывал только ее собственные мысли...

Затем он вспомнил, что Фьяна говорила о возникающей у больных безрассудной необходимости поверить в то, что кто-то имеет средство для их излечения, и какими уязвимыми становятся они для влияния шарлатанов. Он почувствовал слабость и сыграл на ней, но теперь он должен придумать способ использовать это для своей пользы. Простое знание о способностях каньонцев продлевать молодость, что ложно само по себе, не является достаточным, чтобы спасти его жизнь. Это требует размышлений.

И внезапно другая мысль пришла ему в голову: *А вдруг это правда?*

* * *

Первый вид на Хьюто открылся перед ними с вершины холма, где извивающаяся дорога, петлявшая между холмов, спускалась в речную долину. Они ожидали увидеть грязь и разрушения осадного лагеря, но вместо этого узрели нечто, похожее скорее на торговую ярмарку. Везде вокруг города были расставлены яркие шатры. На расстоянии к западу, они могли наблюдать приближающиеся к городу длинные караваны, которые в большинстве своем состояли из незагруженных насков. Вниз по северной дороге шли такие же караваны, но эти были в основном из горбачей.

— О, чудесно! — воскликнула королева. — Осада закончена, и мой муж взял город!

— Слава нашему королю! — прокричала охрана, без особого воодушевления. Анса видел, что они горько разочарованы тем, что пропустили возможность для убийства. Он знал, что означает эта праздничная атмосфера. Хотя сам Анса никогда не участвовал в осаде, но он разговаривал со многими воинами, кто испытал это на себе. Сейчас, когда город пал, прибывали торговцы. Они собирались поблизости во время войны, как летучие мыши-падальщики, и ничто не притягивало их сильнее, чем падение великого города. Он быстро в уме сосчитал дни. Королева не могла покинуть осажденную столицу больше двенадцати дней тому назад.

— Как удалось такому множеству торговцев прибыть сюда так скоро? — спросил он. Как обычно, он ехал рядом с Лериссой, болтая о пустяках. Она держалась с Ансой дружелюбно, но впрочем, это ничего не значило. — Некоторые из них, должно быть, прибыли из таких далеких мест, как Невва, и бьюсь об заклад, что вон те горбачи — из Зоны.

— О, они всегда отправляются в путь сразу же, как только услышат, что Гассем затеял новый военный поход. Они никогда не ждут, пока будет провозглашена победа, потому что он всегда выигрывает. Они ожидают на расстоянии, в безопасности, затем толпами стекаются, когда услышат об уничтожении противника. Некоторые из них были здесь еще до того, как я уехала, продавали продовольствие солдатам и покупали пленников. Они были готовы пойти на риск ради прибыли. И они всегда надеются первыми оказаться на месте, когда враг падет. Затем солдаты бегом мчатся из города с охапками добычи, горя желанием продать ее за жалкие гроши, и бегом возвращаются обратно, чтобы награбить еще больше.

Несмотря на всю опасность своего положения, Анса запомнил эту информацию. Очевидно, даже Гассем не мог поддерживать строгую дисциплину в войсках после падения города... Все внутри у Ансы сжималось, когда они начали спуск с холма. Вскоре он встретит Гассема, который с детства был для него настоящим демоном, страшилищем из сказки. Когда он подрос, ему даже и в голову не приходило, что он может встретить человека, с которым столько воевал его отец.

Они въехали в бывший осадный лагерь, который теперь был превращен в обширный рынок. Они увидели тысячи человек, среди которых были мужчины, женщины и дети, согнанных за загородки, связанных за шею в длинные вереницы и сидевших на земле с отупевшими от горя лицами. На входе в каждое огороженное место аукционист принимал заявки.

Людей продавали не порознь, а целыми группами, от двадцати до пятидесяти человек.

Повсюду на земле огромными кучами лежала награбленная добыча, чтобы ее могли изучать покупатели. Она была небрежно рассортирована таким образом, что в одном месте были свалены прекрасные ткани, в другой произведения искусства, в третьей благовония, притирания, и так далее. Они проходили мимо целых полей, уставленных кувшинами с вином, мимо стад кабо и других домашних животных. На одной площадке рабы складывали в штабеля плиты красочного, прекрасно отшлифованного мрамора, содранного с дворцов или храмов. Были здесь и бочонки с красителями, и тюки шерсти и квильего пуха. Не было только самоцветов и драгоценных металлов. Их, как догадывался Анса, Гассем сохранил для себя.

Гулкий грохот привлек их внимание. Наверху городской стены рабочие орудовали молотками и шестами, чтобы обрушить кладку. Судя по груде обломков у ее основания, стену уже обрушили на несколько футов.

— Такое впечатление, словно король возщнамерился распродать и сравнять с землей целый город, — сказал Анса. — Но ведь ты говоришь, что шессинам нет дела до городов и их жителей... — Лерисса ничего не сказала, но на лице ее застыло хмурое выражение неодобрения. Ясно, что ей это не нравилось. Они въехали в город. В нем были огромные разрушения, но широкие дороги были расчищены от обломков и мусора, чтобы способствовать систематическому разграблению. Бесконечные вереницы пленных несли грузы из города по направлению к обширному рынку. Анса никогда раньше не слышал о том, чтобы огромный столичный город распродавался с аукциона по частям, но, казалось, что именно таково намерение Гассема.

Они увидели, что королевский шатер установлен на огромной центральной площади. Перед ним была возведена высокая платформа, наверху которой стоял просто одетый мужчина, наблюдавший за процессом разрушения города. На его лице было выражение безжалостной ярости. Единственным его знаком отличия было длинное шессинское копье, изготовленное полностью из стали. Анса понял, что это Гассем, и, к своему стыду, почувствовал трепет.

Когда король заметил небольшую процессию, прокладывающую себе путь к площади, яростное выражение исчезло и вместо него на лице появилась ослепительная белозубая улыбка. Он ринулся вниз по ступеням платформы, как мальчишка, стремящийся навстречу своей первой возлюбленной. Он подбежал к кабо, и Лерисса бросилась в его объятья. Он закружил его вокруг себя, потом поставил на землю. Они

страстно обнялись и принялись целоваться. Анса был удивлен таким прилюдным проявлением любви, но затем осознал, что эти двое нисколько не беспокоились о том, что подумают о них другие.

С первого взгляда, Гассем не казался слишком уж пугающим. Он выглядел так же, как другие шессины, которые все были похожи между собой, как братья. Пока королевская чета была поглощена друг другом, пленник изучал других воинов, которые слонялись вокруг без дела, не принимая участия в разрушении города.

Наиболее поразительнымиАнсе показались старшие шессинские воины. У них были длинные волосы, убранные в разнообразные прически, физическая грация и привлекательная внешность, которыми отличались и юные воины, но тела были в рубцах, а на лицах остались неизгладимые следы длительных и тяжелых военных походов, массовых убийств и жестокостей войны. Эти золотокожие люди могли внушить ужас кому угодно.

Других Анса узнал по описаниям, которые ему давал отец: это были уроженцы иных островов. Помимо них, он увидел невванцев и чиванцев, а также еще представителей добрых двух десятков племен и народностей, которых он никогда ранее не встречал.

Наконец, король разомкнул свои объятия.

— Малышка моя, королева, если бы я только мог выразить, как я скучал без тебя!

— А как я скучала без тебя, любовь моя! — выдохнула она. Затем серьезно спросила: — Что ты здесь задумал? Выглядит так, будто ты разрушаешь город и разгоняешь людей.

— Это именно это я и делаю. — Его лицо вновь омрачилось яростью. — Сама мысль об этом городе теперь оскорбляет меня. Жалкий Мана, которого я не удостаиваю именем короля, оскорбил меня так, как я никогда не был оскорблен. — Он приступил к рассказу о погребальном костре короля Мана.

— Так обмануть меня в моем простом возмездии непереносимо! — закипел Гассем от злости. — Поэтому я изглажу из памяти людей само название этого города, я сровняю его с землей, руины покрою плодородной почвой и засею травой. Получится превосходное пастбище.

Она успокаивающе похлопала его по груди.

— Но, любовь моя, теперь Соно — провинция твоей империи. Нужно иметь и столицу.

— Я найду другую. Укажи мне город на севере, и я устрою столицу провинции там. В любом случае, город на севере будет для нас удобнее.

— Да, это правда, — сказала она. Смысл этого обмена репликами ускользнул от Ансы.

Король посмотрел в сторону пленника, и его лицо сделалось озадаченным.

— Кто этот мальчик? — Лерисса кивнула своим охранникам, и двое из них сняли путы со щиколоток юноши и стащили его с седла. Взяв его под руки, они поставили его перед Гассемом и заставили опуститься на колени, а затем удержали в таком положении, возложив копья на плечи. Анса решил оставить всякую надежду на спасение. Это только еще больше усилит страх.

— Это мой подарок тебе, моя любовь. Совершенно неожиданный дар. Я могла бы обыскать весь мир, но не найти другого такого, и все-таки он сам пришел ко мне, как будто по велению судьбы, дабы смягчить твою праведную ярость, вызванную тем, что эта осада разочаровала тебя.

— Твои слова удивляют меня, — сказал король. — Что может подарить мне столь великую радость? Это сын Мана, о котором я ничего не слышал? Он не похож на соноанца.

— Значительно лучше. Это Анса, старший сын короля Гейла.

Анса ожидал смертельного удара, но он не последовал. Гассем издал звук, похожий на кашель, затем повторил его еще раз. Звук стал ритмическим, приобрел мощь и превратился в демонический хохот. Несмотря на копья, пленник поднял лицо, чтобы взглянуть вверх и встретиться взглядом с Гассемом. Анса ожидал увидеть глаза хищного зверя, наподобие длинношея, но ошибался. Это было похоже на созерцание неба в безлунную ночь, неба, каким-то образом лишенного звезд. Пропасть, которую он увидел там, была столь же черна, сколь и бездонна. Теперь Анса осознал, что Гассем был не просто безумцем. Он был чем-то большим, чем просто человек.

— Итак, это сын моего молочного брата Гейла? Приветствую тебя, мальчик.

— Приветствую и тебя, дядя, — ответил Анса. При этом Гассем вновь разразился хохотом.

— Как же мне убить тебя? Воистину, ты не должен умереть так же легко, как погибает множество других людей.

— Тогда тебе лучше посовещаться с твоей королевой, — предложил Анса. — Отец всегда говорил мне, что ты лишен воображения. — Он надеялся, что если достаточно спровоцирует этого человека, то Гассем может забыться и быстро нанести смертельный удар. Но король лишь расхохотался еще громче. Казалось, ничто не может омрачить его хорошего настроения по случаю возвращения жены.

— Пощади его ненадолго, любовь моя, — попросила Лерисса. — У меня есть определенные планы, и к тому же, он больше ценен для нас живым? Я прошу тебя, не убивай его слишком быстро.

Обнимая жену за плечи, король улыбнулся ей.

— Мог ли я хоть когда-нибудь отказать тебе в чем бы то ни было, моя маленькая королева? Ты права, каждая минута, пока я буду держать его здесь живым, станет минутой адских пыток для его отца. Если его убить, Гейл быстро переживет это. Нет, я буду наслаждаться как можно дольше...

— Я знала, что ты проявишь мудрость, — сказала Лерисса. — Нам нужно о многом поговорить, мой король.

— И многое сделать. Но прежде, моя королева, позволь мне отвести тебя на прогулку для осмотра моего самого последнего завоевания, пока от него еще хоть что-то осталось. — Он повернулся к кому-то, кто стоял позади Ансы. — Отведи его в наш шатер и охраняй, как зеницу ока. Его следует беречь от любой опасности, особенно от собственной руки.

За спиной Ансы кто-то пробормотал слова согласия, и его подняли на ноги. Королевская чета удалилась, поглощенная собственными заботами.

Пока его вели в шатер, к вящему своему удивлению, Анса понял, что на этот раз к нему приставлены не шессинские воины. Руки упирались во что-то мягкое, и, с удивлением взглянув направо, пленник обнаружил, что его вели две женщины самого устрашающего вида. Рубины, как кровавые слезы, свисали из проколотых сосков у одной из них, золотые кольца у другой. На кожу их была нанесена воинственная раскраска поверх старых и свежих шрамов, и от них исходил странный пряный запах.

Шатер был поделена на несколько помещений, воительницы отвели пленника в самое дальнее и усадили на груду ковров. Затем они сели напротив него и прислонили оружие к коленям. У одной было короткое копье, у второй — топор с тонким, гибким топорищем, похожим на прежний каменный топорик Ансы. Он отметил, что у обеих оружие изготовлено из стали. Если перед ним были элитные воины, то они были воистину самыми странными, каких только можно вообразить.

— Меня зовут Анса. Кто вы такие? Откуда вы? — Обе посмотрели на него с каменными лицами, затем взглянули друг на друга, и снова на него. — Король ведь не запрещал вам разговаривать со мной, правда? Какой в этом вред? — Какое-то время они свирепо смотрели на него, и Анса решил, что они его не понимают. Возможно, они были немыми?

— Ты враг короля, — сказала та, что с золотыми кольцами в ушах и сосках. — Почему мы должны разговаривать с тобой? — Она говорила на наречии южан с сильным акцентом, декоративная вставка в нижней губе делала ее произношение нечетким, но юноша все же мог ее понять.

— Так-то лучше. Вы должны разговаривать со мной, потому что вам иначе просто станет скучно. А теперь, как вас зовут?

— Меня — Гибкая Ветка, — сказала та, что с золотыми кольцами. Она кивнула в сторону своей подруги с рубинами. — А это Кровопийца.

— Необычные имена, — заключил Анса.

— У нас нет имен, пока мы не заслужим их в бою, — сказала она. — Мы элитная женская гвардия короля, мы родом из прибрежных земель к югу от Чивы, и с близлежащих островов, — Он уловил блеск металла во рту женщины и подивился этой очередной странности.

— А ты кто такой? — спросила та, что с рубинами. — Из какой земли ты родом?

— Я старший сын Гейла, короля равнин. Моя родина далеко к северо-востоку от этого места. Мы народ всадников и лучников. Мы странствуем по широким просторам лугов свободно, как ветер, и охотимся там, где нам вздумается. Мы страна равных и не признаем никого своим господином.

— Тогда почему же ты уехал оттуда? — спросила Гибкая Ветка.

Он издал короткий, но горький смешок.

— Мне уже не раз пришлось пожалеть об этом. Почему вы служите королю Гассему?

— Мы с детства воспитывались для служения королю Чивы, — сказала Кровопийца. — Но он был плохим королем. Наш король Гассем низверг его и сделал нас своими рабынями. Он забрал нас из сарая для пленников и сделал своими охранниками, и теперь мы ближе ему, чем его собственные шессины. Он сказал, что наше предназначение в том, чтобы сражаться с ним бок о бок и покорить весь мир.

— Он больше, чем король, — сказала Гибкая Ветка. — Он бог.

Анса знал, что они имели в виду. В их глазах зажегся фанатичный огонь, когда они заговорили о Гассеме. Что же он за человек, что сумел добиться такой любви и преданности этих женщин?

— И как вы служите ему? — спросил Анса. — Что вы делаете, чтобы заслужить такую благосклонность и уважение?

— Мы убиваем! — сказала Гибкая Ветка.

— Все воины должны убивать. Даже те чиванские солдаты, и те убивают ради него.

Кровопийца взволнованно фыркнула, и золотые серьги закачались, отбрасывая блики.

— Они думают, что это убийство! Стоять в шеренгах и тыкать копьями, как части какой-нибудь машины... Мы сражаемся с яростью и умением. Нас переполняет радость битвы.

— А после боя, — добавила Гибкая Ветка, мечтательно улыбаясь, — нам отдают пленников для допроса. Мы умеем развязывать им язык.

Анса вполне мог в это поверить. Воины, которые с детства готовятся к тому, чтобы переносить пытки, которым их подвергает враг, могут быть сломлены этими демоническими созданиями. Абсолютная необычность этих женщин может оказаться сокрушительной для мужчин, которые привыкли думать, что воинами могут быть лишь другие мужчины.

— И тогда, — сказала Кровопийца с тем же задумчиво-мечтательным выражением, — на пиршестве после боя...

— Молчи! — прошипела Гибкая Ветка, резко прерывая свои собственные мечты. — Это только для нас, женщин, и для нашего короля.

Анса задался вопросом, что же это за ужас, о котором даже они не хотели говорить при нем вслух. Эти мысли прервал молодой шессинский воин, который вошел в комнату. Он не обратил никакого внимания на Ансу. Гибкая Ветка встретились с ним взглядом, и в глазах ее блеснуло сладострастие. Не сказав ни единого слова, она гибко поднялась и вышли из комнаты.

Далеко они не ушли. Всего лишь через несколько минут звуки неистового совокупления донеслись через тонкие перегородки из ткани. Похоже, невольно подумал пленник, эти люди свирепы во всем, что они делают.

— Возможно, — сказала Кровопийца, — король передаст тебя нам. — Похоже, звуки из соседнего помещения оказали свое действие, потому что она как-то странно заерзала на ковре.

— Я бы не хотел тебя расстраивать, — отозвался Анса, — но король Гассем пожелал оставить меня в живых.

— Живой, — промурлыкала она, — это не то же самое, что целый и невредимый. — Она скользнула к нему ближе, так, что их колени соприкоснулись. — Дай-ка я взгляну, есть ли здесь что-нибудь, чего ты не хотел бы лишиться. — Она забралась к нему в штаны, затем вытащила наружу предмет своего интереса. — Ага, вот оно! — Воительница потянулась к пленнику с ножом в руке. Анса был рад, что его руки

были связаны впереди. Еще немного, и он свернет ей шею... Еще чуть ближе...

— Что здесь происходит? — вдруг раздался голос с порога. Анса никогда и подумать не мог, что будет так рад увидеть Гассема. — М дал приказ сторожить его, а не собирать с него трофеи.

Кровопийца покраснела, как маленькая девочка, пойманная на какой-то шалости.

— Я бы не сделала ему ничего плохого, мой король, — сказала она. — Гибкая Ветка получает удовольствие, и я подумала, что могу тоже немножко поразвлечься. Я бы не стала пускать кровь, я просто наслаждалась выражением его лица.

Король нахмурился.

— Если бы ты не была одной из моих любимиц, я бы наказал тебя.

Она распростерлась перед ним на ковре.

— Накажи меня, мой король. — Ее голос звучал так, как будто она жаждала кары. Анса с интересом заметил, что даже ее округлые ягодицы были изрезаны декоративными шрамами.

— Если бы я решился наказать тебя, как ты того заслуживаешь, то все мои палачи с плетьми выбились бы из сил.

— Я буду счастлива, если ты поручишь это мне, — заявила Лерисса, стоявшая за спиной у мужа. Анса заметил, как содрогнулась распростертая ниц женщина. Она действительно боялась королеву. Что могло внушить страх такому созданию?!

— Нет никакой необходимости, моя королева, — сказал Гассем. — Несомненно, сыну Гейла не повредит немного подрожать от ужаса, особенно после того, как ты так мягко обращалась с ним. Он может ошибочно принять нас за людей, которые искренне пекутся о его благополучии.

— Я бы никогда не сделал такой ошибки, — уверил его Анса. — Мой отец слишком много рассказывал мне о вас обоих.

— Говоришь, как истинный сын Гейла, — сказал Гассем. — Он был всегда таким исполнительным мальчиком, всегда стремился к похвале и одобрению старших. На самом деле, все презирали его! Он был бабой, а не воином, хотел даже стать Говорящим с Духами... — Он натужно засмеялся. — Каким образом этот тщедушный юнец, вообще, стал королем? Пусть даже над жалкой толпой выродков, как эти обитатели равнин?

— Ты не проявил особого рвения сражаться с нами, — поддразнил Анса. — Ты никогда не отваживался на открытый бой, даже когда в последний раз мой отец повел свою армию в Невву, чтобы выдворить тебя оттуда. Он вошел в город один, и победил тебя в рукопашном бою перед тем, как

ты нырнул в залив, чтобы спастись. — Анса слышал этот рассказ в течение стольких лет, что порядком устал от него, но сейчас он испытывал огромное удовлетворение, передавая это Гассему. У него никогда не было слишком близких отношений с отцом, но сейчас он гордился им. Анса лишь сожалел, что отец его никогда об этом не узнает.

— Разреши мне прирезать его, мой король! — прошипела Кровопийца. — Я съем его... — Гассем мягко поставил ступню босой ноги ей на затылок и прижал ее ртом к ковру, заставив замолчать.

— Уймись, маленькая долгошейка. Позволь мне самому решать такие вещи. — Король шагнул, встав перед Ансой, и присел на корточки так, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Юноша с удовлетворением услышал, как чуть слышно хрустнули при этом суставы короля. Он тоже старел. Серебряные нити виднелись в его блестящих волосах цвета бронзы.

— Ты не понимаешь, верно, мальчик? Ты еще слишком молод, чтобы понимать, что такое настоящая ненависть. И, безусловно, ты еще не способен чувствовать настоящий страх. Я научу тебя. У тебя была легкая жизнь. То, что лежит между мной и Гейлом, выходит за пределы твоего понимания, поэтому не бери на себя смелость говорить об этом. Я уже решил, где и как ты должен умереть. Это все — часть моего плана покорения мира, и никакие действия Гейла не заставят меня изменить мой замысел. Он хитростью не заставит меня необдуманно напасть на него.

Он вытянул руку и мягко ударил Ансу по лицу тыльной стороной ладони, как человек приручает ценное, но непокорное животное.

— Понимаешь, — продолжал он, — между нами накопилось так много ненависти, что даже прошедшие годы не оказывают на нее никакого воздействия. Я убью его с такой же огромной радостью и через много лет, считая от сего дня, с какой убил бы его, когда ему было семь. Ненависть, подобная этой, не может быть понятна для обычных людей, а ты ведь самый обычный, и даже еще не вполне мужчина. — Он продолжал похлопывать Ансу по лицу. — Ведь ты сын Гейла, и даже не можешь представить себе, какую радость испытываю я из-за того, что ты в моих руках. — Затем он поднялся и вышел, чтобы присоединиться к своей королеве.

Кровопийца прокралась обратно на свой пост, а Анса в отчаянии повернулся на бок и попытался заснуть. Он знал, что впереди его ждет ужасающее испытание. Чуть позднее пришла Гибкая Ветка. Она была вся в поту и пахла

мускусом. Вопреки собственной воле, Анса почувствовал, как его плоть возбуждается, и его переполнили воспоминания о Фьяне. Он притворялся, что спит, пока женщины негромко разговаривали между собой. Наконец, он он, и в самом деле, заснул.

Он пробудился, услышав голоса. Они принадлежали Гассему и Лериссе. Те беседовали между собой небрежно, совершенно не заботясь о том, кто их может услышать. Чуть приоткрыв глаза, пленник взглянул на своих охранниц. Те по-прежнему сидели на месте, но их головы наклонились вперед, и дыхание их было таким, как бывает во сне. Однако Анса нисколько не сомневался, что они проснутся мгновенно, при любом движении с его стороны. Он прислушался к разговору в соседней комнате.

— Это все мечты, любовь моя, — сказал Гассем. — Я уже говорил тебе и раньше, что ты слишком много размышляешь по этому поводу.

— Это не мечты! — настаивала она. — Я думаю, эти каньонцы владеют секретом, и хочу вырвать его у них ценой любых усилий.

— Разве красота так много значит? — спросил король. — Разве власть не более прекрасна?

— Власть — это все, любовь моя, ты сам научил меня этому. Но утрата красоты — это только внешнее проявление внутреннего износа, который разрушает все внутри нас, включая нашу способность удерживать власть. Скажи мне правду: можешь ли ты бросать копье так же далеко сейчас, как когда тебе было двадцать лет? Можешь ли ты бежать целый день, не уставая, так, как ты мог это делать тогда?

— Почти так же, — сказал он тревожно.

— Но отныне твой бросок будет все короче год от года. И дышать при беге ты будешь все тяжелее. И очень скоро дело зайдет так далеко, что ты будешь стараться, чтобы не запыхаться при ходьбе. Где тогда будет уважение твоих воинов, когда их всепобеждающий бог-король станет таким же, как все старики?

— К тому времени, когда я достигну такого состояния, я уже стану бесспорным владыкой мира, и никто не осмелится проявить ко мне неуважение!

— Муж мой, — возразила она безжалостно. — Ты предполагал стать королем мира задолго *до* сего момента. Когда мы только начинали, то не имели ни малейшего представления о том, как обширен мир. Имеются земли и за пределами королевства Гейла, возможно, существует так же много или гораздо больше земель, чем те, которые нам уже извест-

ны. Сколько лет понадобится, чтобы все их завоевать? Эта мысль вызывает у меня на глазах слезы!

— После того, как я захвачу равнины и расправлюсь с Гейлом, — сказал король, — я могу пойти обратно в западном направлении через горы, и Омайя упадет мне в руки, как перезрелый плод. Затем я окружу Невву, и Невва также должна будет пасть. Этого мира с меня будет довольно.

— Моя любовь, — сказала она с упреком, — ты никогда не будешь доволен, равно как и я, и мы оба знаем это. До тех пор, пока дышит хоть один человек, который не признает тебя богом и королем... Если где-то далеко за пределами известных земель существуют иные страны, ты должен идти туда и покорить их.

Она продолжала настаивать. Теперь ее голос стал тише, интимней.

— Но все это не имеет для нас значения. Каньонцы владеют тайной. Какое нам дело, сколько времени потребуется на завоевания, если всю жизнь мы сможем оставаться молодыми?

— Ну, — сказал Гассем после паузы, — никакого вреда не будет, если попробовать это выяснить. В конце концов, наш северный поход захватит и область Каньона. Если ты права, то сам Каньон и можно пощадить.

Анса был потрясен. Разве Гассем не собирался напасть на Гран? Почему же они намерены идти в северном направлении, в пустыню?

— Есть одна женщина из Каньона, которая находится неподалеку и обучена их искусству, — сказала Лерисса. — Если она узнает, что ее любовник у нас в руках, возможно, она приедет сюда. Я выведаю все, что ей известно.

— Но она может и не приехать, — сказал Гассем. — Что для нее этот мальчишка? Любовник? Он не ее расы, а никто никогда на слышал, чтобы жители Каньона сходились с иноплеменниками.

— Я дам ей знать, что мы держим его здесь в заложниках, — сказала Лерисса. — И что я больна и щедро вознагражу ее, если она приедет и вылечит меня. Возможно, она прибудет сюда в надежде выкупить его у нас.

Гассем зевнул.

— Может быть. А если нет, то я захвачу в плен побольше каньонцев, когда мы пойдем в поход на север. Кратер, где находится стальная шахта, всего лишь в нескольких днях пути от Каньона.

Анса почувствовал, как кровь стынет у него в жилах.

 Они знали, где находится стальная шахта! Если они вы-

ступят в поход очень быстро, то никто не сможет им помешать. Он покрылся холодным потом при мысли о том, что в руках у Гассема окажутся почти все мировые запасы стали.

Что же делать?

Что же ему теперь делать?!

Когда Анса наконец он уснул, он погрузился в мир ночных кошмаров.

Глава девятнадцатая

Фьяна ждала с мрачным видом. Несколько часов назад она покинула королеву, которая совещалась со своими советниками. Король уже был на пути к выздоровлению. Он мог сидеть и разговаривать, хотя очень быстро уставал. Фьяна откинулась в кресле и вздохнула. Она стремилась вырваться из этого места. Королева говорила о щедром вознаграждении, но король не был столь же разумным, как его жена. Фьяна знала, что сразу же после того, как к нему вернутся силы, какую бы благодарность он ни испытывал, она растворится в чувстве унижения. Все было бы по-другому, если бы Фьяна имела возможность дать ему снадобье, которое мгновенно и без недомогания вылечило бы его. Лечение же оказалось долгим, напряженным и лишенным благородства. Она чувствовала сострадание к конюхам, которые были ее помощниками. Их вполне могу казнить за возложение нечестивых рук на священную королевскую особу.

После возвращения дипломатической миссии, ее сердце запрыгало от радости. Когда же она увидела, что среди них нет Ансы, то была ввергнута в отчаяние. Фьяна расспросила участников переговоров о нем, но прямых ответов не получила. Фьяна боялась худшего. Она бы уже отправилась на поиски, но она обещала королеве еще одну, последнюю услугу. Девушка открыла глаза, когда отворилась дверь.

— Леди Фьяна? — Это был лорд Флорис, который пришел из зала заседаний королевского совета.

— Хорошо, что ты пришел поговорить со мной, — сказала Фьяна. — Прошу садиться.

Флорис опустился на стул.

— Королева желает, чтобы я поговорил с тобой, итак, я готов, — сказал он высокомерно. — Прошу быть краткой. — Он вздрогнул как от внезапной боли, и его лицо стало озадаченным.

— С тобой все в порядке? — спросила она. — Пожалуйста, выпей немного вина.

— Ничего, — сказал он. Тем не менее, он наполнил бокал. Она наблюдала, как он пьет. — Итак, в чем дело?

— Я хочу знать об Ансе. Расскажи мне, что с ним случилось.

— Мальчик покинул миссию, — сказал он, выходя из терпения. Он опять вздрогнул, и его рука повисла на боку. — Ему заблагорассудилось поехать понаблюдать за осадой, я полагаю. Он уехал с этой ужасной женщиной. — Его лицо побледнело и на лбу выступили испарина.

— Скажи мне, что случилось с Ансой, — велела она.

— Я только... ну вот, он исчез в один прекрасный день. Он поехал на охоту с королевой. Она... она... я... что ты со мной сделала? — Он пристально посмотрел на чашу с вином. — Ты отравила меня?

— Зелье истины не действует так быстро, — сказала она ему. — Я дала его королеве, и она уже подсыпала его тебе в зале заседаний совета, час назад. А теперь, расскажи мне, что же случилось с Ансой?

Он ухватился руками за край стола, стараясь сопротивляться, но все же заговорил.

— Она обманом заманила его на прогулку, туда где не имеет силы охранное свидетельство королевы. Там она захватила его в плен. Она знает, кто он такой, и отвезла его к Гассему.

— И ты мог предупредить его, но не сделал этого?

— Именно так. Что мне какой-то мальчишка?

— Действительно, что? Это ты послал наемных убийц, чтобы убить его здесь, в городе?

— Я.

— И сделал бы то же самое и со мной, если бы не охранники-бамены, а также те меры предосторожности, которые я принимала за едой. Я не могла не заметить яды, которые появлялись там почти ежедневно.

Советник с ненавистью смотрел на нее, но сейчас он был почти парализован.

— Чего ты хочешь, ведьма?

— Я хочу получить ответ еще на пару вопросов. Ты вел предательские переговоры с королевой Лериссой?

— Мы пришли к взаимопониманию. Я не рассматриваю как предательство то, что гарантирует принадлежащее мне по праву.

— Подробности ты можешь обсудить со своими сюзеренами. Что касается остального... Это ты отравил короля?

— Да. Трон... — Он остановился, когда открылась дверь.

— Достаточно, — сказала королева Масила. — Я продолжу допрос сама.

Фьяна поднялась с места.

— Он будет способен отвечать на вопросы еще часа два или около того. Затем, если ему не ввести противоядие, он умрет от паралича легких. — Она передала королеве небольшой пузырек. — Это противоядие. На вашем месте, я бы не стала этого делать, но выбор за вами.

— У меня нет слов выразить мою благодарность, — воскликнула Масила.

— Не тревожьтесь об этом. Вы достаточно щедро вознаградили меня. Сейчас мне нужен мой кабо и охранное свидетельство до границы. Я собираюсь отыскать и вернуть Ансу. — Она покосилась на беспомощного Флориса. — Ему в одиночку, наверное, не справиться. Вам не пойдет на пользу, если я попаду в беду в пределах ваших границ. Король Гейл узнает об этом, и он приедет разузнать, что случилось с его сыном на острове Печали, и почему не допустили, чтобы я поехала за ним.

Королева покраснела, но постаралась говорить спокойно:

— У тебя будет эскорт баменов до самого острова Печали, А теперь, ступай с моим благословением, пока твое высокомерие не заставило меня передумать.

Не кланяясь, Фьяна вышла из комнаты. Королева повернулась обратно к лорду Флорису, и глаза старика переполнились страхом.

* * *

Была ночь, когда Фьяна подъехала к столице Соно. Огни горели повсюду, и на равнине, и в пределах городской черты, хотя последние оказались праздничными кострами, а не огнями пожарищ. От беженцев девушка узнала о падении города, о штурме крепостных стен, о том, как непривычно мягко обошелся король Гассем со сдавшимися в плен солдатами, хотя все мирное население было обращено в рабство, а сама столица полностью разрушена. Фьяна почувствовала, что за этим стоит нечто большее, чем просто умопомешательство, хотя пока и не могла понять, в чем дело.

Вид, который открылся перед ней, заставил сжаться ее сердце. Любовь и отчаяние загнали девушку в эту даль, но что же она могла сделать теперь? Там, впереди, было царство жестокости и разнузданного насилия, царство войны во всем ее мрачном торжестве. Какой шанс имела одинокая женщина добиться своей цели? Да и проживет ли она достаточно долго, чтобы найти Ансу?

Фьяна закрыла глаза и глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. Ее страхи, хотя и вполне обоснован-

ные, сейчас не принесут ей ничего хорошего. Если Анса еще жив, то Гассем с Лериссой наверняка держат пленника при себе. Значит, ей нужно отыскать королевскую чету, и там обнаружится и Анса. Девушка открыла глаза. Не было смысла напрасно терять здесь время. Она слегка подтолкнула пятками своего кабо, и он затрусил по направлению к горящим кострам.

Оклик с одного из внешних дозоров остановил ее, когда она приближалась к городу, и к Фьяне направился солдат с факелом в руках. Это был человек невысокого роста в белом килте и кирасе со вставками из кости. Его шлем из вываренной кожи топорщился странными шипами.

— Кто ты такая? — спросил солдат.

— Госпожа Фьяна, уроженка Каньона. Я приехала встретиться с вашей королевой. — Она решила, что должна держаться как можно более самоуверенно.

Мужчина глазел на нее в изумлении.

— С королевой? Подожди здесь. — Он пошел назад к своему посту, а девушка замерла в напряженном ожидании. Отовсюду неслись тревожащие звуки: рыдания, стоны и редкие крики. После ожидания, которое ей показалось бесконечным, охранник вернулся с человеком, на котором был бронзовый шлем и более дорогие доспехи.

— Что тебе здесь нужно? — спросил ее офицер.

— Я прибыла, чтобы встретиться с королевой Лериссой. Тебе не нужно знать ничего более. — У этого мужчины был вид профессионального наемника, и Фьяна надеялась, что ее высокомерия окажется вполне достаточно, чтобы внушить ему благоговейный страх. Заносчивый аристократ не купился бы на это.

— Этот лагерь по ночам может быть небезопасен, госпожа, — промолвил тот с опасливым почтением. — Иные солдаты чересчур увлеклись, торжествуя победу, и старшим по званию не всегда удается держать их в руках. Лучше всего тебе расположиться здесь до утра. Днем они будут поспокойнее...

— И все же я должна отправиться к королеве немедленно, — возразила Фьяна, которая, на самом деле, опасалась, что у нее нервы не выдержат столь долгого ожидания. «Чересчур увлеклись!..» — повторила она про себя. Какое мягкое определение для того, что здесь, вероятно, происходит... — Вы, капитан, должны предоставить мне эскорт. Я уверена, что никто не позволит себе *увлечься* у королевской резиденции.

— Хорошо, — кивнул тот, — я сейчас выясню, кого смогу отправить с вами. — Хотя в голосе офицера сквозило вполне понятное раздражение человека, от которого тре-

буют действий, выходящих за рамки его прямых обязанностей, но он даже не усомнился в праве Фьяны требовать для себя таких привилегий. Фьяна была поражена. Возможно, одного лишь упоминания имени королевы хватало, чтобы лишить разума этих людей.

Через несколько минут она уже вела своего кабо через ночной лагерь. Повсюду ей встречались огороженные загоны для рабов, откуда и доносились все эти пугающие стоны и крики. Пьяные солдаты бродили между загородками. Если Фьяна оказывалась слишком близко, четверо ее охранников с угрюмым видом просили ее двигаться дальше. Им явно не пришлось по вкусу то, что по вине ночной гостьи они пропустят праздник.

Они не были единственными, кто пропустил торжества. По мере того, как они подъезжали ближе к крепостным стенам, они видели других караульных, стоящих на постах вокруг сваленной горами военной добычи. Фьяна слышала рев домашнего скота и ощущала резкий запах крови. Сражение было давно завершено. Ей хотелось верить, что запах исходит от животных, которых забивают для того, чтобы накормить войско.

Они прошли мимо стен, которые теперь представляют собой не более чем груды булыжника. Весь город также лежал в руинах. Призрачные фигуры сновали между зданий по темным улицам. Были ли это солдаты, или мародеры, которые тайком пробирались в подвалы разрушенного города? Но кем бы они ни были и чем бы ни занимались, они делали это тихо. В противоположность равнине за пределами городской черты, сама столица была погружена в безмолвие. Единственным светом здесь были факелы в руках солдат, сопровождавших Фьяну.

Наконец они достигли огромной площади. По краям ее горели праздничные костры, а посередине пленники усердно трудились при свете факелов, разрушая огромное здание. Очевидно, король считал это достаточно важным, чтобы не прекращать работы даже ночью. Девушку направили к большим шатрам, на другом краю площади. Ее спутники остановились перед одним из них, и рослый шессин, показавшийся оттуда, небрежным взмахом руки отпустил солдат.

— Кто ты такая? — спросил он Фьяну. Это был первый шессин, которого она увидела так близко. В красноватом свете костра он казался похожим на бронзовое изваяние; длинные волосы свободно падали на плечи.

— Я — госпожа Фьяна, уроженка Каньона. Я приеха-

 ла, чтобы встретиться с королевой Лериссой.

Он скептически смерил ее взглядом.

— Могу точно сказать, что в этот час она не имеет желания видеть тебя. Подожди здесь, у одного из костров. Ночью город — плохое место, но здесь ты будешь в безопасности. Скоро взойдет солнце.

— Благодарю тебя. Есть ли здесь место, где я могла бы напоить своего кабо? — Она похлопала скакуна по шее, и тот негромко заржал от удовольствия.

— Вон там есть источник. — И, ткнув рукой куда-то в сторону, воин удалился, не сказав больше ни единого слова.

Фьяна повела кабо к источнику, заметив при этом, что стоявший поблизости шессин не обратил на нее ни малейшего внимания. Похоже, для островитян не представляли интереса все те, кого они относили к низшим народностям, — и сейчас Фьяна была им за это искренне благодарна. Она понимала, что при таком тусклом освещении они не могли судить о цвете ее кожи и глаз. Несомненно, днем они вели бы себя с ней совсем иначе...

Девушка напоила животное и привязала его к ближайшему столбу, а сама помылась, насколько это было возможно, не снимая одежды. Ей хотелось выглядеть как можно достойнее, когда поутру она встретится лицом к лицу с Гассемом и Лериссой. Покончив с этим, Фьяна присела на край фонтана и стала обдумывать свой следующий шаг. Где находится Анса? Скорее всего, где-то здесь, среди королевских шатров, возможно даже, в собственном шатре Гассема. Но тот был окружен бдительными воинами, поэтому у Фьяны не было никакого шанса попасть туда. Впрочем, Ансу могли запереть и в каком-нибудь подвале в городе. Если так, то она и подавно не сумеет отыскать его.

Она отвела своего кабо к одному из небольших костров и расседлала его. Повсюду виднелись очертания спящих фигур, а несколько бодрствующих воинов, сидящих у огня, взглянули на нее без всякого интереса. На лицах их лежала печать усталости, и Фьяна поняла, что ей нечего их бояться. Они не были шессинами, но относились к какой-то расе, которую она не могла распознать. Какой бы жестокостью они ни обладали, она была удовлетворена в боях, массовых убийствах и грабежом предшествующих дней.

Она расстелила одеяло прямо на мостовой и легла, положив под голову седло вместо подушки. В этом месте царила странная тишина. Она слышала шепот разговора, потрескивание пламени и, время от времени, грохот падения очередной каменной плиты, сброшенной с большого здания. И это было все...

Фьяна начала настраиваться на предстоящее испытание. Гассем и Лерисса были непохожи на остальных людей, поэтому она заставила себя отбросить любые предубеждения. Она примет то, что увидит и услышит, и будет действовать только на основании своих непосредственных выводов. Но прежде всего она должна настроиться на то, чего они хотят от нее. Она хочет получить свободу для Ансы, и ей нечего дать взамен, кроме своих слабых способностей, — но есть шанс внушить им, будто она способна на гораздо нечто большее. Фьяна постаралась как можно больше почерпнуть из запасов своих познаний и умений, призвать на помощь все уроки прошлого в их полноте, чтобы ответить на вызов. Ей потребуется весь ее талант понимать людей, видеть, что с ними неладно и что они желают обрести. Помимо дара определять болезни, девушка не владела никакими иными способностями, и тем более колдовством. Но народ Каньона имел определенную репутацию, и эта вера могла стать ее оружием... Через некоторое время Фьяна заснула.

Шум пробуждающегося лагеря разбудил ее в жемчужно-белом свете самого раннего рассвета. В воздухе появились запахи приготавливаемой пищи, и Фьяна села, протирая глаза. При свете дня она смогла оценить масштабы разрушений, окружавших ее. От зданий вокруг остались лишь груды камня, и похоже, они были разрушены отнюдь не в ходе штурма столицы. Стало быть, это правда, что безумный король целенаправленно уничтожал город, попавший к нему в руки!..

Фьяна поднялась и пошла к источнику. Сейчас там было много людей, — и воинов, и рабов, — и когда она умывалась, то ловила на себе куда больше любопытных взглядов, нежели накануне ночью. Разумеется, при солнечном свете ее голубая кожа и черты лица, свойственные обитателям Каьона, куда больше бросались в глаза, чем в темноте.

Сочтя, что вполне привела себя в порядок, насколько позволяли обстоятельства, девушка вернулась к месту своего ночлега и принялась свертывать одеяло. Она подумывала о том, чтобы оседлать своего кабо на случай, если придется спасаться бегством, но решила пока не делать этого. Это будет выглядеть подозрительно, и к тому же она решила, что либо спасет Ансу, либо погибнет здесь вместе с ним. Так что Фьяна лишь взяла небольшую подстилку из своих пожитков и отнесла его к королевскому шатру. В дюжине шагов от входа, прямо перед кольцом охранников, она расстелила покрывало, — плотное, красочное и щедро украшенное вышивкой. Обратившись лицом к шатру, девушка уселась, скрестив ноги, и расправила одежду вокруг себя, чтобы придать себе как

можно более внушительный облик. Затем она опустила руки на колени и стала ждать.

Рабы гуськом потянулись в шатер. Некоторые несли тазы с водой, кувшины и полотенца. Другие волокли подносы с едой. Начинался привычный утренний ритуал. Фьяна, стараясь по возможности незаметно глазеть по сторонам, искала любые факты, которые могли бы оказать ей помощь. Ближе к краю площади, у разрушенных домов, она увидела ряд привязанных кабо, которые, вероятно, принадлежали королеве и ее свите. Одно животное особенно привлекло ее внимание, благодаря рогам, выкрашенным в знакомый цвет. Этот скакун принадлежал Ансе! Внутренне она затрепетала от первого свидетельства его присутствия.

У входа в шатер, под навесом, еще что-то привлекло ее внимание. Это была куча каких-то пожитков, среди которых девушка заметила торчащий край круто изогнутого лука. Это было оружие всадников с равнин... лук Ансы! Рядом валялись также его колчан со стрелами и длинный меч. Ее возлюбленный был здесь... Возможно даже, что он еще жив.

Из шатра появилась женщина с недовольно-озадаченным выражением лица. Очевидно, что кто-то сказал ей, что у нее гостья. Фьяна напряглась, силясь как можно быстрее и лучше понять ту, с кем ей предстояло имет дело... такого напряжения всех сил она не испытывала еще никогда в жизни. Ведь у нее были лишь считанные секунды на то, для чего Фьяна предпочла бы иметь в своем распоряжении дни или даже недели. Она должна понять, как ей вести себя с этой женщиной!..

Помимо внешности королевы, девушка также внимательно рассматривала и ее одежду и украшения: часто это был отличный ключ к пониманию человека. Королева Лерисса, в отличие от знатных дам в других землях, не придавала нарядам особого значения. Фактически, она была едва ли одета вообще, за исключением набедренной повязки из яркой ткани и нескольких украшений, и вовсе не потому, что она была примитивной дикаркой. Женщина просто не считала ни один наряд достойным своего сана. Одновременно с этим она была одержима собственной красотой. И Фьяна должна была признать, что красотой эта королева была наделена сверх всякой меры. Даже сейчас, с ошеломленным выражением лица, она была самым ослепительным созданием, которое когда-либо доводилось созерцать девушке. Но та заставила себя смотреть за пределы этой красоты.

Призвав на помощь все свои знания и мастерство, она мгновенно оценила увиденное куда лучше, чем любой мужчина. Она заметила трудноуловимые признаки возра-

ста. Морщины на таком расстоянии было трудно заметить, но Фьяна знала, где обнаружит их. Цвет кожи Лериссы, ее поза и движения, слегка потускневший блеск волос, — все это складывалось в единую картину. Физически королева представляла собой превосходно ухоженное создание, однако уже миновавшее точку наивысшего расцвета. Отныне должно было начаться длительное, медленное, неизбежное увядание.

Все это Фьяна увидела еще до того, как Лерисса сделала свой первый шаг по направлению к ней. Теперь настало время приложить все эти наблюдения к внутренней сущности женщины. Фьяну на миг отвлек взгляд королевы, полный безграничного изумления, и она не могла даже представить себе, что это предвещает... но сейчас девушка не хотела думать об этом. Несомненно, первые же слова королевы дадут ей ответ.

Лерисса была самовлюбленной особой, и кроме того, славилась своей преданностью супругу. Если уж она беспокоилась о собственном увядании, то возможно, о его угасании она тревожилась вдвойне. Их безрассудное стремление завладеть всем миром требовало времени. Королева должна считать время своим главным врагом — время и возраст. Здесь что-то должно быть... что-то такое, что она смогла использовать с выгодой для себя. И еще — этот взгляд Лериссы, полный тревоги и почти благоговейного трепета...

Грациозным движением Фьяна поднялась на ноги из сидячего положения, как ее учили в детстве, не используя руки и не наклоняясь неловко вперед. Она поднялась с прямой спиной, пользуясь только мышцами бедер. В своих просторных одеяниях, должно было казаться, что девушка почти взлетела. Она заметила, что королева пристально изучает ее, и, похоже, это простое движение почему-то произвело на женщину особое впечатление. Фьяна поклонилась.

— Королева Лерисса, я — Фьяна из Каньона.

— Как тебе удалось явиться сюда так быстро? Я отправила гонца всего два дня назад!

Разум Фьяны заработал очень быстро. Королева, должно быть, имела в виду, что послала кого-то за ней, Фьяной. Теперь она приписывает это внезапное появление какой-то сверхъестественной способности предвидения со стороны каньонцев. Это было полезно. Но зачем Лерисса захотела призвать ее? Ясно, что она ничем не больна. Возможно, хворает король?

— Мне не нужны посыльные, чтобы вызвать меня туда, где я желаю оказаться, — заявила Фьяна с показной надменностью. — Мы должны обсудить условия...

— Условия?.. — повторила Лерисса, явно растеряв-

шись. По удивленным выражениям на лицах всех, кто стоял вокруг, было ясно, что с королевой подобное случилось впервые.— Да, конечно. Нам нужно поговорить.

— Что происходит? — Это был голос мужчины, глубокий и низкий. Фьяна увидела, как из шатра выходит высокий шессин с длинным копьем, изготовленным полностью из стали. Следовательно, это и был Гассем. Столь же великолепный в своем роде, как и его королева. Ничего удивительного в том, что эти двое не считали себя равными прочим людям.

— Это госпожа Фьяна из Каньона, — сказала Лерисса, не в силах скрыть изумления. — Я посылала за ней.

— Да, верно. — Король вышел вперед и встал рядом с супругой, небрежно обнимая ее за плечи. Теперь девушка ясно видела, что король не был ни болен, ни ранен, и не страдал, по крайней мере, телесно. В его голубых глазах сквозила великая сила, но мало человечности. Фьяна поняла, что если хочет попытаться здесь чего-то добиться, то действовать ей придется через королеву.

— Она оказалась весьма расторопной, — добавил король.

— У меня есть возможности знать, когда я нужна. — Королева выглядела абсолютно убежденной. Король смотрел скептически. Он также казался недовольным, но Фьяна знала, что люди часто разыгрывают злость, чтобы скрыть смущение. Воины, слонявшиеся поодаль, заметно расслабились. Что бы там ни нашло вдруг на Лериссу, но эта странная особа явно не внушила особого трепета их королю.

— Пойдем внутрь, мы поговорим там, — сказала Лерисса. — И добро пожаловать к нам, госпожа Фьяна.

— Меня ждут дела, — заметил король. — Развлекай нашу гостью, а я присоединюсь к вам позднее. — Он смерил Лериссу недоуменным взглядом, словно тоже был озадачен ее странным поведением.

— Пойдем со мной, — сказала Лерисса, беря Фьяну за руку. Оказавшись внутри шатра, они сели на подушки, и все это время королева продолжала держать руку Фьяны. Та заметила, что Лерисса исподтишка рассматривала тыльную сторону ее ладони, словно пытаясь увидеть там что-то важное для себя.

— Когда ты прибыла? — спросила Лерисса.

— Прошлой ночью, после наступления темноты.

— И никто не пришел сказать мне об этом? — она посмотрела по сторонам так свирепо, будто ища виновного, кого могла бы покарать за этот проступок.

— Здесь никто не знает меня, и они не настолько глупы, чтобы будить тебя, — отозвалась Фьяна. — Ты же не могла предупредить стражу, что ожидаешь меня так скоро.

— Да, но, безусловно, ты достаточно приметна...

— Цвет кожи трудно определить в темноте, — примиряюще заметила Фьяна.

Лерисса протянула руку и погладила ее по лицу.

— Это правда. Действительно голубая... — прошептала она. Затем, сделав над собой заметное усилие, проговорила уже спокойно: — Да. Итак, теперь ты здесь. Как ты узнала, что я жду тебя, не могу даже представить. Но вы, каньонцы, известны своим колдовским могуществом. Именно по поводу этого колдовства я и желала обратиться к тебя. Мне говорили, что ты можешь — как это сказать? — судить о здоровье с помощью прикосновения. Это правда?

— Все верно. Да, я владею таким искусством. Ты хочешь, чтобы я оценила состояние твоего здоровья?

— Прошу тебя.

Фьяна протянула руки и возложила кончики пальцев на лоб Лериссы. Королева напряглась и закрыла глаза, как бы в ожидании боли или любого другого неприятного ощущения.

— Просто расслабься. Старайся не думать ни о чем. — Фьяне потребовалось всего лишь несколько секунд. Она убрала руку. — Я редко встречала столь же крепкую и здоровую женщину, как ты... конечно, в этом возрасте. — Она уловила, как чуть заметно дрогнули веки Лериссы в паутинке наметившихся морщинок.

— И это еще одна вещь, о которой мы должны поговорить, — сказала королева. — Каков твой настоящий возраст?

Мысли Фьяны закружились стремительным водоворотом. Не просто возраст, а *настоящий* возраст? Следовательно, королева полагала, что здесь кроется какой-то подвох.

— Мы не считаем годы в Каньоне.

Глаза Лериссы сузились. Похоже, она вполне овладела собой.

Она думает, что я ухожу от прямого ответа...

— Охотно вею в это. Должно быть, время не имеет для вас большого значения.

Фьяна вспомнила, как Лерисса держала ее за руку, рассматривая тыльную сторону ладони. Простейший способ судить о возрасте женщины, которая молодо выглядит во всех остальных отношениях. *Она думает, что на самом деле я куда старше! Она думает, что в этом мой секрет!..* Фьяна медленно вздохнула и опустила взор, чтобы скрыть свое торжество. Теперь она знала, что делать. Королева сама жаждала обмануться...

— Ты, должно быть, утомилась после долгого пути. Разреши мне предложить тебе что-нибудь. — Лерисса хлоп-

нула в ладоши, и рабы поспешили, чтобы исполнить ее приказания. Вскоре их уже окружали подносы с лакомствами, каким-то образом спасенными из разрушенного города. Лерисса соблюдала правила гостеприимства и не обращалась к Фьяне с расспросами, пока та не спеша насыщалась. Та была благодарна за предоставленную возможность обдумать свою дальнейшую стратегию.

— Тебе кое-что нужно от меня, — сказала Фьяна, — а мне — от тебя.

— Чего ты хочешь? Только скажи, и это будет твое.

— Сначала давай обсудим твои нужды. — Королева сидела рядом с Фьяной, и та смогла, протяну руку, погладить щеку с почти невидимым нежным пушком, потрогать ее за плечо. — Ты самая прекрасная женщина, которую мне когда-либо доводилось видеть, но мы обе знаем, что красота увядает.

— Дело не только в красоте, — возразила Лерисса, — и даже не в здоровье. *Это сама жизнь.* Ее всегда не хватает. Наш великий труд хорошо начинался, но мой муж и я уже ощущаем дыхание времени. Когда-то вся жизнь простиралась перед нами, и казалось, что впереди вечность, чтобы осуществить наше предназначение. Сейчас я не так уверена в этом. — Она говорила торопливо, как будто опасаясь, что Гассем может вернуться до того, как она закончит. Как будто это были те слова, которые он может не одобрить.

— И когда вы утратите молодость и силу, — продолжила Фьяна, уверенная теперь, что знает потаенные мысли этой женщины, — ты боишься, что вы можете лишиться и преданности ваших подданных. Они служат вам так фанатично, даже те из них, кто прежде были врагами, потому что видят перед собой живых бога и богиню.

— Да, — прошептала Лерисса.

— Предположим, я бы сказала тебе, что твое желание неосуществимо, что все дело в происхождении, в том, чем мы, жители Каньона, не можем поделиться с чужеземцами?

Королева подняла глаза, кровь прилила к ее лицу.

— Я бы тебе не поверила. Вы, каньонцы, славитесь своим знанием лекарственных средств и способностями целителей. И вы являетесь единственным народом, который способен бороться с последствиями возраста. Именно ваши познания в медицине делают это возможным, а отнюдь не происхождение!

Ей не следует противоречить. Она *нуждается* в том, чтобы верить...

— Очень хорошо, — отозвалась Фьяна таким тоном, словно ее вынудили признать правду. — Что, если бы я

сказала тебе, что это нелегкое дело, что лечение будет длительным и напряженным?

— Я могу перенести все, что угодно! — настаивала Лерисса. — Равно как и мой муж. Здесь ты имеешь дело не с развращенными, воспитанными во дворце аристократами. Жители материка называют нас варварами, и мы именно таковы. У нас есть сила и выносливость, чтобы доказать это.

— Я сказала тебе, что я тоже хочу от тебя что-то получить.

— Назови это! — сказала Лерисса.

— Я хочу Ансу. Отдай его мне.

Страдание промелькнуло на прекрасном лице Лериссы, и Фьяна невольно подумала, что это должно быть непривычным ощущением для женщины, которая привыкла все делать по-своему.

— Увы, но это невозможно. Он слишком много значит для нас. Попроси у меня чего-нибудь еще. — Она говорила так, словно успокаивала капризного ребенка.

— Анса. Ничего больше я не хочу от тебя. Где он?

— Что-нибудь другое, — снова сказала Лерисса.

— Тогда нам больше нечего обсуждать, — Фьяна встала, задаваясь вопросом, будет ли она жива через несколько секунд.

— Сядь, — велела королева, поморщившись, словно эта уступка причиняла ей острую боль. Она хлопнула в ладоши и крикнула куда-то вглубь шатра: — Приведите пленника!

Вошли две женщины, которые волокли Ансу за собой. Фьяна почувствовала такое глубокое облегчение от того, что он оказался жив, что даже не уделила внимания необычной внешности стражниц. В этом лагере было полно странностей...

Какие бы пытки ему ни довелось испытать, необязательно телесные, внешне юноша выглядел вполне крепким, только исхудавшим и бледным.

Он сумел улыбнуться.

— Я ждал тебя еще вчера.

Лерисса переводила взгляд с одного на другого, силясь понять, что он подразумевал под этими словами. Что же касается Фьяны, то она едва не запела от радости. И была готова отшлепать этого самонадеянного юнца, за то что он угодил в такую западню.

— Я приехала за тобой.

Он взглянул на Лериссу.

— Ты готова уступить такую ценную добычу?

— Это еще предстоит решить, — сказала Лерисса. — Я пока не уверена.

— Зато я уверен, что нет. — Это был Гассем. Он сто-

ял на входе в шатер, с негодующим лицом. — Сын Гейла принадлежит мне, и у меня он останется!

— Нам не нужен этот мальчишка, — возразила Лерисса. — Скоро ты убьешь Гейла и захватишь его королевство, к своему удовольствию.

— А сейчас мое удовольствие заключается в том, чтобы держать при себе его сына, и другой радости мне не надо.

— Зато кое-что другое нужно мне, — с сердитым видом воскликнула Лерисса. Гассем выглядел потрясенным. Фьяна решила, что впервые в жизни королева открыто не повиновалась ему.

— Неужели ты думаешь, что я обменял бы этого юнца на возможность восстановить нам нашу молодость? — Он снисходительно улыбнулся ей. — Ты знаешь, я бы никогда не отказал тебе в этом. Но эта женщина лжет. Ты позволяешь надежде затмить твое здравомыслие. Подумай сама: если жители Каньона на самом деле могут делать людей молодыми, почему же они не богатейшие люди в мире? Разве какой-нибудь старый король не отдал бы половину своих сокровищ за такую услугу? И все же ее народ живет посреди пустыни, в убогих хижинах.

— Мы не ценим земное богатство, — промолвила Фьяна.

— Зачем богатство людям, которые могут жить вечно? — подтвердила Лерисса.

Сначала продленная молодость, подумала Фьяна, а теперь уже бессмертие. Что еще придумает королева? Но, по крайней мере, Лерисса сыграла свою роль.

— Все это сказки и шарлатанство, — настаивал Гассем. — Что мы знаем о Каньоне, кроме баек, которые рассказывают путешественники, и лжи этой женщины?

— А если я смогу это доказать? — спросила Фьяна.

На какой-то момент Гассем был поставлен в затруднительное положение.

— Как ты сделаешь это?

— Я должна буду покинуть вас на какое-то время. Я должна кое-что отыскать за городом. Мне потребуется в помощь слуга, который может ездить верхом.

— У тебя их будет столько, сколько ты пожелаешь, — пообещала Лерисса. — И тебе нужен вооруженный эскорт. По стране еще продолжаются беспорядки. — Она посмотрела на своего мужа, готовая бросить ему вызов, если он попробует запретить ей это.

Гассем пожал плечами.

— Почему бы и нет? Скоро этой нелепости будет положен конец. А ты, женщина, — он перевел сумрачный

взгляд на Фьяну, — если в конце концов ты разочаруешь мою королеву, ты умрешь.

Она заставила себя не проявить страха.

— Никто из нас не будет разочарован. — Она поднялась с места. — Я вернусь, возможно, ближе к вечеру. — Анса уставился на нее, словно лишившись дара речи. По крайней мере, он держал свой рот на замке...

Королева вышла из шатра вместе с ней. Она отдала краткие команды, и слуги и воины стремительно бросились выполнять ее приказания. Пока шли приготовления, она спокойно обратилась к Фьяне, как если бы обе они были заодно.

— Не волнуйся. Я усмирю враждебность короля. Просто сделай все, что обещала. Если ты исполнишь мою волю, я возвышу тебя над всеми прочими, кроме моего мужа и меня самой. Я отдам тебе Ансу. Он ничто для меня, равно как и сам Гейл, в этом случае. Но только я могу управлять Гассемом. Помни это.

Прибыл ее эскорт — четыре молодых шессина на смирных кабо, а за ними — невысокий смуглый человек, чье тупое, безмятежное выражение лица выдавало в нем раба, а кривые ноги — наездника, проведшего всю жизнь в седле.

— Этот раб был одним из конюхов при прежнем короле, — сказала Лерисса. — Он окажет тебе любую помощь, которая потребуется.

— Превосходно. Воины могут оставаться поблизости и следить за мной, но этот раб должен все время находиться при мне. Он должен делать все, что я скажу ему, выполняя в точности все мои приказы. Нужно заставить его понять это.

Королева повернулась к рабу.

— Если ты посмеешь отклониться от указаний госпожи Фьяны хоть на йоту, твоя смерть будет не из легких. — Раб согнулся в поклоне.

Как и у ее мужа, подумалось Фьяне, у Лерисса есть один-единственный ответ на все вопросы.

— Я буду ждать твоего возвращения, — сказала королева.

Фьяна отрицательно покачала головой.

— В этом нет необходимости. После того, как я вернусь, мне все равно потребуется еще несколько часов для подготовки. Я смогу начать лишь поздно ночью.

— Как скажешь. Сообщи мне, когда будешь готова. — Королева вернулась в шатер.

Фьяна подошла к своему кабо, и раб помог ей оседлать его. Она с удовольствием отметила, что скакуну успели задать корм. Очевидно, пленники получили приказ кормить всех животных на площади. Фьяна села в седло и в со-

провождении своего эскорта двинулась к ближайшим городским воротам.

До сих пор все шло хорошо, лучше, чем она могла надеяться. Она не предвидела трудностей и в течение следующих нескольких часов. Только заключительный этап ее плана вполне мог оказаться роковым, но лучшего замысла у нее все равно не было, поэтому она решила не тревожиться об этом. Она должна добиться цели или умереть... и Фьяна знала, как сделать так, чтобы ее смерть была быстрой.

Отъехав подальше от города, девушка начала собирать какие-то травы, листья и корешки. Все они не имели ни малейшего медицинского значения, она даже не знала названий многих из них, но окружила сбор каждого растения пышной и замысловатой церемонией. Какое-то время охрана с интересом наблюдала за происходящим, затем им это надоело, и они стали смотреть по сторонам, негромко переговариваясь между собой.

Раб в точности выполнял все ее указания, то и дело бормоча: «Да, госпожа.» Похоже, он очень серьезно воспринял угрозу королевы. К середине дня Фьяна убедилась, в том, что он и правда готов исполнить любые ее приказы...

— Мы закончим на этом, — провозгласила она. Уложив все собранное, они поехали обратно в город. Когда они вернулись обратно на площадь, девушка повернулась к охранникам. — Вы свободны. — Она очень надеялась, что теперь они оставят ее, ведь им было поручено охранять ее только за городом, а не в его стенах. — Пойдем со мной, — велела она рабу.

В сотне шагов от королевского шатра она заставила раба разжечь небольшой костер и начала свои «приготовления».

Фьяна обрезала и нарезала травы, растирала минералы в порошок, что-то жгла и смешивала. Во время всех этих действий, она не прекращала распевать бессмысленные монотонные напевы. И все это время она неотступно следила за королевским шатром.

Один раз оттуда вышел Гассем и презрительно уставился на нее. Один раз появилась Лерисса, с надеждой глядя в ее сторону.

В конце концов, они вышли из шатра вместе, покосились на девушку и удалились по каким-то своим собственным делам. Фьяна только этого и ждала. Шессины, как и обитатели Каньона, были людьми, любящими находиться на свежем воздухе, которые не любили долго оставаться под крышей. Ей было бы достаточно отсутствия и одного Гассема. То, что не будет их обоих — это еще лучше. Она заставила себя выждать несколько минут. Затем поднялась и указала на

корзину со смесью трав и порошков, что стояла рядом на мостовой.

— Возьми это и пойдем со мной. — Как только раб сделал это, она взяла кабо под уздцы и повела к шатру. В тени навеса девушка остановилась.

— Положи это здесь, — велела она. Слуга повиновался. Она оглянулась по сторонам. Никто не обращал на них особого внимания. Она увидела кабо Ансы, который был по-прежнему привязан рядом с другими, и показала на него. — Ты видишь вон того кабо, с рогами, раскрашенными в зеленый и золотистый цвета? Приведи его сюда. — Без единого слова, раб направился в ту сторону. Когда он вернулся, Фьяна указала на кучу, где были свалены оружие и пожитки Ансы. — Оседлай кабо и погрузи на него эти вещи.

Когда все было готово, она села в седло, и взяла в руку поводья второго кабо.

— Очень хорошо, — сказала она рабу, — можешь теперь идти. — Он вновь повиновался без единого слова.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула, затем очень медленно выдохнула, стараясь успокоить готовое разорваться сердце. Фьяна открыла глаза...

Сейчас она либо выиграет, либо погибнет.

Глава двадцатая

Анса сходил с ума от беспокойства. Что задумала Фьяна? Он пытался принять беззаботный вид, но был ошеломлен, когда узнал, что она приехала за ним. Она должна была выехать сразу же после того, как узнала, что он не вернулся с острова. Она не ждала вызова Лериссы. По крайней мере, ему удалось подслушать разговор там, в большой комнате, перед тем, как его выволокли, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. У него было время прийти в себя. У него еще осталось довольно воинской гордости, чтобы не позволить себе предстать перед врагом в глупом виде.

Она и впрямь казалась уверенной в том, что сможет убедить Гассема в своих силах... что она на самом деле может возвращать молодость. Уже не первый раз к нему пришла мысль: *а вдруг это правда?*

Сейчас он лежал, незаметно пытаясь растянуть узлы на руках. Ноги ему связывать не стали, потому что никто не верил, что пленник сможет убежать от шессинов. Запястья были связаны впереди, и он время от времени сжимал пальцы, чтобы они не занемели. Анса не спускал глаз со своей охраны. Те женщины, что дежурили сегодня, были более взрослыми, с суровыми лицами, которые не проявляли интереса к разговору с пленником. Одна держала копье, вторая — топорик. Они почти засыпали от скуки, то и дело вскидываясь, когда с улицы доносился какой-то шум.

— Анса! — поразительно, голос принадлежал Фьяне.

Обе женщины попытались подняться на ноги, но Анса оказался быстрее. Он схватил топорик связанными руками и ударил женщину коленом в подбородок, опрокидывая ее навзничь, прямо на полог шатра. Что-то огромное ломилось через весь шатер снаружи, и вторая воительница уже вскинула руку, чтобы метнуть копье. Через проход, отделяющий его покои от основного помещения, Анса с удивлением увидел Фьяну, которая скакала к нему верхом на кабо, и ведя второго в поводу. Обухом топора он тяжело ударил вторую женщину по голове, и та рухнула без чувств, не успев завершить свой бросок.

Он бросился наружу, ухватился за луку и стремительно вскочил в седло. Фьяна выхватила длинный нож и разрезала его путы.

— Поехали! — закричала она.

Он развернул кабо и бросился вперед, к выходу, Фьяна следовала за ним по пятам. Анса направил своего скакуна к городским воротам, и внезапно обнаружил Гассема и Лериссу, всего в двадцати шагах от себя. Король поднял копье и отвел его назад для броска, с такой стремительностью, которую Анса едва ли видел у другого человека. Подгоняя кабо, Анса обнажил свой длинный меч. Он со свистом вращал клинком, когда рука Гассема устремилась вперед. В последний момент король успел отскочить в оборону и развернул свое огромное стальное копье, чтобы закрыться от падающего меча. Анса никогда бы не поверил, что человеческое запястье может быть настолько мощным, чтобы выполнить это движение.

И все же, защита Гассема оказалась несовершенной. Меч зазвенел, ударяясь о копье и высекая искры, когда соскальзывал вниз по наконечнику. Острие зацепило скулу Гассема, затем устремилось вниз, разрубая ему ключицу. Король повалился навзничь со сдавленным криком, и Лерисса кинулась к мужу, а Анса пытался нанести второй удар.

— Времени нет! — закричала Фьяна. — Поехали скорее!

На площади воины выходили из оцепенения. Через мгновение они ощетинятся копьями... Анса стремглав наклонился вперед с седла и схватил Лериссу за длинные волосы, рывком поднимая ее и закидывая в седло позади себя.

— Держись рядом! — закричал он Фьяне, устремляясь вперед по дороге, что вела с площади к воротам.

— Убрать копья! — донесся сзади чей-то крик. — У него королева! — Гассем с трудом поднялся на ноги и стоял, прижимая руку к окровавленному лицу. Это было последнее, что увидел Анса, прежде чем площадь окончательно скрылась из вида за развалинами.

Одной рукой удерживая Лериссу лицом вниз, а второй сжимая свой меч, Анса был вынужден отпустить поводья. Грохот копыт отражался от разрушенных зданий, а люди, в основном, работающие пленники, рассыпались в разные стороны, освобождая им дорогу. Беглецы промчались через ворота и через весь лагерь, где солдаты остолбенело таращились на них, не делая ни малейшей попытки преградить им путь. Они продолжали нестись галопом еще две мили, и за это время Анса успел вложить меч обратно в ножны и вновь перехватить поводья. На вершине холма они задержались, оглядываясь на разрушенный город.

— Твой кабо не вынесет двоих, — задыхаясь, сказала Фьяна. — Посмотри! — она указала назад. Отряд всадников миновал воинский лагерь и галопом устремился вслед за беглецами.

Лерисса захохотала.

— Мой муж едет за тобой! На этот раз удача отвернется от тебя! Он отдаст тебя своим женщинам, и они будут пытать, а потом съедят тебя. Да, именно это они и сделают. Я видела... — Анса сбросил ее на землю, и Лерисса, даже не подумав подняться на ноги, осталась лежать, с дерзкой усмешкой на губах.

— Я не могу взять тебя с собой, — сказал он, — зато могу убить. — Анса вновь обнажил меч с пятнами крови на острие.

Фьяна посмотрела на него.

— Ты сможешь сделать это?

Лерисса бесстрашно продолжала улыбаться.

— Ну же, давай. Это будет подвиг, достойный великого воина. Скажи своему отцу, что ты убил женщину, которую он любил, и оставил в живых его смертельного врага.

Анса свирепо смотрел на нее некоторое время, затем медленно убрал меч в ножны.

— Нет, я не могу убить тебя.

— Я так и думала. В твоих жилах течет кровь Гейла, и ты такая же тряпка, как и он.

— Не искушай судьбу, — посоветовала ей Фьяна. — В отличие от Ансы, мне незачем тревожиться о воинской чести.

— Беги же скорее к отцу, мальчик, — сказала Лерисса. — Очень скоро мы придем за тобой. — Она повернулась к Фьяне. — А еще раньше мы придем за тобой. Я запомню тебя, девочка. Жаль, что ты предпочла нам этого сопляка...

— Я сказал, что не смогу убить тебя, — сказал ей Анса, — однако я все еще могу позаботиться об остальных. — Он вытащил свой огромный лук и стал натягивать тетиву. Это была непростая задача для человека в седле, но он легко справился с ней. Затем он выбрал стрелу, глядя на приближающихся всадников.

— Нет! — взмолилась Фьяна. — Давай поедем скорее! Они скоро будут здесь...

— Они никудышные наездники, — возразил Анса, — и не умеют стрелять. Пока я буду опережать их хоть на двадцать шагов, я смогу ускользать от них хоть целую вечность!

— Может, ты, и правда, лучший на свете всадник, — отозвалась Фьяна, — но я-то — точно нет. Поехали.

— Погоди еще немного! — Он отъехал на пару шагов, чтобы Лерисса не имела возможности толкнуть его под руку. Всадники были уже почти в пределах досягаемости. Он начал подготовку. Гассема было легко узнать. Он был еще

худшим наездником, чем все остальные, а большое пятно крови, которое украшало его, было заметно даже на таком расстоянии. Естественно, он скакал впереди всех, хотя двое юных шессинов почти нагоняли его. Еще полсотни человек неслись следом, а сотни других метались по лагерю, седлая кабо, готовый присоединиться к погоне.

Анса наложил стрелу на тетиву и поднял лук. Медленно, он начал натягивать его, опытным взором оценивая скорость всадников, направление ветра и все прочие важнейшие условия для выстрела. Большой палец, удерживавший тетиву, коснулся уха стрелка... Он помедлил еще пару мгновений, а затем выпустил стрелу.

Стрела полетела по невероятной, изящной траектории, сначала вверх, а затем стала спускаться. Великолепно, подумал он. Теперь уже ничто не могло спасти Гассема.

Но один из всадников увидел это — и сделал рывок вперед. Он оказался лучшим наездником, чем король, и на более быстром животном. Он свернул в сторону прямо перед Гассемом, как раз вовремя, чтобы принять стрелу в свою грудь. Молодой воин закружился и упал, и всадники, которые скакали позади, включая Гассема, вынуждены были отвернуть в сторону, чтобы избежать столкновения.

С проклятиями Анса вернулся к женщинам.

— Гассем! Всегда кто-то другой умирает вместо него. Ладно, поехали!

Лерисса смеялась.

— Ты не можешь убить нас. Мы еще придем за тобой, когда настанет наш час.

Анса усмехнулся в ответ.

— По крайней мере, я подпортил его красоту. Время сделает с тобой то же самое. Прощай. — Они поскакали прочь, оставили на холме королеву с бледным от ярости лицом.

* * *

Луна, испещренная шрамами, уже всходила на небосводе, когда всадники остановились, чтобы дать передохнуть своим животным. Погоня осталась далеко позади, если Гассем, вообще, решился продолжать погоню.

— Мы должны ехать на север, — сказал Анса. — Они...

— Погоди, — прервала его Фьяна. — Ты хорошо себя чувствуешь? Ты ужде вполне оправился после всего, что тебе довелось пережить?

— Да. Осталась только злость. Но они не пытали меня... только угрожали.

— Хорошо, — она отвела руку назад, размахнулась и ударила его, так сильно, что едва не сшибла с седла.

— За... что... — Он был слишком потрясен, чтобы говорить связно.

— За то, что ты угодил в такую очевидную западню и заставил меня мчаться спасать тебя! — Она ударила его еще раз, почти также сильно. — И за то, что ты смеялся им прямо в лицо, когда мне больше всего было нужно, чтобы ты вел себя покорно и кротко, пока я дурачила их! И я ударила бы тебя еще раз за то, что ты изображал из себя великого воина там, на холме, вместо того, чтобы сбросить эту ужасную женщину сразу же, как только мы отъехали от лагеря, и скорее скакать прочь... но, по-моему, я сломала руку.

— Но я же воин, — только и сказал он.

— Это не значит, что ты должен быть глупцом! Во имя всех сущих духов, Анса, если бы я не любила тебя так сильно, я бы оставила тебя там! Хотя еще не поздно передумать...

Он притянул ее к себе и поцеловал ее так крепко, как только хватило сил.

— Бесстрашная моя! Зачем мне мудрость, когда у меня есть ты? — Он снова поцеловал ее, более нежно, но все так же горячо. Фьяна отпрянула первой.

— Позднее. После того, как мы будем уверены, что оказались в безопасности.

— Никто из нас больше не будет в безопасности! — воскликнул он. — Я как раз собирался сказать, что мы должны ехать на север. Фьяна, они знают, где находится стальная шахта! Каким-то образом шпионы Лериссы обнаружили ее!

— Я из Каньона, а не с равнин, — возразила она. — Нам нет дела ни до вашей стальной шахты, ни до того, кто владеет ею.

— Неправда, — настаивал он. — Ты видела, как силен Гассем. Заполучив нашу шахту, он сможет вооружить свою армию стальным оружием. И кто тогда сумеет устоять перед ним?

— Ох уж мне эти воины! — фыркнула она. — Вы вечно думаете, что дело только в оружии. Это не так, уверяю тебя.

— Они сначала пойдут войной на Каньон, — заметил он. — Он гораздо ближе, чем равнина, и нас отделяет от него пустыня. И кроме того, Лерисса все еще уверена, что твой народ владеет тайной вечной молодости. Она не откажется от своей мечты. Ты и сама знаешь это.

Фьяна вздохнула.

— Вероятно, ты прав. Ну, в любом случае, наш путь лежит через Каньон. Я спрошу совета у Старейшин.

— А потом поедешь со мной на равнины?

— Да, если Старейшины позволят. — Затем она засме-

ялась. — Впрочем, нет. Я поеду с тобой, даже если они запретят!

Теперь уже засмеялся Анса.

— Тогда вперед, на север! — Но прежде чем они тронулись в путь, он вновь обернулся к ней. — Фьяна, скажи мне правду... Сколько же тебе лет, и действительно ли ты способна возвращать людям молодость?

— И не надейся, что я тебе отвечу!..

Она пришпорила своего кабо, и они вдвоем направились на север, озаренные светом израненной луны.

СОДЕРЖАНИЕ

Островитянин
(перевод Натальи Баулиной)
5

Черные щиты
(перевод Натальи Баулиной)

275

Отравленные земли
(перевод Надежды Смирновой)

513

По вопросам оптовой покупки книг
"Издательской группы АСТ" обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги "Издательской группы АСТ" можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140. АСТ – "Книги по почте"

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Робертс Джон Мэддокс

Островитянин
Черные щиты
Отравленные земли

Художественные редакторы И. Богданов, О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Верстка: А. Елистратов
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Мир, лишенный металлов, где достижения цивилизации граничат с самым жестоким варварством, мир луны, раненной Огненными Копьями, и безумных всадников-завоевателей на четырехрогих скакунах... Это Земля Бурь, созданная великолепной фантазией Дж. М. Робертса, мир, где предстоит совершить восхождение от безвестности к вершинам славы и королевской власти пастуху-островитянину Гейлу.

Островитянин
Черные щиты
Отравленные земли

Стальные короли
Владыки земли и моря

ISBN 5-17-016615-X